

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

XLIV Международная
филологическая
научная конференция

10–15 марта
2015 года

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
2015

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

Информация о конференции представлена на сайте
<http://conference-spbu.ru/conference/30/>

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

д. б. н. — доктор биологических наук	к. псих. н. — кандидат психологических наук
д. иск. — доктор искусствоведения	к. т. н. — кандидат технических наук
д. и. н. — доктор исторических наук	к. ф.-м. н. — кандидат физико-математических наук
д. культ. — доктор культурологии	к. ф. н. — кандидат филологических наук
д. п. н. — доктор педагогических наук	к. филос. н. — кандидат философских наук
д. ф. н. — доктор филологических наук	к. э. н. — кандидат экономических наук
д. филос. н. — доктор философских наук	СОШ — средняя общеобразовательная школа
к. иск. — кандидат искусствоведения	Ph. D. — Philosophiae Doctor
к. и. н. — кандидат исторических наук	Pr. Sc. — Doctor of Science
к. культ. — кандидат культурологии	
к. м. н. — кандидат медицинских наук	
к. п. н. — кандидат педагогических наук	

XLIV Международная филологическая научная конференция,
Санкт-Петербург, 10—15 марта 2015 г.: Тезисы докладов. — СПб.:
Филологический факультет СПбГУ, 2015. — 783 с.

978-5-8465-1463-8

Сборник включает тезисы докладов, сделанных на XLIV Международной
филологической научной конференции СПбГУ 10—15 марта 2015 г.

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

ISBN 978-5-8465-1463-8

© Авторы, 2015
© Санкт-Петербургский государственный
университет, 2015

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ДИНАМИКА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XIX В.

Антипина Анастасия Сергеевна,

аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Роль традиций и мифологем русской литературы
в становлении локального городского текста
(Архангельск в сочинениях М. Ф. Истомина
и М. И. Сибирцева)

Рассматриваемые произведения иллюстрируют начальный период формирования Архангельского городского локального текста и литературно-художественного осмысления городского ландшафта.

Художественная реконструкция истории города строится аналогично описаниям возникновения Петербурга в оде XVIII в., с использованием тех же мифологем, мотивов и образов.

Традиции Просвещения и литературы классицизма оказываются востребованы при обращении авторов к темам государственной значимости Архангельска, а традиции сентиментализма — при передаче личностно-субъективного восприятия городского пространства.

Аствацатурова Вера Викторовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о некоторых радищевских мотивах
в поэзии А. С. Пушкина

В пушкинистике проблема отношения А. С. Пушкина к творческому наследию А. Н. Радищева в основном касалась полемики с книгой «Путешествие из Петербурга в Москву». Вместе с тем интерес представляет восприятие Пушкиным Радищева-поэта, в частности, его последнего стихотворения «Осьмнадцатое столетие». В некоторых пушкинских стихах отчетливо заметно несомненное, хотя и завуалированное, присутствие радищевского текста.

При внимательном рассмотрении стихотворения «Царскосельская статуя» обнаруживаются разительные совпадения с первыми четырьмя стихами радищевского «Осьмнадцатого столетия». Одинаковый стихотворный размер (элегический дистих). Первый стих в обоих стихотворениях начинается с одного и того же слова *урна*, причем на него падает не только словесное, не только метрическое, но и эмфатическое ударение. Повтор-стык слова *дева* (предпоследнее слово в первом стихе — первое слово во втором стихе) аналогичен повтору-стыку слова *капли* в радищевском тексте. Оба эти слова состоят из одинакового числа слогов (двусложные), в обоих ударение падает на первый слог, оба при повторе находятся на тех же местах. Непосредственно после цезуры на седьмом слоге гекзаметра у Пушкина следует слово *изливаясь* (у Радищева — *изливают*, но такое же число слогов и ударение падает на третий слог). В четвертом стихе обоих текстов слово *вечный*, у Пушкина повторенное дважды.

Возникает вопрос: что может быть общего между пушкинской изящной «анфологической» миниатюрой экфрастического характера, с одной стороны, и радищевским стихотворением с глубочайшим историко-философским охватом великого, кровавого XVIII столетия, с другой?

В стихотворении Радищева поднимается проблема времени и вечности. Стихотворение начинается со сравнения времени с каплями, ручьями и реками, а моря — с неподвижной вечностью. В пушкинском стихотворении, по мнению большинства исследователей, «вечность» воплощается одновременно в движении (*струя*) и в неподвижности (*дева* <...> *вечно печальна сидит*).

Исходя из этих наблюдений и толкований, можно предложить следующее толкование смысла интертекстуальности пушкинского текста. Первое — вопрос об *урне*. С известной долей осторожности можно предположить, что *урна* — отсылка к радищевскому тексту. «Урна с водой» это не пушкинский образ, а радищевский, в этой урне — «капли», которые потом «в ручьи собрались». Второе — вопрос о *вечности*. У Радищева *вечность* — это море, неподвижная вода (образ достаточно традиционный), это мотив забвения. У Пушкина *вечная струя* — это движущаяся вода, поток (образ необычайно индивидуальный). Если, по Пушкину, *вечность* — это вечное движение, фактически жизнь, то значит, смерти нет, нет и забвения, а есть идея бессмертия и вечной памяти.

Большев Александр Олегович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Русский текст мировой литературы:

к постановке проблемы

В конце прошлого века замечательный отечественный литературовед В. Н. Топоров ввел в научный обиход термин «Петербургский текст». Сегодня изучением феномена Петербургского текста активно занимаются российские и зарубежные исследователи. (Отметим, что вслед за научными трудами, посвященными Петербургскому тексту, в гуманитарном сооб-

ществе ожидаемо возникли аналогичные концепты: «Московский текст», «Одесский текст», «Кавказский текст» и т. д.) В трактовке Топорова, Петербургский текст представляет собой совокупность произведений, которые, будучи написанными разными авторами в разное время, могут быть, однако, прочитаны как единый в своих основах сверхтекст; это ряд фиктивных миров, которые, коррелируя друг с другом, образуют художественное целое — мистическое резонансное пространство, по которому бродят тени Германна и Поприщина, Раскольников и Мышкина. Но если мы, вслед за Топоровым, признаем факт несомненного существования системы инвариантных тем, мотивов и коллизий, именуемой Петербургским текстом, то почему бы не задуматься о параметрах и свойствах более масштабной фикционально-резонансной структурной целостности — *Русского текста мировой литературы?*

Чтобы разобраться в особенностях Русского текста как единой целостной структуры, необходимо прежде всего выявить ключевые сущностные принципы и базовые ценности, составляющие основу российского национального бытия. Представляется, что очень точно сумел раскрыть основополагающую коллизию, которая является доминантой нашего менталитета и главным регулятором нашей истории, Н. А. Бердяев. Этот философ указал, что русский народ всегда отличала «устремленность к трансцендентному», в силу чего он не был поглощен «жаждой земной прибыли и земного благоустройства». Алгоритм нашего бытия в значительной мере обусловлен именно фактором неукорененности в житейской сфере существования. Все тот же Бердяев очень точно назвал Россию «страной бытовой свободы». Русский текст с известными оговорками можно охарактеризовать как совокупность историй о том, как всевозможные попытки достойных, талантливых людей добиться земного благоустройства — т. е. карьеры, жизненного успеха, любовно-семейного счастья, материально-хозяйственного изобилия и т. д. — раз за разом оборачиваются неудачами. Если же все складывается хорошо, благополучие все равно оказывается неполным, относительным, временным: счастье обнаруживает ущербный и «животный» (Л. Н. Толстой) характер. В Русском тексте можно выделить несколько относительно самостоятельных линий в соответствии с тем, с какими именно факторами сталкиваются герои, пытающиеся гармонизировать свое существование. В первую очередь отметим «почвенническую» разновидность Русского текста. К ней относится ряд ситуаций, где герой-интеллектуал по ходу развертывания сюжета, основу которого составляют вышеупомянутые попытки добиться земного благоустройства, вступает в соприкосновение с обстоятельствами или лицами, воплощающими стихийные народно-национальные начала.

Возможно вычленение в качестве самостоятельной линии Русского текста ряда историй о «лишних людях». Ситуация метаний героя-интеллектуала, тщетно пытающегося отыскать свое место в окружающем мире, при всей ее социально-исторической локализации, обретает в русской классике XIX в. универсально-символический смысл, олицетворяя напряженные попытки России отыскать собственную национальную идентичность.

Бушканец Лия Ефимовна,

д. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

А. П. Чехов как «Фет в прозе»

К проблеме «А. П. Чехов и поэзия чистого искусства» литературоведение обращалось лишь эпизодически. Прежде всего, исследователи обращали внимание на то, что восприятие А. А. Фета Чеховым происходило в контексте «отрицательной мифологии» поэта в 1880–1890-е гг., что привело к пародийному переосмыслению образов «нежного поэта» в его юмористическом творчестве. Однако ряд работ в последние годы был посвящен анализу общих особенностей поэтики Фета и «серьезного» творчества Чехова — отдельных пейзажных образов и мотивов; было также отмечено, что позднему Чехову близки морально-этические проблемы, выдвигаемые и решаемые в лирике Фета. Есть и другие параллели. Так, принципы пространственного построения зрелых рассказов Чехова (особенно внимание при изображении ночного мира к звездам, луне, огням, запахам как знакам манящего вдаль пространства) близки фетовским. Особенно интересно совпадение отдельных важных деталей. В литературоведении не раз отмечалось включение в художественный мир Фета звуков, которые ранее считались непоэтическими; так и у Чехова «звуки ночи» — это пение соловья, треск кузнечиков, крики дергачей, кваканье лягушек и зовущий в дорогу свист далекого поезда. У Фета чувство близости к природе в его поздних стихах «расширяется до пределов космического чувства», причем образной приметой этой темы всегда является образ звезд. Близкое к этому восприятие мироздания определяет значимость пейзажных отступлений в рассказах Чехова, функция которых принципиально отличается от функции пейзажных элементов в современной ему беллетристике. В целом в сфере образов и мотивов между прозаиком и поэтом обнаруживается гораздо более пересечений, чем это представлялось ранее.

Однако ключевыми в плане динамики литературного процесса нам представляются более важные и глубинные взаимодействия. Несмотря на то, что творчеству Чехова посвящены десятки тысяч работ, есть очевидные лакуны в области исследовательского внимания к писателю. Прежде всего это принципы организации повествования, которые «не поддаются» традиционным литературоведческим методикам. Не случайно в школьном и вузовском вариантах литературоведения Чехов предстает непонятным или, на фоне Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, бессодержательным. И только в последние годы благодаря нарратологическим исследованиям — в том числе Санкт-Петербургской школы (В. М. Маркович, А. Д. Степанов, И. Н. Сухих, А. А. Карпов и др.) — определились качественно новые пути анализа чеховской прозы.

Чехов, рассказы и особенно драмы которого строятся по законам лирического текста, близок Фету в сфере поисков повышения суггестивности текста, в данном случае прозы. Не находя нужных слов, современная писателю критика и литературоведение XX в. говорили о «музыкальности» его произведений, имея в виду именно суггестивность. Отсюда ощущения мно-

гих зрителей и читателей Чехова, закрепленные в мемуарах и критических отзывах, что его произведения, даже вопреки их желаниям, действуют на них гипнотически. К поиску приемов, определяющих суггестивность текстов Чехова, обращался А. Дерман, который, правда, трактовал эти особенности повествования негативно. Несомненно, что соответствующие поиски Чехова были совершенно осознанными и опирались на тщательное изучение психологии, специфики воздействия церковного богослужения, возможностей музыки, а также поэзии, в том числе поэзии Фета. Результатом этого стало то, что проза Чехова для современников по сути заменила поэзию («проза как поэзия» по В. Шмиду) в непоэтическую эпоху и предвосхитила бурный всплеск поэзии рубежа веков.

Гельфонд Мария Марковна,

к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (филиал в Нижнем Новгороде)

Жанр рассказа в стихах: генезис и типология

Ряд современных исследователей (Д. М. Магомедова, О. В. Зырянов) с опорой на жанровые концепции Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова, выделяют жанр «рассказа в стихах» как «неканонический гибридный лирический жанр», возникающий в результате распада системы лирических жанров и в процессе прозаизации лирики. Формирование данного жанра происходит несколькими путями, каждый из которых оставляет свой жанровый «след»: притча — итоговую сентенцию; прозаический рассказ или физиологический очерк — фабульность, объективацию, привнесение чужого слова; стихотворная повесть или роман в стихах — разграничение сюжетного события и «события рассказывания».

Несмотря на ряд общих черт между произведениями жанр «рассказа в стихах» внутренне неоднороден; его типология во многом определяется генезисом. Так, в лирических рассказах романного типа, как правило, усиливается не только повествовательное, но и лирическое начало. Такие рассказы в стихах предполагают либо композиционную «раму» (Н. А. Некрасов «В дороге»), либо повествование от первого лица, в которых автобиографическое начало проступает даже сквозь «ролеву лирику» (Н. А. Некрасов «Еду ли ночью по улице темной...»). Стихотворные рассказы, оттапливающиеся от жанровой модели притчи или «рифмованной легенды» (Е. А. Боратынский «Мадонна»), отличаются некоторой условностью фабулы и обязательной финальной сентенцией. Перенос на стихотворную почву малых эпических жанров (фельетона, рассказа или физиологического очерка) практически выводит произведение за границы лирики (Н. П. Огарев «Обыкновенная повесть»).

Лирическая природа «рассказа в стихах» определяется несовпадением двух основных событийных рядов: фабульной событийности и «события рассказывания». Подлинным лирическим потенциалом обладает именно второе. Нарративность лирического произведения оправдывается авторской субъективностью. В то же время резкое преобладание фабульного

начала при ослаблении лирического практически подводит данный жанр к кризису середины 1880-х гг. и объясняет равнодушие к нему старшего поколения символистов.

Новую жизнь жанр «рассказа в стихах» получает в творчестве И. Ф. Анненского. Его дальнейшее развитие связано с творчеством А. А. Ахматовой, В. Ф. Ходасевича и других поэтов постсимволистской эпохи.

Зубков Кирилл Юрьевич,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Цензура и критика в России середины XIX в.: проблемы взаимодействия

В докладе рассматриваются некоторые случаи взаимодействия цензуры и критики в России середины XIX в. Внимание сосредоточивается не на хорошо известных случаях запрета той или иной статьи, а на более частых, хотя и привлекавших меньше внимания исследователей, попытках цензоров использовать аналитический инструментарий литературной критики. В простейших случаях цензоры могли прямо заимствовать формулы у критиков (запрет одной из статей Ап. Григорьева мотивировался буквальной цитатой из журнальных оппонентов, называвших сочинения критика «комедией»). В более сложных случаях цензоры отсылали к сложившимся в критике интерпретативным ходам (пьесы А. Н. Островского как «темное царство»). Наконец, многие цензорские заключения, особенно в драматической цензуре, в обязательном порядке содержали элемент эстетической оценки. Литературная критика и цензура, как будет показано в докладе, существовали не столько в состоянии антагонизма, сколько в состоянии сложного взаимодействия. Критика выступала в качестве одного из основных способов «перевода» смысла литературных произведений на рациональный язык, который мог использоваться правительством для контроля над литературой. Однако шел и обратный процесс: сам этот контроль осуществлялся методами, заимствованными у литературы, а потому контролирующей литературу институт цензуры не мог остаться нейтральным и объективным, неизбежно включаясь в историко-литературный процесс в качестве не только внешней давящей силы, но и одного из участников этого процесса.

Кардаш Елена Валерьевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник,

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

«Не пой...»: образы печальной памяти в литературе первой трети XIX в.

Стихотворение А. С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне...» (1828) традиционно рассматривается как поэтическая репрезентация конкретного эпизода авторской биографии. Соответственно, исследователи, как

правило, уделяют преимущественное внимание поиску прототипов и уточнению фактов, предположительно легших в основу лирического сюжета (см., например: [Бартенев, 1914. С. 28–29; Цявловский, 1962. С. 383–384, 386–389; Иезуитова, 1974. С. 133–136]). Несмотря на недостаточную доказательность в данном случае буквальных биографических атрибуций и параллелей (см.: Есипов, 2002. С. 106–108), произведение практически не изучалось в качестве составляющей историко-литературной и культурной реальности пушкинского времени. Эту лауну и призвано восполнить мое исследование.

Пушкинское стихотворение рассматривается здесь как пространство сопряжения и взаимодействия целого ряда литературных мотивов, связанных с образом печальной памяти как объектом культурной рефлексии. Эти мотивы формируют актуальный для пушкинского текста сюжет, основой которого служат отношения между песней (маркером коллективной национальной или религиозной идентичности, носителем и транслятором памяти об историческом прошлом или индивидуальном событийном или эмоциональном опыте), исполнителем и слушателем. Конструктивными моделями этого сюжета, вариативно реализуемого в литературе пушкинской эпохи, выступают, среди прочего, библейский псалом «На реках вавилонских» (Пс. 136: 1–6) и эпизод первой песни «Одиссеи» (ст. 336–344), в котором Пенелопа просит кифариста Фемию прервать песню о возвращении ахейцев из Трои, пробуждающую в ней болезненные воспоминания. Источником проблематизации служит напряжение между разными представлениями о функции и природе песни; между картинками мира исполнителя и слушателя; между коллективной и индивидуальной реальностями. Примечательно, что к пушкинскому времени последняя оппозиция начинает размываться. Память нации трактуется как производное эмоциональной природы человека, тяготеющей к меланхолии. Соответственно, печальная песня, ассоциирующаяся с образом страны, утраченной лирическим героем, предстает, с одной стороны, транслятором коллективной памяти (см., например: [Chateaubriand, 1834. P. 437]), а с другой — средством консервации и воссоздания индивидуального опыта. Благодаря этому обозначенный сюжет приобретает возможность реализации с помощью устойчивых «формул» поэтического языка пушкинской эпохи, обладающих собственной историко-литературной и сюжетной традицией (репрезентация воспоминания как видения; воспроизведение облика утраченной любви в чертах новой возлюбленной и т. п.). Иными словами, пушкинский текст концентрирует в себе целый ряд актуальных для эпохи литературных мотивов и культурных представлений, имеющих принципиально разную природу, ориентированных на разные традиции и, соответственно, вступающих в неоднозначное динамическое взаимодействие.

Литература:

1. *Бартенев П. И.* Пушкин в Южной России. М., 1914.
2. *Есипов В. М.* «Печаль моя полна тобою...»: (Обзор комментариев) // Московский пушкинист. М., 2002. Вып. 10.

3. *Иезуитова Р. В.* «Не пой, красавица, при мне...» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х гг.: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974.
4. *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962.
5. *Chateaubriand F.-R. de Œuvres complètes.* Paris, 1834. Т. 3.

Карпов Александр Анатольевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

«Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь» В. С. Печерина в интертекстуальном освещении

Пушкинский «Пир во время чумы» был опубликован в 1832 г. Воспринятый как обычный перевод, он в те годы не вызвал интереса критиков. Тем примечательнее, что в творчестве современников Пушкина его «маленькая трагедия» почти сразу нашла живой отклик. Свидетельством тому являются, в частности, «Ученое путешествие на Медвежий остров» Барона Брамбеуса (О. И. Сенковского), «поэтическая картина» «Последний день» А. В. Тимофеева, «Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь» В. С. Печерина.

Зависимость драматической поэмы Печерина от «Пира во время чумы» уже была зафиксирована в научной литературе (В. С. Киселев-Сергенин), однако характер связи обоих произведений сколько-нибудь подробно еще не рассматривался. Не отмечалось также, что у своеобразного сочинения Печерина имеются и другие претексты: баллада Жуковского «Эолова арфа», повесть В. Одоевского «Новый год», стихотворения «Небесный огонь» В. Гюго и «Петроград» С. Шевырева. Интерес представляет жанровая форма «Чего хочешь, того просишь», одновременно ориентированная на традиции мистерии, немецкой романтической комедии и французских литературных попури. Наконец, значительный интерес представляют параллели между поэмой Печерина и «Медным всадником» Пушкина, заставляющие вернуться к вопросу о творческой истории и времени создания печеринского текста.

Кондо Масао,

преподаватель, Кансайский университет (Суйта, Осака, Япония)

Образ храма в рассказе Чехова «Студент»

Рассказ А. П. Чехова «Студент» был опубликован в 1894 г. после поездки автора на Сахалин. Произведение характеризуется крайней переменой в психике героя и лаконичностью формы.

В начале рассказа герой, Иван Великопольский, студент духовной академии, был подавлен и угрюм от холода, пустынной местности вокруг и голода перед Пасхой. В общем, он представляется не таким уж серьезным богословом. Несмотря на Великую Пятницу, когда в церкви идут службы, он шел с охоты. Иваном владело пессимистическое настроение. Он думал о том, если и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре были такие же ужасы, как сейчас, то жизнь не станет лучше. Эти три исторических

лица намекают не только на вечность, но и на пространство всей России, от края до края.

Но пессимизм Ивана проходит после разговора с двумя вдовами о евангельском рассказе, описывающем троекратное отречение Петра. Это приводит Ивана к целому жизненному пути. Событие, которое произошло девятнадцать веков назад в саду и во дворе первосвященника, связалось с настоящим событием у костра на огороде прямо перед глазами Ивана.

Таким образом, в одном из самых коротких произведений Чехова оказалась сосредоточенной бесконечность времени и пространства.

Перемена в психике Ивана уже получила подробное объяснение на основе духовного содержания текста. Например, символический смысл таких слов, как «пустыня», «костер» и «река» истолкован с точки зрения духовных интерпретаций слов, метафор, символов и т. д.

Но откуда берутся эти места и что дает возможность связать их с анализом с духовной точки зрения? Это передвижение тела Ивана. Без физического передвижения Ивана расположенные отдельно друг от друга места не составили бы целый пейзаж, который играет важную роль для анализа перемены в психике Ивана. Радость заволновалась вдруг в душе Ивана, но эта перемена возникала постепенно с передвижением тела.

Здесь мы рассмотрели связь передвижения тела Ивана с духовными пониманиями слов, метафор и символов и выяснили архитектурную основу в рассказе.

Почему Ивану, развлекавшемуся охотой в Великую Пятницу, не хотелось идти домой? С точки зрения композиции рассказа, Чехов хотел заставить Ивана идти в одном направлении. Куда?

«Подул с востока холодный пронизывающий ветер» и у него «разгорелось от ветра лицо». Лицо Ивана направлено против ветра, значит, Иван шел на восток. И от костра, все еще чувствуя «жестокий ветер», он пошел дальше, оглянулся на «одинокий огонь» и поглядел с горы на запад в лес.

Чехову нужно было провести Ивана с запада на восток. Почему? Для того чтобы Иван сблизился с душой Петра, с создателем Церкви.

Иван переплыл на пароме через реку и потом поднялся на гору.

Паром ассоциируется с церковью. Апостол Петр, создатель Церкви, был рыбаком, и на его лодке Иисус Христос переплыл через озеро.

Река — место крещения. Она связывает верхний мир (гору) с нижним миром (морем), и вода, упавшая в море, испарится и сольется на гору.

Если можно дать символические толкования и пустыне, и костру, и парому, то нельзя ли считать реку символом иконостаса, который вечно связывает два мира: Ветхий и Новый заветы и одновременно разделяет два мира: среднюю часть и алтарь, восточный край которого называется горным местом? Иван поднимался на гору потому, что «храм есть путь горного восхождения» (П. Флоренский). Поэтому здесь произошла огромная перемена. Размышление о правде и красоте, направлявших до сего дня человеческую жизнь на земле, совмещается с видом на родную деревню, зарю. Это Иван переступил через царские ворота в алтарь.

«Иконостас есть граница между миром видимым и миром невидимым» (П. Флоренский).

Таким образом, по мере того, как Иван, которому был близок Петр, передвигается на восток, в рассказе является образ огромного храма. Это не только Иван, но и Чехов почувствовал в себе Петра, создателя Церкви.

Обнаружение структуры храма в рассказе позволяет сильнее связать духовные толкования с анализом содержательной стороны всего произведения.

Курочкин Александр Валентинович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Воззрения графа Д. И. Хвостова на вопросы литературной критики

Вопрос о графе Хвостове-критике пока не поднимался в исследовательских работах. Вошло в традицию представлять знаменитого графомана пародической личностью, а его воззрения на литературу и критику едва ли достойными внимания. Между тем мнения графа представляют определенный интерес для характеристики всего литературного процесса его времени. «Славный фельдмаршал прошедшего столетия граф Миних писал к Екатерине II, что он снимает шляпу пред всякою баркою, плывшею по Ладожскому каналу. Я, подобно сему Великому мужу, рад кланяться каждому основательному разбору, касающемуся до российского сочинения», — признавался Хвостов в одном из своих писем. На его глазах менялись стили и направления. Проживший долгую жизнь, «поэт, любимый небесами» (как иронически характеризовал его Пушкин) до конца дней интересовался литературой. Хвостов верил в объективную истину в искусстве, а задачу критики видел в непредвзятом подходе к литературному произведению. Являясь сторонником классицистического направления в литературе, Хвостов считал четкое следование предписываемым правилам залогом истинной оценки литературного творчества. Граф полагал, что «критика беспристрастным судом своим оценивает дарование разбираемого ею писателя, определяет силу слов и расположение речи по правилам языка, она обуздывает всякое гибельное для словесности нововведение, которое впоследствии времени обращается во вред общественный. Изящный вкус основан на правилах, извлекаемых просвещенными мужами из творений великих писателей и на самой природе. Малейшее удаление от границ ее вредно для истинного вкуса и народного языка».

Хвостов характеризует идеального сочинителя так: «Истинный писатель, одаренный светом любознания, воспитанный благородными чувствами, сражаясь в сочинениях своих против пороков, проповедует современникам и потомству добродетель. Вот его подвиг! Он совершает оный, свободно паря по пространству мира зримого духовного, и не расставляет по тщеславию сетей для уловления ближних». Определенный интерес пред-

ставляет оценка Хвостовым и собственных творений. С течением времени литературная активность Хвостова-критика, проявлявшаяся в полемических выступлениях начала XIX столетия, постепенно угасает. В пушкинскую эпоху граф больше созерцает течение литературного процесса, чем участвует в нем. В архиве Хвостова сохранились его заметки о современном состоянии литературы. Свои наблюдения Хвостов намеревался включить в собрание сочинений, назвав их «Записками о словесности». Смерть помешала ему осуществить задуманное.

Овчарская Ольга Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

«Малая пресса»: шаблон, повтор, автоповтор

Характерными чертами массовой литературы называют шаблонность, повторяемость сюжетов, ситуаций, характеров. В таком пласте массовой литературы, как «малая пресса» (юмористические еженедельные журналы и юмористические разделы газет второй половины XIX в.), эти принципы в полной мере отразились на разных уровнях текста. Произведения «малой прессы» представляют собой довольно однородную литературную продукцию, мало отличающуюся от автора к автору. И сами авторы в своем творчестве часто прибегают к автоповтору: это может быть и переделка одного произведения в другое с самыми незначительными изменениями (например, из драматической сцены в рассказ, ср.: «Калхас» и «Лебединая песнь» Чехова, драматический этюд «Последнее средство» и одноименный рассказ Г. А. Хрущева-Сокольников), и повтор частей текста (ср.: «Из записок вспыльчивого человека» и «Злоумышленники» Чехова), и повтор на уровне отдельных шуток и тропов. Автоповтор настолько частое явление, что он даже используется для определения авторства распространенных в «малой прессе» анонимных текстов (см.: Евсеев Д. М. Чеховские «мелочишки». М., 2010). В докладе сделана попытка рассмотреть разные типы повторов в ранних текстах А. П. Чехова и писателей «чеховской артели», определить, внешними или внутренними литературными факторами они обусловлены.

Отрадин Михаил Васильевич,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

«Забавное» сделать комическим.

Юмор в романе И. А. Гончарова «Обрыв»

Трех главных героев своих романов И. А. Гончаров наделил общим свойством: все они в большей или меньшей степени обладают художественным видением мира. Александр Адуев и Борис Райский стремятся реализовать себя именно как писатели. В обоих романах возникает параллель: так пишет герой (тут важны и жанр, и стиль, и способность

к психологическому объяснению человека), а так — сам автор романа. Смена жанров в творчестве Александра Адуева говорит о его движении к роману. Но романа он не напишет, как и герой «Обрыва» Райский. Русская жизнь, описанная в «Обрыве», в значительной части дается через восприятие Райского. То, что он видит, фиксирует, что у него остается лишь заметками, набросками, у Гончарова прекращается в роман. Оригинальность замысла не в том, что герой пишет роман; уникально то, что герой и автор работают на одном материале. Понять философию художественного творчества Гончарова нельзя, не осмыслив, какое значение в его романах имеет искусство комического. Комическое у Гончарова точнее всего можно определить как «юмор». Юмор обнаруживает что-то положительное, какие-то элементы идеала в самом объекте, в комически изображенной действительности.

В третьем романе Гончарова мы находим различные модусы художественности, юмору отводится субдоминантная роль в развитии драматических и трагических тем. Здесь есть страницы, на которых комическое уходит на дальний план или исчезает совсем. Райский — образ в значительной степени автобиографический. Именно комическое начало должно показывать читателю, что перед ним объективированный герой, отстраненность от которого автора «Обрыва» может сокращаться, но никогда не исчезает. Гончаров писал, что, работая над этим произведением, стремясь дать «анализ природы художника», он учитывал опыт Гёте. Ганс Роте отметил в творчестве Гончарова «внутреннее родство с гётевским восприятием искусства». Следует рассмотреть проявления таланта Райского в свете эстетических идей немецкого писателя. В связи с Райским речь идет о трех мотивах сюжета, которые можно условно обозначить так: познание себя; познание «другого»; познание окружающего мира, людей. Литературная практика, в частности проза Стерна, автора «Сентиментального путешествия», показала, к каким неожиданным результатам может приводить носителя рационалистического и сентиментально-этического сознания стихия «страсти». В истории, случившейся в доме Ульяны Андреевны, неожиданные для рассудка проявления «натуры» человеческой оборачиваются испытанием для Райского и как друга Козлова, и как писателя. Непредсказуемость, загадочность Веры часто ставит в тупик героя, претендующего на глубину и полноту романного видения.

Юмор определенным образом взаимодействует с трагическим началом. О «трагикомическом» таланте Гончарова одним из первых стал размышлять К. Н. Леонтьев. Суть ситуации, в которой оказалась Вера, Д. С. Мережковский выразил так: «Трагизм ее положения заключается в том, что она не принадлежит всецело ни прошлому, ни настоящему». Тема нравственного подвига в заключительной части романа развивается крещендо, и автор хочет убрать наметившийся перекося с помощью юмора. Юмор позволяет ему сделать то, что не удастся герою: «забавное» сделать комическим» (П. М. Бицилли), т. е. функционально включить смешную подробность в сюжет. Решив писать роман о Вере, Райский думает: «Прочь все лишнее... весь балласт в сторону!» Но без «балласта» комических компонентов сюжета не было бы романа «Обрыв».

Рипинская Елена Викторовна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Рудин, Райский и Марк Волохов
(к вопросу о структуре литературного характера)

Вопрос о литературном характере: его природе и структуре при ближайшем рассмотрении оказывается недостаточно разработанным. Длительное господство традиции изучения литературы с точки зрения общественных процессов определило понимание литературного характера как формы объективации, способа отражения неких характерных социальных явлений или тенденций. При этом собственно литературная специфика категории характера ускользала из поля зрения.

Идея (художественной) организованности характера проводится в работах Л. Я. Гинзбург [Гинзбург, 1977]. Ю. В. Манн, вводя понятие «структуры характера», показывает собственно литературные механизмы его построения [Манн, 1987]. В докладе на основании сравнительного анализа романов И. А. Гончарова «Обрыв» и И. С. Тургенева «Рудин» мы предложим понимание характера как единицы образного уровня, формирующей свое «значение» в фокусе преломления литературных форм и традиций. Сопоставление двух романов показывает большое количество общих образов и текстуальных совпадений. Общие «структурные элементы», образующие, с одной стороны, характер Рудина, а с другой стороны, характеры Райского и Волохова (помимо совпадения чисто «фабульной роли» всех трех героев по отношению к главной героине) наводят на мысль о сознательной или бессознательной ориентации Гончарова на роман Тургенева.

Рассматривая общие элементы, можно прийти к выводу о характере изменений: противоречивость построенного на оксюмороне тургеневского характера оказывается в «Обрыве» как бы поделена между двумя противостоящими персонажами. При этом внешняя «простота» гончаровских характеров сочетается с большей сложностью их психологической разработки, что можно показать, проследив способы раскрытия и решения общих литературных схем. Совпадения позволяют определить и область различий. У Тургенева обозначенные элементы формируют образ главного героя. Его противоречивость является тем центром, из которого вырастает конфликт и весь роман. В «Обрыве», лишаясь связности и связанности как элементы построения цельного характера, они превращаются в свободные мотивы, текстовые элементы, — образующие уже не характер героя, а структуру (и фактуру) текста.

Тем самым в последнем романе Гончарова мы наблюдаем не только разрушение центричной персонажной структуры, но и фактическое разрушение типа литературного характера, сформировавшегося в 1840–50-е гг., который, как представляется, и лег в основу понятия литературного характера-типа в литературоведении. Исторический подход к проблеме психологизма и изображения характера, а также привлечение литературного контекста показывает принципиальную взаимную ориентацию образов, характеров и фабульных линий — как явление, составляющее природу

художественного знака. Это позволяет судить о том, что в творчестве Гончарова доводятся до предела возможности изображения человека в духе реализма «натуральной школы» и намечается движение к принципиально иному представлению характера, близкому открытиям Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

Литература:

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977.
2. Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. М., 1987.

Церняк Уршуля,

д. ф. н., научный сотрудник, Академия им. Яна Длугоша в Ченстохове (Польша)

Не все дороги ведут в (Третий) Рим.

Записки и воспоминания русских католиков XIX в.
как свидетельства духовных исканий
верноподданных России

«Tous les chemins conduisent à Rome», — записал по-французски в сочинении «Оправдание моей жизни» Владимир Сергеевич Печерин, навсегда покинувший Россию в 1836 г. и ставший католическим монахом.

Эта старая поговорка отсылает к истории Древнего Рима, жители которого, стараясь удержать завоеванные ими земли, строили дороги, соединявшие провинцию с метрополией, чтобы быстро доставлять подати и перемещать по ним войска в случае войны. Таким образом, приведенное Печериным выражение имело в древности буквальный смысл — все дороги, построенные римлянами, вели, естественно, только в Рим. Так повелось, что во всякой империи, в любом строго централизованном государстве, дороги не могут не вести в столицу. Целесообразно вспомнить здесь роман Л. Н. Толстого «Война и мир», в котором посол императора Александра Балашов на вопрос Наполеона, какая дорога ведет в Москву, отвечает: «Как всякая дорога, по пословице, ведет в Рим, так и все дороги ведут в Москву». Высказывание Балашова может служить метафорой религиозных отношений в Российской империи XIX в. с Москвой как центром православия, возведенного законом в ранг веры «первенствующей и господствующей» по всей стране. Закон запрещал переход из христианских исповеданий в нехристианские. Также переходы из православия к «инославным» (неправославным христианам) воспрещались и наказывались, поэтому и уход из православия в католичество преследовался законом. Несмотря на все политико-юридические обстоятельства XIX в. ознаменовался несколькими волнами обращений русских в католичество. Многие из конвертитов оставили интересные и до сих пор мало изученные воспоминания, письма и записки, проливающие свет как на мотивы их ухода в католичество, так и на их отношение к России, в которой они считались изменниками и предателями.

В настоящем докладе будут проанализированы разные эго-документы, хранящихся в наследии русских католиков. Они написаны как на русском,

так и на французском языках. Особенное внимание будет уделено трем авторам: Софье Свечиной, Ивану Гагарину и Владимиру Печерину. Их автобиографические тексты позволяют составить представление о духовных переживаниях «отступников» от православия, а также переосмыслить вопрос отношения русских эмигрантов XIX в. к России и ее месту в цивилизации Европы.

Чуркин Александр Александрович,

к. ф. н.

Трансформация светских жанров в духовной прозе св. Игнатия Брянчанинова

Российская империя в первой половине XIX в. была государством словесным; при этом два «образованных» сословия, дворянство и духовенство, были по сути дела изолированы друг от друга, представляли собой замкнутые сообщества, внутри которых формировалась собственная культура. Свт. Игнатий (Брянчанинов) был настоятелем Троице-Сергиевой пустыни, особенно популярного среди петербургской аристократии монастыря, в силу чего этот культурный раскол сказывался на его жизни и творчестве с особой силой.

В 1846 г. свт. Игнатий оказался вовлечен в придворный конфликт, из-за которого он подал императору прошение об увольнении на покой с должности настоятеля. Стиль и содержание этого прошения, озаглавленного позднее при публикации «Плач мой», выходят за рамки делового текста: формальный послужной список трансформируется автором в рассказ о духовных исканиях, заявление об увольнении — в апологию православного монашества. В русской литературе XIX в. трудно подобрать аналог этому произведению: поэтика его являет особый синтез традиций исповедальной и учительной литературы, со светскими деловыми и автобиографическими жанрами.

Прощение об увольнении не было принято Николаем I, но он отпустил свт. Игнатия в длительный отпуск. Время отдыха святитель посвятил литературной деятельности. Наиболее значительным произведением, написанным им тогда, является «Иосиф. Священная повесть, заимствованная из книги Бытия». Поводом к его созданию стало сильное впечатление от «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова: роман «об эгоисте» породил у свт. Игнатия желание написать в противовес ему повесть с положительным персонажем и содержанием. Он поставил перед собой задачу создать современное литературное произведение на религиозную тему, поэтому отличительной его особенностью стало специфичное сочетание в тексте мотивов, свойственных светской и православной духовной литературе. Оба рассматриваемых текста отличает ярко выраженная авторская позиция, личностное начало, выделяющие свт. Игнатия среди других русских церковных писателей. Произведения «Плач мой» и «Иосиф» являются свидетельством того, как в своем творчестве он искал пути преодоления культурного и межсословного раскола в России того времени.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ XVIII В.

Алексеева Оксана Витальевна,

к. ф. н., преподаватель, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Торжественная ода XVIII в.: сенсорный код

В торжественной оде М. В. Ломоносова традиционные риторические модели (Золотой век и умирающий и воскресающий герой) метафорически разворачиваются в грандиозную одическую модель мира, но наряду с ними заявляет о себе новая система поэтической образности, реализующая в индивидуально-авторской метафоре непосредственное отношение поэта к жизненному опыту. В торжественной оде В. П. Петрова сенсорный код представлен в основном не на метафорическом, а на непосредственном, чувственном уровне. Доминантным оказывается звуковой ряд. Восприятие од Петрова определяется во многом их звучностью — при том, что опосредованный этими звуками мир петровских од нельзя назвать звучащим.

Бухаркин Пётр Евгеньевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Стилистические проблемы

«Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова

Несмотря на многочисленные упоминания об определяющей роли М. В. Ломоносова в формировании русского литературного языка середины XVIII в., его реальный вклад в процессы языкового развития далеко не ясен.

Для определения значения языка Ломоносова (а не его лингвистических теорий) в истории русского литературного языка необходимы конкретные исследования созданных им языковых памятников.

Рассмотрение стилистической структуры «Краткого руководства к красноречию...» в аспекте истории русского литературного языка позволит выявить стилистическую многоплановость ломоносовского текста и увидеть формирование в нем оппозиции «язык науки — язык поэзии».

Волков Сергей Святославович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Матвеев Евгений Михайлович,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

«Далече простирающиеся аллеи»: к проблеме референции в стихотворных надписях М. В. Ломоносова

В докладе анализируются тексты и рисунки, связанные с иллюминацией в честь годовщины коронации императрицы Елизаветы Петровны, которая была представлена в Петербурге 25 апреля 1751 г. Предметом

исследования стали: проект иллюминации Я. Штелина, перевод В. И. Лебедевым этого проекта на русский язык, стихотворные надписи Я. Штелина и М. В. Ломоносова, чертеж, созданный в соответствии с проектом Штелина немецким живописцем и рисовальщиком И. Э. Гриммелем, описание состоявшегося празднества, опубликованное в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Особое внимание уделено семантике и референциальной отнесенности слова «аллея» в текстах В. И. Лебедева и М. В. Ломоносова, а также встречающимся у Я. Штелина немецким эквивалентам данной лексики: «Bogen» (арка), «Laub-Bogen» (садовая арка) и «Laubgang» (аллея). В иллюминационном действе свет, исходящий от сакрализованных символов русской монархии (скипетра и короны), проходит сквозь символические границы России, достигая других стран через отверстия в сложной иллюминационной конструкции (арки), которые Я. Штелин назвал «Bogen» или «Laub-Bogen», а В. И. Лебедев — аллеями.

По-видимому, значение русского слова «аллея» должно быть описано следующим образом: 'в проектах фейерверков и иллюминаций XVIII в. — проем, проход, арка в иллюминационной конструкции'. Именно в этом специфическом значении и в этих специфических имманентных связях с немецкой культурой и немецким языком, с личностью Я. Штелина слово «аллея» является нам в идиолекте М. В. Ломоносова (в заглавии надписи: «Надпись на иллюминацию, представленную в торжественный день Коронования Ея Величества Апреля 25 числа 1751 г. перед Зимним домом, где изображена в Амфитеатре окруженная сиянием Императорская корона и скипетр на украшенном постаменте с вензловым именем Ея Величества, по обеим сторонам два портала далече простирающихся аллея, при которых поставлены грудные изображения четырех частей света».

Гришкевич Екатерина Дмитриевна,
аспирант, Петрозаводский государственный университет

Гомилии Трифона Петрова
как образец выговского красноречия
(на материале торжественных слов на Господские праздники)

Период расцвета, который переживала русская ораторская проза в конце XVII — начале XVIII вв., неразрывно связан с деятельностью представителей Выго-Лексинского старообрядческого общежития. Основанная в Заонежье в 1694 г. Выгорецкая пустынь со временем превратилась в крупнейший книжный центр со своей собственной литературной школой, воспитавшей не одно поколение талантливых писателей. В их числе автор, оказавший большое влияние на развитие гомилетики на Выгу, — Трифон Петров. Основной корпус сочинений Трифона Петрова представлен торжественными словами, посвященными великим праздникам церковного календаря, а также гомилиями в честь святых. В настоящее время известны тексты 11 слов на 9 двенадцатых праздников, среди них имеются гомилии на следующие Господские торжества: Воздвижение (2 слова), Рождество

Христово, Богоявление, Сретение, Вход Господень в Иерусалим, Сшествие Святого Духа. Используя в качестве примеров данную часть творческого наследия Трифона Петрова, мы постараемся выделить некоторые черты, характерные для художественной манеры этого незаурядного проповедника.

Не секрет, что выговские писатели уделяли особое внимание словесному мастерству. Ориентация на барочные нормативные поэтики диктовала определенное стилистическое оформление, заключавшееся, в том числе в нарочитой пышности языка, изобилующего риторическими фигурами. Однако, несмотря на кажущееся нагромождение образов и избыточность средств выразительности, гомилии Трифона Петрова отличаются четкой архитектоникой и прозрачностью стиля. Написанные им слова предназначались для произнесения в торжественной обстановке перед большим числом слушателей, поэтому для него, как для проповедника, важно было донести сакральный смысл праздника, найти в душах пришедших отклик. Композиция слов выговского ратора традиционна и обусловлена жанровыми рамками; она состоит из трех частей: вступления, основной части и заключения. Каждая из частей, в свою очередь, обладает собственной структурой, дробясь на семантически и интонационно маркируемые элементы. Вступления гомилий Трифона Петрова хранят следы тщательной и кропотливой авторской работы. С точки зрения предписаний риторик, они выстроены безукоризненно: в них излагается суть прославляемого события, формулируются цели проповеди, намечаются основные мотивы, которые впоследствии будут развиваться, но самое главное — каждое вступление несет в себе сильный эмоциональный заряд: писатель использует впечатляющий набор средств с целью овладения вниманием слушателей.

Основная часть слова, согласно норме, должна раскрывать суть празднуемого события, разъяснять его религиозный смысл. Но мастерство Трифона Петрова в том, что, не выходя за определенные традицией границы содержания, он очень умело варьировал способы передачи информации. Как и в гомилиях Кирилла Туровского, художественные особенности которых были описаны И. П. Ереминым [Еремин, 1962. С. 51], у выговского вития изложение подчиняется риторической амплификации, составляющей фундамент стилистического строя слов. Автор использует ряд мотивов, каждый из которых подвергает словесному распространению, пытаясь охватить все смысловые нюансы. В заключительной части своих гомилий Трифон Петров кратко обобщал сказанное и произносил молитву.

Обладающие стройной композицией и глубоким богословским содержанием, но лишенные навязчивого дидактизма, стилистически оформленные по правилам барочных риторик, но в своей основе продолжающие традиции святоотеческой литературы слова Трифона Петрова являют собой прекрасные образцы торжественного красноречия и выдают в своем авторе образованного книжника и настоящего мастера слова.

Литература:

Еремин И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 51.

Крюк Екатерина Константиновна,
аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Жанровые и языковые особенности «Славы торжеств и знамен...» Ильи Копиевского

Илья Федорович Копиевский — один из виднейших деятелей Петровской эпохи. В Амстердаме по указу Петра он составлял тексты, которые были предназначены для прославления Российского государства и просвещения молодого поколения. Поэтому большая часть его сочинений носит просветительский характер: басни, арифметика, грамматика, военная, математическая и астрологическая книги. Особого внимания заслуживает «Слава торжеств и знамен...» — стихотворный панегирик Ильи Копиевского, изданный им в 1700 г. (полное название: «Слава Торжествъ и знамень Победъ Пресветлеишаго и Августеишаго Державнеишаго и Непобедимеишаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии Самодержца»). Текст предваряется двумя эпиграфами, взятыми из сочинений Авакума и Евангелия от Иоанна.

«Слава...» состоит из двух стихотворных восхвалений Петру I: «Песнь победная» (где воспевается победа России над Турцией) и «Безсмертная слава преславных дел противу турком. Преславне совершившихся к тому торжества, и победы, мир приносящя в кратце списана ... от лета ахчз (1697) даже до аш (1700)», где говорится об освобождении Азова; также текст содержит восхваления Петра I. «Слава...» содержит большое количество перефразированных текстов псалмов (иногда содержится указание на номер псалма, иногда нет). Также рефреном повторяется фраза (с вариантами), данная на латинском и русском языках: «O Victoria, victoria, victoria beata, / Plus centies, plus millies, victoria amata. // О Победа, победа, победа блаженна, / Боле ста, боле тысящажъ и возлюбленна». Язык панегирика является большей частью книжным, хотя и содержит определенное количество русизмов. В первой части текста среди 23 форм инфинитива выделяется 16 форм на -ти (из них 14 рифмуются друг с другом; 9 форм стоят после модальных слов) и 7 форм на -ть (из них 2 рифмуются друг с другом; 2 инфинитива стоят после модальных слов). В некоторых случаях формы на -ти и -ть соседствуют и даже зависят от одного глагола: «Какожь мне величати, какожь ми тя славить». Во второй части форм инфинитива 57. Из них 30 — это инфинитивы на -ти (из них 2 с ударным -ти; 20 рифмуются друг с другом; 9 стоят после модальных слов). Инфинитивов на -ть 27 (из них 6 рифмуются друг с другом; 9 стоят после модальных глаголов). Такое соотношение, с одной стороны, показывает, что указанные формы являются для автора взаимозаменяемыми. С другой стороны, количество инфинитивов на -ть увеличивается ближе к концу текста, что, возможно, связано с ослаблением контроля автора за употреблением форм. В этом случае, а также с учетом того, что среди рифмующихся форм инфинитива преобладают инфинитивы на -ти, можно говорить о том, что формы на -ти воспринимались автором как более книжные, нежели инфинитивы на -ть. Среди форм прошедшего времени преобладают формы аориста (в первой

части 11 форм аориста и 8 форм имперфекта для 3 л. ед. ч.; во второй части 86 форм аориста и 10 форм имперфекта для 3 л. ед. ч, 28 форм аориста для 3 л. мн. Ч.). Во второй части появляются формы на -л без связки, причем, как и в случае с инфинитивами на -ти, их процент увеличивается к концу текста (подобная картина наблюдается и в других текстах Копиевского). Всего таких форм 36 (35 форм 3 л. ед. ч., 1 форма 3 л. мн. ч.), из них 18 рифмуются друг с другом, а 3 являются рифмами к существительным. Язык текста «Славы...» является гибридным церковнославянским, что обусловлено в первую очередь его жанром.

Пономарева Марина Валерьевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Восточные мотивы в оде Г. Р. Державина «Фелица»

Использование восточных мотивов — одна из особенностей оды Г. Р. Державина «Фелица». Восточные мотивы, отсылающие к своеобразному претексту державинской оды — «Сказке о царевиче Хлоре» (1781) Екатерины II, по-разному проявляются в «Фелице»: в подзаголовке оды, предпосланному ей при первой публикации; в именовании вельмож мурзами и калифами; в «географии» стихотворения («царевна Киргиз-Кайсацкая орды»; Багдад, Смирна и Кашемир перечислены как возможные города обитания Фелицы); в том, что военные мечты вельможи распространяются на Восток; в подражании условному восточному стилю.

Во многом именно ориентальные мотивы создают и поддерживают в «Фелице» атмосферу условного, полуигрового пространства. Они являются одной из составляющих вырабатываемого Державиным «забавного» слога. Конкретные реалии, достоверные детали в портретных характеристиках в сочетании с элементами «восточного маскарада» создают удивительный эффект вымышленной, собственно *художественной* реальности, возможности которой оказываются шире и богаче возможностей *нехудожественной*.

Восточные мотивы используются Державиным и в других произведениях фелицианского цикла, участвуют в создании литературной маски Державина — «мурзы».

Семихина Анастасия Николаевна,

аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Устойчивые словосочетания в сочинениях М. В. Ломоносова (к постановке проблемы)

Цель доклада состоит в том, чтобы выявить семантические и структурные особенности некоторых устойчивых словосочетаний в сочинениях М. В. Ломоносова, а также проследить их функционирование в русском языке XVIII в. Сделана попытка провести предварительную классификацию этих сочетаний по грамматически ведущему компоненту (глагольные, именные и др.), проанализировать сочетания по степени семантической усложненности общего значения по отношению к значениям компонентов,

проследить функционирование сочетаний в различных жанрах, определить круг близких по значению сочетаний, объединенных единством общего инвариантного значения, рассмотреть употребительность сочетаний до XIX в., особенности их семантики.

Тираспольская Анна Юрьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Между «Бедной Лизой» и «Натальей, боярской дочерью»: нарративные стратегии в повести-сказке Н. М. Карамзина «Прекрасная Царевна и счастливый карла»

Повесть-сказка Н. М. Карамзина «Прекрасная Царевна и счастливый карла. Старинная сказка, или Новая карикатура», увидевшая света на страницах «Московского журнала» в 1792 г. — как раз в период между опубликованием в этом же журнале «Бедной Лизы» (1792, Часть Шестая, Книжка Третья) и «Натальи, боярской дочери» (1792, Часть Восьмая) — оказалась полузабытой читателями и на протяжении долгих лет крайне мало привлекала внимание ученых. В тех случаях, когда исследователи все же обращались к данной повести, они, как правило, ограничивались кратким пересказом содержания или анализировали только единичные фрагменты текста. Тем не менее оригинальная повесть-сказка заслуживает внимательного, доскопального изучения по многим причинам. В частности, пристального рассмотрения требуют способы организации повествования, предлагаемые Карамзиным в «сказке». Далеко не праздным представляется вопрос: тяготеет ли «Прекрасная царевна...» по своим нарративным особенностям к непосредственно предшествовавшей ей «Бедной Лизе» или же, напротив, к последовавшей за ней «Наталье, боярской дочери»? Однако прежде чем обратиться к данной проблеме, необходимо сначала выявить сами отличия в построении повествования в двух самых известных повестях писателя.

В ходе анализа текстов нам приходится вступить в спор с укоренившимся в научном мире представлением о некоем «единообразии», едва ли не «тождественности» повествовательной манеры в написанных почти одновременно «Бедной Лизе» и «Наталье, боярской дочери», в особенности — в отношении принципов взаимодействия категорий «фиктивный нарратор (повествователь)» — «абстрактный читатель / идеальный реципиент» (терминология В. Шмида). Это представление происходит, по всей вероятности, из не совсем точной интерпретации высказывания В. Н. Топорова о том, что «собственно, с Карамзина, всегда учитывающего интересы читателя, адресующегося к нему и подчеркивающего конкретность и актуальность этой связи, и начинается ставшее позже традиционным приемом обращение к читателю: *Любезный читатель!...*» [Топоров, 1995. С. 88]. Однако в ходе последовательного сопоставления текстов обнаруживается, что принципы организации повествования «Бедной Лизы» в плане ориентации на читателя, несмотря на немалое их сходство с таковыми «Натальи, боярской дочери», тем не менее имеют и некоторые явные отличительные признаки. В то же самое время текст «Прекрасной Царевны...»

в сфере «взаимоотношений» нарратора и читателя демонстрирует большую близость к повести о боярской дочери.

Выявленные особенности повествования всех трех произведений позволяют выдвинуть предположение о том, что повесть-сказка «Прекрасная Царевна...», скорее всего, создавалась Карамзиным уже после завершения «Бедной Лизы» — в промежутке, а возможно, даже почти параллельно с «Натальей, боярской дочерью», поскольку многие стратегические нюансы из области построения нарратива, присущие повести-сказке, с очевидностью не просто повторяются, но получают дальнейшее развитие и совершенствуются в «Наталье, боярской дочери».

Литература:

Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М., 1995. С. 88.

Яковлев Владимир Васильевич,

к. и. н., заведующий отделом, Санкт-Петербургский государственный университет

Новгородская Корнильевская летопись — памятник новгородского летописания второй половины XVII в.

Во второй половине XVII в. в Новгороде создается ряд летописных памятников, в числе которых такие крупные произведения, как Новгородская Третья, Новгородская Уваровская, Новгородская Забелинская, Новгородская Корнильевская летописи [Азбелев, 1960а; Яковлев, 1993; 1997]. Особое место среди них занимает Новгородская Корнильевская летопись. Автором настоящего доклада была прослежена история единственного списка этой летописи (БАН 34.4.1). Его первоначальная редакция была создана в середине XVII в., но основная работа над ним проводилась в 1670–1680-х гг. На основании изучения текста можно утверждать, что составителей было не менее семи человек, основная деятельность приходилась на вторую половину 1670-х гг. и, особенно, на 1683–1685 гг. Работа велась при Софийском соборе, церкви апостола Андрея на Щитной улице, на заключительном этапе, вероятно, в Троицком Зеленецком монастыре. В основе летописи — материалы Софийской Первой летописи младшей редакции с включениями из Лаврентьевской, Воскресенской, Новгородской Второй, Четвертой и Пятой (по Хронографическому списку) летописей и другие литературные памятники. Особый интерес представляют дополнения к летописи, которые были сделаны из малоизвестных и не дошедших до нас источников: сказаний, легенд, ктиторских надписей, описаний новгородских святынь, монастырских летописцев и пр. Изучение летописи и ее сравнение с другими новгородскими памятниками этого времени показывает, что именно она послужила основой для создания Новгородской Третьей (как пространной, так и краткой редакций), а также, но в меньшей степени, Новгородской Забелинской летописей, и, вероятно, привлекалась уже в XVIII в. составителями Новгородской Погодинской летописи.

Удалось проследить и историю рукописи, содержащей этот памятник. Основная работа над ним велась в период нахождения на новгородской кафедре митрополита Корнилия (1674–1695 гг.). Существуют достаточно убедительные свидетельства, позволяющие предположить, что он имел непосредственное отношение к данной деятельности, благодаря чему автором настоящего доклада и было предложено именно такое название памятника — Новгородская Корнильевская летопись. После оставления кафедры и отъезда в Троицкий Зеленецкий монастырь Корнилий забирает рукопись с собой. В монастыре она остается вплоть до смерти Корнилия в 1698 г., после чего по инициативе архиепископа Феодосия перевозится обратно в Новгород и хранится в Софийском соборе. В дальнейшем она оказалась у новгородского дворянина П. Н. Крекшина, который передал ее в Библиотеку Академии наук 31 октября 1748 г. (согласно «Камерному каталогу», она поступила в 1742 г.), где летопись находится вплоть до сегодняшнего дня. Однако, несмотря на то, что она привлекала внимание ряда исследователей XVIII — начала XIX вв. (М. В. Ломоносова, А.-Л. Шлецера, П. Строева, Н. Арцыбашева и др.), а в 1795 г. была даже предпринята попытка ее частичного издания (интересно, что часть тиража находилась на складе в Академии наук еще в начале XX в.), летопись оказалась забыта. Рукопись в наше время была упомянута в литературе лишь С. Н. Азбелевым (условно атрибутирована им как список Новгородской Уваровской летописи с оговоркой, что на самом деле он является черновиком другого летописного свода [Азбелев, 1960б]). Дальнейшее ее изучение было осуществлено автором настоящего доклада, благодаря чему и удалось установить ее особое место в истории новгородской историко-литературной традиции второй половины XVII столетия.

Литература:

1. Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.
2. Азбелев С. Н. Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVI. М.; Л., 1960.
3. Яковлев В. В. Летопись Новгородская Третья; Летопись Новгородская Забелинская; Летопись Новгородская Уваровская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (XVII в.). Ч. 2., СПб., 1993. С. 287–295.
4. Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII в. Автореф дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Григорьева Людмила Павловна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Паратекстовые элементы в романах С. С. Заяицкого

С. С. Заяицкий обращается к жанру романа (в 1926 г. пишет роман «Красавица с острова Люлю», в 1928 — «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова») в период, когда смена культурной парадигмы оказала извест-

ное влияние на прагматический уровень художественного текста, заметно усложнив соотношение в тексте «эксплицитного» и «имплицитного», центра и периферии. В тексте данного периода возросла роль периферийных элементов, готовых «принять на себя дополнительную смысловую и/или функциональную нагрузку» (Б. Гавранек). Среди прочих следует отметить актуализацию в художественном тексте паратекстовых элементов, особенно заметную в текстах «второй прозы», в контексте изучения которой предпринимались немногочисленные попытки научного осмысления творчества Заяицкого (О. Обухова, Т. Фоминых, С. Кибальник). Констатировалась даже избыточность паратекста в структуре псевдопереводного романа, пользовавшегося особой популярностью среди авторов «второй прозы» (М. Маликова).

На первый взгляд, С. Заяицкий, как и В. Катаев, Вс. Иванов, В. Шкловский, обращаясь к жанру псевдопереводного романа («Красавица с острова Люлю»), воспользовался возможностью участия в создании «стиля современности». Однако стратегии автора не ограничивались поиском «путей легитимации художника к новой власти», хотя он и учитывал «чужого» читателя, о чем свидетельствует «гетерогенная» прагматика текста, обнаруживаемая на его периферии, в паратекстовых элементах в том числе (характерно, что латинские названия трех частей романа «Жизнеописание...» снабжены авторским переводом). Именно эти элементы, как известно, обладают прагматической установкой, их разнообразие в текстах романов Заяицкого (заглавие, подзаголовок, предисловие, посвящение, эпиграф, названия глав, рекламный эпитекст) свидетельствует о поиске автором коммуникативных тактик, его установку на эстетическую игру с читателем.

Игровые отношения обнаруживаются уже на уровне заглавия. Названия обоих романов имеют коннотативную функцию и содержат отсылку к подобным названиям, к определенным «номинативным» традициям, иронически их трансформируя. «Жизнеописание...» отсылает к биографическому жанру и отчасти к житию, описывающему жизнь подвижника, которому пародийно корреспондирует образ Лососинова, увлеченного разработкой интеллигентских утопических проектов спасения отчизны. Название романа «Красавица с острова Люлю» пародийно отсылает к «островному» тексту, отчасти коррелирует с названием популярного текста Файко «Озеро Люль» и по точному наблюдению Т. Фоминых является собой трансформацию названия драмы Р. Роллана «Лилюли». Паратекстовые элементы романа (заглавие, посвящение, предисловие), взаимодействуя с текстом, эксплицируют актуальную в литературе данного периода смысловую оппозицию «варварство vs. культура». Семантическая несовместимость компонентов номинаций в обоих романах (жизнеописание vs. Лососинов — отсылка к фигуре реального автора) и (остров vs. Люлю — редуцированное «люблю») предлагает код прочтения текста и в самопародийном ключе. Имя фиктивного автора — Сергей Вакхович, предложенное в предисловии к «Жизнеописанию...», также отсылает к фигуре Сергея Заяицкого, в ранних перевода которого из французской

поэзии часто звучали вакхические мотивы. Тот же «личный» код прочтения обнаруживают и предисловия к обоим романам, «проясняющие» смысл жанрового подзаголовка «Жизнеописания...» (трагикомическое сочинение) и скрытый смысл посвящения «железнодорожным путешественникам» в романе «Красавица с острова Люлю», обнаруживающего авторскую интенцию самооправдания. Повышенное внимание автора к паратекстовым элементам свидетельствует о его определенных коммуникативных установках, попытке обнаружить в этом поле возможность адекватного читательского восприятия текста.

Гуськов Николай Александрович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Откуда пришел Том Вирлирли?

Одним из запоминающихся, хотя и внешне проходных, но в смысловом отношении очень важных фрагментов романа Ю. Олеши «Зависть» является описание воображаемого героя Тома Вирлирли, мальчика, идущего к городу. Этот образ складывается у повествователя, Николая Кавалерова, под впечатлением колокольного звона. Данный эпизод соотносится с рядом вступающих в конфликт персонажей, поэтому может многое объяснить интерпретатору. В докладе выделяются очевидные и потенциальные аналогии рассматриваемому отрывку, либо вовсе не отмечавшиеся, либо не привлекавшие существенного внимания исследователей. В качестве источников рассматриваются, в частности, дневники самого Олеши, воспоминания о нем, сочинения писателей одесской школы (Э. Багрицкого, И. Ильфа и Е. Петрова), французских романистов XIX — начала XX вв., сестер Бронте, М. Горького, К. Федина и др.

Звонова Светлана Александровна,

к. ф. н., доцент, Пермская государственная академия искусства и культуры

Василий Комаровский и живопись

Василий Алексеевич Комаровский (1881–1914) вошел в историю русской литературы как близкий друг А. Ахматовой, корреспондент М. Лозинского и А. Скалдина, переводчик Ш. Бодлера и Д. Кидса, автор единственного поэтического сборника «Первая пристань». Громкую «славу» после смерти Комаровскому обеспечил Георгий Иванов в «Петербургских зимах» «вспоминавший», что поэт (мифологизированный, а не реальный. — С. З.) умер, узнав о начале Первой Мировой войны. Сложенные при жизни и после смерти легенды, а также душевная болезнь поэта (эпилепсия) способствовали представлению о Комаровском как последнем русском романтике, истинном сыне уходящей эпохи. Актуальность доклада связана с усиливающимся в последнее время интересом к культуре первой трети XX в., в том числе к писателям так называемого «второго» ряда, без учета опыта которых представление о литературном процессе указанного

периода не может считаться полным. Кроме того, материалы, изложенные в моем научном докладе, напрямую касаются такой современной научной проблематики, как феномен экфрасиса, диалог и соперничество искусств, взаимодействие литературы и культуры. Искусство играло важнейшую роль в формировании личности Комаровского: поэт с детства занимался рисованием, составил «Таблицу главных живописцев Европы с 1200 г. по 1800 г.» и «Указатель к таблице...» (1913–1914 гг., опубли. 1915, посмертно), предназначенные как для специалистов, так и для широкого круга ценителей.

Легко провести параллели между лирикой Комаровского и современной ему живописью. Совпадают цветовая палитра литературных, словесных пейзажей и реально существующих картин А. Н. Бенуа и др. художников. Ряд поэтических приемов Комаровского свидетельствуют об экфрастичности его стиля.

Среди вероятных живописных контекстов лирики Комаровского — полотна символистов и импрессионистов, наиболее же близок поэту художник Бенуа. С творчеством Бенуа лирику Комаровского роднит переданная поэтическими и интермедийными средствами «прозрачность» окружающего мира, особая цветопись и светопись лирических пейзажей. От Бенуа — «разлитое», «растворенное» в небе сияние в лирических пейзажах Комаровского, крупные, детально «прорисованные» декоративные элементы в его некоторых «скульптурных» экфрасисах и в карандашных рисунках.

Комаровский-поэт близок литературному неоклассицизму 1910-х гг. Он мастерски владеет стилизацией, предпочитает классические жанровые формы (идиллию, элегию, сонет, антологическую эпиграмму). К неоклассицизму восходят сквозные мотивы лирики Комаровского: творчества, мастерства, строительства (освоения земли). Взгляд на поэта как на неоклассициста в научном отношении кажется перспективным, требующим дальнейшей разработки.

Карпов Николай Александрович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Интертекстуальность в юмористическом романе А. Аверченко «Шутка Мецената»

Большинство критиков и исследователей юмористического романа А. Аверченко «Шутка Мецената» (1923) склонны прочитывать текст как автобиографическое произведение, попутно отмечая в нем связь с конкретными бытовыми реалиями воссоздаваемой эпохи. В то же время, на наш взгляд, это, прежде всего, роман-шутка, роман-игра, в котором автор не ставит никаких серьезных задач, кроме собственно литературных, мастерски обыгрывая возможности комического повествования.

Одной из важных составляющих романной структуры оказывается ее интертекстуальная природа, повышенная цитатность на образном, мотивно-сюжетном и стилистическом уровнях. Так, образ главного героя Меце-

ната, воплощая в себе узнаваемые черты личности самого А. Аверченко, одновременно имеет богатую литературную родословную («он с ранней юности был заедаем скукой, и эта болезнь вела его жизнь по самым причудливым, прихотливым путям», «много путешествовал, но без толку» и т. д.), отсылающую и к романтическим героям, и к образам «лишних людей», и к гончаровскому Обломову. Это большой ребенок, не приспособленный к жизни, наподобие «чудаков» в литературе немецкого романтизма. Хозяйство в доме Мецената ведет нянька Анна Матвеевна, ее образ снова очень узнаваем, восходя к линии Еремеевна — Савельич — няни русских писателей. Романские подтексты отсылают как к классической литературе Золотого века, так и к современному сатириконцам литературному быту. В образе бездарного поэта Шелковникова (Куколки) привыкли видеть черты И. Северянина и С. Есенина, но не менее важным адресатом литературной полемики писателя неожиданно оказывается Маяковский: «Я хватаю эту Куколку и швыряю ее им всем в гиппопотамью морду!!! Нате, нате вам! Вот достойный вас поэт. Смакуйте его, жуйте вашими беззубыми челюстями! Эввива, поэт Шелковников! Я буду читать лекции о новом поэте Шелковникове, устрою целый ряд докладов, лекций, рефератов — и когда толпа, как стадо, ринется к его ногам, я плюну им в лицо и крикну: „Вот ваш бард“». Один из самых цитируемых авторов в романе, как и во всем творчестве Аверченко — Гоголь. Как отметил еще Д. Левицкий, лежащая в основе романного сюжета ситуация *qui pro quo*, рокового просчета, обернувшегося против героев, очень напоминает ситуацию «Ревизора», а мотив двойной игры, «обманутых обманщиков» отсылает к комедии «Игроки».

Леоненко Семён Олегович,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Еще раз к проблеме «Набоков и Чехов»

В докладе обсуждаются некоторые возможные интертекстуальные связи романа В. В. Набокова-Сирина «Защита Лужина» и рассказа А. П. Чехова «Черный монах»; в качестве опосредующего интерпретативного звена привлекается позднейший набоковский роман «Истинная жизнь Себастьяна Найта», содержащий прямую отсылку к рассказу Чехова и ряд мотивных переключек с «Защитой Лужина». Развивая традиционную романтическую тему гениального безумия (что в обоих случаях поддержано мотивом музыки), тексты обнаруживают ряд сходств — как в особенностях повествовательной структуры (доминирующая точка зрения оттеняется вкраплениями позиций других героев и резко контрастным «чужим» взглядом в финале), так и в попытке «научной» интерпретации темы (Чехов характеризует рассказ как медицинское описание мании величия, в романе Набокова преобладает взгляд героя-шахматиста, придающий повествованию аналитический оттенок). Эти сходства не отменяют явных различий, обусловленных особой поэтикой каждого из авторов, однако именно набоковские тексты реактуализируют типично чеховские проблемы коммуникации.

Маслинская Светлана Геннадьевна,
к. ф. н., докторант, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
«Наследие и наследственность» (С. Маршак):
опыт корпусного исследования детской литературы 1910–1920-х гг.

Общепризнанная концепция советской детской литературы принадлежит С. Маршаку: «Нельзя жить только наследством, как бы велико оно ни было. Мы должны сами создавать свой нынешний и завтрашний день — новую литературу, которая полно отразит наше время и даже заглянет далеко в будущее». Маршак неоднократно говорил о новых авторах, новых темах, новых героях — о новой литературе для маленьких. Эта контрастная история детской литературы — «тогда и теперь» — в течение всего советского (и постсоветского) периода не критично воспроизводилась в исследовательских работах и учебниках для высшей школы (в т. ч. и в западных исследованиях).

В построении истории детской литературы XX в. стала традиционной периодизация «до революции» — «после революции»: 1917 г. постулируется как переломный год, статья Кормчого 1918 г. как рубикон между старой и новой литературой, послереволюционное сообщество «передовых» детских писателей конструируется как команда единомышленников «Горький + Чуковский + редакция Маршака» и т. п. В целом, литературный процесс для детей 1910–1920-х гг. описывается в терминах противостояния традиций, преодоления старых тем и жанров, перелома в индивидуальном творчестве и т. п. Однако с современной точки зрения эта концепция нуждается в проверке. В общем виде очевидно, что после революции поменялся состав авторов, возникли и исчезли те или другие издательства, какие-то произведения были запрещены, а какие-то каждый год переиздавались, обновился тематический и сюжетный диапазон, появились новые типы героев и т. п. Но неясно, в каких формах и когда произошел (и произошел ли?) перелом между досоветской и советской детской литературой, можно ли говорить о стадиях развития детской литературы, или стадийный подход (применительно к детской литературе больше подходящий на «теорию большого разрыва») упрощает историческую картину ее эволюции. Таким образом, основная предпосылка исследования: литературный процесс для детей 1900–1934 гг. должен рассматриваться как единый и непрерывный и в отношении его участников, и в отношении текстового корпуса.

Основной фокус доклада — ответ на вопрос: в чем состояли «наследие и наследственность» (Маршак) послереволюционной детской литературы? На материале корпуса данных, составленных на основе библиографических списков детской литературы 1910–1920-х гг., изданных Е. М. Чарнолульской (1913) и И. И. Старцевым (1933), проанализирована степень устойчивости состава авторов/текстов: количество авторов, непрерывно писавших в изучаемый период, их писательская активность (наименования и тиражи произведений и пр.), установлены моменты вступления новых авторов, выявлена степень представленности тех или иных групп авторов (в т. ч.

по полу) и пр. С другой стороны, проанализирован состав произведений лидеров списка (авторы, не прерывавшие свое творчество после 1917 г.), определены наиболее тиражные издания и точки разрыва «тиражной истории» произведений. В докладе будут представлены результаты исследования, которые демонстрируют, что концепция Маршака не согласуется с действительной историей развития детской литературы в 1910–1920-е гг.

Михаленко Наталья Владимировна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Библейские и апокрифические персонажи ранней лирики С. А. Есенина

Образы библейских, евангельских героев (Христа, Богородицы, Бога-Отца, святых) ранней лирики Есенина (до 1917 г.) восходят не только к фольклорным, апокрифическим, собственно богословским источникам, но и к литературным, живописным образам.

Образ Иисуса Христа, появляясь в ранней лирике Есенина, становится связующим звеном между природным и божественным началом, ветхой и новозаветные сюжеты вплетаются в ткань поэтического произведения, повторяясь и реализуясь вновь в природном богослужении. Мотивы Рождества, Пасхи, распятия, входа в Иерусалим повторяются в действиях природы, постоянно осуществляя искупительный подвиг Бога (стихи «Шел Господь пытаться людей в любви...», «Сохнет стаявшая глина», «Покраснела рябина...» и др.). Образ Богородицы у Есенина следует не только евангельским традициям, канонам иконописи, но и апокрифическим легендам, связан с психологической манерой изображения Богоматери, принятой художниками конца XIX — начала XX в. Ее образ восходит к гуманному, близкому образу Богородицы из популярного на Руси греческого апокрифа «Хождения Богородицы по мукам», а также к образам произведений А. М. Ремизова («Хождение Богородицы по мукам» и др.), живописным работам В. М. Васнецова, К. С. Петрова-Водкина. В стихах Есенина Она предстает вписанной в быт, совершающей обыденные крестьянские действия: «Кроют зори райский терем, / У окошка Божья Мать / Голубей сзывает к дверям / Рожь зернистую клевать. // „Клюйте, ангельские птицы: / Колос — жизненный полет“» (поэма «Микола»).

Важнейшим героем ранней лирики Есенина является «милостник Микола» (Николай Чудотворец), заступник и помощник людей. Традиционно образ Его, совместивший христианские и языческие черты, воспринимался на Руси как родственный, близкий. Есенин создает подчеркнуто бытовой, крестьянский облик святого, несколько стилизованный. Он обитает не в Небесном Иерусалиме, а ходит по земле, соединяя таким образом долинные и горные черты: «И идет стопой неспешной / По селеньям, пустырям: / „Я, жилец страны нездешной, / Прохожу к монастырям“. // Высоко стоит злотравье, / Спорынья кадит туман: / „Помолюсь схожу за здравье / Православных христиан“». Есенинский святитель близок образу из «Николиных притч» А. М. Ремизова, схож с изображением Николая Угодника в одно-

именной картине Н. К. Рериха 1914 г. Святой Микола выступает у Есенина как важный герой предреволюционного времени.

Герои ранней лирики поэта связывают небо и землю, являются проводниками процессов горнего мира в мир дольний. Персонажи есенинских произведений синкретичны, сочетают архетипичные, иконные, живописные, апокрифичные черты, становясь символами, знаками времени.

Умеров Шамиль Абдулгамидович,

к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Художественные открытия в русской лирике военных лет
(1941–1945 гг.)

Исследования поэзии военных лет, как и всех литературных родов и жанров того периода в целом, базируются на нескольких постулатах, повторяемых в течение всего прошедшего времени. «Поэзия вступила в бой в одном строю с армией». Советская поэзия «встала в строй защитников родины». «Художественное слово становилось оружием в борьбе». «Душевная близость с народом является самой примечательной и исключительной особенностью отечественной лирики 1941–1945 гг.». Патриотизм. Героика. Мужество. Товарищество. Ненависть к врагу. Прославление подвига. Вера в победу. Национальная гордость. Любовь к отчизне, к матери, к женщине, к родной природе. Поэзия призывает, мобилизует, вдохновляет... Ни одно из этих утверждений не вызывает сомнений. Они верны. Однако когда исследователи переходят от общей характеристики периода к творчеству отдельных писателей и к их наиболее известным созданиям, расширяется, как правило, лишь иллюстративный материал, а социально-эстетическая проблематика остается все в тех же границах. В результате создается ложное впечатление об однообразии, декларативности стихотворного творчества в пору войны.

Порой под это подводится теоретическая база. Так, шаблонность агитационных стихов-призывов по дрящейся десятилетиями инерции выдается за достоинство «поэзии, выражающей массовое сознание», каковой прежде всего и рисуется поэзия войны. Для этой цели порой подбирается наукообразная терминология, вроде оксюморона «повторяемость неповторимого». Так или иначе, разделы, посвященные литературе Великой Отечественной войны, теперь занимают незначительное и к тому же все сокращающееся место в учебных пособиях. Этот период лишь формально отражается в учебных программах и — что совсем недопустимо — выпадает из читаемых лекционных курсов.

Насущной задачей является не только возвращение его на законное, достойное место в будущих «Историях» отечественной словесности, но и убедительное выявление самобытности, смелости поэтических открытий, которые совершены в лучших произведениях тех лет.

Ведь это война заставила увидеть: «Его зарыли в шар земной, / А был он лишь солдат... Руками всех друзей / Положен парень в шар земной, / Как будто в мавзолей...». Разве прежде кто-нибудь рискнул взять такой масштаб

для простого солдата, обычного человека? На него имел право только вождь. Но испытания войны породили новую меру ответственности, дали силы следующей генерации поэтов, прозаиков («лейтенантская проза»), расширили горизонты всей литературы, обогатили ее новыми звуками, образами, более глубоким видением очень важных сторон жизни. Именно в этом ключе интерпретируются «Мой товарищ, в смертельной агонии...» И. Дегена, «Перед атакой» и «Мы не от старости умрем...» С. Гудзенко, «Враги сожгли родную хату...» М. Исаковского, «Его зарыли в шар земной...» С. Орлова, «Жди меня» К. Симонова, «В землянке» и «Жизнь и мечта» А. Суркова, «Две строчки» А. Твардовского.

Храмых Антон Викторович,

к. ф. н., младший научный сотрудник, Петрозаводский государственный университет

Музыкальные приемы в ранней прозе А. Платонова (1918–1926 гг.)

Контрапункт, алеаторика, ультрахроматизм — музыкальные приемы, являющиеся частью комплекса музыкальных тем, образов, мотивов, приемов, посредством которых происходит реализация принципа музыкальности в раннем творчестве Платонова. Анализ показал, что данные приемы реализуются на всех уровнях поэтики платоновских рассказов: в сюжетно-композиционном строении, мотивике, образной структуре, в психологических портретах героев, в особо значимых у А. Платонова голосовых характеристиках персонажей, в структуре метафор. Исследуя специфику платоновского использования контрапункта, мы пришли к выводу о знакомстве писателя как с практикой использования данного приема в композиторской технике, так и его расширительными интерпретациями, подразумевающими использование контрапункта как литературного приема.

Анализ структуры рассказа «Сатана мысли» показал использование в нем такой разновидности контрапунктической техники, как вертикально-подвижной контрапункт. Применение этого приема демонстрирует динамику отношений человека и мира в первой и второй частях рассказа. Контрапункт прослеживается и в структуре рассказа «Лунные изыскания». Конструктивная особенность рассказа состоит в параллельном развертывании двух сюжетных линий, которые в совокупности фиксируют оппозицию любви к ближнему и любви к дальнему.

Алеаторика как принцип организации музыкального произведения получил распространение в художественной практике западных композиторов второй трети XX в. Он предполагал отказ от классической тональной логики развертывания звукового материала и расположение элементов музыкального текста с опорой на фактор случайности. Возможность экстраполяции термина «алеаторика» применительно к особенностям поэтики платоновской прозы связана с признанием писателем стихийности жизни, неподвластной человеческому разуму.

Использование алеаторики осуществляется при создании образов героев «революционного» прошлого (Иван Жох), «низового» настояще-

го (Иоанн Мамашин, Иван Копчиков) и утопического будущего (Петер Крейцкопф). К алеаторике восходят и структурные особенности рассказа «Родоначальники нации, или Беспокойные происшествия», созданного А. Платоновым в результате переработки более раннего прозаического произведения — «Рассказа о многих интересных вещах». Сопоставление сюжета «Родоначальников нации...» с событийной канвой исходного текста показывает, что сюжет рассказа 1927 г. гораздо менее линейен. Спонтанность, немотивированность введения ряда эпизодов, случайность появления отдельных персонажей «Родоначальников нации...» позволяют говорить об аналогии с техникой алеаторики.

Термин «ультрахроматизм» появился в 1916 г. в работах А. Авраамова, композитора и музыкального критика. Вместо двенадцатитоновой равномерной темперации А. Авраамов предложил использовать звуковую систему, которая предполагала использование интервалов меньше полутона, так называемых микроинтервалов. Присутствие в поэтике ряда рассказов Платонова музыкального приема ультрахроматизма представляется логичным в свете идеи дробления целого на части, которая была очень популярна и реализовывалась не только в музыкальных экспериментах А. Авраамова, но и в творчестве литераторов русского авангарда.

Принцип ультрахроматизма реализуется в портретах героев ранней прозы А. Платонова, где важное место занимают голосовые характеристики. В частности, по этому принципу выстроен портрет Е. Абабуренко, главного героя рассказа «Бучило», представляющий собой свободную последовательность лаконичных, парадоксальных характеристик, оформленных по принципу дробления целого. Платоновская техника портрета, фиксирующая по принципу ультрахроматизма одновременное существование в душе человека всевозможных, подчас противоречивых начал, зачастую едва означенных и сокровенных для него самого, наряду с контрапунктом и алеаторикой, готовит принцип симфонизма нового типа, который нашел свое яркое выражение в более поздних произведениях Платонова.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВВ.

Алеева Елена Загидовна,

к. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Прохорова Татьяна Геннадьевна,

д. ф. н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Интерпретация сюжетов Д. Дефо и Дж. Свифта
в малой прозе Л. С. Петрушевской

Творчество Л. С. Петрушевской — яркой представительницы новейшей русской литературы — отличается богатством и разнообразием интертекстуальных связей, как с отечественной, так и с западной культурой. В данном исследовании рассматриваются два рассказа писательницы, «Новые Робин-

зоны» и «Новый Гулливер», в которых она обращается к вечным образам и сюжетам, заимствованным из английской литературы эпохи Просвещения. Основной задачей исследования является углубленное изучение различных аспектов диалога, а также поиск наиболее показательных точек соприкосновения с текстами-предшественниками.

Эпитет «новые/новый» в заглавиях анализируемых рассказов Петрушевской говорит о том, что автор намерен представить современную версию образов Робинзона и Гулливера. Созданные английской литературой XVIII в., они уже давно приобрели архетипический, мифологизированный характер, породив при этом своих «двойников» в мировой литературе, включая русскую. Петрушевская, безусловно, учитывает опыт предшественников, но создает свои версии этих образов. В произведениях современной писательницы выражается катастрофическое мировосприятие человека, пережившего рубеж XX и XXI вв. Ведя диалог с представителями раннего этапа английского Просвещения, каждый из которых представил свой вариант ответа на вопрос о границах разумного и созидательных возможностях разума, Петрушевская по отношению к предшественникам следует принципу притяжения и отталкивания одновременно.

Ащеулова Ирина Владимировна,

к. ф. н., доцент, Кемеровский государственный университет

Художественная историософия прозы В. А. Шарова

В. А. Шаров (род. в 1952) — писатель современного русского литературного процесса, зарекомендовавший себя как сочинитель фантастических исторических романов о русской истории. На данный момент «историография» Шарова состоит из восьми романов: «След в след» (1989), «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993), «Мне ли не пожалеть...» (1995), «Старая девочка» (1998), «Воскрешение Лазаря» (2003), «Будьте как дети» (2007), «Возвращение в Египет» (2013). Из романа в роман Шаров выстраивает собственное понимание смысла русской истории, формируя субъективную историософию, отражающую и традицию русской историософской мысли, и стремление писателя к воспроизведению определенной исторической модели. Проза Шарова оказывается на пересечении двух дискурсивных практик: исторической и литературной. В художественных романах русская история предстает в качестве литературного нарратива, предлагая альтернативно-вымышленные, фантастические версии революционных событий в России XX в.

В данном сообщении предполагается вычлениить основные положения авторской историософской концепции, проявляющейся в художественной прозе. Из романа в роман Шаров пытается ответить на фундаментальные вопросы историософской проблематики: цель и смысл русской истории, проблема детерминизма исторических событий, форма («формула») развития русской истории, место и роль личности в истории. Оказываясь в контексте русской историософской традиции («русская идея»), Шаров обращается к исследованию истоков, значения и последствий русской революции. По-

степенно в романной прозе выстраивается авторская теория, включающая несколько положений.

Русская история есть процесс становления, развития и гибели различных религиозных, утопических, политических, историософских идей. Каждый человек в истории оказывается вовлеченным в какой-либо идеологический проект, общегосударственного или индивидуального масштаба, но, в любом случае, цель идеи утопична и обречена на крах. Шаров в сюжетах романов проверяет идеи на жизнестойкость, антиутопичность и часто приходит к выводу о провале в истории любого проекта. В этом смысле исторический процесс не развивается ни по восходящей (идея прогресса), ни по нисходящей (идея регресса), это постоянное вращение по кругу, повторение одних и тех же циклов.

Используя в романах приемы фантазмагии и мистификации, Шаров выстраивает плюрално-циклическую формулу русской истории, где идея революционного изменения реальности возникает с периодичностью раз в сто лет. С этих позиций обнаруживается и эсхатологическая направленность русской истории. Эсхатологизм, с точки зрения Шарова, определяет отношения человека с бытием, с Богом и с властью. Русский человек живет при постоянном конце света, поэтому его отношения с историей есть вечное вопрошание значимости его отдельной жизни в контексте истории.

Размышляя над векторами движения истории, случайным и необходимым, рациональным и иррациональным, объективным и субъективным, Шаров выделяет субъективный фактор, видя в истории движение духовных импульсов отдельных людей. Поэтому история есть процесс собирания семейных, родовых, народных архивов, обнаружения «следов», текстов, нарратив, «историй», что определяет ее как процесс сохранения духовности, мысли, памяти.

Гордеева Елена Михайловна,

аспирант, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Метаописание в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»

Называя роман-идиллию А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2001) современной робинзонадой, исследователи не раз указывали на его переключки с просветительской пасторалью Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Критиков занимала главным образом сближающая данные произведения тема жизнеобеспечения (производство вещей, «натуральное хозяйство XX в.»).

На наш взгляд, важнейшим аспектом робинзонады Чудакова является метаописание: подключая свое произведение к «Жизни и удивительным приключениям Робинзона Крузо», автор актуализировал собственные взгляды на то, что есть литература, как она рождается, наконец, как «сделан» роман «Ложится мгла на старые ступени», данные взгляды выражающий. В плане метаописания непосредственный интерес представляют прямые отсылки к роману Дефо.

В романе-идиллии «Ложится мгла на старые ступени» речь идет о «Жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» как о книге, входившей в круг детского чтения Антона. Книга произвела на мальчика неизгладимое впечатление. В его сознании она оказалась больше, чем литература: она «вмешивалась» в жизнь, становясь первопричиной вполне реальных событий и поступков людей, она (что важно) побудила его к самостоятельному творчеству, дала выход его тяге к сочинительству. Благодаря прочитанному художественному произведению герой обнаружил в себе дар рассказчика. Книга явилась источником его творческого вдохновения, порождающим новые смыслы. Называя истории, сочиненные им с опорой на роман Дефо, «сказками», Антон подчеркивал тем самым их «вымышленность», их художественную природу. Его «сказки с продолжениями» — художественное творчество, пусть и устное.

С помощью отсылок к «Жизни и удивительным приключениям Робинзона Крузо» Чудаков вводил в произведение тему эстетического отношения искусства к действительности, становящуюся в нем одной из основных. Подробности, связанные с чтением романа Дефо и сочинением на его основе новых историй, так или иначе, касаются краеугольного в эстетике вопроса: искусство отражает жизнь или само себя, источником литературы является действительность или сама литература?

Антон — герой автобиографический. Говоря об Антоне, автор рассказывал не только о собственном детстве, но и о том, как «сделан» роман. В симпатиях Антона-сочинителя не трудно увидеть авторские предпочтения. Так, свое творческое внимание Антон фокусировал не на всей жизни героя (полагая, что здесь у всех одно и то же: женитьба, рождение детей и т. п.). Его занимал процесс становления героя, который оказывался «не интересен» ему, как только вырастал. В данном случае Антон, выражая собственные приоритеты, излагал принципы отбора жизненного материала, которыми руководствовался автор романа-идиллии. Автору тоже важно было проследить, как рос его герой, автор также утрачивал интерес к нему, как только тот становился взрослым.

Опыт Антона-сочинителя убеждает в том, что литература может рождаться из литературы, а не из жизни: сначала был роман Дефо, и только «потом на основе этого сюжета» появились «придуманные» самим Антоном истории. Как Антон сочинял свои «сказки», «продолжая» любимое художественное произведение, так и сам писатель, взявшись за рассказ о собственной жизни, выбрал в качестве «образца» для подражания «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Парадокс заключался в том, что написанным «с оглядкой» на «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» оказался автобиографический роман, сюжет которого обычно «вышивается» по готовому узору, наносимому не литературой, а судьбой.

Отсылки к роману Дефо в рассматриваемом произведении служат своего рода «подсказками» автора, помогающими понять, что его сочинение отнюдь не мемуары. Аллюзии на «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» убеждают в том, что «Ложится мгла на старые ступени» — это филологический роман, в котором речь идет не только о жизни, но и о литературе как виде искусства.

Ковальска-Стус Ханна (Kowalska-Stus Hanna Wojciech),
д. культ., профессор, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Историческая перспектива образа современного мира в творчестве Н. И. Ульянова

Н. И. Ульянов принадлежит к довоенному поколению. Прежде чем он стал эмигрантом, прожил в СССР 26 лет взрослой жизни. Его исторические взгляды не сходятся ни со взглядами эмигрантов первой волны, ни тем более со взглядами советских авторов. Он остается в оппозиции не только по отношению к постгегельнской историографии, но также по отношению к тем представлениям, которые выросли на либерально-демократической почве. Ульянов схож во взглядах с Игорем Шафаревичем, Владимиром Большаковым, Михаилом Назаровым, митрополитом Иоанном Снычевым. Специфической чертой их работ является нонмодернизм, направленный против культурного космополитизма. Новые перспективы для такой методологической постановки открыл Арнольд Тойнби (на него часто ссылается Ульянов), который не оценивал культур согласно модернистским стандартам, но обращал внимание на согласованность развития данной культуры с заложенными у ее истоков ценностями. На современной историографии сказалось влияние диалектики Гегеля. Именно в этой системе истории лишилась элемента тайны, стала заранее обусловленным концептом. Гегельянство существенным образом повлияло на русскую историографию XIX в., марксистскую историографию, а также в какой то мере на современную. Вся научная деятельность Ульянова свидетельствует о том, что он был оппонентом этого направления.

Две статьи Ульянова: «Ignorantia est» и «Басманный философ» — в сущности предвзвешивают дискуссию на тему глобализации, ее идеологии и практики. Ульянов в отличие от авторов «Вех» подчеркивает плагиатный характер этой идеологии, указывает на тот факт, что при ее помощи русская интеллигенция выстраивала ложный образ русского общества, прежде всего — народа (крестьянства). Петрашевский, Белинский, Герцен, Огарев и другие русские интеллигенты, по мнению Ульянова, занимались затмением образа русской истории, выдавая себя одновременно за пророков. Они давали ложные диагнозы, которые якобы вытекали из закономерностей русской истории. Все это Ульянов называл утопическими грезами. Основоположником этой традиции, по мнению Ульянова, является Петр Чаадаев («Басманный философ»).

Компанеец Валерий Васильевич,

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный университет

Феномен В. Г. Распутина в контексте европейского традиционализма

В центре доклада стоит соотнесение мотивно-образной и художественно-антропологической системы В. Г. Распутина с концепцией Мирчи Элиаде как крупнейшего представителя интегрального традиционализма

в западноевропейской культуре. И хотя данная параллель лишена очевидной фактологической основы (Элиаде стал переводиться в России только в последнее десятилетие прошлого столетия, когда произведения русского автора прочно заняли свое место в национальной культуре), переключка философа и прозаика имеет общеевропейскую проблематику. Это движение человечества по пути прогресса, ложное и истинное в этом движении, целесообразность обращения современного мира к многовековому опыту поколений. Все это актуализирует в сознании и подсознании человека устойчивые архетипические концепты.

Важно, что философ не считал себя историком религии; для него человек «традиционных обществ» — это личность, чья поведенческая модель неразрывно связана с понятиями мирского и сакрального. Не декларировал свою принадлежность к христианскому вероучению и Распутин, и его персонажи (знаменитые старухи), которые, благодаря сращенности с природно-тварным окружением, живут в соответствии с естественным природным циклом. Однако оценивают они свое существование с главной высоты — высоты смертного часа, когда житейские нужды и потребности кажутся ничтожными. Но дело не только в эсхатологических настроениях, роль которых (особенно в «Прощании с Матерой») не может быть преуменьшена. Выявляя структурные различия в поведении религиозной и нерелигиозной личности, М. Элиаде обращает внимание на отношение человека к так называемым иерофаням, т. е. к тем вполне обыденным явлениям, через которые просвечивает священное начало мира, инобытие.

Данный тезис репрезентативно проецируется на распутинский текст. Пример: сакральность пространства обусловлена наличием сакральных объектов, к которым относятся храмовые постройки. Церковь на Матере стоит и теперь, но в советские времена ее приспособили под склад. Тем не менее остров не лишился высшей благодати: эквивалентом храма стал «царский листвень», верхушка которого срезана грозой. Но и без верхушки (подобно тому, как церковь без креста) дерево не потеряло мощного величия, будучи символом и залогом жизнестойкости деревни. В итоге возникает двузначная ситуация: до того, как сбили крест, старухи клали ему поклоны, что вовсе не мешало под Пасху и на Троицу у корней лиственницы складывать угощение. И хотя эти «подати», как и поклоны в сторону креста, постепенно сошли на нет, общее почтение к величественному дереву осталось, даже в то время, когда молитвенное стояние переместилось с «соборного» места в индивидуальное — красный угол в избах. Да и батюшки церковь давно лишилась, а у лиственя нашло приют невидимое существо — загадочный Хозяин острова, оставшийся с героинями до последней минуты их материнского бытия. Это не пример двоеверия, о котором говорила классическая мифологическая школа, и не рудименты язычества, но знак присутствия в обыденности иерофаний, которые соотносятся с другой составляющей человеческого поведения — крипторелигиозностью.

Наконец, нельзя не отметить другого значимого совпадения. Один из разделов книги М. Элиаде «Священное и мирское» назван *Terra Mater*. Ономастическая параллель с Матерой не требует доказательств. Традици-

онализм русского писателя и западноевропейского мыслителя во многом порожден однотипной ориентацией на идентичные духовно-нравственные ценности.

Кудрявцева Татьяна Юрьевна,

аспирант, Воронежский государственный университет

Ларин Сергей Алексеевич,

к. ф. н., доцент, Воронежский государственный университет

«Живое» и «мертвое» в пьесе братьев Пресняковых «Изображая жертву»

Главный герой пьесы Пресняковых «Изображая жертву» отмечен печатью потустороннего мира. Он изображает жертвы (фактически трупы) во время следственных экспериментов и в результате сам едва ли не становится «живым трупом».

Из пяти «альтер эго» Вали, а именно так называют в пьесе главного героя, двое — мужчины (лишь один из которых Конь-Кинев присутствует во всех вариантах пьесы) и три — женщины, пострадавшие от ревнивых, разгневанных, уставших от супружества или запутанных личных отношений, мужчин. Может показаться, что женщине отведена лишь роль жертвы, а «изображать жертву» — значит превращаться в женщину. Однако на самом деле все не столь однозначно. Уже в первом эпизоде пьесы явившийся из потустороннего мира Валин отец прямо говорит, что в его смерти виноваты жена и брат.

Мать Вали предстает в образе жестокой тиранки, требующей от сына покорности, а свое могущество и всеислие она (подобно другим женским персонажам Пресняковых) видит в возможности контролировать главные акты человеческой жизни — рождение и смерть.

Однако герой и сам добровольно соглашается на роль жертвы, стремится оказаться в «зависимом» положении: он просит «подружку» подушить его, чтобы «загасить» проявление либидо. Отношения с женщиной здесь очень напоминают погружение в воду: отсутствие воздуха маркирует переход в пограничное, «трансовое» состояние — по сути, имитацию смерти. Отдаваясь во власть женщины, мужчина как бы сам перекрывает себе кислород, превращает себя в жертву, лишает жизни. Своего рода границей, порталом между миром живых и миром мертвых, выступает в пьесе водная стихия. Неслучайно отец главного героя, пришелец с «того света», предстает в образе моряка «в черном длинном пальто, клёшах, в бескозырке с якорем и большим зеленым рюкзаком за плечами».

В бассейне, в воде, погибает так и не сумевшая сделать выбор между братьями Закировыми легкомысленная, недалёковидная Яна, пожелавшая, вероятно, одновременно воспользоваться покровительством обоих. Очевидно, что героиня (как и другие женские персонажи Пресняковых) сама — своим поведением — провоцирует мужчину на преступление. Эта логика открыто озвучена в пьесе «Терроризм»: «...это <...> такой замкнутый круг, когда мы сами, сами подкидываем себе то, что нас потом и убивает <...> получается что <...> мы сами себя убиваем?..»

Вода не только посредник, «мост» между мирами, но и субстанция пугающего Валу преображения. Соприкосновение с водой для героя столь же нежелательно и опасно, как взаимодействие с миром женщин — и то и другое равносильно гибели, потому что женская природа, призванная порождать, давать новую жизнь, в пьесе оказывается не «созидающей», а убивающей, лишающей жизни.

Стремясь освободиться от тотальной власти матери, власти женщины, Валя избирает уже опробованный ею (женский) способ — отравление и убивает жизнь, которую так боится.

В финале пьесы отравленные Валею герои переодеваются в матросскую форму и под звуки песни об английском моряке и красивой японке отправляются в свое последнее путешествие.

Полякова Наталья Александровна,

к. ф. н., старший преподаватель, Пермская государственная академия искусства и культуры

Мотивная структура рассказов Захара Прилепина

Рассказы З. Прилепина, при всем многообразии их тематики, обладают весьма устойчивой общностью мотивов, или повторяющихся сюжетобразующих элементов. К таким элементам можно отнести отдельные микрообразы, художественные детали, повторяющиеся имена и фамилии героев, подчас «говорящие» и такие внесюжетные элементы, как лирические отступления и внутренние монологи героев. Особенно заметную роль в повествовании играют такие мотивы, как мотив свободы и несвободы, мотив убийства и отвращения к нему, мотив неприятия насилия, мотив отрочества — или «пацанства», по словам автора, — и некоторые другие. З. Прилепин создает стилистически «брутальные» тексты, где центральной темой становится борьба жизни и смерти и ощущение героем хрупкой грани между ними. При этом скрытая «пружина» внутреннего драматизма повествования передана с помощью повторяющихся мотивов. Повторение одних и тех же мотивов в разных произведениях позволяет «слепить» внутренне целостный психологический портрет современника писателя, неслучайно многие его герои и сюжеты имеют автобиографические черты. Обозначение Прилепиным героев не именами, а прозвищами или знаками, символами укрупняет повествование, придавая ему свойства мифологически-реалистического.

Прохорова Татьяна Геннадьевна,

д. ф. н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Формы рецепции романа Ф. М. Достоевского

«Преступление и наказание» в рассказе Ю. В. Буйды

«Века Авраама и стад его»

Диалогические связи с творчеством Ф. М. Достоевского проявляются во многих произведениях Ю. В. Буйды. Особенно показателен в этом плане его цикл рассказов «Осорьинские хроники», где они проявляют себя и че-

рез актуализацию проблематики, характерной для прозы Достоевского, и через обращение к определенным типам героев, через сквозные мотивы, аллюзии, реминисценции, воссоздание самого образа писателя, рефлексию героев над его произведениями. Цель исследования — выявление характера рецепции романа Достоевского «Преступление и наказание» в рассказе Буйды «Века Авраама и стад его».

Рассказ, в заглавие которого вынесена цитата из романа «Преступление и наказание», завершает «Осорьинские хроники» и одновременно замыкает тот внутренний сюжет, связанный с творчеством Достоевского, который проходит через весь цикл. В рассказе актуализируются тема преступления и наказания, проблема цели и средств ее достижения, вины и ответственности, идея целого и трагедия ее утраты. Поскольку главный герой рассказа Буйды является специалистом по творчеству Достоевского, в своей рефлексии он дает философское осмысление его прозы. Одновременно автор ставит своего героя в ситуацию Раскольниковова, совершившего преступление под влиянием идеи-страсти. Диалог с Достоевским проявляет себя через интертекст, а также прямое цитирование романа «Преступление и наказание». Рецепция Достоевского сопровождается у Буйды не только литературной рефлексией, но и метарефлексией и исторической рефлексией, осложняется философской рецепцией опыта экзистенциализма.

Сафьер Элен-Анри,

к. ф. н., доцент, Университет Париж-Сорбонна (Париж IV, Франция)

Эссеистика поэта Виктора Кривулина

В докладе затрагиваются следующие темы. Эссеистика Кривулина: общие черты; основные темы: «Петербургский миф», вопрос о «второй» культуре, судьбы русского языка, поэты-современники и т. п.; эссе Кривулина на фоне его поэзии: попытка сопоставления; место кривулинской эссеистики в истории жанра в России.

Скарлыгина Елена Юрьевна,

к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**«Третья волна» эмиграции:
саморефлексия и самоидентификация**

Борясь с коммунистическим режимом, испытывая давление цензуры, представители «третьей волны» эмиграции обретали на Западе свободу, совершенно не представимую на родине. Но зачастую они сохраняли в себе ту категоричность в оценках и нетерпимость к инакомыслию, которые приобрели за годы советской жизни. На примере ожесточенной полемики между журналами «Континент» и «Синтаксис» мы видим, как в среде «третьей волны» эмиграции произошел раскол и как представители старшего поколения (В. Максимов, А. Зиновьев, А. Солженицын) во главу угла выдвигали прежде всего идеологические требования: и к западному сообществу, и к своим недавним соотечественникам.

Саморефлексия и самоидентификация «третьей волны» проходила очень сложно, поскольку значительная часть жизни этих литераторов-эмигрантов была прожита в СССР. Представляются очень интересными формульные названия произведений З. Зиника: сборник эссе «У себя за границей» и повесть «Перемещенное лицо». Какие привычки и воспоминания увозит с собой эмигрант? Насколько органично он вписывается в новую жизнь? Представители «третьей волны» эмиграции ответили на эти вопросы и в многочисленных интервью, и в мемуарных записях.

Младшее поколение «третьей волны»: Саша Соколов, Эдуард Лимонов, Юрий Милославский, — были в своих литературных текстах намного более свободными от идеологии, их больше интересовали формальные поиски, постмодернизм как направление. Саша Соколов не раз высказывал претензии к В. Максимову и «Континенту» в связи с тем, что в журналистско-писательской среде «третьей волны» возобладала тяга исключительно к реализму, что писательский поиск и эксперимент — особенно на стилевом уровне — не поощрялись. Фридрих Горенштейн, напротив, благодарил В. Максимова как редактора за то, что его произведения, отвергнутые другими изданиями, печатались в «Континенте».

«Третья волна» эмиграции была творчески активной, довольно быстро создала свои издания («Время и мы», «Континент», «Синтаксис», «Стрелец», «22») как в Европе, так и в США, в Израиле. В журналах и альманахах «третьей волны» непременно печатался самиздат, поступивший по тайным каналам из Советской России. И сегодня со всей уверенностью можно сказать, что литературный процесс в СССР 1970–1980-х гг. нужно рассматривать как многослойный, обязательно включающий в себя и произведения литераторов «третьей волны», и неподцензурную культуру. А «третью волну» эмиграции можно с полным основанием считать «запасной площадкой» русской культуры, которая помогла ей выжить в эпоху жесточенных цензурных гонений.

Степанов Андрей Дмитриевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Современная российская антиутопия

Наиболее явной тенденцией, которая проявилась в полную силу в 2004–2008 гг. и была продолжена в дальнейшем, был «бум антиутопий». В этот период писатели и журналисты стали один за другим выпускать романы, в которых ближайшее и отдаленное будущее России представлялось в дистопических формах. Причиной такого поворота стала прежде всего неопределенность политического будущего. Поскольку антиутопия часто прибегает к аппроксимации и линейному прогнозированию (продлению наметившихся в настоящем линий развития в будущее), то многие художественные тексты 2004–2008 гг. представляли картину жизни страны через пять — десять — двадцать лет как гиперболу современных тенденций: «хаотических» или «имперских», в зависимости от политических убеждений и глубины скепсиса автора. Сочинения, в которых предсказывался

хаос и распад, количественно преобладали. Так, в романах Александра Проханова «Теплоход „Иосиф Бродский“» и Сергея Доренко «2008» изображался нерешительный президент, отказывающийся идти на третий срок, что приводило в конечном итоге к кровавой революции. В романе Сергея Минаева «Media Sapiens» бессовестный политехнолог на западные деньги дискредитировал власть с целью отмены «третьего срока» и победы оппозиции. Ольга Славникова в романе «2017» изобразила революцию, повторившуюся через сто лет после октября 1917 г.

Как показало время, произведения, в которых предсказывался «хаотический» сценарий будущего, оказались всего лишь свидетельствами определенных настроений в обществе середины 2000-х гг. Они не получили продолжения и были быстро забыты. В отличие от них, те немногочисленные антиутопии, в которых предвиделось усиление авторитарных тенденций, международная изоляция России, повторение исторических ошибок и — шире — возвращение архаических тенденций, оказались востребованы и в условиях 2010-х гг.

Через десять лет после начала «бума антиутопий» можно определенно сказать, что самой значимой отечественной книгой первого десятилетия XXI в. стал роман Владимира Сорокина «День опричника», предсказывавший, что авторитарные тенденции приведут к реставрации империи и возвращению прежних исторических форм власти и культуры. Автор доклада доказывает, что Сорокин, посвятивший жизнь беспощадному уничтожению «литературности» со всеми ее мотивами и приемами, конструирует новую реальность из обломков разрушенной, де-конструированной. Отличительной чертой как мира России 2028 г., так и отдаленного будущего, изображенного в романе «Теллурия», Сорокин считает эклектичность (которая отражает состояние современного российского социума).

В романе М. Елизарова «Библиотекарь» (2008) ведущую роль играют ритуалы, призванные поддержать единство страны и общества. Не веря в спасение через культурную память (код или знак), Елизаров надеется только на ритуальное заклинание и через него — на высшие силы. Конечной же целью ритуала оказывается обретение сообществом единства и веры. Из этого следует парадоксальный вывод: в «Библиотекаре» выражена идея не советской, а классической русской литературы. Именно она идеализировала общину, соборность, церковь, любое добровольное объединение людей во имя спасения души и служения истине. Таким образом, в творчестве признанных писателей-постмодернистов можно увидеть традиции «преодоления постмодерна» и возвращения к классическим ценностям, в конечном итоге — к реализму.

Шилова Наталья Леонидовна,

к. ф. н., доцент, Петрозаводский государственный университет

**Образ острова в рассказе Ю. П. Казакова «Адам и Ева»:
поэтика пространства**

Образы островов неоднократно встречаются в прозе Ю. П. Казакова («На острове», «Северный дневник» и т. д.). Существенную роль этот образ играет в рассказе «Адам и Ева» (1962), герой которого, московский худож-

ник Агеев, отправляется на Север «писать рыбаков». В рассказе остров, названный Сег-Погост, противопоставлен «большому миру», в том числе неоднократно упоминаемым Москве и Петербургу.

В «Адаме и Еве» образ острова выступает как пространство инаковости, что соответствует сложившейся русской и мировой культурной традиции, в рамках которой остров часто выступает как «носитель иного, особенного, исключительного» (В. Айрапетян). Путешествие на северный остров для героя-художника сродни отшельничеству. Большую роль в развитии этого смыслового пласта играют библейские мотивы, акцентированные заглавием, и образ древней церкви на острове, прототипом которой стала кижская Преображенская церковь.

Образ острова в данном случае коррелирует с фигурой главного героя, испытывающего конфликт с окружением и, главным образом, с официальными структурами. Устанавливаемые автором пространственные отношения (остров — материк, Москва — Север и т. д.) проясняют систему ценностных ориентиров в художественном мире автора и позволяют многое понять в сложном и противоречивом образе главного героя «Адама и Евы».

Отношения героя с местом символически отражают отношения героя с миром. На фоне типичной для Казакова богатой визуальной, аудиальной и ольфакторной картины изображаемого мира островное пространство показано в рассказе царством тишины и темноты. «Немая чернота» острова, церкви, окружающего мира — один из доминирующих мотивов в описании островной жизни героя. Лишь изредка первозданную тишину заповедной земли нарушают человеческие голоса, одинокий звук моторки или гул самолета. Эта тишина — «полная», «немая» или даже «неестественная мертвая» — атрибут пространства, как будто еще не освоенного человеком и, одновременно, параллель к тому началу времен, к той исходной точке, которая играет большую роль в сюжете рассказа и обозначена в его заглавии.

«Адам и Ева» в этом смысле не просто рассказ о современном преломлении истории мужчины и женщины, но и очередная попытка писателя вернуться к началу начал, подойти к решению главных вопросов, как бы отмотав время и человеческую историю назад. Причем это путешествие во времени осуществляется через путешествие в пространстве к заповедному острову.

Островное пространство играет ключевую роль и в любовной коллизии рассказа. На Сег-Погост Агеев приезжает со своей московской подругой, но отношения, начавшиеся в столице, оказываются невозможными в новом локусе. В финале рассказа показана драма расставания, когда, после короткого и мучительного совместного пребывания, Вика покидает Сег-Погост, и Агеев остается один на острове с древней темной церковью.

Тема поиска смыслов, реализующаяся в путешествии главного героя на остров, формирует важный для прозы Ю. Казакова и, как кажется, недооцененный критиками и исследователями философский план проблематики, где главенствуют экзистенциальные вопросы о времени, жизни, смерти и о месте человека в мире, сближающие прозу Ю. Казакова с магистральными линиями русской и мировой прозы XX в.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУР

Алилова Джульетта Гаджиевна,

д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Англо-кельтские связи и их роль в эволюции поэзии английского Просвещения

В ярких образцах поэтического искусства позднего периода английского Просвещения прослеживается сочетание германского и кельтского элементов, ставшее наиболее очевидным в связи с начавшимся в 1750-х гг. Кельтским возрождением и переосмыслением «готического» как общекультурной традиции Англии.

В числе этих литературных образцов, прежде всего, оссиановская поэзия в «переводе» Дж. Макферсона (1760–1763, 1765), поэмы Т. Чаттертона, причисленные исследователями (Р. Тейлор) к «оссиановским» («Ителгар», «Кенрик» «Кердик», «Годред Крован», две версии «Хирласа», «Гордмунд», 1769–1770, опубл. 1803), «валлийские» сочинения Т. Грея («Триумф Оуэна», 1768, «Смерть Хозла», «Конан», «Карадок», опубл. 1775), старинные баллады, претерпевшие литературную обработку У. Шенстона и Т. Перси для издания «Памятников старинной английской поэзии» (1765).

Органическое сочетание германского и кельтского элементов в просветительской поэзии Великобритании свидетельствовало о ее отходе от прежде доминирующего романского влияния, в результате чего появилось и утвердилось иное чувство стиля, сюжета, формы, цвета. Это произошло вследствие обращения к глубинным национальным истокам и прежде всего к кельтским легендам и мифам, которые в большинстве своем не могут быть локализованы ни во времени, ни в пространстве. Так, в третьей четверти XVIII в. англо-кельтская литературная традиция стала определяющей на Британских островах. Важную роль в возрождении кельтской поэтической традиции сыграло издание, подготовленные Э. Эвансом «Образцы сочинений старинных валлийских бардов» (1764), сопровождаемое научным трактатом о бардах VI–XVI вв. Именно на этот сборник в той или иной степени были ориентированы издания, связанные с возрождением поэзии кельтского мифа: двухтомник Э. Джоунза «Музыкальные и поэтические реликвии валлийских бардов» (т. 1, 1784) и «Бардовский музей древней британской литературы» (т. 2, 1802), сборник Ш. Брук «Памятники ирландской поэзии» (1788, опубл. 1789).

В период Позднего Просвещения в фокусе внимания поэтов, филологов, литературных критиков оказалась полуторатысьчетлетняя кельтская бардовская традиция, сыгравшая главенствующую роль в сохранении национального мифа и во многом предопределившая тенденции развития национального поэтического языка и его просодических качеств. Возрожденная кельтская поэзия мифа послужила для авторов Нового времени поэтическим стержнем, вокруг которого происходило развитие и преодоление заданных традицией образцов. В корне был пересмотрен распространенный у просветителей взгляд на мифологию как на порождение людского

невежества, заблуждение человеческого разума. Миф стал рассматриваться как подлинная и конкретная реальность, в которой нет ничего случайного, ненужного, произвольного.

Англо-кельтские литературные взаимодействия дали импульс к открытию и возрождению кельтской поэзии мифа, которая представила уникальный, практически неизвестный (или забытый) в Англии пример подлинно поэтического повествования, где аналитические, описательные и обобщающие тенденции подчинены стремлению приблизиться к живой непосредственно звучащей речи. Возрождение поэзии национального мифа стало возможным благодаря органичной архаизации художественного текста, использованию развернутой системы поэтических формул, мотивов и реминисценций, что позволило авторам колоритно воссоздать «средневековый» мир с его характерными интонациями, ритмами, сочетаниями слов. В английских поэмах третьей четверти XVIII в. доминирующей стала поэтика формул и реминисценций, которая в свою очередь выявила то, что высокохудожественные литературные сочинения вне зависимости от своих пространственных и временных характеристик сопровождаются мифологией, питаются ею, целиком и полностью основываясь на ее интуитивном начале.

Алташина Вероника Дмитриевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Опасные связи М. Ю. Лермонтова:

Шодерло де Лакло и маркиз де Сад

М. Ю. Лермонтов прекрасно владел французским языком и очень много читал, интересуясь всеми литературными новинками. В своей творческой биографии он называет имена всего лишь 17 французских авторов, не упоминая при этом тех, кто оказал на него явное воздействие, как, например: Констан, Мюссе, Гюго, — влиянию которых на творчество русского поэта посвящено много трудов.

Несмотря на то, что имена Шодерло де Лакло и маркиза де Сада, как и названия их произведений, не упомянуты Лермонтовым ни разу, на основании анализа историко-культурной ситуации, круга чтения современников и, прежде всего, анализа самих произведений русского поэта можно утверждать, что он был знаком с творчеством этих французских авторов, запрещенных не только в России, но и во Франции.

Известно, что Лермонтов увлекался философией и испытал влияние идей Шеллинга и Фурье, очень близких мировоззрению де Лакло и де Сада. Проблемы самопознания, свободы, добра и зла, веры и возмездия, ставшие центральными в творчестве русского поэта, были в центре философских размышлений французских романистов.

В идеологическом плане Лермонтов продолжает критику идей Просвещения, начатую де Лакло и де Садам.

Герой Лермонтова (Печорин, Арбенин, Демон), как и герой-либертен де Лакло и Сада, — «суверенный человек» (Батай), поставивший себя над другими, утверждающий свою власть через злодеяние и преступление.

Героев Лермонтова отличает та же апатия (бесчувственность, «холод тайный», безразличие к страданиям других), которая является характерной чертой либертена.

Идеи де Лакло и де Сада пронизывают творчество Лермонтова, проявляясь в поэтических произведениях («Демон», «Мой демон», «Дума» и др.) и драмах («Маскарад», «Странный человек»).

Наиболее яркое и интересное преломление идеи французских романистов находят в «Герое нашего времени», главный герой которого воплощает тип либертена и высказывает в своем журнале мысли, высказанные до этого его французским собратями — героями де Лакло и де Сада.

Анцыферова Ольга Юрьевна,

д. ф. н., профессор, Ивановский государственный университет

Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история»

Университетская проза попала в число интеллектуальных хитов последних десятилетий и заявила о себе как на пространстве серьезной, так и массовой литературы. Заметным событием в американской литературе начала 1990-х гг. стал дебют писательницы Донны Тартт (род. 1963) «Тайная история» (The Secret History, 1992), основанный на матрице университетского романа и включающий такие принципиально разнородные ряды, как элементы массовой литературы (черты триллера и романа нуар) и структурообразующее влияние античной культуры.

Создавая свой вариант университетского романа, Тартт извлекает максимум из традиционной замкнутости жанрового хронотопа. Она сжимает его до мыслимых пределов и делает его, наряду со своеобразно претворенными знаниями по классической филологии, почвой экзотического преступления. Внутри замкнутого университетского микрокосма писательница моделирует еще более закрытую ячейку — группу из шести студентов-классиков, которых объединят и накрепко свяжут не только совместное изучение античной литературы и преклонение перед ее преподавателем Джулианом Морроу, но и совместно совершенное преступление (по сути — групповое убийство), почвой для которого станет... погружение в античную культуру.

Подобно античной трагедии, в книге Тартт над всем главенствует идея рока. Высочайшее нравственное напряжение, владеющее читателем, связано с бессознательным ожиданием: заявят ли о себе непреложные законы человеческой нравственности, в частности, заповедь «Не убий», в этом герметичном академическом мире и если заявят, то как. Именно эта роковая обреченность делает наблюдение за юными эстетам и эллинофилами столь захватывающим. Античная культура как колыбель духовных богатств западной цивилизации оказывается поразительно актуальной — многосторонне и противоречиво актуальной. Преподавание античной культуры в американском университете как сугубо элитарного артефакта и выстраиваемая в романе рецепция античности заставляют очень серьезно задуматься

маться о значении литературных канонов для молодежи и для современной цивилизации в целом.

Упоенность автора и героев книги древнегреческой культурой в немалой степени способствует ее успеху. Студенты настолько увлечены мифами и языческими ритуалами, что пытаются воплотить их в жизнь. Сам роман вполне справедливо считают данью, отданной Донной Тартт «Вакханкам» Еврипида. У Донны Тартт этот характерный для американского культурного сознания идейно-тематический комплекс (избранничество + эскейпизм) связывается с идеями эстетизма, с его индифферентностью к морали, стремлением к острым ощущениям и декадентским, эстетским мировидением.

Размышляя о функциях античных аллюзий в университетском романе Донны Тартт, повествующем о странных и экзотических перипетиях студенческой жизни в одном из вермонтских колледжей, приходишь к выводу, что античная культура здесь вряд ли может рассматриваться в качестве нравственного ориентира для героев. Натяжкой было бы видеть в ней и особую призму, через которую студенты смотрят на самих себя и окружающее, т. к. в их устремлениях прикоснуться к древности преобладают не столько когнитивные, сколько гедонистические импульсы. Думается, гораздо вернее и плодотворнее будет рассматривать эту проблему в культурологическом и семиотическом плане, что позволит выдвинуть гипотезу о том, что античное наследие, культурный текст античности функционирует в художественном мире романа как код, как «новая система... знаков, обладающих другой степенью авторитетности в данной культуре», благодаря которой повествование об убийстве на кампусе «получает некую дополнительную значимость» (Ю. М. Лотман). Студенты-герои романа Тартт, впитывая античные тексты, не просто «приобщают сообщение к уже имеющимся». Под их влиянием они испытывают свои судьбы на излом, занимаясь, по сути, житнетворчеством за гранью добра и зла. Моральный релятивизм их «перекодировки» античности очень созвучен с общей трансгрессивностью культуры на кризисном рубеже XX–XXI вв.

Аствацатуров Андрей Алексеевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Генри Миллер и Марсель Пруст (к постановке проблемы)

Американский писатель Генри Миллер испытал значительное влияние прозы Марселя Пруста, однако, будучи мощной оригинальной фигурой, сопротивлялся влиянию своего литературного «отца», уклоняясь от рабской подражательности. Феномен такого рода взаимоотношений авторов подробно описан Гарольдом Блумом в работе «Страх влияния». Миллер создает прозу отчасти в прустовской психологической манере, однако его интенция во многом антипсихологична и направлена на разрушение т. н. «внутреннего», т. е. психологизированного персонажа.

Миллер критикует Пруста (эта критика несправедлива) как писателя невротически ориентированного на прошлое. Пруст, по мысли Миллера,

стремится открыть в предметах не подлинную жизнь в ее непредсказуемости, а жизнь симуляционную, развитие которой приведет к вполне ожидаемому результату, зафиксированному в прошлом и не подлежащему изменению. Пруст, полагает Миллер, рассуждает о прошлом как о навсегда ушедшем, отделенном от настоящего, которому в его романах так и не находится места. Свою полемику с Прустом Миллер открывает в романе «Тропик Рака».

Если в «Тропике Рака» Миллер пытается модифицировать метод Пруста, то в «Черной весне» он начинает борьбу с влиянием французского писателя сразу на двух фронтах, выступая, с одной стороны, против прустовских приемов воссоздания прошлого, с другой — против того содержания, которое несут в себе эти ущербные, с точки зрения Миллера, приемы. Пруст, говоря о юности своего персонажа, идеализирует ее, представляя прошлое Марселя идиллическим миром, навсегда ушедшим и оживающим лишь в воспоминаниях. Прошлое превращается в идеал, симуляционную систему, не укорененную в мировой воле, в содержание ущербного искусства.

В «Тропике Козерога» Миллер строит свое описание детства во многом на иронических отсылках к «Поискам утраченного времени». В его романе детство сопряжено не только с земными радостями невинного ребенка, но и с жестокостью, насилием, абсурдом жизни, грубой чувственностью, эротизмом, физиологическими реакциями растущего организма и т. п.

Бейнарович Ольга,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Исторический роман В. Скотта, А. де Виньи и А. Дюма

Основоположителем жанра исторического романа является Вальтер Скотт. Основной задачей, стоящей перед автором исторического романа, он считал воспроизведение нравов, а не событий и фактов. Альфред де Виньи — автор первого французского исторического романа — продолжил традиции В. Скотта. Александр Дюма, являясь их последователем, развил этот жар и внес в него новые черты. Как Скотт и де Виньи, Дюма видел основную задачу в том, чтобы воссоздать дух эпохи. Он тщательно изучал опыт своих предшественников, особенно Вальтера Скотта. В «Истории моих животных» (1858) Дюма анализирует метод Скотта и говорит, чем он отличается от его собственного.

Для романа, в том числе и исторического, традиционно необходима, прежде всего, любовная интрига. Вальтер Скотт нашел средство сочетать романический и исторический интересы. Вымышленные герои являются у него носителями романического элемента, а исторические персонажи — исторического. Виньи, в отличие от Скотта, считал, что исторического и романического героя следует соединить в одном лице, которое должно быть одновременно и политическим деятелем, и любовником. Метод Дюма отличается от всех вышеизложенных и в то же время не абсолютно чужд им, т. к. в нем искусно соединяются элементы, по отдельности доминирующие у Скотта и Виньи.

Исторические персонажи играют важную роль как в романах Виньи, так и у Дюма. Однако писатели по-разному подходят к изображению исторических деятелей. Интересно сравнить образ кардинала Ришельё в трилогии о мушкетерах Дюма и в романе Виньи «Сен-Мар».

Братчикова Надежда Станиславовна,

д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Властитель дум финляндского общества XIX в.:

Юхан Людвиг Рунеберг

Крупнейшим шведоязычным поэтом середины XIX в. был Ю. Л. Рунеберг, для творчества которого было характерно сближение литературной и фольклорной традиций. Народность произведений Рунеберга носит патриархально-идиллический характер. В очерке о волости Саариярви писатель повествует о простых людях, неимущих постояльцах дворов, странствующих нищих. Близость к природе способствовала особому душевному складу этих людей, их склонности к внутреннему самосозерцанию, отсутствию в них суетности. Рунеберг вводит в литературу понятие двух Финляндий (прибрежной и материковой), двух разновидностей национального характера. Истинная родина, по представлениям Рунеберга, отыскивается там, где еще находит приют патриархальность.

В поэзии писателя акцент делается на «гордой бедности» финнов, на ценностях патриархально-крестьянской морали. Особое место в творчестве писателя занимает контрастивное противопоставление материальной нищеты и нравственного величия людей из народа. Лирика проникнута горячей любовью к Финляндии. Наиболее известной идиллией Рунеберга является героическая баллада о финском крестьянине Пааво Саариярви и его героической борьбе с суровой природой. В поэме «Охотники на лосей» создан еще один национальный персонаж — Арон, герой, наделенный чувством «очарования настоящим». Впервые в финской литературе Рунеберг создал национально-самобытные характеры.

Бурмистрова Елизавета Валериевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

Стефан Георге и прерафаэлиты

В исследовательской литературе зачастую недостаточно подробно освещается проблема взаимосвязи творчества Стефана Георге (1868–1933) и поэзии викторианской Англии, в том числе прерафаэлитов. Как правило, основным литературным направлением, определившим поэтический стиль Георге, считается французский символизм. Однако можно обнаружить целый ряд параметров, сближающих поэзию прерафаэлитов с литературным творчеством Георге. Так, прерафаэлитам были присущи неоклассические тенденции, которые свойственны и Георге. Стремление

творить в строгих поэтических формах, своего рода эстетический консерватизм также роднит Георге именно с прерафаэлитами, а отнюдь не с французскими символистами, тяготевшими к экспериментам в области формы. Стоит отметить в этой связи, что знакомство Георге с работами прерафаэлитов (визит в Лондон в 1888 г.) предшествует его посещению Парижа, где он вошел в кружок французских символистов. Элементы социальной критики, присущие поэзии прерафаэлитов, не чужды и текстам Георге, немаловажным компонентом которых является изображение путей переустройства общества.

Творческая автономия искусства и художника — еще один постулат, взятый на вооружение как прерафаэлитами, так и Стефаном Георге. Сближают их также любовь к историческому прошлому и стремление эстетизировать его в своем творчестве, эстетизированный католицизм, нарративный («балладный») элемент в поэзии (отсутствующий, например, в поздней лирике Малларме и Рембо), активное использование экфрасиса, «напряжение между эстетическим и аскетическим» [Klieneberger, 1991. P. 11], интерес к Платону и Данте, свойственный как кружку Георге, так и У. Пейтеру и Д. Г. Россетти.

Еще один показательный аспект — любовь к декоративности, как стилистической, так и «вещественной» («Движение искусств и ремесел» У. Морриса, изобретение С. Георге собственного шрифта, утверждение книгопечатания и книжной графики в качестве полноправных видов искусств). Интерес представляют также переводы нескольких стихотворений Д. Г. Россетти и близкого круга прерафаэлитов А. Ч. Суинбёрна, выполненные Георге и обнаруживающие, с одной стороны, попытку как можно точнее передать облик и смысл оригинала, а с другой стороны, черты индивидуального поэтического стиля Георге.

Литература:

Klieneberger H. R. Stefan George and English Aestheticism // H. R. Klieneberger. George, Rilke, Hofmannsthal and the Romantic Tradition. Stuttgart, 1991. S. 5–34.

Бурова Ирина Игоревна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Никитенко Юлия Николаевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Словесные портреты Елизаветы I в творчестве Спенсера в контексте эволюции искусства парадного портрета

В докладе проводится сопоставление трех словесных портретов королевы Елизаветы I, данных в творчестве Эдмунда Спенсера. Елизаветинскую эпидейктическую поэзию можно рассматривать как словесный монумент, создатели которого заимствовали приемы других видов искусства; в частности, живопись подсказала им идею широкого использования цветовых эпитетов, наделенных определенным символическим значением. Спенсер,

«князь поэтов» своего времени, создал портреты королевы во всех тех поэмах, где сам выступил как поэт-пастух Колин Клаут: «Пастушеском календаре», «Возвращении Колина Клаута», «Королеве фей», — и эта маска давала ему возможность еще более открыто восхвалять Елизавету.

Если маска Колина остается неизменной, то портреты королевы заметно меняются. Портрет Элизы в эклоге «Апрель», входящей в «Пастушеский календарь», изобилует колористическими символами династии Тюдоров, подчеркивая законность Елизаветы как правительницы и ее принадлежность к великой королевской династии, что ставилось под сомнение как английскими, так и континентальными католиками. Изобразив Элизу как образец совершенства, в Книге первой «Королевы фей» Спенсер приступил к созданию усложненного варианта ее мифологизированного образа. Его усилия привели к тому, что портрет Елизаветы-Уны обрел по преимуществу эмблематический характер, представляя королеву как воплощение постоянства и верности. Хотя королева Глориана, еще одна маска Елизаветы I — великой правительницы в «Королеве фей», является абстрактным персонажем, который не принимает участия в событиях, описываемых в поэме, Цинтию в «Возвращении Колина Клаута» можно рассматривать как развитие этой ипостаси королевы. В менее живописном портрете Елизаветы-Цинтии, отмеченном обилием символических предметов, преследовалась задача подчеркнуть исключительность, могущество королевы и ее очевидное превосходство над прочими смертными, ее статус посредницы между небесами и миром людей.

Такие перемены в методах создания литературных портретов хорошо согласуются с тенденциями, выявленными в елизаветинской портретной живописи Э. Ауэрбах и другими историками искусства. Между тем не менее очевидно, что манера, в которой Спенсер создавал портреты Елизаветы, также соответствует переменам в политической ситуации: в портретах королевы после 1588 г., года разгрома «Непобедимой Армады», поэт уже не считал необходимым отстаивать идею легитимности Елизаветы, видя свою новую задачу в ее прославлении как неоспоримого европейского авторитета.

Васильева Эльмира Викторовна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Эволюция образа героя-странника: от немецкого «романа воспитания» к английскому «роману судьбы»

Несмотря на то, что И. В. Гёте не является создателем образа героя-странника, именно в «романе воспитания», образцом которого по праву считают его романы «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) и «Годы странствований Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» (1821), путешествие, предпринимаемое героем, становится важнейшим элементом в структуре произведения. При этом большое значение имеет метафорическая составляющая «странствования»: перемещения героя в пространстве служат метафорой его движения по жизни, его развития и становления.

«Роман воспитания», сформировавшийся в Германии в конце XVIII в., послужил источником для специфической жанровой разновидности романа, часто появляющейся в творчестве британских авторов в 1830–1860-х гг. Ряд отечественных и западных исследователей предлагает называть эти произведения также «романами воспитания», однако более уместным оказывается термин «роман судьбы».

Преемственность между двумя жанровыми разновидностями обеспечивается за счет элемента путешествия как метафорического странствования по жизни. Так, в романах английской писательницы Элизабет Гаскелл (1810–1865) путешествия героев маркируют прохождение ими важных рубежей в своем развитии. Применительно к ее творчеству можно говорить о широкой «географии» романов, в которых за разными героями закреплены разные локации. К примеру, в самом «камерном» из романов Гаскелл — «Крэнфорд» (1853), действие которого происходит в маленьком провинциальном городке, — география расширяется за счет введения в сюжет героя по имени Питер Дженкинс, прожившего большую часть жизни в Индии. В известном романе «Север и Юг» (1855) переезд главной героини из южного региона Великобритании на промышленный север страны служит более полному раскрытию ее образа и позволяет показать ее становление в изменившихся условиях. Наиболее же полно этот прием реализуется в последнем романе писательницы «Жены и дочери» (1866). За каждым из четырех центральных героев текста закреплено определенное место на карте мира, что позволяет писательнице более глубоко и точно раскрывать характеры и показывать их становление.

Власов Сергей Васильевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О неопубликованных статьях и заметках Б. Г. Реизова по сравнительному литературоведению

Нам удалось обнаружить в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук некоторые неопубликованные статьи и заметки известного советского ученого, члена-корреспондента АН СССР Бориса Георгиевича Реизова по сравнительному литературоведению, которые не привлекали до сих пор внимание исследователей. Эти архивные материалы датируются предположительно сороковыми годами прошлого века. Учитывая развернувшуюся уже в 1946 г. в СССР кампанию борьбы с космополитизмом, затронувшую не только советскую литературу, но и советскую науку, в том числе сравнительное литературоведение, можно уточнить крайнюю дату их написания: 1946 — начало 1947 г.

Изоляционистский и националистический подход советских партийных органов в послевоенное время к вопросам литературы и науки явно противоречил убеждениям Реизова, широко и глубоко исследовавшего проблему литературных влияний. Так, в критическом разборе книги Жозефа Текста «Жан-Жак Руссо и происхождение литературного космополитизма» (1895) Реизов отмечает «примитивный компаративизм» автора, не удовлетво-

ряющий «нашим идеалам всестороннего и социологического изучения литературы» (л. 6 об.).

Ж. Текст не различает в своей монографии два разных течения литературного космополитизма, которые предлагает разграничить Б. Г. Реизов: «собственно литературный космополитизм» и космополитизм «этнографический» (л. 3 об.). Англomania во Франции в книге Ж. Текста представляется Б. Г. Реизову «совершенно случайной и ни на чем не основанной» (л. 6 об.). «Текст обратил внимание только на англomanie, на моду, на внешнюю поверхность событий» (л. 6 об.). «Влияние предполагает причинную связь двух явлений, у Текста мы не находим стремления отыскать эту причинную связь» (л. 6 об.).

Примером изучения литературных влияний с точки зрения причинных связей между ними может служить неопубликованная статья Реизова «Урбанистические темы у Некрасова и В. Гюго» («О погоде», «Меланхолия»). Цикл сатир Н. А. Некрасова «О погоде», напечатанный в 1859 г., и по некоторым мотивам, и по композиции, и по жанру напоминает одну их самых популярных в сборнике Гюго поэм под названием «Melancholia» (л. 4). Среди общих мотивов, позволяющих «утверждать некоторую генетическую связь между двумя поэмами», как полагает Реизов, «особенно характерен мотив истязаемой лошади, повторенный и Достоевским в «Преступлении и наказании» (л. 8).

В заметке «Стендаль и Гольдсмит» Реизов устанавливает еще до Анри Мартино [Martineau, 1949. Pp. 637–638], что источником девиза Стендаля «To the happy few» («Немногим счастливым»), встречающегося в конце «Пармской обители» и в других его сочинениях, является не «Генрих V» Шекспира (акт V, сцена 3: «We few, we happy few, we band of brothers») или 11-я песнь «Дон Жуана» Байрона («the thousand happy few»), а вторая глава романа «Векфильдский священник» Оливера Гольдсмита, по которому Стендаль, как и многие его современники, изучал английский язык.

Если заметка «Стендаль и Гольдсмит» представляет сегодня только исторический интерес, то заметка Реизова «„Сцена из Фауста“ и Лафонтен», дополняющая известную статью Б. В. Томашевского «Пушкин и Лафонтен», до сих пор не утратила своей новизны и актуальности. Рассмотрение «Сцены из Фауста» Пушкина в контексте французской литературы позволило Реизову найти совершенно неожиданную, на первый взгляд, параллель к «Сцене из Фауста» в «сказке» Лафонтена «Невыполнимое задание» (La chose impossible).

Для всестороннего исследования «Сцены из Фауста» Пушкина необходимо обращаться не только и не столько к оригиналу Гёте, сколько к его французским переложениям и другим произведениям французской литературы, которые выступали посредниками в восприятии Пушкиным самого Гёте. И здесь работы Реизова служат нам примером вдумчивого компаративистского анализа произведений мировой литературы.

Литература:

Martineau H. Notes de Stendhal. La Chartreuse de Parme. Paris, 1949. Pp. 637–638.

Горшкова Елена Анатольевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Архитектурные доминанты Лондона и Парижа в творчестве Эйнсворта и Гюго

Английский романист У. Эйнсворт (1805–1882) и французский писатель В. Гюго (1802–1885) являются современниками. Произведения Гюго до сих пор пользуются популярностью в Европе и Америке, а произведения У. Эйнсворта, к сожалению, в наше время почти забыты, хотя в середине XIX в. они были широко известны и неоднократно переводились на иностранные языки, в том числе и на русский.

У. Эйнсворт был последователем В. Скотта в области исторического романа нового времени. Его роман «Старый собор святого Павла» (1841) является одним из наиболее захватывающих произведений. В. Гюго как романтика тоже привлекала история, к которой он обращался в своих драмах и в романе «Собор Парижской Богоматери» (1831). У. Эйнсворт наверняка был знаком с «Собором Парижской Богоматери» В. Гюго, т. к. по ряду черт его роман «Старый собор святого Павла» совпадает с романом французского автора. И Гюго, и Эйнсворт рассматривают эпохи, далекие от них (в случае Гюго это Париж конца XV в., в случае У. Эйнсворта — Лондон середины XVII в.). И в том, и в другом произведении образ готического собора доминирует на всем протяжении повествования. И в романе французского писателя, и в романе английского автора судьбы героев тесно переплетаются с соответствующими архитектурными сооружениями.

Примечательно, что и в том, и в другом произведении имеются схожие по названию главы. Вторая глава третьей части романа Гюго называется «Париж с высоты птичьего полета». Шестая глава второй части романа Эйнсворта носит название «Старый Лондон с высоты старого собора святого Павла». Тем не менее исторические судьбы у этих двух готических архитектурных сооружений разные. В романе Эйнсворта готический собор уничтожен пожаром, и на его месте с течением времени сооружен новый собор по проекту архитектора К. Рена. Главный герой романа Леонард восхищается новым собором, но уже не испытывает того чувства благоговения и трепета, которое он испытывал по отношению к старому собору святого Павла. Старый собор является символом прошедшей эпохи, он был неразрывно связан с молодостью главного героя, с его первой любовью. Новый собор, выстроенный в классическом стиле, сменяет старый готический собор, что символизирует собой смену эпох.

В романе Гюго готический собор остается незыблемым, хотя и немного пострадавшим после мятежа (были разрушены главные двери собора). По словам Гюго, одной из главных целей его романа являлось внушить современникам любовь к национальному зодчеству. Писатель не случайно поднимал эту тему, т. к. в то время во Франции стали разрушать архитектурные сооружения Средневековья. Благодаря произведению Гюго мы и сегодня можем любоваться величественным собором Парижской Богоматери, который хотели снести современники писателя.

Гронская Наталья Эдуардовна,
профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (филиал в Нижнем Новгороде)

Зусман Валерий Григорьевич,
д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (филиал в Нижнем Новгороде)

Метакомпаративистика и/или компаративистика

1. Современная компаративистика может быть сфокусирована на сопоставлении динамических антропоцентрических тексто-контекстовых систем — дискурсов.
2. Дискурс — это корреляция текста, контекста и «языковой личности». Дискурсы в разных гуманитарных науках различаются соотношением в них постоянных и переменных величин.
3. Авторы доклада полагают, что в этом заключается природа метакомпаративистики. Именно поэтому они определяют метакомпаративистику как компаративистику дискурсов.

Данилевский Ростислав Юрьевич,
д. ф. н., главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН (Санкт-Петербург)

М. П. Алексеев и его школа сравнительного литературоведения

1. Состояние компаративистики в России до начала деятельности М. П. Алексеева.
2. Характеристика его идей по сравнительному литературоведению и основных трудов, начиная с монографии «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» (1936) и до руководимой им серии «Из истории международных связей русской литературы» (с 1960-х гг.) и его «Избранных трудов».
3. Характеристика «Алексеевской школы» и ее роли в развитии советского и российского сравнительного литературоведения.
4. Выводы об основополагающей роли Алексеева (наряду с В. М. Жирмунским, П. Н. Берковым, Б. Г. Реизовым и др.) в истории русской литературной науки XX в.

Данилина Галина Ивановна,
д. ф. н., профессор, Тюменский государственный университет

Сравнительное литературоведение как университетская дисциплина

Сравнительное литературоведение (литературная компаративистика) занимает важное место в многоуровневой системе университетского филологического образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура).

Один из современных вариантов учебно-методического обеспечения дисциплины разработан преподавателями кафедры зарубежной литера-

туры Тюменского государственного университета. Он представляет собой учебное пособие / хрестоматию «Сравнительное литературоведение» (2010–2011).

Концепция пособия базируется на нескольких ключевых компонентах: сравнительное литературоведение в истории отечественной науки; литературная компаративистика как современная научная парадигма; трансформационные модели компаративного анализа; потенциальные возможности сравнительного метода.

Опыт работы со студентами неоднозначен, но свидетельствует о продуктивности данного подхода.

Дуклау Алина Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

**Дон Джон и Дон Жуан:
художественное своеобразие
трагедии Томаса Шедуэлла «Либертен»**

Трагедия Т. Шедуэлла «Либертен» была представлена на сцене в 1676 г. Ранее, несмотря на популярность легенды о Дон Жуане на континенте, единственной попыткой интерпретации этого сюжета (весьма далекой от первоначальной версии) на английской сцене была пьеса Кокейна «Трагедия Овидия» (1662), в которой карфагенянина Ганнибала — «атеиста» и «либертена» — судьи подземного царства уводят в преисподнюю. В возрасте 25 лет Шедуэлл побывал во Франции, где, возможно, познакомился с комедией «Дон Жуан, или Каменный пир» Мольера и трагикомедиями Доримона и Виллье.

В предисловии к своей пятиактной трагедии Шедуэлл настаивает на том, что все события вплоть до середины четвертого акта (приглашение статуи на пир в замок Дона Джона и роковой ответный визит в склеп) являются плодом оригинального вымысла. Это не совсем так. Сюжетная линия трагедии Шедуэлла во многих ключевых моментах (отсутствующих у других авторов) совпадает с пьесой Розимона. С момента своего возникновения история Дон Жуана и ожившей статуи — это рассказ о наказании дерзкого богохульника и распутника. В XVII в. французские драматурги видят в Дон Жуане вельможу — эпикурейца, материалиста и гедониста, — мировоззрение которого сформировано сочинениями Гассенди и Сарасина. Дон Жуан, в высшей степени одаренный живым умом, остроумием, обаянием — «грацией», воспетой в трактате Б. Кастильоне «Придворный», — пробуждает в душе читателя (зрителя) симпатию и восхищение, что, вопреки благонамеренным стремлениям авторов показать греховность подобных взглядов, подводит к выводу, будто подчинение требованиям морали — удел людей заурядных, а натурам одаренным дозволено преступать нравственные нормы. Дон Жуан — убийца, но он убивает прогивника в честном поединке, соблазнитель — но его бесконечная погоня за ускользающей красотой, постоянно находящей себе новые (и недостойные) воплощения сама по себе вызывает восхищение.

Для Шедуэлла разоблачение материалистического мировоззрения было основной задачей. Его трагедия начинается с изложения Доном Джоном материалистических взглядов Гоббса. Из учения Гоббса Дон Джон сделал вывод, что Бога нет, а тем, кому это известно, все позволено, ибо они свободны от страха, удерживающего от греха. Дон Джон виновен в отвратительных преступлениях: он подослал наемных убийц к собственному отцу, изнасиловал бесчисленное количество женщин, включая родную сестру, он многоженец и отравитель. Дон Джон нападает при помощи двух подручных, убивает безоружных, надругавшись над жертвой, испытывает наслаждение при виде ее унижения. К тому же он туп и упрям. Несмотря на многочисленные предостережения, обращенные к нему из потустороннего мира (появление призрака убитого отца, адское пламя, вспыхивающее на корабле Дона Джона во время бури, ожившая статуя, тени убитых, призывающие к покаянию) Дон Джон продолжает упорствовать в своей гордыне и заблуждениях, отказываясь смириться перед очевидным.

Вилье и Доримон относили свои пьесы к жанру трагикомедий, имея в виду чередование «страшных» и комических, фарсовых сцен. Подобное рода смешение порицалось классицистической теорией. Пьеса Мольера относится к созданному им жанру высокой комедии. Шедуэлл назвал свою пьесу трагедией, имея в виду как дидактическую направленность данного жанра, так и чувства сострадания и страха, которые она должна пробуждать.

Пьеса эклектична. В ней есть сцены, написанные в жанре популярной в эпоху Реставрации комедии нравов, фарса, стихотворной пасторали. Теоретики драмы XVII в. (Драйден, Раймер, Деннис) требовали от трагедии соблюдения принципа поэтической справедливости (благополучное разрешение конфликта для положительных героев). Протагонист трагедии «Либертен» — чудовище, гибель которого в финале вызывает у зрителя облегчение. Сострадание вызывают многочисленные жертвы, — их гибель противоречит принципу поэтической справедливости, зато вызывает у зрителя жалость и усиливает эмоциональное воздействие пьесы, — тенденция, позднее реализовавшаяся в сентиментальной драме XVIII в. (у Н. Роу).

Ермакова Полина Юрьевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

«Во Франции это устроено лучше». Стилистическое своеобразие «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна и эстетика рококо

Вопрос стилистического своеобразия «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» Лоренса Стерна до последнего времени не был центральным вопросом стерноведения, т. к. не вызывала сомнений его принадлежность к сентиментализму. Лишь в последнее время высказываются предположения о влиянии рококо на стиль писателя. Я предлагаю на примере текста «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» и иллюстраций к нему убедиться, что динамика стилевых взаимодействий

в XVIII в. была напряженной и противоречивой, что сказалось и на визуальных воплощениях образов романа. В Англии рококо не сформировалось как самостоятельное направление, однако оказало влияние на социально-политическую, философскую и художественную сферы. В английской литературе стиль рококо, не являясь самостоятельным, нередко взаимодействует с основной стилиевой характеристикой того или иного произведения.

На материале французской литературы исследователи выделяют следующие характеристики романа рококо: свобода композиционной организации и нарушение традиционной иерархии, перенос акцентов с общественного на личное, внимание к интимности мнения, миниатюризация. Перенос акцентов на мелкое и незначительное в тексте нередко выражается посредством метонимии. На структурном и содержательном уровне для эстетики рококо характерна загадка, реализуемая с помощью приема намека, открытых финалов, умолчания и недоговоренности. То, что в рокайльную форму могут быть облечены просветительские, сатирические и дидактические наставления, позволяет говорить об идее эстетического компромисса рококо — о сложных взаимоотношениях разных стилей и компонентов в рамках одного произведения. Все перечисленные особенности вместе с всепоглощающей иронией придают произведениям этого стиля игровой характер. Обратимся к роману Лоренса Стерна и проанализируем, насколько эти характеристики свойственны тексту, иллюстрациям к нему и, шире, — визуальной культуре XVIII–XIX вв.

На сюжетном уровне рокайльные мотивы реализуется в сценах взаимодействия Йорика с героинями: дамой в Кале, гризеткой и служанкой. Галантными сценам, которые описывает Стерн, можно найти аналог в визуальных искусствах XVIII в., в основном в живописи и гравюре эпохи рококо. Стерн, создавая визуально насыщенные вербальные картины, апеллирует к уже существующей художественной традиции.

И незнакомку в Кале, и гризетку не раз иллюстрировали художники XVIII и XIX вв. Рокайльная двусмысленность этих сцен была считана иллюстраторами второй половины XIX в., когда второе рококо вновь стало модным стилем на континенте. Особенно выразительны гравюры француза Мориса Лелуара, в которых увлечение неорококо проявилось в полной мере. Недоговоренность Стерна — не только намек, но и сознательная ориентированность на фрагментарность повествования. Во фрагментарности Стерна можно обнаружить отражение современных ему художественных тенденций. В визуальных искусствах отрывок представляет модную идею «*image made by chance*». Фрагментарность повествования особенно очевидно визуализируется в иллюстрациях Мориса Лелуара.

Таким образом, подтверждением рокайльных особенностей «Сентиментального путешествия» служат: нарушение традиционной иерархии; эротизм; применение техники намека и эвфемизма; на сюжетном уровне — присутствие интриг, загадок, тайн; игровой характер взаимодействия точек зрения в романе, который достигается ироничным отношением героя к событиям и ироничным отношением автора к собственному герою. Изучение образов «Сентиментального путешествия», иллюстраций к нему и широкого контекста визуальной культуры эпохи приводят нас к выводу о противоре-

чивых стиливых взаимодействиях в XVIII в. и о том, что способы иллюстрирования и выбор объекта для художников всегда тесно связан с проблемой рецепции текстов и современной эстетической и интеллектуальной модой.

Жданова Лия Искандеровна,

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Советские постановки пьесы Дж. Стейнбека «Луна зашла» в 1940-х гг.

В марте 1942 г. на прилавках Америки появляется новая книга Дж. Стейнбека «Луна зашла», повествующая о захвате чужеземными войсками североевропейского городка. Повесть была написана в короткий срок по заданию государственной Службы иностранной информации, борющейся с нацистской пропагандой в США и за рубежом. Однако, несмотря на большой ажиотаж вокруг книги, американскими цензорами «Луна зашла» была принята весьма холодно: критика ставила в вину автору и отход от реалистической манеры письма, и слишком мягкое изображение фигур захватчиков, которое нивелировало агитационный запал книги.

Почти одновременно с повестью вышел в свет сценический вариант книги. О. Серлин выкупил права на постановку пьесы, ее премьера на Бродвее состоялась 8 апреля 1942 г. Однако уже 19 мая 1942 г. «The New York Times» опубликовал сообщение о снятии спектакля «Луна зашла» со сцены нью-йоркских театров по причине малых сборов [1].

В СССР повесть «Луна зашла» была переведена в том же 1942 г. и опубликована в 1943 г. Уже в 1943–1948 гг. было осуществлено не менее шести попыток ее инсценировки, однако только три из них («Луна зашла» Л. Лемперта (1943), «Долг мэра Оурдэна» К. Розова (1944) и «Побежденные побеждают» А. Бородина (1944)) смогли пройти цензуру и получить разрешение ГУРКа (Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром) на постановку в столичных театрах. Все пьесы рассматривались на высшем уровне, в их отборе учитывалось не только их художественное достоинство, но и агитационное значение.

При этом советские инсценировки повести «Луна зашла» претерпевали изменения как со стороны самих авторов, так и рецензировавших их чиновников ГУРКа. Так, в отзыве старшего политредактора Б. Ростовского сказано: «Изображение врага, несомненно, страдает у Стейнбека излишним объективизмом, который, конечно, не желателен на советской сцене. Однако, качество самого романа и уже внесенные автором инсценировки Л. Лемпертом изменения <...> обязывают к тому, чтобы это высокохудожественное произведение с определенной выше частичной доработкой могло найти доступ к зрителю» [2]. Другой драматург А. Бородин ввел в текст пьесы новых персонажей — шахтеров, оказавших большое сопротивление захватчикам, а также добавил отсутствовавшие в оригинале сцены обсуждения побед Красной армии над общим врагом.

Однако с течением времени и изменением ведущего политического курса страны восприятие пьесы «Луна зашла» в СССР меняется. Примером такого изменения является новая инсценировка пьесы — драма И. Прута

«Господин мэр» (1948). В ней захватчиками шахтерского городка выступают не немцы, а американцы. Также в пьесе И. Прута меняется и причина завоевания города — подавление локальных рычагов сопротивления, связанное с необходимостью осуществления контроля за странами, находящимися в материальной зависимости от Соединенных Штатов.

Дж. Дитски в статье «Европейская повесть/пьеса Стейнбека „Луна зашла“» отметил, что «Стейнбек, создавая пьесу и продумывая характеры, которые в своей основе вовсе не являются европейскими, добился драматического утверждения, в очертаниях которого европейская аудитория сумела распознать общечеловеческое — и самих себя» [3]. Инсценировка И. Прута доказывает, что картина «эпической борьбы народов девятнадцати оккупированных стран Европы» [4], нарисованная американским писателем Дж. Стейнбеком и не принятая в родной стране, оказалась способна подняться не только над пространством, из которого она вышла, но и над временем, над обстоятельствами конкретной войны, чтобы показать ее универсальность и столь парадоксальную закономерность.

Литература:

1. «Луна зашла» Стейнбека снята со сцены Нью-Йоркских театров // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075.
2. *Лемперт Л.* Луна зашла. Пьеса в 4-х действиях по роману Д. Стейнбека // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 4539.
3. *Schultz J.* Critical Companion to John Steinbeck: A Literary Reference to His Life and Work. New York, 2005.
4. «Джон Стейнбек требует открытия второго фронта» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070.

Жеребин Алексей Иосифович,

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Компаративистика на пути к транслатологии

В условиях транскulturализма на роль царицы наук все больше претендует транслатология. Перевод предстает как важнейший модус существования культуры и средоточие гуманитарного знания, его «современная эпистема». На наших глазах складывается новая область гуманитарных исследований — Translation Studies, которая осмысляет себя как результат парадигматического сдвига в дискурсе наук о человеке. Взаимодействие национальных литератур предстает тем самым как частный случай языковой и культурной практики перевода, регулирующей все системы социальной коммуникации, а компаративистика испытывает искушение переоплотиться во всеобъемлющую транслатологию и подарить ей свое имя. Проект преобразования компаративистики в Translation Studies не лишен привлекательности, но нуждается в теоретической легитимации. На роль последней могут претендовать несколько научных конструкций, среди которых наибольший интерес представляют, на мой взгляд, три процессуальные модели межкультурного перевода.

Зотова Татьяна Алексеевна,

к. ф. н., преподаватель, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Вознесение и странствие:

от мистериальной драмы к драме пути

Доклад посвящен изменениям, которые претерпела символическая драма с начала XIX по начало XX в. Начавшись как мистериальная, или универсальная, драма романтиков, имеющая тесные связи с драматургией Кальдерона и средневековой драмой, она изначально рассматривала вопросы бытия человека и мира прежде всего в христианском ключе. Уже на этой стадии обнаруживаются различия в католической и протестантской трактовке христианства, что отражается и в содержательном аспекте драмы. В творчестве Г. Ибсена («Бранд») конструкция и тип разрешения конфликта романтической драмы меняются, значительно увеличивается и усложняется роль характера персонажа.

В процессе исторического развития жанра прослеживается тенденция к ускорению темпа действия, его ритмизации, к более жесткой структуре пьесы в целом. В «драме пути» (А. Стриндберг, Ф. Верфель) структура редуцируется до «картин» или «станций» на пути персонажа, однако, в отличие от аллегорических, двумерных «картин» романтической драмы, они стремятся не изобразить весь мир *per se*, а объяснить его в том числе и через новое понимание человека и христианства.

Карасик Ольга Борисовна,

к. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Роман Майкла Чабона «Союз еврейских полисменов»:

**история и география как основа взаимодействия
реальности и вымысла**

Роман М. Чабона «Союз еврейских полисменов» представляет собой постмодернистское повествование, сочетающее черты «крутого детектива», антиутопии и альтернативной истории. Автор, соединяя реальные факты и вымысел, знакомит читателя с историей округа Ситка на Аляске, где в начале XX в. была основана еврейская колония, входящая в состав США на правах федерального округа. Все географические названия, фигурирующие в романе, существуют в реальности, однако описываемая ситуация вымышленная, и поначалу читателю кажется, что перед ним утопическое описание новой Земли обетованной, где евреи обрели мир и покой. Сюжетная схема романа вполне традиционна, однако ее наполнение оказывается неожиданным: протагонист полицейский Меир Ландсман, как и все население Ситки, говорит только на идише, носит пейсы и борется с местной мафией «вербоверов» — жителей острова Вербова, хасидов.

Главным объектом авторской иронии становятся фанатично преданные принципам иудаизма хасиды, выведенные в сюжете как «вербоверы» или,

как их называют местные копы, «черные шляпы». В соответствии с жанром через весь роман проходит линия расследования убийства, и еще в самом начале детектив Ландсман узнает, что убитый — единственный сын Вербоверского ребе. Молодого человека считали мессией, но он порвал с семьей, не вынеся груза возложенной на него ответственности. Очевидно, что писатель имеет в виду Хабад — наиболее распространенное хасидское движение в иудаизме, единственное из всех ответвлений ультраортодоксального иудаизма, имеющее вождя и учителя — Любавического ребе, непререкаемый авторитет и пример для подражания. Чабон осуждает любой религиозный фанатизм, показывая общину «вербоверов» как криминальную организацию, члены которой способны на любое преступление против людей, не принадлежащих к их общине, потому что считают их «неправильными». Религиозная нетерпимость этих людей усугубляется их преступной деятельностью, в то время как Ландсман, также будучи евреем, борется с преступностью и видит в «вербоверах» своих главных противников.

Пройдя через множество испытаний, получив огнестрельное ранение, лишившись полицейского жетона, утратив доверие начальства и узнав, что жертвой «вербоверов» стала его сестра, детектив Ландсман все же раскрывает преступный заговор, который носит глобальный характер. Оказывается, что целью «вербоверов» является организация взрыва Храмовой горы в Иерусалиме — места, на котором стоял иудейский храм, разрушенный в начале первого тысячелетия нашей эры. Герою не удается предотвратить действия заговорщиков, и памятник древней архитектуры оказывается уничтожен. Взрыв сооружения, являющегося одним из символов Иерусалима, становится знаком апокалипсиса, тем событием, после которого порядок и мир уже не могут быть достигнуты не только на Ближнем Востоке, но и на всей Земле.

По мере разворачивания детективного сюжета в романе все более проявляются черты антиутопии, и читатель понимает, что расследуемое убийство — не бытовое преступление, а часть заговора мирового масштаба. Ультраортодоксальные иудеи предстают здесь как террористы, готовые на все ради осуществления своей цели — строительства нового храма в Иерусалиме. Этот сюжетный поворот неизбежно вызывает ассоциации с событиями 11 сентября 2001 г., после которых человечество вынуждено было переосмыслить свое существование и начать жить в новых условиях постоянной террористической угрозы. Таким образом, можно проследить, как в антиутопическом и детективном сюжете происходит переплетение реальности и вымысла, которое создается прежде всего на основе географического и исторического компонентов.

Климовская Алиса Яковлевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Мотив соперничества сестер в романах М. Дрэббл и А. С. Байетт 1970–1980-х гг.

Личный опыт родных сестер М. Дрэббл и А. С. Байетт представляет богатый материал для разработки темы сестринских отношений, представляющих интерес в раскрытии сущности женского начала. Из-за хро-

нической депрессии матери отношения между старшей сестрой Антонией и средней Маргарет приобретают особое значение. Однако они были далекими от идеала. Прослеживается определенное сходство в разработке семейного гендерного конфликта обеими современными британскими писательницами.

Особый интерес представляет специфика использования мотива соперничества сестер. Уже в первом романе Дрэбл «Вольер для птиц» (1963) и втором романе Байетт «Игра» (1967), ставшим откликом на него, тема сестринских отношений с ее автобиографической подоплекой — одна из главных.

Байетт сквозь призму конфронтации сестер рассматривает философские проблемы добра и зла. В романах «Дева в саду» (1978) и «Натюрморт» (1985) ей свойственно глубокое проникновение в психологию обоих центральных характеров юных сестер. Гендерные доминанты их внутреннего мира составляют контрастные начала: интеллект и чувство, бунт и пассивность, амбиции и акцент на домашней сфере жизни, самореализация и забота о ближнем. У каждой сестры свой характерный дискурс. Гендерная идентичность Фредерики, ее представления о жизни сформированы английской литературой. Она все проверяет на своем опыте и своим примером подтверждает концепцию равенства полов. Соперничество (в более сглаженном варианте) проявляется со стороны младшей сестры Фредерики в виде неприятия образа жизни, модели поведения и гендерных ролей, избранных старшей Стефани, а также в виде желания ее превзойти. Байетт дает негативную оценку обывательскому застывшему образу жизни, приводя Стефани к нелепой смерти.

При свойственном Дрэбл детерминизме и под влиянием теории психоанализа З. Фрейда негативные взаимоотношения сестер в детстве определяют жизнь героинь даже в зрелости. Чтобы реализовать свою независимую женскую идентичность, героиня Дрэбл должна разорвать связь со своей сестрой. Симпатия Дрэбл всегда на стороне одной из сестер, сильной, реализовавшейся в разных областях жизни, а вторая изображается как ее антипод.

Роман Дрэбл «Ледниковый период» (1977) представляет собой наиболее мрачную версию соперничества сестер и охватывает два поколения. Невнимательность и презрение старшей сестры Розмари становится причиной ненависти младшей Алисон во взрослой жизни. Обнаружение рака груди у Розмари Алисон считает расплатой за ее детские мучения. Однако оно же порождает ощущение вины Алисон. Расплатой за вред, причиненный сестре, Алисон считает рождение своей второй дочери с ДЦП. Наученная горьким опытом зависти и недоброжелательства, «образцовая мать» Алисон настаивает на том, чтобы ее старшая дочь любила сестру-инвалида. Однако мать воссоздает ситуацию соперничества среди своих дочерей, когда, пытаясь спасти инвалида Молли, не обращает должного внимания на Джейн. В финале лед отчуждения ломается младшим поколением благодаря вмешательству внешних факторов. Алисон, будучи объектом мучений в детстве, выбирает в дальнейшем роль жертвы, изначально обрекая себя.

Повествование ведется исключительно от лица Алисон, чтобы гарантировать отсутствие сочувствия читателя к Розмари.

«Светлый путь» (1987) повествует о конфликте амбициозной старшей сестры Лиз, с которой ассоциирует себя автор, и Ширли, которая посвящает свою жизнь, подобно многим женщинам своего поколения, служению мужчине и теряет в процессе свое «я». Ее ситуация усугубляется тем, что ее жизнь отравляет ненависть к преуспевающей Лиз. С годами пропасть между ними становится непреодолимой. Решение проблемы антагонистичных отношений сестер относится к зрелому творчеству, роману «Естественное любопытство» (1989) и требует привлечения сложных сюжетных ходов.

В творчестве Дрэбл и Байетт 1970–1980-х гг. проявляются эгалитарные тенденции, связанные с расширением референциальной базы феминности и сглаживанием гендерных стереотипов.

Кнерцер Мария Павловна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Полубояринова Л. Н., д. ф. н., профессор

Иконология Аби Варбурга

и проблема интермедиальности в литературном тексте

(на примере романа И. В. Гёте «Избирательное сродство»)

Теория интермедиальности предусматривает изучение взаимодействия литературного текста с другими видами искусства, представляя собой некий «диалог культур», неразрывно связанный с визуальной памятью поколений.

Ключевым понятием для немецкого историка культуры Аби Варбурга, основоположника иконологического метода интерпретации произведений искусства, является «память», ее «реактуализация» в визуальных образах. Следует отметить, что категория «памяти» для Гёте, равно как и субъектно-объектные отношения в визуальном плане, на протяжении всей жизни представляла исключительный интерес.

Роман «Избирательное сродство» (1809) по праву можно назвать уникальным произведением XIX в., интерес к которому не иссякает и по сей день. На сегодняшний момент не существует единственно верного «декодирования» гётевского текста. Всевозможные интерпретации различных аспектов романа появляются из года в год. В этом произведении обозначена проблема интермедиальности в целом, обращение к разным видам искусства, их синтез и взаимопроникновение друг в друга. В этой связи особый интерес представляют театрализованные постановки, описанные в четвертой, пятой и шестой главах II части романа: пантомима *Артемизия*, три «живые картины» («Ослеплённый Велизарий, выпрашивающий подаяние», «Эсфирь перед Агасфером», «Отеческое наставление») и *Презепе*, рождественский вертеп. Смешение и взаимосвязь драматических, музыкальных и изобразительных искусств четко обозначены в момент воссоздания на сцене известных зрителям произведений.

Применяя иконологию Аби Варбурга, апеллирующую к визуальной памяти поколений, представляется возможным «вскрыть» иконографический пласт структуры гётевского произведения и максимально подробно «расшифровать» пластические аттитюды и антикизированный «язык жестов», к которым так часто — и порой неосознанно — прибегают герои романа, то и дело предстывая в живописном «образе» словно как на картине.

Копча Наталия Александровна,

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Идея «народа-богоносца»: рецепция Ф. М. Достоевского в Германии в период национал-социализма

С приходом к власти в Германии национал-социалистов в 1933 г. понятие «народ» начинает приспосабливаться к новой радикальной идеологии. На социокультурном уровне народное мировоззрение стало официальным учением, где такие пароли Третьего Рейха, как «народное сообщество», идеология «крови и почвы», «немецкая мировая народность» стали неотъемлемыми приметами времени.

На этом фоне развивалась национал-социалистическая пропаганда и формировались стереотипы, враждебные по отношению к Советскому Союзу. В немецкой культурной политике создается крайне негативный образ России, однако Достоевский и его модель «мессианской роли» народа воспринимаются неоднозначно. На примере известного сочинения Альфреда Розенберга «Миф XX в.» (1930) и еще мало изученной диссертации Рихарда Каппена «Идея народа Достоевского» (1936) в докладе будет дан анализ принципов трансформации идей Достоевского в новом культурном контексте. Розенберг на основе произведений русского писателя утверждал доминирование немецкой расы. С другой стороны, Каппен проводил параллель между «мессианством» русского народа у Достоевского и национал-социалистической идеологией: теория «крови и почвы», идея «народа-богоносца» — народа как воплощения «соборности», противопоставленной индивидуалистскому и нигилистическому началам.

В докладе будет показан процесс трансформации: от доминировавшего образа Достоевского как части русской сущности к Достоевскому как основателю идеи «народа», от «чужого образа» к образцу новой идеологии.

Краусс Шарлотта,

к. ф. н., научный сотрудник, Фрайбургский университет им. Альберта и Людвиг (Германия)

Феномен *réécriture* и проблема культурной идентичности в посленаполеоновскую эпоху: иностранные и отечественные национальные сюжеты в исторической драме

В литературе XIX в., особенно в посленаполеоновский период, историческая драма играет важную роль. Одновременно с возникновением «воображаемых сообществ» (Б. Андерсон) в их политической и философской

ипостаси авторы по всей Европе начинают интересоваться адаптацией национальных сюжетов для сцены. Одни и те же сюжеты обрабатываются различными авторами, проявляющими всякий раз иное восприятие данного исторического материала; так, например, возникают различные версии «Hermannsschlacht» (битвы при Тевтобургском лесу) в творчестве Клейста, Граббе, Ла Мотт-Фуке), или рождается мода на Лжедмитрия (произведения Шиллера, Пушкина, Мериэме).

В докладе пойдет речь о национальных драмах посленаполеоновского периода (являющих собой своего рода «идеальный» объект исследования с точки зрения сравнительного литературоведения) как о попытке создания вымышленной культурной идентичности. Находящиеся в точке пересечения историко-политических и литературно-философских явлений, эти различные тексты можно считать и реакцией на наполеоновские войны, и развитием модели шиллеровской драмы, наложившимся на характерный для изучаемой эпохи фон рецепции Шекспира.

Анализ ряда примеров «écriture» (собственно литературного творчества, сочинения, «письма») и «réécriture» (переписывания) выбранных сюжетов заставляет сформулировать вопрос: какими мотивами руководствуется автор при выборе сюжета из своей собственной национальной истории или из истории другого народа? Почему на итальянском материале написаны и «Adelchi» итальянца Мандзони, и «Lorenzaccio» француза Мюссе? Почему соотечественник последнего Виктор Гюго выбрал для «Cromwell» материал английской истории? Зависит ли выбор сюжета лишь от решения в пользу одного из двух: экзотики или национализма? Или стоит согласиться со мнением Паскаль Казанова (La République Mondiale des Lettres, 1999), утверждавшего, что французские писатели в качестве «внуков революции» в изучаемую эпоху уже вышли из стадии изучения национальных культур — в отличие от наций — противников Наполеона?

Исходя из этих соображений возможно сформулировать и следующий важный вопрос, который затрагивает теперь уже не только посленаполеоновский период: способен ли на самом деле литературный текст однозначно создавать «культурную идентичность» и превосходит ли данный (типичный для исторической драмы) способ простое применение говорящих имен или «couleur locale» (местный колорит), столь важные, по мнению Виктора Гюго?

Кулишкина Ольга Николаевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
технологии и дизайна

**Европейская традиция «итальянского травелога»
и русская литература путешествий рубежа XIX–XX вв.**

Рубеж XIX–XX вв. в России отмечен новым всплеском необычайного интереса к Италии, который связан прежде всего с кругом русских символистов, отличавшихся также пристальным вниманием к творческому

наследию И. В. Гёте, в первую очередь — к его позднему периоду, в том числе к так называемому (в русском переводе впервые появляющемуся в шеститомном собрании сочинений Гёте, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1865–1871 гг. под редакцией П. И. Вейнберга) «Итальянскому путешествию». Необычайно актуальная для русских символистов проблема «синтеза плоти и духа» (или — античности и христианства) закономерно подвигает их к внимательному прочтению гётевского текста, отразившего историю приобщения «великого киммерийца» «солнечному наследию» античности.

Среди авторов немалого количества статей, затрагивающих так или иначе эту тему, мы найдем многих виднейших представителей русской культурной сцены эпохи символизма (В. Соловьев, Э. Метнер, Вяч. Иванов, А. Белый). В. Розанов, вошедший в историю отечественной культуры как писатель и философ, в творческой картине мира которого дух воспринимается исключительно «на ощупь» (А. Синявский), однако, не оставил никаких рассуждений по данному поводу. Тем не менее трудно не заметить очевидной рецепции гётевского «итальянского дневника» уже в самом заглавии одного из наименее изученных текстов Розанова, написанного «по следам» его первого заграничного путешествия — «Итальянские впечатления» (1901; 1909).

Тема «прекрасного чужого» — открывающейся глазу красоты чужого и чуждого (для исходного ментального габитуса реципиента) мира, непосредственно-тактильное, чувственное соприкосновение с которым в итоге меняет состав и саму структуру этого габитуса, не лишая его, однако, самоценной специфичности — едва ли не важнейшая составляющая сложной конструкции гётевского «итальянского травелога», своеобразно отзываясь в «Итальянских впечатлениях» русского автора, преломляясь в специфической (на фоне прочих русских «итальянских текстов» начала XX в.) констелляции категорий «свое» и «чужое».

Лагутина Ирина Николаевна,

д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

«Мертвецы, они воспринимаются как живые...»:

мимесис Э. Ауэрбаха и фигуральный реализм Х. Уайта

В докладе исследуется влияние методологии сравнительного изучения литератур немецкого литературоведа Эриха Ауэрбаха на формирование «постмодернистской» американской историографии, в частности на теорию исторического нарратива Хейдена Уайта.

Американский историк, который неоднократно ссылался на немецкого литературоведа, называл его «Мимесис» моделью «современного историзма». В основе доклада сопоставительный анализ концептуальных для обоих ученых понятий: «dargestellte Wirklichkeit / Representation of reality», «фигура», «эстетический историзм» и др.

Ломагина Анастасия Всеволодовна,

к. ф. н., доцент, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Мария Груббе как исторический персонаж Дании и Норвегии и ее литературные ипостаси

Мария Груббе (около 1643–1718) является исторической личностью, которая притягивала к себе интерес датских писателей разных эпох: от представителя классического театра Л. Хольберга, романтиков Х. К. Андерсена и С. С. Блихера до авторов современной постмодернистской прозы.

В докладе рассматриваются три романа, претендующих на точность исторической реконструкции. В трактовке исторических событий и судеб они вступают друг с другом в диалог и полемику, используя характерные для своего времени аргументы. Таким образом, если брать за основу принцип, обозначенный П. Рикером в исследовании «История и истина», становится очевидным, что научная историческая реконструкция отличается от художественного произведения отношением к «будущему». Эпоха, изучаемая историком, принимается им за настоящее, за центр временных перспектив: «У этого настоящего есть свое будущее, состоящее из ожиданий, предвидений, опасений людей, оно совсем не совпадает с тем, что нам, другим, видится уже наступившим». Иными словами, в профессиональном историческом исследовании будущее исторического прошлого не равняется настоящему исследователя. В то же время авторы литературных исторических реконструкций свободно нарушают это правило.

Цель настоящего доклада — сравнить роман скандинавского натурализма Й. П. Якобсена (1847–1885), женский роман Й. Прайсlera (1959), развивающий гендерную линию, и роман Л. Херслева (1974), продолжающий постмодернистскую игру с жанрами. Эпоха романтизма смотрела на Марию Груббе как на иллюстрацию библейского изречения: «Пути Господни неисповедимы», — и пример превратностей судьбы. Мария Груббе — дочка богатого дворянского дома — вышла замуж за наместника Норвегии, сына датского короля; затем, после развода, — за богатого купца; а после следующего развода — за паромщика и до конца своих дней жила в бедности и работала на переправе.

Импрессионист Якобсен живет в эпоху, исследующую эротику как физиологическое явление, и трактует судьбу Марии Груббе как результат физиологической предрасположенности, исторической среды, не готовой ее принять, и характера, который борется за самостоятельность и готов принять ответственность за результат.

Роман Й. Прайсlera опирается на гендерную концепцию, которая традиционно предполагает определенный набор тем: неравенство властных отношений в обществе, в сексуальных взаимоотношениях, роль женщины в быту, искусстве, сопротивление доминирующей точке зрения, создание женской альтернативной истории. Само социологическое понятие гендера

создается в отношении к социокультурной ситуации в обществе, определяющей одни черты как женственные, а другие как маскулинные, приобретаемые в ходе процесса социализации.

«Год зверя» — последний роман, посвященный судьбе Марии Груббе, — является попыткой постмодернистской реконструкции событий 1666 г., где подлинные и квазидокументальные свидетельства создают иллюзию исторического романа, нарушение линейности повествования служит в качестве проводника авторского мнения в диалоге с читателем.

Мазняк Мария Михайловна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Интерференция идей.

Научная революция и поэзия М. де Са-Карнейру

Начало XX в. ознаменовалось крупными изменениями в разных областях науки и искусства. Расцвет творческой активности Мариу де Са-Карнейру приходится на период 1912–1916 гг. Большую часть этого времени поэт проводит в Париже, где знакомится с новыми открытиями в разных областях творческой и научной мысли. У Са-Карнейру приоритет пространства имплицитно присутствует в концепции «арте флюида» в значении «свободного парения». В теории относительности А. Эйнштейна наиболее четко относительно остальных современных ему гипотез (теоретически и математически) представлен приоритет пространства.

В докладе делается попытка выделить и сформулировать единый принцип, объединяющий естественные науки, в данном случае: физику (теория относительности А. Эйнштейна) и литературу (творчество М. де Са-Карнейру). Этим принципом оказывается концепция пространства, приобретающая новое понимание в начале XX в. Основной акцент в докладе делается на анализе поэтических произведений Мариу де Са-Карнейру и его теоретической концепции «арте флюида» с целью продемонстрировать и подтвердить принцип приоритета пространства как необходимой среды для реализации «онирического полета» — основного тезиса «арте флюида».

Надъярных Мария Фёдоровна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Компаративное письмо и компаративное чтение

в опыте современной литературы

(метод Х. Л. Борхеса)

«Утопия Литературы» — известное эссе Жерара Женетта о Х. Л. Борхесе — полемически приобщило иносказания аргентинского прозаика к сфере филологии, наметив контуры некоего идеального, совершенного метода, где — в освобождении от позитивизма — возникал новый смысл традиционных категорий литературоведческого репертуара, где выявлялось безусловное соотношение истории чтения и истории литературы.

Чтение текстов Борхеса в контексте филологического знания действительно требует перестройки восприятия привычного понятийного аппарата. В обустроиваемой писателем системе обратных временных перспектив и анахронизмов (вспомним хрестоматийные примеры «Пьера Менара», «Кафки и его предшественников»), в парадоксах «искажения классификационного процесса» (если воспользоваться словами М. Фуко о гетеротопиях Борхеса) кажущийся устойчивым смысл категорий «преемственности», «предшествования», «влияния», «диалога», «мировой литературы», литературы «национальной» расшатывается. Целесообразность обычного «предшествования» сосуществует с визионерством «предвосхищений» (*prefiguración*) и «предвестий» (*pronóstico*): так «Ватек» Бекфорда предвещает Де Куинси, По, Бодлера и Гюисманса, а Готторн «предвосхищает» жанр детектива, изобретенный Э. По. Линейность «филиаций» сталкивается в мире Борхеса с «разветвленностью» (*bifurcación*) литературного процесса, с архетипической театральностью «сновидений», на «сцене» которых проявляется общность смыслов культуры от ее архаических истоков до современности.

Идея литературы, как и идея традиции, воплощается у Борхеса (как, впрочем, и у множества иных современных «традиционалистов»: Т. С. Элиота, П. Валери, Ф. Пессоа, О. Э. Мандельштама) в пространственном коде (Ж. Женетт соотносил Борхесовское восприятие литературы как обратимого искривленного пространства с пристрастием писателя к сближению и параллелизмам), вписывает процессы письма и чтения в специфический компаративный континуум, предполагает постоянное обращение к сравнительно-сопоставительным стратегиям, насыщает сравнительно-сопоставительные перспективы письма и чтения особыми современными эстетическими смыслами. Именно в этом контексте формируются концепции Х. Л. Борхеса об универсальной традиции и универсальном классическом методе.

Заложенные в современном классическом методе опосредующие интенции выводят Борхеса к созданию многомерного повествования, способного представить самые разнообразные историко-культурные смыслы в особой диалектике сокрытого и явленного, выговоренного и недоговоренного. Жизненность этого идеального метода изначально запрограммирована его глубинным «доверием» к языку: вера в особое видение мира через слово, безграничное внимание к словесной материи сообщает литературе способность к бесконечной конструктивной реорганизации неготовой материи бесконечной реальности. Этот метод вмещает в себя всевозможные типы дискурсивных, жанровых практик. Едва ли не самым главным становится у Борхеса соположение этого метода-пути с принципиальной изменчивостью литературного ряда, с ритмом движения художественного процесса, сцепленного в подвижное единство принципиальной взаимозависимостью практик письма и чтения, художественных изобретений и традиции.

Таким образом, классика в понимании Х. Л. Борхеса — это противостоящая завершению, открытая и постоянно открываемая, динамичная, сущностно изменчивая спонтанная система, осуществляющая себя только на деле, в практике компаративного эстетического приобщения к литературе.

Ненарокова Мария Равильевна,

д. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

О переводах романа «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова в Дании (XIX–XX вв.)

Дружественные отношения между Россией и Скандинавией создали благоприятные условия для долгосрочных культурных и литературных контактов. В конце XVIII в. Дания стала военной союзницей России, и с тех пор взаимодействие двух стран на протяжении почти двух столетий, вне зависимости от изменений в государственном устройстве и политике, было достаточно тесным. Оно выразилось и в переводах — не только скандинавской литературы в России, но и русской в странах Северной Европы. Датчане с интересом следили за событиями литературной жизни в России.

Писатель и критик П. Л. Мёллер в статье о значении А. С. Пушкина для европейской литературы в 1837 г. впервые упомянул имя молодого поэта М. Ю. Лермонтова. С творчеством последнего скандинавские читатели начали знакомиться, читая его роман «Герой нашего времени»: в 1840-х гг. в журнале «Фигаро» был опубликован первый перевод повести «Бэла», предположительно выполненный самим Мёллером.

На протяжении ста лет вышло три полных перевода романа на датский язык: в 1856 г., в год окончания Крымской войны; в 1897 г., время расцвета контактов России и Дании в самых разных сферах и массового переезда датчан на жительство в Россию; в 1944 г., период оккупации Дании немецкими фашистами. Популярность романа в Дании на рубеже XIX–XX вв. определяется позицией Г. Брандеса, восхищавшегося «Героем нашего времени» с юности.

Овчарова Екатерина Эдуардовна,

к. э. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Рефлексия путешественника:

«Сентиментальное путешествие» Л. Стерна

и «Путешествие из Парижа в Иерусалим» Ф. Шатобриана

Установка традиционного европейского путешествия Нового времени на объективное отражение действительности подверглась сомнению — и даже осмеянию — в романе «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768) Лоренса Стерна. Уже само название книги — «A Sentimental Travel through France and Italy» — носило реминисцентный характер (И. В. Банах) и было полемически заострено против популярной в XVIII в. книги «Travels through France and Italy» (1766) Т. Смоллетта, имевшей ярко выраженный просветительский характер. Роман Стерна, являясь художественным произведением, тем не менее сохраняет связь с документальным типом повествования: его сюжет основан на реальных путешествиях автора и имеет фрагментарную структуру документальных путевых заметок, часть персонажей носят имена и статус действительно существовавших людей.

Вместе с тем, будучи свободным не только от строгой привязанности к географическим реалиям, но и от таких атрибутов романного текста, как авантурный сюжет и принцип линейного повествования, роман оказал прямое и весьма сильное воздействие на развитие литературы путешествий — как на документальную прозу, так и на художественные произведения, что важно в плане изучения неоднозначного в жанровом отношении феномена литературы путешествий.

Как и в VII томе первого романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», в «Сентиментальном путешествии» обосновывается правомерность рефлексии, собственного взгляда путешественника на предмет изображения: вещный мир подвержен разрушению, вечным бытием обладает лишь мир человеческих чувств.

Книга Рене Шатобриана «Путешествие из Парижа в Иерусалим» появилась почти через сорок лет после романа Стерна. Как отмечают современные французские исследователи, путешествие Шатобриана представляет собой явление несравненно более сложное, чем документальное описание увиденного, а в свое время оно имело характер совершенно новаторский. Впервые в документальной литературе путешествий сам путешественник (субъект) с его предпочтениями и склонностями стал более значим, чем объект — наблюдаемые им достопримечательности окружающего мира.

Сравнительное изучение путевой прозы Стерна и Шатобриана в аспекте рефлексии путешественника, несмотря на традиционное отнесение их к разным видам литературы, показательно во многих отношениях. Прежде всего, оно помогает уточнить некоторые моменты жанровых модификаций литературы путешествий — с учетом того, что мировосприятие Шатобриана сформировалось во второй половине XVIII в., когда влияние сентиментализма и, в частности, творчества Лоренса Стерна было весьма значительным.

Панов Сергей Владимирович,

к. филос. н., доцент, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (Москва)

Поэтика эксперимента у Шекспира: динамика сознания, порождение императива, логика трансформаций

Литературное письмо основано на экспериментальном экзерсизе — превращении импульсов моральной природы в рефлексированные склонности субъекта и динамики рефлексов через игру трансцендентального воображения в формальный принцип человеческой воли, в магическую максимум самообладания. Творчество Шекспира обозначает развитие экспериментальной эпохи в литературной культуре Ренессанса. Монолог Гамлета вскрывает структурные моменты этого морального самоэкспериментирования человека в отсутствии абсолютных причин бытия: созданный по своему образу и подобию, моральный экспериментатор производит себя как универсальную рефлексию и волю, отвлеченную от любых жизненных контекстов.

Отсюда следует: исходная дилемма («быть или не быть»), являясь следствием гипотетического исследования, снимает условия ответственности и порождает свободную игру представления; развитие интеллектуальной серии возможностей существования для морального экспериментатора (бороться, смириться, мечтать); падение сознания в бесконечную хроническую рефлексию, порожденную простым событием мысли, что позволяет развернуть метафоризацию бытия как поединка; экспериментальное восприятие эффекта бесконечной рефлексии на субъективную волю как результат блокировки любой воли-к-действию в бездействии духа («так всех нас в трусов превращает мысль»); вербальный жест самообладания рефлексивно-волевого «я» («довольно!»), порождение императива, который отражает иудейскую прозопопею творения мира словом в совпадении акта воления и явленного сущего, что представлено в магической фразе («помяни в твоих молитвах»).

Программа морального самоэкспериментирования определяет композиционную схему трагедий и хроник Шекспира. В «Короле Лире» мы видим кризис морального экспериментатора, отказавшегося от своей суверенной ответственности, что ведет к разрядке эгоистических влечений, динамике страданий, формам волевого самообладания (терпеть) и воле-к-смерти как полноте опыта над моральной природой (слова Лира Корнелии: «дай яду мне»).

Поэтика Шекспира определила логику воображаемого русской литературной культуры от романтизма и постромантизма до большого классического романа XIX в. и феноменологического романа XX в. (Булгаков, Пастернак), где хроническая историософская рефлексия дает импульс обновлению романного жанра в примитивных формах бреда или квазидокументального рассказа: гениальная галлюцинация морального экспериментатора у Шекспира (Гамлет, Лир, Макбет) как структурный элемент экспериментирования внутренней человеческой природы становится целью опытного познания смысла истории и экзистенции, судьба творения и явления мирового зла сводится в романе Булгакова к динамике приступов и успокоений профессора Понырева, а у Пастернака — к динамике повествования новой «прозы мира» («чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины») и эффектам поэтической жестикюляции (образ Христа в стихотворениях Живаго — образ постхристианского пророка, где присвоение позиции Судьи истории станет финальным жестом поэтического воображения: «ко Мне на суд <...> столетья поплывут...»).

Полубояринова Лариса Николаевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ю. Н. Тынянов как (анти)компаративист

Формальная школа литературоведения возникла в скрытой и явной оппозиции по отношению к литературоведческим школам прежней формации, отмеченным печатью позитивизма, эмпиризма и описательности. Соответственно, и традиционный «компаративизм» как методология поиска

источников, связей и влияний не мог не вызывать отторжения у формалистов, чему достаточно примеров уже в ранних работах В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова.

Данный факт не отменяет интереса формалистов к текстам иноязычной — западной и восточной — литературы: Шкловский пишет о Сервантесе и Стерне, Эйхенбаум — о драмах Шиллера и о западной новелле, Тынянов — о Генрихе Гейне и современных ему течениях в западной литературе.

Такие статьи Тынянова, как «Тютчев и Гейне», «Блок и Гейне», «Французские отношения Кюхельбекера» уже одним своим заглавием несут компаративистские ассоциации. Тем не менее методологическим основанием данных исследований выступает откровенный «антикомпаративизм» как отказ признавать существенными «связи и влияния», если они исходят не изнутри отечественного контекста.

Истоки «антикомпаративизма» Тынянова стоит видеть в общих структурных основаниях формалистской поэтики, на разных уровнях вступающей в противоречие со сравнительным литературоведением старой формации. Подобного же типа конфликт определяет в конце 1950-х гг. размежевание «французской» и «американской» школ компаративистики.

Поринец Юрий Юрьевич,

к. п. н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Русская литература в оценке Г. К. Честертон и П. Г. Вудхауза

Г. К. Честертон рассматривал творчество крупнейших русских писателей конца XIX — начала XX в. в одном ряду с европейскими и американскими писателями.

Полемика Честертон с современной литературой (Б. Шоу, М. Метерлинк, Э. Золя, Д. Лондон, Г. Уэллс, У. Уитмен) затрагивает и творчество Л. Н. Толстого. Восхищаясь талантом русского писателя, Честертон критикует его идеологию, ставит под сомнение его философское творчество.

Г. К. Честертон подвергает критике тенденции современной драматургии. психологического театра, особенное внимание уделяя произведениям Х. Ибсена. Честертон противопоставляет творчество Ибсена классической английской традиции.

Крупнейший английский юморист XX столетия П. Г. Вудхауз, продолжая линию Г. К. Честертон, пародирует, критикует русскую психологическую драматургию, противопоставляя ее английской театральной и драматической традиции. В творчестве П. Г. Вудхауза последовательно высмеивается влияние традиций Чехова на английский театр.

Рассматривая рецепцию творчества Л. Н. Толстого, А. П. Чехова в произведениях Г. К. Честертон и П. Г. Вудхауза, можно говорить о различиях английской и русской литературных традиций, многозначном восприятии русской классической литературы в английской культуре XX в.

Самитова Елена Талгатовна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Соколова Т. В., д. ф. н., профессор

Архитектура и живопись как связующее звено

между повседневным и сакральным в романах Ж. Роденбаха

Неизменной декорацией романов бельгийского символиста Жоржа Роденбаха «Мертвый Брюгге» (1892) и «Выше жизни» (1897) предстает старинный город Брюгге, давно утративший свое величие центра средневековой торговли и превратившийся в музей старинной фламандской архитектуры и провинциального уклада жизни.

Характерная для Роденбаха рецепция урбанистического пейзажа, когда автор сначала разглядывает башню или дом (пространственные и концептуальные центры романов), затем скользит взглядом по набережным и фасадам, а затем снова возвращается к исходной точке, диктует свою логику повествованию романов, имеющих замкнутую круговую конструкцию. Равновесие частей, рефреном повторяющиеся лейтмотивы — все это напоминает геометрию городского пространства. Описание Брюгге (экфрасис) не только вплетается в ткань диегезиса, но и становится своего рода основой всей архитектоники произведений. Городское пространство вообще (в вертикальной плоскости — от башни до простирающейся равнины города и в горизонтальной плоскости — от каменных набережных вдоль каналов), а также, более фрагментарно, порталы церквей и фасады домов преодолевают свою статику и вырастают по значимости до актанта.

Более того, в романе «Мертвый Брюгге» город предстает главным героем (топозкфрасисом по О. Клиngu), наделенным мистическими способностями вершить судьбы других персонажей. Через рукотворный мир эмануирует свою волю непостижимое Неизвестное, о существование которого догадываются персонажи Роденбаха — адепты безмолвного созерцания мертвенной красоты города. Живописные полотна фламандских примитивистов (Мемлинга и Ван Эйка) или бронзовые чеканные колокола также становятся полноправными участниками повествования. То артефакт, подобно медиуму, раскрывает персонажу его будущее, то сам персонаж воспринимает произведение искусства через призму своих страхов и желаний, придавая ему некий сакральный смысл (в этом случае значим не сам визуальный образ, а его видение, постижение). Экфрасис дает импульс к диалогу не только между двумя видами искусств (изобразительным и словесным), но и между материальным и умозрительным мирами. Осмысливая произведение искусства, персонажи Роденбаха становятся свидетелями того, как сам артефакт превращается в своего рода зеркало, где мирское и повседневное видит свою сокровенную суть.

Итак, городской пейзаж, шедевры средневековой живописи и скульптуры встраиваются в единую систему аналогий и отражений, на которой зиждется поэтика Роденбаха. Все элементы городского мира, явленные в тексте повествования, предстают бесчисленными, перетекающими один в другой образами-символами Абсолюта: это и Брюгге как архитектурное воплощение души главного персонажа, и благообразные героини как

ожившие средневековые мадонны с золотистыми волосами, и мертвая вода каналов, перерабатывающая в своих недрах все фрагменты города, отражающиеся в ней, и произведения искусства, в которых персонажи видят то самих себя, то слепое око Неизвестного.

Светлакова Ольга Альбертовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Несостоявшееся ученичество как методологический стимул:
к отношениям А. Н. Веселовского и Ф. Д. Батюшкова

У академика А. Н. Веселовского был ярко талантливый, но не состоявшийся в науке ученик, Фёдор Дмитриевич Батюшков (1857–1920). Публицист, журналист, редактор известного левого журнала «Мир Божий», блестящий лектор, Батюшков занимал возле Веселовского двусмысленное место прямого ученика и одновременно личного антагониста. Идеино-политические разногласия и маскировали, и усиливали подлинную разницу лично-познавательных устремлений. Несравнимые по величине одаренности, эти две личности, однако, имели общую духовную территорию, достаточную для диалога. В Рукописном отделе ПД хранится их, лишь в очень небольшой части опубликованная, переписка.

Множество любопытных замечаний Веселовского, содержащихся в переписке с Батюшковым, имеют хотя и несфокусированный, эпистолярно-нестрогий, но в пределе методологический характер. Столь общий характер высказываний основоположника русской исторической поэтики спровоцирован, можно полагать, именно неясными, тяжелыми разногласиями с учеником. Переписка периода надежд Веселовского на Батюшкова и их кажущейся близости содержит меньше таких замечаний, период борьбы за сохранение ученика — больше.

Анализируемая переписка относится к годам пребывания за границей либо того, либо другого корреспондента и в основном укладывается в 1880-е гг. Учеба Батюшкова в Париже у Гастона Париса и Мари-Поля Мейера становится поводом для высказываний Веселовского о разнице в общекультурной позиции русского и западного филолога, об их различных задачах в виду самых общих целей филологии. Не желая, чтобы талант Батюшкова стал лишь средством достижения неактуальных для русской филологии целей составления подробной генеалогии французских средневековых сюжетов, Веселовский, увлекая ученика широким кругом более интересных для себя вопросов, коротко, но искренне и очень выразительно высказывается по поводу определения литературы, о генезисе лирико-патетического слова, о первичном синкретизме поэтических форм, о кантиленах, как ячейках эпоса, о «народно-психологическом» направлении, о юнг-грамматиках. Он определяет свое отношение к конкретным ученым и направлениям, дает емкие характеристики.

Оставаясь в самом общем пределе внутри историко-культурного, позитивистического метода, Веселовский выглядит в данной частной переписке весьма рельефно, резко отличаясь и от западных коллег, и от собственных, позднее сформулированных положений. Процессуальность эпистолярно

свободного, «неподконтрольного» строгой корректности печатного слова, приязненно и откровенно адресованного ученику высказывания Веселовского открывает новые возможности для нашего изучения его теории.

Седых Элина Владимировна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

«Декоративные поэтические фантазии» О. Уайлда

Для поэтического творчества О. Уайлда характерна декоративность, апеллирование к декоративным началам художественного текста. Декоративность усиливает выразительную и организующую роль произведения, создает орнаментальную красоту, украшает обыденное, сиюминутное. Она помогает созданию целостного описания, формирует особую, декоративно-смысловую картину мира.

Декоративность как художественная категория возродилась в контексте творчества прерафаэлитов и под их влиянием стала знаковой в модерне и символизме. Категория декоративности стала основным компонентом стилистики Уайлда 1880–1890-х гг. Вслед за Моррисом Уайлд считал, что произведение искусства должно обладать декоративностью: не только рассказывать о чем-то и что-то выражать, но и представлять чистую, осознанную красоту, быть орнаментальным, являться органичной частью прекрасного целого. В 1881 г. Уайлд выпустил первый поэтический сборник, в который вошли поэмы, пропитанные интертекстуальностью: в нем звучали голоса Шекспира, метафизиков, романтиков, прерафаэлитов, символистов. Поэмы были эстетскими, воспевающими красоту наслаждения и озарения, и декоративными. Каждая поэма сборника представляла собой картину, гобелен, фреску.

Сборник имел строгую архитектурную композицию: пять поэтических циклов («Свобода», «Тайная Роза», «Цветы на ветру», «Цветы золотые», «Четвертое движение») чередовались с поэмами («Сад Эроса», «Бремя Итиса», «Хармид», «Пантея», «Во человечестве»). В состав книги были включены «Впечатления о театре». Синтетичность сборника, в первую очередь, базировалась на декоративности. Все поэмы в качестве «декоративной канвы» насыщены архаизмами и устаревшими синтаксическими конструкциями. Многие из них стилистически декоративны («декоративные истории»); они воплощают в себе культ растительных форм и персонифицируют мифопоэтическую модель уайлдовского «сада» (параллель с «садом» Морриса). Самыми «декоративными» являются поэмы из циклов «Цветы на ветру» и «Цветы золотые». Цветы на ветру — одинокие, застывшие в порыве откровений поэтические шедевры очеловеченной городской природы («Утреннее впечатление», «Серенада», «Эндимион»). Это необычно-прекрасные впечатления, яркие вербальные картины, наполненные кристальной музыкой ветра. Цветы золотые — антитеза цивилизованной декоративности природы, воплощение необузданной декоративности искусства («В Золотой Комнате: Гармония», «Могила Китса», «Интеллектуальная любовь»). Данный цикл содержит аллюзию к Золотому Дому Нерона, руины которого были обнаружены

в Риме в XV в. Все поэмы цикла связаны образами и тематикой с предметами искусства; они живописно-декоративны, визуальны, наполнены реминисценциями. Декоративный диптих цветов на ветру и цветов золотых демонстрирует двойное отношение Уайлда к интерпретации жизни и искусства с точки зрения первичности одного из этих элементов (в этом он является последователем концепции взаимосвязи жизни и искусства прерафаэлитов).

Уайлд возвращался к принципу декоративности поэтического текста в публиковавшихся в различных изданиях стихотворениях («Впечатление I: Сад», «Впечатление II: Море», «Под балконом», «Розы и рута», «Сад Тюильри», «Симфония в желтом»). Шедевр поэта — «Декоративные фантазии: Панно и Воздушные шары». С одной стороны, стихотворения являются вариациями на темы из книги «Галантные празднования» П. Верлена и связаны с идеями живописи французского импрессионизма. С другой стороны, в них по-прежнему ощущается влияние эстетических идей прерафаэлитов, имплицитно цитируются мотивы декоративного искусства Морриса.

Поэтические декоративные фантазии Уайлда звучали свежо, многокрасочно, были оригинальны, эстетичны, потому что впитали в себя изысканную декоративность. Его поэзия, как и поэзия Морриса, стремилась стать вещной, зримой, осязаемой. Она отличалась материальностью изобразительной манеры и предметностью. Уайлд как истинный творец красоты сумел почувствовать декоративность искусства и воплотить ее в своих произведениях.

Сиверцева Катерина Михайловна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Метафизика рецепта в Старом и Новом Свете

Фамильный кулинарный рецепт играет значительную сюжетообразующую роль как в романе американки Ф. Флегг «Жареные зеленые помидоры в кафе „Полустанок“», так и в творчестве полу-англичанки, полу-француженки Джоанны Харрис (романы «Шоколад», «Ежевичное вино» и «Пять четвертушек апельсина»). Но если у Флегг эти рецепты фактически являются общим достоянием и гордостью жителей целого городка, становясь, по мнению И. В. Морозовой, «своеобразным знаком коллективной памяти южного общества», то у Харрис владельцы забытых традиционных или же оригинальных рецептов ревниво оберегают их (старик, создающий спиртные напитки из всего, что растет, — от ежевики до картошки), отказываются использовать в целях обогащения (тетушка Фрамбуаз) и даже применяют как некий шифр в семейном альбоме, который мать завещает дочери. Передача такого рецепта или продукта (пять бутылок ежевичного вина) одному, тщательно выбранному, преемнику равносильна акту инициации и необратимо изменяет жизнь героя или же заставляет героиню по-иному увидеть прошлое.

Наиболее богатый материал для сравнения дают романы «Жареные зеленые помидоры» и «Пять четвертушек апельсина»: в обоих действие постоянно перемещается: из конца 1980-х в 30-е, 20-е, 40-е, 60-е или из середины 90-х в 40-е гг., соответственно. Таким образом осуществляется одна из самых популярных стратегий современной литературы в произведе-

дениях, посвященных «поиску корней»: нелинейное повествование позволяет увидеть прошлое через призму настоящего и найти ответы в опыте прежних поколений. Хотя героини Флегг и Харрис относятся к разным поколениям (Иджи Тредгуд родилась около 1910 г., а Фрамбуаз Дартижан примерно в 1934–1935 гг.), обе они переживают самое главное событие истории своих стран — Великую Депрессию в Америке и Вторую Мировую войну и оккупацию во Франции — и характеры их и мировоззрение формируются этими событиями.

Незамужняя Иджи, вместе со сбежавшей от жестокого мужа Руфью, открывает кафе «Полустанок» в 1929 г., чтобы иметь средства к существованию и вырастить сына Руфи. Кафе сразу становится социальным и духовным центром городка, помогает выжить и не утратить надежду и местным жителям, и нищим бродягам, и белым, и черным (несмотря на угрозы и давление местного Ку-Клукс-Клана), организует и спланирует вокруг себя этот микрокосм американского Юга (да и Америки 1930-х гг. в целом) и олицетворяет его неповторимую историко-культурную идентичность.

Интересно, что в романе «Шоколад» мотив открытия кафе-кондитерской во французской деревушке молодой «вдовой с ребенком» Вианн Роше функционирует очень похоже, но только на сюжетном уровне. Цель кафе «Полустанок», определяющая его этику, ценовую политику и даже дизайн, — накормить голодных, а владелица «Авторской Шоколадницы» стремится вернуть в жизнь деревни красоту, наслаждение и любовь, для начала, к сладостям. Но когда Фрамбуаз Дартижан в 65 лет возвращается в родную деревню и под именем вдовы Симон, восстановив рецепты своей матери, открывает на возрожденной ею ферме кафе-блинную, ее главная цель — разобраться в прошлом своей семьи, но отнюдь не восстановить ее погубленное доброе имя, поскольку мнение других ей безразлично. Она одиночка, готовая любыми средствами бороться за свою независимость и свое инкогнито. Только осмыслив события времен своего детства и немецкой оккупации и разгадав «рецепт» своих сложных отношений с матерью, она обретает душевный мир, уступает желанию сблизиться со своими двумя дочерьми и готова скрепить запоздалый любовный союз «черным кофе с круассанами и джемом из зеленых помидоров по рецепту моей матери».

Таким образом, кулинарный рецепт используется в творчестве современных американской и британской писательниц как воплощение различного культурно-исторического опыта, для олицетворения коллективной или же индивидуальной памяти, как один из компонентов выстраивания идентичности.

Тимошенко Елизавета Константиновна,
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Русская рецепция английского текста:
фанфикшен по «Гарри Поттеру»

Бурное развитие сети Интернет породило свои литературные феномены, одним из которых является *фанфикшен*, привлекающий все большее внимание филологов, социологов, психологов, культурологов по всему миру.

Фанфикшен — это литературное творчество поклонников произведений массовой культуры, создаваемое в рамках интерпретативного сообщества (фандома). Одно из самых крупных и продуктивных фанатских сообществ (фандомов) на сегодняшний день сформировано вокруг эпопеи о Гарри Поттере. Фандом поттероманов является международным явлением, и его русскоязычная часть, создавая свои произведения «по мотивам» романов Роулинг, оказывается вписанной в традиции англоязычной культуры (в первую очередь британской) и наследует интерпретативные литературные стратегии фанатов по всему миру.

Одной из характерных черт романов о Гарри Поттере является богатство литературных аллюзий, отсылок к культурно значимым символам и понятиям. Дж. К. Роулинг «сплавляет» в семикнижной эпопее множество литературных и фольклорных традиций, что уже давно стало предметом изучения для филологов по всему миру. Мы же находим уместным задать два вопроса: 1) как русские фанаты эпопеи о Гарри Поттере «считывают» английские литературные и культурные традиции, заложенные в тексте; 2) будет ли русский фанфикшен иметь национальную специфику?

Фольклорная традиция «универсального героя», представленная в главном персонаже, поддерживается русскими читателями-фанатами неосознанно: из архетипа «универсального героя» они вычлениют черты, необходимые для продуцирования сюжета. Иногда в образе Гарри Поттера усматривается некоторая национальная русская специфика: например, в фанфике «Небо под сапогами» Гарри изображается взрослым, членом отряда мракоборцев, и поэтому автор придает ему черты омововца.

Другая фольклорная традиция, широко используемая Дж. Роулинг — «змееподобный противник» — также не поддерживается русскоязычными читателями. Из образа Волан-де-Морта фанаты берут наиболее узнаваемые черты: змеиные глаза-щелочки, бледная кожа, ледяные интонации, змеиное шипение. Как правило, авторов фанатских текстов интересует раскрытие подробностей личных, любовных взаимоотношений героев, и поэтому Волан-де-Морт остается где-то на горизонте — с целью организовать необходимое напряжение, атмосферу борьбы и смертельного риска.

Исследователями замечено, что в романах Роулинг нашла яркое выражение готическая традиция, которая проявляется и в характеристиках пространства, и в биографиях персонажей. Проведенный нами анализ фанатских текстов показывает, что готическая традиция воспринимается русскими фанатами скорее как традиция совсем иного жанра — фэнтези. Замок становится обычным элементом волшебного антуража фэнтези и, что интересно, вовсе не является обязательным местом действия для фанфика. Множество фанатских текстов описывают жизнь героев за пределами Хогвартса, в то время как для самой Роулинг это нехарактерно. При этом фанаты, описывая жизнь персонажей, зачастую вовсе лишают ее национальных признаков: это жизнь абстрактных волшебников из европейской сказки, и ничего специфично английского в ней не чувствуется.

На данный момент нами замечен целый ряд черт, указывающих, что авторы фан-текстов, осознанно или неосознанно, ориентируются на русские культурные и литературные традиции. Автор-фанат нередко отсылает

читателя к русскому культурному контексту уже самим названием своего произведения. Национальная специфика также замечена в фразеологии, которую используют герои фан-текстов в диалогах и которая абсолютно не присуща английской культуре.

Таким образом, в русском фанфикшене происходит своеобразная интерпретация английских культурных и литературных традиций, связанная во многом с их неполным пониманием. В русских фанфиках также усматривается национальная русская специфика, выражающаяся в основном в отсылках к русскому культурному контексту.

Тулякова Наталья Александровна,

к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

**Ничто не ново под солнцем: «Отон-лучник» А. Дюма
и «Рейнская легенда» У. Теккерея**

Уильям Мейкпис Теккерей создал несколько сатирических произведений в подражание известным мастерам слова (Rebecca and Rowena; Novels by Eminent Hands). Этот аспект творческой деятельности писателя достаточно хорошо изучен, однако творческие отношения Теккерея с Александром Дюма-отцом не исследованы в полной мере. В 1838–1839 гг. был издан небольшой роман Дюма «Отон-лучник» (Othon l'Archer), сегодня практически забытый. В 1845 г. Теккерей создал на его основе повесть практически того же объема «Рейнская легенда» (A Legend of the Rhine), открыто ссылаясь на французского писателя: «I read it in an old, old book, in a mouldy old circulating library. 'Twas written in the French tongue, by the noble Alexandre Dumas; but 'tis probable that he stole it from some other, and that the other had filched it from a former tale-teller. For nothing is new under the sun. Things die and are reproduced only. And so it is that the forgotten tale of the great Dumas reappears under the signature of Theresa Macwhirter».

Английский писатель сохранил конфликт, фабулу, систему персонажей. Основные изменения касаются прежде всего тональности повествования. На смену легкому тону Дюма пришел не просто юмористический или сатирический, а бурлескный тон. Именно эти трансформации прежде всего и анализируются, если речь заходит о «Рейнской легенде». В то же время композиционные изменения, внесенные Теккереем, не рассматриваются исследователями.

Главным сюжетным изменением, повлекшим за собой изменение композиции, является опущение основного эпизода романа Дюма, в котором присутствуют несколько сюжетных центров, выполняющих разные функции. Среди них две легенды, сюжетно параллельные друг другу, в центре которых — рассказ о мертвом супруге. Первая, легенда о хозяйке Виндекского замка, попытавшейся заманить Германа, товарища Отона, в царство мертвых, решается Дюма в комическом ключе. Вторая располагается ближе к финалу, находится на пиковой точке и задает общий тон повествования. В ней главная героиня, принцесса Елена, рассказывает Отону историю своей бабушки Беатрисы, представляющую собой вариацию сюжета о Рыцаре Лебедя, т. е.

Лоэнгрине. В сюжете романа этот эпизод является не только самым обширным и подробным, но и ключевым, т. к. подсказывает Отону, каким именно способом спасти возлюбленную — появившись под видом того же Рыцаря. Теккерей полностью отказывается от этого сюжетного хода и оставляет только один сюжетный центр — легенду о Виндекском замке, изменяя ее развязку.

В романе Дюма столкновение с призраками, так же как охота и состязание в стрельбе из лука, является испытанием героя перед его поединком со злом, и Отон выдерживает его. В «Рейнской легенде» Отон не проходит испытание и падает в обморок, как и его друг Вольфганг. Именно комически решенная легенда о хозяйке Виндекского замка находится в «Рейнской легенде» ближе к финалу и является комической кульминацией повести. Кроме того, в романе Дюма конфликты и разрешающие их поединки нанизываются по сказочному принципу. Развязка (счастливое воссоединение персонажей) откладывается до последнего момента. Тот же принцип использует и Теккерей.

Со сказкой роднит оба текста ряд испытаний, которые проходит герой, прежде чем сразиться со злом. Однако роман Дюма осложняется двумя вставными конфликтами, не имеющими сюжетного значения, но выводящими книгу из сказочного в романное повествование. Повесть же Теккерей, в стилистическом отношении представляющая собой бурлеск, построена исключительно по сказочному образцу.

Таким образом, опущение центрального эпизода является одним из рычагов «жанрового сдвига» в «Рейнской легенде».

Фокин Сергей Леонидович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

Перевод как центральная проблема сравнительного изучения литератур

В середине 1920-х гг., когда начинающий филолог А. В. Федоров вступает на научную стезю, наиболее эффективной моделью строгой научности был формальный метод в науке о литературе и языке. Статья «Проблема стихотворного перевода» (1925, 1927) была одним из первых и одним из наиболее последовательных опытов использования формального метода в теории перевода: судя по всему, именно юношеский максимализм автора в соединении с глубокими познаниями в современной теории литературы, истории русского и западного стиха, а также превосходным владением немецким и французским языками, способствовали тому, что основные теоретические положения нового метода были сформулированы с программной категоричностью. Во второй статье того же времени, появившейся в 1928 г. в четвертом выпуске «Временника Отдела словесных искусств», формальный метод был использован для анализа наиболее сложной проблемы стихотворного перевода — передачи звуковой формы стиха. В силу необыкновенного теоретического ригоризма, исключительной насыщенности терминологией формальной школы, изобилия ссылок и цитат из трудов ее основоположников (С. И. Бернштейна, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхен-

баума, Р. О. Якобсона) обе статьи Федорова могут рассматриваться как своего рода защита и прославление формального метода в теории перевода и функционально-сравнительном анализе текстов подлинника и перевода.

Статья «Проблема стихотворного перевода» восходит к небольшой книге Тынянова «Проблема стихотворного языка», явственно перекликающаяся с ней даже в названии, а также к статье «Тютчев и Гейне», где, касаясь переводов Тютчева из Гейне, исследователь высказывал мысль о возможности независимости или даже чуждости перевода тексту оригинала: «Одно и то же явление может генетически восходить к известному иностранному образцу и в то же самое время быть развитием определенной традиции национальной литературы, чуждой и даже враждебной этому образцу». Рассматривая вслед за Тыняновым перевод в виде литературного произведения, принадлежащего больше системе национальной, а не зарубежной литературы, в котором сталкиваются и противостоят *традиция* и *генезис*, молодой Федоров приходил к радикальному пересмотру нескольких краеугольных положений традиционной критической рефлексии о переводе, в первую очередь, проблемы точности или формального соответствия перевода оригинала.

Для сравнительного литературоведения, как самой дисциплины, так и способов ее преподавания, подобные положения имеют кардинальное значение, поскольку подразумевают новое определение самого предмета изучения. Например, «Посторонний» А. Камю может и должен рассматриваться в рамках истории французской литературы, где для понимания текста первостепенными являются проблемы генезиса и традиции, но также в рамках общей культурной/литературной, философской проблематики «своего/другого», «собственного/чужого», «странного/чужестранного», где возможны новообразования более сложных литературных традиций, в которых «посторонний/чужестранец» может рассматриваться, с одной стороны, в виде более или менее перманентного объекта писательского внимания от Платона или Рабле до Мелвилла или Достоевского, а с другой — как генетический источник новой традиции в рамках принимающей литературы, в которой текст Камю может и должен изучаться как прототекст Битова, Вампилова, Маканина.

Чамеев Александр Анатольевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

**Анна Радклиф и М. Г. Льюис как представители
двух разновидностей «готики»: опыт сопоставительного анализа**

Сопоставительный анализ двух готических романов: «Удольфских тайн» (1794) Анны Радклиф и «Монаха» (1796) М. Г. Льюиса, — приводит к выводу о принципиальном несходстве общеэстетических и мировоззренческих установок авторов. Содержание и поэтика романа Радклиф выдержаны в традициях сентиментальной готики: формы воплощения готического антуража вполне согласуются здесь с традиционным идейно-тематическим заданием нравоописательного романа — трогательным изображением

«страждущей добродетели», которое призвано стать поучительным примером для читателя. Главная героиня, Эмилия Сент-Обер, пережив целую серию злоключений: смерть родителей, интриги героя-злодея, заточение в уединенный замок, — в финале романа узнает тяготившую ее семейную тайну и воссоединяется со своим избранником, также пережившим за это время немало бед.

Совсем иначе складывается судьба главного героя книги Льюиса — монаха Амбросио: оставленный автором наедине с враждебной человеку непознаваемой высшей силой и с темными слепыми инстинктами собственного подсознания, всей своей жизнью он осуществляет некий зловещий сценарий, заранее уготованный ему Сатаной. Льюис наполняет книгу такими ужасами и «сатанинской» фантастикой, о которых не могли и помыслить основатели жанра, и завершает роман трагическим финалом.

Такой способ видения и изображения мира, безусловно, чужд Радклиф, «вуалирующей» в своем романе все подлинно ужасное, «рационализирующей» все потенциально сверхъестественное и завершающей повествование оптимистически счастливой развязкой. Анна Радклиф остается в глубине души дочерью века Просвещения и сохраняет верность его важнейшим идеологическим установкам и этическим ценностям. И дело не только в том, что все на первый взгляд непостижимые тайны и ужасы замка Удольфо получают у нее прозаическое объяснение. Гораздо важнее другое: художественный мир Радклиф — это по самой своей сути рациональный, логизированный мир.

В отличие от Радклиф, Льюис создает подчеркнуто антипросветительский роман, оценивая мировоззренческие и литературные ориентиры уходящего столетия с принципиально иных, нежели Радклиф и ее школа, предромантических идейно-художественных позиций. Художественный мир «Монаха» — это иррационально-агностический мир, проникнутый образным радикализмом, шокирующей откровенностью эротизма и насилия, материализацией ужасного и сверхъестественного и своеобразной эстетизацией зла.

Шахназарян Наринэ Мартиросовна,

к. ф. н., доцент, Беларуский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Сапфическая тема в поэзии английских романтиков

Английские романтики стремятся обратиться к первоизданным истокам древнегреческой поэзии, относительно которой уже древнеримская являлась копией оригинала. Мотив божественного происхождения поэтического дара и угасания вдохновения в несовершенном, дисгармоничном мире, характерный для романтиков (ода «Уныние» Колриджа, «Строки, написанные в унынии близ Неаполя» Шелли), находит выражение и в разработке сапфической темы. Древнегреческая поэтесса в романтической интерпретации являет собой исключительную личность, защитившую высокий идеал красоты и гармонии поэтического творчества от разрушительной силы хаоса бытия ценою собственной гибели.

Свой вклад в разработку данной темы в 1790-е гг. внесла Мэри Робинсон (1758–1800) — одна из наиболее замечательных творческих личностей своего времени (автор романов, стихотворений, ведущая актриса шекспировского репертуара театра «Друри Лейн»), «несомненный гений» по определению С. Т. Колриджа и Р. Саути. Для создания драматического повествования о жизни Саффо (сонетный цикл «Саффо и Фаон», 1796) Робинсон избирает форму «правильного» (legitimate) сонета, который отличает целостность и связность сюжета, обусловленные единством исторического или воображаемого предмета описания. Образец такого сонета дан Петраркой и Мильтоном.

Развивая саффическую тему, Робинсон имеет в виду разработку образа Саффо в творчестве Овидия (15-я эпистола), А. Поупа («Саффо Фаону»), Аддисона, но отмечает отличие своей версии от созданной предшественниками. Робинсон раскрывает роковой конфликт между божественной гармонией поэтического разума и земной дисгармонией человеческой страсти, соединяет античную и классицистическую идею разрушительной силы страсти по отношению к разуму с романтической темой несоответствия идеала и действительности. В финальном сонете звучит тема несокрушимой силы поэзии, которая вопреки гибели поэта, подобна вечному движению сияющих звезд.

Поэтический язык Робинсон отражает синтез античной, ренессансной, классицистической и романтической традиций. Аллегорические образы восходят к античной мифологии (Элизиум, Элова Арфа, Эрато, лотос как символ забвения из «Одиссеи» Гомера, Филомела, превращенная в соловья, — «печальнейшую птицу» из «Метаморфоз» Овидия). К Э. Спенсеру — мелодия ассонансов, ритмическая выразительность, аллегии, заставляющие вспомнить о поэме «Королева Фей» («Замок Целомудрия», «Беседка Удовольствия»), к Ф. Сидни и Шекспиру — принцип драматизации лирического жанра сонета, прямые реминисценции из их сонетов (Come, Reason, come...; ...let me rest). С классицистической традицией связана линейная композиция повествования. Каждый сонет озаглавлен соответственно этапу развития драмы героини. Персонафикация, идея разрушения гармонии разума хаосом страсти также близки классицизму.

Несмотря на синтетическую природу поэтики сонетного цикла, неприятие вольного обращения романтиков с каноническим жанром сонета, Робинсон предлагает романтический характер разработки саффической темы, продолжение которой у Колриджа, Китса появятся позже.

Юрьев Андрей Алексеевич,

к. иск., профессор, Санкт-Петербургская государственная академия
театрального искусства

**«Кесарь и Галилеянин» Х. Ибсена и «Юлиан Отступник»
Д. С. Мережковского: две версии исторического сюжета**

Вопрос о влиянии, оказанном Х. Ибсеном на Д. С. Мережковского, до сих пор остается дискуссионным. Нет никаких документальных данных, позволяющих утверждать, что к началу работы над романом «Смерть бо-

гов (Юлиан Отступник)» (1896) Мережковский уже был знаком с ибсеновской драматической дилогией «Кесарь и Галилеянин» (1873), первый русский перевод которой появился в 1900 г. Читал ли русский писатель это произведение в одном из двух немецких переводов, опубликованных в 1888 г., или во французском (1895), также не вполне ясно. Однако трудно сомневаться в том, что автор романной трилогии «Христос и Антихрист» хорошо знал «всемирно-историческую драму» Ибсена, когда работал над трагедией «Юлиан Отступник» (1916–1919). Эту малоизвестную небольшую пьесу, сохранившуюся в единственном машинописном экземпляре (Отдел редкой книги, рукописных, архивных и иконографических материалов Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки), не следует рассматривать всего лишь как инсценировку знаменитого романа. За два десятилетия взгляды автора во многом изменились, что безусловно сказалось на содержании пьесы. В 1914 г. Мережковский писал в предисловии к собранию своих сочинений: «Когда я начинал трилогию «Христос и Антихрист», мне казалось, что существуют две правды: христианство — правда о небе, и язычество — правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд — полнота религиозной истины. Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом — кощунственная ложь; я знал, что обе правды — о небе и о земле — уже соединены во Христе Иисусе. Но я теперь также знаю, что надо было мне пройти эту ложь до конца, чтобы увидеть истину».

В контексте этой эволюции представляет интерес творческий диалог Мережковского с Ибсеном, запечатлевшийся в трагедии «Юлиан Отступник». Определяя узловые моменты драматического действия, русский автор во многом следовал за норвежским драматургом, прежде него обратившимся к этому историческому сюжету. Вместе с тем художественные концепции двух произведений так же различны, как не сходны между собой образы их главных героев. Отличия определяются не столько разницей идейных устремлений (в пьесе Мережковский гораздо ближе к Ибсену, чем в романе), сколько спецификой культурно-исторических контекстов — западноевропейского 1870-х гг. и русского 1910-х.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКОН

Андронов Алексей Викторович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

В поисках живых чередований фонем

В работах по фонетике, фонологии, морфонологии широко используется разделение чередований на живые (условия которых описываются исключительно в терминах фонологии) и исторические (для описания которых необходимо привлечение морфологических данных). Следует ли из этого разделения какая-либо дополнительная классификация фонологических явлений? Как соотносится оно с различием аллофонических и фонемных чередований? Ясно, что в исторических чередованиях могут участвовать только фонемы, а аллофоны могут участвовать только в живых чередованиях. Вопрос, таким образом, сводится к тому, могут ли в живых чередованиях участвовать фонемы. Если нет, то противопоставление живых и исторических чередований утрачивает какое-либо значение, просто дублируя противопоставление аллофонических и фонемных чередований (ср. [Попов, 2004. С. 130]: «с точки зрения фонологической системы разграничение исторических и живых чередований не имеет смысла»).

Анализ чередований привлекается в процедурах фонологического анализа: при идентификации фонов (сведении их в классы эквивалентности) и при систематизации фонем.

Идентификации подлежат те фонемы, которые находятся в отношении живого (т. е. описываемого в терминах фонологии) чередования и не способны различать морфемы (ср. [Касевич, 1983. С. 44–45]). Как видно из формулировки, в процедуре установления эквивалентности задействованы два критерия: полученные в результате сегментации фонемы проверяются с точки зрения условий, обеспечивающих их выбор при чередовании, и с точки зрения различительной способности. При этом констатация вовлечённости морфологических соображений в формулировку чередования или наличия смысловозначительного противопоставления уже и по отдельности свидетельствуют против объединения анализируемых фонем в класс эквивалентности. Мы возвращаемся к тому же вопросу: существуют ли живые чередования фонем?

М. Б. Поповым [1998; 2004. С. 124–148] на конкретных примерах из русского языка с активным привлечением данных из истории соот-

ветствующих фонологических процессов убедительно показано, что при описании любого фонемного чередования морфологическая информация необходима. (Итоговый вывод осторожно формулируется лишь для русского языка, но сама логика рассуждения придает ему общелингвистическую значимость.) Это наблюдение в некотором смысле закрывает путь для классификации фонемных чередований, т. к. все они оказываются историческими. Более целесообразным представляется сохранение традиционного противопоставления путем акцентирования разницы в морфологическом контексте, обуславливающим чередование, — специфичном при исторических чередованиях и неспецифичном при живых [Касевич, 1986. С. 19]. Иначе говоря, описание живых чередований требует лишь указания на тип сочетания морфологических единиц, в то время как для исторического важна информация о конкретных морфемах: чередование /d/ : /d'/ в *вод-а* — *вод-е* останется живым (на стыке основы и окончания перед /e/ обязательно появление мягкого согласного (если таковой есть в системе)), а в *вод-а* — *вод-ян-ка* историческим (перед суффиксом /-an-/).

Учет противопоставления исторических и живых чередований и дальнейшая классификация последних с точки зрения типа стыка морфем (по мере уменьшения тесноты, т. е. увеличения неоднородности: корень и суффикс, основа и окончание, приставка и корень, два корня, клитика и ортотоническое слово, два ортотонических слова и т. д. с учётом интонации и пауз) полезна при **систематизации** фонем, подразумевающей выявление фонологических признаков и выяснение их иерархии. Принцип фонологической однородности речевого потока (важный при сегментации и предполагающий, что одинаковые звучания фонологически интерпретируются одинаково независимо от типа стыка), не противоречит различному «фонологическому расстоянию» между конкретными участвующими в чередовании фонемами.

Бачаева Саглар Егоровна,

к. ф. н., научный сотрудник,

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста)

О дефинициях в толковом словаре калмыцкого героического эпоса «Джангар» (на примере имен прилагательных)

Калмыцкий язык, по данным ЮНЕСКО, принадлежит группе определенно исчезающих языков, именно этим обусловлена попытка создания Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», принимаемая в отделе экспериментальной и теоретической лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Подобный формат словаря является важнейшим для отражения духовного и культурного богатства калмыцкого этноса.

Главной задачей работы над словарем на начальном этапе являются сверка с оригиналом текстов песен и разработка критериев отбора в слов-

ник лексических единиц, а также примеров и т. д. Словарь предназначен для людей, владеющих калмыцким языком как вполне, так и в недостаточной мере, поэтому толкования будут даваться наиболее частотными лексическими единицами и несложными по структуре синтаксическими конструкциями. Предполагается, что дефиниции, являющиеся основными элементами словарных статей и раскрывающие выражаемые словами понятия, будут даны ко всем словам в полном объеме.

В нашем толковом словаре одним из основных способов толкования будет описательный, т. к. это один из лучших способов толкования, наиболее полно и точно раскрывающий значения заголовочных слов. По мере необходимости, если слово нельзя будет описать этим способом, будут применяться все остальные способы (синонимический, перечислительный, указание более широкого класса и отличительных признаков).

В предлагаемом докладе будут рассмотрены формулы-толкования для имен прилагательных (чинрлгч нерд)обозначающих качество, свойство, признак предмета, в словаре сопровождаются частеречной пометой ч. н.: ШАР-ЦООХР ч. н., ИК ч. н. Имена прилагательные бывают пространственные, временные (*но* 'прямой', *барун* 'правый', *зун* 'левый'), обозначающие свойства и качества вещей, воспринимаемые чувствами (*дулан* 'теплый', *халун* 'горячий', *ишклн* 'кислый'), физические и телесные качества человека и животных (*көгшн* 'старый', *нүцкн* 'нагой', *дүлэ* 'глухой'), обозначающие способности (*ухата* 'умный', *эргү* 'глупый'), скорость (*шулун* 'быстрый', *удан* 'медленный'), цветовые (*улан* 'красный', *хар* 'черный') и др.

Каждая группа прилагательных требует своего способа толкования. При толковании имен прилагательных можно использовать следующие формулы-толкования: *ирлицэтэ*, *орлицта* 'относящиеся к', *өңгтэ болдг* 'имеющие цвет', *болдг* 'имеющий', *кегдсн* 'изготовленный из', *тоод орлицна* 'принадлежащий', *тогтсн* 'состоящий из', *хамачн бүрдсн*, *һаргдсн* 'созданный или выведенный', *белдсн*, *кегдсн* 'приготовленный, сделанный из', *бээлһнэ нернлэ учр-утхарн дүңцэтэ*, *терүнлэ залһлдата* 'соотносящийся по значению с сущ., связанный с ним', *йилһрсн*, *ончрсн* 'отличающийся' *өңг* 'цвет', *зүсн* 'масть', *онц өңгү* 'отдельный цвет', *амр* 'простой', *талдан өңгтэ ниилсн* 'сложный (смешанный с другими)', *өңг уга* 'отсутствие цвета', *өңгтэ* 'наличие цвета', *нег өңгтэ* 'одного цвета', *олн өңгтэ* 'разных цветов', *юһарчн сээхрдсн* 'украшенный чем-л.', *өңгтэ* 'имеющий цвет...', *өңгэРН ... дурасн* 'похожий цветом на...', *юмначн өңг дурасн* 'напоминающий цвет чего-л.', *нег юмна нилчэр өңгэн геесн* 'потерявший окраску под действием чего-л.' и т. д.

Приведенные синтаксические формулы дают основу для дальнейшего, более тщательного и детального описания и толкования заголовочных слов в Толковом словаре калмыцкого героического эпоса «Джангар». Поскольку в калмыцком языкознании ранее не было опыта создания толковых словарей, необходимо сначала разработать клише толкований, позволяющих наиболее точно и полно раскрыть семантику лексики указанного эпоса, а также создать возможность получения более оперативного и системного толкования при описании имен одной тематической группы.

Бембеев Евгений Владимирович,

к. ф. н., старший научный сотрудник,

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста)

О создании подкорпуса «ранних тестов» на калмыцком языке: постановка проблемы

Актуальной задачей нашего общества является сохранение культурно-исторического наследия предков. Способ ее решения — перевод источников и архивных документов в цифровую форму. В свете этого весьма важным является создание подкорпуса «ранних текстов», написанных на старокалмыцком языке (на «тодо бичиг» — ‘ясном письме’), в рамках Национального корпуса калмыцкого языка [Куканова и др., 2012].

Работа по созданию электронных коллекций старокалмыцких письменных памятников сопряжена с рядом проблем. Во-первых, графическая система, на которой писались эти тексты, — «тодо бичиг» — еще не получила должной компьютерной обработки. В старописьменном языке почти все графемы в различных позициях (в начале, середине и в конце) пишутся по-разному. Все графические начертания одной буквы являются аллографами (глифами) и, следовательно, обозначениями аллофонов одной и той же фонемы. Если, к примеру, символы монгольского письма «худма бичиг» уже получили кодировку UNICODE и имеется пакет программ с использованием этого письма (Windows, Microsoft Office), то для «тодо бичиг» все еще отсутствует кодировка некоторых символов в соответствии со стандартами UNICODE.

Во-вторых, для автоматической обработки текстов необходимо сформировать парадигмы именных и глагольных словоизменительных типов старописьменного калмыцкого языка, создать морфологическую модель языка, без которой невозможно разработать программное обеспечение.

Создание электронных коллекций старокалмыцких письменных памятников предполагает наличие базы данных лексического ядра, или словаря ранних текстов, необходимого для правильного распознавания линейного потока. Для решения данной задачи создается «Словарный модуль калмыцкого языка», который представляет собой электронную лексикографическую базу данных (на основе лексикографических источников XVIII и первой половины XX вв.) и впоследствии составит основу для разработки распознающей программы и формализованного описания морфологии старописьменного языка. Уже ведется оцифровка имеющихся словарей, приведение их к единообразию в оформлении словарной статьи. Для этого разработан универсальный транслитерационный алфавит, позволяющий унифицировать письменные памятники калмыцкого языка XVIII–XIX вв. В-третьих, следующей важной задачей является поиск, оцифровка (т. е. факсимильное копирование) письменных памятников на «ясном письме», которые хранятся в собраниях рукописных памятников России, Монголии, КНР, Германии, Дании и др. [Бембеев, 2012]. Необходимо также провести анализ рукописных и печатных источников XVII–XIX вв., дать их хронологические, жанровые, палеографические и лексические характеристики и т. д. Все это

в дальнейшем облегчит ввод и обработку текстов и изображений, а также работу систем оптического распознавания, информационного поиска и автоматического индексирования документов.

В-четвертых, отдельную проблему составит качество обнаруженных рукописей, что в свою очередь может затруднить интерпретацию того или иного плохо сохранившегося графического знака, адекватную передачу графических особенностей памятника (например, необычную лигатуру, нечеткое начертание «диакритики» и др.)

В результате выполнения проекта на базе исследований источников калмыцкого языка XVIII–XIX вв. будут получены новые научные данные. Изучение ранних текстов носит ретроспективный исторический характер и охватывает самый широкий круг вопросов — от текстологии и диалектологии до сравнительно-исторического изучения словоформ, словосочетаний и т. д., что, как показывает опыт, может привести к реконструкции ойратских и общемонгольских древностей на вербальном уровне.

Литература:

Бембеев Е. В. Коллекции рукописей на старокалмыцком (ойратском) языке XVII–XIX вв. в свете компьютерной обработки: постановка проблемы // Информационные технологии и письменное наследие. El'Manuscript-2012: Материалы IV межд. науч. конф. Петрозаводск, Ижевск, 2012. С. 31–34.

Вилинбахова Елена Леонидовна,

к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Тезисы тезисами, а доклад докладом:

об одной тавтологической конструкции в русском языке

В докладе рассматриваются тавтологические конструкции, построенные по модели известной поговорки *Дружба дружбой, а служба службой*, на материале текстов из НКРЯ и интернет-источников. Первый зафиксированный в Корпусе пример относится к концу XVIII в., и на протяжении более двухсот лет конструкция остается продуктивной языковой моделью.

Традиционно данную конструкцию относят к уступительным фразеосхемам [Булыгина, Шмелёв, 1997 и др.]. В докладе предлагается альтернативный подход, согласно которому конструкция входит в класс «согласованных тавтологий» (термин из работы [Meibauer, 2008]) вида *X* есть *X*, а *У* есть *У*, *X* — это *X*, а *У* — это *У* и т. п.

Рассматриваются как общие черты конструкции *X X*-ом, а *У У*-ом с перечисленными выше, так и те особенности, которые выделяют ее из ряда остальных парных тавтологий.

Базовое значение любой согласованной тавтологии — это противопоставление между ее элементами; говорящий стремится разграничить два понятия и указать на невозможность их взаимозамещения (1).

(1) *Есть вещи о которых надо поговорить, обсудить, решить... но работа есть работа, а семья есть семья, рабочие проблемы надо решать на работе.* (Интернет)

В конструкции вида *X X-ом*, а *У У-ом* чаще всего в дополнение к разграничению сущностей подчеркивается больший вес второго элемента.

(2) *Вот и на сей раз он публично заявил СМИ, что поражения поражениями, а работа работой — уходить не собираюсь.* (Трегубов И. Российский футбол станет «публичным» // РБК Daily, 2004.10.15)

(3) *У меня на сей предмет много мыслей есть, однако мысли — мыслями, а дело — делом.* (Белозеров А. Чайка (2001))

Кроме того, рассматриваемая конструкция дает говорящему больше свободы в сопоставлении понятий из разных категорий; основание для сравнения предоставляется контекстом, вне которого сущности могут не иметь ничего общего (4). Для остальных согласованных тавтологий такие контекстуально обусловленные сравнения выглядят менее естественно (4').

(4) — *Ну хорошо, ребята, Артёмка Артёмкой, а урок уроком...* (Крапивин В. Трое с площади Карронад (1979))

(4') ? — *Ну хорошо, ребята, Артёмка есть Артёмка, а урок есть урок...*

Наконец, ещё одна важная особенность — это сходство с упомянутой выше поговоркой *Дружба дружбой, а служба службой*. Во-первых, возможна прямая отсылка к поговорке: её преобразование с частичным сохранением исходного значения:

(5) *Пока существуют государства с их очень разными интересами, будут действовать и разведки, эти интересы обслуживающие. Как говорится, дружба — дружбой, а спецслужба — спецслужбой.* (Шапкин С. Российских разведчиков сдал не Щербаков // Комсомольская правда, 2010.11.13)

Во-вторых, возможна маскировка конструкции с уже иным значением под элемент фольклора с помощью языкового выражения как говорится.

(6) *Это откроет дорогу к стратегическим переговорам, но при этом нет никаких гарантий, что энергодиалог между РФ и ЕС будет простым. Как говорится, мясо — мясом, а газ — газом.* (Польша снимает вето // РБК Daily, 2007.11.28)

В докладе также будут рассмотрены особенности лексического наполнения данной конструкции и ее графического оформления.

Литература:

1. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
2. Meibauer J. Tautology aspresumptive meaning // Pragmatics and Cognition. 2008. Vol. 16. Pp. 439–470.

Горбов Андрей Андреевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О понятии «вторичное заимствование»

Термином «вторичное заимствование» обозначаются случаи, когда «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но

имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» [Крысин, 2008. С. 106]. Такое толкование не предполагает однозначного понимания того, является ли второе слово, которое совпадает с первым по форме, тем же словом, что и первое (в этом случае речь идет о расширении семантического потенциала уже существующей лексической единицы), или первое и второе слово являются разными словами (тогда имеется в виду включение в словарь новой лексической единицы, омонимичной уже существующей). В объем понятия вторичного заимствования включаются случаи расширения многозначности уже существующих в языке ранее заимствованных слов путем калькирования. Например, Л. П. Крысин, относя к «вторичным заимствованиям» существительное *резюме* в значении «краткая автобиография с характеристикой деловых качеств, представляемая кандидатом на какую-либо должность, участником какого-либо конкурса и т. п.», отмечает, что «[э]то новое значение представляет собой семантическую кальку соответствующего значения многозначного английского слова *resume*» [Крысин, 2008. С. 106]. Также к категории «вторичных заимствований» относят и случаи, когда заимствуется слово, материально совпадающее с другим, заимствованным ранее, причем это совпадение ограничивается лишь материальной формой, и новая единица не обнаруживает с ней семантической связи (по крайней мере, в русском языке такой связи не прослеживается).

Такая ситуация имеет место в случаях позднейшего заимствования переносных значений ранее заимствованного слова при отсутствии в языке-реципиенте у этого слова исходного значения, на основе которого в языке-источнике имел место перенос наименования. Результатом «вторичного заимствования» является омонимия: например, *пилот*₁ — «летчик, управляющий летательным аппаратом» (к этому значению в последние десятилетия добавилось полученное семантическим калькированием значение «гонщик в некоторых видах автоспорта, например в гонках «Формулы-1») и новейшее *пилот*₂ — «пробный выпуск печатного издания». У слов *pilot* (англ.) / *pilote* (фр.) присутствуют те же значения, однако значение, которому соответствует новейшее заимствование *пилот*₂, является метонимическим производным от значения «лоцман», имеющегося у английского и французского слов, но отсутствующего у слова *пилот* в русском языке.

Случаи другого типа, которые также рассматриваются под рубрикой «вторичного заимствования» — примеры позднейшего заимствования лексических единиц, изначально являющихся омонимичными ранее заимствованным в силу различного этимологического происхождения.

Так, с разными этимонами соотносятся омонимы *логистика*₁ «математическая логика» и *логистика*₂ «управление матер.-тех. обеспечением, товарно-матер. запасами»: *логистика*₁ является немецким заимствованием (Logistik), содержащим в себе греческий по происхождению корень, представленный также в слове логика; *логистика*₂ — от англ. logistics, заимствованного из французского языка (*logistique* < *loger* 'помещать, размещать').

Совпадение плана выражения омонимов носит с точки зрения языковой системы случайный характер, и язык не может как-либо «вторично» использовать более раннее заимствование для выражения новой семантики. В данном случае можно говорить лишь о материальном (а не скрытом) заимствовании, т. е. о заимствовании не только содержания, но и экспонента.

Таким образом, понятие «вторичного заимствования» включает в себя различные по своей природе явления, и соответствующий термин не является обозначением какого-либо лингвистического механизма контактного влияния одного языка на другой. Реальными механизмами контактного влияния, которые могут стоять за «вторичным заимствованием», являются семантическое калькирование и материальное заимствование.

Литература:

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.

Григорьян Елена Леонидовна,

к. ф. н., доцент, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Деепричастные обороты современной русской речи в контексте синтаксической типологии

Несмотря на то, что многочисленные грамматики и пособия характеризуют деепричастные обороты как принадлежность исключительно книжной речи, материал современной устной речи, в том числе спонтанной или близкой к спонтанной, свидетельствует об обратном; при этом значительная часть употребляемых деепричастных оборотов не соответствует литературной норме: субъект действия, обозначенного деепричастием, довольно часто не совпадает с подлежащим.

В литературе иногда встречается трактовка таких употреблений как устаревших (в отношении подобных конструкций в прозе русских классиков). Представляется, однако, очевидным, что перед нами не архаизм и не инновация (и не активизировавшаяся в данный момент старая тенденция). Есть основания согласиться с утверждением М. И. Гловинской: «...перед нами живой, пульсирующий процесс легализации независимых оборотов» [Гловинская, 1996. С. 278].

Вместе с тем следует заметить, что не все употребления несогласованных деепричастных оборотов в равной степени возможны, т. е. они не одинаково неприемлемы (или, возьмем на себя смелость сказать, приемлемы). В их употреблении четко прослеживаются определенные закономерные тенденции. Так, упоминание субъекта в той или иной форме — фактор, увеличивающий естественность употребления оборота. Часто такие предложения имеют ярко выраженный перцептивный характер, т. е. передают перцептивные происшествия (по удачному термину Р. И. Розиной) и даже чисто внутренние состояния человека; известно, что для синтаксического представления такого рода ситуаций характерны дативные или иные конструкции, в которых экспериментер или наблюдатель представлен в типичной для этой роли падежной форме: датива, аккумулятива, генитива с предло-

гом у (т. е. possessивного субъекта) и др. Именно на структуры этого типа приходится большая часть употреблений рассогласованных деепричастных оборотов. Рассматривая подобного рода примеры в плане общей типологии деепричастий, В. П. Недялков отмечает «формальную разнесубъектность при смысловой равносубъектности <...> Определенные семантические актанты обоих действий нередко оказываются связанными референтными или possessивными отношениями или же прагматически. Один участник ситуации может задавать „координаты“, по которым легко опознается другой участник» [Недялков, 1990. С. 47, 48].

Собранный материал показывает, что в употреблениях подобных оборотов очевидным образом проявляются многие закономерности, отмечаемым синтаксической типологией: более высокий статус одушевленных актантов по сравнению с неодушевленными; говорящий/наблюдатель как приоритетная точка отсчета; типичность бесподлежащих конструкций для выражения модальных значений; и др.

Литература:

1. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
2. Недялков В. П. Основные типы деепричастий // Типология и грамматика. М., 1990.

Даугавет Анна Дмитриевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Глаголы со значением необходимости и возможности в латышском языке

Глаголы со значением возможности включают *varēt* ‘быть способным, иметь возможность, иметь разрешение’, *driktstēt* ‘сметь, иметь разрешение’, *spēt* ‘быть способным’, *jaudāt* ‘быть в состоянии’. Необходимость передается, с одной стороны, глаголом *vajadzēt* ‘быть нужным’, а с другой — специальными формами дебитива со значением долженствования. (О средствах выражения модальности в латышском см.: [Holvoet, 2007].) За исключением дебитива, который представляет собой грамматическую категорию, перечисленные выше глаголы не обладают ярко выраженными формальными особенностями. Иначе говоря, в отличие от, например, модальных глаголов английского языка, они могут считаться модальными лишь на основе их значения.

Глаголы *dabūt* ‘получить’ и *tikt* ‘попасть (куда-либо); стать’ в сочетании с инфинитивом выражают возможность (*tikt*) или же, в зависимости от контекста, возможность или необходимость (*dabūt*). В последнее время *dabūt* рассматривается как «аквизитивный модальный глагол», наряду с аналогичными глаголами других языков, у которых модальное значение развилось из значения ‘получить’ [van der Auwera et al., 2009]. Глагол *tikt* схож с *dabūt* и не подходит под определение «аквизитивных» модальных глаголов лишь потому, что его исконное значение отличается от ‘получить’. При этом *tikt* зачастую ведет себя как непереходный эквивалент *dabūt* [Даугавет, 2013, Daugavet, 2014].

С одной стороны, причисление *dabūt* (и *tikt*) к модальным глаголам поднимает вопрос об их сходствах и различиях с глаголами, для которых модальное значение является основным. С другой стороны, представляется необходимым также выяснить, чем *dabūt* (и *tikt*), которые означают не столько 'мочь' или 'быть должным', сколько 'удаваться' и 'быть вынужденным', отличаются от глаголов типа *izdoties* 'удаваться' и *nākties* 'приходиться, быть вынужденным'. Отличить *dabūt* и *tikt* от «настоящих» модальных глаголов можно при помощи критерия, описанного в работе [Narrog, 2005. P. 184]: «the expression of a state of affairs is modalized if it is marked for being undetermined with respect to its factual status, i.e. is neither positively nor negatively factual». В соответствии с этим критерием некоторые из глаголов, для которых значения возможности и необходимости являются основными, также не могут считаться модальными. Отличие *dabūt* и *tikt* от глаголов типа *izdoties* 'удаваться' и *nākties* 'приходиться, быть вынужденным' во многом заключается в том, что их значение содержит отсылку к другому событию, благодаря которому ситуация становится возможной или необходимой. Аналогичное развитие значение было ранее описано для языков Юго-Восточной Азии, см.: [Enfield, 2003. P. 146].

Исследование проводится на материале сбалансированного корпуса современного латышского литературного языка (www.korpus.lv) и примеров из интернета.

Литература:

1. Даугавет А. Д. Латышские глаголы *dabūt* и *tikt*: acquisitive modals и другие значения: Доклад на Десятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. Институт лингвистических исследований РАН, 21–23 ноября 2013 г.
2. van der Auwera J., Kehayov P. & Vittrant A. Acquisitive modals. In: Lotte Hogeweg, Helen de Hoop & Andrej Malchukov (eds.), Cross-linguistic semantics of tense, aspect, and modality, 271–302. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2009.
3. Daugavet A. Acquisitive modals in Latvian. A talk at the 11th International Conference on Actionality, Tense, Aspect, Modality // Evidentiality. Scuola Normale Superiore, Pisa. June 16th–18th, 2014.
4. Endfield N. J. Linguistic epidemiology: Semantics and grammar of language contact in mainland Southeast Asia. London: Routledge Curzon, 2003.
5. Holvoet A. Mood and Modality in Baltic. Kraków: Wydawnictwo uniwersytetu jagiellonskiego, 2007.
6. Narrog H. On defining modality again // Language Sciences. 27. 2005. Pp. 165–192.

Ермолаева Ирина Алексеевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Касевич В. Б., д. ф. н., профессор

Семантическая классификация глаголов речи в русском языке

Под глаголами речи в настоящем сообщении понимаются глаголы, в план содержания которых входит сема (семантический примитив) 'говорить'. К одному и тому же семантическому классу причисляются глаголы

речи, план содержания которых представлен одной и той же пропозиционной структурой.

Описание плана содержания глаголов речи производится в данном сообщении с опорой на несколько модифицированный вариант теории А. Вежбицкой с ее использованием Естественного Семантического Языка (ЕСЯ). Основные изменения, внесенные в ЕСЯ, заключаются в следующем: (1) к семантическим примитивам, используемым Вежбицкой, добавляется примитив 'каузировать' и (2) вводится категория второпорядковых предикатов (см. ниже).

Эмпирической базой исследования послужил текст русского перевода романа Г. Филдинга «История Тома Джонса найденыша».

Полученная классификация включает в себя **восемь классов**:

- 1) **собственно глаголы речи**. Семантика глаголов исчерпывается семой 'говорить', которая может иметь различное поверхностное выражение. Примеры: *говорить, сказать, разговаривать*;
- 2) **каузативные глаголы речи**. Эти глаголы включают в свою семантику сему 'каузировать', которая никогда не имеет поверхностного выражения. Примеры: *приказывать, велеть*;
- 3) **«интенсивные» глаголы речи**. В семантике глаголов присутствует второпорядковый предикат, указывающий на то, что речевое действие, обозначенное глаголом, характеризуется признаком 'превосходить норму'. Примеры: *кричать, орать, вопить, голосить*;
- 4) **перформативные глаголы**. Употребляясь в настоящем актуальном времени с субъектом 1 л., эти глаголы не называют, а производят действие. Примеры: 'Я обещаю У-у, что Р'. Примеры: *ручаться, просить*;
- 5) **интерактивные глаголы**. В семантику глаголов входит указание на временное и иное соотношение речевых действий в составе речевого акта. Примеры: *ответить, возразить*;
- 6) **глаголы звукоподражания**. План содержания глаголов включает второпорядковый предикат, говорящий о наличии в речи признаков, «роднящих» высказывание с неречевыми звуками. Примеры: *зарычать (о человеке), загреметь (о человеке)*;
- 7) **глаголы жестикуляции и мимики**. В семантике данного класса глаголов имеет место конъюнкция пропозиций: одна — говорения — не имеет поверхностного выражения, другая отражает жесты или мимику говорящего: *Ну, заладила! — скривил губы хозяин. Негодница! — вспыхнула миссис Вестерн*. К этим глаголам примыкает целый ряд других с разнородной семантикой, которые, подобно глаголам жестикуляции и мимики, «приобретают» сему говорения в соответствующих (семантических) контекстах. Примеры: *Достань-ка ей из шкафа осколок зеркала, — подхватила другая (сестра). Да, да, очень похоже, — согласился Патридж*;
- 8) **глаголы, выражающие оценку ситуации (обычно экспрессивную) со стороны говорящего**. Данный класс глаголов используется, когда субъект X выражает свои чувства или в ответ на какое-либо действие У-а показывает свое отношение определённым образом. Пример: *Олверти стал сурово порицать капитана, назвав его поведение недостойным*.

Семантические классы не являются непересекающимися, поскольку один и тот же глагол может входить более чем в один класс. Например, в предложении *«Негодница! — вспыхнула миссис Вестерн»* в план содержания глагола входит как семантика класса 7, так и семантика класса 8.

Ильченко Ольга Сергеевна,

д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К теории падежа:

поправки к локалистическим концепциям

Падежи рассматривают с разных сторон и точек зрения, среди исследователей нет единства в понимании того, что же такое падеж. Несмотря на объективное соединение лексического и грамматического в падежной словоформе, атомистические контекстные классификации значений того или иного падежа не приближают нас к пониманию семантического устройства данной грамматической категории и уяснению ее роли в формировании семантической структуры предложения. Нам наиболее близка точка зрения математика акад. А. Н. Колмогорова о падеже как классе эквивалентных семантических состояний относительно данного предмета (с учетом математической интерпретации термина «состояние»). Цель настоящего доклада — памятуя об абстрактности грамматической категории (А. М. Пешковский) и необходимости элиминации лексических значений (Т. В. Булыгина), показать наше понимание «одинаковости семантического состояния» предметов, оформляемых одним и тем же падежом. В вычленинии чисто языкового содержания грамматической категории мы следуем примеру Э. Бенвениста (см. его работы о падежах и залогах).

Падежные системы индоевропейских языков по-разному направлены (Л. Ельмслев) и, несмотря на небольшое количество падежей (до 8), носят смешанный характер, в отличие от многопадежных языков других семей с четкими пространственными ориентирами (финно-угорские языки и др.). В частности, именно смешанный характер русской падежной системы представляет основную проблему для теоретиков падежа, вводя многих в заблуждение относительно обоснованности локалистической теории.

Наиболее общие значения падежей должны быть весьма абстрактными. Проницательно отметив этот очевидный факт, А. Вежбицкая, к сожалению, именно по этой причине отказалась от попытки поиска общего значения творительного падежа, т. к., по ее мнению, это мало что дает лингвисту-практику. Однако если разные падежные значения выражаются одной и той же морфологической формой, для этого должны быть веские основания. Поиск этих оснований — пусть и весьма абстрактных — путь к пониманию устройства человеческого языка. Абстрактное мышление исходит из чувственного восприятия (В. фон Гумбольдт), прежде всего пространственного.

При построении падежной теории мы исходим из роли падежа в формировании глубинной (семантической) структуры предложения (употребляемый нами термин «глубинная структура» не тождествен термину

«deep structure» в работах Ч. Филлмора). Вслед за Л. Теньером мы признаем ведущую роль глагола в организации синтаксической структуры предложения.

Наглядная образная (пространственная) схема того или иного русского падежа (внешнего или внутреннего) «наполняется» по-разному в зависимости от места падежной формы в семантической структуре глагольного предложения — центрального (участвует в построении пространства внутреннего синтаксиса, или базиса) или периферийного (участвует в построении пространства внешнего синтаксиса, или надстройки). Так, общее в значении одноименных беспредложных падежей заключается в одинаковости положения (состояния) актантов как центральных локусов (объектов) относительно процесса (действия), а предложных падежей — в одинаковости положения (состояния) сирконстантов как периферийных (пространственно-временных) локусов относительно ситуации в целом. Таким образом, основная тенденция исторического развития падежной системы русского языка связана с оформлением семантической структуры предложения как пространства внешнего и внутреннего синтаксиса по единственно возможной стратегии грамматической абстракции.

Каленчук Мария Леонидовна,

д. ф. н., главный научный сотрудник,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

О позиционном подходе к описанию произносительных явлений

Фонетические и орфоэпические закономерности русского языка объединяет то, что к ним применима позиционная логика, что позволяет не противопоставлять фонетику и орфоэпию друг другу, а объединить их в едином описании. При этом следует делить все произносительные закономерности не на фонетические и орфоэпические, а на позиционные и непозиционные.

Результатом системного применения позиционного многофакторного подхода к явлениям русской фонетики должно стать описание, при котором реализация любой фонемы позиционно обусловлена и предсказывается вероятностно. При этом лексикализованные непозиционные явления задаются списком.

Касаткин Леонид Леонидович,

д. ф. н., главный научный сотрудник,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Плотное и неплотное соединение морфем в слове

Внимание лингвистов давно привлекает разное поведение согласных и гласных на стыке разных морфем и внутри морфем в слове. Можно выделить плотное и неплотное соединение морфем в слове на фонетических

основаниях: фонемы присоединенной служебной морфемы (или основы в составе сложного слова) реализуются при плотном ее соединении с соседней морфемой (или с другой основой того же слова) теми же звуками, что и внутри корня (в том числе корня присоединяющей основы сложного слова), при неплотном соединении — иначе, чем в корне: безударные гласные не подчиняются обычной схеме редукции и законам аккомодации и ассимиляции, согласные в меньшей степени испытывают влияние соседних согласных.

Неплотное присоединение морфем характеризует главным образом начальные морфемы слова, что объясняется важностью для восприятия слова именно его начала. Неплотное присоединение может характеризовать также окончания и постфиксы, что объясняется большей длительностью конца слова, которая создаёт условия для более четкого произношения и различения фонем в этой позиции.

При разной степени слитности морфем в разных словах возможна и разная степень неплотного присоединения морфем, что связано с разной степенью приближенности звуков, реализующих фонему, к ее доминанте.

У безударных первообразных приставок с точки зрения глухости/звонкости конечного согласного плотное присоединение к следующей морфеме — приставке или корню: звонкие шумные согласные в сильной позиции не заменяются глухими. Среди непервообразных приставок выделяются две, у которых эта закономерность может нарушаться: *меж-* и заимствованная приставка *суб-*. Между приставкой и корнем, начинающимся с ударного гласного, при неплотном соединении приставки с корнем может произноситься гортанная смычка. Перед ней звонкие шумные согласные приставок могут заменяться глухими, а после нее гласный [и] не заменяется на [ы].

В современном русском языке происходит процесс отвердения мягких согласных перед мягкими: С'С' > СС'. При этом отвердение конечного согласного приставок перед мягким согласным, начинающим следующую морфему, возникает раньше, чем внутри корня и на стыке корня и суффикса.

Плотность сцепления корня и суффикса велика, здесь на месте *сч, зч* господствует [ш'ш']. Сцепление приставки и корня менее плотное, здесь наряду с [ш'ш'] часто произносится [ш'ч']. На месте сочетаний *тц, дц* рядом с согласным в корне и на стыке корня и суффикса произносится [ц], на стыке приставки и корня — [тц] и допустимо [ц]: стык приставки и корня неплотный. На месте сочетаний *тч, дч* рядом с согласным в корне и на стыке корня и суффикса произносится [ч'], на стыке приставки и корня — [т'ч'] и допустимо [ч']: стык приставки и корня неплотный.

Перед постфиксами *-ся, -те* различаются твердые и мягкие губные согласные перед мягкими зубными, присоединение этих постфиксов неплотное, они никак не меняют предшествующих согласных. В корнях слов такого различия нет.

В некоторых приставках и в приставках с некоторыми значениями всегда произносятся безударные качественно редуцированные гласные, присоединение таких приставок плотное. В других приставках могут про-

износиться безударные качественно не редуцированные гласные, присоединение таких приставок неплотное.

Основы сложного слова могут соединяться плотно и неплотно. О неплотном соединении всегда свидетельствует дополнительное ударение, возникновение которого зависит от ряда факторов.

Касаткина Розалия Францевна,

д. ф. н., главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Фонетические способы «нобилизации» русской речи

1. Хорошо известны случаи лексической «нобилизации» русской речи, употребление *абсолютно, корректно, новелла, пролонгировать* вместо *совершенно, правильно, новость, продлевать*, а также *контэнт, мэйнстрим, продакшн, пátэрн, экшн, фикшн* и т. п.
2. В фонетике попытки «нобилизации» речи связаны с использованием наиболее ярких произносительных примет иноязычных слов: произношение нередуцированных [o] и [e] в безударных слогах (*бокáл, процéсс, концéрт, ромáн, ромáнс, роя́ль; термóметр, терци́на, секстéт, серви́з*). При этом произношение [e] представляется не столь заметным, как произношение безударного [o]. Возможно, здесь проявляется «лингвистическая память» о бывшем *эканье*.
3. Произношение долгого согласного после ударного гласного в таких словах, как *драма, пьеса, раса*.
4. Произношение твердых согласных перед *e*: *консервы, музей, патент, сельдерей, термин*. Исконно русские слова, не известные говорящему, стремящемуся «говорить красиво», могут в соответствии с той же моделью произноситься с твердым согласным перед *e*: *вер[тэ́]н, к[рэ]сáло, обы́[дэ]нность, с[тэ́]зя́, [тэ́]рнóвник, полп[рэ́]д*.

Касевич Вадим Борисович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

К систематизации фонологических категорий

В настоящем сообщении предпринята попытка свести в единую систему базисные категории фонологии — такие, как фонема, слог, мора, дифференциальный признак (ДП). Вне рассмотрения остаются супрасегментные (просодические) категории: тон, ударение, интонация. Расширить систему таким образом, чтобы она включала просодические явления (категории), вполне возможно, но это будет очевидный переход в иное пространство, что потребует дополнительного обоснования. Сведение в единую систему, или систематизация, означает, что все указанные категории должны найти свое место в единой системе координат, или, иначе, на базе использования одного и того же набора признаков. Необходимо также оговорить, что определения, которые здесь используются, рассчитаны на материал неслоговых (фонемных) языков.

Таблица. Единая система базисных фонологических категорий

	А	Б	В	Г
фонема	–	+	+	+
слог	+	+	+	+
мора	–	+	–	–
ДП	–	–	–	–

Прописные литеры, используемые в таблице, означают признаки — основание классификации, которые удобно представить в виде вопросов: А — может ли единица X функционировать самостоятельно? Б — является ли единица X линейной (могут ли единицы X и У быть связаны отношением порядка)? В — связана ли единица X с планом содержания (потенциально)? Г — можно ли говорить о границах единицы X?

Как кажется, полученная система удовлетворительно соответствует традиционным представлениям о типах связей между единицами/явлениями, которые для фонологии можно считать базисными. В ряде случаев предложенный подход делает эксплицитными характеристики, которые фактически фигурируют в определении соответствующих единиц. Так, фонема достаточно обычно определяется как минимальная линейная единица плана выражения. Как видно из таблицы, это определение необходимо расширить: фонема есть минимальная линейная единица плана выражения, которая потенциально соотносится с планом содержания. Согласно с логикой системы, мора выступает как единица (функциональной) длительности — других позитивных характеристик у нее, похоже, нет. Мора и ДП отчетливо выделяются как единицы, которые обладают исключительно (ДП) или почти исключительно (мора) отрицательными характеристиками. Такое положение в системе, по-видимому, отражает двойственный характер соответствующих категорий: в них можно видеть переходный статус по сравнению с такими единицами, как фонема и слог, и, тем самым, переход от сегментных единиц к супрасегментным. Действительно, ДП явно нелинейны, что и связывает их с просодикой, а моры «почти нелинейны»: две моры могут быть связаны отношением порядка, но граница между ними фактически неопределима.

Введя понятие *кварков*, мы можем утверждать, что в плане выражения кварки бывают двух типов: кварки парадигматические — ДП, объединяющие классы и подклассы соответствующих единиц (например, класс согласных фонем, класс закрытых гласных), и кварки синтагматические — моры.

Как представляется, изложенный здесь подход имеет определенное методологическое значение. Показано, что адекватно выбранная логика описания позволяет дать более яркую репрезентацию архитектоники системы.

Есть в описании и недостаток, который нельзя замалчивать. Если мы обратим внимание на количественное соотношение «логизируемых» единиц/явлений, с одной стороны, и признаков, на базе которых это осуществ-

ляется — с другой, то увидим полное совпадение: четыре и четыре. Такое совпадение плохо соотносится с самой идеей использования признаков для классификации элементов тех или иных множеств: чем меньшим числом признаков мы можем описать некое множество, тем лучше классификация. Трудно сказать, преодолим ли этот недостаток.

Клейнер Юрий Александрович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Морфологические и фонемные границы

Большинство ведущих фонологических направлений, особенно в последние десятилетия, пользуются изначально заданным набором фонем, минуя стадию сегментации или — что то же самое — установления характера каждого данного сегмента с точки зрения его простоты/сложности, т. е. в нашем случае моно- и бифонемности. Исключением является фонология Пражского лингвистического кружка и Ленинградской/Петербургской фонологической школы.

Одним из главных критериев моно-/бифонемности Н. С. Трубецкой считал возможность (соотв. невозможность) разбиения сегмента по двум слогам. Этот критерий принято относить к числу «фонетических», что справедливо, если считать слог «минимальной произносительной единицей».

Иначе обстоит дело, если рассматривать его в качестве «модели организации фонем» (точнее, речевой цепи); в этом случае «границы между слогами — это, естественно, границы между фонемами» [Касевич, 2006. С. 35]. Впрочем использование такого критерия наталкивается на трудности чисто практического порядка. Как замечает в связи с этим В. Б. Касевич, «тогда для использования слогоделения в фонемной сегментации необходимо обладать исчерпывающим определением слога с точки зрения его фонемной организации. Вряд ли такая информация доступна в самом начале анализа» [там же].

В Ленинградской (щербовской) школе для установления моно-/бифонемности используется морфологический критерий. Действительно, положение, согласно которому морфологическая граница, проходящая внутри сегмента, свидетельствует о его бифонемности, само по себе, не вызывает сомнений. Менее очевидна возможность распространения его, например, на «внутреннюю флексию» или чередования типа нем. *binden* — *band*. Такая сегментация основывается на принципе остаточной выделительности: /bVnd-/. Но то же самое в случае англ. *bind* — *bound* даст неслоговые [-i] и [-ʊ] (глайды дифтонгов) в качестве самостоятельных фонем, что очевидно неверно).

Не следует забывать, что морфема — знаковая единица, соответственно, ее границы отражают сегментацию не только плана содержания на смысловые отрезки, но и плана выражения на экспоненты. Последнее, в свою очередь, предполагает «отмеченность» морфемной границы. Следует подчеркнуть, что такая отмеченность границы не обязательно предполагает физическое выражение. Так, граница между корнем и флексией в формах типа *стола*, *столу*, *столом* устанавливается, благодаря наличию форм именительного и винительного падежа (*стол*). Наличие границы может,

в принципе, входить в описание таких форм, и такая трактовка может распространяться на все формы с нулевой флексией: *корень- + морфологическая граница + Ø*.

Такой подход неприменим к формам типа англ. *pity*, где экспоненты (= единицы плана выражения) не всегда допускают проведение границ внутри себя (ср. *pity* vs. *pea-ty*). Своеобразие таких языков и состоит, собственно, в частичном сходстве с фонемными, частичном — со слоговыми языками, т. е. в возможности применения правила ресиллабации, или «правила Гординой» [Гордина, 1966] лишь к части словаря.

Это значит, в свою очередь, что в таких языках есть морфемы, которые не членятся на слоги, а значит, и на более мелкие единицы, сходные с фонемами русского языка. В этой связи уместно процитировать оставшееся практически незамеченным высказывание А. С. Либермана: «При первом шаге фонологического анализа необходимо убедиться, действительно ли в изучаемом языке существуют фонемы» [Либерман, 1971. С. 61], а значит, и механизмы их выявления, основанные на наличии двух типов границ (слоговых и морфемных) и их несовпадении.

Мулаева Нина Михайловна,

к. ф. н., научный сотрудник,

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста)

К вопросу о возрастных числительных
(на материале «Толкового словаря языка калмыцкого
героического эпоса „Джангар“»)

Как известно, в условиях реальной угрозы исчезновения калмыцкого языка и с целью его сохранения, развития и исследования в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН ведется работа по созданию «Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса „Джангар“».

Цель настоящей работы заключается в описании специальных слов в калмыцком языке, которые традиционно выделялись в разряд «возрастных числительных». Во Введении к «Толковому словарю языка калмыцкого героического эпоса „Джангар“» дается грамматический очерк о частях речи в калмыцком языке, в частности об именах числительных. Вопрос о частеречной принадлежности специальных слов, которые обозначают возраст кого-либо, чего-либо, возник не случайно.

Количественные числительные с аффиксами *-та/-тә* в совместном падеже указывают на возраст человека (*долата* ‘семилетний’, *хөртә* ‘двадцатилетний’ и т. д.). Следует отметить, что в калмыцком языке имена существительные с аффиксом *-та/-тә* сходны по своим функциям с прилагательными, многие из них полностью перешли в разряд последних. Думается, что все-таки речь здесь идет не об отдельном разряде числительных, а о числительных в совместном падеже.

Традиционно к возрастным числительным, кроме слов на *-та/тә*, относят и слова, которые, обозначая возраст, выражают категорию грамматического рода. Различение одушевленных имен существительных по

полу заключено в самой семантике слов: *үрә* ‘трехгодовалый конь’, *бәәсн* ‘трехлетняя кобыла’ и т. д.

Слова, обозначающие возраст самцов животных: *һунн* ‘трехлетний’, *дөнн* ‘четырёхлетний’, *туулң* ‘пятилетний’; для передачи женского рода эти слова принимают аффикс *-жн*, утрачивая при этом конечный *-н* и *ң*: *һунжн* ‘трехлетняя’, *дөнжн* ‘четырёхлетняя’, *туулжн* ‘пятилетняя’. Обозначение возраста различается в зависимости от вида животных, например, у лошадей: *унһн* ‘жеребенок до года’; *сарва* ‘годовалый жеребенок’; *дааһн* ‘двухгодовалый жеребенок’ и т. д. Слова типа *һунн* ‘трехлетний’, *дөнн* ‘четырёхлетний’ могут обозначать и возраст человека, а также принимать аффикс порядковых числительных *-дгч* (*һунн наста Хошун ахта* ‘во главе с трехлетним Хошуном’; *дөнн настаһасн авн келгсн кургм* ‘жених, с которым обручена с трехлетнего возраста’; *һундгч насдан* ‘на третьем году’; *эркн хө мөстәдән өнчн үлдгсн* ‘в двухлетнем возрасте остался сиротой’). Слово *хө мөстә* (совр. калм. *хөмөстә*) ‘двухлетний’ служит для передачи возраста детей двух лет.

Примеры из эпоса «Джангар» свидетельствуют о том, что данные слова являются, скорее, не возрастными числительными, как считалось традиционно, а прилагательными и существительными в зависимости от контекста: *һунн хар таальг минь!* ‘мой черный трехлетний верблюд!’, *нег көк дааһн нег көвүн хойр кевтнә* ‘лежат рядом сивый жеребенок-двухлетка и мальчуган’; *дөнн царин арсар девлж* ‘оплели кожей четырехлетнего быка’; *туулң гүүнә унһн, тунжрмудын үрн гинә* ‘говорят, жеребенок пятилетней кобылицы, из породы отборнейших скакунов’; *арнэл Зеердин үрә цагт, көл өргж мордгсн* [Джангар] сел на коня, тогда аранзал его был трехгодовалым’; *чамаг нутгт хоцргсн дааһ, бәәс цуглулж ир гилүв?* ‘разве я посылал тебя подбирать оставшихся коней-двухлеток и трехлеток’.

Таким образом, мы не выделяем в отдельный разряд «возрастные числительные» в калмыцком языке, как это делалось ранее. Часть слов, обозначающих возраст, в зависимости от контекста принимает признаки либо имен существительных, либо имен прилагательных (*үрә* ‘трехгодовалый конь’, *бәәсн* ‘трехлетняя кобыла’, *һунн* ‘трехлетний’, *дөнн* ‘четырёхлетний’, *туулң* ‘пятилетний’ и т. д.); числительные, указывающие на возраст человека, образованные от усеченных основ количественных числительных при помощи аффиксов *-та/-тә*, мы относим к количественным числительным.

Омакаева Эллага Уляевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник,

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста)

Основные проблемы составления толкового словаря
языка эпического текста (на материале калмыцкого
героического эпоса «Джангар»)

Современная языковая ситуация в Калмыкии стимулирует необходимость создания адекватных словарей калмыцкого языка. Реализация определенной лексикографической модели подразумевает поэтапное решение задач практического и теоретического характера.

Постановка задачи словарного описания языка эпоса основывается на определенных принципах, относящихся как к описываемому объекту (эпическая лексика), так и к характеру разрабатываемого словаря (одноязычный). Составлению словарных статей предшествует кропотливая работа с оригинальными текстами разных локальных версий эпоса «Джангар», составляющими источниковую базу толкового словаря (ТС), для формирования на их основе словника.

Отправной точкой является разработка концепции и структуры ТС в четком соответствии с исходной установкой и с учетом специфики описываемой лексики.

Вторая проблема связана с выделением единицы лексикографической обработки, т. е. с единицей словника, именуемой заголовочным словом (вокабулой), или леммой. Необходимо определить тип лексических единиц, подлежащих включению в словарь. Обычно считается, что такой единицей должно быть слово. Однако для агглютинативного языка, каким является калмыцкий, определение границ слова в синтагматическом аспекте имеет свои трудности из-за одинакового графического оформления сложного слова и словосочетания.

В парадигматическом ракурсе возникает проблема тождества лексикографической единицы. Особую трудность в калмыцком языке представляют слова, принадлежащие к разным частям речи, но совпадающие по форме — так называемые существительные-прилагательные (например, *цаһан* 'белый' и 'белизна') и прилагательные-наречия (например, *хурдн* 'быстрый' и 'быстрота'). Возможно двоякое решение данной проблемы: считать их омонимами и, значит, включать в разные словарные статьи, или подавать в одной вокабуле (например, сущ. и прил. *цаһан*).

Как известно, заголовочное слово одновременно выступает как элемент микро-, медио- и макроструктурного уровня лексикографического описания. Микроструктура — это структура отдельной словарной статьи как совокупность расположенных в определенном порядке зон, каждая из которых содержит определенный вид лингвистической информации о слове. Медиоструктура реализуется на уровне лексических групп, а макроструктура включает организацию словаря в целом (корпус словаря, словник).

Разработка микроструктуры словаря (модели составления словарной статьи) является наиболее сложной проблемой. Алгоритм определения семантики слова мы видим как пошаговую процедуру: выявление с помощью компонентного анализа всех контекстных значений лексикографически описываемого заголовочного слова; формирование групп с одинаковыми контекстными значениями этого слова; определение числа значений слова (моносемант или полисемант). Результат выявления семантики лексической единицы и фиксируется в зоне толкования. Наиболее релевантной является зона семантической информации (аналитическое толкование, включающее информацию о семантических ролях, а также о связях с другими лексемами (синонимы, антонимы и др.). В любом случае толкование должно быть ориентировано на языковую компетенцию среднего пользователя. Ничуть не менее важна зона, указывающая на синтаксические условия, необходи-

мые для реализации данного значения лексемы (например, информация о моделях управления глагола).

Еще одна проблема связана с подачей омонимов и многозначных слов в словаре. Чем определяется последовательность подачи значений в словарной статье в случае полисемии слова (наличия двух и более ЛСВ, или семем) и как разграничить в каждом конкретном случае омоним и ЛСВ? На помощь может прийти паспортизация сочетаемости ЛСВ, поскольку сочетаемость выступает и как средство выявления значения слова, и как средство разграничения отдельных значений полисемантического слова. Особенно хорошо это можно показать на примере многозначных глаголов. Основным средством разграничения отдельных значений полисемичных глаголов является модель управления глагола (лексико-синтаксическая сочетаемость).

Рец Юлия Сергеевна,

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Горбова Е. В., д. ф. н., доцент, профессор

Источники грамматикализации модальных частиц в языке идиш

Данный доклад представляет собой попытку теоретического рассмотрения проблемы грамматикализации лексических единиц в языке идиш.

Грамматикализация представляет собой процесс, приводящий к образованию форм с новыми грамматическими значениями при одновременной утрате части лексических значений. Известно, что в языке могут сосуществовать омонимичные формы и структуры, находящиеся на различных стадиях грамматикализации. Кроме того, одна и та же лексическая единица может иметь различную интерпретацию в зависимости от того, на каком иерархическом уровне языка мы ее рассматриваем (интерпретируем). В докладе я хотела бы обратить внимание на источники грамматикализации модальных частиц и попытаться сделать это на синхронном срезе, однако для прояснения отдельных моментов я буду обращаться к диахронии (здесь нужно оговориться, что речь идет о текстах, написанных после XVI в., в более ранних текстах модальные частицы не встречаются).

Идиш представляет собой интересный материал, т. к. для него характерны достаточно высокая частотность в использовании «модальных частиц» и большое разнообразие лексических единиц, которые можно отнести к этой категории. Поскольку идиш — язык многокомпонентный, источники грамматикализации зачастую имеют генетически различное происхождение. Кроме того, генетическая близость к немецкому языку и наличие достаточно большого количества сохранившихся письменных памятников позволяют провести сравнительный анализ употребления и семантических сдвигов в использовании модальных частиц в германских языках.

Итак, нас будут интересовать случаи переходных явлений, т. е. случаи преобразования лексической единицы в грамматическую и случаи перехода языковой единицы с одного уровня на другой. Для модальных частиц характерен высокий уровень омонимии с единицами, имеющими

иные функции и принадлежащими к другим частям речи, при этом, как правило, сохраняется некое общее ядро значений. В отличие от многих других лексических единиц, модальные частицы не утрачивают свою автономность в процессе грамматикализации и часто используются в качестве дискурсивных маркеров.

Проблема модальных частиц достаточно подробно рассматривалась на материале немецкого языка, при построении теоретических моделей я буду опираться на работы В. Абрахама (W. Abraham) и гипотезу грамматикализации, предложенную К. Леманном (Ch. Lehmann). Однако, применительно к языку идиш, проблема источников грамматикализации модальных частиц не затрагивалась. В докладе будут рассмотрены возможные источники грамматикализации, а также предложена классификация модальных частиц по степени грамматикализации. В качестве материала я использую примеры из Корпуса Языка Идиш (КЯИ), тексты, представленные в сборнике Дж. Фрейкса (J. Frakes), и некоторые другие источники.

Сведенцова Елена Анатольевна,

старший лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Старославянское сочетание причастия
прошедшего времени (на -въ)
и личной формы глагола

Старославянские причастные конструкции подчиняются общей для любых клауз этого языка технике нанизывания, при которой союзы часто служат формальным поверхностно-синтаксическим средством связи, а использование знаков пунктуации в достаточной степени непредсказуемо. При наличии в норме нулевой анафоры полипредикативные конструкции, равные сложному предложению, и последовательности простых предложений в ряде случаев оказываются неразличимыми.

Нанизывание старославянских причастных конструкций, с четкой оформленностью их структур и общей лаконичностью повествования, отчасти напоминает построение текстов, типичное для «деепричастных» языков (таких как нивхский, алтайские или дравидийские). В тюркских, монгольских, японском, нивхском, хинди, тамильском и манчжурском языках выделяют нарративные (= сочинительные) деепричастия — такие, «которые могут обозначать цепь последовательных действий (начиная с трёх), продвигающих повествование» [Недялков 1990: 44; Недялков, Отаина 2001: 302].

Отметим, что в старославянском языке причастие может быть вершиной независимого предложения. О ситуациях, когда «переводчики могли осуществлять радикальный поворот к живому языку», «отпарывая» причастную конструкцию в самостоятельное предложение с причастием в вершине, писал Р. Ружичка. Именно поэтому в некоторых контекстах мы не можем сделать выбор между семантизациями: например, между ‘Жалевши же господин раба того, отпустил его и долг простил ему’ или ‘Жалел же господин раба того, отпустил его, и долг простил ему’ (Зогр: Мф 18, 26). В целом, в старославянском языке трех-четырёхпричастные конструкции с личной

глагольной формой (и иногда без нее) сосуществуют с полипредикативными конструкциями, в которых причастия «распределены» более равномерно.

С нашей точки зрения, для описания функционирования старославянских причастий, которые в части случаев ведут себя так же, как нарративные депричастия «деепричастных» языков, применимо понятие нарративности (= сочинительности). Причём здесь существенна оговорка: общесемантические или универсальные когнитивные соображения не помогают при распознавании в тексте отношений семантической зависимости/независимости. Так, для конструкции Зографского Четвероевангелия *шедъ же і оумъивъ сѧ прозърѣхъ*• (Зогр.) «шедши» же и умывшись, (я) прозрел' — Ин 9, 11 — из таких соображений мы ожидали бы, скорее, различения с семантизацией '(Я) пошел и, умывшись, прозрел' или предлагаемой Синаодальным переводом: «Я пошёл, умылся и прозрел». Однако Ассемани-ево Четвероевангелие демонстрирует конструкцию *шедъ же и оумъихъ сѧ • и прозърѣхъ*• (Асс. л. 24с-d) «шедши» же, умылся и прозрел', допускающую между «умыться» и «прозреть» лишь отношение следования.

Помимо нарративной функции, старославянское причастие на -въ, разумеется, выражает значение предшествования, контактного предшествования, а также может вместе с личной формой глагола участвовать в передаче значений «двойных глаголов» типа 'пойдем купим', или значений некоторых аналогов сериальных конструкций типа 'ответил сказал', или просто дублировать значение глагола в личной форме, например, 'молитву послав, молится'.

Наше исследование как будто бы показывает, что при обычной для языка конкуренции двух стратегий — причастной и использующей личные формы глагола, по-видимому, существует тенденция употреблять причастие при тесной связи значений — значений, показывающих быстрое следование, или при комплексной характеристике денотативно того же действия. Однако при одинаковой смысловой нагрузке употребляются личные формы, например, 'придите (у)видьте'.

Флакман Мария Алексеевна,
преподаватель, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»

Ноланд Наталия Николаевна,
к. ф. н., доцент, Институт иностранных языков

Проект «Iconicity Atlas»: опыт типологического сопоставления
звукоизобразительной лексики языков мира

Звукоизобразительная лексика имеется во всех языках мира и неоднократно привлекала внимание исследователей [Hinton and oth., 1994; Voeltz, Kilian-Natz, 2001]. Слова наподобие рус. *хрум-хрум*, *гав-гав*, *шуршать* или англ. *crunch*, *bow-wow*, *rustle* имеют структурное сходство со своими денотатами (природными звучаниями) и являются знаками-иконами согласно классификации Ч. С. Пирса [Пирс, 2000]. Однако, несмотря на общность денотата, звукообозначения различных языков мира не являются идентичными, хотя и имеют ряд общих черт.

Проект «Iconicity Atlas» имеет своей целью создание интерактивного атласа звукоизобразительной лексики языков мира, позволяющего проводить масштабные типологические сравнения.

На базе универсальной классификации звукоизобразительной лексики С. В. Воронина [Воронин, 2006], опробованной на материале эстонского [Вельди, 1988], лезгинского [Мазанаев, 1985], индонезийского [Братусь, 1976] и др. языков, был составлен специальный опросник, охватывающий основные типы естественных звучаний и артикуляторных процессов (чавканье, икота, смех, шушание, грохот, писк и др.).

Сбор материала для «Атласа» ведется в три этапа.

На первом этапе информантам (студентам-иностранцам Houston Community College и СПбГЭТУ «ЛЭТИ») предъявляется указанный опросник и даются указания по его заполнению. В ряде случаев вопросы сопровождаются аудиозаписью соответствующих звуков с диктофона.

На втором этапе производится запись ответов информантов на диктофон и создание пояснительных комментариев. Такими пояснительными комментариями являются сведения относительно морфологического членения слов, особенностей употребления (слово литературного или разговорного языка, слово сниженной стилистической окраски и т. п.) а также, по-возможности, информация о происхождении слова. Последнее делается с целью исключить не-звукоизобразительные слова из ответов информантов. Так, корейское слово, полученное в качестве реализации концепта «нюхать, шумно втягивать носом воздух» *꿍꿍대다 (keungkeung georida)* является производным от слова «нос» *꿍꿍 (keungkeung)*, и поэтому в «Атлас» включенным быть не может.

На третьем этапе ведется обработка данных с привлечением словарей соответствующих языков.

Приведем пример. Понятие «лизать» обозначается: в диалекте йоруба *la*, в испанском языке *lamer*, в арабском языке *يلعق (laaka)*, в русском языке *лизать*, а в английском — *lick*. Общей чертой представленных звукоизобразительных слов является иконическое использование латеральной фонемы /l/, несущей звукосимволическую нагрузку основного элемента артикуляции процесса лизания, которое происходит с участием языка.

С момента создания проекта (2014 г.) был собран материал по английскому, русскому, корейскому, языку йоруба, испанскому, вьетнамскому и арабскому языкам.

Литература:

1. Братусь И. Б. Акустические оноματοпы в индонезийском языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1976.
2. Вельди Э. А. Англо-эстонские параллели в ономатопее: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988.
3. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
4. Мазанаев И. А. Основные группы звукосимволических слов: фоносемантический анализ (на материале английского и лезгинского языков): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.
5. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.

6. Hinton L., Nichols J., Ohala J. (eds.). Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
7. Voeltz E.F.K., Kilian-Hatz C. (eds.). Ideophones. Typological Studies in Language 44. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2001.

Цэвээнжав Басмаа,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Клейнер Ю. А., д. ф. н., профессор

Займствование из английского языка в монгольский с 1990-х гг.

Развитие языка, протекающее параллельно с развитием народа, на нем говорящим, тесно связано с историко-культурными контактами данного народа, приводящими прежде всего к изменению лексического состава языка-рецептора. История Монголии и монгольского языка в данном отношении не является исключением. В современном монгольском языке насчитывается большое количество заимствования из английского, французского, греческого, латинского, русского, итальянского, китайского, японского и других языков, пришедших в него в различные периоды истории Монголии [Томорцэрэн, 2001]. В большинстве случаев эти заимствования являются результатом непосредственных межъязыковых контактов. В этом отношении заимствования из английского языка занимают особое место, поскольку на протяжении долгого времени Монголия не имела непосредственных контактов с англоязычными культурами. Англицизмы проникали в монгольский язык через другие языки, прежде всего, через русский. К их числу принадлежит, например, *монг.* гамбургер с начальным /г/ 'гамбургер', при *англ.* hamburger с начальным /h/, при наличии /ч/ в монгольском (ср. түүхий). В строгом смысле такие заимствования не являются собственно заимствованиями из английского языка. Они перешли в монгольский из русского языка, который их принял и освоил. Функционирование таких англицизмов в монгольском языке, как *монг.* баррель 'баррель' (*англ.* barrel), *монг.* бойлуур 'бойлер' (*англ.* boiler), *монг.* гамбургер 'гамбургер' (*англ.* hamburger), *монг.* гоол 'гол' (*англ.* goal), *монг.* гандбол 'гандбол' (*англ.* handball) [Крысин, 2012] и т. д., не отличается от «поведения» в монгольском языке исконно русских слов, например, *монг.* богоон 'вагон', *монг.* лекц 'лекция', *монг.* аваар 'авария', *монг.* академик 'академический', *монг.* академич 'академик' [Угийн учир, 2013] и т. д.

Положение в корне изменилось в конце XX — начале XXI вв., когда Монголия вступила в общемировой процесс глобализации, открыв не только государственную, но и культурные и языковые границы, что проявилось в большом количестве англицизмов, заполнивших языковые (соответственно, культурные) лакуны в таких сферах, как средства массовой коммуникации (интернет), информационные технологии, экономика, отдых, развлечения, спорт. Английские заимствования стали проникать в монгольский язык непосредственно, что привело к изменению механизмов освоения лексики. Примером здесь служат следующие монголо-английские межконтактные фонологические соответствия: анплагед 'unplugged', апдэйт 'update', апли-

кэйшн ‘application’, бэлли дэнс ‘bally dance’, блог ‘blog’, вай-фай ‘wi-fi’, дизайн ‘design’, дисплей ‘display’, дрифт ‘drift’, имиж ‘image’, картриж ‘cartridge’ и т. д. В ряде случаев освоение заимствования происходит через калькирование, например, *англ.* money transfer — *монг.* мөнгөн гуйвуулга ‘денежный перевод’ (мөнгө ‘money’ + гуйвуулга ‘transfer’), *англ.* memory — *монг.* санах ой ‘карта памяти’, *англ.* password — *монг.* нэвтрэх үг ‘пароль’. Как показывают приведенные примеры, калькирование не приводит к появлению новых слов, а лишь к пополнению исконной части словаря. Однако часто заимствованное слово в монгольском языке функционирует одновременно с исконным словом, например, тэргүүн дээд шагнал — гран при, оюуны чадамж, айкю ‘IQ — intelligence quotient’, онгоцны буудал — аэропорт ‘аеропорт’, бэлхүүсний бүжиг — белли денс ‘bally dance’ и т. д. Это приводит к конкуренции собственно монгольской и заимствованной лексики и создает дополнительные проблемы в сфере культуры речи, возникшие в связи с разрушением традиционных культурологических институтов, таких, как Комиссия государственного официального языка, распущенная в начале 1990-х гг. [Гэрэлмаа, 2012].

Литература:

1. Гэрэлмаа Г. Хэрэглээний хэлшинжлэл / Г. Гэрэлмаа. Улан-Батор, 2012. 167 с.
2. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 416 с.
3. Томорцэрэн Ж. Монгол хэлний угийн сангийн судлал / Ж. Томорцэрэн. Улан-Батор, 2001. 214 с.
4. Угийн учир — 3: зарим ормол угийн толь. Улан-Батор, 2013.

Чалей Ольга Валерьевна,

старший преподаватель, Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова (Москва)

Семантическое описание прилагательных вкусообозначения *tasty, delicious, appetizing, savoury* на основе экспериментального исследования и ГПД метода

Лексикографические данные о семантике исследуемых прилагательных *tasty, delicious, appetizing, savoury* не позволяют достаточно определенно разграничить их значения и, следовательно, определить условия их употребления. Для решения данной задачи мы обратились к поэтапному семантическому исследованию с применением гипотетико-дедуктивного метода, в основе которого лежит проверка гипотезы путем опроса информантов — носителей языка.

Так, на первом этапе исследования методом сплошной выборки из английского корпуса текстов BNC [British National Corpus] было получено по 500 примеров на слова *tasty* и *delicious* и по 200 примеров на слова *appetizing* и *savoury*.

Этап 2. Следующей ступенью лингвистического эксперимента является составление предварительной классификации.

Этап 3. На третьем этапе формируется репрезентативная выборка.

Этап 4. Следующим шагом является замена исходной лексической единицы в репрезентативной выборке.

Этап 5. Составленная экспериментальная выборка примеров предъявляется в виде специальной шкалы для оценки информанту — носителю языка.

Этап 6. Исследователь анализирует результаты, полученные в ходе эксперимента, и проводит разделение языкового материала на маркированный и немаркированный. Маркированными будут те предложения, которые получили отрицательную оценку информанта-носителя языка. Это так называемый отрицательный языковой материал, представляющий наибольшую ценность для исследователя, потому что именно в результате его анализа удастся определить дифференциальные признаки, разграничивающие значения исследуемых лексических единиц.

Так, было обнаружено, что прилагательное *delicious* выражает субъективную «оценку» вкуса и, как правило, употребляется в контекстах для описания сладкого вкуса.

Также было выяснено, что слово *tasty* употребляется преимущественно в тех контекстах, когда речь идет о традиционном восприятии, объективном вкусовом ощущении.

Слово *appetizing* используется с целью показать, насколько данный продукт приятен на вид, т. е. описывает вкусовые ощущения реципиента до принятия продукта в пищу.

Этап 7. Исследователь предлагает конкретный семантический признак, который разрешает в выделенной группе контекстов употребление одной лексической единицы и запрещает использование другой. В частности, в ходе проведенного эксперимента с использованием ГПД метода нам удалось выявить дифференциальные семантические признаки прилагательных вкусообозначения:

- 1) *tasty* передает информацию о традиционном обычном восприятии, вкусовом ощущении и часто подчёркивает приятный аромат и вкусовой оттенок;
- 2) *delicious* выражает признак положительной «оценки» вкуса и употребляется для описания сладкого вкуса;
- 3) *appetizing* акцентирует внимание на запахе или внешнем виде еды, которые вызывают желание ее съесть;
- 4) *savoury* используется, когда вносится информация о вкусовой оценке по признаку аппетитности, ароматности, как правило, десертных блюд.

Этап 8. Данный этап предполагает проверку гипотезы на имеющемся языковом материале.

На данном этапе для формирования экспериментальной выборки были составлены предложения, часть которых включает в себя утверждения, в структуре которых содержится противоречие выдвинутой гипотезе, например:

Прилагательное *tasty* употребляется только по отношению к пище и всему, что съедобно, кроме сладких блюд. В последнем случае используется прилагательное *delicious*.

Прилагательное *delicious* употребляется только когда речь идет о вкусовых качествах пищи, запахе и употребляется как выражение похвалы: приятный, доставляющий физическое удовольствие.

Этап 9. На данном этапе осуществляется составление релевантного толкования исследуемых лексических единиц, которое должно учитывать выявленные в ходе эксперимента дифференциальные признаки и позволять адекватно употреблять данные лексические единицы в речи.

Чуйкова Оксана Юрьевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Горбова Е. В., д. ф. н., доцент, профессор

К вопросу о статусе будущего времени в парадигме русского глагола

Формы будущего времени совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ) имеют разный способ выражения. Будущее время СВ использует те же морфологические средства, что и настоящее время (*делаю vs. сделаю*), а существующие различия можно свести к выражению разных значений вида, определяемых глагольной основой (ср. *делал vs. сделал*). Будущее время НСВ выражается аналитически — при помощи вспомогательного глагола с основой *буд-* и инфинитива смыслового глагола несовершенного вида (*буду делать*). Таким образом, разница в **способе выражения** данных форм касается не только охарактеризованной в отношении грамматического значения вида глагольной основы. В докладе ставится вопрос, действительно ли наблюдаемые различия в **функционировании** морфологически нетождественных форм, каждую из которых называют формой будущего времени, полностью определяются разным грамматическим значением вида.

В русском языке будущее НСВ употребляется гораздо реже, чем будущее СВ (\approx в 10 раз), при этом в прошедшем времени обе формы представлены относительно равномерно.

Анализ **частотного соотношения** форм будущего времени СВ и НСВ в сравнении с таковым в прошедшем времени, с одной стороны, и «неиндикативными» глагольными формами (императивом, сослагательным наклонением и инфинитивом) — с другой, дает основания выдвинуть гипотезу об особом статусе будущего НСВ в парадигме русского глагола.

Анализ **темпоральной семантики** форм будущего времени показывает, что будущее СВ приближается к семантической сфере презенса и в ряде случаев конкурирует с формой настоящего времени. Приведем два наблюдения: первое касается выражения «частичного/полного следования» за моментом речи, второе — способности к нефутуральным употреблениям.

Под **частичным следованием** в широком смысле может пониматься любой случай существования фрагментов одной и той же ситуации в двух временных планах (настоящего и будущего). В случае будущего НСВ выражение «частичного» следования часто сопровождается наличием элементов, указывающих на существование ситуации в момент речи и продолжение ее

в будущем (1). Для будущего СВ, наоборот, выражение значения частичного следования более характерно в нейтральном контексте (2).

(1) *Нарочно молчит, затаился. И долго ещё будет молчать, такой уж характер.* (Ю. Коваль)

(2) *Сейчас мы **выйдем** из создавшегося положения.* [Ordinamenti // «Экран и сцена»] (возможно, в момент речи происходит развитие ситуации ‘выходить из создавшегося положения’)

«Частичное следование» в языках может быть выражено формами настоящего или будущего времени. Будущее СВ, морфологически совпадающее с формой презенса, являет пример синкретизма настоящего и будущего («настоящее-будущее СВ»). Будущее СВ (но не НСВ) часто употребляется с референцией не к будущему, а к **обобщенному настоящему** (3).

(3) *Ты прилетел на остров, но птицей тебя **не назовёшь**.* (А. Дорофеев)

Анализ **аспектуальной семантики** показывает, что семантическое соотношение СВ и НСВ в будущем времени имеет свои особенности. Так, будущее НСВ обладает очень низкой способностью к обозначению срединной стадии ситуации, реализация данного значения требует поддержки контекста (4). Рассмотрение основного значения будущего времени НСВ (общефактического) с точки зрения типологии дает основания считать его перфективом. В пользу этого говорят данные о функционировании будущего НСВ в таксисных цепочках (5).

(4) *Я не помнил точно, как кончилась история, которую я собирался рассказать, но решил, что вспомню, **пока буду рассказывать**.* (В. Пелевин)

(5) *Мама **встанет** и **будет жарить** яичницу.* (Б. Минаев) (???Мама встала и **жарила** яичницу (ОКстала жарить))

Результаты анализа показывают, что семантическое соотношение форм будущего СВ и НСВ оказывается сложнее, чем простое противопоставление по виду. Наличие свойств, присущих настоящему, и частотность нефутуральных употреблений формы будущего СВ, с одной стороны, и отсутствие важных свойств несовершенного вида у формы будущего НСВ — с другой, могут ставить под сомнение соответствие действительности понятий «будущее СВ» и «будущее НСВ».

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Анштатт Тая,

д. ф. н., профессор, Рурский университет в Бохуме (Германия)

Субъективная частота как окно в ментальный лексикон

Частота слов является одним из главных факторов структуры ментального лексикона [Ellis, 2002]. При контроле этого фактора обычно опираются на частотность слов в корпусах. Для русского языка главным инструментом является «Новый частотный словарь русской лексики» [Ляшевская, Шаров, 2009/2011]. Другая возможность сбора информации — так называемый метод субъективной частоты, т. е. оценка частоты слов носителями данного языка. Первые исследования по этой методике проводились уже в 1960-е и 1970-е гг. (ср.: [Фрумкина, 1966; Фрумкина, Василевич, 1971;

Shapiro, 1969)), но и сегодня в психолингвистической литературе продолжается ее обсуждение (ср. [Brysbaert, Cortese, 2011]).

В докладе будут представлены результаты сбора данных, связанных с оценкой субъективной частоты 50 русских глаголов. В первом эксперименте были опрошены 58 носителей русского языка, живущих в Красноярске, а во втором — 113 носителей русского языка первого и второго поколения иммигрантов, живущих в Германии. При этом был применен метод опроса и статистического анализа, описанный в работах [Krause, 2002; Anstatt, Clasmeier, 2012]. В докладе обсуждаются три гипотезы.

1. Субъективная частота базируется на ежедневном употреблении языка, поэтому она — в зависимости от состава и объема корпуса — бывает ближе к «настоящему» языковому опыту говорящих, чем корпусная частота. Таким образом, субъективная частота может дополнять информацию о частоте слов, приобретенную на базе корпусов, и предоставлять важные для психолингвистических экспериментов данные.
2. Субъективная частота является стабильной у разных типов говорящих: оценки частоты русских слов носителями языка, живущими в русскоязычной среде, с одной стороны, и билингвами, проживающими в Германии, — с другой, сильно коррелируют. Помимо того, можно выявить сильную корреляцию даже между носителями, относящимися к первому и второму поколению иммигрантов.
3. Несмотря на вышеназванную стабильность, субъективная частота базируется не только на «частотном опыте» носителей языка, но отражает и свойства ментального лексикона. Этот феномен можно продемонстрировать с помощью результатов оценки частоты видовых партнеров 50 рассмотренных русских глаголов: даже если оба глагола, судя по корпусной частоте, сильно различаются, носители оценивают их частоту как близкую. Этот факт можно объяснить тем, что субъективная частота более типичного партнера, напр. *беседовать*, влияет на оценку частоты и менее типичного партнера, в данном случае глагола *побеседовать*. Таким образом, освещаются систематические различия между субъективной и корпусной частотами, связанные с грамматическим статусом соответствующих форм.

Литература:

1. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка. На материалах национального корпуса русского языка, Москва, 2009/2011 (<http://dict.ruslang.ru/freq.php>).
2. *Фрумкина Р. М.* Объективные и субъективные оценки вероятностей слов. Вопросы языкознания. 1966. 2. С. 90–96.
3. *Фрумкина Р. М., Василевич А. П.* Получение оценок вероятностей слов психометрическими методами / ред. Фрумкина, Р. М. // Вероятностное прогнозирование в речи. Москва, 1971. С. 7–28.
4. *Anstatt T., Clasmeier Ch.* Wie häufig ist poplakat? Subjektive Frequenz und russischer Verbalaspekt // Wiener Slawistischer Almanach 70. 2012. S. 129–163.
5. *Brysbaert M., Cortese M. J.* Do the effects of subjective frequency and age of acquisition survive better word frequency norms? The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2011. 64/3. Pp. 545–559.

6. Ellis N. C.. Frequency effects in language processing. A Review with Implications for Theories of Implicit and Explicit Language Acquisition // Studies in Second Language Acquisition. 2002. 24/2. Pp. 143–188.
7. Krause M. Subjektive Bewertung von Vorkommenshäufigkeiten: Methode und Ergebnisse // Glottometrics. 2002. 2. S. 53–81.
8. Shapiro B. J. The subjective estimate of relative word frequency // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1969. 8. Pp. 248–251.

Елисеева Марина Борисовна,

к. ф. н., доцент, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Первые прилагательные и наречия в речи русскоязычных детей в сопоставлении с корпусом CLEX

В докладе рассматривается значение и употребление прилагательных и наречий в речи детей в возрасте от 18 до 36 месяцев, говорящих на разных языках.

Для настоящего исследования использовался материал, представленный на сайте (<http://www.cdi-clex.org/vocabulary/subscale/search/corpora/16>): списки прилагательных и наречий («Descriptive words») и нормы речевого развития русскоязычных детей, полученные с помощью MacArthur-Bates Communicative Development Inventories (CDIs) — американского опросника, адаптированного исследовательским коллективом кафедры детской речи, в состав которого входил автор данной статьи, разработавший лексический раздел данного опросника. Русские данные сравнивались с данными, полученными для разных языков (английского, датского, норвежского, немецкого, турецкого, мексиканского испанского и итальянского).

В целом в начальных лексиконах детей в разных языках, отраженных в списках слов опросников, больше общих единиц. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, исходный список слов был один и тот же: источником для всех являлся опросник, над которым в течение 20 лет работали американские исследователи, а затем он был адаптирован для многих языков мира (около 40), в том числе и для ряда славянских. Во-вторых, состав начального детского лексикона определяется необходимостью назвать явления окружающего мира, передать определенный набор, «ассортимент» смыслов, «идей».

В результате исследования были выделены следующие типы слов: 1) универсальные признаки, характерные для большинства языков (*красивый, горячий, холодный, большой, маленький, грязный, чистый, вкусный, бедный; белый, красный, желтый, зеленый, черный, синий, коричневый, оранжевый; старый, новый, пустой, сломанный, ветреный; горячо, грязно, мокро, холодно, хорошо* и др.); 2) значимые для нескольких языков (*испуганный, липкий, последний, соленый, сладкий, горький, усталый*); 3) редкие, особые, типичные только для одного-двух языков (*похожий, теплый, настоящий, игрушечный* есть лишь в русском, *толстый* и *высокий* — в русском и испанском,

фиолетовый — в турецком и испанском, *розовый* и *одинаковый* — в испанском); 4) индивидуальные, отсутствующие в опросниках, обусловленные частотностью в инпуте (в русском: *мятая* и *спелая* — о ягоде, *босая* — о себе). Цветовые прилагательные являются безусловной универсалией во всех языках, но встретились в каждом из восьми сравниваемых языков не все, указанные выше: *синего* нет в турецком, *коричневого* — в испанском, *оранжевого* — в испанском, русском, турецком.

Большинство типичных смыслов во всех опросниках выражено именно прилагательными или наречиями: *маленький*, *грязный* (или *грязно*), *чистый*, *большой*, *пустой*. Смысл *вкусный* в английском, испанском и турецком выражается только с помощью звукоподражаний и поэтому отсутствует в данной группе.

Проанализированы также пары антонимических прилагательных (*горячий* — *холодный*, *старый* — *новый*, *полный* — *пустой*, *мокрый* — *сухой*, *громкий* — *тихий*, *быстрый* — *медленный*). При сопоставлении обнаружился доминантный для данного языка (или для нескольких языков) признак и было выделено два типа «доминантности»: 1) признак присутствует в опроснике, а его антоним отсутствует; 2) присутствуют оба антонима, но один из них является более частотным.

Таким образом, основной набор прилагательных и наречий в разных языках определяется наиболее важными признаками, которые необходимо обозначить ребенку, поэтому большинство смыслов, выражаемых прилагательными, совпадают в разных языках. Это оценочные, параметрические и перцептивные (в том числе цветовые). Однако между начальными лексиконами детей, говорящих на разных языках, существуют значительные различия, обусловленные особенностями осваиваемого языка и культурными традициями каждого народа.

Ерофеева Елена Валентиновна,

д. ф. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Актуальные представления о России: сопоставление результатов психолингвистических экспериментов разного типа

Структура представлений о том или ином объекте у человека довольно сложна и объединяет когнитивные «единицы» разного уровня, от чувственных образов до вычленения отдельных дифференциальных признаков. При этом объекты в сознании человека связаны множественными отношениями и в совокупности формируют картину мира, которая фиксируется различными семиотическими кодами, в том числе и языковым.

Будучи динамической структурой, картина мира может перестраиваться и, кроме того, в разных ситуациях активируются разные ее части. Поэтому моделирование разных объектов действительности зависит в том числе и от типа эксперимента, при котором мы получаем «доступ» к той или иной части картины мира и к разным аспектам представления об объекте.

В докладе сопоставляются результаты, полученные в различных экспериментах, в которых так или иначе в разных контекстах и разными способами репрезентировались представления о России как стране. Было проведено три эксперимента: перечисление слов заданной группы (направленный цепочечный ассоциативный эксперимент с неограниченным количеством реакций), выявление актуального лексикона (направленный цепочечный ассоциативный эксперимент с ограниченным большим количеством реакций), наивное геокартирование.

Эксперимент по перечислению слов заданной группы нацелен на определение границ категории и ее структуры. В данном случае информантов просили перечислить как можно больше слов (не менее 30), относящихся к понятию «страна».

Актуальный лексикон — это наиболее частотная лексика ментального лексикона человека. Методика получения актуального лексикона состоит в следующем: информантов просят написать список из ста слов, которые они, по их мнению, наиболее часто используют в речи (т. е. происходит актуализация наиболее субъективно важных компонентов картины мира, выраженных лексически).

Оба эксперимента направлены на актуализацию лексем ментального лексикона, обозначающих те или иные понятия, однако первый показывает структуру понятия, а второй — его вес среди более широких представлений. Из всех слов, полученных в результате этих экспериментов, выделялись те, которые имели отношение к стране в обобщенном понимании и к России в частности.

Третий эксперимент обращается не только и не столько к языковому сознанию, но и к визуальным образам. При проведении эксперимента по наивному геокартированию информантам предлагалось нарисовать карту России, отметить на карте наиболее важные с их точки зрения географические объекты, страны, с которыми граничит Россия, а также записать возле объектов связанные с ними ассоциации.

Во всех экспериментах в качестве информантов принимали участие студенты из Перми, в основном филологи. В первых двух экспериментах получено более 5 тысяч реакций; в третьем эксперименте — 43 карты.

На данном этапе обработки эксперимента сопоставлялись указываемые объекты, их группировки, а также расчленение пространства на «свое» и «чужое».

В целом результаты экспериментов оказались достаточно разными, однако можно сказать, что прослеживается ряд объектов, которые составляют «каркас» представлений о России у пермских студентов. К таким объектам прежде всего относятся столицы, сам город Пермь и города Пермского края, культурно нагруженные символы страны. Кроме того, во всех экспериментах четко прослеживается деление пространства на «свое» и «чужое».

Естественно, что представления о стране будут разными у жителей разных регионов. Этот вопрос исследуется отдельно.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00301.

Кормазина Ольга Петровна,
аспирант, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Воспоминания о детстве: особенности жанра в аспекте возрастных различий рассказчиков

Одной из актуальных задач современного жанроведения является многоаспектное описание отдельных речевых жанров. Неоднократно оказывался в центре внимания лингвистов и жанр воспоминания, традиционно описываемый на материале речи носителей диалектов (например, в работах Т. А. Демешкиной, Л. Г. Гынгазовой, Н. В. Лагуты, Я. В. Мызниковой и др.). Под воспоминанием понимается мысленное или устное «воспроизведение локализованных во времени и пространстве образов прошлого»; при этом воспоминания о значимых для личности событиях, предметах и лицах обычно сопровождаются эмоциональными переживаниями, что определяет значимость для данного жанра категории оценки. Объектом исследования в настоящей статье являются воспоминания о детстве.

Материалом для данного исследования послужили записи устных рассказов-воспоминаний жителей Приморского края, представляющих две возрастные группы: молодежь (16–30 лет) и старшее поколение (55–85 лет). Анализ записанных рассказов проводился в семантическом аспекте, в качестве ключевых использованы понятия «диктум» и «модус».

Как известно, диктум обозначает событийную рамку высказывания, в нем представлена объективная информация о событии, тогда как модус передает отношение говорящего к содержанию высказывания, его интерпретацию данного события. В ходе анализа текстов рассказов-воспоминаний о детстве мы обратили внимание на сходство их диктумного содержания (независимо от возраста), что позволило выделить несколько наиболее общих тематических групп: «Игры в детстве», «Школа», «Взаимоотношения братьев и сестер», «Взаимоотношения с другими детьми», «Семейные события». Однако некоторые темы оказываются специфичными только для одной из исследуемых групп: так, для рассказов-воспоминаний молодежи характерна тема «Детский сад», а для старшего поколения — темы «Традиции», «Образ жизни», «Бабушки и дедушки», «Еда», «Предметы быта».

Несмотря на сходство диктумного содержания, воспоминания о детстве молодых людей и представителей старшего поколения различаются между собой в модусном значении — в частности, за счет различного проявления оценочности. Во-первых, данное различие заключается в оценке сходных фактов или событий в рассказах старших и младших информантов. Сравним, например, фрагменты рассказов-воспоминаний двух информантов 25 и 60 лет (тема «Школа», диктумное содержание — «моя школьная учительница»).

25 лет: *Ну она молодая была и вообще какая-то заполошная/ у нас на уроках вообще по-моему каждый занимался чем хочет// На нее не реагировали//*

60 лет: *По литературе у нас Татьяна Игоревна была/ молоденькая такая/ хорошенькая/ очень красиво одевалась// Она как подружка нам была//*

Один и тот же факт — молодость учителя — представители разных поколений оценивают по-разному: молодежь — отрицательно (молодость как недостаток, признак неопытности и некомпетентности), старшее поколение — положительно (молодая учительница как подруга).

Во-вторых, воспоминания информантов старшего поколения часто завершаются обобщающим выводом, как правило, представляющим собой противопоставление «раньше» (с положительной оценкой) — «теперь» (с отрицательной оценкой). Например: *Вот такое у нас было детство/не то что вы сейчас/ растёте// Не знаете как постирать; А как мы купались! Если б ты видела как я ныряла с берега.../ А щас куда нырнёшь-то? Всё загажено кругом...//.*

В-третьих, характерной особенностью воспоминаний о детстве информантов старшего поколения является совмещение отрицательной оценки описываемых событий и общего положительного вывода: *Помню одевались/ пацаны все в ба́тьковых старых телогрейках/ драных/ но всё равно мы были счастливые советские дети* (отрицательная оценка: **в старых телогрейках/ драных** — общий положительный вывод: **но всё равно мы были счастливые советские дети**).

Таким образом, в аспекте семантики воспоминания о детстве имеют ряд общих особенностей, однако при этом наблюдаются и определенные специфические черты, обусловленные возрастными различиями информантов.

Костырева Светлана Степановна,

к. ф. н., доцент, Международный университет «МИТСО» (Витебский филиал, Белоруссия)

Подтекст: явление, понятие, сущность

Гипотеза. Средством создания подтекста в художественном тексте может стать единица любого языкового уровня, инициирующая поиск подтекстовой информации в рамках определенного контекста. Будучи вербализованной реципиентом в условиях минимального контекста с учетом разного рода пресуппозиций, эксплицируемая информация образует ядро подтекстового поля. При линейном и трансформационном развертывании художественного текста происходит взаимодействие, взаимопроникновение и наложение подтекстовых полей, рассматриваемых реципиентом в качестве составляющих информативного поля текста. Достаточно сильная зависимость обнаружения скрытого смысла от воспринимающего субъекта, значительная вариативность глубины снимаемого имплицитного смыслового слоя породили мнение о полной эфемерности категории подтекста. Подобное утверждение, однако, является серьезным заблуждением, ибо подтекст материально закреплен в тексте, только способы этого закрепления специфичны и требуют особой тщательности при восприятии и анализе. Следует различать нетерминологическое и терминологическое значение слова «подтекст», реализуемое им в языке и речи. Поскольку информативность рассматривается нами как универсальная категория текста, то смысл является обязательным компонентом, признаком, условием текста. При этом следует отметить, что смысл может совпадать с содержанием, а также расширять или сужать содержание, или информативное поле. Однако

следует указать, что о равнозначности терминов «подтекст» и «скрытый смысл» можно говорить лишь в узком смысле: как об одном из компонентов парадигматической цепи «содержание — смысл». Эксплицируемая и вербализуемая реципиентом подтекстовая информация в одних случаях может рассматриваться как смысл, а в других — как составляющая смысла. Подтекст является результатом синтеза лингвистической и экстралингвистической информации, его индивидуальной характеристикой, которая складывается на базе актуализированного текстового представления, на базе структур вербальной памяти и вербализуется реципиентом с учетом разного рода пресуппозиций. Именно пресуппозиция дает возможность эксплицировать подтекст. Подтекст — это не способ организации текста, а результат такой организации.

Выводы.

1. Подтекст — это некий скрытый пласт информации текста, (вос)создаваемый в сознании реципиента на основе авторского текста и вербализуемый им с учетом разного рода пресуппозиций.
2. Подтекст — лингвистический феномен, ибо он материально закреплен в тексте: в языковой материи текста содержатся сигналы, инициирующие поиск подтекста, вербализуемого читателем с учетом разного рода пресуппозиций.
3. Подтекст является результатом синтеза лингвистической и экстралингвистической информации. Минимальным линейным контекстом, в рамках которого реализуется подтекст, является словосочетание, затем следует предложение и дискурс. При трансформационном принципе расположения материала — целый текст и несколько текстов (интертекст).
4. Подтекст неоднороден, в художественных текстах представлены дескриптивный, коннотативный, фактуальный и содержательный подтексты. Так, например, в прозе конца XX в. наиболее активны дескриптивный и коннотативный подтексты, реже реализуются фактуальный и содержательный. Среди содержательных чаще актуализируются нравственно-философский, мистический, религиозный, реже — социальный (политический) подтексты.
5. В рамках информативного поля текста может быть выделено подтекстовое поле с его онтологическими характеристиками, в основу описания которого положен принцип уровневого подхода к анализу подтекста.

Краснощекова Софья Викторовна,
аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Квантитативные характеристики местоимений в речи ребенка раннего возраста

Русскоязычный ребенок осваивает квантитативную оппозицию сравнительно рано. Первые формы множественного числа существительных отмечаются еще на этапе однословных высказываний, первые формы множественного числа, противопоставленные формам единственного, — в начале этапа двухсловных высказываний. Числовые последовательности (сочетания

с другими словами в высказывании) возникают через несколько месяцев после первого противопоставления.

Задачей данного исследования было проследить, как осваивается множественное число местоимений, при том что ребенок обычно начинает изменять местоимения позже, чем полнозначные слова, и грамматические характеристики осваиваются на основе уже существующей ментальной грамматической системы. Здесь рассматриваются местоимения, способные употребляться во множественном числе: притяжательные (лично-притяжательные и возвратно-притяжательное) и указательные местоимения-прилагательные, а также *он*. В качестве материала были использованы данные лонгитюдных наблюдений — родительские дневники и расшифровки аудио- и видеозаписей. Данные шести детей (трех девочек и трех мальчиков) позволяют проследить освоение всех интересующих нас местоимений.

Первыми формами множественного числа у большинства детей являются *эти* и *мои*; несколько позже возникает *они*; затем *такие* и *свои*. Порядок появления форм в целом повторяет порядок появления соответствующих местоимений единственного числа, однако возраст, в котором отмечаются формы *твои*, *наши* и *ваши*, колеблется у разных детей. Возможно, это связано с редкостью данных форм в речевой продукции детей. Все местоименные формы множественного числа возникают тогда, когда множественные формы существительных уже присутствуют в речи; причем первые *эти* еще используются изолированно, а первые *мои* уже формируют сочетания с существительными.

Можно отметить несколько особенностей, отличающих местоимения от существительных. Во-первых, общее количество форм множественного числа в речи ребенка невелико и составляет около 13 % в среднем для всех местоимений (разброс от 4 % для субстантивированного *этот* до 25 % для притяжательных местоимений). Во-вторых, крайне невысоко разнообразие косвенных форм: если отсечь формы винительного падежа, омонимичные формам именительного, то у местоимений-прилагательных обнаруживаются лишь единичные косвенные употребления (*таких*, *этими*). Местоимение *он*, в свою очередь, имеет довольно развитую парадигму множественного числа: в речи детей регулярно фиксируются как формы *их*, *ими*, так и предложно-падежные конструкции *у них*, *в них*, *на них*, *с ними* и т. д. Этому способствует несколько факторов: как анафорическое местоимение, *он* сближается с существительными и способно употребляться в любых контекстах, характерных для существительных. К тому же, *он* — единственное из местоимений в нашем материале, форма винительного падежа множественного числа которого во всех контекстах отличается от формы именительного падежа.

Отдельно следует упомянуть «замороженные» формы, которые ребенок использует гештальтно. Так, у трех детей из шести первыми зафиксированными формами местоимения *он* были цитатные *над ними*, *на них*, *их*; форма *они* фиксируется примерно на месяц позже. Можно было бы предположить, что цитатные употребления также способствуют более равномерному развитию парадигмы, но замороженные формы других местоимений в цитатах (*твоих*, *на этих*) не оказывают подобного влияния.

Таким образом, несмотря на то что формы множественного числа местоимений возникают тогда, когда на материале полных имен категория уже освоена, до определенного возраста (в нашем материале — по крайней мере до четырех лет) ребенок предпочитает оперировать в основном единственным числом: множественное число используется в несколько раз меньше, причем преобладают дефолтные формы. Это не относится к анафорическому местоимению *он*, которое по некоторым параметрам (порядок возникновения форм, их частотность в речи, полнота парадигмы) сближается с существительными.

Маховиков Денис Викторович,

к. ф. н., младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва)

Степанова Анна,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва)

Идентификация антропонимов носителями обыденного языкового сознания

Идея исследования возникла при изучении ономастикона Русского ассоциативного словаря. Было обнаружено, что антропонимы представлены в нем далеко не в полной мере, и решено расширить наши представления об этой области ономастики.

В качестве материала исследования было отобрано более 400 антропонимов, распространенных на территории Российской Федерации. К ним относятся как полные формы, так и уменьшительно-ласкательные варианты.

При анализе полученных нами реакций мы разбили их на типы, представляющие собой, как нам кажется, характеристики, которыми наивные носители русского языка определяют то или иное имя. Таким образом, совокупность полученных реакций распадается на следующие виды в зависимости от доминирующего признака, который носители языка приписывают имени, или от особенности ассоциирования:

- 1) прецеденты;
- 2) собственно характеристики;
- 3) семантически диффузная совокупность реакций;
- 4) ассоциации на форму слова;
- 5) фонетические ассоциации.

Остановимся на каждом типе более подробно. Прецеденты — это самая многочисленная группа, к которой мы отнесли названия фильмов, имена знаменитостей и т. д. (*Зоя* — *Космодемьянская* — 8; *Вениамин* — «*Папины дочки*» — 4; *Маргарита* — *Мастер* — 10; *Тарас* — *Бульба* — 32; *Марк* — *Твен* — 12; *Людмила* — *Руслан* — 10; *Герасим* — *Му-Му* — 42; *Филипп* — *Киркоров* — 27).

Обратимся к следующему типу реакций — к характеристикам. Это наиболее важная, наименее предсказуемая и слабо мотивированная группа реакций. Характеристики логически распадаются на оценочные и функционально-стилистические. Привлекательность имени, его престижность в настоящий период или напротив старомодность и неаттрактивность получают

выражение в соответствующих реакциях. Например, анализ ассоциативных полей *Дуня* и *Ваня* приводит к выводу, что носители языка считают эти имена просторечными, несовременными и непрестижными. Но это относится только к этим формам данного антропонима. Ассоциативные поля антропонима в полной форме и его различных уменьшительно-ласкательных образований будут существенно различаться.

Ряд антропонимов отличаются крайней диффузностью ассоциативного поля, выделить ядро в нем не представляется возможным, например, *Юлия* — 3, *красота* — 3, *Юлий Цезарь* — 2, *тепло* — 2, *юла* — 4, *знакомая* — 2, *Роман* — 2, *умная* — 2, *одноклассница* — 2, *подруга* — 2, *Юлька, подвох, громкое, пчела, хорошо говорит, симпатия, кольцо, магазин; Алевтина* — 4, *учительница* — 4, *бабушка* — 3, *оливка* — 5, *осень* — 2, *улыбка, грубое, радуга, склочница, женщина за 40, дура, шарф, старая дева, фильм*.

Остальные реакции можно было бы назвать случайными, если бы не их относительная частотность. Это фонетические ассоциации и реакции на форму слова, на его графический образ. Реакций на форму слова не очень много, их появление легко объяснить особенностью проведения эксперимента: эксперимент проводится в письменной форме. Вероятно, таких реакций можно было бы избежать, если бы мы предъявляли стимулы устно. Часто оба типа ассоциирования встречаются в одном ассоциативном поле. Реакции подобного типа появляются на имена и формы имен, которые редко встречаются в наши дни (*Фая* — *фея* — 17, *Раневская* — 5, *бабушка* — 3, *фуфайка* — 3, *песня «Фаина»* — 2, *фен* — 2, *Фет, нет Вай-Фая* — 2, *ужасная песня, старушка, простушка, простота; Рая* — *рай* — 8, *бабушка* — 4, *тетя* — 3, *Ада* — 4, *простота* — 2, *село* — 2, *свет* — 2, *яблоко* — 2, *деревня* — 4, *соседка* 3, *церковь, сарай*).

По результатам эксперимента было выявлено, что большая часть антропонимов имеет содержательные ассоциативные поля с четко выраженным ядром при значительном количестве единичных реакций. Таким образом, исследование показало, что имена — это сложные единицы со своеобразной семантикой, требующей более детального изучения. Ассоциативный эксперимент — один из методов, который в совокупности с другими экспериментальными методами может помочь в изучении такой спорной и противоречивой проблемы как семантика имени собственного.

Нохрина Влада Валерьевна,
соискатель, Институт языкознания РАН (Москва)

Созидательное речевое воздействие как фактор развития субъектности

В настоящее время существует довольно большое количество литературы, посвященной речевому воздействию. Однако обсуждается, как правило, манипулятивное воздействие на сознание слушателя с тем, чтобы приобщить его к убеждениям говорящего, принудить к действию, необходимому говорящему. Все это применимо к политическому дискурсу, публичным выступлениям, рекламе, судебному дискурсу, в то время как

речевому воздействию в психотерапевтическом, педагогическом и других видах дискурса, направленных на развитие личности слушающего, уделяется незначительное внимание. Самым заметным источником по теме созидательного воздействия речи можно назвать книгу «Дом колдуньи» И. Черепановой, в которой раскрывается метод вербальной мифологизации личности, предполагающий трениговую работу в группе и создание индивидуального мифа каждым участником тренинга. Также изучены интенции в психотерапевтическом дискурсе (Е. И. Кириллова). Однако что касается речи как инструмента созидательного воздействия на другого человека в межличностной коммуникации и конкретных единиц такого воздействия, тема эта не раскрыта, несмотря на ее огромный потенциал — человека окружает огромное множество бытовых деструктивных и профессиональных манипулятивных речевых воздействий, а созидательные часто бывают случайными и стихийными. Есть мнение, что речевого воздействия в интересах слушающего быть не может.

Изучение созидательного речевого воздействия поможет обеспечить экологию общения, где создаются не комплексы и подсознательные барьеры, а активизируется саморефлексия и стремление к развитию, личная ответственность за собственные решения — субъектность.

Созидательным речевым воздействием мы называем такое воздействие на сознание слушающего, которое провоцирует его на размышления о том, как он принимает самостоятельные решения, чего он сам хочет от собственной жизни и т. п., т. е. инициирует рефлексии по поводу собственной жизни слушающего, формирует его субъектность. Под субъектностью понимается ответственность за свою жизнь и принимаемые решения, осознанность. В психологии субъектностью считается одним из атрибутов зрелой личности, однако ее развитие часто сопряжено с проблемами, связанными с большим количеством манипулятивного и деструктивного видов воздействия на самосознание личности, различными барьерами, возникающими в процессе формирования личности.

Поскольку созидательное речевое воздействие приобретает особенно важную роль в развитии личности, очевидна его значимость для родителей, педагогов, психологов, социальных работников. Однако этим сфера его применения не ограничивается, поскольку личность коммуникатора с высоко развитым самосознанием будет всегда стремиться воздействовать на окружающих созидательно. Возможным методам и способам созидательного речевого воздействия и посвящена наша работа.

Пиотровская Лариса Александровна,

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Эмоции vs. оценка

В докладе обсуждается вопрос о соотношении эмотивных и оценочных компонентов значения в семантической структуре высказывания как минимальной коммуникативной единицы. Объектом анализа являются

эмотивные высказывания — высказывания, в коммуникативной задаче которых доминирует намерение субъекта речи выразить свои эмоции.

В психологии положение о взаимосвязи эмоции и оценки является общепринятым. В то же время отмечается, что эмоции либо основаны на оценке, либо выполняют функцию оценки.

На этом основании можно сделать вывод о необходимости различать два типа отношений между этими феноменами: 1) эмоции, основанные на оценке, связаны с оценкой причинными отношениями; 2) эмоции, выполняющие функцию оценки, связаны с оценкой целевыми отношениями.

Поскольку эмоции связаны с этапом «первовидения» объекта (Е. Ю. Артемьева), то оценка, вызывающая эмоции, нерасчлененная. Эта оценка ретроспективна по отношению к эмоциям и объясняет причину возникновения определенной эмоции. Оценка же, которая связана с эмоциями целевыми отношениями, проспективна по отношению к эмоциям и дает ответ на вопрос, для чего субъект речи выражает свои эмоции. Из этого следует тезис о наличии двух типов оценки — первичной и вторичной. Иначе говоря, эмоции, связанные с первичной оценкой, выражаются потому, что им предшествовала оценка; тогда как эмоции, связанные со вторичной оценкой, выражаются для того, чтобы дать оценку какому-либо объекту, при этом следует помнить, что объектом оценки, квалифицируемой нами как вторичная, может быть только человек (Н. Д. Арутюнова). Поскольку всякая эмоция должна быть чем-то вызвана, то всякая эмоция основана на оценке, т. е. всякая эмоция связана с первичной оценкой чего-либо. Однако не всякая эмоция выполняет функцию оценки, т. е. не всякая эмоция связана со вторичной оценкой. Подтверждением этого являются следующие термины, встречающиеся в лингвистических и психологических исследованиях: направленные и ненаправленные эмоции (Г. П. Нещименко), эмоциональное состояние и эмоциональное отношение.

С учетом этого для корректного описания содержания эмотивных высказываний предлагаем использовать два термина: «собственно эмотивное значение» (эмоция лишь основана на общей, нерасчлененной оценке чего-либо, т. е. связана только с первичной оценкой) и «эмотивно-оценочное значение» (эмоция одновременно основана на первичной оценке и выполняет функцию вторичной оценки).

Поскольку во внешней речи эмотивное высказывание часто оказывается в одной синтагматической цепи с высказываниями других коммуникативных типов, в которых раскрывается расчлененный способ отражения того же фрагмента действительности (включая внутреннее состояние субъекта речи), то анализ содержания соседних с эмотивным высказываний (по нашим данным, в большинстве случаев такие высказывания постпозитивны по отношению к эмотивному) позволит определить, какой вариант эмотивного значения выражается в эмотивном высказывании. Если в высказывании, следующем за эмотивным, дается лишь ответ на вопрос «Почему?», то содержание эмотивного высказывания состоит в выражении эмоции, основанной на оценке, т. е. собственно эмотивного значения. Если же в нем дается также ответ на вопрос «Чего говорящий хочет достичь?», то в эмотивном вы-

сказывании выражено не только собственно эмотивное значение, но и эмотивно-оценочное, которое коррелирует с эмоцией, выполняющей функцию оценки, а значит, содержание таких эмотивных высказываний сложнее.

Если же эмотивное высказывание употребляется автономно, для разграничения собственно эмотивного и эмотивно-оценочного компонентов значения необходим детальный анализ всей ситуации или достаточно широкого контекста.

В заключение соотнесем предлагаемые лингвистические термины с двумя психологическими: в эмотивных высказываниях, содержание которых состоит в выражении *собственно эмотивного значения*, выражается *эмоциональное состояние* субъекта речи; в высказываниях же с *эмотивно-оценочным компонентом значения* выражается *эмоциональное отношение* субъекта речи.

Риехакайнен Елена Игоревна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

О методах изучения роли контекста в процессе восприятия речи

Результаты многочисленных экспериментальных исследований распознавания фонетически неоднозначных фрагментов естественного речевого сигнала свидетельствуют о том, что ключевую роль в этом процессе играет контекст. На настоящий момент становится ясно, что для дальнейшего изучения процесса восприятия речи слушающим и разработки функциональной модели восприятия речи простой констатации факта влияния контекста оказывается недостаточно: необходимо описание конкретных механизмов извлечения информации слушающим из контекста.

Влияние контекста может проявляться на разных уровнях. Так, например, наличие в речевом сигнале недопустимого сочетания звуков будет указывать слушающему на необходимость проведения границы между элементами такого сочетания. В данном случае мы имеем дело с законами фонотактики, т. е. с фонетическим контекстом. Законы фонотактики, действующие в спонтанной речи, на данный момент изучены не исчерпывающе, однако методика получения подобных сведений представляется вполне понятной. Это сплошной инструментально-фонетический анализ больших объемов записей спонтанной речи, подобный тому, который в настоящее время на сравнительно небольшом объеме материала реализован разработчиками речевого корпуса, представленного на сайте Корпуса русского литературного языка (<http://narusco.ru/>). Исследование же грамматического, семантического и прагматического контекста представляется намного более сложной и трудоемкой задачей, хотя бы потому, что требует предварительного тщательного выбора методики или методик исследования.

Несомненно, некоторые полезные сведения о механизмах использования грамматического и семантического контекста слушающим при восприятии речи могут быть получены с применением ряда экспериментальных методик. Предсказательную силу контекста можно оценить, например, с по-

мощью эксперимента на заполнение лакун. Данная методика, в частности, позволила опровергнуть выдвигавшуюся ранее гипотезу о том, что сильно редуцированные словоформы в русской спонтанной речи встречаются преимущественно в частотных сочетаниях, в которых испытуемому легко восстановить редуцированный элемент в силу высокой предсказательной силы контекста [Раева, Риехакайнен, 2014]. Результаты этого эксперимента также наглядно продемонстрировали, что один и тот же контекст может быть разным по силе с грамматической и семантической точки зрения. Для исследования предсказательной силы конкретных слов перспективным представляется комбинация анализа материалов ассоциативных словарей (в первую очередь синтагматических ассоциаций) и корпусных данных (изучение сочетаемости данного слова с другими). Несмотря на достаточное разнообразие имеющихся методик, полученные в них данные представляются на данный момент скорее набором разрозненных фактов. Получить хотя бы предварительное представление о том, какая именно информация из грамматического и семантического контекста и каким образом учитывается в процессе распознавания естественного речевого сигнала, по всей видимости, возможно только в процессе пошагового моделирования данного процесса. В докладе будут приведены примеры применения этого метода к извлеченным из русской спонтанной речи межпаузальным интервалам, содержащим редуцированные словоформы. Экспериментальные исследования, которые будут упоминаться и анализироваться в докладе, выполнены при поддержке грантов Президента РФ для молодых кандидатов наук МК-3646.2013.6 и СПбГУ 0.38.518.2013.

Литература:

Раева О. В., Риехакайнен Е. И. Предсказательная сила контекста: миф или реальность? // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. Калининград: МАКИ, 2014. С. 742–744.

Флакман Мария Алексеевна,
преподаватель, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»

От иконического знака к символу —
от конкретного к абстрактному.

Процесс деиконизации звукоизобразительной лексики

Согласно универсальной классификации знаков Ч. Пирса [Пирс, 2000], в зависимости от характера связи означаемого и означающего выделяются знаки-индексы (связь по смежности), знаки-иконы (связь по подобию) и знаки-символы (конвенциональная связь). Человеческий язык является сложной и многоуровневой символической системой, однако содержит некоторое количество индексальных и иконических элементов.

Знаками-иконами в языке являются звукоизобразительные слова — звукоподражания и звукоимитации (мимические копии) [Воронин, 2006]. Как показали исследования [Hinton and oth., 1994], иконическая лексика являет-

ся неотъемлемой составляющей языков различных групп и семей. Однако, в отличие от лексики с конвенциональной связью между фонетическим обликом и денотатом, которая, претерпевая различные изменения в процессе исторического развития, так и остается символической по своей сути, лексика иконическая, эволюционируя, становится символической. В процессе деиконизации мы выделяем четыре последовательных стадии — от практически «чистого» иконического знака (подражательная вокализация) до слова, чье иконическое происхождение можно обнаружить только путем этимологического анализа. Стадии выделяются в зависимости от степени конвенциональности структуры основы и относительной сохранности исходной семантики и фонетического облика.

Скорость перехода от одной стадии к другой является индивидуальной у каждого слова. Однако различные типологические классы звукоподражаний и звукоимитаций деиконизируются разными темпами. Фактором, ускоряющим разрушение исконной иконической ассоциативной связи звук-смысл у целых классов звукоизображений, являются регулярные фонетические изменения.

Исследование, проведенное на материале около 3000 английских звукоизобразительных слов, возводимых к 1495 основам, показало, что примерно половина из них является словами поздних стадий деиконизации, и что скорость перехода от одной стадии к другой может исчисляться несколькими веками. Изученные звукоизображения — это слова, чье иконическое происхождение было указано в лексикографических источниках, доказано путем этимологического анализа, в том числе путем сравнительно-исторической реконструкции. Те лексемы, которые достигли в процессе деиконизации последней из стадий в периоды, не охваченные этимологическими изысканиями, существуя в современных языках, ничем не выдают своего иконического происхождения.

Тот факт, что за письменно зафиксированную историю английского языка (VII–XX вв.), по нашим подсчетам, появилось около 800 новых, *исконных* звукоподражаний и звукоимитаций, значительная часть из которых за это время перешла в разряд знаков-символов (как, например, слово *lunch* «ланч, обед», изначально — артикуляторный жест, передававший чавканье), говорит о том, что количество иконических элементов в языке может значительно превосходить даже самые смелые предположения.

Семантическое развитие звукоизображений идет по принципу от простого к сложному: конкретные, звуковые и мимео-звуковые значения со временем дополняются абстрактными. Например, и-е **tres-* «тряска, дрожь» (образовано от звука, ср. рус. межд. *дрп!*) > лат. *terrere* «пугать» > (заимств. в англ.) *terror* «ужас». В целом процесс деиконизации можно охарактеризовать как постепенное смысловое развитие от конкретного к абстрактному, усугубляемое регулярными фонетическими изменениями.

Примечательно, что историческая деиконизация звукоизобразительной лексики имеет много параллелей с развитием детской речи. На одном из ранних этапов становления детская речь наполнена большим количеством звукоизображений [Лепская, 2013], но их доля в лексиконе начинает уменьшаться по мере развития мышления ребенка.

Литература:

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
2. Лепская Н. И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации. М.: РГГУ, 2013.
3. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
4. Hinton L., J. Nichols, J. Ohala (eds.) Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Цейтлин Стелла Наумовна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник,

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Редукция морфологических категорий при освоении русского языка как второго

Человек, осваивающий новый для него язык в естественной речевой среде, поставлен перед необходимостью выстроить собственную языковую систему со всеми ее модулями путем анализа (практически бессознательного) того речевого материала на данном языке, который получает в процессе диалога с его носителями. Конструирование индивидуальной языковой системы протекает не совсем так, как у ребенка, овладевающего данным языком как родным: огромным преимуществом ребенка является гармония коммуникативного, когнитивного и речевого развития, а также чрезвычайно благоприятная ситуация общения со взрослыми — основными «поставщиками» речевого инпута, умеющими приспособиться в общении с ребенком к его возможностям. Совсем другое дело — постижение нового языка инофоном, уже имеющим в своем распоряжении родной язык, способный удовлетворять его коммуникативные потребности, соответствующие возрасту и развитию. Он фактически лишен языковой поддержки со стороны носителей языка: современные исследования показывают, что большое число носителей языка не умеет в диалоге ориентироваться на уровень речевого развития своего иноязычного собеседника. При этом инофон любого возраста поставлен перед необходимостью иногда строить сложные по содержанию тексты, ощущая дефицит языковых лексических средств, не владея в достаточной степени морфологическими и синтаксическими правилами. Особую сложность для инофона представляет овладение морфологическими правилами, касающимися выбора граммем и их использования в разных контекстуальных условиях. Вследствие этого речь инофона характеризуется аграмматичностью и изобилует многочисленными ошибками. Принято считать, что главной их причиной является интерферирующее воздействие родного языка. Однако исследования А. А. Залевской и ее многочисленных последователей говорят о том, что отрицательная интерференция — болезнь скорее «классная» и характерна для ситуации учебного, но не естественного двуязычия. Опыт показывает, что в случае естественного двуязычия вторичная языковая система может формироваться и без прямого воздействия первой. Причем имеется прямая зависимость между способом формирования второго языка и возрастом

человека, его осваивающего. Особенно четко различие в освоении языка как первого и как второго проявляется применительно к конструированию морфологического модуля.

Освоить русскую морфологию — значит овладеть основными морфологическими единицами, а также их разнообразными семантическими и структурными функциями, определяющими правила их использования при порождении и восприятии речи.

Несомненно, что инофон сначала воспринимает словоформу как носитель лексического, но не грамматического значения. Лишь позднее он расчленяет ее и обретает способность конструировать словоформы самостоятельно, основываясь на неких абстрактных образцах (моделях). Это происходит только в случае, если в его сознании уже сформирована система морфологических категорий, выстроенных в ряды — граммемы. Первоначальное состояние морфологической системы может быть названо нулевым: морфологические категории отсутствуют, редуцированы.

Редукция морфологических категорий применительно к русскому языку означает невозможность передать значения числа и падежа существительных, склонения, времени вида, лица глагола и т. п.

В докладе будет показано, как постепенно формируется русская морфологическая система у азербайджанских детей и взрослых, проводится сопоставление с формированием морфологической системы русскоязычного ребенка. Выявляются общее и различное в последовательности и характере освоения морфологических категорий. Можно разграничить разные виды редукции: 1) редукцию морфологической категории в целом; 2) редукцию одной из граммем морфологической категории; 3) устранение вариативности способов выражения одного и того же морфологического значения (унификация формообразовательных аффиксов); 4) устранение периферийных семантических функций граммем; 5) устранение структурных (в первую очередь — согласовательных) функций граммем.

Шаяхмет Асель,

к. ф. н., доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби
(Алма-Ата, Казахстан)

Особенности субъективных дефиниций казахских билингвальных детей

В современном Казахстане социолингвистическая ситуация массового стабильного казахско-русского двуязычия формирует условия, позволяющие детям осваивать оба языка в естественных условиях. Нами был проведен эксперимент, в рамках которого удалось собрать и проанализировать лингвистический материал на двух языках; информантами явились школьники младших классов в возрасте от шести до одиннадцати лет, учащиеся школ с казахским языком обучения, а также контрольная группа монолингвальных детей, владеющих только русским языком.

Дефиниции вызывают научный интерес с точки зрения их способности представлять когнитивную информацию, отражающуюся в речи того или

иногo носителя языка. В психолингвистике существует так называемый экспериментальный метод субъективных дефиниций, называемый также методом определения понятий, применявшийся еще А. Р. Лурией в 30-х гг. прошлого столетия, суть которого состоит в том, что информанта просят дать определение или описать, что означает то или иное слово.

В докладе речь пойдет о дефинициях, полученных в ходе опроса двуязычных детей, при этом мы используем термины «дефиниция» и «определение» как синонимы.

Техника сбора материала была осуществлена следующим образом: на основании тезауруса казахстанских учебников для начальной школы был составлен список слов, состоящий из наиболее частотных наименований на каждом языке, причем каждое слово повторилось и в казахском списке, и в списке слов русского языка. Детей попросили дать определения на том языке, которому принадлежит данное слово. Опрос проводился в течение урока, дети могли сами выбирать, на какой список — на русском или казахском языке — им отвечать в первую очередь.

Описание функциональных характеристик концепта («рот — этим можно говорить...»), определение с включением локализации описываемого понятия («...оно находится на голове...»), подражание академическому стилю («дождь — явление природы»), попытка оперирования родо-видовыми отношениями и генерализацией («земля — планета...» и «деревня — это место...»), обосновывание на собственном примере («...это твоя мама, которая...») дают нам представление о когнитивном развитии младших школьников. Такие особенности, как демонстрация своих познаний на двух языках и переводные определения («адам — человек»), языковое смешение в пределах одного определения («язык — это тіл»), неразличение омонимов или паронимов (например, «рана» vs. «рано»), лингвокультурологические познания языковых различий (например, в области терминов родства) характеризуют билингвальную группу детей, в то время как дефиниции, начинающиеся словом «когда», выделились как типичный вариант определений, характерных как для монолингвальных детей, так и для билингвальных. Детские словотворческие образования составили особую группу, отражающую морфолого-синтаксические особенности разнoструктурных языков.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Гулида Виктория Борисовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Речевые практики, способствующие сохранению компетенции в малом языке в период языкового сдвига

Закономерности использования титульного языка языковым меньшинством в период языкового сдвига описываются моделью возрастного распределения языковой компетенции, отражающей фактический ход процесса

сдвига и его идеологическую «ратификацию» в сознании носителей малого языка. Вместе с этой теорией в исследованиях языкового сдвига имеет хождение понятие «континуума» языковой компетенции, подчеркивающее случайный результат процесса сдвига, с большим разбросом данных от человека к человеку. Этот вид закономерности так же, как и модель возрастного распределения, находит отражение в наших данных о различиях в качестве и объеме компетенции тюркоязычных греков Приазовья в урумском языке. Противоречия между этими двумя способами представления разрушающейся в ходе сдвига языковой компетенции здесь нет: модель возрастного распределения описывает приспособление к постепенной утрате языка в масштабе всего языкового сообщества, в то время как метафора континуума фиксирует разные уровни владения титульным языком на уровне отдельных членов сообщества.

Если факторы и причины языкового сдвига на уровне сообщества в целом исследованы и описаны исчерпывающим образом, то разница в компетенции отдельных членов сообщества, находящихся в одинаковых «макро» условиях, не привлекает особого исследовательского внимания как тривиальный случай индивидуального многообразия ситуаций освоения и пользования языком. Однако хотелось бы понять, как при сходстве общей тенденции (к снижению уровня пользования языком) получается столь значительный разброс в языковой компетенции внутри одной однородной группировки, например, возрастного среза, когда один говорящий может порождать развернутые тексты, другой может только поддерживать беседу, третий — понимать речь на языке, но не говорить, а четвертый только вылавливает отдельные слова, пытаясь догадаться о смыслах и довольствуясь пассивным участием в общении. Такой размах отличий значительно превышает рамки привычных представлений об индивидуальной вариативности речи. Следует предполагать, что у говорящих были отличия в исходном инпуте в семье, учитывая отказ переломного поколения передавать титульный язык детям (в 1940–1950 гг.); что обстановка в школе могла быть более или менее терпимой к использованию малого языка детьми; что замужество могло способствовать или препятствовать использованию малого языка, и т. п.

Каждое из указанных жизненных обстоятельств или личностных качеств играет роль в индивидуальной языковой ситуации, определяющей сохранение или постепенную утрату информантом своей языковой компетенции, но по материалам интервью и наблюдениям за общением жителей урумоязычных сел в семейном, родственном и дружеском кругах выяснилось, что принципиальным условием для поддержания языка в рабочем состоянии, т. е. в состоянии готовности к общению на нем, с плавным переключением кодов, относительной легкостью доступа к ментальному лексикону, оказалось участие информанта в каком-нибудь виде долговременной регулярной речевой практики — такой, например, когда мать и дочь, уже вырастившие внуков/детей, общаются вечерами по-урумски, потому что им так «интереснее» разговаривать; когда две сестры, живущие в разных селах, ежедневно созваниваются по-урумски, потому что им не-

обходимо поговорить «по-настоящему»; когда «мужики» Староигнатьевки собираются на субботние посиделки у магазина, задевая друг друга ехидными вопросами и обмениваясь шутками на языке, а к ним подсаживаются молодые ребята и подростки, которых притягивает общее веселье, и ради этого они, может быть, наберут небольшой словарь, а далее начнут немного говорить по-урумски. Важно, чтобы в индивидуальной матрице речевого общения было небольшое, но прочное место для титульного языка. При таком условии билингвальная система имеет шанс на сохранение, а вместе с ней, может быть, и малый язык. Речевая практика действует как естественный стимулятор для ответной реакции на языке, и ее роль нельзя недооценивать.

Едиханов Искандер Жамилович,

к. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Прагматический аспект деятельности двуязычного call-центра сотовой компании в Республике Татарстан

За двадцать с лишним лет, прошедших с момента принятия Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», языковая ситуация в Татарстане претерпела значительные изменения, касающиеся публичного использования татарского языка и расширения его общественных функций.

Поддержкой государственных языков в Республике Татарстан занимаются не только государственные структуры, но и различные частные компании, корпорации. В частности, ОАО «ВымпелКом» запускает уникальный проект «Комплексное обслуживание абонентов Билайн на татарском языке». Перед запуском проекта 16 сотрудников call-центра прошли специальное обучение по обслуживанию абонентов на татарском языке. Совместно с сотрудниками call-центра нами были смоделированы коммуникативные ситуации («приветствие», «ожидание на линии», «идентификация абонента», «переключение разговора на электронный автоответчик», «решение технической проблемы», «конфиденциальность информации» и т. д.), возникающие при общении оператора с абонентом, что позволит значительно снизить потенциальную возможность возникновения сбоев в коммуникативной деятельности call-центра.

Эффективность профессиональной деятельности оператора зависит от многих факторов, характеризующихся следующими дискурсивными признаками: динамичностью и процессуальностью, коммуникативностью, персонифицированностью, ситуативной обусловленностью, коннотативностью, социальной и культурологической маркированностью. Особое место среди них занимает успешная коммуникативная деятельность специалиста центра как основа продуктивных взаимоотношений, достижения взаимопонимания и реализации целей и задач профессиональной деятельности.

Зелянская Наталья Львовна,

к. ф. н., ведущий научный сотрудник, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Когнитивное геокартирование: образ России как система геоконцептов

Способы осмысления пространства человеком являются предметом изучения целого спектра наук, как гуманитарного, так и естественнонаучного направлений. В центре внимания ученых оказываются ментальные репрезентации пространства и экстерииоризация их во внешней среде с помощью доступных субъекту семиотических систем, в частности, языковых знаков, схем, графиков, формул, рисунков, карт и др.

Предметом нашего исследования становятся результаты непрофессиональной рефлексии обыденного сознания о пространстве, т. к. отсутствие профессионального взгляда на проблему позволяет реконструировать наиболее типичные стратегии экстерииоризации пространственных представлений, системы кодов, с помощью которых происходит экстерииоризация, факторы, влияющие на этот процесс. В центре нашего внимания оказывается восозданное массовым сознанием пространство России в соотношении его с непосредственно граничащими государствами-соседями.

Сбор материала осуществлялся в процессе разработанного нами эксперимента «когнитивное геокартирование». От испытуемых требовалось нарисовать карту России, отметить на ней географические объекты, указать страны, с которыми граничит Россия и написать ассоциации, связанные с изображенными географическими объектами.

В настоящее время получено более 400 карт от респондентов из Барнаула, Бийска, Оренбурга, Перми, Уфы, Калининграда, Москвы и Санкт-Петербурга.

Одним из междисциплинарных теоретических конструктов, с помощью которого описывались результаты эксперимента, является геоконцепт. Геоконцепт синтезирует образ географического объекта, его имя (топоним) и его пространственность (территориальность), что важно для изучения образов объектов с конституирующим их пространственным модусом. Данный конструкт в силу его способности объединить ментальную, вербальную и пространственную составляющие в гносеологическое единство наиболее полно может отразить специфику анализируемого материала — карт, являющихся мультимодальными текстами, репрезентирующим пространственные представления людей.

Целью исследования является реконструкция образа России как системы геоконцептов, функционирующей в обыденном сознании россиян. Была проанализирована система геоконцептов, репрезентирующих представления о географических объектах (городах, странах и т. п.), на основании частоты упоминания в каждом из регионов, частоты совместной встречаемости на картах полученных выборок. На первом этапе осуществлялась предварительная обработка данных в ИС «Семограф» (<http://semograph.com>): вносилась информация о каждой карте выборки, подсчитывалось

количество совместно встречаемых географических объектов. Далее с помощью метода кластерного анализа выявлялись пространственные кластеры, отражающие региональную специфику структурирования пространства для каждого из имеющихся регионов.

Полученные региональные структуры являются источником информации об идентичностях людей, проживающих на той или иной территории, об их представлениях об облике страны в целом и об отношении разного рода региональных групп к другим территориальным группам и общностям. Вербальные ассоциации дают основание для смысловой спецификации и ценностной интерпретации реконструированной системы региональных кластеров.

Результаты исследования позволяют выявить проблемные точки в пространственном концепте страны в целом и отдельных ее регионах и могут быть востребованы при создании имиджа региона, в туристической сфере и государственном управлении.

Исследование выполнялось при финансовой поддержке РФФИ (проект № 4-06-00301).

Картер Елена Валериевна,

к. ф. н., преподаватель, Университет Вермонта (Бёрлингтон, штат Вермонт, США)

Понимание английских междометий русскими эмигрантами,
проживающими в США

Междометия представляют собой неизменяемую часть речи, лишенную номинативной функции, служащую для выражения чувств, душевных состояний и других эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность и выступающую в коммуникации в качестве самостоятельного высказывания. По своему составу междометия подразделяются на первичные и производные. Решающую роль в формировании конкретного значения междометий часто играют их просодические особенности, а также языковой контекст и ситуация общения. Поскольку междометия одного языка отличаются от междометий другого языка, понимание иноязычных междометий может вызвать определенные трудности у индивидов, изучающих второй язык.

Целью настоящего исследования стало выявление первичных и производных английских междометий, которые являются проблематичными для понимания носителей русского языка, проживающих в Америке. В исследовании приняли участие 20 русскоязычных билингвов разных возрастных групп, проживающих в «неродной» языковой среде не менее одного года.

Автором доклада был разработан прагматический тест на аудирование, состоящий из 40 разговорных мини-диалогов, где в качестве ответных реплик были представлены первичные и производные междометные высказывания-реакции. Данные речевые мини-ситуации были озвучены четверью американцами европейского происхождения. Информанты прослушивали каждый диалог только один раз, а затем выбирали один ответ из четырех предложенных вариантов, которые представляли собой апелляцию

к именам чувств или других толкований, перечисленных в традиционных словарях (Longman Advanced American Dictionary и Merriam-Webster's Collegiate Dictionary).

В результате изучения и обработки данных было выявлено, что понимание производных междометий вызвало больше затруднений у информантов, хотя в целом разница в процентном соотношении неправильных ответов по первичным и производным междометиям не представляется значительной (48 % и 52 %). Интересно, что одними из наиболее проблематичных для понимания оказались английские междометия, имеющие сходное звуковое оформление с русскими междометиями, но отличающиеся своими значениями. Например, 18 информантов (90 %) не смогли правильно определить семантическую функцию междометия *phooey* (выражающего разочарование), предположительно соотнеся его с русским «брезгливым» междометием *фу*. Неправильное понимание значения междометия *ugh* (выражающего сильное неудовольствие) — еще один наглядный пример возможного, так называемого, явления интерференции. Напротив, понимание английских междометий со схожим звучанием и семантикой (*aha/aga, okay/okey, hooray/ура, hm/хм и sh/ш*) не вызвало никаких затруднений у информантов.

Просодические свойства английских междометий (интонация и высота тона) значительно усложняли задачу информантов. Так, например, коммуникативно-прагматическая установка и функция междометия *oh dear* диктовалась интонационной конфигурацией тона. Когда это междометное высказывание произносилось низким нисходящим тоном, говорящий выражал свое уныние, а когда это же самое междометие произносилось высоким, восходяще-нисходящим тоном, это сигнализировало о том, что диктор очень удивлен услышанным. Однако 50 % информантов в первом случае ошибочно посчитали, что междометие *oh dear* выразило эмоцию удивления, а во втором случае 35 % информантов неправильно решили, что говорящий был раздражен.

В результате корреляционного анализа данных анкеты, разработанной с целью получения сведений об участниках исследования, и тестовых ответов информантов было выявлено, что такие факторы, как высокий уровень языковой компетентности билингвов, широкий доступ к общению с носителями английского языка и продолжительность проживания в США способствовали хорошему пониманию английских междометий.

Ковалева Светлана Викторовна,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Языковой стресс и языковая биография (на материале карельского языка)

При изучении языковой ситуации в разных районах Республики Карелия и проведении интервью от некоторых представителей среднего поколения карелов (а также представителей более старшего возраста) не раз при-

ходилось слышать о том, что карельским языком они владеют плохо или не владеют совсем. Причиной явился испытанный в школьные годы языковой стресс. Попадая в русскоязычные учебные заведения из карельских семей со знанием только родного языка, дети были вынуждены полностью переучиваться, менять свое языковое сознание. Языковые табу остались в памяти людей на уровне приобретенного инстинкта самосохранения. В результате в семьях нарушилась языковая трансмиссия, произошла утрата передачи языка от старшего поколения к младшему. Последствия языкового стресса можно классифицировать следующим образом: 1) довольно часто слабое (чаще всего пассивное) владение карельским языком; 2) утрата передачи языка следующему поколению; 3) нежелание говорить на карельском языке (в случае владения им) или отказ учить язык (в случае незнания языка) в современных условиях, когда не существует запретов на изучение языка, создана сеть языковых курсов и т. д.

Курбанова Камилла Искандеровна,

к. ф. н., преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Социолингвистическая ситуация в Валь д'Аосте

В Валь д'Аосте, пограничной области на северо-западе Италии, развито многоязычие или, по меньшей мере, трехязычие: вальдостанцы являются носителями итальянского, французского и франкопровансальского языков. С 1948 г. Валь д'Аоста пользуется автономным статусом, установленным конституцией Италии, в соответствии с которым в этом регионе официально признаны два языка — французский и итальянский. Паритет французского и итальянского языков установлен законодательно, публикуемые документы должны составляться на обоих языках (за исключением судопроизводства, в котором только итальянский имеет юридическую силу), административные работники должны быть вальдостанцами или представителями других областей Италии, владеющими французским языком и т. д. Специальный статут Валь д'Аосты (*Statut spécial de la Vallée d'Aoste / Statuto speciale della Valle d'Aosta*) предусматривает двуязычное обучение в начальных и средних школах, где должно отводиться равное количество часов преподавания на французском и итальянском языках.

Что касается франкопровансальского языка, то он, как следует из вышесказанного, не является официальным, в некоторых школах франкопровансальский изучается как факультативный, административная документация не ведется на этом языке, тем не менее существуют центры по сохранению культурного и лингвистического наследия Валь д'Аосты в целом и франкопровансальских говоров в частности, например, BREL (*Bureau régional pour l'ethnologie et la linguistique*). Однако законодательно закрепленное и фактическое положение языковой системы в Долине Аосты не соответствуют друг другу.

Целью настоящего доклада является определение фактической языковой ситуации, описание функционального распределения языков на территории Валь д'Аосты, а также выявление социальной иерархии этих языков.

Леонтьев Виктор Владимирович,
к. ф. н., доцент, Волгоградский государственный университет

Двуликий жанр «Compliment» в английской лингвокультуре

Взаимодействие коммуникантов строится с жестким учетом речевых жанров, под которыми мы понимаем «модели вербально-знакового оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей — категории, которые позволяют связать социальную реальность с реальностью языковой».

Комплименты по определению культурно-специфичны. Культурная ценность данного типа высказываний нашла свое отражение уже в самых ранних работах, посвященных семантическому и прагматическому анализу комплиментов. В них комплименты названы «зеркалом культурных ценностей».

Речевой жанр «Compliment» напрямую связан с изменяющимися со временем нормами вежливости в конкретной национальной культуре. Культуры не однородны, и в пределах любой культуры имеют место различия в понимании того, что составляет (не)вежливое вербальное/невербальное поведение.

Социальный феномен лингвистической вежливости — это прагматический инструмент сохранения социальных лиц коммуникантов, объединяя различные «средства минимизации риска конфронтации между участниками дискурса, минимизации <...> возможности возникновения подобной конфронтации в принципе <...> и возможности интерпретации указанной конфронтации как ликоущемляющей».

Речевой жанр «Compliment» представляет интересный объект для изучения совместных речевых действий коммуникантов по созданию, укреплению, поддержанию, воспроизводству и трансформации межличностных отношений в ходе повседневной деятельности в английской лингвокультуре, обозначаемых в западной прагмалингвистике термином «relational work» и охватывающих вежливые, невежливые и грубые речевые действия.

Отношения в итоге вербализации комплимента могут как улучшиться, так и ухудшиться. Носители английского языка чаще всего вербализуют комплименты ради улучшения, укрепления отношений с адресатами, но свободные в своей реакции адресаты могут не принять комплименты, отклонить их или переадресовать адресанту. В данном случае отношения коммуникантов ни улучшатся, но и не ухудшатся. Если адресант стремится оскорбить адресата, нанести урон его лицу, но не хочет делать это явным способом, тогда речевым инструментом невежливого адресанта может стать комплимент как косвенное средство иронии, сарказма или оскорбления.

Типичным случаем вербализации традиционного комплимента, направленного именно на укрепление отношений с адресатом, выступает следующий коммуникативный контекст: муж говорит своей жене комплимент по поводу продемонстрированного ею актерского мастерства в спектакле, в котором он выступил режиссером. В ответ жена также говорит комплимент относительно профессионального мастерства мужа: «*“It looks like a winner all right”. He threw his arms round her and kissed her. “By God, what a performance you gave”. “You weren’t so bad yourself, dear”*» (S. Maugham).

Мнимые комплименты могут быть применены для сокрытия интенционального состояния адресанта — субъекта мягкой, шутливой иронии.

Основными индикаторами иллокутивной силы в данном случае можно считать просодические средства, в частности, интонацию. Проанализируем комплимент, направленный адресантом с более низким социальным статусом высоко-статусному адресату (что нарушает привычное статусное положение при вербализации комплиментов в английской культуре): «*...Sue told me, sir, you're marvellous at getting criminals off*». «Really? She's too kind» (J. Mortimer). Адресант позволяет себе незлобно поиронизировать над адресатом (адвокатом, ведущим его уголовное дело), пытается «слегка видеоизменить» поведение собеседника, не переходя, тем не менее, в роль неискреннего льстеца, и заслужить в итоге доверие адресата.

Моисеенко Анна Валерьевна,

к. ф. н., доцент, Череповецкий государственный университет

Эколингвистические принципы характеристики газетного текста

В настоящее время наблюдается процесс экологизации различных отраслей знания, включая лингвистику. В фокусе отечественных и зарубежных эколингвистических исследований находятся следующие аспекты: 1) сохранение многообразия языков; 2) экологические концепции овладения языком и обучения иностранным языкам; 3) деградация и загрязнение речи носителей того или иного языка; 4) языковые особенности текстов, посвященных экологическим проблемам окружающей среды; 5) лингвистические аспекты экологической рекламы.

Таким образом, эколингвистический подход постепенно дифференцируется в своей методологии, объектной и предметной областях; реализуется в разнообразных направлениях. Принципиальным, на наш взгляд, становится вопрос более тесного взаимодействия лингвистики и экологии в области терминологии и методологического инструментария.

В связи с этим в настоящей работе представлены три основных эколингвистических принципа анализа газетного текста: 1) принцип эмерджентности, 2) принцип взаимодействия системы и окружающей среды, 3) принцип токсиканта. Для исследования выбраны британские и российские газеты, представляющие свои материалы на интернет-сайтах, имеющие большой тираж и освещающие широкий круг тем: «Российская газета», «Новая газета», «Коммерсант», «Аргументы и факты», «Экспресс», «The Guardian Weekly», «The Daily Telegraph», «The Daily Mail», «The Daily Express», «The Daily Mirror». Анализируемые статьи указанных выше изданий посвящены украинским событиям.

Эколингвистическое описание газетных текстов проводится в следующей последовательности: дается название экологического принципа или закона, раскрывается его основное содержание, демонстрируется, как тот или иной принцип работает на исследуемом лингвистическом материале. Так, согласно принципу эмерджентности, любая система представляет собой объединение с определенной структурой, открытыми внешними границами и особыми свойствами. Особыми характеристиками анализируемых текстов с точки зрения эколингвистического подхода являются их многокомпонентность, иерархичность, незамкнутость, подвижность внешних и внутренних границ.

Согласно принципу 2 между окружающей средой и важным общественно-политическим событием (события на территории Украины), и тем, как это событие освещается в материалах русскоязычных и англоязычных газет, имеется двунаправленная связь. С одной стороны, событие определяет выбор лексем, в частности, формирует ряды контекстуальных синонимов в газетах, с другой стороны, язык статей, употребляемые языковые средства оказывают влияние на читателя, формируя его позицию по отношению к происходящему.

Принцип 3 позволяет определить коэффициент насыщенности анализируемых текстов стилистически сниженными единицами — процентное соотношение между количеством стилистически отмеченных лексем и общим количеством единиц в газетном тексте. Исследование показало, что и русскоязычные, и англоязычные газеты не прибегают к агрессивному использованию сниженных элементов, тогда как отдельные коллоквиальные и субстандартные лексемы расставляют акценты и вызывают эмоциональный отклик у читателей.

Моцева Светлана Васильевна,

к. ф. н., доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет

Перлокутивный эффект: выбор речевых стратегий (на материале политического рекламного дискурса)

Рекламный дискурс, являясь разновидностью институционального общения, направлен на то, чтобы побудить адресата к необходимому для адресанта действию. В соответствии с предметом рекламы представляется возможным выделить три вида рекламного дискурса: коммерческий, социальный и политический, каждый из которых обладает своими ценностями, обусловленными разницей базовых концептов.

Под политической рекламной коммуникацией мы понимаем совокупность медиа-текстов разных жанров, сконцентрированных вокруг определённого политического события; формой, которая объединяет политический дискурс и дискурс средств массовой информации. Принято считать, что интенциональную базу политического дискурса составляет борьба за власть, что предопределяет его основные функции и способы их реализации, т. е. речевые акты, стратегии и тактики.

Рекламный текст (вербальный и невербальный его компоненты) выполняет не одну, а несколько функций. Исследование указывает и на довольно активное сочетание типов речевых актов в рамках одного рекламного текста. Использование того или иного типа речевого акта либо их сочетаний в рекламном сообщении не является спонтанным выбором, поскольку данный выбор должен соответствовать определенной коммуникативной ситуации и иллокутивной цели высказывания.

Поскольку интенциональную базу политического рекламного дискурса составляет борьба за власть, это условие и предопределяет основные функции и способы реализации, речевые стратегии и тактики, обращение к тем или иным речевым актам. В качестве основного подхода к разделению речевых актов на группы, которые характеризуются определенными

общими признаками и отражают тот или иной аспект вербальной коммуникации, принимается иллюкутивно-перформативный подход, представляющий распределение речевых актов в определенные классы в соответствии с иллюкутивной силой входящих в них высказываний. Интенция адресанта может быть выражена с помощью перформативного глагола, который находится на поверхностной структуре высказывания либо в глубинной структуре высказывания. Поскольку перформативный глагол является тестером типа речевого акта, то в нашем исследовании мы учитывали способность некоторых перформативных глаголов номинировать несколько речевых намерений; решающим фактором при распределении речевых актов в классы на основе иллюкутивно-перформативного подхода является основное лексическое значение глагола.

Анализируя рекламные тексты, мы принимаем во внимание тот факт, что высказывание выступает одновременно в качестве продукта речевого акта и в качестве инструмента достижения цели.

В зависимости от условий совершения речевого акта он может считаться успешным или неуспешным. В ходе исследования условия успешности коммуникативного акта было установлено, что многие из данных условий связаны с адресатом, а цель коммуникативного акта определяет адресант [Гордон, Лакофф, 1985]. Автор текста моделирует типового адресата, осуществляя коммуникативный акт, рассчитанный на определенную целевую аудиторию.

Анализ источников дает нам основание констатировать тот факт, что конечная цель рекламной коммуникации, в том числе и политической, — это интенция директивности, т. е. «заставить» адресата выполнить некое действие. В этом случае обращение к различным речевым актам и их сочетаниям в рамках высказывания является промежуточным шагом для реализации основной интенции — директивной.

Очевиден и тот факт, что исследования рекламного дискурса должны базироваться на принципах полимодусности, что предполагает использование научного инструментария не только традиционной филологии, но и социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, семиотики и ряда других научных направлений, что объясняется многогранностью и неоднозначностью такого явления, как рекламная коммуникация.

Литература:

Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 276–302.

Павлова Дарья Сергеевна,

аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Научный руководитель: Ерофеева Е. В., д. ф. н., профессор

Зависимость семантической структуры текста от социальных параметров говорящих

Интерес к семантической структуре текста отмечается в последней трети XX в. как среди лингвистов, так и среди психологов, специалистов по информатике и др. Под семантической структурой текста мы подразумеваем

совокупность важных тем (полей) и подтем текста, семантических единиц, реализующих эти подтемы (поля) и разнообразных связей (семантических и грамматических) между единицами и темами/подтемами.

Работа посвящена исследованию ядра семантической структуры устных спонтанных текстов одного типа и одной темы и определению границ варьирования семантической структуры спонтанных монологических текстов в текстах разных индивидов, в том числе — социального варьирования (для начала были взяты параметры «гендер» и «образование», в дальнейшем планируется увеличение числа изучаемых текстов и рассматриваемых параметров).

Для пилотного эксперимента были взяты расшифровки аудиозаписей 8 спонтанных устных монологов «О себе» из архива лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета. Социальные характеристики информантов, которые являются авторами изучаемых текстов, сбалансированы по факторам «гендер» (мужчина, женщина) и «образование» (высшее, среднее). Фактор «возраст» нами нивелировался, т. к. все информанты принадлежат к одной возрастной группе — 35–44 года.

Анализ предварительного эксперимента показал, что есть семантические поля, на которые, вероятно, не распространяется влияние фактора «образование», например, поля ЧЕЛОВЕК, ПОЛ/ВОЗРАСТ, МЕСТО: количество информантов, которые выделили эти поля в текстах, не различается у лиц со средним и высшим образованием.

Несмотря на маленький объем исследуемых текстов, можно выявить *тенденции* влияния фактора «образование». В ядро семантической структуры текста поле РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ вошло только у информантов с высшим образованием. Скорее всего, для людей с высшим образованием связь с родственниками, близкими, ощущение себя частью семьи важнее, чем для людей со средним образованием. Однако для людей со средним образованием важнее оказываются отношениями не с родственниками, а с друзьями. Об этом свидетельствует тот факт, что поле ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в ядре семантической структуры текста встречается только у людей со средним образованием.

В ядро семантической структуры текстов только людей с высшим образованием вошли поля КУЛЬТУРА и ОБРАЗОВАНИЕ. Вероятно, образование сильно влияет на потребность человека в духовном и культурном развитии.

Поле Я чаще встречается в ядре семантической структуры текстов людей со средним образованием, их тексты более эгоцентричны. На наш взгляд, образование может сильно влиять на уровень эгоцентризма текста.

Влияние фактора «гендер» не так заметно, как влияние фактора «образование» (на маленьком объеме текстов сложно определить тенденции влияния). Тем не менее видно, что поле Я встретилось в ядре семантической структуры текста чаще у женщин, т. е. тексты женщин чуть более эгоцентричны. Возможно, женщинам важнее «вписать себя» в окружающую действительность, определиться со своей ролью в жизни.

Кроме того, только в текстах мужчин как ядерные реализованы семантические поля ВОЕННАЯ СЛУЖБА, ОЦЕНКА, КАЧЕСТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, ВРЕМЯ, СУЩЕСТВОВАНИЕ. С одной стороны, мы наблюдаем в этом отражение опыта социальной группы, с другой — внимание к осмыслению философских основ жизни.

Интересно, что деятельность также осмысливается мужчинами и женщинами по-разному: мужчины включили в ядерную зону всякую АКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, в то время как женщины скорее делают акцент на ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ и ДОСУГЕ.

На основании проведенного предварительного анализа семантической структуры текстов можно говорить об устойчивой и вариативной частях структуры.

Пахолкова Лия Михайловна,

к. ф. н., доцент, Череповецкий государственный университет

Сопоставительный анализ прилагательных в аспекте номинации беженцев (на материале СМИ РФ, США и ФРГ)

Изучение имени прилагательного в лингвистике происходит с разных позиций. В нашей работе мы рассматриваем прилагательное как элемент номинации, содержательным аспектом которой является обозначение объектов окружающего мира. Формальный аспект номинации включает языковые средства, осуществляющие номинацию. Имя прилагательное является одной из самых многочисленных частей речи после существительного в английском, немецком и русском языках.

В основе семантики прилагательных лежит категория качества. Прилагательное как единица языковой номинации обозначает признак, выделяющий обозначаемое из класса однородных объектов с целью его идентификации. Признак, обозначаемый прилагательным, рассматривается не изолированно, а в составе атрибутивного словосочетания или предиката. Параметры выделения признака обозначаемого связаны с когнитивной деятельностью человека. В разных языках у одного и того же объекта номинации выделяются разные признаки и соответственно разные языковые средства обозначения. Сопоставление позволяет выявить различные типы номинаций одной и той же реалии в разных языках.

Важная роль в обозначении беженцев принадлежит атрибутивным конструкциям, поскольку номинация считается производной атрибуции, а атрибутивная функция является первичной функцией прилагательных как части речи. Атрибутивные конструкции представляют собой словосочетания с существительным в качестве опорного слова и осуществляют полиноминацию: номинацию лица и признака. Опорным существительным атрибутивного словосочетания в английском, немецком и русском языках в нашем исследовании является «Flüchtlinge, беженцы, refugees». На базе текстов СМИ РФ, США и ФРГ исследовались параметры номинации беженцев именами прилагательными, функциональные характеристики атрибутивных конструкций и предикатов, в состав которых входят прила-

гательные. Прототипическим значением прилагательного является обозначение признака не только как качества, свойства, но и как отношения, определяющего мнение об обозначаемом. В дискурсе прилагательные рассматриваются как обозначения признака и как знаки оценки. Оценочность связана с языковой личностью и социальным контекстом.

Разумова Лина Васильевна,

к. ф. н., доцент, Забайкальский государственный университет (Чита)

Структурно-семантические особенности категории числа существительного в квебекском разговорном конце XIX столетия

Известно, что категория числа во французском языке имеет свою собственную специфику, которая проявляется на уровне ее а) семантики, б) формально-морфологических средств выражения, в) соотношения лексического и грамматического в категории числа. Помимо этого, названные аспекты проявления категории числа во французском языке по-разному проявляют себя в *письменной* и *устной* речи.

Так, с формально-морфологической точки зрения во французском языке в *письменной речи* основным способом выражения категории числа является *агглютинация -s* к форме существительного в единственном числе. Производными (периферийными) выступают *внутренняя флексия, аналитический способ* выражения числа при помощи служебных слов, *супплетивизм* (homme-gens).

В *разговорной речи* существенно меняется частотность данных способов выражения категории числа. Во французской разговорной речи, ввиду неизменяемости имени значение числа выражается за пределами слова, выводя в качестве ведущего способа выражения числа *аналитический*. Агглютинация, внутренняя флексия и супплетивизм выступают как периферийные способы образования числа. Таким образом, в разговорной речи происходит перемещение периферийных для письменной речи способов выражения данной категории, и в частности аналитического, к центру и смещение центра к периферийным зонам.

Анализ «Глоссария французского языка в Квебеке» 1930 г. показывает, что, наряду с традиционным морфологическим способом выражения числа при помощи внешней флексии *-s* от формы единственного числа (un ami — des amis, une amygdale (=amygdale) — des amydales, une maison — des maisons), в группе дискретных существительных с внутренней флексией *-al* отмечаются случаи унификации окончаний:

- 1) по ядерному словоизменительному типу образования множественного числа от формы единственного числа при помощи флексии *-s*. Форма единственного числа выступает при данном словоизменительном типе как немаркированная: un banal / des banal-*s*, un confessional / des confessional-*s*; un fanal / desfanal-*s*, un animal / des animal-*s*.
- 2) либо по типу образования единственного числа от множественного числа. Немаркированной в данной группе существительных выступает фор-

ма множественного числа: un **bocaut** / des **boc-**aux****; un **animau**, **alimau** / des **anim-**aux****, **alim-**aux****, **boeu** / — (Glossaire, 1930). Можно заметить, что графически суффикс множественного числа **-aux** передается в единственном числе в Глоссарии 1930 г. при помощи графем **-aut**, **-au**, **-ø**, первые из которых выступают его графическими аппроксимациями.

В квебекском разговорном рассмотренные подтипы образования числа с основой на **-I** сохраняются вплоть до конца XIX — начала XX вв. и, следовательно, выступают в качестве пережитков прежних языковых состояний французского языка. Их фиксация в квебекских словарях и глоссариях конца XIX — начала XX вв. позволяет восстановить словоизменительные типы существительных с основой на **-I**, характерные для узуса среднефранцузского периода. К ним относятся:

- 1) существительные, сохраняющие как в единственном, так и во множественном числе корневой **-I**: un **banal** / des **banals**, un **confessional** / des **confessionals**; un **fanal** / des **fanals**;
- 2) существительные, в которых в результате последующей вокализации корневой **-I** не сохраняется ни в единственном, ни во множественном числе: un **bocaut**/des **bocaux**. К этому типу образования числа относятся и итальянские заимствуемые диминутивы на **-el**: **cisau**/cisaux > **ciseau**/ciseaux.
- 3) существительные, образующие множественное число как от формы с корневой **-I** (un **animal** — des **animals**), так и от ее вокализованного варианта без **-I** (un **animau**, **alimau**/des **animaux**, **alimaux**);
- 4) существительные с неполной и незавершенной парадигмой числа; такие существительные имеют только одну форму числа. Ее сравнение с современной парадигмой числа соответствующего имени говорит о том, что процесс выбора единой формы числа не завершен. Таков, например, случай слова **boeu**, которое в квебекском разговорном имеет только форму единственного числа.

Руднева Екатерина Алексеевна,

аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Стратегии вежливости и властные полномочия: осуществление директивных речевых актов на рабочем месте

Разработка универсальной теории вежливости П. Браун и С. Левинсоном [Brown, Levinson, 2008 (1978)] послужила толчком к проведению многочисленных исследований частотных речевых актов (РА) в разных культурах [1]. Как правило, в рамках контрастивной прагматики объектом исследований становились не реальные речевые отрезки, а единицы, полученные в ходе анкетирования (см., например: [Blum-Kulka, Olshtain 1984]). В конце 1990-х — начале 2000-х гг. был задан вектор смены парадигмы в прагматических исследованиях. В центре внимания оказываются отрезки реального дискурса, а также их интерпретация и восприятие носителями языка (что в современной литературе принято называть *politeness*, см., например: [Watts 2003; Journal of Politeness Research 2008–2014]). В докладе

будут рассмотрены примеры директивных речевых актов одного человека (руководителя небольшой компании), обращенных к различным собеседникам. Этот материал является частью корпуса аудио- и видеозаписей, сделанных для объемного исследования вежливости в русскоязычной культуре. При анализе материала соединены различные подходы к изучению вежливости: дискурсивный, с максимально полным учетом контекста ситуации, и «универалистский», основанный на классической модели [2] Браун и Левинсона [Brown, Levinson, 2008]. При этом помимо лексико-грамматического компонента внимание уделяется просодическому (о роли просодики в интерпретации (не)вежливости в английском и романских языках см.: [Culpeper, 2011; Journal of Politeness, 2014]). Зачастую именно от интонации и зависит то, как будет воспринят директивный речевой акт — как просьба или как указание. На осуществление директивных РА влияет особенность взаимодействия в рамках рабочего процесса данной компании: достаточно авторитарное управление компанией сочетается с приятельскими отношениями между руководителем и некоторыми подчиненными. В общении выделяются ролевой и личностный компоненты; для первого характерны прямые РА с подчеркиванием статуса говорящего, для второго — солидарные стратегии вежливости. Материал демонстрирует вариативность осуществления директивных РА в зависимости от следующих факторов:

- 1) статуса собеседника (младший подчиненный/ старший подчиненный/ человек с более высоким статусом в данной ситуации, в частности — представитель государственного проверяющего органа);
- 2) формальности ситуации общения (неформальное общение/ повседневное рабочее взаимодействие/ официальное совещание/ проверка государственного органа);
- 3) предмета просьбы/указания (просьба личного характера/ дополнительное рабочее задание/ однозначно рабочая обязанность).

Литература:

1. Blum-Kulka S., Olshtain E. Requests and Apologies: A Cross-cultural Study of Realization Patterns (CCSARP) // *Applied Linguistics* 5(3), 1984. Pp. 196–213.
2. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008 (1978).
3. Culpeper J. “It’s not what you said, It’s how you said it!”: Prosody and impoliteness. // *Discursive Approaches to Politeness*. Ed. by LRPG. Berlin; Boston, 2011. Pp. 57–83.
4. *Journal of Politeness Research: Language. Behaviour. Culture*. Ed. by Grainger K. De Gruyter Mouton, 2003–2014 (2 выпуска в год).
5. *Journal of Politeness*. Vol. 10. Special Issue: The prosodic expression of linguistic impoliteness in Romance Languages. Ed. by Grainger K. De Gruyter Mouton, 2014.
6. Watts R. J. *Politeness*, Cambridge, 2003.

Примечания:

- [1] См., напр., библиографию новейших работ по разным речевым актам: <http://www.carla.umn.edu/speechacts/bibliography>.
- [2] В т. ч. используется формула расчета угрозы социальному лицу: $W = D(S,H) + P(H,S) + R$, где W — весомость РА, угрожающего СЛ, D — социальная дистанция между собеседниками, P (relativepower) (S на H) — относительная сила — мера оценки H своих планов и своего СЛ по отношению к планам и СЛ S .

Солдатова Дарья Николаевна,
старший преподаватель, Военный Университет Министерства Обороны
Российской Федерации (Москва)

Попытки создания единого литературного языка в Норвегии

Языковая ситуация Норвегии обусловлена культурно-историческим развитием. Во время унии с Данией во всех официальных сферах использовался датский язык, особенно в письменной форме. Первая половина XIX в. — это расцвет национал-романтизма в Европе, который характеризовался ростом национального самосознания, подъемом национально-освободительного движения, а также интересом к родному языку. Все это побуждает некоторых деятелей культуры, представителей интеллигенции к сознательному и целенаправленному решению проблем стандартизации и кодификации норм литературного языка в Норвегии. Решение вопроса о национальном языке сопровождалось активными дебатами и спорами. Было предложено два пути для создания собственного литературного языка.

Первый — это норвегизация датско-норвежского языка, второй — создание новой собственно норвежской письменной нормы на основе диалектов. Несмотря на то, что все старания интеллигенции были направлены на создание единого литературного языка, сами носители по большей части стремились сохранить свои этноязыковые особенности.

В 1905 г. Норвегия получила полную самостоятельность от Швеции и стала независимым государством. В связи с тенденциями к созданию отдельного государства общество охватывает идея о том, что в едином государстве должен быть единый, общий для всех литературный язык. Таким образом, в Норвегии начинают говорить о сближении двух вариантов письменных литературных норм вплоть до их полного слияния в единую норму — это направление получило название «идеологии самнорска».

История норвежского языка в первой половине XX в. — это череда реформ правописания (1907, 1917 и 1938 гг.), нацеленных на устранение специфических датских черт, сближение риксмолы и ландсмолы и слияния их в самнорск.

Переломным моментом стала Вторая Мировая война. В Норвегии в первые годы после войны в языковой ситуации можно отметить две тенденции. Первая касалась реформы 1938 г., главным результатом которой стало то, что в каждом варианте письменной нормы возникли два подтипа — радикальный и консервативный. Радикальные подтипы букмолы и новонорвежского достаточно близки друг другу и включают большое количество диалектных слов и грамматических форм; консервативные подтипы, напротив, сохраняют традиционные формы. Вторая тенденция касалась падения популярности новонорвежского языка. Если в 1941 г. 34,1 % учащихся школ Норвегии обучались этой литературной норме в качестве основной, и вплоть до 1944 г. отмечался устойчивый рост числа сторонников, то к 1961 г. число сократилось до 20,5 %, к 1971 г. — до 17 %, а к 2005 г. — до 14 %.

В начале 1960-х языковая борьба начала спадать. Идея сближения двух языковых форм стала отходить на второй план. В 1964 г. министерство по делам церкви и образования учредило комитет, который должен был курировать языковую ситуацию и способствовать установлению мира между противоборствующими сторонами. Комитет получил имя по имени своего председателя профессора Ханса Вогта — комитет Вогта. В 1970 г. Стортинг вынес решение о создании Норвежского языкового совета. Основной целью совета стало сохранение существующей языковой традиции и достижение стабильности языковой ситуации в стране.

На сегодняшний день языковая ситуация в Норвегии более или менее стабилизировалась, но противоборствующие организации продолжают свою деятельность. Особая активность наблюдается в лагере сторонников новонорвежского языка. Они борются за реальное равноправие между новонорвежским и букмолем.

Итак, унифицировать, а затем и кодифицировать единый литературный язык норвежцам не удалось. Королевство Норвегия — относительно молодое государство, становление которого сопровождалось больше поиском норвежцами собственной идентичности и противопоставлением собственного языка и культурного наследия, в первую очередь, Дании, чем стремлением создать единый литературный язык, и это привело к усилению статуса диалектов.

Хабибуллина Альфия Марселевна,
аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Английский язык в комментариях к русским и арабским блогам
(на материале российских и ливанских блогов)

Возможно, самая важная черта блогосферы — это наличие комментариев. Они являются продолжением записей блога, а также частично характеризуют его аудиторию. Мы рассмотрели десять наиболее популярных блогов России и Ливана и сделали попытку проанализировать одну из лингвистических особенностей комментариев. Одной из отличительных черт ливанской блогосферы является комментирование на английском языке, либо на смеси английского и арабского. Причиной данного явления считают историю становления блогов в арабском мире.

Первые блоги появились в США, и изначально их языком был английский. В связи с техническими сложностями передачи арабского шрифта, а также нацеленностью первых блогеров на иностранную аудиторию, это был первый и долгое время единственный язык блогосферы в арабских странах, что наложило особый отпечаток на языковую ситуацию в арабской блогосфере. Кроме того, ливанская система высшего образования предполагает обучение на английском языке. Как показывает статистика, большинство ливанских блогеров — образованные люди с доходом выше среднего в стране. Комментируя на английском языке, адресант реализует опознавательную функцию языка, признаёт статус адресата. Английские фразы используются в комментариях к полностью арабоязычным запи-

сям, причем нередко комментирующие смешивают ливанский диалект, записанный латинской графикой, называемой арабизи (Zarabeezi — особая смесь латинских букв и цифр, используемая арабами для передачи своего диалекта или современного литературного арабского языка отчасти как наследие того периода, когда большинство компьютеров не поддерживали арабский шрифт, отчасти в силу отсутствия арабской клавиатуры), и собственно английские фразы.

Исследования арабской блогосферы, проведенные некоторыми зарубежными учёными показывают, что английский язык для большинства блогеров, пишущих на английском языке, не являясь его носителями, обладает большей степенью престижа [Al-Arfaj]. Этот факт справедлив и в отношении людей, комментирующих блоги. Использование местного диалекта добавляет эмоциональной выразительности, и, чтобы одновременно достичь выразительности и подчеркнуть свой социальный статус, люди пишут смешанные комментарии.

Носители русского языка, благодаря отсутствию технических препятствий, сразу смогли выражать себя в блогах на родном языке. Первоначально среди русскоязычных пользователей интернета было много эмигрантов, проживающих в США и Израиле. Они привнесли в язык Интернета немало англоязычных заимствований, однако писали на кириллице. Как и в Ливане, в России большинство блогеров — образованные люди с доходом выше среднего. В русской и российской блогосфере есть лишь малое число блогеров, пишущих на английском языке. Тем не менее анализ комментариев показал, что к полностью русскоязычной записи может быть оставлен комментарий на английском языке. В большинстве случаев на английском языке были написаны оскорбления, причем часто с ошибками. Таким образом, применение английского языка в комментариях русских блогов характерно для адресанта с деструктивной стратегией поведения. При этом, также руководствуясь соображениями «престижа» английского языка, агрессивно настроенный адресант пытается дистанцировать себя от адресата. Кроме того, были замечены одиночные номинативные конструкции, такие как «PROFIT», «Fail», «Win», связанные с оценочными суждениями. Эти слова являются заимствованным языковым шаблоном англоязычного Интернета. Итак, в ливанских и в русских блогах встречаются комментарии на английском языке, часто написанные по соображениям престижа, при этом языковые стратегии комментирующих разнятся.

Литература:

Al-Arfaj A. In Pursuit of a Public: Following Khaleeji Women in the Blogosphere // University of Minnesota Digital Conservancy. URL: http://conservancy.umn.edu/bitstream/92948/1/Al-Arfaj_Amna_June2010.pdf [свободный]

РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА

ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА)

Александрова Тамара Николаевна,

к. ф. н., доцент, Вологодский государственный университет

Особенности номинации лиц в новостном тексте (на материале немецкого языка)

Коммуникативная функция языка немыслима без номинации, которая, по определению Г. В. Колшанского, есть «закрепление за языковым знаком понятия «сигнификат», отражающего определенные признаки денотата — свойства, качества и отношения — предметов и процессов материальной и духовной сферы, благодаря чему языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации» [Соотношение субъективного и объективного факторов в языке, 1975. С. 101]. Происходит связывание языковых единиц с экстралингвистическими объектами. Условия материальной и социальной жизни носителей языка отражаются самым естественным образом в лексике. И эта связь обнаруживается в новостном тексте наиболее отчетливо. Отличительной особенностью новостного текста современных газетных публикаций, в частности, *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (Aktuelle Nachrichten online — FAZ.NET) является наличие новостных сообщений в виде креолизованных текстов, в которых реализуется интенция адресанта как с помощью вербальных, так и невербальных средств. Для заголовочного комплекса, состоящего из двух компонентов: заголовка как опоры (логического лица) и подзаголовка в виде вклада, признака опоры в широком смысле, выполняющего номинативную, информативную и прагматическую функции, характерна концентрация главной смысловой нагрузки: первичная номинация актуального события. Эта часть текста возникает и существует из потребности развития текстового целого в процессе взаимодействия и упорядоченной связи явлений действительности. В информационном тексте сложился особый порядок введения личных номинаций. Лицо, будь то глава государства или ведомства, организации вводится в заголовок, как правило, собственным личным именем, называется фамилия: *Putin zum Ukraine-Konflikt*; *Merkel und Steinmeier in der Ukraine-Krise*, что характерно также для надписей под фотографиями и другими изображениями. Денотат может быть обозначен нарицательным именем, названием должности: *Der Bundespräsident*; *Der Chef des*

Kremls. Подзаголовок новостного текста обычно содержит одно собственное личное имя-фамилию: Generaldebatte im Bundestag *Merkel greift Putin an*; Großbritannien und die EU Droht *Cameron* aus Verzweiflung?

Для подзаголовка характерно выражение субъективного отношения журналиста к номинатам, используются нарицательные имена с определением: Putin und Erdogan *Zwei zornige Männer*. В ткань текста вводятся нейтральные номинации, называющие официальный статус лица как руководителя страны, правительства, организации и т. д.: Frankreichs Präsident François Hollande; Kanzlerin Angela Merkel; Nato-Generalsekretär Jens Stoltenberg. Наричательные личные имена выполняют функцию детерминации. Рекуррентны как согласованные определения в препозиции (derrussische OSZE-Botschafter Andrej Kelin; der ukrainische Staatschef Petro Poroschenko), так и несогласованные определения (в постпозиции) для именуемого лица: Michael Bociurkiw von der Organisation für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa (OSZE); Alexej Miller, der Gasprom-Vorstandsvorsitzende. Обособленное определение обычно связано с большей смысловой значимостью. Коммуникативно-прагматические факторы обуславливают использование экспрессивно-оценочных личных именованных, выраженных нарицательными и собственными именами: *Ludwig Stiegler, damals an der Spitze der Fraktion, nannte Bushs "Washington" das "neue Rom". Derpassionierte Altsprachler: "Bush benimmt sich so, als sei er der Princeps Caesar Augustus und Deutschland die Provincia Germania."*

Литература:

Соотношение субъективного и объективного факторов в языке. М.: Наука, 1975. С. 101.

Астахова Татьяна Николаевна,

аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Типы оценочных значений в эвиденциальных высказываниях
(на примере немецких медиатекстов)

Семантическая характеристика категории эвиденциальности определяется как ссылка на источник информации. Журналисты в своих статьях приводят значительное количество ссылок на известных политиков, общественных деятелей, информационные агентства и др., поэтому категория эвиденциальности является неотъемлемой составляющей медиатекстов.

В эвиденциальных высказываниях довольно часто реализуются различные типы оценочных значений. Это могут быть общеоценочные и частнооценочные значения, выраженные явно или скрыто.

Значение «инференциальность» предполагает, что говорящий делает логический вывод с высокой степенью уверенности, при условии, что в контексте присутствуют основания для данного вывода. Так, в предложениях с данным значением, выраженным с помощью конструкций *drohen + zu + инфинитив*, *versprechen + zu + инфинитив*, субъект оценки представлен имплицитно (под ним подразумевается журналист), а оценочность может выражаться явно и скрыто. Приведем пример, иллюстрирующий данное

положение: Die 20-Jährige zog sich eine Wirbelverletzung zu und **droht** die Olympischen Winterspiele zu verpassen (Süddeutsche Zeitung Online). Здесь отрицательная оценка выражена явно с помощью глагола *drohen*, а также скрыто — в общем контексте — и в логическом выводе, и в основании для вывода.

Эвиденциальное значение «слухи» предполагает, что источником информации являются лица, которые конкретно не называются. В предложениях с данным значением субъект оценки представлен также имплицитно. Оценка может быть явной или скрытой.

Jetzt wird es **besser**, sagen viele seit dem Sturz von Mohammed Mursi, nur noch ein paar Tage, dann ist es **ausgestanden** (Süddeutsche Zeitung. 10.07.13. S. 8). В данном примере положительная оценка выражена явно. Она проявляется в семантике прилагательного *gut* в сравнительной степени и глагола *ausstehen* в форме причастия II. Под субъектом здесь подразумевается социум.

Значение «цитатив» предполагает, что источником информации являются конкретные лица, документы, организации и др. В предложениях с данным значением оценка может быть явной или скрытой.

Europapolitiker Dietmar Nietan (SPD) **kritisiert**, es sei **enttäuschend**, dass Außenminister Guido Westerwelle immer von wertegeleiteter Politik spreche, den wichtigen Partner Polen aber im Stich lasse, wenn es konkret werde (Spiegel. 20/13.05.2013. S. 16). В данном предложении негативная оценка реализуется явно в модусной части посредством глагола, вводящего косвенную речь (*kritisieren*). В качестве субъекта оценки выступает журналист. Вводя косвенную речь с помощью такой лексической единицы, он предвосхищает отрицательное восприятие информации читателем. Данное значение относится к типу общих оценок. Кроме того, оценка выражается и в высказывании, принадлежащем известному политику — Дитмару Нитану. Он также выступает в качестве субъекта оценки (*enttäuschend*), которая является эмоциональной и относится к типу частнооценочных значений. Обе оценки имеют эксплицитный характер, т. к. выражены с помощью лексических средств с соответствующей семантикой.

Значения «слухи» и «цитатив» являются наиболее распространенными в немецких медиатекстах и составляют 95 % от всех эвиденциальных значений в проанализированных медиатекстах. Значение «инференциальность» встречается лишь в 3 % эвиденциальных высказываний. Исследования показали, что оценочные эвиденциальные высказывания с этими тремя значениями чаще всего встречаются в аналитических жанрах медиатекстов, где они служат для реализации интерпретационной функции массовой коммуникации.

Бейм Виктория Валерьевна,

аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Темпоральность как основная текстовая категория
жанра гороскопа

Материалом исследования в докладе является гороскоп, рассматриваемый как жанр прогностического дискурса. Прогностический дискурс включает в себя тексты пророчеств и предсказаний, политические и эко-

номические прогнозы, прогнозы погоды и гороскопы. Прогностический текст определяется как текст, основная прагматическая установка которого относится к будущему и включает в себя прогноз как тематическое ядро. Темпоральность, таким образом, является центральной характеристикой прогностических текстов, что позволяет рассматривать ее как основную текстовую категорию жанра гороскопа.

Категория темпоральности понимается как сеть отношений, связывающих языковые элементы, включающиеся в передачу временных отношений и объединенные функциональной и семантической общностью. Общий темпоральный контекст текста гороскопа образует заранее определенный временной период, на который дается предсказание. В тексте это отражается в указании даты, входящей в заголовок или представляющей собой подзаголовок, а также в использовании лексических временных указателей, соотношенных с прогнозируемым периодом. Гороскопы могут быть составлены на день, неделю, месяц или год. Языковые элементы, использующиеся в гороскопе, подчинены его главной установке — представить читателям предсказание на будущее.

Структура категории темпоральности в тексте гороскопа рассматривается в работе как функционально-семантическое поле с выделением центральной, промежуточной зон и периферии. К центру такого поля следует отнести формы футурального презенса и футурума как основные грамматические средства со значением будущего в гороскопе. Как показывают результаты проведенного нами количественного анализа, доминирующей временной формой, используемой в гороскопах, является футуральный презенс (его доля варьируется от 45 % от общего количества временных форм в гороскопах женского журнала «Brigitte» до 80 % в гороскопах астрологического журнала «Astroblick»). Формы футурума редко встречаются в текстах гороскопов, лишь в гороскопе на год астрологического журнала «Astroblick» доля футурума является значительной — 11,2 % от общего количества временных форм, т. к. в нем прогноз охватывает большой промежуток времени.

Промежуточную зону темпоральности гороскопа образуют лексико-грамматические средства, также выражающие футуральность. К ней можно отнести придаточные предложения времени, уточняющие временные отношения главного предложения. Большую роль при создании футурального контекста играют лексические указатели времени, благодаря которым предсказываемое событие точнее локализуется во времени. В промежуточную зону темпоральности также входят императивные формы, побуждающие читателя гороскопов следовать советам автора; инфинитивные конструкции со значением цели и обозначающие последующие действия; формы конъюнктива, выражающие пожелания и советы в отношении будущих действий.

На периферии темпоральности текста гороскопа оказываются равноуровневые средства, не выражающие футуральность, но также используемые в текстах гороскопа. Например, в гороскопе часто используются другие значения презенса: инклюзивный презенс — 30 % от всех временных форм

в гороскопах на неделю; качественный презенс — 19 % от всех временных форм в молодежных гороскопах; обобщающий презенс — 17 % от всех временных форм в гороскопах для женщин. Глагольные формы прошедшего времени являются нетипичными для жанра гороскопа и используются редко (до 4 % форм перфекта и до 2,5 % претерита от всех временных форм), однако благодаря им создается ретроспективный взгляд на события прошлого.

Таким образом, темпоральность можно считать основной текстовой категорией гороскопа. Данную категорию логично представить в виде функционально-семантического поля с выделением центральной зоны, промежуточной зоны и периферии.

Боднарук Елена Владимировна,

к. ф. н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Выражение футуральной перспективы в несобственно-прямой речи (на материале немецкого языка)

Несобственно-прямая речь (далее — НПР) служит воспроизведению внутренней речи героя художественного произведения. Она представляет собой синтез речи нарратора и речи персонажа. Речевая интерференция накладывает отпечаток на употребление языковых средств. Так, временные формы используются в НПР обычно из перспективы нарратора, а лексические указатели времени представляют перспективу персонажа. На материале трех романов современных немецких писателей в докладе анализируются грамматические и лексико-грамматические средства, служащие для создания футуральной перспективы в претеритальной НПР.

Самыми частотными формами с футуральной семантикой в претеритальной НПР оказались кондиционалис I и претерит индикатива.

Высокой частотностью характеризуются модальные глаголы. Так, глаголы *sollen* и *wollen* в форме претерита заняли третье и четвертое место. На пятой и шестой позиции оказались претерит и плюсквамперфект конъюнктива. Далее следуют модальные глаголы в форме претерита (*musste*, *konnte*, *könnte*). Употребление других форм носило единичный характер.

Кондиционалис I выступает в претеритальной НПР как средство с наиболее четко выраженной футуральной семантикой. Он также выполняет функцию вычленения НПР из повествовательного потока, является сигналом перехода от речи нарратора к НПР. Это обуславливает высокую частотность формы. Вместе с тем футуральная семантика претерита индикатива зависима от условий контекста, поскольку данная форма может выражать также настоящее время субъекта мысли. В целом, кондиционалис I и претерит индикатива обнаруживают в претеритальной НПР конкуренцию, аналогичную конкуренции футурального презенса и футура I в прямой речи. Обе формы могут выражать одни и те же значения: уверенного и простого/неуверенного предположения, намерения/желания. Обе формы встречаются в сложноподчиненном предложении с придаточным условия, весьма рас-

пространенном в футуральных контекстах НПР. Вместе с тем кондиционалис I встречается в футуральной функции почти в два раза чаще претерита, тяготея к употреблению в простом или матричном предложении. Претерит же обнаруживает предпочтение к использованию в составе придаточного предложения.

Использование модальных глаголов также следует считать характерной чертой НПР. Модальные глаголы благодаря наличию в их семантике антропоморфного компонента практически всегда отсылают к субъекту мысли, способствуя передаче внутреннего состояния героя. Глагол *sollen* в форме *sollte* используется в НПР прежде всего для выражения значения неопределенности в отношении будущего действия, в том числе в предложениях с вопросительной семантикой; реже он встречается для выражения должностования, обращенного к субъекту мысли, а также для выражения желания совершить действие или для подчеркивания неотвратимости будущего действия. Встретилась данная форма и в условном придаточном предложении. Глагол *wollen* в форме *wollte* встречается прежде всего для выражения намерения и желания совершить действие. Глагол *müssen* в форме претерита индикатива был употреблен в первую очередь для выражения значения необходимости, реже для передачи желания или уверенного предположения. *Können* в форме претерита индикатива и претерита конъюнктива чаще всего использовался для выражения возможности действия в будущем, реже для передачи предположения о будущем действии.

Примечателен факт использования в НПР форм конъюнктива с футуральной семантикой. Так, форма претерита конъюнктива чаще всего использовалась в придаточном предложении условия. Она встретилась также в значении предположения, чаще неуверенного (в том числе в предложениях с вопросительной семантикой), а также намерения. Плюсquamперфект конъюнктива чаще всего служил для выражения желания, обращенного в будущее. Данная форма встретилась также в значении предположения и условия. В целом, плюсquamперфект конъюнктива чаще других средств с футуральной перспективой использовался для указания на маловероятный или даже ирреальный характер будущего действия.

Варгина Екатерина Ионовна,

д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

**Наука и власть: к риторической типологии
английского научно-юридического текста**

Цель доклада — определить место научно-юридического текста в риторической типологии жанров. Материалом исследования послужили международные стандарты ISO. Мы строим нашу типологию на основе способности текста вызывать действие и степени авторитарности дискурса, связанной с критерием монологичности/диалогичности.

Мы рассматриваем черты стандартов, характерные как для юридического документа, так и для научного текста. Первые проявляются в струк-

туре документа и в его грамматике (все, что касается регулирования деятельности людей написано в страдательном залоге). Ко вторым относятся следующие черты.

1. Обилие средств, направленных на то, чтобы убедить читателя выполнять стандарты. Эти средства включают в себя как элементы рекламного дискурса в отношении самого стандарта, так и самопрезентацию разработчиков.
2. Обилие средств, направленных на достижение понимания — объяснений. Подвидом объяснений являются рисунки, схемы, чертежи, графики; две системы кодирования — текстовая и визуальная дополняют друг друга.
3. Указания на то, что стандарты основываются на новых достижениях ученых и постоянно обновляются.
4. Обращение к читателю как к коллеге и союзнику, который заинтересован не просто в том, чтобы формально выполнить требования законодательства, но отнестись к делу максимально вдумчиво и творчески. Для этого, кроме собственно нормативной части, стандарты часто содержат приложения, которые имеют подзаголовок “Informative” (для информации, к сведению).
5. Активное использование сослагательного наклонения. Схема действий в определенной ситуации не предписывается, а подается как возможная, она не гарантирует успех, но может оказаться успешной.

Стандарты ISO занимают особое место в системе риторических жанров, они диалогичны во всех смыслах. По способности вызывать действие они попадают в ту же группу, что и деловые документы. По шкале авторитарности они, формально принадлежа к властному дискурсу, в силу особенностей автора, адресата и ситуации общения, занимают позицию, наиболее близкую к неавторитарной, или диалогической.

Варшавская Алевтина Ивановна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Отношение совместности

(на материале английского языка)

1. Отношение совместности рассматривается как грамматическое отношение и сопоставляется с другими синтаксическими отношениями.
2. Синтаксически отношение совместности достаточно широко представлено в системе существительного собирательными именами.
3. В синтаксической системе английского языка оно может быть выражено атрибутивным словосочетанием собирательного существительного и существительного, конкретно называющего объекты, связанные отношением совместности по формуле N of N.
4. Рассматриваются работы отечественных лингвистов, посвященные собирательным существительным (25 единиц).
5. Группа собирательных существительных, а именно существительных, называющих тип объединения людей, или организаций, занимающихся охраной природы (400 организаций).

Вороновская Инна Алексеевна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Коммуникативно-смысловые блоки как структурная основа авторского предисловия к научной монографии

1. Авторское предисловие к научным монографиям по лингвистике как проявление паратекстуальности.
2. Сходство и отличие авторского предисловия к научным монографиям от литературного предисловия, его векторная направленность.
3. Характерные признаки авторского предисловия, такие как прагматичность, аннотирование, тезисность, концептуальность, энциклопедичность, ретроспективность и т. д.
4. Функции авторского предисловия: функция привлечения внимания, фатическая, информативная, интродуктивная, ориентирующая, директивная и другие.
5. Коммуникативно-смысловой блок как типичный структурный компонент научного текста, выражающий «последовательность и логичность мыслительных операций».
6. Коммуникативно-смысловые блоки, характерные для авторского предисловия к научным монографиям, их предметно-денотативное содержание.
7. Вариативность набора коммуникативно-смысловых блоков.
8. Лексические маркеры коммуникативно-смысловых блоков авторского предисловия.
9. Характерные грамматические особенности определенных коммуникативно-смысловых блоков.
10. Отличительные черты авторского предисловия как результат особенностей реализации его текстообразующих категорий.

Горелова Александра Александровна,

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Минченков Алексей Генриевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Структура и актуализация концепта DISRESPECT

Концепт DISRESPECT является одним из ключевых концептов в концептосфере английского языка и обладает определенной спецификой. Эта специфика состоит, прежде всего, в том, что он представляет собой антиконцепт, положительным коррелятом которого является концепт RESPECT. Данный факт важен для изучения указанного концепта. Кроме того, концепт DISRESPECT оказывается одновременно эмотивным и ценностным концептом и имеет сложную (поликонцептную) структуру, включая в себя субконцепты, которые, как правило, актуализируются не все одновременно, а поодиночке или кластерами. Одно из перспективных направлений изучения указанного концепта — это исследование англоязычных текстов

с целью выявления возможных средств актуализации концепта DISRESPECT и анализа контекстов, в которых он актуализируется. Такой анализ позволяет уточнить и дополнить список структурирующих исследуемый концепт субконцептов, описать принципы их комбинаторики, а также проследить, как средства актуализации данного ценностного концепта менялись в диахроническом аспекте, отражая смену ценностных ориентиров англоязычного социума.

Григорьева Любовь Николаевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сопоставительный анализ понятия «вопрос» в немецком и русском языках

В данном докладе внимание уделяется следующим основным моментам.

1. Значению слова «вопрос» и его трактовке в различных словарях (двуязычных и одноязычных немецких и русских толковых словарях, а также в словарях различной тематики — философских, социологических и пр.). Анализируется взаимосвязь значения данного существительного с однокорневым глаголом. Внимание уделяется также связи данной лексемы со значением вопросительных предложений и их интенции. Далее представляется возможность формирования концепта «вопрос», трактовка этого концепта и его целесообразность.
2. Сочетаемостным потенциям существительного «вопрос» в немецком и русском языках в их сопоставлении. При этом учитываются разные типы валентности, прежде всего, атрибутивная и глагольная сочетаемость. При этом может быть отмечена закономерность частотного совпадения словосочетаний в двух сравниваемых языках, т. е. лексически почти тождественные атрибутивные и глагольные словосочетания. Отмечается также определенная привязанность к конкретным текстовым жанрам. Различия же проявляются скорее в их частотности и типичности. В докладе приводятся многочисленные примеры, подтверждающие вышеприведенные факты.
3. Существующим в обоих анализируемых языках устойчивым и фразеологизированным сочетаниям, в том числе пословицам и поговоркам (на материале соответствующих словарей). Здесь также фиксируется закономерность совпадений между обоими языками. Особый интерес, однако, представляют существующие различия, которые способны привести к нежелательной интерференции, как при изучении иностранного языка, так и в практической работе, например, в процессе перевода. Собранный материал, как представляется, может помочь избежать подобных ошибок.
4. Интертекстуальным высказываниям, содержащим лексему «вопрос». Здесь имеются в виду, например, такие немецкие выражения как «Gretchen-Frage» и «Lohengrin-Frage». Под первым из них подразумевается прямой вопрос, требующий от партнера по коммуникации прямого

ответа, которого невозможно избежать. Это выражение первоначально используется в трагедии Иоганна Вольфганга Гёте «Фауст», и его задает главная героиня трагедии Маргарета, называемая всеми Гретхен. Ее вопрос адресован Фаусту и касается его отношения к религии. Второе высказывание связано с оперой Рихарда Вагнера «Лоэнгрин», в которой даже есть ария данного персонажа под таким же названием. Значение этого высказывания трактуется как «запрет на вопрос». Главный герой оперы запрещает своей будущей жене перед свадьбой задавать вопрос о том, как его зовут и откуда он родом, иначе ему придется навсегда исчезнуть из ее жизни. Из соответствующих примеров на русском языке можно привести широко известную цитату из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет»: «Быть или не быть, вот в чем вопрос».

Вышеприведенные высказывания анализируются в докладе на материале их конкретных речевых реализаций с приведением собранных примеров. Данные интертекстуальные высказывания рассматриваются также на материале текстов разной жанровой принадлежности. При этом проведенное исследование показывает, что подобные интертексты чаще всего используются в текстах современных немецких и русских средств массовой информации.

Григорян Ашот Арамович,

д. ф. н., профессор, Ивановский государственный университет

Морфологическое маркирование категории рода как проявление гендерной асимметрии в языке

Представляется, что дискуссию о наличии/отсутствии категории рода в английском языке можно считать доказательством того, что эта проблема принадлежит к списку спорных вопросов грамматики современного английского языка. Существуют доводы и за, и против. Английский язык сегодня располагает весьма ограниченным «репертуаром» средств маркирования грамматического рода. Подавляющее большинство маркированных существительных являются словами, обозначающими женщин. Этот факт не мог не привести к размышлениям о производности, вторичности женского по отношению к мужскому. Иначе говоря, естественной представляется интерпретация такого положения дел как еще одного проявления асимметрии или даже сексизма в языке. В статье на примере имен существительных с суффиксом *-ess* (самым, по-видимому, распространенным маркером существительных, обозначающих женщин) выделяются две группы слов, которые подвергаются анализу на предмет их гендерной «чувствительности» и асимметричности. Очевидно, что более точное представление о морфологическом маркировании категории рода как проявлении гендерной асимметрии в языке, можно получить, лишь подвергнув анализу ситуацию с функционированием и других — пусть не столь частотных — суффиксов: *-ette*, *-ine*, *-trix*. В этом мы видим перспективу дальнейших изысканий в этой области.

Гудкова Кира Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ индикатора *because* в различных типах аргументативного диалога

В докладе проводится анализ аргументативных функций индикатора *because* в диалогах студентов, которые выполняются как задание по разговору на финальном тестировании по английскому языку на уровень B2. Указанный уровень по шкале CEFR подразумевает овладение набором определенных компетенций, среди которых компетенция аргументативная. В фокусе нашего рассмотрения находятся два вида аргументативного диалога: диалог собственно аргументативный (*persuasive dialogue*), результатом которого является убеждение оппонента в справедливости некоего мнения или в его обоснованности и диалог, носящий характер переговоров (*deliberation dialogue*), результатом которого является согласованный выбор определенной опции.

Оба вида диалога как жанра коммуникации подразумевают использование аргументации. Мы проводим анализ лингвистических индикаторов аргументации, которые используются участниками диалогов. В центре нашего рассмотрения находится индикатор *because* как наиболее частотный в использовании студентами при выдвижении аргументов в защиту или в опровержение определенной точки зрения. Рассматриваются и подвергаются анализу три типа причинной связи (*efficient, instrumental, physical*), а также различные аргументативные функции, которые выполняет индикатор *because*, в частности функция собственно аргументативная и функция экспланаторная.

Гуревич Дмитрий Львович,

к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Полифункциональность союза *que / che* в португальском и итальянском языках

Союз *que / che* в итальянском и португальском языках принадлежит к языковым единицам, которые, сохраняя свои базовые значения, с течением времени меняли стилистическую окраску. На современном этапе многие из употреблений *que / che* разговорно маркированы или даже характеризуются как просторечные (*um. Tu vai avanti che sai la strada; E' tornato che era già tardi. порт. Dá um pontapé que ela abre logo; Que hora que ele morreu?*). Подобные примеры использования *que / che* встречаются уже в письменных текстах XVI в. как показатель разговорности (преимущественно в драматических произведениях).

Среди употреблений *que / che* можно выделить собственно союзную функцию и функцию синтаксического коннектора (но не союза) или дискурсивного слова, где прагматический фактор, обеспечивающий информационную связность, превалирует над формально-логическим. К наиболее частотным из собственно союзных значений *que / che* относятся:

а) причинное значение: *um.* Andate pur innanzi voi, **che** siete il padrone; *port.* Caminha com cuidado, que a Virgem gloriosa vos espera; б) целевое значение: *um.* Tiralo a te, **che** noi non facessimo qualche disordine; *port.* Deu-vos livre entendimento, e vontade libertada e a memória, que tendes em vosso fundamento; в) значение, близкое к определительному: *um.* Iddio ... m'ha retto che io non caschi nel più grande errore che iopotessi mai cascare; *port.* Deixai esses chapins ora, e esses rabos tão sobejos, que is carregada; г) комбинированное значение, включающее причинность и определительность: *um.* Tu credi che Dio sia fatto come te; **che** non intendi mai la cosa s'ella non t'è detta cinque o sei volte; *port.* Filha minha, não queiras fazer essa experiência por ti mesma, que é perigosa.

Кроме того, в ряде примеров статус *que / che* представляется неоднозначным; с формально-синтаксической точки зрения наличие этого элемента не является обязательным, в то же время его механическое изъятие из фразы лишает ее прагматической связности: *um.* Fermati, Moro, **ch'**io ti voglio parlare; *port.* Vai diante, queeu te seguirei.

Перечисленные особенности употребления *que / che* сохранились в современной португальской и итальянской разговорной речи: *um.* Mangia, che si sta raffreddando. Sta' attento che ti bruci; *port.* Meu pai é advogado. Vamos lá que ele resolve; Vamos sair que eu vou comprar umas roupas para você. Перечисленные примеры, характерные для неформального регистра речи, не всегда трактуются традиционными нормативными грамматиками как допустимые в литературной речи. В то же время усиление внимания со стороны исследователей к явлениям, типичным для разговорной речи, и попытка включить их в круг грамматического описания свидетельствует о пересмотре критериев языковой нормативности и о более гибком узус-ориентированном и дескриптивном подходе к фактам языка.

Дмитриева Мария Николаевна,

к. ф. н., ассистент Санкт-Петербургский государственный университет

Черты научного стиля в философской прозе Ноткера Немецкого

В докладе анализируются особенности языковых выражений с метакоммуникативной функцией как элементов диалогических единств на материале перевода Ноткером трактата Боэция «Утешение Философией» на аллеманский диалект (XI в.) и перевода трактата на современный немецкий. При это выявляются как универсальные надвременные черты метакоммуникативных «вставок»: их обращенность не к предметно-тематической линии текстового сообщения, а к различным аспектам самой интеракции. Таким образом, они оказываются примарно нацеленными на оптимизацию общения и контроль над развитием диалога.

В структурно-грамматическом плане метатекстовая информация воплощается в разнообразных синтаксических формах древневерхнемецкого диалога: от отдельных словоформ до текстопредложений. При этом структурный формат метакоммуникативного компонента находится в определенной зависимости от его функциональной нагрузки и позиции в тексте.

Развернутые/свернутые синтаксические формы древневерхненемецкого метатекста оцениваются в докладе как передне-/заднеплановые элементы в информационно-содержательной структуре диалога, сохраняющие независимо от способа представления эгоцентрическую валентность на говорящего и обращенность к адресату.

Сопоставительный анализ двух переводов позволяет наблюдать изменения в употреблении языковых средств для всей палитры смысловых оттенков метакоммуникации.

Езан Ирина Евгеньевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Нецитированные способы передачи информации в немецкой журнальной публицистике

Понятие чужой речи трактуется в лингвистике как самостоятельное синтаксическое явление, которое основано на включении в авторскую речь высказываний другого лица или лиц. Особенность современного этапа изучения чужой речи заключается «с одной стороны, в разнородности языковых сфер, с которыми соотносится явление чужой речи, а с другой стороны — в многоплановости тех лингвистических явлений, в рамках которых данное явление описывается».

Многообразие подходов к изучению данного синтаксического явления позволяет рассмотреть чужую речь с различных точек зрения, выявить общие вопросы и проблемы, связанные с ее изучением. Что касается сферы употребления косвенной речи, то, по мнению большинства лингвистов, она является ограниченной. Некоторые исследователи подчеркивают второстепенную роль косвенной речи по сравнению с прямой и несобственно-прямой в текстах художественной литературы. В работах ряда немецких ученых указывается, что в косвенной речи отсутствует та жизненность, которая свойственна прямой. Эта точка зрения справедлива, прежде всего, для художественной литературы, где косвенная речь может выполнять ту или иную стилистическую функцию. В публицистических текстах косвенная речь употребляется для выражения категории косвенности и указания на источник высказывания, т. е. для разграничения авторских слов и речи того или иного лица.

В нашем исследовании мы сосредоточили внимание на структурно-грамматической стороне высказываний, содержащих чужую речь, т. е. на том, каким образом, с помощью каких языковых средств передается речь другого лица. Мы также попытались выявить коммуникативные намерения автора при выборе того или иного способа передачи чужой речи, в первую очередь, зависимость конструкции, передающей чужую речь, от степени уверенности журналиста в содержании высказывания. В основу нашей структурной классификации была положена классификация А. В. Смирновой, составленная на материале британского газетного дискурса. Различные способы передачи прямой, косвенной и тематической речи разделяются на цитированные и нецитированные способы, в отдельную группу выделяются комбинированные конструкции.

Для современных немецких газет и журналов характерен большой объем чужой речи, что может быть связано со стремлением журналистов к объективности в передаче информации, желанием дистанцироваться от репродуцируемой точки зрения, а также с возрастающей ролью «устности» в письменной речи. В рамках нашего исследования мы подробно рассмотрели 50 статей политико-экономической направленности из электронных версий еженедельных информационно-политических журналов Германии.

Исходя из проведенного количественного анализа, удалось выяснить, что нецитированные способы передачи чужой речи (64 %) используются в два раза чаще, чем цитированные (28 %). Самым распространенным способом передачи чужого высказывания является структурно независимое предложение в конъюнктиве (25 % всех нецитированных способов). Практически столь же часто в исследованных текстах речь другого лица передается посредством косвенной речи в форме придаточного предложения с союзом или без него (24 %). Предложения, в которых чужая речь передается с помощью индикатива, встречаются реже (7 %). В качестве вводного компонента чаще всего выступают нейтральные по семантике глаголы.

Предложные группы (7 %), инфинитивные группы с zu (5 %), конструкции с модальными глаголами *wollen* и *sollen* (3 %) — менее употребительны, чем другие способы передачи чужой речи. При этом следует отметить, что при использовании вышеназванных средств реализуется принцип языковой экономии, а также компенсируются языковые средства, необходимые для реализации намерений автора.

Использование косвенной речи дает журналисту больше возможностей при передаче содержания исходного высказывания, расстановке акцентов на нужных смысловых элементах и в оказании необходимого воздействия на реципиента.

Емельянова Ольга Витальевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о выражении ценностных представлений в английском языке

Ценностная картина мира актуализируется в каждом языке разными лингвистическими средствами. К числу последних, на наш взгляд, относится структура типа *Life is about people* — одна из словесных моделей ценностей, создаваемых носителями языка. Данный доклад представляет собой продолжения исследования, предпринятого на материале Британского Корпуса.

Тексты художественной литературы демонстрирует явное преобладание варианта модели, в котором X выражен личным местоимением *it* или указательными *this/that*, хотя примеры с абстрактными существительными также представлены. Таким образом раскрывается суть определенных ценностей — жизни, искусства, театра и др. Важно отметить безусловную узнаваемость этой простой формулы, своего рода сигнала аудитории: внимание! Сейчас речь пойдет о чем-то существенно важном, говорящий

сообщит свое мнение, свое видение проблемы, а согласиться с ним или нет — решать его адресату (адресатам).

Данная модель используется, как правило, в конфликтных, порой драматических ситуациях: говорящий старается не просто донести до адресата свою точку зрения, но и убедить в своей правоте. При использовании варианта модели, в котором *X* выражен местоимениями, персонажи пытаются объяснить себе или другим суть происходящего, правильно расставить акценты и выстроив своего рода иерархию ценностей и приоритетов. Не менее важно оказывается разобраться в побудительных мотивах своих поступков, руководствуясь ценностями, признаваемыми философами, психологами и социологами высшими ориентирами поведения. Желая донести до собеседника свой взгляд на ситуацию и, исходя из ее понимания, сформировать программу действий, персонажи вновь и вновь облачают свои мысли в четкую и ясную форму при помощи разных вариантов структуры *X is about Y*; встречаются целые диалоги, построенные по этой модели. Она дает возможность сформулировать, за что, во имя каких ценностей стоит бороться.

Исследование художественного текста позволяет затронуть еще один аспект функционирования модели *X is (not) about Y*. Основная сфера использования данной модели — диалог, отражающий в прозаических произведениях то, что принято называть обыденной, или бытовой деятельностью. Обыденно-разговорный дискурс предполагает использование стандартных конструкций разных типов своего рода «конвенциональных сигналов», форма и функция которых являются устойчивыми и регулярными, т. е. предсказуемыми в рамках определенных конструкций. К подобным стандартным конструкциям, как нам кажется, можно отнести и исследуемую модель; построенные в соответствии с ней высказывания близки к речевым стереотипам. Они регулярно используются в ситуациях, когда говорящий, обращаясь к собеседнику, хочет узнать, в чем дело. Нельзя не заметить, что в большинстве случаев вопрос ‘What’s it/this/that about?’ связан с желанием выяснить причину, побудившую адресата поступить или вести себя определенным образом, обычно вызывающим неодобрение и отрицательные эмоции адресата. В повествовательных предложениях, построенных по модели *X is (not) about Y*, также часто идет речь о причинах и побудительных мотивах тех или иных поступков. Наиболее эксплицитно эта связь проявляется в тех случаях, когда данная модель лежит в основе ответов на вопросы, начинающиеся с *why*.

Таким образом, анализ использования модели *X is about Y* в художественной литературе показал, что она служит для передачи ценностных представлений персонажей, выражения сути описываемых явлений и причин происходящих событий, являясь действенным средством воздействия на адресата, направленным на изменение в системе его (и, возможно, читателя) ценностей, убеждений и моральных установок. Как уже было сказано, это полностью согласуется с определением ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни и конкретным деяниям и поступкам.

Жемчужникова Анастасия Кирилловна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Функционирование событийной ситуации: от собственно событийной к личностно-событийной

Понятие «событие» является междисциплинарным и часто становится объектом современных исследований. Обращение ученых-философов к теме события в XX в. было вызвано необходимостью рассматривать мир в его динамическом изменчивом аспекте. Для различных наук, оперирующих термином «событие», одним из его определяющих признаков является признак выделенности из потока происходящего.

Многие лингвисты занимались проблемами, связанными с осмыслением понятия события. Так, Н. Д. Арутюнова выделяет ряд признаков, отличающих собственно категорию события, в том числе отнесенность к жизненному пространству, динамичность, кульминативность, полную или частичную неконтролируемость, цельность, отсутствие временной протяженности. В качестве инструмента для описания события используется понятие событийной ситуации (СС), как совокупности состояний, действующих процессов и произошедших событий. Вслед за А. М. Гробицкой, СС рассматривается нами как номинируемый фрагмент внеязыковой действительности, структура которого включает определенным образом организованный набор событий в динамике его пространственно-временного и причинно-следственного развития.

Существуют различные лингвистические классификации ситуаций, причем часто за их основу берется характеристика собственно действия, в частности предиката (например, классификация глаголов, предложенная З. Вендлером). В таком случае само событие является центральным и определяющим фактором СС. Примерами такой СС могут служить снос Берлинской стены или разлив нефти в Мексиканском заливе. В нашем исследовании мы предлагаем использовать иной возможный подход к классификации ситуаций, а именно учитывать степень участия в рассматриваемом событии некой личности — субъекта. Так, можно предположить существование такой СС, где внимание привлекается к субъекту, который является косвенным или непосредственным источником определенного действия. В таком случае, основываясь на степени участия лица и активности роли агента, собственно событийной ситуации мы предлагаем противопоставить ситуацию личностно-событийную. Личностно-событийная ситуация (ЛСС) предполагает эксплицитно представленное в языке присутствие активно действующей языковой личности — возбудителя действия.

При развитии ситуации во времени также может изменяться и ее тип, например, с собственно событийного на личностно-событийный за счет перемещения внимания с событийного компонента на личность, являющуюся источником действия. Таким образом, можно говорить не только о динамичности событийной ситуации, но и о ее шифтинговом характере и способности трансформироваться во времени. Дальнейшее развитие ситуации позволяет предположить следующий этап ее трансформации, когда

структура номинируемого фрагмента действительности будет формироваться исключительно вокруг личности. Примером такой трансформации может служить биографический фильм или книга.

Представляют интерес средства, при помощи которых в языке реализуются собственно событийная и личностно-событийная ситуации, а также то, как меняются данные языковые средства при трансформации ситуации во времени. Так, различные языковые средства номинации одной и той же внеязыковой ситуации могут свидетельствовать как об отсутствии активно действующей языковой личности, так и о ее эксплицитном присутствии.

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
3. Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 264–276.

Жулина Екатерина Борисовна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Форма Present Perfect Progressive?

Уже в рамках традиционного подхода к изучению языка считается, что различие между формами Present Perfect Progressive и Present Perfect Simple состоит в том, что первые передают результат совершенного действия, а вторые помимо результата действия, описывают также его незавершенность и, следовательно, его непосредственное восприятие в акте коммуникации. Однако видо-временные формы глагола не принято анализировать как средство представления результатов когнитивной категоризации объективного мира человеком познающим. Вследствие этого формы Present Perfect Progressive не рассматриваются как передающие одновременно предшествующий опыт наблюдателя, имеющийся в его памяти, и наблюдаемую часть ситуации и тем самым помогающие ему приспособиться к среде.

Вместе с тем поле зрения наблюдателя служит пространственным пределом, ограничивающим данную ему в ощущениях предметную реальность. Поэтому непосредственно наблюдаемая ситуация разбивается на отдельные отрезки — события. События же, представляющие данную ситуацию, пребывают в сознании какое-то время и начинают исчезать с началом следующей ситуации, т. е. при ее появлении в поле зрения наблюдателя. Следовательно, можно предположить, что наблюдатель приспосабливается к среде с помощью форм Present Perfect Progressive, описывая две части одной и той же ситуации: не наблюдаемой, той, которая уже вышла из поля зрения наблюдателя, и непосредственно воспринимаемой, тем самым представляя связь между ними.

В высказывании *Experience she is gathering, Shona Rohbock... she's only been driving for two seasons now but I don't think it's enough... she's dropped to two hundredths away from the German pairing* наблюдатель видит спортсменку,

которая набирается опыта, участвуя в соревнованиях по бобслею, и использует форму *is gathering*, передающую динамику действия, которую можно только видеть. На восприятие действия как развивающегося поэтапно указывает формант *-ing*. Присутствие наблюдателя в момент речи в данном месте также описывает наречие *now*. Спортсменка начала участвовать в соревнованиях раньше, чем наблюдатель увидел ее в данном заезде, но в то же время данный заезд является частью того периода, в течение которого она участвует в соревнованиях. Поэтому он употребляет форму *has been driving*. Причастие настоящего времени *has* выражает обладание в акте коммуникации обобщенным признаком или состоянием, возникшим при обработке ранее полученных впечатлений. Причастие прошедшего времени *been* отображает результат совершенного действия, о котором у наблюдателя сохранилось воспоминание. Таким образом, вся форма *has been* описывает обладание в момент речи знанием, сложившимся в результате нескольких предшествующих наблюдений описываемого действия. Одновременно причастие настоящего времени *driving* передает непосредственно воспринимаемую ситуацию, т. к. представляет динамику движений спортсменки. Как следствие, вся глагольная форма описывает связь непосредственно наблюдаемой части ситуации — спуск спортсменки по желобу и более не наблюдаемой части этой же ситуации — все предшествующие заезды, включая данный. Кроме того, то, что действие продолжалось в течение некоторого времени до момента наблюдения подчеркивает темпоральное сочетание *for two seasons*.

Кондрашова Вера Николаевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Роль языковой игры в фатической коммуникации

В современной лингвистике широко распространены исследования функционирования языковой игры в разных типах дискурса. На наш взгляд, представляет интерес анализ использования языковой игры в английском фатическом дискурсе, т. к. фатическая коммуникация является неотъемлемой частью английского речевого общения. Фатическое общение дает хорошую возможность для реализации творческого начала языковой личности посредством языковой игры.

Исследование показало высокую частотность языковой игры в ответных репликах. Умение быстро увидеть игровой потенциал в инициальной реплике говорящего и реализовать его демонстрирует остроумие, высокий уровень лингвистической компетенции коммуниканта и способствует его положительной самопрезентации.

Помимо самопрезентации языковая игра выполняет следующие основные функции в фатическом дискурсе: привлечение внимания говорящего к себе, сокращение дистанции между коммуникантами, создание доброжелательной атмосферы, выражение симпатии к адресату, уход от ответа, снятие напряжения в неловкой ситуации, предотвращение конфликта. Коммуниканты прибегают к языковой игре как в диалогах, так и при общении

в малых группах. В основном примеры были найдены в коммуникативных ситуациях «знакомство» и «застольная беседа».

Было отмечено, что среди языковых средств чаще всего используются полисемичные слова, омонимы, омофоны, реже встречаются лексические бленды и необычная комбинаторика лексических единиц. Слова, имеющие омонимы, и полисемичные слова в инициальных репликах дают адресату возможность для манипуляций смыслом при интерпретации высказывания. Представляется, что преимущественное использование языковой игры в фатической коммуникации британцами связано с их стремлением к непрямой коммуникации.

Кострова Ольга Андреевна,

д. ф. н., профессор, Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия (Самара)

Перспективация сложного предложения в немецком научном тексте

В научном тексте сложноподчиненные предложения (СПП) обнаруживают особую содержательную направленность, отличную от их функционирования в художественном тексте. Эта направленность, называемая нами перспективацией, реализуется благодаря наличию в их составе некоторых ингерентных компонентов, выражающих общую тенденцию к аргументации объективного характера. Средства создания перспективации могут быть прямыми и косвенными; и те, и другие варьируются в зависимости от типа СПП.

В СПП с придаточными субъектными и объектными аргументативную содержательную направленность эксплицитно задает семантика матричного предиката, которая либо указывает на логический ход мысли (1), либо обозначает процесс доказательства (2). В художественных текстах в этом типе СПП преобладают матричные предикаты с семантикой говорения или оценки. В группе СПП с придаточными обстоятельственными в научном тексте типичны придаточные причинного типа, в которых аргументативная перспектива передается союзом (3) либо самой синтаксической формой предложения (4). СПП с темпоральными придаточными утрачивают здесь функцию членения текста, типичную для художественной речи. Косвенная перспективация проявляется в лексико-грамматическом наполнении придаточных предложений. Средства ее выражения направлены на создание объективности изложения; к ним относятся пассив, конъюнктив I, футуральная ориентация и лексемы с семантикой направленности или аргументации (5). В атрибутивных придаточных реализуется непрягая аргументация через уточнение или ограничение сферы релевантности научных понятий, о которых идет речь (6). Ср.:

(1) *In erzähltheoretischen Arbeiten ist mehrfach **darauf hingewiesen** worden, dass...*

(2) *Ich lasse vorerst **offen**, wo in einer solchen Hierarchie die anderen adverbialen Nebensätze ... zu plazieren sind.*

(3) *Da Quirk et al. eine Grammatik des Englischen ist, sollte man sich hüten, diese Kriterien <...> auf das Deutsche zu übertragen.*

(4) *Nehmen wir den Satz «Jedes Schwein ist ein Schwein» in der Bedeutung «Jedes Schwein ist und bleibt ein Schwein» <...>, so wird deutlich...*

(5) *Dass der argumentative Gebrauch bestimmter Partikel ein <...> erklärungsbedürftiges Problem ist, sei noch durch folgende **Argumentation angedeutet...***

(6) *Nur in diesem Fall kann man überhaupt **eine Intension** des gesamten Satzes erhalten, **die** die Intensionen aller Teilausdrücke in geeigneter Weise «aufrechnet».*

Крепкова Елизавета Вадимовна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Устойчивые языковые модели в немецкоязычной протестной коммуникации

В лингвистике, лингвокультурологии и политической лингвистике существует достаточно большое количество работ, посвященных вопросам политического дискурса: Баранов А. Н. и Паршин П. Б. (1986), Скребцова Т. Г. (2005), Чудинов А. П. (2001), Шейгал Е. И. (2004), Лебедева И. Л. (2005), Манакина О. Е. (2011). При этом достаточно редко встречаются работы, посвященные теме протестной коммуникации как части политического дискурса: Иссерс О. С. (2012), Енина Л. В. (1999). На данный момент практически отсутствуют работы, посвященные протестной коммуникации с чисто лингвистической точки зрения. Тем не менее протестная коммуникация с лингвистической точки зрения является очень интересной темой: протестные лозунги являются специфическим жанром языковой активности, находясь на стыке устной и письменной речи, т. к. они являются письменно зафиксированной формой общения между гражданами и государством. Письменная форма в данной ситуации является вынужденной из-за отсутствия физической возможности массовой устной коммуникации между населением и правительством. Помимо этого, протестные лозунги подвержены влиянию культуры социума, которому принадлежит авторство. Специфика этого типа коммуникации отображается в языке, что создает пространство для лингвистического исследования. Данный доклад обращается к изучению устойчивых языковых моделей в протестной коммуникации.

Языковые модели, как образование, состоящее из объединенных постоянной связью постоянных элементов, широко распространены в регламентированных стилях речи: деловые письма, официальные жалобы и заявления, медицинские заключения и т. д. Также языковые модели распространены в речевом этикете. Протестная коммуникация, не являясь регламентированным стилем или жанром речи, тем не менее также демонстрирует склонность к образованию устойчивых языковых моделей. Данное исследование анализирует языковые модели в протестной коммуникации на материале немецкоязычных протестных лозунгов, собранных с митингов последних лет: Anti-Atomkraft Bewegung, с 1970 по сегодняшний день,

Stuttgart-21, 2010 — против сноса здания главного вокзала, митинг врачей, 2012 — за повышение гонораров, «Wir haben es satt», 2013–2015 — против угнетения природы. Материал представляет собой 500 лозунгов, собранных по фотогалереям СМИ (Spiegel.de, Zeit.de), по специализированным протестным порталам (<http://www.wir-haben-es-satt.de>, <https://www.ausgestrahlt.de/>), а также по каталогу исторического музея Штутгарта.

Цель статьи — на материале протестных лозунгов выделить ряд устойчивых, повторяющихся моделей и определить их особенности относительно неустойчивых моделей. Актуальность изучаемого вопроса заключается в том, что статья анализирует недавно произошедшие события, обращается к малоизученной теме, открывает направления для дальнейших исследований в данной области и иллюстрирует уникальный процесс регламентации протестной коммуникации.

Анализ протестных лозунгов показал, что в протестной коммуникации действительно можно выделить ряд устойчивых языковых конструкций, например: вопрос + ответ, где вопрос представляет собой односоставное именное предложение, а ответ — сочетание отрицающей частицы *nein* и этикетного междометия *danke* (Atomkraft? Nein Danke); аналогичную конструкцию вопрос + ответ, где ответ представляет собой сочетание утверждающей частицы *ja* и этикетного междометия *bitte* (Erneubare Enegrie? Ja bitte); дополнение + императивный инфинитив (In Gesundheit investieren anstatt Überschüsse verwalten); отрицающая частица *nein* + предложная группа *zu* + Substantiv (Alle Jahre wieder — Nein zum AKW); императивная форма глагола *stoppen* во множественном числе + прямое дополнение (Stoppt den Ärzentod) и другие. Также анализ показал, что процесс регламентации позволяет выносить лозунги без эксплицитных маркеров протеста (без перформативных глаголов, без номинации объекта протеста и открытого отрицания) за рамки события без потери семы протеста.

Нефёдов Сергей Трофимович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Интеррогативный «запрет» в научной коммуникации

Принцип кооперации («principle of cooperation») П. Грайса и вытекающие из него конврсационные максимы («maxims of conversation») количества, качества, релевантности и способа подачи информации касаются обеих главных форм коммуникации: устной, диалогической и письменной. По умолчанию они контролируют общение между людьми в целом. Кроме того, в каждой сфере социальной практики выработались свои собственные нормы, привязанные к особенностям общения именно в данной области. Они имеют не прескриптивный, а рекомендательный характер. В таком жестко регламентированном, институциональном дискурсе, как научный, сложились свои неписанные правила обмена информацией. Их выявление и объяснение намечено *ex negativo* в немецкой лингвистике в виде трех «запретов»: «запрета» на авторизацию, нарратив и метафору (Х. Вайнрих, Х. Л. Кретценбахер, Т. Штайнхофф и др.).

В развитие этой идеи в докладе предлагается расширить указанный список за счет интеррогативного «запрета»: в науке не задают вопросы, чтобы получить от кого-то другого отсутствующую информацию, а предлагают собственные ответы и решения. Обоснованность выделения этого «запрета», в частности для научного лингвистического дискурса, подтверждается критически низкой частотностью вопросительных структур в контекстах научного сообщения. Это делает их мощным прагматическим инструментом стимулирования и продвижения вперед научной аргументации.

Пилатова Валентина Николаевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Неутилитарное в языке

Неутилитарные высказывания являются лишними для событийного развертывания. Не случайно они чаще всего встречаются во внутреннем монологе и словах автора. Однако в них содержится формообразующая интуиция, и их энергия питает всю систему текста. В альтруистических высказываниях, независимо от того, являются они феноменальными или сущностными, заложен валентностный механизм возрастания. Ферментативная сила альтруистической речи не исчезает, а сохраняется. Этот факт свидетельствует о том, что речевое созидание, точно так же, как и речевой инструментализм, представляет собой изначальную сущность.

Плисов Евгений Владимирович,

к. ф. н., доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н. А. Добролюбова

Функционально-стилистические особенности немецкого молитвенного текста

Молитва относится к евхологическим богослужебным текстам. В зависимости от содержания выделяются молитвы хвалебные, благодарственные, просительные и др. В той или иной форме просительная молитва присутствует в любом виде и любой форме общественного и частного богослужения. Строгой композиционной формой обладают священнические молитвы (Orationen), которые призваны завершать определенную часть богослужения. Материалом послужили 34 священнические молитвы, представленные в Часослове Римской католической церкви для немецких епархий. В то время как в восточных литургиях орации отличаются преимущественно многословием, возвышенным характером, пафосом, для римских ораций будут характерны сжатость, простота, доступность формы и содержания.

К индикативному обращению Gott, часто лишенному каких-либо определений, примыкает релятивная предикация, в которой дается характеристика Бога-Отца, выражающая хвалу и благодарение и позволяющая

установить основание для последующего прошения. Прощение, в свою очередь, иногда делится на собственно прошение (эпиклезу) и проповедь, в которой формулируются ожидаемые последствия прошений (анамнезис). Конклюзия согласно римской традиции не носит торжественного характера восхваления Бога: *heiliger Gott, du hast uns das Gebot der Liebe zu dir und zu unserem Nächsten aufgetragen als die Erfüllung des ganzen Gesetzes. Gib uns die Kraft, dieses Gebot treu zu befolgen, damit wir das ewige Leben erlangen. Darum bitten wir durch Jesus Christus.*

Начальное обращение к Богу призвано выражать категории персональности и апеллятивности, которые являются доминирующими в контексте восприятия Бога как личности. Отношение к Богу выражается с помощью обращений, которые отличаются образностью, абсолютной мелиоративной оценкой и представлены несколькими лексико-грамматическими моделями: существительным (*Gott*); личным местоимением (*Du*); существительным с согласуемым определением (*heiliger Gott*); существительным с приложением (*Gott, unser Vater*); существительным с придаточным определительным предложением. Определения часто содержат важные по своему богословскому значению эпитеты, которые в библейской традиции также выступают в качестве эвфемистических заместителей табуированного имени Бога: *allmächtiger, ewiger, barmherziger, heiliger, gütiger Gott*.

Структурная основа анамнезиса, хотя в целом и отличается разнообразием, однако композиционное оформление таких кратких молитв диктует свои строгие правила для возникающих проповедей, среди которых: простое нераспространенное предложение (*du bist unser Herr*); простое распространенное предложение (*wir haben uns im Namen deines Sohnes versammelt und rufen zu dir*); сложносочиненное предложение; сложноподчиненное предложение (*es ist deine Gabe und Werk, wenn das gläubige Volk dir würdig und aufrichtig dient*). Предпочтение отдается простым структурам. Если предложение нераспространенное, то оно содержит прямое исповедание Бога. Содержательная часть проповеди обращения также отличается неоднородностью, она может содержать упоминание фактов Священной истории или отсылку к ним, вероучительные (догматические) положения, репрезентировать религиозный опыт верующих. Среди стилистических средств предпочтение отдается метафорам, метонимиям, антитезам, синтаксическому параллелизму. Использование этих тропов и фигур призвано сделать молитвенный текст образным и гарантирует сбалансированность структурной основы.

Эпиклеза содержит одно или несколько прошений и призвана выполнять одну из основных функций молитвы — просительную. Почти во всех молитвах представлены прошения, связанные с реализацией суперморальных и моральных ценностей. Для структуры прошения будет характерно использование синтаксического параллелизма, который обеспечивает стройность, сбалансированность, ритмичность молитвенного стиха. Композиционные, лексико-грамматические и стилистические особенности будут определять функционально-стилистическое своеобразие священнической молитвы.

Поспелова Александра Георгиевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Шустрова Елена Николаевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Роль речевой ситуации в стимулировании спонтанной лжи в английском и русском бытовом диалоге

По приводимым в научной литературе фактам, ложь значительно шире представлена в устной речи, чем в письменной. В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение спонтанной лжи (СЛ) и условий ее возникновения в речевой ситуации. Сосредоточим внимание на факторах, влияющих на появление именно СЛ, не планируемой заранее (в отличие от лжи при мистификации и манипулировании). Обратимся к отдельным компонентам речевой ситуации, влияющим на коммуникативное поведение «спонтанного лжеца».

1. **Социально-статусные характеристики коммуникантов.** Профессиональная принадлежность (*социально-культурный* параметр) может требовать соблюдения секретности; *социально-биологические* особенности (возрастные или гендерные) могут служить причиной СЛ, возникающей из-за страха наказания, хвастовства или кокетства. *Этнокультурная* принадлежность при лжи связана с проявлением национального характера или соблюдением национально специфических правил речевого общения. Например, преувеличенная похвала как проявление вежливости у англичан и американцев.
2. **Индивидуальные характеристики коммуникантов.** Во-первых, имеются в виду их *интеллектуально-психологические* признаки. СЛ в коммуникативном поведении может быть обусловлена принадлежностью говорящего к типу так называемых «патологических» лжецов, к типу балагуров, склонных развлекать собеседников. Во-вторых, это *текущее психологическое состояние*, побуждающее человека лгать. Чаще всего это страх или сильное желание.
3. **Статусно-ролевые отношения между коммуникантами** при выполнении ими служебных, житейских и семейных функций. Если отношения *асимметричны*, то СЛ может быть представлена лестью перед начальством, заискиванием перед клиентом в целях навязывания своих услуг или в разговорах с детьми; в этих случаях целью лжи является либо назидание, либо избегание тематики, неподходящей для детей. При *симметричных* отношениях причиной может быть соперничество между коллегами, подсиживание, уклонение от работы, самоутверждение и «сохранение лица»; в семье это стремление оградить себя от вмешательства в личную сферу. Ложь, связанная с изменами супругов, скорее носит не спонтанный, а долгосрочный характер. Для гармонизации семейных отношений коммуниканты нередко прибегают к комплиментам.
4. **Межличностные отношения.** При дружеских отношениях нередко появляются неискренние слова одобрения, согласия и поддержки и комплименты, а враждебные отношения чаще сопровождаются проявле-

нием вербальной агрессии в виде ложных обвинений, необоснованных упреков и пустых угроз.

5. **Внешние условия коммуникации (место и время общения)** в основном действуют в комплексе с перечисленными выше факторами; несколько большая роль в стимулировании СЛ принадлежит Случайному Слушающему.

Ренжина Галина Евгеньевна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Функционирование сложных предложений в английском естественнонаучном тексте

Функционирование сложных (сложносочиненных и сложноподчиненных) предложений в английском естественнонаучном тексте, с одной стороны, отражает общие закономерности их употребления в английском языке вообще, а, с другой стороны, имеет определенную специфику, обусловленную особенностями естественнонаучного дискурса.

Как и в текстах других жанров, союзы, соединяющие части сложного предложения в естественнонаучном тексте, особенно те, которые представлены одним словом, отличаются многозначностью. Кроме того, целый ряд союзов, особенно сочинительных, обладает способностью приобретать дополнительные значения в контексте.

Специфика употребления сложного предложения в естественнонаучном тексте проявляется, прежде всего, в частотности употребления того или иного союза, а также в предпочтительности использования одного союза за счет другого синонимичного ему союза для выражения конкретного логического значения. Кроме того, можно говорить о том, что некоторые виды придаточных предложений оказываются гораздо более частотными, чем другие, а также о том, что некоторые типы придаточных очень характерны и чрезвычайно частотны для конкретных разделов научных сообщений. Интересные особенности наблюдаются также в порядке следования придаточных предложений относительно главных в сложноподчиненном предложении.

Садовская Елена Сергеевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Субъективная модальность как текстообразующая категория литературно-критического жанра «авторская колонка» (на материале публикации М. Райх-Раницкого «Ein Weltmeister im Selbstlob»)

Как известно, публицистический текст характеризуется сложным взаимодействием модальных значений. Прагматическая направленность литературно-критических текстов определяет специфику отбора модальных средств. В ориентированном на эмоциональное восприятие читателем публицистическом тексте доминантой являются средства, выражающие модально-оценочные значения. Материалом исследования послужила пу-

бликация известного литературного критика Германии Марселя Райх-Ра-ницкого «Ein Weltmeister im Selbstlob» в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Взяв за основу анализа тезис о том, что категорию субъективной модальности (СМ) можно представить как набор кодов и схем, которые объясняют адресату способ, путь понимания авторского отношения к изображаемому [Романова, 2003. С. 220], в ходе нашего исследования мы проследили, каким образом немецкий критик-публицист выстраивает стратегию привлечения и удержания внимания аудитории в процессе своего рассуждения и какие средства-экспликаторы СМ реализуют эту интенцию в тексте колонки (эмоционально-оценочная лексика, частицы, вводные слова, набор специализированных в модальном отношении синтаксических конструкций). В результате нам удалось выяснить, что конструкции СМ служат одним из средств актуализации автора в литературно-критическом тексте и являются одной из его ключевых текстообразующих категорий.

Литература:

Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе / под. ред. проф. Г. Н. Акимовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2003.

Степанов Евгений Сергеевич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Немецкие прецедентные имена конца XX – начала XXI в.

Понятие прецедентности прежде всего связано с именем Ю. Н. Караулова, который в начале 2000-х гг. первым ввел в лингвистический обиход термин «прецедентный текст». Согласно Караулову это текст, значимый в познавательном и эмоциональном отношении, имеющий «сверхличностный» характер. Таким образом, данная область исследования является относительно молодой и содержит еще много нерешенных проблем.

Почву для исследования явления прецедентности во второй половине XX в. подготовили авторы, занимающиеся теорией номинации (А. В. Суперанская, А. А. Реформатский), которые изучали процессы онимизации/деонимизации нарицательных и собственных имен и выделяли, таким образом, критерии прецедентности: особая значимость таких явлений, частотное использование, наличие сигнификации и выполнение идентифицирующей функции.

Особый интерес в контексте современных лингвокогнитивных исследований представляет понятие прецедентного имени. Обычно под данным термином понимается некое индивидуальное имя, связанное либо с именем собственным широко известной личности, либо топонимом, либо названием текста (чаще всего, тоже прецедентным).

Вклад в развитие типологии прецедентных имен, среди прочих, внесли А. В. Суперанская и Е. Нахимова, которые предложили выделять следующие типы прецедентных имен с точки зрения общей классификации имен собственных: антропонимы, топонимы, событийные имена, названия произведений. Отдельное внимание уделяется именам событийным: при

употреблении в речи они вызывают определенную прецедентную ситуацию в когнитивно-ментальном дискурсе. Это ведет к тому, что исходно предметные имена получают событийное значение, восприятие и интерпретация которого во многом зависит от условий конкретного речевого акта. Среди других критериев классификации прецедентных имен можно обозначить следующие: временной (вневременные и темпорально соотносенные имена), интенциональный («эталон»), степень универсальности (универсальные, характерные представителям социальных, профессиональных групп или нациям). Типичным представителем прецедентных имен в немецком языке можно назвать имя «Faust». Согласно классификации, оно является антропонимом, по степени универсальности его можно обозначить как «константу немецкой культуры», с точки зрения временного критерия данное имя — вневременное.

В данном докладе мы подробнее остановимся на прецедентных именах, свойственных немецкому социуму и культуре, из немецких СМИ конца XX — начала XXI в. Связаны они, в основном, с различными политическими событиями, как например, период объединения Германии, а также общественными и культурными явлениями и процессами. К таким именам относятся, например: Berliner Mauer, Christian Wulff, Kalter Krieg, Guttenberg, Eiserner Vorhang и пр. Особый интерес представляет рассмотрение того, как экстенциональные и интенциональные признаки, заложенные в данных прецедентных именах, меняются с течением времени, с момента их появления и по сей день, когда они используются в современных контекстах. Среди других аспектов анализа прецедентных имен стоит выделить: структурный (включая сочетаемостные потенции); словообразовательные возможности (участие в образовании композитов), грамматические (использование разных артиклей) и семантические особенности.

Супоницкая Наталия Семеновна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Виды импликаций в научной лингвистической монографии

В научной коммуникации стратегии авторизации проявляются по-разному. Стратегический характер такой коммуникации определяет возможность выбора наиболее эффективных и уместных языковых средств для реализации авторских намерений. Однако сам автор может варьировать интенсивность иллюкутивной силы высказываний при вербализации своих интенций. Текст научной монографии имеет сложную структуру, где находит свое отражение как эксплицитная, так и имплицитная информация.

Имплицитное не является единообразным, т. к. касается разных сторон предмета речи (темы обсуждения) и разных аспектов самой коммуникации. Как пишет А. А. Масленникова, «Скрытые смыслы представляют собой элементы невыраженного содержания, которые восстанавливаются адресатом на основании имеющихся в тексте показателей». При анализе содержания языковых единиц в тексте монографии имплицитный уровень

гораздо шире эксплицитного. Прагматические импликатуры, семантические импликации и логические пресуппозиции составляют три основных вида скрытых смыслов, заложенных в тексте научной монографии. Каждый вид импликаций (градуальные уровни имплицитности) раскрывается благодаря языковой компетенции и знаниям о мире, что позволяет правильно интерпретировать и глубоко понимать научный текст.

Талашова Наталия Григорьевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Прямое описание мужских отрицательных
эмоциональных состояний
как проблема грамматики конструкций
(на материале английского языка)

Настоящий доклад посвящен исследованию грамматических конструкций и их лексического наполнения, используемых автором современного художественного текста при прямом описании отрицательных эмоций персонажа-мужчины.

Грамматика конструкций, становление которой приходится на конец 80-х гг. XX в., в настоящий момент привлекает исследовательский интерес. Родоначальником теории грамматики конструкций считается известный американский лингвист, профессор Калифорнийского университета в Беркли Чарльз Филлмор.

Согласно грамматике конструкций, или, как ее сокращенно называют, СxG, основной единицей языка является конструкция. Конструкциями можно считать единицы любого уровня, поэтому их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения. Элементы разных уровней не просто связаны, они неотделимы и анализируются во взаимодействии друг с другом. Центральной идеей грамматики конструкций является то, что при описании той или иной конструкции можно обращаться не только к семантико-синтаксическим, но и морфологическим и фонетическим свойствам отдельных составляющих.

Сам термин «конструкция» использовался в лингвистике давно; в русской традиции еще в 60-е гг. прошлого века он использовался для описания сложных языковых единиц, функционирующих в речи как целое. Ю. Д. Апресян в своем труде «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» предложил классификацию русских глагольных конструкций, которую построил на материале моделей управления полутора тысяч наиболее продуктивных глагольных лексем.

Наше исследование посвящается выявлению средств прямого описания мужских отрицательных эмоций в эгореференциальной и неэгореференциальной речи. В ходе исследования было выявлено, что автор современного литературного произведения упоминает небольшое количество эмоций, испытываемых персонажем-мужчиной. При их описании используется ограниченный диапазон конструкций разной степени продуктивности.

При анализе лексического наполнения грамматических конструкций отмечается повышение или понижение эмоционального состояния за счет использования первичных и вторичных наречий. Мужчина, как показывает художественная литература, может употреблять разделительный вопрос, что традиционно считается преимущественно характеристикой женской речи. Описания эмоций в мужских высказываниях о себе самом были зафиксированы в основном в придаточных предложениях причины и дополнительных, что свидетельствует о том, что мужчина смещает смысловой акцент с эмоционального состояния как такового на причину, каузацию собственного эмоционального состояния. Используя определенные конструкции, мужчина сообщает о внешнем воздействии, т. е. воздействии какого-либо фактора или ситуации на себя. Отрицательные эмоции мужчины могут описываться мужчиной через мимику и жесты. Зафиксированы такие когнитивные процессы, когда отрицательная эмоция мыслится как положительная, а положительная — как отрицательная.

Мужчины в английском социуме стереотипно представляются сдержанными и закрытыми, не стремящимися дать выход своим отрицательным импульсам и зачастую обвиняющими в своих отрицательных эмоциях некое внешнее воздействие.

Филиппов Константин Анатольевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

О метаязыке немецких грамматик И. К. Готтшеда и И. К. Аделунга

Грамматические труды И. К. Готтшеда (1700–1766) и И. К. Аделунга (1732–1806) сыграли важную роль в становлении нормативного немецкого языка. Книга Готтшеда «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*» (1748) в течение многих десятилетий признавалась образцом учебника по грамматике немецкого языка. Двухтомная грамматика Аделунга «*Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache*» (1782) достойно продолжает и развивает лингвистические традиции, заложенные Готтшедом. Эти произведения составляют важнейшую часть европейского научного дискурса XVIII в., на их можно проследить основополагающие лингвистические тенденции немецкого Просвещения.

Классическое понимание грамматики как составной части семи свободных искусств, характерное для большинства грамматических текстов предшествующих веков, находит свое выражение также в грамматиках Готтшеда и Аделунга. В самом начале своей книги Готтшед, давая определение грамматики, одновременно поясняет: «Грамматика с давних времен причисляется к семи свободным искусствам» (*Die Sprachkunst ist von den ältesten Zeiten her unter die sieben freyen Künste gezahlet worden*). Следуя классическим традициям, Готтшед понимает грамматику как руководство для любого человека, желающего научиться «правильно и красиво говорить и писать на языке своего народа в соответствии с его лучшим диалектом и в согласии с лучшими писателями» (*eine gegründete Anweisung, wie man die Sprache eines gewissen Volkes, nach der besten Mundart desselben, und nach der Einstimmung seiner besten Schriftsteller, richtig und zierlich, sowohl reden, als schreiben solle*).

Вслед за своим предшественником Аделунг рассматривает грамматику в ее связи с риторикой и логикой: «Соответственно, языковые правила — это общие предписания, согласно которым следует образовывать, произносить, изменять, соединять и писать слова какого-либо языка. Совокупность правил составляет грамматику (или учение о языке), которая по этой причине занимается всего лишь правильностью выражений, в то время как предметом логики выступает истина, а украшение выражений относится к области риторики» (*Sprachregeln sind demnach allgemeine Vorschriften, nach welchen die Wörter einer Sprache gebildet, gesprochen, gebeuet, verbunden und geschrieben werden. Ihr Inbegriff macht die Grammatik oder Sprachlehre aus, welche sich daher bloß mit der Richtigkeit der Ausdrücke beschäftigt, so wie ihre Wahrheit ein Gegenstand der Logik ist, und ihr Schmuck in das Gebieth der Redekunst gehört*).

В современной лингвистике разграничение понятий метаязыка (как языка «второго порядка») и языка-объекта (как предмета языковедческого исследования) признается необходимой предпосылкой успешного научного описания естественного языка. При этом в качестве метаязыка может использоваться естественный (обычный, разговорный) язык или же формализованный язык. Метаязык должен содержать, во-первых, имена всех выражений языка объекта и, во-вторых, выражения для различных синтаксических и семантических характеристик языка-объекта, т. е. быть логически более богатым, чем язык-объект.

Трудности в описании метаязыка грамматических текстов Готшеда и Аделунга заключаются в том, что вплоть до середины XVIII в. значительная часть научной литературы в Германии публиковалась на латинском языке. По этой причине авторам учебников по грамматике немецкого языка приходилось прибегать как к немецким словарным ресурсам, так и к традиционной латинской терминологии. Следование латинской традиции можно заметить в композиции учебников, определении номенклатуры частей речи, интерпретации грамматических понятий, описании грамматических форм и т. п. При этом отличительной чертой подходов Готшеда и Аделунга к описанию грамматики немецкого языка выступает их стремление создать учебники, доступные для понимания современников.

Структура учебников, выбор терминологии, способ подачи материала, описание примеров, метакоммуникативные включения позволяют по достоинству оценить значение метаязыка вышеназванных грамматик в немецком научном дискурсе.

Филиппова Анастасия Константиновна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

**Риторические фигуры в немецкоязычных научных текстах
Готфрида Вильгельма Лейбница**

Готфрид Вильгельм Лейбниц известен своими трудами во многих областях науки: философии, математике, механике и физике, истории, биологии, психологии, а также лингвистике. Он первым нарушил традиции писать научные труды только на латинском языке и уделял большое внимание определению места немецкого языка в научном дискурсе XVIII в.

Его основными трудами, посвященными лингвистике, считаются «Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache» (1697) и «Ermahnung an die Deutschen, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben, samt beigefügtem Vorschlag einer deutschgesinnten Gesellschaft» (1682/1683). Эти два сочинения послужили материалом настоящего исследования.

Цель работы — проанализировать риторические фигуры, используемые в текстах статей, с точки зрения их структуры, семантики и функций.

Под риторическими фигурами понимаются различные обороты речи, которые придают ей стилистическую значимость, образность и выразительность, изменяют ее эмоциональную окраску. Такие фигуры речи служат для передачи настроения или усиления эффекта от фразы. Среди риторических фигур со времен античности выделяют тропы (употребление слов в переносном смысле) и фигуры в узком смысле слова (приемы сочетания слов).

В процессе исследования были выделены следующие основные виды риторических фигур.

1. Метафора:

*die Sprache (ist) ein Spiegel des Verstandes;
unter der großen Lehrmeisterin (nämlich der Welt oder Gesellschaft).*

2. Сравнение. Для работ Г. В. Лейбница характерны развернутые сравнения, часто представленные в виде сложных предложений:

Denn gleichwie man in großen Handelsstädten, auch im Spiel und sonst nicht allezeit Geld zahlt, sondern sich an dessen Statt der Zettel oder Marken bis zur letzten Abrechnung oder Zahlung bedient; also tut auch der Verstand zumal wenn er viel zu denken hat, mit den Bildnissen der Dinge, dass er nämlich Zeichen dafür braucht, damit er nicht nötig habe, die Sache jedesmal sooft sie vorkommt, von neuem zu bedenken.

3. Эпитет:

...dass die Worte (als Vorbilde und gleichsam als Wechsel-Zettel des Verstandes) wohl gefasst, wohl unterschieden, zulänglich, häufig, leichtfließend und angenehm sind.

Аналізу этих трех наиболее характерных для стиля Г. В. Лейбница риторических фигур уделяется основное внимание в исследовании.

Хуторецкая Ольга Александровна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Роль предлогов в установлении смысловых отношений
между компонентами адъективного словосочетания
во французском языке

Способность прилагательного реализовывать правую активную валентность на дополнение, выраженное существительным, является одним из свойств, объединяющих его с глаголом.

В современном французском языке прилагательное может управлять только предложным дополнением. В подавляющем большинстве случаев в состав такой зависимой именной группы входят наиболее абстрактные предлоги французского языка: *à* и *de*.

Большинство обнаруженных разновидностей семантических отношений, возникающих внутри изучаемой адъективной конструкции, оформляются либо предлогом *à*, либо предлогом *de*.

Некоторые семантические отношения могут оформляться как предлогом *à*, так и предлогом *de*. Такие случаи интересно проанализировать, сопоставив глубинную семантику актантов адъективного предиката со способами ее репрезентации в поверхностной структуре высказывания, принимая во внимание особенности функционирования предлогов.

Прилагательные *indulgent, crédule, reconnaissant, fier, curieux, soucieux, honteux, furieux, inquiet* и т. п., употребляемые с зависимой именной группой, определяют *эмоциональное отношение лица* к «предмету» (лицу, предмету или событию). На содержательном уровне они представляют собой адъективные предикаты, которые заключают в себе категориальные признаки *лица* и *возбудителя* данной эмоциональной реакции.

Они открывают *два «места»*: для *субъекта* (лица) предикативного признака, который вместе с тем выполняет дополнительную семантическую функцию *экспериенсера*, и *объекта* (лица, предмета или события) предикативного признака. Объектный актант передается в поверхностной синтаксической структуре при помощи предлогов *à* и *de*: *reconnaisant à, indifférent à, furieux de, fier de*.

Рассматриваемые адъективные предикаты могут в некоторых случаях имплицировать актант, выполняющий функцию возбудителя эмоционального состояния, как причину этого состояния. Это своеобразная стяженная репрезентация уже на содержательном уровне объекта предикативного признака и мотива его возникновения. Такая стяженная содержательная валентность передается на поверхностном уровне *только дополнением с предлогом de*. При этом у конструкции в целом возникает значение причинно-следственной обусловленности между прилагательным и зависимым от него именем.

Прилагательные *visible, praticable, accessible, supportable, intelligible* и т. п. в переходном употреблении совмещают в своей смысловой структуре признаковое значение характеристики субъекта признака с точки зрения его способности (или неспособности) испытывать воздействие с обозначением соответствующего потенциального действия. Такие адъективные предикаты можно условно назвать предикатами действия. Объектная валентность адъективных предикатов действия реализуется на поверхностном уровне *только дополнением с предлогом à*.

Разновидностью адъективных предикатов действия являются *диспозиционные предикаты*. Диспозициональное содержание приобретают некоторые прилагательные (*libre, prêt, digne, sujet, progre, bon, carable, susceptible*) в сочетании с событийным именем в функции объекта предикативного признака.

Актанты диспозиционального адъективного предиката: потенциальный агент/пациент действия и собственно действие. *Эксплицитное выражение потенциального действия через объектный актант* необходимо для передачи отношения предрасположенности. На поверхностном уровне он может

выражаться косвенным дополнением как с предложом *à*, так и с предложом *de*, именным компонентом которого является событийное имя: *des qualités susceptibles de variation; une plage libre à une descente*.

Таким образом, предлог *à* более универсальный, т. к. участвует в репрезентации всех рассмотренных разновидностей объектных актантов. Предлог *de* является предпочтительным способом передачи в поверхностной синтаксической структуре высказывания своеобразных комбинаций глубинных актантов адъективного предиката. При помощи предлога *de* передаются дополнительные оттенки значения изучаемых конструкций.

Швец Сергей Николаевич,

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Dativus possessivus в немецкой разговорной речи

1. Посессивный датив в немецкой разговорной речи является гораздо более продуктивным способом выражения посессивных отношений, чем конкурирующая конструкция с посессивным атрибутом: зафиксированы 10 примеров с посессивным дативом и 1 с посессивным атрибутом.
2. Для разговорной речи типичны аграмматические плеонастические конструкции содержащие как датив, так и посессивное местоимение: *ich hab dann angefangen mir meine Arme aufzukratzen*.
3. К посессивному дативу относятся не только дативные конструкции с существительными, обозначающими части тела и одежды, но и конструкции с другими существительными типа *Auto, Haus*.
4. Выбор между посессивным дативом и конструкцией с посессивным атрибутом может зависеть от степени вовлеченности посессора в происходящее.
5. Посессивный датив может обнаруживать явные признаки *dativus incommodi*:

D: Wer hat dir denn die Wohnung ausgeräumt?

M: Die Jungs hatten mir die Wohnung auf den Kopf gestellt.

При ближайшем рассмотрении данный пример интересен тем, что речь здесь идет также о *dativus incommodi* — дативе причинения вреда. Посессивный датив заменяет посессивное местоимение с частями тела, предметами одежды или же — широким смысле — и с другим существительными, поэтому в наших двух примерах разграничить два этих датива невозможно, т. к. налицо признаки и того, и другого.

Шрамко Людмила Игоревна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу об особенностях реализации значения неконтролируемости у группы глаголов, имплицитных способ совершения действия

Вопрос об особенностях реализации признака «контроль» в значении глагола продолжает являться одной из актуальных проблем современной лингвистики. «Контроль» и локализация во времени считаются базовыми

признаками при построении типологии предикатов, являясь отличительными характеристиками глагольного действия. В настоящее время большинство лингвистов признают более широкую трактовку понятия глагольного действия, говоря о так называемой «полевой структуре», где имеются центральные элементы, и непрототипические действия, к которым можно отнести глаголы, реализующие значение неконтролируемости. Именно такие глаголы принадлежат к рассматриваемой группе глаголов действия, имплицитующих способ его совершения, например: shuffle, croak, squeak и др.

Возможность выделения группы неконтролируемых глаголов, имплицитующих способ совершения действия, основывается на представлении о том, что, как отмечала Н. Д. Арутюнова, глагол может представлять собой потенциальную семантическую синтагму [Арутюнова, 1980]. Она может быть развернута на синтаксическом уровне, а может и не допускать подобного рода развертывания. Таким образом, семантическая структура интересующей нас группы глаголов может быть разложима на семы собственно действия и его характеристики, которая имплицитруется самим глаголом. Глаголы, имплицитующие способ действия, могут имплицитировать контролируемый характер протекания действия, например, run — to move with your legs at a speed that is faster than walking (www.merriam-webster.com/dictionary/run), однако ряд таких глаголов может быть рассмотрен с точки зрения реализации признака неконтролируемости. В отношении этих глаголов возможно говорить о так называемой частичной контролируемости действия. Ряд ситуаций, требующих от субъекта приложения усилий, однако не полностью зависящих от его деятельности, получили название «частично контролируемых».

Некоторые исследователи, в том числе В. А. Плунгян и Е. В. Рахилина отмечали, что существуют действия, которые могут начинаться как контролируемые, однако их дальнейшее протекание не зависит от контроля субъекта [Плунгян, Рахилина, 1988]. Отмечалось, что, например, действие глагола «прыгнуть» контролируется лишь в начальной стадии, тогда как последующие его этапы выходят из-под сферы контроля. Глаголы, рассматриваемые в докладе, реализуют признак частичного контроля в нетипичной форме. В данном случае можно говорить о функциональном значении понятия «частичный контроль» в ситуациях, в которых человек производит намеренное, контролируемое действие, но не контролирует способ его протекания.

Анализ фактического материала позволяет выделить три подгруппы глаголов данного типа. К первой подгруппе относится ряд глаголов, имплицитующих неконтролируемый способ движения: limp, trudge, shuffle, toddle, etc., например: I left my crutch leaning against the corner of the house, **limped** down the beach, and walked into the water (www.lingvo-online.ru/ru/Examples/en-ru/limped). Ко второй группе относятся глаголы, имплицитующие неконтролируемый способ говорения, например: “Мерсу...” **croaked** the soldier, stretching out his hand (www.lingvo-online.ru/ru/Examples/en-ru/croaked). К третьей группе относится ряд глаголов, имплицитующих неконтролируемый способ еды, например: The dwarf **munched** his food loudly... (www.lingvo-online.ru/ru/Examples/en-ru/munched). Неконтролируемость харак-

теристики действия может быть обусловлена особенностями физического или психологического состояния субъекта, производящего действие, а также подчеркиваться в контексте ситуации.

Литература:

1. Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева и др. М., 1980.
2. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М., 1988.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА (РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА)

Абдульманова Аделя Хамитовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

**Особенности варьирования глагольных форм
в среднеанглийской поэме «Сэр Орфео»**

Развитие языка неизбежно связано с изменением компонентов его системы, наиболее важным из которых является глагольная составляющая, поскольку именно глагольные формы употребляются для описания действий и событий в настоящем, прошлом или будущем.

Наиболее интересным и исследуемым периодом в истории английского языка является Средневековье из-за активизировавшихся процессов лингвистического варьирования. Это эпоха глобальной перестройки языковой системы, затронувшей все ее уровни.

В области фонетики перестройка выразилась в ряде существенных звуковых трансформаций. Лексические преобразования были вызваны, прежде всего, усвоением большого количества новых слов, преимущественно романского происхождения, связанным с норманнским завоеванием Британии в XI в.

На синтаксическом уровне происходило становление некоторых новых структур и постепенное закрепление порядка слов в предложении, завершившееся в ранненоанглийский период. Изменения морфологического уровня выразились, в первую очередь, в упрощении парадигм склонения имен и спряжения глаголов, и появлении новых глагольных конструкций, в частности, аналитических форм страдательного залога, а также форм совершенного и длительного разрядов.

С этой точки зрения небезынтересно проследить основные направления варьирования глагольной системы среднеанглийского, особенно на примере мало исследованных произведений, что позволит с достаточной степенью достоверности судить об общих тенденциях и перспективах развития английского языка.

К таким редко упоминаемым в лингвистической литературе работам, несомненно, можно отнести анонимную поэму «Сэр Орфео», написанную, вероятно всего, в период с 1330 по 1340 г.

Предварительный анализ материала позволяет сделать вывод о большей архаичности языка поэмы и более высокой степени вариативности, в срав-

нении, например, с языком работ наиболее исследованного среднеанглийского автора Джеффри Чосера (1343/1345–1400), ср. формы: *this layes arne y-wrytt, the layes ben y-founde, it comenci*, и др.

Тем не менее уже в «Сэре Орфео» прослеживается четкая тенденция к сложению аналитических форм перфектного разряда путем сочетания глагола *have(n)* с причастием II, ср.: *He that had y-had knightes of priis, Ich hadde y-brought the levedi hende* и др.

Сочетания причастия II с *ben*, использовавшиеся в среднеанглийском для создания перфекта от непереходных глаголов: *And were myself hider y-come*; и структуры *ben + причастие I* (современный длительный разряд: *Tho was ther wepeing in the halle*) в проанализированном материале встречаются значительно реже.

Конструкции, описывающие события в будущем, в основном, характеризуются вариативным написанием прото-модальных глаголов: *Ichil thee telle, Y woll you telle* (совр.: *I will tell you*), *thou schust y-here* и др.

Таким образом, рассмотренный материал показал, что, несмотря на более раннее, относительно работ Дж. Чосера, время написания «Сэра Орфео», можно говорить об устойчивой языковой тенденции возникновения и развития аналитических конструкций, коренным образом изменивших временную систему английского языка.

Безус Светлана Николаевна,

к. п. н., профессор, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС

Альфонсийская норма национального языка средневековой Кастилии

Традиционно с именем Альфонса X Мудрого, короля Кастилии, связывают понятия «*norma alfonsí*» и «*castellano drecho*». Речь идет о том, что для короля существовал некий языковой стандарт, которому следовал он сам и предписывал следовать своим подданным. Выражение «*castellano drecho*» часто используется для характеристики кастильского варианта романсе времен правления Альфонсо X в значении 'ideal lingüístico'.

Чтобы внести определенный вклад в решение вопроса о том, имела ли место или нет нормализация (стандартизация) испанского языка на территории королевства Кастилии и Леона в период правления короля Альфонсо X, мы провели сравнительный анализ двух деловых писем примерно одинакового объема, написанных приблизительно в одном временном отрезке, но в разных территориальных образованиях. Одно письмо составлено королевским нотариусом от имени короля Альфонсо X в г. Севилье (к югу от государственного центра г. Толедо), второе — частно-деловое — составлено общественным нотариусом в г. Саламанке (к северо-западу от г. Толедо).

С точки зрения структурного состава оба письма обладают практическими одинаковыми формально-эпистолярными признаками (сигналами) за исключением теокомпонента в начальном и заключительном протоколе.

В вопросе орфографии, с одной стороны, трудно спорить с П. Санчес-Прието Борхой, который отрицал наличие нормы в графической системе испанского языка альфонсийского периода. С другой стороны, «неправильное», относительно королевского, написание слов в частно-деловом письме скорее демонстрирует остатки латинской традиции, чем нарушает романские нормы.

Лексическое оформление писем, в отличие от орфографического, говорит о следовании некоей единой традиции и некоему чувству языка, в результате чего два разных писца, живущих в относительной удаленности друг от друга, создают два вполне однородных речевых произведения. Использование и в одном, и в другом документе типичных для деловых писем **стандартных фраз** (*Conocida cosa sea*), **формальной лексики** (*do et otorgo, liure et quita*), **юридических терминов** (*karta deuendimiento, donadio*), **канцеляризмов** (*por este escripto, sobredicho*) также склоняет в пользу становления нормативности как минимум делового языка, который, бесспорно основывается на норме языка литературного, т. е. обработанного, правильного.

С синтаксической точки зрения можно отметить единственное расхождение, но только в структуре одной номинативной группы: *mes de Nouiembre* (в королевском письме), где подчинительная связь осуществляется с помощью предлога **de**, и *Mense dezembrio* (в частно-деловом), которая представляет собой беспредложную группу. Решая с точки зрения нормы современного испанского языка, что в данном случае «более правильно», предпочтение, конечно, будет отдано первому сочетанию. Однако если бы анализ этих примеров проводил А. де Небриха, то «неправильным» был бы королевский вариант: *“no quiero dissimular el errorque se comete en nuestra lengua, et de allí passó a la latina, diciendo: mes de enero; día del martes; ciudad de Sevilla, por que el mes no es de enero, sino él mesmo es enero; ni el día es de martes, sino él es martes”*.

Таким образом, несмотря на объективно существующие различия, в двух указанных письмах, несомненно, обнаруживается общая наднациональная языковая основа, которая помогает без труда прочитать и понять содержание даже неносителям языка, а значит, язык документов представляет собой тот нормированный вариант (**estándar**), являющийся «*la lenguade intercambio de una comunidad lingüística*» [RAE].

Исходя из сказанного, понятие «**альфонсийская норма**» можно определить как **условное** название совокупности существовавших языковых реализаций кастильского романсе, образцовым воплощением которых стали собственно королевские эпистолии, составленные, если и не самим королем, то, по крайней мере, лучшими и наиболее образованными представителями королевской канцелярии.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Немецкоязычное эпистолярное наследие
в архивах Отдела древних рукописей РНБ

Богатые архивы Отдела рукописей Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга предоставляют довольно обширный материал для изучения эпистолярного жанра в истории немецкого языка.

В контексте истории немецкого эпистолярного жанра наибольший интерес представляют фонды 971 (фонд Дубровского) и 991 (Общее собрание иностранных автографов).

Ф. № 971. СОБРАНИЕ П. П. ДУБРОВСКОГО, сотрудника Коллегии иностранных дел, коллекционера, первого хранителя Депо манускриптов ИПБ. Уже в юности он начал собирать рукописи, в 1778 начал служить при посольстве в Париже, сначала актариусом, затем переводчиком и секретарем. Когда русское посольство было отозвано из Франции, Дубровский не смог взять с собой всю свою библиотеку и оставил большую ее часть в Париже. Уже в конце XVIII в., в феврале 1805 г. собрание Дубровского было приобретено русским правительством для Императорской библиотеки, а сам П. П. Дубровский был назначен хранителем депо манускриптов. Собрание включает материалы по истории Франции, Германии, Польши, России и др. и насчитывает 14 363 документов XII–XX вв.

Ф. № 991. ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ИНОСТРАННЫХ АВТОГРАФОВ.

Собрание содержит автографы (главным образом письма) царствующих особ, государственных и политических деятелей, представителей литературы и искусства различных стран Европы и Америки. Собрание насчитывает 1531 ед. хр. XV–XX вв.

Фонд Дубровского по большей части состоит из писем (правда, есть также и патенты, завещания, свидетельства о заключении брака и прочие юридические документы). В отличие от фонда 991, фонд Дубровского представляет собой сшитые в тома документы, собранные по персоналиям. Соответственно, эти тома могут содержать документы на различных языках. Например, ед. хр. № 2 содержит 19 писем Баден-Баденских маркграфов королям Франции Карлу IX, Генриху IV, Людвигу XIII и королеве Марии Медичи. Это письма на французском и немецком языках с 1558 по 1647 г., всего 39 листов. Ед. хр. № 4 — это 53 письма кайзеров Максимилиана I, Карла V, Максимилиана II, Рудольфа II и пр., в основном адресованные Генриху IV, Людвигу XIII и королеве Марии Медичи. Эти письма на немецком, французском, итальянском языках и латыни, охватывают время с 1494 по 1755 г. и содержат 105 листов. Ед. хр. № 7 содержит 74 письма от Фридриха Августа Епископа Любекского, адресованные будущему Российскому императору Петру III с 1741 по 1754 г. на 144 листах, на немецком и французском языках. Ед. хр. № 8 содержит 80 писем Саксонских герцогов королям Франции Карлу IX, Генриху IV и Людвигу XIII с 1568 по 1620 г. на 143 листах, на французском, немецком и латыни. На тех же языках исполнены и тем же лицам адресованы письма курфюрстов Пфальцских с 1568 по 1620 г. на 155 листах, собранных в ед. хр. № 9. Курфюрсты Бранденбургские представлены 46 немецко-франко-латинскими письмами королям Франции Генриху IV и Людвигу XIII с 1541 по 1696 в архиве № 79 (97 листов).

Фонд 991 также представляет собой собрание писем, упорядоченных по алфавиту их авторов. «Немецкая» доля архива составляет 428 единиц из общего числа 1434 единиц. Большинство писем приходится на XIX в.

Анализ немецкоязычных писем, находящихся на хранении в НРБ, показал, что наиболее логичной является тематическая классификация писем. Наибольшую группу представляют письма-просьбы.

Кроме этого можно выделить письма-благодарности, письма-поздравления, письма-приглашения, рекомендательные письма, сопроводительные письма, письма-обещания или заверения, письма-извинения, выражения сожаления и т. д. Безусловно, данные виды содержательного наполнения писем могут переплетаться и встречаться в рамках одного, отдельно-взятого письма.

В ходе доклада предлагается рассмотреть некоторые образцы выделенных типов письма.

Перспективы исследования видятся не только в подробном изучении особенностей видов указанных писем. Архивы Отдела Рукописей НРБ содержат, кроме писем, довольно интересные альбомные записи, которые также могут стать предметом лингвистического исследования.

Бондарь Владимир Анатольевич,

к. ф. н., докторант, Санкт-Петербургский государственный университет

Существовал ли перфект в древнегерманских языках?

При описании конструкции 'have' + второе причастие в древнегерманских языках (например, др.-англ. *habban gedon*) часто используется термин «перфект». С одной стороны, данный термин используется условно для обозначения функционирования конструкции с результивной семантикой, чтобы избежать употребления других более громоздких описательных терминов. С другой стороны, именно использование данного термина приводит к некоторой путанице, а именно: данная конструкция произвольно приравнивается по своим функционально-синтаксическим свойствам к современному перфекту, который наиболее ярко представлен в современном английском языке.

Однако проблема не исчерпывается лишь терминологической путаницей. Основной вопрос заключается в том, что существует тенденция отождествления древнегерманской конструкции с классическим перфектом современного английского языка. Ярким представителем данной точки зрения является американский исследователь Jeong-Hoon Lee, который полагает, что, например, уже в позднедревнеанглийском языке *habban* + причастие II обладало рядом центральных функций, характеризующих современный английский перфект. Возникает ряд вопросов: можно ли рассматривать древнегерманскую конструкцию 'have' + причастие II как перфект? Обладала ли данная конструкция хотя бы рядом семантических характеристик присущих современному английскому перфекту?

Анализ контекстов в древнеанглийских текстах, древнесаксонском «Хелианде» и «Генезисе», а также ряде древнеисландских саг, позволяет сделать вывод, что анализируемая конструкция в большинстве случаев функционировала в качестве аспектуально-прагматического показателя. Отсутствие грамматизованных случаев употребления конструкции, в частности, в придаточных предложениях времени свидетельствуют о том, что таксисно-темпоральные функции конструкции еще не были в полной мере развиты. Хотя формально анализируемая конструкция включала в себя те же самые

элементы, что и современный английский перфект, однако распределение семантических акцентов внутри нее было совершенно иным, а отсюда и иные контексты употребления. Древнегерманское *habban* + причастие II не являлось аналитической конструкцией, т. е. посессивный глагол обладал своей лексической семантикой. Наряду с этим второе причастие и дополнение, которые синтаксически являлись независимыми, но семантически находились в тесной связи с глаголом «иметь», образовывала второй центр акцентуации действия. Данное сочетание глагольных лексем (полнозначный глагол «иметь» и второе причастие) и именного или местоименного дополнения создавали достаточно сложный в семантическом плане конструкт. Его общая семантика состояла из двух частей: выполненное действие над объектом, достижение результата путем совершения над объектом определенного действия и обладание состоянием, результатом выполненного действия. При этом семантика результативности достигалась наличием второго причастия, посессивный глагол как бы усиливал ситуацию, подчеркивал ее заверченный характер тем, что субъект обладает состоянием, результатом действия. Прагматические функции конструкции позволяют сделать предположение, что изначально посессивный глагол мог использоваться для эмпазы, своего рода прагматический усилитель завершенности действия, произведенного над объектом в противовес, например, глаголам в прошедшем времени с перфективирующей приставкой (характерные для древнеанглийского и древнесаксонского языков). В дальнейшем в ходе грамматикализации именно эмпатическая составляющая посессивного глагола подверглась семантическому «обесцвечиванию» (и только затем семантика посессивности), поскольку контексты, в которых она употреблялась, перестали ассоциироваться с прагматической аспектуальной нагрузкой, которую несла конструкция, и теперь при использовании в соответствующих контекстах приобретала темпоральные функциональные характеристики.

Георгиади Ирина Владиленовна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Формирование заголовочного комплекса

в текстах периодических газет XVIII в.

(на материале австрийских газет)

В ранних периодических газетах заголовки не играют сколько-нибудь значительной роли. Этот факт связан, в том числе и с отсутствием одной из главных, в современном понимании, функций заголовка — его рекламной функции, цель которой — привлечение внимания к статье. Так как объем периодической газеты в начале XVIII в. составлял четыре-восемь листов, ее читали от начала до конца.

Таким образом, в заголовке, привлекающем внимание, не было необходимости. Кроме этого, первоначальным элементом членения текста являлась не отдельная новость, а корреспонденция, полученная редактором газеты от своего корреспондента. Эта корреспонденция представляла собой несколько зачастую не связанных друг с другом политических но-

востей, и роль заголовка выполняло обозначение места и даты получения корреспонденции. Помимо политических новостей текст газеты состоял из разного рода объявлений, в том числе рекламных, которые имели два варианта заголовка: «нулевой» или «NB», под которым могло быть собрано несколько совершенно разных объявлений. В противоположность «нулевому» заголовку объявлений и довольно кратких политических новостей, уже в первой половине XVIII в. некоторые газетные «статьи» обладают как односложными (простыми), так и сверхдлинными (сложными) заголовками. Последние можно назвать скорее заголовочными комплексами, состоящими из заголовка и подзаголовка двух типов, содержащего либо уточнение, либо развитие темы заголовка. Объем таких заголовочных комплексов колеблется весьма сильно, до 100 и более слов. Такая длина объясняется тем объемом информации, которую авторы стремились поместить в пределах заголовочного комплекса «статьи». Он зачастую является мини-рассказом не только того что произошло, но и где, когда, при каких обстоятельствах, при участии каких лиц, с перечислением всех званий, титулов и регалий этих лиц и пр. Конечно, такой заголовочный комплекс имел, прежде всего, информативную и назывную функции. Но фактическая информация в таком заголовке могла обладать некоторыми экспрессивными и эмоционально окрашенными элементами. Это позволяет говорить о том, что такой заголовок имел также эмотивную и рекламную функции. Наиболее длинными заголовочными комплексами обладают военные новости, представленные отчетами и дневниками с места сражений (*Bericht, Diarium*), речи и обращения высокопоставленных лиц (*Anrede, Rede*), сообщения о стихийных бедствиях и эпидемиях. Намного короче и лаконичнее заголовочные комплексы различных списков и перечней, например, умерших, родившихся, прибывших в город лиц (*Lista, Verzeichnuß, Tabella*), письма политических и военных деятелей (*Auszug der Schreiben, Brief*), опубликованные полностью или отрывки из них, также их переводы, отчеты о метеорологических наблюдениях (*Meteorologische Beobachtungen*). Как правило, простые, т. е. односложные заголовки имеют публикуемые документы — указы, эдикты, манифесты и пр. (*Edict, Manifest*).

Во второй половине XVIII в. появляются публикации, посвященные экономическим новостям (*Zollordnung und Tarif, Getreidepreis*) и новостям науки и культуры (*Gelehrte Sachen, Gelehrte Nachrichten*). Появляется новый вид газетной статьи — в виде рассказа, лекции или письма какого-либо известного лица, профессора, доктора, писателя, сообщается об открытиях, изобретениях, экспериментах, даются различного рода советы и рекомендации. Это может быть и научный спор, тема которого вынесена в заголовок: «*Vindobona Romana, das ist: die Stadt Wien in Österreich vor und zu Zeiten der alten Römer*» или «*Versuch eines Beweises, daß die Sonne kein Feuer seh.*». Именно в публикациях такого типа наблюдается наибольшее разнообразие видов заголовочных комплексов, которые к тому же обладают максимально возможным набором функций, свойственных заголовку.

Можно говорить о том, что к концу XVIII в. уже существуют определенные типы заголовков, подзаголовков и заголовочный комплекс приобретает все функции, свойственные ему как определенному явлению газетной речи.

Григина Елена Анатольевна,

к. ф. н., доцент, Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

Артикль в окситано-каталанском языковом пространстве через призму Средневековья

Первые попытки рассматривать артикль как семантическую категорию определенности относятся к концу XV в., когда артикль был признан, наконец, самостоятельной частью речи, а из числительных был выделен неопределенный артикль. Однако факт существования артикля в романских языках был подтвержден и осмыслен гораздо раньше. Так, в средневековых трактатах Прованса и Каталонии (трактаты «веселой науки») обращение к определенному артиклю связано с его ролью как формального показателя падежа, при этом он еще не имеет строго закрепленного термина (*article/habitutz*). Внимание к артиклю со стороны именно каталанских авторов объясняется еще и тем, что в старокаталанском языке, в отличие от провансальского, определенный артикль не изменялся по падежам.

Цель данного доклада — показать, какие формы артикля функционировали в каталанском и провансальском языках в период расцвета лирики трубадуров, и как они осмыслились авторами средневековых грамматических и риторических трактатов «веселой науки».

Джалилова Юлия Геннадьевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности словообразования лексем семантического поля «Glück» (на материалах словаря братьев Grimm)

Концепт «счастье» является одним из центральных компонентов человеческого бытия, как фрагмент коллективной и индивидуальной концептуальной системы любого этноса, в том числе немецкоязычного, и относится к важнейшим категориям этики [Воркачев, 2002. С. 142].

Братья Grimm в процессе работы над словарем впервые последовательно применили сравнительно-исторический метод, который позволяет рассмотреть эволюцию языка, его генетические связи в контексте развития общества, являвшегося его носителем.

В настоящей работе анализируется словарная статья, посвященная концепту *Glück*, с целью выявления особенностей семантического поля *Glück*, а также закономерностей словообразования. Делается попытка классифицировать различные лексические средства, фразеологические единицы, цитаты и афоризмы, с помощью которых выражается концепт *Glück*.

Литература:

1. Воркачев С. *Счастье как лингвокультурный концепт*. М., 2004.
2. Маслова В. А. *Лингвокультурология*. М., 2001.
3. Юрков Е. Е. *Лингвокультурология и практика*. СПб., 2009.

Дмитриева Мария Николаевна,

к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

**Метатекст «Утешения философией» в переводе Ноткера:
сопоставление древневерхненемецкого
и нововержненемецкого**

Универсальной надвременной чертой метакоммуникативных «вставок» является их референция не к предметно-тематической линии текстового сообщения, а к различным аспектам самой интеракции. Тем самым такие текстовые образования примарно нацелены на оптимизацию общения и контроль над течением диалога. В структурно-грамматическом плане метатекстовая информация воплощается в разнообразных синтаксических формах древневерхненемецкого диалога: от отдельных словоформ до текстопредложений. При этом структурный формат метакоммуникативного компонента находится в определенной зависимости от его функциональной нагрузки и позиции в тексте. Экспликация речемыслительных шагов участников диалога, а также кардинальных «поворотов» в сюжетном развитии дискуссии имеет тенденцию к более развернутому представлению метатекстового содержания в форме развернутых субъектно-предикатных структур. Попутные замечания о самой форме речи, отступления от темы диалога и оговорки, напротив, имеют предикативно свернутые формы инфинитивных и причастных оборотов, а также отдельных словоформ. Развернутые/свернутые синтаксические формы древневерхненемецкого метатекста оцениваются в докладе как передне-/заднеплановые элементы в информационно-содержательной структуре диалога, сохраняющие независимо от способа представления эгоцентрическую валентность на говорящего и обращенность к адресату.

Иванова Ангелина Николаевна,

к. ф. н., преподаватель, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

**К вопросу о первых памятниках романской речи
на Пиренейском полуострове.
«Nodicia de kesos»**

Начиная с IX в. на территории Европы появляются первые письменные памятники романской речи, представляющие собой бесценный материал для лингвистических исследований, т. к. позволяют реконструировать этапы исторического развития как конкретного языка на определенной территории, так и способствуют формированию цельной научной картины о процессе образования и общих тенденциях в развитии романских языков. В последнее время датировки первых памятников языка пересматриваются, а многие тексты при тщательном филологическом анализе оказываются более поздними документами. Так, выдающийся испанский филолог Р. Менендес Пидаль относил к первым свидетельствам романской речи

на Пиренейском полуострове Эмилианские и Силосские глоссы, которые он датировал X в., и короткое описание расходов сыра «Nodicia de kesos» (О расходе сыра), также конца X в.

Современная испанистика датирует как Эмилианские, так и Силосские глоссы XI в., что позволяет рассматривать документ «О расходе сыра» в качестве одного из главных претендентов на звание первого письменного памятника романской речи на территории средневековой Испании. Кроме того, рукопись представляет собой предназначенный для личного пользования, оригинальный, не переписанный документ, составленный монахом монастыря Святых Юста и Пастора (Santos Justo y Pastor) в Росуэле близ Леона, где автор в свободной форме описывает, на что и в каком количестве был израсходован сыр. Именно свободная форма рукописи «О расходе сыра», отсутствие нотариальных штампов, присущих нотариальным документам той эпохи, делает данный памятник уникальным с точки зрения лингвистического анализа.

Более того, в отличие от многих других документов, с достаточной степенью уверенности можно датировать данный документ периодом между 974 и 980 гг., руководствуясь палеографическими данными и временными указателями в самом тексте манускрипта. Записка «О расходе сыра» составлена на обратной стороне бумаги, где говорится о пожертвовании монастырю, сделанном в 959 г. Опираясь на упоминание короля в тексте («quando llo rege uenit ad Rocola»), некоторые исследователи предполагают более точную дату написания документа, а именно 974 г., когда Росуэле и сам монастырь посетил Леонский король Рамиро III. Таким образом, данная рукопись представляет собой интересный лингвистический материал сразу по нескольким причинам.

К тому же момент образования романской речи на основе разговорной латыни и его взаимодействие с латынью на территории Пиренейского полуострова — один из спорных вопросов истории испанского языка. С момента выхода в 1926 г. фундаментальной работы Р. Менендеса Пидалья «Orígenes del español», где лингвист предположил, что вплоть до XI в. сосуществовали два языка: латынь и романсе, данная теория подвергалась пересмотру. Э. Аларкос Льорак, развивая идею Р. Менендеса Пидалья, выдвинул предположение, что такая оппозиция «латынь — романсе» наблюдалась по отношению к письменной и разговорной речи соответственно. Письменная традиция была латинской, а устная успела уже эволюционировать до романской речи. Достаточно революционным стал тезис исследователя Р. Райта, который считал, что письменные тексты до 1080 г. представляют собой не латынь, а форму письменной речи на романсе. Современная традиция в лице авторитетного лингвиста Х. Х. де Бустос Товара пытается интегрировать обе концепции, поддерживая все же традиционный тезис Р. Менендеса Пидалья.

В свете вышесказанного, филологический анализ документа «О расходе сыра» не только представляется интересным с точки зрения анализа языка первых письменных памятников, но и способен пролить свет на некоторые теоретические проблемы истории испанского языка.

Илюхина Ольга Александровна,
аспирант, ГБОУ СОШ 492

Языковая концептуализация движения в древнеанглийском языке (на примере поэмы «Беовульф»)

Для языкового изображения движения характерно обозначение субъекта, объекта и места этого действия (объект и место могут подразумеваться имплицитно). Наличие большого количества глаголов движения говорит о существовании в представлении и сознании людей разных видов движения: уход, прибытие, переход, а также движение на большие и небольшие расстояния и т. д. Каждый вид движения, или аспект, выделяемый в нем, обозначается разным глаголом. Анализ макро- и микроконтекста художественного повествования позволяет выявить, какие аспекты движения обозначаются каждым глаголом. Необходимо учитывать жанровые особенности повествования при анализе контекста и определении семантики каждого глагола.

Поэма «Беовульф» — это героический эпос, в котором присутствуют описания движения на сражение, массовое движение, движение с определенной целью, ритуальное движение и т. д. Однако не следует пренебрегать контекстами описания обычного, обобщенного движения: переход, уход, прибытие. Движение в прямом, физическом и переносном смысле часто обозначалось в поэме одними глаголами, что говорит об отождествлении одушевленного и неодушевленного, физического и духовного в древнем сознании. Все это позволяет подойти к вопросу о языковой концептуализации движения в древнеанглийском языке.

Кашлева Ксения Константиновна,
ассистент, Московский государственный областной университет

Образ времени в древнеанглийской и древненемецкой поэзии

Концепт **время** универсален, однако его выражение в разных языках варьируется. Целью нашего исследования является изучение способов лексической репрезентации этого концепта в древнеанглийской и древненемецкой поэзии. Для анализа выбраны следующие тексты: на древнеанглийском языке — «Битва при Молдоне» (*Battle of Maldon*), «Мореплаватель» (*The Seafarer*), «Беовульф» (*Beowulf*), на древненемецком языке — «Песнь о Хильдебранде» (*Das Hildebrandslied*), на древнесаксонском языке — «Гелианд» (*Heliand*). Важным источником сведений об образе **времени** у германцев является «Беовульф».

Время в поэме предстает, как немаловажный фактор:

Næs hit lengra fyrst, // ac ymb ane niht eft gefremede // morðbeala mare ond no mearn fore.

Время изображается как нечто, враждебное человеку:

Adl obþe ylðo obþe ecghete // fægum fromweardum feorh oðþringeð.

Помимо «Беовульфа», оценка **времени** дается и в «Мореплавателе», для чего в поэмах используются следующие слова и выражения: *geswincdæg*,

gescæphwil, sinniht, nihtbealu, nihtlong, earfoþdæg, nipende niht, wælfagne winter, harungdæg. Они являются ярким примером негативного восприятия времени в целом и его отдельных периодов. Для сравнения, в «Гелианде» говорится, что конец света настанет темной ночью:

Mûtspellī cumit // an thiustrea naht.

Анализ показал, что в данных текстах присутствует ряд когнитивных метафор **времени**, сохранившихся в современных английском и немецком языках:

1) **время** как движение:

Dagas sind gewitene; // Fyrst forð gewat (The Seafarer).

Thiu uurd is at handun, // thea tīdi sind nu gināhid (Heliand);

2) **время** как жизнь:

Ða wæs eall sceacen // dogorgerimes, deað ungemete neah (Beowulf).

Nu ic is aldar can, // uuêt is [uuintergitalu] (Heliand).

В рамках этой метафоры темпоральные лексемы используются как синонимы слова «жизнь».

В проанализированных текстах нашел отражение и германский способ летосчисления. Слово «зима» использовалось в качестве синонима слову «год»:

XII wintra tid torn geþolode (Beowulf).

Huuanda uuif habdun aldres êr efno tuêntig // uuintro an uncro uueroldi, êr than quâmi [thit] uuif te mi (Heliand).

В «Песне о Хильдебранде» и «Гелианде» также присутствует смысл «годы», выраженный словосочетанием «зима и лето»:

Ih wallota sumaro enti wintro sehstic ur lante.

the habda [at] them uuîha sô filu uuintro endi sumaro // gilīb an them lihta.

Тематическое разнообразие текстов, из которых взяты данные примеры («Беовульф» и «Песнь о Хильдебранде» повествуют о воинских подвигах, в «Гелианде» излагаются библейские события), позволяет предположить, что счет **времени** по зимам был типичен для древних германцев в целом. Кроме того, в проанализированных текстах широко встречаются дейктические слова, которые входят в определенный сегмент ядра концепта **время** — ось времени. Дейксис представляет собой субъективное выражение **времени** и противостоит в этом смысле объективному исчислению **времени**.

'Nu eow is gerymed, gað ricene to us (Battle of Maldon).

Swahim Offa on dæg ær asæde (Battle of Maldon).

«dat sagetun mi usere liuti, // alte anti frote, dea erhina warun (Hildebrandslied).

Thar uuas thes mâreon stôl // an êrdagun, aalcuninges (Heliand).

Способы лексической репрезентации концепта **время** в древнеанглийской и древнегерманской поэзии разнообразны. Он представлен, в частности, посредством когнитивных метафор. Также для его выражения используются атрибутивные лексемы, позволяющие передать субъективное восприятие концепта, например, негативное отношение ко **времени**. Субъективность восприятия нашла отражение и в использовании дейктических лексем. Анализ репрезентации концепта позволяет реконструировать фрагменты картины мира древних германцев: так, можно определить, каким способом велось летосчисление.

Корышев Михаил Витальевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме источников древнесаксонского библейского эпоса (на материале древнесаксонского «Хелианда»)

Понимание идейно-художественного своеобразия написанного аллитерационным стихом «Хелианда» — наиболее значительного памятника древнесаксонской литературы, созданного в первой половине IX в. и представляющего собой в содержательном плане изложение событий евангельской истории, вряд ли возможно без обращения к тем произведениям, которые являются основными источниками текста поэмы.

Имя автора древнесаксонского памятника остается неизвестным. Что касается заказчика, то в «Предисловии» говорится, что поэма создана по повелению «благочестивейшего Людовика Августа». Историки литературы видели в этом «Людовике Августе» Людовика Благочестивого, однако наряду с этим выдвигалось предположение, что в роли заказчика мог выступить и Людовик Немецкий.

Основным источником автора «Хелианда» следует признать «Диатессарон» Татиана, несмотря на то, что материал исходного текста сокращен в поэме примерно наполовину. Однако до сих пор точно не установлено, с какой версией имел дело автор «Хелианда», т. к. высказывается мнение, что в поэме использовался вариант текста Татиана, тесно связанный с нидерландским, который сильно отличался от древневерхнегерманской редакции. Ситуация осложняется еще и тем, что многие проблемы текстологии Татиана до сих пор остаются нерешенными. По содержанию он представляет собой компиляцию из четырех евангелий, которая предназначалась для литургического (ср. современные лекционари) и катехитического применения. Именно поэтому этот памятник достаточно полно отражает содержание евангельского повествования о жизни и деятельности Иисуса.

Прямых свидетельств о «Диатессароне» Татиана нет, кроме единственного фрагмента, сохранившегося на греческом языке. Косвенными свидетельствами являются латинский Фульдский кодекс (Codex Fuldensis), несколько средневековых немецких гармоний и др. Относительно того, связаны ли эти памятники с «Диатессароном» Татиана или между ними не существует никакой видимой связи, до сих пор среди специалистов не сформировалось единой точки зрения.

Самая старая из средневековых немецких гармоний — древневерхнегерманская (восточнофранкская) двуязычная рукопись, датируемая 2-й четвертью IX в. Ее латинский текст обнаруживает связь с Фульдским кодексом, однако нет оснований утверждать, что отличия этой рукописи от Фульдского кодекса являются малозначительными.

Под Вульгатой обычно понимают латинский перевод всей Библии, который использовался латинской церковью Запада начиная с VII в. Однако Вульгата представляет собой далеко неоднородный памятник, поскольку ее текст представлен в многочисленных рукописях, которые с трудом поддаются сведению воедино, и даже в обиходе католической церкви принято говорить о «вульгатах»: существует Вульгата папы Сикста V, папы Кли-

мента VIII, текст которой постоянно дорабатывается с учетом достижений современной библеистики. Кроме того, Вульгата, создание которой принято ставить в заслугу Иерониму, на самом деле представляет собой собрание переводов, которые значительно отличаются друг от друга по целому ряду параметров.

Таким образом, исследуемые памятники изучены неравномерно. Разумеется, «Хелианд» постоянно привлекал и привлекает внимание исследователей, в значительно меньшей степени исследовался древневерхненемецкий памятник; что же касается текста Вульгаты, то не будет ошибкой утверждать, что ее текст не привлекал внимание исследователей-германистов как предмет со-изучения, а рассматривался как некоторая объективная данность, в связи с чем можно вспомнить о критических замечаниях относительно использования греческого текста Нового Завета в славистических, к примеру, работах.

Представляется, что филологическое изучение истории возникновения древнесаксонского «Хелианда» представляется невозможным без учета латинской традиции библейского эпоса, представленной применительно к интересующему нас материалу, в первую очередь, в «Пасхальной песне» Целия Седулия.

Милованова Наталья Сергеевна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Пассив в средневерхненемецком языке и его передача при переводе памятников средневерхненемецкого языка на современный немецкий язык

В древневерхненемецком языке пассив находился в стадии становления, как утверждают многие исследователи истории немецкого языка (О. И. Москальская, В. Г. Адмони, и др.). Основой для развития аналитических форм страдательного залога является наличие залоговой дифференциации у причастий переходных глаголов. Уже в первых письменных памятниках встречаются сочетания причастия 2 с глаголами *werdan* *wesan*. Сначала развилось сочетание причастия 2 с глаголом *wesan*. Но несмотря на то, что они выражают страдательность, их нельзя считать формами страдательного залога в собственном смысле этого слова. Сочетания с глаголом *werdan* в дальнейшем грамматикализовались и образовали систему форм страдательного залога, соотносимую с формами действительного залога. Глагол *werdan* употреблялся в этих сочетаниях в двух временных формах — презенс и претерит. Сочетания с *werdan* отличались большей определенностью при выражении страдательности.

В свн. период заканчивается процесс грамматикализации пассива. Это связано с тем, что в данный исторический период развиваются также синтаксические средства, участвующие в организации плана выражения категории залога: двусоставность предложения, выражение субъекта становится обязательным, твердый порядок слов, фиксированная позиция сказуемого, необходимые для оформления агенса в пассивном предложении предлоги.

В свн. период в поэзии широко применяется пассивная форма, в том числе и в безличной конструкции, начинают применяться сложные формы именных категорий глагола: инфинитив пассив. Пассивная конструкция расширила круг своего применения. Она выступает с одной стороны как синоним безличной конструкции с *man*, где неизвестным является производитель действия. Также пассивная конструкция широко применяется как синоним построений с активным глаголом при четко обозначенном производителе действия и как синоним конструкций с переходным глаголом.

Нами было рассмотрено употребление пассива в батпльных сценах первой части «Песни о нибелунгах» и их передача при переводе на современный немецкий язык. В пяти рассмотренных эпизодах встретилось 27 случаев употребления пассива, в основном в форме имперфекта. В процессе анализа трех переводов данных конструкций было установлено, что точнее всего данные конструкции переданы У. Шульце (из 27 в пассиве переданы 25). В переводе К. Зимрока из 27 пассивных конструкций оригинала в пассиве переданы 16. В переводе Д. Бушингер и в. Спивока из 27 случаев употребления пассива ими передано 7 в пассивном залоге.

Москалюк Галина Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Качественные и количественные модификаторы в немецкоязычных кулинарных рецептах Позднего Средневековья

Первые немецкоязычные печатные собрания кулинарных рецептов, датируемые XV в., характеризуются набором признаков, свойственных также рукописным собраниям этого времени: размытой структурой текстов, максимальной императивностью высказываний, наличием оценочных элементов, а также минимальным набором количественных маркеров, компенсируемых за счет качественных модификаторов состояний и действий кулинарной обработки. Автор кулинарного рецепта не только дает прямые или косвенные указания к осуществлению определенных действий, запрещает их, предупреждает о нежелательных последствиях их выполнения, оценивает их, но также может вносить определенные аспектуальные характеристики действия: длительность, качественность, степень готовности (завершенности действия). Качественные модификаторы выражены качественными прилагательными, причастиями и наречиями, среди которых наиболее часто встречаются маркеры, определяющие готовность блюда или ингредиентов к дальнейшей обработке: *schon, ganz* (полностью, целиком); *wol, altomale* (хорошо, полностью); *gar / nicht wol gar* (полностью, до готовности/ не полностью); *rain, sauber* (целиком, полностью). Другие модификаторы дают дополнительные указания, уточняя и характеризуя не само действие, а, скорее, результат этого действия, например, по форме или консистенции: *clein* (мелко) / *nicht weit* (нешироко); *wurfelecht* (кубиками); *vol, nicht vol* (полный / не полный); *trucken* (сухим, в сухом виде); *hert, vast, stark / waich, len* (вкрутую / мягко). Дополнительные указания, выраженные качественными мар-

керами, отражают температуру подачи блюда, его вкусовые особенности или правильность выполнения действий: *kalt* (в холодном виде) / *hais* (горячо); *annversalzytt* (без соли); *gerecht, stättencliche* (правильно, верно, как следует).

В отношении количественным модификаторов можно заметить, что спецификой кулинарного рецепта Позднего Средневековья является отсутствие четко заданных мер, необходимых повару для приготовления блюда. Отдельные элементы измерений тем не менее уже присутствуют, в немецкой системе мер используются латинские наименования: *talentum, phunt, libra, mark, lot, vncz*.

Вместе с тем в кулинарных рецептах достаточно широко распространены приблизительные формулировки. Точными данными, переданными в кулинарных рецептах, исчисляются только яйца, исключительно дорогие пряности и миндаль. Передаче объема служат, кроме того, дробные числительные — прежде всего «четверть» — *verding, virding, fierdung, virdumb, fiertell, fiertayl*. Для замера большого количества жидкостей используется термин *dreyling*, обозначающий «треть бочки». Измерение используемых продуктов при помощи кухонных приборов или заменяющих их подручных средств является еще одним способом передачи количества. В этом качестве выступают *eyer schaln* — яичная скорлупа; *leffel* — ложка; *koch leffel* — половник; *hofschissel* — блюдо; *kanel* — кувшин, кружка; *trinckel, kopf* — меры жидкости, равные двум кружкам; *sto:vveken* — кружка; *osel, noezzelin* — кувшин; *aymer* — ведро, *mezziger hafen* — мерная чашка, а также обобщающее наименование мер для жидкостей и сыпучих веществ *maß*. Хлеб как ингредиент, используемый в качестве загустителя, измеряется собственными мерками — кусками (*snite, schnydl*), корками (*rinden*) и ломтями (*scheybe*). Количественные модификаторы действий могут быть выражены также наречиями: *zu masse* (достаточно); *lützel* (немного); *ain wenig, wenig, enwenig, ain guite* (немного); *genuoc* (достаточно много); *nicht zuo vil* (не слишком много); *len* (слегка, немного); *lecht* (немного). Использование количественных или способных иметь количественный оттенок наречий самостоятельно как ограничителей действия производится наряду с их употреблением в сочетании с наименованием продукта, неопределенное количество которого они выражают.

Нифонтова Дарья Евгеньевна,

к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Структурно-семантические особенности

типа текста «путешествие» (на примере рукописи 1684 г.

«Der Reisebericht vom Jägermeister Friedrich von Gram an den Großen Belt»)

«Путешествие» или «путевые заметки» — древнейший жанр, привлекающий внимание ученых, которые исследуют его с позиций литературы, истории, географии. Значительно меньшее количество исследований посвящено «путешествию» с точки зрения лингвистики текста, выделению его особенностей как типа текста, рассмотрению характерных языковых черт. К концу XVII в. — времени, к которому относится анализируемая ру-

копись, жанр «путешествия» или «путевых заметок» набирает все большую популярность, оставляя в прошлом религиозную направленность (записи паломников) и приобретая светский характер (в том числе в научных и развлекательных целях).

Данные изменения не могли не отразиться на форме и содержании текста: наблюдается переход от формального описания к описанию непосредственно действия с выдвиганием себя как участника и автора путешествия и собственных мыслей на первый план. Принципиальным различием является время фиксации заметок — записаны ли они непосредственно во время путешествия, вследствие чего достигается большая объективность повествования, или восстановлены по памяти по прошествии определенного времени, в случае чего неизбежны фильтрация и упорядочивание фактов.

«Путешествие» Фридриха фон Грама представляет собой описание поездки на пролив Большой Белт уже после ее окончания, о чем свидетельствует непосредственное указание на данный факт в тексте, а также полная сохранность рукописи, чистые поля и отсутствие корректур. Как тип текста «путешествие» не выявляет строгих образцов языкового оформления, однако к характерным языковым чертам можно причислить некоторые лексические и синтаксические особенности, пространственно-временной дейксис и др.

Понамарева Надежда,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Баева Г. А., д. ф. н., профессор

Коммуникативно-прагматический потенциал паратекста
в немецком прозаическом романе «*Historia von Johann D. Fausten*»
(на материале маргиналий)

Учитывая значимость паратекста в рамках художественной коммуникации Позднего средневековья, в частности традиции немецкого прозаического романа [Die Pluralisierung des Paratextes in der Frühen Neuzeit, 2008], представляем паратекст как элемент, конституирующий данный жанр, т. е. раскрывающий специфику его функционирования между автором-субъектом речи и читателем-адресатом, ср.: [Бахтин, 1996].

Редко встречающимся паратекстуальным образованием является текст в виде заметок на полях, маргиналий. Одним из прозаических романов, где маргиналии широко представлены, является роман «*Historia von Johann D. Fausten*» в первом издании Иоганна Шписа (1587 г.) [Historia von D. Johann Fausten, 2012]. Корпус маргиналий в данном издании состоит из 69 единиц.

В терминах теории речевых актов и теории высказывания рассматриваем маргиналии как высказывания, обладающие коммуникативной направленностью, иначе вербальные действия, совершаемые субъектом речи с определенной интенцией, ср.: [Остин, 1986; Серль, 1986]. Интенция определяет значимость содержательной связанности, паратекстового отношения маргиналий с соответствующими текстовыми фрагментами.

Анализ интенциональной нагрузки маргиналий привел к их следующей классификации: 1) репрезентативы (аффирмативы); 2) эмотивы; 3) директивы.

Маргиналии-репрезентативы направлены на сообщение читателю определенной информации об исходном тексте. Так, в главе, рассказывающей о кругосветном путешествии доктора Фауста, они называют исторические факты и топосы, что позволяет читателю быстро найти в тексте необходимую информацию историко-географического плана, например: *Solimanus ist Anno 1519. ins Regiment kommen* [Historia von D. Johann Fausten, 2012, S. 68]; *Jnsel Creta* [Historia von D. Johann Fausten, 2012, S. 71].

Маргиналии-эмотивы являются эмоционально-окрашенными высказываниями и/или содержат оценочные слова и выражения. Их цель — путем передачи личного эмоционально опыта и оценочной деятельности субъекта речи побудить читателя к определенному рода жизненной и духовной практике. Так, маргиналия *O HERR Gott behüt* [Historia von D. Johann Fausten, 2012, S. 23] сопровождает фрагмент, в котором описывается акт заключения доктором Фаустом договора с дьяволом. Личное обращение субъекта речи к Богу с просьбой о защите является в данном случае косвенной апелляцией к вниманию читателя, указанием на необходимость постоянного обращения к Богу и сотворения молитвы, гарантирующих предохранить его от грехопадения.

Маргиналии-директивы представлены одним примером: *Nota* [Historia von D. Johann Fausten, 2012, S. 57]. Данная маргиналия имеет открыто адресатно-иницирующий характер, она акцентирует внимание читателя на эпизоде, описывающем путешествие доктора Фауста к звездам.

Литература:

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Собр. соч. М., 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
2. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 22–129.
3. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–169.
4. Die Pluralisierung des Paratextes in der Frühen Neuzeit: Theorie, Formen, Funktionen / hrsg. von F. von Ammon, H. Vogel. Berlin, 2008.
5. Historia von D. Johann Fausten. Text des Druckes von 1587. Kritische Ausgabe. Mit den Zusatztexten der Wolfenbütteler Handschrift und der zeitgenössischen Drucke / hrsg. von St. Füssel, H. J. Kreutzer. Stuttgart, 2012.

Тихонова Елена Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

«Ясный, как день» — «тёмный, как ночь»:
сравнения с темпоральными существительными
в средневерхненемецком книжном эпосе

В настоящей статье на материале свн. «Парцифалья» В. фон Эшенбаха и «Песни о нибелунгах» рассматриваются темпоральные лексемы специализированной тематической группы, входящие в состав образных сравнений.

Всего в этой функции представлено 13 темпоральных существительных и 2 глагола в «Парцифале» и 1 существительное — в «Песни о нибелунгах».

Свет и темнота — одни из ключевых понятий средневековой ментальности, и именно они часто оказываются признаком сравнения. Особенно актуально сравнение по признаку «света/сияния». Соответственно, самый частотный образ сравнения — существительное *tac* «день». Кроме того, в этой функции используются существительные *zît* «время, час», *meue* «май», а также глагол *tagen* «светать».

Намного менее распространено сравнение по признаку темноты / отсутствию света, выражаемое лексемами *naht* «ночь» и *nebeltac* «туманный день».

В большинстве случаев предметом сравнения является внешность героев (*blic*, *antlütze*).

Одиночными примерами представлены лексемы *got* «Бог», *tugent* «добродетель», *lieht von kerzen* «свет свечей», *wâpenroc* «сюрко».

Сравнения в исследованном материале выражаются при помощи сравнительных союзов *als*, *alsam* «как», *sô* «так»; имен прилагательных в сравнительной степени с союзами *dan* и *denne* «чем»; придаточных сравнительных предложений с подчинительными союзами *also* «как», *als ob* «как будто»; описательных бессоюзных оборотов. В последнем случае факт сравнения выражается глаголами *dunken* «казаться» и *wânen* «полагать», местоимением *ander* «другой, второй» или наречием *reht* «прямо, точно». Признак «сияния»/«яркости» может передаваться с помощью глаголов *tagen* «светать» и *schînen* «сиять». В составе сравнения темпоральное существительное может быть подлежащим, предикативом и частью обстоятельства времени. Таким образом, темпоральные существительные в составе сравнений могут участвовать во временной локализации действия.

Флакман Мария Алексеевна,

преподаватель, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Jah hana hrukida:

звукоизобразительная лексика в готском языке

Звукоизобразительные (звукоподражательные и звукоименные) слова, т. е. слова, имеющие структурное сходство между фонетическим обликом и звуковым (мимео-звуковым) денотатом, являются неотъемлемой частью всех современных языков мира. Мертвые языки не являются исключением. Даже в таком языке, как готский, с относительно малым числом сохранившихся письменных памятников, мы находим некоторое число звукоизображений (далее ЗИ).

Сплошная выборка из этимологического словаря готского языка У. Лемана [Lehman, 1986] позволяет обнаружить три десятка ЗИ слов, дошедших до современного исследователя. Например, (Иоанн 18: 27) *þaruhafta afaiaik Paitrus, jah suns hana hrukida* (Петр опять отрекся; и тотчас запел петух). Глагол **hrukjan* «кукарекать», несомненно, звукоподражательный, на что, в частности, и указывает У. Леман [Lehman, 1986. P. 192] — он возводит его

к и-е **ker* — «звукоподражательное обозначение грубых (unmelodic) звучаний». Наличие звукоизображений в словаре, основанном исключительно на клерикальных текстах, можно расценивать как редкую удачу, поскольку звукоизображения принадлежат в большей степени к речи разговорной и массово встречаются только в таких жанрах как детская сказка или в художественных произведениях, где контекст требует определенной экспрессии.

Обнаруженные ЗИ слова готского языка представляется возможным причислить к различным универсальным категориям. Так, ЗИ делят [Воронин, 2006] на звукоподражания, или акустические копии, и звукоимеобразия, или (акустико-)артикуляторные копии. Примером звукоподражания может послужить **hrukjan*, примером звукоимеобразия — **bi-mampjan* «насмехаться» (Лука 16:14) *'gahausidedun þan þo alla jah þai Fareisaieis, faihofrikai wisandans, jah bimampidedun ina'* (Слышали все это и фарисеи, которые были сребролюбивы, и они смеялись над Ним)). Наличие лабиальных, особенно лабиальных кластеров — это во многих случаях указание на пейоративность, поскольку мимика отвращения, как было статистически доказано [Шамина, 1989], передается губной артикуляцией. У. Леман также предполагает ЗИ происхождение этого слова [Lehman, 1986. P. 70], сравнивая его с *англ.* *tump* «гримасничать, строить рожи» и *нем.* *tumpfen* «шевелить губами, шамкать, чавкать». Наличие трех лабиальных в основе **bi-mampjan*, притом двух в контактной позиции, вкупе с пейоративной семантикой дает нам основание говорить не только о его ЗИ происхождении, но и о принадлежности к звукоимеобразиям-мимеоинтраклинесемизмам [Воронин, 2006].

К готским звукоизображениям можно применить еще одну классификацию — по стадиям деиконизации [Флакман, 2014]. Согласно этой классификации, всю ЗИ лексику в зависимости от степени сохранности иконических связей можно разделить на четыре категории. К 1-й категории относятся ЗИ междоимения (*brp!* *хрясь!*), ко 2-й — образованные от них полнозначные слова (*бренчать*, *хряснуть*), к 3-й — ЗИ, утратившие либо исходный фонетический облик в результате регулярных фонетических изменений, либо исходную семантику, к 4-й — слова, чье ЗИ происхождение можно обнаружить только при помощи этимологического анализа. Среди готских ЗИ мы находим слова 2-й стадии деиконизации (**hrukjan*, **bi-mampjan*) и 3-й (например, **teigan* «трястись», ЗИ по происхождению [Lehman, 1986. P. 283], однако к моменту написания Серебряного Кодекса утратившее исходное значение: (Марк 5:33) *'so qino ogandei jah reirandei...'* (женщина в страхе и трепете...)).

Литература:

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
2. Гухман М. М. Готский язык: учебное пособие. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
3. Флакман М. А. Денатурализация языкового знака: скорость и особенности протекания процесса в английском языке // Англистика XXI в. СПб.: Университетские Образовательные округа, 2014. С. 350–354.
3. Шамина Е. А. Дистрибуция лабиальных в фонетическом и фоносемантическом отношении (статистико-экспериментальное исследование на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. н. Л., 1989.
5. Lehman W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986.

Шалудько Инна Александровна,

к. ф. н., доцент, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Анализ формул в средневековых испанских поэтических текстах

Несмотря на то что понятие формулы (эпической, словесной, языковой) прочно вошло в филологический обиход, его содержательное наполнение лишено однозначности даже в рамках одной школы и единой концепции (ср. теорию Пэрри-Лорда), не говоря уже о том, что различные подходы обнаруживают значительное варьирование в трактовке этого термина. Попытки наполнить его единым содержанием, несомненно, заслуживают уважения, однако едва ли могут быть признаны успешными (ср. сближение языковой и химической формул у Ю. А. Клейнера). В отличие от химической формулы, которая представляет собой объективную данность, отражающую непреложные природные закономерности взаимодействия атомов, образующих молекулу вещества, языковая формула — это не что иное, как *исследовательская абстракция*, описывающая отношения между релевантными, с точки зрения ученого, параметрами.

Так, формульный анализ зиждется на нескольких основополагающих принципах, принимаемых исследователями: а) *абсолютизация* формулы, возведенной в ранг *главного понятия* устно-поэтической традиции, рим-тико-семантико-синтаксической единицы или *атома* ее языка; иными словами, формульность видится как универсальная характеристика устно-поэтической речи, отличающая ее от иных форм: бытовой, книжной и пр.; б) *полезность* формулы, обуславливающая активное использование *сказителем* формульной техники для непрерывного сложения песни («сочинения в процессе исполнения»); в) статус формулы как *продуктивной текстообразующей единицы*, что требует от исследователя внимания к лингвистическому анализу *порождения* устно-поэтической речи.

Мы считаем целесообразным рассматривать формулы также в несколько ином — инвертированном по отношению к формульному анализу — курсе и более традиционном аспекте, восходящем к идеям А. Н. Веселовского, опираясь на следующие положения: а) формула — это не имеющий всеобщего характера феномен *стиля* конкретного поэтического текста (а не только традиции в целом), содержательная специфика которого обнаруживается в модальном, композиционном, сюжетном и образном решении произведения (заметим, что такая трактовка включает в себя тему или мотив по А. Лорду); б) формула — это элемент *традиции*, переходящий из текста в текст, меняя контекстуальное окружение, следовательно внимание исследователя должно быть направлено на лингво-филологический анализ текста как такового; в) формула обладает *суггестивностью* (по А. Н. Веселовскому), т. е. способностью «вызывать вечно новые подсказывания и работу мысли», так что целью анализа должно стать выявление подсказанных (имплицитных) смыслов текста, создаваемых с помощью формул.

Анализ формул в средневековых испанских поэтических текстах, принадлежащих к устной и письменной формам реализации и различным жанрам, показывает, что собственно формулы (полностью воспроизводимые единицы) уступают по частотности вариативным моделям как в народном

эпосе («Песнь о моем Сиде»), так и в ученых жанрах (эпических и религиозных поэмах). При этом устно-эпический текст изобилует рядом формул *сюжетного* значения. Так, тема рыцарского поединка, решающего исход битвы, представлена рядом мотивов (нанесение удара мечом, спасение врага бегством, преследование и добыча трофея), выраженных вариативными формулами. Несомненный интерес представляют формулы, которые в разных текстах соотносятся с нетождественными ситуациями и выполняют различные стилевые функции. К примеру, формула *llorar de los ojos* («плакать [слезами] из глаз»), эмоционально маркирующая *сюжетообразующие* события в народном и ученом эпосе, выполняет *композиционную* функцию в религиозных поэмах Берсео. Подобным образом формулы с глаголами перцепции способны создавать различные формы *имплицитной модальности текста* (достоверность, знамение, чудо и др.). Таким образом, наряду с формульным анализом поэтической речи по Пэрри-Лорду, анализ функционирования формул в конкретном тексте, направленный на выявление выражаемого ими имплицитного содержания, является эффективным инструментом изучения литературных памятников.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА)

Авдеева Любовь Алексеевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Воронцова Татьяна Васильевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лексикографирование ошибок в сфере глагольной лексики

Цель статьи — рассмотреть принципы отбора словника и организации словарной статьи с заголовочным словом-глаголом в Словаре распространенных ошибок *Longman Dictionary of Common Errors* by G. V. Heaton and N. D. Turton. Обращение к глаголу обусловлено тем, что с точки зрения теоретической грамматики именно глагол является отправной точкой в развертывании синтаксической структуры, предопределяя число представленных в высказывании участников ситуации и их актантные роли.

С глагольными предикатами связано очень много вопросов, начиная от особенностей их семантики и их категорий (переходность/непереходность, актив и пассив, вид и временная соотнесенность действия, возвратность и категория лица) до сочетаемости глаголов с разными видами дополнений и неличными формами, а также возможности вхождения глаголов разной семантики в структурные комплексы сложного подлежащего и сложного дополнения. Поэтому освоение глагольной лексики требует от учащихся достаточной теоретической подготовки, а также последовательной, систематической и трудоемкой работы. Вместе с тем продуцирование речи существенно облегчается, если под рукой есть справочное пособие, позволяющее создавать грамматически отмеченные высказывания при недоста-

точно высоком уровне владения языком. Именно таким пособием является Словарь распространенных ошибок.

Рассмотрим принципы организации словарной статьи. Заголовочное слово-глагол выделено жирным шрифтом. На каждую ошибку в употреблении глагола приведено по два предложения-примера. Одно из них — предложение с ошибкой в ключевом слове, второе — правильный вариант предыдущего предложения. Далее следует комментарий, в котором поясняется, почему этот глагол используется только таким образом. Если в пояснении используется термин, то составители рекомендуют посмотреть дефиницию этого термина в глоссарии терминов в конце словаря (в глоссарии 85 терминов). После комментария могут идти сноски на другую словарную статью, связанную с первой. Некоторые словарные статьи имеют подстатьи (sub-entries), которые также могут иметь по несколько примеров.

Сравнение словарных статей по размеру обнаруживает их заметные расхождения из-за того, что в них обсуждается разное количество ошибок в зависимости от конкретного глагола. Так, для глагола *to demand* приведена одна ошибка, для глагола *to depend* — две, а для глагола *to deny* — три. Кроме того, статьи содержат разное число компонентов. Это говорит о нарушении параметров унифицированности и последовательности. Что касается параметра достаточности, то следует отметить, что не все словарные статьи имеют полное и доступное для понимания объяснение ошибок. В словаре есть статьи, которые содержат лишь один компонент (сноска на другую статью), при этом в других дано избыточное количество информации (правило + ссылка на грамматическую таблицу). Пониманию комментария подчас препятствует необходимость разбираться в лингвистических терминах. В Словаре ошибок представлено 310 глаголов. Список достаточно объемный, хотя и не исчерпывающий. Так, носители русского языка делают ошибки в использовании глаголов *to need* (**We needed in money*) или *to consist* (**The book consisted from 6 chapters*) и некоторых других, которых нет в Словаре.

Однако в целом Словарь распространенных ошибок следует признать интересным лексикографическим опытом, заслуживающим внимания и применения к другим языкам.

Азарова Наталья Михайловна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва)

Особенности словесных рядов в поэзии субкоманданте Маркоса: к новому пониманию прагматики поэзии

Стилистика поэтических текстов Маркоса представляет собой пример возможности существования в современности политической поэзии с очевидно выраженной прагматической направленностью. Это не привнесение политики в поэзию, а наоборот привнесение поэзии в политику, что находит выражение в особом отборе лексики и ее сочетаемости: в идее поэзии как мягкости он следует за Че Геварой, цитируя его: «*hay que endurecerse pero sin perder la ternura jamas*».

В предисловии к «Инструкциям по изменению мира» (Rebeldía, 1984–1989 гг.) Маркос по отношению к текстам, которые явно способны быть

восприняты как политическая поэзия, утверждает, что это «литература гор», т. е. тексты, у которых заведомо нет определенного адресата («no tienen destinatario definido»), более того, эти тексты не написаны для того, чтобы кто-либо их прочел, тексты пишутся совсем просто так, как что-то вытаскивая («se escriben así nomás, como sacando algo»).

В отличие от «чистой поэзии» и даже от поэзии, претендующей на политическое звучание, множественная субъективация в поэзии Маркоса не создается чисто текстуально, а вызывает интерес вне литературной ситуации. Разгадывание феномена Маркоса, который зачастую формулируется исследователями в карикатурных терминах «противоречивой личности». Однако поэзия представляет собой лишь часть загадки его субъективации. Убедительно действительное, а не декларируемое, отсутствие в нем потребности в индивидуализме.

Его скользкая идентичность воплощается как в процессе множественного «двойного перевода» с языка индейской культуры на западный язык и обратно — со своего понятийного политического языка левых на концептуальный язык коренного населения, тоже свой.

Плавающее «мы» не может быть собрано в единого субъекта, что находит прямое отражение и в грамматике его «простых стихов» (versos sencillos), представляющих отнюдь не простую местоименную поэтику (переходов от «мы» к «ты» и обратно к «мы», но уже другому): nos enseñaron que amor a la Patria es, / por ejemplo, / saludar a la bandera... Y por ejemplo, / no nos enseñaron que amor a la Patria / puede ser, / por ejemplo, / silbar como quien se / va alejando, pero, / tras de aquellas colina también hay / Patria y nadie nos ve, / y nos franqueamos / (porque uno siempre se franquea / cuando nadie nos ve).

В тексте Маркоса бинарные оппозиции не снимаются, а просто перестают быть оппозициями. Они «утверждаются» как парадокс, но и легко трансформируются из, казалось бы, противоположных пар в триады или четверки.

Современность поэзии Маркоса во многом отменяет само понятие текста, и прагматика поэзии начинает определяться не как существование текста в определенной ситуации, а как движущееся (процессуальное) разнонаправленное высказывание (точнее, *говоримое*) некоего особым образом субъективирующегося биологического тела, высказывание, безусловно, воздействующее на зрителя, формируемого достаточно широкой аудиторией, внутри которой возникают целевые адресные группы.

Алешина Александра Игоревна,

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Шадрина Надежда Амиришоевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

**Взаимоотношение категорий оценки и интенсивности
в современном английском языке**

Взаимоотношение семантических категорий может быть, прежде всего, обусловлено «селективным наложением понятийных сфер», а также существованием в пределах некоего фрагмента языковой системы фиксиро-

ванных комбинаций на разных уровнях, чем и характеризуются категории оценки и интенсивности современного английского языка. Стереотипные, фиксированные комбинации в этих категориях можно выделить на структурном, прагматическом, когнитивном и семантическом уровнях.

Общеизвестно, что обе категории используют для своей реализации одни и те же лексические единицы: «I suffer awfully» vs. «I am awfully glad». При этом единицы совпадают только структурно вследствие процесса десемантизации. На прагматическом уровне обе категории относятся к разряду антропоцентричных, они содержат одни и те же компоненты: субъект оценки (субъект выражения интенсивности) — объект оценки (объект интенсификации) — основание оценки (нулевой показатель интенсивности). Основным условием функционирования обеих категорий является наличие субъективной значимости ценностного признака, выявляемого категорией оценки, количественного, градуального признака объекта, а также степень или мера этого признака, определяемых категорией интенсивности. И в том, и в другом случае функционирование категорий происходит в зависимости от картины мира, от шкалы ценностей, от существующих стереотипов и норм. Ценностная принадлежность объекта определяется на основе сравнения с ценностными моделями, она отражает соответствие или несоответствие ценностным критериям. В то же время, определение ценности объекта зависит от ее соответствия субъективной модели норм и стандартов. На основании соотношения с нормативной моделью выделяется абсолютная исравнительная оценка. Категория интенсивности также использует понятие нормы как представление о нейтральном, исходном, обычном. Норма для шкалы интенсивности является основным организующим началом, точкой отсчета. Представление о норме необходимое условие для когниции, без него невозможна классификационная и оценочная деятельность.

На семантическом уровне взаимодействие категорий оценки и интенсивности современного английского языка проявляется в наличии семантики оценки в единицах функционально-семантического поля интенсификации и семантики интенсивности в функционально-семантическом поле лексических единиц, реализующих категорию интенсивности. Функционально-семантическое поле интенсивности современного английского языка объемно, на лексикографическом уровне оно выявляется при помощи разнообразных маркеров: «used to emphasize», «very», «extremely», «greatly», «utterly», «thoroughly», «immeasurably», «intensely», объединенных интегрирующей семой. Вместе с тем, некоторые показатели этого поля имеют оценочные семы в лексико-семантической структуре, зафиксированной в словарях. Это позволяет выделить выделить два вида интенсифицирующих единиц: «интенсификаторы» — интенсифицирующие единицы, не имеющие в составе семантической структуры сем оценочности, и «интенсивы», которые эти семы имеют: «appallingly — very bad and unpleasant»; «wonderfully — very well or to a very great degree». Оценочная семантика интенсивов сочетается в их семантической структуре с обязательным показателем интенсивности и может быть как положительной, так и отрицательной.

Аксиологические единицы как положительной, так и отрицательной семантики, реализующие категорию оценки, наряду с оценочной семантикой, могут иметь семы интенсивности, выраженные разными способами в их словарных дефинициях: «delightful — very pleasant», «horrible — very bad and unpleasant», «marvelous — extremely good, enjoyable», «miserable — extremely unprappy», «preposterous — completely silly». Таким образом, категориальное пересечение понятийных полей оценки и интенсивности, основанное на их связи с понятийным полем нормы, на лингвистическом уровне проявляется в общности лексических показателей, а также в общности интегральных и дифференциальных семантических компонентов.

Амурская Оксана Юрьевна,

к. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Речевой акт комплимента

в дискурсе пользователей англоязычного фотосайта

(на примере фотосайта Flickr)

Фотосайт представляет собой платформу, которая позволяет пользователям загружать фотографии, а также комментировать фотографии других пользователей. Таким образом, с коммуникативной точки зрения фотосайты (фотохостинги) представляют пользователям возможность создания сообществ, обсуждения и комментирования фотографий.

Рассматриваемый фотосайт Flickr (www.flickr.com) является одним из старейших и самых известных в англоязычном Интернет-сообществе. Он был создан в 2004 г. компанией Ludicorp и с 2005 г. развивался при поддержке Yahoo. Количество его пользователей растет с каждым годом, в 2011 г. посещаемость сайта составила более 80 млн человек, а количество размещенных на нем фотографий составило более 6 млрд.

Говоря о прагматическом направлении в изучении виртуальной языковой личности в отечественной лингвистике на материале отдельных видов компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК), следует также отметить составление речевого портрета пользователей фотосайтов и фотохостингов, осуществляемое при помощи метода семантического и прагматического анализа комментариев определенного пользователя. Комментарии пользователей представляют несомненный интерес для лингвистов с точки зрения их лексических особенностей, синтаксической структуры, а также прагматики. Фотосайт как вид КОК появился не так давно, и соответственно мало разработан и описан в отечественной и зарубежной лингвистике. Выбор речевого акта комплимент для исследования обусловлен высокой частотностью его употребления в данном дискурсе: фотографии, загружаемые пользователями, в большинстве случаев вызывают восхищение других пользователей и желание сделать прямой или косвенный комплимент их автору.

Речевой акт комплимента Н. А. Трофимова относит к речевым актам эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, называемым «инфлюктивами». Данный речевой акт, по ее определению, слу-

жит для того, чтобы выразить адресату или третьему лицу положительную оценку говорящего и относится к положительной стратегии вежливости. Структура исследуемого дискурса позволяет исследовать речевой акт комплимента в составе полилога с целью выявить комплиментарные признаки, характерные для дискурса пользователей данного фотосайта, рассмотреть иллюкутивную реакцию на комплимент, а также изучить его структуру.

Материал нашего исследования составили комментарии англоязычных пользователей к фотографиям разных жанров (портрет, жанровая фотография и пейзаж), представленным на фотосайте Flickr и, представляющих собой языковое выражение речевого акта комплимента.

В нашем исследовании мы опираемся на предложенную О. С. Иссерс классификацию реплик-комплиментов, которая подразумевает их деление на прямые и косвенные. По классификации Т. И. Поповой выделяют следующие стратегии пользователей фотосайтов: эмоционально-оценочная, рационально-оценочная и креативно-оценочная (артистическая, игровая).

Проведенное исследование показало преобладание косвенных комплиментов, которые варьируются в зависимости от выбранной стратегии пользователя. Например, комплимент пользователя с рационально-оценочной стратегией касается технической стороны обсуждаемой фотографии (свет, ракурс и т. д.). Пользователи с эмоционально-оценочной стратегией делают акцент на своем эмоциональном впечатлении от фотографии (например, акцентируется красота модели фотографа) и выражают это в своих комплиментарных высказываниях. В дискурсе пользователей с креативно-оценочной стратегией не было выявлено комплиментарных высказываний, что, на наш взгляд, объясняется тем, что данный вид стратегии подразумевает иронию, а одним из условий комплимента как речевого акта является искренность. Несомненный интерес представляет также структура данного речевого акта в дискурсе пользователей фотосайта.

Таким образом, речевой акт комплимента ярко выражен в англоязычном фотосообществе и представляет собой обширный материал для дальнейшего лингвистического исследования.

Баканова Анна Валентиновна,

к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Фразеологические и паремиологические единицы в каталанских народных сказках

Каталанский язык в силу географических и исторических обстоятельств развивался в тесном контакте с другим романским языком, испанским, но при этом сохранился как самостоятельный язык и оставил самобытное фольклорное наследие. Считается, что некоторые особенности языка и структуры каталанских фольклорных текстов сформировались под влиянием восточной традиции благодаря тесным торговым контактам.

В каталанских народных сказках встречается много формульных и фразеологических единиц: инициальные, финальные и медиальные формулы, пословицы и поговорки, загадки и скороговорки. Кроме того, Жоан Амадес

отмечает звукоподражательные элементы, рифмованные и музыкальные фрагменты, частые повторы и перечисления. Подобные явления, с одной стороны, имеют отношение к особенностям каталанской фонетики и просодии, с другой стороны, можно предположить, связаны с социально-политическим контекстом функционирования каталанского языка, который в определенные исторические периоды считался преимущественно языком бытового общения.

Среди большого разнообразия каталанских народных сказок можно встретить отдельный жанр *rondalles paremiològiques*, где объясняется смысл или история возникновения различных паремиологических единиц. Каталанская фольклористическая традиция подчеркивает его близость к таким жанровым единицам, как *anècdota* и *facèsia*.

Особый интерес представляет анализ известной каталанской скороговорки «*Setze jutges...*», использующейся часто носителями языка с целью проверки принадлежности и/или степени знакомства с каталанским языком и культурой. Зафиксировано несколько вариантов этой скороговорки: «*Setze jutges d'un jutjat mengen fetge d'un penjat*» или: «*Setze jutges mengen fetged'un penjat. Setze jutges n'han menjat*». Данная скороговорка насыщена шипящими, что представляет особую сложность, в первую очередь, для ближайших соседей — испанцев, у которых в языке этих звуков нет.

Подобные проверочные тексты существуют практически во всех языках и получили название шибболет (*zitgolep*), лингвистический термин, введенный в отечественное лингвострановедение Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым. Например, в каталанской области *Camp de Tarragona* используется фраза: *A Valls venen vi bo i barat*, поскольку, в отличие от остальной каталанской территории, местные жители имеют различное произношение для *v/b*, а жители Майорки говорят, что только они умеют правильно произносить слова *atlot* (*minyó*) и *juevert* (*julivert*).

«Через интерпретацию значения пословиц и поговорок и при соотношении их с характером прототипической ситуации обнаруживаются национально-культурные особенности анализируемых единиц». Таким образом, в фольклорных текстах на лексико-фразеологическом уровне нашли отражение не только конкретные исторические и культурные реалии различных областей Каталонии, но и общие черты национального характера и менталитета каталанского народа.

Безкровая Галина Тиграновна,

старший преподаватель, Московский государственный университет печати
им. И. Федорова

Особенности антонимии как типа семантических отношений в английском языке (на примере СП *gentleness/nobleness*)

Антонимия является одним из типов семантических отношений в семантических полях. Не является исключением и СП *gentleness/nobleness* английского языка, в котором наблюдается явление антонимии. Конституенты поля с ядрами *gentleness/nobleness* номинируют предметы и явления,

связанные с понятием «благородство». Для английской языковой картины мира весьма важным является концепт gentleman, входящий в исследуемое поле. Лексемы — антонимы, которые номинируют представителей незнатных, не рожденных в благородном семействе представителей социальной иерархии британского общества, прилагательные со значением, противоположным положительным характеристикам кодекса настоящего джентльмена по праву могут быть включены в рассматриваемое СП.

В процессе выборки из словарей, трактатов о джентльменстве, текстов художественных произведений были отобраны такие антонимы, как bastard, villain, commoner, unworthy, indignant, ill-bred, illiterate, unintelligent, beggar, etc. Вместе с тем нет строгой фиксации этих конститuentов только в рамках СП gentleness/nobleness. Учитывая многомерный и размытый характер границ поля, можно говорить о том, что антонимы могут входить в смежные поля, например STATUS, SOCIAL POSITION. Это не противоречит правомерности рассмотрения этих конститuentов в качестве антонимов в рассматриваемом СП.

В процессе работы были отобраны антонимы, использованные в текстах романов таких английских писателей викторианцев, как Ч. Диккенс, Ч. Лервер, Д. М. Мьюлок-Крейг, У. Теккерей. В эпоху викторианства конститuentы СП gentleness/nobleness актуализируются и занимают важное место в том числе и в рамках художественных текстов в силу ряда причин, в том числе и экстралингвистических.

Таким образом, представленная в СП gentleness/nobleness антонимия позволяет подтвердить системный характер лексики.

Безус Светлана Николаевна,

к. п. н., доцент, Пятигорский государственный лингвистический университет

Puesto ya el pie en el estribo: финальная эпистола Сервантеса

Последнее письмо Сервантеса, написанное за четыре дня до смерти, не меньше, чем другие его произведения, заслуживает внимания. Оно адресовано некоему дону Педро Фернандесу де Кастро, графу Лемосскому. Финальная эпистола Сервантеса волею судьбы превратилась не только в предсмертное послание, но в демонстрацию мужества и силы духа бессмертного автора «Хитроумного идадьго Дона Кихота Ламанчского». Удивительно, но Сервантес пишет свое прощальное письмо сразу после церковного обряда соборования! Как правило, к таинству «последнего помазания» прибегали для очищения от грехов тяжелобольных людей, находящихся на пороге смерти, т. е. писатель прекрасно понимал, что дни его сочтены.

Насыщенная событиями, суровая и многострадальная жизнь не смогла сломить стойкого и благородного идадьго, каким, несомненно, оставался Сервантес, несмотря на все перенесенные страдания. Даже лежа на смертном одре, он полон желаний и стремления жить.

Осознавая свое состояние, как истинный художник слова, Сервантес начинает письмо строками старинного куплета, немного переделав его

для соответствия адресату. Его нежелание обращаться к фразе «*Puesto ya el pie en el estribo*» понятно: испанская поговорка *Estar con un pie en el estribo* (Стоять одной ногой в стремях) означает «быть на грани смерти». Он вынужден признать, что его жизнь подходит к концу, но все же продолжает уповать на чудо.

Принимая со смирением волю небес, Сервантес в своем последнем послании ни на что не жалуется и ни о чем не жалеет. Он искренен в желании продемонстрировать преданность своему покровителю, которому он безмерно благодарен и чье мнение ему небезразлично.

Единственное, о чем печалится Сервантес — это о том, что время летит слишком быстро, а с ним тают и надежды. В письме графу Сервантес упоминает три произведения, которые до нас не дошли: «Недели в саду», «Достославный Бернардо», «Галатея» (2-я часть). Завершить любимые образы — вот его последнее желание. Но невозможность осуществить задуманное приносит горечь, боль и душевные терзания, которые угадываются в стоических философских размышлениях писателя.

Чего больше в этом письме: жизни или смерти? Попробуем сравнить:

жизнь

- 1) *llevo la vida sobre el deseo* — «живу с желанием жить»
- 2) *el contento de ver a V.E.* — «рад видеть Ваше Сиятельство»
- 3) *me volviese a dar la vida* — «мне бы снова подарили жизнь»
- 4) *un tan aficionado criado de servirle* — «такой преданный слуга»
- 5) *pasaraún más allá de la muerte* — «пойти больше, чем на смерть»
- 6) *me allegro* — «я рад»
- 7) *regocíjome* — «я ликую»
- 8) *realégrome* — «я снова радуюсь»
- 9) *verdaderas mis esperanzas* — «мои настоящие надежды»
- 10) *me quedan el alma reliquias y asomos* — «в моей душе живут образы и наброски»
- 11) *buena ventura mía* — «моя добрая удача/счастье»
- 12) *sería milagro* — «было бы чудом»
- 13) *me diere el cielo vida* — «небо подарило бы мне жизнь»
- 14) *continuado mi deseo* — «продолжается моё желание»

смерть

- 1) «*Puesto ya en el estribo*» — «Поставив ногу в стремя»
- 2) *Extrema Unción* — «соборование»
- 3) *tiempo es breve* — «время быстротечно»
- 4) *ansias crecen* — «тревоги растут»
- 5) *las esperanzas menguan* — «надежды тают»
- 6) *poner coto* — «положить предел / подвести черту»
- 7) *perderla vida* — «потерять жизнь»
- 8) *la voluntad de los cielos* — «воля небес»

Несмотря на приближение последнего часа и осознание неизбежности кончины, Сервантес объективно почти в два раза меньше поминает смерть. Однако он понимает, что обмануть судьбу не удастся, поэтому все его размышления о жизни — гипотетические, что выдают используемые формы сослага-

тельного наклонения (Subjuntivo, Potencial): **quisiera** yo no **vinieran** tan á pelo, **fuese** tanto el contento, me **volviese** á dar la vida, **sería** milagro, me **diere** el cielo vida.

Если говорить о тематической структуре, то в нескольких строчках письма Сервантес, с одной стороны, со смирением прощается с жизнью, но в то же время надеется на лучшее, он не забывает выразить слова благодарности графу, но и не забывает упомянуть свои неоконченные работы.

Борис Анна Михайловна,

аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Речевые стратегии самопрезентации крупнейших немецких фирм (на основе списка Fortune Global 500, 2014) на их официальных сайтах

В современном глобальном мире все больше внимания уделяется деловой коммуникации. Одной из причин этому мы можем назвать постоянно растущую экспансию деловой коммуникации во все наиболее значимые области общественной жизни. Современные экономические и политические ситуации выдвинули на первый план необходимость повышения уровня коммуникативной компетентности участников деловой коммуникации. Высокая степень компетентности в знаниях современных речевых тактик и стратегий при деловой общении может стать неплохим средством предотвращения конфликтов, стимулирования и продвижения собственных идей, а также развитие партнерских взаимоотношений с представителями других областей.

Речевую стратегию, вслед за В. Е. Черняевской, мы определяем как план по оптимальному воплощению определенного коммуникативного намерения отправителя сообщения, который регулирует содержание информации, закладываемой в текст, коммуникативный эффект к достижению которого он стремится, а также выбор и комбинирование языковых средств, обеспечивающих речевое формулирование задуманных целей высказывания. Стратегия самопрезентации занимает одно из важных мест среди различных стратегий и тактик делового общения.

Самопрезентацию мы понимаем как комплекс речевых и неречевых действий, которые позволяют индивиду представлять окружающим различные стороны своей личности и служащих для создания и укрепления его имиджа. Таким образом, исходя из данных определений нам становится понятно соотношение двух названных понятий. Самопрезентация является процессом, в котором личность (или если мы говорим о корпоративной самопрезентации — организация) может открывать аудитории различные черты, в том числе негативные.

Объединив стратегии самопрезентации в группы, мы постарались применить их касаясь крупнейших немецких компаний, представленных в списке Fortune Global 500 (рейтинг 500 крупнейших мировых компаний, критерием составления которого служит выручка компании), представленном в 2014 г. В вышеуказанный список вошли следующие компании: Mercedes-Benz (10 место), BMW Group (11 место), SAP (25 место), VW

(Volkswagen) (31 место) и Siemens (49 место) среди лучших мировых брендов (Best Global Brands| 2014).

При анализе корпоративных веб-сайтов фирм мы заметили, что имеем дело с коллективной самопрезентацией, что отражается в использовании личных и притяжательных местоимений 1 л. мн. числа, а также названия фирм в качестве языковых маркеров самопрезентации. Благодаря ряду использованных на корпоративной странице прилагательных и причастий с положительной коннотацией (global, international — интернациональный характер предприятия; führende — ведущая роль; unverwechselbar, individuelle — неповторимость и. т. д.).

На основе выбранных нами компаний мы можем говорить о том, что каждая фирма использует свою стратегию самопрезентации: фирма VW (Volkswagen) делает акцент на истории, а Mercedes-Benz — на передовых технологиях; на корпоративных веб-страницах используется как рациональный, так и эмоциональный типы самопрезентации. Таким образом, самопрезентация как осознанный процесс представления говорящим характерных черт своей личности или особенностей своей фирмы актуальна и для делового дискурса. Дальнейший анализ стратегий самопрезентации в деловом дискурсе позволит в дальнейшем дополнить список, представленный в докладе, а также выявить особенности выражения самопрезентации в других жанрах делового дискурса.

Бочавер Светлана Юрьевна,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва)

Сичинава Дмитрий Владимирович,

к. ф. н., старший научный сотрудник,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Испанский поэтический корпус

В настоящее время в Институте языкознания РАН разрабатывается «Корпус испанской поэзии». Несмотря на существование нескольких корпусов испанского языка, созданных Королевской академией наук, поэтические тексты представлены в них в небольших объемах, а кроме того, ни в одном из них нельзя вести специальный поиск по поэтическому подкорпусу. Данный проект направлен на создание исследовательского инструмента, использование которого может существенно расширить существующие представления об особенностях языка испанской поэзии и открыть новые горизонты в изучении испанского поэтического языка в целом. Работа над «Корпусом» опирается на уникальный опыт российских лингвистов и программистов, создавших корпуса русской и башкирской поэзии, единственные на данный момент в мировой исследовательской практике.

На первом этапе работы над «Корпусом» в него будут включены как классические, так и современные тексты, написанные в Испании. В дальнейшем планируется расширить «Корпус» за счет включения произведений латиноамериканских авторов. При отборе текстов составители будут ориентироваться на фундаментальную антологию Ф. Рико, J. M. Micó, G. Serés, M. Riquena, J. Rodríguez «Mil años de la poesía española», а также антологии

серии “Clásicos Castalia”, где собраны наиболее репрезентативные тексты разных эпох и поэтических направлений. Каждый из текстов будет снабжен разметкой, сочетающей историко-литературные (год создания, жанр), лингвистические (морфология и грамматика) и стиховедческие (размер, тип рифмовки и др.) параметры. Для исследования тенденции к ритмизации в силлабическом стихе предполагается проводить ритмическую разметку всех текстов. Стиховедческая разметка основывается на описаниях испанского стиха и метрики, созданных Т. Navarro Tomás, А. Quiles, J. Domínguez Sararrós etc. К моменту проведения конференции планируется представить первые результаты разметки для текстов XV–XVI вв.

Бруквина Виктория Анатольевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Опыт исследования макроконцепта ANIMAL в картине мира британского сленга

Настоящая работа представляет собой исследование макроконцепта ANIMAL посредством когнитивного анализа его вербальных репрезентаций в картине мира английского сленга. Корпус рассматриваемых лексико-фразеологических единиц ограничен британским национальным вариантом полинационального английского субстандарта. Предметом когнитивного анализа выступают разнообразные зооконцепты, входящие в состав макроконцепта ANIMAL. Когнитивная, таким образом, является важным квантом знания, реконструируемым при анализе семантики вербальных репрезентаций концептов, входящих в состав макроконцепта ANIMAL. Итоги проведенного когнитивного анализа вербальных репрезентаций макроконцепта ANIMAL используются для сравнения с результатами ассоциативного эксперимента, отображенными в английском ассоциативном тезаурусе, которые представляют собой различные слова-стимулы, с общим значением ANIMAL и реакциями на них.

Данные, полученные в ходе сопоставительного анализа, позволяют выявить различия в концептуализации мира британцами, посредством стандартных и нестандартных единиц, репрезентирующих макроконцепт ANIMAL, а также подтверждают постулат о том, что содержание макроконцепта ANIMAL различается в исследуемых фрагментах картин мира — картине мире английского сленга и картине мира английского стандарта.

Бурак Михаил Сергеевич,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

Аналитико-фразеологические сочетания с глаголом «делать» в современных испанском и итальянском языках

Наш доклад посвящен сравнительному анализу аналитико-фразеологических сочетаний (далее АФС), образованных с помощью глаголов hacer/ fare и существительных различной семантики в современных испанском

и итальянском языках соответственно. Эти глаголы являются этимологически тождественными. Их основное значение в обоих языках — «делать». Термин «АФС» был введен В. С. Виноградовым на материале испанского языка. Как отмечает исследователь, «глагол словно “рассеивает” здесь свот конкретно-вещественное содержание и придает всему сочетанию признаки глагольности, сохраняя все свои грамматические формы. Существительное “приглушает” свои грамматические признаки и сохраняет свою семантику, которая становится основой понятийного содержания всего фразеологизма». Например, *dar miedo* (пугать, внушать страх) — букв. «давать страх», *hacer burla* (потешаться) — букв. «делать издёвку» и др.

АФС являются многоплановыми структурами. С одной стороны, они относятся к периферийной фразеологии, с другой — могут быть рассмотрены в рамках теоретической грамматики.

С точки зрения теоретической грамматики ряд исследователей определяют структуры данного типа как «конструкции с глаголами поддержки» — в оригинале LVC. В. Куоки выделяет «осевую» структуру в рамках рассматриваемых сочетаний. Это *fare/hacer* + отглагольное существительное, образованное от непереходного глагола. Т. е. такая конструкция будет означать действие при отсутствии объекта. Например, *fare un salto*, *fare un ballo*, *hacer un viaje*, *hacer una jugada* и др. В обоих языках сочетания такого плана будут тождественными по отношению друг к другу.

Несмотря на наличие общих особенностей, итальянские АФС с глаголом *fare* обнаруживают большую разноплановость и большее своеобразие по сравнению с испанскими с глаголом *hacer*.

Например, итальянские сочетания с семой разрушения *fare a pezzi* и *fare in polvere* имеют предлог в ядре сочетания, что делает их еще более спаянными фразеологически по сравнению с испанскими аналогами.

В рамках большинства акциональных классов и ряда фразео-семантических групп присутствует то или иное количество итальянских выражений, аналогов которых с участием глагола *hacer* в испанском языке нет.

Например, каузация чувств/эмоций: *fare paura* — *darmiedo*, *fare piacere* — *dar gusto*, *fare pena* — *dar lástima* и т. д.

Точечное движение, обладающее предельным значением: *fare capolino* — *asomarse*, *fare un salto* — *dar un salto*, *far rientro* — *volver/regresar* и т. д. «Каждодневные бытовые моменты»: *fare colazione* — *desayunar*, *fare pranzo* — *almorzar*, *fare cena* — *cenar*, *fare la doccia* — *ducharse*.

В итальянском языке можно наблюдать гораздо больше сочетаний *fare* + сущ. / *fare* + субстантивированное прилагательное (*fare il medico* / *l'ingegnere* / *lo stronzo* / *il furbo* / *l'intelligente* / *la cattiva* / *la brava*), относящихся к профессии, хобби или дающих определенную интеллектуальную или морально-этическую характеристику, чем аналогичных выражений в испанском.

Таким образом, в итальянском языке оказывается больше сочетаний, где сема действия становится семой качества.

Достаточно распространенные в итальянском языке выражения с глаголом *fare* и конкретными и исчисляемыми существительными, обозначающими «инструмент действия» или локатив, и относящиеся к хобби, типа *fare canoa*, *fare moto*, *fare palestra* и др., отсутствуют в испанском языке.

Это — лишь часть примеров, приводимых в подтверждение высказанного тезиса.

Глагол *fare* оказывается в большей степени инкорпорирован в итальянскую фразеологию, чем глагол *hacer* в испанскую даже без учета образно-мотивированных идиом.

Проведенное исследование показывает, что отличия в сфере употребления АФС, образованных с помощью этимологически тождественных глаголов, могут быть существенными в родственных языках. И даже в родственных языках столь значимый глагол как «делать», выражающий одну из наиболее универсальных и базовых категорий, может демонстрировать различные особенности употребления, сочетаемости и актуализации своего значения в том или ином контексте.

Влавацкая Марина Витальевна,

д. ф. н., заведующий отделом, Новосибирский государственный технический университет

Позиция как условие существования языковой единицы

Позиция — это место, занимаемое элементом (единицей и т. п.) в высказывании или его части. Свойства позиции тесно связаны со свойствами системы в целом и со свойствами единиц системы в частности. О. П. Касимова определяет позицию как условие существования языковой единицы в составе более сложной единицы, т. е. позиция — это место в системе, а «значимость позиции» как часть языковых свойств, которая присуща любой единице в данной позиции, при этом свойства могут носить различный характер (семантический, фонетический и т. д.). Значимость позиции соотносится со значением и другими свойствами языковой единицы, что обеспечивает стабильность языковой системы и возможность эффективного выполнения коммуникативной функции языка.

Понятие позиции также коррелирует с языковой нормой, на которую накладываются ограничения возможностями системы и структуры языка. Ограничение возможностями системы означает недопустимость в современной норме образований по моделям, отсутствующим в современной системе. Структурные ограничения нормы — это ограничения реализацией возможностей системы: далеко не все возможности системы реализованы, в ней есть пустые клетки, которые могут заполняться в употреблении, но не соответствовать норме (ср. поезд, проследующий станцию). Нарушение языковой нормы происходит в основном по двум причинам: незнание правил сочетаемости слов (иностранцы и малограмотные носители языка) и в целях достижения комического эффекта (писатели-сатирики, юмористы и т. п.). На примере необычных сочетаний слов из произведений М. Н. Задорнова, нарушающих нормы лексической сочетаемости, можно ярко продемонстрировать значимость позиции: «Защитник датчан поднял ногу, и атака голландцев захлебнулась»; «у меня от нашего президента волосы в жилах стынут»; «пальцем в небо смотрят»; «встал и пошёл, как истукан»; «слушайте меня внятно»; «не надо возбуждать спокойствие»

и т. д. В данных примерах нарушены нормы лексической сочетаемости, которые подтверждают правомерность понятия «значимость позиции». Нарушение сочетаемости проявляется в употреблении слов в необычном контексте, обусловленном языковой игрой или ошибочным употреблением, связанным с незнанием языковых норм.

Условия проявления лексических значений и актуальных смыслов называются лексической позицией. В сильных позициях лексические единицы (полисеманты или омонимы) различаются, например, He had to pay a hefty fine, в слабых — не различаются, или нейтрализуются, например, контекст во фразе Fine for parking, по крайней мере, для определенных категорий людей (например, иностранцев), можно считать двусмысленным: он недостаточен для того, чтобы точно определить, является ли данное место наиболее подходящим для парковки машины или за парковку в этом месте полагается штраф. Следовательно, лексическая позиция играет важную роль в дифференциации значений слова и понимается как реализация слова в составе более сложной языковой единицы (словосочетания или предложения).

Свойства позиций в разных разделах языка различаются, т. к. находятся в разных сферах и характеризуются разными системными особенностями. Позиция является важнейшим свойством языковой системы и условием существования единиц языка.

Таким образом, значимость позиции является неотъемлемым условием обеспечения корректных высказываний в речи, а, следовательно, и условием, обеспечивающим стабильность структуры языка. С понятием позиции тесно соотносится условие существования языковой единицы как элемента комплексной единицы, или её место в системе языка, а с понятием значимости позиции соотносится понятие языковой нормы и точность смыслового содержания в рамках конкретного высказывания.

Воеводская Оксана Михайловна,

к. ф. н., доцент, Воронежский государственный университет

К вопросу об удаленности концептосфер

исходного языка и языка перевода

(по данным словарей германских языков)

В докладе представлен анализ меры удаленности концептосфер германских языков от концептосфер русского и английского языков. Чем меньше слов одного языка требуется для истолкования значения слова на другом языке, тем ближе их концептосферы, и наоборот. Среднее количество слов в языке перевода, приходящееся на одно исходное слово, назовем коэффициентом семантической удаленности (КСУ). После проведения соответствующих подсчетов были получены следующие КСУ восьми германских языков от русского (в порядке убывания): норвежский — 3,03; английский — 2,97; шведский — 2,94; датский — 2,64; исландский — 2,53; нидерландский — 2,25; идиш — 2,08; немецкий — 1,96; и трех германских языков от английского: фарерский — 4,57; фризский — 2,04; африкаанс — 1,46.

Самыми близкими для русского языка оказались немецкий язык и идиш, что может быть объяснено миграцией в XVI в. значительной части евреев из Германии на восток (в Польшу, Украину, Белоруссию) и большим влиянием на идиш славянских языков. Что касается немецкого языка, то близость его концептосферы к русской может быть объяснена давними торговыми, дипломатическими, образовательными (в петровские и послепетровские времена) контактами, основанием немецких колоний в Нижнем Поволжье по манифестам Екатерины II, династическими браками и родственными связями правителей обоих государств, многочисленными военными конфликтами между народами.

Во многом эти же причины объясняют довольно тесные языковые контакты с носителями нидерландского, датского, шведского, английского и норвежского языков (достаточно вспомнить «путь из варяг в греки» — транзитную торговую магистраль из Скандинавии в Византию, проходившую по территории России; торговлю на севере со свободными городами Ганзейского союза и т. д.).

Неожиданно выглядит самое отдаленное положение норвежского и английского языков, но это может быть объяснено объемами словарей — одними из самых больших из всех словарей германских языков, в которые включена многочисленная терминологическая лексика, которая сопровождается соответствующими пометами, заключенными в скобки, что дает в среднем три толкующих слова на одно исходное.

Центральная позиция КСУ исландского языка может быть объяснена общностью исторических судеб народов: патриархальным укладом Исландии и ее вековой отсталостью (во многом связанной с зависимостью страны сначала от Норвегии, а затем Дании). Во многом похожая ситуация долгое время наблюдалась и в России — аграрной стране с плохо развитой промышленностью и патриархальным деревенским укладом.

Что касается английского языка, то самое низкое значение КСУ для него оказалось у языка африкаанс. Близость их концептосфер не может быть объяснена территориально и какими-либо торговыми и прочими контактами. Это может быть связано со спецификой лексикографирования. Африкаанс-английский словарь — самый малый по объему, в нем дается лексика самого общего назначения, которая в первую очередь представлена в двуязычном словаре любого языка, поэтому значение КСУ такое низкое.

Что касается фризского языка, то его лексикографический источник разработан очень качественно (в нем представлена в достаточном объеме и терминологическая, и национально специфическая лексика), поэтому в среднем на одно исходное слово используется два слова на языке перевода.

Самый высокий показатель КСУ среди всех германских языков отмечен у фарерского языка, получившего статус официального лишь в конце 30-х гг. XX в. Авторы имеющегося в нашем распоряжении словаря, очевидно, стремились познакомить его пользователей с как можно большим количеством реалий фарерской культуры, поэтому зачастую дефиниции представляют собой целые статьи толкового словаря и включают до 180 слов! Подобная особенность лексикографирования и объясняет высокую среднюю длину дефиниции (4,5 слова) языка перевода на каждое слово на исходном языке.

История народов теснейшим образом связана с их языком и находит свое выражение в сухом языке статистики, независимо от того, какими способами были получены эти цифры и какие бы цели ни ставил перед собой исследователь.

Горбунова Каролина Борисовна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Жаргонизмы как часть терминосистемы предметной области «борьба с наркотиками» (на материале итальянского языка)

В процессе составления опорного списка слов был использован глоссарий департамента Государственной полиции, который помимо узкоспециализированных терминов также содержал немалое количество жаргонной лексики особой социальной группы — наркозависимых людей. Безусловно, в связи с растущей проблемой наркомании во всем мире, жаргонная лексика ежедневно пополняется лексемами, принадлежащими к различным частям речи мировых языков, и сегодня жаргонизмы — это источник огромного материала для будущих исследовательских работ. В настоящее время рынок наркотиков изобилует всевозможными синтетическими или растительными химическими соединениями, и для непрерывного товарооборота нуждается в постоянном обновлении, которое могут обеспечить новые вещества, чья себестоимость позволит это сделать. И тем не менее самыми «популярными» среди наркотических веществ остаются порядка 10–15 наименований, которые и были рассмотрены в данной статье. Для создания жаргонной лексики изучаемой предметной области использовались различные сферы окружающего нас мира — гастрономия, мода, предметы быта, а также имена персонажей, известных личностей или обычные онимы. В качестве наглядного материала приведены сравнительные таблицы с вариантами на английском и итальянском языках.

Для исследования был использован статистический метод, с помощью которого показано преобладание английских жаргонизмов, а также наличие калькирования с английского на итальянский язык для дальнейшего использования жаргонизмов на последнем.

Дронов Павел Сергеевич,
к. ф. н., доцент, Институт языкознания РАН (Москва)

Поднимать голову, нести голову высоко: варьирование кинетической идиомы с компонентом-соматизмом в английском и немецком языках

Доклад посвящен сравнению и сопоставлению кинетических идиом (по Г. Е. Крейдлину), содержащих именной компонент-соматизм. В российской и мировой лингвистике (а также семиотике и даже нейробиологии — см. работы Ф. Пульфермюллера, В. Галлезе и Дж. Лакоффа, Ю. Штырова и др.) не угасает интерес к изучению соматизмов, в том числе с позиции националь-

но-культурной специфики и поиска фразеологических аналогов. Идиомы с компонентами-соматизмами, в целом, следуют концептуальным метафорам Лакоффа и Джонсона и обладают определенным сходством, и поэтому важно сопоставить их в различных языках, чтобы увидеть закономерности в их варьировании, как-то: возможность существования общих принципов модификаций идиом, общих моделей изменения значения, прагматики.

В данной работе рассмотрены идиомы *поднимать голову* 'начать активно действовать' и *высоко держать голову* 'вести достоинство', их английские (to rear/raise one's head, to hold one's head high) и немецкие аналоги (den Kopf hoch tragen, Kopf hoch!, den Kopf oben behalten). Анализ данных, полученных в языковых корпусах, показывает, что, в силу очевидной связи актуального значения данных идиом с их образной составляющей, в значительной части контекстов вместо идиом употреблены, по сути, омонимичные им свободные словосочетания. Кроме того, в модификациях идиом актуальное значение может быть переосмыслено (ср. модификации типа *не поднимать головы* 'будучи подавленным, не решаться действовать'). Кроме того, актуальное значение может варьировать при замене одного адвербиального компонента на другой: *высоко нести голову* указывает на поведение (демонстрация чувства собственного достоинства), *гордо нести голову* — на позу.

Английский аналог идиомы *поднимать голову* допускает ввод в свой состав определения *ugly*; иными словами, она содержит обязательную атрибутивную валентность, и благодаря этому доля контекстов употребления идиомы в ее актуальном значении в английском языке больше, чем в немецком и русском.

Помимо прочего, в докладе рассматривается проблема фразеологических аналогов идиом с компонентами-соматизмами и кинетическими идиом, связь последних с исходными жестами (так, по Ф. Пульфермиллеру, в мозгу человека, воспринимающего слова типа *kick* 'пнуть, ударить ногой', *lick* 'лизнуть', *pick* 'поднять', в моторной зоне его мозга еще до того, как он успеет осознать значение слов, активизируются соответствующие участки, связанные с движением ног, языка, рук; В. Галлезе и Дж. Лакофф предполагают, что то же самое происходит при восприятии глаголов движения в идиомах, где связь с исходным действием ослаблена или даже утрачена). По-видимому, чем менее выражена связь идиомы с исходным действием (движением или жестом), тем ниже число контекстов, в которых употреблены омонимичные идиоме свободные словосочетания (но не модификации двойной актуализации).

Жильцова Елена Леонидовна,

к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Сленговая лексика в шведском языке:

пути пополнения и основные словообразовательные модели

Сленг, т. е. лексика, не соответствующая нормам литературного языка и большей частью дублирующая общенародную (С. С. Маслова-Лашанская), широко распространен в современном шведском языке. При этом иссле-

дователи выделяют как сленг, характерный для представителей отдельных социальных групп: школьный, военный, спортивный, уголовный, — так и общий, понятный для большинства носителей шведского языка на территории всей страны. Источники шведской сленговой лексики достаточно разнообразны. Это могут быть ресурсы других языков, т. е. заимствования, но чаще сленг пополняется за счет внутренних ресурсов шведского языка: формирования новых значений уже имеющихся слов путем переноса названия и создания новых слов от шведских основ с помощью различных способов словообразования.

В шведском сленге много заимствований из различных языков: немецкого, финского, цыганского и, главным образом, из английского. В последние десятилетия в сленг начали проникать также заимствования из языков иммигрантов, выходцев из арабских стран. Большая часть заимствуемых в сленг иноязычных слов фонетически слабо ассимилирована, о чем свидетельствует употребление в них звуков, не характерных для фонетической системы шведского языка, в частности, дифтонгов и удвоенных гласных. Значительная часть сленговой лексики — это слова литературного языка, приобретающие путём метафорического переноса названия новые значения, которые актуализируются только в сленге. Это могут быть слова, относящиеся к разным частям речи: существительные — *maräng* «пирожное безе», сленг. «девушка»; прилагательные — *mäktig* «могущественный, мощный», сленг. «стильный, элегантный»; глаголы — *tanka* «заправить машину, заправиться», сленг. «напиться».

Слова в сленге часто образуются посредством аффиксации как от основ слов литературного языка, так и от основ сленговых слов. Для образования новых слов используются словообразовательные аффиксы, являющиеся продуктивными в современном шведском литературном языке: суффиксы существительных *-age*, *-ing*, суффиксы прилагательных *-ig*, *-(i)sk*, глагольный суффикс *-a*. Исключением является суффикс *-is*, который специфичен только для сленга. С его помощью образуются существительные как от глагольных основ: *plågis* «зубной врач» от *plåga* «мучить», так и от основ прилагательных: *svartis* «негр» от *svart* «чёрный». Однако чаще всего данный суффикс как средство словообразования комбинируется с усечением основ прилагательных: *poppis* от *populär* «популярный», а также простых и сложных существительных: *gymnis* от *gymnasium* «гимназия», *skådis* от *skådespelare* «актер», *rankis* от *pannkaka* «блин». Новые слова при этом сохраняют понятийное значение исходного слова, но приобретают совершенно иную стилистическую окраску, поскольку основной функцией суффикса в этом случае становится «превращение обычного слова в сленговое» (У.-Б. Котсинас). Усечение, при котором понятийное значение исходного слова также всегда сохраняется в сленговом, может выступать и как самостоятельный способ словообразования в сленге: *leg* от *legitimation* «удостоверение личности». В шведском сленге, как и в литературном языке, очень распространено основосложение. Большинство сложных слов в сленговой лексике являются цельнозначными, или лексикализованными, поскольку их семантика не сводима к сумме значений составляющих их компонентов: *hjärnlåda* сл. «голова», букв. «ящик для мозга».

Как показывает анализ, лексика шведского сленга пополняется практически теми же способами, что и лексика литературного языка, и, таким образом, сленговые слова как по происхождению, так и структурно близки к общелитературной лексике. Очевидно, именно это делает возможным переход достаточно большого количества сленговых слов в шведский литературный язык в его разговорном варианте, что служит обогащению его словарного состава и придает ему большее стилистическое разнообразие.

Зверева Екатерина Владиславовна,

к. ф. н., доцент, Российский университет дружбы народов (Москва)

К вопросу о женских политических прозвищах
(на материале испанских, французских, российских
и украинских СМИ и интернет источников)

Исследования, направленные на изучение человеческой личности и различных аспектов ее деятельности продолжают неизменно оставаться в центре внимания ученых. В трудах по филологии становятся все более актуальными гендерные исследования, целью которых является изучение взаимосвязи языка как способа человеческого общения и гендерных характеристик человека. Гендерный подход нашел свое отражение и в филологической науке в такой дисциплине как лингвокультурология. В связи с актуальностью таких исследований интересно рассмотреть такой вопрос как роль женщин-политиков и те прозвища, которые за ними закрепило общество.

Прозвища как языковое явление присутствовали во всех мировых языковых культурах, являясь своего рода искусством. Использование прозвища является универсальным явлением, отвечающим социальным условиям и потребностям, способствующим его созданию.

В испанских СМИ наблюдается покровительственное, пренебрежительное отношение к женщинам, достигшим власти. Этот факт проявляется в языковых формах, уместно ввести термин «лингвистической ненависти» или «лингвистического неприятия». Одним из проявлений является использование определенного артикля *la* перед женской фамилией: *la Bachelet*, *la Merkel*.

Из пяти различных исследуемых лингвокультурных сообществ количество женских прозвищ было зарегистрировано у французского языкового сообщества.

Проанализированного материала позволяет создать классификацию женских политических прозвищ.

I. Использование собственного имени и (или) фамилии:

- 1) простое сокращение: MAM — Michelle Alliot-Marie;
- 2) искажение — сложное словообразование, в большинстве случаев подразумевающее игру слов: Condy (candy от *англ.* «конфета», condom — «презерватив», Кондолиза Райс); Lagaffe (gaffe от *фр.* «промах, оплошность» — Cristine Lagarde); Ségogole (*фр.* Gogole — «дурочка»);
- 3) искажение с использованием собственного имени или фамилии называемого лица и собственного имени, фамилии, титула другого известного лица или организации: Путлер (Меркель и Путин), SSMеркель; Ségolénine;

- 4) имя собственное с расширением в виде характеризующего слова: Thatcher Subeimpuestos, Thatcher Muralla (Тэтчер Поднимаюлоги, Тэтчер Стена).
- II. Использование фамилии или имени другого лица:
- 1) реально существующие персонажи:
 - а) фамилия или имя: Frau Ribbentrop, Fidel Castro — Меркель; Marie Antoinette — Cristine Lagarde;
 - б) искаженные фамилия или имя: Peerlusconi — Меркель; StalINETTE, Pinochette, Evita Peronelle — Ségolène Royal;
 - 2) несуществующие в реальной действительности персонажи (герои фильмов, мультфильмов, литературных произведений, анекдотов):
 - а) прямое использование: Дюдюка Барбидосская — И. Богословская; Лолита российского парламента — Элла Панфилова; Mary Poppins, Cruella, l'Amélie Poulain de la politique française — Royal;
 - б) искаженное использование: Rambona, Rambina — Тэтчер (от Rambo); Blanche Niaise (игра слов Blanche Neige — Белоснежка, Niaise — «дура»), la Belle au pois-chiche dormant (игра слов la Belle au Bois dormant — Спящая красавица, досл. «красавица в спящем лесу», Bois «лес» заменяется на pois-chiche — «горох нут») — Royal;
 - 3) Построение прозвища при добавлении фамилии к определяемому слову и выстраивании отношений принадлежности: La pute de Mitterand, la moule d'Hollande — Royal; niña deKohl — Меркель.
- III. Топонимы (место происхождения, политической победы, подготовки избирательной кампании и т. д.): niñade este — Меркель; Miami Beach — Carme Chacon; l'altesse Royal du Poitou, Notre Dame du Poitou, la Pudibonde du Poitou — Royal.
- IV. Черты характера и связанные с ними ассоциации:
- а) твердость характера: Dama de hierro, Dama de acero de Comunismo, Mariposa de hierro;
 - б) глупость: Bécassine, Ségo La Gaffe, la béate du Poitou, Blanche Niaise, Cruche Attitude, Royal-Cô(n)ne — Royal;
 - д) любовь к популярности, постоянное присутствие в СМИ: la dame aux caméras, la Madone des Sondages, Tele-Rama;
 - в) стыдливость, целомудренность (с иронией): Mèrela pudeur, la Pudibonde — Royal.

Зыкова Ирина Владимировна,

д. ф. н., старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва)

**Образы языка: фразеология versus научный дискурс
(лингвокультурологический подход)**

Представления о естественном языке могут сохраняться (передаваться, транслироваться) в самой языковой системе, в разнообразных ее знаках (во фразеологических знаках, в частности), становясь коллективным интеллектуальным наследием определенного национального сообщества. Помимо этого, знания о естественном языке фиксируются в дискурсе отдельных представителей этого национального сообщества (представителей науки,

в частности), являясь результатом их индивидуальной познавательной деятельности.

Основная задача настоящего исследования состояла в изучении связи образов английских фразеологизмов, репрезентирующих различные аспекты языка или вербальной коммуникации (более 2,5 тыс. единиц), с современными или новейшими лингвистическими концепциями англоязычных авторов. В ходе исследования был выявлен, в частности, факт того, что среди наиболее характерных или распространенных представлений, передаваемых как в английской фразеологии, так и в англоязычном научном дискурсе являются представления о языке как игре (language as play). Например, согласно лингвистической концепции, разрабатываемой М. Новаком и его коллегами, вербальная коммуникация — это игра (боевой поединок), в которой возможно и даже необходимо установление отношений кооперации (cooperation), делающих игроков союзниками и способствующих соблюдению общих интересов иногда в ущерб собственным/личным (а потому являющихся обычно взаимовыгодными). Это научное положение соотносится с образами следующих английских фразеологизмов: to take someone's side (букв. принимать/брать чью-либо сторону) 'оказывать поддержку одному из участников в споре'; to offer an olive branch (букв. предлагать оливковую ветвь) — 'делать или говорить что-либо с целью показать свое желание прекратить свои разногласия с кем-либо'; to give ground (букв. отдавать землю; отступать, отдавая/уступая участок земли, территорию) — 'менять свое мнение или требования в обсуждении или в споре, что облегчает достижение соглашения'.

Как показало проведенное исследование, корреляция определенных образов языка, отображаемых во фразеологии (английской фразеологии в частности), и образов языка, передаваемых в научном дискурсе представителей англоязычного социума, обеспечивается лежащими в их основе едиными сложными концептуальными структурами, представляющими собой макрометафорические концептуальные модели (в частности, такой моделью, как VERBAL COMMUNICATION IS PLAY).

Иванова Анна Викторовна,

старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Посессивность как конституирующий элемент топонимических единиц на Пиренейском полуострове

Вследствие того, что категория посессивности относится к числу тех языковых концептов, субстрат которых (исходный пункт будущей идеи обладания) сложился еще в доисторический период (например, верхнепалеолитическая настенная живопись, позволяющая говорить о некоторых упорядоченных семантических комплексах (типа оппозиций), так или иначе связанных с менталитетом первобытного человека и его поведением), она естественным образом является с тех пор наиболее органичной и удобной моделью описания разного рода отношений, образуя ядро архаичной си-

стемы категорий, задающих основные пространственно-временные координаты. Человек, почувствовав богатый внутренний потенциал языковых элементов с семантикой обладания, стал все чаще использовать их в различных сочетаниях в качестве некоего связующего звена между двумя концептами. Этим объясняется разнообразие форм, которыми представлена данная категория в любом языке, и, в частности, высокая частотность словообразовательных формантов, этимологически восходящих к реконструируемому в современной индоевропеистике суффиксам с исходно посессивным значением. Об этом свидетельствуют наблюдения В. П. Шмида над названиями четырех больших рек Европы: Varantia (*-nt>), Varmena (*-m(e)no-), Varusa (*-w(e)s-), Verna (*-no-): в их основе — название «воды» — *wēr- (вед. *vāri*), и смысл этих четырех производных слов может быть только один — ‘имеющий воду’. Наиболее продуктивными для пиренейской топонимики (шире — ономастики) являются такие общеиндоевропейские форманты со значением обладания как: *-nt>/-(a)nt- (ср. *Alicante* «имеющий свет», т. е. «светлый город», подтверждающееся общей семантикой исторически сменявшихся названий от др.-греч. Ἄκρα Λευκῆ, лат. *Lucentum* до араб. *al-Laqant* «Белый/светлый город»); *-no/-ón (ср. *Alarcón* «город Алариха»; *Aragón* букв. «имеющий много пахотных земель» от прил. *araticum* ‘вспаханный (участок)’ > *aratico* > *aratgo* > *aradgo* > *arazgo* > *Arago* > *ón*); *-w(e)s-/es (ср. *Cáceres* «принадлежащий Цезарю» = «(город) Цезаря»; *Empúries* от др.-греч. Ἐμπόριον «рынок», т. е. «(город)имеющий рынок», который благодаря выгодному географическому положению длительное время оставался одним из важнейших торговых центров в западном Средиземноморье); суффикс *-en- и соответствующие тематические формы -an(o)/-en(o) (ср. исп. *Cerdaña*/кат. *Cerdanya* букв. «имеющая свиней», историческая область в Восточных Пиренеях, славившаяся скотоводством и особенно свиноводством) и многие другие. Высокая частотность указанных формантов в таком важнейшем лексическом пласте Пиренейского полуострова, как топонимические единицы убедительно свидетельствует о значимости языковой категории посессивности в процессе номинации географических объектов.

Ковтунова Елена Анатольевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеологические единицы

терминологического происхождения в немецком языке

Вопросы изучения фразеологических единиц (ФЕ) специальных областей находятся в точке пересечения фразеологии, терминоведения, теории специального дискурса. Несмотря на то, что на материале других языков (прежде всего, английского и русского) феномен терминологических сочетаний изучен достаточно подробно (например, в работах В. П. Жукова, В. В. Капуленко, Р. М. Мамедовой, Е. А. Никулиной, Е. И. Шестак и др.), устойчивые терминологические сочетания немецкого языка испытывают дефицит внимания со стороны как фразеологов, так и терминоведов. Как правило, они попадают в фокус интересов исследователей как периферийная составляющая той или иной терминологии или терминосистемы.

Недостаточно изученными нам представляются и процессы детерминации немецких терминологических словосочетаний, в результате которых формируются новые образные фразеологические значения, которые становятся достоянием немецкого языка в целом. В свете вышесказанного заявленная проблематика представляется нам актуальной.

С точки зрения когнитивно-коммуникативного подхода в процессе детерминации ФЕ профессионального и терминологического происхождения и их миграции в общезыковой фразеологический фонд отражены «когнитивные механизмы преобразования специального знания в общекommunikативное, что обеспечивается принципиальной возможностью сопряжения результатов специального и обыденного познания» (Е. И. Шестак). В результате детерминации (деспециализации) профессиональное знание, обозначенное в акте фразеологической терминологической номинации, «переходит в непрофессиональное».

В ходе нашего исследования из одноязычных и двуязычных лексикографических источников было отобрано около 100 ФЕ терминологического или профессионального происхождения. Основным условием при отборе ФЕ было наличие у ФЕ переосмысленного общезыкового фразеологического значения. При этом, как показал анализ словарных статей, часть ФЕ сохраняется и исходное терминологическое значение, другая часть ФЕ его утрачивает.

В отношении потенциальных сфер-доноров, «поставляющих» в общезыковой фонд ФЕ специального происхождения, была установлена зависимость между наличием у ФЕ общезыкового значения и относительной открытостью той или иной специальной сферы. В частности, была проанализирована, например, сфера военного дела. Военная область характеризуется относительной открытостью в силу ее значительной роли в жизни общества, что обусловило широкое взаимодействие между военной сферой и общелитературным языком на уровне фразеологии. Многие ФЕ с «военным прошлым» мигрировали в общелитературный язык (*eine Attacke gegen jmdn., etw. reiten, die Fahne hochhalten*).

Относительно открытым можно считать и морской подъязык, который, в свою очередь, также обнаруживает некоторое количество переосмысленных ФЕ. Так, например, морская идиома «*Anker werfen/ vor Anker gehen*» употребляется моряками тогда, когда судно становится на якорь «*In einer einsamen Bucht warfen sie Anker*».

В своем деспециализированном значении эта идиома употребляется по отношению к человеку, который остепенился, нашел тихую пристань, устроился: «*Nach seiner Pensionierung wollte er raus aus Hamburg und in einem kleinen Ort in den Marschen vor Ankergehen*».

Исследование показало, что в основе процесса детерминации ФЕ чаще всего лежит метафоризация. Так, например, идиома «*mit vollen Segeln*» (*umgangssprachlich: mit aller Kraft, mit ganzem Einsatz*) сегодня может быть применена к человеку, который делает что-либо очень быстро, или транспорту, который мчится на большой скорости.

Изучение ФЕ общелитературного языка, образованных от терминологических ФЕ, представляется перспективным в сопоставительном аспекте (возможно сравнение подобных единиц в различных языках, терминосистемах и терминологиях, подъязиках), а также в аспекте перевода.

Кравцова Антонина Викторовна,
преподаватель, Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

«Неостандарт» итальянского языка: особенности формирования и распространения

Цель данной работы — проанализировать явление «неостандарта» итальянского языка.

Для достижения данной цели будет проведен краткий исторический анализ для выявления причины особенностей формирования неостандарта как доминанты в современном итальянском языке.

Впервые понятие «неостандарта» итальянского языка было введено лингвистом Гаэтано Берруто в 1987 г., оно остается актуальным и по сей день, являя собой новую, не только разговорную, но и письменную (хотя и в меньшей степени) норму языка.

В работе находит подтверждение мысль о том, что именно «неостандарт» следует воспринимать как точку отсчета для исследования современных итальянских жаргонов, сленга и аргю.

В работе охарактеризованы данные явления в контексте современной итальянской социолингвистики с точки зрения морфологии, синтаксиса, большее внимание уделяется лексическому уровню и словообразованию.

Также в работе рассмотрено такое явление современного итальянского языка, как «дублированный» язык — явление, сформировавшееся из-за распространения дублированных фильмов и ситкомов.

Акцент также делается на сильное региональное варьирование общезыковых явлений в контексте итальянского языка, что во многом объясняет малочисленность базовых исследования разговорного регистра, в отличие от французского и немецкого языка.

Исследование проведено на основе анализа языка интернет-ресурсов, аудио-расшифровок популярных теле-передач и данных опроса носителей.

Как вывод из проделанной работы можно выделить тенденцию расширения языка-стандарта и смещение регистровой структуры в современном итальянском языке.

Кротова Елена Борисовна,
к. ф. н., доцент, Институт языкознания РАН (Москва)

Фразеологические онлайн-словари, пополняемые интернет-пользователями, и их применение в лексикографии

В докладе будут рассмотрены некоторые фразеологические онлайн-словари немецкого языка, пополняемые не только лексикографами, но и самими пользователями.

Планируется обсудить следующие вопросы:

- 1) какую информацию об идиомах предоставляют такие ресурсы и какие отличия наблюдаются от словарей, составленных профессиональными лингвистами;
- 2) в чем заключается возможный вклад пользователя в развитие ресурса;

- 3) могут ли такие ресурсы принести пользу лексикографу, занимающемуся составлением фразеологического словаря (на примере немецко-русского фразеологического словаря, в создании которого принимает участие автор);
- 4) можно ли такие ресурсы рекомендовать студентам, изучающим язык, и, если да, то с какими оговорками.

Речь пойдет в основном о таких сайтах, как Redensarten-Index (<http://www.redensarten-index.de/>), Wiktionary (<http://de.wiktionary.org/>), Redensarten (<http://www.redensarten.net/>) и dict.cc (<http://deru.dict.cc/>).

В основе первых трех рассматриваемых ресурсов лежат различные лексикографические источники, информация из которых была определенным образом скомпилирована создателем сайта. Характерным является, однако, то, что информация может дополняться и дополняется интернет-пользователями. Так, на сайте Redensarten-Index сообщается, что собрание пополняется, в частности, благодаря анализу поисковых запросов пользователей и их собственных предложений по дополнению словарных статей, в результате чего число статей выросло с 15 154 исходных до 32 430. Однако сразу возникает вопрос, насколько этой информации можно доверять. Разумеется, даже хорошего знания родного языка недостаточно, чтобы быть лексикографом; требуется специальная подготовка, которой у большинства пользователей нет. Но и отметить подобные ресурсы кажется неверным. Не всегда в словарях находят отражение недавние изменения в языке, и некоторые значения и/или лексические варианты идиом могут в них отсутствовать. С подобной проблемой я столкнулась при работе над проектом «Современная немецкая фразеология: немецко-русский корпусный словарь» (под рук. Д. О. Добровольского). В ряде случаев анализ большого количества примеров из корпуса DeReKo показывал, что словари, которыми я пользовалась (в частности, казалось бы, один из самых полных словарей по идиоматике Duden: Redewendungen. Wörterbuch derdeutschen Idiomatik. Mannheim 2008), не предоставляют удовлетворительного описания семантики идиомы и значение, в котором она используется в определенных контекстах, в словарной статье не прописывается. В таких случаях помощь мог оказать выше названный Redensarten-Index, где подходящее значение было обычно прописано, видимо, во многом за счет правок пользователей. Таким образом, вопрос скорее в том, как лексикографу использовать подобные ресурсы с пользой для себя, на который я и постараюсь ответить в докладе.

Кутькова Анастасия Владимировна,

к. ф. н., старший преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Проблема речевого стереотипа: функциональный аспект

Речевое общение предполагает воспроизведение речевого опыта: в условиях обычной нормальной коммуникации, если у нас нет специальной установки на творчество, на отказ от привычного и обыденного, мы оперируем автоматизмами, т. е. готовыми оборотами, которые экономят

усилия пользующихся языком и являются оптимальными для выражения какого-либо понятия или мысли в определенном речевом сообществе. Речь идет об устойчивых единицах языка, представляющих собой экономичные коммуникативные образования, существование которых признается абсолютным большинством ученых. Однако сложность заключается в том, что среди исследователей нет единства мнений относительно термина для обозначения подобного типа конструкций. Не существует до сих пор и единого подхода в выработке критериев их определения в силу того, что данный пласт языка разнообразен и неоднороден, кроме того, числоно велик. Вот лишь несколько примеров таких единиц, которые составляют активный лексический запас носителя любого языка и являются своего рода сигналами, способствующими развитию живого диалога: ¿entiendes?, ¿vale?, ¿perdón?, venga, ¡ya lo creo!, ¡no me lo digas! — в испанском; так? идет? простите? правда, что ли? вот то-то и оно, да ты что?! — в русском.

Работы, проливающие свет на состав и правила функционирования интересующих нас единиц в языке и речи, начали появляться в лингвистике с развитием прагматики и теории дискурса. В последние десятилетия стал возникать интенсивный и оправданный интерес к означенной теме в иберо-романской лингвистике, появились работы на материале иберо-романских языков, а вместе с тем значительное количество терминов для обозначения интересующего нас явления. Так, единицы, являющиеся объектом предлагаемого исследования, входят в следующие лексико-семантические группы: *marcadores discursivos (Urbano)*, *organizadores de la conversación, operadores discursivos (Llorente Arcocha)*, *muletillas (Christl; Silva-Corvalán)*, *expresiones de relleno (Vigara Tauste)*, *fórmulas fáticas (Cascón Martín)*, *rutinas de habla, rellenos (Briz Gómez)*, *nexus de coordenação (Morães)*, *frases feitas, expressões correntes (Neves)*, *ritual sentences, colloquial adjuncts (Steel)* и др.

В отечественных научных работах готовые воспроизводимые единицы языка получают такие названия, как речевой стереотип, фразеологизм, штамп, клише, формула, междометное речевое высказывание, дискурсивное слово, дискурсивный маркер, релятив, коннектор наряду со многими другими.

В рамках предлагаемого доклада мы не ставим задачи исследовать своеобразие единиц, объединенных в рамках каждого из упомянутых терминов. На материале испанского языка мы рассмотрим устойчивые, цельнооформленные, регулярно воспроизводимые стандартные единицы, используемые в типовых речевых ситуациях, отражающие стереотипы мышления коммуникантов, позволяющие говорящему успешно достигать поставленной коммуникативной цели, обеспечивая при этом общение кооперативного характера. Охарактеризуем специфические особенности функционирования этих единиц, а также сделаем попытку обосновать их объединение в единую лексико-семантическую группу. Для обозначения интересующих нас единиц мы выбираем термин речевой стереотип (РС) в силу того, что, на наш взгляд, он наиболее наглядно отражает природу данного явления, что мы намерены обосновать в докладе при помощи примеров, взятых из диалогических корпусов испанского языка. Главным признаком РС мы считаем воспроизводимость в речи и устойчивость, что обнаруживает их связь с фразеологической системой языка, а также требует уточ-

нения в связи с терминами «фразеологизм», «штамп», «клише» и «формула». Своеобразие семантики РС ставит вопрос о его частеречном статусе, а также соотношении с междометием, междометным высказыванием.

Кучерявых Владимир Сергеевич,

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
преподаватель, Финансовый Университет при Правительстве РФ

Научный руководитель: Раевская М. М., д. ф. н., зав. кафедрой испанского языка,
ФИЯР, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Концепт РОДИНА в испанском политическом дискурсе

В эпоху глобализации особенно актуальным становится вопрос самоидентификации народов, наблюдаются две противоположные тенденции унификации («глобальная деревня») и поддержание самобытности наций. Язык как «зеркало культуры» отражает национальную картину мира и процессы, связанные с текущими изменениями. Возникает потребность анализа базовых концептов для реконструкции национальной картины мираразличных народов. Она соотносится с понятием национальной концептосферы, которая представляет собой совокупность концептов, образующих систему. Одним из ключевых концептов является РОДИНА. Его особенность состоит в том, что он универсален, поскольку присущ каждому народу, а также этноспецифичен в силу своей культурной маркированности.

Функционирование концепта РОДИНА анализируется на материале политического дискурса в Испании за последние три года (2012–2015 гг.). Именно сфера политики отражает актуальное состояние языка, в ней всегда преследуются прагматические цели для оказания воздействия на реципиента сообщения, поэтому выбор того или иного вербализатора происходит очень точно в зависимости от семантического наполнения лексем, что делает материал репрезентативным.

Ядро концепта составляют лексемы «patria», «tierra», «país», «casa», «suna», «pueblo», каждое слово обладает особым оттенком значения: patria (родина) — это родная территория для человека, данное существительное имеет широкую сферу функционирования, однако стоит отметить его особую политизированную коннотацию, которая закрепилась за ним после времен франкизма. Единица país (страна) — нейтральный термин, имеющий наиболее широкую сферу функционирования в языке, используется в различных видах дискурса, включая обиходный и политический. Существительное tierra (земля) включает в себя географическую коннотацию, поэтому часто используется для обозначения «малой родины». Стоит отметить, что данное существительное чаще других используется для обозначения места происхождения человека, при этом перед ним ставится притяжательное прилагательное — mi tierra. Единицы pueblo (народ) и nación (нация) являются в большей степени политизированными терминами. Основная сфера функционирования единицы suna (колыбель) — поэтический дискурс, это более фигуративное слово, используемое как метафора. В большинстве случаев испанцы называют свою страну по названию España.

Для анализа политического дискурса были взяты транскрипты заседаний Парламента, на основании которых была составлена статистика частотности употребления тех или иных вербализаторов. Наиболее частотным является номинация страны по названию *España*, на втором месте — *nuestro país*. Далее идут варианты *este país*, *nuestra tierra nuestro territorio*, *aquí*. Примечательно, что существительное *patria* практически не встречается. Слово *tierra* используется для обозначения автономных областей в значении «малая родина». На основании речей представителей политических партий были выявлены способы номинации «Родины», а также воссоздан образ идеальной страны, к которой необходимо стремиться, и насущные проблемы, которые мешают достичь идеала.

Испания представляется европейской страной, обладающей экономическим потенциалом и политической мощью, привлекательным туристическим регионом, страной с богатой и разнообразной культурой. К недостаткам относится экономический кризис, проблемы коррупции, разрозненность отдельных областей. Говоря о национальном вопросе и сепаратистских тенденциях, в частности в Каталонии, в политическом дискурсе пропагандируется необходимость сохранения единства нации, и стремление отделиться расценивается отрицательно.

Лаврентьева Анастасия Сергеевна,

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Функционирование имен святых в испанском фольклоре

Изучение фольклорного творчества необходимо для познания национальной картины мира, поскольку именно в фольклоре зафиксированы представления социума о явлениях действительности и их эмоционально-оценочное восприятие. Каноничность народного творчества способствует тому, что оно хранит смыслы, значимые для культуры.

В фокусе нашего рассмотрения находятся народная поэзия и каламбуры. В каламбурах проявляется «близкая испанцам игровая <...> стихия речетворчества» и незаурядное остроумие (Оболенская Ю. Л. О роли антропонимических мифов в испанской культуре). Испанцы придумывают святых, тем самым одушевляя и комически обыгрывая какие-либо явления действительности. Каламбуры чаще всего построены на основе паронимов: например, испанцы придумали покровителя иностранцев *Santo Tomás de Aquí No*, (ср. с *Santo Tomás de Aquino*); имя образовано от имени святого и словосочетания *aquí no* «здесь нет», т. е. «нездешний». Также в каламбурах воплощается присущее испанцам барочное восприятие мира.

Эстетика барокко проявляется в сокращении дистанции между человеком и святым и в десакрализации образа святых. Церковь способствует этому процессу, упрощая для народа постижение священных истин через доступные для него зрительные представления — иконографию. Очень часто в описании святых в народной поэзии можно заметить сопряжение образа святого с приписываемым ему символом или атрибутом. В коплах, самой распространенной стихотворной форме народной поэзии, святой Иоанн Креститель описывается с указующим перстом «*Por allí viene San*

Juan, / Con el dedo señalando», а со святыми мучениками упоминаются их символы мученичества: святая Луция изображается держащей на блюде глаза, святая Агата — женскую грудь. Сопряжение образа святого с символом облегчает запоминание святых и сфер их покровительства и служит более конкретному восприятию святого.

Стремлением приблизить к человеку божественный мир также объясняется популярность в Испании апокрифов, которые становились основой для народного творчества: используя их мотивы и соотнося себя с героями апокрифов, испанцы описывали свою жизнь в поэзии. Большое количество стихов про святых содержит именно бытовые сюжеты. Поведение святых в коплах порой ничем не отличается от поведения простых смертных, а также им нередко приписываются человеческие ошибки и пороки. Влиянием эстетики барокко можно объяснить акцент на «телесном» в описании святых: интерес к описанию телесной красоты святых женщин, а также натуралистичное описание ран Христа. Множество разнообразных эпитетов используется в коплах для описания красоты Богоматери. Самый распространенный комплимент Деве Марии — это «mopena» (смуглянка). Восхищение тоном кожи Девы Марии также несет символический смысл: чем «смуглее» Дева Мария, т. е. темнее ее изображение, тем оно древнее, а значит более чудодейственное. В коплах про святых проявляется еще одна черта национального характера: соревновательный дух испанцев. Жители городов и деревушек спорят друг с другом, чей покровитель города лучше (смелее, красивее).

Борьба между городами доходит до того, что в одной из копл жители городов Сильерос и Вильямбель представили драку между покровителями, где один отрезает другому голову. Десакрализация божества проявляется также в том, что содержащиеся в коплах шутки о святых нередко носят сниженный характер. Анализ функционирования имен собственных святых интересен и в плане социолингвистики. К примеру, в коплах некоторых регионов Испании Иисуса также называют Manolo, используя тем самым в поэзии испанскую огласовку Мессиянского имени Христа — Иммануил. Поэтому имя Manuel по данным el INE на 2012 г. заняло 3-е место по популярности среди мужских имен. К сожалению, объем тезисов позволяет нам показать лишь некоторые особенности функционирования имен святых в испанском фольклоре. Заметим, что этот материал оказывается бесценным для определения особенностей религиозной картины мира испанцев и, в частности, их отношения к святым.

Либерт Екатерина Александровна,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)

Нефинитные глагольные формы в составе аналитических лексем с широкозначным глаголом «приходить» в германских языках

Один из способов словообразования в современных германских языках — формирование аналитических лексем, состоящих из двух слов, одно из которых обладает широкой именной либо глагольной семантикой, не

сводимой к полисемии как к сумме частных значений, другое служит для конкретизации этого широкого значения (подробнее см.: [Плоткин, 1989. С. 199–214]). Из примерно десятка широкозначных глаголов, общих для всех германских языков, мы рассматриваем только глагол со значением «приходить», «прибывать», а из его разнообразных «уточнителей» — только нефинитные, именные формы глаголов движения, образующие с основным глаголом аналитические лексемы, соответствующие русским однословным вроде «прилететь», «приплыть», «прискакать». Вслед за В. Я. Плоткиным мы различаем четыре нефинитные формы — две инфинитивные (маркированную, с частицей — англ. *to*, нем. *zu*, сканд. *at* и немаркированную, без частицы) и две причастные, из которых причастие I английском совпало с отглагольным существительным, породив «инговую форму» [Там же. С. 128–136].

Анализ материала словарей показывает, что в большинстве современных германских языков аналитические лексемы указанного типа строятся с использованием форм причастия I; так, во всех континентальных скандинавских языках, например,

швед.: *Barnen kom springande hemma* ‘дети прибежали домой’ [Маслова-Лашанская, 1953. С. 265];

норв.: *Anden kom svømmende til bredden* ‘утка подплыла к берег’ [Стеблин-Каменский, 1957. С. 138–139];

дат.: *En sten kom flyvende udefra* ‘с улицы влетел камень’ [Новакович, 1974. С. 94].

То же в английском, в котором «инговая форма» в этом случае выступает в своей причастной ипостаси: *He came running* ‘бегом прибежал’.

В отличие от этого в голландском и во фризском используется немаркированная форма инфинитива:

голл.: *De ruiter kwam aangeloppert* ‘всадник прискакал галопом’ [Мионов, 1965. С. 89];

фриз.: *Ny kaam gau reedriden* ‘он примчался на коньках’ [Жлуктенко, Двухжилов, 1984. С. 141, 167].

Только в немецком такие глаголы образуются с помощью причастия II: *Er kam (an)gelaufen, (an)gehumpelt, (an)gekrochen, (an)gewatschelt, (an)getorkelt, (an)geritten*.

Наконец, четвертая форма — маркированный инфинитив — господствует в нижненемецкой диалектной зоне, где под влиянием верхненемецкой литературной нормы с ним конкурирует причастие II [Grimme, 1910. S. 137]; т. е., например, *He kumet an-to-sleiken* = ‘er kommt anzuschleichen’ и *He kumet an-slieken* = ‘er kommt angeschlichen’ [Там же].

Итак, в формировании аналитических лексем указанного типа в германских языках в целом используются все четыре нефинитные глагольные формы, обнаруживающие функциональное тождество. В некоторых диалектах, прежде всего в нижненемецком ареале, отмечено совмещение разных моделей. Вместе с тем, некоторые германские языки вообще не обнаруживают подобного рода аналитических лексем. В качестве примера можно привести два дочерних языка немецкого, представленные в Сибири — язык

евреев идиш и язык меннонитов плотдич, которые не используют ни одну из рассматриваемых форм:

ид.: di fegələ is arajngəlofn in fenstər ‘птичка влетела в окно’;

плот.: də piət e slum onjəkomə ‘лошадь пришла, хромая’

(для языков идиш и плотдич привлекаются данные, полученные нами от носителей этих языков, проживающих в Сибири (январь 2015 г.)

Литература:

1. *Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.
2. *Жлуктенко Ю. А., Двухжилов А. В.* Фризский язык. Киев, 1984.
3. *Маслова-Лашанская С. С.* Шведский язык. Л., 1953.
4. *Миронов С. А.* Нидерландский (голландский) язык. М., 1965.
5. *Новакович А. С.* Датский язык. М., 1974.
6. *Плоткин В. Я.* Строй английского языка. М., 1989.
7. *Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. Л., 1957.
8. *Grimme H.* Plattdeutsche Mundarten. Leipzig, 1910.

Словари:

1. Норвежско-русский словарь / сост. Д. А. Аракин. М., 1963.
2. Русско-голландский словарь / сост. Ж. И. Пирот. М., 1951.
3. Русско-датский словарь / сост. Н. И. Крымова и А. Я. Эмзина. М., 1968.
4. Шведско-русский словарь / сост. Д. Э. Миланова. М., 1959.
5. Duden Bd. I — Die Rechtschreibung. Mannheim-Wien, 1986.

Макарьева Анна Петровна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ушакова Татьяна Михайловна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Конкуренция сложных форм французских указательных местоимений в разных регистрах речи

Преподавание грамматики французского языка как самим носителям этого языка, так и обучающимся, для которых французский язык не является родным, ориентировано прежде всего на письменную литературную норму. Новые тенденции, наблюдающиеся в функционировании грамматических форм, лишь постепенно приобретают статус дидактически обоснованных правил. Говоря об изменениях, происходящих в языке, обычно прежде всего имеют в виду лексический уровень. Проникновение заимствований, преобразование морфологического состава слова, семантическая эволюция прекрасно иллюстрируют восприимчивость языка к новому, его неригидный характер. Сложнее обстоят дела в области грамматики. Нормативная система противостоит всяким новшествам и успех той или иной новации часто оказывается недолгим, а прогнозы, данные лингвистами, — несостоятельными. Тем большее внимание обращают на себя процессы, которые давно отмечались грамматистами как единичные нарушения, но активно проявились во второй половине XX в. — в начале XXI в., судя по их отражению в художественной литературе. Мы имеем

в виду употребление указательных местоимений *celui-ci*, *celui-là* и их форм женского рода и множественного числа.

Нормативная грамматика разграничивает устную разговорную речь и письменную речь. Основная оппозиция категории указательности (близость/удаленность) выражается во французском языке противопоставлением форм, включающих элемент *ci*, формам, включающим элемент *là*. На современном этапе, как известно, эта оппозиция реализуется далеко не всегда. Так, наречие *là*, как нейтральный член оппозиции, постепенно вытесняет маркированный член оппозиции *ici* даже в диалогической подсистеме местоимений, т. е. в ситуации речи. При употреблении в ситуации речи сложных форм указательных местоимений осуществляется прямой дейксис, тот, который был определен К. Бругманом как «звуковое указание пальцем», а К. Бюлер назвал его *demonstratio ad oculos* — указание на нечто, присутствующее в поле зрения говорящих, в реальной действительности. Предпочтение в этом случае отдается форме *celui-là*. В сегментированных предложениях, репризе и антиципации используется исключительно формы с частицей *-là*. В монологической системе местоимений, т. е. в плане объективного повествования, наречие *là* занимает отведенную ему доминирующую позицию. Дистрибуция сложных форм опирается на принцип близости/удаленности кореферентного существительного в тексте. Так, согласно существующим правилам, выбор должен делаться в пользу формы *celui-ci*, если речь идет о «том последнем». Однако даже в таком употреблении форма, имеющая в своем составе частицу *là*, появляется все чаще и чаще. Классические правила употребления сложных форм указательных местоимений в полной мере соблюдаются в так называемом административном стиле, а также в юридических текстах, где точное указание на лицо, предмет или событие особенно необходимо.

Мальцева Наталия Борисовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Грани английского языкового менталитета

Когда анализируют английскую манеру общения, то чаще всего упоминают как удивительную эмоциональную сдержанность, так и не менее удивительную демонстративную эмоциональность. Наиболее типично эти две противоположные грани английского языкового менталитета проявляются в явлениях «*understatement*» и «*overstatement*».

Словарь *Longman Dictionary of Contemporary English* дает следующее определение понятию *understatement* — *a statement that describes something in a way that makes it seem less important, serious, bad, etc. than it really is, or the act of making such statements*. При этом надо отметить, что «*understatement*» часто является не только и не столько проявлением известной английской сдержанности, сколько способом передать различные оттенки отношения собеседника к предмету разговора, усилить впечатление на слушателя сдержанностью выражения, создать эффект иронии или трагизма. Не менее важным значением «*understatement*» является недо-

молвка — импликация тех скрытых смыслов, которые кроются в общих фоновых знаниях собеседников. Оба значения «understatement» являются взаимосвязанными и часто грань между ними едва различима. Более того, преуменьшение, как правило, влечет за собой определенную импликацию-недомолвку.

Очень часто «understatement» вербализует психологическое состояние смущения или неловкости в ситуациях объяснения в любви и при прочих излияниях чувств. Как правило, «understatement» объективизирует психологические состояния сдержанности и самоконтроля, которые характеризуют жалобы, критику и в ряде случаев выражение сочувствия. «Understatement» типично для саморепрезентации британцев. Во всех этих случаях оно может характеризоваться 1) преуменьшением на лексико-семантическом уровне, которое проявляется в употреблении глаголов с заниженной интенсивностью чувств; употреблении наречий степени, смягчающих оценку; употреблении идиом, придающих ироническое звучание произнесенным словам; употреблении эпитетов с заниженной оценкой или с прямо противоположным значением, что ведет к нарушению Категории Качества Принципа Кооперации Г. Грайса и влечет за собой импликации с выходом на дискурсивный уровень всего произносимого и 2) преуменьшением на семантико-грамматическом уровне, которое объективизируется в сослагательном наклонении и вытекающей из этого импликации. В случае саморепрезентации «understatement» обладает иронической тональностью, которая создается за счет лексико-семантических средств.

Исследование различных коммуникативных ситуаций показывает, что не менее часто англичане выказывают демонстративную эмоциональность и даже некоторую чрезмерность в выражении чувств и оценок — «overstatement». Оно отличается определенной степенью десемантизации употребляемых эпитетов и словосочетаний. Чаще всего «overstatement» объективизируется при выражении чувств благодарности, сочувствия, желания оказать поддержку, а также при описании сильных эмоций, например, любви или обиды. На лексико-семантическом уровне «overstatement» вербализуется в эмоционально нагруженных прилагательных и их интенсификаторах, гиперболических сравнениях, метафорах и крылатых выражениях. На семантико-грамматическом уровне «overstatement» объективизируется в эмфатическом употреблении глагола *do* и местоимения *it*, а также в видо-временной форме *continuous*. Все перечисленные эмоционально нагруженные компоненты несколько нарушают Категорию Качества Принципа Кооперации, а именно, истинность высказывания и вовсе не предназначены для передачи подлинных чувств говорящего. Коммуникативная импликация, возникающая при «overstatement», отражает отношение не к предмету разговора, а к собеседнику и его проблемам.

Возможно, что одной из причин столь частого употребления «understatement» и «overstatement» является социальная неловкость, которая считается одной из ключевых черт английского национального характера и проявляется то в демонстративной сдержанности и самоконтроле, то в демонстративной чрезмерности выражения чувств и оценок.

Манерова Кристина Валерьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Религиозный культурный код в немецкой фразеологии

Область изучения фразеологических единиц немецкого языка постоянно обогащается: в центре внимания современных исследований «оказываются связи и отношения фразеологических единиц с другими объектами научного познания, такими как *речь, общение, деятельность, психика, культура и этнос*» (Н. Ф. Алефиренко). Выявление культурного кода вторичных знаков представляет собой актуальное направление в семиотике, а интерпретация культурного содержания фразеологизмов представлена в последних работах по славянской фразеологии (В. М. Мокиенко), лингвокультурологии (М. Л. Ковшова), сравнительной фразеологии (Е. Пиранен).

Фразеологизмы с религиозным культурным кодом в немецкой идиоматике не являлись объектом отдельного исследования. Исключение представляют собой немецкие библеизмы, лексикографическая обработка которых традиционно включает развернутый исторический и этимологический комментарий. Вместе с тем, фразеологизмы, история появления которых напрямую связана с религиозной культурой Германии, представлены в немецком языке достаточно репрезентативно (*j-n ins Gebet nehmen, die Kirche im Dorf lassen*).

Образы немецких фразеологизмов с религиозным культурным кодом — не только библейские персонажи (*armwie Hiob*), духовные существа (*die Engel singen hören*), темные силы (*wenn der Teufel los ist*), но и церковные традиции (*Leviteten lesen*), культурно обусловленные исторические реалии (*an die große Glocke hängen*), христианские символические традиции и обряды (*weder Fisch noch Fleisch; Salz und Brot macht Wangen rot*).

Мельгунова Анна Владиславовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Средства стилистической выразительности

в репортажах о чемпионате мира по футболу 2014 г.

(на материале немецкого языка)

Летом 2014 г. большое место в СМИ занимали спортивные репортажи, посвященные проходившему в Бразилии 20-му чемпионату мира по футболу. В немецкоязычной прессе этой теме также уделялось большое внимание, тем более что успешно выступавшей немецкой сборной удалось в 4-й раз в истории завоевать титул чемпионов мира.

Репортажи с чемпионата отличались особой эмоциональностью, проявлявшейся в выборе соответствующих средств стилистической выразительности — эмоционально окрашенной лексики, метафор, фразеологизмов и др.

Можно отметить высокую степень метафоричности текста, которая создается при помощи различных частей речи и словосочетаний, напри-

мер: существительные Prügel (побои, трéпка), das Massaker (резня, бойня); глаголы verprügeln (побить, поколотить), niederwalzen (смять гусеницами), massakrieren (устраивать резню, жестоко расправляться), schlachten (забивать), zerschmettern (разбить, уничтожить), ausbluten (истечь кровью); словосочетания in Fetzen zerreißen (изорвать в клочья), eine Lehrstunde erteilen (преподать урок), die deutsche Maschine (немецкая машина).

Широко распространены также метафорические сравнения: wie durch eine magische Hand (как будто благодаря вмешательству магии); wie von schlechten Geistern erfasst (как будто одержимые злыми духами).

Часто встречается также использование превосходной степени от слов, которые обычно, благодаря своей выразительности, не требуют такой формы — например, unglaublich «невероятный, неправдоподобный» — der unglaublichste, sensationell «сенсационный» — der sensationellste. Подобные средства использовались для описания участников чемпионата, процесса игры и результатов матчей. Будут приведены примеры их употребления и классификация.

Мужикова Ольга Николаевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Концепт BLACK в картине мира английского сленга

Наименование цвета black в английском сленге прошло семантическую деривацию и приобрело ряд новых значений. Обнаружено 18 лексико-семантических вариантов единицы black. Лексема black участвует в словообразовании с помощью способов словосложения, аффиксации и словослияния (зафиксировано 10 примеров словосложения, 6 примеров аффиксации, 1 пример словослияния). Намного более активно лексема black участвует во фразообразовании: в сленге насчитывается 225 примеров фразеологических единиц с лексемой black.

Для рассмотрения концепта черного цвета необходимо выделить группы примеров, объединенных общими когнитивными, актуализирующими концепт цвета BLACK в сленге. Группы расположены в зависимости от числа составляющих, в порядке убывания. По численности примеров, составляющих когнитивы, на первом месте находится группа дериватов с общей когнитивой “black is the black man’s skin colour”, состоящая из 38 примеров. Вторая группа объединяет примеры с когнитивой “black is the drugs colour”. Внутри группы выделяем подгруппы с когнитивами “black is the synthetic drugs colour”, “black is the cannabis colour” и “black is the opium colour”. В общей сложности к группе примеров с когнитивой “black is the drugs colour” относится 26 примеров. Третья группа объединяет дериваты с когнитивой “black is the alcohol colour” (15 единиц сленга), четвертая — “black is the female’s genitals colour” (12 примеров), пятая — “black is the prison colour” (9 единиц сленга). Кроме того, выделяются группы примеров с когнитивами “black is the villain colour”, “black is the police colour”, “black is the death colour”, “black is the religion colour”, “black is the depression colour”,

“black is the coffee colour”, “black is the male’s genitals colour”, “black is the black mailing colour», “black is the night colour”. Таким образом, выделено 13 групп дериватов с общими когнитивными, актуализирующими концепт BLACK.

Семантическая, словообразовательная деривация и образование новых фразеологических единиц в сленге часто происходит за счет метафорического и метонимического переноса. В рамках исследуемого материала самыми частотными видами метафоры являются антропоморфная, зооморфная, предметная и соматическая. Самым частотным типом метонимического переноса является перенос «часть тела — человек» и «одежда — человек в одежде». Также встречаются единицы сленга, демонстрирующие метонимический перенос по типу «емкость — содержимое».

Мухамадьярова Альбина Фанилевна,
ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адъективная метафора в корпусной лингвистике (на примере цветобозначений blau, синий, зәңгәр)

Прилагательное blau во многих культурах символизирует верность, а синий сапфир является знаком верности и надевается при заключении брака. Согласно народному преданию, на пальце неверного человека камень теряет свою первоначальную яркость. В немецком языке есть фразеологизмы, в которых синий цвет связан с обманом, ложью: er lügt das *Blaue vom Himmel herunter* (рассказывать небылицы; наговорить с три короба), ins *Blaue hineinreden* (городить вздор, молоть чушь; говорить наобум), jmdm. das *Blaue vom Himmel versprechen* (сулить золотые горы). Blau ассоциируется у немцев с нетрезвым состоянием, например, *blau wie ein Veilchen* (быть вдребезги пьяным, быть в стельку пьяным), *voll / blau wie eine Strandhaubitze / Haubitze sein* (быть пьяным в стельку). В французском языке для обозначения пьяного человека используется другое прилагательное, а именно gris, серый. В современном русском языке нет фразеологизмов или сочетаний с синим цветом для описания данного состояния, но в памятниках XV–XVI вв. встречается выражение «сини очи» (о глазах пьяниц). Синий в данном случае означает, что отсутствует блеск в глазах, можно также предположить, что глаза мутные, тусклые, лишенные блеска (осмысленности). Кроме этого есть еще сложное слово *красноноска* (о пьянице) с другим цветовым компонентом.

Слово blau приобретает новые метафорические значения. Blau может выступать в качестве метафоры для обозначения состояния человека: сентиментальности, уныния — *Blauäugleinposie, Blauklang*; нетрезвого состояния — *Blaudenker, Blauzustand, stockblau*. Прилагательное blau получает также негативное метафорическое значение в следующих подгруппах: значение лжи — *Blaulichtaffäre, Blaudunst, Blaumagier*, значение жестокости — *Blaubartzimmer*, значение смерти — *Leichensackblau*. В арабском языке существуют сочетания белого, черного и красного цветов со словом «смерть». Белая смерть символизирует естественную или внезапную смерть,

красная смерть употребляется при насильственной смерти, а черная смерть означает смерть от удушения.

Важно отметить, что компонент blau получает следующие метафорические значения: а) культурной значимости — *Blaubuch*, б) религиозного единения — *Blauring*, в) воспоминания — *Lebensfreudeblaupause*, д) чего-нибудь интересного — *Blauzeile*, е) неактуальности — *Blumann*, ф) ремесленника, рабочего — *Blaukragenarbeiter*, г) разрешения чего-либо — *Blauschein*.

Проанализировав слова с метафорическим переносом, мы можем сделать вывод, что blau может получить как положительную, так и отрицательную коннотацию. Если мы сравним метафорические значения слов blau, синий, зэңгэр, то можно утверждать, что в них отражается культура и душа народа. В словосочетаниях *зэңгэр моң*, *зэңгэр зар* прилагательное «зэңгэр» усиливает грусть, тоску. Слово зэңгэр может поучать также метафорическое значение надежды, мечтаний, веры, например, *зэңгэр томан*. В немецком языке есть также аналогичное слово *Blaudunst*, но в немецкой языковой картине мира синий цвет приобретает метафорическое значение лжи. В языковой картине мира русского языка словосочетание «синяя дымка» не получает метафорического значения.

Сравнив фразеологизмы, пословицы и поговорки, сложные слова с компонентами blau и синий, мы можем говорить о том, что языковая картина мира в русском и немецком языках отличается. В немецкой культуре нет изначально отрицательной коннотации слова blau. В русском языке чувствуется большая связь синего цвета с водой, ассоциирующейся с нечистой силой. Но в немецком языке также есть некоторые выражения с компонентом blau, в которых чувствуется негативный оттенок, например, в фразеологизме *blau wie ein Veilchen* (быть вдребезги пьяным), *jmdm. das Blaue vom Himmel versprechen* (сулить золотые горы).

Найденова Наталья Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Российский университет дружбы народов (Москва)

Лексические особенности этноспецифического художественного текста (на примере романа Х. Ф. Сиале Джангани «Пепел калабо и термиты»)

Экваториальная Гвинея — единственная страна в Африке южнее Сахары, одним из официальных языков которой является испанский. Уникальность языковой ситуации Экваториальной Гвинеи состоит в том, что на территории страны используются автохтонные, европейские (испанский и французский), а также и креольские языки на основе английского и португальского.

Данный факт обуславливает полифонический характер художественных произведений гвинейских писателей, создаваемых на испанском языке. Их тексты представляют собой мозаичное сплетение языков и обнаруживают влияние местного культурного субстрата. Роман Х. Ф. Сиале Джангани «Пепел калабо и термиты» (*Cenizas de Kalabó y Termes*) — одно из произведений XXI в., в котором эти черты проявляются наиболее ярко.

Основная стратегия, используемая писателем для воссоздания этноспецифического художественного образа мира, именуется бельгийской исследовательницей Ш. Забу «индигенизацией» (*indigenization*) и представляет собой попытку писателя передать африканские концепты, ментальные модели и языковые черты с помощью языка бывшего колонизатора. Стратегия индигенизации реализуется с помощью двух приемов: пиджинизации (*pidginization*) и релексификации (*relexification*).

Прием пиджинизации состоит в первую очередь в использовании заимствованных лексических единиц. В тексте романа наблюдается значительное число заимствований из других вариантов испанского языка, в основном кубанизмов, например, *caucos* — каноз; *guateque* — гулянка. Также отмечены заимствования из английского и португальского и креольских языков на их основе. Наибольшее количество заимствований черпается из африканских языков, например *mvet* — традиционное песнопение у народа фанг музыкальный инструмент; *iboga* — разновидность кустарника.

Пиджинизация служит и созданию комического эффекта, а именно гротеска и едкой сатиры. Примером служит сцена выступления диктатора, построенная по принципу антитезы. Гротескное звучание достигается за счет сочетания газетных клише и всевозможных девиаций от центральной языковой нормы на различных языковых уровнях: *nuestro compromiso iquebrantable* ('наше твердое обязательство') вместо *inquebrantable*, *la cotitusión* ('конституция') вместо *la constitución* и т. д.

Прием релексификации реализуется посредством десемантизации исконно испанских лексических единиц с их последующим наделением новым смыслом (ресемантизация). Например, имя существительное *tribu* переосмысливается писателем для создания эффекта иронии. Говоря о занимающемся темными делами предприятии, писатель отмечает, что учредитель назвал его «на языке американского племени» (*tribude los americanos*), чтобы с этой помощью привлечь богатство.

Для интегрирования этноспецифических концептов писатель использует ряд приемов дигестирования художественного текста: послетекстовый глоссарий, внутритекстовый комментарий и контекстуализация.

Внутритекстовый комментарий состоит в использовании перифраз, например: «...me fui tras un gruponigeriano de manifestación cultural, “el kokomo”...». Прием контекстуализации подразумевает помещение этноспецифической лексики в определенный контекст, эксплицирующий ее значение: «Las obesas vendedoras de “pof-pof” corrían el riesgo de ver su actividad aniquilada por un caprichoso decreto, con ello desaparecerían, además, esos niños medio desnudos, los ojos rojos y húmedos por la risa, <...>, diciendo: “tía, queremos buñuelos de cien”...». В приведенном отрывке свойственное местному лексическому фонду имя существительное *pof-pof* ('пончик') находит разъяснение в прямой речи, содержащей его нормативный испанский эквивалент *buñuelo*.

Таким образом, лексические особенности гвинейского варианта испанского языка используются писателем для выработки собственных нарратив-

ных стратегий, превращающих язык бывшего колонизатора в полноценное средство самовыражения и подрывающих непрременную авторитарность центральноречевой нормы.

Ополовникова Мария Владимировна,
к. ф. н., доцент, Ивановский государственный университет

Прагматический потенциал немецких логических частиц в политической коммуникации

Оценочный компонент присущ всем текстам политической коммуникации, при этом оценка может быть как эксплицитной, так и имплицитной. Скрытая оценка — одно из средств речевого манипулирования, широко используемое в данном типе дискурса. В существующих исследованиях основное внимание уделяется лексическим, риторическим и стилистическим средствам формирования оценки. При рассмотрении лексических средств в фокус внимания попадают однозначные слова, а служебные части речи, в частности, частицы, в данном ракурсе почти не исследуются. Между тем способность частиц немецкого языка выполнять разнообразные прагматические функции и вводить в сферу рассмотрения пласт имплицитной информации делает их действенным средством речевого воздействия.

Лингвистический механизм использования логических частиц в качестве одного из языковых средств, лежащих в основе того или иного приема речевого воздействия, базируется на трех основных аспектах функционирования частицы в речи: семантическом, текстообразующем (функция соотношения понятий) или коммуникативном (функция маркирования ремы). Как правило, все три аспекта существенны и взаимодействуют, но для разных приемов характерно доминирование определенного аспекта.

1) **Семантический аспект**

За счет семантических особенностей возможны прагматические эффекты создания пресуппозиций ожидания, формирования и конкретизации образа «своих» и «чужих». Употребление логических частиц может обуславливать трансформацию семантической структуры ее ядерного элемента, т. е. благодаря использованию частиц определенных семантических групп сопровождается ею слово приобретает дополнительные, узואльно несвойственные ему семы. Наиболее ярко это видно на примере частиц с временным значением (*schon, noch, bereits, erst*), которые обычно сопровождают слова, указывающие на некий период времени или процесс. Если в качестве ядерного элемента выступает языковая единица, узואльно не обладающая временным (процессуальным) компонентом значения, она приобретает его благодаря семантике частицы.

2) **Текстообразующий аспект**

Одной из основных функций логических частиц является текстообразующая, т. е. частицы соотносят однородные понятия (ядро и корреляты), особенности которых могут быть использованы для осуществления речевого воздействия. Можно выделить следующие типы взаимодействия

смысловых компонентов, заключенных в ядерном элементе частицы и его корреляте:

- а) ядро актуализирует информацию, заключенную в корреляте. Этот тип подразумевает наличие имплицитного коррелята, вывод о котором адресат делает на основе частицы и ее ядерного элемента. Поскольку однозначно восстановить коррелят на основе только ядра и частицы невозможно, это дает возможность для речевого воздействия. Особая возможность для речевого воздействия имеется при употреблении отрицательной частицы *nicht* с ядерным элементом, выраженным модальным глаголом, поскольку в этом случае наблюдается не только соотнесение посредством отрицания смежных понятий, но и взаимодействие разных речевых актов;
- б) в тех случаях, когда коррелят логической частицы эксплицитно представлен в предшествующем контексте и содержит в своей семантике ярко выраженный оценочный компонент, он может влиять на значение ядерного элемента, привнося в него положительные или отрицательные коннотации.

3) **Коммуникативный аспект**

Еще одной возможностью осуществления речевого воздействия является способность логических частиц маркировать наиболее значимый в информационном плане элемент высказывания (или сверхфразового единства), т. е. рему. Функция маркирования ремы особенно важна в случае, когда ядро частицы обладает признаками, характерными для тематического компонента (указательные местоимения, наречия времени и места, существительные с определенным артиклем и др.).

Парина Ирина Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова

Фразеологизмы в студенческих переводах (на материале немецкого языка)

Вопросам, связанным с изучением фразеологии на занятиях по иностранному языку, посвящено немало исследований. Наиболее часто обсуждаются проблемы создания фразеологических минимумов — т. е. списков единиц, заслуживающих первоочередного внимания, значимость различных аспектов семантики фразеологизмов (образной основы, буквального значения компонентов, этимологии), а также влияние родного языка учащихся на усвоение фразеологии иностранного языка — интерференция и трансференция.

Очевидно, что подготовка студентов-переводчиков требует немного иного подхода. Например, заучивание определенного фразеологического минимума хотя и может оказаться полезным, но для письменного перевода более важным представляется умение распознавать фразеологические единицы — в том числе и незнакомые переводчику — в тексте оригинала. Так, по наблюдению С. Влахова и С. Флорина, значительная часть неудач в пе-

реводе фразеологизмов связана с тем, что их ошибочно принимают за свободное сочетание слов или авторскую метафору [Влахов, Флорин, 1980, 180].

Помимо умения распознать фразеологизм, будущим переводчикам важно научиться находить информацию в различных источниках и грамотно ее использовать. Так, в исследовании [Szczerpaniak, 2006] было показано, что лишь в 28 % случаев использование словарей способствует пониманию фразеологизмов студентами.

В настоящем докладе будут рассмотрены типичные ошибки, совершаемые студентами при переводе текстов, содержащих фразеологизмы различных типов. Материалом для исследования послужили переводы статей общественно-политической тематики из таких источников, как *Zeit Online*, *Süddeutsche Zeitung*, *Frankfurter Allgemeine*, подготовленные студентами пятого курса переводческого факультета НГЛУ, изучавшими немецкий язык как первый иностранный.

Исследование показало, что с задачей собственно распознавания фразеологизма студенты, как правило, справлялись. Однако трудности возникали при использовании словарей и справочников.

Причиной этого во многом является несовершенство самих лексикографических источников: некоторые фразеологизмы, в том числе достаточно употребительные, в них отсутствовали, для других же было указано значение и сфера употребления, не вполне соответствовавшие переводимому контексту, — а значит, не в полной мере отражавшие все возможности употребления фразеологизма. Встречались и нарушения правил русского языка — в частности, на весьма популярном у студентов ресурсе «Мультитран».

Но и в тех случаях, когда фразеологизм был вполне корректно описан в словарях и для него предлагались русскоязычные соответствия, студенты испытывали трудности при его переводе в контексте. Наиболее типичные ошибки — нарушение структуры фразеологизма (неоправданное расширение компонентного состава, подмена компонентов), нарушение семантической валентности фразеологизма и искажение смысла оригинала с целью «приспособить» контекст под словарное соответствие.

В то же время фразеологизмы, отсутствующие в двуязычных словарях, далеко не всегда вызывали затруднения при переводе. Наоборот, студенты в этом случае были избавлены от искушения перенести в текст перевода готовое словарное соответствие, и придумывали немало собственных удачных вариантов.

В целом наиболее существенным фактором, определяющим эффективность перевода контекстов, содержащих фразеологизмы, оказалось владение родным языком. Поэтому при подготовке студентов целесообразно обращать их внимание на необходимость соблюдать нормы переводящего языка, особенно сочетаемостные, не полагаться в этом вопросе на интуицию, а проверять свои догадки — например, с помощью корпусов.

Литература:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
2. Szczerpaniak R. The Role of Dictionary Use in the Comprehension of Idiom Variants. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.

Передерий Елена Борисовна,

к. ф. н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Испанские паремии как выражение этнических автостереотипов

Цель исследования — описать этнические автостереотипы, отраженные в оценочных паремиях со словами *España, español*: во фразеологизмах, пословицах, крылатых выражениях и народных куплетах (*coplas*).

С точки зрения когнитивной лингвистики стереотип рассматривается как стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп. Стереотип обладает логической формой суждения, в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающего определенному классу лиц определенные свойства или установки, — или, наоборот, отказывающего им в этих свойствах или установках» [Демьянков, 1996. С. 177].

Соответственно автостереотип — устойчивое представление этноса о своих качествах [Платонов, 2000: 393]

Фразеологизмы и паремии очень наглядно показывают особенности национального характера народа, образ мышления, культурные стереотипы, ценностные ориентиры, а иногда и являются отголосками исторически значимых событий [Алефиренко, 2009. С. 310, 314]. Однако нельзя не принимать во внимание замечание Е. В. Ивановой о том, что реконструкция картины мира посредством паремий может быть опасна, т. к. наряду с универсальными и вневременными характеристиками, пословицы, поговорки и фразеологизмы могут отражать устаревшие, пережиточные представления [Иванова, 2006. С. 54] и — добавим от себя — со временем изменять свое значение. Поэтому анализ паремий был по возможности дополнен примерами художественной литературы, прессы и текстов сетевых жанров (блоги, форумы).

Топонимы и оттопонимические номинации, также как и этнонимы, активно исследуются испанской лингвистике в плане выражения культурно-специфичных черт того или иного региона или народа или этнических стереотипов. Достаточно упомянуть очень подробные словари Г. Вергара Мартина и Х. М. Сбарби-и-Осуна, и труд «*Diccionario geográfico popular de España*» К. Х. Селы, статьи Энрике Гутьерреса Рубио, Альберто Сулуага и др.

К сожалению, самый общий топоним — *España* — и соответствующий этноним *español* не были изучены с точки зрения автостереотипных представлений.

Для наших целей было отобрано 47 оценочных оригинальных паремий, содержащих слова *España* и *español*. Единицы паремиологического корпуса были распределены по двум полям — «страна» и «народ», а внутри каждого поля были выделены когнитивные фокусы (например, «любовь к родине», «уважение традиций», «зависть» и т. п.) и тип оценки (положительная/отрицательная).

Результаты анализа языкового материала показали, что испанские автостереотипы достаточно противоречивы: здесь и любовь к стране, гор-

дость ее былым могуществом, красотой, традициями и высокими моральными качествами. Однако отрицательных автостереотипов значительно больше, чем положительных, что говорит о самокритичности испанцев. Раздражают традиционно плохое правительство, социальная несправедливость, непрактичность, лень, индивидуализм, зависть, косность и многое другое.

Литература:

1. *Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н.* Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. *Демьянков В. З.* Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубряков, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина, под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
3. *Иванова Е. В.* Мир в английских и русских пословицах. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 280 с.
4. *Платонов Ю. П.* Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение). СПб: Изд-во С.-Петерб. университета, 2000. 432 с.
5. *Cela S. J.* Diccionario geográfico popular de España. Madrid: Ed. Noesis, 1998. 178 p.
6. *Sbarbi y Osuna J. M.* Diccionario de refranes, adagios, proverbios modismos, locuciones y frases proverbiales de la lengua española. T. 1. Madrid: Librería de los Sucesores de Hernando, 1922. 574 p.
7. *Vergara Martín G. M.* Diccionario geográfico popular. Madrid: Librería de los Sucesores de Hernando, 1923. 343 p.

Повторуха Наталья Васильевна,

преподаватель, Донецкий национальный университет (Украина)

Семантико-грамматические разряды фразеологических единиц с метрологическим компонентом в сопоставительном аспекте (на материале немецкого и украинского языков)

В последнее время в лингвистике все чаще появляются исследования, посвященные проблемам меры и веса, для решения которых привлекаются данные метрологии. Объектом данной работы являются фразеологизмы с метрологическим компонентом в немецком и украинском языках, принадлежащие к одной из многочисленных групп фразеологического фонда исследуемых языков. Вопросами фразеологии занимались Л. Г. Авксентьев, Н. Ф. Алефиренко, В. И. Архангельский, А. М. Бабкин, Ш. Балли, В. М. Белоноженко, В. В. Виноградов, В. П. Жуков, А. В. Кунин, Б. А. Ларин, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, В. Н. Теляя, А. М. Чепасова, Н. М. Шанский, Д. О. Добровольский, А. Д. Райхштейн, В. Фляйшер, И. И. Чернышова и др. В то же время существуют немногочисленные научные работы, посвященные изучению фразеологических единиц с метрологическим компонентом (далее — ФЕМК). Отсутствие исследований ФЕМК, выполненных в сопоставительном аспекте на материале немецкого и украинского языков, обусловило актуальность данной работы. Материалом послужили 404 единицы, из них 220 в немецком языке и 184 — в украинском, полученные в результате сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей исследуемых

языков. Согласно дефиниции А. В. Кунина, фразеологическая единица — это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением. В этой работе рассматриваются ФЕМК типа: нем. *nicht um einen Fußbreite (von der Stelle) weichen* ‘не отступать ни на пядь’, укр. *як семисотна верства* ‘неприродно ровно’.

Существует целый ряд работ, посвященных анализу основных семантико-грамматических разрядов фразеологических единиц. Базовой для данной работы является классификация Н. Ф. Алефиренко, которая учитывает как наличие или отсутствие у лексических компонентов грамматических категорий и их морфологических парадигм, так и синтаксические функции фразеологизмов в предложении:

- 1) Глагольные фразеологические единицы (144 ФЕМК в немецком языке и 49 — в украинском) имеют значение процессуальности и им присущи категории вида, залога, способа, лица, времени. В предложении они выполняют синтаксическую функцию сказуемого, например: нем. *alles mit der gleichen Elle messen* ‘мерить все на свой аршин’, укр. *за версту почути* ‘сразу распознать, отличить кого-, что-нибудь’;
- 2) К адвербиальным (40 ФЕМК в немецком языке и 104 — в украинском) относятся фразеологизмы количественно-или качественно-обстоятельной семантики, которые характеризуются полным отсутствием морфологических парадигм и в предложении выполняют функцию обстоятельства, например: нем. *Schritt für Schritt* ‘шаг за шагом’, укр. *як один фунт* ‘ровно, точно’;
- 3) Адъективным фразеологическим единицам (22 ФЕМК в немецком языке и 19 — в украинском) присущи категориальное значение атрибутивности и способность выражать статичный признак предметов. В предложении они выполняют функции несогласованного определения или именной части сложного сказуемого, например: нем. *haargenau* ‘очень точный’, укр. *з мізинець* ‘маленький’;
- 4) Субстантивными (13 ФЕМК в немецком языке и 10 — в украинском) называются фразеологизмы с обобщенно-предметной семантикой, выраженной в грамматических категориях рода, числа и падежа. В предложении они выполняют синтаксические функции подлежащего, именной части составного сказуемого или определения, напр.: нем. *ein Tropfen Wermut* ‘ложка дегтя’, укр. *верстовий (стовповий) шлях* ‘главное направление в движении или развитии чего-нибудь’;
- 5) К интеръективным (1 ФЕМК в немецком языке и 2 — в украинском) относятся фразеологические единицы, которые выражают разные чувства и не могут выполнять номинативной функции. Особенность этих ФЕМК заключается в том, что они являются формулами социального этикета, например: нем. *eine Sekunde (bitte)!* ‘одну секунду (пожалуйста)!’, укр. *сім футів під кілем!* ‘принятая форма пожелания успеха, удачи’.

Таким образом, из всех семантико-грамматических разрядов ФЕМК в немецком языке наиболее продуктивными являются глагольные, а наименее продуктивными — интеръективные.

Подгорная Валерия Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Концепт BODY в английской языковой картине мира

Термин «соматизм» переживает период становления в науке. На наш взгляд, соматизмами являются прямые и переносные наименования всех внешних и внутренних составляющих тела человека. Признание продуктов человеческой деятельности (слеза, слюна, болезнь и др.) в качестве соматизмов представляется неправомерным. Первичными соматизмами признаются слова, прямым значением которых является наименование любой части тела. Вторичными соматизмами являются слова, переносные значения которых представляют собой наименование любой части тела.

Соматизмы представляют собой закрытую лексико-семантическую группу, которая репрезентирует концепт BODY. Данное представление осуществляется на уровне значения (внутренняя, содержательная репрезентация) и внутренней формы (внешняя, формальная репрезентация) цельнооформленными и раздельнооформленными единицами.

Внутренняя репрезентация в основном носит словный характер и осуществляется первичными и вторичными соматизмами. Она бывает полной, в которой тело человека представлено целиком (*body, chassis (sl.) 'the body of a person or an animal'*) или частичной, в которой представлена только часть тела человека (*hand, blood, benders (sl.) 'knees'*). Внутренняя первичная полная репрезентация также имеет опосредованный характер представления концепта BODY, осуществляемый только раздельно оформленными единицами: *from head to toe 'over the entire body, in its entirety'*.

Внешняя репрезентация осуществляется на лексическом (сложные слова) и фразеологическом уровнях с участием первичных и вторичных соматизмов. Внешняя первичная репрезентация, как и внутренняя, может быть полной (*to keep body and soul together 'to manage to keep existing, especially whe none has very little money'*) и частичной (*dollface (sl.) 'an attractive or cute person'*). У раздельнооформленных единиц внешняя первичная частичная репрезентация делится единичную (*butterflies in one's stomach 'a nervous feeling in one's stomach'*) или двойную (*to be skin and bone(s) 'to be extremely thin'*) по количеству использованных соматизмов. Внешняя вторичная репрезентация в основном предполагает фразеологическую реализацию. Данный вид представления концепта не обнаруживает полной репрезентации, что можно объяснить наличием единичных примеров вторичного соматизма, обозначающего тело целиком. Внешняя вторичная частичная репрезентация представлена только единичной на фразеологическом уровне (*to bust one's chops (sl.) (chops 'mouth, jaws') 'to talk ceaselessly'*). Примеры реализации концепта на лексическом уровне единичны: *chrome-dome (sl.) (dome 'head') 'a bald person or some one with close-cropped hair'*.

Пфау Оливер,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Структура предложения:

зеркало размышления, игра с ожиданием?

Вводная сцена трагедии Ханс Х. Янна «Медея»

как пролептическая миниатюра

Начиная с 1926 г., даты своей первой постановки, вызвавшей горячие споры, трагедия «Медея» Ханса Х. Янна регулярно оказывается в репертуарах театров, навлекая, тем не менее, на себя упреки в «неиграемости». Своей трагедией «Медея» немецкий драматург и романист включается в длинную череду авторов, которые подхватывают и обрабатывают этот античный миф. В основных сюжетных линиях Янн остается верным драматическому греческому варианту этого мифа. Он также переносит античные элементы и на драматическую форму: стихосложение и косвенное восприятие действия сквозь хор и корифея. При этом он сдвигает перспективу через добавление восточных мифологических образов, усиление присутствия второстепенных персонажей в драматическом действии и радикальное подчеркивание сексуальных и инстинктивных, разрушительных сил. С одной стороны, по своей материи, форме и языку пьеса кажется похожей на стилизацию античной трагедии, а с другой стороны, именно за счет сдвига акцентов она ломает четкие линии подражания классицизму. Амбивалентность, гермафродитизм — к этому двойному образу драмы подключается игра с ожиданием, которая разворачивается на фоне того, что в своем возможном развитии содержание известно заранее, что еще и утверждается через однозначное название пьесы.

В нашей работе мы хотели бы подробнее рассмотреть языковую структуру начала пьесы, а именно вводной сцены, и исследовать, что сообщает эта микроструктура о более крупных измерениях пьесы. Насколько в этой сцене более поздние развития объявляются или предвосхищаются через синтаксис, стихосложение и стилизацию? Насколько синтаксические и стилистические элементы проецируются в драматическое и идеологическое пространство? Как поступает автор с проблемой известного и, следовательно, ожидаемого? И насколько вводная сцена становится пролептической миниатюрой всей пьесы?

Романова Галина Семеновна,

к. ф. н., профессор, Московский государственный институт (университет)

международных отношений МИД России

Редупликация в современном окситанском языке

Редупликация как способ фонетического словообразования широко распространен во многих языках, и прежде всего используется для производства разнообразной лексики, часто окказиональной, относящейся к бытовой сфере, а также к городскому жаргону. Некоторые единицы из

этих сфер могут проникать в терминологию определенных отраслей, закрепляясь в тех или иных терминосистемах.

Редупликация — один из древнейших способов номинации, в его основе нередко лежит ономастическая, поэтому среди слов, созданных этим путем, немало топонимов (заповедник Нгоро-Нгоро), зоонимов (муха це-це), прозвищ и фамилий (Тарарай, Дадыко) и т. д. Исследователи выделяют также экспрессивную или эмфатическую редупликацию (ля-ля тополя; тили-тили, трали-вали), чрезвычайно популярный и продуктивный способ создания разговорных слов и устойчивых словосочетаний в разных языках, в которых часто используются заимствованные корни.

В ряде языков, среди которых, например, креольские, редупликация обслуживает грамматические категории, такие как образование множественного числа (язык zambuañeño: plora-plora «цветы»). Редупликация может использоваться как усилитель качества или оценки (ит. piccolo piccolo, русск. белым-бело). При этом языки, даже близко родственные, заметно отличаются в частотности применения этого метода как на уровне системы, так и узуса. При редупликации слово или его элемент полностью или частично повторяется (удваивается, утраивается и т. д., нередко с частичным изменением его звукового состава (шашлык-машлык, пра-пра-прабабушка, requetebien, чучело-мяучило).

Окситанский язык — современный потомок некогда широко распространенного и развитого провансальского языка, в наши дни переживает ренессанс не только в сельских районах Прованса, Лангедока, Гасконии, Аранской долины, но и в университетах Монпелье, Тулузы, получив официальную поддержку и статус на тех территориях Франции, Испании и Италии, где когда-то была создана богатейшая литературно-культурная традиция, затем искусственно прерванная на целые века. Редупликация в окситанском отличается богатством способов образования и выполняемыми функциями, что объясняется многовековым бытованием этого языка в статусе сельских диалектов. Материал для исследования взят, в основном, из региональной прессы.

Рыжикова Марина Дмитриевна,

к. ф. н., доцент, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Языковые средства выражения лаудации в англоязычных рецензиях на книги

Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к проблеме эффективного использования языка и анализа языкового влияния в разных коммуникативных системах [Дюбуа, 1986], [Мацько, 2006], [Павлюк, 2007], [Fay, 1994], а также к проблеме влияния социокультурных факторов на формирование дискурса [Карасик, 2002], [Лабов, 1975], [Grimshaw, 1994], [Gumperz, 1964].

Объектом исследования стал англоязычный лаудативный дискурс, а предметом — языковые средства реализации похвалы.

Цель работы — определить, какие лексические, морфологические, синтаксические и риторические средства используются для выражения лаудации в похвальных рецензиях на книги.

Материалом исследования послужили опубликованные в Интернет-изданиях похвальные рецензии, общим количеством 300 текстов.

Рецензии на книги (с положительной оценкой) рассматриваются как жанр лаудативного дискурса по критерию единства коммуникативной цели — выражения похвалы [Рыжикова, 2010]. Весь исследуемый материал подразделялся на две группы по принципу профессиональной принадлежности говорящего как одного из социальных факторов, влияющих на формирование лаудативной коммуникации. Критические отзывы, написанные людьми, в круг профессиональных обязанностей которых входит написание таких рецензий, относятся к рецензиям экспертов. Обзоры, написанные людьми, не имеющие таких обязанностей, считаются непрофессиональными / рецензиями читателей.

Исследование позволяет сделать следующие выводы.

Все рецензии являются эвалюативными. Для высказывания похвалы используются лексические, морфологические, синтаксические и риторические языковые средства. Выбор термина «риторические средства» объясняется иллокутивной целью лаудации, которая заключается в выражении похвалы как средства языкового влияния на реципиента.

Лаудативные средства, характерные для всех рецензий, включают: экспрессивные существительные, прилагательные, наречия; инфинитивные конструкции и степени сравнения прилагательных; простые предложения; инверсию, эллипс, сравнения, метафору, преувеличение.

Непрофессиональные рецензии отличаются более высокой степенью экспрессивности, что подтверждает широкий выбор языковых средств для выражения похвалы. Таким рецензиям присуще стилистическое использование определенного артикля (в случае, где предусматривается неопределенный), употребление модальных глаголов, противопоставления, перифразы, анафоры, повторения, градации, литоты, риторических вопросов, эмфатических конструкций, сложных и восклицательных предложений.

Направлениями дальнейших исследований могут быть невербальные средства реализации лаудации, а также вербальные и невербальные средства выражения похвалы в разных жанрах лаудативного дискурса.

Литература:

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 330 с.
2. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. 7. М.: Прогресс. 1975. С. 152–216.
3. Мацько Л. І. Риторика: Навч. посіб. [2-ге вид., стер.]. Київ: Вища шк., 2006. 311 с.
4. Общая риторика / пер. с фр. Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. и вступ. сл. А. К. Авеличева]. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
5. Павлюк Л. С. Риторика, ідеологія, персуазивна комунікація. Львів: ПАІС, 2007. 168 с.
6. Рыжикова М. Д. Основні жанрові форми втілення сучасного англомовного лаудативного дискурсу // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики: зб. наук. пр. / М-во освіти і науки України, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Вип. 18 / відп. ред. Н. М. Корбозерова. Київ: Логос, 2010. С. 346–356.

7. *Fay E. Eminent Rhetoric: Language, Gender, and Cultural Tropes.* Bergin and Garvey Press, 1994.
8. *Grimshaw A. D. What's going on here?: complimentary studies of professional talk.* Norwood, NJ.: Ablex Pub., 1994.
9. *Gumperz J. J. Linguistic and social interaction in two communities // American anthropologist.* 1964. Vol. 66. № 6. Part 2. Pp. 137–153.

Рязанова Елена Васильевна,

к. ф. н., доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Опыт тезаурусного описания лексем

в жанре английской и шотландской народной баллады

В современной когнитивной лингвистике широко изучаются пространственные представления человека об окружающем мире. «Семантика пространства, — по мнению Ю. М. Лотмана, — имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [Лотман, 1999. С. 205]. Концептуализация пространства и ее реализация в языковых единицах разных культур дает возможность выявить общечеловеческие и национальные особенности восприятия мира.

Ключевыми лексемами английской модели «дом» в народной балладе являются *home, house, wall, gate, door, window, hall, bower, chamber, room, kitchen, fire*. В русской народной балладе к данной тематической группе относятся лексемы *терем, палаты, изба, двор, ворота, окно, крыльцо, двери, сени, горница, светлица, баня*.

В нашем исследовании мы используем методику, предложенную С. Е. Никитиной для составления тезаурусного описания фольклорного слова. Данная методика основана на теории лексических функций и теории семантических падежей Ч. Филлмора и, на наш взгляд, продуктивно работает на материале разных жанров фольклора, как для русского, так и для английского языка. Предъявление словарной статьи-анкеты ключевому слову-концепту позволяет выявить разные компоненты значения слова, его основные семантические связи и семиотическую нагрузку. Безусловным преимуществом методики является сочетание машинной обработки текстового материала с современным когнитивным подходом к интерпретации полученных данных.

В целях нашего исследования для тезаурусного описания лексем лексико-тематической группы «дом» в английской балладе мы несколько изменили структуру тезаурусной статьи. Было сокращено количество тезаурусных пунктов анкеты, выбраны те, которые являются наиболее важными для семантики фрагмента «дом» и полнее всего заполняются семантическими партнерами. Первая часть анкеты содержит общие сведения о слове, грамматическую информацию, морфологические и диалектные варианты, словообразование и толкование. В толковании лексемы основной акцент нами делается на ее семиотическом компоненте, ее месте в описании семиотического пространства дома.

Вторая часть анкеты состоит из 13 пунктов, выражающих основные статические, иерархические и динамические отношения лексемы, важные

для семантического описания модели «дом». Важными для составления логического описания моделей дома выступают отношения части — целого, отношения принадлежности (посессор) и внутренней атрибуции (предмет — признак), локутивные отношения, которые распадаются на предметно-локутивные и актантно-локутивные. Из динамических отношений мы выделили отношения действие — объект, действие — субъект.

Тезаурусное описание и анализ ключевых лексем, связанных с организацией семантического пространства дома народной балладе, позволяет наглядно представить национально-культурную специфику и особенности в концептуализации и лексико-семантическом оформлении данного фрагмента фольклорной модели мира в английской культуре.

Литература:

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999.

Садиева Динара Азимовна,
выпускница Филологического факультета (магистр),
Санкт-Петербургский государственный университет

Роль английских устойчивых сравнений, характеризующих человека и его деятельность

Сравнения занимают особое место в языке и мышлении. Человек издавна постигал окружающий мир путем сравнения малоизвестного с хорошо знакомым. Сравнение — это не только способ номинации, но и яркое средство оценки. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. Образы устойчивых сравнений (далее УС) дают представления о человеке, его характере, внешности, поведении, деятельности, как они отражены в той или иной культуре. В докладе представлен результат исследования английских устойчивых сравнений, характеризующих человека и его деятельность. Материалом послужили 380 английских устойчивых сравнений, описывающих человека и его деятельность, отобранных путем сплошной выборки из словарей. Наши наблюдения можно кратко сформулировать следующим образом.

1. Устойчивые сравнения английского языка имеют трехкомпонентную структуру: субъект сравнения, признак (основание сравнения) и объект сравнения, вводимый одним из сравнительных союзов.
2. Устойчивые сравнения антропоцентричны; в семантике таких единиц можно обнаружить тесную связь с человеком и его деятельностью. Среди УС частотными оказались единицы, описывающие **состояние человека, черты характера, внешность, поведение человека в физическом и социальном аспекте.**
3. Компаративные единицы, описывающие человека и его деятельность, составляют следующие лексико-семантические группы: зоонимы (*as brave as a lion* — храбрый как лев), предметы (*as big as a barn* — огромный, очень большой), фитонимы (*as fresh as a daisy* — свежа как роза),

природные явления (*as black as thunder* — мрачный как туча), реалии хозяйственно-бытовой жизни (*as lean as a rake* — худой как щепка).

4. Среди устойчивых сравнений английского языка представлены единицы с фонетическими особенностями: аллитерацией, ассонансом (как в сочетании с аллитерацией, так и без нее) и выраженной ритмической структурой. Также среди УС имеются единицы, относящиеся к кодифицированному литературному языку и разговорной речи.

Анализ УС на материале английского языка показал, что в семантике УС находят отражение все материальные и духовные ценности, вырабатываемые человечеством на протяжении веков и характерные для культуры определенной общности. Устойчивые сравнения сохраняют и воспроизводят менталитет и культуру народа. Компаративные единицы представляют человеческий опыт, взгляды на мир, отражают особенности мышления, своеобразие культуры и быта англичан.

Садиков Александр Викторович,

д. ф. н., профессор, Высшие курсы иностранных языков, МИД РФ

Место и роль индейского субстрата в испанском языке Латинской Америки (на материале испанского Венесуэлы)

Вопрос об индейском субстрате испанской языка Латинской Америки может быть поставлен применительно к каждому из его национальных вариантов. Всякий раз этот вопрос будет стоять особо — ввиду различных особенностей этногенеза и различия факторов становления конкретного варианта испанского языка в каждой стране. Очевидно, что прежде чем пытаться переходить к каким-либо обобщениям, необходимо по возможности сгруппировать все известные сведения по каждому из национальных вариантов, в нашем случае — по испанскому языку Венесуэлы.

Вопрос об особенностях конкретного национального варианта может ставиться применительно ко всем уровням языковой системы: фонетике, морфологии, синтаксису, лексике. Мы рассматриваем его в данном случае исключительно на уровне лексики — поскольку в Венесуэле, в отличие, скажем, от Боливии или Парагвая, испано-индейское двуязычие не имеет реального значения и существует лишь локально, в отдельных, удаленных от центра страны местностях, но отнюдь не на уровне национального варианта.

Что же касается лексики, то здесь наблюдается своя, очень резко выраженная специфика. Особенностью исторического процесса испанизации Венесуэлы было то, что коренные народы Атлантического побережья и центра были оттеснены на периферию — на запад, в Анды, на юг, в джунгли бассейна Ориноко, и на восток; но на Атлантическом побережье, игравшем главенствующую роль в становлении нации, господствовал именно испанский язык, а значит — действовали иные факторы.

Неудивительно, поэтому, что на уровне всего венесуэльского варианта испанского языка заимствования из коренных языков данной страны исчисляются разве что десятками единиц. Разумеется, их на порядок больше в отдельных регионах, особенно в уже упомянутых зонах двуязычия, т. е.

в районах прямых контактов между языками. Но, повторим, это — явление периферийного характера и не является определяющим для характеристики национального варианта в целом.

Но если так, то тем более удивителен тот факт, что заимствования из коренных языков Америки в действительности составляют мощный пласт венесуэльской лексики: их сотни и сотни, и они не просто многочисленны, но даже доминируют в отдельных группах лексем, как-то: в обозначениях растений и животных, в наименованиях явлений сельского быта, блюд и напитков, утвари, орудий и изделий традиционных промыслов, явлений национальной культуры, физических и психических качеств человека. Наконец, они широко представлены во фразеологии, описывающей огромное разнообразие ситуаций человеческой жизни в целом. Происхождение единиц этого лексического пласта различно, что вовсе не случайно, если учитывать положение Венесуэлы как перекрестка всех торговых путей и путей миграции населения Западного полушария: это — заимствования из аравакско-карибских языков и диалектов, из ацтекского, кечуа, чибча и гуарани, не исключая и других, менее существенных влияний.

Сказанное заставляет нас поставить вопрос: чем объяснить это — объективно отнюдь не обязательное и не неизбежное — явление «индеанизации» определенного национального варианта? Ответ, как нам представляется, может быть следующим. Лексика, заимствованная из коренных языков Америки, является одним из средств формирования некоего *национального мифа*, без которого немислимо самосознание ни одной из современных наций. В странах современной Латинской Америки — в каждой по-своему — происходит «возвращение к истокам», поиск некоей утраченной самобытности (этнической, культурной, языковой), что на самом деле является творческим процессом создания наций завтрашнего дня, не-индейских и не-испанских, а аргентинской, венесуэльской, кубинской и т. д., каждая из которых будет иметь свою этничность, свою уникальную культуру и свою, не тождественную никакой другой, языковую картину мира.

Сафонова Наталья Васильевна,

к. ф. н., доцент, Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского

Поле времени (на материале норвежских пословиц)

Поле времени включает два микрополя — относительное и безотносительное. Материал исследования показывает, что первое микрополе представлено более многочисленными компонентами и представляет больший интерес для исследователей. Например: много пословиц посвящено теме опоздания, причем выражают явно негативное отношение к нему. Ряд пословиц посвящен своевременности всякой деятельности. Ядро же микрополя относительного времени составляют пословицы, выражающие отношение носителей языка ко времени относительно установленного момента, что является весьма важным для уточнения языковой картины мира норвежцев. Для микрополя безотносительного времени характерно то, что тематические группы «повторяемость», «неограниченная деятель-

ность» находятся на периферии этого поля, что свидетельствует о степени важности данных понятий для носителей языка.

Материал исследования показывает, что описываемые в пословицах явления находят отражение в процессе концептуализации действительности норвежцами, т. е. в пословицах выражается опыт, накопленный многими поколениями носителей языка. В ряде случаев проводится сопоставление с датскими и шведскими пословицами. Сопоставление представляется интересным, т. к. выявляет некоторые различия в представлении о времени у столь близких народов.

Слинина Людмила Ярославна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сравнение и метафора в немецком научно-популярном тексте

Авторы научно-популярных статей неизбежно сталкиваются с проблемой передачи и разъяснения научной информации, часто специфического характера, для широкого круга публики. При этом не ставится цель добиться полного и глубокого понимания научных проблем, гораздо важнее донести до читателя общую информацию, рассказать о практической значимости научной деятельности и вызвать у него интерес к научным вопросам.

Анализ научно-популярных текстов показывает, что этой цели проще достичь не путем точных дефиниций и описаний научных экспериментов, а путем сопоставления, противопоставления и сравнения новой, неизвестной и иногда непонятной информации из чуждой для читателя сферы с предметами, процессами и явлениями, хорошо знакомыми читателю.

В докладе будут представлены результаты исследования современных научно-популярных текстов новостных таких немецких и австрийских изданий, как «Der Spiegel», «Focus», «Profil» печатных и электронных версий.

Исследование посвящено анализу сравнений и метафор как с формальной, так и функционально семантической точки зрения. В докладе характеризуются различные формы сравнений: специфичные сравнительные конструкции (например, с союзами *als*, *wie*, *während*) и имплицитных форм (например, сравнение на уровне текста). Особое место среди сопоставительных форм занимают метафорические номинации. В научно-популярных текстах встречаются метафоры различных форм: субстантивные, глагольные, словообразовательные.

Однако основной акцент в докладе делается на функционально-семантической стороне анализа сравнений и метафор. Основное внимание уделяется следующим вопросам.

1. Какая научная информация становится объектом сравнения и метафоризации: научные термины, объекты исследования, ход исследования, результаты исследования?
2. На чем основаны сравнение или метафора (*tertium comparationis*): количественная информация (размер, число, расстояние и пр.), качественная информация (цвет, форма, внешний вид и др.), тип деятельности, образ жизни и пр.?

3. К каким тематическим областям относятся предметы, процессы и явления, с которыми сравнивается научная информация научно-популярных статей? Примерами могут служить сопоставления: человек — животное (*wie spielende Welpen*), эмоциональное состояние — явления природы (*Feuer der Liebe durch Medikamente am Lodern halten*), явления природы — поведение человека (*Die Luft hat große Dinge vor*), биологические процессы — работа механизмов (*den Sex ankurbeln*) и пр.

В исследовании использованы научно-популярные статьи из разных научных областей. В докладе представлена попытка выявить зависимость семантических типов сравнений и метафор от специфики научной области.

Смирнова Александра Юрьевна,
соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет

Функциональная модель словесного значения на примере английского слова BANK

Человеческое сознание часто рассматривается как способ отражения объективной действительности, что приводит к интерпретации словесного значения как психического коррелята онтологическим особенностям окружающего мира. Такой подход приводит к целому ряду противоречий в лексикографии, в связи с чем встает вопрос о необходимости пересмотра объективистских принципов и разработки альтернативной модели словесного значения.

Одним из наиболее перспективных направлений в этом отношении является функциональная лингвистика, в рамках которой мышление рассматривается как проекция свойств человеческого опыта на материальную среду, а словесное значение — как зафиксированный в слове комплекс переживаний, полученных в результате контакта человека со своим окружением.

Комплекс переживаний, закрепленный за корневой морфемой, является интегральным, т. к. он лежит в основе всех основных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) однокоренных слов, позволяя им выступать элементом определенных ситуативных моделей (в терминологии И. В. Толочина [Толочин, 2014] — интегральная категория (ИК)).

На наш взгляд, именно выявление ИК является надежным критерием разделения полисемии и омонимии. Продемонстрируем это на примере английского слова *bank*.

В обширной литературе по языкознанию принято рассматривать существительное *bank* как два омонима: 'a river bank' ($bank_1$) и 'a bank as a financial institution' ($bank_2$) на основе их якобы различной этимологии [Beretta, 2005; Falkum, 2011; Hanks, 2000]. Так, в интерпретации П. Хэнкса $bank_1$ и $bank_2$ представляют собой омонимы с различными пучками признаков — потенциальных элементов значения (ПЭЗ). Интересно при этом, что в предложенном им списке ПЭЗ для $bank_1$ напрочь отсутствуют функциональные параметры, что приводит к асистемности разработанной автором модели [Hanks, 2000].

Целый ряд примеров говорит в пользу того, что $bank_1$ воспринимается носителями английского языка как прочный, стабильный элемент окружения, противостоящий «текучему» непостоянству воды. Функция

bank₁ в такой ситуации заключается в сдерживании и направлении водного потока, а также в обеспечении надежного плацдарма для человеческой деятельности. Если вспомнить при этом, что вода является жизненно важным условием человеческого существования, то становится очевидным, что bank₁ играет ключевую роль в накоплении и обеспечении сохранности одной из важнейших для человека ценностей.

Параллель с bank₂ напрашивается сама собой, ведь, как мы знаем, 'a bank as a financial institution' также представляет собой надежный социальный институт, созданный для того, чтобы накапливать, сберегать и распределять другую жизненно важную ценность — деньги. На этом основании логичным представляется вывод о том, что bank₁ и bank₂ обладают общей ИК, которую можно выразить следующим образом: the possibility to ensure the safekeeping of something valuable for regular use in the future. Проекция этой ИК в ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО дает ЛСВ1 ('a river bank'), в то время как проекция той же самой ИК в СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО дает ЛСВ2 ('a bank as a financial institution').

Оба ЛСВ имеют несколько метонимических расширений:

ЛСВ1 → (function → shape) a prominent sloping surface (a snow bank)

ЛСВ2 → (container → contained) a secured stock of some valuable resources → (entity → location) a building housing such an institution or a place where the stock is held

В заключение отметим также, что глагол bank очень удачно встраивается в предложенную нами схему, что является еще одним доказательством ее соответствия лингвистической реальности.

Литература:

1. Учебник по лексикологии / под ред. И. В. Толочина. СПб.: Антология, 2014. 352 с.
2. Beretta A., Fiorentino R., Poeppel D. The Effects of Homonymy and Polysemy on lexical access: an MEG study // Cognitive Brain Research. Vol. 24. 2005. Pp. 57–65.
3. Falkum I. L. The Semantics and Pragmatics of Polysemy: A Relevance-Theoretic Account: PhD Thesis. University College London, 2011. P. 295.
4. Hanks P. 'Do word meanings exist?' // Computer and the Humanities. Vol. 34. 2000.

Смирнова Ксения Игоревна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Язык гастрономии Италии в XIX в.

Язык гастрономии Италии в XIX в. соответствует историческому контексту. Италия до 1861 г. представляла собой набор независимых государств. Государства отличались не только политической и экономической независимостью, но и культурным и лингвистическим разнообразием. Гастрономическая лексика XIX в. обладает крайне высоким индексом вариативности, как, впрочем, и обыденный язык того времени.

Разнообразие форм объясняется несколькими причинами. Во-первых, это изобилие терминологии в данной области, различающейся не только географически, но социально. Во-вторых, множество регионализмов. Эти регионализмы Дж. Петролини делит на два типа: «вынужденные региона-

лизмы в связи с субъективным пробелом» — т. е. из-за незнания литературного тосканского эквивалента того или иного слова, и «вынужденные регионализмы в связи с объективным пробелом» — т. е. отсутствием названия какого-то блюда из-за узкогеографической распространенности. И, наконец, третья причина — увеличение количества издаваемых кулинарных книг. Нестабильность терминологии (что особенно явно видно по сравнению с языком юриспруденции и медицины) связано с особенностями «носителей» этих лексем. В отличие от юридического и медицинского круга, круг поваров не столь однороден. Повар получал знания с опытом, а не в результате планомерного изучения предмета, поэтому каждый автор кулинарной книги употреблял наиболее близкую ему терминологию.

С конца XVII в. источником гастрономической терминологии являлся французский язык, но и тут нельзя говорить об общем фонде заимствованной лексики. Французизмы часто имели различную орфографическую форму, италянизировались, но по-разному, или вовсе калькировались в итальянский язык. Таким образом, можно говорить о некоем «гастрономическом» койне, присутствующем в итальянском языке еще с XVII в.

Вариативность терминологии касается и таких общих понятий, как название овощей и фруктов, базовых продуктов, как, например, масло, а также кухонной утвари. Тем не менее мы можем говорить о наличии специального языка кулинарии. Несмотря на отсутствие нормы, которое остается довольно удивительным для текстов XIX в. и, скорее, отсылает нас к языку XVII–XVIII вв., есть определенные элементы, остающиеся стабильными на протяжении веков. В первую очередь это термины, относящиеся к способу приготовления того или иного блюда. Как часть речи данные термины являются глаголами. Именно глаголы оказываются теми стабильными точками, вокруг которых вращается терминологическая система языка гастрономии.

Гастрономическая терминология оказывается некодифицированной вплоть до появления работы П. Артузи «La scienza in cucina e l'arte di mangiar bene» в 1891 г. Артузи можно назвать «Мандзони» итальянской гастрономии. Как и его великий литературный предшественник, Артузи приводит к общему тосканскому «знаменателю» гастрономическую терминологию. Уже в предисловии Артузи приводит небольшой глоссарий, содержащий слова «тосканского происхождения, которые могут быть не всем понятны», тем самым определив на ближайшие 50 лет направление развития языка гастрономии Италии в сторону италянизации всех терминов. Эта тенденция получила максимальное развитие к первому десятилетию XX в.

Соболева Нина Павловна,

аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Функционирование устойчивых выражений в языке социальной рекламы

Социальная реклама — один из эффективных способов воздействия на общественное сознание, который вносит вклад в решение ряда социальных проблем. Социальная реклама и другие разновидности рекламы

объединены общей целью — привлечением внимания потенциального реципиента. Достижение данной цели непосредственно зависит от оригинальности слогана: для создания краткого рекламного текста используются разнообразные структурно-семантические и стилистические приемы, среди которых выделяют использование контекстуально трансформированных и нетрансформированных устойчивых выражений (УВ). Под устойчивым выражением (set expression) мы понимаем комплекс, состоящий из двух или более слов, сочетание которых составляет единицу с целостным значением. К устойчивым выражениям мы относим фразеологические единицы (ФЕ) и прецедентные тексты (ПТ), поскольку и те, и другие характеризуются устойчивостью или воспроизводимостью и стабильностью.

Данная работа посвящена анализу особенностей функционирования УВ в языке социальной рекламы на русском, английском и немецком языках, учитывая стилистические особенности исследуемого текста. Выбор практического материала исследования обусловлен растущей ролью социальной рекламы и интереса к данному вопросу. В качестве материала исследования нами были проанализированы две тысячи социальных слоганов на трех языках с плакатов и сайтов.

ФЕ, которые используются в основной, словарной устоявшейся форме, могут функционировать в контексте рекламы без стилистических изменений. «Отсутствие видимых изменений в форме фразеологизмов способствует их быстрому распознаванию носителями языка». Однако несмотря на отсутствие видимых структурных преобразований ФЕ, устоявшееся значение единицы под влиянием контекста может стать окказиональным (instantial use, по определению А. Начисчионе). В частности, прием «двойной актуализации» может затрагивать семантику ФЕ при отсутствии видимых структурных изменений.

Итак, ФЕ в контексте рекламы могут быть реализованы как узуально, так и окказионально. А. В. Кунин в своих исследованиях предложил четыре типа конфигураций, которые образуют фразеологизм и его актуализатор. К первым двум типам относится узуальная конфигурация первой и второй степени. Ко вторым двум разновидностям относится окказиональная конфигурация первой и второй степени. В нашей работе мы подробно остановимся на анализе контекстуально трансформированных и нетрансформированных УВ в слоганах социальной рекламы на трех языках.

Рассмотрим прием двойной актуализации в слоганах для социальной рекламы на трех языках:

«Ваш ребенок — чистый лист. Кто рядом, тот и заполняет» — слоган для социальной акции в день защиты детей на Тверском бульваре, организованной в 2011 г. [<http://sentence.ru>].

«Roll up your sleeves» — слоган для социальной кампании, направленной на привлечение внимания к акции донорской сдачи крови, проводимой организацией по оказанию гуманитарной помощи в США «American Red Cross», 1972 г. [<http://slogans.de>].

В качестве еще одного примера рассмотрим слоган «Wir machen Nägel mit Köpfen» для кузнечного предприятия «Metallhandwerk», 1994 г. [[266](http://</p></div><div data-bbox=)

slogans.de]. Слоган был разработан для привлечения внимания к социальному проекту, итогом которого стало получение немецкой премии M&T за особые достижения.

В результате исследования нами были выделены следующие приемы: узуальное употребление, двойная актуализация, замена компонента, усечение компонентного состава, расширение компонентного состава, фразеологическая аллюзия, повторение структуры ФЕ и конвергенция. При создании слоганов для социальной рекламы в равной степени используются как фразеологические единства, так и фразеологические сращения. Изучение прецедентных текстов показало, что такие единицы количественно превалируют в русском языке.

Цветаева Елена Николаевна,

к. ф. н., профессор, Московский государственный лингвистический университет

История одной немецкой идиомы: *zwischen zwei Feuer*

Посвящая свои исследования системе фразеологии одного языка, историк фразеологии сталкивается с неизбежностью обращения и к другим языкам. И не только из-за принадлежности к одной группе или семье (в нашем случае — индоевропейской). Причина кроется и в мировоззренческом родстве народов, базирующемся на общих элементах картины мира, в том числе, языковой.

Речь пойдет об известной во многих языках идиоме, которой в русском соответствует идиома «*между/меж двух огней*». Семантика идиомы очевидна: так говорят, когда находятся либо оказываются в затруднительном положении, причем, в случае, если опасность либо неприятность угрожает с двух сторон. Невьясненным остается вопрос о том, что за огонь имеется в виду, причем представленный существительным в форме множественного числа.

Неоднозначно трактуется происхождение аналогичной идиомы и в русском языке, причем, одна из версий предполагает кальку с немецкого.

Наряду с лексемой *огонь* в трактовках этимона фразеологизма появляются компоненты костер и пожар. В приведенных толкованиях кроме мотива *опасность*, очевидно выделяется еще один — *подвергать пытке, испытанию с применением огня*. А исследования в области истории немецкой фразеологии дают все основания полагать, что отсылка к подобной немецкой идиоме, также как и вопрос вторичной ее мотивировки неслучайны.

Исследователи отсылают, в частности, к диалектальным вариантам идиомы, а также к древнескандинавскому и отмечают, что выражение безусловно имеет древнее происхождение. Ряд рассмотренных языковых фактов приводит к необходимости рассмотрения лексемы *Feuer* (огонь) в свете мифопоэтической парадигмы. Одна из ипостасей мифологемы — грозная стихия, опасность, применяемая не просто при испытании, а скорее при пытке, наказании, появляется в исторически зафиксированных выражениях, например: *ins feuer, zum feuer verurtheilen: als ein pöse man in das feüer geurteilt werden* (приговорить кого-л. к пытке огнем), а также в известных и сегодня идиомах *zwischen zwei Feuer geraten; jmdn. zwischen zwei Feuer*

bringen, setzen. Таким образом, очевидно, что два огня — это два костра, между которыми вряд ли окажешься по собственной воле. Следовательно, к толкованию как немецкой, так и русской идиомы можно добавить сему *принудительности*. Подтверждение этому находим в германской мифологии, отражающей общие для индоевропейской культуры сюжеты и семантические мотивы.

Шалудько Инна Александровна,

к. ф. н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Образная система «Размышлений о Песни Песней» св. Тересы

Библейская Песнь Песней представляет собой текст чрезвычайной важности для христианской мистики во всех ее проявлениях: без него немислима ни мистическая доктрина (ср. «Проповеди на Песнь Песней» Бернарда Клервосского или «Проповеди и размышления» Мейстера Экхарта), ни, тем более, главное свидетельство мистического опыта — словесное творчество. Неслучайно именно в Песни Песней черпали вдохновение три великих испанских мистика: Фрай Луис де Леон, св. Хуан де ла Крус и св. Тереса де Хесус.

«Размышления о Песни Песней» (*Meditaciones sobre los Cantares*), как и большая часть литературного наследия св. Тересы, написаны прозой, синкретичной в жанровом отношении, но стилистически столь однородной, что никаких сомнений в авторстве этого сочинения нет и быть и не может. Прежде всего это касается синтаксиса текста. Не менее яркой в стилевом отношении является образная система текста, которая хоть и строится из готовых элементов, почерпнутых из Песни Песней, но у св. Тересы, как и у других авторов, приобретает выраженную специфику. Библейские поэтизмы в традиции христианской мистики подвержены определенным видам трансформаций, как правило, не нарушающим их лексический состав, самыми привычными из которых являются аллегория (или «аллегорическая аллегореза», как в «Струющемся Свете Божества» Мехтильды Магдебургской) и символ (как в поэзии Фрай Луиса и св. Хуана). Что же касается св. Тересы, то ее образная система, как отмечают исследователи (А. Сильвети, В. Гарсиа де ла Конча, М. Криадо де Валь и др.), тяготеет к более осязаемым по отношению к выше названным формам выражения изобразительным средствам языка. Отсюда ее склонность к развернутым аналогиям или сравнениям и извлеченным из них метафорам.

Тем не менее, как показывает анализ текста «Размышлений», истинное своеобразие его образного решения заключается в другом: убежденная в божественном характере стиля Песни Песней, св. Тереса не преподносит готовых образов, а создает иллюзию их непосредственного творения и претворения, прибегая к динамическому приему. При этом опора на изложение религиозного (в частности мистического) опыта, сопряженного с описанием конкретных ощущений, чувств и действий (зачастую парадоксальных), и на принцип его становления — антитезу обуславливает тесную

связь образной системы и синтаксиса текста. Такой образ обретает свою окончательную трактовку, лишь пройдя становление всех структурно-содержательных элементов и утверждение лексического состава. Именно поэтому около 60 % общего объема текста «Размышлений» представляют собой экспликацию одной-единственной инициальной фразы Песни. И здесь, наряду с аналогиями, сравнениями и метафорами, важную роль играет значительно более определенный в структурном отношении тип образности — метонимия, которая основана на компрессии и реализуется в структуре фразы. Ср.: *besar con el beso de su boca* ← *saludar uno a otro con beso [de amor para dar la secal de paz]* → *dar la secal de paz* → *dar la paz* («лобзать лобзанием уст своих ← приветствовать друг друга лобзанием [любви в знак мира] → приветствовать знаком мира → приветствовать с миром»); субъектом действия здесь выступает Богочеловек, т. е. Христос, явленный в видении, причем «лобзание уст его» — не плеоназм, а выражение высшей степени милости Божьей.

Особенности образа, создаваемого св. Тересой, состоят в его дискурсивно-динамическом, антитетическом и конкретно-ситуативном характере. Отрицая какую бы то ни было семиотическую условность религиозной символики, писательница призывает к духовному опыту и религиозной практике читателей, благодаря чему ее образы живут и действуют в пространстве-времени. Постигание специфики образной системы св. Тересы, таким образом, — это не только залог понимания ее текстов, но и необходимое условие для оценки роли этого автора-мистика в мировом литературном процессе, того вклада, благодаря которому столь позднее явление, как испанская мистика, не стало запоздалым рефлексом европейской мистической традиции, а, напротив, ее новым ярким образцом.

Шашков Юрий Алексеевич,

к. и. н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Фразеологизмы античного происхождения в испанском языке

Фразеологизмы (ФЕ), как и иные словосочетания (например, крылатые фразы) античного (мифологического, легендарного и исторического) происхождения продолжают функционировать в языках европейских народов. Это связано с их общими культурными корнями: древнегреческими и древнеримскими мифами, античной историей, культурой и литературой.

Анализ словарных источников испанского языка позволяет сделать предварительные выводы о том, что эта фразеологическая группа достаточно представительна, в результате обработки данных примерно десятка различных словарей нами выявлено свыше двухсот таких текстов.

Среди них выделяется значительная группа ФЕ с мифологическими и историческими именами и названиями. Здесь мы встречаем имена богов: *Apolo* — Аполлон, *Venus* — Венера, *Marte* — Марс, *Minerva* — Минерва; государственных деятелей и политиков: *César* — Цезарь, *Cicerón* — Цицерон, *Demóstenes* — Демосфен, *Mecenas* — Меценат; имена и названия

сказочных чудовищ: Cancerebero (Cerbero) — Цербер, Esfinge — Сфинкс, Фурия — Furia, Василиск — Basilisco, а также имена героев, нимф, персонажей мифов и исторических легенд. Эти фразеологизмы отражают известные исторические события (pasar el Rubicón — перейти Рубикон, victoria pírrica — Пиррова победа, defensa numantina — яростная оборона, защита до последнего (букв. Нумантийская оборона), paz octaviana — тишь да гладь (букв. Октавианов мир), легендарные истории (la espada de Damocles — дамклов меч, el nudo gordiano — гордиев узел, ser la Panacea — быть панацеей от чего-либо, ser como el lecho de Procusto — прокрустово ложе), мифологические сюжеты (ser másrico que Creso — богат как Крѐз, trabajos de Hércules — подвиги Геракла, establos de Augías — авгиевы конюшни, talón de Aquiles — ахиллесова пята, cantos de sirenas — сладкоголосые обманные речи (букв. пение сирен), caja de Pandora — ящик пандоры). Они же напоминают нам об исторических топонимах — Roma — Рим, Troya — Троя, Rubicón — Рубикон, Atenas — Афины, о древних народах — romanos — римляне, troyanos — троянцы, cartagineses — карфагеняне, tirus — тирцы (жители Тира), fenicios — финикийцы.

Изучение «античных» фразеологизмов показывает, что среди них немало таких, которые совпадают со своими русскими аналогами и легко узнаваемы. Вместе с тем очевидно, что имеются и такие испанские ФЕ, аналоги которым в русском языке отсутствуют. Например, Aquí fue Troya — ой, что тут было!; и тут такая заварилась каша!, tirus y troyanos — и те и другие, обе партии (стороны), voz estentórea — громкий, оглушительный; (о голосе) зычный.

Кроме того, наши опросы показали, что значительное число «античных» ФЕ не знакомы носителям испанского языка, вышли из активного употребления в разговорной речи.

На данном этапе этого исследования мы можем предложить следующие предварительные выводы:

- 1) корпус «античных» фразеологизмов в испанском языке выглядит более многочисленным, чем в русском;
- 2) в нем можно выделить несколько групп ФЕ, одна из них — это группа фразеологизмов, совпадающих по лексическому составу и значению с аналогичными русскими;
- 3) с определенной долей уверенности можно говорить о том, что немалое число «античных» ФЕ вышли из активного употребления и непонятны носителям испанского языка.

Щербак Нина Феликсовна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Структурно-семантическая модель ситуации с локативом home (на материале англоязычных текстов)

В ходе исследования нами была выделена и структурирована локативная ситуация, которая номинируется текстовым фрагментом, в состав которого входит лексема home. Под локативной ситуацией «home» мы

понимаем ситуацию, которая номинируется предложением, включающим в свой состав лексему *home* в своих различных значениях, которые могут передаваться эксплицитно или имплицитно. Структурная организация локативной ситуации определяется предикатом, окружающими его аргументами и собственно локативом *home*.

В работе опробован подход, в соответствии с которым выделяются такие различные типы предикатов, которые передают значение пребывания, перемещения, отношения, эмоционального состояния. Соответственно, среди локативных предикатов выделяются предикаты статики (*stay, live, be, remain*); предикаты динамики (*run, go, move*); предикаты релятивные, которые передают отношения между участниками локативной ситуации, их чувства, эмоции, оценку (*love, hate*); предикаты модальности (*must, may, might*); предикаты каузации (*put, bring, make*).

В плане классификации аргументов следует отметить, что они актуализируются в тексте как участники локативной ситуации, для обозначения которых в работе используется нейтральный термин *партиципанты*. *Партиципанты* подразделяются на (1) локативные *партиципанты* (локативы), они представлены в тексте именами, обозначающими место, относительно которого осуществляется пребывание или перемещение в ситуативном пространстве: *school, home, work, country, theatre*, и (2) агентивные *партиципанты* (агентивы), они представлены в тексте именами, обозначающими лицо, осуществляющее пребывание или перемещение в ситуативном пространстве. Агентивы, в свою очередь, подразделяются на институциональные, объединяющие социальную группу, класс или его репрезентантов, типа *family, police, pupils* и партикулярные, т. е. представителей социальной группы, среди которых можно выделить гендерные агентивы (*man – woman*), этнические агентивы (*Englishman, Chinese*), агентивы возраста (*child – oldman*), социально-политические агентивы (*congressman*).

Особую роль в ходе анализа имело понятие институциональности, которое означает участников ситуации, объединяющих социальную группу, класс или его репрезентантов. Для локатива *home* данное понятие позволило выявить и объяснить репрезентацию в тексте таких значений локатива, которые способствовали его сближению с другими институциональными локативами. (1) Локатив *home* принимает институциональный статус, актуализируясь в значениях *dwelling*, т. е. значение институциональности усиливается в случаях, когда локатив обозначает место проживания семьи. Данное согласование институционального локатива *home* и партиципанта *family* может определяться семантикой предиката статики, релятивного предиката, глагола, обозначающего ментальную деятельность. (2) Институциональный статус локатива *home* приобретается при согласовании локатива *home* и, например, институционального партиципанта *work*, благодаря тому, что участники ситуации, которые «работают на дому», связаны с конкретным социальным институтом, занимающимся профессиональной деятельностью.

Взаимодействие институционального локатива *home* с другими партиципантами актуализируется в тексте как 1) согласование локатива *home*

и институциональных партиципантов family / work / customs / wedding, 2) противопоставленность институционального локатива home и, например, институциональных партиципантов work / police / theatre / church / man / world / love / bachelor's life / widower's life, 3) одновременное согласование и противопоставленность локатива home и институциональных локативов school / parents'home.

Сложные отношения характеризуют не только корреляты локативных или институциональных оппозиций, но и эмоционально-оценочный план взаимодействия партиципантов локативной ситуации. Оценка локатива home и эмоциональная насыщенность высказывания могут не совпадать.

При языковой актуализации локативной ситуации следует особо отметить роль лингвокультурологического аспекта.

Якушкина Ксения,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Вежливость на грани абсурда: примеры курьезных политкорректных обозначений в испанском языке

Политическая корректность (Politically Correct, далее РС) является относительно новым явлением, возникшим во второй половине прошлого века, и традиционно связывается с обострением межэтнических конфликтов в американском обществе. Таким образом, предпосылками широкого распространения и массовой популяризации данного движения послужили существующие политические реалии. Изначально воспринимаемая как идеология, направленная на защиту членов общества от расовой дискриминации, впоследствии РС была подхвачена феминистскими движениями и постепенно выросла до масштабов сложного универсального феномена, обладающего своей исторической, социальной, культурной, психологической и лингвистической спецификой.

В основе РС лежит *эвфемизация* высказывания, т. е. замена более прямого наименования, способного вызвать у собеседника нежелательные эмоции, косвенным наименованием, более «мягким» или нейтральным по сравнению с заменяемым. В связи с этим в современном языкознании неоднократно подчеркивается, что по своим функциям и механизму образования эвфемизмы и РС-слова являются однотипными. И как следствие, существует ошибочная тенденция причислять к разделу РС-обозначений практически все эвфемизмы. Однако, говоря о несомненном сходстве между этими смежными явлениями, нельзя не отметить наличие определенных различий. В частности, эвфемизмы более склонны вуалировать и маскировать обозначаемое. Именно этот факт позволяет выделить особую группу *политических эвфемизмов*, которые никак нельзя отнести к РС-обозначениям. Кроме того, эвфемии следует рассматривать как современный способ семантической и синтаксической субституции, история происхождения которой восходит к древнейшим табу. Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что РС является частью многоаспектного феномена эвфемии, а сфера ее применения ограничивается рядом во-

просов, так или иначе связанных с различными видами дискриминации (внешний вид, возраст, состояние здоровья, гендерная идентичность, национально-расовая принадлежность, социально-экономический статус, вероисповедание).

Несмотря на то, что РС исследуется как дискурсивная стратегия вежливости, к которой прибегают с целью защиты от оскорбления какой-либо группы населения и которая, тем самым, способствует выработке терпимости, развитию межкультурной коммуникации и обогащению языка, для современного общества характерно неоднозначное отношение к подобному способу ведения войны за равноправие. Постоянное насаждение модных РС-терминов, обусловленное стремлением учесть любые пожелания относительно проявлений толерантности, обернулось недоверием к самой сути феномена и привело к его высмеиванию посредством образования преувеличенно вежливых и нарочито громоздких словосочетаний, сменивших более нейтральные обозначения и зачастую создающих совершенно противоположный прагматический эффект.

В основе переименований такого рода лежит принцип *девальвации*, заключающийся в том, что РС-слова, как и все остальные эвфемизмы, со временем приобретают отрицательные коннотации, в результате чего образуются все новые и новые термины. Иногда этот принцип доводится до абсурда: *viejo* → *persona mayor, menos joven, de edad, de la tercera edad, de edad madura/avanzada, persona adulta y madura — veterano, pensionista — notablemente dotado desde el punto de vista cronológico — persona con gran experiencia que ha adquirido a través de su longevidad* и т. п. Примечательно также, что РС распространяется и на антонимичные члены семантической оппозиции: *niño* → *persona de corta edad — persona de tamaño reducido en proceso de socialización* и т. п.

В общем виде РС-термины представлены перифразами, эвфемистический потенциал которых зависит от их синтаксической протяженности, а также от семантики лексических единиц, входящих в их состав. Употребление тех или иных РС-наименований определяет общую прагматическую направленность текста, и с этой точки зрения особый интерес вызывает их функционирование в юмористических жанрах, таких, как РС-сказки.

РУССКИЙ ЯЗЫК

ГРАММАТИКА (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Бакланова Ирина Ивановна,

к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский
ядерный университет «МИФИ» (Москва)

Образ адресата в разных типах нехудожественного текста

Современная лингвистика проявляет большой интерес к изучению функционирования языка как средства общения, особенно когда значительная часть информации передается в неявном виде, что ставит изучение имплицитности в ряд актуальных лингвистических проблем. Одним из аспектов этой проблемы является вопрос об имплицитном отражении в нехудожественных текстах образов их адресатов.

Образ адресата нехудожественного текста в основном представляет собой компонент имплицитного содержания текста. Основой для выведения имплицитно отраженного образа адресата является Принцип Кооперации Г. П. Грайса и вытекающие из него постулаты речевого общения — постулаты категории Количества, категории Качества, категории Отношения и категории Способа. При соблюдении Принципа Кооперации подсознательная осведомленность говорящего и слушающего о постулатах дает им широкие возможности для передачи информации в неявном виде. Однако, с другой стороны, передаваемое адресату на основании постулатов речевого общения количество информации, степень ее аргументированности, наличие или отсутствие показателей связей между частями передаваемого текста и степень объяснения используемых языковых знаков несет имплицитную информацию об адресате. С точки зрения коммуникативных намерений его отправителя различают три вида имплицитного содержания: текстовое имплицитное содержание, передача которого отвечает явным коммуникативным намерениям отправителя текста, подтекстовое имплицитное содержание, передача которого входит в скрытые коммуникативные намерения отправителя текста, и притекстовое, которое может быть выведено из текста, хотя его передача и не входила в коммуникативные намерения отправителя текста. Образ адресата мемуарного текста, как правило, является частью притекстового имплицитного содержания. Например:

«Я так и не знаю, в какое отделение меня вызвали на свидание — в третье или четвертое, но у следователя было традиционное в русской литературе отчество — Христофорович. Почему он его не переменял, если работал в литературном секторе? Очевидно, ему нравилось такое совпадение» (Н. Мандельштам).

Отправитель текста упоминает отчество следователя — Христофорович — и не объясняет, почему он считает его традиционным в русской литературе. Следовательно, текст рассчитан на адресата, которому известно, что такое отчество носил граф Александр Христофорович Бенкендорф, шеф жандармов, который по приказу царя осуществлял надзор за А. С. Пушкиным. Поэтому адресат способен понять, какой смысл вкладывал автор в слово «традиционный»: представитель власти с отчеством Христофорович осуществляет надзор за опальным поэтом. На основании постулатов категории Качества автор пишет, не задумываясь об адресате, будучи уверенным, что текст понятен ему.

Напротив, образ адресата рекламного текста является частью подтекстового имплицитного содержания. Например: «*Ост. балк. Дер. Ал. Ваг. Шкаф. Крыша. Пол. 5186794*» (газета «Экстра М»). В этом тексте не расшифровываются сокращенно записанные слова, из чего вытекает, что текст рассчитан на адресата, осведомленного о содержании рекламного рынка и поэтому понимающего зашифрованные символы, которые, судя по всему, означают «Остекление балконов с использованием дерева, алюминия, вагонки. Возможно изготовление шкафов на балконе, крыши над балконом и усовершенствование балконного пола». Кроме того, адресату известны обозначения химических элементов, в частности алюминия. На основании постулатов категории Способа очевидно, что автор не мог составлять данный текст без учета знаний адресата. Таким образом, можно утверждать, что фактор адресата по-разному относится к коммуникативным намерениям отправителей разных типов нехудожественного текста.

Вяткина Светлана Вадимовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Наречные маркеры итеративности: семантика и синтагматика

В настоящее время в описании семантики итеративности акцент смещен с изучения категории вида глагола («у граммемы НСВ нет реализующегося в разных вариантах повторительного значения» [Храковский, 2014] на описание маркеров итеративности — обстоятельств цикличности (*каждый день, ежегодно, по праздникам*), интервала (*редко, часто, регулярно*), узитативности (*обычно, обыкновенно*)). Грамматикализованным способом выражения данного значения являются наречия с семантикой итеративности.

Маркирующие узитативность наречия *обычно, обыкновенно*, которые относят к группе обстоятельственных и качественно-характеризующих («Толковый словарь служебных частей речи» Т. Ф. Ефремовой), синонимичны *постоянно, как всегда*. По данным Национального корпуса русского языка, наречия *обычно, обыкновенно* по частоте употребления в художественном

тексте XIX в. уступают своим синонимам, причем наречия с семантикой узитативности оказываются частотными в конце XIX — начале XX в., следующий пик приходится на конец XX в.

Для прозы 1-й половины XIX в. характерно появление наречий узитативности в контексте рассуждения-обобщения. Например: «Тут чорт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что **обыкновенно** нашептывают всему женскому роду. Чудно устроено на нашем свете! Всё, что ни живет в нем, всё силится перенимать и передразнивать один другого» (Гоголь. Ночь перед Рождеством). Наречия узитативности выполняют функцию знакомства читателя с обстановкой и действующими лицами, занимая при этом в композиции текста инициальную позицию («введение в ситуацию») или вписаны в текст как контрапункт обычное, стандартное непредвиденное, неожиданное.

В прозе рубежа XIX–XX вв. контексты введения анализируемых наречий представляют не начало генеритивного регистра (Г. А. Золотова), а являются средством отсылки к общепринятому (например: «И впервые мне пришло в голову, что, может быть, именно то великое, что **обыкновенно** называют смертью, заглянуло мне в эту ночь в лицо, и что я впервые встретил ее спокойно и понял так, как должно человеку...») (Бунин. Туман)) или характеризуют конкретный персонаж или обстановку (ср.: «Принимая больных, он **обыкновенно** сердится, нетерпеливо стучит палкой о пол и кричит своим неприятным голосом...») (Чехов. Ионыч)), т. е. становятся средством не генерализации, а индивидуализации описываемого.

В прозе конца XX — начала XIX в. преобладают контексты перволичного нарратива с оценкой конкретных типичных действий самого повествователя или с характеристикой типичных ситуаций, как правило бытовых, например: «Их объявлений я **обычно** не читал. Слишком много их было, и слишком они были дурацкие» (Петросян. Дом в котором...); «А дальше всё опять было **как обычно**». (Пелевин В. Синий фонарь). Особенности функционирования наречий объясняются становлением жанров повести, романа и рассказа, с одной стороны, с другой — связаны с формированием повествовательной формы: перволичного, третьеличного нарратива и свободного косвенного дискурса.

Литература:

Храковский В. С. Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное) значение? // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 3–12.

Кудрявцева Татьяна Юрьевна,

аспирант, Воронежский государственный университет

Деепричастный оборот в позиции заголовка

Получивший в 2006 г. Гран-при «Кинотавра» фильм режиссера К. Серебренникова «Изображая жертву» не только актуализировал интерес широкой публики к творчеству братьев Пресняковых (в частности, к одноименной пьесе, к тому времени уже успешно шедшей в МХТ им. Чехова и по-

ложенной авторами в основу киносценария), но и вызвал неоднозначную реакцию профессиональных критиков и драматургов.

Репрезентированное деепричастным оборотом заглавие пьесы Пресняковых явно выделяется на фоне «классических», традиционных заголовков, ориентированных в большинстве случаев на логическое суждение.

В семитомной «Истории русского драматического театра» (М., 1977–1987), содержащей репертуарную сводку «от истоков до 1917 г.», мы обнаружили только семь заглавий с деепричастием, причем все они являются устойчивыми, фразеологизированными высказываниями («Что имеем, не храним, потерявши — плачем» С. П. Соловьева; «Очертя голову» А. И. Пальма; «Осмеянный ревнивец, или Не спросясь броду, не надо соваться в воду» П. Г. Григорьева).

Среди 107 963 названий, включенных в семитомный «Указатель заглавий произведений художественной литературы» 1801–1975 гг. (М., 1985–1995), изданных на территории России, только 111 наименований содержат деепричастные формы. Из них, исключая сборники стихотворений, рассказов и фельетонов, всего 42 — названия отдельных произведений художественной литературы (12 — драматических).

С точки зрения структурно-семантической классификации заглавия с включенным в их состав деепричастием являют собой разнообразие конструкций — от одиночных деепричастий до цельных, законченных высказываний субъектно-предикатного типа («Смеясь и плача» А. А. Иванова; «Входя в этот дом» М. Ф. Сторожевой; «Гореть, не сгорая» А. К. Чепижного; «Не узнав горя, не узнаешь и радости» В. Андрианова; «Уходя, оглянись» Э. Я. Володарского; «Деревья умирают, стоя» А. Касоны).

Крайне редко деепричастие встречается в названиях оригинальных русских фильмов. При этом существует своеобразная традиция перевода заглавий некоторых зарубежных фильмов на русский язык («Пролетая над гнездом кукушки» М. Формана, «Изображая бога» Э. Уилсона, «Рассекая волны» Л. Фон Триера и др.) И ее, по-видимому, учитывали Пресняковы, называя свою пьесу. Неслучайно она наделена «двойным», калькированным заголовочным комплексом, сочетающим русский и английский варианты заглавия: «Изображая жертву» (Playing the Victim).

Лишенное глагола, деепричастие как будто наименее самостоятельно среди синонимичных структур — отглагольных существительных, придаточных предложений, конструкций с причастием и инфинитивом. В силу своей особой природы оно формирует пониженную в ранге пропозицию и не равно суждению. И хотя изолированное употребление деепричастного оборота возможно в конструкциях экспрессивного синтаксиса, однако связь с основным действием и субъектом сохраняется. Позиция заглавия максимально удаляет деепричастие от матричного глагола, в результате чего нейтрализуются, разрушаются таксисные отношения, а деепричастие адъективируется.

Именно в заголовочном комплексе деепричастие (деепричастный оборот) не требует смысловой и грамматической опоры, но, став единицей самодостаточной, семантически емкой, приобретает номинативно-коммуникативный статус.

Деепричастный оборот (деепричастие) в позиции заголовка позволяет передать максимально сконцентрированное, семантически насыщенное действие, спроецированное на основной текст. Такое заглавие не содержит прямой авторской оценки. В большинстве случаев оно аккумулирует либо тему, либо идею произведения.

Мызникова Янина Валерьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Фактор адресата в диалектном дискурсе

В то время как цель коммуникативного акта определяет адресант, его уместность, а значит, и успешность во многом зависят от адресата, который должен быть лицом, «подходящим» для решения поставленной коммуникативной задачи в заданных условиях общения. Фактически выход на собеседника означает выход на его «понятийное поле», на котором понятия могут группироваться весьма непривычным для адресанта образом и далее реализовываться грамматическими и лексическими категориями, не соответствующими ожиданиям адресанта. Данное положение особенно актуально для ситуации диалектной коммуникации с участием собирателя и информанта, представляющих различные социумы с разной presupпозицией. Для деревенского мироустройства с его практической направленностью актуальными являются не таксономические представления, а причинно-следственные связи. Соответственно и в речи вместо гипо- и гиперонимических семантических связей на первый план выходят причинные, следственные, целевые, условные синтаксические связи. Так, на вопрос собирателя: *«Как-то назывались по-разному открытое крыльцо и закрытое?»* — информант отвечает: *«Ну конечно, если дождик идет, он сухой!»*

На фоне общей presupпозиции еще одной важной задачей того, кто намерен предложить собеседнику акт общения, является создание условий для корректной референции, т. е. соотнесения единицы языка и элемента предметного мира. Референт должен быть корректно представлен и опознан в высказывании. Диалектоноситель любой вопрос собирателя пытается соотнести в первую очередь с конкретным референтом из непосредственно окружающего его предметного мира. Таким образом, вместо обозначения обобщенного десигната, собиратель получает наименования конкретного денотата: *«А дойную корову как-нибудь ласково называли?»* — *«Своим имен».* Интересно, что форма ответа информанта зависит и от грамматических связей, валентностей предиката: *«А различались как-то дойная корова и недойная корова?»* — *«У дойной коровы вымя, а у недойной ничо, выми нет».* — *«Нет, ну как о ней говорили?»* — *«Спасибо ей говорили!»* Ситуативность и прагматическое отношение к понятиям проявляется во всех ответах информантов, им важна не каталогизация явлений, а значение для жизни и деятельности человека, что и реализуется в речи не в дефинициях, а в соответствующих целевых конструкциях: *«А вы знаете слово такое — леденец?»* — *«Ну и чо эта, для чево?»*

Холод Светлана Ивановна,

к. ф. н., заведующая отделом, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт)

Действительные причастия будущего времени как грамматическая инновация

На протяжении длительного времени формы типа *сделающий, читающий, пишущий, придущий, интересующийся* и подобные вызывают дискуссии среди лингвистов.

Отечественные писатели и поэты (Н. Гоголь, А. Писемский, С. Аксаков, Н. Рерих, В. Шершеневич, К. Паустовский, Ю. Нагибин, О. Седакова, Ф. Кривин) изредка использовали необычные глагольно-именные формы в своих произведениях, однако все изданные в XX в. академические грамматики считают указанные выше образования единичными и ненормативными.

В начале XXI в. в связи с развитием интернет-технологий, ослаблением цензуры, действием законов аналогии и экономии речевых средств количество примеров образования и употребления в речи действительных причастий будущего времени значительно возросло.

Описываемые словоформы, как показало проведенное исследование, образуются обычно с помощью суффиксов **-ущ-(-ющ-), -ащ-(-ящ-)** от основы настоящего/будущего времени глаголов совершенного вида четырех продуктивных классов (по классификации В. В. Виноградова), стилистически нейтральных, общеупотребительных, чаще всего обозначающих физические или ментальные действия.

Чаще всего причастия будущего времени употребляются в публицистических текстах рекламного и информационного (новостного) характера, представленных на сайтах электронных средств массовой информации, например: *«Минувшей ночью на Солнце произошла первая большая вспышка, с которой связан значительный выброс солнечного вещества, достигнувший Земли, в воскресенье или понедельник, сообщил в пятницу завлабораторией ИЗМИРАН Анатолий Белов»* (www.pravda.ru/news/science/02-12-2005/69485-0).

Исследуемые формы встречаются также в виртуальных научных текстах, например: *«Редакторская статья номера затрагивает вопрос, наверняка интересующий отечественного анестезиолога: адьюванты при проведении каудальной анестезии у детей»* (www.rusanesth.com).

Как показывают наблюдения, многие носители языка, в том числе люди, имеющие или получающие высшее образование, не воспринимают такие формы как аномальное явление в русском языке, что свидетельствует о их высоком потенциале адаптации в грамматической системе языка.

Считавшиеся долгое время потенциальными, формы причастий будущего времени под влиянием экстралингвистических факторов и действующих в языке законов постепенно становятся реальными, стремятся к нормализации и закреплению в системе русского глагольного формобразования.

Чаплыгина Татьяна Евгеньевна,

к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Морфосинтаксическая устроенность предложных единиц со значением противопоставления

Исходя из того положения, что объективная научная картина невозможна без изучения языка во всех его проявлениях, в анализ и описание были включены не только кодифицированные предлоги, отмеченных в словарях, но и значительное количество предложных единиц, не фиксируемых словарями и грамматиками, но по частотности употребления, отнюдь не являющихся случайными, малоупотребительными. Это позволило увидеть системность морфосинтаксической устроенности русских предложных единиц, подойти к пониманию механизмов их функционирования.

При анализе морфосинтаксической устроенности предлогов со значением противопоставления учитывались выявленные к настоящему моменту механизмы формирования морфосинтаксической парадигмы, а именно:

- 1) изменение форм числа базовой предложной единицы: *в рамке / в рамках закона*;
- 2) изменение падежной формы базовой предложной единицы: *в ритм / в ритме музыки*;
- 3) введение дополнительного предложного компонента в состав предложной единицы: *в дополнение к приказу / в дополнение с приказом*;
- 4) изменение падежной формы припредложного существительного (вариативность управления предложной единицы): *во вред дела / во вред делу* (работы М. В. Всеволодовой). Для семантической зоны реляционных отношений (в широком понимании) системной оказалась парадигма: **предлог + род. п., предлог + дат. п., предлог + к + дат. п., предлог + с + тв. п.** В ходе описания предлогов со значением противопоставления было замечено, что слитное/раздельное написание немотивированного предлога, стоящего перед базовой предложной единицей, может влиять на величину синонимико-вариативного ряда (слитное написание уменьшает количество возможных вариантов).

Морфосинтаксическая парадигма предлогов со значением противопоставления имеет следующие особенности.

1. Вариативность формы числа базовой единицы (ср.: *в вопросе — в вопросах*) в данной группе предлогов не отмечена.
2. Характерна вариативность форм винительного и предложного падежа базовой предложной единицы.
3. Введение экспликатора в постпозицию допускается большинством предлогов и приводит к образованию составных предлогов, управляющих дательным падежом: «предлог + к + дат. п.» или творительным падежом: «предлог + с + тв. п.». Отмечен вариант, управляющий родительным падежом: ***в противоположность от чего*** (***В противоположность от сэндвича*** бутерброд включает в себя один-единственный кусок хлеба). Предлоги *впротив, впротивь, впротиву, в противку* не отмечены в сочетании с постпозитивными экспликаторами.

4. Учет вариантов управления падежной формой припредложного существительного позволил выявить следующие виды парадигм:
 - 1) четырехчленная парадигма «**предлог + чего / чему / к чему / с чем**» отмечена у большинства предложных единиц;
 - 2) трехчленная парадигма представлена в следующих вариантах:
 - а) «**предлог + чему / к чему / с чем**» без варианта с род. п. отмечена у предложных единиц *в противопоставление / в противопоставлении*;
 - б) «**предлог + чего / к чему / с чем**» без варианта с дат. п. отмечена у предлога *в противоходе*.
 - 3) двухчленная парадигма отмечена в следующих вариантах:
 - а) «**предлог + чего/чему**» у предлогов *впротив, впротиву*;
 - б) «**предлог + к чему / с чем**» у предлогов *в противостоянии, в контрасте*.
 - 4) предлоги, управляющие только одной формой падежа: *в противове-се чему, впротивь чему, впротивку / в противку, визави с кем-чем, в разрезе с чем*.
5. У предложных единиц *в противоположность / впротивоположность, в противность / впротивность* величина синонимико-вариативного ряда реализаций отличается при раздельном и слитном написании предлога в препозиции. При слитном написании синонимико-вариативный ряд уменьшается. *Впротивоположность* не имеет вариант управления род. п.; *впротивность* — не имеет вариант с «предлог + к чему/с чем».

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Афанасьева Татьяна Игоревна,

д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Языковые инновации в переводах XIV в.

XIV столетие — период расцвета славянской книжности. В это время у южных славян и на Афоне делается масса новых переводов с греческого языка и редактируется весь корпус богослужебных книг по современному греческому оригиналам. Корпус переводных произведений, пришедший на Русь в конце XIV в., имел исключительное значение для восточнославянской письменности. По данным А. А. Турилова, это весьма внушительный список произведений церковной литературы: богослужебные тексты, толкования Св. Писания и патристики, богословские и полемические сочинения, канонические и юридические памятники.

В данном сообщении дается перечень и характеристика инноваций в языке некоторых переводных произведений, получивших широкое распространение на Руси. Это Устав Божественной службы патриарха Филофея Коккина и три православные литургии (Иоанна Златоуста, Василия Великого, Преждеосвященных Даров), Тактикон Никона Черногорца, Киприановская редакция Лествицы и Псалтыри, Творения Дионисия Ареопагита, различные переводы Иерусалимского устава и Евхологий Великой церкви.

Язык всех этих переводов содержит немалое число особенностей, которые в предшествующей переводческой традиции не употреблялись или использовались на периферии языковой нормы. Такими инновациями мы считаем следующие:

- употребление *ради* как предлога;
- употребление перфектной формы вместо аористой во 2 лице ед. числа;
- употребление энклитической формы *ти, си* в качестве притяжательного местоимения;
- употребление местоимения *тѣ, та, то* в качестве личного;
- замена двойственного числа множественным;
- употребление окончания *-ѣми* в тв. мн. у существительных на *-ение*;
- употребление запретительного конъюнктива;
- употребление местоимений *иже* и *еже* как калек греческих артиклей;
- использование различных инфинитивных калек: *во еже* + инф., *по еже* + инф., *внегда* + инф., *за еже* + инф., *къ еже* + инф. и под.

Все выделенные нами инновации в разной степени употребляются в указанных переводах. Набор инновационных признаков может зависеть от времени создания памятника. Так, наиболее ранняя инновация, зафиксированная в Норовской Псалтыри, — это предлог *ради*. Замена двойственного числа множественным является наиболее поздней, многие переводы XIV в. ее не содержат. В меньшей степени, как не странно, объем инноваций зависит от переводческой школы. Так, инновации, которые исследователи традиционно связывали с Тырновской книжной школой, встречаются в сербском переводе старца Исаяи и отсутствуют в некоторых произведениях Евфимия Тырновского.

При описании инноваций в переводах и редакциях XIV в. целесообразней, на наш взгляд, оперировать теми же критериями, которые в свое время предложила М. Г. Гальченко для описания инноваций в орфографии русских рукописей XIV–XV вв.: минимальный, средний и максимальный набор орфографических инноваций, использующийся в конкретной рукописи [Турилов, 2012; Гальченко, 2001]. По аналогии можно выделить максимальный, средний и минимальный набор грамматических и синтаксических инноваций XIV в., отраженных в конкретном переводе. Выявление минимального и максимального наборов инновационных параметров, датировка и локализация текстов, их содержащих, как нам представляется, сможет в будущем привести к систематизации норм церковнославянского языка XIV в. — времени, когда начинается новый этап в его истории.

Литература:

1. Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // М. Г. Гальченко. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 376–382.
2. Турилов А. А. Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси (к 110-летию выхода в свет труда А. И. Соболевского) // Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян. М., 2012. С. 556–583.

Боряева Лариса Михайловна,

к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Синтаксис сочетаний с ТАК(О) и ТАК(ЫИ)/ТАКАВ в древнерусском и древнесербском языках

В современных славянских языках сформировался различный механизм морфологического маркирования «признака признака» (ср. совр. рус. *медленная ходьба*, но не **ходьба медленно*, последнее характерно, в частности, для современного болгарского или польского синтаксиса). На первый взгляд, названное различие касается подчинительных связей так называемых *Nomina Actionis* и речь идет о сохранении или, наоборот, изменении (иногда чисто техническом, т. е. выражающемся лишь на морфологическом уровне) синтаксических свойств производящего глагола. Однако список подобных случаев значительно расширяется при обращении к сочетаемым свойствам местоименных лексем *такъ* и *такой/таких/такав*, вступающих в качестве зависимых компонентов словосочетания в синтаксическую связь с прилагательными или целыми словосочетаниями, содержащими прилагательное. Например, в современных русском и сербском языках прослеживается очевидное различие в анафорическом маркировании ранее названного признака: *На тако неједињену Србију крајем XIV в. напали су Турци*, в русском переводе мы вынуждены употребить вместо наречия *так* местоимение *такую*: *Именно на такую, необъединенную Сербию в конце XIV в. напали турки*.

Анализ синтаксического употребления местоименного наречия *такъ* и местоимения *таких/такав* в структуре простого предложения в древнерусских и древнесербских памятниках письменности позволил прийти к следующим выводам.

1. Как связь согласование, так и связь примыкание в рассматриваемых контекстах являются слабыми синтаксическими связями, существующими в условиях паратактического синтаксиса, предполагающего отсутствие выработанных средств грамматического подчинения при маркировании слабых синтаксических связей наблюдаются наиболее существенные расхождения в славянских языках.
2. В древнерусском языке, так же как и в древнесербском, может наблюдаться формальная рассогласованность компонентов простого предложения как при катафорическом употреблении местоимений, так и при анафорическом.
3. В древнерусском языке чем древнее памятник, тем выше вероятность связи соположения компонентов при отсутствии их формального уподобления. Ср.: *Прокопьево слово такъ: оу которици день вы боудьте готови, я с вами готовъ буду* (Грамота рижан, XII в.); *Такъ бо есть ихъ обычаи* (Летописец Переяславля Суздальского, XV в.). Первый случай в «Материалах для словаря древнерусского языка...» И. И. Срезневского дан в статье, посвященной наречию *такъ*, второй — в словарной статье для *таких*. В древнесербском языке связь примыкание сохраняет

господствующее положение перед согласованием: I za toj, tako više rečeno učinjenje i objetovanje sina mi, Kneza Vladislava...primam i primih milostivo i pravo i dobrovoljno k sebi opet Kneza Vladislava, za pravoga i ljubimoga sina, i za pravoga brata sina mi Vlatka (Povelja Hercega Stjepana Vukčića Kosača, 19.jula 1453 g.), A sazida i crkvu veliku tako... (Житија и жительство краљева и царева српских, XV в.).

Васильева Ольга Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О «друзьях» и «других» в обиходном языке Московской Руси (словообразовательное гнездо с корнем «друг» в Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.)

У лексемы *друг* в Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. зафиксировано 35 производных, у этой же лексемы в Словаре русского языка — 25 производных, причем некоторые из них появились в русском языке нового времени. Остались в истории языка лексемы *другижды* и *другожды*, *друговесельник*, *друголюбец*, *друголюбивый*, *другонадцатый*, *дружебница*, *дружебно*, *дружебный*, *дружелюбство*, *друженный*, *друженье*, *дружец*, *дружительно*, *дружков* и *дружница*. С другой стороны, в языке национального периода появились такие лексемы, как *дружественно*, *дружественность*, *дружественный*, *дружинница*. Вместе с тем слова, которые употреблялись в русском языке XVI–XVII вв. и до сих пор входят в активный словарь современного русского языка, претерпели некоторые семантические изменения.

Так, вершина словообразовательного гнезда, лексема *друг* в памятниках обиходного языка Московской Руси имела то же основное значение, что и в современном языке («кто связан с кем-л. дружбой»), употреблялась, как и сейчас, в обращении, внутри этого значения выделялся, как и в современном языке, оттенок «любимый человек». Вместе с тем остался в истории языка очень важный дипломатический оттенок — «именование правителя дружественной страны». Также вышли из употребления фразеологические обороты делового языка Московской Руси — *другу (не) дружить*, а *недругу (не) мстить* — «решать честно / нечестно, справедливо / несправедливо, беспристрастно / пристрастно». На смену вышедшим из употребления семантическим филиациям и устойчивым сочетаниям лексемы *друг* пришло новое, конструктивно связанное значение — «кого-чего. Сторонник, приверженец, защитник», активно употребляющееся в публицистике XX в.

У прилагательного *другой* сохранились все значения и оттенки, представленные в текстах XVI–XVII вв. («следующий после первого»; «отличный от предыдущего, иной») и даже субстантивы *другой*, м., *другие*, мн. В прошлом остались устойчивые сочетания *в другой* (ряд), *в другие* («повторно»), *первое... другое* («сначала... потом»), употребление лексемы в значении вводного слова *другое* («во-вторых»), субстантив среднего рода *другое* («второе блюдо») и ряд составных топонимов (*Другие Садки*, *Другие Черемшаны*,

Другие Клеру). К сохранившемуся в современном языке добавились значения «какой-либо иной, некоторый» и «кто-либо иной, посторонний».

Активное и в прошлом и в настоящем слово *дружба* сохранило неизменным основное значение, тогда как второе, дипломатическое («мирные, союзнические, характеризующиеся общностью интересов отношения между правителями государств, а также между государствами») — факт истории лексемы, вместе с развитой в этом значении фразеологией (*по дружбе, государственная / братская дружба и любовь (и совет, и ссылка), братство и дружба, дружба и совет, быть / учинить в (доброй) дружбе (в братстве, и в докончаны, и в миру, и в соседстве, и в совете), дружбу делать*).

В новое время появились новые значения у лексем *дружина* и *дружинник*, к ним добавилась лексема *дружинница*.

Несмотря на представленность и в языке Московской Руси и в современном языке прилагательного *дружный*, семантика его изменилась существенным образом. В текстах XVI–XVII вв. реализуются такие значения, как «являющийся другом» (предикативное) (с фразеологией *дружным дельцем, дружне дело*) и «проникнутый расположением к кому-либо», тогда как в современном русском языке прилагательное *дружный* означает «связанный дружбой, взаимным согласием», либо «происходящий одновременно, согласованно» с филиацией «бурно, быстро возникающий, протекающий».

Таким образом, сопоставляя данные русского языка XVI–XVII вв., с одной стороны, и XX–XXI вв., с другой стороны, мы получаем богатые сведения о динамике лексической системы.

Генералова Елена Владимировна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Лексико-семантическое поле «клевета» в русском языке XVI–XVII вв. как отражение средневековой криминальной повседневности

Языковые свидетельства XVI–XVII вв. предоставляют прекрасные возможности для изучения юридической лексики как важнейшего пласта словарного состава. Лингвистические данные могут служить основой воссоздания правовых отношений, а также быть изучены в плане выражения криминальной повседневности. Преступления, связанные с клеветой, т. е. ложью, причиняющей вред другим лицам, более сложно дифференцируемы, чем преступления, связанные с нанесением непосредственного физического или имущественного ущерба; в современной судебной практике такие преступления требуют квалифицированного лингвистического экспертного заключения.

В языке Московской Руси обнаруживается ряд словообразовательных гнезд, лексемы которых использовались для обозначения ситуаций, связанных с преступлением лжи, клеветы. В памятниках делового и обиходного русского языка XVI–XVII вв. фиксируются:

- а) обозначения действий выдвижения ложных обвинений: *затеять/затеять, затеивать, клепать, клеветать, оговорить, врать, оболгать,*

воровать, затеять ложно (напрасно), затевать затейные дела (затейки) и др.;

- б) обозначения преступления, состоящего в клевете: *(затейное) воровство, поклепное (затейное) дело, затейки, поклеп, оговор, извет*;
- в) обозначения документов и доносов, т. е. конкретных материалов дел, связанных с клеветой: *затейное (поклепное) челобитье, (затейный) извет, подметные письма (листы)* и др.;
- г) усилительные характеристики действий наговора или указания на клевету как образ действия: *затейно, напрасно, ложно, воровски, затевая воровством, своей затейкой, по оговору, воровским заводом* и др.;
- д) указания на признак отношения к этому преступлению, связи с ним: *затейный, поклепный, ложный, воровской, прелестный, ябедничий*;
- е) немногочисленные обозначения человека, выдвигающего ложное обвинение, которые, однако, не использовались как юридические термины: *ябедник, оговорщик, клеветник, шепотник*.

С одной стороны, каждая из этих основ обнаруживает специфическую семантику. С другой стороны, выявляется большая близость семантики разнокорневых слов в определенных контекстах именно при обозначении клеветы. Частая совместная встречаемость таких слов демонстрирует избыточность лексико-семантической системы русского языка XVI–XVII вв. в целом, и тавтологичность и плеоназм контекстов, связанных непосредственно с ситуацией обозначения клеветы.

Изучение памятников права XVI–XVII вв. и исследование функционирования в языке основ, обозначающих клевету, позволяет сделать выводы о восприятии этого явления средневековым сознанием и о месте такого преступления в средневековой юридической системе.

Клевета признавалась преступным деянием в правовой системе Московского государства (неслучайна и синонимия корней *затей-*, *клеп-* и *вор-*), ложь порицалась и церковью. Наказание за это преступление было небольшим, ложное обвинение было частым фактом в повседневности Московской Руси. Следует констатировать неопределенность в понимании клеветы как преступления, на что указывает отсутствие не только содержательной аргументации по обвинению в этом преступлении, но и однозначных юридических терминов (чаще всего в терминологической функции использовались лексемы с корнями *затей-* и *-клеп-*).

Контексты, описывающие ложные обвинения, оказываются близки контекстам по обвинению в оскорблении, а также в подлоге, т. е. эти действия сближаются в средневековом правовом сознании. Ряд лексем, обозначающих преступление клеветы, развивают и семантику 'преступление против царя', 'подстрекание к смуте', и лексемы гнезд *вор-*, *затей-*, *-лест-* регулярно используются в документах правительственной канцелярии, связанных с восстанием С. Разина.

Дальнейшая судьба лексем поля «Клевета» различна: одни перестают обозначать это преступление (слова с основами *затей-*, *прелест-*), другие, напротив, закрепляются как юридические термины (*клевета*), но не обязательно как обозначение ложного обвинения (*воровство*), третьи сохраняют неспециальное значение 'неправда' (*ложь, навет*) и др.

Грищенко Александр Игоревич,

к. ф. н., доцент, Московский педагогический государственный университет

ТАГАШЕВЫЙ и БЕРГЪ: к вопросу об устной составляющей в бытовании гапаксов-библейзмов в славяно-русской книжности

В докладе предполагается рассмотреть два отдельных случая того, как восприятие средневековым писцом на слух редких слов может свидетельствовать об их реальном произношении. Так, только слуховой ошибкой можно объяснить появление в славяно-русской книге «Кааф» (переводах из вопрос-ответных толкований на ветхозаветные книги преимущественно Феодорита Кирского) формы «бергъ», соответствующей греческому «χίδρα» (Лев 23:14): «Что есть пражень новыхъ бергъ да не ясть» (греч. «Τί ἐστι, Ἰεφρουμένη νέα χίδρα οὐ φάγεσθε», ср. в тексте Септуагинты: «Ἰεφρουμένη χίδρα νέα οὐ φάγεσθε»). Форма «бергъ» содержится во всех трех известных списках «Каафа»: 1) в Кашинском Каафе — ГИМ, Муз. 4034, 1414/1415 г.; 2) в РГБ, Волок. 432, нач. XVI в.; 3) в РГБ, МДА-I 215, XVI в. Исходной для нее была, конечно, форма «пъргъ» — от «пърга» 'жареные (или сушеные) хлебные зерна' (см. Срезневский 2: 895–896), которую находим во многих южнославянских списках Восьмикнижия (напр., РГБ Григ. 1 1523–1543 гг., Сев. 1 XV в., Рум. 29 1537 г., ГИМ Барс. 3 XV в.), причем в ю.-слав. орфографии («пръгы» в сербских списках, «пръгы» и «пръгы» в болгарских), тогда как в русских находим только «прягы» — от «пряга» (см. Срезневский 2: 1716, а также испорченные формы «прага» и «прока» — там же: 1362, 1533). В славяно-русских Пятикнижиях, правленных по еврейскому Масоретскому тексту, также только особенностями произношения можно объяснить прилагательные с древнееврейским корнем «тагаш-» («táħaš», Числ 4), причем «г» на месте «хета» исключает в качестве устного источника выходцев из еврейской диаспоры Восточной Европы, которые бы транслитерировали его как «тахаш-» (слова с этим корнем попали в 29-й выпуск «Словаря русского языка XI–XVII вв.», им также посвящена целая статья: *Krivko R. Tagaš in der russischen historischen Lexikographie und Etymologie // I. Podtergera (Hrsg.). Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3: Vom Wort zum Text. Bonn, 2012. S. 59–68*). Учитывая, что русское церковнославянское «г» было фрикативным, подобный способ передачи еврейского «хета» мог говорить о происхождении носителя подобного произношения из Западной Европы, из Рейнского региона, где евреев называли «bney hes» (буквально 'сыны heca', т. е. народ, произносящий «хет» как [h]), тогда как евреев Восточной Европы, из Подунавья, называли «bney khes», поскольку они произносили «хет» как [x] (данная изоглосса хорошо известна из источников по крайней мере с XV в.). Кроме того, нельзя исключать и графическую путаницу между «хетом» (п) и «хеem» (п). Наличие подобных гебраизмов в славяно-русских Пятикнижиях, правленных по Масоретскому тексту (нами написание с корнем «тагаш-» проверено по спискам РНБ Солов. 74/74, Кир.-Бел. 2/7, РГБ Волок. 8, Егор. 648, Тих. 453), может довольно точно диагностировать

происхождение носителей соответствующей устной традиции и датировать ее влияние на славянскую Библию, однако точным выводам препятствует практически полная неизученность этих списков с точки зрения их языка и текстологии.

Измestьева Ирина Алексеевна,

д. ф. н., профессор, Тольяттинский государственный университет

О проблеме [и]–[ы] в русском языке

Вопрос о судьбе гласных [и] и [ы] продолжает привлекать внимание исследователей с точки зрения определения причин перехода начального [и>ы]. Еще А. Х. Востоков появление [ы] (*въ иныхъ — выныхъ*) объяснял слиянием двух гласных на стыке слов. Г. П. Павский отстаивал теорию еров как придыхательных звуков, П. И. Житецкий указал на особую роль звука ъ, который давал гласному более твердое произношение, предохраняя его от смещения с йотированным *i*. Я. К. Грот объяснил сохранение ера в произношении физиологической необходимостью. А. И. Томсон переход [и>ы] связал с дифтонгическим характером [ы], но не объяснил, почему такое слияние не происходило раньше, что сдерживало процесс изменения [и>ы].

М. А. Колосов, критикуя взгляды Г. П. Павского и П. И. Житецкого, считал, что формы *обыграть, сыграть* развились из форм, в которых редуцированный уже исчез, т. е. не из *объ+играть, съ+искать*, а из *об+играть, с+искать*. Этой точки зрения будет придерживаться А. А. Шахматов, который объяснил написания *в ыстобѣку, в ыную землю, в ынѣ законѣ, с ыгуменом, без ысправы* тем, что при встрече конечной твердой согласной одного слова с гласной и в начале следующего слова смягчение согласной сдерживается аналогией. Однако мог ли принцип аналогии служить сдерживающим фактором сохранения твердости согласного при слиянии его с гласным переднего ряда?

В XIX в. возникшие написания с буквой *ы* не приветствовались, Г. П. Павский отмечал, что такой образ писания (*сыщу, сызнава, розыск, обыск*) нельзя назвать правописанием. В современной орфографии написание *ы* (*розыгрыш, сыграть, отыскать*) стало нормой, но П. Я. Черных подчеркивал, что условия такого изменения еще не выяснены.

Точное осмысление этому явлению дал С. С. Высотский, указавший, что с помощью смычно-гортанного согласного разъединяются сочетания некоторых звуков при возможных проявлениях сандхи *во[ты]менно* и (где между эксплозивным [т] и [и] оказывается «прокладка» — смычно-гортанный согласный). В дальнейшем в исследованиях И. Г. Добродомова было выдвинуто положение о том, что гласный переднего ряда может сдвигаться назад [и>ы] под влиянием гортанного смычного согласного. И. Г. Добродомов и Е. А. Щербакова определили механизм перехода [и>ы] в условиях современного русского языка. Возникает вопрос о переходе начального [и>ы] в истории русского языка.

Следует учитывать тот факт, что утрата конечных редуцированных не была абсолютной. В полном стиле произношения на стыке слов на месте

слабых редуцированных сохранились их следы в виде гортанной смычки, благодаря которой осуществлялось разграничение форм типа *предѣ*[идуций, съ][играть. Гортанный смычный согласный на стыке слов и морфем предохранял как предшествующий согласный, так и последующий гласный от изменений. С падением редуцированных изменение в оформлении звукового потока привело к слиянию гортанного смычного согласного с [и], который передвинул передний гласный в непередний ряд [и>ы: *выну*у], поэтому согласный предлога-приставки сохранил свое качество (а не под влиянием фактора аналогии, по А. А. Шахматову). Так возникло слитное произношение соседствующих звуков, при отсутствии гортанного смычного согласного необходимость в использовании на письме еров отпадает: *сыграть* → *сыграть*.

Таким образом, падение редуцированных гласных приводит к возникновению двух типов произношения: в тщательной речи сохраняется на месте утраченного редуцированного гортанный смычный согласный, который не допускает переход [и] в [ы] (*изъ избы*), а написание ера служит знаком пограничного сигнала. При беглом (слитном, без паузы) произношении соседних слов гортанный смычный ассимилируется с гласным переднего ряда, сдвигает его назад, так в русском языке появляется [ы] на месте [и] в формах — *в [ы]ную, человек [ы]вестный, тут [ы]зьян, из [ы]збы, горох [ы] пшеницу, под[ы]скать* и др. В приставочных образованиях [ы] закрепляется на письме.

Киржаева Вера Петровна,

д. п. н., профессор, Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева (Саранск)

Терминология наследственного права Древней Руси: договоры Руси с Византией — Русская Правда — церковные регуляторы права

Терминология наследственного права в договорах представлены тремя тематическими группами: общее обозначение наследства, обозначение наследников, обозначение завещания.

Не обнаруживается жесткой дистрибуции в употреблении терминообозначений наследства Русской Правды *задница* и *домъ*, используемых, например, и в Мериле Праведном: *аще ли законъная часть юсть яко до чтвера дѣтти ·ѣюю часть задница*, и в Законе Судном людям *аще юсть поручникъ ѿ собѣ самъ сѧ творѧ приимъ строя домъ оумршаго ти что погубить то возъметъ на судищи казнъ*. Специальное обозначение доли наследства часть присутствует и в Русской Правде, и в церковноправовых регуляторах, например, в Уставе Студийском: *чьстньныхъ же маужии <...> часть своѣго прѣлажѧния движимаго и недвижимаго обрѧдѧть своимъ люблѧниемъ*. При этом в Русской Правде термин употреблен только в этом значении, а, например, в Законе Судном людям, как и в договоре князя Олега 911 г., и для общего обозначения имущества: *да аще хочеть дарити ѿ(т) своѣя части ... то дарить. достоиню частью*.

В обозначении наследников обнаруживаются дериваты корня *bliž- во всех трех группах источников: *кто им ближии / ближни / ближнии / ближии / ближники / ближе будеть* (Русская Правда), *сродници призываються в наслѣдые иже степенемь оубо **ближе*** (Кормчая Рязанская), *яко не достоить еп(с)поу братоу ли снови ли иномоу **ближицѣ*** (Кормчая Ефремовская), *ли не будеть братья **ближнии** наслѣдуютъ ли ни **ближникѣ** будеть ѣсть же жена оумершаго; аще ли ни дѣда ни бабы ни ѣдининаго оца ни ѣдиной мтре братья не будеть оумершему тогда от иного рода братья на наслѣдые да наступать ли не будеть братья **ближнии** наслѣдуютъ* (Мерило праведное).

Анализ дискуссионного и в аспекте семантики, ив аспекте ресурсов калькирования терминосочетания договора 911 г. *малые / милые ближние / ближики / ближники* позволяет сделать некоторые уточнения: термин-гапак не только Повести временных лет, но и всего корпуса древнерусских текстов, цитируемых в лексикографических источниках, имеет варианты *малые / милые ближние / ближики*, вариант *ближники* представляет позднее образование; независимо от варианта адъектива оба термина с большой долей вероятности имеют общее значение ‘ближайшие родственники’; судя по употреблению компонентов *малый / милый* в сочетании с терминами родства в древнерусских текстах, не находит подтверждения мнение о семантической «пустоте» адъектива в составе исследуемых терминосочетаний; это едва ли искусственные образования, созданные переводчиком (П. П. Цитович и др.), вероятнее реализация уже имевшегося в языке ресурса — устойчивого употребления адъективов *милый* и *малый* (см. возможность синонимии: *милу* ‘близкий, родной’ [СлДРЯ, IV, с. 534] и *малая чадь* — ‘жены и малолетние дети’ [СлРЯ, 9, с. 22–23]) в сочетаниях с терминами родства *милѣ(-ици), -а(-ая) сынѣ, братѣ, отецѣ, дочерь* и *малая чадь*, отраженного в различных памятниках древнерусской письменности и фольклорных источниках.

Обозначение наследников свои люблени в Уставе Студийском: *чьстьныхъ же моужи ѣлико ихъ приходяще часть своего притѣжания движимаго и недвижимаго обрѣдѣть **своимъ люблениемъ***, вероятно, можно считать вариантом приведенного в договоре 911 г. терминосочетания *Аще кто умреть, не уря[ди]в своего именья, ци [и] своих не имать, да възратитъ имение к **малымъ ближикам** в Русь*.

В исследуемых источниках в обозначении устного завещания последовательно употребляются дериваты корня *rĕd-: *сотворить **обрѣжение, урядити** именье* (договор 911 г.), *часть своего притѣжания обрѣдѣть своимъ **люблениемъ*** (Устав Студийский), *паки ли **безъ ряду** умреть, то всемъ детям* (Русская Правда). Русская Правда не отражает процедуры составления письменного завещания, как это наблюдается в договоре 911 г.: ***кому будеть писал наследити именье, да наследитъ е или в Рязанской Кормчей аще и ино внѣшнее лице... напишетъ наслѣдника; п(с)пъ еретикомъ или ѣлиномъ наслѣдиѣ пиша да боудеть проклатъ***.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта «Юридическая лексика русского языка XI–XVII вв.: Опыт комплексного словаря-справочника».

Коваленко Кира Иосифовна,

младший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)

Азбуковник Шестого типа: редакция 1666 г.
(РНБ, собрание М. П. Погодина, № 1651)

Азбуковники — это рукописные словари, возникшие в XVI в. на основе глоссариев к переводным текстам, пояснений малопонятных слов, святоотеческих толкований к текстам Священного Писания. В XVII в. они получили наибольшее распространение, именно тогда были созданы основные типы этого жанра лексикографии. Само название лексикографических компиляций — азбуковники, или алфавиты, — подразумевает азбучный порядок расположения статей: они упорядочены по первой букве. Внутри буквенных разделов могло быть дальнейшее разделение материала — с учетом следующей гласной, по тематическим группам.

Принцип организации статей в азбуковнике из РНБ, собрание М. П. Погодина, № 1651 (далее Погод. 1651), созданном в 1666 г., можно назвать этимологическим. Более 1800 статей внутри буквенных подразделов распределены по языкам-источникам. Вначале толкуются слова греческого происхождения (название подразделов — *греческая или еллинская рѣчь*), затем латинского (*латинская или римская рѣчь*), древнееврейского (*еврейская или жидовская рѣчь*), татарского (*татарская или турецкая рѣчь*), арамейского (*сирская рѣчь*), церковнославянского (*сербская или болгарская рѣчь*), чешского (*чешская рѣчь*), древнеегипетского (*египетская рѣчь*, единственное слово — *фараонѣ*). Ряд слов из Александрии (*балшема, роггосура, рефандарь*) помещены в подраздел *ефиопская, индѣйская и арабская рѣчь*, из творений Епифания Кипрского (*щудѣ, щудми* и др.) — *кипрская рѣчь*.

На сегодняшний день рукопись Погод. 1651 является единственным азбуковником, где статьи организованы подобным образом. Можно предположить, что написана она была в южнорусских землях, об этом свидетельствуют такие фонетические особенности, как аканье (*лаханя, полтары, пакасти; гиперкорректные богряница, борашикъ, копуста*), яканье (*весеяся, тлятворно, имянуется*), иканье (*круживо*). Год создания рукописи указан в конце предисловия, он подтверждается анализом филиграней. Формат рукописи — в восьмерку; почерк небрежный, в тексте множество описок, ошибок, пропусков.

По составу словника лексикографическая компиляция довольно схожа с азбуковниками Шестого типа по классификации Л. С. Ковтун, в связи с чем, по-видимому, и была отнесена исследовательницей к данной группе. Однако необходимо отметить, что в Погод. 1651 наблюдаются довольно значительные изменения в словнике и толкованиях, а главное отличие состоит в перегруппировке словарных статей в соответствии с языками-источниками, что является, на наш взгляд, существенным новаторством в лексикографической практике того времени.

Следование этимологическому принципу при организации статей было нелегкой задачей. Языковая помета в азбуковниках стояла далеко не над

всеми толкуемыми единицами. Как пишет составитель в предисловии азбуковника Шестого типа РНБ Q.XVI.7, «не зазрите же ми яко в буквенницѣ семь не всякую рѣчь объявих коего есть кояждо языка ихъ, понеже бо якоже в писаниихъ тыя обрѣтохъ толкованы, тако и написахъ ихъ, не смѣя что каково к нимъ собою приложити». Составитель Погод. 1651 должен был обладать достаточной смелостью, чтобы взять на себя ответственность в определении языка-источника. Ошибки в этом, конечно, были неизбежны. Так, *асписъ* (от греч. ἀσπίς ‘ядовитая змея’) отнесено к словам латинского происхождения, *блюзництво* (вероятно, от старопольского bluźnierstwo ‘богохульство’) — к татарским, церковнославянские *верхуца*, *всеплодие*, *витание* — к еврейским (в Q.VI.7 все эти лексемы не имеют языковой пометы). Некоторые ошибки были обусловлены влиянием одного из азбуковников Шестого типа, текст которого был взят за основу. К примеру, имя *Агафия* (от греч. ἀγαθός ‘хороший, добрый’) определено как латинское, а *виссонъ* (от греч. βύσσον ‘тонкий лен’) — как древнееврейское (аналогичные языковые пометы можно найти в Q.XVI.7). В буквенных разделах Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М распределение по языкам-источникам не было произведено. Все это, однако, не уменьшает ценности нового подхода к лексикографическому материалу.

Кортава Татьяна Владимировна,

д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О «грамматическом разуме» «безграмотных крючкотворцев» и их наследников

История формирования русского письменного юридического языка представляет собой интегративную область знания, объединяющую усилия специалистов в области дипломатики и истории русского языка. Русская юридическая практика уходит своими корнями в дописьменную эпоху бытования устного обычного права.

Становление письменного юридического языка началось в период правления Ивана Грозного и имело стихийный характер. Инвентарь формуляров, или образцов документов, отличался нестабильностью, большим разнообразием в зависимости от языковой и профессиональной подготовки писца-составителя. Наличие строго определенного набора юридических формул зачина и концовки не исключало широкой вариативности основной части, отличавшейся свободной контаминацией языковых форм.

Исследователи в области дипломатики заметили, что юридические документы Московской Руси отличались высокой степенью вольности вследствие отсутствия систематического обучения письменному юридическому языку. В период расцвета приказной системы управления Московским государством мастерство написания юридических текстов передавалось по наследству, «от отца к сыну». Азбуки-прописи XVII в. содержали образцы некоторых юридических документов, которые предлагались к заучиванию путем многократного переписывания. Это свидетельствует о том, что авторы азбук считали навыки составления юридических текстов необходимыми для каждого грамотного человека.

Вопрос о смысловом содержании юридических текстов и способах его грамматического выражения не ставился в эпоху средневековой Руси. В XVII в. в ходе полемики по поводу книжной sprawy речь шла о «грамматическом разуме и книжной хитрости» переводчиков богослужебной литературы, но не о мастерстве подьячих.

В XVIII в., в пору петровских преобразований и формирования канцелярий, возникла острая потребность в подготовке образованных чиновников, которые должны были прийти на смену подьячим, или «безграмотным крючкотворцам», как назвал их А. П. Сумароков. Однако «проект о школах», составленный в 1708 г. Иваном Тихоновичем Посошковым, содержал рекомендации по обучению исключительно представителей духовного сословия. С их просвещением автор связывал прогрессивное развитие российского общества.

Систематическая подготовка юристов к письменной профессиональной практике началась в 1755 г. Студент Московского университета мог поступить на юридический факультет только после двухгодичного курса риторики и словесности, прослушанного на философском факультете.

Однако и в XIX в. проблема практического владения письменным юридическим языком, по свидетельству М. Магницкого, оставалась актуальной.

Разрыв между классической и деловой словесностью преодолевался с помощью экстенсивной практики, которая формировала особый психологический тип творцов «мелкого письма», чьи сатирические портреты нашли яркое отражение в творчестве Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Вопрос о том, как и где можно приобрести прочные навыки владения нормами официально-делового стиля литературного языка, является ли это предметом исследования методистов и педагогов или успех достигается в ходе долгой практики, и по сей день остается дискуссионным.

Литература:

Магницкий М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835.

Костючук Лариса Яковлевна,

д. ф. н., профессор, Псковский государственный университет

К поиску аналогий надписей

на псковских нательных крестах XIV–XVII вв.

Обнаружение, прочтение после расшифровки любой надписи на предметах личного благочестия прошлого (прежде всего на крестах) требует поисков аналогий в широких текстах известных религиозных произведений. Из-за плохой сохранности надписей на металлических предметах, из-за фрагментарности текста, иногда из-за небыстрого вспоминания и находки текстов-аналогов приходится обращаться к разным религиозным источникам для идентификации наносимого в древности текста.

В 2014 г. историк-археолог Ю. В. Колпакова и лингвист-историк языка Л. Я. Костючук обнаружили набор букв, напоминавший слово *оружие*,

сочетание букв *диа*, сокращенное написание *крест*. Эта находка сначала вызвала недоумение и сомнение. Но после второй подобной фрагментарной находки пришлось признать, что это неслучайно: исследователи убедились, что они наткнулись на широко пока не известный тип надписи на предметах личного благочестия XIV–XVII вв.

Стали искать в описаниях результатов расшифровки надписей другими исследователями и, самое главное, в текстах религиозных памятников, содержащих молитвенные тексты. Ведь нательные кресты обычно содержат фрагменты молитв, которые призваны обезопасить человека и помочь ему в соответствующий момент жизни.

Обращение к религиозным источникам на бумажных носителях прошлых веков или современных (иногда и переизданных) в поисках аналогичных весьма фрагментарных фиксаций напоминает поиск иголки в стоге сена: ведь необходимо найти религиозный источник того связного текста, который дал древнему мастеру в прошлом избрать соответствующий фрагмент для нанесения на небольшое пространство нательного креста, причем так, чтобы «хозяин» креста знал, кто и какими словами будет сопровождать и оберегать его до конца жизни.

Работа в собраниях древних рукописных памятников различных библиотек городов, где были исследователи, в Древлехранилище Псковского музея-заповедника, беседы со священнослужителями позволили обнаружить в одной из воскресных служб («восьмого гласа») в «Октоихе» упоминание *крест* (как название одной из главных религиозных святынь) в «соседстве» со словом *оружие*. Это было в утверждении о том, что крест — это оружие против дьявола. Такое представление креста в надписях на древних крестах, в частности псковских, до сих пор не было известно, не встречалось в использованной литературе при исследовании надписей на предметах личного благочестия.

Летом же 2014 г. произошло случайное (но очень удачное и своевременное) совпадение с другой находкой. Занимаясь записями псковской народной речи, сделанными в 20-е гг. XX в. замечательным краеведом А. И. Белинским, историком и филологом, в Опочечком уезде (районе), лингвист при работе над словарными статьями для «Псковского областного словаря» обнаружил такое же высказывание, совпадающее с найденным в «Октоихе». Оно звучало в народных заговорах, которыми щедро делились с уважаемым учителем, ученым А. И. Белинским опочечские односельчане, доверяя ему как человеку (диалектологи знают, как трудно получить в экспедициях сведения, например, о заговорах: «небуду лихо, пока оно спит»).

Это открытие ошеломило: фрагмент официального религиозного произведения вдруг используется в заговорах, которые косвенно связаны с нехристианскими традициями. Замечательный исследователь местного края А. И. Белинский и в этом случае помог и диалектологам, и историкам, и занимающимся проблемами теологии (справедливо диалектология считается исторической дисциплиной). Своими подробными аналитическими исследовательскими записями А. И. Белинский объясняет, как тесно, особенно почти сто лет назад, в мировоззрении псковских крестьян в равной

степени совмещались необходимость и неизбежность обращения к этим двум как будто взаимоисключающим силам: в заговорах некоторых жанров активно наблюдалось обращение и к Богородице, и к Иисусу Христу, и к разным святым.

Так обнаруживается рассмотрение креста не только как прославление великого крестного подвига Иисуса, но и как понимание наступательного оружия на врагов.

Мольков Георгий Анатольевич,

научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Проблема датировки древнерусских рукописей XII в.:

роль палеографических и языковых данных

(на материале рукописей РНБ Погод. 11 и Соф. 32)

Рукописи Погод. 11 и Соф. 32 не имеют на настоящее время единой, подтвержденной весторонним лингвистическим анализом датировки. Палеографические данные Соф. 32, исследованные Е. В. Ухановой, позволили ей при традиционной датировке рукописи рубежом XII–XIII вв. передатировать апостол на век раньше. Для Погод. 11 Н. Н. Дурново предлагал датировку начало XII в., Н. М. Каринский — XII в., а Е. Э. Гранстрем и Л. П. Жуковская — рубеж XII–XIII вв. Ранней датировке обеих рукописей не противоречат их палеографические данные. В них отмечены буквы: ять, вписанный в строку с перекладиной ниже верхнего края строки, омега с высокой серединой, использование юса большого йотированного. В Погод. 11 также отмечено начертание буквы пси в форме креста. Рассмотрение языковых данных рукописей не подтверждает возможность отнесения обеих рукописей к одному и тому же периоду. Язык евангелия вполне соответствует архаичной палеографии рукописи. Наиболее показательно употребление букв редуцированных: регулярны написания с редуцированным основ *вѣс-*, *дѣв-*, *кѣто*, *кѣниг-*, *кѣняз-*, в суффиксе *-ьн-* после сонорных, в приставках в основах *сѣтвор-*, *сѣмотр-*. Единичные прояснения редуцированных в книжных лексемах и смешение *ѣ/ь* обусловлены написаниями южнославянского антиграфа. Можно отметить преобладание нестяжѣнных форм прилагательных и причастий (кроме формы род. п. ед. ч.), употребление форм простого аориста, свидетельствующее об архаичном западно-болгарском протографе. Показательно отсутствие морфологических инноваций в тексте Погод. 11. В рукописи Соф. 32, напротив, наблюдаются инновации. В почерке первого писца (лл. 1–16) рефлексy сочетаний типа *ТЪРТ* в 40 % случаев отмечены написания с прояснением редуцированного. Ещё А. А. Шахматов указывал, что написания с прояснением в этой позиции нельзя относить на счёт влияния южнославянских написаний. Кроме того, отмечено 14 примеров замены *е* на *ять* в позиции перед слогом с редуцированным, т. е. очевидные случаи «нового ятя». У второго писца рукописи (лл. 17–24) более консервативные орфографические установки, однако в его тексте есть пример инновационной флексии существительного *-в* род. п. ед. ч. лексемы с двухсложной основой **о-*склонения по

*и-склонению, что является редкостью для XII в. в целом: *по чтении же за/коноу и пр(о)р(о)къ* 19 в. Указанные черты свидетельствуют о Соф. 32 как о рукописи второй половины XII в. Сопоставительное рассмотрение рукописей Погод. 11 и Соф. 32 показывает недостаточность применения только палеографического критерия при уточнении датировки рукописей XII в.

Николаев Геннадий Алексеевич,

д. ф. н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Способы русского словообразования: исторический аспект

В докладе рассматривается история формирования и развития трех наиболее активных способов современного русского словопроизводства: сращения, включения и субстантивация. Устанавливаются общие особенности этих способов: производящей базой являются синтаксические словосочетания, при словопроизводстве участвуют разные типы компрессии, все они (за исключением некоторых типов включения) относятся к безморфемным способам словообразования, значения производных образований тождественны значению производящего словосочетания и др. Дается типология данных способов. Показано, что субстантивация является одним из видов безморфемного включения.

Шарихина Миляуша Габдрауфовна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Соотношение времени и вида кратких действительных причастий в языке переводного «Жития Николая Мирликийского» (по спискам XV–XVI вв.)

«Житие Николая Мирликийского», составленное Симеоном Метафрастом в конце X в., было известно на Руси в нескольких переводах. Самый ранний, южнославянский, перевод был выполнен с греческого источника, вероятно, не позднее XIII в. (К. Иванова). Славянский перевод «Жития» (далее ЖНМ), по мнению ряда исследователей (П. О. Потапов, А. И. Пономарев, Д. Кенанов), буквально следует греческому оригиналу. В данной ситуации отступления от греческого текста вызывают особый интерес.

Исследование видо-временных форм причастий в нашем исследовании основано на анализе 206 единиц, а также ряда разночтений, обнаруженных в списках XV–XVI вв. В отборе участвовали только причастия, использованные в функции «второстепенного сказуемого».

Наиболее распространенная позиция причастия — в препозиции к финитной форме глагола. При этом в препозиции к глаголу преобладают причастия прошедшего времени, в то время как в постпозиции чаще употребляются причастия настоящего времени. При сравнении причастных форм в славянском переводе и в греческом оригинале были обнаружены разночтения, которые последовательно реализуют две тенденции: к замене личных форм глагола в наст. вр. причастиями прош. вр., а также к замене аориста причастиями прош. вр. Данные различных списков, которые

в основном совпадают, свидетельствуют о редких случаях замен аориста причастиями прош. вр. и наоборот. Указанные тенденции заслуживают отдельного рассмотрения, однако с точки зрения переводческой техники важно то, что они демонстрируют проявление в славянском переводе языковых процессов, свойственных для языка перевода.

Так, выявленное распределение временных форм причастий наблюдается в памятниках древнерусского языка XIV–XV вв. (Б. В. Кунавин, Л. Р. Абдулхакова). Связано оно с реализацией временной семантики: препозитивные причастия прош. вр. чаще всего обозначают действие, предшествующее действию глагола-сказуемого, причастия наст. вр. обозначают действие, одновременное с действием глагола-сказуемого, либо обстоятельство действия. В тексте ЖНМ аналогичная семантическая характеристика времен у причастий подчеркивается тем, что причастия прош. вр. обычно характеризуют последовательность действий, формируя сюжет. В то же время причастия наст. вр. используются для описания состояния, интеллектуальной деятельности либо действий, связанных с осуществлением религиозно-нравственных установок.

Особый интерес вызывает также видовая принадлежность глаголов, служащих формообразующей базой исследуемых причастий. В отношении большинства исследуемых причастий проявляется тенденция к образованию форм прош. вр. от глаголов сов. вида, форм наст. вр. от глаголов несов. вида. Примечательно, что редкие разночтения, за исключением двух случаев, не нарушают данной закономерности. Указанное соотношение вида и времени причастных форм также было свойственно древнерусскому языку XIV–XV вв.

Рассмотренные факты позволяют сделать вывод о том, что выбор видо-временных форм причастий (в функции «второстепенного сказуемого») в славянском переводе «Жития Николая Мирликийского» происходит под влиянием грамматической семантики, характерной для языка перевода.

Щекин Алексей Сергеевич,

к. ф. н., старший лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Элементы народно-разговорного языка в деловых документах Александро-Свирского монастыря XVII в.

В научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН) в собрании документов Александро-Свирского монастыря хранится дело, содержащее сведения о повседневной жизни одной из принадлежавших монастырю деревень (НИА СПбИИ. Фонд 3 (Александро-Свирский монастырь). Опись 1. Картон 2, № 121, сставы 1–5). Оно состоит из пяти документов, датированных октябрём 1664 — ноябрём 1665 гг., которые отражают деятельность монастырского слуги Максима Александрова, посланного игуменом монастыря для разрешения возникших в деревне Гакрученской конфликтных ситуаций. Рассматриваемые документы представляют большой интерес с лингвистической точки зрения. Хотя они составлены с соблюдением норм делового языка XVII в. и содержат элементы юридического формуляра, находящиеся

в них показания истцов, ответчиков и свидетелей («сказки») фактически представляют собой запись живой разговорной речи, имеющей также очевидную диалектную окраску.

В исследуемых документах нашли свое отражение характерные особенности северно-русских диалектов в фонетике и морфологии. Среди них прежде всего следует указать употребление буквы *и* на месте буквы *ѣ*. Это явление отразилось и на морфологическом уровне, выразившись в употреблении флексии *-и* на месте флексии *-ѣ* в ряде падежных форм, например, в местном падеже единственного числа существительных типа склонения на *-*ѣ* и в дательном и местном падежах единственного числа существительных типа склонения на *-*ӑ*. В документах нашло также свое отражение, хотя и в нескольких примерах, явление «цоканья» (совпадение аффрикат [ц] и [ч'] в фонеме [ц]).

Из морфологических особенностей документов, находящихся соответствия в современных говорах русского языка, следует отметить употребление флексий творительного падежа множественного числа имен существительных и прилагательных *-ма* и *-мы*. Наблюдаются также случаи употребления в родительном падеже единственного числа имен существительных женского рода типов склонения на *-*ӑ* и на *-*і* флексии *-е*, а также употребления флексии *-ы* в дательном и местном падежах единственного числа существительных типа склонения на *-*ӑ* твердой и мягкой разновидности.

Из синтаксических особенностей документов обращает на себя внимание прежде всего употребление неизменяемых форм действительных причастий настоящего времени и в одном случае прошедшего времени после глагола *видеть*. Из отдельных синтаксических особенностей, не имеющих в тексте исследуемых документов регулярного характера, следует назвать характерную для северно-русских говоров конструкцию «именительный падеж имени существительного + страдательное причастие в форме среднего рода».

Анализ языка рассматриваемых документов позволяет установить ряд закономерностей, отражающих влияние народно-разговорного языка на язык деловых документов Московской Руси XVII в.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Абреимова Галина Николаевна,

к. ф. н., доцент, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Трансформированные фразеологические единицы,
построенные по модели «имя прилагательное +
имя существительное»

В субстантивных фразеологических единицах (ФЕ) стержневым компонентом является имя существительное. Соотношения значений компонентов данных фразеологизмов могут быть разными:

- 1) существительное и прилагательное семантически равноправны и оба являются смыслообразующими компонентами (*золотой фонд, Новый год, битый час, сиамские близнецы*);
- 2) смыслообразующим компонентом выступает имя существительное, имя прилагательное же употребляется как незаменимый член, имеющий чисто экспрессивный характер (ср: *голова — голова садовая, шут — шут гороховый, столпотворение — вавилонское столпотворение*).

подавляющее большинство ФЕ модели известно в исходной форме именительного падежа: *бабье лето, стреляный воробей, ахиллесова пята*. Такого рода фразеологизмы делятся на две группы в зависимости от наличия-отсутствия у них парадигмы склонения. Одни имеют все возможные падежные формы: *постный сахар, блудный сын*. Другие известны лишь в одной исходной форме: *битый час, нож острый, слуга покорный*.

Значительно меньшую группу среди анализируемых ФЕ составляют такие, которые функционируют в какой-либо форме косвенного падежа: *благим матом, задним числом, божьей милостью*. Они, как правило, эквивалентны наречию и в предложении выступают в качестве обстоятельства. Грамматических форм компоненты подобных фразеологизмов не имеют.

В настоящее время существует много способов трансформации единиц, изменяющих форму и содержание устойчивого выражения. Традиционно выделяют семантические и структурно-семантические преобразования.

1. Одним из наиболее частых структурно-семантических преобразований субстантивных фразеологических единиц является расширение компонента состава ФЕ. Структурный компонент, который расширяет субстантивные ФЕ, чаще всего является прилагательным, реже — наречием, местоимением и существительным, например: *громкий тихий час, старые стреляные воробьи, избитая азбучная истина, вековечные авгиевы конюшни, слишком мелкая сошка, третий жизнью калач, самые черные дни*.
2. Не менее частым приемом структурно-семантических преобразований субстантивных ФЕ является замена компонента ФЕ. Замещаться может как первый компонент ФЕ, так и второй. Рассмотрим примеры, в которых субституции подвергается первый компонент (прилагательное): *слоновыми дозами* (Матусовский) — ср: *лошадиная доза; розовая мечта!* (Кублицкий) — ср.: *голубая мечта; маленькая сошка* (Семенов) — ср.: *мелкая сошка; с большими рублями* (Распутин) — ср.: *длинный рубль*.
Замену второго компонента находим в таких субстантивных ФЕ, как *Дамоклов меч, вавилонское столпотворение, сизифов труд, звездный час, львиная доля*. Например: *Дамоклова трость* (Герцен), *вавилонском смещении* (Тендряков); *сизифовы обязанности* (Известия. 2001. № 10); *львиная часть* (Сандлер).
3. Субстантивные ФЕ могут подвергаться внутренней и внешней морфологической трансформации. Чаще наблюдается внешняя морфологическая трансформация: *филькиными грамотами* (Булгаков) — ср. *филькина грамота; третьими калачами* (Ленч) — ср. *третий калач; король гол* (Асанов) — ср. *голый король; отрезанные ломти* (Лиханов) — ср. *отрезанный ломоть*. Реже встречается внутренняя морфологическая трансформация: *белый ворон* (Шефнер) — ср.: *белая ворона*.

4. Редко наблюдается трансформация субстантивных ФЕ, основанная на вычленении ключевого компонента: *Он у меня, папочка, в ежовых был...* (Чехов) — ср.: *в ежовых рукавицах*. Данный способ трансформация чаще выявляется в образном контексте.
5. Субстантивные ФЕ крайне редко подвергаются контаминации. При анализе контаминированных субстантивных ФЕ наблюдается скрещивание ФЕ: *несметное множество* (Бунин) = *несметное богатство* + *великое множество*; *забубенный король* (Пришвин) = *забубенная голова* + *бубновый король*; *пуганый воробей* (Бондарев) = *пуганая ворона* + *стреляный воробей*.

Итак, наиболее частыми приемами преобразований субстантивных ФЕ являются расширение компонентного состава за счет прилагательных и замена компонента ФЕ.

Вальчак Мачей,

к. ф. н., ассистент, Силезский университет (Катовице, Польша)

Семантика определений умственного и психического состояния человека (на примере русского и польского языков)

В настоящей статье во внимание принимаются как общеупотребительные и стилистически нейтральные слова, так и лексемы ограниченной сферы использования и отличающиеся стилистической маркированностью, текстовый уровень при этом не учитывается. Рассматриваются преимущественно те единицы, в которых выявляемые нами признаки прослеживались наиболее ярко. Иногда, в подтверждение наблюдаемых явлений, приводятся данные из других славянских и неславянских языков. Представление материала подчинено обнаруживающимся в нем семантическим признакам, а последовательность их описания следует из их частотности.

1. Семантический признак удара

На основании анализа выбранного фрагмента лексики обоих языков можно сделать вывод о том, что во многих случаях в основу значения лексем, называющих психические расстройства, ложится признак удара — нанесение с силой кем-либо, чем-либо резкого толчка, обычно рукой, ногой или (тяжелым) предметом, а также резкое столкновение предметов, лиц при движении, например: рус. *стукнутый, чокнутый, долбанутый, чеканутый*; польск. *walnięty, kopnięty, jebnięty*.

2. Семантический признак отклонения (движения в сторону) / искажения формы

В польском языке названные признаки относительно активны и обнаруживаются в следующих мотивационных цепочках: *normalny* → *prosty* / *nienormalny* → *krzywy* (*skrzywienie* — например, *psychiczne, zawodowe; pokręcony, zakręcony*). Подобное представление легло в основу украинского слова *кручений* — ‘глупый’ → *odchylony od linii prostej* (*mieć odchyły*) → *nierówny* (*ktos ma nierówno pod sufitem*). Семантический компонент кривой можно, как представляется, обнаружить и в польском определении

spaczony / wypraczony, например, *spaczony charakter*. Как представляется, названный признак проявляется в русском глаголе кривляться — ‘делать ужимки, гримасы, держать себя неестественно’.

3. Семантический признак дестабилизации

Данный признак характеризуется довольно высокой частотностью в обоих языках. Подтверждением этому могут быть следующие выражения: рус. *неустойчивый характер*, польск. *ktoś niezrównoważony*. Подобное представление (стабилизация = психическое спокойствие, дестабилизация = душевное беспокойство) обнаруживается и в других русских выражениях: *расшатавшиеся нервы, эмоциональная / психическая неуравновешенность*, а также синонимах этой лексемы: *дебеланс, дисбаланс*, или же польск. *huśtawka nastrojów*. Подобное представление нашло свое отражение и в психологической терминологии: *лабильный / labilny, лабильность / labilność* (от лат. *labilis* — скользящий, неустойчивый) — ‘подвижность, неустойчивость психики’, а также *skirtoidia / skirtotymla*, входящие к греческому глаголу σκίρτώ — ‘подражать, танцевать’.

4. Семантический признак ошибки

Семантика ошибки проявляет себя в польск. *błazen*, чеш. *blázen*, *bláznit* (ст.-слав. *блaзнь* — ‘ошибка’). Необходимо, однако, отметить, что эти, несомненно однокоренные, лексемы семантически не совпадают. В современном польском языке слово *błazen* обозначает, скорее, человека, который ведет себя несерьезно и используется в качестве синонима лексем *żartowniś, trefniś; klaun*. К польской лексеме по значению более примыкает русское слово *шут* — тот, кто кривляется, балагурит на потеху другим. Таким образом, значение «сумасшедший» в польском языке стерто, будучи присуще более чешскому языку и, возможно, русскому, ср.: *блажь, блажник, блажной, приближный, блажить*. Вместе с тем, если обратиться к этимологии слова *błazen / blázen, блажник*, можно заметить в нем первоначальный признак удара: праиндоевропейское **bhlāg* — ‘бить’. Помимо названных представлений определенные, особенно сильные, эмоции воспринимаются носителями языка как сила, лишаящая человека способности самоконтроля, владения самим собой, выходящая из него наружу, которая может восприниматься как движение вне, а потому затем и оказывающееся вне его самого. Примерами могут служить следующие выражения: рус. *быть вне себя от радости, выйти из себя, быть не в своём уме*, польск. *nie posiadać się ze szczęścia / z radości*.

Генералова Елена Владимировна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Динамика лингвистического выражения стереотипов
(на материале развития семантики прилагательных
«московский», «петербургский» и производных)

Лингвистикой стереотипов, изучающей стереотип как устойчивое схематизированное представление, образ какого-либо явления в сознании и его воплощение в языке, вербальное воплощение этностереотипов опи-

сано наиболее полно: исследователями выделен ряд способов лингвистического выражения обобщенных представлений о национальных типах (см. работы Л. П. Крысина и др.). Представляется, что развитие качественной семантики оттопонимических прилагательных и наречий выступает в качестве одного из таких способов.

К этностереотипам примыкает группа этнохороностереотипов — типизированных образов жителей различных городов. В настоящей работе рассмотрена семантика и сочетаемость прилагательных московский и петербургский (и питерский, ленинградский, петроградский) в свете выражения стереотипов москвича и петербуржца, а также Москвы и Санкт-Петербурга в русском языке XIX–XXI вв.

Возникнув в русском языке в конце XVIII в., тенденция к выражению стереотипа оттопонимическими прилагательными и производными от них наречиями, остается устойчивой вплоть до настоящего момента, однако конкретное наполнение типизированных образов и формы их лингвистической презентации не остаются неизменными.

С течением времени может изменяться само содержание стереотипа (ср., например: «одета она была совершенно *по-петербургски* — шляпка, дипломат, зонтик» (Г. И. Успенский, 1889) и «одетая *по-питерски*, то есть нищенски бедно» (А. Вяльцев, 2001), его индивидуальное восприятие и понимание (ср.: «Достоевский, “самый *петербургский*” из всех наших поэтов» (К. И. Чуковский, 1905) и «Пушкин, не только самый великий, но и самый *петербургский* из всех русских поэтов» (Г. В. Иванов, 1928)).

Также изменяется степень активности в языке разных формальных показателей тенденции к развитию оттопонимическими прилагательными и наречиями семантики стереотипизации. Эти процессы должны быть рассмотрены как на широком фоне общезыковых процессов, так и с учетом их специфики в рамках конкретной лексической группы. Только в языке 2-й половины XIX — начала XX в. известны приставочные образования с элементом архи-: архимосковский, архипетербургский (ср.: архималороссийский, архинемецкий в этот же период). Отмечается постепенное увеличение контекстов, в которых прилагательные *московский* и *петербургский* используются чаще в превосходной (самое московское питьё), реже — в сравнительной степени, а также в сочетании с кванторными словами, из которых *совершенно*, *чисто*, *сугубо* и др. — традиционны, а сочетания с наречием *очень* — примета современного языка (какое хорошее и очень московское название для улицы). Не ранее 30-х гг. XX в. от прилагательных может образовываться обозначение соответствующего качества — абстрактное существительное на *-ость* (*московскость*, ср. *парижскость*). Наречия *по-петербургски* (*по-питерски*, *по-ленинградски*), *по-московски* с течением времени все чаще используются как характеристики образа действия (*по-московски смачно*) и в сочетании с кванторными словами (*чисто по-московски*). Растет количество синонимических контекстов с соответствующими прилагательными и наречиями: *Что-то есть в нем подлинно интеллигентское, петербургское, ленинградское; По-ленинградски, по-блокадному, непосредственно*. Интересной современной тенденцией является объединение исследуемых основ в одном сложном

прилагательном (не обнаруживающем, правда, пока качественной семантики): *московско-ленинградский, московско-питерский, питерско-московский*.

Таким образом, при всей своей устойчивости стереотипы (в данном случае, стереотипы жителей городов и самих городов) изменяются с течением времени. Динамику обнаруживает и собственно содержание стереотипов, и форма их выражения в языке (см. активизация и утрата разных способов выражения стереотипа даже на ограниченном материале его вербальной репрезентации — с помощью оттопонимических имен прилагательных и наречий).

Грекова Марина Владимировна,

аспирант, Томский государственный университет

Научный руководитель: Юрина Е. А., д. ф. н., профессор кафедры русского языка Томского государственного университета

Структура словарной статьи

в «Словаре русской пищевой метафоры»

(на материале тематической группы «Изделия из теста»)

Русская пищевая традиция (продукты питания и кулинарные блюда, приготовление, поглощение пищи, кухонная утварь и под.) как часть культуры нашла отражение в семантике образных лексических и фразеологических единиц русского языка, называющих различные явления действительности по аналогии с явлениями гастрономической сферы и отражающих различные явления окружающей действительности. За образными словами и выражениями закрепляются культурный фон и культурная коннотация, которые способствуют погружению в пространство культуры: при употреблении образных слов и выражений носителем языка осознается не только образ, лежащий в основе таких единиц языка, но и культурная информация, ассоциативно связанная с образом.

Лексикографирование образных слов и выражений русского языка и русской речи требует разработки особой методики, позволяющей эксплицировать стоящие за образным словом глубинные концептуальные структуры, определяющие мышление языковой личности. Интерпретация значения и употребления слова раскрывает не только языковое значение, но и широкий спектр энциклопедических знаний и сведений, обуславливающих языковую семантику и погружающих ее в более широкий семиотический контекст культуры. Разработка принципов лексикографирования образных слов и выражений является актуальной задачей для составителей фразеологических словарей, словарей поэтических и дискурсивных метафор; словарей пословиц, поговорок и крылатых фраз; образных слов и выражений; прецедентных феноменов, образов и символов (А. Н. Баранов, О. И. Блинова, Д. О. Добровольский, В. М. Мокиенко, Н. В. Павлович, В. Н. Телия, Е. А. Юрина и др.). На основании общности объекта лексикографирования, в качестве которого выступают единицы языка, иносказательно обозначающие называемые явления, факты, события, а также по целям и задачам лексикографирования, можно выделить новое направление «фигуративная лексикография».

Макро- (построение словаря в целом) и микроструктура (модель словарной статьи) словарей, описывающих образную лексику и фразеологию, подчинены задаче экспликации системы образов, закрепленных в языке за обозначениями различных реалий окружающего мира.

В «Словаре русской пищевой метафоры» образные единицы располагаются в соответствии с тремя принципами: идеографическим (тематическим), гнездовым и алфавитным. В тематическом разделе образные лексические и фразеологические единицы группируются в гнезда, внутри которых располагаются в алфавитном порядке. Например, в тематическую группу «Изделия из теста» включено 21 лексико-фразеологическое гнездо, объединяющее языковые метафоры, образные лексемы, сравнения, идиомы, пословицы и поговорки.

Проблема моделирования микроструктуры словаря охватывает вопросы толкования значений описываемых исходных и образных единиц, постановки эмоционально-оценочных, стилистических, грамматических и структурно-семантических помет, контекстной иллюстрации, семантизации культурного фона.

В докладе в качестве примера приводится лексико-фразеологическое гнездо «СУХАРЬ». Структура каждой словарной статьи включает следующие компоненты:

1. наименование образной лексической или фразеологической единицы (заглавное слово словарной статьи);
2. структурно-семантические пометы маркируют разряд образного языкового средства;
3. стилиевые пометы отражают характер особой стилевой природы образного средства и его специфическую функцию;
4. функционально-стилевые пометы, отражающие функциональный стиль речи и функциональную разновидность языка, в пределах которых используется образная единица;
5. толкование образного значения следует за предшествующими дефиниции пометами;
6. эмоционально-оценочные и экспрессивные пометы следуют за дефиницией, предваряя контекстную иллюстрацию;
7. контексты, иллюстрирующие употребление единицы в художественном, публицистическом и других типах дискурса;
8. лингвокультурологический комментарий;
9. типовые образные представления.

Донина Людмила Николаевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Система наименований учителей и воспитателей (XI–XXI вв.)

Система наименований лиц педагогической профессии формировалась в русском языке на протяжении многих столетий. История ее становления отражает как этапы развития языка, так и движение педагогической и общественной мысли.

Состав лексем, которые в период XI–XXI вв. относились к этой лексико-семантической группе, — более трехсот однословных наименований и около двухсот составных — определен методом сплошной выборки существительных из словарей разных типов и значительно пополнен материалами сотен текстов — от древнерусских до современных, в первую очередь педагогических, но также художественных, публицистических, деловых.

В этой системе интересны не только термины — в ее формировании участвует и общеупотребительная педагогическая лексика, и диалектные, жаргонные, номенклатурные, окказиональные наименования (*учительница, учительша, учителька, учителка, училка*). При таком широком подходе к отбору лексем особое значение приобретает четкость классификации. Выстраивается система описания, в которой, кроме элементов основного ядра — *учитель, воспитатель, преподаватель, наставник, педагог* и сочетания с ними, свое место занимают и древнерусские наименования *дядька, пестун* и под., и ненадолго появившиеся в послереволюционную эпоху слова *фребеличка* или *шкрабиха*, и заимствования наших дней.

Значения слов устанавливаются не столько на основании словарных дефиниций, сколько на основании компонентов, определяемых по контекстам употребления и характеру сочетаемости, что дает возможность наблюдать тонкие семантические изменения, особенности процессов терминологизации и детерминологизации. Важны системные отношения, прежде всего синонимические, в которые вступают наименования лиц педагогической профессии.

Анализ значения слов, их происхождения, системных отношений, словообразования выявляют причины, по которым одни лексемы выходят из употребления, а другие мудро сохраняются народом. Выясняя причины терминологизации определенных существительных из большого числа имеющихся на каждом историческом этапе вариантов, следует выделять ведущие и характерные именно для этой лексической группы словообразовательные модели. Несоответствие основной модели (от глагола, с суффиксом *-тель*) приводит к выходу лексем из активного словарного запаса, что наиболее убедительно может быть показано на примере популярного в начале XX в. термина *садовница* и других наименований тематической группы «дошкольные воспитатели».

Система названий обладает большой устойчивостью, ядро наименований — слова *учитель* и *воспитатель* — сохраняется народом веками. Неизменность содержания и формы основных терминов в этой области свидетельствует об их «укорененности» в языке и о том, что продолжают развиваться собственные народные представления о передаче нравственных и умственных знаний новым поколениям. В то же время наблюдается определенный динамизм как ответ на непрерывные экстралингвистические и языковые изменения. Появляются слова, способные по степени обобщенности встать «над» учителем и воспитателем, объединив их — *педагоги, просвещенцы, педабработники*. В конкуренции обобщенных названий обычно побеждает научный заимствованный термин, в данном случае — *педагог*.

Наиболее изменчивы конкретные обозначения: *дошкольница, садовница, фребеличка...* Состав группы может быть различным на каждом синхронном срезе.

Таким образом, очевидно, что группа наименований лиц, занятых учебно-воспитательной деятельностью, сложилась на протяжении последнего тысячелетия в единую устойчивую (но открытую и развивающуюся) систему с четко выраженной иерархией составляющих ее микросистем.

Загребельный Артур Владимирович,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологда)

Квазипаремии в русском языке дореволюционного периода

В выполненной работе рассматриваются паремиологические новации в русском языке 1905–1907 гг. Материалом исследования послужили тексты сатирической общественно-политической печати рассматриваемого временного периода.

Узкие хронологические рамки исследования обусловлены экстралингвистическими факторами, оказавшими непосредственное воздействие на резкую активизацию рече-языковой деятельности либерально настроенной интеллигенции. Таким факторами стали издание «Высочайшего манифеста» от 17 октября 1905 г. и последовавшие за ним манифестации, митинги, стачки, забастовки и погромы.

Выбор сатирической общественно-политической периодической печати в качестве источника для выборки языкового материала не случаен. Как известно, первой на любые изменения в обществе откликается именно периодическая печать. Указанные издания в большинстве случаев сохраняли политический нейтралитет, т. е. авторы рассматриваемых журналов подвергали всяческой критике действия абсолютно всех политических сил в обществе (как правительственных, так и антиправительственных). Такого рода политика имела своим результатом появление самых разнообразных лексических, фразеологических, терминологических и паремиологических новообразований.

В ходе проведенных исследований было выявлено и проанализировано свыше 50 квазипаремий: *на Витте надейся, но погрома жди; назвался «братцем» — ступай налево; конституция не балалайка — поиграешь, на стену не повесишь; «гусь свинье не товарищ», а товарищ графу не «братец»; снявши голову, не вешают; те же петли, да не на те бы головы; ешь щи с червями, а язык держи за зубами; царский манифест — для известных мест; пеший рабочий — конному казаку не товарищ; любишь печатать — люби и в кутузке сидеть; в чужой арсенал со своим пулемётом не суйся; скажи, в кого ты стреляешь, а я скажу, кто ты; кому жандарм, а тебе дяденька; старого воробья на овсе не поймаешь* и др. Все данные образования построены на структурных основах уже существующих в языке паремий.

Как показало проведенное исследование, все выявленные авторские половицы, поговорки, а также пословично-поговорочные выражения характе-

ризовались единичными случаями употребления на страницах общественно-политических сатирических журналов преимущественно 1905–1907 гг. Ни в каких других источниках (специальной и художественной литературе, периодической печати, словарях эпохи) примеров использования рассматриваемых авторских паремий не было обнаружено. В связи с отсутствием признака воспроизводимости термины «паремия» и «поговорка» применительно к анализируемым единицам используются с известной долей условности.

Тем не менее множественность единичных случаев употребления каждой из паремий не может не вызывать научный и практический интерес. К тому же авторские паремии русского языка 1900–1917 гг. до сих пор не становились предметом исследования лингвистов.

В итоге в нашем исследовании проводится анализ отобранных авторских паремий в социолингвистических и культурно-исторических аспектах. В числе основных задач исследования — определение паремий-источников, механизмов их структурных трансформаций, историко-лингвистическое комментирование фактов и возможных причин их появления.

Желание обсудить актуальные события общественно-политической жизни на страницах периодической общественно-политической печати ограничивалось существовавшей цензурой. Использование разнообразных языковых конструкций скрытой, завуалированной передачи смысла позволяло авторам газетных и журнальных статей с легкостью обходить чинимые специальными контролирующими государственными структурами преграды. Именно к таким «языковым конструкциям», появившимся сразу же после начала погромов в октябре 1905 г., можно отнести авторские паремии (квазипаремии).

Лутовинова Ирина Сергеевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный университет

Новейшая лексика русского языка и ее отражение в русско-китайском словаре

1. Тематика новой лексики русского языка конца XX столетия.
2. Стилистическая окраска лексики, отмеченная в словарях русского языка конца XX в.
3. Специфические особенности (лексические, словообразовательные, семантические) маркированного пласта новейшей лексики в русском языке.
4. Сопоставление этой лексики с соответствующими переводами и пометами в китайском языке (по материалам русско-китайских словарей 90-х гг. XX в.)
5. Возможность в отдельных случаях переводов русской лексики на южно-фуцзяньский (часто называемый тайваньским) язык — первая попытка подобного перевода.

Маринова Елена Вячеславовна,

д. ф. н., профессор, Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

Принципы отбора и подачи лингвистической информации в словаре для школьников «Этимологические гнезда исконных русских слов»

В докладе обосновывается необходимость школьного словаря «Этимологические гнезда исконных русских слов», содержится концепция словаря, предлагаются для обсуждения научной общественностью некоторые вопросы, связанные с объемом лингвистической информации в будущем словаре.

Цель словаря, не имеющего прямых аналогов в отечественной лексикографической традиции, — обратить внимание школьников на понятие *исконная русская лексика* и сформировать представление о древних, исторических корнях русского языка, которые входят в состав подавляющего большинства общеупотребительной, ядерной лексики.

Словарь состоит из статей, каждая из которых представляет собой этимологическое гнездо, включающее исходное слово (как правило, непроемное) и генетически родственные ему слова (или в редком случае — одно слово), т. е. слова с тем же историческим корнем (с синхронической точки зрения этот корень в них уже не выделяется). Например:

«СПЕТЬ (созревать) общесл. и.-е., др.-рус. *спѣти*

успеть вост.-слав. < *спѣти* 'созревать'

успех вост.-слав., юж.-сл. < *успѣти*

спесь собств.-рус., корень тот же, что и в *успех*, *спеть*, не к *спеху*

спешить общесл. < *спѣхъ* < *спѣти*

спориться от общесл. спорый 'обильный, богатый, удачный'

спорый 'обильный, богатый, удачный' < с пом. суф. -р- от того же корня, что и *спеть*

спорынья др.-рус. спорыни < *спорыи* 'обильный, богатый, дающий из малого многое'. Значение: паразитический грибок, вызывающий болезнь злаков (преимущественно ржи); болезнь, вызываемая этим грибком, при которой в колосе вместо зерна образуются фиолетово-чёрные рожки, содержащие алкалоиды».

Еще одной важной задачей будущего словаря является знакомство школьников с пластом старославянской лексики, которая в русском языке занимает особое место. Она является генетически родственной исконной русской лексике, но все-таки в строгом смысле слова — заимствованной. Представление о старославянизмах у школьников очень смутное, как и о старославянском языке, который, по нашим наблюдениям, в массовом сознании не различается с древнерусским.

Наша задача — показать, как сосуществуют и взаимодействуют оба пласта: исконная лексика русского языка и старославянская, по большей части органично «влитая» в словарный состав русского языка. Исходя из этого, в словарь, с особой пометой «из ст.-сл.» включены и старославянизмы, например:

«БОЛОГОЕ (населённый пункт) собств.-рус. *благо* из ст.-сл., как и *благой*, *блаженный*, *блаженство*, *благодать*, *благородный*, *благодарный*, *благочестивый*, *благонравный* и др. *ублажать* (*ублажать*) из ст.-сл. < *блажати* (*блажити*) 'восхвалять'».

Считаем также целесообразным, для полноты лингвистической информации, отражать в словарной статье словообразовательные кальки с исконными корнями, сопровождая такие слова специальной пометой. Например:

«САМ общесл. и.-е. *самовар* вост.-сл., *сам* + *вар(ить)* 'кипятить'. Букв. 'то, что кипятит воду самостоятельно (без бочки)'. См. тж. ВАРИТЬ. *самоцвет* собств.-рус., от *самоцветный* камень. См. тж. ЦВЕСТИ. Калька (греч.) *самодержец*. См. тж. *держать* (ДРАТЬ)».

В некоторых случаях есть необходимость добавить в этимологическое гнездо производные современного словообразовательного гнезда (чтобы показать важность того или иного корня в русском языке). Окончательно вопрос об объеме включения в этимологическое гнездо того или иного слова членов современного словообразовательного гнезда еще не решен.

В случае если данные словарей о происхождении слова расходятся, в словарной статье дается информация об этом расхождении со ссылками на разные источники.

В предисловие к будущему словарю планируется включить развернутый теоретический раздел. Такое теоретическое введение представляется необходимым, поскольку оно поможет школьнику в полной мере освоить ту научную информацию, которая отражена в словаре, в том числе в виде помет.

Резвухина Юлия Александровна,

к. ф. н., старший преподаватель,

Сибирская государственная геодезическая академия (Новосибирск)

**Общезыковое, региональное, диалектное:
проблемы разграничения (на примере лексемы «юрта»)**

Изучение региональных особенностей русского языка — актуальное направление в современном языкознании. Тем не менее локальные особенности русского языка, как в синхроническом, так и в диахроническом плане, изучены далеко не во всех регионах России.

Сегодня активно ведутся исследования, посвященные описанию региональных лексических особенностей. Несмотря на это, до сих пор нет единого взгляда на термин «регионализм» и на критерии отнесения той или иной конкретной лексемы к региональному словарю.

В зону нашего исследовательского интереса попала колымская региональная лексика 20-х — начала 30-х гг. XX в. Говоря о региональной лексике, мы опираемся, прежде всего, на определение Н. Н. Соколянковой, согласно которому регионализмы — это «слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определенной местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией».

На первый взгляд, кажется очевидным, что основным дифференциальным признаком региональной лексемы должна быть ограниченная территория ее употребления, однако практика показала, что при квалификации конкретных лексем все может быть не так однозначно.

В некоторых случаях в границах одного слова могут сосуществовать общеязыковые, диалектные и региональные значения. Лексема *юрта* является ярким примером, иллюстрирующим подобную ситуацию.

В докладе рассматриваются значения лексемы *юрта*, извлеченные из различных словарей русского языка (общеязыковых, диалектных, словарей региональной лексики). Материалом для выявления региональных компонентов значения лексемы *юрта* послужили архивные документы 20–30-х гг. XX в., хранящиеся в Государственном архиве Магаданской области, Государственном архиве Хабаровского края и Российском государственном архиве экономики (г. Москва).

В результате проведенного анализа были сделаны следующие выводы.

Лексема *юрта* в значении «переносное (обычно конусообразное) жилище из жердей, крытое шкурами, войлоком и т. п., у некоторых кочевых народов Азии» является общеязыковым экзотизмом. Безусловно, в этом значении лексема *юрта* не является регионализмом.

Слово *юрта* является частью лексической системы говоров Приамурья в значениях 1) «Временная легкая деревянная жилая постройка в поле, на покосе, на плоту» и 2) «Конусообразное временное сооружение из жердей и соломы над прорубью для подледного лова рыбы».

Лексема *юрта* имела и ряд региональных особенностей функционирования. В 20-е гг. XX в., согласно проанализированным нами архивным документам, лексема *юрта* представляла собой некое строение для ночевки и отдыха на дорогах между населенными пунктами. Это значение, на наш взгляд, является сугубо региональным, а также хронологически ограниченным: как наименование временного жилища в регионе просуществовало не слишком долго (обнаруженные контексты относятся к 1923–1928 гг., в более поздних контекстах не встречается). Кроме того, в ряде контекстов лексема *юрта* обозначает не жилище коренных народов Севера, а хозяйственную постройку, которую использует представители старожильческого населения. В этом значении под *юртой* в некоторых случаях, видимо, понималась также некая разновидность землянки.

Отметим, что в процессе работы с региональной лексикой мы пришли к необходимости соблюдения следующих классификационных принципов:

- 1) к числу регионализмов целесообразно относить, прежде всего, слова, ограниченные употреблением на данной территории или на территории региона, в который данная территориально-административная единица входит;
- 2) та или иная лексема может быть отнесена к регионализмам *не обязательно во всей* совокупности своих значений. Мы считаем, что наличие регионального характера одного из значений многозначного слова достаточно для включения данного слова в состав регионального словаря. Можно утверждать, что регионализм в данном случае вступает с исходным словом в отношения омонимии.

Семенова Софья Юльевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт научной информации
по общественным наукам РАН, РГГУ (Москва)

Компьютерная лексикография как отдельная научная и учебная дисциплина

При том, что компьютерная лексикография хронологически стала одним из первых направлений компьютерной лингвистики (начало разработок — экспериментирование Р. Бузы на ЭВМ — датируется второй половиной 1940-х гг.), как самостоятельная дисциплина она продолжает оставаться лишь формирующейся, с не вполне устоявшимися структурой и проблематикой.

Можно предложить такой вариант структурирования компьютерной лексикографии. Выделяющиеся в ней направления можно разделить на две группы.

Первую составляют направления, непосредственно нацеленные на получение электронных словарей:

- представление традиционных (бумажных) словарей на электронных носителях и связанные с этим технологические задачи;
- создание словарей, изначально предназначенных для электронной среды (мультимедийных, гипертекстовых);
- автоматическое (или автоматизированное) получение из полнотекстовых источников различных лексикографических «полуфабрикатов»: словников, лексико-статистических данных, конкордансов;
- создание терминографических систем различного назначения;
- разработка словарей для автоматической обработки текста;
- создание «свободных» словарей (по технологии вики).

Ко второй группе направлений, на наш взгляд, следует отнести ряд смежных прикладных задач, основывающихся на методах, близких к методам направлений первой группы:

- автоматическое формирование указателей различных типов (как к словарям, так и к полнотекстовым документам);
- разработку лингвистических информационных систем, подобных словарям;
- построение онтологий (направление в значительной мере пересекается с искусственным интеллектом).

Каждое из указанных направлений подразумевает внутреннюю структуризацию. Например, компьютерное представление традиционных словарей может делиться по типам словарей (представление толковых, диалектологических словарей и т. д.); параметром для разделения может быть и мера «вмешательства» в текст традиционного словаря с целью преобразования к облику базы данных (БД). Словари для автоматической обработки текста разделяются по этапам обработки (словари морфологической информации, моделей управления, семантические, переводные и др.). Среди информационных систем словарного типа прежде всего выделяются БД, содержащие семантическую, типологическую и фонетическую информацию.

Имеются и разработки на стыке между выделенными типами. Например, добавление в традиционный словарь мультимедийных данных создает пограничную область между двумя первыми из указанных направлений.

Приведенный вариант структуризации лег в основу спецкурса по компьютерной лексикографии, читаемого автором с 2006 г. студентам Института лингвистики РГГУ. Спецкурс базируется, главным образом, на материале отечественных проектов, связанных с лексикографическим представлением русской общей и специальной лексики. Основным источником сведений о конкретных системах являются публикации в сборниках Ежегодной конференции «Диалог» по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям.

Кроме характеристики и иллюстрирования самих направлений компьютерной лексикографии, учебный спецкурс включает некоторые, «учебные», сведения из области информатики — о моделях данных и основных типах СУБД, о мультимедиа, гипертексте, информационном поиске и нек. др. (причем рассмотрение строения БД вызывает значительные затруднения у студентов-лингвистов). Рассмотрение терминографических систем сопровождается характеристикой лингвистической терминологии как объекта словарного описания.

Учебный курс включает краткий экскурс в историю компьютерной лексикографии. Наряду с ранними зарубежными разработками (опыты Р. Бузы, «Сокровищница французского языка» и некоторых других) рассматриваются и важные отечественные проекты — Машинный фонд русского языка, известные системы машинного перевода 1970–1980-х гг. и их словари, терминологические системы. Затрагивается взаимосвязь компьютерной лексикографии и корпусной лингвистики, а также влияние идеологии БД на традиционную лексикографию в современный период.

Скляревская Галина Николаевна,

д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный университет

Реконструкция языковой картины мира

средствами лексикографии:

Толковый словарь ключевых слов русского языка

Популярность восходящей к В. фон Гумбольдту идеи трактовки лексико-семантической системы как модели языковой («наивной») картины мира стала общим местом современной лингвистики. В плане этой трактовки любое исследование лексической системы или ее фрагментов так или иначе направлено на решение проблемы концептуализации мира. При таком подходе конечной целью лексикографирования всегда будет реконструкция языковой картины мира или ее части.

Толковый словарь ключевых слов русского языка (под общим руководством автора данного доклада, СПб., 2014) (далее Словарь) описывает слова, наиболее важные и значимые для русского языка, формирующие основу языковой картины мира и отражающие ее неустранимые черты (по Шмелеву, слова лингвоуниверсальные). Это та лексическая часть русско-

го языка, которая покрывает центральное, базовое пространство русской языковой картины мира, ее основу, без которой русская языковая картина мира не просто была бы недостаточна или искажена, но вообще не могла бы существовать.

Общим формальным критерием отбора слов признана лексическая активность слова, которая проявляется по-разному: (1) в многозначности, (2) в широкой свободной и устойчивой сочетаемости), (3) в продуктивном словообразовании. Примеры многозначных слов в Словаре (по степени убывания многозначности): *идти* 36 значений, *слабый* 28, *брат* 27, *свободный* 27, *стоять* 23, *играть* 22, *чистый* 22, *большой* 21, *черный* 21, *работать* 20, *система* 19, *связка* 18, *линия* 16, *вода* 14, *дух* 13, *слово* 12 и т. д.

В тематическом аспекте словник состоит из двух неравных разрядов. Первый разряд составляют слова, соответствующие ядру языковой картины мира: основные, очевидные, первичные элементы окружающего мира и жизни: *жизнь/смерть, небо/земля, женщина/мужчина...*; элементы пространственных представлений: *верх/низ, внутренний/внешний, далекий/близкий...*; элементы хронологического членения и связанные с ним понятия: *год; весна, вечер, день, старик...*; элементы ландшафта, окружающей природы и погоды: *берег, поле, река; береза, ветер, воздух, град, дождь, снег, туман...*; названия домашних и диких животных, но только тех, которые занимают заметное место в русской языковой картине мира — формируют регулярные метафорические переносы, являются персонажами фольклора и т. п.: *баран, волк, свинья, собака...*; всеобщие действия и состояния: *бить, брать, видеть, говорить, давать, делать, жалеть, идти, начать, работать, спать...*; основные элементы невидимого (ментального и духовного) мира; духовной жизни и веры: *Бог, вера, дух, душа, мысль, ум, чувство...* Второй разряд словника составляют многозначные слова, которые хотя и трудно отнести к ядерной части картины мира, но их актуализация в семантическом и сочетаемостном развитии дает все основания для включения их в словник: *абсолютный, адрес, гуманитарный, комплекс, культура, лидер, манипуляция, обеспечение, рынок, сеть.*

Словарная статья структурно состоит из 17 зон, которые располагаются в установленном порядке. К обязательным (неустрашимым) зонам относятся: заголовочное слово; грамматическая характеристика; толкование; примеры употребления в виде речений. К факультативным (используемым по необходимости) зонам относятся: особенности правописания; особенности произношения; этимологическая справка; стилистическая помета или сочетание помет; семантические пометы Перен., Собр., Сокр.; семантические, грамматические, синтаксические, сочетаемостные, частеречные и т. п. особенности употребления слова, в случае типовой, распространенной ошибки в конце словарной статьи дается запретительная помета (нормативное предостережение).

Источником материала служит созданный авторским коллективом (для находящегося в работе Современного словаря живого русского языка) и постоянно пополняемый Электронный лексический фонд, содержащий на январь 2015 г. свыше 22 млн словоупотреблений.

Опыт создания пробного польско-русского словаря терминов горно-шахтного оборудования

В докладе представлена проблематика создания польско-русского словаря терминов горно-шахтного оборудования. Актуальность работы определяется нехваткой справочного материала в данной области. С этой проблемой составитель столкнулся, работая переводчиком в компании, поставляющей польское горно-транспортное оборудование. Для адекватного перевода необходимо было, помимо использования существующих технических словарей, создание собственной базы терминов. Словарь строился с опорой на опыт других составителей и на теоретические положения, описанные в предисловиях к словарям. На сегодняшний день основными источниками эквивалентов являются по нашим данным лишь три словаря: Польско-русский научно-технический словарь, Польско-русский горный словарь, Польско-русский политехнический словарь. Относительно новый научно-технический словарь под ред. М. Боратына и политехнический словарь под ред. А. Абловой содержат термины общетехнического характера, и в них отсутствуют многие термины горно-шахтной тематики. Словарь под ред. И. Ищука, содержащий наибольшее количество эквивалентов горной тематики, не содержит, однако, некоторых терминов, активно использующихся в настоящее время, например: *wypalarka plazmowa* (установка воздушно-плазменной резки), *instalacja gaśnicza mgłowa* (система пожаротушения тонкораспылённой водой). Как показывает практика, наиболее точные русские эквиваленты дает словарь под ред. И. Ищука.

Возьмём для примера слово *siłownik*, которому дается соответствие «домкрат», наиболее удовлетворяющее условию адекватности перевода. Домкрат — это стационарный, переносный или передвижной механизм для подъема грузов на небольшую высоту [БЭС: политехнический, под ред. А. Ишлинского, 2004]. В словарях под ред. А. Абловой и М. Боратына термин *siłownik* эквивалентен русскому «сервомотор». Сервомотор — это силовой элемент исполнительного механизма САР, преобразующий энергию вспомогательного источника в механическую энергию перемещения регулирующего органа в соответствии с сигналом управления [там же].

Сравнивая дефиниции терминов, можно сделать вывод, что один и тот же термин польского языка имеет разные русские эквиваленты, которые адресат перевода не воспринимает как синонимы. Таким образом, немногочисленные польско-русские словари технических терминов (не говоря об общих словарях) содержат лишь незначительное количество единиц исследуемого пласта лексики; в них зачастую не отражены также специфические значения, характерные для горной отрасли.

Непосредственно горные польско-русские словари представлены в ограниченном количестве и труднодоступны. Попыткой решения этой проблемы стало создание пробного польско-русского словаря терминов

горно-шахтного оборудования, фрагменты которого будут рассмотрены в докладе. В словаре представлены как однословные, так и составные термины, состоящие из определяемого слова и определения, которые расположены в соответствии с алфавитно-гнездовой системой. Составные термины имеют схему сущ. + прил., реже — сущ. + сущ. В случае, когда словарная статья представлена только прилагательным, составителю показалось целесообразным представить примеры терминологической сочетаемости, чего не предлагают анализируемые словари. Подобное решение, в отличие от подавляющей массы переводных терминологических словарей, строящихся по принципу «слово-перевод» и практически не содержащих сведений о сочетаемости, дает переводчику представление о комбинаторной способности термина.

Основной корпус слов взят из польской и русской технической документации (инструкции, акты техосмотра, каталоги продукции, рекламации). Лингвистический материал собирался также в процессе устной профессиональной коммуникации с польско- и русскоговорящими техническими специалистами в ходе ремонта оборудования, промышленных испытаний, обучения шахтного персонала. Без консультации с носителями профессиональной лексики перевод большого количества терминов оказался бы не только неточным или неполным, но часто и невозможным.

Чуриков Сергей Александрович,

к. ф. н., доцент, Воронежский государственный университет

О «Словаре авторских неологизмов классиков русской литературы XIX в.»

Существующие русские словари авторских неологизмов ориентированы по понятным причинам на описание словотворчества поэтов XX в. К настоящему времени отечественными языковедами созданы словари неологизмов В. Хлебникова, И. Северянина, В. В. Маяковского, Е. А. Евтушенко. Между тем авторская неология классиков русской литературы XIX столетия представляет, на наш взгляд, не меньший интерес. Оригинальное словотворчество А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и других наших выдающихся писателей позапрошлого века также нуждается в многоаспектном словарном описании. Эту задачу призван решить создаваемый нами «Словарь авторских неологизмов классиков русской литературы XIX в.».

Основной принцип расположения описываемых единиц в словаре — прямой алфавитный. Известные недостатки такого порядка расположения будут компенсированы несколькими приложениями, в которых неологизмы упорядочиваются по автору-создателю, способу образования и т. д. Структура словарной статьи нашего словаря будет включать семь разделов: 1) заголовочное слово; 2) краткая грамматическая характеристика; 3) значение; 4) авторская принадлежность и пример(ы) употребления; 5) способ

образования слова; 6) примеры использования другими авторами (факультативно); 7) словарная фиксация (факультативно).

Приведем в качестве примера словарную статью на известный пушкинский неологизм «кюхельбекерно»:

КЮХЕЛЬБЕКЕРНО, нареч.

Плохо, тяжело, тошно (так, как бывает при чтении, слушании стихов В. К. Кюхельбекера).

Введено **А. С. Пушкиным**: *За ужином объелся я, / А Яков запер дверь оплошно — / Так было мне, мои друзья, / И кюхельбекерно, и тошно* («За ужиномъ объелся я», 1818).

На днях виделся я у Пещурова с каким-то доктором-аматёром: он пуще успокоил меня — только здесь мне кюхельбекерно <...> (Письмо В. А. Жуковскому, 17 августа 1825 г.)

Я ведь тебе писал, что кюхельбекерно мне на чужой стороне. (Письмо Л. В. Пушкину, 30 января 1823 г.)

СО — суффиксальный.

Использование другими авторами:

Но пока что нигде никакой зелени, по селу бродят грустные, низкорослые, покрытые клочьями зимней шерсти коровы и гложут кору с жердей немудреных наших заборов. Одним словом, мне ужасно кюхельбекерно и скучно — надеюсь, что только до первого настоящего солнечного дня. (А. С. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку, 1948–1959)

Ну пока и все мои огорчения, если не считать еще того, что наш Толя последнее время что-то чересчур взбрыкивает и устраивает сцены. В общем, кисло, тошно и кюхельбекерно. (В. П. Астафьев. Зрячий посох, 1978–1982)

Словар. фиксация: Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 2: 3-Н. М., 1957. С. 443.

Юдина Татьяна Михайловна,

к. ф. н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Вариативность языковых средств

в горнозаводской терминологии конца XVII — начала XVIII вв.

Формирование производственно-технической терминологии, возникшей на основе общенародного языка, становление нормы русского национального языка отражается в текстах деловых памятников региональной письменности конца XVII — начала XVIII в. Источниками послужили материалы горнозаводской письменности: документы Олонецких, Тульских, Уральских заводов, использованы данные словарей. В языке деловой письменности наблюдается конкуренция многочисленных вариантов всех структурных типов терминов. Процессы терминообразования четко отражаются в лексико-семантической группе (ЛСГ) «Названия печей горнозаводского производства».

В документации заводов для наименования горнозаводских печей, предназначенных для тепловой обработки руды, металла, употреблялись термины *печь, печка, горн (горно), домна*. Термины употреблялись и как

однословные номинативные единицы (НЕ), но чаще служили опорными словами в составе ряда терминосочетаний, например: многочленный синонимический ряд с общим значением «печь для выплавки чугуна из руды; чугуноплавильная печь»: *печь* (фиксируется в олонецких текстах с XV в.), *печка* (с 1669), *домна* (с 1703); *горн* (XVIII в.), *плавильная печь* (XVII в.), *плавильная печь* (с 1703), *плавильная домна* (1741), *доменная печь* (с 1704), *доменный горн* (с 1707), *горновая печь* (с 1732), см.: *домница у них одна, а печи двѣ* (1499–1500); *построены двѣ домны или плавильные печи из которых чугуны выпускали* (1728); *плавильных домен построить... невозможно* (1741); *обѣ доменные печи за рудую выдули* (1704); *въ оныя доменные горны надобно руды* (1707); *на починку горновыхъ печей кирпичи* (1732); фразовое наименование (ФН): *2 печи гдѣ руду плавят* (1721). Такого рода синонимические ряды (СР) представляют объединение абсолютных синонимов, возникших за счет реализации в наименование различных мотивировочных признаков денотата.

В документах Тульских и Уральских заводов с такой же семантикой отмечаются терминологические дублеты: *печь — печка — горн — домна — плавильная (плавильная) печь — доменная печь — плавильная домна — доменный горн* (последнее СН только в источниках Тулы (1734). В словарях в качестве абсолютных синонимов в названном значении отмечаются термины *печь — домна — доменная печь — плавильная (плавильная) печь*.

Как видно, терминология находилась в стадии своего активного формирования, о чем свидетельствуют многочисленные лексические и деривационные варианты наименований денотатов. Подобные явления вариативности можно наблюдать со старорусского периода во многих лексических подсистемах, например, в формирующейся терминологии кожевенного дела множество вариантов: «*дело кож — кожевенное дело — деланная кожа; делать сыромяти — делать кожи на сыромять — бить сыромять — мять сыромять; сыромять — кожа сыромять — сыромятная кожа — мятинная кожа*».

Целостность системе придают деривационно связанные, однокорневые слова, входящие в состав терминов разных групп. Опорные слова становятся базой для формирования большинства новых разноструктурных терминов.

СР «вобрала в себя» все термины с тождественным значением, которые сформировались на более ранних этапах развития языка, но сохранились в активном употреблении в начале XVIII в.: *горн* (XI в.) — *печь* (XV в.) — *домна* (с середины XVII в.).

Среди составных терминов (СН) распространены два типа варьирования: варьирование СН за счет изменения опорного слова, поскольку оно являлось семантически ослабленным: *плавильная печь — плавильная домна, доменная печь — доменный горн*; варьирование ФН и СН: *печь, где плавят руду — плавильная печь*.

Назовем некоторые причины вариативности терминов: 1) близость терминологии к общеупотребительной народно-разговорной лексике; 2) отсутствие общерусской письменной кодификации терминов; 3) локальность.

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Большакова Наталья Валентиновна,

к. ф. н., доцент, Псковский государственный университет

Региональные черты в языке псковских сказок

В работе выявлены и систематизированы диалектные черты текстов псковских сказок. Исследование осуществлено в рамках подготовки мультимедийного издания «Народные сказки Псковского края» (Псков, 2014), которое включает 215 текстов необработанных народных сказок и песен сказочного характера, записанных на Псковщине в период с 70-х гг. XX в. Важной особенностью издания является тщательно выполненная верификация архивных текстов по аудиозаписям с сохранением в «расшифровке» текстов ярких черт псковской диалектной речи.

Анализ настоящего регионального источника дает основания утверждать, что необработанная народная сказка представляет собой двуединство фольклорного произведения и спонтанной диалектной речи, отраженной как в основном корпусе сказочного текста, так и в многочисленных авторских комментариях рассказчиков. Этнолингвистическая ценность источника состоит в том, что в большинстве своем тексты сказок отражают сведения о предметах традиционного крестьянского быта и об их местных названиях, нередко уже утраченных.

Для комментария диалектных особенностей была выбрана лексикографическая форма, которая позволяет дать пояснения к лексическим, грамматическим, этнографическим диалектным особенностям. Подготовленный словарь, содержащий более 400 словарных статей, в первую очередь выполняет функцию словотолкователя, основная задача которого снять (или минимизировать) затруднения в понимании содержания текста. Словарная статья состоит из заголовочного слова в исходной форме, поля дефиниции и отсылок к тексту сказки с указанием района, где был записан текст. Если диалектизм имеет этнографический характер, то дефинитивная часть расширяется за счет введения элементов энциклопедического толкования лексем. При определении лексического значения диалектизмов последовательно даются отсылки к опубликованным выпускам «Псковского областного словаря с историческими данными», региональному этнолингвистическому словарю «Традиционный быт псковских крестьян», другим источникам. При толковании глагольной лексики приводится пояснение к морфологической форме, в которой слово употреблено в тексте.

Таким образом, лексикографическая форма комментария диалектной лексики позволяет дать описание лексической семантики диалектизма и его грамматической формы, а в необходимых случаях дает возможность введения элементов энциклопедического толкования лексем.

Выполненная работа показала, что язык сказок отражает характерные особенности псковских народных говоров на фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом уровнях. Вместе с тем анализ показал неоднородность языка сказок, обусловленную неоднородностью и самого язы-

кового и культурно-исторического пространства современной Псковщины. Исследование диалектных особенностей языка сказок, записанных в южных районах Псковской области, выявило многочисленные белорусизмы на всех уровнях — от фонетики до грамматики. Таким образом, отраженные в изученном источнике языковые приметы пограничного псковско-белорусского языкового пространства еще раз свидетельствуют о том, что история этих говоров находится в тесной связи с историей региона, составляющего псковско-белорусскую диалектную зону — уникальную в языковом и этнокультурном отношении территорию.

Васильева Ольга Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О мотыльках и бабочках по данным

«Псковского областного словаря с историческими данными»

Любой диалектный словарь содержит ценнейшую информацию о языковой картине мира носителей говоров, Псковский областной словарь — словарь полного типа — дает максимально полное представление о ней. Ее оптимальное изучение осуществляется по тематическим группам. Тематическая группа «бабочки и мотыльки» находится на периферии языковой картины, поскольку насекомые данной разновидности менее вредны, чем кровососущие, вследствие чего среди почти ста тысяч лексем, описанных в 25 выпусках Псковского словаря лишь 29 существительных относятся к данной группе.

Из этих 29 номинаций бабочек и мотыльков, записанных в псковских говорах, только две являются общерусскими. Лексема бабочка, по данным этимологических словарей, представляет собой уменьшительное производное от сущ. бабка — «бабушка» и отражает древнее народное представление о том, что душа умершего продолжает жить в виде бабочки, в подтверждение чего приводится также русская диалектная номинация дүшичка — «бабочка», производное от сущ. душа. Вторая общерусская лексема — *мотылёк* — является уменьшительно-ласкательной производной от *мотыль* — «бабочка», которая в свою очередь образована от глагола *мотаться* «порхать, сновать», т. е. бабочка названа по своему «мотающемуся», неровному полету.

Остальные номинации диалектны. Сопоставление материалов с данными Словаря русских народных говоров показало, что некоторые названия бабочек и мотыльков, бытующие в псковских говорах, известны только в них (таковы, например, лексемы *ба́бка*, *кíльник*, *кíпень*, *метéль*, *метя́шка*, *мяклу́ш*, *мяклушек*, *па́пушка*, *пелу́шка*); другие бытуют, помимо псковских, в других говорах (например, лексемы *мяклуш* и *мяклуша* известны как псковским, так и смоленским говорам, *мятлик* — псковское и донское, а лексемы *нека́ль*, *неке́ль*, *пекалёк* и *пекелёк* бытуют помимо псковских в соседних новгородских говорах); третьи номинации широко распространены в разных русских говорах (например, *метелёк* с 12 географическими пометами); четвертые, хотя записаны только на Псковщине, имеют

в других диалектах однокоренные лексемы, также обозначающие бабочек и мотыльков (например, псковское *мётень* и забайкальское *метенёк*, псковское *мяклышек* и смоленское *мяклышка*, псковское *мятличка* при *мятлиш* в русских говорах Латвии и Литвы, *мятлух*, *мятлуш*, *мятлушка* и *мятлышко* в смоленских говорах).

Для номинации *пекаль* этимологи находят параллели в литовском и финском языках и считают ее балтизмом. Остальные лексемы являются исконными. Внутренняя форма одних является затемненной (*бубарка*), у других совершенно прозрачна (*кипён* — по белому цвету крыльев, *мятлик* — по беспорядочному, хаотическому движению в воздухе).

Цитатный материал показывает, что мотыльки и бабочки становятся объектом высказывания по двум причинам: эстетической (*глядí, како́й пикалёк краси́вый; вот пархну́ла ба́бачка, краси́венькая, улубавáтенькая, маклу́шэй завё́цца; да чиво́ и пикалёк харо́ш; пикали́ — бсинью краси́вай, чо́рныи, ба́рхатныи кры́лья; пёкель бывáя гарáст краси́вая*) или прагматической (*пикалёк — ня зна́ю, каво́ де́лать: капу́сту пикалькí засидéли; меклиши́ — ба́боцки вре́дные, лятáють на капу́сте, и надéлают цервяко́ф, и яду́ть капу́сту цервяки́; мяклышы — ба́бачки бе́лые, ани́ вре́дные; мятли́ бывáют, ёта метелёк, он де́лает ху́да: сядет на капу́сту и бу́дет че́рви; кильники на капу́сту сады́ца, на́да ду́стъм апсына́ть*).

Яркий зрительный образ передается наречной формой творительного падежа *пекалькóм* — «на обе стороны, в виде крыльев бабочки» (это сравнение зафиксировано в псковских говорах по отношению к парусам лодки), а также *пёкелем* — с тем же значением (о концах платка). Другое основание сравнения представлено в выражении *сухой как пёкель* — «о худом, изможденном человеке».

Устойчиво в псковских говорах образное сравнение быстро и легко перемещающегося человека с мотыльком, бабочкой: *как пикалёк летáть, бе́гать что метелёк, полетéть как метелькóм, слетéть как мётень куда-либо, как мотылёк бегать*.

Ганцовская Нина Семёновна,

д. ф. н., профессор, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова

К вопросу о специфике авторских областных словарей (обновленный проект создания «Словаря народно-разговорного языка» Е. В. Честнякова)

Лексика костромских говоров неравномерно и количественно недостаточно отражена в уже увидевших свет лексикографических произведениях. Между тем полное словарное описание костромских говоров необходимо для понимания их места в диалектном членении русского языка, для точного определения особенностей их внутренней группировки. Эта задача стоит и при создании Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ), но она долгосрочна, материал же в атласах всегда представлен выборочно.

Областные словари полнее по составу, создаются быстрее, а это важно в связи с нарастающими трудностями полевого сбора диалектных фактов.

Для областных словарей материалом может служить как диалектная лексика, собранная полевым путем, так и извлеченная из различных источников, печатных и рукописных. Последние в настоящее время становятся всё более значимыми в связи с возможностью ввести в научный оборот широкие архетипические пласты, обозначая существенные черты традиционного диалектного континуума.

К таким источникам мы относим обильно насыщенные диалектизмами рукописи Е. В. Честнякова (1874–1961), родившегося и умершего в д. Шаблово Кологривского уезда и очень мало жившего за его пределами. Его произведения, почти не опубликованные при жизни, сейчас в значительной степени расшифрованные и изданные, принесли ему славу не только как художнику, но и как писателю. Диалектная лексика этих рукописей легла в основу созданного Н. С. Ганцовой Словаря народно-разговорного языка Е. В. Честнякова «Живое поунженское слово» [Ганцовская, 2007]. Комментарием к нему в пределах данной книги служит словарь «Там, где жил Ефим Честняков», составленный на местном материале Е. Г. Веселовой по следам Словаря Е. В. Честнякова Н. С. Ганцовой. Впоследствии Е. Г. Веселова, уроженка Кологрива, работая в фондах Костромского музея-заповедника над новым изданием рукописей Е. В. Честнякова, составила к ним краткий словарь.

В планах Н. С. Ганцовой и Е. Г. Веселовой создать тематически расширенную и структурно модифицированную версию Словаря народно-разговорного языка Е. В. Честнякова «Живое поунженское слово». В новом Словаре не только количественно увеличится состав поунженских диалектизмов, но в виде комментария будут представлены примеры их употребления в живых говорах. Это будет алфавитный словарь дифференцированного типа, где планируется уделить особое внимание отражению этнодиалектных особенностей данной местности, совмещающей черты центральных (западных) и периферийных (восточных) костромских говоров. Толкование слов в словаре не может быть механически подведено под одну схему, но вместе с тем оно будет подано в определённой системе, что скажется и в отборе описываемых слов. Тут решающую роль играет лексико-тематическое и лексико-грамматическое деление диалектной лексики и степень информативности имеющегося материала.

Так, формируя раздел словника, обозначающего животных и понятия, которые с ними связаны, мы в основном пользуемся схемой конкретного представления словарного материала, положенной в основу тематической группы «Животный мир» Программы ЛАРНГ. Приведём пример словарной статьи такого типа в нашем словаре.

Ветю́г. Лесной голубь.

Синьки, ветюги, дрозды...

Все зверьки лесные, птахи...

[Ганцовская, 2007. С. 20].

Ветюг пугливо поднялся с полос...

За ним и ещё и ещё полетели

И где-то в лесочке на дерево сели...

[Сухарева. С. 50].

Ветюг — это голубь лесной, дикий, у него грудка не такая выпуклая, как у городского голубя (Веселов С. Ф., 1922 г. р. Д. Малая горка Кологр. р-на. 2010 г.).

Литература:

Ганцовская Н. С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. Кострома: Костромаиздат, 2007. 225 с.

Сухарева — Честняков Е. В. Русь, уходящая в небо... : Материалы из рукописных книг / сост. Т. П. Сухарева. Кострома: Костромаиздат, 2011. 168 с.

Глуценко Олеся Анатольевна,

д. ф. н., профессор, Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга (Петропавловск-Камчатский)

Отражение физических свойств водного объекта в гидронимиконе Камчатки

Система топонимических обозначений водных объектов Камчатки хорошо развита и богата, что обусловлено в том числе экстралингвистическими причинами: реки, озера и иные водные объекты определяли многие аспекты жизнедеятельности и в целом выживание человека в условиях Крайнего Севера. Кроме того, в истории освоения Камчатки сформировалось несколько систем гидронимов, которые бытовали синхронно в течение последних веков, и в настоящее время фрагменты этих систем употребляются параллельно (например, для одного и того же водного объекта одновременно актуальны корякские и славянские именованья). Принцип именованья водного объекта по его физическим особенностям реализуется во всех четырех исторических топосистемах Камчатки (корякская, ительменская, славянская и эвенская).

Мы проанализировали внутреннюю форму свыше 500 топонимов, в семантике которых нашли отражение разнообразные аспекты физических свойств обозначаемых водных объектов, описали системные отношения между словами. Для данного класса слов свойственна множественность стратегий номинации, которые обнаруживаются в каждой исторической топосистеме Камчатки. Во-первых, применяется стратегия именованья объекта с позиций трехмерной системы измерения: длина — ширина — глубина. Система обозначений в этом случае представлена исключительно антонимичными топонимами, противоположны наименования глубоких и мелких, длинных и коротких водных объектов, широких и узких рек и ручьев, например: *р. Имка (Имкаяя)* (впадает в Олюторский залив), образовано от корякского «глубокая река» — *р. Мельваяя* (о. Карагинский), образовано от корякского «неглубокая река».

Во-вторых, используется стратегия именованья водных объектов по физическим свойствам, которые выявлены в процессе практикоориентированного познания и имеют важное значение для жизнедеятельности сообщества. В семантике топонимов зафиксированы такие физические параметры, как конфигурация водного объекта, температура и цвет или

вкус воды, общее санитарное состояние воды, объем водных масс и уровень воды в водном объекте, скорость течения, структура дна и берегов водного объекта и др. Выявленное в процессе познания свойство водного объекта закрепляется в именовании непосредственно, без ассоциации-посредника, например: *р. Хоялгынварем (Студеная)* (левый приток р. Черная, бассейн р. Пенжина), образовано от корякского «студеная, холодная река»; *р. Носичан* (левый приток р. Вторая Белоголовая, Тигильский район), образовано от эвенского «вонючая».

В-третьих, актуальна стратегия образно-оценочного осмысления любых физических параметров водного объекта, например: *бухта Фальшивая* (на западном берегу Авачинского залива, Елизовский район), названа в середине XIX в., поскольку низменная долина *р. Фальшивая*, впадающей в бухту, с моря выглядит как бухта, сильно вдающаяся в берег, на самом деле бухта очень невелика; *р. Луловаяя* (правый приток р. Вывенка, Олюторский район), образовано от корякского (чавчувенский диалект) «река коротких торбазов», потому что река очень мелкая, ее можно перейти в коротких торбазах (луллат); *р. Рекинники (Каванэйваяя)* (впадает в Рекинникскую губу, Карагинский район), образовано от корякского (алюторский диалект) «рот», т. к. в устье реки вносится с моря много плавника, а река как бы «заглатывает рот» все это. Численно преобладают топонимы, отвечающие второй стратегии именованию.

Множественность применяемых стратегий именованию отражает континированное восприятие действительности в наивной картине мира тех людей, которые исконно жили на полуострове или закреплялись на нем в период прирастания земель России территориями Сибири и Дальнего Востока.

Карпун Мария Александровна,

преподаватель, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Донские диалектные фразеологизмы с фитонимическим компонентом, характеризующие интеллект человека

Диалектная фразеология является частью словарного состава донских говоров и представляет собой одно из самых специфических диалектных явлений. Именно в диалектных фразеологизмах наиболее ярко представлен спектр значений, характеризующих человека, передаваемых с помощью растительных образов.

Целью данного исследования является описание фразео-семантической группы (далее ФСГ) донских диалектных фразеологических единиц с фитонимическим компонентом (далее ДДФЕ), которые характеризуют интеллектуальные качества человека в традиционной культуре донского казачества. Анализируются сигнификативно-денотативный, коннотативный компоненты значения ДДФЕ.

В донских говорах ФСГ «интеллект человека» включает следующие подгруппы по выявленным семам.

1. ДДФЕ, выражающие интеллектуальные оценки (поведение):
 - а) коннотативное значение: глупость, необдуманные поступки; глупый по причине несерьезного поведения (по причине, зависящей от самого человека): *~сею-вею в голове* 'о легкомысленном человеке: ветер в голове'. *Сыну али дощкидаютьповат, а ванитак, сею-вею вгалаве*. Эмотивный компонент значения ДДФЕ 'неодобрение, предосудительность' отражают отрицательное отношение диалектоносителей к несерьезному, непостоянному человеку, совершающему необдуманные поступки.
 - б) ДДФЕ *~объесться бесилой* (бесикой, бесюкой) сов. 'обезуметь; объесться белены'. *Рассвирипетьмущина, глаза кровью нальюцца, глян: бисилайабелся*. В данном фразеологизме закреплён образ потерявшего рассудок человека вследствие воздействия на него ядовитого растения. Фитонимический компонент *бесила* (*бесика, бесюка*) 'белена *Hyoscyamus niger*', имеющий отрицательную оценочную сему, влияет на соответствующий компонент коннотации, придавая всему фразеологизму отрицательное значение.
2. ДДФЕ, характеризующие мыслительные способности: психические отклонения, умственная отсталость человека (по независящим от человека причинам):

~с жевикой — 'о глуповатом от природы человеке' *Ана ж живикай, глупаватая, но ни сафсем. Жевика* — донское диалектное наименование ежевики *Rubuscaesius* L., колючего полукустарника сем. розоцветных с ползучими, покрытыми шипами стеблями. Одно из древнейших слов праславянского словарного запаса. По этимологии (Фасмер, Калашников), скорее соотносящееся с праславянским **ѣжитъся* 'вести себя как ёж', т. е. «выпускать колючки» в качестве защиты от якобы существующей внешней угрозы. (*Жевика/ожевика/аживика* > *ежев-ик-а* > из праслав. **ежевика*, производного с суффа *-ика* < от прилагательного **ежевъ* с последующей субстантивацией; с *жевикой* < *ожевика/аживика/жевика* < **ежевика* < **ежевъ+ика* < **ежевъ(йъ)* < **ѣжъ+ -овъ/евъ* < **ѣжь*); *~сею-вею в голове* 'о слабоумном человеке': *Нидаразвитайчилавек, дурачѣк. У ниво сею-вею в галаве*. Эмотивный компонент данных ДДФЕ не содержит отрицательной оценочной семы в отличие от ДДФЕ первой подгруппы с предосудительной (отрицательной) оценочной семой.

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать выводы:

 - лексический состав фитонимического компонента фразеологических единиц рассматриваемой ФСГ представлен как лексикой литературного языка, так и диалектизмами (*бесила/бесика/бесюка; жевика*). ДДФЕ *~с жевикой* является собственно донским фразеологизмом, не фиксирующимся в других русских говорах; в ходе исследования фразеологизмов с фитонимическим компонентом были выявлены ДДФЕ, имеющие амбивалентное значение в зависимости от контекста: *~сеювеювголове* 1 'несерьезно' (о поведении человека: ветер в голове), 2 'о слабоумном человеке: недоразвитый';
 - в донской традиции при оценке интеллектуального поведения человека более всего осуждается легкомысленное поведение человека.

Колосько Елена Валентиновна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)

Диалектная лексика архивных материалов по Ленинградской области

В распоряжении ученых-диалектологов ИЛИ РАН находятся рукописные материалы диалектных экспедиций по северо-западу России. Они относятся к довоенному времени (1930–1940-е гг.) и содержат ответы на вопросы по диалектной лексике, фонетике и синтаксису.

Исследуемый материал представляется в форме словаря, с выделением заголовочного слова, его грамматической характеристики, с предоставлением, если имеется запись, цитатного материала и указанием на место и время фиксации. Кроме описания всей имеющейся в архивных документах диалектной лексики перед исследователями была поставлена задача выявления отсутствующих в СРНГ словоформ и словосочетаний, значений, географии, уточнения времени первой фиксации. Эти данные приводятся в конце словарной статьи. Такой способ подачи материала делает возможным проводить сравнительные исследования с лексикой, описанной в других региональных словарях, использование новых диалектных данных при составлении дополнения Словаря русских народных говоров.

Недавно проведенная работа по систематизации и подробному рассмотрению лексического запаса этих архивных материалов, показала их уникальность, отсутствие многих диалектных слов, словосочетаний и их значений в печатных источниках, отражающих говоры Севера-Запада. Уникальность заключается не только в наличии более точных географических и временных данных, в наличии неописанных ранее значений, уточнении значений, но и в новых словоформах, оригинальных словосочетаниях. Важно, что помимо ответов на вопросы, полевые записи часто содержат пояснения к словам, дополнения, речения и цитаты. Но наибольшее количество уникального лексического материала содержат записи живой разговорной речи диалектоносителей. Именно в этих записях находим наименования деталей известных сельскохозяйственных приспособлений, диалектные формы существительных и наречий, уникальные формы глаголов и др. Диалектная лексика представлена независимо от того, есть ее фиксация в СРНГ или нет. Это дает возможность проследить словообразовательные и семантические процессы развития лексики данного региона.

В докладе приводятся примеры лексики, образованной на основе звукоподражательных фонетических сочетаний. На этих примерах мы видим диалектную вариативность и в то же время конвенциональную звукоподражательную основу диалектных слов, в пределах одного ареала. Большую лексико-семантическую группу диалектизмов составляют слова, обозначающие крики домашних животных, подзывные слова, т. к. в вопроснике имеется целый раздел, связанный с обращением с домашними животными. Кроме того, в записанных фрагментах живой разговорной речи выявлены производные слова. Объединяя данные Словаря русских народных говоров

и лексику данных архивных материалов, можно полнее составить фрагмент диалектной макросистемы, выявить семантические и словообразовательные связи, объединяющие различные говоры в единый конструктор.

Королькова Мария Денисовна,

аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Мызников С. А., д. ф. н.

К вопросу о принципах классификации ремесленной лексики

История изучения ремесленной лексики насчитывает более ста лет. Изучению ремесленной лексики были посвящены этнографические и диалектологические работы многих ученых.

В настоящем докладе описываются различные способы разделения лексем на подгруппы, выработанные на протяжении столетия существования этой дисциплины, и приводится классификация, разрабатываемая автором — разделение лексики каждого ремесла на семь подгрупп по значению.

Кроме того, лексико-семантическая классификация ремесленной лексики включает в себя описание профессионального аспекта ее функционирования. Профессиональный аспект составляет особенность ремесленной лексики и выделяет ее из сугубо диалектной сферы, т. к. для описания процесса любого ремесла (если мы не говорим об условных и тайных языках) ремесленник использует не только общеизвестные и диалектные слова, но и пласт лексики, которую можно охарактеризовать как принадлежащую к профессиональной сфере, иногда даже известную лишь людям, занимающимся тем же делом вне зависимости от региона.

В соотношении профессионального и диалектного компонентов заключается своеобразие ремесленной лексики, дающее основу для постановки ряда теоретических вопросов лексикологии и лексикографии.

В частности, к наиболее важным проблемам изучения ремесленной лексики относится ее статус в системе русского языка: она одновременно обусловлена территориально и социально, возможность рассматривать её полноценно появляется только при учете ее особенностей.

Не менее значимой проблемой является и определение понятий «ремесленная», «профессиональная», «терминологическая» лексика, т. к. все они в некоторой степени определяют и место исследуемого явления в лингвистике.

Митченко Зинаида Васильевна,

к. ф. н., доцент, Псковский государственный университет

Объект лингвистического описания при изучении категории переходности в диалектной речи

В теории функциональной грамматики явление переходности/непереходности получило подробное описание в связи с субъектно-предикатно-объектными ситуациями, функционально-семантическим полем залоговости, а также при рассмотрении грамматических категорий.

Категория переходности имеет специфический характер, поскольку ее лексико-синтаксическая природа проявляется в сложном комплексе взаимосвязанных признаков, взаимодействующих в междуровневом пространстве языковой системы. Специалисты относят переходность/непереходность к полиреференциальным категориям, т. е. демонстрирующим нарушение единства формы и содержания таким образом, что единству морфологической или синтаксической формы соответствует набор референциальных значений, что приводит к необходимости формулировать общее, более абстрактное, значение, характеризующее категорию в целом.

Переходность/непереходность объединила две разноплановые категории: лексическую переходность и синтаксическую переходность. В первом случае объектом описания становится глагольная лексема и ее внутренние характеристики, а во втором — глагольное сказуемое (глагольная словоформа) и ее конкретное синтаксическое употребление. Вместе с тем при установлении переходности глагола учитывается его синтаксическое поведение, и наоборот, идентификация синтаксического статуса всегда ориентирована на лексические характеристики глагола. Таким образом, наблюдается двуединство лексической и синтаксической переходности, в связи с чем возникает проблема установления объекта лингвистического описания при изучении категории переходности.

На основе данных «Псковского областного словаря с историческими данными» выявлен широкий круг глагольной лексики, которая может быть рассмотрена в аспекте переходности/непереходности. В работе используется термин «поле переходности/непереходности», введенный А. В. Бондарко, под которым понимается группировка разноуровневых языковых средств, используемых для характеристики действия в его отношении к объекту с точки зрения направленности/ненаправленности действия на объект, выраженный прямым дополнением.

Центр поля составляет сочетаемость глагола-сказуемого с прямым дополнением, выраженным сильноуправляемой формой вин. п. без предлога. Ср. *взды́нуть* и *возды́нуть*: *что* 'собрать, подобрать с земли, пола' *Нидёлю пгляжа́т на по́ли, пато́м възды́ним* (предикат) *яво́* (объект) [лен]. Печ. В данном примере синтаксическая переходность не вступает в противоречие с лексической переходностью, что отражает и второе значение глагола: *что* 'поднять с земли (тяжелый предмет, груз)' *Мешо́к* (объект) *то́лька възды́нут* (предикат) *на плéчи и пвнесла́* [сама]. Печ.; *Как схва́тит капну́, так фсю́* (объектный эллипсис — капну) *вздынула́* (предикат). Ляд.

Вместе с тем в диалектных высказываниях наряду с типичным способом выражения переходности встречается абсолютное употребление переходной лексемы без прямого дополнения: *Взды́нула́* (предикат с недискретным объектом), *а ми́ня как кальну́ла — тямно́ в глаза́х*. Дед. (ПОС 3. С. 158). Подобные случаи А. В. Бондарко относит к периферии поля переходности/непереходности.

К периферии следует отнести и многие другие случаи переходности, недостаточно изученные на материале диалектной речи. Таким обра-

зом, в работе предпринята попытка анализа конструкций диалектной речи, формирующих поле переходности/непереходности, в их соотношении как с грамматическим, так и с лексическим значением глагольной лексемы.

Михайлова Любовь Петровна,

к. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет

О степени устойчивости экстенциальных лексических единиц в системе говора

Понятие экстенциальной лексической единицы (ЭЛЕ), первоначально возникшей как результат модификации слова под влиянием неродственной структурно-языковой системы, связано с понятиями вариант слова, прежде всего фонетический, и слово как исходная самостоятельная единица. В лексикографической практике экстенциальные единицы принято представлять по-разному.

Во-первых, ЭЛЕ могут подаваться в одной словарной статье в качестве фонетических вариантов к основному слову, ср.: *блыкаться* 'ходить без дела, слоняться' в разных псковских говорах и варианты *аблыкаться* Гд., Печ., *балыкаться* Гд., Ляд., Пушк. (ПОС 2: 48), с протезой и эпентезой в начальном слоге; единицы, отражающие мену б ~ в: *лывинка* Кад., Шексн. Волог. и *лыбинка* Кад. Волог. — 'участок покоса на низком болотистом месте', но *лывинка* 'небольшая лужа, лужица' Карг. Арх. не имеет варианта (СРГК 3: 162). О мене разных звуков, не обусловленной внутриязыковыми процессами, см.: [Михайлова, 2013].

Во-вторых, ЭЛЕ описываются в отдельной словарной статье в качестве лексем, не имеющих видоизменений фонетического характера, не соотносимых, на первый взгляд, с этимологически родственными и семантически близкими лексемами: *рына* 'открытое место на болоте' Кирил. Волог. (СРГК 5: 612), *карнуть* 'резко сдвинуть что-н., откуда-н.' Тихв. Ленингр. (СРГК 2: 329), *луда* 'ослепительная белизна снега при солнечном свете' Кем., Онеж., Арх. (СРНГ 17: 177), *бытеть* 'становиться упитанным, полнеть' Холм. Новг. (НОС 1: 104).

Некоторые лексические единицы из разряда экстенциальных могут быть приняты за лексико-семантические диалектизмы: *ладбшка* 'гриб (подольховник?)' Волос. Ленингр. (СРГК 3: 90), *котельник* 'полотенце' Урж. Вят. (ОСВГ 5: 107), *рудный* 'урожайный' Белом. Карел. (СРГК 5: 576).

Особую группу составляют словообразовательные диалектизмы, в которых отражается мена звуков в корневой морфеме: *загулжица* 'глухое, отдаленное от культурного центра место, захоlustье (?)' Остр. Пск. (ПОС 11: 162), ср. *закулжина* 'отдаленный участок (край) болота' Ок. Новг. (НОС 3: 38); *бугалище* 'пугало, чучело для отпугивания птиц от огорода' Кон. Арх. (АОС 2: 156).

Одни из указанных единиц воспринимаются как фонетически более близкие (*блыкаться* > *аблыкаться*, *балыкаться*), при одинаковой или близкой семантике и географии, в пределах одной лексической микросистемы,

видимо, могут свободно заменяться исходным словом. Такого рода варианты, как правило, сохраняют первый звук корня неизменным. Другие — при существенном изменении начала корневой морфемы — фонетически отдалены от исходной единицы, ср. вышеприведенные слова с исходными: **карнуть** и **крянуть** 'своротить, сдвинуть, переместить что-л. тяжелое' Вят., Яросл., Волхов. Ленингр., Новг., Твер., Олон., Зап.-Брян., Черепов., Прионеж. (СРНГ 15: 368); **лұда** и **глудь** 'что-н. гладкое, лоснящееся'. **глудеть** 'лосниться' Гд. Пск. (ПОС 6: 187), **ряна** и **гряна** 'возвышенное место на болоте, кочка' Медв., Белом., Кем. Карел., Карг. Арх., Волх. Ленингр. (СРГК 1: 408); **бытеть** и **выть** 'сила, крепость' Новг. Новг., Онеж. Арх., Алт. (СРНГ 6: 45); **ладбшка** и **ладбшка** 'пластинчатый гриб, предназначенный для соления' Чуд., Люб. Новг. (СРГК 1: 334); **рудный** и **грудный** 'богатый урожаем, урожайный' Челябин., 'многочисленный, имеющийся в большом количестве' Беломор., Верхне-Тавд. Свердл., Колым. Якут. (СРНГ 7: 163); **котельник** и **рукотельник** 'то же' Крестец. Новг., Волог., Яросл., Свердл., Башк. АССР, Вост.-Казах., Новосиб., Кемер., Том., Забайкалье, Бурят. АССР (СРНГ 35: 266).

При ограниченной географии бытования единицы второго рода (типа **рудный** и **грудный**), в при отсутствии исходного слова, имеют высокую степень устойчивости в системе.

Литература:

Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск: Изд-во КГПА; М: ООО «Вариант», 2013. С. 8–9

Мызникова Янина Валерьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лексикографические рефлексии диалектоносителя

Явления языковой рефлексии в последнее время активно исследуются в рамках коммуникативной диалектологии. В случае общения диалектолога с диалектоносителем участники коммуникативного акта относятся к разным социальным группам и владеют различными культурно-речевыми кодами, поэтому автоматизированный характер речи нарушается в связи с необходимостью включать метаязыковые высказывания поясняющего характера. Метаязыковые пояснительные высказывания в речи диалектоносителей, как правило, представляют собой примеры из языковой практики говорящих с опорой на типичную ситуацию употребления поясняемого слова, а не определения с таксономическими характеристиками.

Если же информант владеет в достаточной степени и традиционной сельской речевой культурой, и культурой использования литературного языка, его метаязыковое пояснение включает и элементы дефиниционного характера, что весьма интересно для собирателей, т. к. позволяет проверять и уточнять значения собранной диалектной лексики. Во время экспедиции 2014 г. в Чердаклинский район Ульяновской области таким информантом стала Нина Николаевна Каргина. Н. Н. Каргина долгие годы жила в своем селе, но несколько лет она прожила на Дальнем Востоке, что позволило ей

как бы со стороны оценить культурно-речевой код своего села. Благодаря хорошей памяти, богатому словарному запасу, наблюдательности, хорошему знанию местной жизни, Н. Н. Каргина оказывала разностороннюю помощь собирателям: дополняла различные тематические группы лексики, объясняла и уточняла значения слов, помогала подобрать иллюстрации к их употреблению в речи.

Особый интерес представляет «словарик» местной лексики, записанный со слов самой Н. Н. Каргиной. Он включает несколько десятков слов, относящихся к тематическим группам «Домашнее хозяйство» (*зёмбиль*, *кавылдатъся*), «Приготовление пищи» (*палишка*, *барыня*), «Экспрессивная лексика» (*запурхиватъся*, *обляскатъся*). Попало в этот «словарик» и множество разного плана устойчивых сочетаний: от идиом до фразеологических выражений (*на ужó*, *тишком да шипком*, *фамильный чай*). Большая часть лексики «словарика» была предложена, как имеющая местное распространение, самой Н. Н. Каргиной. Остальные лексемы упоминались и разъяснялись Н. Н. Каргиной в тексте рассказов с различной тематикой. В «словарике» встречается как лексика, распространенная и в других русских говорах (*васейка*, *третёвдни*, *мурцовка*, *палишка*), так и действительно уникальная местная лексика (*зембиль*, *курага* «печёная тыква», *барыня* «блюдо из тыквы» и др.).

Неганова Галина Дмитриевна,

к. культ., старший научный сотрудник, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова

Общерусское и узкорегionalное в названиях положительного рельефа в костромских говорах (на материале картотеки «Костромского областного словаря»)

Природный ландшафт Костромской области обусловлен ее географическим положением. Большая часть территории представляет собой низменность; возвышенный рельеф наблюдается на северо-западе, куда заходят отроги Северных Увалов, и вдоль Галичско-Чухломской гряды, с севера на юг пересекающей область. Этим отчасти объясняется то, что названия возвышенностей в репертуаре народных географических терминов в количественном отношении менее представлены, чем названия низменных мест. В картотеке КОС зафиксировано 117 слов, в соответствии с вопросами Программы ЛАРНГ отнесенных к данной тематической группе.

1. Лексемы, представленные в словарях русского литературного языка, но в говорах употребляющиеся с иным значением. Напр.: *буй* 'плавающий сигнальный знак, устанавливаемый на якорю для обозначения опасных мест (мелей, подводных камней и т. д.)' [МАС: 1, с. 122] — *буй* 'небольшая возвышенность, холм' (Кадынский р-н), 'возвышенное, открытое место' (Костромской, Красносельский); *верх* 'самая высокая часть чего-л., верхняя часть, оконечность чего-л.' [МАС: 1, с. 153] — *верх* 'возвышенность' (г. Галич); *кряж* 'цепь невысоких гор' [МАС: 2, с. 142] — *кряж* 'высокий берег реки' (Судиславский).

2. Народные географические термины, бытующие в говорах различных областей. Так, слово *бугровіна* ‘возвышенное место’, записанное в Костромском р-не, известно также на территории Псковской области [ПОС 2, с. 195] и Тверского края [СРНГ 3, с. 239]; слово *излѡбок* ‘небольшой холм, пригорок’ зафиксировано в Павинском р-не Костромской области, а также в Вологодской области и на Среднем Урале [СРНГ 12, с. 139]; слово *сѡрок* ‘луг на возвышенности’ — в Межевском р-не Костромской области, в Пермском крае, на Урале [СРНГ 37, с. 39].
3. Народные географические термины, ареал которых ограничен Костромским регионом. Так, слово *пѹгорька* ‘холм, бугор’ бытует в г. Галиче: А дом-то у них на пугорьке стоял; *косяки* ‘кочки на болоте’ — в Кадыйском р-не: По косякам мы перешли болото (д. Екатеринбургно); *свѣрло* ‘крутая гора’ — в Мантуровском: *По свирлу-то и не поднимешься* (д. Шелево); *шабалá* ‘гора’ — в Кологивском: *На высокой шабале деревня-то наша стояла, а внизу ключ бил* (г. Кологрив). Лексема *головá* со значением ‘вершина горы, холма’ встречается в говорах Кадыйского, Мантуровского и Шарьинского р-нов: *Да его <холма> голову от самой деревни видать* (д. Рогово). По Г. Г. Мельниченко, эти говоры входят в смежные VI, VII и IX диалектные зоны.

Некоторые термины в речи жителей Костромской области энантиосемичны: если в одних районах они характеризуют положительный рельеф, то в других — отрицательный. Это такие лексемы, как *вертѣп* (‘возвышенность, холм с логами’ ↔ ‘большой овраг с непроходимым кустарником’), *выскірѣ* (‘высокое место, возвышенность’ ↔ ‘небольшой подводный обрыв’), *грядá* (‘удлинённая возвышенность’ ↔ ‘низкий, заливной берег реки’), *елáнь* (‘возвышенное место’ ↔ ‘окно на болоте’), *косá* (‘нанос песка на реке’ ↔ ‘резкий обрыв на дне реки’) и др. Наблюдения показывают, что географические особенности Костромского края являются определяющим экстралингвистическим фактором в формировании в говорах репертуара орографической лексики и в развитии семантики терминов.

Литература:

Мельниченко Г. Г. Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)». Ярославль: ЯрГПИ им. К. Д. Ушинского, 1974. Карта 90.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

Шаповал Виктор Васильевич,

к. ф. н., доцент, Московский городской педагогический университет

Лексический раритет или лексикографический фантом

В последние годы вырос интерес к фиксациям редких диалектных слов и разоблачению лексикографических фантомов. Нередко проверка такого рода материала требует значительных усилий. По этой причине вопросы

как рационализации верификационных процедур в лексикографии, так и их рентабельности снова и снова становятся актуальными. В последние годы многие ученые (А. Е. Аникин, А. Ф. Журавлев, А. Б. Страхов, И. Г. Добродомов и др.) обращаются к нестандартным словарным фиксациям редких диалектных и жаргонных слов, что нередко приводит к разоблачению лексикографических фантомов, возникших по причине смешения букв в рабочей записи или разного рода интерпретационных фантазий. Нередко проверка такого рода сомнительного и уникального материала длится годы и требует значительных усилий. По этой причине вопросы как рационализации верификационных процедур в лексикографии, так и их рентабельности снова и снова становятся актуальными. Источниковедческая критика словаря предполагает алгоритмизацию проверки данных, что делает ее более прозрачной для контроля. Кроме того, исправление описания слова не всегда возможно в разумные сроки.

РУССКИЙ ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Гаврилов Сергей Николаевич,

к. и. н., доцент, Университет Российской академии образования (Москва)

Ябеда как одна из ключевых единиц русской правовой ментальности

1. Этимология слова *ябеда*.

В древнерусском языке существовал термин *ябетникъ* (Абетник) — ст. 1 Русской Правды (Кр. ред.): «любо ябетникъ, любо мечник».

По мнению отдельных авторов, слово *ябеда* немецкого (В. О. Ключевский), древнескандинавского *embétti* «должность», «служба», «пост» (А. Г. Преображенский, П. Я. Черных, М. Фасмер) происхождения, либо, заимствованное из германского языка, является передачей древнеисландского «emb-Éttiis — служащий» (Н. М. Шанский).

2. Историко-этимологический анализ слова *ябеда*.

2.1. В процессе исторического развития слово *ябеда* утратило в своем значении нейтральность (должностное судебное лицо) и приобрело отрицательную коннотацию (*сутяжник*, *крюкотвор*, *доносчик*, *клеветник* и др.).

2.2. Развивалось несколько значений слова *ябеда*, существовавших параллельно: 1) прошение, поданное в суд или другое правительственное учреждение, судебное дело, процесс; 2) клевета; 3) крюкотворство, сутяжничество.

При этом происходило перераспределение ядерной и периферийной зон значения слова.

2.3. Не позднее первой трети XX в. сема (3) перемещается в периферийную зону. Предположительно в это же время произошла актуализация значения 'доносчик, наушник, стукач'.

2.4. В целях исследования феномена представляется важным:

- выявить и провести анализ лексико-семантических парадигм слова *ябеда*;
- установить динамику (периоды), причины и особенности смены состава ядерной и периферийной зон значения слова *ябеда* и, в частности, момент входа в ядерную зону семы (3), обозначавшей ябеду «процессуальную» (ябедники обвинялись в «составных вымыслах и лукавстве» (1697 г.), «напрасном и докучном челобитьи» (1720 г.), «хитро сплетаемых прои-сках» (1762 г.)).

3. Значение *ябеды* для изучения русской ментальности и правосознания. Слово *ябеда* связано с основной категорией славянской этики и ключевым для русской ментальности словом *Правда*. Ябеда является ее — Правды — антиподом и «когнитивной тенью» («ябеда как неправда»). Исследование *ябеды* позволяет расширить понимание самого феномена *Правда*.

3.1. Находящаяся в фокусе антитезы «*Правда-Справедливость* — *Правда-Истина*», *ябеда* является одним из «ключей» к русской правовой ментальности.

3.2. Будучи своеобразным индикатором отношения русского правосознания к ряду юридических феноменов, *ябеда* — явление для понимания русской правовой ментальности мониторинговое.

Само изменение семантики (коннотации) слова *ябеда* отражает генезис и эволюцию в русском правосознании образов тех явлений, которые связаны с правовой сферой: *процессуальный закон, процессуальная форма, состязательность, доказывание, судебное представительство* и др.

3.3. Феномен *ябеды* способен многое прояснить в части основных отличий «западной» и «традиционной русской» парадигм правопонимания. *Ябедничество* рельефно демонстрировало то, что называлось «правым по закону, но неправым по совести» (ябедники «*всякие вымыслы противу правды стараются употреблять*» (1752 г.)).

В этой связи важны особенности сосуществования в правосознании ябеды «процессуальной» («*сутяжничество, соединенное с крючкотворством, имеющее целью получить судебным порядком...*»), с ябедой «материальной» («*...чего не подобает*»).

3.4. Через призму *ябедничества* возможно рассмотреть особенности восприятия русским правосознанием формально-юридического, «западного» процессуального закона и полного субъективизма, неформализованного, носящего восстановительный характер, русского народного *право-судия*, основанного на *Обычном праве*.

3.5. Нормативные правовые акты периода XV–XIX вв., материалы судебной практики о ябедниках и ряд других источников позволяют делать выводы о сути понимания законодателем и правоприменителем того, что определялось *ябедой*, а значит, *неправдой* в юридическом контексте.

- 3.6. Феномен *ябеды* для современного права, закона и правосознания остается актуальным, но обозначается по-иному: *злоупотребление правом, шикана, рейдерство, нарушение норм адвокатской этики* и др.

Гаврилова Марина Владимировна,

д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Экспликация концепта «Россия» в инаугурационных речах российских президентов

«Народ», «власть», «Россия» являются частью концептуального ядра русского политического дискурса, имеющего национально-культурные особенности и отражающего специфику политической жизни страны. Описание смысловой динамики концепта имеет большое значение для рационализации политических действий.

Исследование посвящено сравнительному изучению ключевого концепта русского политического дискурса РОССИЯ в инаугурационных речах, произнесенных Б. Н. Ельциным в 1991 и 1996 гг., Д. А. Медведевым в 2008 г. и В. В. Путиным в 2000, 2004, 2012 гг. Первое выступление новоизбранного президента формулирует идейную основу объединения общества на новом этапе развития страны. Идеологическую структуру речи можно реконструировать с помощью ответов на вопросы: что такое Россия? Кто мы? Какие мы? Каковы наши ценности? К чему мы стремимся? Каковы ресурсы для осуществления цели?

Наблюдения над особенностями экспликации ключевого концепта русского политического дискурса РОССИЯ в инаугурационных речах российских президентов позволили установить многообразный состав и различное количество употреблений слов, представляющих концепт, а также смысловую вариативность толкования концепта. Президенты актуализируют в сознании слушателей различные признаки концепта, которые отражают как индивидуальные политические предпочтения, так и особенности политического процесса конца XX — начала XXI в.

Высокая частотность слова *Россия* в инаугурационных речах свидетельствует о значимости концепта в формировании национальной идентичности и в системе политических представлений российских президентов. Концепт РОССИЯ представлен в инаугурационных выступлениях как великая держава (символ), страна (понятие), человек (образ).

Пространство, на котором протекает политический процесс, устойчиво именуется президентами «великой Россией». Мы выявили динамичность образа в различных метафорических представлениях России, в наделении страны и государства многообразными характеристиками, в изменении цели развития страны. Наблюдается процесс нейтрализации негативной самоподачи и усиления положительной самопрезентации: Россия выйдет из кризиса (1991) — Россия возродится (1996) — единство страны и политическая и экономическая стабильность (2000) — рост экономического потенциала России (2004) — дальнейший подъем и процветание России (2008) — У России великое будущее (2012).

Мещерякова Ольга Александровна,

д. ф. н., профессор, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Гендерный аспект образа смерти во фразеологизмах и паремиях русского языка

Абстрактное понятие «смерть», зафиксированное фразеологизмами и паремиями русского языка, тяготеет к конкретизации. Смерть в воображении русских представляется в виде существа, которое имеет одеяния, совершает действия, наделено определенными чертами характера.

Для русского народа в первую очередь характерно отождествление этого существа с лицом женского пола: *Курносая со двора потурила. Турнула курноска со двора*. Персонификация смерти посредством женского образа, вероятно, связана с соотношением древних мифологических оппозиций: плохое — хорошее: женское — мужское.

Сопоставляя женский образ смерти в близких славянских культурах, например, польской и русской, мы замечаем, что для польской культуры традиционно упоминание атрибута женщины-смерти — косы, т. к. согласно костельной иконографии «встречается она [смерть] в виде скелета с косой в руке, часто в сопровождении ангела и дьявола», «выполняет Богу волю и приходит, чтобы перерезать человеческую жизнь». Отсюда описание смерти как конкретного действия, совершаемого с косой человеком или самой смертью: *польск. pod kosę (śmierci) głowę podłożyc* [под косу (смерти) голову положить]; *Nie z łopata, z zegarkiem śmierć chodzi i z kosą, jej dosyćściąg, niech inni do mogiły niosą* [Не с лопатой, с часами ходит смерть и с косой, ей достаточно срезать, пускай другие в могилу несут].

В русском языке семантика косы как орудия смерти во фразеологизмах и паремиях нами не отмечена, хотя у В. И. Даля есть упоминание о возможном олицетворении: «Смерть олицетворяется под видом человеческого остова, с косою и склянками». Возможно, образ женщины-смерти с косой не вошел в устойчивые сочетания или паремии под влиянием фактора иконописи: в православии принято изображение Успения, а не смерти с косой. Однако отголоски мифологической персонификации смерти, имеющей орудие смерти, отражаются в широком распространении этого образа в художественных текстах. Предполагаем, что формирование образа женщины-смерти обусловлено влиянием ранней «материнской» славянской мифологии, несовпадение образов смерти в двух славянских культурах обусловлено различием католической и православной культур.

В русской культуре возможно осмысление смерти и через мужской образ, существует вариант персонификации смерти через мужское имя *Мирошка / Кондрашка: Хватит Мирошка (или: Кондрашка), далече уйдешь*. Возможно, на соотношение смерти с мужским образом повлияла Библия как источник, значимый для русской христианской культуры. Книга Откровений Иоанна Богослова является последней книгой Нового Завета. Четвертый Всадник из Апокалипсиса воплощает собой Смерть. Более позднее, по сравнению со славянской мифологией, влияние христианской религии на персонификацию смерти определяет роль имени собственного. Возможно,

через мужской образ обозначается конкретная смерть, а женский образ носит обобщающий характер (Колкова Н. А.). На наш взгляд, в русском сознании смерть обладает огромной силой, и для выражения этой идеи вполне подходит мужской образ. Кроме того, одна из причин смерти в условиях русской природы — мороз, осмысленный как мужское начало и в языке, и в сказках («Морозко»).

Однако надо заметить, что женское в представлении смерти доминирует. В силу того, что мифологическое входит в качестве основы и в современное сознание, происходит переосмысление фразеологизмов с образом смерти-мужчины. Мужское начало как более позднее гендерное осмысление смерти подвержено трансформации. В русской культуре *кондрашка* уже не связывается с мужским именем, пишется (как вариант) с маленькой буквы, через *а*: *кандрашка*, а главное — согласуется с женским родом глагола прошедшего времени: *его кандрашкахватила*. Изменение можно проследить и на примерах из художественной литературы. Выявление особенностей коннотативных образов смерти-женщины и смерти-мужчины позволяет рассмотреть закономерности формирования и развития ментальности русского народа как совокупности его ценностных ориентиров.

Пименова Марина Васильевна,

д. ф. н., профессор, Владимирский государственный университет

Концептуальные формы русской ментальности и способы выражения оценки

В докладе на материале лексических единиц, выражающих **эстетическую оценку**, рассматривается историческая последовательность смены концептуальных форм русской ментальности (ментализации, идеации, идентификации — В. В. Колесов). Под эстетической оценкой понимается отношение субъекта оценки к объективной ценности, воспринимаемое как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в ту или иную эпоху национального представления о красоте-безобразии. Формулы-синтагмы эстетической оценки включают в свой состав словоформы с синкретсемичными корневыми элементами (*крас-*, *лѣп-*, *добр-*, *благ-*, *свѣт-*, *бѣл-*; *зъл-*, *худ-*, *черн-*, *страш-* и др.), их устойчивость предопределена общностью **вида** (структурно-семантических моделей, по которым они образованы).

Наш материал показывает, что в семантическом поле ‘красивый’— ‘безобразный’ ядерными являются формулы-синтагмы, содержащие особый **показатель оценочности — творительный падеж отношения** (в котором стоят существительные типа *лицо*, *тело*, *вид*, *видение*, *образ*, *зрак*, *взор*, *подобие*, *обличье*, указывающие на «эстетическое» основание оценки) при синкретсемичном имени прилагательном, обозначающем общее (мелиоративное / пейоративное) качество объекта оценки (*красна лицем*, *взором красенъ*, *красна тѣломъ*, *видѣниемъ красна*, *добра образомъ*, *образомъ лѣпъ*, *прѣлѣпа видениемъ*, *худи образом*, *образомъ черни*, *зълъ лицемъ* и под.).

В отдельных контекстах в творительном падеже отношения могут стоять синкретсемичные имена существительные (*красота*, *доброта*, *лѣпота*,

величество и др.) при действительных причастиях с корневыми элементами *сиј-*, *блист-*, указывающими на «внешнее» («воспринимаемое зрением») основание оценки (*красотою сияюща, блистающася добротою, величствомъ сияющъ*), а также при образованных от глаголов речи причастий страдательного залога, эксплицирующих мелиоративную эстетическую оценку через отрицание возможности объективной оценки («**утверждение через отрицание**» — *несказыны лѣпотою, неизреченны добротою, несказанна красотою*).

Кроме того, при указании на составляющие эстетический идеал детали внешности употребляется **творительный социативный** (общности) или сопроводительный падеж без предлога (позднее вытесненный творительным падежом с предлогом с): *Тѣльмъ бяше краснѣ, высокѣ, лицемъ кругльмъ, плечи велицѣ, тѣнкѣ въ чресла, очима добраама, веселѣ лицемъ* (Сказ. Бор. Гл.). К ядерным средствам выражения эстетической оценки относятся также согласованные в падеже атрибутивные сочетания «**качественное имя прилагательное + имя существительное**», в которых на знак эстетической оценки указывает именное / местоименное прилагательное, а на объект оценки (одушевленный / неодушевленный) — имя существительное, причем если данные формулы-синтагмы восходят к фольклорному источнику (*красна девица, добрый молодец, белые руки, лицо белое, ясные очи, раздолье высокое, черный ворон*), они традиционно рассматриваются как сочетания с «постоянным эпитетом» (А. Н. Веселовский, А. П. Евгеньева, В. М. Жирмунский, П. Д. Первов, А. А. Потебня, В. Я. Пропп), а если они имеют книжное происхождение (*прѣкрасная дщерь, отроки красныя, град чуден, бѣлый клубукъ, златыя / худыя ризы, нарядное платье*) — как «устойчивый книжный атрибут» (Н. Г. Михайловская).

При выражении эстетической оценки могут также использоваться атрибутивные сочетания «**относительное имя прилагательное + имя существительное**», в которых, напротив, на знак эстетической оценки указывает имя существительное, а относительное имя прилагательное в функции атрибута — на принадлежность данного качества-свойства одушевленному/неодушевленному объекту (*личная красота, доброта женская, красота земная, небесная красота, красота церковная, худость ризная*). В функции атрибута в подобных сочетаниях может употребляться также имя существительное в родительном падеже (*красота тѣла, доброта лица, лѣпота жены, красота службы, красота риз, доброта твари*).

Романова Татьяна Владимировна,

д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Способы репрезентации образа России в языковом сознании (по материалам ассоциативного словаря)

В докладе на частном социальном срезе будет продемонстрирована методика изучения языкового сознания. Материалом для анализа послужили данные ассоциативного эксперимента. Данные для составления словарных

ассоциативных статей собраны посредством проведения стандартного свободного ассоциативного эксперимента.

Респондентами данных были учителя русского языка Молдовы (76 человек). Опрос проводился в декабре 2012 г. Испытуемым было предложено дать ассоциации на следующие слова-стимулы: **Америка** (25), **Молдова** (51), **Россия** (76).

В докладе будет представлена возможная методика моделирования языкового сознания по данным ассоциативного эксперимента. Рассмотрены способы репрезентации в языковом сознании образа России. Под способами репрезентации понимаются способы задания смысла в ассоциативных реакциях на слово-стимул Россия. Образ России можно смоделировать как своеобразную фигуру знания: модель движения от слова-знака к смыслу, способу его выражения, области референции. Результатом является когнейзер — когнемная модель вербального сознания. Под когнемой понимается фигура знания, представляющая собой постоянно текущий динамичный процесс взаимодействия пяти параметров: смысл — способ — слово (знак) — область — функция. Методологической основой такого подхода послужили работы Ю. Н. Караулова, Ю. Н. Филипповича, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой.

Основной тезис доклада: способ образования реакции и функция знания показывает устройство и функционирование языковой картины мира носителей языка, а референтная область помогает сравнивать реалии, обозначенные словом-стимулом.

При моделировании образа России по данным ассоциативного эксперимента сделаны следующие выводы. Наиболее частотные способы задания смысла — ассоциация, дескрипции, деталь биографии, образ, прецедентное имя, символ. Наиболее характерны положительные оценочные реакции, позитивные дескрипторы; прецедентные реакции, относящиеся к сфере литературы. Стереотипность представления о России отражают следующие реакции-штампы сознания: *береза, балалайка, медведь, матрешка, сарафан*. Области референции представлены достаточно широко: география; территориальное, государственное устройство; социально-трудовые отношения; политика; культура, язык; жизнь знаменитых людей; природа, природные явления, растительный мир; взаимоотношения людей; семья; оценка; ощущения/чувства/переживания. В целом, на стимул **Россия** в эксперименте было дано больше реакций, чем на стимулы **Молдова**, **Америка**. Наиболее частотная реакция *родина (родина, малая родина; Родина, хотя родилась и живу не в России)*.

Теркулов Вячеслав Исаевич,

д. ф. н., профессор, Донецкий национальный университет (Украина)

Модификационное словообразование с точки зрения
номинативной теории

Номинатема — номинативное поле, совокупность формально взаимосвязанных единиц (гloss), осуществляющих референцию в «семантических границах», очерченных одним концептом. Например, номинатема «бе-

жать» представлена глоссами *бежать, бег, бежать быстро, быстрый бег, красивый бег, беготня, побежать, побег, дерзкий побег, перебежать* и т. д., которые формируют номинативное поле концепта «бежать». Особое место в структуре номинатива занимают глоссы, связанные модификационными словообразовательными отношениями. Обычно мы определяем тип мотивационных отношений в словообразовательной паре (СП), повинаясь не четко определенным параметрам такого определения, а интуиции. Попытка создать методiku, позволяющую констатировать модификационный статус мотивации в пределах конкретных СП, и составляет цель нашего доклада. Методика определения модификационного статуса мотивации в СП включает три верификационных шага.

1. В модификационном словообразовательном значении (СЗ) не может быть абсолютизирован грамматический компонент. Слова, связанные модификационными отношениями, должны **относиться к одной части речи**.
2. Различие между мутационным и модификационным словообразованием состоит в том, что мутационные отношения формируют различия в семантике производящего и производного (*учить — учитель*), а модификационные — различия в способе представления тождественной семантики в производящем и производном. Например, в семантике слова *учитель* есть незаполненный терминал «пол», предполагающий использования данного наименования для ситуативного речевого обозначения как мужчин, так и женщин. В слове *учительница* этот терминал заполняется, актуализируясь при помощи форманта [*ница*] «женщина». Это формирует **привативную оппозицию** между компонентами СП (мотивирующее — немаркированный компонент, а мотивированное — маркированный, актуализирующий значение пола).
3. При мутационной деривации форманту отводится роль категоризатора — оформителя ономаσιологического базиса, например, *учитель* — [тот, кто] *учит*, где [тот, кто] связывается с формантом [тель]. При модификационной деривации формант становится оформителем ономаσιологического признака, что обусловлено функцией модификационного форманта, актуализирующего в производном тот **признак**, который не был формально актуализирован в семантике мотивирующего, например, *учительница* — [учитель] женского пола, где признаковое значение связывается с формантом *-ница*.

Мутационное и модификационное СЗ структурно различны: обобщенная формула СЗ («X имеет отношение, к Y» где X соответствует описанному в терминах метаязыка результату акта номинации, слова «иметь отношение» заменяются конкретным предикатом из группы atomic predicates, а Y указывает на непосредственно мотивирующее слово» [Кубрякова, 1981. С. 199]) присуща только мутационному словообразованию. При модификационном же формула приобретает вид «X характеризуется Y» и представляется не предикативной, а атрибутивной конструкцией. Например, *учительница* эквивалентно аппозитивному словосочетанию *учитель-женщина*.

Итак, модификационными являются следующие СП (≲ — знак привативности):

- 1) [живое существо] женского пола: *пассажирка* (≲ номинатема *пассажир*);
- 2) невзрослое [живое существо]: *котенок* (≲ *кот*);
- 3) [актант] + параметр: *носик* (≲ *нос*);
- 4) [актант] + оценка: *сверхчеловек* (≲ *человек*);
- 5) [актант] по отношению к такому же актанту:
 - а) дополнительный или вторичный [актант]: *призвук* (≲ *звук*);
 - б) противоположенный [актант]: *противоракета* (≲ *ракета*);
 - в) повторный [акт]: *перевербовка* (≲ *вербовка*);
 - г) прототипический [актант]: *п्राязык* (≲ *язык*);
 - д) предшествующий или последующий [актант]: *предыстория* (≲ *история*);
 - е) [актант]-соучастник: *соавтор* (≲ *автор*);
 - ж) статусный [актант]: *подгруппа* (≲ *группа*).

Литература:

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Анциферова Ольга Васильевна,

к. п. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Многозначные глагольные приставки в аспекте преподавания РКИ

Многозначные глагольные приставки в аспекте преподавания РКИ. Актуальность обусловлена важностью данной грамматической темы на продвинутом этапе обучения, ее трудностью и специфичностью, а также неоднозначностью методических подходов в представлении грамматического материала и работе над ним. Спектр значений ряда многозначных префиксов довольно широк, что, в свою очередь, замедляет и затрудняет не только процесс восприятия и понимания, но и использования полученных теоретических знаний на практике.

Подробное изучение русских многозначных глагольных приставок *про-*, *по-*, *от-*, *под-*, с соответствующим функционально-семантическим анализом, позволяет сделать вывод о том, что значение многозначной приставки в современном русском языке можно представить в виде инварианта с подзначениями (под «инвариантом» мы понимаем общее, наиболее абстрактное семантическое значение, которое содержится во всех подзначениях приставки и присуще глагольному префиксу абсолютно во всех случаях его конкретного использования). Более того, приставки *про-*, *по-*, *от-* и *под-*, как наиболее характерные и частотные, изучаются иностранным учащимся как на начальном, так и на продвинутом этапах обучения, что позволяет говорить о поступательном характере раскрытия рассматриваемой грам-

матической темы и о возможности постепенного (поэтапного) расширения семантики многозначной приставки.

Таким образом, изучение полисемантических приставок *про-*, *по-*, *от-*, *под-* на продвинутом этапе обучения (II сертификационный уровень) может и должно опираться на уже полученные ранее знания по этой теме (базовый, I сертификационный уровень). При составлении семантической классификации глагольных приставок важно учитывать уровень обучения, а также уже имеющиеся знания учащихся о семантике приставок.

Так, например, многозначная приставка *про-* может быть представлена следующими базовыми значениями на продвинутом этапе обучения (от I ко II сертификационному уровню). 1) Действие, направленное сквозь, через что-либо. (Например: *Мышь проела дыру в мешке.*) 2) Продолжительность действия. (Например: *После тяжёлого рабочего дня он **про-**спал десять часов.*) 3) Действие, в результате которого причинен вред, ущерб, упущение. (Например: *Я не знаю, какой прогноз погоды на завтра. Прослушал сообщение синоптиков.*). Редукция спектра значений позволяет учащимся лучше усваивать сложный грамматический материал, активно использовать его в разговорной практике и уверенно постигать русскую грамматику.

Разработана система упражнений и заданий, направленных на выработку соответствующих навыков и умений: 1) упражнения в сознательном выборе; Имитативные упражнения и др.; 2) трансформационные задания с целью выявления синонимических и антонимических связей приставок (*про-*, *по-*, *от-*, *под-*); 3) микродиалоги.

Ая Урве Юловна,

магистр искусств в области образования, аспирант, Псковский педагогический университет им. Кирова, Нарвская Кренгольмская гимназия (Эстония)

Русский человек в паремиологическом отображении
(репрезентация образа в курсе интегрированного обучения
культурологии и русскому языку как иностранному
в эстонских школах)

Интегрированное обучение предмету и языку стало за последние годы ведущим методическим подходом в эстонском образовательном пространстве. Методологическое обоснование преимуществ данного подхода так же, как и методические приёмы, включены в состав предметно-методического модуля высших педагогических учебных заведений и курсов повышения квалификации учителей. Понимание того, что изучение любого предметного содержания невозможно без умения словесно выражать свои мысли, знания, оценочное отношение, отражается в первую очередь в предметах гуманитарного направления. Исходя из этого, изучение языка через изучение культуры, национально-культурных стереотипов, истории и т. п. представляется целесообразным и наполняет изучаемый материал более глубоким лингвосоциокультурологическим содержанием.

Курс русской культурологии введен в программу старшей школьной ступени в качестве предмета по выбору для тех, кто изучает русский язык

как иностранный. Программа культурологии предполагает, помимо прочего, изучение русских пословиц, объединенных в программе в рамках отдельной темы, но методический материал к ней не разработан. Рассматривая учебники по русскому языку для эстонских старших школьников, мы видим, что пословицы представлены в них либо внутри коммуникативной темы, либо в качестве заголовка коммуникативного цикла, что не всегда совпадает с заявленной темой.

Для упорядочения тематической репрезентации пословиц как в курсе РКИ, так и при интегрированном изучении культурологи и русского языка, нами была разработана общая тематическая классификация пословичного материала учебников. Используя данную классификацию, можно реконструировать определенный образ русского человека, который создается у эстонского школьника на базе морально-ценностных установок и предпочтений, отраженных в пословицах. Таким образом, отобранные пословицы представляют эталон, национальный стереотип поведения.

Так, например, самой объемной в количественном отношении является группа «Гость/гостеприимство», в которой в общей сложности 16 пословиц, представленных в шести разных учебниках. В пословицах говорится о щедрости при приеме гостей, о выражении почтения гостю, таким образом, гостеприимство определяется как ценностная доминанта лингвокультуры, а в восприятии ученика русский человек представляется очень гостеприимным. Согласно пословицам, по русской традиции, гостя приглашают в избу, его сажают в красный (передний) угол, для него пекут пироги. Практика показывает, что именно такое представление существует у школьников о русской деревне.

Второй группой по количеству пословиц является «Язык/речь». Здесь русские репрезентируются как люди, предпочитающие слушать, а не говорить, ценящие знание языков и путешествия по миру. Соответственно, необходимо учитывать, с одной стороны, ситуативный характер пословиц, а, с другой стороны, изменения в образе жизни, социальных ценностях, произошедших со времени записи пословиц. Это приводит к необходимости комплексного (с учетом диахронии и синхронии) лингвосоциокультурологического комментирования пословиц, что возможно осуществить в рамках пособия словарного типа, которое будет использоваться как на занятиях по РКИ, так и в интегрированном курсе культурологии и русского языка.

Пособие объединит паремиологический материал всех учебников русского языка, так что учитель получит не только подспорье в работе с определенным учебным комплексом, но и дополнительный материал по теме, который сможет ввести в соответствующий раздел культурологи. Например, пословицы о гостеприимстве — в раздел «Русские традиции», пословицы о языке и речи — в раздел «Речевое поведение русских». Лингвосоциокультурологические комментарии к пословицам позволят скорректировать полученную образную картину, что поможет учащемуся быть более эффективным партнером в реальном коммуникативном акте, обеспечивая тем самым решение образовательных и интеллектуально-развивающих задач обучения.

Бойцов Иван Арсентьевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Бойцова Мария Ивановна

к. п. н., Курсы русского языка (Майами, США)

К вопросу о методическом аспекте обучения
пониманию имплицитного речевого акта «отказа»
в курсе русского языка как иностранного

Анализ литературы, посвященной проблемам аудирования, показал, что в последние десятилетия, в связи с возрастающей ролью данного вида речевой деятельности, было разработано довольно большое количество видов упражнений, нацеленных на развитие технических, языковых и речевых (способность соотносить звучание со значением) умений. Развитию коммуникативных умений, однако, не уделяется достаточно много внимания, хотя, с нашей точки зрения, умение понять интенцию говорящего, мотив, что, в конечном счете, представляет собой определение правильной коммуникативной целенаправленности, должно заслуживать особого внимания, т. к. позволяет избежать коммуникативного сбоя или, тем более, провала, т. е. полного непонимания коммуникантами друг друга.

Как отмечает В. В. Красных, «понимание реципиентом логического строения и коммуникативной целенаправленности подводит его (через понимание смыслового строения) к восприятию, осознанию концепта текста» [Красных, 2001. С. 243]. В связи с этим укажем, что базовой характеристикой, сущностной особенностью языкового сознания человека, естественным вектором развития его языковой способности является **имплицатура** как способ овладения действительностью.

Всю информацию, заложенную в аудиотекстах, можно разделить на эксплицитно представленную и имплицитную. Проанализировав ответы, которые давали студенты, отвечая на задания теста II и III Сертификационных уровней ТРКИ, мы пришли к выводу, что одними из основных причин совершения ошибок при аудировании является непонимание имплицитной прагматической информации.

Для оптимизации процесса обучения, представляется необходимым создание методики обучения моделям понимания имплицитных смыслов. Мы сосредоточили наше внимание на достаточно частотной интенции «отказа». Данная интенция является, согласно классической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, изложенной в книге «Politeness» (Brown, Levinson, 1987), речевым актом, который представляет собой угрозу для «позитивного лица» Адресата (Face-Threatening Acts) (FTA). Следовательно, для смягчения угрозы используются различные стратегии вежливости, которые способствуют сохранению «позитивного лица» Адресата. Говорящий выбирает имплицитный РА отказа, чтобы, с одной стороны, не вызвать негативной эмоциональной реакции у собеседника, с другой, замаскировать, скрыть неудобства при выражении отказа. Так, в сознании носителей языка хранятся сведения о том, как избежать негативных последствий данного РА. По мнению С. Симоновой, «имплицитные речевые акты отказа акту-

ализируются такими тактиками как смена темы разговора, уклончивый ответ, переубеждение, встречное предложение, переадресация, повторы» [Симонова, 2011].

С целью представления задания имплицитных смыслов в формализованном виде в данном исследовании разработан специальный язык описания моделей, которые воспроизводят речевую действительность. Во многом данный язык опирается на метаязык семантических примитивов А. Везбицкой. Исследователь вводит «лексические универсалии», являющиеся общечеловеческими понятиями, лексикализованными во всех языках мира. Затем нами была предпринята попытка описания данных интенций с целью создания упражнений для последующего обучения студентов пониманию данных интенций, выраженных имплицитно.

Литература:

1. *Бойцова М. И.* Лингводидактические основы обучения пониманию имплицитных смыслов при аудировании // Дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2007.
2. *Везбицка А.* Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыниной. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XII, 780 с.
3. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: поиск метода / пер. [с фр.] Л. Зиминой. Москва: Академический Проект, 2004.
4. *Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
5. *Симонова С. О.* Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе. Автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2011.

Бузальская Елена Валериановна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Русское эссе: влияние истории становления жанра на специфику его канона

Эссе является одним из показателей свободы слова, его канон постулирует значимость субъективного взгляда на события и явления окружающего мира. Словарные определения эссе, а также определения этого жанра в научной литературе неоднозначны. Часть исследователей описывает эссе как отдельный жанр, другие считают его лишь манерой подачи информации, третьи анализируют этот жанр с позиций проверочной работы по дисциплинам гуманитарного цикла. Сложность трактовки данного явления является следствием его природы и пути становления в пространстве культуры.

В России основание жанра можно считать литературоведческие критические статьи и жанр литературного портрета. Становление канона жанра пришлось на 1900–1920-е гг., когда вышли «Силуэты русских писателей» Юрия Айхенвальда (1906), «Книга отражений» Иннокентия Анненского (1905), «Лики творчества» М. Волошина (1914). Жанровая принадлежность данных работ до сих пор приводит некоторых исследователей к мысли

о том, что «лики», «силуэты», «отражения» представляют собой самостоятельные жанры.

В вышедших в 1910-е гг. сборниках «Далекие и близкие» В. Брюсова (1912), «Русские камни» Б. Садовского (1910) авторы начинают именовать свои произведения уже как эссе. Таким образом, можно сказать, что становление жанра эссе в России пришлось на 1910–1920-е гг. и было обусловлено готовностью общества воспринимать субъективные размышления писателей о литературе и современниках как значимые явления культуры. Основанием эссеистики в России стали не личные записи (как во Франции), не научно-философские и политические трактаты (как в Англии), а литературные статьи и портреты — результаты психологического и литературоведческого анализа.

Дальнейшая судьба жанра оказалась непростой: как жанр, основополагающими характеристиками которого являлись противные «советскому сознанию» индивидуальность и критическое осмысление действительности в противовес общественному мнению, начиная с 1930-х гг. эссе официально исчезает из советской литературы. В связи с этим в тех землях, которые входили в состав СССР, появление эссе относят либо к 1920-м гг., как, например, грузинское литературное эссе, либо к 1980-м гг., как, например, мордовское. Только в 1960-е гг. эссе начинает возрождаться как самостоятельный жанр. Тематика этих эссе возобновила традицию создания «силуэтов» и «ликов», усиленную процессами возвращения произведений и авторов из эмиграции. Вероятно, поэтому при составлении классификации вариантов жанра в 1990-е гг. выделяли как наиболее частотные литературоведческое эссе, эссе-размышление на морально-эстетические темы, лирическое (поэтическое). К менее частотным относили эссе-путевые заметки, эссе-портрет, эссе-письмо.

Попытки создать классификацию жанра продолжились в 2000-х гг. В это время эссе уже становится одним из популярнейших жанров самовыражения, который существует в художественной, художественно-публицистической, публицистической, научно-публицистической сферах. Вследствие этого исследователи признают, что эссе может принимать форму различных жанров — от статьи до стихотворения и становится проводником бесчисленного количества тем. В настоящее время трактовки эссе в отечественной науке почти полностью совпадают с определениями, даваемыми этому жанру западными исследователями. Отсутствие полной типологии вариантов реализации этого жанра свидетельствует о продолжении его становления и расширения сферы влияния за счет «смежных» жанров.

Можно сказать, что эссе не только отражает в целом состояние общества (свободу мышления, глубину самовыражения и сосредоточение рефлексии на центральных темах), но и оказывает существенное влияние на формирование культуры народа.

Канон русского эссе имеет структурные, тематические особенности (рефлексия авторов русского эссе сосредоточена преимущественно на фактах, связанных с литературой и искусством), что отражается на выборе специфики формальной организации эссе.

Вишнякова Светлана Алексеевна,

д. п. н., профессор, Военный институт (инженерно-технический) Военной академии МТО им. А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург)

Структурно-функциональный подход к составлению тематического планирования для курсантов инженерно-строительного профиля

В настоящее время шагом в международное образовательное сообщество и реализацией современных обучающих технологий в российских вузах является переход на модульную систему организации учебного процесса. Модульный принцип формирования тематического плана обучения русскому языку как иностранному направлен на формирование умений работы с научным текстом базовых предметов и специальности.

Проблема качества обучения во многом зависит от планирования материала обучающих курсов. В данном случае речь идет о практическом курсе русского языка как иностранного. При небольшом пятилетнем объеме часов (360 часов, из них работа с преподавателем — 232 часа) встает проблема отбора модулей и их наполнения. Какие подход и принципы при этом взять за основу? В данном случае речь пойдет о функциональном подходе, что вовсе не означает недооценивание коммуникативного подхода. Структурность и функциональность являются методологическими принципами научного познания.

Приоритет функциональному подходу среди других отдан, поскольку, с одной стороны, сущность его в выявлении способов функционирования предметов, явлений, а в нашем случае — новых лексических единиц и грамматических структур, связи с их функциями в речи. Принцип функциональности обеспечивает практическое овладение языком: содержание речи определяет выбор и усвоение средств ее выражения.

В конструировании учебно-тематических планов получили распространение сочетания двух подходов: структурно-функционального и межпредметных связей.

Взаимосвязь принципов функциональности и модульного принципа в тематическом плане должна занимать центральное место. Исходя из принципа функциональности, модули отбираются в связи с изучаемыми на каждом из курсов предметов инженерно-строительной специальности и наполняются значимыми для основного курса темами. В докладе раскрывается содержательная часть структурно-функционального подхода.

Вознесенская Ирина Михайловна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Языковые средства вербальных интерпретаций произведений живописи (в аспекте типологии объяснения)

Текст-объяснение представляет собой функционально-смысловой тип речи, способ изложения, создаваемый в условиях информационного неравенства адресанта и адресата и реализующий интенцию объяснения,

направленную на достижение понимания адресатом некоторого предмета или явления.

Объяснение строится посредством информирования о существенных (или актуальных в определенной ситуации) характеристиках объекта с целью расширить представления о нем мотивированного к этому адресата. Данный параметр определяет специфичность объяснения (как представления знания для его понимания) в сопоставлении с аргументацией (как убеждением в определенном мнении), доказательством (как убеждением в истинности), инструкцией (как побуждением к правильным действиям).

Лингвистические исследования текста-объяснения преимущественно связаны с научной и учебно-научной сферами, что вполне естественно, т. к. именно область научного знания представляет познаваемую объективную сущность предметов и явлений мира. Однако возникает вопрос о лингвистических чертах текста-объяснения, создаваемого в сфере художественного познания, специфичного по отношению к научному. Культурные артефакты — кино, музыка, фотография, живопись и архитектура также могут быть объектом объяснения, что ставит задачу выявления типовых языковых характеристик такого типа текста.

Вербальные интерпретации произведений живописи, направленные широкой аудитории читателей, обладают своими особенностями, обусловленными как предметно-тематической областью, к которой принадлежит объясняемый объект (искусство, культура), так и стратегиями адресанта, оказывающего воздействие на адресата. Данные факторы определяют специфику речевой организации текстов-объяснений, представленных интерпретациями произведений живописи специалистами, обращающимися к непрофессионалам.

Композиция и семантика текста-интерпретации требует опоры на устойчивые смысловые универсалии — компоненты художественной информации, с определенной степенью регулярности воплощенные в описаниях и толкованиях произведений искусства.

В докладе предполагается рассмотреть языковые средства, используемые а) для представления (номинации) элементов визуального ряда, композиции, сюжета, средств исполнения, б) для отражения идей (суждения, наделяющие визуальный ряд содержанием, смыслами), и в) для реализации впечатлений (оценочные, эмоционально-экспрессивные средства, передающие восприятие художественного объекта).

Гончар Ирина Александровна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

**Актуальные семантические типы предложений
при продуцировании текста-описания инфографики
(на материале телевизионных видеogramм)**

1. Полноценное понимание механизмов текстообразования невозможно без анализа семантической организации текста, а также анализа языковых средств, участвующих в её реализации.

2. Понимая текстообразование, с одной стороны, как линейную упорядоченность текста, как переход от одного предложения к другому, мы должны обратить особое внимание и на механизмы, направляющие текст как систему.
3. К актуальным базовым текстообразующим семантическим типам предложений, *направляющим* текст-описание инфографики следует отнести следующие:
 - социально / политически / экономически значимый *объект* и его *величина* / размер / количество / объем;
 - социально / политически / экономически значимый *объект* и *абсолютное изменение его величины* / размера / количества / объема во времени;
 - социально / политически / экономически значимый *объект* и его *величина* / размер / количество / объем *в сопоставлении с другим аналогичным объектом*.
4. В зависимости от интенции говорящего, языковая объективация инфографики может приводить к порождению разного типа текстов, однако перечисленные семантические модели, характерные для текста-описания инфографики, составляют тот минимальный инвариантный модуль, который усложняется при порождении производных текстов других жанров на той же иконографической базе.

Дулбова Ирина,

к. ф. н., старший преподаватель, Университет Коменского (Братислава, Словакия)

Русская литература в словацкой студенческой аудитории в процессе преподавания РКИ

Вопрос включения русской литературы в процесс преподавания РКИ чрезвычайно многоаспектен, с чем каждый из педагогов-русистов наверняка не раз встретился на практике. Это и вопрос отбора культурно значимых в мировом масштабе произведений русской литературы, литературных событий, фактов и явлений. Это и проблематика адаптации художественных текстов, соответствующей уровню студентов РКИ, и одновременно вопрос целесообразности обращения к существующим переводам на родной язык учащихся. Это и необходимость сопутствующего не только грамматического, но и лингвокультурологического комментария предложенного художественного текста. Чрезвычайно важно и умение представить биографии и творчество авторов в общественно-историческом контексте развития России. Весьма сложна и проблематика понятия ключевых текстов русской литературы, их отбора в историческом и современном контексте. С точки зрения межкультурной коммуникации важен аспект национального образа мира в художественных текстах. С точки зрения лингвострановедения важна проблематика прецедентного текста, прецедентных литературных имен, ситуаций и т. д.

Славист и философ Ирина Савкина, анализирующая рецепцию русской литературы в Европе, считает, что одной из причин потенциального инте-

реса к русской литературе в мире является и мотив страноведческий: «Что такое современная Россия, кто ее населяет, что меняется в ней и каким образом?» (Савкина И. Герои каптруда и ударники потребления // Знамя, 2011/2). В этом с ней трудно не согласиться, и добавим, суммаризируя собственный опыт, что страноведческий аспект при соприкосновении с русской литературой осваивается не только в синхроническом, но и диахроническом аспекте (помогая осознать причины и процессы становления русской ментальности и способа жизни). Часто в процессе разъяснения русских реалий с использованием произведений литературы происходит постепенное формирование культурно-исторической компетенции учащихся, их лучшее понимание россиян сегодняшних. С точки зрения развития межкультурной компетенции на семинарах РКИ необходимо рассматривать и рецепцию русской литературы в словацком культурном пространстве.

Именно поэтому мы затрагиваем и актуальный в последние два десятилетия вопрос о снижении интереса студентов словацких вузов к русской литературе и пытаемся охарактеризовать главные причины данной ситуации. В связи с этим анализируем, что именно в русской литературе сегодня потенциально интересно для молодого словацкого читателя, а также основные тенденции и особенности восприятия русской литературы студентами брагиславских вузов (университета им. Я. А. Коменского и Экономического университета). В каждой новой группе первокурсников мы уже на протяжении пяти лет проводим вступительный (анонимный) ассоциативный тест на словацком языке, в котором задаем понятия-стимулы «русская культура», «русская литература», «русский автор», «русский литературный герой», «русская книга».

Результаты нашего ассоциативного тестирования будут также подробно проанализированы с точки зрения заявленной тематики нашего выступления. Как видим, проблематика включения русской литературы в процесс преподавания РКИ чрезвычайно широка, раскрыть ее в одном докладе не представляется возможным, но мы, исходя из нашего преподавательского опыта, все-таки попытаемся коснуться наиболее существенных моментов.

Иванов Сергей Юрьевич,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Принцип нейтралитета в употреблении глаголов движения

Преобладающая в РКИ практика объяснения грамматических явлений покоится на принципе равноценной семантической обусловленности: речевой выбор между двумя формами изучаемого противопоставления обусловлен семантическим фактором, имеющим для каждой из противопоставленных форм положительное значение. Во многих случаях подобный принцип ставит студентов перед неоправданно тяжелым выбором между двумя значениями, а в худшем случае употребление форм попадает в зависимость от субъективной интерпретации их значения учащимися.

Такова ситуация с бесприставочными глаголами движения, при введении которых учащимся даются две семантические оппозиции: одна-

правленность/разнонаправленность, однократность/многократность, призванные регулировать выбор между определенными и неопределенными глаголами. Последовательная реализация принципа равноценной семантической обусловленности невозможна, т. к. для описания одного и того же действия в настоящем и будущем времени используются разные глаголы: *Я иду на работу* / *Я ходил на работу*.

Для объяснения указанной разницы предлагаются следующие положения:

- 1) признать в сфере глаголов движения **парадигматическую асимметрию**, состоящую в том, что формы одной морфологической парадигмы в различных парадигматических позициях могут иметь различное функциональное значение, т. е. требовать различных контекстных условий для своего употребления. Применительно к глаголам движения это означает, что функция глагола *идти* при употреблении в настоящем времени отличается от его же функции при употреблении в других временах;
- 2) признать, что существует контекст, в котором одна из форм грамматической оппозиции употребляется по умолчанию, т. е. «просто так», не требуя объяснения для своего употребления. Для употребления другой формы требуется усложнение этого контекста. Глагол *идти* в настоящем времени употребляется нейтрально, в то время как *ходить* требует дополнительного контекста — разнонаправленности или многократности движения. Нейтральная форма противопоставлена той, которая в большей степени обусловлена контекстом. Данное положение предлагается назвать **принципом нейтралитета**;
- 3) нейтралитет одной формы по отношению к другой не является абсолютным. Он обусловлен контекстом употребления, который является необходимым условием для установления не только контекстно обусловленной, но и контекстно нейтральной формы. В настоящем времени нейтрально употребляется *идти*, в то время как в прошедшем времени нейтральным оказывается *ходить*. Принцип нейтралитета может применяться только при сопутствующем ему **принципе контекстной обусловленности**, согласно которому употребление любой формы зависит от контекста;
- 4) разграничение между контекстно нейтральной и контекстномаркированной формами возможно только при разграничении более и менее сложных контекстов, что в свою очередь невозможно без установления определенного порядка усложнения контекста. Если признать предложение *Я иду на работу*, не содержащее обстоятельство кратности, более простым контекстом для употребления глагола движения, чем предложение *Я каждый день хожу на работу*, содержащее такое обстоятельство, это позволит признать форму *иду* в настоящем времени нейтральной по отношению к форме *хожу*, более обусловленной и, таким образом, маркированной. Отсюда важность **принципа усложнения контекста**, согласно которому контекст имеет порядок усложнения и степень сложности, делающие возможным его количественное сравнение с другими контекстами.

Усложнение контекста может приводить либо к смене формы, либо к сохранению нейтральной формы, но уже в статусе контекстно маркированной. Первый случай видим в настоящем времени, когда *иду* меняется в многократном контексте на *хожу*. Второй случай наблюдается в прошедшем времени, где форма *ходил* сохраняется при усложнении контекста обстоятельством многократности.

Таким образом, формы глаголов движения, обусловленные более сложным контекстом, одинаковы в различных временах, в то время как их нейтральные соответствия, обусловленные только парадигматическим контекстом времени, различны.

Кирова Марина Юрьевна,

к. п. н., преподаватель, Университет им. Блеза Паскаля (Клермон-Ферран, Франция)

Особенности освоения грамматических конструкций русского языка франкоязычными студентами

В докладе рассматривается проблема соотношения национальной культурно-языковой специфики и процесса изучения русского языка как иностранного в среде франкоговорящих студентов. В наши задачи среди прочих входило исследование характера связей этих двух сторон, выявление трудностей, возникающих в процессе изучения русского языка как иностранного, на примере освоения грамматических конструкций, а также построение классификации типичных ошибок учащихся и определение путей их преодоления.

Компонентами национального культурно-языкового аспекта выступают: особенности менталитета французов, их языковая и культурная картина мира, аналитический строй французского языка в сравнении с синтетическим строем русского языка.

Изучение иностранного языка фактически представляет собой освоение новой языковой реальности, включающее в себя процессы восприятия, понимания и осмысления (рефлексии) языковых явлений, что проявляется во владении языковой и речевой компетенцией.

Косарева Елена Вадимовна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Концепция учебного пособия к курсу «Деловой русский язык»

Целью данных тезисов является представление концепции учебного пособия, предназначенного для обучения деловому русскому языку иностранных студентов, изучающих русский язык на уровне В2-С1.

В основе модели обучения деловому русскому языку — моделирование реальных профессиональных ситуаций, создание условий для принятия студентами самостоятельных решений в ходе «проживания» этих ситуаций, отработка поведенческих и коммуникативных навыков.

Состав тем, ситуаций, коммуникативных и социальных ролей, а также текстовый и речевой материал для учебного пособия определяется коммуникативными потребностями целевой аудитории.

В учебном пособии представлены жанры, актуальные для коммуникативных ситуаций делового общения.

Овладение предложенным материалом позволит систематизировать и развить навыки устной и письменной деловой речи. Пособие предназначено для аудиторной работы под руководством преподавателя, но может быть полезно и для самостоятельной работы иностранных студентов. На конкретных примерах из учебного пособия будут показаны способы реализации поставленной цели обучения.

Костюк Нина Александровна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Национально-культурная специфика концепта «дурак» в русских и английских пословицах

Национальный язык как социально-историческая категория обладает свойством передачи культурно-исторических традиций от поколения к поколению. Язык проявляет национальный характер в строевых единицах, к числу которых относятся пословицы как один из видов фразеологизмов. Проведенный анализ английских и русских пословиц о дураках с позиций когнитивной лингвистики показал, что концепт ДУРАК в обоих языках включает в себя громаднейший комплекс социально-психологических и культурных установок, которые регламентируют поведение индивида и выбор социальной стратегии. Пословицы о дураках содержат набор стереотипов, характерных для определенного менталитета, и в таком качестве они являются экспонентами культурных знаков. Основная часть идиом характеризуется расхождением образной основы пословиц при идентичном значении, при этом образно-ассоциативный потенциал русских пословиц шире и разнообразнее сопоставляемых английских идиом.

В английских и русских пословицах образ дурака находится в следующих оппозициях: *дурак — умный (мудрый)* и *дурак — и все остальные*, и сближается в некоторых своих проявлениях с образом *ребенка*. В ходе анализа были выделены когнитивные структуры, релевантные для тематической группы пословиц о дураках в английском и русском языках. К ним относятся следующие когнитивные структуры «*Stupidity/Глупость*», «*Intelligence/Ум*», «*Universality/Универсальность*», «*Fate/Судьба*».

К общим характерологическим свойствам концепта FOOL/ДУРАК относятся следующие: отсутствие ума, не ограниченный определенными пределами возраст, способность совершать неразумные поступки, универсальность появления, массовость распространения и бытования. Иногда концепты FOOL/ДУРАК характеризуются прямо противоположно: как способность мыслить «умнее», чем умный человек. Вместе с тем концепты FOOL/ДУРАК различаются своими психофизическими и интеллектуальными свойствами в разных культурах. Эти несовпадения объясняются тем, что каждый народ обладает своим способом восприятия и отражения мира.

В процессе сопоставления с другой системой восприятия это своеобразие становится более отчетливым. Так, характеристика дурака в английских пословицах в основном сводится к трем его качествам: *болтливость* (самая большая группа пословиц), *искренность* и *доверчивость*, например: *Foolish tongues talk by the dozen. A fool believes everything* и другие. В русских же пословицах представлена самая широкая амплитуда качеств, от положительных до отрицательных, вызывающих негативную оценку. Иногда эти качества взаимно исключают друг друга: *простодушие* и *искренность* (*Глупый да малый всегда говорят правду. Глупый да малый, что ни увидят, то и попросят.*), *упрямство*, *тщеславие*, *вседозволенность* и даже *наглость* (ср.: *Дураку хоть кол на голове теши, он своих два вставит. Глупый ищет большого места, а умного и в углу знает. Посади дурака за стол — он и ног на стол.*)

Дурак в русских пословицах выглядит не мило и незащищено, как в английских (*Fools rejoice at promises*), где его единственными отрицательными качествами является болтливость доверчивость). В русском варианте концепт ДУРАК отражает активную жизненную позицию, реализация которой сопряжена с негативным действием, что вызывает ее неприятие. Отличительными характеристиками русских пословиц, в которых отражаются существенные характеристики концепта ДУРАК, является большая степень их образности, для русских пословиц характерно разнообразие синтаксических структур. Английские же пословицы более унифицированы и отличаются большим структурным единообразием.

Минина Дарья Анатольевна,

преподаватель, ВУНЦ ВМФ ВМА им. Н. Г. Кузнецова (филиал в Петергофе)

Функционально-семантический анализ

синонимического ряда глаголов с доминантой «развлечься»

В русском языке выделяется синонимический ряд глаголов, доминантой которого является глагол *развлечься*. В этот ряд входят такие глаголы, как *развеяться*, *рассеяться*, *встряхнуться*, *повеселиться* и др. Функционально-семантический анализ подобных глаголов представляет интерес в аспекте русского языка как иностранного, т. к. они обслуживают разговорную тему «Отдых. Досуг. Развлечения», присутствующую на всех этапах обучения практическому русскому языку.

Материалом для анализа послужили данные толковых, синонимических, этимологических словарей русского языка, данные сайта «Национальный корпус русского языка», результаты проведенного ассоциативного эксперимента с курсантами 1 курса Военно-морского инженерного института (филиал ВУНЦ ВМФ ВМА им. Н. Г. Кузнецова, Петергоф).

Из интересующего нас синонимического ряда (СР) для детального исследования были выбраны глаголы *развлечься*, *рассеяться*, *развеяться*, *встряхнуться*. Этимологические и толковые словари указывают, что значение 'весело проводить время' не является основным, исходным значением для каждого из этих глаголов. Но, несмотря на полисемантическую, они имеют общую сему и в некоторых контекстах взаимозаменяемы. *Чтобы развеяться, сходил днем на выставки картин; Хочу сегодня пойти в театр,*

чтобы рассеяться; Надумали с Ли «встряхнуться» — едем в Переяславль; Раз в год ездим в Сингапур развлечься.

Доминанта ряда глагол *развлечься* наиболее частотен в разговорном, художественном и публицистическом дискурсах. Обращает на себя внимание наличие имплицитной негативной оценки, которая проявляется при противопоставлении глагола *развлекаться* / *развлечься* серьезным видам деятельности: Мы сюда не *развлекаться* пришли!

Дифференциальной семой для глагола *развлекаться* является сема 'освежиться, проветриться', выявленная путем свободного ассоциативного эксперимента. Имплицитной негативной оценки у данного глагола нет, обо-значаемое действие оценивается однозначно положительно. Отсутствуют примеры употребления несовершенного вида.

Глагол *рассеяться* в значении 'развлечься' употребляется достаточно редко. Участники ассоциативного эксперимента воспринимают этот глагол в основном значении (туман рассеялся), смешивают его с глаголом *растеряться*. Отсутствуют примеры употребления формы несовершенного вида. Синонимичность с глаголом *развлекаться* привела к появлению словосочетания *рассеяться* за его счет.

Дифференциальной семой для глагола *встряхнуться* является 'переход к активным действиям'.

Мирошникова Марина Григорьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Об «экспрессивном многоголосии»

рассказа Марины Степановой «Петькины открытия»

Общеизвестно, что одной из важнейших особенностей художественного текста является его экспрессивно-образная организация, обеспечивающая эмоциональное, интеллектуальное и эстетическое воздействие на адресата.

В современной лингвистической литературе понятие экспрессии имеет различные толкования и часто смешивается с эмоциональностью. Однако большинство исследователей рассматривают их как взаимосвязанные, но не тождественные, а самостоятельные явления. В представленном докладе мы опираемся на определение экспрессивности, данное И. В. Арнольд: «Под экспрессивностью мы понимаем такое свойство текста или части текста, которые передают смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим развитием эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть образным» [Арнольд, 1975. С. 15].

Экспрессия текста создается единицами всех уровней языка: лексическими, синтаксическими, графическими. Сочетание лексической и грамматической семантики, ритмической организации текста, стилистических приемов и создаёт «экспрессивное многоголосие, сливающееся в хорошем тексте в своеобразную мелодию» [Маслова, 1997. С. 19].

Ярким примером подобного «многоголосия» художественного текста может служить рассказ Марины Степановой «Петькины открытия». Неболь-

шой по объему текст насыщен различными экспрессивными элементами всех языковых уровней русского языка; разговорными синтаксическими структурами и синтаксическими фразеологизмами, различными союзными конструкциями, несущими определенное модальное значение, неоднородными по своей природе редуPLICATIONами, графическими приёмами опосредованного описания интонационных характеристик высказывания. Подобные экспрессивные наслоения создают стилистический приём, который придаёт рассказу неожиданный художественный эффект.

Следует, однако, отметить, что анализируемые в рассказе языковые средства трудны для иностранных студентов, что связано с особенностями их построения, семантикой и спецификой национального языкового сознания. Владение же ими важно не только для понимания художественной идеи того или иного текста, но и для совершенствования речевой деятельности на русском языке.

Литература:

1. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. Л., 1975.
2. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Учебное пособие. Минск, 1997.

Моисеева Яна Викторовна,

соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет

Повесить нос: к вопросу о представлении жестовых фразеологизмов в учебном словаре

Объектом исследования послужили жестовые фразеологизмы, которые представляют интересный случай совмещенной омонимии, сочетая в себе прямое значение жеста и переносное значение фразеологизма.

Жестовые фразеологизмы классифицируются по их соотношению с реальными жестами, существующими в русской культуре. Были выделены два разряда жестовых фразеологизмов: фразеологические единицы (ФЕ), которые связаны с реальными, воспроизводимыми в культуре жестами (*вешать/повесить голову кто; вешать/повесить нос кто; опускать/опустить руки; махнуть рукой на кого, на что; разводиться/развести руками; хвататься/схватиться за голову* и др.); фразеологические единицы, гипотетически соотносимые с жестом (*брать/взять за горло (за глотку,) кого; пальцем не трогать (тронуть); палец (пальцем, пальца) о палец не ударить* и др.).

Целью исследования является лингвокультурологическое изучение русских жестовых фразеологизмов для определения принципов их лексикографического представления в учебном словаре для иностранных учащихся. Материалом для исследования послужили данные толковых словарей, словарей жестов русского языка, фразеологических словарей и контексты употребления единиц в материалах «Национального корпуса русского языка».

На примере одной единицы **вешать/повесить <опускать/опустить> нос** был проведен лингвокультурологический анализ жестового фразеоло-

гизма, придерживаясь следующего алгоритма: описание лежащего в основе фразеологизма жеста, существующего в русской лингвокультуре (значение, техника выполнения жеста, функционирование номинации жеста в дискурсе); исследование производной ФЕ (вариативность формы, значение, функция в предложении, ситуация употребления, стереотипное представление, образность).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что особенности семантики и функционирования жестовых фразеологизмов нуждаются в соответствующем представлении в учебном лингвокультурологическом словаре.

В докладе представляется и обосновывается структура словарной статьи, состоящая из нескольких зон.

Морозов Максим Александрович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности лингвокультурологического описания трансформированных фразеологизмов (на материале современной публицистики)

Трансформация фразеологизмов в публицистических текстах происходит, как правило, по моделям, которые подробно описаны в литературе (Колесникова, Кожин, Мокиенко, Мелерович). При написании словарной статьи учебного словаря лексикографу необходимо учитывать зависимость лингвокультурологического комментария от типа трансформации фразеологизма (особенности семантических и структурно-семантических преобразований).

Рассмотрим фразеологические эвфемизмы, которые входят в концепт «возраст» и используются для того, чтобы не обидеть женщину, указывая на ее возраст. Языковые единицы *возраст осени* (о ранней старости), *дама* (женщина) *бальзаковского возраста* (от 40 лет), *опасный возраст* (от 40 до 50 лет), *немного за тридцать*, у нее уже внуки свидетельствуют о существовании установки культуры, согласно которой женщина всегда стремится скрыть свой возраст, и общество идет ей навстречу.

Между тем в речи используется афоризм, который обыгрывает тему т. н. «гендерной вежливости»: *Не следует доверять женщине, которая называет вам свой возраст. Женщина, способная на такое, способна на всё!* В результате языковой игры складывается впечатление о нетипичной, нарушающей норму, а значит, опасной (!), женщине. Лингвокультурологический комментарий будет обусловлен семей «возраст», которая лежит в основе преобразования и выражает элемент фразеологического значения. М. Л. Ковшова отмечает, что «возраст» входит в число тем, которые всегда требуют смягчения при помощи эвфемизмов. При описании установок культуры в лингвокультурологическом словаре с использованием трансформированных фразеологизмов целесообразно использование единиц, демонстрирующих норму, принятую в обществе, и антинорму, как способ выделения и разрушения «общепринятого» в социуме.

Представляется возможным взять за основу описания трансформов комментирование — новый принцип культурологического описания фра-

зеологизмов, который применен в Большом фразеологическом словаре русского языка. Согласно данному подходу, необходимо учитывать соотнесенность образа фразеологизма в целом или отдельных его компонентов 1) с древнейшими пластами культуры, 2) фольклорно-литературными источниками, 3) с кодами культуры, 4) с видами тропов, 5) с «языком» культуры. М. Л. Ковшова предлагает лингвокультурологический комментарий, ход изложения которого соотносится с моделью культурной интерпретации фразеологизма и придерживается 1) «мифологического», 2) «научно-познавательного» и 3) «наивного» разделов коннотации. Формально словарная статья может включать в себя схему построения трансформированной единицы, способ трансформации, функцию данного фразеологизма в контексте, лингвокультурологический комментарий и значение трансформации.

Нагиева Елена Билаловна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Вознесенская И. М., к. ф. н., доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет

Фактор адресата в публичной лекции и его речевая реализация

Публичная лекция представляет собой особый тип текста, специфику которого во многом определяет перевод специальной научной информации на язык неспециального знания. Подобные лекции, как одна из возможных форм научного общения, служат для точной, логичной и при этом доступной для понимания адресатом передачи научного знания. Научная цель сочетается в них с целью популяризации. Адресант — человек, профессионально занимающийся научной проблемой, сообщает знания широкому кругу лиц, среди которых большинство — это люди с обыденным знанием по данной проблематике.

Эффективность общения, достижение понимания в значительной мере зависит от избираемых говорящим языковых средств и речевых приемов, адекватности переданной и полученной информации. Задача говорящего, с одной стороны, заключается в том, чтобы как можно точнее и яснее представить свою мысль неосведомленному или же менее осведомленному слушателю с расчетом на его понимание. С другой стороны, автор лекции обращается к собеседнику не только для того, чтобы объяснить что-либо, но и чтобы заинтересовать, вызвать эмоциональный отклик адресата, вовлечь его в общение, увлечь содержанием.

Для реализации этих намерений используются разнообразные средства и приемы, среди которых можно выделить те, что направлены на подчеркнутое структурирование текста (использование анафор и синонимичных лексико-грамматических средств). Значимую роль также выполняют различные способы придания изложению образности, эмоциональности (употребление стилистически маркированных слов и выражений, иронии, включения чужой речи, метафор и сравнений), что позволяет активизировать восприятие содержания массовой медийной аудитории.

Пинежанинова Наталья Павловна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Семантико-стилистические особенности функционирования синонимов «ум» и «интеллект» в современной русской речи

На занятиях с иностранными студентами постоянно возникает необходимость обращения к синонимии в ситуации контекстуального уточнения лексических значений при комментировании художественных и публицистических текстов, в работе с поговорками, в стилистическом выборе варианта разговорной речи. Выявление синонимических соотношений актуально также и в переводе на иностранный язык, поскольку перевод осложнен разницей в семантическом объеме значений русского слова и его иноязычных эквивалентов и своеобразной авторской трактовкой в художественном произведении.

Существование в русской речи семантической пары «ум — интеллект» и их лексических дериватов обусловлено описанием и характеристикой мыслительной, познавательной, аналитической, креативной и образовательной деятельности человека и является одним из наиболее частотных словоупотреблений. Однако функционирование в современной речи этой синонимической пары выявляет не только область общих значений, но и специфическую оценочность, модальность и метафоричность, обусловленную актуализацией компонентов значения в определенных контекстах. Вместе с тем дифференциация объема этих понятий обусловлена также стилем речи, сферой употребления, новыми возможностями сочетаемости в условиях меняющихся реалий жизни.

Использование понятий ум и интеллект в найминге и рекламе выявляет прагматические тенденции семантико-стилистического преобразования значений этих синонимов. Семантический синкретизм понятия «ум», сложившийся в ходе исторического развития в наивно-мифологической, религиозной и научной картинах мира, сохраняет компоненты амбивалентного этического комплекса, в то время как более современное понятие «интеллект» свободно от этических коннотаций и связано в большей степени с характеристикой эффективности познавательных способностей человека.

Попова Татьяна Игоревна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Вариативность рассказа-повествования о правонарушении во вторичных речевых жанрах (протокол, заявление, информационная заметка)

В докладе рассматривается проблема «многоречия», или полисубъектности, текста во вторичных речевых жанрах и речевая структура текстов вторичных речевых жанров — протокол, заявление, информационная заметка, представляющих собой рассказ-повествование о правонарушении.

Вторичные речевые жанры, включающие рассказ-повествование о правонарушении, представляют собой сложный по речевой структуре текст с точки зрения его субъектной организации. Как правило, эти письменные тексты включают пересказ устной речи пострадавшего, ответчика

или свидетеля с точки зрения должностного лица или журналиста, или представляют собой текст, где пишущий выступает в двух социальных ролях — участника события и, например, заявителя. В первом случае встает проблема включения «чужого голоса» в текст, во втором — перевоплощения говорящего, перехода в другую речевую сферу.

Особый интерес представляет речевая структура информационной заметки о правонарушении, в которой способ представление чужой речи говорящего выполняет, помимо информативной, оценочную функцию.

Результаты наблюдения за субъектной организацией вторичного текста о правонарушении могут быть использованы при обучении многоречию как естественному процессу при адаптации к многообразным социальным ситуациям.

Рогова Кира Анатольевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

**Семантико-коммуникативная организация высказывания
в составе описания как речевого жанра**

Проблема выявления принципов включения предложения-высказывания в текст остается нерешенной из-за практически неограниченных возможностей использовать в рамках текстовых образований, в качестве единиц которых можно принять функционально-смысловые типы текста, структурно-семантические типы предложений (двусоставные и односоставные предложения, активные и пассивные конструкции и т. п.).

Однако при учете характера речевых образований как когнитивно-коммуникативных единиц возможно обращение к наблюдению за семантической и коммуникативной структурой предложений, формирующих тот или другой ФСТР. Наблюдения такого рода за описанием как типом текста / первичным речевым жанром позволило выявить основные модели таких предложений на базе их актуального членения и при учете их структурно-смыслового содержания.

На примере разных функциональных типов текста демонстрируются основные модели предложений-высказываний, соответствующие пропозициональной установке говорящего при создании тестов-описаний.

Романова Наталья Юрьевна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

Узловые концепты дискурса дизайна

Под дискурсом дизайна мы понимаем сумму знаний, необходимую для дизайнерской деятельности, выраженную, зафиксированную человечеством как вербально, так и с помощью других знаковых систем. Информация о дизайне кодируется в общественном сознании в виде системы понятий, идей, теорий, знаний об объектах, поведении объектов, способах их взаимодействия. Можно утверждать, что дипломированные дизайнеры владеют дискурсом дизайна, т. е. определенными алгоритмами решения дизайнер-

ских задач, а также научным стилем речи (в письменной и устной форме, который обслуживает процессы получения и передачи профессиональных знаний), и разговорным стилем, которым пользуются при решении производственных задач.

Опираясь на различные типы текстов — журнальные, газетные, энциклопедические, научные статьи, художественные тексты, справочники, а также интервью и устные рассказы о дизайне, необходимо выявить универсальные особенности текстов о дизайне, описать общую концептуальную структуру и основные стратегии дискурса дизайнера. Дискурс дизайнера — особый тип дискурса, в котором можно выделить специфические особенности в семантике лексем, содержании концептов и способах их экспликации.

Дискурс дизайнера нужно рассматривать с точки зрения вербально выраженной ментальности, мировосприятия, создающего особый мир. Концептуализация знания и стратегии дискурса дизайнера непосредственно связаны с глубинными структурами общеязыкового мышления на русском языке. На основании анализа текстов статей о дизайне были выделены лексемы, вербализирующие значимые для дизайнера концепты. Система этих концептов определяет основные положения дизайнерской деятельности, ее смысл и сущность, взаимосвязь с родственными видами творчества и отличие от них. В систему ключевых, основополагающих понятий дизайнера с их дефинициями помимо определения термина «дизайн» входят: предмет и объекты дизайна, основной метод дизайнера, основные рабочие категории дизайнера, типология дизайн-деятельности, цель, функции и задачи дизайнера, основополагающие принципы и закономерности дизайнера. Основным методом дизайнера — художественно-образное моделирование, которое реализуется посредством понятия «композиционное формообразование в дизайне».

В основных рабочих категориях дизайнера («образ», «функция», «морфология», «технологическая форма» и «эстетическая ценность») конкретизируется сущность художественно-образного моделирования утилитарно-технической и социально-культурной сторон содержания объектов дизайн-проектирования.

Существуют различные виды дизайнера — специфические формы специализации дизайнерской деятельности, отличающиеся предметом проектирования и областью приложения профессиональных знаний, целями и методами проектной работы и ее конечными результатами, но независимо от специфики вида дизайнера, все они имеют общую основу — синтез прагматических и художественных идей и решений, направленных на улучшение условий существования человека, в целостной эстетически совершенной форме.

Центральной проблемой дизайнера является создание культурно- и антропосообразного предметного мира, эстетически оцениваемого как гармоничный, целостный. Отсюда особая важность для дизайнера — это использование наряду с инженерно-техническими и естественно-научными знаниями средств гуманитарных дисциплин — философии, культурологии, социологии, психологии, семиотики. Все эти знания интегрируются в акте проектно-художественного моделирования предметного мира, опирающегося на образное, художественное мышление.

Анализ научных статей о природе дизайнерской деятельности, новых парадигмах дизайнерской практики, исследованиях в области дизайна, взаимодействии дизайнера и потребителя показал, что наиболее близок дискурсу дизайна искусствоведческий дискурс. Узловые концепты, единые для всего искусствоведческого дискурса, составляют пять концептуальных областей: человек, артефакты, бытие, природа, эстетика. В дискурсе дизайна важнейшие концепты трансформируются: человек превращается в потребителя, заказчика, покупателя, а бытие — в быт.

Снитко Ася Юрьевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Тактики, реализующие стратегию доминирования

Среди тактик, реализующих стратегию доминирования, нами были выделены следующие: тактика демонстрации превосходства, тактика оценивания, тактика намеренного нарушения правил коммуникации, тактика создания коалиции с доминирующим коммуникантом.

Тактика демонстрации превосходства может проявляться в нескольких аспектах: в демонстрации осведомленности, в демонстрации интеллектуального превосходства, в указании на статус.

При демонстрации осведомленности коммуникант указывает на то, что он либо обладает той информацией, которой не владеют другие участники, либо уже знаком с информацией, которую представляет другой коммуникант.

В рамках телепередачи обмен новой информацией между ее участниками происходит на протяжении практически всего речевого взаимодействия, поэтому чаще всего параллельно с демонстрацией осведомленности коммуниканты используют вспомогательные приемы, призванные сравнить собственную осведомленность с осведомленностью других участников коммуникации. К таким приемам относятся указание на неосведомленность другого коммуниканта, перехват инициативы с целью окончить высказывание вместо говорящего, захват инициативы при реакции на иллокутивное вынуждение, направленное не на данного коммуниканта.

К способам демонстрации интеллектуального превосходства можно отнести интерпретацию слов другого коммуниканта, а также объяснение какого-либо факта, явления и т. п. с указанием на то, что другой участник коммуникации не понимает того, о чем идет речь.

Также тактика демонстрации превосходства может реализоваться с помощью указания на свой статус, когда участник коммуникации намеренно озвучивает свою профессию, профессиональные или личные связи с известными, влиятельными личностями, социальную или политическую позицию и т. д.

Прием указания на свой статус может реализовывать две функции: функцию повышения статуса коммуниканта в рамках речевого взаимодействия и функцию повышения убеждающей силы высказывания.

Показателем установления доминирования также является реализация тактики оценивания. Коммуникант, оценивающий другого участника поли-

лога, ставит себя на более высокую позицию судьи, у которого есть право давать оценку. При этом полюс оценки не имеет значения.

Объектами оценки могут становиться различные аспекты речевой активности другого коммуниканта. Это могут быть: тема, предложенная говорящим; фактическая информация, заключенная в высказывании другого коммуниканта; оценочные и смысловые компоненты высказывания; структура высказывания; а также личность другого коммуниканта.

Тактика намеренного нарушения правил коммуникации может проявляться в нарушениях, связанных со структурой полилога, и нарушениях сценариев речевого общения.

Основными нарушениями структуры полилога является перехват или захват инициативы, а также игнорирование иллокутивного вынуждения другого коммуниканта.

Нарушения речевого сценария также достаточно распространенный прием демонстрации доминирования. Говорящий не следует принятому в речевом общении сценарию, обусловленному речевым опытом, логикой, традицией. Тем самым говорящий демонстрирует свое превосходство над другими участниками коммуникации.

Существование тактики создания коалиции с доминирующим членом обусловлено тем, что в рамках коммуникации в условиях официальной ситуации в большинстве случаев существует объективно лидирующий коммуникант. Его доминирующая позиция объясняется особой ролью или особым статусом в рамках данного речевого взаимодействия. В результате одним из способов реализации стратегии доминирования для всех остальных членов является объединение в коалицию с таким априори доминирующим коммуникантом.

Соколова Екатерина Валерьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О взаимодействии каузальности и оценочности

Описание любого языка в целях его преподавания предполагает не только выяснение специфики его языковых категорий, но и выявление межкатегориальных связей. В докладе обобщаются наши наблюдения над взаимодействием каузальности и оценочности в русском языке.

Причинно-следственные отношения (ПСО) выражаются посредством включенных логических пропозиций, устанавливающих связь между другими (минимум двумя) пропозициями. В свою очередь, пропозиции, между которыми устанавливается такая связь, могут быть как событийными, т. е. отображающими некоторое событие или положение дел, или логическими иного типа, выражающими суждения, оценку или отношение между участниками ситуации. В обоих случаях выражение ПСО может быть сопряжено с разными типами оценки по крайней мере одной из ситуаций (оценка достоверности, аксиологическая оценка, рациональная и эмоциональная оценки).

Общеизвестна возможность аксиологической оценки порождаемой ситуации с помощью специализированных союзов (из-за того что, благодаря

тому что) в сложных предложениях и соотносительных с ними простых предложениях, содержащих именные причинные группы.

Исследуются возможности выражения оценки порождаемой ситуации по шкале хорошо-плохо с помощью причинных предикатов-реляторов в номинализованных причинных конструкциях (глаголы «заставить», «помешать», «позволить»).

Замечено, что в высказываниях со значением объективно обусловленной необходимости экспликация ценностей сопутствует выражению оценки достоверности с помощью предикатов знания: «Я знаю, город будет, я знаю, — саду цвететь, когда такие люди в стране советской есть!» (В. Маяковский).

Прослеживается взаимосвязь между типом оценочной интенции при фиксации несоответствия (рациональная/эмоциональная оценка) и употреблением соотносительных лексем союзов «а» и «но» в зависимости от установленного говорящим отношения каузации («но») и не установленного отношения каузации между ситуациями («а»).

Талис Ольга,

аспирант, Псковский государственный университет

Оптимизация способов репрезентации словообразовательного материала в курсе русского языка для учащихся эстонских гимназий

В докладе предлагаются пути оптимизации разработки словообразовательного материала для учащихся эстонской гимназии. В новой учебной программе уделяется особое внимание продуктивным словообразовательным моделям с целью формирования у учащихся умения понимать морфемную структуру слова и образовывать новые слова по аналогии. Следует разработать критерии включения словообразовательной модели в учебник на основе продуктивности и коммуникативной ценности. Также важным критерием включения словообразовательной модели в учебный комплекс должен стать ее интерференционный потенциал, для определения которого необходимо обращение к данным сопоставления русского и эстонского языков.

При наличии риска ошибки, вызванной отрицательным влиянием родного языка на изучаемый, риск должен быть предупрежден путем выполнения целенаправленно разработанных превентивных словообразовательных упражнений. Количество словообразовательных упражнений в учебниках следовало бы увеличить. Дериваты, образованные по моделям, обладающим ограниченной производящей способностью, можно включать в лексические задания. Коммуникативно ценные лексемы с непрозрачным деривационным происхождением могут быть семантизированы переводом. Семантизация лексики, включенной в притекстовые задания, посредством перевода является основным способом репрезентации отглагольных имен в проанализированных учебниках. Далеко не всегда в семантизацию вводится словообразовательный момент.

Таким образом, необходимо оптимизировать как способы семантизации отглагольных дериватов в учебниках русского языка для эстонских

гимназий, так отбор словообразовательного материала на базе подходов, в рамках которых акцент делается на грамматической или лексической ценности словообразовательной модели.

Хватов Сергей Александрович,

к. ф. н., старший преподаватель, Варшавский университет (Польша)

Формирование моделей речевого поведения студентов-филологов в рамках деловой коммуникации

Профессиональная подготовка студентов-филологов предполагает формирование коммуникативной компетенции, позволяющей решать коммуникативные задачи широкого спектра. Одной из таких задач является общение в рамках деловой коммуникации, которая в настоящее время приобретает все большую социальную значимость. Очевидно, что в наше время язык делового общения в определенной степени выходит за узкие рамки профессиональной бизнес-коммуникации и все больше приобретает черты коммуникации массовой, которая, по словам В. Г. Костомарова, «становится стержнем языкового существования современного общества». Рассматривая главную цель обучения иностранному языку как обучение межкультурному общению, следует заметить, что необходимый для этого уровень коммуникативной компетенции в наше время вряд ли может быть достигнут без учета ее «деловой составляющей».

Следует отметить, что в случае филологической аудитории речь, конечно, идет о постижении лишь основ коммуникативного поведения и, прежде всего, в областях деловой жизни, имеющих понятийную прозрачность и социальную значимость. Тем не менее имеет место и определенная «профессионализация», которая сводится к усвоению понятийного аппарата коммерческой деятельности, к освоению речевых стратегий и тактик, позволяющих решать коммуникативные задачи в рамках делового общения. Так, в ходе деловых переговоров используется целый ряд моделей речевого поведения в зависимости от характера коммуникативной ситуации, коммуникативных намерений участников, наличия конфликт-факторов и пр. В частности, выделяются ситуации бесконфликтного общения, т. е. осуществление коммуникативных намерений при сохранении баланса отношений, потенциально конфликтные ситуации, ситуации открытого конфликта. Выбор соответствующих речевых тактик и использование конкретных моделей для каждой из них позволяет успешно решать поставленные в ходе деловых переговоров коммуникативные задачи, а значит и добиваться успеха коммерческого.

Хэ Сяо,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Блог как особый дневник и его типы

Знакомство с блогами носителей русского языка, живущих в Китае, а также желание исследовать разницу между блогом и дневником подтолкнуло автора к созданию настоящей работы. Цель данной работы: показать, что блог — это особый дневник, и выявить связи блога и дневника.

Если сравнить определения блога и дневника, то можно установить следующее. Блог (*англ.* blog, от web log — интернет-журнал событий, интернет-дневник, онлайн-дневник) — веб-сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа [Википедия]. Дневник: «1. Записи личного характера, ведущиеся изо дня в день; Записи наблюдений, событий и т. п., ведущиеся изо дня в день во время работы, путешествия и т. п. 2. Периодический обзор каких-л. событий, проблем и т. п. в средствах массовой информации» [БАС РЯ, 2006. С. 140]. Таким образом, объединяющей чертой блога и дневника является регулярность записей.

Вторая общая черта блога и дневника — организация индивидуального опыта пишущего. Среди мотивов, которые побуждают пишущего вести дневник, исследователи называют «желание зафиксировать события личной жизни, сохранить подробности пережитого, а также потребность выразить себя, удалить тревогу с помощью письма». В блоге также записывают свои переживания, чувства и представления о мире и т. п. «Само понятие блог включает в себя понятие дневника». Таким образом, и блог и дневник выполняют информативную (представляющую события) и рефлексивную (отражающую результат восприятия, осмысления и эмоциональной реакции автора в связи с тем или иным событием) функции.

Отличительными чертами блога являются его публичность и связанное с ней наличие комментариев читателей. Публичная форма блога не только дает возможность фиксировать события и мысли, но и предлагает возможность комментировать и обмениваться мнениями.

Таким образом, по результатам настоящей работы сделаны следующие выводы.

1. Блог как особый дневник тесно связан с традиционным дневником, но имеет свои особенности.
2. Блоги носителей русского языка, живущих в Китае, можно разделить на три разных типа по основной интенции: 1) мемуарный блог, 2) информационный блог, 3) консультативный блог.

Швабская Анастасия Витальевна,

соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет

Восприятие и реализация акцентуационно-ритмических структур русских слов носителями финского языка

При субординативном билингвизме различия в строении языковых систем, находящихся во взаимодействии в сознании индивида, являются причиной проявлений межъязыковой интерференции. Интерференция на супraseгментном уровне представляет особый интерес, поскольку просодические схемы родного языка усваиваются раньше, чем прочие составляющие языковой системы, и впоследствии, при изучении иностранных языков, супraseгментные нарушения сохраняются в речи дольше, чем сегментные. Устойчивые фонетические ошибки в русской речи носителей финского языка обусловлены глубокими различиями акцентуационно-ритмических

систем русского и финского, а также спецификой сегментного состава и фонотактики.

При контакте финского и русского языков всознании индивида происходит конфликт системы акцентуационно «глухого» языка, характеризующегося наличием фиксированного на первом слоге основного ударения, и системы акцентуационно «неглухого» языка со свободным и подвижным ударением. Носители языков с фиксированным ударением испытывают затруднения в различении акцентных контрастов в других языках. С целью выявления и описания характера просодических нарушений на уровне акцентуационно-ритмических структур русских слов был проведен эксперимент.

Материалом для исследования послужили одно-, двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестисложные слова с различными по порядку ударными слогами (*женщина, взгляните, воровство*), содержащие характерные для русского языка двух-, трех-, четырех-компонентные консонантные кластеры, а также слова аналогичной структуры, по сегментному составу приближенные к системе финского языка, т. е. слова, в которых отсутствуют нехарактерные для финского языка звуки, такие, как двухфокусные щелевые.

На первом этапе эксперимента устанавливались особенности восприятия носителями финского акцентуационно-ритмических структур русских слов, содержащих многокомпонентные консонантные сочетания; на втором этапе определялось, как носители финского языка воспроизводят различные акцентуационно-ритмические структуры русских слов с консонантными кластерами и без них в составе предложений.

Эксперимент показал, что даже при высоком уровне владения русским языком носители финского сталкиваются с трудностями как при восприятии, так и при воспроизведении акцентуационно-ритмических структур русских слов, в особенности тех, что содержат в своем составе консонантные кластеры.

Шкурина Наталья Васильевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Способы реализации интенции «объяснение» в художественном тексте

Объяснение как тип текстовой формы в соответствии с заложенной в нем интенцией ориентирован на понимание. Естественно, что такой тип речи чаще всего используется в научных или научно-популярных текстах, т. к. объяснение является важнейшей функцией научного исследования, когда большая часть материала направлена на понимание. Но невозможно представить себе другие сферы общественной жизни, где бы не использовалось объяснение, хотя очевидно, что в научной сфере данный тип текста является наиболее востребованным.

Так, тип объяснительного текста в эстетической сфере не является редкостью, хотя между строго выстроенным языковым воплощением объяснения в научном стиле речи и стилистическим варьированием формы объяснения в тексте художественного произведения такое различие, что ставится под сомнение их типологическая однородность.

Во-первых, объяснение в художественном тексте и объяснение в научном тексте имеют различную прагматическую установку. Если в научном тексте объяснение направлено на понимание сущности объекта рассмотрения, то в художественном тексте объяснение направлено на выполнение основной эстетической установки — создание образа, углубление художественного смысла произведения.

Во-вторых, объектом объяснения в художественном тексте является чаще всего не какое-либо явление или понятие (как в научном тексте), а действие, поступок героя, т. е. объяснение в этом случае проясняет мотивацию этого поступка или действия. Различие в объектах объяснения порождает третье различие — формальное. Так, в художественном тексте объяснение не имеет стабильной языковой структуры, каковой обладает объяснение в текстах научной направленности.

Щукина Кира Александровна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Прецедентные феномены в «пирожках» и «порошках» — новых жанрах современной интернет-поэзии

1. Краткая история происхождения «пирожков» и «порошков». Основные отличия стихотворных жанров новой интернет-поэзии. Близость пирожков к хокку и частушкам.
2. «Пирожки» и «порошки» — так называемый «интернетлор», современный фольклор. Анонимность и утрата автора в этих жанрах. «Пирожки» и «порошки» как явление массовой культуры.
3. Прецедентные феномены в «пирожках» и «порошках». В современной сетевой поэзии становятся все более популярными языковые игры с прецедентными феноменами, которые влекут за собой культурные и аксиологические ассоциации из прежних контекстов, создавая тем самым дополнительные приращения смысла в создаваемом заново тексте.

*бог создал труд и обезьяну
чтоб получился человек
а вот пингвина он не трогал
тот сразу вышел хорошо
(the axu)*

Например, в приведенном выше «пирожке» — реминисценция на статью Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», а в следующем ниже «порошке» — отсылка к известному стихотворению А. С. Пушкина «Зимний вечер»:

*пустая страшная избушка
зачем пугаешь ты меня
а где же саша где же кружка
где ня
(ай эм)*

В текстах «пирожков» и «порошков» встречаются все виды прецедентных феноменов, т. е. прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные ситуации.

4. Как прецедентные тексты в «пирожках» и «порошках» чаще всего используются сказки (как народные, так и авторские), пословицы, литературные произведения, например:

*блоха пришла к левше под утро
глаза большие вся дрожит
и не подкованы копытца
и спинка в язвах от седла
(александра)*

Источником прецедентности служит повесть Н. С. Лескова «Левша». Текст трансформирован и доведен до абсурда: блоха не только подкована, но и оседлана.

В рамках тезисов мы не будем подробно останавливаться на анализе прецедентных высказываний, имен и ситуаций, а сразу обратимся к совмещению нескольких прецедентных феноменов в одном тексте.

5. Соединение нескольких прецедентных феноменов в одном тексте. «Пирожки» и «порошки» как тексты примечательны тем, что иногда в пределах одного «пирожка»/«порошка» сталкиваются несколько прецедентных феноменов — два и более. Совмещение такого количества прецедентных феноменов в четырех строчках создает насыщенный смыслами текст. Подобная концентрация прецедентности вряд ли может возникнуть в текстах иного рода, и именно поэтому «пирожки» так привлекательны как материал для исследования прецедентности.

*исус спросил что там за крики
и шум за масличной горой
а это иоанн ответил
нас арестовывать идут
(supposedly-me)*

Соединение трех прецедентных феноменов: прецедентной ситуации из Библии — на Масличной (Елеонской) горе молился перед арестом Иисус Христос (Лк. 22), прецедентных имен — Иисуса и Иоанна, и прецедентного высказывания из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова:

«— А что это за шаги такие на лестнице? — спросил Коровьев, поигрывая ложечкой в чашке с черным кофе.

— А это нас арестовывать идут, — ответил Азazelло и выпил стопочку коньяку».

6. Среди факторов, обуславливающих адекватность понимания текста читателем, следует назвать корпус знаний и представлений, которым он располагает. Нередко на прецедентных феноменах, использованных в «пирожках»/«порошках», держится весь смысл данного произведения. Но если читателю не хватает лингвокультурной компетенции, и он не знает, к какому тексту/имени/высказыванию/ситуации апеллировать, то весь смысл «пирожка»/«порошка» теряется, и декодирование его читателем становится невозможным.

С точки зрения обучения РКИ и повышения лингвокультурной компетенции учащихся представляется интересным выявление тех прецедентных феноменов, которые функционируют в современной русской лингвокультуре и с легкостью извлекаются из памяти образованного носителя языка, но, тем не менее, являются *terra incognita* для иностранных студентов.

СТИЛИСТИКА

Азарова Наталия Михайловна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва)

«Чужой язык» в оценке современных русских поэтов

Что влияет на оценку чужого (испанского) языка в сознании поэта, им не владеющего? Поэт в данном случае выступает в роли продвинутого носителя современного русского языка и представителя русской культуры.

Исследование опиралось как на метаязыковые высказывания современных поэтов, так и на их тексты в проекции на образ испанского языка в русской классической поэзии и поэзии XX в. В опросе приняли участие 55 современных поэтов. Им было предложено охарактеризовать тремя эпитетами испанский язык, привести набор звуков, которые создали бы образ звучания испанского языка, дать оценку испанского языка по шкале свой/чужой от 1 до 10, а также предъявить свои стихотворения, в которых мог найти отражение образ испанского языка.

Большая часть предложенных характеристик языка (эмоциональный, чувственный, страстный, гордый и др.) имеет литературное происхождение, связанное либо с характерными испанскими персонажами, освоенными русской литературой (поэзией), такими, как Кармен, Дон Жуан, Дон Кихот.

При конструировании звукового образа чужого языка приоритет отдается не самым частотным в этом языке звукам или самым часто встречающимся сочетаниям звуков, а называются отличные от русского языка составляющие (компоненты) звучания, так, подавляющее большинство (85 %) называет в качестве самого характерного звука *p* (*pp*, *ppp*).

Для русского сознания нехарактерными для испанского языка оказываются звуки: *n* — у 2 респондентов (у двух в сочетании *нья*, *нье*); *b* — 0; *v* — 0; *φ* — 0; *z* — 1; *m* — 0 (у 1 респондента в сочетании *му*); *п* — 0; *т* — 0 (но фигурирует в сочетаниях *та*, *тр*, где ведущим является *p*, и в сочетании *ст*). Можно предположить, что русские поэты считают следующий набор согласных: *б*, *в*, *м*, *н*, *п*, *г*, *т*, *ф* — «своим» или «совпадающим» с испанским языком.

Звуковой образ в целом основывается для русских все-таки на согласных, и в качестве характерных звуков гласные практически не называются. Исключение составляет *о*, которое называет половина респондентов. Объясняется это тем, что русское ухо, привыкшее к редукции гласных, отмечает как «чужое» или «характерное» отсутствие редукции. Очевидно, выделение *о* все-таки имеет своим источником звучащую речь, а не «испанский текст» в русской литературе. Интересно, что *а* не выделяется в качестве характерного для испанского звучания гласного. Поэты не отмечают (*и*, видимо,

не замечают) отсутствие редукции в *a*. Это тем более парадоксально, что испанская поэзия очень часто использует ассонанс на *a*.

Можно выделить самые характерные испанские или испанизированные русские слова, которые воплощают в сознании говорящих образ испанского языка (*кабальеро*, *карамба*, *коррида* и др.).

Концептуализированный образ звучания может воплощаться в псевдотексте или даже в псевдослове (*дэстло* Е. Фанайловой, *ХэлЭс* И. Жукова и др.). Некоторые псевдотексты целиком состоят из тех звукосочетаний, которые по отдельности так или иначе называют все поэты. Современные тексты на псевдоиспанском соотносятся с реальными текстами на испанскую тему в русской поэтической традиции (формулу которых представляет Козьма Прутков), но в то же время отличаются от них.

Бабенко Наталия Григорьевна,

д. ф. н., профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

«Черепки времени»: лингвопоэтика старой вещи
в рассказах Татьяны Толстой

Характерной чертой лингвопоэтики Татьяны Толстой является актуализация высшего смысла вещи, прежде всего старых/старинных вещей, которым свойственна мифологичность, «предшествующее бытие» и «особый психологический статус» (Ж. Бодрийяр). Выдвижение в текстовом пространстве рассказа имен материальных артефактов:

- предполагает воссоздание истории этой вещи: ее рождения, жизни и (нередко) смерти (в рассказе *Йорик*);
- обнаруживает интимно-душевную связь вещи и человека, вещи и семьи (в рассказе *«Любишь — не любишь»*);
- способствует созданию хронотопа детства (в рассказах *«Петерс»* и *«На золотом крыльце сидели»*);
- демонстрирует драматическую изоморфность судеб человека и вещи (в рассказе *«Милая Шура»*);
- дает действию сюжетный «толчок», побуждающий героя к бегству от обыденности и сотворению возможного мира (в рассказе *«Река Оккервиль»*);
- создает ситуацию погружения персонажа, повествователя и читателя в историко-культурный контекст, поскольку старая/старинная вещь является иконическим знаком былого времени и былой культуры.

Брыкова Александра Андреевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Семантика и прагматика обращений в псевдокоммуникативных контекстах (на материале детского журнала «Чиж» 1930–1941 гг.)

Обращение — многоплановая лингвистическая категория текстового уровня, которая тесно связана с экстралингвистической ситуацией, и прежде всего — с социальными ролями участников диалога. Последнее особенно важно учитывать при изучении текстов детских журналов, одна из основных функций которых — воспитательная («Чиж», для детей 6–8 лет).

В докладе исследуется семантика и прагматика обращений, представленных лексикой тематических групп «животные», «предметы», «природа», функционирующих в т. н. псевдокоммуникативных контекстах. Такой тип контекстов для обращения является периферийным, т. к. не предполагает реакции адресата в силу его специфики.

Однако в текстах детских журналов этот тип коммуникации встречается часто, в основном в стихотворных произведениях: *Вы чинитесь, провода, <...> / Поливай торцы, вода* [Чиж, 1934, № 9]. *Дорогой ручей, / Напои грачей* [Чиж, 1935, № 9]. *Беги к цыплятам, курица, / В жаркое угодят* [Чиж, 1937, № 1].

Такие обращения используются в императивных контекстах с формами глагола повелительного наклонения 2 л. ед. ч. При этом, в зависимости от того, слово какой тематической группы используется в позиции обращения, степень императивности варьируется от приказа для предметных существительных, до просьбы — для слов тематической группы «природа» и пожелания — для слов, обозначающих животных.

Таким образом происходит своего рода иерархизация окружающего мира, герой того или иного произведения (а вместе с ним и читатель-ребенок) осознает, в какой степени он может воздействовать на окружающие его предметы и явления. Важно отметить, что в случае обращений к «предметам» часто используется прием олицетворения, а семантика глагола указывает на действие, наиболее характерное для предмета: *Ты руби, топор, руби <...> / Ты мети, метла, мети* [Чиж, 1934, № 9].

В иерархизации мира важную роль играет и противопоставление «свой — чужой», на языковом уровне реализующееся использованием притяжательных местоимений: *Лейся, песнь моя, / Пионерская* [Чиж, 1930, № 1]. *Здравствуй, здравствуй, / Наша школа!* [Чиж, 1933, № 9]. Слова со значением места в жанре приветствия (последний пример) тоже способствуют этому противопоставлению.

Обращения могут осложняться также и прилагательными, обычно с коннотациями положительной оценки. Выбор прилагательного зависит от семантики ядерного существительного обращения. Так, существительные тематической группы предметов сопровождаются оценочными прилагательными, слова тематической группы «природа» — устойчивыми эпитетами, а обращения из группы «животные» — характеризующими прилагательными, сужающими понятие: *Мой веселый звонкий мяч, ты куда пустился вскачь?* [Чиж, 1935, № 5]. *Всех сильнее ты, вольный ветер* [Чиж, 1937, № 12]. *Африканские лошадки, / Хорошо играть вам в прятки* [Чиж, 1935, № 3].

Использование обращений во многом зависит от жанра. В текстах детского журнала «Чиж» обращения в псевдокоммуникативных контекстах прежде всего встречаются в стихотворных произведениях. Ориентируясь на фольклорную традицию, эти произведения отражают во многом мифо-поэтическую картину мира, где существует строгая иерархия, где все предметы и явления, будучи тесно связанными с потребностями человека, часто принадлежат ему, обладают своими отличительными признаками и «живут своей жизнью».

Источники:

Чиж: Ежемесячный журнал для детей младшего возраста. Л., 1930–1941 гг.

Высоцкая Ирина Всеволодовна,

д. ф. н., профессор, Новосибирский государственный университет

Словоформы со значением группы лиц в современном русском языке

1. Словоформы типа *в артисты*, обозначающие принадлежность к группе лиц, известны со времен Киевской Руси, встречаются во фразеологизмах, часто употребляются в русской классической и современной литературе.
2. Обычно такие словоформы приводятся в качестве иллюстрации перехода одушевленных имен существительных в неодушевленные. Исследован вопрос о падежной форме существительных в них (см. труды А. А. Зализняка, И. А. Мельчука и др.).
3. Для семантической характеристики конструкций необходимо обратиться к понятию модальной рамки, предложенному в исследовательской практике А. Вержбицкой и активно разрабатываемому в Московской семантической школе Ю. Д. Апресяном и др. Применительно к исследуемым конструкциям можно говорить о разных модальных рамках и — соответственно — о разных группах лиц. Во-первых, группа может быть реальной, состоящей из нескольких лиц, как правило, взаимодействующих (*студенты, солдаты, депутаты*). Но группа может быть и виртуальной (подразумеваемой), при этом важно не взаимодействие с другими членами группы, а изменение социального статуса лица (*жёны, няньки, артистки*). Между этими типами групп возможны пересечения.
4. Следует отметить актуализацию пространственной семантики, процессы десемантизации и адвербиализации таких сочетаний. Словоформа *в гости* грамматикализуется и употребляется в составе предлога. В этом проявляется «каскадность» трансформационных процессов: адвербиализация, затем и частичная препозиционализация.
5. Продуктивность модели обеспечивают возможности употребления в качестве именного компонента конструкции имен собственных и субстантивов.

Зверева Марианна Ивановна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Эвфемизмы в текстах современной газетной публицистики

Пласт слов и выражений, относящихся к эвфемизмам, динамичен, подвижен, и то, что сегодня воспринимается как эвфемизм, спустя некоторое время может им не являться, или наоборот. При этом эвфемизмы весьма частотны, и с их помощью становится возможным не просто избежать прямой грубой номинации чего-либо, но и оказать определенное речевое воздействие, манипулировать сознанием адресата, создать нужный эмоциональный заряд. В текстах газетной публицистики интересны случаи, когда эвфемизм призван не столько вуалировать какой-либо неприятный

смысл, сколько создавать комический эффект: «Среди тех, кто обращался в течение последнего года в государственные медицинские учреждения, 17 % попадали в ситуацию, когда для получения медицинской помощи необходимо было передать персоналу подарок. При этом сумма, которую в среднем тратят россияне на “благодарность” медикам, составляет 4,2 тыс. рублей. В 2013 г. подарки были почти в два раза дешевле — 2643 рубля» (Известия. 2014. 12 декабря).

Диапазон сфер и тем, в которых употребляются эвфемизмы, бесспорно широк. Так, при анализе текстов даже одной ежедневной газеты, опубликованных в течение недели, уже можно обнаружить большое количество эвфемизмов в каждой рубрике. Однако концентрация эвфемизмов в текстах разных рубрик неодинакова. Эвфемизмы, таким образом, выступают в качестве своеобразных маркеров, выделяющих такие тексты газетной публицистики (и рубрики), которые с одной стороны, могут содержать большее количество негативной и неприятной информации, с другой стороны — большее количество смыслов способных оказывать скрытое воздействие на читателя.

Зубова Людмила Владимировна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Неузуальная грамматикализация глаголов в современной поэзии

В поэзии XX — начала XXI в. встречается неузуальное употребление полнозначных глаголов в функции связки, приводящее к грамматикализации этих глаголов.

Анализируются примеры:

- (1) *Но, если ты забудешь знать, / о чем танцуешь петь* (Е. Клюев);
- (2) *французский отстану учить иногда / немецкие буквы остыну смотреть* (Андрей Поляков);
- (3) *Где ж ты, где ж ты, день минувший, и давно ль ты миновал / или всё ещё имеешь миновать?* (Евгений Клюев);
- (4) *Церковные старосты, цитируя мистиков, / Имеют поймать еретиков с поличным* (Сергей Круглов);
- (5) *я не терплю иметь / на подбородке смерть* (Виталий Кальпиди);
- (6) *будут беды быть* (Константин Кедров);
- (7) *доц идет пойти* (Надя Делаланд);
- (8) *Я вышел выйти* (Владимир Гандельсман);
- (9) *болит не заглядывать в лестничный гулкий пролет* (Александр Месропян);
- (10) *воробы на крыше вскрикивают любить* (Александр Месропян).

В особых условиях поэтического текста обнаруживаются разные импульсы к грамматикализации полнозначных глаголов в сочетании с инфинитивом: семантические, фразеологические, словообразовательные, фонетические. На грамматикализацию влияют иноязычные конструкции, а также память слова: конструкции старославянского и древнерусского языка в составе 1-го сложного будущего времени.

В ряде примеров ощутимо влияние современной устойчивой синтактики и нормативного словообразования.

Если обычно при грамматикализации глаголов их лексическое значение ослабляется, то в поэтических текстах оно, напротив, актуализируется благодаря метафорическому употреблению этих глаголов. При этом происходит расширение значения с активизацией нескольких потенциальных толкований.

Конструкции с грамматикализованными глаголами являются результатом смысловой компрессии. Они демонстрируют переходное состояние от лексических единиц к грамматическим, чем подтверждается известный в лингвистике тезис о том, что грамматикализация начинается с семантических изменений.

Лукьянова Людмила Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия

Старое и новое слово в художественной рефлексии

М. М. Зощенко

Начало литературной деятельности М. М. Зощенко, о чем свидетельствуют архивные материалы, связано как с остро критическим анализом творчества литературных предшественников, так и с обозначением и утверждением близких автору художественных ориентиров. Главное внимание Зощенко в это период привлекает словесная ткань («жизнь слов»), которая приобретает для писателя особый самоценный смысл (замысел несостоявшейся работы «Реставрация дворянской литературы», многочисленные редакции статьи о Тэффи). Немалый интерес, на наш взгляд, вызывает способ аргументации (комментирования) и повторяющиеся негативные оценки Зощенко, оставшиеся без внимания исследователей. Именно анализ языковых средств, используемых Зощенко, позволяет понять языковые вкусы начинающего писателя, а с учетом и непосредственно заданных в критических набросках параллелей (Тэффи — Чехов, Тэффи — Реми), позволяет говорить о стремлении к определенным, разрабатываемым в практике художественного творчества синтетическим средствам выразительности. Языковая рефлексия Зощенко маркирует индивидуальные стилевые черты творчества писателя в контексте культурно-языкового универсума послереволюционного времени.

Морозкина Евгения Александровна,

д. ф. н., профессор, Башкирский государственный университет (Уфа)

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна,

д. ф. н., профессор, Башкирский государственный университет (Уфа)

Стилистические особенности языка региональных СМИ

Стилистические преобразования в языке региональных СМИ последних лет в большей своей части обязаны причинам внешнего, социального порядка. К ним можно отнести изменение состава носителей литературного

языка, эмоциональную напряженность в жизни общества, резкое изменение общественных оценок жизненных явлений, событий, психологических и социальных установок и др.

Стилистические процессы в целом характеризуются двумя направлениями: 1) стилистической нейтрализацией и 2) стилистическим перераспределением.

Процесс нейтрализации касается как слов с завышенной стилистической окраской, так и слов стилистически сниженных. И тому и другому способствует явная демократизация литературного языка, установление и формирование в нем более либеральных норм. Запретительные меры при употреблении разностилевой лексики начинают пробуксовывать и не давать практических результатов. В итоге состав нейтральной лексики значительно пополнился большим количеством сугубо книжных слов, часто узкоспециальных и в еще большей степени слов сниженного характера, не только бывших разговорных и просторечных, но и жаргонных, утративших узкую социальную сферу применения.

Одновременно с процессом нейтрализации высоких книжных слов идет процесс вхождения в нейтральный, общеупотребительный словарь элементов просторечия, жаргонов, узкопрофессиональных слов. И если просторечные слова теряют свою сниженную окраску, т. е. стилистически выравниваются в нейтральном контексте, то жаргонные и профессиональные слова не только преобразуются стилистически, но при этом меняются и семантически, расширяя свою семантику за счет вхождения в новые контексты.

Параллельно стилистической нейтрализации идет процесс стилистического перераспределения — перемещения слов из одной стилистической группы в другую.

Для языка и федеральных, и региональных СМИ характерна не только стилистическая нейтрализация, но и нейтрализация смысла путем эвфемизации, замены одних слов другими, чтобы закамуфлировать существо дела. Происходит вуалирование нежелательного смысла слов. За нейтральным словом, словосочетанием скрывается прямое значение слов, часто нежелательное по политическим или морально-нравственным, этическим соображениям.

Эвфемизмы нейтрализуют истинный смысл прямых наименований, смягчают его, облачая в обтекаемые словесные формы. Такой камуфляж не скрывает смысла, новые наименования воспринимаются однозначно, однако форма облачения смысла становится корректной и психологически более приемлемой. Эвфемистические речевые формулы обычны для текстов официально-дипломатических, юридических, военных. В СМИ они могут получить иронический оттенок звучания.

Одной из особенностей современного функционирования лексики в языке массовой печати является повышенная метафоричность. В данном случае речь не идет о художественной метафоре, которая сугубо индивидуальна и обладает смысловой двуплановостью. Двуплановость содержания образной метафоры обеспечивается взаимодействием, «игрой» основного и ассоциативного значения. Метафора здесь выступает как

литературный прием изображения. Метафора языка современной массовой печати социальна, это скорее способ мышления, способ восприятия мира, а не только прием изображения. Такая метафора способна вскрыть общественно-политические и идеологические изменения в обществе и одновременно обнаружить их влияние на семантические процессы в лексике.

Язык СМИ на рубеже веков, использовав богатые традиции прошлого, в еще большей степени расширил метафорические контексты с политическим и социальным содержанием: кабинеты власти, коридоры власти, национальные квартиры, корабль реформ, здание устаревшей политики и мн. др.

Орлицкий Юрий Борисович,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник,

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Частеречные «поэтики» в русской поэзии XX в.

В докладе предполагается рассмотреть одно из новых явлений, возникших в русской и мировой поэзии XX в. в ходе поиска новых выразительных языковых средств: создание целых произведений на базе одной устойчивой грамматической модели, решительного преобладания одной части речи, определяющей форму всего текста.

Это явление впервые систематически рассмотрено в работах А. Жолковского, описавшего т. н. «инфинитивную поэтику» — создание текстов, опирающихся на инфинитив как грамматическую базу текста. По аналогии с этим, очевидно, можно говорить также об именной и адъективной и т. д. поэтике. В знаменитой работе М. Гаспарова «Фет безглагольный» рассмотрен также «отрицательный» вариант частеречной поэтики — написание произведений, не содержащих той или иной части речи (в случае Фета — глаголов). Нагнетание имен характерно для ряда произведений В. Брюсова и К. Бальмонта, так что явление имеет достаточно давнюю традицию в русской поэзии.

Однако наиболее широко частеречная поэтика развернулась во второй половине XX в. Ее непосредственным прологом можно считать «Живописное обозрение» Г. Оболдуева, написанное в 1927 г., но впервые опубликованное в недавнее время: третья часть этого объемного цикла представляет собой список описаний явлений растительного мира, каждая строка которого построена по единой схеме: прилагательное в им. п. мн. числа, сущ. в им. пад. ед. или мн. числа, сущ. в род. пад. мн. числа.

В 1960–1980 гг. этот прием становится конструктивно важным для ряда произведений И. Холина, Г. Сапгира, Вс. Некрасова, А. Кондратова, Г. Луконникова, чаще других авторов прибегавших к «частеречной» поэтике в разных ее вариантах: от простейшей унификации (у Холина и Кондратова) до более сложных. Особый интерес представляют в этом смысле минималистические тексты, в которых грамматическая унификация подчеркивает принципиальную «бедность» речевых средств.

Соответственно, можно говорить о «чистом» использовании поэтики, охватывающей весь текст, и о ее применении в связи с другими приемами текстопостроения.

Рябушкина Светлана Васильевна,

к. ф. н., доцент, Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова

Экспансия числа как ономастический феномен

Число вторгается во все сферы жизни современного человека, в том числе и в мир собственных имен. Эта экспансия закономерна: число/имя числительное (ИЧ) оказывается «идеальным онимом»: будучи элементом счетной системы, оно всегда однозначно и при этом не соотносится напрямую с тем или иным явлением действительности, а потому как нельзя лучше может выполнить характерные для онима функции индивидуализации и идентификации. Число/ИЧ более характерно для искусственных онимов и может войти в состав практически любого имени собственного — от антропонима до прагмонима.

Основанием для онимической номинации может стать любое из возможных для ИЧ значений: 1) абстрактное понятие числа (*два плюс три*); 2) количество предметов (*три книги*); 3) приблизительное количество (*часов пять, около семи дней*); 4) порядковый номер предмета, занимаемое им место в ряду однородных (*третий слева в пятом ряду, занять первое место*); 5) неопределенное — чаще большое — количество (*тысячу раз повторял*); 6) культурный символ (*семь чудес света*).

По составу среди дENUMеральных онимов можно выделить несколько типов: 1) однословный оним — субстантивированное ИЧ, чаще порядковое, реже количественное или собирательное: *Ноль-Ноль-Семь, Седьмой* (особое имя человека — подпольная кличка или позывные разведчика, псевдоним), *Двое* (сборник рассказов Татьяны и Наталии Толстых); 2) именные группы с ИЧ, образующие составное наименование: *площадь III Интернационала*, метафорическое название Индонезии *Страна семи тысяч островов*, паб «*Шестнадцать тонн*», студенческая субкультура «*Четвертый вагон Курского направления*»; 3) дENUMеральные имена — в качестве однословного онима или как компонент ономастического сочетания: *Семерка* (народное название созвездия Большая Медведица), *Тройка, семерка, туз* (рассказ В. Тендрякова).

Среди антропонимов дENUMералы довольно редки: порядковые ИЧ представлены в «династических» и «должностных» именах: *Иван IV, Первый проректор*. В неофициальных личных именах также обнаруживаются ИЧ: *Гений орфографии Васька Восемьдесят Пять* (А. Чудаков).

Нумеральный топоним показывает пространственную организацию местности: ул. Тверская, переходящая в 1-ю Тверскую-Ямскую, соседствующую со 2-й, 3-й и 4-й Тверскими-Ямскими ул. в центре Москвы. Возможны и топономастические казусы: *В Хабаровском крае названия географическим*

объектам давали топографы. Так на карте появились реки 1-я Седьмая, 2-я Седьмая, 3-я Седьмая... (НТВ. 24.09.07).

ИЧ активно захватывают область «ономатетической инженерии», подчиняя себе технологические процессы творения эргонимов, прагмонимов и других периферийных «неканонических» ономастических единиц, называющих предметы, созданные человеком: космический корабль *Восток-2*, *Восток-3*, рекламное агентство «777», топливо класса «Евро-2», «Евро-4».

Модная тенденция заметна в идеонимах. В заглавии концентрируются смыслы текста — ИЧ может стать главным символом, отсылкой к прецедентным феноменам, как, например, в названии статьи И. А. Мельчука «Three main features, seven basic principles, and eleven most important results of Roman Jakobson's morphological research» (с эпиграфом из «Пиковой дамы»). ИЧ отсылает ко времени описываемых событий (фильм «1612», романы Д. Глуховского «*Метро 2033*» и «*Метро 2034*»), называет число героев или идей (фильмы «12», «Три плюс два», книга А. Усачева и В. Чижикова «333 кота», статья А. Чудакова «*Семь свойств научного метода Виноградова*») или имеет иное оправдание (телепрограммы «*Двенадцатый этаж*», «*Пятое колесо*», рассказ Ю. Буйды «*Пятьдесят два буковых дерева*», книга Б. Такахаша «*Первые 37*»).

Но, к сожалению, числовой оним не всегда адекватен именуемому предмету, банальность и абсурдность этого ономастического приема демонстрирует, например, сообщение на сайте absurdopedia.wikia.com: *3 июня 2009 г. завершились выборы лучшей статьи второго полуторагодия. Было собрано 48 голосов, из-за отсутствия вклада не засчитаны 3. Победила статья «54 308 428 790 203 478 762 340 052 723 346 983 453 487 023 489 987 231 275 412 390 872 348 475».*

Скрбнева Тамара Григорьевна,

к. ф. н., доцент, Владимирский государственный университет

Стилистика в формате слайда

Стилистика занимается анализом речевых актов, обладающих коннотативным значением наряду с денотативным. Такие речевые акты зафиксированы в виде текстов — звуковых или графических. В преподавании курса дисциплины мы, как правило, имеем дело с их графической репрезентацией.

Наиболее привычной, классической формой, с которой мы имеем дело, является отпечатанный на бумаге или существующий в электронном виде (подобный тому, который вы сейчас читаете) текст. Он является основным источником информации при изучении любого предмета. Поскольку рассматриваемая дисциплина — это наука об *особой* организации текста, наделяющей его стилистической функцией, в ее преподавании целесообразно прибегнуть к «динамическому тексту». Под последним понимается текст, предлагаемый через слайд-шоу, в нашем случае с помощью приложения PowerPoint.

Преимуществами динамического текста являются возможности реорганизации, выходящей за рамки простого «вёрдовского» редактирования,

позволяющие преобразовывать данные, вносить изменения, удалять или вводить какие-либо фрагменты и символы, менять формат их представления и пр. Такие трансформации достигаются через анимационные эффекты, содержащиеся в банке опций электронного приложения.

Примером использования текста в PowerPoint может стать демонстрация такого стилистического явления, как аллитерация, скажем, в строках Бальмонта: *Вечер. Взморье. Вздохи ветра. Величавый возглас волн*, когда вслед за озвучиванием отрывка преподавателем на экране загораются (или меняют цвет, или др.) первые буквы каждого слова, указывая на специфику явления.

Динамический текст обладает большими обучающими способностями, поскольку процессы его изменения могут быть представлены в развитии, в действии, что является более наглядным и запоминающимся. Он (текст) расширяет возможности лектора, который может предложить студентам два подхода к осмыслению изучаемого материала — дедуктивному или индуктивному, что удобно при разных формах занятий, лекционных или семинарских; а также при различных уровнях подготовки аудитории, или целях и объеме курса (будь то классический курс для языковых вузов или экспресс-курс факультатив для не-лингвистов).

Презентация текста через слайд-шоу применима далеко не ко всем стилистическим явлениям, а лишь к тем, которые попадают в разряд объектов «стилистики последовательностей», а также к некоторым представителям «стилистики единиц». Удобны для демонстрации с помощью динамического текста такие приемы, как аллитерация, ассонанс, асиндетон, полисиндетон, хиазм, параллельные конструкции, парцелляция, инверсия, лексическая и синтаксическая анафора, анаколуп, эпифора, симплока, градация и др. Объяснение основ стихосложения с помощью текста в PowerPoint представляется особенно наглядным и эффективным.

Следует, однако, признать, что создание презентации с таким видом сопроводительного материала для лекции — достаточно трудоемкий процесс, поскольку подготовка образцов для демонстрации выходит за рамки простого редактирования текстов в приложении PowerPoint. Прибегать к этому методу, или нет — решать преподавателю, но временные затраты, думается, окупятся интересом и более прочными знаниями обучаемых.

Шаповал Светлана Анатольевна,
преподаватель, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Лексическое значение слова «сталкер» в современной речи

Сталкер (от *англ.* to stalk — охотиться, преследовать, красться) — термин, придуманный А. и Б. Стругацкими («Пикник на обочине», 1972) для обозначения профессии своего героя — проводника в запретную Зону. Считается, что после фильма А. Тарковского «Сталкер» (1979) этот термин приобрел обобщенный смысл и, по выражению самих авторов, «пошел и вширь, и влужь» — в частности, стал обозначать человека, который ориентируется

в запрещенных и/или малоизвестных другим местах и территориях, в заброшенных объектах (от крупных промышленных заводов и военных баз до старых домиков в вымерших деревнях). Значение слова, в том числе при его употреблении в новых произведениях, созданных по мотивам исходного (в романах Д. Глуховского, игре S.T.A.L.K.E.R. и др.), являлось предметом не только обсуждения на форумах (<http://ufo.net.ru/showthread.php?t=740>), но и специального культурологического изучения [Боева, 2009].

По словарной фиксации в БТС, слово имеет два значения: «1. Первопроходец, первооткрыватель (обычно в опасных для жизни местах). 2. Тот, кто рискует жизнью, подвергает ее большой опасности ради достижения какой-л. цели». Портал «Грамота.ру» в ответе на вопрос читателя приводит следующие данные: «маниакальный почитатель и упорный преследователь знаменитостей из мира искусства в США, “охотник” за голливудскими “звездами” (особенно женщинами)» — со ссылкой на Словарь современных понятий и терминов (под ред. В. А. Макаренко, 2002).

Сегодня в речи существует множество вариантов значения слова «сталкер»; в контекстах его употребления актуализируются разные, вплоть до взаимоисключающих, составляющие смысла: «человек, который ведет людей, утративших иллюзии и надежду»; «превративший, по сути, криминального профи в юродивого»; «требуются молодые, веселые, интересные экскурсоводы (сталкеры) в Парк чудес “Галилео”»; «проводник в другие миры, практически — в другие человеческие сообщества, компании; образно — в другое состояние души, личности. Иногда используется в смысле «прозелитор» т. е. приводящий к религии»; «это человек, по натуре проходец, ведущий беспоконную жизнь охотника и разведчика, способный выйти невредимым из любой переделки»; «как сталкер, находится в какой-то своей зоне, не слышит, не видит, не понимает, обрастает панцирем цинизма и черствости от неуверенности в себе, от зажима и несчастья» и мн. др.

Как видно по приведенным примерам, одни компоненты значения актуализируются, другие отходят на второй план, и т. д.; в целом можно выделить семы опасности, криминальности, «странности» (экзотичности, маргинальности, аномальности), мистичности, одиночества, альтруизма и бескорыстия (или напротив, зарабатывания денег), профессионализма, таланта, способности «быть проводником» и др.

Слово «сталкер» продолжает употребляться в гораздо более сложных, чем первоначальные, контекстах и развивает новые значения и оттенки значений. В работе проводится компонентный анализ значения слова по материалам, представленным в Национальном корпусе, а также выделенным с помощью поисковых систем; предлагается вариант описания структуры лексического значения слова «сталкер» в современной речи.

Литература:

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Боева Г. Трансформация феномена сталкерства в постсоветском культурном пространстве // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации: сб. ст. Вып. 1. СПб.; Олыштын, 2009. С. 149–156.

Шатилов Андрей Сергеевич,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Изменение стиля газетных заголовков

(на примере газеты «Известия» 1990, 2000 и 2010 гг.)

1. Газетные заголовки играют ключевую роль в организации газетного текста. Они выполняют функции привлечения внимания и информации о содержании.
2. В 1990-е гг. преобладающим типом газетного заголовка был именной тип, включавший устойчивые словосочетания или клише, содержащий минимальное количество единиц (не более четырех), который зачастую не сообщал конкретную информацию. Прецедентные тексты практически отсутствовали.
3. В 2000-е гг. произошло увеличение средней длины заголовка, количества глагольных форм. Кроме того, произошел резкий рост прецедентных текстов.
4. В 2010 г. вышеназванные тенденции усилились — наблюдается рост глагольных форм в заголовках, увеличивается средняя длина, растет количество прецедентных текстов и фразеологических оборотов.
5. Можно предположить, что в дальнейшем мы будем наблюдать увеличение длины заголовков, сокращение глагольных форм, рост именных словосочетаний, изменение порядка слов.

С Л А В И С Т И К А

АНДРЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ (СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ)

Бершадская Марианна Леонидовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Первая мировая война и Гражданская война в России
в творчестве Воеслава Моле

1 августа 1914 г. известный словенский поэт и искусствовед Воеслав Моле (1886–1973) был мобилизован в австрийскую армию, а через месяц после этого попал в плен и был отправлен в Сибирь, где провел более пяти лет в лагерях для военнопленных. Вернувшись из России в 1920 г., преподавал в университетах Любляны и Кракова, являлся академиком Польской академии художеств в Кракове и членом-корреспондентом Словенской Академии наук и искусств.

В 1910 г. Моле издал свой первый поэтический сборник «Когда цвели розы». В то время он был поборником «чистого искусства», утверждал его независимость от социально значимых проблем, защищал идеи элитарности творчества, культ красоты.

Десять лет спустя вышла книга стихов «Tristia ex Siberia», являющаяся лирическим дневником, запечатлевшим пребывание поэта в Сибири. Он описывает природу тех мест, куда его забросила судьба, восхищается красотой застывшего под снегом Байкала, «шумом речных, неспешных вод» Енисея, тоскует об оставшейся в далеком Кракове невесте, о своих родных и друзьях, мечтает о возвращении на родину, с горечью и болью говорит о «сибирских могилах», в которых покоятся умершие от ран и болезней военнопленные. Одним из основных мотивов сборника являются неисчислимые потери и страдания, которые принесла с собой война. Ужасной, безумной сказкой кажется Моле действительность огромной измученной страны, охваченной братоубийственной гражданской войной. «Кроваво шутит русская свобода», — пишет он в стихотворении «В тайге», а в сонете «Новый год 1920» с горечью размышляет о настоящем и будущем России.

Спустя пятьдесят лет после выхода поэтического сборника «Tristia ex Siberia» Моле вновь обратился к трагическим событиям Первой Мировой

войны и суровому жизненному опыту, приобретенному в сибирских лагерях — в 1970 г. вышла его «автобиография гуманитария» под названием «Из книги воспоминаний». В ней автор описывает всю свою долгую жизнь, начиная с детских и юношеских лет и заканчивая 1966 г.

Первой Мировой войне и пребыванию в Сибири посвящена вторая часть книги, где-то около трети ее объема.

Воспоминания о битвах под Перемышлем и Красником проникнуты ненавистью к войне, в которой солдаты славянских национальностей вынуждены воевать и погибать не за свою родину, а за чуждую им Австро-Венгерскую монархию, сражаться с братьями-славянами, с которыми они связаны вековыми родственными чувствами. Это делает такое бессмысленное и противостественное явление как война еще более абсурдным и бесчеловечным.

Моле описывает свои скитания по сибирским лагерям с их теснотой, грязью, полчищами клопов, тараканов и крыс. Угнетают пленных не только отвратительные бытовые условия, но и невозможность хотя бы на короткое время оказаться в одиночестве, выйти за стены лагеря без особого предварительного разрешения начальства и без следующего по пятам конвоира. Письма из родных краев приходят крайне редко (раз в несколько месяцев) и нерегулярно.

Помимо ощущения несвободы и бытовых неудобств жизнь в лагере отравляют многочисленные национальные и политические конфликты.

Автор прекрасно понимает, что беды военнопленных не изолированы от действительности России, «ведущей страшную, кровавую войну за свое существование и приносящей тяжелые, огромные жертвы на алтарь освобождения от грозящего порабощения со стороны ведущих сверхдержав». Поэтому он уделяет много внимания всему, что происходит в России, пытается рассмотреть российские события в международном масштабе, стремится соотнести личный опыт с основными закономерностями и трагическими противоречиями эпохи. Помимо этого, в его «...воспоминаниях» мы находим очень яркие и красочные описания сибирских городов, поэтические пейзажи, запечатлевшие уникальную сибирскую природу, колоритные и психологически точные портреты знакомых ему людей. Большой интерес представляют отдельные эпизоды книги, характеризующие политическую жизнь России эпохи Гражданской войны.

Волошина Гелена Казимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Крымские сонеты» А. Мицкевича:
роль перевода в диалоге культур

«Крымские сонеты» А. Мицкевича были опубликованы в 1826 г. В 1-й половине XIX в. в России и Польше возросло понимание значения переводов в межкультурном взаимодействии. В. Г. Белинский писал, что «на переводах произведений литературы одного народа на язык другого основывается знакомство народов между собой, взаимное распространение

идей, а отсюда — самое процветание литератур и умственное движение». П. А. Вяземский, И. И. Дмитриев, И. И. Козлов, М. Ю. Лермонтов, Л. А. Мей, А. И. Майков, А. А. Григорьев, В. Г. Бенедиктов — вся эта разносторонняя плеяда русских поэтов переводила «Крымские сонеты». В результате русская словесность получила блестящие образцы художественного перевода шедевра Мицкевича, стоящего на рубеже двух литературных эпох: классицизма и романтизма.

В «Крымских сонетах» Мицкевичем на основе традиционного сонета создается особый гражданско-философский жанр, о котором Пушкин упоминает в своем «Сонете»: «Певец Литвы в размер его стесненный / Свои мечты мгновенно заключал». Сонеты написаны 13-сложным размером, которым в XVII и XVIII в., в эпоху Просвещения, писались объемные поэмы с описательно-героической тематикой. Форма сонета хорошо освоена польской поэзией начиная с XVII в. Сонет выработал традиционные закономерности расположения текста в двух катренах и двух терцетах (от экспозиции через кульминацию к развязке в заключительном терцете). Незначительные колебания рифмованных окончаний также были закреплены в определенном количестве вариантов. Иными словами, в «Крымских сонетах» Мицкевич продолжил взаимодействие приемов новой поэзии с поэтической техникой предыдущих направлений.

Сонеты проникнуты элементами как восточной экзотики, так и философии. Ориентальный колорит выражен с помощью элементов коранической и авестийской мифологии (Eblis, Divy, Simurg, dzun, peri, harysa и т. п.), также используется лексика персидского, арабского и тюркского происхождения (menar, izan, namaz, turban, kalif, basza, chylat и т. п.), элементы восточной образности (в форме непривычных сравнений, метафор и метонимий).

Новаторски используется поэтом тесная связь формальной структуры произведения с его содержанием. В каждом сонете (их общее число — 18) его внутренняя композиция соответствует традиционным канонам: первый катрен — экспозиция, второй — продолжает линию подъема, в первом терцете начинается нисхождение темы, а в последнем — развязка. В сонетах, в которых действуют и говорят два героя («Пилигрим» и «Мирза») слова и мысли Пилигрима (романтического героя-скитальца) преимущественно сосредоточены в начальных катренах, а Мирзы (восточного героя) — в завершающих терцетах. Таким образом, вывод-сентенция заключена в словах героя — носителя восточной философии, восточного видения мира, и чаще всего, по логическому содержанию, это антитезис к тезису пилигрима.

Тем неожиданнее звучит сонет XV («Дорога над пропастью в Чуфут-Кале»), который открывается размышлениями Мирзы на три строфы, а ответ пилигрима — в последнем терцете, что создает впечатление антитезиса к мыслям Мирзы. Последняя стихотворная строка заключительного терцета разрушает антитезис, и развязка наступает не в традиционном последнем терцете, а лишь в его последней строке. Мирза предостерегает Пилигрима (т. е. европейца) о том, что нельзя пытаться заглянуть туда, куда человеку

запрещено проникать даже взглядом. Таким образом, тезис и антитезис распространен поэтом почти на весь сонет, а синтез охватывает всего полторы заключительные строчки. Столкновение традиционной формы с новым содержанием, новым миропониманием, вызывает эффект неожиданности, способствует усилению эмоциональной выразительности и выявлению смысловой глубины.

Егорова Ксения Борисовна,

к. ф. н., младший научный сотрудник,

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

История перевода польской литературы в Харьковском университете (1800–1825 гг.)

В докладе речь пойдет об истории перевода польской литературы в Императорском Харьковском университете, которая началась в 1818 г., когда польский язык появился в качестве отдельного предмета в учебной программе историко-филологического (словесного) факультета. Первым преподавателем польского языка в Харьковском университете стал Петр Петрович Гулак-Артемовский (1790–1865). Сложно сказать, были ли у Артемовского-Гулака в Харькове предшественники, преподававшие польскую словесность в качестве отдельной дисциплины.

Первые результаты работы Артемовского-Гулака со студентами Харьковского университета появились вскоре после открытия курса польского языка и словесности. Уже в марте 1819 г., спустя месяц после публикации «Речи в день открытия Кафедры Польского языка при Императорском Харьковском Университете», «Украинский вестник» поместил в разделе «Изящная словесность» перевод письма Антона Боржевского к Графу Брунону Кицинскому «Окрестности Рейна», выполненный Николаем Левицким [1].

Вместе с Левицким курс польского языка и словесности в Харьковском университете прослушал Александр Васильевич Склабовский (1793–1831) [2], который был очень активным и талантливым студентом: он организовал студенческий литературный кружок, стал инициатором издания в 1819 г. первого собрания студенческих упражнений в стихах и прозе «Труды студентов-любителей отечественной словесности в Императорском Харьковском Университете», опубликовал собственный сборник стихов «Опыты в стихах» (1819 г.). В рамках доклада будут рассмотрены переводы с польского языка, выполненные Николаем Левицким и Александром Склабовским, а также поднят вопрос о специфике университетских переводов.

Примечания:

- [1] Окрестности Рейна. Перевод письма Антона Боржевского графу Брунону Кицинскому // Украинский Вестник, № 3, 1819. С. 319–338.
- [2] О нем см.: *Сумцов Н. Ф.* Склабовский // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования... С. 59–71. *Сумцов Н. Ф.* А. В. Склабовский, как поэт и ученый. Харьков, 1904.

Зеновская Полина Евгеньевна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Дискретность как характерная черта хронотопа малой прозы Иво Андрича

Дискретность хронотопа проистекает из самой природы словесного творчества. Художественная литература достаточно свободно обращается со временем и пространством, воспроизводя не весь временной поток, а лишь его художественно значимые фрагменты. Выбор изображаемых фактов представляет собой осознанный творческий акт. Писатель, отбирая только значимые с его точки зрения эпизоды, сильнее всего образом пере-страивает и перерабатывает жизненный материал. Автор художественного произведения имеет возможность заполнять образующиеся временные и пространственные пустоты краткими упоминаниями и специфическими формулами. Подобный прием возможен благодаря психологическому эффекту, возникающему при прочтении художественного произведения: часть времени и пространства достраивается, а интервал заполняется благодаря воображению и опыту читателя.

В мировой литературе И. Андрич известен прежде всего как автор романов-хроник, действие которых охватывает масштабные временные промежутки, предоставляя писателю достаточно широкий спектр возможностей с точки зрения организации художественного времени и пространства. Однако исследователи наследия И. Андрича выделяют именно жанр малой прозы как наиболее органичный для автора и послуживший основой его романного творчества.

Дискретизация хронотопа в рассказах И. Андрича возникает, прежде всего, в том случае, когда эстетические задачи писателя предполагают включение в художественную реальность произведения довольно крупных фрагментов времени и пространства. В сочетании с ограниченностью объема рассказа это вынуждает автора усиливать многомерность и дискретность темпоральной и пространственной структуры произведения.

Дискретность хронотопа позволяет переключать внимание читателя между значимыми с идейной точки зрения ситуациями, которые могут быть разнесены на значительные расстояния. Следование за восприятием персонажей художественного произведения открывает широкие возможности для дискретизации хронотопа. В данном случае необходимо рассматривать структуру художественной реальности с позиции концепции «точек зрения». Перемещение авторского внимания от одного персонажа к другому имеет следствием многоплановость пространственно-временной структуры. Это тем более характерно для хронотопа рассматриваемых произведений, в которых автор использует прием «рассказ в рассказе».

В малой прозе И. Андрича дискретизация хронотопа зачастую является следствием использования кольцевой композиции. Нарушение линейного течения времени и связности художественного пространства в данном случае напрямую связано со спецификой содержания произведения.

Содержание произведения соотносится с уровнем дискретизации хронотопа также в рассказах, затрагивающих тематику пути. Понятие

пути предполагает континуальность хронотопа. Однако в произведениях И. Андрича задача изображения пути решена в обход непрерывности художественного пространства и времени: изображение пути как такового в рассмотренных рассказах отсутствует. Несмотря на то, что семантически путь включает в себя понятие нерасчлененного потока движения во времени и пространстве, в данном случае реализуется позиция, близкая к точке зрения И. Р. Гальперина: движение приостанавливается и отдельные его составляющие рассматриваются во взаимодействии.

Таким образом, дискретный характер хронотопа произведений И. Андрича обусловлен композиционными особенностями малой прозы писателя, а также спецификой ее содержания. Дискретность художественного времени-пространства проявляется в комбинировании пространственно-временных планов персонажей в пределах повествования, в нарушении линейной последовательности событий и в отборе изображаемых элементов с возможностью восстановления читателем опущенной и подразумеваемой автором информации.

Калиганов Игорь Иванович,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Иван Вазов о славянском братоубийстве в Первую Мировую войну

Иван Вазов (1850–1921) — патриарх болгарской национальной литературы конца XIX — первых десятилетий XX в. Его творческий дар проявился практически во всех жанрах национальной словесности: прозе, поэзии, драматургии, детской литературе. Он создал первый болгарский роман «Под игом», получивший мировую известность и переведенный на десятки иностранных языков. И. Вазова собирались номинировать в Швеции на Нобелевскую премию в области литературы, но эта инициатива заглохла из-за военно-политических катаклизмов в Юго-Восточной Европе — Балканских войн 1912–1913 гг.

Во время этих войн Болгария, Греция и Сербия сначала сообща отвоевали у Турции населенные болгарами, сербами и греками земли, но, одержав победу, не смогли договориться между собой о справедливом дележе приобретений. Между бывшими союзниками вспыхнула война: с севера на Болгарию двинулись сербы, дойдя почти до Софии, с юга напирала воспрянувшие турки, а с северо-востока в спину неожиданно ударила затаившаяся на время Румыния. Болгария потерпела полный разгром и вынуждена была заключить унижительный для себя Бухарестский мир.

И. Вазов проявил себя патриотом, он поддерживал справедливую для Болгарии войну, испытал прилив воинственных чувств, но постепенно поддался милитаристским настроениям. Писателям-милитаристам дорога в Нобелевские лауреаты, разумеется, была заказана. В еще более сложную ситуацию И. Вазов попал в Первую Мировую войну, когда Болгария выступила на стороне блока Центральных государств, оказавшись в одном стане с Германией, Австро-Венгрией и Турцией и выступив

против России, Сербии и Греции. В 1916 г. в Добрудже сошлись лицом к лицу болгары, турки и немцы, сражаясь против русских, румын, сербов и хорватов. Все это вызвало страшную сумятицу в умах болгар: бывшие угнетатели турки награждали болгар за храбрость в борьбе против их бывших освободителей русских и румын, а болгары удостаивали орденов и медалей турок, которые помогали им отвоевывать и румын населенную болгарами Добруджу.

Прогерманскую ориентацию Болгарии осудил в своем открытом письме «Торгующим в храме» известный русский писатель Леонид Андреев. Он уподоблял в нем Болгарию Иуде, продающему славян за сребреники ради своих политических интересов. Болгария, по его словам, страна-предатель, у нее славянское сердце, но немецкие мозги, одну руку она держит ладонью вверх, а другой сжимает нож для братского горла Сербии. Писатель уподоблял Болгарию скотине в немецком стойле, которую поведут на убой, когда польются потоки братской крови.

Письмо Л. Андреева вызвало всплеск негодования среди болгарских писателей: на него откликнулись Антон Страшимиров, Кирил Христов, Димо Кёрчев, Стилиян Чилингиров, Любомир Бобевский и другие творцы. Не остался в стороне и Иван Вазов. Будучи последовательным русофилом, он не смог стерпеть несправедливые упреки русского писателя. В своем ответном письме И. Вазов писал о том, что Л. Андреев ослеплен злобой и гневом и не в состоянии увидеть истину, он не знает и никогда не захочет по-настоящему узнать болгар. Он строит свои суждения о болгарях со слов изменников сербов, которые совершили столько неправд и несправедливостей в отношении своих болгарских братьев. В то же время у болгар никогда не было намерения завладеть землями сербских соседей. Болгары как народ никогда не торговали своей совестью, не предавали своих славянских братьев, не забывали о своих обязанностях. По мысли И. Вазова, русский писатель превратился в сербский рупор, потому что у сербов не хватает ни куража, ни моральной силы, чтобы явиться лично к болгарам и бросить им в лицо несправедливые обвинения.

Возмущение письмом Л. Андреева не искоренило в душе И. Вазова любовь к России. Она продолжала жить в поэзии писателя, он искренне сожалел и изумлялся славянскому братоубийству.

Курсакова Екатерина Игоревна,

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Традиции религиозной поэзии в словацкой литературе до первой половины XX в.

Религиозная словацкая поэзия восходит своими корнями к западно-европейскому типу литургических песнопений — грегорианскому хоралу. До XV в. центрами словацкой книжно-письменной культуры были монастыри. Один из сохранившихся литературных памятников этого периода со словацкими глоссами — сборник церковных песен Вацлава Бзенецкого (1385). Однако в неблагоприятных исторических условиях (нашествие татар

в XIII в., турецкие войны XIV–XV вв.) словацкий язык и литература длительное время не могли свободно развиваться.

В период словацкого Ренессанса (XV–XVI вв.) центральное место в религиозной литературе занимает библейский стиль. Наиболее ярко это проявилось в жанре духовной поэзии, где наблюдаются прямые парафразы из Библии, переложение псалмов и текстов Псалтири. Значительным отличием от предыдущего периода является появление субъективной духовной лирики. Как правило, эти личные переживания в форме молитвы принадлежат авторам-протестантам, писавшим на словакизированном чешском языке. Таковы, например, произведения Яна Сильвана (1493–1572) и Элиаша Лани (1570–1618).

Религиозную лирику Я. Сильвана отличает выраженное субъективное начало, вступающее в противоречие с канонической формой псалмов. В своих стихах из книги «Песни новые на семь псалмов покаянных и другие псалмы» (1571) поэт затрагивает традиционные для духовной поэзии темы, ссылаясь не только на текст Библии, но и на античную философию.

Другим не менее известным представителем духовной лирики эпохи Ренессанса был Элиаш Лани. В его творчестве мы также наблюдаем выраженный субъективизм. Но, в отличие от предшественников, у Э. Лани наблюдается углубление мистицизма, фатализма, чувства вины и страха (песни «Так ли я всегда в печали», «Хоть сердце мое тоскует»). Всё это свидетельствует о преобладании барочного начала в лирике Лани.

В творчестве классициста Яна Голлого (1785–1849) библейская символика занимает особое место. В сборнике «Католический песенник» автор стремится в доступной для народа форме изложить молитвы на каждый день — как для повседневного, так и для праздничного случая («Молитва утренняя», «По воскресеньям», «Рождественская»).

Крупнейшая фигура второй половины XIX столетия П. О. Гвездослав раскрывает тему взаимоотношений человека с Богом в сборнике «Псалмы и гимны» (1985). Отношение поэта к Творцу неоднозначно, в чем проявился бунтарский дух человека эпохи упадка. Однако лирический герой признает божественную природу всего сущего на земле («Псалом жалобы», «De profundis»).

В начале XX в. традиции духовной лирики были восприняты поэтами Словацкой Модерны, литературного течения 1900–1918 гг. В творчестве одного из главных представителей Модерны Ивана Краско находим неоднократное обращение к религии: христианские образы-символы, библейские аллюзии (сб. «Nox et solitudo», 1909). Вслед за мистическими откровениями И. Краско к религиозной теме обращается неосимволист Э. Б. Лукач. В сборнике «Гимны во славу Господню» (1926) поэт исходит не только из библейских сюжетов, но также из традиций религиозной словацкой поэзии. Невидимую связь духовной лирики словацких поэтов продолжают представители Католической Модерны (Дилонг, Силан, Глбина, Вайгл и др.), течения, сформировавшегося под прямым влиянием реформации на рубеже XIX–XX вв. Католических авторов вдохновляют темы, напрямую связанные с церковными традициями, но нередко они открывают читателю

свои интимные переживания (поиск путей к спасению души, страх смерти, жажда духовной любви).

Традиции словацкой духовной поэзии имеют богатую историю: через литературную трансформацию грегорианского хорала создаются первые канционалы, впоследствии усложненные до лирических религиозных песен, что приводит к созданию в XX в. целого литературного течения (Католическая Модерна), поддерживающего древние литературные традиции христианской поэзии.

Лунькова Наталья Александровна,

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Мотивы детской прозы С. Стратиева

Сборник рассказов «Одинокие ветряные мельницы» (1969), повести «Путешествие без чемодана» (1972) и «Жизнь на небе» (1983), созданные болгарским писателем С. Стратиевым, можно отнести к литературе для детей. В незамысловатых текстах, описывающих формирование мировоззрения детей и подростков, с лиризмом воссоздается мир детства, воспоминания о котором хранятся в человеческой памяти многие годы. Соседи, живущие на той же маленькой улочке, сад, который кажется настоящими джунглями, озорные проделки и многое другое — все эти разные по своей структуре воспоминания-образы сплетены воедино. Уроки, извлеченные из периода собственного взросления, помогают героям ответить на главные нравственные вопросы.

Жанровая форма некоторых текстов близка к притче, что позволяет автору выйти за национальные рамки своей литературы. В докладе анализируются основные мотивы и структура образов данных произведений.

Мещерякова Ольга Александровна,

д. ф. н., профессор, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Тема любви и смерти в произведениях А. Асныка и И. Бунина

К произведениям польских поэтов И. А. Бунин обращается на рубеже XIX–XX вв. Первыми переведенными стихами стали лирические зарисовки Адама Асныка. В 1894 г. в шестом номере журнала «Вестник Европы» появляется его стихотворение «Без слов мы навсегда простилися с тобою», переведенное И. А. Буниным. Этот польский поэт привлек особое внимание будущего Нобелевского лауреата. Однако начинал И. А. Бунин не с этого стихотворения, а с лирических произведений, имевших «цветочные» заглавия: «Лилия» и «Астры». Что заинтересовало И. Бунина в творчестве А. Асныка? Советское литературоведение относило этого поляка к числу революционных поэтов, считая, что его лирика «проникнута идеями национально-освободительной борьбы». Но И. А. Бунина в первую очередь привлекала любовная тема, что, на наш взгляд, обусловлено событиями в жизни самого переводчика.

Как известно, в конце 1880-х — начале 1890-х гг. у молодого Бунина были непростые отношения с Варварой Пашенко. В течение пяти лет она была гражданской женой поэта, а в 1895 г. после разрыва с Буниным выхо-

дит замуж за его друга — Арсения Николаевича Бибикова. Много лет спустя, уже после смерти «Арсика», когда весть об этом событии достигла жившего за границей поэта, он записал в дневнике: «Так исчез из мира, в котором я еще живу, человек, отнявший у меня В. Что случилось с его Ворголом, где в ту далекую летнюю ночь мы встретили с ней любовь?» Эта запись говорит о том, что и после более чем тридцати лет память сохранила все детали глубокого и одновременно очень сложного чувства к Варваре.

История любви И. А. Бунина в пору его молодости помогает понять причину обращения к стихам Адама Асныка. Польский поэт умел отразить непредсказуемое с точки зрения разума движение чувства. Завораживает и притягивает своей тайной и непостижимостью мотив смерти. Он насквозь пронизывает стихотворение «Без слов мы навсегда простились с тобою...», «Лилии». Польский поэт рассматривает взаимосвязь двух главных состояний человека — любви и смерти — через осмысление свойств натуры человека, что блестяще передал И. А. Бунин.

Впоследствии, когда И. А. Бунин работал над своим литературным завещанием, переводы из А. Асныка не были включены в список рекомендованных к изданию. Возможно, поэт, будучи весьма требовательным к своим публикуемым произведениям, посчитал их недостаточно совершенными. В то же время известно, что после разлуки с В. Пашенко И. А. Бунин, по его собственному признанию, в силу своих «душевных переломов» печатал из стихов то, «что было менее интимно, преимущественно картины природы». По этой причине, вероятно, переводы любовных стихов из А. Асныка могли быть сближены с событиями личной жизни, и им надолго было «отказано» в известности.

Их повторная публикация состоялась, когда в 60-х гг. XX в. было принято 9-томное издание этого автора, включившее данные стихотворения в газетном и журнальном варианте.

Однако воплотившееся в стихотворениях А. Асныка соотнесение любви и смерти стало одной из важных тем И. А. Бунина не только как поэта, но и как блестящего прозаика, создавшего в конце жизни цикл рассказов о любви «Тёмные аллеи»: «Кавказ», «Баллада», «Натали» и некоторые другие завершаются смертью. Тема связи любви и смерти, затронутая А. Асныком, стала доминантной и для многих других произведений Бунина. Утверждая в своем творчестве идею неотделимости любви от смерти, русский писатель и поэт видит причину их взаимосвязи не только и не столько в характере человека, сколько в сущности любви, в ее трагической природе.

Сабат Галина Петровна,

д. ф. н., профессор, Дрогобычский государственный педагогический университет им. Ивана Франко (Украина)

Эстетический код сказочного мира Ивана Франко

В творчестве украинского писателя И. Франко проявил себя модернистский художественный потенциал, что многогранно отразилось и в сказке, которая стала одновременно и гомогенной (как концентрация жанровой сущности сказки), и гетерогенной (через контаминации с другими жанрами).

Комплексно исследуя сказки Ивана Франко, предлагаем их классификацию: деминутивные сказки, анималистические, сакральные, сказки «вандривки», онейрические, ориентальные, сказки-истории, сатирически-политические, философско-символические сказки. Подчеркнем, что герой-путешественник — очень популярный персонаж в эстетической системе романтизма — актуализируется в творчестве И. Франко, правда, представлен уже на неоромантическом уровне. Акцентируем также внимание на архетипе Беды, который непосредственно связан с трагической темой творчества писателя — страданий народа в условиях колониальной зависимости от Австро-Угорской империи.

Сказочное наследие Ивана Франко формируется на современных способах повествования: «потоке сознания», внутреннем монологе, формах сна, истории, путешествия, причудливости, деминутивном характере повествования, воплощении выдумки через хронос. Трагическое в сказках писателя представляется в воплощении своеобразного иронического анекдотизма.

В своих сказках И. Франко предстает как глубокий психолог, умный политик, рассудительный философ и мыслитель, острый сатирик, умелый живописец быта, природы, интерьера. Он обогащает жанр сказки и непосредственно гражданским, политическим смыслом, а это, безусловно, новаторский штрих в сказочной эволюции. Сказочная сфера писателя пронизана приметамы эпохи И. Франко: в произведениях представлены социально-исторические и бытовые факты, фигурируют персонажи, которые имеют место только в исторический период второй половины XIX и начала XX в. Кроме этого, И. Франко чувствовал драматизм эпохи и эту реакцию на мир стремился воплотить в своем сказочном творчестве, он вывел жанр сказки в сферу серьезной, интеллектуально-философской литературы.

И. Франко — сказочник-экспериментатор, его сказки оригинально комбинируются с другими жанрами и разворачиваются в разнообразных ракурсах: авантюрно-приключенческом, мистическом, символично-сатирическом, библийно-мировоззренческом, онейрическом, как история, речь, психолого-философское размышление, трикстерский сюжет.

Смирнова Ирина Николаевна,
аспирант, Институт славяноведения РАН (Москва)

Особенности некоторых женских образов в болгарском фольклоре

При обращении к анализу и характеристике женских образов в болгарском фольклоре не следует забывать о слитности общеславянского и балканского фольклора в древнейший и более поздний исторические периоды. Поэтому выделение чисто болгарского субстрата в образной, смысловой и векторной общности славянского и южнославянского фольклора чаще всего бывает крайне затруднительным, но, тем не менее, не невозможным. Это касается, например, образов самовил/самодив, или русалок, широко распространенных в болгарских и южнославянских народных представлениях.

Образы лесных и речных русалок бытовали в верованиях славян еще до появления их на Балканах. Сведения об этом обнаруживаются, например, в «Слове некоего христороубца» — русском литературном памятнике XV в., содержащем в себе данные о древних дохристианских обычаях славян. В произведении говорится о вере славян в богов, а также иных мифических существ, например, «вил», сестриц числом более тридцати. Об этом же сообщал и древний историк Прокопий, отмечавший почитание речных нимф славянами еще до переправы ими через Дунай.

В зависимости от географического ареала обитания славянскими племенами образы русалок-самовил могли варьироваться. Иногда они имели различный, прямо противоположный по смыслу облик. Самовила могла представлять как молодая, обольстительно красивая русоволосая девушка, водящая хороводы со своими подружками при лунном свете на берегу реки. Ее золотистые косы, спадающие до пояса или до самых пят, неземная красота и чарующий голос неотразимо действовали на путника, подчиняя его чужой воле. Или, наоборот, самодива могла появиться в облике страшной пожилой женщины, одним своим видом вселяющей в людей страх и ужас (Й. Мороз). Различными бывали и локусы обитания русалок: реки и озера, таинственные пещеры, непроходимые лесные чащи и горы, пустынные мельницы и заброшенные дома, небеса или одиночно стоящие деревья. Самодивы олицетворяли собой девственную природу, красоту и радость, были связаны с солнцем и природными стихиями и явлениями, с небом, огнем, ветром и облаками. Они проявляли себя не только нежными, поэтическими неземными существами, но и беспощадными воительницами. Они прекрасно управлялись с конями и оленями, вступали в единоборство с молодцами-юнаками, проявляя при этом недюжинную физическую силу, нередко не только одолевая, но и убивая мужчин-пастухов.

Интересным было то, что болгарский фольклор частично впитал в себя фольклорный субстрат фраков — народа, жившего на Балканах до появления ассимилировавших их славян. То же самое касалось и фольклорного субстрата протоболгар — тюркского народа, появившегося за Дунаем вслед за славянами и растворившегося в славянской массе, восприняв ее язык и культуру. В этом плане болгарский фольклор отличается от фольклора, живших по соседству сербов, хорватов и словенцев, неся в себе элементы верований тюркских народов. Например, у протоболгар существовала легенда об утке-прародительнице мира, которая, плавая по безбрежному морю, выгребла с его дна своими лапами землю и так завершила создание мира, прибавив земную твердь к двум другим сферам: небу и воде (А. Халиков). О связи этой легенды с болгарским фольклором свидетельствует известие болгарского ученого М. Дринова, сообщившего Ф. Буслаеву о существовании болгарского сказания о рождении невообразимой красавицы самодивы с утиными лапами вместо ступней ног (Ф. Буслав).

Образ самодивы-воительницы, обладающей огромной физической силой, бытовал в болгарском фольклоре на протяжении многих веков. В период османского ига он трансформировался в образы предводительниц боровшихся против турок гайдуцких дружин. В фольклоре, как правило,

мир вне дома является для женщины чужим и враждебным, однако не в этом случае, когда женщина берет на себя мужскую социальную роль. По сути дева-воительница представляла собой человека до инициации через сражение и в некотором смысле являлась бесполой (Г. Каменов).

Шатько Евгения Викторовна,

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Литература и архитектура в романах М. Павича

На страницах своих романов Павич часто сравнивает литературу и архитектуру. Так, в романе «Хазарский словарь» святые братья Кирилл и Мефодий, создавая славянскую азбуку, строят «клетку» для дикого языка, а во «Внутренней стороне ветра» русский учитель учит запоминать стихи, читая по строке в каждом проеме выбранного здания... Автор использует «архитектурный» принцип и в построении собственных произведений.

В данном докладе мы рассмотрим случаи прямых и косвенных сравнений литературного текста и здания, т. е. архитектурного объекта (речь героев, аналогии, авторские ремарки), «архитектурную» композицию самих произведений, а также проанализируем архитектурные образы (подробное описание зданий, внутреннего убранства) и даже героев (город как персонаж) романов сербского постмодерниста.

ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

Аникин Михаил Александрович,

к. иск., старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Мотивы материнства и жертвенности в болгарском изобразительном искусстве XIX–XX вв.

Практически каждый крупный художник Болгарии как XIX, так и XX в. обращался к мотивам материнства и жертвенности, прибегая к тем приемам и средствам, какие были ему ближе. Из большого количества известных произведений на тему мы можем особенно выделить работы таких художников, как Захарий Зограф, Хр. Цокев, Ц. Тодоров, Хр. Станчев, И. Петров, И. Милев, Н. Балканский, В. Димитров-Майстора и др. В каждом конкретном произведении болгарских мастеров можно заметить тот или иной архетип, как правило религиозного характера. Так, мотив жертвенности, без сомнения, восходит к страстям Христовым — иногда к самой Голгофе, а порой к сценам допроса и истязаний Христа. Мотив материнства, в свою очередь, берет свое начало в средневековой болгарской живописи — в иконах, изображающих Богоматерь.

Практически в каждой из картин с названным мотивом имеется христианский подтекст — даже в тех случаях, когда художник стремится показать то или иное драматическое событие завуалированно, как, например, Вл. Димитров-Майстора в картине «Войната» («Война») (Худ. галерея в Кюстендиле). Особого внимания заслуживают те картины, в которых оба мотива сливаются в некое целое, как, например, в картине Б. Иванова («Пьета», 1963 г.).

Названные мотивы можно отметить как главные не только в живописи, но также в скульптуре и графике Болгарии XIX–XX вв. При том, что иногда художники прибегают к ним, чтобы выполнить некий социальный или классовый заказ, они все же вынуждены обращаться к тем канонам и архетипам, которые уже однажды сложились в истории болгарского и европейского искусства. При этом каждый художник должен был найти то новое и особенное, что делало его произведение не только повторением уже пройденного, но задевало бы чувства зрителя (и не только болгарского происхождения). Такая задача обязывала прибегать к универсальному языку искусства, к поиску тех средств и образов, которые были бы понятны самым разным слоям и классам, разным нациям и народностям.

По сути национальное изобразительное искусство, обратившееся к мотивам материнства и жертвенности, по самому внутреннему закону сострадания становилось интернациональным, искусством на все времена. Именно эти мотивы преодолели временные рамки, и произведения болгарских художников продолжают оказывать мощное воздействие на ум и чувство современного зрителя — значительно более сильное, чем сугубо формалистические поиски современных авторов. Зрители в Болгарии и в России скорее откликаются на выставки и произведения с названными мотивами, чем на гламурные инсталляции, где художники предпочитают избегать или даже не замечать такого рода мотивов.

В целом можно утверждать, что мотивы материнства и жертвенности в болгарском изобразительном искусстве XIX–XX вв. восходят к христианским образам средневековой болгарской культуры и, как думается, в дальнейшем еще не раз будут привлекать болгарских мастеров, стремящихся посеять в сердцах зрителей «разумное, доброе, вечное».

Васильева Ольга Вадимовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К 100-летию книжного собрания кафедры славянской филологии:
уникальные издания из личной библиотеки В. И. Ламанского

В 1915 г. в библиотеку Славянского семинария историко-филологического факультета Санкт-Петербургского императорского университета поступила личная библиотека выдающегося слависта В. И. Ламанского (1833–1914). В научном наследии ученого — труды по церковнославянскому языку, литературе и культуре западных славян, истории Европы. В течение 35 лет В. И. Ламанский был профессором кафедры славянской филологии. Также ученый занимался активной просветительской и общественной дея-

тельностью: был редактором журнала «Славянские известия», основателем журнала «Живая старина», членом Славянского комитета, принимал активное участие в организации Славянского съезда в Москве в 1867 г.

Активная научная и общественная деятельность В. И. Ламанского отразилась в составе его личной библиотеки, которую современники называли «превосходной библиотекой по славяноведению». Библиотека насчитывала около 10 000 томов; в ней были книги по истории Центральной Европы, Балкан, Малой Азии и Средиземноморья, а также словари и грамматики славянских языков, художественная литература на болгарском, чешском, польском, сербском языках, путевые заметки, своды законов, мемуары, сборники фольклора. В. И. Ламанский привозил книги из заграничных путешествий, обменивался с коллегами и научными учреждениями, получал книги в дар. В 1915 г. по завещанию В. И. Ламанского библиотека была передана в Славянский семинарий Санкт-Петербургского университета.

К сожалению, сохранить целостность коллекции не удалось: книги из собрания В. И. Ламанского находятся в разных отделах Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ: в основном фонде в здании 12 коллегий, в отраслевом отделе филологии (библиотеке филологического факультета), в Библиотеке общественных наук (библиотеке исторического и философского факультетов), в «библиотеке Бестужевских курсов». Также книги находятся на нескольких кафедрах филологического факультета в составе т. н. «кафедральных библиотек»: на кафедре русского языка, на кафедре общего языкознания (в Кабинете баллистики) и на кафедре славянской филологии. Наибольшая часть коллекции хранится в библиотеке кафедры славянской филологии, в том числе уникальные издания, например, прижизненное издание двух произведений Я. А. Коменского.

Доклад-презентация будет посвящен нескольким наиболее интересным книгам из собрания В. И. Ламанского.

Вълчева-Тихова Кремена Георгиева,

д. ф. н., доцент, Софийский университет им. Св. Климента Охридского (Болгария)

Свети Климент Охридски – създател на първата висша школа в България и патрон на Софийския университет

В центъра на София недалеч от храм-паметника «Свети Александър Невски» се намират две от най-представителните сгради на България и на София: Националната библиотека «Св. Св. Кирил и Методий» и непосредствено до нея Софийският университет «Св. Климент Охридски». За нас това са два големи символа: 1. на славянските писмена и 2. на просветната и книжовна дейност, успяла да съхрани тези писмена до днес в България и в света. Светите Кирил и Методий, Климент и Наум не са само символи – те са извор, от който черпим светлина, познание и мъдрост.

Св. Климент Охридски е открит като писател през 1840 г. от руския учен В. М. Ундолски, известен с труда си «Климент, епископ словенский», който излиза посмъртно едва през 1895 г. под редакцията на П. А. Лавров, предисловието е написано също от П. А. Лавров [Ундольский, 1895]. През

1913 г. отново руски учен Н. Л. Туницкий отпечатва труда си: Свети Климент, епископ словенский. Его жизнь и просветительская деятельность. Сергиев Посад, 1913 г. Това е фундаментална монография, която представя цялостната дейност на този прочут Кирило-Методиев ученик.

В периода от 1898 г. до 1916 г. двама български учени посвещават свои трудове на Св. Климент Охридски. Г. Баласчев обнародва своята книга през 1898 г. под заглавието «Климент, епископ словенски и службата му по стар словенски превод с една част гръцки паралелен текст и едно факсимиле». В произведението си Г. Баласчев известява нов изворов материал. През 1916 г. акад. Александър Теодоров-Балан на тържествено чествуване 1000-годишнината от кончината на Св. Климент Охридски представя задълбочен анализ и цялостен преглед на всички научни изследвания за светеца, твореца и учителя. С това се дава тласък за нови открития и нови обстояни изследвания върху личността и светото дело на Св. Климент Охридски.

Историографските извори свидетелстват, че годината на раждане на светеца е около 840 г., а за година на кончината му е приета 916 г. Като ученик на първоучителите Кирил и Методий, без да е завършил висшето училище в Константинопол, Климент успява да получи образование на най-високо за времето си равнище. Солидно подготвен, Климент започва организирането на първото училище на старобългарски език в Охрид и успоредно с това към 893 г. е ръкоположен за епископ — «пръв епископ на български език», както се изразява Теофилакт (има се предвид Първото славянско житие на Наум).

Като учител, освен подготовката на много ученици, Климент Охридски работи много сериозно за издигане на нивото на ораторското майсторство във висшата школа, създава голямо литературно творчество в различни художествени форми: поучения, похвални слова и певчески канони. Като епископ успява да развие много активна църковно-строителна дейност. Немуорим в своите благородни начинания, Климент Охридски става известен сред народа дори с една малко по-различна, но също благородна дейност: като облагородител на овощни дръвчета. След 30 години всеотдаен труд за България Св. Климент Охридски оставя стотици и хиляди ученици, десетки книги и благородното чувство на доблест и българско самосъзнание за поколенията напред.

Литература:

Ундольский В. М. Климент, епископ словенский. М., 1895

Гешева Дочка Вълчева,

д. ф. н., доцент, Военная академия им. Г. С. Раковского (София, България)

Видове задачи за проверка на умениято «четене с разбиране»

В докладе рассмотрены типовые задачи для проверки умения «чтение с пониманием». Задачи и вопросы направлены прежде всего на проверку коммуникативной компетентности, т. е. на проверку умений понять адекватно текстовое сообщение (информацию) на базе его реального употребления в речи, а не только и не столько на отдельное понимание

грамматических или лексических форм. В докладе представлены примерные задачи такого типа.

Процесс обучения иностранному языку предусматривает наличие двух обязательных компонентов: формирование иноязычной (коммуникативной) компетенции и диагностика уровня ее сформированности (контроль знаний, умений и навыков учащихся). Формирование коммуникативной компетенции осуществляется на уроках иностранного языка на протяжении всего процесса обучения, в то время как контроль осуществляется в специально отведенное время, следовательно, его необходимо четко организовать с тем, чтобы в максимально короткое время оценить наибольшее количество учащихся с соблюдением норм качества и объективности результатов.

В рамках каждого вида тестов выделяют тестовые форматы, определяющие следующие характеристики теста: длина теста, количество и тип разделов, контролируемые умения и навыки, тестовые единицы, задания и их количество, предполагаемые ответы тестируемых.

В условиях коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам, по нашему мнению, необходимо учитывать аутентичность теста как одну из качественных характеристик, предполагающую его соответствие параметрам речевой ситуации реального общения на изучаемом языке.

Желязкова Димитрия,

аспирант, Пловдивский университет «Паисий Хилендарски» (Болгария)

Дублетността в съвременния български език

Дублетността е закономерно явление, естествено състояние на всеки жив език. Тя отразява динамиката на езика, неговите вътрешни развойни тенденции, влиянието върху тях от страна на обществото или индивида, който си служи с езика. Ето защо дублетността не може да се разглежда само с оглед към влиянието, което оказва човешкият фактор с отношението си към тези промени. Но с избирателното си отношение, с предпочитанието си, което се дава на една или друга езикова форма и появила се езикова промяна, може да се влияе косвено на структурните особености на системата. Включването на две форми в Официалния правописен речник на българския език от 2012 г. следва традицията, а при други се наблюдава отдалечаване от масовата разпространеност, а и включването им е необосновано и неоправдано от самата езикова практика. От една страна се наблюдават исторически дублети, отразяващи нервномерния развой на езиковите явления (фонетични, формално-граматични, словообразователни и др. — *сѐло* и *селѐ*), а също и нееднаквото развитие на различни езикови части от езиковата територия, а от друга страна, се регистрират нововъведени такива (*аневризъм* и *аневризма*, *екстравертен* и *екстрровертен*, *кинезилечение* и *кинезолечение*, *кинезитерапия* и *кинезотерапия*).

Наличието на дублети в книжовния език е свързано и със степента на интензивното използване на езиковите елементи от отделни териториални или социални системи през различни периоди от развитието на книжовния език.

При някои от формите се получава и трета налична, например: срещу лексемата калимавка (2002 г.) могат да се открият: *калимавка* и *калимявка* и килимявка (2012 г.) или пък: *сапунерка* и *сапуниерка*, наред със *сапуниера*.

При числителното *четирийсет* и *четиридесет* е налице промяна, като кратката форма се изговаря и пише: *четирисет*.

Твърде често развойните тенденции в езика не се интересуват на това кой от дублетите е исторически правилен, а и кой — не е. Различни са факторите, които регулират процесите на дублетността — стремеж към уеднаквяване, към икономия, към произносително улеснение и др.

Книжовните правоговорни норми са съвкупност от колективната реализация на езиковата система. Благодарение на своята стабилност, те осигуряват стандартността и стабилността си. Чрез тях се осигурява устойчивост и осъзнаването им. Обикновено изговорните особености са под влияние на териториалните диалекти, битово-разговорната реч, заемки от чужди езици, от темпото и начинът на говорене и т. н.

Понятието нормативност включва в себе си и понятието вариативност, т. е. нормите на книжовния език допускат понякога и възможност за избор от съществуващи варианти. Налагат се препоръчителни варианти. Изборът на една от думите или формите при равнозначните дублети има субективен характер и зависи от езиковата компетентност на говорещия и пишещия. Признакът официалност — неофициалност в дадена езикова ситуация се оказва определящ. Употребата на *диплом* вместо *диплома*, на *дипляна* вместо *диплянка* предполага официалност на комуникативната ситуация, като мъжкородовата форма и не-умалителната се оказват по-представителните в официалното общуване.

В проведена телефонна анкета се отчита твърде ограничена употреба на съществителни имена с форми *обеца*, *рязка*, *ластовица* и др. Голяма част пък от анкетираните използват изговорна форма *отпуска*, *вишня*, *сврѣдел* и др., които не съществуват като речникови варианти. Вариантите в книжовния език са резултат и на заемане на думи от чужди езици (*айпади* и *айпадове*, *айподи* и *айподове* и др.).

Пълната книжовна реализация на кодифицираните изговорни варианти предполага старателност, образцовост и информираност, което се осъществява само в определена изискана сфера на общуване.

Иванова Елена Юрьевна,

д. ф. н., професор, Санкт-Петербургский государственный университет

Dativus ethicus в българском языке:

функции и синтаксис

В системе болгарских клитик местоименного происхождения имеются не только аргументные клитики (краткие падежные формы личных местоимений) и совпадающие с ними по форме притяжательные клитики, но также и клитики, которые выполняют роль частиц, — это прежде всего *dativus ethicus* *ми*, *ти* и часто причисляемая к ним частица *си*. Функции последней, однако, значительно отличаются от прагматических функций

dativus ethicus, и потому частица *си* как модальная частица должна рассматриваться отдельно.

В докладе описываются функции частиц *ми* и *ти* (ми «неодобрения», ми «одобрения», ти «несогласия»), а также условия их включения в цепочку синтаксических клитик.

Показано, что клитики *dativus ethicus* обладают гораздо более слабыми возможностями кластеризации, чем, например, модальное *си*, поскольку они являются эмотивно-прагматическими частицами. В частности, маркируя участников коммуникативной ситуации, они, как правило, блокируют появление в цепочке клитик аргументных дативных местоимений и модальных частиц.

Двойной этический датив *ми ти* встречается в болгарском языке только во фразеосхемах или в составе именной группы в сочетании с указательными (реже — вопросительными) местоимениями, поэтому он вообще не претендует на место в синтаксической цепочке клитик.

Ю. С. Маслов причисляет к *dativus ethicus* и форму *му* (3 л. ед. ч. для м. и ср. р: Ех че гуляй му дръпнахме). Однако и в болгарской, и в целом в южнославянской лингвистике форму 3 л. принято рассматривать как личное местоимение, имеющее пустой референт. Такое местоимение обычно заполняет объектную валентность глагола, но может появляться и при непереходных глаголах, обычно при идиомах разговорного характера: *Да му се не види макар!*, *Оплекахме я!* Местоимение с пустым референтом возможно и в винит. пад., как *я* в примере выше, в отличие от *dativus ethicus*, имеющего форму датива.

Калашникова Наталья Моисеевна,

д. культ., ведущий научный сотрудник,

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Болгары Крыма

Этнография Крыма интересна синтезом культуры населения берегов Черного и Средиземного морей, кочевого населения степей Евразии и собственно крымских прибрежных гор и степей, представляя собой интересную и богатую часть истории культуры народов Восточной Европы и Черноморского бассейна. Серьезные изменения в этническом составе полуострова принесло присоединение в XVIII в. Крыма, Приазовья и Тамани к Российской империи, открывшее путь массовой колонизации Крыма восточнославянскими народами (русскими, украинцами, белорусами) и переселенцам из Центральной и Восточной Европы: этническим группам болгар, немцев, сербов, армян, евреев и др.

В конце XVIII — начале XIX вв. в Крым переселялись болгары, которые сохраняли свое национальное самосознание, разговорный язык, материальную и духовную культуру, обустройство хозяйства, обряды, обычаи и традиционную пищу. Поселившись в Феодосийском и Симферопольском уездах, болгары стали заниматься хлебопашеством и огородничеством, отчасти виноделием и овцеводством. Именно болгары завезли на полуостров казанлыкскую розу и впоследствии именно Крым стал ведущим в России производителем розового масла.

Следует сказать, что Петербург с момента основания его научных учреждений являлся центром отечественного востоковедения, что отразилось и на исследованиях, которые проводились, в том числе и в Крыму. Это наследие трудно сохранялось в бурном XX в., тем более значительны те памятники культуры, которые стали предметом сохранения и изучения в музейных собраниях. Так, например, в начале XX в. были приобретены музейными сотрудниками Этнографического отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей) предметы быта и черно-белые фотографии, характеризующие традиционную культуру как коренных народов Крыма XIX–XX вв. (греков, крымских татар, крымчаков, караимов, цыган), так и этносов, прибывших в результате колонизации края, в частности болгар. Это собрание не является обширным, но оно представляет сборы 1910–1930 гг. музея, где представлены редчайшие экспонаты, характеризующие быт и культуру болгар этого региона. Подобные предметы, особенно по культуре болгар практически не сохранились в музеях Крыма, что делает коллекцию петербургского музея уникальной.

Колосков Евгений Андреевич,

к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

НАТО на Балканах 1991–2008 гг.:

особенности политического восприятия
на примере Македонии и Болгарии

Окончание холодной войны позволило многим говорить о победе США и возглавляемого ими альянса над своими восточными оппонентами. И действительно, скорое крушение сначала восточного блока, как политического и экономического союза, потом распад СССР, как единого союзного государства, убедительно показали, что если западные решения не лучше, то уж наверняка более надежны. Однако не произошло главного, того, что ожидало общественное мнение как стран запада, так и стран востока, — не произошло слияние восточного и западного альянсов, что предполагалось важнейшим фактором окончания холодной войны и что гарантировало бы невозможность новой военно-политической напряженности и гонки вооружения в Европе. Последствия этого события особенно болезненно ощущаются сегодня — замороженные конфликты на постсоциалистическом пространстве, обида российской политической элиты на невыполнения устных договоренностей со стороны западных лидеров, недовольство стран Европы и США политикой России в зоне ее «привилегированных интересов», призрак советского реваншизма для жителей Восточной Европы — и это далеко не все последствия неудавшегося глобального сотрудничества. Расширение и трансформация НАТО после холодной войны стали, пожалуй, самым неприятным событием для политической элиты России, и ее реакция на эти процессы (такие, как угроза национальной безопасности) далеко выходит за рамки рационального объяснения. Для объяснения такой непримиримой позиции и рефлексии как в России, так и в странах Восточной Европы важно понимать историю этого процесса.

Для анализа реакции на расширение и трансформацию НАТО были взяты две страны Балканского полуострова: Болгария и Македония. Нам представляется необходимым понять историю процесса через восприятие политических элит двух столь близких с культурной точки зрения и столь далеких с точки зрения политической истории стран.

Македония и Болгария государства-соседи. Болгария была активным членом социалистического лагеря и членом ОВД. Македония была одной из республик распавшейся Югославии — лидера Движения неприсоединившихся стран. История этих двух стран до 1991 г. была неодинаковой, но после краха соцлагеря они обе устремились на путь евро-интеграции. Их сотрудничество с НАТО развивалось примерно по одной и той же схеме — полное согласие, поддержка инициатив в регионе и выполнение всех обязательств перед НАТО. Однако результат оказался принципиально разным: бывшая «16-я республика СССР» в премьерство бывшего царя Симеона II стала участницей НАТО с 2004 г., а впоследствии и ЕС, с 2007 г., а вот «витрина превентивной дипломатии» и «самая терпимая по отношению к национальным меньшинствам республика постсоциализма» — нет.

В рамках поиска ответа на вопрос, почему же все произошло именно так, мы постараемся понять два парадокса истории трансформации и расширения НАТО после 1991 г.:

- почему 11 из 28 стран НАТО — бывшие члены ОВД;
- если все новые страны НАТО, граничащие с Россией, — бывшие союзники или даже бывшие республики СССР, почему российские политические элиты так негативно отнеслись к расширению НАТО;
- почему Россия, первая из всего блока ОВД, подавшая заявку на вступление в НАТО, оказалась сегодня мало того, что за бортом этой организации, так еще и едва ли не главным вызовом Альянса.

Для ответа на вышеуказанные вопросы мы предполагаем решить следующие задачи:

- проанализировать историю расширения и сотрудничества стран НАТО и стран Балканского полуострова в 1991–2008 гг.;
- оценить, как относились элиты Македонии и Болгарии к политике, проводимой НАТО на Балканах в 1991–2008 гг.;
- разобраться, какова была роль и позиция России в отношении евроатлантической интеграции стран Юго-Восточной Европы. Мы полагаем, что, только решив эти задачи и ответив на эти вопросы, можно понять и осмыслить значение трансформации и расширения НАТО за счет стран Юго-Восточной Европы.

Мосинец Анастасия Геннадьевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Предложения с семантикой следования и антицели в болгарском языке

Сложные предложения с придаточным цели сообщают о ситуации, которая предусмотрена, желательна, намечается к осуществлению. В главной части предложения содержится предпосылка, которая обеспечивает ожидаемое

следствие; придаточная часть объединяет в себе значения стимула и потенциального результата [Русская грамматика, 1980. С. 594]. Однако некоторые предложения, структурно оформленные как целевые, могут отличаться по семантике от собственно целевых предложений, как, например, предложения достаточного или необходимого основания, или же, в других случаях, приобретать иную семантику, вплоть до противоположной целевой. В исследованном корпусе примеров встретилось две разновидности предложений второго типа: предложения с семантикой следования и с антицелевой семантикой.

1. Предложения следования. Наибольшее количество предложений с переосмыслением целевой семантики представлено предложениями следования. Несмотря на внешне идентичную чисто целевым предложениям структуру, в данных конструкциях нет указания на цель действия — действие, указанное в придаточной части, совершается вслед за действием, указанным в главной части: Споменатият Марио прави крачка напред и свойски хваща жената през кръста, но тя за приличие му отмества ръката и двамата тръгват под носа ми към дъното на улицата, за да спрат на ъгъла в оживен разговор (Б. Райнов).

2. Предложения антицели. По данным нашего корпуса, данные предложения представляют гораздо более редкий вариант переосмысления целевых предложений. В главной части таких предложений, как и в собственно целевых, указывается сознательное целенаправленное действие субъекта. Однако придаточная часть подобных предложений содержит указание не на цель совершения действия, а на результат, прямо противоположный предполагаемой цели: Интересното, братче, трябва сам да го потърсиш. И първото условие да го намериш, това е да се измъкнеш от консервената си кутия... — За да се натикаш в друга (Б. Райнов).

Предложения следования и антицели отличаются от собственно целевых не только семантически. Оба данных типа предложений не выдерживают известный тест на перестановку придаточного в препозицию, который позволяет выявить истинно целевое расширение.

Предложения следования и антицели имеют ряд других общих структурных особенностей, связанных с выбором средства связи в предложении (несмотря на широкое разнообразие целевых союзов в болгарском языке, все они строятся с помощью союза *за да*), с позицией придаточной части по отношению к главной и моносубъектностью частей предложения.

Литература:

Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 784 с.

Нейчева Таня,

Пловдивский университет «Паисий Хилендарски» (Болгария)

История утверждения одной (не)грамматической формы в тексте Елизаветинской библии

Начало истории церковнославянской Библии положили первые Кирилло-Методиевские переводы основных богослужебных книг, а конец ознаменовала изданная в 1751 г. Елизаветинская библия. В период между

этими двумя событиями были переведены остальные библейские книги, а текст прошел через несколько редакций, в результате которых сложился выверенный как в богословском, так и в языковом отношении текст, употребляемый и поныне в литургической практике православной Церкви — не только в русской, но и в болгарской и сербской. Именно поэтому, находя в Елизаветинской библии форму, которую нельзя однозначно признать грамматически правильной, но которая неизменно присутствует во всех изданиях — начиная с первого и до последнего, а также в электронных версиях — мы вряд ли можем назвать ее ошибкой и должны подыскать ей более адекватное определение и объяснение. Конкретным поводом настоящего исследования стала форма существительного «око» *оцѣ*, употребленная дважды в составе всего библейского текста в значении вин. п. дв. ч. вместо грамматически правильного в этой позиции «очи»: «добрейше ти есть со едином оком в живот внити, неже две оце имущу ввержену быти в геенну огненную» (Мф. 18: 9), «добрее ти есть со едином оком внити в царствие Божие, неже две оце имущу ввержену быти в геенну огненную» (Мк. 9:47).

Сразу можно заметить, что приведенные примеры сходны, т. е. мы имеем дело с параллельными местами, и это дает нам возможность принять, что речь идет об одном и том же явлении. (Надо, однако, обязательно отметить, что мы рассматриваем именно форму им.-вин. п. дв. ч. *оцѣ*, а не омонимичную ей широко распространенную форму мест. п. ед. ч. *оцѣ*). Й. Добровский, который первым обратил внимание на неграмматичность формы *оцѣ*, назвал допущение ее в библейском тексте дерзостью (*audacia*): «Если у Матф. 18,9 и у Мар. 9, 47 в Рпс. читаем древнее двойственное число очи, сохраненное и Мардарием в его издании, то после сего не могу одобрить смелости того полуученого, который в тех же местах поставил новоизобретенное двойственное *оцѣ*, встречаемое в Острожском и позднейших изданиях». Это довольно острое высказывание свидетельствует о том, что для Добровского форма *оцѣ* не была знакомой, и поэтому он назвал ее новообразованием. Итак, очевидно, что рассматриваемая форма имеет свою историю еще до Елизаветинской библии. Мы встречаем ее как в первопечатных Острожской и Московской библиях, так и в одном из основных источников Острожской библии — Геннадиевской библии (1499 г.). При составлении Геннадиевской библии привлекались разнообразные рукописные источники, причем в отношении Евангелия это была «афонская редакция» библейского текста. В наиболее ранней датированной рукописи этой редакции, Константинопольском евангелии (1383 г.), вместо предполагаемого *двѣ оцѣ* находим *двѣ очи*. В других представительных текстах этой редакции встречается как форма *очи* (МДА 138: л. 30, л. 71 об.), так и форма *оцѣ* (МДА 1: л. 55 ил. 123 об.), т. е. очевидно, что поздняя рукописная традиция располагает обоими вариантами. К первой половине XIV в. восходит еще одна редакция евангельского текста, «третья» у Г. А. Воскресенского и отдельная, независимая от «афонской» у А. А. Алексеева и Т. В. Пентковской. Наиболее ранний из известных нам памятников — Чудовский новый завет (XIV в.). В нем также употреблена

форма оцъ (ЧНЗ 1892: с. 29, 50). Данными из других памятников этой редакции мы не располагаем.

Из изложенного выше логично проистекает вопрос о том, являются ли *очи* и *оцъ* вариантными формами, параллельно бытовавшими и в более ранней традиции, или *оцъ* впервые нашло себе место в евангельском тексте в одной из двух поздних редакций. Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассмотрели более 50 памятников как ранних, так и более поздних периодов.

Петрова Галина Михайлова,

к. ф. н., доцент, Университет им. проф. Асена Златарова (Бургас, България)

Омонимията при българската местоименна клитика «се» и синтактичната многозначност

Характерна особеност на съвременния български език е наличието не само на дълги, но и на кратки (неударени) форми на личните (винителни и дателни) и на притежателните местоимения. Един от тези клитични елементи е рефлексивът *се*, който, за разлика от другия рефлексив *си*, се среща само в приглаголна употреба. Клитиката *се* е функционално нееднородна и има различен морфологичен статус в съчетания с глагол — възвратно лично (винително) местоимение или частица (формообразуваща и словообразуваща). Тази омонимия е предпоставка за появата на синтактично многозначни изречения. Задачата на настоящата работа е да представи и анализира двусмислени изречения и да изясни морфологичния статус на клитиката в съответните различни изходни структури. Работата включва следните основни моменти:

1. Морфологичен статус на омонимния формант «се» и критерии за различаването му при различни приглаголни употреби. Основен критерий за различаване на морфологичния статус на клитиката *се* е употребата ѝ в аргументна или неаргументна позиция в зависимост от лексикалните свойства на присъединяващия я глагол. Както е известно, в аргументна позиция могат да се явяват само автосемантични единици, каквито са съществителните имена и личните местоимения. Появата на *се* в такава позиция (напр. Мие се, Решат се, Оглеждам се в огледалото, където се = себе си) означава, че клитиката е възвратно лично местоимение и функционира като част на изречението (пряко допълнение). Тези приглаголни употреби ще обозначаваме като *се-конструкции*. В неаргументна употреба клитиката *се* е частица (т. е. десемантизиран елемент) и е част от аналитично оформена глаголна лексема (напр. Радвам се на подаръка, Винаги се оглеждам, преди да пресека улицата и т. н.) или е част от пасивна глаголна форма (напр. Хотелът се строи, Дрехите трябва добре да се оглеждат от клиентите, преди да се купят). Тези две употреби ще обозначаваме съответно като *се-глаголи* и *се-форми*.
2. Синтактична многозначност.
 - 2.1. Омонимия при *се-конструкции* и *се-форми*, напр. Децата се обличат (сами себе си или от някого); Децата се търсят (едно друго или от някого).

- 2.2. Омонимия при се-конструкции и се-глаголи, напр. *Той се е отровил* (сам себе си преднамерено или непреднамерено, случайно).
- 2.3. Омонимия при се-глаголи и се-формы, напр. *Тук пътят се разширява* (става по-широк или го разширяват).
- 2.4. Омонимия при се-конструкции, се-формы и се-глаголи, напр. *Тя се лекува* (сама себе си, от някого или при някого).
- 2.5. Омонимия при пассивни и желателни конструкции, напр. *Нищо не ми се разказва* (нищо не ми разказват или нямам желание да разказвам).

Сивенкова Наталья Владимировна,
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

О некоторых лексических и грамматических средствах выражения временного порядка в тексте на болгарском языке

Временной порядок является одним из важнейших элементов смысловой структуры художественного текста. Изучение данной категории осложняется тем, что языковые единицы, образующие совокупность средств, пригодных для выражения представления о течении времени в тексте, относятся к разным уровням: это и специфические лексемы (как существительные с темпоральной семантикой, так и союзы, предлоги и др.), и грамматические формы (например, формы относительных времен болгарского языка — перфекта, будущего предварительного и др.), и текстообразующие единицы. В болгарском языке развитая система глагольных времен. В темпоральном отношении, так же как и в русском языке, следует выделять три основных времени (прошедшее, настоящее и будущее), однако с учетом относительных времен исследователи традиционно говорят о девяти глагольных временах изъявительного наклонения (в формах пересказа, иногда именуемых пересказывательным наклонением, есть соответствие для любой из этих форм).

Если говорить о лексических средствах выражения временного порядка, таких как союзы, пристального внимания заслуживает болгарский союз «като», имеющий два основных значения. Во-первых, он выражает одновременность протекания действия, выраженного глаголами в главном и придаточном предложении. Во-вторых, этот же союз в других типах предложений указывает на то, что действие, выражаемое глаголом в главном предложении, происходит непосредственно вслед за действием, которое представлено глаголом в придаточном предложении. Полного эквивалента этому союзу в русском языке нет.

Свою специфику имеет структура сложных предложений, в которых придаточное предложение вводится союзом «като». В первом случае (при выражении значения одновременности) обычным является употребление глаголов НСВ в формах имперфекта, настоящего или будущего времени, предполагающих семантику длительности (либо многократности, регулярности). Если же союз «като» употреблен во втором значении и указывает на последовательность совершения действий, то в придаточном пред-

ложении используются формы аориста либо настоящего времени (иногда в значении будущего) глаголов СВ. Глаголы с союзом «като» обычно переводятся на русский язык при помощи деепричастий. Однако в ряде случаев одной только формы деепричастия для передачи всех оттенков значения недостаточно. Например: «Като кажеха например «крадената Ганка», жените изпитваха известна завист, че мъжът ѝ не би могъл да живее без нея, ако не я е откраднал» (Ив. Петров). В приведенном примере форма имперфекта (выражающая в данном случае многократность действия) образована от глагола СВ. При переводе этого придаточного предложения на русский язык используется деепричастие прошедшего времени («упомянув, например, об «украденной Ганке»). При сохранении семантики союза при переводе может быть утрачено значение повторяемости, выражаемое формой имперфекта глагола СВ. В таких случаях необходимо использование дополнительных лексических средств, имеющих значение «каждый раз».

Приведенный выше пример («като кажеха») не является частым или типичным, т. к. для болгарских предложений с союзом «като», выражающих последовательность действий, более характерно употребление глаголов СВ в придаточной части предложения и глаголов НСВ в главной («От нашия род — каза той — мъжете само като погледнат жена и тя зачева», Ив. Петров). В таких случаях при переводе на русский язык неизбежно появление в придаточной части предложения глагольных форм будущего времени (в болгарском тексте употреблен глагол СВ в форме настоящего времени). В болгарском языке представлены различные комбинации глагольных временных форм и союзов, вводящих придаточные предложения, уточняющих временной порядок в тексте, что, несомненно, заслуживает пристального изучения.

Стоянова Радостина Стоянова,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Грамматические разночтения в «Постнических словах»
Исаака Сирина (на материале Слова 21 версии А
и соответствующих ему слов 10, 11, 12, 13, 14 версии В)

В трех сравниваемых текстах «Постнических слов» Исаака Сирина (на материале Слова 21 — версия А и соответствующих ему слов 10, 11, 12, 13, 14 — версия В) наблюдаются грамматические разночтения различного характера на всех языковых уровнях — графика и орфография, лексика, морфология и синтаксис. В области склонения имен в текстах обеих версий отмечены следующие случаи: различный выбор грамматического числа абстрактных существительных; различный выбор грамматического числа одной из вариантных форм существительных консонантного склонения; различный выбор грамматического числа кратких (именных) и полных (именных) форм прилагательных.

В вопросах, касающихся глагола, грамматические разночтения в текстах двух славянских версий также отличаются многообразием. Отмечены

следующие случаи: предпочтение различных видов глагола в каждой из версий; свободное чередование «да-конструкции» и повелительного наклонения в обеих версиях; выбор формы действительного или страдательного залога; предпочтение в одной из версий страдательного залога, параллелью которого является возвратная страдательная конструкция.

Разночтения наблюдаются и в области глагольного управления, при этом в обеих версиях предпочтения могут быть отданы различным предложениям или может быть употреблена беспредложная конструкция. Разнородными являются и варианты в сфере глагольных времен. Возможны варианты, при которых в версии А глагольная форма передана перфектом, а в версии В она же — аористом.

Существуют и другие различные варианты, в которых причастной конструкции в одной из версий соответствует инфинитивная конструкция в другой; причастной конструкции в одной из версий соответствует спрягаемый глагол; причастию настоящего времени в одной версии соответствует причастие прошедшего времени в другой.

Следует подчеркнуть, что грамматические предпочтения переводчиков обеих версий не создают определенной тенденции, т. е. мы не можем категорично связать версию А или версию В с одним из двух членов коррелятивной пары. Так, например, в случае несогласованного определения в версии А может быть отдано предпочтение дательному падежу, тогда как в версии В ему соответствует родительный падеж. Но также нормальной является и обратная ситуация, когда родительному падежу в версии А соответствует дательный падеж в версии В.

Терехова Валентина Ивановна,

к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Религиозный экскурсионно-познавательный туризм: монастыри — православные святые Болгарии

«Туризм выступает в качестве позитивного и постоянно действующего фактора в расширении взаимопонимания, знаний друг о друге, а значит, в укреплении мира» [Гаагская декларация..., 1989. С. 4]. Религиозный туризм экскурсионно-познавательной направленности предоставляет человеку возможность побывать в религиозных центрах, увидеть действующие культурные памятники, такие как монастыри и храмовые комплексы, церкви, принять участие в событиях религиозного характера. Во многих религиозных центрах мира хранится большое количество рукописей духовного содержания и различные культовые рукотворные предметы, доступные человеку для ознакомления. При изучении наследия такого рода человек расширяет свои знания, которые так или иначе влияют на его систему ценностей и нравственную составляющую жизни в целом.

В докладе затрагиваются аспекты религиозного культурно-познавательного туризма, обращается внимание на монастыри Болгарии как центры духовно-православной культуры. Такой выбор автора не случаен. Сегодня

в условиях политического противостояния и попыток разобщить православный мир необходимо вспомнить духовно-нравственные ценности, которые в самые сложные периоды истории способствовали укреплению единства народов. Тысячи туристов из России ежегодно посещают Болгарию и совершают экскурсии в монастыри с целью ознакомления с православными святынями, которыми располагают святые обители. В современной Болгарии в настоящее время насчитывается около 160 православных монастырей. Наиболее посещаемыми туристами являются 10 монастырей, и автор статьи останаавливает на них внимание.

Рыльский монастырь — самый большой на Балканах — является главной православной святыней Болгарии. Именно здесь и по сей день хранятся мощи преподобного Иоанна Рыльского, основателя болгарского монашества, самого почитаемого в Болгарии святого. Бачковский монастырь Успения Пресвятой Богородицы является вторым по своей значимости православным центром Болгарии. Он был основан в 1083 г. в западной части гор Родопы. Дряновский монастырь св. Архангела Михаила был построен в честь победы Болгарии над Византией в 1187 г. и с тех пор является одним из центров болгарской православной культуры и просвещения. Черепишский монастырь Успения Богородицы, история которого связана с периодом царствования Ивана Шишмана. Роженский Богородице-Рождественский монастырь был основан в 890 г. В монастырской церкви Рождества Богородицы хранится чудотворная икона Девы Марии, которая на протяжении многих веков защищает эту обитель, и большое количество паломников приезжает с целью почитать эту икону. Шипкинский монастырь находится в селе Шипка. В центре монастыря воздвигнут Храм-памятник Рождества Христова в честь русских воинов, павших за свободу Болгарии в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На 34 мраморных плитах высечены имена русских солдат и болгарских ополченцев, погибших в боях за Шипку. В подземелье храма в 18 мраморных саркофагах покоятся останки русских воинов, почитать память и подвиг которых приезжают тысячи туристов из России. Стоит отметить тот факт, что «когда вся Болгария оказалась под властью Османской империи, монастыри оставались почти единственными очагами болгарского национального духа и культурных традиций народа» [Ионина, 2004. С. 119].

Таким образом, религиозный экскурсионно-познавательный туризм можно рассматривать как некий инструмент налаживания взаимопонимания между народами, а также их сближения с учетом уважения и сохранения их самобытности. Иначе невозможно представить процесс коммуникации между народами и межнациональными культурами. Следовательно, религиозный экскурсионно-познавательный туризм способствует выстраиванию позитивного диалога между государствами, а также служит сближению и сотрудничеству двух братских народов.

Литература:

1. Гагская декларация межпарламентской конференции по туризму 1989 г. М., 1989.
2. *Ионина Н. А.* 100 великих замков. М., 2004.

Шанова Зоя Кузьминична,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К 20-летию Державинских чтений

Первая конференция «Державинские чтения», проведенная в марте 1996 г., была организована Санкт-Петербургским отделением Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов, Кафедрой славянской филологии Филологического факультета СПбГУ, Славянским фондом Библиотеки РАН, Российским этнографическим музеем и Союзом друзей Болгарии. Одним из инициаторов проведения конференции и председателем оргкомитета был декан Филологического факультета СПбГУ проф. В. Д. Андреев (1929–2000). Это была очень представительная, содержательная конференция, охватившая широкий круг научных интересов Н. С. Державина (1877–1953). В конференции приняли участие свыше 50 славистов — филологов, историков, философов, археологов, этнографов, искусствоведов, культурологов из Санкт-Петербурга, Москвы, других городов России, из Болгарии, Украины. Оргкомитет конференции 1996 г. принял решение проводить Державинские чтения каждый год.

Н. С. Державин по своим научным интересам прежде всего болгарист. На Державинских чтениях болгаристы и слависты, следуя в своей научной деятельности традициям, заложенным Н. С. Державиным, рассматривают широкий круг вопросов, связанных с болгарской историей, культурой, литературой, языком, этнографией.

За 20 лет на Державинских чтениях представляли результаты исследований ученые из различных научных и образовательных центров — слависты Кафедры славянской филологии Филологического факультета и Кафедры истории славянских и балканских стран Исторического факультета СПбГУ, других вузов города, БАН, РНБ, Эрмитажа, Российского этнографического музея, ученые из Москвы, Воронежа, других городов России, а также из научных центров Болгарии, Украины, Германии, Италии. В чтениях принимают участие и начинающие слависты — аспиранты и недавние выпускники СПбГУ, МГУ, других вузов, что способствует развитию научных болгаристических и славистических исследований, укреплению интереса к славистике у нас в стране.

Стало традицией ежегодно проводить Державинские чтения в Славянском читальном зале БАН, где преподаватели, аспиранты и студенты Кафедры славянской филологии СПбГУ вместе с сотрудниками Славянского фонда готовят книжные выставки, посвященные памятным историческим датам Болгарии, юбилеям писателей, ученых. Славянский фонд БАН предоставляет богатейший материал для научных славистических исследований. Это крупнейшее в мире собрание изданий XVII — 1-й трети XX вв. на славянских языках насчитывает 274 тысячи единиц хранения. Болгарская коллекция Славянского фонда насчитывает 2500 заглавий. Научная и преподавательская деятельность Н. С. Державина связана не только с Петроградским/Ленинградским университетом (с 1917 г. — профессор кафедры славяноведения, 1922–1925 — ректор, 1944–1953 — зав. кафедрой славян-

ской филологии), но и с Библиотекой РАН, где в 1931–1934 гг. находился первый в нашей стране Институт славяноведения, директором которого был Н. С. Державин.

С 1997 г. чтения проходят в рамках ежегодной конференции Филологического факультета СПбГУ, что очень удобно в организационном плане: централизованно оформляются приглашения, составляются и публикуются программы, поддерживается удобный информативный сайт, где публикуются аннотации и тезисы докладов. Державинские чтения проходят обычно в один-два дня, а в остальные дни участники имеют возможность послушать интересные их выступления на пленарных заседаниях и в других секциях.

По результатам конференции публикуются сборники материалов Державинских чтений. Среди публикаций есть и выступления дипломатов — Генеральных консулов Республики Болгария в Санкт-Петербурге, в которых отмечается важность проведения мероприятий, посвященных болгарской истории, культуре и литературе, вопросам двустороннего сотрудничества между Болгарией и Россией в области культуры и науки. О Державинских чтениях говорится как о серьезном событии, подтверждающем, что Санкт-Петербург продолжает занимать ведущее место в славянском мире в области славистики и болгаристики.

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Аникина Татьяна Евгеньевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф и Божена Немцова

Творчество немецкой писательницы Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф (1797–1848), впервые заявившей о себе в 40 лет, по праву относится к лучшим образцам немецкой лирической поэзии начала XIX в. Но не только поэзией увлекалась писательница, она оставила и прозаическое наследие. Ее творчество впитало в себя лучшие черты немецкого романтизма, но одновременно отдало дань и зарождающемуся реализму.

В произведениях Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф сложилась философско-эстетическая триада: родина-семья-религия, которая явилась значимой и для чешской писательницы Божены Немцовой (1820–1862). Повесть Божены Немцовой «Бабушка» может быть отнесена к вершинам чешской классической литературы. Подобно Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф, Божена Немцова провозглашает патриархальные ценности: «родина», «семья» и «религия». Герои повести — простые жители Чехии XIX в., обладающие чистой душой и открытым сердцем.

Герои обеих писательниц живут в единстве со скромной идиллической природой, которая их окружает. В способах изображения природы у писательниц можно найти много общего. Кроме того и немецкую, и чешскую писательниц объединяет автобиографичность описания. Авторское начало

прослеживается во всех произведениях Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф, особенно ярко оно выступает в прозе. «Бабушка» Божены Немцовой, написанная в жанре воспоминаний, пронизана автобиографизмом. Объединяет писательниц и увлечение фольклором. Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф еще в юности познакомилась с друзьями своего дяди, братьями Якобом и Вильгельмом Гримм. Она собирала для них сказки, за что они поблагодарили ее в посвящении к изданию 1819 г. Божена Немцова была собирательницей и издателем чешских сказок. Во многом близки и художественные приемы, которые используют обе писательницы. В чем причина близости их творчества: в воздействии немецкой литературы на чешскую, в схожести некоторых черт биографий и внутреннего мира писательниц, в требованиях литературного направления или в гендерных особенностях?

Бодрова Анна Геннадьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Оппозиция «славяне – германцы»

в словенских травелогах о России начала XX в.

Предметом исследования являются травелоги трех словенских авторов, посетивших Россию в начале XX в.: «Письмо из России» (Pismo iz Rusije, 1899–1900), «О всяком разном из России» (Marsikaj iz Rusije, 1900) Марицы Стрнад (Marica Strnad, 1872–1953), «Две поездки в Россию. Очерки из путевого дневника» (Dva iz leta na Rusko. Črtice iz popotnega dnevnika, 1902) Антона Ашкерца (Anton Alkerc, 1856–1912) и книга «На рассвете. Русские штудии» (Na razsvitu. Ruske študije, 1906) Богумила Вошняка (Bogumil Vošnjak, 1882–1959).

Для всех этих авторов характерно некое предзнание о России, которое можно обнаружить в их травелогах. Путешественники еще до поездки обладают информацией о чужой стране, опосредованной художественной литературой, мифологией обыденного сознания, идеологическими предпочтениями (во всех рассматриваемых случаях это – панславизм). Описывая увиденные другие страны, путешествующий повествователь исходит из своего культурного опыта, поэтому он неизбежно создает свои тексты сквозь призму собственных идеологем. Особо ярко это проявляется в сопоставлении «своей» нации, культуры с «другой». Травелоги зачастую изобилуют стереотипными образами других стран и этносов.

Общее для многих травелогов, в частности, для исследуемых текстов – это присутствие разнообразных оппозиций, являющихся вариациями антитезы Восток – Запад: русский – немец, славянин – немец, словенец – немец, русский – поляк, русский – еврей, русские – западные славяне (или австрийские славяне), русские – украинцы. Эти оппозиции можно свести к основной антитезе «свое» – «чужое». Часто Россию соотносят с Востоком.

Общей для всех трех авторов является оппозиция «русские – немцы». Интерес словенских путешественников к немецкой теме неслучаен, поскольку словенцы подвергались германизации на протяжении многих веков.

С ростом национального самосознания все немецкое часто ассоциируется с угнетателями. М. Страд, как представительница народа, подавляемого германцами, говорит о наивном гостеприимстве русских по отношению к немцам, а Ашкерц считает, что многое в России изменилось бы в лучшую сторону, если бы там перестали властвовать немцы. Очевидно, что анти-теза «славяне — германцы» во многом обусловлена положением словенцев в Австро-Венгрии. Примечательно, что в рассматриваемых травелогах присутствует наложение, смешение различных национальных кодов, которые как на уровне «своего», так и на уровне «другого» часто носят гетерогенный характер.

Характерна двойственная позиция: с одной стороны, словенские путешественники с большой симпатией пишут о славянстве, о России и о русской культуре, рефлектируют о своей общности с русскими, тоже являющимися частью славянского мира, с другой стороны, они относят себя и к Западу. Австро-Венгрия остается для них не только государством, в котором они живут, но и воплощением культуры. Исследуемые тексты исходят из ориенталистского (по Э. Саиду) стереотипа, что Запад более развит, чем Восток, к которому они в той или иной степени относят Россию.

Бразговская Елена Евгеньевна,

д. ф. н., профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Экфрасис как межсемиотический перевод

1. Никакой язык культуры не может существовать «автономно», не объясняясь через другие языки. Восприятие невербальных текстов (музыка, визуальные изображения) опосредовано вербальными интерпретациями. Ключ к пониманию музыки и живописи заложен в межсемиотическом переводе, на пересечении языков семиосферы.
2. Отсюда понятие границы между языками различной семиотической природы (вербальными и невербальными) носит условный характер. Граница — это пространство, в котором язык L1 (объект репрезентации) и язык L2 (её инструмент) существуют в процессе взаимного перевода-перекодирования (семиозис). Иначе: граница между языками есть пространство их соединения, дуальная структура, первичный элемент семиосферы. В этой точке рассуждений меняется представление о переводе как «переходе» с одного языка на другой.
3. С семиотической точки зрения, экфрасис — это процесс вербальной репрезентации любых невербальных систем. Возможность вербализации музыкальных и визуальных текстов обеспечена отображением «жеста» музыки/живописи, связанного с изменением положения тела в пространстве. Жест воплощается через риторические фигуры (звуковысотный рисунок в музыке, например). В различных языках культуры наблюдается изоморфизм риторических фигур, связанных с телесностью человека.
4. В процессе вербализации музыкальные и визуальные тексты расширяют семиотический потенциал. Так, музыка (временное искусство, язык,

отображающий движение как таковое, вне конкретного носителя) воплощается в пространственные образы. Наоборот, живопись как язык, в котором присутствует только индексация изменений тел, получает временное измерение (доставление представлений о движении в вербальной интерпретации). Таким образом, в экфрасисе невербальные языки преодолевают свою семиотическую ограниченность.

5. Инвариант межсемиотического перевода — «лингвистичность» всех невербальных систем коммуникации. Так, звучащая музыка есть пространство знаков, где закононосители:
- а) воспринимаются нашим слуховым аппаратом;
 - б) замещают нечто, лежащее за пределами системы знаков;
 - в) используют для этого определенный способ отображения (индексально-иконический, символический);
 - г) передают посредством такого замещения прагматические установки «говорящего» (композитора и исполнителя).

По аналогии с вербальным языком высотная организация звуков (звукоряд) — это, своего рода, фонетика музыки. Интервалы, аккорды, гармонические последовательности выполняют функцию грамматики. Музыкальный текст развивается линейно, из мотивов складывается мелодия, и это мало чем отличается от синтаксической организации словесного высказывания. Музыкальный текст, как и вербальный, имеет композиционную структуру, строящуюся по законам нарратива. Композитор, как и поэт, обладает индивидуальным почерком-стилем.

Брунс Томас,

д. ф. н., доцент, Трирский университет (Германия)

О заимствовании новейших англоязычных названий лиц в русском и немецком языках (некоторые замечания)

Предлагаемая работа ставит себе целью обсуждение механизмов и результатов заимствования новейших названий лиц из английского языка в русский. Лексическая область исследования ограничивается разными сферами молодежной культуры, такими как музыка, танец, хобби. Молодежь страны обычно считается передовой группой по отношению к социальным и, тесно связанным с ними, языковым изменениям и инновациям. В условиях англо-американской доминации в мировом масштабе английский язык служит наиболее важным источником заимствований.

При изучении заимствований особенно интересны следующие вопросы: какие лексические единицы из каких семантических полей заимствуются прежде всего? По каким причинам? Каким путем они находят свой путь в русский язык? Существуют ли альтернативные этим заимствованиям исконно русские лексические единицы? Какие адаптационные механизмы действуют в процессе освоения новой лексики?

Особое внимание уделяется при этом образованию феминитивов в русском языке.

Поскольку эти процессы наблюдаются лишь несколько лет, их результаты пока не зафиксированы в авторитетных словарях русского языка. Тем самым исследование опирается в подавляющем большинстве случаев на интернет-источники, тем больше, что интернет является именно тем средством, в котором языковые изменения проявляются чаще, скорее и быстрее, чем в остальных СМИ.

Особый интерес представляет сопоставительный англо-русско-немецкий взгляд на вышеупомянутый слой лексики: прямое сопоставление русского и немецкого языков (как не близкородственных) позволяет обнаружить совместные, общие элементы развития, с одной стороны, и различные, специфические аспекты в процессе заимствования, с другой стороны.

Языковые единицы, найденные на «молодежных» сайтах интернета, в форумах и блогах, сначала анализируются относительно их морфологического строения в английском языке, потом описывается сам процесс заимствования и наблюдаемые в связи с ним изменения, как орфографические, так и морфологические, словообразовательные, синтаксические и семантические. После этого следует, в форме синопсиса, общий взгляд на исследуемые три языка, который ясно показывает специфичности английского языка-источника и русского и немецкого языков-приемников на разных уровнях лингвистического описания.

Выясняется, что русский язык имеет в своем распоряжении больший запас методов освоения чужой лексики, чем немецкий. Разные возможности на морфологическом и словообразовательном уровнях влекут за собой не только повышенный уровень стилистической дифференциации, но и, в отдельных случаях, появление и/или усиление полисемии внутри русского языка. Особенно ярко этот факт проявляется в области образования русских феминитивов.

Ермола Валерий Иосифович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Кашубское население канадской провинции Онтарио

Кашубы являются потомками славянских племен, называемых «поморяне», которые с давних времен населяли территории на южном берегу Балтийского моря от устья Вислы до Одера. Эти племена отличались высокоразвитой культурой, их земли были политическим и религиозным центром всего Поморья. Историческая судьба кашубов была очень сложной и запутанной. После первого раздела Польши их земли перешли во владение прусского короля, принявшего титул герцога кашубского, и оставались в составе Пруссии вплоть до окончания Второй Мировой войны. В течение всего этого времени коренное кашубское население Поморья подвергалось насильственной германизации, что вызывало многочисленные протесты.

Ухудшение экономической ситуации в разделенной между тремя европейскими империями Польше, политические и религиозные гонения в 60-е гг. XIX в. вызывают массовую эмиграцию населения. Больше всего людей уехало в Северную Америку. Именно в это время первые кашубы по-

являются в Канаде. Это были выходцы из окрестностей Старогарда, Гдыни, Пуцка, Вейхерово, Гданьска и других городов Кашубии. Наибольшее число кашубов компактно осело в канадской провинции Онтарио.

Власти Канады официально регистрировали кашубов как пруссаков, поскольку их земли принадлежали Прусскому королевству в момент эмиграции, и они имели прусские документы. С другой стороны, в различных этнографических, исторических и церковных документах их обычно причисляли к полякам, большое число которых также эмигрировало в Северную Америку.

Канадские власти направили вновь прибывших на не заселенные европейцами территории. Первые кашубские поселенцы прибыли в Онтарио в 1864 г. Несколько сотен кашубов основали город Вильно неподалеку от города Баррис Бэй. Их ближайшими соседями стали эмигранты из Ирландии, появившиеся здесь несколькими десятилетиями ранее.

Вторая значительная волна эмиграции имела место в 1892–1896 гг. Последняя группа кашубов прибыла в Онтарио в 1898 г. Первоначально она обосновалась в США, в штате Массачусетс, но тяжелые условия жизни там вынудили большую часть кашубов отправиться к их более благополучным соплеменникам в Канаду.

В настоящее время в провинции Онтарио компактно проживает около трех тысяч кашубов, говорящих по-кашубски. Польско-канадский славист Ян Л. Перковский, исследовавший их язык, зарегистрировал носителей двух диалектов кашубского языка в Канаде — южного (заборского), бытующего у выходцев из Косцежины, и северного (парховского), бытующего у выходцев из Картуз. Следует заметить, что у приблизительно двухсот тысяч кашубов, проживающих на территории современной Польши, насчитывается около сорока различных диалектов, зачастую сильно отличающихся друг от друга. Своеобразие языка и культуры кашубов особенно заметно в области фольклора, который значительно отличается от любого другого славянского (чрезвычайно любопытной является кашубская демонология). Канадские кашубы при поддержке канадских властей стараются культивировать и развивать свой язык и свою культуру, хотя в общественной жизни и религиозной практике используют английский либо польский языки.

Князькова Виктория Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«Синяя книга сказок» Л. Фельдека на английском языке
в контексте перевода словацкой детской литературы
второй половины XX в. на английский язык

Имя словацкого поэта Любомира Фельдека, с которым связано рождение современной (а по наблюдению некоторых словацких исследователей, и постмодернистской) детской литературы, мало известно за рубежом. Интересно заметить, что практически все иностранные языки, на которые переведены и переводятся произведения Л. Фельдека, — это славянские языки: больше всего переведено на чешский, есть переводы на русский, словенский, македонский, сербский, хорватский, болгарский, польский. Та-

кую неравномерность интереса на родине и за рубежом отчасти объясняет сам автор тем, что он всегда старался писать «непереводимо», писать так, чтобы текстом смог насладиться, прежде всего, словацкий читатель.

Игра, фантазия, ассоциация, аллюзия, нонсенс, пародия, автобиографичность — вот основные черты поэтики Л. Фельдека, воплотившиеся в его поэтических, прозаических и драматических произведениях для детей. Все словацкие дети выросли на знаменитых собраниях сказок Любомира Фельдека, а самой любимой среди читателей и по сей день остается его «Синяя книга сказок», написанная в 1974 г. и неизменно сопровождаемая фантазийными иллюстрациями Альбина Бруновского. В 1976 г. книга была внесена Международным советом по детской книге в Почетный список Андерсена. В 1990 г. «Синяя книга сказок» была переведена на английский язык и, несмотря на заявленную автором «непереводимость» его текстов, переводчице Х. Требатицкой удалось воссоздать игривую абсурдность сказок Л. Фельдека на английском языке.

Котова Марина Юрьевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о восприятии в Германии

во второй половине XX — начале XXI вв.

чешской художественной литературы и чеха

В первой части доклада исследование рецепции чешской литературы в Германии второй половины XX — начала XXI в. представлено на материале филологических научных источников, опубликованных в Германии и в Чехии. Во второй части освещаются наиболее яркие в области социологии и психологии публикации немецких и чешских авторов о восприятии в Германии чехов, чешской ментальности и культуры. С опорой на научные монографии таких немецких и чешских филологов, как Р. Petr (1963), В. Havránek und R. Fischer (1965, 1968), L. Nezdařil (1985), W. Schamschula (1991, 1996, 2004), V. Strebel (2000), J. Holý (2003), D. Uhle (2006), Wöll A. (2006), A. Tippner (2009), В. Šramková (2010) и другие, в докладе делается обзор немецкой интерпретации творчества чешских писателей и поэтов как представителей тех или иных литературных течений, ставших предметом исследования в Германии и в Чехии. Среди объектов, привлечших внимание немецких литературоведов в указанный период, следует назвать творчество Б. Немцовой, Я. Гашека, К. Чапека, чешских поэтов авангарда и сюрреализма 20–30 гг. XX в., М. Брода, Я. Демла, М. Кундеры, В. Голана, Я. Сейферта и др. Дается краткая характеристика истории рецепции чешской литературы в Германии, учитывая опыт всей доступной литературы, включая вузовские учебники на русском языке (Р. Р. Кузнецова, 1987), на чешском языке (J. Lehár, A. Stich, J. Janáčková, J. Holý, 2000) и на немецком языке (J. Holý, 2011). Поскольку изучение всего периода немецкоязычного творчества чешских писателей-билингвов из Праги, Моравии, Силезии и баварско-чешских приграничных областей имеет свои специфические параметры, этот аспект рецепции в докладе не затрагивается, несмотря

на активность разработки этой темы в немецком литературоведении и социологии.

Далее, во второй части доклада, приводятся результаты избранных немецких и чешских исследований по социологии и психологии о чехах в немецком восприятии. Немецкие и чешские социологи и психологи A. Thomas (1996), J. Herda и A. Trägler (1999), W. Koschmal, M. Nekula и J. Rogall (2001), K. Roth (2001), M. Weigl и M. Zöhrer (2005) и другие в своих публикациях останавливаются на разных аспектах вопроса в зависимости от цели своего исследования. Используя различные методики анализа, эти и другие авторы характеризуют, в частности, следующие аспекты:

- соседские германско-чешские отношения с позиции имагологической социологии (Gute Nachbarn — Schlechte Nachbarn, Chemnitz, 1998);
- чешскую идентичность в пространстве и времени: в регионе Баварского леса и других приграничных регионах (M. Weigl, 2008);
- профессиональный психологический тренинг для немцев, работающих в чешском окружении: нацеленность на успешное взаимодействие с чехами на работе, в выходные дни и праздники, адекватное выражение благодарности, поведение в ситуации конфликта, формы извинения, реакция на бюрократические особенности чешского общества и пр. (S. Schroll-Machl, J. Nový, 1999, 2003);
- стратегии межкультурной коммуникации для немецких граждан, работающих в Чехии (Т.-Ph. Groll, 2009);
- особенности интеркультурной коммуникации в рамках немецко-польско-чешской академической мобильности (A. Moosmüller, I. Waibel).

В заключении к докладу отмечается необходимость учета литературоведческих компетенций при проведении исследований в области филологической и социологической имагологии, касающихся определения чешской идентичности.

Михлова Марие,

аспирант, Карлов университет (Прага, Чехия)

Элизабет Ригби Истлейк (Elizabeth Rigby Eastlake) и ее роль в ознакомлении англоязычной аудитории с русской культурой

1. Обзор культурных и литературных отношений в период между Наполеоновскими войнами и Крымской кампанией. Романическая литературная сцена в Англии и России, их взаимовлияния, влияния, сюжеты, рецензии, образцы.
2. Личность Элизабет Ригби Истлейк в свете культурно-литературной среды Великобритании данного периода.
3. Путешествия Ригби и литературные впечатления, полученные в странах немецкого языка и в среде русскоговорящих, ее литературные контакты в Европе, первые публикации, выдающиеся личности, основные остановки во время путешествий.
4. Элизабет Ригби Истлейк в России и Эстляндии, ее видение эпохи, литературная обработка впечатлений, передача впечатлений от путешествий

с помощью изобразительного искусства (Ригби в качестве художницы), публикации «Письма с берегов Балтики» (*A Residence on the Shores of the Baltic*, 1841), «The Jewess» (1843) и «The Livonian Tales» (1846).

5. Отзывы на эти публикации в британской печати, в европейском и точно-европейском контексте.
6. Дальнейшая литературная и художественная деятельность Элизабет Ригби Истлейк, ее вклад в литературную и художественную критику, влияние на восприятие фотографии как самостоятельной художественной дисциплины, художественное окружение писательницы.

Михлова Светлана Львовна,

Ph. D., преподаватель, Чешский технический университет (Прага, Чехия)

Образ реки в англоязычной и чешской литературе (конец XIX – середина XX в.)

1. Река как символ германского и славянского фольклора и древнейшей авторской художественной литературы.
2. Река в англоязычной прозаической литературе конца XIX в.
3. Река в англоязычной прозаической литературе с начала XX в. и до конца 40-х гг.
4. Влияние литературы Великобритании на чешскую художественную сцену.
5. Роман З. Йиротки «Сатурнин» (1942) и его вдохновители — классики английского классического «легкого жанра» и детектива.
6. Исторический контекст появления романа и его понимание в Чехии как протест против фашизма.
7. Особенности послевоенной судьбы романа и его перевод на английский и русский языки.

Сергиенко Олеся Сергеевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема перевода фразеологических единиц в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» (на материале чешского и английского языков)

Многие переводчики, обратившиеся к творчеству М. А. Булгакова, столкнулись с проблемой перевода фразеологии, как нормативной, узуальной, так и авторской. Каждый переводчик нашел свой подход к решению этой непростой задачи. В докладе рассматривается несколько переводов повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» на чешский и английский языки — это хрестоматийные переводы на чешский язык, выполненные Людмилой Душковой (*Ludmila Dušková*) и Аленой Моравковой (*Alena Morávková*), а также два не менее известных английских перевода, выполненных Майклом Гленни (*Michal Glenny*) и Аврилом Пайманом (*Avril Puman*).

Фразеологизмы, употребляющиеся в художественных текстах М. А. Булгакова, уже исследовались в диссертациях Н. Г. Михальчук «Фразеологи-

ческие единицы как средство формирования идиостиля М. А. Булгакова» (2002), А. Э. Павловой «Фразеологические единицы как средство создания комического в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (2003), и О. С. Дергилевой «Индивидуально-авторские приемы преобразования фразеологических единиц (на материале произведений М. А. Булгакова» (2010). Другие исследователи обращались к анализам переводов булгаковской фразеологии: статья О. И. Фокиной «Фразеологические единицы в оригинале и переводе художественного текста на итальянский язык (на материале повести М. Булгакова «Собачье сердце» (2006) и диссертация к. ф. н. Н. И. Маругиной «Метафора в процессах текстопорождения: на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов» (2005). Исследований по сопоставлению переводов «Собачьего сердца» на английский и чешский языки ранее не проводилось.

Большинство способов перевода фразеологизмов сводятся к следующим: с помощью эквивалента, с помощью аналога, калькирование, описательный перевод, замена, опущение и создание авторского окказионализма. При оценке перевода фразеологизмов наибольшее внимание уделялось передаче не только их смысла, но стилистической окраски, экспрессии, которая в значительной степени зависит от контекста. Встречаются и случаи, когда в тексте оригинала фразеологическая единица отсутствует, но появляется в тексте перевода. Особый интерес представляют авторские фразеологизмы с компонентом «пес», «собака» и образы, связанные с этими понятиями: *уму собачьему непостижимо; пес вытащил самый главный собачий билет; шерсть встала дыбом; пес его знает; ни пса не видно* и др.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гаш Агнешка,

к. ф. н., ассистент, Силезский университет (Катовице, Польша)

Русские и польские метафоры,
мотивированные актом приема пищи

Глаголы физиологического действия, относящиеся к сфере питания человека и животных, представляют собой обширный и разнообразный класс, до сих пор мало изученный лингвистами. Базовые глаголы питания: *есть/jeść, пить/pić* и их гипонимы (*отведывать/próbować, лизать/lizać, сосать/ssać, грызть/gryźć, жевать/żuć, проглатывать/przełykać, переваривать/trawić* др.) в своем первичном значении выявляют отношения между живым существом и принимаемой им пищей, ср.: X ест/пьет Y//X je/pije Y, реализуя модель: субъект — предикат физиологического действия — объект. В активной конструкции субъект действия «питание» выражается одушевленными именами существительными со значением 'лицо', 'живое существо' в форме именительного падежа единственного или множественного числа. Объектную позицию при глаголах питания заполняют имена существительные, в значении которых выступает семантический компонент 'еда', 'то, что можно употребить в пищу'.

Витальные концепты являются важным источником развития лексики разных подсистем языка. Многие понятия из области науки, философии, экономики, политики или культуры мотивированы обиходными представлениями человека о мире. В частности, это касается сферы физиологических процессов, к примеру: *прокормить семью / wykarmić rodzinę*, *духовная пища / pokarm duchowy*, *питать надежду / żywić nadzieję*, *угостить бранью / poczęstować jakimś epitetem* и т. п.

Переносные значения лексем и метафорических конструкций, мотивированных актом приема пищи, в польском и французском языках, рассматривались Анной Кжижановской (2003). Гастрономические метафоры в русском и французском языках были предметом изучения Ольги Дормидонтовой (2011). Малгожата Борек (2012), анализируя русские и польские метафоры, выражающие страх, доказала, что среди доменов-источников соответствующих метафор общим является представление о страхе как о пище или напитках (чаще всего неприятных на вкус), например: выпить чашу страха до дна, *przełknąć strach*.

В докладе рассматриваются русские и польские глагольные метафоры, мотивированные актом принятия пищи. На основе собранного материала выделяется пять показательных групп «гастрономических» метафор, относящихся к процессам физико-химического взаимодействия (хлорка ест руки; *rdza żre okucia*), к интеллектуальной деятельности человека (переваривать содержание книги; *trawić czyjeś słowa*), к эмоциональной сфере человека (вкусить горе; *najeść się strachu*), к межличностным отношениям (не переваривать соседей; *nie trawić kogoś*), а также к общественно-экономическим явлениям (проект поедает все денежные ресурсы; *zjadać dochód*).

При переносном употреблении глаголов питания субъект выражается не только именами существительными, обозначающими живых существ, но прежде всего неодушевленными существительными, как, например, названия предметов и явлений неживой природы, абстрактные названия. Позицию объекта заполняют не названия блюд и продуктов питания, а неодушевленные имена существительные, обозначающие предметы, непригодные для еды в биологическом смысле. В связи с тем, что семантика глаголов принятия пищи прямо указывает на помещение ее внутри тела человека, «гастрономические» метафоры реализуют модель контейнера (вместилища).

Гучкова Ирина Вадимовна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Заимствования в языке проповедей

Гаврилы Стефановича-Венцловича на примере рукописи 1732 г.: отражение народной языковой стихии и библейская традиция

1. Гаврила Стефанович-Венцлович — церковный писатель первой половины XVIII в., путешествующий монах и проповедник, одним из первых на сербских территориях начавший употреблять народный язык в качестве литературного.
2. Язык проповедей — язык особой категории текстов, требующих максимальной понятности (т. е. приближенности к лингвистическому инстру-

ментарии аудитории) и образности (например, использования необычных выражений и слов-маркеров, привлекающих внимание слушателей к содержанию речи или подчеркивающих отдельные части проповеди). Выполнению этих задач в тексте проповедей Венцловича способствуют в том числе и заимствования.

3. Первый сборник проповедей Г. Ст. Венцловича на народном языке — рукопись 1732 г. «Повченїа и слова разлика и пролози различитимъ светимъ и праздникомъ» в архиве Сербской академии наук и искусств.
4. Лексические группы, выделяемые в языке анализируемой рукописи 1732 г., по происхождению: исконная (народная) лексика, церковнославянизмы и заимствования.
5. Группы заимствованной лексики в тексте анализируемой рукописи 1732 г., среди которых выделяются: грецизмы, латинизмы, гебраизмы, тюркизмы, мадьяризмы, германизмы, итальянизмы, галлицизмы.
6. Стилистический и семантический контекст употребления заимствований в тексте анализируемой рукописи 1732 г.

Анализируемые заимствования разделяются на две группы:

- 1) тюркизмы, мадьяризмы, германизмы, галлицизмы, итальянизмы — лексика этой группы приближает язык проповеди к восприятию слушателей, поскольку в первую очередь обозначает реалии повседневной жизни, в том числе реалии городской жизни к северу от Савы и Дуная, которые были слабо представлены в языке Вука Караджича, основанном на сельских говорах его родного края;
 - 2) грецизмы, латинизмы, гебраизмы (принятые вместе с библейскими текстами, через греческий язык) — обозначают прежде всего предметы церковного обихода, понятия церковного уклада, библейские реалии и т. п., позволяя проповеднику создать особую библейскую атмосферу. Лексика, относящаяся к этим группам заимствований также часто обозначает абстрактные понятия и относится к «высокому стилю», тем самым, по своей функции, примыкая к славянизмам.
7. Заимствования в рукописи Венцловича 1732 г. как отражение живого народного языка сербов XVIII в. на венгерских территориях и средство создания библейской атмосферы и увеличения образного потенциала текста. Рассматриваемые в докладе примеры употребления заимствований в тексте анализируемой рукописи отражают общий характер языка сочинений Венцловича, написанных для народа, а именно — объединение живой, пестрой стихии народного языка с библейской стихией церковнославянского, священного языка.

Рукописи Венцловича оставались в забвении вплоть до 60-х гг. XX в., когда они были проанализированы (прежде всего с литературоведческой точки зрения), переработаны и опубликованы историком литературы и писателем Милорадом Павичем. Это событие совпало с общим интересом к литературному языку и литературе авторов эпохи, непосредственно предшествующей времени активной деятельности Вука Караджича, который возник в среде «новосадской» лингвистической школы, возглавляемой выдающимся сербским лингвистом Александром Младеновичем. В этом контексте

народный язык проповедей Венцловича был воспринят как один из возможных вариантов эволюционного развития сербского литературного языка (в отличие от революционного пути, по которому пошел Вук Караджич).

Анализ лексической группы заимствований показывает, что при создании своих проповедей Венцлович прибегал как к народному идиому (и в этом язык его проповедей приближается к «вуковскому» языку, легшему в основу современного сербского литературного языка), так и к письменному языку предшествующей эпохи (сербскославянскому), а народный язык его проповедей можно рассматривать как недостающее звено в цепи преемственности между традицией письменности на сербскославянском языке и современным сербским литературным языком — детищем Вука Караджича.

Колосова Валерия Борисовна,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Плаун в славянских диалектах, фольклоре и народной медицине

Плаун булавовидный *Lycopodium clavatum* L. — многолетнее водное или болотное растение. Он не относится к наиболее мифологизированным растениям славянской традиционной культуры, тем не менее количество диалектных названий этого растения весьма значительно. Они могут быть подразделены на группы в зависимости от мотивации. Так, лексемы с корнем ног-, лап- являются метафорическим сравнением растения с лапами различных лесных животных — медведя, волка, зайца, оленя. Общая форма растения отражена в фитонимах *ползучка*, укр. *розвильник* и др. На лекарственные свойства растения указывают названия типа *колтунник* и под. Плаун имеет множество общих названий со мхами, поскольку напоминает их внешним видом.

Помимо фитонимов, возникших непосредственно на славянской почве, характерны также кальки с латыни при посредничестве немецкого языка.

Во многих регионах плаун используется в календарных обрядах, в частности, в день св. Иоанна Крестителя, ср. чеш. *St. Jana pás* (букв. «пояс св. Иоанна»). Кроме того, широко распространено применение различных частей растения — стеблей, спор, листьев — в народной медицине и ветеринарии, например, для лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта, а также кожных болезней.

Лифанов Константин Васильевич,

д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Идиолект Даниэла Прибиша как результат взаимодействия чешского литературного языка со среднесловацким диалектом

Традиционно развитие языка словацкой письменности рассматривается как конкуренция двух взаимоисключающих тенденций: тенденции сохранения чешского языка в качестве литературного языка словаков, что

было характерно для евангеликов, и тенденции его словакизации, которая реализовалась в текстах, созданных главным образом католиками. Суть словакизации заключалась во взаимодействии чешского языка с юго-западнорусскими говорами, что приводило к появлению специфического идиома гибридного характера. В своем классическом варианте он состоял из чешских, общесловацких и западнорусских элементов, причем подобные тексты создавались не только в Юго-Западной Словакии, но и в других регионах словацкой этнической территории. В этих регионах, однако, возможно было его взаимодействие с иными словацкими говорами, в результате чего его структура еще более усложнялась, поскольку при этом западнорусские элементы в текстах в той или иной степени сохранялись. Данный идиом употреблялся во всех жанрах католической письменности, но был представлен также в общих для католиков и евангеликов жанрах, к которым относятся административно-правовые документы и популярная поэзия.

Среди евангелической письменности особое место занимает «Катехизис» М. Лютера, опубликованный в 1634 г. в г. Левоча. Первую его часть составляет текст собственно «Катехизиса», переведенный по инициативе Жилинского синода 1610 г. (впервые опубликован в 1612 г.) и содержащий лишь единичные словакизмы. Принципиально иной языковой характер имеет вводная часть катехизиса и три приложения («Rosarium Animae», «О способе моления», «Духовные песни»). Специфика языка этой части катехизиса и отнесенность текстов к духовной евангелической литературе позволяют говорить об особом идиолекте их автора — приходского священника в селе Спишский Гргов Даниэла Прибиша (около 1580 г. — 1645 г.), который был родом из среднесловацкого села Липтовска Тепла.

Данная часть катехизиса отличается обилием словакизмов. При этом выявляется иной механизм создания текстов, при котором со среднесловацким говором взаимодействует не идиом гибридного характера, а непосредственно чешский язык. В связи с этим в тексте обнаруживаются общесловацкие и среднесловацкие элементы, но отсутствуют западнорусские. К числу первых относятся следующие: отсутствие дифтонга *ou* (*yak ten tež horce slysse spjwani kohutowo; a diábel mné z smrti wečnu očekáwá*), неперегласованные формы (*yako list zanássa wítr od Stromu; že gjch žadal diábel osiewati yako pssenicu na rječuci*), омонимия род. и вин. падежей мн. числа в парадигмах одушевленных существительных и прилагательных (*nenassel sem kterýbi tak u swých milých předkůw Milowal; Odkud přigdé suditi žywych u mrtwych*) и т. д. Генетически среднесловацкими элементами, зафиксированными в текстах Прибиша, являются дифтонги *ie, uo, ia* (*Nebo kdo pochybugě nic neberie; mnohem meneg wiznawáti bude muocy; slysseswse tu Nowinnu že se nawracia knému*), смягчение парных мягких согласных перед исконным *e* и *e*, возникшем из *ь*, причем даже в генетически чешских словах (*Chlieb náš wezdegssi dag nám dněš; Zdě nic neni dokonalého / yak Swatý Pawel Prawj; Kdež ya giž nalezněm žywūt?*), и т. д.

В текстах, созданных Прибишем, регистрируются также такие бегимизмы, которые, как правило, в словацкой письменности того времени уже отсутствовали, что также свидетельствует о ином механизме создания текстов. Это обилие случаев обозначения согласного *ř*, хотя часто оно яв-

ляется гиперкорректным (Trpěl pod Pontským Pilátom: Vkrížován / Vmřel / y pohřben gest; yak Hieremiáš přořok swědcoy w 31. k.; musegi teřas kwiliti w wečných mukach a sskrypátj zubami), практически последовательное отражение сочетания št' (požehnağ nās / y tyto dary které ztweg Swateg Sstedrosti pŕyğimati budeme)и т. д.

Специфика идиолекта Д. Прибиша, возможно, имеет определенную связь с тем, что позже словацкий литературный язык был кодифицирован евангеликом Л. Штуром именно на среднесловацкой диалектной основе.

Медведева Диана Игоревна,

к. ф. н., доцент, Удмуртский государственный университет (Ижевск)

Концептуализация души в русской и сербской лингвокультурах

Цель исследования — сопоставительный анализ репрезентаций концептов *душá* и *душа* в современной русской и сербской лингвокультурах на материале лексикографических источников и текстов разных типов. Имена концептов в кириллической орфографии отличает идентичное написание, а в произношении они различаются лишь ударением.

Изучение дефиниций из толковых словарей выявило детальную разработанность семантики имен изучаемых концептов в русском и сербском языках, а также значительное сходство семанного и семного состава имен концептов. Имя концепта *душа* в значении обращения является в русской лингвокультуре устаревшим, употребляясь лишь в произведениях фольклора и классической литературы, в то время как в сербской лингвокультуре *душо* (звательный падеж) является распространенным ласкательным обращением и в настоящее время.

В сербской лингвокультуре производные от слова *душа* широко представлены в корпусе личных имен славянского происхождения (*Душан*, *Душко*, *Душанка*, *Душица*), отсутствующих в русском антропонимиконе.

Анализ словообразовательных возможностей имен концептов выявил наличие полных структурно-семантических эквивалентов, содержащих в себе компонент *душа* (единодушие — једнодушност), частичных семантических эквивалентов (душевный — душеван), эквивалентов без имени концепта в одном из языков (задушевный — искрен, срдачан, интиман), в том числе сербский этноспецифический концепт (задужбина — здание, обычно церковь или монастырь, воздвигнутое правителями во спасение души; имущество, даримое или завещаемое в благотворительных или просветительских целях). О значимости исследуемых концептов для обеих культур на современном этапе свидетельствует использование лексем, относящихся к ядру концепта, в составе эргонимов, в рекламных текстах, в названиях современных литературных произведений и культурных мероприятий.

Сопоставление русской и сербской фразеологии приводит к выводу о многочисленности устойчивых словесных комплексов с лексемами *душá* и *душа* в обеих лингвокультурах, среди которых есть имеющие эквиваленты с лексемой *душа* в сопоставляемом языке, а также соответствия без компонента *душа* (фразеологизмы и свободные словосочетания).

Проведенный анализ концептов *душá* и *дúша* показал, что в обеих изучаемых культурах душа относится к ключевым концептам. Необходимо отметить большой объем семантики имен концептов, их обширную и разностороннюю языковую репрезентацию. Сходства в языковой репрезентации исследуемых концептов объясняются языковой и культурной общностью русских и сербов. Различия в употребительности и сочетаемости, явление безэквивалентности объясняется различием традиций и исторических условий, а также лингвистическими факторами.

Ушинскене Виктория Игоревна,
к. ф. н., доцент, Вильнюсский университет (Литва)

Актовая книга Троцкого замкового суда 1660–1661 гг.
в контексте правовой коммуникации
Великого княжества Литовского

В настоящее время в Библиотеке Вильнюсского университета хранятся 543 актовые книги, составленные в судебных канцеляриях Великого княжества Литовского (ВКЛ) в 1540–1845 гг. В них представлены уникальные материалы по истории Литвы, Польши и Беларуси. Обстоятельства создания документов непосредственно связаны с особенностями этнолингвистической ситуации ВКЛ, издревле отличавшегося своей поликультурностью и этнической толерантностью.

Необходимость ведения судебных записей в ВКЛ была определена положениями Литовских Статутов (1529–1588). Каждый суд имел свою канцелярию, в обязанности которой, кроме прочего, входило составление и хранение актовых книг: *поточных* — для записей жалоб, протестов и донесений судебных приставов (*возных* и *генералов*) с места происшествия; *декретовых* — для записи судебных постановлений; *записовых* — для записи актов, удостоверяемых государственными органами (завещаний, договоров аренды и купли-продажи, сделок и др.). В зависимости от типа суда актовые книги подразделялись на *замковые* (*гродские*), *земские*, *трибунальские*, *подкоморские* и *магистратские*.

Выбранную в качестве объекта изучения Книгу Троцкого замкового суда 1660–1661 гг. следует, по всей видимости, отнести к *смешанному* типу актовых книг, поскольку ее основу составляют документы, характерные как для *поточных* книг (протестации и донесения судебных приставов), так и для *записовых* (завещания, реестры, подтверждения актов аренды и купли-продажи).

Языковые особенности памятника отражают историческую полиэтничность Великого княжества: в соответствии с традицией внутреннего делопроизводства ВКЛ в XVII в. книга составлена на польском и т. н. *западнорусском* (*lingua ruthenica*) языках. Выбор языка судебных записей непосредственно связан с типом документа: донесения судебных приставов записаны преимущественно по-польски, в то время как при составлении жалоб, завещаний, купчих писарь обычно использует оба языка: польский — в основной части документа, западнорусский — в кратких аннотациях в на-

чале и/или в конце польского текста. Реже встречаются жалобы, написанные только на западнорусском. Иногда попадаются двуязыковые версии одного и того же документа. Судя по всему, писарь при выборе языка руководствовался языковыми предпочтениями и компетенцией судебных сторон. В то же время явное преобладание текстов на польском языке демонстрирует постепенное вытеснение *lingua ruthenica* из судебного делопроизводства ВКЛ во 2-й половине XVII в.

Фарина Евгения,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Языковые особенности дипломатической переписки на сербском и русском языках

Дипломатическая переписка — важнейшая форма дипломатической коммуникации. Под дипломатической перепиской подразумевается любая переписка официального характера, которую ведут уполномоченные представители дипломатического корпуса.

Вопрос правильного оформления и составления дипломатического документа является ключевым при ведении переписки такого характера. Несмотря на общепринятые нормы и правила составления документов, в каждом языке существуют свои особенности при их реализации.

В докладе речь идет о сходствах и различиях в составлении дипломатических документов на сербском и русском языках.

Описаны основные положения и параметры составления дипломатических документов. На основании указанных положений сопоставлены тексты документов на сербском и русском языках. Выявлены лексические средства выражения в этих языках, указаны сходства и различия. Показаны синтаксические средства, характерные для каждого языка: *имам част да Вас обавестим* (серб.) = *имею честь поставить Вас в известность* (рус.); *поновни избор* (серб.) = *переизбрание* (рус.) и др.

Оформление дипломатических документов носит прежде всего определенный стилистический характер. Дипломатический подстиль является частью официально-делового функционального стиля. Он обладает собственной терминологией, содержит стандартный набор этикетных фраз и клише. В докладе показаны особенности стилистического окраса жанра дипломатической переписки: административный, официальный или возвышенный тон писем или обращений.

Изучение специфики языка в дипломатической сфере на примере сербского и русского, а также описание дипломатического подстиля имеют для современной лингвистики определенную ценность, обусловленную малой степенью исследованности.

Актуальность доклада обусловлена возросшим интересом лингвистики к изучению языка в тесной связи с практической деятельностью человека и определяется комплексным подходом к анализу дипломатической пе-

реписки, а также основных характеристик данного подстиля официально-делового функционального стиля.

Материалом доклада являются тексты различных дипломатических документов (официальные ноты, выступления, письма). Рассматриваемые тексты представлены на сербском и русском языках.

Чунчич Марица (Čunčić Marica),

д. ф. н., директор, Старославянский институт (Загреб, Хорватия)

Представление хорватских глаголических текстов в электронном формате

Старославянский институт в Загребе располагает целым рядом компьютерных программ, создававшихся в течение нескольких последних лет для обработки отдельных баз данных по хранящимся в институте материалам в рамках руководимого автором научно-исследовательского проекта по глаголической палеографии. Дигитализация была бы невозможна без участия высококвалифицированного специалиста по информационным технологиям Антония Магдича, который владеет изучаемым в институте материалом и, в качестве сотрудника, адаптирует к этому материалу все компьютерные программы.

Раньше других были начаты работы над программой «Библиография чтений хорватских глаголических миссалов и бревиариев» (*Bibliografija čitanja hrvatsko glagoljskih misala i brevijara*), позволяющей собирать и обрабатывать сведения о библейских отрывках; затем была создана программа «Источники» (*Izvori*), содержащая все сведения о глаголических памятниках, их оригиналах и копиях, электронных копиях и публикациях в Интернете. Программа «Словарь церковнославянского языка хорватской редакции» (*Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije*) включает в свой состав сканированные рукописные карточки алфавитного каталога и каталога адресов чтений, распознавание которых производится применением особой технологии OCR. Программа «Миниатюры» (*Minijature*) представляет список и многоуровневое описание большого количества миниатюр глаголических рукописей. Одной из самых сложных является программа «Транслитерации» (*Transliteracije*), посредством которой вводятся сведения о конкретном памятнике, странице или листе, о цвете и размере букв, инициалах и месте лексемы в строке. Глаголические буквы транслитерируются на латиницу и средневековую кириллицу. Единицей информации является слово хорватского церковнославянского языка, которое описывается по более чем ста грамматическим параметрам, по которым возможен дальнейший поиск.

Все лексемы корпуса включаются в базу данных для составления словаря отдельного памятника или корпуса нескольких памятников. Существует возможность введения греческих и латинских параллелей, лексемы которых также вносятся в базу данных. Возможности программ будут продемонстрированы на примерах памятников хорватского церковнославянского языка XI–XIII вв. (*Konavoski natpis, Natpis Župe dubrovačke, Bašćanska ploča, Mihanovićev fragment apostola, Splitski fragment misala*).

В 2014 г. Старославянский институт получил статус Научного excellent-центра по изучению хорватского глаголитизма, в который входят почти все сотрудники института, коллеги из иных хорватских и зарубежных университетов и научно-исследовательских учреждений. В частности, центр решает задачу дигитализации текстов хорватских глаголических литургических кодексов, созданных в Бераме в Истрии на хорватском церковнославянском языке и хранящихся в Любляне. Создается база данных, позволяющая осуществлять максимально детальный поиск как по всему корпусу, так и по тексту отдельного памятника: по всем изменяемым и неизменяемым частям речи, по максимальному числу грамматических категорий (падеж, число, время, вид и др.), по лигатурам, орфографическим знакам, миниатюрам, инициалам, цвету букв и проч. Программа требует больших коллективных усилий при внесении данных. Но чем больше лексем уже внесено в базу, тем легче ее пополнение, поскольку уже внесенные ранее слова предлагаются в качестве возможного варианта. Мы надеемся на новые ценные результаты, которые позволят самыми современными методами изучать хорватский церковнославянский язык, литературу, палеографию, литургию, миниатюры и историю хорватского глаголического наследия.

Шетэля Виктор Мечиславович,

к. ф. н., доцент, Московский педагогический государственный университет

О новых аббревиатурах на страницах польских газет последних лет

В связи с изменениями, которые происходили в польском обществе уже в самом конце XX века, а также вследствие постоянной трансформации во властных структурах и в политике, обществе и т. д., в польском речевом обиходе стали появляться новые официальные наименования министерств, департаментов и других государственных, политических и общественных организаций, партий, учреждений. Принятые названия, часто составные и многокомпонентные по своей структуре, отражали характер данных организаций и учреждений, служили для их обозначения, являлись опознавательным знаком, поскольку часто точно указывали предназначение, функции и место организации (учреждения) в системе государства и общества. В какой-то мере новые официальные наименования возвышали в глазах общества данные организации, а также иногда возобновляли их былую значимость, если речь шла об организациях с традициями в новых политических условиях.

Новые официальные наименования из двух и более компонентов в обиходном употреблении, как это часто бывает, заменялись сокращениями. Часто мы имеем здесь дело с инициальными аббревиатурами, образованными, как известно, от первых букв (инициал) составного наименования. Обсуждение полных составных наименований и их сокращений обычно происходит взаимосвязано — сведения об одних и других дополняют друг друга. Следует признать, что, если речи идет о словопроизводстве новых единиц, то здесь сохраняются не только польские языковые традиции, но

в некоторых случаях наблюдается возвращение к некоторым традициям далекого прошлого. Прежде всего, следует отметить функционирование в польской речи аббревиатур международного значения, которые вошли в польский обиход способом транслитерации по определенному интернациональному образцу. Имеется в виду сокращение МКО — Międzynarodowy Komitet Olimpijski (Международный олимпийский комитет, МОК); сокращение UE — Unia Europejska (Европейский союз, ЕС).

Совершенно новыми для нашего времени будут названия и аббревиатуры, обозначающие реалии финансового характера, а также связанные с налоговыми органами и статистикой. Например: NIP — Numer Identyfikacji Podatkowej (идентификационный номер налогоплательщика, ИНН). Особое внимание следует уделить и другим названиям и их аббревиатурам. Упомянутые единицы являются наиболее частотными в газетном дискурсе. Обычно аббревиатурам на начальном этапе их использования сопутствуют пояснения относительно их значения, правильного употребления и этимологии.

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Алёшин Алексей Сергеевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича

Зиновьева Елена Иннокентьевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Устойчивые сравнения, характеризующие умения человека,
в русском и шведском языках

В русском и шведском языках выделяется отдельная группа устойчивых сравнений (УС), характеризующих умения человека что-либо делать или отсутствие таковых. В русском языке, это, например, такие УС, как *плавать как рыба (как утюг, как дельфин, как топор и др.)*, *щелкать как орешки (семечки)*, *делать что-л. как Бог, сидеть на лошади как собака на заборе* и др. В шведском языке к данной группе относятся такие УС, как *klättra som en ara, springa som en gasell, sväva lätt som en älva i dansen* и др.

В системе УС русского языка номинируются умения/неумения плавать, метко стрелять; умения легко решать сложные задачи, красиво петь, быстро бегать, хорошо прыгать, лазать; неумения красиво писать, сидеть в седле. Шведские УС обозначают человека, не умеющего плавать, способного быстро бегать, взбираться вверх, хорошо танцевать, петь и играть на музыкальных инструментах.

В качестве эталонов русских УС выступают зоонимы: *рыба (рыбка), щука, акула, дельфин, нерпа, утка, лось, газель, обезьяна, газель, горный олень* и др.; объекты неживой природы: *камень*; мифологемы: *Бог, русалка, богиня Диана*; хозяйственно-бытовые реалии: *утюг, топор, пробка*; наименования

лиц: *снайпер, профи, мальчик*; прецедентные имена: *Джеймс Бонд, Робин Гуд, лорд Байрон, Бубка* и др. В качестве обобщающих эталонов выступают *Бог* (делать что-либо хорошо) и *сапожник* (делать что-либо плохо). В шведском языке при общем совпадении тематических групп эталонов УС с их русскими аналогами (зоонимы, хозяйственно-бытовые реалии, мифологемы) можно отметить определенные отличия. В частности, национальные особенности проявляются в некоторых шведских эталонах-мифологемах, например, *en älva* (эльвы, согласно шведской мифологии, существа женского пола, танцующие на лугах в тумане и в сумерках).

Некоторые русские УС не зафиксированы в существующих словарях УС, но активно употребляются в газетных текстах и текстах художественной литературы. Следует отметить тенденцию к проникновению и активному употреблению общезыковых русских УС в политическом и спортивном дискурсах. При этом расширяется компонентный состав УС: *щелкать конфликтные ситуации (законопроекты) как орешки, щелкать прыжки как орешки*. Можно отметить и семантический сдвиг в значении УС: *щелкать соперниц как орешки, щелкать чемпионаты как орешки*.

В шведском языке большинство УС рассматриваемой группы активно используются в художественной литературе, публицистике и интернет-пространстве. Особое внимание обращают на себя единицы, имеющие в качестве эталона обобщающий эталон *en gud* (бог), служащий для обозначения хорошо поющего и хорошо играющего на музыкальных инструментах человека, а также хорошего водителя.

В результате проведенного анализа можно отметить, что сходства между русскими и шведскими УС наблюдаются на уровне количественного состава, тематических групп УС и отдельных эталонов сравнения: *en ara* — обезьяна, *en gasell* — газель, *en get* — коза и др. Различия наблюдаются в первую очередь в номинативной плотности тематических групп эталонов сравнений, разных основаниях сравнения при наличии одного эталона, а также в различной образности УС двух языков. Например, русскому УС сидеть как собака на заборе, обозначающему плохого наездника, в шведском языке соответствует УС *sitta som en smörklick på en het potatis* (сидеть как кусочек масла на горячей картошке).

Бирих Александр (Bierich Alexander),
д. ф. н., профессор, Трирский университет (Германия)

К историко-этимологическому изучению
русских устойчивых сравнений

Исходным пунктом исторического описания устойчивых сравнений служат в настоящем докладе материалы XVIII в. Источники этого периода представляют для диахронической фразеологии особый интерес, т. к. именно в это время складывается фразеологическая система, послужившая основой для фразеологии современного русского языка. Устойчивые сравнения представлены в этих источниках достаточно широко, собранный корпус составляет более 700 единиц.

Своим происхождением компаративные фразеологизмы обязаны самым различным источникам. Большинство из них возникло в народно-разговорной речи, некоторые связаны с языком фольклора и диалектами, и лишь небольшая часть заимствована из церковнославянского и западноевропейских языков.

Устойчивые выражения, возникшие в разговорной речи, связаны прежде всего с человеком и его окружением. В качестве сравнительных компонентов могут использоваться слова обозначающие:

- а) различные части тела (соматизмы): *беречь как глаз, один как перст, как тело без души*;
- б) физическое, психическое и моральное состояние человека: *кричать как бешеный, бегать как сумасшедший*;
- в) родственные связи: *журлива что свекровь, как мачеха до пасынка добра* и т. п.

Значительная часть компаративных оборотов связана по своему происхождению с домашним бытом. Довольно часты сравнения с предметами домашнего обихода (*дом как бездонная кадь, гладкий как стол, как скатерть*) и продуктами питания (*словно как хлеб без соли, надоесть как горькая редька, как блины печь*). Самую большую группу среди устойчивых сравнений составляют, однако, компаративные единицы с компонентами-анимализмами. В основе таких оборотов лежат, как правило, наблюдения человека над жизнью и поведением животных.

В докладе подробно анализируется признаковая база компонентов-анимализмов, а также компонентов, связанных с народными суевериями и религиозными представлениями, ремеслами, охотой и рыболовством и другими источниками.

Венжинович Наталия Федоровна,

к. ф. н., доцент, Ужгородский национальный университет (Украина)

Устойчивые сравнения как средство объективации ценностей в системе фразеологии украинского языка: лингвокультурологический аспект

Интересным для нас представляется анализ устойчивых сравнений с позиций взаимоотношений украинского языка и культуры. Эта проблема давно интересует ученых и лежит в основе нового направления в языкознании — лингвокультурологического. В. М. Мокиенко указывает, на то, что в пословицах, поговорках, сравнениях и других образных сочетаниях слов можно увидеть истоки национальной культуры или бытовых представлений, прочесть скрижали забытого прошлого [Мокиенко, 2007. С. 4]. Как и К. И. Мизин, считаем, что устойчивое сравнение является основной операцией аксиологического познания, которое определяет его как функциональную основу формирования ценностных концептов и ценностных суждений. И именно взаимодействие в пределах устойчивых сравнений номинативной и квалификативной оценок на базовые ценности сосредотачивает в этих единицах лингвокультурную информацию конкретного

народа [Мізін, 2011. С. 385]. В. Виноградов называл сравнения устойчивыми фразеологическими конструкциями, в которых внутренняя условность является традиционной национальной характеристикой образа, его апробированной точностью, бытовым реализмом и экспрессивной значимостью, см.: [Селіванова, 2010. С. 573].

В нашей работе мы делаем попытку представить некоторые особенности менталитета украинского народа, отображенные в устойчивых сравнениях, исходя из определения лингвокультурологии как науки, возникшей на стыке лингвистики и культурологии и исследующей проявления культуры народа, которые проявились и закрепились в языке. Вместе с тем, вслед за В. А. Масловой, мы не акцентируем внимание на стыковом характере новой науки, ибо это не простое сложение возможностей двух контактирующих наук, а именно разработка нового научного направления, способного преодолеть ограниченное изучение фактов и тем самым обеспечить новое их видение и объяснение [Маслова 2008, с. 129]. Анализ устойчивых сравнений в контексте культуры привел к постановке ряда проблем в лингвистике, в частности: как культура участвует в образовании языковых концептов; к какой части значения устойчивого сравнения прикрепляются культурные смыслы.

Проведенное нами исследование позволяет сделать выводы о том, что в устойчивых сравнениях наблюдается активная объективация ценностных представлений о достатке (бедности), дружбе (вражде), любви (ненависти), опыте и знании, семье, счастье, труде, напр.: *голий, як бубон* — ‘дуже бідний’ [СФУМ, с. 155]; *як чорт у суху грушу* — ірон. ‘дуже сильно закохатися’ [СФУМ, с. 770]; *як Тарас Бульба з Андрієм* — ‘протистояти один проти одного’ [СФУМ, с. 48]; *як одна душа* — ‘жити дружно, в злагоді’ [СФУМ, с. 229]; *як Божа бджола* — ‘дуже напружено, посилено працювати’ [СФУМ, с. 26] и т. п. Отметим, что в украинском языке довольно часто устойчивые сравнения несут оттенок иронии, даже сарказма, иногда они кажутся слишком грубыми, но в большинстве своем эти выражения отражают самые разнообразные проявления жизни, быта, поведения украинцев. Такие языковые единицы несут в себе информацию, в которой содержатся и элементы ценностных установок, стереотипов, а также хранится национально-культурный опыт как аккумулируемый результат ценностной деятельности народа.

Литература:

1. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
2. Мізін К. І. Людина в дзеркалі компаративної фразеології: Монографія / К. І. Мізін. Кременчук : ПП Щербатих О. В., 2011. 448 с.
3. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 464 с.
4. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. Полтава: Довкілля К, 2010. 843 с.
5. СФУМ — Словник фразеологізмів української мови / Уклад. : В. М. Білоноженко та ін. Київ: Наук. думка, 2003. 1104 с.

Вильк Габриела,

к. ф. н., ассистент, Силезский университет (Катовице, Польша)

Лингвокультурные особенности русских и польских устойчивых сравнений, характеризующих трудовую деятельность

Согласно замечанию В. А. Масловой, «культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле — это проблема тождества и различия» [Маслова 2004, 144]. Путем сравнения человек постигает окружающую его действительность, выделяя в ней особенно значимые для него элементы.

В исследовании предпринимается попытка описать устойчивые сравнения русского и польского языков, характеризующие различные аспекты трудовой деятельности, с целью выявления в них как универсальных признаков, так и национально-культурной специфики. Источником языкового материала послужили словари устойчивых сравнений, фразеологические и толковые словари. Необходимо при этом отметить, что словарей устойчивых сравнений для польского языка до сих пор было издано крайне мало, собственно говоря лишь один словарь М. Банько (ср. словари русских устойчивых сравнений К. С. Горбачевича, Л. А. Лебедевой, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, В. М. Огольцева и др.).

Анализируемый материал ограничивался устойчивыми сравнениями, характеризующими трудовую деятельность и содержащими в качестве объекта сравнения, образа-эталона, наименования людей, а также мифологических и литературных персонажей. Хотя данная группа не столь многочисленна, как, напр., группа устойчивых сравнений, в которых в качестве образа-эталона выступают наименования животных, она может послужить источником богатой лингвокультурной информации. В устойчивых сравнениях образно запечатлен многовековой человеческий опыт. Это особенно заметно на примере сравнений с наименованиями объектов физической эксплуатации. К примеру, заключенные в Европе бывали гребцами на многовесельных военных судах, что нашло свое отражение в польск. *pracować jak galernik*, в то время как его рус. эквивалент *работать как каторжник* подобного представления уже не содержит.

Помимо общего, в собранном нами языковом материале имеется ряд устойчивых сравнений, которые встречаются только в русском языке, а в польском отсутствуют. Именно они отражают национальный колорит, создают уникальность и неповторимость русской и польской языковых картин мира. Одновременно с этим они выступают источником знаний о реалиях, например, дореволюционной России (*сидеть как барин*), а также о произведениях русской литературы.

В предлагаемом исследовании описывается не только правая (эталонная) часть устойчивых сравнений, но также и левая (исходная) часть. Тот или иной объект сравнения может сочетаться, напр., с определенным кругом глаголов одной семантической группы (рус. *работать, трудиться, вкалывать, пахать*, польск. *pracować, harować, orać, tyrać*). Подчеркиваются

некоторые особенности подобных значений. Обращается также внимание на то, что ряд наименований людей и мифологических персонажей встречается в составе не только устойчивых сравнений, связанных с трудовой деятельностью (ср. *работать как дьявол* и *смеяться как дьявол*).

Литература:

Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2004.

Вознесенская Мария Марковна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Многозначность устойчивых сравнений с союзом «как» и категория имплицитности

Одной из характерных особенностей устойчивых сравнений в русской фразеологии, отмечаемой исследователями (В. М. Мокиенко), является тенденция к имплицитности. Проявляется это весьма разнообразно. Так, если классическое сравнение имеет следующую структуру: субъект сравнения (то, что сравнивается), объект сравнения (то, с чем сравнивается), признак сравнения (основание, по которому происходит сравнение), то устойчивые фразеологические сравнения обладают неполной, эллиптированной структурой — в них отсутствует субъект сравнения. т. е. они состоят только из объектной части, включающей в себя, в самом полном виде, признак сравнения, сравнительный союз и сам объект сравнения. Но и эти компоненты могут имплицитоваться: *как мокрая курица* → *мокрая курица* (имплицитован сравнительный союз); *белый как снег* → *как снег* (имплицитован признак сравнения); *трусливый как заяц* → *заяц*, *хитрый как лиса* → *лиса* (имплицитованы признак сравнения и сравнительный союз). Вообще, можно говорить, что сравнение имплицитно присутствует в большей части фразеологических единиц, в основе которых лежит метафорическое переосмысление некоей исходной образной ситуации, т. к., если вспомнить классическое определение Аристотеля, метафора — это сокращенное сравнение.

Остановимся более подробно на устойчивых сравнениях с союзом «как» с невыраженным, имплицитным, признаком сравнения. В ряде случаев при отсутствии признака сравнения не возникает никаких сложностей с пониманием значения, т. к. оставшаяся часть содержит наименование явления, являющегося типичным обладателем эллиптированного признака (ср. приведенные выше сравнительные обороты *как заяц*, *как лиса*, *как снег*). Но чаще с объектом сравнения ассоциируется сразу несколько признаков и тогда возможно неоднозначное понимание сравнительного оборота, что приводит к его полисемии. Так, выражение *как с цепи сорвался* не содержит эксплицитно выраженного признака, его прямое значение отсылает к ситуации, когда какое-то животное находилось на привязи и неожиданно порвало ее. В этой образной ситуации могут профилироваться разные признаки, которые становятся мотивирующими для разных значений рассматриваемого сравнительного оборота. В фокусе первого значения лежит быстрое

движение животного, второго — его непредсказуемое поведение, третье значение основывается на нашем знании о том, что на цепь обычно сажают какое-либо опасное, злое животное. Таким образом, у сравнительного оборота как с цепи сорвался с невыраженным признаком сравнения возможно выделение следующих трех значений, каждое из которых основано на метафорическом переосмыслении какого-то одного признака образной ситуации:

1. 'очень быстро передвигаться, не воспринимая окружающее': Над дорогой и придорожными полями одна за другой проходили патрульные вертушки с опознавательными знаками Сил обороны Эстонии (В. Левашов. Заговор патриота).
2. 'начать вести себя неадекватно, перестав соблюдать принятые в социуме правила поведения, контролировать себя и совершая поступки, не свойственные человеку ранее и отрицательно оцениваемые говорящим': *Но Вовка как с цепи сорвался, стал, как мама выражалась, шалопаем, — все вечера где-то болтался, приходил ночью, хамил всем подряд и кланчил у мамы деньги, без конца повторяя, что должен «нагуляться».* (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы).
3. 'неожиданно и беспричинно стать недоброжелательным и агрессивным, выражая это в своем поведении (поступках и словах)': *Он рвет и мечет <...> грозит обратиться в прокуратуру и предъявить необходимые доказательства вины Решетникова. Злой, как с цепи сорвался.* (А. Савельев. Аркан для букмекера).

Таким образом, в ряде случаев имплицитность признака сравнений во фразеологических устойчивых сравнительных оборотах имеет своим следствием их многозначность.

Воробьев Евгений Феликсович,
аспирант, Смоленский гуманитарный университет

Устойчивые сравнения и фразеологизмы иной структуры и типа в книге А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию»

1. Огромное значение устойчивых сравнений в системе фразеологии.
2. Существует определенная специфика устойчивых сравнений по сравнению с фразеологизмами иной структуры и типа.
3. Разница в функционирования устойчивых сравнений и фразеологизмов иной структуры и типа существует, т. к. существуют разные мнения даже о том, что такое фразеологизм.

Воробьева Лина Бронислововна,
к. ф. н., доцент, Псковский государственный университет

Названия птиц в русских и литовских сравнениях

Названия животных и птиц — один из самых древних пластов лексики во всех языках мира. Пытаясь охарактеризовать внешность, характер, поведение окружающих, человек обращался к сравнению с тем, что было

ему ближе всего и хорошо известно — к образам животного мира. В связи с этим в последнее время ученые стали отмечать актуальность взаимодействия естествознания и гуманитарных наук, объясняя это тем, что анализ оценочной метафоры (лингвистического знания) основан на когнитивной этологии — науке о поведении человека и животных (психологического и биологического знания).

Становясь компонентами устойчивых сравнений (УС), наименования представителей животного мира реализуют свое переносное значение, характеризуя человека как обладателя определенных (чаще — отрицательных, реже — положительных) свойств и качеств. Поскольку наблюдения над повадками животных, птиц, насекомых могут по-разному преломляться в сознании носителей каждого языка, то и названия одних и тех же реалий животного мира в разных языках нередко могут подразумевать различные качества, давать человеку в каждом языке свою эмоционально-оценочную характеристику.

Как выяснилось в результате анализа, и в русском, и в литовском языках группа сравнений с обозначениями диких птиц превышает группу с обозначениями домашних. Круг наименований диких птиц, зафиксированных нами в обоих языках, довольно широк (в русском языке — 32, в литовском — 23), но с каждым из них насчитывается лишь по несколько сравнений.

Самыми распространенными в УС русского языка являются компоненты *коршун*, *сорока* и *журавль*, в литовском языке — *сова* / *pelėda*, *ворона* / *varna*, *ястреб* / *vanagas* и *воробей* / *žvirblis*. В отличие от русского, в литовском языке совсем не участвуют в образовании сравнений такие названия диких птиц, как *беркут*, *ворон*, *цапля*, *кулик*, *попугай*, *стервятник*, *страус*, *фазан*. Набор названий диких птиц в сравнениях литовского языка дополняется только названием *трясогузки* / *kielė*, которое не встречается в русских сравнениях.

Тожественными в русских и литовских сравнениях являются наименования домашних птиц (семь наименований: *курица* — *višta*, *петух* — *gaidys*, *гусь* — *žąsis*, *индюк* — *kalakutas*, *гусак* — *žąsinas*, *цыпленок* — *viščiukas*, *утка* — *antis*), хотя они дают разное количество единиц (русский язык — 58, литовский — 86), не всегда совпадающих по значению. Вследствие ограниченного количества видов домашних птиц, группа УС с их наименованиями и в русском и в литовском языках является самой малочисленной. Самыми продуктивными компонентами в образовании УС оказались *курица*, *петух*, *гусь*.

Как показал анализ, сравнения строятся не только на ассоциативных признаках, выделяющихся на основе человеческих наблюдений над внешним видом и поведением птиц; немаловажную роль в формировании УС играет и духовная культура народа: фольклор, религия, мифология и т. д. Нельзя сказать, что сравнения являются точным описанием тех или иных обычаев, традиций, средством передачи мифологических данных, поскольку цель УС другая — они являются художественным языковым средством. Но полагать, что устойчивые языковые выражения, существующие столетия, помогли сохранить исторические и культурные данные о разных реалиях, что они указывают на тесную связь языка с мировоззрением и миропониманием определенного народа, безусловно, можно.

Высочански Влодзимеж (*Wysoczański Włodzimierz*),
д. ф. н., Вроцлавский университет (Польша)

Словарь социолектных сравнений. Концепция и основные положения

Обращаясь к рассуждениям, касающимся сравнений, и к существующим словарям сравнений (на материале или с частичным использованием славянских языков), а также продолжая представленные в монографии Языковая картина мира в лексикализованных сравнениях. На материале избранных языков (*W. Wysoczański, Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych. Na materiale wybranych języków*), Wrocław, [2005] 2006) в теоретическом плане синтез знания о сравнении как познавательной категории, а также в практическом плане — подход тезаурусного характера к многоязычному материалу, в докладе представляются концепция и предпосылки будущего словаря сравнений, встречающихся в неофициальных вариантах языка, в особенности в субстандартных. Социолектный словарь устойчивых сравнений польского и русского языков будет отображать основную систему высших элементов мира с его многочисленными второстепенными сферами, расположенными в определенной иерархии.

Гулякова Антонина Александровна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Сопоставительный анализ сравнений-зоосемизмов в шведском и русском языках

В нашем докладе мы сосредоточимся на сопоставлении шведских и русских сравнений-зоосемизмов. При их классифицировании мы опираемся на предложенную нами ранее классификацию фразеологизмов. Выделено пять типов межъязыковых соотношений, определена их семантическая и образная специфика, обусловленная языковыми различиями.

- 1) Полные эквиваленты, т. е. сравнения в двух языках, имеющие тождественную структуру, образную основу и переносное значение: швед. *envis som en åsna* — рус. *упрямый как осёл*; швед. *fattig som en kyrkråtta* — рус. *бедный как церковная мышь*; швед. *fri som en fågel* — рус. *свободный как птица*; швед. *from som ett lamm* — рус. *кроткий как ягнёнок*; швед. *hal som en ål* — рус. *скользкий как угорь*; швед. *flitig som en myra* — рус. *трудолюбивый (прилежный) как муравей*.
- 2) Частичные эквиваленты, т. е. сравнения, которые при тождестве семантики и внутренней формы отличаются друг от друга по одному из показателей: швед. *Stark som en björn* (букв. *сильный как медведь*) — рус. *Богатый силён что медведь* (о силе богатства); *Dum som en gås* (букв. *глупый как гусь*) — ср. в рус. *важный (надутый) как гусь*.
- 3) Относительные эквиваленты — это сравнения с частичным сходством образности при тождестве семантики: швед. *glad som en lärka* (букв. *счастливый как жаворонок*) — ср. рус. *жить как птичка [небесная]*

(*Божия*)], *жить как птица небесная*. Хотя образы этих сравнений и отличаются, они логически сопоставимы.

- 4) Фразеологические аналоги — это сравнительные обороты, имеющие разную образность, близкую или достаточно различную структуру, но общее значение и стилистическую тональность: швед. *full som en alika* (букв. *пьяный как гагарка*) — ср. рус. *пьяный как зюзя (свинья)*; швед. *arg som ett bi* (букв. *злой как пчела*) — ср. рус. *злой как чёрт*.
- 5) Безэквивалентные сравнения, которые во многом и являются «собственно национальными»: швед. *pigg som en mört* (букв. *бодрый как плотва*) — ср. рус. *бодрый как пионер*; швед. *klok som en uggla* (букв. *умный как сова*) — ср. ирон. *вумный как вутка 'о глупом человеке'*.

При классификации сравнений учитывались лишь общие параметры межъязыковых соответствий. Естественно, по частотности и стилистической дифференцированности они не всегда обнаруживают параллелизм. В докладе на такие различия обращено особое внимание.

Гулякова Ирина Геннадьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сравнения в поэзии Евгения Бачурина

Сравнения — один из характерных стилистических приемов поэтического текста. В творчестве Е. Бачурина они играют значительную роль и отличаются большим многообразием. В докладе будет дан анализ различных типов сравнений в поэзии Е. Бачурина.

Можно предложить два общих типа классификации сравнений, представленных у поэта:

- 1) по степени устойчивости и образности;
- 2) по структурному признаку.

По степени устойчивости выделяется 5 групп сравнений:

- 1) устойчивые безобразные сравнения: *как все, как всегда*;
- 2) устойчивые образные сравнения: *на даче как в раю; носиться словно угорелый*;
- 3) устойчивые образные сравнения с семантическими и стилистическими сдвигами: *биться как шальная птица*;
- 4) индивидуальные (resp. окказиональные) сравнения: *горные склоны как ломти халвы; цвёл шиповник как грузин*;
- 5) сравнения, основанные на литературных аллюзиях: *века летели как гуси... и гуси Рим не спасли; белеет как парус моя городская рубаха*;
- 6) сравнения, образованные контаминацией: *с сердцем тяжким как металл*.

По структурному признаку в поэзии Е. Бачурина представлены практически все типы сравнений:

- 1) сравнения с союзами *как, будто, как будто, словно, чем*: *Чем скорей, тем ближе к цели*;
- 2) компаративные обороты, выраженные сравнительной степенью прилагательных: *она и так бледнее студня*;

- 3) лексически выраженные сравнения: *руки баб, похожие на кремни*;
- 4) отрицательные сравнения: *Не детектив, не урка, не Дон Жуан, не Пангос, он не похож на героя*.

Дракулич-Прийма Драгана,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Перевод сербских устойчивых сравнений на русский язык (на материале драматических произведений Бранислава Нушича)

Язык известного сербского писателя-сатирика и драматурга Бранислава Нушича весьма идиоматичен. Важную роль в формировании оригинального сатирического стиля писателя в его произведениях играют устойчивые сравнения.

В работе проанализированы примеры успешного перевода сербских устойчивых сравнений русскими эквивалентами, как например: *као гром из ведра неба — как гром среди ясного неба; хладан као лед — холодный как лед* и др.

В драматических произведениях Бранислава Нушича, которые послужили материалом настоящего исследования, встречаются устойчивые сравнения, не имеющие эквивалентов в русском языке. В работе отмечены случаи их удачных переводов русскими аналогами: *жут као восак — желтый как шафран; здрав као тресак — здоров как бык* и др.

Отдельно рассмотрены наиболее интересные примеры переводов писательских фразеологических трансформаций. Материал показывает, что для достижения большего комического эффекта Б. Нушич в ряде случаев расширяет компонентный состав известных устойчивых сравнений (*срце заигра као у зеца кад загледа у пушчану цев*) или пользуется приемами повтора (*пијан као свиња, пијан као свиња, пијан као две свиње*). Интерес представили возможные варианты перевода национально-коннотированных (*јести као јаре ћурђевско*) и оригинальных писательских сравнений, типа *помодрети као зрела смоква, бирати као крушке на пијаци*. В работе также проанализированы случаи стилистически неадекватного и семантически ошибочного перевода сербских устойчивых сравнений на русский язык.

Отобранные устойчивые сравнения послужат материалом для составления сербско-русского фразеологического словаря по произведениям писателя.

Дронов Павел Сергеевич,

к. ф. н., доцент, Институт языкознания РАН (Москва)

Чтоб воду в ступе не толочь:

варьирование идиом с семантикой отсутствия результата

В фразеологии существуют два взаимосвязанных направления — исследование эквивалентности идиом и изучение их национально-культурной специфики. Эти исследования имеют значение для теории перевода и лек-

сикографии. Вопрос эквивалентности фразеологизмов довольно сложен, поскольку даже идиомы, полностью совпадающие по компонентному составу и на первый взгляд полностью эквивалентные (например: рус. *на седьмом небе* [от счастья] [быть...], англ. [to be...] *in the seventh heaven*, нем. *im siebten/siebenten Himmel* [sein/sich fühlen...]), в разных языках могут приобретать различные оттенки значений и иметь неодинаковую сочетаемость (см. работы А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, А. Д. Козеренко, А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, Я. Корхонена). Фразеологические эквиваленты или аналоги с почти полным совпадением образной составляющей и актуального значения известны как фразеологические интернационализмы (по А. Д. Райхштейну) или «общие фразеологические единицы» (по Э. Пиирайнен). В данном докладе рассматривается варьирование распространенных идиом с семантикой отсутствия результата в русском, английском, сербском и хорватском языках (рус. *носить воду решетом*, *толочь воду в ступе*, англ. *to carry water in a sieve*, серб. и хорв. *Íci na reku s rešetom/sitom* и пр.). Были взяты идиомы, близкие по внутренней форме (например, содержащие отсылку к мифологии: *Сизифов труд*, *Sisyphian labour*, *Sizifov posao*) и не имеющие ярко выраженной национально-или регионально-культурной специфики (по этой причине автор не рассматривал идиомы типа *exatъ в Тулу со своим самоваром*, *to carry coals to Newcastle/Cardiff* или *baštovandžiji prodavati krastavce* ‘продавать огурцы баштованджии [огороднику, владельцу бахчи]’).

Анализ контекстов, обнаруживаемых в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), Британском национальном корпусе (BNC), Корпусе современного американского варианта английского (COCA), Корпусе сербского языка математического факультета Белградского университета (Korpus savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu) и Сокровищнице хорватского языка (Riznica hrvatskog jezika) показывает, что, при различиях во внутренней форме и сочетаемости, данные идиомы обнаруживают определенное сходство в варьировании. Так, идиомы книжного происхождения (сизифов труд) регулярно допускают ввод определения. Варьирование идиом типа *носить воду решетом* выражено не так сильно, однако обнаруживается тенденция к материализации метафор, лежащих в их основе (ср.: Дураку только скажи, он *решетом* воду будет носить. [В. И. Белов. Бухтины вологодские завиральные; НКРЯ]; He returned to reading all the old books whose cracked spines and yellowing pages had sat gathering dust on the shelves in his study, filling his mind with their faded ink the way a desperate man pours water into a *leaking sieve*. [2002; FIC; HudsonRev; COCA]).

Помимо этого, исследуемые идиомы довольно регулярно употребляются в форме сравнений, ср.: *с тобой говорить, все равно что воду решетом носить* [П. И. Мельников-Печерский. В лесах; НКРЯ]; *деньги необыкновенно быстро проскользали между его рук, уподобляясь воде, в решето наливаемой* [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы; НКРЯ]. Особенно это характерно для попыток материализовать исходную метафору, ср.: англ. *water into a leaking seave* (см. выше). действительность, точно вода из решета, вытекает

из понятия [Л. И. Шестов. На весах Иова; НКРЯ]. Еще одним выводом стала необходимость пересмотреть лексикографическое отображение некоторых из указанных идиом: в частности, английские идиомы *to beat the air* (ср. рус. *сотрясать воздух*) и *to mill the wind*, часто именуемые функциональными эквивалентами рус. *переливать из пустого в порожнее*, почти не употребляются в таком значении (если не считать одного контекста 1929 г.: *The debaters well knew that their words beat empty air, that the real fate of this measure was being settled elsewhere* [1929; MAG; Time; СОНА]). По-видимому, при составлении новых словарей их можно опустить.

Евтухова Ирина Георгиевна,

ассистент, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины
(Белоруссия)

Устойчивые сравнения с компонентами-колоративами в текстах русских и белорусских заговоров

При очевидном гуманитарном интересе к заговорам этот фольклорный жанр остается недостаточно изученным, не уделяется внимания языковым особенностям, в частности, образным средствам, среди которых значительное место занимают сравнения, реализующие прагматическую функцию текста. В текстах русских и белорусских заговоров природные стихии представлены следующим образом воды: кровь красная, земля черная, вода цвета не имеет. Широко известна также формула с присутствием небесных светил: «...как красное солнце и светлой месяц, и белая зоря, и светлая луна, и частые звёзды, как поклоняютца к Ерусалиму Господню гробу, так бы приклонялись ко мне...». Чудесный характер происходящего усугубляется тем, что действие разворачивается в особом сакрализованном времени: это сразу и утро, и день, и ночь. Время и пространство спрессованы в одном магическом хронотопе [Топорков. 2005. С. 250–251].

В рукописной заговорной традиции формулы самоуподобления зверю встречаются главным образом в двух видах магических текстов:

- 1) в заговорах «на подход к властям»: «А исцы мои..., и ответчики, и вороги, и недруги — были бы они аки тма, и был бы у них... сера заеца переполох, и бегали бы от меня, имярек, аки серыя овъцы, а яз бы за ними гонялся, аки серой волк...» [Пигин, 2002. С. 242];
- 2) в оберегах от врагов и супостатов: «А стань же мой лихой передо мною, рабом Божиим имяреком, лютым серым волком; как же ты овца сераго волка страшится и боится...» [Смилянская, 2002. С. 125]. Протагонист сравнивает себя чаще всего с волком, антогонисты же — с овцами и зайцами.

В устойчивых сравнениях отражены цветовые особенности образа сравнения, но в подобных конструкциях заговорных текстов предмет сравнения приобретает и символические характеристики: бел.: «Як чорны мак пасеўны, так і ты, залатнік, пяром угору ўзніміся, на сваё месца станавіся...» [Замовы, № 779. Ад залатніка, 230]. Як гразь чорна, так штоб і ён счарнеў, і схляў, і счых» [Замовы, № 219. Ад вяхи, 91].

Образ песка используется в заговорах анализируемой группы с традиционным основанием — большое количество песчинок: как ...песок желтый не сосчитать, так и меня, рабы Божией (имя), никогда и ничем не взять [Степанова. 2006. С. 435]. При этом для сравнения важны не сами по себе цветовые характеристики, а невозможность их изменить. Сравнительные формулы с компонентами-цветообозначениями имеются в заговорах XVII–XVIII вв. и сохраняются в текстах XIX в., хотя их количественное соотношение и внутреннее наполнение несколько меняется с течением времени. Общая закономерность проявляется в том, что в XIX в. формулы разрастаются, детализируются, наполняются бытовыми подробностями.

Все наименования цвета и света, проанализированные нами, употребляются чаще всего для описания внешности человека, затем для характеристики мира природы и ее обитателей, материальных предметов, созданных человеком и нематериального мира. Цвет в жизни общества был достаточно важной категорией, что доказывается наличием сравнительных оборотов, ядром которых являются названия цвета и света. В текстах русских и белорусских заговоров в сравнительные обороты входят обозначения всех основных цветов спектра, кроме фиолетового.

Литература:

1. Замовы / уклад. Г. А. Барташевіч. Мінск, 1992. 599 с.
2. Пигин А. В. Заговоры и молитвы из коллекции Корниловых / подг. текста и коммент. А. В. Пигина // Отречённое чтение в России XVII–XVIII вв. М., 2002. С. 241–249.
3. Смилянская Е. Б. Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII в. / Е. Б. Смилянская // Отречённое чтение в России XVII–XVIII вв. М., 2002. С. 99–172.
4. Степанова Н. И. 5000 заговоров сибирской целительницы. М.: РИПОЛ классик, 2006. 864 с.
5. Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика / А. Л. Топорков. Москва: Индрик, 2005. 480 с.

Еськова Анна Дмитриевна,

к. ф. н., Санкт-Петербургский государственный университет

Сравнения и метафоры с библеизмами в романе М. Горького «Жизнь Клим Самгина»

Устойчивые сравнения и метафоры с библеизмами (такими, например, как *авилонская башня*, *бесплодная смоковница* и т. д.) в романе М. Горького «Жизнь Клим Самгина» используют разные персонажи: Клим, Дронов, Иноков, о. Тихон и др. Употребление этих единиц помогает сформировать столь важные для Горького оппозиции, как *дело — безделье*, *правда — ложь*, *народ — интеллигенция*. Указанные обороты служат и для создания образов персонажей, и для характеристики общественно-политической обстановки рубежа XIX–XX вв. С помощью таких сравнений и метафор в «Жизни Клим

Самгина» передается, в частности, авторская оценка людей дела: Дронова, Тимофея Варавки. Обороты с библеизмами описываются в создаваемом сейчас «Идеологическом словаре» романа.

Жукова Марина Юрьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Образная характеристика «вышел зеленым ослом» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

Известно, что Достоевский испытывал особую гордость за то, что, как он полагал, ему удалось «ввести совсем новое словечко в русскую речь», а именно глагол «стусеваться» [Достоевский ДП. С. 344–347]. Иногда ему даже приходилось разъяснять читателям смысл однажды употребленного слова, как это было, например, в случае с неясным, как оказалось для многих, словом «стриюкье», изобретенным, по наблюдениям писателя, в среде петербургского простонародья [Достоевский ДП. С. 342–344]. Однако ряд образных сравнений и характеристик, принадлежащих перу Достоевского, на наш взгляд, до сих пор не получил толкования. К их числу относится сравнительный оборот «вышел зеленым ослом», встречающийся в романе «Бесы».

Рассматриваемая образная характеристика применена писателем по отношению к престарелому литературному генералу Семену Егоровичу Кармазинову (прототипом этого героя, как известно, был И. С. Тургенев), произнесшему на «литературном утре» свое прощальное «беллетристическое вдохновение» под «грациозным» названием «Мерси». Характеристика звучит в потоке речи Петра Степановича Верховенского, обращенной к губернаторше Юлии Михайловне фон Лембке:

«Другое дело Кармазинов, тот *вышел зеленым ослом* [курсив мой. — М. Ж.] и протащил свою статью целый час,

— вот уж этот, без сомнения, со мной в заговоре! Дай, дескать, уж и я нагажу, чтобы повредить Юлии Михайловне!

— О, Кармазинов ! Я сгорела, сгорела со стыда за нашу публику!

— Ну-с, я бы не сгорел, а его самого изжарил. Публика-то ведь права» [Достоевский ПСС 10. С. 381].

В известных нам изданиях романа этот речевой оборот остается без комментария, хотя современный читатель, казалось, вполне мог бы на него рассчитывать. Сам автор не счел нужным разъяснять данную характеристику, очевидно полагая, что ее смысл вполне понятен читателю из контекста. Однако уяснить смысл из контекста читатель мог только при наличии определенного фонового знания, а именно — знакомства с хрестоматийной басней И. И. Хемницера «Зеленый осел» [Хемницер, 1963. С. 97–98; 312]. В нашей предыдущей работе мы проанализировали другой случай скрытой авторской отсылки к указанному произведению знаменитого в свое время баснописца [Жукова, Като, 2014]. В отличие от романа «Братья Карамазовы», в котором Достоевский также использует данный художественный прием, случай его применения в Бесах более прозрачен и прост. Кармазинов, точ-

но так же, как и «зеленый» осел из басни Хемницера, с течением времени окончательно перестает интересовать «почтенную» публику, мода меняется, сенсация устаревает, слава проходит.

Литература:

1. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. (33-х кн.). Л.: Наука, 1972–1990.
2. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: в 2 т. / коммент. А. Батюто, А. Березкина, В. Ветловской, Е. Кийко, Г. Степановой, В. Туниманова. М.: Книжный Клуб 36.6, 2011. Т. 1. 800 с.; Т. 2. 752 с.
3. *Жукова М. Ю., Като Ю.* Об одном образном сравнении в романе Ф. Достоевского Братья Карамазовы («зол ..., как зеленый осел») // *Studies in Language and Literature. Literature* (University of Tsukuba, 2014). Vol. 65. Pp. 67–75.
4. *Хемницер И. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н. Л. Степанова, примеч. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацуро. 2-е изд. М.; Л.: Советский писатель (Библиотека поэта; Большая серия), 1963. 384 с.

Зыкова Елена Игоревна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Идеографическая классификация русских устойчивых сравнений (из опыта составления «Словаря ключевых концептов русских народных сравнений»)

Общеизвестно, что одним из древнейших способов познания окружающего мира является сравнение, которое человек использует для передачи своих чувств, точного описания увиденного и услышанного, краткой характеристики того или иного предмета или лица. Сравнение — это краткий образный способ мышления. Сопоставление неизвестного с известным — один из древнейших и надежнейших способов наименования. Сравнение — не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации.

Идеографическое описание лексики нашло свое отражение в словарях В. В. Морковкина, А. Г. Бабенко, О. С. Баранова.

Во фразеографии, к сожалению, не так много трудов, где бы систематизация данного материала была последовательно внедрена.

Задача создаваемого «Словаря ключевых концептов русских народных сравнений» — описать русскую языковую картину мира в зеркале народных сравнений.

При составлении идеографической классификации русских устойчивых сравнений мы опирались на достижения, сделанные в этой области как отечественными (классификация Т. В. Козловой), так и зарубежными исследователями (классификация Ф. Чермака).

Предлагаемая классификация представляет собой пятиуровневую структуру фразеосемантических полей и групп, которые по принципу центров размещаются внутри трех макрополей «Вселенная», «Человек» и «Человек и вселенная».

Карчина Юлия Александровна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

О библеизмах-сравнениях украинского языка (в сопоставлении с русскими)

Библейская фразеология — это совершенно особая группа в системе образных средств современных славянских языков, в частности современного русского литературного языка и современного украинского литературного языка. Л. М. Грановская определяет библейскую фразеологию как «первую по времени сугубо книжную фразеологию» [Словарь имен и крылатых выражений из Библии, 2009. С. 9]. Она сосредоточивает в себе традиционную книжную и религиозную культуру, т. к. влияние христианства на изобразительное искусство, литературу, философскую мысль, мировоззрение европейских, и в частности — славянских, народов очевидно.

Устойчивые библеизмы-сравнения представляют собой особый класс фразеологических оборотов и библейских фразеологизмов. Преобладающее количество устойчивых библеизмов-сравнений характеризуется экспрессивностью, эмоциональностью, яркой образностью, а так же стилистической окрашенностью. Библеизмы-сравнения принадлежат к лексико-фразеологическим средствам языка — как и обычные фразеологизмы, они «извлекаются из памяти как готовые языковые единицы, целостные по значению и устойчивые в составе и структуре» [Шанский, 1969. С. 90].

В данном исследовании нас интересуют параллельные конструкции библеизмов-сравнений в русском и украинском языках. Из общего числа (978 единиц) собранных нами украинских библеизмов выделяется чуть более двадцати таких единиц.

Наличие параллельных конструкций устойчивых библеизмов-сравнений в русском и украинском языках обусловлено близостью языковой группы, а также одинаково существенным влиянием библейского текста на родственные языковые системы.

Тем не менее, все собранные единицы можно разделить на три категории:

- 1) параллельные сравнительные конструкции, присутствующие в русском и украинском языках (бідний, як Лазар — беден, как Лазарь; як морського піску — как песка морского; як вівци без пастуха — как овцы без пастыря и др.);
- 2) сравнительные конструкции, присутствующие в одном из языков, но в другом представленные фразеологизмами без элемента сравнения, восходящими к тому же библейскому сюжету (обцілувати, як Юда — поцелуй Иуды; беден как Иов — Йов (Иов) праведний / многостраждальный / багатостраждальный; повертатися, як пес до своєї блювотини — возвращается пес на блевотину свою и др.);
- 3) сравнительные конструкции, присутствующие только в одном из языков и отсутствующие в другом (відректися, як Петро від Христа; перев'яти, як зерно / розсіяти, мов полу / полетить, як полова; понимать, как сазан в Библии; как один [человек]; как Каин; как небо и земля/ как небо от земли и др.).

Очевидно, что такое разделение ставит перед исследователями несколько задач, среди которых можно выделить:

- 1) необходимость более тщательного поиска устойчивых библеизмов-сравнений в фондах библейской фразеологии обоих языков;
- 2) выяснение наиболее вероятных причин расхождения синтаксических конструкций библеизмов, восходящих к одному библейскому сюжету;
- 3) поиск возможных объяснений наличия и отсутствия параллельных устойчивых библеизмов-сравнений в русском и украинском языках.

Литература:

1. Словарь имен и крылатых выражений из Библии: около 400 имен, более 300 выражений / Л. М. Грановская. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ Астрель, 2009. 383 с.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. М.: Высшая школа, 1969. 231 с.

Ковшова Мария Львовна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва)

Фразеологические сравнительные конструкции с невыраженным признаком сравнения: возможности и ограничения на употребление

В русской компаративной фразеологии наиболее распространена модель с компаративной связкой «как (словно, точно и т. д.)» (согласно словарям устойчивых сравнений В. М. Огольцева, В. М. Мокиенко, Л. А. Лебедевой, Т. Г. Никитиной и др, а также Национальному корпусу русского языка). Данная сравнительная конструкция состоит из трех частей — субъекта сравнения, объекта сравнения и признака сравнения (того, что является общим у субъекта и объекта сравнения и служит предметом сравнения между ними). Признак сравнения может быть опущен, но легко реконструируется по смыслу, он также может употребляться в контексте изолированно от основной единицы. Ср.: «Да какая тут любовь?! Насулил женщинам, да и дёру. Как кот мартовский, тьфу!» «— Виктор Силыч, на тебя жалоба от твоей половины: дома не ночуешь... Говорят, пять ночей шлялся неведомо где. — Словно мартовский кот, — вставил Твердохлёбов».

Пропуск признака сравнения существенно изменяет логико-семантическую и синтаксическую структуру компаративного фразеологизма, усиливает генеритивность высказывания, формирует новое грамматическое значение фразеологизма. Ср.: «Маша и Петя живут как кошка с собакой» — «Маша и Петя как кошка с собакой».

Невыраженность признака сравнения (несмотря на возможную косвенную его экспликацию в контексте), а также возможное исключение компаративной связки может вести к абсолютизации сравнения и превращению его в метафору, т. е. идея подобия субъекта и объекта сравнения трансформируется в идею их тождества, и признак сравнения в конструкции метафоры становится явно избыточен. Ср.: «Они друг дружке как небо и земля». «Ничего похожего. Олег и он — это небо и земля». «А через три-четыре дня гром среди ясного неба — дали станции несколько квартир».

Метафора, возникающая из фразеологического компаратива, может быть представлена в различных конструкциях (адвербиальной и др., таксономической предикации, резюмирующего высказывания и др.). Ср.: «В такой темноте дважды два свалиться в канаву». «Этим же убить человека — дважды два». «Ты собака на сене. Сама его выгнала, а теперь мешаешь ему построить новую семью». «Это не мужчина, а базарная баба». «Он и его сын — две капли воды». «Значит, я с цепи сорвался». «Ну вот, просто снег на голову». «Наконец-то! Гора с плеч». «Нашли в лесу пропавшего мальчика. Это был Вовка. Камень свалился с души». «Осень сорокового и весна сорок третьего! Две эпохи! Земля и небо!»

Представляется, что возникновение сравнительных конструкций с невыраженным признаком сравнения обусловлено, с одной стороны, непрекращающимся процессом эталонизации, т. е. усилением у объекта сравнения смысла предельности чего-либо, возведение его в ранг образца (благодаря его реальным свойствам или конвенциональным качествам), устойчивое, поддержанное в разных формах и проявлениях культуры, представление об том или ином объекте сравнения как о мере чего-либо. С другой стороны, в развитии таких сравнительных конструкций с невыраженным признаком сравнения, а также конструкций с исключением компаративной связки, действуют собственно языковые механизмы. В докладе будут рассмотрены как возможности, так и ограничения на создание таких конструкций на базе компаративных фразеологизмов в русском языке и речи.

Королькова Анжелика Викторовна,
д. ф. н., профессор, Смоленский гуманитарный университет

Устойчивые сравнения в русской афористике

Используя материалы составленного нами в соавторстве с проф. А. Г. Ломовым и проф. А. Н. Тихоновым «Словаря афоризмов русских писателей», мы проанализировали систему русских афоризмов XVIII–XIX вв. В нашем словаре представлены как прозаические, так и поэтические афоризмы. Последним свойственна определенная экспрессивность, что объясняется зачастую личным характером поэтического афоризма, выражающего чувства его автора. Однако и в прозаических, и в поэтических афоризмах широко представлена система средств художественной выразительности.

Важной функцией афористических текстов, наряду с многоплановой семантической наполняемостью, является экспрессивность, важнейшим компонентом экспрессивности, конечно, является эмотивность, понимаемая как совокупность средств, которые способны произвести эмоциональный эффект. Эмоциональный эффект создается благодаря использованию стилистически маркированных, оценочных, образных средств, в числе которых и устойчивые сравнения.

Устойчивое сравнение также является весьма распространенным явлением в афоризмах, начиная со времен древнерусской литературы. Сравнение в целом представляет собой образное выражение и строится на сопоставлении двух предметов, состояний, обладающих общим признаком

сопоставления. Однако основание сопоставления может быть совершенно различным, субъективным, поэтому необычное сравнение делает афоризм еще более ярким, запоминающимся и, иногда, парадоксальным. Принято считать, что сравнение — это начальная стадия метафор, метонимий, параллелизмов и многих других тропов и стилистических фигур.

Сравнение выполняет функции эмоциональности, образности и в некоторой степени наглядности.

* * *

Душа с душой — как нож с ножом,
И два колодца — взгляд со взглядом.
Коль скажем: «Любим», — мы солжём,
Коль скажем: «Нет», — жизнь станет адом.
(К. Д. Бальмонт)

* * *

Стихи как женщины: нам с ними ли расстаться?.. (К. Н. Батюшков)

* * *

Женщина без ребенка — словно колос без зерна; велика ли цена такому добру — знаете сами. (И. Ф. Богданович)

* * *

Искусство без мысли, что человек без души, — труп. (В. Г. Белинский)

* * *

Но *жизнь* — проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...
(А. А. Блок)

* * *

Присно, вчера и ныне
По склону движемся мы.
Смерть — это только равнины.
Жизнь — холмы, холмы.
(И. А. Бродский)

* * *

Война, как северно сиянье,
Лишь удивляет чернь одну:
Как светлой радости блистанье,
Всяк мудрый любит тишину.
(Г. Р. Державин)

В рамках простых сравнений приведенных афоризмов есть и устойчивые сравнения, которые являются неотъемлемой частью фразеологической системы языка.

Лантева Мария Леонидовна,

д. ф. н., профессор, Астраханский государственный университет

Устойчивые сравнения с инокультурным компонентом во фразеосистеме русского языка

Противопоставление «свое/чужое», являясь одной из базовых оппозиций национального сознания, базируется не на отрицании того, что отнюдь не свойственно русскому лингвокультурному сообществу, а на выявлении национально-специфического через сравнение с общекультурным, определении роли инокультурного в национальной культуре и на доказательстве взаимообогащения языков и культур в рамках мировой культуры.

Подтверждением высказанной мысли может служить активное функционирование в русской разговорной речи компаративных фразеологических единиц, в которых основанием сравнения служит какой-либо значимый элемент или представитель «чужой» культуры. Например, употребление сравнений с компонентом-этнонимом **как (словно, точно) араб, как арап, как цыган, как негр, как эфиоп** сопровождается репрезентацией не только колоративного когнитивного признака (со словами-сопроводителями *чёрный, смуглый, загорелый*), но и признака «грязный», что является результатом подобной оценки определённых народов с позиции носителя русской этнокультуры.

При включении в оппозицию «свое/чужое» данные единицы приобретают негативную коннотацию, связанную с противоположными русской культуре аксиологическими принципами. Например, выражение **сорить деньгами (швырять деньги, золото) как индийский набоб** — ‘об излишне щедро, беззаботно, бездумно тратящем своё состояние человеке’ — по коннотативному фону является иронической, с оттенком осуждения. Закрепившись в языковом сознании народа, компаративные фразеологические единицы постепенно расширяют сферы употребления, что, как правило, влечет за собой процесс актуализации в их значении новых сем, не входящих изначально в семантическую структуру.

Так, сложившаяся в последнее время культурная ситуация, связанная с повышенным интересом русских к Турции как месту отдыха, повлияла на накопление представлений о популярном среди туристов месте — турецком базаре — и спроецировала их на иные бытовые ситуации, тем самым обусловив появление компаративного оборота **как на турецком базаре (по турецкому базару)**. В большинстве случаев смысловая структура данной единицы содержит отрицательную модальность, источником формирования которой являются, на наш взгляд, эмоционально-чувственные переживания и впечатления субъекта, нашедшие отпечаток в его сознании после посещения турецкого базара.

Фундаментальным для межкультурной коммуникации является фактор *культурной границы*, наличие которой предполагает, что коммуниканты определяют себя и собеседника в терминах «свой» vs. «чужой» (независимо от качественной оценки). Во фразеологической системе русского языка существование такой границы фиксируется посредством единиц, передающих

отношение к «чужим»: **глаза как у китайца, мудрый как индийский гуру, гордый/надменный как поляк** и под. В данном случае коммуникация ведется в рамках «своей» культуры, на «своем» языке и коммуниканты принадлежат к одной культуре, но формально поведение, внешность, речь одного из участников коммуникативного акта, с точки зрения другого, соответствуют более «чужой» культуре, нежели «своей».

Лызлов Алексей Игоревич,

к. ф. н., доцент, Смоленский государственный университет

Об оценочной семантике компаративных моделей (на материале русских и английских паремий)

Целью работы является изучение семантики компаративной оценки на примере паремий английского и русского языка. Источником изучаемого материала послужили современные словари, наиболее полно отражающие паремическую систему английского и русского. Это словарь под редакцией А. В. Кунина, словарь русских паремий под редакцией В. И. Зимина. В качестве методов исследования применяется синтаксический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, семантический анализ.

Слово «оценка» употребляется для номинации ценностного отношения между субъектом и предметом. По А. В. Кунину «оценка — объективно-субъективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [Кунин, 1970. С. 6]. Оценка объекта действительности всегда имеет компаративный характер. Многие авторы отмечают близость категорий оценки и компаративности [Телия, 1981; Вольф, 2002; Карасик, 2013. С. 8]. Любой язык это весьма разнородный сплав своего и чужого, исконного и заимствованного, глубинно народного и «поверхностно» книжного [Мокиенко, 2007. С. 178].

Наиболее употребительной моделью в предложениях операционального предпочтения в английском языке является структура: **better N1 than N2**. В русском языке для объективации операциональных предпочтений действуют модель: **лучше N1 чем N2**. В этой модели **N1** — первый объект компаративной оценки; как объект большей ценности, он занимает доминирующее положение в шкале предпочтений. **N2** — второй объект компаративной оценки, он обладает меньшей ценностью и является менее предпочтительным. Например: *better the foot slip than the tongue* (ERPD); *better one-eyed than stone-blind* (ERPD). Оценочные значения могут быть классифицированы по нескольким параметрам.

Взаимодействие субъекта оценки с ее объектом лежит в основе классификации общеоценочных и частнооценочных значений [Арутюнова, 1998. С. 75]. Общая оценка выражает понятия «хорошо» и «плохо». Частная оценка выражает значения, оценивающие объект с определенной точки зрения. В классификации частнооценочных значений Н. Д. Арутюновой выделяются три группы: сенсорные, сублимированные и рационалистические.

Примером сенсорной оценки послужат единицы: *Vacchus drowned more men than Neptune* (WDP); *лучше одноглазый, чем слепой* (СТРПП). Субли-

мированная оценка выражается в паремических высказываниях: *accidents will happen in the best regulated families* (WDP); *лучше быть в обиженных, чем в обидчиках* (СППРН). Рационалистическая оценка отражена в паремиях: *a sparrow in the hand is better than a vulture flying* (WDP) (ср. рус.: *лучше синица в руке, чем журавль в небе*) (СППРН). Таким образом, оценка в перечисленных классификациях предстает как весьма разноплановое явление. Принадлежность того или иного высказывания к тому или иному классу определяется его содержательной стороной.

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русских культур, 1998. 895 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. 2-е изд., доп. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 280 с.
3. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
4. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс) / А. В. Кунин. М.: Высшая школа, 1970. 342 с.
5. Мокиенко В. М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. 3-е изд., перераб. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2007. 256 с.
6. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связное значение слова в языке / отв. ред. А. В. Уфимцева. М.: Наука, 1981. 269 с.

Источники материала и сокращения:

1. СТРПП — Зимин В. И. Словарь тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 736 с.
2. ERPD — Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., исправл. М.: Живой язык, 1998. 944 с.
3. WDP — Apperson G. L. [et al.] The Wordsworth dictionary of proverbs. Apperson Wordsworth editions Ltd. Hertford-London, 2006. 656 p.

Мокиенко Валерий Михайлович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Устойчивые сравнения в системе фразеологии

Устойчивые сравнения (УС) представляют собой особый разряд фразеологии, специфика которого проявляется как в структуре, так и в семантике этих единиц. Во фразеологической системе они выделяются большей прозрачностью внутренней формы, эксплицированной сравнительным союзом как. Отсюда — сопоставимость (генетическая и типологическая) в разных языках, облегчающая их перевод. В силу своей структуры УС в большинстве случаев эксплицируют внутреннюю форму. Уже поэтому симбиоз оппозиции «Диахрония — Синхрония» для компаративных оборотов естественен и востребован как мастерами художественного слова, так и говорящими.

Семантика УС также маркирована прозрачностью внутренней формы, которая обеспечивает логику переносного (resp. синхронного) их значения. В докладе рассматриваются такие проблемы, как специфика УС по сравнению с фразеологизмами иной структуры и типа; классификация и типология УС; семантика УС. идеографическая классификация УС; функ-

ционирование УС в тексте; сопоставительный анализ УС; перевод УС и др. Классификация УС обычно также диктуется их «горизонтальным» (т. е. синхронным) или «вертикальным» (т. е. диахроническим) параметром. В первом случае группировка этих единиц демонстрирует наиболее активные их синонимические (resp. тематические) блоки, во втором — выявляет культурологические концепты, которые генерируют их. В докладе показывается, как оба типа классификации отражаются на функционировании УС в разных типах текста.

Мушцинская Виктория Владиславовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Устойчивые сравнения в «Кратком малороссийском словаре» А. Павловского

Объектом исследования послужили устойчивые сравнения, зафиксированные в «Кратком малороссийском словаре» А. Павловского (СПб., 1818). Выбор исследования обусловлен тем, что «Краткий малороссийский словарь» А. Павловского является одним из первых словарей украинского языка, в котором зафиксирован фразеологический материал. Компаративные фразеологические единицы (КФЕ) — особая сфера устойчивых сравнений, которая постоянно привлекает к себе взгляды ученых (Л. А. Лебедева, В. М. Огольцев, К. С. Горбачевич, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, А. Г. Назарян, Е. П. Левченко и др.). «Устойчивые компаративные структуры, — пишет В. М. Огольцев, — представляют собой систему средств выражения, в которой с особой наглядностью проявляется так называемая внутренняя форма языка, богатство собственно языковых изобразительных ресурсов, а вместе с тем раскрывается самобытность национальной культуры, национальный склад образного мышления» [Огольцев, 1978. С. 7]. Устойчивые сравнения представляют интерес в связи с научным осмыслением вопросов языковой изменчивости, т. к. они являют собой пример открытой, динамической системы языковых единиц, постоянное развитие которой следует рассматривать как действительность ее бытия. Цель исследования — проанализировать устойчивые сравнения с точки зрения их структуры, значения, способа передачи на русский язык, а также выявить те, которые до сих пор функционируют в речи и фиксируются в современных словарях украинского языка. Всего в словаре А. Павловского 19 устойчивых сравнений. Почти все представляют собой компаративные предикативные фразеологические единицы: *валяється як почка в салі, мнеть як гострець бабу, мутить як у селі москаль, прилип як п'яний до тину, товчється як Савка по пеклу, убравсь як чорт на утренью, лигай як Мартин мило, роз'їхався як верша* и др.

Устойчивые сравнения в «Кратком малороссийском словаре» А. Павловского в основном представляют собой характеристики внешнего вида человека, его физических состояний и движений: *убравсь як чорт на утренью, швидкий як черепаха, швидкий як ведмідь за перепелицями* и др. Анализ переводных эквивалентов показал, что часть устойчивых сравнений не имеет переводных эквивалентов, например: *треба як п'ятого колеса до*

воза, хватается (торопится) як попівна замуж, сопе як з мішка. Только одному устойчивому сравнению *валяється як почка в салі* подобрано соответствующее русское «как сыр в масле», в остальных случаях А. Павловский приводит авторские переводные эквиваленты, но не всегда удачные. Так, например, значение *як в око вліпив* А. Павловским передается как «отгадал», хотя можно было передать русским «не в бровь, а в глаз».

Анализ структуры устойчивых сравнений, зафиксированных в «Кратком малороссийском словаре» А. Павловского выявил, что многие из них либо вышли из употребления и не фиксируются словарями уже со второй половины XX в., например: *хватается (торопится) як попівна замуж, розжалувавсь як Біг над раком* и др., а некоторые трансформировались. Так, например, устойчивое сравнение *швидкий як черепаха* с эквивалентом «весьма неповоротлив» — является оксюморном, т. к. в основе сравнения существительное *черепаха*, с его представлением связано что-то очень медленное. В словаре фразеологизмов украинского языка имеет форму *як (мов, неначе и др.) черепаха* со словами *ходитьи, іти* и под. Со значением «очень медленно, неуклюже» [СФУМ, 2003, 763].

Литература:

1. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978.
2. Павловский А. П. Грамматика малороссийского наречия, или грамматическое показание существеннейших отличий, отделивших малороссийское наречие от чистого российского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. СПб., 1818.
3. СФУМ — Словник фразеологізмів української мови / Уклад.: В. М. Білоноженко та ін. Київ: Наукова думка. 2003.

Никитина Татьяна Геннадьевна,

д. ф. н., профессор, Псковский государственный университет

Устойчивые сравнения как объект

фразеологического лингвокраеведения

(к концепции учебного словаря для иностранных студентов)

Лингвострановедческий потенциал фразеологических единиц (ФЕ) в последние десятилетия получает всестороннее отражение в работах фразеологов, лингвокультурологов, теоретиков и практиков преподавания русского языка как иностранного. Экспликация этнокультурного фона ФЕ становится целью академических лексикографических изданий и учебных фразеологических словарей, в том числе страноведческих.

Предлагаемая нами концепция топонимического фразеологического словаря для студентов-филологов, изучающих русский язык как иностранный (РКИ), строится с учетом того, что основы страноведения изучены студентами на этапе довузовской подготовки и владеют определенным фразеологическими минимумом. Материал словаря обогатит их фразеологический запас и расширит культурологический кругозор за счет инфор-

мации о российских регионах, с историей и культурой которых связано происхождение фразеологизмов, в том числе компаративных ФЕ, или устойчивых сравнений (УС).

Огромным лингвокультурологическим потенциалом обладают и УС с топонимическим компонентом. Этот материал и отобран нами для фразеологического топонимического словаря, который можно отнести к лексикографическим источникам лингвокультурологического типа. Словарь может использоваться и как источник лингвокраеведческого материала.

Расположенные в алфавитном порядке топонимических компонентов фразеологические единицы разработаны в историко-этимологическом аспекте, что позволяет отобрать для презентации в иноязычной аудитории лингвокультурологический материал, связанный с определенным регионом России (ср. рабочее название словаря: «От Азова до Ярославля»); энциклопедическая справка содержит разноплановую информацию о регионе, в том числе о его современном социокультурном состоянии.

Топоним — заголовок макростатьи словаря (*Азов, Алтай, Арзамас, Архангельск, Астрахань* и т. п.) — объединит некомпаративные фразеологизмы, устойчивые сравнения и пословицы, что оправдано в лингвометодическом плане и с точки зрения оптимизации объема словаря за счет разработки общей энциклопедической справки для одной макростатьи и комплексного лингвокультурологического комментария для нескольких микро статей.

Так, в устойчивых сравнениях с компонентом *Волга*, зафиксированных в разговорной речи и извлеченных из современных поэтических произведений, отражаются народные представления о таких параметрах, как глубина, протяженность и ширина этой реки, которые становятся эталоном соответствующих качеств: (голос, взгляд) *глубокий как Волга*; (ночь) *глубока как Волга*; (русская душа) *широкая как Волга*, (благополучная жизнь) *широкая как Волга*; (письма) *длинные как Волга*. Внутренняя форма таких образных сравнений прозрачна и не требует историко-этимологической справки, однако лингвокультурологический комментарий непременно должен содержать сведения о впечатляющих параметрах Волги (протяженность — 3530 км; глубина Волжских водохранилищ до 45 м, ширина до 40 км).

Дополняющие материал устойчивых сравнений пословицы, включенные в макростатью *Волга*, будут сопровождаться лингвокультурологическими комментариями, раскрывающими символику этой русской природной реалии, подчеркивающими ее персонификацию в фольклоре, отождествление с Родиной-матерью. Культурологически ценные пословицы покажут тяжелый труд волжских бурлаков и рыбаков. Комментарий к крылатому выражению *За Волгой для нас земли нет* напомнит о событиях Великой Отечественной войны, развернувшихся на берегах Волги. Таким образом, в сознании учащихся будет формироваться образный фразео-паремиологический компонент концепта «Волга» и фразео-паремиологический компонент лингвокраеведческой компетенции в тех случаях, когда обучение происходит в поволжском регионе.

Николаева Елена Каировна,

к. ф. н., доцент, Российский государственный гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург)

Пищевые образы в устойчивых сравнениях

Система сравнений каждого языка представляет собой запас образов, которые по многолетнему опыту известны и привычны любому члену данного языкового коллектива. Уже сам отбор этих образов, осуществлявшийся на протяжении веков и закреплявшийся из поколения в поколение в языке, раскрывает многие стороны исторического развития народа, в них отражены его быт и культура, его дух и образ мышления. Поэтому в семантической структуре УС закодирована культурно значимая информация, извлечь которую возможно путем лингвокультурологического анализа данных единиц. Эта информация содержится прежде всего в образах (образах-эталонах), положенных в основу сравнения.

Образная основа УС русского языка опирается на различные культурные коды, среди которых *пищевой* (или *кулинарно-гастрономический*) код занимает не последнее место. Пищевая модель весьма продуктивна в системе компаративных единиц: *расти как на дрожжах, кислый как лимон, вода как парное молоко, будто (как) у кого каша во рту, речь без поговорки что каша без масла*. В докладе будут рассмотрены УС с компонентами *блин* и *мёд*, например: *блин блином, плоский (сплюснутый) как блин, вертеться как блин на сковородке, шляпа (фуражка, бескозырка) блином, врёт что блины печёт* [: только шипит]; *жёлтый как мёд, липкий как мёд, Как мёдом по губам* [помазать], *что не мёд* и т. п.

Как видно из приведенных примеров, под устойчивыми сравнениями мы понимаем весьма широкий и разнообразный в структурном плане материал: это фразеологизмы, обладающие сравнительной семантикой. Причем для анализа будет привлекаться не только литературный, но и широкий диалектный материал, представленный в «Большом словаре русских народных сравнений» (авторы В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина).

Рязановский Лев Михайлович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме отражения устойчивых сравнений в немецкой лексикографии

1. Общей характеристикой классификации устойчивых сравнений (УС) в немецких фразеологических словарях можно назвать их разбросанность по различным статьям, разноречивость в подаче сравнений, отсутствие маркировки этого класса фразеологии.
2. В словаре-лексиконе Л. Рёриха УС впервые выделяются как субкласс (правда, только в предисловии) и отмечаются некоторые характерные признаки устойчивых сравнений, например, склонность к варьированию, особенно по географическому признаку, игре слов и др. По мнению автора, исследование УС в немецком языке находится на начальном этапе.

3. Выход первого в истории словаря устойчивых сравнений немецкого языка Х. Вальтера поднял это исследование на новый уровень, а создание второй, идеографической части словаря, которая сейчас в работе, позволит провести глубокое изучение УС и существенно дополнит исследования в других языках. В словаре не только кодифицированы наиболее употребительные УС немецкого языка, но и даются многочисленные этимологические версии, в том числе и новые, а также параллели из других языков.
4. Главным компонентом семантики УС является усиленная интенсивность признака. В докладе анализируется идеографическая группа «*Hoher Grad*», а также некоторые другие группы, куда входят устойчивые сравнения, помимо этого — межъязыковая соотнесенность немецких и русских ФЕ в одинаковых и разных идеографических группах.
5. Географическая (региональная) вариантность рассматривается на примере УС с компонентом *angeben*, куда входит более 50 устойчивых сравнений. Анализ таких групп даёт возможность определить основные модели и установить связи между идеографическими рубриками.
6. Этимологические версии разных словарей, приведенные в статье, позволяют выявить специфику устойчивых сравнений по сравнению с ФЕ других классов, а также связи между самими классами.

Свашкова Маркета (*Svašková Markéta*),

аспирант, Университет им. Палацкого (Оломоуц, Чехия)

Научный руководитель: Степанова Л. И., к. ф. н., профессор

Сравнительные конструкции во фразеологизмах,
описывающих внешний облик человека
(на материале русского, чешского и испанского языков)

Материал, представленный в докладе, является частью составляемого на кафедре славистики Университета им. Палацкого в Оломоуце идеографического фразеологического словаря «Внешний вид и свойства человека». Устойчивые сравнения представляют собой значительную часть входящих в словарь фразеологических единиц.

Сопоставительный анализ устойчивых сравнений производится на материале трех европейских языков: русского, чешского и испанского. Предполагается выявление наиболее распространенных конструкций, их сходства и различия.

Наиболее частой конструкцией в русском языке является сравнительная конструкция с союзом *как* (и его синонимами: *будто, как будто, словно, точно*, а также устаревшими *ровно, что*), однако присутствуют также конструкции с творительным сравнения (*губы сердечком*), с формами сравнительной степени прилагательных (*лицо мрачнее тучи*), с лексическими элементами *похож, походить (похож на мокрую курицу)* и др., например, *талия в рюмочку*.

В чешском языке подавляющее большинство устойчивых сравнений содержит союз *jako* (и его варианты *jako by, jako že, jako když* и др.): *děvče*

jako květ, červený jako rak, bílý jako tvaroh. Наблюдаются также фразеологизмы со специфическими сравнительными союзами *až, že by, div, jen, než, co:uši, že by tam mohl brambory sázet; kouká div si oči nevykouká* и др. Несколько фразеологизмов имеет устаревшую конструкцию с предлогом в сравнительном значении: *ani za mák pěkný*.

В испанском языке, кроме самого распространенного сравнения с союзом *como* (как), например: *feo como un piojo, rojo como un cangrejo, negro como la noche*, найдем и другие варианты, например, *más _que_ : más feo que Picio, más largo que un mayo, más bajo que una gua, или estar hecho _ : estar hecho una oblea, estar hecho un esqueleto, estar hecho un toro* и т. д.

Сравнения являются формой отражения окружающего мира в сознании человека, зафиксированного в его языке. Сопоставительный анализ устойчивых сравнений дает богатый материал для выявления сходств и различий в отраженных в них сегментах фразеологической картины мира русских, чехов и испанцев. Так, существует общее ядро фразеологических единиц, обусловленное сходными условиями жизни данных народов, напр., сравнение красивой девушки с красным цветком или ягодой, например: рус. *девушка как майская роза*, чеш. *devče jako květ*, исп. *estar como una flor/rosa*. Однако можно найти и различия, особенно в испанской фразеологии, например: *más galán que Mingo, estar jamón, más feo que Carracuca, tener las canas de don Diego de Osorio, ponerse como un camarón*. Чаще всего речь идет о единицах, содержащих в себе реалии данной страны (имена собственные, наименования блюд, животных и растений и т. д.).

Итак, анализ устойчивых сравнений, обозначающих внешний вид человека, показывает большую близость фразеологических картин мира русского и чешского народов и большее расхождение между русской и чешской картиной мира, с одной стороны, и испанской — с другой.

Селиверстова Елена Ивановна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Глаза в зеркале устойчивых и авторских сравнений

Полученный в результате познания окружающего мира опыт во многом проявляется в языке через сопоставление уже познанного и нового, которое отливается в форме метафоры или сравнения. Примером этому служат многочисленные устойчивые обороты русского языка (красный как рак, кричать как оглашенный, сказал — как отрезал, руки как грабли и проч.), в которых проявляется один из универсальных способов отражения мира: сопоставление конкретного и абстрактного, частного и общего осуществляется всеми человеческими сообществами. Блок выражений с соматическими компонентами занимает особое место среди устойчивых изречений, а глаза, в свою очередь, особенны в том смысле, что они как никакой другой орган способны передавать малейшие движения души, расположение и неприязнь по отношению к людям, акцентировать различные черты характера индивида. Если реестр устойчивых сравнений все же ограничен сложившимися в культуре определенного народа и зафиксированными

словарями ассоциациями и эталонами (глаза у кого-л. как тарелки. Часто шутил.-ирон. 'О чьих-л. очень больших и круглых глазах'. Большой словарь русских народных сравнений. С. 674), то в индивидуальных осмыслениях наблюдаемых выражения, цвета, разреза, прищуря глаз и т. д. проявляются и личные образные ассоциации (*Веня, не пивший четыре дня, с глазами, как примороженные пельмени, неприметно налил себе воды.* Захар Прилепин. Санька), и традиции общего для многих восприятия явлений окружающего мира: например, ассоциация «глаза (взгляд) → вода» порождает такие семантические «нити», как 'глубина', 'утонуть' 'опасность', 'безвозвратность' и т. д.: *с глазами, как лед, серыми и, как вода, глубокими* (Ксения Букша). Наблюдение за авторским словоупотреблением позволяет увидеть основные направления восприятия и осмысления «функций» глаз и весьма широкий реестр используемых эталонов.

Федорова Людмила Львовна,

к. ф. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

ТИШЕ ВОДЫ, НИЖЕ ТРАВЫ: экспрессивный суперлатив

Устойчивые сравнения можно рассматривать как примеры сравнительных конструкций. В полном виде сравнительная конструкция описывается формулой:

X - с - f - Y, где X — исходный компонент сравнения, объект или ситуация, Y — то, с чем производится сравнение, образец или образ сравнения, с — признак, по которому сравниваются X и Y, качественный или процессуальный, f — формальный показатель сравнения.

Лестница была праздничная, как елка, неожиданная, как белый гриб. [Виктория Токарева. Зигзаг (1984)] [НКРЯ]

Платье притягивается к уюту, словно стальные стружки — к магниту. [А. Волков. Одеться с иголки и без ниточки // «Знание — сила», 2003] [НКРЯ]

Поскольку X в структуре устойчивого сравнения является переменным компонентом, естественно описывать такие сравнения на основе выраженных компонентов: с, f, Y.

Обычно показатель сравнения f выражен лексически (союзом: как, чем, словно, будто; предлогом: вроде, подобно; прилагательным: похожий на, подобный), но может быть выражен грамматически — суффиксом сравнительной степени прилагательных/наречий).

В сравнениях показатель f сигнализирует о том, что Y использован в прямом значении, хотя бы и в воображаемой ситуации; напротив, в метафорах отсутствие f свидетельствует о переносном значении Y.

По цели сравнительные конструкции могут быть двух типов: сопоставительные или уподобительные. В конструкциях первого типа цель — установление отношений между сопоставляемыми объектами или ситуациями (*Петя выше Саши; Петя такой же рыжий, как и Саша; чихнуть легче, чем не чихать*). В конструкциях второго типа цель говорящего — охарактеризовать объект или ситуацию X с помощью некоторого образа сравнения Y (*Петя*

стройный, как кипарис). Сопоставляемые X и Y сосуществуют в рамках общей ситуации, в то время как при уподоблении наличествует ситуация с X, но Y принадлежит другой, воображаемой, ситуации.

Устойчивые сравнения обычно относятся к уподобительным и укореняются в речи благодаря ярким образам сравнения, которые выбираются как эталон высшей степени проявления признака. В устойчивых сравнениях X уподобляется эталонному образу Y*: *быстрый как ветер, сладкий как мед*; тем самым X характеризуется наивысшей степенью признака, воплощенного в эталоне.

По значению сравнения могут передавать отношения тождества / подобия X и Y или же их неравенства по признаку сравнения (или даже их несопоставимость: *X сделан иначе, чем Y*). Обычно сравнительная степень прилагательного или наречия передает превосходство X над Y по степени обладания признаком сравнения. Для выражения полного превосходства над всеми сравниваемыми объектами множества используются грамматические формы суперлатива: *выше всех, самый высокий, наивысший*. Т. е. в конструкциях превосходной степени нормально может использоваться сравнительная степень прилагательного/наречия в сочетании с местоимением, обозначающим всеобщность (множество сопоставляемых объектов). В устойчивом сравнении вместо подобного местоимения используется эталонный образ Y*, в котором признак сравнения проявляется в наивысшей степени. Тем самым объект X предполагается превосходящим эталон: *быстрее ветра, дороже жизни, слаще меда*. Подобные устойчивые формулы с компаративом оказываются, по сути, экспрессивным суперлативом. При этом обычный суперлатив основывается на сопоставлении, а экспрессивный, включающий эталонный образ, — на уподоблении.

Для анализа выбраны некоторые устойчивые сравнения со сравнительной степенью прилагательного/наречия: *тише воды, ниже травы; проще пареной репы; краше в горб кладут; выше крыши; ниже плитуса; дальше собственного/своего носа*. Обычно они употребляются в предложении в функции предикатива либо обстоятельства образа действия. Интерес представляет семантическая структура этих сравнений, характер признака сравнения, выбор эталона сравнения и стоящая за этим прототипическая ситуация. В докладе предполагается остановиться подробнее на этих аспектах.

Финк Арсовски Желька,

д. ф. н., профессор, Загребский университет (Хорватия)

Чему удивляется цыпленок?

(О нескольких хорватских устойчивых сравнениях)

В первой части доклада анализируется несколько хорватских глагольных устойчивых сравнений с компонентами зоонимами, относящимися к домашней птице: *pile* ('цыпленок'), *pura* ('индейка') и гиперониму *ptica* ('птица'): *čuditi se kao pile (pura, ptica) glisti, čuditi se kao pile (pura) dreku, čuditi se kao pile (pura) dreku*. Помимо названных компонентов в устойчивых сравнениях включен и зооним *glista* ('червь') и субстантивный вульгаризм *drek* ('кал, фекалии').

Общее значение данных оборотов — ‘сильно удивляться’, причем надо добавить, что они включаются в контекст, в котором речь идет о беспричинном удивлении.

Данные обороты давно зафиксированы в кайкавских говорах северо-западной Хорватии, но сравнительно недавно их начали активно употреблять и шире.

Обороты с компонентом *glista* стали весьма популярными, когда в сентябре 2012 г. хорватский политик Радомир Чачич в свою речь включил два оборота: *čuditi se kao pile glisti*, *čuditi se ko picek glisti*.

Образ в данных оборотах предполагает птицу или домашнюю птицу (цыпленка, индейку), которая не узнает объект перед собой. В первых оборотах птица смотрит на червя, в то время как во второй группе оборотов индейка и цыпленок удивляются увиденным фекалиям. Несмотря на разные предметы, которым удивляются птицы, самым главным в данных образах является факт, что они не узнают данные предметы.

Все обороты содержат долю юмора, и, надо напомнить, что обороты с компонентом, относящимся к фекалиям, не воспринимаются как вульгарные.

Во второй части работы даются, во-первых, еще некоторые хорватские глагольные фразеологизмы из семантического поля удивления, а во-вторых, рассматривается возможность перевода хорватских фразеологизмов на русский язык.

В хорватских словарях фиксируются еще два устойчивых сравнения из семантического поля удивления: *čuditi se kao vlaška mlada*, *čuditi se kao Cigo (Cigo) bijelom kruhu*.

Удивление является основным элементом значения и в нескольких глагольных оборотах с несравнительной структурой.

Во фразеологической единице *čudom se čuditi* в обоих компонентах наблюдается тот же корень, и таким образом еще ярче подчеркивается значение удивления.

В следующих единицах включены соматизм и глагольный компонент, относящийся к взгляду, направленному куда-либо: *izbečiti (iskolačiti, razrogačiti) oči, bijelo (blijedo) pogledati / gledati*. Здесь удивление соотносится с органом зрения, т. е. удивление выражается с помощью органа зрения.

Соматизм содержится и в обороте: *ostati /ostajati otvorenih usta (s otvorenim ustima)*; удивление основано на невозможности закрыть рот.

Во фразеологизме *pasti / padati na guzicu (tur, dupe, rit) i sl.* употреблен соматизм, который не имеет прямого отношения к самому удивлению. В глубинной структуре указывается на ситуацию, когда человек не может удержаться на ногах, причем данное состояние вызвано сильным удивлением.

В русских глагольных фразеологических эквивалентах тоже имеются соматизмы в качестве компонента.

Глаз: широко раскрыть/раскрывать (открыть/открывать) глаза, сделать/делать большие (круглые) глаза, вытаращить (выпучить, вылупить) глаза на кого, на что.

Рот: открыть/открывать (раскрыть/раскрывать, разинуть/разевать) рот.

Помимо данных оборотов хорватским фразеологизмам соответствуют и единицы, в которых употребляются компоненты со значением того, что вызывает удивление: *диву датьсь/даваться*.

Цагашова Оксана (Čagašová Oksana),
аспирант, Университет им. Палацкого (Оломоуц, Чехия)

Фразеологические сравнения со значением «быстрый – медленный» в русском и чешском языках

В докладе автор будет исследовать фразеологические сравнения в двух славянских языках — чешском как западнославянском и русском как восточнославянском. Материал, посвященный теме «быстрый – медленный», будет анализироваться с точки зрения эквивалентности фразеологических единиц, а также с точки зрения сходств и расхождений во фразеологической картине мира данных народов. В анализируемый материал войдут фразеологические единицы, являющиеся частью составленного на кафедре славистики Университета им. Палацкого идеографического русско-чешско-польского словаря «Человек во фразеологическом образе мира».

Ши Янь,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Некоторые эталоны в представлении концепта «удача/неудача» в русских пословицах

Активно разрабатываемое в современной науке лингвокультурологическое направление предоставляет исследователям большие возможности для наблюдения за вербализованным и знаниями о мир.

Пословицы как нельзя более подходят под определение единиц, отражающих процессы образной концептуализации мира человеком и выполняющих функцию языковых маркеров национально-культурного сознания. Среди пословиц мы находим и изречения, включающие сравнительные конструкции разного типа: *Жизнь как луна: то полная, то на ущербе; Счастливый — что калач в меду* и т. д.

Анализ определенных фрагментов пословичной картины мира представляется важным для постижения как вненационального, обусловленного общечеловеческими ценностями и отношениями, так и сугубо национального.

В данном случае мы обратимся к пословичным выражениям, связанным с концептом УДАЧА/НЕУДАЧА, вербализованным в паремиях разными компонентами: *удача, неудача, счастье, талант, несчастье (бессчастье), беда, рок* и др. При этом мы учитываем и выражения, в которых формально сравнительный союз отсутствует, но все изречение является выводом из найденного между двумя явлениями в результате сравнения сходства или, наоборот, принципиального различия: *Счастье — не лошадь: не везет по прямой дорожке; Талант не туман — не мимо идет; Счастье — вешиное ведро; Наше счастье — дождь да ненастье.*

Это позволит нам определить, с какими эталонными атрибутами окружающей жизни сравниваются такие важные абстрактные понятия, как удача и неудача, везение и невезение, счастье и несчастье, каково символическое, осмысляемое особенным образом в ментальных представлениях русских

значение таких эталонов, как *дырявое решето* (Наше счастье — решето дырявое), *вода в бредне* (Наше счастье — вода в бредне), *ведро* и *ненастье* (Счастье с несчастьем — ведро с ненастьем) и т.д.

Юань Лин,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Представления об этикете, отразившиеся в русских пословицах: лингвокультурологический аспект

Заявленная тема представляется актуальной в лингвокультурологическом аспекте, поскольку поведение людей в любом обществе регламентируется определенными негласными (а иногда и вполне «гласными») правилами, предписывающими ту или иную модель поведения. В частности, это относится к таким сферам, как отношения между гостем и хозяином, поведение за столом, ситуации дарения чего-либо и т. д. Многие из подобных ситуаций отразились в русских пословицах. Так, например, неуместность критики в адрес человека, дарящего подарок, и самого подарка отмечена такими паремиями, как *Дареному коню в зубы не смотрят*; *Дар не купля: не хаят, а хвалят* и др. В пословицах о законах гостеприимства отразились национальные представления о хорошем, радушном хозяине: *У нас на Руси прежде гостю поднеси*; *Гостю щей не жалей, а погуще лей*; *За пустой стол гостей не сажают*; *Не зови гостей, коли нет и костей* и др.

С другой стороны, сформулированы в паремике и «правила поведения» для гостя: *В гостях — не дома: воля не своя*; *На незвана гостя не припасена и ложка*; *Милые гости, не надоели ли вам хозяева?* От хлеба-соли не отказываются и др. В анализируемых блоках пословиц обнаруживаются различные логические построения (логемы), предписывающие те или иные модели поведения в соответствии с народным этикетом (*Идешь в гости, носи подарок в горсти*; *За столом головы не чеши*) или же констатирующие наиболее частые отношения и жизненные ситуации (Кто опоздает, тот воду хлебает; *В гостях воля хозяйская*).

Одним из способов образования пословиц является осмысление наблюдаемых ситуаций реальной жизни, поэтому образную основу паремий могут образовывать и метафорические параллели с представителями животного мира, каковые мы наблюдаем например, в таком изречении, как *Посади свинью за стол, она и ноги на стол*, дающем отрицательную оценку недопустимому поступку или неприемлемому поведению кого-либо, кто распоясался, требует существенно больше предложенного, посягает на не принадлежащее ему и проч.

ДРУГИЕ СЕКЦИИ

БАЛКАНИСТИКА, НЕОЭЛЛИНИСТИКА И ВИЗАНТИНИСТИКА

Александрова Ольга Николаевна,

к. ф. н., доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь)

Интерпретация мифологического сюжета
в трагедия Боста «Медея»

Темой данного исследования были избраны особенности использования в современной драматургии мифологических сюжетов.

Цель доклада — проанализировать использование и переосмысление известным в Греции драматургом и художником Бостом (Μέντης Μλοσταντζόγλου ή Μλοστ, Mentis Bostantzoglou, 1918–1995) античного материала на примере его пьесы «Медея» (Μήδεια, 1993).

Новизна и актуальность творческого наследия Боста объясняется значимостью драматурга в современном греческом литературном процессе и фактической неизвестностью его творчества в других странах.

Ментис Бостанцоглу, в греческой традиции — Бост, начал свою творческую деятельность с иллюстрирования книг и журналов; позже он стал известен как злободневный карикатурист и фельетонист, освещающий политическую жизнь Греции, затрагивающий своими насмешками самых высокопоставленных личностей в стране — короля Павла I, всесильного премьер-министра Константиноса Караманлиса, высмеивавший их полное подчинение американскому правительству.

Известно, что Бост организовал 15 личных выставок и издал большое количество книг. В это же время Бост увлекся театром и живописью. Перу драматурга принадлежит около десяти пьес, таких как «Дон Кихот» (Δον Κιχώτης, 1963), «Прелестный город» (Ομορφη Πόλη, 1963), «Выбор Боста» (Οι εκλογές του Μλοστ, 1973), «Фауста» (Φαύστα, 1982), «Медея» и др. Все они широко известны и невероятно популярны на Родине драматурга.

В Греции принято говорить о том, что именно Босту удалось возродить дионисийский дух греческого театра, в многочисленных хвалебных рецензиях драматурга обычно сравнивают с Аристофаном, подчеркивая злободневность, фантазмагоричность его пьес.

Сам же Бост ехидно подсмеивался над желанием критиков навесить на него ярлыки: когда журналисты писали, что он — новый Аристофан,

драматург, смеясь, отвечал, что «Аристофан не рисовал» («ο Αριστοφάνης δεν ζωγράφισε»), а когда они назвали его новым Феофилом, заметил, что «Феофил не писал пьес» («ο Θεόφιλος δεν έγραφε θεατρικά έργα»), а затем язвительно прокомментировал, что журналисты пишут, что хотят: «οι δημοσιογράφοι γράφουν ό,τι θέλουν».

Пьеса «Медея» была написана к открытию зимнего театрального сезона 1993 г. в Патрском театре «Stoa» и была посвящена двухлетию его создания. Популярность спектакля у греческого зрителя превзошла все самые смелые ожидания и в последующие годы ее постановка по всей Греции осуществлялась более 150 раз как любительскими, так и профессиональными труппами.

Оценивая пьесу Боста о колхидской царевне, греческие критики обычно подчеркивают, что автору удалось «на материале трагедии Еврипида с остротой аристофановского сарказма и остроумия написать политическую пародийную пьесу, сатиру на современную греческую реальность» «με αφορμή την τραγωδία του Ευριπίδη, με οξύτατο σαρκασμό και Αριστοφανικό πνεύμα γράφει ένα ανατρεπτικό πολιτικοκοινωνικό θεατρικό έργο παρωδία, σάτιρα της σύγχρονης νεοελληνικής πραγματικότητας».

Сюжет «Медеи» Боста отличается от классического, прежде всего, следующим: изменено время и место действия — это уже не античная Эллада, а современная Греция. Драматург поселяет своих героев не в древнем Коринфе, а во вполне современном городе Волосе, руководствуясь следующими рассуждениями: «так как “Арго” отправился в плавание из Волоса, то и по возвращении должен был стать на якорь именно в Волосе». Анализ функции древнегреческого мифа о Мееде в одноименных пьесах Еврипида и Боста позволяет сделать вывод о том, что структура пьесы Боста не всегда соответствует структуре мифа, использованного Еврипидом. Подобное «вольное» обращение с мифом в произведении современного греческого драматурга говорит о том, что и Еврипид, и Бост избрали лишь те варианты мифа о Мееде, которые больше отвечают их творческому замыслу.

Банах Лилия Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Салоники в структуре мировоззрения Н.-Г. Пендзикиса (на материале сборника «Μητέρα Θεσσαλονίκη»)

Одним из аспектов осознания человеком себя в мире является его восприятие того города, в котором он живет. Каждый выбирает себе город, отвечающий его идеалам, убеждениям, духовным ценностям.

В творчестве Н.-Г. Пендзикиса, уроженца города Салоники, познание и открытие для себя родного города тесно связаны с самопознанием, с личной идентификацией как глубоко верующего христианина, знатока истории Византии, художника, философа.

Рефлексивное мировоззрение писателя (т. е. его понимание самого себя и своего места в мире) «физиологически» связано с Салониками, т. к. писатель соотносит свое тело с географическим расположением города

«Н ενδοχώρα που αρδεύεται από τους ποταμούς είν' ο πλακούντας. Το δεξί μου χέρι φτάνει ίσαμε την Κασκάρκα..., το ζερβί μου τό'χω πάνω από τα κάστρα...». В греческой литературе последней трети XX в. городское пространство часто представляется единым телом с главным персонажем. Так, в романе «Невеста» («Αρραβωνιαστική», 1979) Йоргоса Ятроманолакиса главная героиня Анна одновременно представляет и женщину, и Грецию. У них одно тело, причем кровоточащее, и чувства героини совпадают с настроениями в стране.

Религиозные убеждения Пендзикиса связаны, прежде всего, с восприятием города Салоники как наследника православной Византии и хранителя византийских традиций. Писатель уделяет пристальное внимание византийским памятники города Салоники, подчёркивая элемент непрерывности Истории для жителей современных Салоник.

Богоматерь и город-мать едины для писателя, под их защитой он принимает жизнь со смертью, его существование обретает смысл: «Μητέρα πόλη με τα πρόσωπα που σε κατοικοῦν, κατοίκησαν και θα κατοικήσουν αδελφών και υπάρχω».

Вопрос о смысле человеческой жизни становится ключевым для Пендзикиса. Представленные в книге истории горожан, ушедших в мир иной, позволяют задуматься над смыслом человеческого существования. Чтение Священного писания, Житий Святых дают писателю понимание того, что человек должен жить памятью, которая помогает понять прошлое «η μνήμη φθάνει σε σαφέστατη αίσθηση των περασμένων», связывает его с предками и с потомками: «Άλλοι έρχονται και βρίσκουν τη μνήμη μας κι απ' άλλους πριν βρήκαμε εμείς». В связи с этим память играет главную роль в повествовании.

Часто память связана с чувственным восприятием прошлого. Так, говоря о величии Византии, писатель восхищается закатами и туманами, сравнивает части Салоник с картинами различных художников. Точные указания цветов и их оттенков повышают уровень образности текстов Пендзикиса.

Техника письма Пендзикиса, нарративные стратегии в сборнике «Μητέρα Θεσσαλονίκη» указывают на принадлежность этого произведения к направлению сюрреализма. Так, основной повествования является техника ассоциативного письма, диалог строится на несоответствиях реплик говорящих, поскольку каждый персонаж слышит только себя, текст формируется по принципу мозаики, нет единой сюжетной линии, время разворачивается нелинейно, частыми являются скачки из прошлого в настоящее. Обычно глава начинается с тезиса, наблюдения относительно настоящего Салоник, затем повествование уходит в прошлое, чаще всего времен Византии. Отмечается пренебрежение синтаксическими канонами: нарушение порядка слов, отсутствие пунктуации, постоянная смена повествовательной перспективы (так, в первых главах повествование ведется от 3-го лица, в главе «Αρχοντικός αυλόγυρος» осуществляется резкий переход к гомодиегетическому повествованию от первого лица, которое сменяется грамматической формой повествующего лица на «мы», а затем на «Вы». Кроме того есть прямые обращения к иконе Богоматери, к родному городу, приводится текст письма к другу).

Таким образом, Салоники стали для Н. Г. Пендзикиса фундаментом формирования его мировоззренческих взглядов, определили его религи-

озные и эстетические убеждения. Значение великого города для истории Греции и гордость за него повлияли на формирование системы духовных ценностей.

Бечина Анна Александровна,

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Опыт создания образа главной героини романа «Φωτιά» Авгерини как важный этап формирования творческого метода Димитриса Хадзиса

Роман «Φωτιά» — авторский дебют Димитриса Хадзиса. Он, безусловно, еще очень далек от того уникального, во многом новаторского творческого метода, который в полной мере нашел выражение в ключевом произведении автора — в романе «Το Διπλό βιβλίο», а также на различных стадиях своего развития в других произведениях. Однако, на наш взгляд, уже в первом своем произведении автор обнаруживает предпосылки будущего длительного пути творческой эволюции. Действие разворачивается в период активности Движения Сопrotивления в Греции и формируется вокруг центрального образа молоденькой девушки Авгерини, только что принявшей решение примкнуть к борьбе с оккупантами. Уже с первых страниц произведения становятся прозрачны авторские интенции и характер идеологической составляющей, которая присутствует в тексте и, что крайне важно, определяет круг художественных задач, которые стоят перед автором и часть которых, на наш взгляд, решается именно при помощи образа главной героини.

Рассмотрим особенности формирования образа Авгерини, прояснив, тем самым, какую роль он выполняет в произведении. Первая «презентация» образа персонажа проходит очень выразительно: Авгерини сама выдвигается вперед, отделается от многочисленной группы женщин ее семьи в непроизвольном желании защитить отца от горькой обиды, которую причинил ему хозяйствовавший в их доме немец: «Ανάμεσα απ'τις γυναίκες που αλομείναν μαρμαρωμένες, η Αυγερινή ξελετάχτηκε κ'έτρεξε δίπλα στον πατέρα της που κυλίστηκε στα χώματα της αυλής» [Χατζής, 2000. 16]. То есть уже с первого появления на страницах произведения персонажа Авгерини читатель формирует в своем сознании образ сильной юной девушки, непримиримой к любой несправедливости и действующей самостоятельно даже в тех ситуациях, когда традицией женщине в греческом обществе приписывается иная предпочтительная модель поведения. В ходе развития действия это впечатление только усиливается.

Стоит отметить, что предыдущая греческая литературная традиция знает немало подобных персонажей юных девушек, бунтующих как открыто (Τρισεύγενη, Κ. Παλαμάς), так и внутренне, на уровне сознания (Αυγερή, Α. Καρκαβίτσας). Таким образом, Авгерини органично вписывается автором в череду подобных ей во многих отношениях женских персонажей, получая «в наследство» те положительные коннотации, которые с ними связывает читатель. Заручившись, таким образом, теплым отношением читателя к своей героине, автор может транслировать через ее образ, в том числе,

идеологическое сообщение. Авгерини сознательно изменяет написанный ей на роду как женщине жизненный путь и попадает в совершенно новые для себя, враждебные условия. На протяжении развития действия она многократно оказывается в положении новичка, вынужденного адаптироваться в изменившейся обстановке: сначала в партизанском госпитале, затем на подрывной работе в горах и в деревне и впоследствии в Афинах. Проводя свою героиню этим витиеватым путем, автор получает возможность представить все происходящее через призму восприятия неискушенного сознания молоденькой девушки, а не опытного бывалого партизана, коим, вероятно, является нарратор, своего рода «вывод вещи из автоматизма восприятия» [Шкловский, 1919].

Итак, как мы видим, образ Авгерини наделен конкретными функциями, и он во многом является инструментом познания, а не его объектом. В то же время, жизненный путь Авгерини — это жизненный путь индивида в стремительно меняющемся мире — тема, которая является ключевой темой в творчестве Димитриса Хадзиса вообще, и, на наш взгляд, весьма примечательно, что она отчетливо обозначена уже в первом его произведении.

Литература:

Шкловский В., Искусство как прием, сб. «Поэтика», П., 1919.

Χατζής Δ. Φωτιά, Αθήνα, 2000.

Домосилецкая Марина Валентиновна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Мелисса как термин пасечного хозяйства

Прародиной многолетнего травянистого эфиромасличного пряноароматического растения мелисса лекарственная (*Melissa officinalis*) считается весь регион Средиземноморья, включая северную Африку, Переднюю Азию, а также побережье Черного моря. На Балканах, в частности, мелисса широко распространена в диком виде.

Мелисса является ценным медоносом, из которого пчелы вырабатывают один из лучших сортов мёда. Но мелисса в Европе выступает не только неотъемлемым древним объектом пчеловодства, но и его атрибутом. Это сильный универсальный естественный аттрактант для пчел, поэтому для привлечения и поимки роя этой душистой травой натирали улей или ловушку. Ср. в этой связи народные названия мелиссы, связанные с понятиями ‘мята’, ‘пчела’, ‘мед’, ‘пчелиная матка’, ‘рой’, ‘трава’: рус. *пчелиная мята, пчельник, медовка, маточник, роевник*, укр. *маточник, роївник*, чешск. *meduňka*, словацк. *medovka*, англ. *bee balm*, голланд. *bijenkruid* (*bijen* ‘пчелы’ + *kruid* ‘трава’), франц. *piment des abielles*, венг. *mézfü* (*méz* ‘мед’ + *fű* ‘трава’) и др.

В Вопроснике «Лексической программы» Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ) в разделе «Трудовая деятельность. Пчеловодство» имеется отдельный вопрос №8.035 о наименовании данного растения. В результате многолетней экспедиционной работы группы иссле-

дователей и опроса по всем 12-ти пунктам программы, представляющим наиболее репрезентативные диалекты балканских языков к югу от Дуная, был получен следующий материал:

Оток (Хорватия, Далмация, р-н Синь; хорв. новоштокавский младший икавский говор) — *metvica*, *rčelinska l'ubica*;

Завала (Черногория, р-н Подгорица, племя пипери; серб. зетско-лоаченский говор) — *čelin'a trava*;

Каменица (Восточная Сербия, р-н Княжевац; серб. тимокский говор) — *matočina*;

Пештани (Македония, р-н Охрид; западномакед. говор) — нет слова;

Гега (Болгария, Пиринская Македония, р-н Петрич; юго-западноболг. пиринский говор) — *čelok*;

Гела (Болгария, Средние Родопы, р-н Широка Лыка; болг. родопский говор) — *rčelek*, *matočena*;

Равна (Болгария, Мизия, р-н Провадия; северо-восточноболг. мизийский говор) — *matočina*, *olat*;

Мухурр (Албания, краина Дибра, р-н Пешкопия; алб. среднегег. говор) — *mils*;

Лешня (Албания, краина Скрапар, р-н Чоровода; алб. севернотоск. говор) — *bari i bletës*;

Эратира (Греция, Западная Македония, р-н Козани; северногреч. говор) — нет слова;

Кастелли (Греция, Пелопоннес, р-н Калаврита; южногреч. говор) — *melisohorto*;

Кранеа/Турья (Греция, Пинд, Западная Македония, р-н Гревена; южноарум. говор) — *milisohurtu*; *īarbā di alg'inā*.

Итак:

- 1) терминологическое атрибутивное словосочетание 'пчелиная трава' (оформление в слав., алб., арум. и греч. соответственно) — Оток (*rčelinska l'ubica*), Завала (*čelin'a trava*), Лешня (*bari i bletës*), Кастелли (*melisohorto*), Кранеа (*īarbā di alg'inā*) [ср. серб. *пчелиња метвица* 'пчелиная мята'];
- 2) греч. μέλις — 'пчела; мед' — искон.: Кастелли (*melisohorto*), заимств.: Мухурр (*mils*) и Кранеа (*milisohurtu*);
- 3) слав. суффиксальные производные от *mat-* (матица 'пчелиная matka') — Каменица (*matočina*), Гела (*matočena*), Равна (*matočina*). [Ср. хорват и серб. литер. *matičnjak*, *матичњак*, македон. *маточина*, *матичина*];
- 4) слав. сущ.-производные от *rčel-* ('пчела') — Гега (*čelok*), Гела (*rčelek*) [ср. серб. литер. *пчелињак*, болг. *пчеляк*, македон. *пчеларник*, *пчелник*];
- 5) Слав. сущ.-производные от южнослав. *metv-* ('мята') — Оток (*metvica*) [ср. серб. *пчелиња метвица*].

Полученные материалы можно представить на карте МДАБЯ.

Никаких исключительных мотивировок, характерных только для Балкан, не обнаружено. Если рассмотреть регион шире, включая восточно-романские говоры к северу от Дуная, то обнаруживается дакорумынская лексема румын. *roiniță* < слав.

Дополнительно интересно рассмотреть некоторые наименования мелиссы в прочих языках и диалектах Юго-Восточной Европы, не вошедших в сетку пунктов МДАБЯ. См., к примеру, тур. *kovan otu* (*kovan* ‘улей’ + *otu* ‘трава’), *oğul otu* (*oğul* ‘сын; парень; *oğul arısı* ‘молодая пчела’ + *otu* ‘трава’).

Дугушина Александра Сергеевна,

аспирант, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

«Женские» места на Балканах в контексте ритуального и этноконфессионального взаимодействия:
женский пляж г. Улциня в субкультуре городского сообщества

Культовые места межэтнического и межконфессионального взаимодействия — широко представленное явление в культурах Балканского полуострова. В докладе речь пойдет о месте, находящемся в центре этноконфессиональных отношений в женской субкультуре городского сообщества — женском пляже г. Улцинь в Черногории (черног. «*Ženska plaža*», алб. «*Plazhi i femrave*»). Курортное местоположение пляжа на берегу Адриатического моря оправдывает его общедоступность: туристические форумы рекомендуют пляж женщинам, предпочитающим нудистский отдых вдали от мужчин. Смешанный состав городского населения, более 70 % которого составляют албанцы, остальную часть — черногорцы, сербы, бошняки, славяне-мусульмане, цыгане и др., объясняется пограничным с Албанией географическим положением. В религиозном отношении подавляющее число жителей исповедует ислам, прочие — православие и католицизм при небольшом соотношении с иными конфессиональными группами. Именно в этом контексте главное достоинство пляжа — морская вода, насыщенная серным источником, бьющим на берегу, концентрирует вокруг себя особую субкультуру посетительниц — женщин, желающих забеременеть, поскольку считается, что вода из источника и сам пляж благотворно действуют на репродуктивное здоровье. В частности, целебный источник, помимо того, что является посещаемым местом в рамках мирового и внутрибалканского туризма, представляет собой популярную «лечебницу» среди горожанок различной этнической принадлежности и доступное место для женского отдыха и ритуальных омовений в среде балканских мусульманок. Исцеление от бесплодия представлено различными ритуальными сценариями: голое тело следует омыwać водой из источника специально расставленными для этого ковшами, уделяя особое внимание репродуктивным органам; приветствуется плавать в море и загорать на камнях нагишом. Основное ритуальное действие разворачивается вокруг камня, расположенного в бухте под скалой: к нему следует подплыть с определенной стороны, проплыть вокруг три раза, произнося молитву о желаемом, и оставить напоследок личную вещь.

Таким образом, территория пляжа функционирует и как место туристического интереса, и как центр женского паломничества к целительным

объектам, представляя собой в итоге явление, интегрирующее конфессиональные, профанные и сакральные элементы культуры.

В докладе будет представлена первая попытка автора обобщить наблюдения, сделанные в ходе полевой работы 2014 г.

Елова Фатима Абисаловна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Никос Казандзакис. Соотношение языка и философии

В докладе предпринимается попытка описания лингвистических особенностей и стилистического своеобразия языка греческого писателя Никоса Казандзакиса (1883–1957). Данная задача представляется релевантной, поскольку Казандзакис вне всякого сомнения является самым известным греческим прозаиком за пределами Греции и, предположительно (Peter Bien), создателем литературного греческого стандарта.

На синхронном уровне греческая и русская языковые ситуации традиционно представляются идеальным воплощением популярной идеи языкового строительства — «единый этнос — единый язык». Последнее представляется особенно очевидным в греческом контексте — греки первыми в европейской традиции осознали эталонную значимость созданных ими литературных текстов и сформировали восприятие аттической речи как престижной идеальной нормы, на которую должен ориентироваться каждый образованный человек. Литературный стандарт русского языка окончательно сформировался в пушкинскую эпоху, в настоящее время литературную норму русского языка отличает поразительная однородность (последнее становится очевидным в сопоставлении с другими европейскими языками). При сравнении с греческой языковой ситуацией обращает на себя внимание отсутствие единого греческого литературного стандарта: возникает ощущение, что каждый значительный греческий писатель фактически создавал свой собственный идиолект.

В докладе предполагается рассмотреть следующие вопросы.

1. Причины международного успеха переводов прозы Казандзакиса. Миф Никоса Казандзакиса versus миф Адамантия Пападиамантиса. Предположительные причины «переводимости» Казандзакиса и «непереводимости Пападиамантиса». Переводимость идей versus переводимость языка.
2. Маски и псевдонимы Казандзакиса (Карма Нирвани, Петр Псилорит, Акрит, Мохаммед эль Шейтен бен Казан, Николай Казан) и их отражение в творчестве.
3. Особенности лингвистических инноваций Казандзакиса — неологизмы, осваивание диалектизмов и библеизмов, барочность синтаксиса.
4. Казандзакис и Солженицын — сходство языковых стратегий.
5. Ницшеанские установки и языковые стратегии (Никос Казандзакис versus Габриэле д'Аннунцио).

Литература:

1. Ν. Π. Ανδριώτης Η γλώσσα του Κασαντζάκη // Νέα Εστία, Νίκος Κασαντζάκης, 1959. 91–95.
2. Bien P. Ένα σχόλιο για τη γλώσσα του Κασαντζάκη / Peter Bien, Η πολιτική του πνεύματος, Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, Ηράκλειο, 2007.

3. Ρομάν Γιακομπσον, Παρατηρήσεις για το πεζό λόγο του Μάντελσταμ, Μόσχα, 1987.
4. Kimon Friar Η πνευματική άσκηση του Νίκου Καζαντζάκη // Νέα Εστία, Νίκος Καζαντζάκης, 1959. 69–85.
5. *Μαμαρδασβίλι Μ.* Литературная критика как акт чтения // Как я понимаю философию. Μ., 1992. С. 155–163.
6. Dimitris Tziovas. Centrifugal Topographies, Cultural Allegories and Metafictional Strategies in Greek Fictionsince 1974 // Contemporary Greek Fiction in a United Europe. From Local History to the Global Individual, ed. by Peter Mackridge and Eleni Yannakakis.

Ермолин Денис Сергеевич,

к. и. н., младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Языковая ситуация и стереотипы в условиях этнического конфликта (на примере Приштины)

Вооруженный конфликт в Косово (1998–1999 гг.), а также последовавшее за этим вмешательство международных сил, которые, в конце концов, привели к провозглашению независимости Косово (2008 г.), вероятно, поставили финальную точку в процессе гомогенизации этнического состава региона. На протяжении всего XX в. количество сербов в Косово неуклонно снижалось (прежде всего, вследствие массового оттока сербов из края и высокого уровня рождаемости у албанцев), несмотря на попытки сначала королевского, а позже социалистического правительства Югославии изменить пропорциональное соотношение численности албанского и сербского населения. На сегодняшний день, согласно официальной статистике Республики Косово, албанцы составляют почти 93 % населения страны, в то время как доля сербов составляет всего 1,5 %.

Доклад посвящен анализу некоторых особенностей (в т. ч. языковых) взаимодействия албанского и сербского населения в столице Косово — Приштине — до войны 1998–1999 гг. Будут проанализированы функции и дистрибуция бытовавших в тот период языков (прежде всего, сербского, албанского и турецкого) как на официальном уровне, так и в повседневном употреблении между жителями одного квартала. Отдельным сюжетом станет функциональный анализ «тайного» языка албанской студенческой молодежи в конце 1980-х — первой половине 1990-х гг.

Важной социальной характеристикой, на которую обращают внимание и сербы, и албанцы, является противопоставление коренных жителей Приштины (алб. *prishtinali*, серб. *приштевац*) и переехавших в город сельских жителей вне зависимости от этнической принадлежности (уничижит. алб. *malok, katunar*, серб. *дивљак*), которые вносят в социальный ландшафт полиэтничного города привычные им нормы поведения, манеры и суждения.

Интервью, записанные в ходе полевых выездов, демонстрируют, что в условиях столь этнически и лингвистически пестрой повседневности горожане Приштины, веками привыкшие жить бок о бок друг с другом — турецкими, албанскими, сербскими и еврейскими торговцами и ремесленниками — обладали намного большим порогом этнической, конфессиональной

и культурной толерантности, чем более поздние переселенцы в города из руральных — по преимуществу гомогенных в этническом отношении — районов.

Вторая часть доклада посвящена анализу нарративов, записанных среди косовских сербов, вынужденно переселившихся на территорию Сербии после перехода Косово под протекторат ООН в 1999 г. Важно отметить, что, по словам информантов, там, куда они переселялись (прежде всего, Ниш, Лесковац, а также Белград и др.), сербы из Косово не нашли ожидаемой поддержки местного населения. Повсеместно в Сербии они именовались местными не иначе как *шинтары*. Кроме того, находящимся в статусе «переселенных лиц» косовским сербам отказывают в постоянной регистрации в тех городах, где они живут уже более 15 лет — как следствие этого, они не имеют права участвовать в выборах на муниципальном и областном уровне. Неудивительно, что такие условия способствовали изоляции и выработке чувства сплоченности беженцами из Косово. Об албанцах бывшие жители Приштины вспоминают зачастую с ностальгией, наделяя их такими качествами, как верность слову, честность, порядочность в торговых делах.

Полевые материалы, фиксируемые в настоящее время среди албанского населения Косово (в частности, Приштины) и сербов-беженцев, демонстрируют возможность новых интерпретаций и поиска дополнительных причин произошедшего конфликта, не ограничиваясь лишь рамками «векового» этнического противостояния сербов и албанцев или экономической отсталостью края и неудовлетворенностью масс населения. По крайней мере, мы должны понимать, что среди горожан, усвоивших правила и нормы добрососедских отношений с представителями различных этнических и конфессиональных групп еще со времен османского владычества, порог толерантности и неприятия любых проявлений этнического национализма во время событий в Косово оказался гораздо выше, чем у подогреваемых политическими элитами радикально настроенных масс.

Желтова Екатерина Александровна,

магистрант 2 курса, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Научный руководитель: Головкин Е. В., член-корр. РАН, д. ф. н.

**«Мы более настоящие греки, чем сами греки»:
конструирование групповой идентичности
и лингвистические идеологии в грекоговорящих
сообществах Албании**

В данном докладе анализируются материалы, собранные в ходе двух экспедиций, проведенных мною в местах проживания греческого меньшинства Албании в августе-сентябре 2014 г. Основными методами сбора полевого материала были метод включенного наблюдения и полуструктурированного интервью. В исследовании приняли участие около пятидесяти информантов из регионов Химары и Дропула разного возраста, пола и социального статуса. Целью полевой работы было сделать наблюдения о социальной структуре рассматриваемых сообществ, языковом поведении их представителей, собрать корпус биографических нарративов, материалы по лингвистическим идеологиям, отношению к языку.

Регион Северного Эпира (Южная Албания), в котором проводилось исследование, был предметом напряженных политических конфликтов в период образования национальных государств на Балканах и проведения границ. Греция многократно заявляла свои политические претензии на эту территорию, но они не были удовлетворены. Когда после Второй мировой войны к власти в Албании пришел Энвер Ходжа, и граница была закрыта, по разные ее стороны зачастую оказывались члены одной семьи. Во время существования коммунистического режима в Албании в Греции культивировался дискурс о «порабощенных братьях» в Северном Эпире. Активно создавался положительный образ этнического грека, мучимого кровавым режимом в чужой стране. После открытия границ в 1990 г. в Грецию хлынули огромные потоки мигрантов из Албании, и среди них, конечно, и «вориоэпириоты». Очень быстро дискурс о «порабощенных братьях» сошел на нет, а самих «братьев» стали воспринимать так же, как и остальных мигрантов. Термин «вориоэпириот» потерял свою положительную окраску [Nitsiakos, 2013]. Томас Эриксен [Eriksen, 2002], вслед за Мэри Дуглас [Mary Douglas, 1966], вводит понятие «аномальных этнических категорий». Меньшинства, о которых мы говорим, как кажется, вполне попадают под это определение. При этом представители греческого меньшинства Албании оказались меньшинством дважды, в обоих значениях, о которых говорит в своей книге Эриксен [Eriksen, 2002]. В Албанском государстве они представляют меньшинство типа «indigenous people», а в Греции они оказываются мигрантским меньшинством типа «urban minority» наравне с другими мигрантами. Чужие в государстве, от которого бегут, они оказываются чужими в государстве, к которому бегут: «Родина предала нас» «В Албании мы были грязными греками, а в Греции — албанцами».

В докладе на основании полевых материалов анализируются особенности конструирования локальности, этничности и национализма в миноритарных сообществах Химары и Дропула. В центре внимания находится вопрос о том, какую роль в этих процессах играют лингвистические идеологии (распространенные в этих сообществах представления о лингвистических и социолингвистических особенностях идиомов, на которых говорят представители сообществ, см.: [Silverstein, 1979]). Предлагается предварительная классификация этих идеологий на те, которые поддерживают связь с «родиной» и нацией, являющимися постоянным предметом воображения и рефлексии, и те, которые поддерживают локальную идентичность, динамически регулируя статус «своего» сообщества и, возможно, ситуативно «повышая» локальность до этничности.

Литература:

1. Douglas M. Purity and danger: An analysis of concepts of purity and taboo. London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
2. Eriksen T. H. Ethnicity and nationalism: Anthropological perspectives. Pluto Press, 2002.
3. Nitsiakos V. «Brothers» becoming «Others». The Greeks of Albania in Greece after 1990 // (ed.) Tsibiridou F., Palantzas N., Myths of The Other in the Balkans: Representations, Social practices, Performance. Thessaloniki, 2013.
4. Silverstein M. Language structure and linguistic ideology // P. R. Clyne, W. F. Hanks, C. L. Hofbauer, ed. The elements: A parasection on linguistic units and levels. Chicago Linguistic Society, 1979. Pp.193–247.

Кисилиер Максим Львович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Еще раз о местоименных клитиках в греческом языке и о цаконском диалекте

Несколько десятилетий назад местоименные клитики стали одной из центральных тем в мировой лингвистике. В течение нескольких лет были сформулированы два основных подхода к рассматриваемой проблеме:

- 1) с точки зрения закона Ваккернагеля и его расширений (Марк Йансе, А. А. Зализняк, А. В. Циммерлинг);
- 2) с точек зрения различных теорий, выросших из генеративной грамматики (Стивен Андерсон, Поль Кипарски).

В рамках настоящего доклада не будут подробно рассматриваться плюсы и минусы обоих подходов, но важно отметить, что, несмотря на все недостатки, изучение местоименных клитик именно с точки зрения закона Ваккернагеля позволяет вести исследование не только на синхронном уровне, но и в диахронии. Поэтому, как представляется, именно этот подход лучше всего подходит для греческого материала. Греческий языковой континуум демонстрирует фактически все стадии закона Ваккернагеля (исключая предваккернагелевское состояние, которое, вероятно, из и.-е. языков фиксируется только в хеттском). Собранные данные по новогреческим диалектам также демонстрируют разные этапы «вырождения» ваккернагелевской системы в греческом языке.

В ходе диалектологических экспедиций на Пелопоннес (Греция) в места распространения цаконского диалекта новогреческого языка, проведенных в 2014 г., удалось зафиксировать «необычные» случаи постановки местоименных клитик относительно управляющей глагольной формы. Предпринятое исследование позволило предложить интерпретацию этих необычных случаев. Эта интерпретация и будет обнародована в настоящем докладе. Кроме того, будет предпринята попытка сопоставить «цаконские» особенности с данными из других новогреческих диалектов.

Климова Ксения Анатольевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Структурная организация текста новогреческой несказочной прозы

Доклад посвящен описанию структуры текста новогреческой несказочной прозы. Материалом для исследования послужили сборники фольклорных новогреческих текстов XIX–XXI вв. полевые записи автора, а также данные интернет-сайтов. Формулы зачина новогреческой былички в большинстве случаев подчеркивают достоверность излагаемых событий («αὐτὸ ἐγίνετο στο χωριό μας, στο σταυτοδρόμι»), указывают на отношение рассказчика к самому событию («δεν ξέρω αν ἦταν ἀλήθεια ἢ ὄχι, ἀλλὰ λένε πως...»), определяют хронотоп былички. Основные структурные элементы (зачин, завязка, кульминация, развязки, концовка), а также способы передачи прямой речи в текстах разных локальных традиций и субжанров несказочной прозы могут иметь раз-

ное выражение. Особенно интересным представляется исследование трансформации текстов быличек в диахронии, связанной с изменениями социальных и исторических условий бытования текстов такого рода, в том числе с из переходом из традиционной устной формы бытования в письменную.

Козак Вячеслав Викторович,

аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Романские заимствования в глаголических надписях с острова Крк XII–XVIII вв.

Остров Крк (лат. *Curicta*, ср.-греч. Βέκλα, итал. *Veglià*, хорв. *Krk*) расположен в Кварнерском заливе на севере Адриатического моря. В средние века он был местом совместного проживания романоязычных и славяноязычных групп населения. Романоязычное население, восходящее к эпохе римских колонистов и говорившее на одном из далматинских романских диалектов, концентрировалось в основном в городе Крк и его окрестностях; его книжная культура была латинской. Славяноязычное население, появившееся на Крке в VI–VII вв. и занявшее остальную часть острова, первоначально восприняло латинскую книжность, но впоследствии среди славян получили распространение церковнославянский язык и глаголическая письменность. Таким образом, пространство острова стало характеризоваться этническим, языковым и культурным противопоставлением города Крк острову Крк и их взаимодействием, отражавшимися в памятниках письменности. К концу XIX в. местное романоязычное население острова было практически полностью ассимилировано. Комплексное изучение лингвистических источников, происходящих с острова Крк, позволяет реконструировать процессы этнической, языковой и культурной сепарации, конвергенции и симбиоза разных групп населения на различных этапах их сосуществования.

В докладе будут представлены результаты лингвистического анализа примерно 40 славяноязычных глаголических надписей с острова Крк (начиная с самых ранних, как, например, надпись на плите из Башки (*Vašćanska ploča*) ок. 1100 г. или Кркская надпись (*Krčki natpis*) XI в., и заканчивая надписями XVIII в., например, надпись 1702 г. на церкви св. Аполлинария в Дубашнице). Объём источников различен. Большая часть пространственных надписей, за исключением надписи на плите из Башки, были выполнены в XVI в. Все источники изданы (см., например, *Fučić B. Glagoljski natpisi. Zagreb, 1982*).

Исторически исследование охватывает два периода. Первый период — XII–XV вв. — от времени создания древнейших дошедших до наших дней надписей и начала правления крских князей (Франкапанов) до окончательного вхождения острова в Венецианскую республику в конце XV в. Второй период — XV–XVIII вв. — собственно венецианский.

Особое внимание будет уделено лексическому уровню языка, к которому относится, в первую очередь, терминология (например, *kralj* ‘король’, *uš’ paternatus* ‘право на попечительство’, *meštar* ‘мастер’, *eredi* ‘наследники’, *guvernat* ‘управление’, *pre* и *plovan* ‘священник’ и т. д.) и имена собственные, а также фонетическому (фонетическая адаптация заимствований, вариативность типа *gastald / kaštad / kaštald* ‘гастальд’).

Несмотря на важнейшую «Кркскую надпись» XI в., из населенных пунктов Крк и Пунат происходит лишь несколько глаголических надписей. Наряду с фактом поздней относительно других регионов восточной Адриатики ассимиляции романоязычного населения острова это говорит об устойчивой этнической, языковой и культурной сепарации этой части острова по отношению к славяноязычной культуре. В то же время общие для разных групп населения Крка конфессиональная и социально-правовая доминанты являются фактором интеграции. Об этом свидетельствуют встречающиеся в глаголических надписях заимствования названий как светских, так и церковных титулов и юридических терминов.

Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Кониор Дарья Владимировна,

аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Предметный код карашевской свадьбы

Совместное проживание сербов и румын на территории исторической области Банат, поделенной ныне между Румынией и Сербией, длится уже три века. Одной из интереснейших этнических групп этого региона являются карашевцы (с.-х. *Крашовани*, рум. *Carașoveni*) — славяноязычные католики, компактно проживающие на территории современной Республики Румыния. Атрибуция идиома, на котором говорят в данном сообществе, достаточно долго являлась предметом научных споров. Современный исследователь карашевцев, лингвист М. Радан, опираясь также на данные, собранные Л. Милетичем, Э. Петровичем и П. Ивичем, утверждает, что говор карашевцев можно назвать архаичным сербским говором, совмещающим в себе черты косовско-ресавской и тимокско-лужицкой групп диалектов.

Для описания современного состояния идиома карашевцев мы выбрали одну из его лексических подсистем, а именно лексику по теме «свадебная обрядность». Рассматривая эту подсистему, мы можем сделать выводы о современном состоянии языка благодаря особой проницаемости лексики для заимствований и влияний. Связь предметного кода свадьбы с традиционной духовной и материальной культурой сообщества позволяет рассуждать и о некоторых диахронических процессах, происходивших в языке на протяжении последнего столетия. Предметный код свадьбы, связывая познаваемый объект с языковым знаком, позволяет представить свадебный обряд в виде текста, содержащего систему кодов, которые имеют свою структуру и семантику.

В докладе приводятся термины, обозначающие предметы и инструменты, используемые во время празднования и при подготовке к нему; анализируется происхождение данных лексем, условно поделенных на следующие группы:

- I. Предметы одежды, аксессуары, дары (например, *marama* — «шелковый платок» > рум. *marama*, балканский турцизм);
- II. Блюда и напитки на свадебном столе, продукты, используемые при подготовке трапезы, посуда (например, *kotal* «казан», ср. серб. *cota*);

- III. Обрядовая лексика (например, *ćutura* «литровый сосуд для ракии» > рум. *ciutură* «колодезное ведро»);
- IV. Транспорт (*koćija* «двухместная повозка», ср. рум. *code*, *coşiş*, нем. *Kutsche* и т. д., возм., от венг. топонима *Kocs*, жители которого стали использовать такие повозки в XV–XVI в.);
- V. Музыкальные инструменты (*akordeon* «аккордеон» ср. серб., хорв. *harmonika*, болг. *акордеон*, рум. *acordeon*, нем. *Akkordeon*).

Лексика, относящаяся к семантическому полю «свадьба» и используемая в идиоме карашевцев — это: «общевропейские» слова; балканские турцизмы; румынские заимствования; слова, находящие свое соответствие в некоторой(-ых) южнославянской(-их) форме(-ах) речи; а также непосредственно карашевские лексемы. На наш взгляд, анализируя эти группы слов, можно прояснить многое в истории и языке карашевцев, а в дальнейшем — ответить на более широкий круг вопросов, связанных с балканославянской диалектологией и языковыми контактами славянского и романского населения Балканского полуострова.

Макарова Анастасия Леонидовна,

аспирант, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Языковая ситуация в двуязычных селах македонской Преспы (Арвати, Асамати, Крани)

Языковая ситуация в Республике Македонии определяется взаимодействием государственного языка — македонского (родной для 66 % населения) и языков меньшинств — албанского (25 % служебный для ряда регионов), турецкого (3,5 %) и др. (среди которых отметим цыганский и арумунский), и может быть охарактеризована как экзогосская (македонский, албанский, цыганский и арумунский представляют разные группы индоевропейской языковой семьи, турецкий относится к алтайским языкам) и несбалансированная (абсолютное большинство македонцев одноязычны, в то время как большинство представителей других этнических групп дву- или полиязычны). Одно-и полиязычность зависят также от конфессиональной принадлежности: македонцы-мусульмане (торбеши) в ряде случаев владеют албанским и/или турецким, что нехарактерно для православных македонцев.

Преспа — трансграничный регион, разделенный между Албанией, Грецией и Македонией. В двух экспедициях 2014 г., проведенных в селах македонской части Преспы: Арвати (137 жителей, среди которых 51 македонец и 85 албанцев — здесь и далее статистика по селам по Јовановски 2005), Асамати (164 жителя, среди которых 84 македонец, 44 албанец, 36 турок), Крани (416 жителей, среди которых 103 македонец, 305 албанцев), была зафиксирована нестандартная языковая ситуация. Хотя македонцы в этих селах православные (в данном случае нас интересует их декларируемая идентичность), для мужчин всех поколений характерно македонско-албанское двуязычие. Язык, по словам информантов, выучивается в раннем детстве и используется в течение всей жизни для бытового общения с албанцами. В то же время женщины-македонки албанским языком обычно не владеют

(большинство браков экзогамные). Языковая ситуация характеризуется комбинацией билингвизма и диглоссии, которые неравномерно распределяются по поколениям: старшее поколение албанцев владеет местным албанским диалектом и местным македонским диалектом, старшее поколение македонцев, кроме того, знает литературный македонский. Среднее и младшее поколение албанцев и македонцев владеет как местными диалектными формами, так и литературными стандартами, которые выучиваются в школе. О том, в какой мере эти языковые формы действительно соответствуют указанным идиомам, а в какой являются наборами языковых маркеров, при помощи которых говорящие сознательно дифференцируют тот или иной регистр, мы подробнее расскажем в докладе.

Не исключено, что подобная языковая ситуация характерна и для других населенных пунктов македонско-албанского пограничья, но это требует отдельного исследования.

Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Литература:

1. *Јовановски В.* Населбите во Преспа (местоположба, историјски развој и минато). Скопје, 2005.
2. *Curtis M. M.* Slavic-Albanian Language Contact, Convergence, and Coexistence (рукопись). 2012.

Макарцев Максим Максимович,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

К вопросу о критериях классификации славянских сообществ Албании

Настоящий доклад основан на полевой работе в албанских городах (Корча, Тирана, Фиер, Эльбасан) в 2012–2014 гг. Общеизвестно, что славянское население Албании имеет смешанный характер. Перечислим кратко основные из возможных критериев классификации славянских сообществ Албании:

- 1) географический, который сводится к инвентарному перечислению различных славянских групп, разделяющихся на две категории: находящиеся на периферии страны в приграничных регионах (Врака, Гора, Поле, Голоборда, сёла на побережье Охридского озера, Преспа, Вэрник), к которым примыкают Бобоштица и Дренова (пусть и не находящиеся в непосредственной близости к границе), и находящиеся во внутренней части страны (Боракай и сербы-мусульмане Фиера и соседних сел);
- 2) по наличию/отсутствию исторической памяти о переселении: большинство перечисленных групп будут противопоставлены относительно новым переселенцам в Боракае (1875 г. и далее) и Фиере (1924 г. и далее);
- 3) по национальной и этнической принадлежности (во всяком случае, на уровне дискурса): македонский дискурс в Преспе и Вэрнике, боснийский — в Боракае, сербский — в Фиере и его окрестностях и т. д.;
- 4) по гомогенности / гетерогенности.

В диалектологии славянские идиомы Албании рассматриваются как стабильные территориально-языковые образования, которые можно рассматривать в рамках соответствующих диалектных комплексов и описывать как замкнутые системы, по возможности исключая или оговаривая иноязычное (албанское) влияние. Это проявление исторически оправданного интереса диалектологии прежде всего к сельским идиомам, в то время как разные виды городской речи оставляются для анализа социологам. Однако такой подход оставляет за пределами анализа переселенцев из славянских сел в такие албанские города как **Тирана**, где славяне разного происхождения расселены в нескольких кварталах (нигде, впрочем, не являясь большинством); **Корча**, где среди албанского большинства живут прежде всего переселенцы из Преспы и Эгейской Македонии; **Эльбасан** и **Дуррес**, где существуют большие общины переселенцев из Голоборды (прежде всего из с. Требишт). Представителей разных групп славянского населения Албании можно встретить в большинстве албанских городов и регионов (кроме перечисленных, в Шкодре, Леже, Влёре, Саранде, Берате и др.), они поддерживают связи как с регионами своего происхождения, так и друг с другом (как внутри группы переселенцев, так и с переселенцами из других регионов) и с мигрантами из своих сел в других городах. Эта большая масса славян в городах образует скрытое меньшинство. Языковые и социальные процессы, происходящие внутри таких групп, представляют исключительный интерес в силу своей комплексности.

В докладе будут рассмотрены примеры славянской речи из албанских городов, в которых видна как интерференция разных славянских диалектов, так и влияние со стороны албанского языка. В некоторых случаях такие тексты сложно однозначно атрибутировать одному из славянских диалектов.

Следует также отметить языковые контакты между идиомами, которые до второй половины XX в. находились в удаленных друг от друга районах: наиболее примечательным примером являются славянско-чамские контакты (Боракай, Рет-Либофш).

Морозова Мария Сергеевна,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)

Албанский говор или говоры Гораны? Генезис и функционирование

Полилингвальный микрорегион Горана, о котором пойдет речь в докладе [1], расположен на периферии сербохорватскоязычной племенной области Мрко(е)вичи (алб. Mërkot) в Черногорском Приморье, к юго-востоку от города Бар (алб. Tivar). Область соседствует с албаноязычными районами Краина / Края (алб. Krajë), Шестани / Шестан (алб. Shestan) и Ана-э-Малит (алб. Ana e Malit). Подавляющее большинство причисляющих себя к мрковичам — мусульмане.

Интенсивному межъязыковому и культурному взаимодействию в регионе способствует близкое соседство албанцев и славян и непрерывающаяся

традиция смешанных браков, упоминаемая еще исследователями прошлого века [Јовичевић, 1922]. В ходе экспедиционной работы 2012–2014 гг. мы выяснили, что в северо-восточной части области Мрковичи (села Луне, Дабезичи, Добра Вода) смешанные браки не способствуют распространению албанского языка: как правило, двуязычны только невестки-албанки. В этих селах наиболее сохранен архаичный мрков(ич)ский говор (монографически описан Л. Вуйовичем в первой половине XX в. [Вуйович, 2012]). В юго-западной части региона (села Мала Горана и Веля Горана), напротив, распространено двуязычие. Таким образом, на примере феномена Гораны мы можем наблюдать «редкое для современных Балкан симбиотическое полилингвальное сообщество» [Соболев, 2015].

Албанский идиом Гораны можно охарактеризовать как «язык бабушек и матерей». Дети выучивают его от старших женщин в семье, уроженок албанских сел Черногорского Приморья и Краины либо сел приграничных районов Албании и, соответственно, носителей того локального албанского говора, который бытует в их родном селе (вернее, в районе, где это село находится). Говоры районов Ана-э-Малит, Задрима, Брегу-и-Дринит, Брегу-и-Бунэс, городов Улцинь (алб. *Ulqin*) и Шкодра (алб. *Shkodër*, србхрв. *Скадар*) составляют относительно компактную южную группу северо-западных гегских говоров албанского языка, демонстрирующую, тем не менее, диалектную микродифференциацию — напр., в отношении такого важного фонетического признака, как назальность гласных. Говору Улциня не свойственно противопоставление по назальности; в других албанских говорах Черногории она выражена слабее, чем в говорах на территории Албании [Ahmetaj, 2006. 63–64].

Предпринятый нами анализ речи женщин-билингвов из албанских сел, длительное время проживающих в Горане, и мужчин-билингвов, родившихся и живущих в Горане, позволяет реконструировать источник(и) и структуру албанского идиома Гораны и охарактеризовать его как гомогенный или гетерогенный (говор или говоры). В частности, в докладе рассматриваются следующие явления в албанской речи жителей Гораны: реализация назальных гласных и лабиализованного *a* (*nøna* / *påna* ‘мать’), согласных *dh* / *ll* (*lli* < *dhi* ‘коза’, *modha* < *molla* ‘яблоко’), согласных *r* / *rr* (*dhånerr* < *dhëndër* ‘жених, зять’), групп согласных *mb*, *nd* (*me:sa* < *mbesa* ‘внучка, племянница’); формы глаголов ‘быть’ (3SG *isht* / *åisht* / *ësht*; 1PL *jena* / *jemi*, *kena* / *kemi*) и ‘иметь’ (1PL *kena* / *kemi*), образование перфекта (*kat ken* / *jam ken*), употребление конъюнктива и гегского «инфинитива» (*të vi:j* / *me a:rdh* < *vij* ‘прихожу’); диалектизмы в лексике родства (*gjysha* / *nana maðhe* ‘бабка по отцу’, *gjysha* / *nåndaja* ‘бабка по матери’).

Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Литература:

1. Ahmetaj M. E folmjae Anës së Malit. Prishtinë, 2006.
2. Вуйовић Л. Мрковићи дијалекат (с кратким освртом на сусједне говоре). Докторска дисертација са додатком. Подгорица, 2012.

3. *Јовићевић А.* Црногорско приморје и Крајина // Српски етнографски зборник. Књ. 11. Уред. Ј. Цвијић. Београд, 1922С. 1–171.
4. *Соболев А. Н.* Мрковичи (и Горана): јазики и дијалекти црногорског Приморја у контексту новејших балканистических истраживања // Akten der 5. Deutsch-Albanischen Kulturwissenschaftlichen Tagung. (Pogradec, Albanien. 6.–7. Juni 2014.)/ hrsg. von Bardhyl Demiraj. München, 2015. — В печати.

Новик Александр Александрович,

к. и. н., доцент, Музеј антропологије и етнографије
им. Петра Великог (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Албанци с. Мандрице: материјали експедиције 2014 г. у Бугарију

У јуни 2014 г. состоялась међународна експедиција у село Мандрица (област Хасково, општина Ивајловград), расположено на југу Бугарије — у пограничној зони трију држава: Бугарије, Грчке и Турске. Данна путовања постала првим етапом истраживачког пројекта бугарских и руских научних радника по изучавању албанца Бугарије. У раду експедиције пријели учешће: А. А. Новик (МАЭ РАН), Д. С. Ермолин (МАЭ РАН), Р. Христова-Бейлери и Ј. Бейлери (Софийски универзитет им. Климента Охридског). Мандрица била основана албанцима-православним, излазцима из Југо-Источне Албаније (област Корчи), согласно имајућим данима, у 1635 г. У годину расцвета села овде насчитивало се до 250 домова, а население састављало околу 3000 човека. До садашњег времена жители села сачувају албански говор и, у значајној степену, албанску идентичност. Слободно говоре по-албански представителу старшег поколења. Люди 40-летнег возраста још добро разумеју и могу поддржати беседу на родном говору. Младши — само разумеју, но већ не говоре по-албански.

Мандрица традиционално живела за рачуна својих жена. У овој зони југа Бугарије на трајању дугачког периода занимали су разведену шелководног черва (алб. диал. *ripka*, буг. *буби*) и производством шелка-сырца. Ово занатство било тако успешно, да дозвољавало албанским породицама обезбедити стабилан приход и слати у околину доста богатствима. О пређашњем благополучју села сведоче куќе домаћих житеља, изграђене у XIX — почетку XX в. Како правило, све оне двуетажне и триетажне. У таквим куќама један етаж пређашње одвојено специјално за разводну шелководног черва и израду шелка-сырца.

Разведену шелководног черва и израду шелкових ткања тесно повезано са израдом комплекса традиционалне одежде албанца Мандрице. У женском комплексу коштума велико количество елемената израђивали из шелка — ово наредна рубаша, појас и проч. У мужском коштуму такође су представљени знаково важни елементи — рубаша и др., — које шили из шелка. У последнем случају важно то, да употреба шелкових елемената у мужском коштуму у православних

албанцев коррелирует с отсутствием запрета на ношение шелковой одежды мужчинами в христианстве — в отличие от мусульман, которым Коран (касательно мужчин) прямо запрещает носить одежду из шелка, предписывая ее исключительно для женского гардероба.

В системе этногенетических легенд важное место отводится не только шелку и одежде из него, но и в целом костюму, что говорит о чрезвычайно важной роли, которую он играл в прошлом. Так, албанцы Мандрицы до сегодняшнего дня «вспоминают» о том, как возникло село Вифкук, откуда пришли их предки.

Комплекс женского традиционного костюма албанцев Мандрицы достаточно хорошо сохранился до наших дней — его можно увидеть не только в сундуках и шкафах старожилов, но и во время праздников, считающихся местными жителями албанскими. К таким традиционным праздникам относится день Богородицы, на который приезжают уроженцы села из ближайшей округи, а также из дальних регионов Болгарии и зарубежья и, самое главное, соотечественники из Греции. В Греции выходцами из Мандрицы было основано еще два села: Мандрес (другое название Кота) и Зангливер. Регулярные, проводимые в последние десятилетия практически ежегодно собрания уроженцев села (происходит это в последнюю субботу июня) становятся праздником уже не только религиозным, но, главное, акцией демонстрации албанской идентичности.

Экспедицией 2014 г. было зафиксировано сохранение бытования элементов костюма с традиционными орнаментами: например, декоративный узор *buollit sy* (алб. диал. 'глаз буйвола'). Изображение «глаз буйвола» на женском фартухе, скорее всего, должно было способствовать фертильности, способности к рождению многочисленного потомства, желательного мужского пола (здесь очевидна аналогия: пахота, щедрый урожай, пополнение запасов, увеличение приплода скота — увеличение числа детей, мужское потомство, способность рожать здоровых и крепких детей).

Русаков Александр Юрьевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Албанские сверхсложные формы: функционирование и происхождение

В докладе, представляющем собой продолжения сообщения, сделанного на прошлогодней конференции, рассматриваются проблемы, связанные с функционированием и происхождением албанских сверхсложных форм (ССФ) — форм перфектной системы, образованных с помощью сложных форм вспомогательного глагола и причастия смыслового глагола (типа *kat pasë shkuar* я.имею иметь.ПРИЧ идти.ПРИЧ 'я ушел'; *kisha pasë shkuar* я. имел иметь. ПРИЧ идти. ПРИЧ 'я ушел (давно)'). Подобные формы распространены в ряде европейских языков — романских, германских, славянских. Современные албанские ССФ не подвергались до сих пор тщательному научному изучению. Функционирование албанских ССФ анализируется на материале Албанского национального корпуса.

Базируясь на корпусных данных, мы можем выявить две оси оппозиций внутри этой грамматической подсистемы.

1. Между подсистемами перфекта 2 и плюсквамперфекта 2, при этом формы первой подсистемы демонстрируют значения неактуального прошедшего (прекращенная ситуация, аннулированный результат и т. п.), формы второй подсистемы обладают значениями плюсквамперфектного типа (таксисными и нетаксисными), семантический оттенок неактуального прошедшего имеет, возможно, эпифеноменальный характер.
2. Между подсистемами актива и неактива, формы второй подсистемы могут (иногда) функционировать как неактивные параллели к формам «простых» перфекта и плюсквамперфекта, соответственно. Это свойство албанских неактивных ССФ позволяет поставить вопрос о связи происхождения албанских ССФ с некоторыми моментами развития форм албанского неактивного залога, демонстрирующего чрезвычайно сложное устройство. Албанский неактив выражается тремя разными морфологическими способами, строго распределенными между формами разных времен и наклонений:
 - а) специальной серией окончаний (настоящее время и имперфект индикатива);
 - б) последовательностью «частица *u* (< **swe?*) + причастие» (для форм аориста индикатива, презенса и имперфекта адмиратива, презенса оптатива, императива, при этом, для 3 л. аориста индикатива подавляющего большинства глаголов постулируется особая неактивная форма);
 - в) последовательностью «глагол *jam* 'быть' в соответствующей форме + причастие» (для форм системы перфекта).

При этом надо отметить, что в современном албанском вышеописанные неактивные формы могут выступать и как пассивные формы соответствующей «активной» леммы, и как формы производных (от активных) глаголов с целым спектром значений, относящихся к сфере актантной деривации (рефлексивные, реципрокальные, декаузативные и пр., а также лексикализованные глаголы, достаточно далеко отошедшие от своего активного коррелята).

В албанистике неоднократно высказывалось предположение о том, что аналитические неактивные формы, образованные с помощью бытийного глагола, первоначально могли иметь чисто пассивное значение (М. Ла Пьяна, В. Фидлер). Косвенным подтверждением этому является то обстоятельство, что в произведениях албанских писателей XVII–XVIII столетий (Бузук, Барди, Богдани) неактивные формы перфекта и плюсквамперфекта употребляются иногда как корреляты, соответственно презенса и имперфекта (хотя и не обязательно в пассивном значении). Такой же временной сдвиг «на шаг» мы имеем и в немногочисленных неактивных ССФ, встречающихся в текстах тех же авторов. Это обстоятельство дало В. Фидлеру возможность предположить, что первыми в албанском возникли неактивные СКФ как корреляты активных перфекта и плюсквамперфекта, а затем давление системы привело к появлению соответствующих активных форм.

В докладе приводятся аргументы, усиливающие это предположение, с одной стороны, за счет привлечения современного материала, а с другой, путем более детального анализа, учитывающего, в частности, акциональные свойства албанских глаголов.

Соболев Андрей Николаевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сравнительно-историческое и ареально-типологическое изучение диалектов балканских языков: актуальные вопросы теории

Теоретико-методологические основы современного сравнительно-исторического и ареально-типологического балканского языкознания, полностью согласуясь с многовековой научной традицией, продолжают составлять позитивизм, структурализм, историзм и внимание к связи между языком и обществом. *Целью* научного изучения языков Балканского полуострова является исчерпывающее, системно ориентированное, использующее современные технологии теоретически обоснованное широкое геолингвистическое и глубокое монографическое научное описание языковой реальности и объяснение исторических путей ее формирования, опирающееся на полноту знаний о языковой, исторической и социальной реальности в прошлом и настоящем.

При этом необходима *дефиниция терминов* и прежде всего (а) строгое разграничение понятий языковая семья, языковой ареал и языковой союз и стоящих за ними разных положений дел; (б) выяснение вопроса, при каких условиях и как именно ареальная группа языков и диалектов может интегрироваться в конвергентную; (в) установление роли каждого из участвующих в этих процессах языков и диалектов в качестве (α) лингвистического суперстрата, адстрата и субстрата; (β) контактного донора и реципиента, включая ситуации, в которых язык не является ни первым, ни вторым. Для изучения всех этих языков и диалектов и их групп могут и должны без каких бы то ни было идеологических ограничений, но с полным осознанием ограниченности каждого из них, применяться любые лингвистические *методы*.

Как для сравнительно-исторического, так и для ареально-типологического языкознания *противопоставление языка и диалекта* нерелевантно. Балканская диалектология совпадает в нашем понимании с балканским языкознанием вообще.

Изучение конвергентных языковых групп, включая их территориальную диалектологию, преследует цель установить *лингвистические константы и доминанты Балканского полуострова*. Такие константы и доминанты могут иметь ареальный характер (например веками возобновляющееся противопоставление балканского востока балканскому западу) или собственно лингвистический.

При этом не каждая из современных лингвистических теорий, претендующая на обнаружение и истолкование единичных фактов, доминант или констант, проходит *тестирование балканским языковым материалом*.

Например, генеративная теория не в состоянии ни объяснить вариативность порядка слов, в частности порядка клитик в балканских диалектах (см. примеры), ни предсказать его грамматичность в отдельно взятом идиоме, тогда как сравнительно-историческое и ареально-типологическое языкознание, указывая, с одной стороны, на комбинацию архаичных (еще праславянских) и инновационных черт, а с другой — на ареальное соседство, находит экономные пути для обоснования убедительных гипотез при решении подобных задач. В отличие от формальных, методы функционально ориентированного исследования в применении к материалу балканских языков и диалектов обладают большим эвристическим потенциалом и позволяют не только обнаружить *внутрилингвистические константы и доминанты* языкового строя, например редундантность грамматического маркирования или разную степень донационности языков и «заимствуемости» языковой структуры и материи, но также дать экономное и непротиворечивое объяснение наблюдаемым фактам.

В последние годы развитие теории языковых контактов (обсуждение возможных пределов грамматического и лексического уподобления контактирующих языков друг другу, проблема научной фиксации этого уподобления, интерес к языковой истории отдельных носителей языков), привело к пониманию необходимости изучения *типов контактных ситуаций* на Балканах, образующих континуум от сепарации до симбиоза. При этом к сугубо лингвистическим закономерностям необходимо применять антропологические поправки, т. е. знания об этических установках больших групп людей, о их представлениях о престижности собственного или чужого бытия, в том числе и языкового, о поведении круга носителей балканских языков и диалектов, обладающих престижем, по сравнению с поведением других носителей.

Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Черноглазов Дмитрий Александрович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Основы византийского этикета: *pluralis modestiae* и *pluralis reverentiae* в эпистолографии XII в.

Употребление 1-го лица множественного лица (1 Plur) в значении единственного (1 Sing) было распространено в греческом языке еще в античности. Такое употребление имело различные функции — оно могло означать приобщенность говорящего к некоей группе людей (*pluralis sociativus*), скромность (*pluralis modestiae* и близкий ему *pluralis auctoris*) или, наоборот, величие самодержавной власти (*pluralis majestatis* — эта разновидность появилась намного позже остальных, в римскую эпоху), и т. д. На рубеже античности и средневековья начал активно использоваться и *pluralis reverentiae* — 2-е лицо множественного числа (2 Plur) вместо единственного, почтительное обращение на «вы». Об истоках и формировании всех этих видов *pluralis* в античности (как в греческом, так и в латинском языке)

и об их дальнейшем развитии в средневековой Западной Европе написана обширная литература; аналогичные явления в Византии, напротив, до сих пор изучены крайне мало. Насколько часто и в каких случаях византийцы говорили о себе «мы» вместо «я»? К кому было принято — если вообще существовала такая норма — обращаться на «вы»?

В настоящем докладе делается попытка ответить на эти вопросы, ограничившись пока одним периодом в истории Византии — эпохой Комниновского ренессанса (XII в.). Для исследования привлекается широкий круг текстов, но основное внимание концентрируется на эпистолографии: детально анализируются письма Иоанна Цеца, Евстафия Солунского, Феодора Продрома и Михаила Италика. Исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1 Plur в значении 1 Sing фигурирует в письмах достаточно часто, но сформулировать какое-либо правило, объяснявшее бы его появление в тех или иных контекстах, невозможно: чередование 1 Sing и 1 Plur, когда автор говорит только о себе, можно зачастую наблюдать в пределах одного небольшого письма или даже одного предложения. Вероятно, иногда эта замена производится попросту в целях стилистического разнообразия или *rhythmi gratia*. Однако вместе с тем все же можно выделить некоторые ситуации, в которых употребление 1 Plur наиболее предпочтительно: (а) выражение общей идеи, высказывание от лица группы людей (*pluralis sociativus*); (б) подчеркнутое самоуничижение, извинение, просьба (*pluralis modestiae*); (в) жалоба, недовольство, обвинение (иногда выражаемое путем притворно-ироничного самоуничижения). 1 Plur всегда подчеркивает дистанцию между автором и адресатом — именно поэтому в переписке близких друзей замена 1 Sing на 1 Plur не производится практически ни разу.

2 Plur в значении 2 Sing встречается в эпистолографии XII в. крайне редко. Еще в ранневизантийскую эпоху обращение на «вы» встречалось в письмах тем чаще, чем меньше автор ориентировался на античную традицию — больше всего примеров можно найти в «нелитературных» письмах, дошедших до нас на папирусах. Возможно, эпистолографы XII в. исходят из того же принципа, что и ранневизантийские аттицисты — обращение на «вы» рассматривается ими как вульгарное и не соответствующее строгой классической норме, и поэтому они прибегают к нему лишь в исключительных случаях. В какой мере *pluralis reverentiae* вообще был распространен у византийцев — в устной речи, в деловых документах, и т. д. — покажут дальнейшие исследования.

Шувалов Пётр Валерьевич,

к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Авары в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия

1. Позднеантичный трактат по военному делу, приписываемый Маврикию, многослоен: его текст создан разными авторами и редакторами на протяжении относительно длительного периода формирования этого трактата.

2. Традиционная датировка текста трактата, основанная в основном на упоминании авар в тексте, может относиться только к позднему этапу формирования Стратегикона.
3. Для выделения этих интерполяций имеется ряд критериев стилистического и тематического характера:
 - пассажи эмоционально-полемиического характера в ответ на слишком, с точки зрения интерполятора (?), умиротворительный тон обрабатываемого им текста. В частности, интерполятора провоцирует на вставки в текст слово ἀρμόζειν;
 - тема преимущества построения войска в несколько линий;
 - тема тактики и (лишь затем) стратегии, которыми (а не числом) решается исход сражения; — внимание к соотношению тактичности и храбрости у врага;
 - напыщенная религиозная риторика с упоминанием христианского Бога;
 - упреки несведущим и неопытным, но осмеливающимся что-нибудь утверждать. Типичный пример интерполяций этого слоя: «Ведь авары выстраиваются не одним единственным построением, как римляне и персы, сразу ставя на кон судьбу стольких десятков тысяч кавалеристов, но делают второе, а то бывает и третье построения...»

БИБЛИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Алексеев Анатолий Алексеевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Euthus в Евангелии от Марка

Слово euthus «тотчас» в прошлом рассматривали как стилистическую черту Евангелия от Марка, что отразилось в переводах на европейские языки. Современные грамматики склоняются к тому, что слово выступает как союз, а не наречие. Впервые приводятся параллели к такому словоупотреблению из литургических уставов и типиков конца первого тысячелетия.

Словоупотребление Евангелия от Марка согласуется с тем, что известно о его происхождении. Будучи первой по времени фиксацией известных событий, текст сосредоточен на документировании отдельных эпизодов.

Битнер Кирилл Андреевич,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

«Бог мой был помощью моей»: заметки к тексту Большого свитка Исаяи (49:5)

Доклад посвящен проблеме происхождения чтения ^{ʿzru} «моя помощь» в Большом кумранском свитке Исаяи (Ис 49:5), который является старейшим древнееврейским списком книги пророка. По мнению автора статьи, оригинальным чтением является вариант ^{ʿzu} «моя сила» (другой возможный

перевод: «мое убежище»), засвидетельствованный в масоретской Библии, а также в свитке 1QIsab, вариант же *ʿzry* появился в результате гармонизации Ис 49:5 с текстами Псалтири. Фраза *ʾlhyhyhʿzy* «Бог мой был моей силой», использованная в Ис 49:5 (MT), напоминает своей структурой определенный тип предложений, который встречаются в книге Псалмов: подлежащее, обозначающее божество + перфект глагола *hyh* («быть») + именное сказуемое (Пс 9:35(10:14); 26(27):9; 58(59:17); 60(61):4; 62(63):8; 89:2(90:1)). Анализируя примеры использования предложений этого типа в Псалтири, можно прийти к следующим выводам.

1. В подобных предложениях именным сказуемым довольно часто являются слова, образованные от корня *ʿzr* «помогать»:
Пс 9:35(10:14): ...*ʾth hyyt ʿwzr* «...Ты был мне помощником»;
Пс 26(27):9: ...*ʿzrty hyyt*... «...Ты был моей помощью...»;
Пс 62(63):8: *ky hyyt ʿzrth ly*...«Ибо ты был помощью мне...».
Ср. также с Пс 29(30):11 (... *yhwʾhyhʿzr ly* «...Яхве, будь мне помощником!»); *hyh* — императив глагол *hyh* «быть»ис кумранским текстом 4Q160 3-4 ii 2 (...*wʿzrth hyhlw*... «...Но Он был помощью ему...»).
2. Не засвидетельствовано ни одного случая использования в предложениях подобного типа слова *ʿz* «сила».

Поэтому можно предположить, что кумранский вариант Ис 49:5 (1QIsaa) *ʾlwhy hyh ʿzry* «Бог мой был помощью моей» появился в результате гармонизации данного текста с текстами Псалтири: писец, изготовивший свиток, или же его предшественник заменил слово *ʿzu* словом *ʿzry* «моя помощь». При этом проведению гармонизации благоприятствовали два обстоятельства: слова *ʿzr* и *ʿz* являются паронимами, в конце первого тысячелетия до н. э. они также воспринимались в качестве синонимов.

Бобрик Марина Анатольевна,

к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Глоссы-толкования к Деяниям в Христинопольском Апостоле XII в.

Предмет доклада составляют глоссы-толкования на полях древнейшей сохранившейся рукописи славянского перевода Толкового Апостола. Эта рукопись, Христинопольский Апостол, датируется XII в. и имеет югозападно-русское происхождение. Рукопись не издана и доступна в электронной копии.

Глоссы-толкования читаются в рукописи на полях Деяний. Предметом специального изучения они до сих пор не были. По предварительным сведениям А. А. Турилова, они внесены одновременно с основным текстом Апостола, возможно, рукой того же писца.

Для традиции Толкового Апостола глоссы к Деяниям уникальны, аналогий им в других славянских рукописях нет. В то же время это наиболее ранние толкования на Деяния в славянской традиции Толкового Апостола до появления в XIV в. среднеболгарского перевода соответствующей катены. Продолжения опыт глоссирования не получил. Цель доклада состоит в том, чтобы представить по возможности полные сведения о глоссах и тем

самым ввести их в научный оборот и положить начало их изучению. Имею в виду следующие аспекты:

- сами тексты глосс;
- анализ их содержания и соотношения их с основным текстом;
- характеристика палеографических и языковых особенностей;
- вопрос об источниках.

Древность глосс и их уникальность делают их важной вехой на пути изучения начального этапа славянского перевода Толкового Апостола. Место и время перевода до сих пор не установлено. По-прежнему неясно, был ли перевод толкований сделан на Руси или у южных славян и какими силами. В докладе обсуждается вероятность русского происхождения по меньшей мере глосс-толкований к Деяниям.

Зиборов Виктор Кузьмич,

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Иная датировка Новгородской псалтыри

Новгородская псалтырь была найдена в ходе археологических раскопок 2000 г. Она представляет собой три соединяющиеся вместе дощечки с выемками, заполненными воском, где сохранились тексты псалмов. Перед тем как был найден триптих археологи нашли кусок бересты, на лицевой стороне ее изображен Иисус Христос, а на оборотной св. Варвара, под изображением которой процарапана писалом или острием кинжала дата. А. А. Зализняк и В. Л. Янин первоначально датировали псалтырь на основе даты подиконой св. Варвары, прочитав ее как 6537 (1029) г. [Зализняк, Янин, 2004]. Позднее исследователи подкрепили и уточнили ее данными дендрохронологии и результатами спектрального анализа воска (конец X — первое десятилетие XI вв.).

Однако, возможен и несколько иной вариант прочтения даты. Обратимся к палеографическому ее анализу. Дата под иконой св. Варвары написана в древнерусском варианте, т. е. цифры обозначены буквами. Дата представлена четырьмя буквами, две из которых (тысячи и единицы) сохранились хорошо, цифра, обозначающая десятки, видна менее четко, но достаточно узнаваема, таким образом однозначно читаются следующие цифры — 6.37 г. Цифра, обозначающая сотни на первый взгляд непонятна, именно эта непонятность дала повод исследователям прочесть ее как латинскую букву D, обозначающую цифру 500. Многовековая русская традиция буквенного обозначения цифр не знает (такие примеры мне не известны) ни одного факта использования латинской буквы при написании русской даты. На первый взгляд буква S, обозначающая тысячи не имеет знака тысяч, который традиционно представляет собой косую линию, идущую вниз и влево или от основания буквы или от ее середины, при этом на этой косой линии ставятся две небольшие горизонтальные и параллельные черточки. Такого знака нет. Точнее, знак тысяч есть, но в другом, известном древнерусской письменной традиции, варианте. На бересте он виден отчетливо, имеется в виду линия, идущая от основания буквы полукругом вверх и вправо,

можно разобрать и две параллельные черточки. Подобным образом изображен знак тысяч на одном из граффити киевской Софии — 6729 (1221) г. [Высоцкий, 1966. Табл. XLVII–XLVIII]. Исследователи приняли знак тысяч за часть латинской буквы D. Как только мы разобрались со знаком тысяч, так сразу же становится понятным и узнаваемым знак сотен — несколько небрежно написанная буква X. Эта буква обозначает цифру 600, следовательно, получается дата — 6637 (1129) г. Она позволяет ответить на вопрос, который весьма туманно решался исследователями: почему икона св. Варвары найдена на том месте, где монастырь св. Варвары появится только спустя сто лет. Женский монастырь св. Варвары на Чернице, где и велись археологические раскопки, впервые упоминается как активно действующий в новгородской летописи под 1138 г. Вполне возможно, что дата под изображением св. Варвары указывает на год основания этого монастыря. Другим подтверждением правильности предлагаемой датировки является характер текстов, прочитанных исследователями в псалтыри. Все они связаны с монастырским богослужением: один из писцов знает об использовании псалтыри в богослужении («без чина службы и без часов»); тексты псалмов завершаются фразой «Пойте, пойте по два раза, славьте Бога»; перед текстом псалмов помещены наставления новообращенным христианам; использовалась цера и для заучивания псалмов наизусть, о чем говорит текст псалма 76, расположенного над текстом псалма 67.

Находка Новгородской псалтыри и прочтение текстов на ней находящихся, бесспорно, значительное достижение отечественной историко-филологической науки. Называть ее древнейшей книгой Руси несколько преждевременно. Остромирово евангелие остается самой древней как русской, так и общеславянской датированной рукописью.

Литература:

1. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии киевской XI–XIV. Вып. 1. Киев, 1966. Табл. XLVII–XLVIII.
2. *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000 г.) // «Благой фонд, благое дело». К 10-летию Российского гуманитарного научного фонда. М., 2004. С. 335–346.

Мещерская Елена Никитична,

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

**Сирийская версия «Деяний апостола Иоанна»
как один из источников апокрифа «Исход Марии»**

В докладе будут рассмотрены отрывки из сирийской версии «Деяний апостола Иоанна», использованные автором компиляции «Исход Марии». Будут разобраны вопросы о происхождении прозвища апостола Иоанна — «малый», термин, которым обозначен жанр «деяний» — «история», а также указание на сюжет о раскаявшемся разбойнике, заимствованный автором одной из сирийских версий из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Все эти особенности позволяют возвести источник компи-

лятора к не сохранившейся редакции «Деяний», в которой соединились черты текста из рукописи собрания Парижской Национальной библиотеки и сиро-тюркского фрагмента, найденного в начале XX в. Хара-Хото.

Немировская Адель Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Графема ALEPH: от египетской идеограммы к ханаанской букве

Графема ALEPH: от египетской идеограммы к ханаанской букве. Египетская теория происхождения западносемитской консонантной письменности, известной широкому кругу читателей как «финикийский алфавит», существует уже два столетия — со времени первых опытов Ж.-Ф. Шампольона по дешифровке египетской иероглифики.

Наиболее известна акрофоническая протосинайская теория Э. Гардинера и К. Зете. Критикуя акрофоническую протосинайскую гипотезу выдающийся ассириолог И. Гельб указывал на ошибочность ее базового положения: «Ученые интерпретируют знак *'алеф* как голову быка не потому, что он похож на нее по виду, а потому, что его наименование *'aleph* в семитских языках означает *'бык*', как бы подсказывая, что этот знак первоначально изображал быка» (Гельб 1982, 138–139). В реальности ни одно название букв ханаанского алфавита не имеет надежной ханаанской этимологии. В частности с лексемой **'alp-* «бык» ситуация следующая. Во-первых, типичной она является не для зап.-сем., а для вост.-сем. лексикона, т. е. для аккадского языка, где обозначает голову крупного рогатого скота, зачастую употребляется во мн. ч. в собирательном значении «крупный рогатый скот». Что касается родины алфавита, т. е. Ханаана, то в древнееврейском языке оно не является типичным обозначением «быка» или «вола»: встречается всего 7 раз, в основном в поэтических текстах, причем всегда во множ. ч. (Ps 8:8; Pr 14:4; Is 30:24; Dt 7:13, 28:4, 18, 51), что наводит на мысль о заимствовании из аккадского. В финикийских надписях лексема *'lp* засвидетельствована дважды (KA1 24:11; 26 A III:8) + 1 раз в пунической (KA1 69:3 — тариф за разные виды жертвоприношений). В Угарите (XIV–XII вв.) она широко представлена в экономических и ритуальных текстах (описание жертвоприношений и т. д.), в литературных текстах встречается редко (SED. V.2).

Согласно альтернативной, иератической теории, прототипом графем финикийского алфавита были скорописные знаки так наз. «египетского слогового/силлабического письма», с помощью которого египтяне приспособились записывать иноязычные слова, в том числе — ханаанского происхождения. Эту инновационную египетскую писцовую практику называют также «новой орфографией» (или «групповым письмом»). Идею происхождения финикийских букв из египетской скорописи впервые высказал в XIX в. знаменитый французский египтолог Э. де Руже.

«Новая орфография» получила широкое применение в египетских документах, начиная с XV в. до н. э. как следствие масштабных египетских завоеваний в Передней Азии в эпоху 18-й династии. Результатом этих завоеваний стало создание за пределами Египта устойчивой и эффективной

системы военно-политического и экономического управления, что повлекло за собой широкое распространение в Леванте египетского делопроизводства. Как и в самом Египте, в Леванте документы составлялись с помощью египетской скорописи (иератики).

Природа групповых знаков «новой орфографии» различна: одни восходят к реальным египетским морфограммам, другие представляют собой искусственно составленные комбинации двух или трех идеограмм. Существовали и аллограммы, приспособленные для передачи консонантов, отсутствовавших в египетском языке.

Одним из наиболее убедительных примеров является прототип ханаанской буквы ALEPH (Weidmüller, 1960): графически — это египетский скорописный знак «Человек с рукой у рта»; лексически — египетская словоформа *j'n.f*, функционирующая в новоегипетских литературных текстах в качестве постпозитивного оператора прямой речи (маркер окончания реплики персонажа). Этот двусоставный египетский знак использовался как для передачи зап.-сем. CV-сочетания 'согласный ALEPH + гласный а', так и для выписывания отдельно гласного /a/, т. е. в функции mater lectionis, что фактически являлось прообразом использования графемы ALEPH/ALPHA в качестве гласного в греческом алфавите.

Новак Мария Олеговна,

д. ф. н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Грех, суд, вина в славяно-русском переводе Посланий апостолов: сравнительный анализ разновременных версий

В сообщении рассматривается соотношение понятий «грех», «суд», «вина» в ранних и поздних славяно-русских версиях перевода Апостола на фоне греческого первоисточника. Особое внимание уделяется асимметричным переводческим решениям, формирующим «феномены перевода» (в понимании К. А. Максимовича).

Выявляется тенденция, согласно которой в ранних версиях Апостола (связанных как с кирилло-мефодиевским наследием, так и с преславской редактурой) достаточно частотной оказывается греко-славянская параллель *крѣца* 'решение, приговор; суждение' / *грѣхъ* (Иак. 3:1, Иуды 4, Рим. 13:2, 1Кор. 11:29, 1Кор. 11:34, Гал. 5:10, 1Тим. 3:6, 1Тим. 5:12). Это значительно расширяет данные И. Христовой-Шомовой, в коллациях и комментариях которой упоминаются лишь два случая подобного употребления — Иак. 3:1 и 1Кор. 11:29 (см.: *Христова-Шомова И. Служebníят Апостол в славянската ръкописна традиция*. София, 2004. С. 439–440). Возможность употребления слова *грѣхъ* в контекстах, имеющих в виду осуждение и (имплицитно) наказание (например, в Рим. 13:2, Гал. 5:10, 1Тим. 5:12) свидетельствует о синкретичности семантики данной лексической единицы: нарушение в ней неотделимо от своих последствий. В ряде случаев указанная греко-славянская параллель проявляет заметную устойчивость и продолжает фигурировать в церковнославянском Новом Завете.

Только русские переводы XIX–XXI вв. (РБО, Синодальный, новейший перевод А. С. Десницкого, а также перевод адвентистского института перевода Библии в Заокском и иеговистский перевод «Нового мира» 2007 г.) отходят от традиции, используя лексемы *суд* и *осуждение*. Греко-славянская параллель *κρίμα* / *соудъ* (осуж(д)ение) выступает в основном в тех контекстах древнеславянского перевода Посланий, где подразумевается Страшный суд («суд Божий», «суд вечный» — ср. Рим. 2:2–3, Евр. 6:2), тогда как корреляция *κρίμα* / *грѣхъ* связана с частными нарушениями (как правило, о них говорится в контексте), совершаемым человеком, и их осуждением/наказанием. Кроме того, адъективное образование с основой грѣх-отмечается в чтении 1Кор. 11:27, осуждающем небрежность в подготовке к таинству Причащения, как соответствие греческому ἑνοχος ‘повинный, виновный’ в русских рукописях Апостола XIV–XVI вв., включая последовательный Толстовский Апостол и ряд апракосов (Г. А. Воскресенский называет семь списков): *грѣшьно* / *грѣшьнѣ*. На фоне генеральной тенденции к предпочтению в контексте образования *повиннѣ* эта возможность перевода также репрезентирует синтетическое понимание греха как проступка и ответственности за него, а также, возможно, — как специфического профанирующего проступка. Возвращение к выбору древних переводчиков осуществляется в переводе института перевода Библии в Заокском: «А потому, кто ест этот хлеб или пьет из чаши Господней недостойно, тот *грешит* против Тела и Крови Господа».

Своего рода пересечение концептов «грех» и «вина» присутствует также в чтении 1Тим. 5:21, где словоформа *χωρίς προκρίματος* ‘без предубеждения’ может передаваться как *преже без грѣха* (Карпинский Апостол XIV в., Толстовский Апостол XIV в.) при гораздо более частотном *безъ (кроме) всякия вины*. Очевидно стремление калькировать греческое префиксальное образование посредством словосочетания (ср. более «традиционные» структурные кальки *бес прѣжеосужениа* в Христинопольском Апостоле XII в., *кромѣ предисосуженьа* в Чудовском Новом Завете XIV в.), при этом основа греческого слова находит соответствие в параллели *κρίμα* / *грѣхъ*, а предлог и приставка в славянском эквиваленте меняются местами.

Контекстуальный перевод, безразличный к семантике греческого слова, наблюдается в Рим. 7:24, где знаменитое восклицание Павла *ταλαίπωρος ἔγω ἄνθρωπος* «несчастный я человек!» передается в ряде списков (Толстовский Апостол и еще три последовательных списка XIV в. — из них два сербских, по данным Г. А. Воскресенского) как *грѣшенъ азъ члвкъ*. По нашему мнению, это решение возникает в результате влияния семантики всего фрагмента Рим. 7:14–25, описывающего конфликт добра и греха в душе человека.

Пентковская Татьяна Викторовна,

д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Евангелие от Матфея в составе перевода Бесед старца Силуана: к вопросу об источниках комментируемого текста

Беседы на Евангелие принадлежат к числу толково-учительной литературы, что предполагает включение в текст фрагментов Нового Завета, в первую очередь Евангелия, нередко довольно значительного объема, тема

которых служит отправной точкой авторских рассуждений и комментариев. В 1524 г. Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея перевел ученик Максима Грека старец Силуан, при возможном участии своего учителя. Сопоставление евангельского текста Бесед с имеющимися на момент перевода церковнославянскими редакциями Евангелия позволяет выявить характерные черты перевода Силуана и очертить круг источников, которые могли привлекаться при редактировании евангельских цитат.

Фрагменты Евангелия от Матфея в составе Бесед не переводились заново, а представляли собой результат редактирования по греческому тексту. В основу этой редакции были положены источники, отражающие уже существовавшие версии богослужебного текста Евангелия.

Сопоставление лексических вариантов Бесед и богослужебных редакций Евангелия от Матфея показывает, что в распоряжении переводчика Бесед были списки, принадлежащие к Чудовской редакции Нового Завета (ЧРНЗ) и к афонской редакции. Именно они, как правило, дают совпадающие с Беседами чтения, а в случае если Беседы разделяют чтение сразу нескольких редакций, обязательно входят в число этих редакций.

Гипотетический использованный список ЧРНЗ должен был относиться к 2-й ветви данной редакции (поскольку большинство общих с ЧРНЗ чтений обнаруживает совпадение с Пог. 21, а не с Чуд.), однако не был идентичен ни одному из сохранившихся списков этой ветви. Возможно, впрочем, что этот источник представлял собой связующее звено между двумя ветвями ЧРНЗ, поскольку из него были взяты чтения, характерные как для Чуд. (1-ой ветви ЧРНЗ), так и для Пог. 21 (2-ой ветви ЧРНЗ). Из чтений ЧРНЗ выбираются такие, которые максимально приближены к греческому оригиналу по форме. При этом переводчик Бесед, опираясь на текстологические варианты ЧРНЗ, не заимствует характерные лексико-грамматические особенности данной редакции (таких как л-формы без связки в 3 л. глаголов, особая парадигма составных относительных местоимений, маркированные грецизмы и др.).

Большинство же чтений, совпадающих с афонским текстом, следует так называемой редакции В, а не А. Возможно, именно эта редакционная разновидность текста была актуальной на Руси во время перевода Бесед, однако следует отметить, что она представлена не только в русских, но и в южнославянских списках. Вместе с тем, влиянию толковой разновидности евангельского текста (в его древнейшем переводе ТЕ-1) отражается, как правило, опосредованно, в тех случаях, когда совпадает с ЧРНЗ и/или с афонскими редакциями. Характерные для второго (южнославянского) перевода Толкового Евангелия лексические варианты в Беседах не представлены.

Представленная картина показывает, что ситуация sprawy близка к так называемой контролируемой традиции работы над текстом, когда в распоряжении переводчика-редактора находится несколько источников, откуда он извлекает подходящие, на его взгляд, чтения. Наряду с этим регулярно отмечаются самостоятельные, не зависящие от предыдущей традиции, переводческие решения, по большей части связанные со стремлением наиболее точно отразить форму и структуру соответствующей греческой

лексико-грамматической единицы. Получившийся таким образом текст может рассматриваться как особая редакция Евангелия от Матфея, сочетающая в себе варианты нескольких редакций евангельского текста и новые решения.

Петровская Мария Сергеевна,

аспирант, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Библейский дьявол и демоны (бесы)

в рецепции русского летописания

Для нормативной по своему типу поэтики древнерусской литературы важнейшим образцом было Священное Писание, ставшее источником большого количества топосов, повествовательных моделей, образов и мотивов. В частности, русское летописание часто эксплуатирует библейские образы дьявола и демонов (на русской почве — бесов), делая их активными участниками исторических событий. Однако на их традиционное христианское прочтение в рамках русского Средневековья накладывается влияние собственных Древней Руси исторических и культурных реалий, актуализируя отдельные мотивы из сложного комплекса, сложившегося в Священном Писании и христианской традиции.

Например, распространение в «Повести временных лет» модели отождествления бесов и языческих богов (Лаврентьевская летопись 980, 983, 988), восходящей к Втор. 32.17, Пс. 105.36-38, 1Кор. 10:20-21 и разработанной в топике ранних мученических житий раннего периода, объясняется относительно недавним (для раннего русского летописания) принятием христианства и определенного идеологического напряжения, присущего обстановке фактического двоеверия.

В эпоху феодальной раздробленности актуализируется образ дьявола подстрекателя (Мк 4.15; Деян. 5.3; Лк 22.3; 1Фес 2.18) и зачинщика междоусобных войн, чья задача сеять вражду и «котору». О важности этого образа для летописания свидетельствует тот факт, что выбирая между концепцией «божественной педагогики» и происками дьявола в поисках причин возникновения усобиц, летописец в статье, помещенной в «Повести временных лет» под 1068 г. отдает предпочтение именно второму объяснению: «Наводит бо Бог по гневу своему иноплемьники на землю и тако скрушеным им вспомнутся к Богу. Усобная же рать бывает от соблаженья дьявола. Бог бо не хоцеть зла человеком, но блага, и дьявол радуется злomu убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, и братоненавиденья, клеветы» (ПСРЛ т. 1. Вып. 1. Л., 1926, с. 172–173).

Именно влиянием дьявола объясняются усобицы и убийства, описанные в Лаврентьевской летописи под 1073, 1086, 1097, 1149, 1186, 1197, 1218 гг., в Рогожском летописце под 1372 г. Очень часто данный мотив сопрягается с типологическим уподоблением братской вражды русских князей с библейской историей Каина и Авеля (Типографская летопись 1015, Симеоновская 1186, Лаврентьевская 1218). В эпоху монголо-татарского нашествия повествовательная модель дьявольских происков как причины набегов

татар (Лаврентьевская летопись 1284, Рогожский летописец 1326, 1371) успешно конкурирует с моделью «божественной педагогики».

Как правило, во всех этих случаях дьявол выполняет функцию «злого советника». Не действуя напрямую, он «вкладывает в сердце» или «наущает» того или иного князя. При этом интересно, что во многих случаях в воинском повествовании такие свойства, присущие дьяволу, как гордыня и льстивость, экстраполируются на персонажей, исполняющих роль антагонистов, даже в тех случаях, когда сам дьявол не упоминается. В частности, во всех летописных рассказах, построенных на антитезе гордости и смирения, герои-протагонисты всегда отличаются смирением, в отличие от гордых антагонистов (Лаврентьевская летопись 1078, Симеоновская летопись 1185, Типографская летопись 1395 и др.).

Подводя итоги, можно заключить, что, ориентируясь на Священное Писание при выборе образов, мотивов и повествовательных моделей, русские летописцы выбирали те из них, которые лучше всего отражали историко-культурную ситуацию, порой используя их не только явно, но и скрытно.

Сизиков Александр Владимирович,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема грамматических совпадений в библейском переводе

Близость старославянского языка с греческим койне в грамматическом плане создает определенную проблему перевода при выборе грамматической формы в языке перевода. Частичное совпадение значений простых претеритов и форм презенса приводит к автоматизму при выборе грамматических средств перевода. Переводы на современный русский язык отчасти унаследовали эту тенденцию. Автоматическая передача форм греческого имперфекта при помощи личных форм НСВ, а форм аориста при помощи СВ, а так же передача греческого настоящего исторического русским настоящим историческим в ряде случаев очень сильно усложняет перевод, приводит к потере риторических фигур и разрушению динамики повествования.

Фионин Максим Владимирович,

старший лаборант, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

Перевод книги Псалтирь А. Н. Муравьева 1852 г.

Перевод книги Псалтирь, выполненный А. Н. Муравьевым в 1852 г., является малоизвестным библейским переводом XIX в. Автором перевода, по-видимому, является один из основателей декабристского движения Александр Николаевич Муравьев (1792–1863). В юности он посещал лекции в Московском университете и знал несколько иностранных языков: французский, немецкий и английский, позже изучил древнееврейский. К сожалению, пока невозможно со всей уверенностью говорить об атрибуции перевода, поскольку очень мало фактического материала.

Нам удалось найти пока только два списка этого перевода. Первый находится в Архиве востоковедов ИВР РАН (р. III, оп. 2, ед. хр. 54), второй принадлежит Российскому Государственному Историческому Архиву (ф. 922, оп. 1, д. 841).

О списке из Архива востоковедов можно сказать очень немного. Рукопись представляет собой тетрадь в твердом переплете in quarto, все записи выполнены одним почерком, черными чернилами, справа от текста перевода красными чернилами даны ссылки на духовную литературу. К форзацу тетради приклеен листок, написанный той же рукой, что и текст рукописи: «Псалтирь. Перевод с еврейского Ал. Ник. Муравьевым. 1852 г. In 4». На л. 2 виден вензель автора, представляющий собой сочетание литер А и М. Других указаний на авторство перевода нет.

Список из архива РГИА принадлежит фонду начальника академии генерального штаба, министра народного просвещения Глазова Владимира Гавриловича (1848–1920). Владимир Гаврилович был знаком с Надеждой Михайловной Бутлеровой (Глуминой), вдовой химика Александра Михайловича Бутлерова. В дневниках В. Г. Глазова есть запись от 4 августа 1915 г.: «Взял у Надежды Михайловны (Бутлеровой) рукопись Алек. Ник. Муравьева — Псалтирь; перевод с еврейского 1852 г. in 4о. Думаю переписать» (ф. 922, оп. 1, д. 20, л. 216 об.).

Рукопись из фонда Глазова В. Г. представляет собой тетрадь в розовом бархатном переплете с золотым тиснением и обрезом, в футляре. Весь текст написан рукой Владимира Гавриловича. По-видимому, он заинтересовался переводом и, взяв экземпляр у Надежды Михайловны, переписал его.

Перевод Муравьева интересен прежде всего тем, что был создан в период с 1826 (год прекращения деятельности Российского Библейского общества согласно указу императора Николая I) по 1856 г., когда указом Александра II было разрешено переводить и печатать Священное Писание на русском языке.

Перевод Псалтири выполнен человеком, хорошо знавшим древнееврейский язык. Отметим, что вариант А. Н. Муравьева не дублирует выполненные ранее переводы арх. Макария Глухарева и прот. Герасима Павского.

Целью нашей работы является введение рукописи в научный оборот. Кроме того, очень важно сделать точную атрибуцию перевода, т. К. требует проверки тот факт, что находившийся с 1851 г. на военной службе в звании полковника, а затем генерал-майора генерального штаба А. Н. Муравьев занимался библейскими переводами.

Фомичева Софья Владимировна,

старший лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Символы одежды в гомилии Ефрема Сирина «Об Ионе»

Ефрем Сирин — сирийский поэт-богослов IV в. н. э., отец Церкви, создавший многочисленные произведения в жанрах *мадраше* (гимны), *мибре* (проповеди), *тургаме* (толкования на книги Священного Писания). Ран-

несирийскую литературу, как и всю литературу восточно-христианского круга, объединяет использование образов и символов, восходящих к Библии и иным источникам. Ефрем Сирий продолжает и значительно обогащает традицию языка символов, с помощью которого ему удается выражать сложные богословские идеи. С помощью таких символов, как *nḥt' dšwbḥ'* «ризы славы», *ḥwr'* «белые одежды», *lbš pgr'* «одел тело» описывается вся история спасения: обожение, крещение, воскресение. В нашем докладе мы обратимся к мимре (проповеди) «Об Ионе» Ефрема Сирина и попытаемся проанализировать в нем роль символов, связанных с одеждой. Особое внимание будет уделено символу *ḥwr'* «белые одежды» и его роли в описании крещения.

Яценко Мария Вадимовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича

Древнеанглийская христианская гимнография в контексте поэтических переложений Библии (на материале поэм «Исход» и «Даниил»)

В докладе рассматриваются фрагменты из двух древнеанглийских поэтических переложений Библии (поэмы «Исход» и «Даниил»), входящих в одну рукопись, и их соотношение с Гимном Кэдмона. Не являясь прямыми переводами библейского текста, поэмы-переложения воспроизводят лишь некоторые части соответствующих книг Ветхого Завета.

История создания поэтических переложений Библии в Древней Англии связана с легендой о поэте Кэдмоне, который первый смог воспеть христианского Бога на древнеанглийском языке. Из дошедших до нас произведений древнеанглийской поэзии Кэдмону приписывается как Гимн Кэдмона — краткое хвалебное стихотворение, так и вольные переложения Священной истории — поэмы «Бытие», «Исход», «Даниил» и «Христос и сатана» (объемом от 590 до 2936 строк). Традиционные формулы, маркирующие начало текста, оказываются похожи в Гимне и в переложениях.

Избранные для анализа фрагменты поэм по жанровым характеристикам напоминают христианские гимны во славу Творца.

Песни Азарии и трех отроков в поэме «Даниил» оказываются наиболее близки к латинскому прототипу, который использовался в официальном богослужении.

Песнь же Моисея в поэме «Исход» значительно отличается от библейского источника и представляет собой не хвалебную песнь-благодарение за чудесное спасение, а рассказ о совершающемся событии — разделении волн Красного моря. Сложность выделения жанров в древнеанглийском поэтическом наследии, так же как и специфическая функция песни Моисея, заставляет искать ее аналоги в древнегерманском поэтическом наследии, прежде всего в древнеисландской традиции.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Дымарский Михаил Яковлевич,

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Изучение инфинитивных предложений: смена парадигм?

В последние два десятилетия, после довольно длительной стагнации, актуализировалось внимание к русским инфинитивным предложениям (ИП), история изучения которых насчитывает без малого два века. Примеры ИП имеются уже в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча (1827) [Тарланов, 2008. С. 315–316]. Предметом сколько-нибудь обособленного описания ИП впервые становятся в статье В. Боголюбова «Дательный с неопределенным в русском языке» (Филологические записки, 1879, вып. VI) [Там же. С. 333]. В целом, однако, опыты классификации ИП в XIX в. носили исключительно семантический характер.

У А. М. Пешковского впервые появляется намек на выделение ИП с *бы* в особую разновидность, хотя в целом его классификация также носит преимущественно семантический характер: различаются 6 семантических групп ИП (без частицы *бы*), затем подчеркивается, что в ИП любой из этих групп может появиться *бы*, в результате чего к соответствующему значению (необходимости, желательности и др.) добавляются «еще и все оттенки сослагательного наклонения» [Пешковский, 2001. С. 383–384]. У Н. Н. Дурново обнаруживается замечание, в котором можно видеть предвестие структурно-семантического подхода в синтаксисе: он указывает на то, что «тому или иному семантическому оттенку» соответствует и определенное «внешнее оформление», подразумевая под последним, в частности, наличие / отсутствие частицы *бы* [Дурново, 1929. С. 77–78].

Только в статье [Тимофеев, 1950] впервые появляется ясное разделение ИП на три класса, из которых два могут быть с достаточным основанием интерпретированы как структурно-семантические: «собственно-инфинитивные предложения без частицы *бы*» и «собственно-инфинитивные предложения с частицей *бы*». Это два структурных класса, за каждым из которых закреплен свой круг типовых значений. Таким образом, в середине прошлого века, в полном соответствии с общей тенденцией, складывается структурно-семантический подход к описанию ИП. В работах последнего времени наблюдается своеобразная «морфологизация» проблемы. В центре внимания оказывается собственно инфинитив. Дискутируется вопрос о морфологическом статусе инфинитива с частицей *бы* — например, о возможности считать такое сочетание «инфинитивом сослагательного наклонения» [Добрушина, 2012; 2013; Сай, 2013]. Эта проблема удивительным образом напоминает взгляд на инфинитив, распространенный в середине XIX в. Работы последнего времени весьма содержательны (к названным нужно добавить также [Fortuin, 2000; Israeli, 2013; 2014; Князев, 2014]), однако в них наблюдается явный дефицит внимания к предшествующей парадигме — и явное сближение с парадигмой «плюсквамперфективной».

Гегель был прав?

Литература:

1. Добрушина Н. Р. Инфинитивные конструкции с частицей бы // Русский язык в научном освещении. № 2 (24). 2012. С. 42–64.
2. Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. II: Синтаксис. М.; Л., 1929.
3. Князев М. Ю. О взаимодействии порядка слов и семантики в инфинитивной конструкции с частицей бы // Русский язык: Грамматика конструкций и лексико-семантические подходы // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Т. X. Ч. 2. СПб., 2014. С. 140–154.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М., 2001.
5. Сай С. С. О статусе сочетаний нефинитных форм русского глагола с частицей бы // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конф. СПб., 2013. С. 266–273.
6. Тарланов З. К. Инфинитивные предложения в русском литературном языке XVIII в. // Тарланов З. К. Динамика в развитии и функционировании языка. Петрозаводск, 2008.
7. Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
8. Fortuin E. Polysemy ormonosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian. Doct. Diss., ILLC, Amsterdam, 2000.
9. Israeli A. Dative-infinitive constructions in Russian. Taxonomy and semantics // Current Studies in Slavic Linguistics. Amsterdam, 2013. Pp. 199–224.

Знаешева Ирина Владимировна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

**Национальный язык в понимании Маркса,
в марксистском языкознании
и в «свете трудов товарища Сталина»**

Рассмотрим, что такое марксизм вообще и что представлял собой марксизм в языкознании. Это во многом явится ответом на вопрос о **субъектах** и **методах** языковой политики в России начала XX в.

Итак, условимся под словом «марксизм» понимать не недифференцированное целое, а несколько безусловно связанных между собой, но все же отдельных явлений. Во-первых, это философское учение. Во-вторых, марксизм — это научная концепция, учение «экономического детерминизма», распространяющее свое действие, в первую очередь, на области экономики, социологии, истории и политологии. Наконец, марксизм — это идеологическое течение, утверждавшее неизбежность классовой борьбы и видевшее в ней скрытую пружину всех происходящих общественно-политических процессов. И даже говоря о марксизме в этом смысле, следует разграничивать идеологию марксизма и практику государственного управления под лозунгом марксизма.

Государством была поставлена задача внедрения марксизма — о каком бы его понимании ни шла речь — во все сферы жизни. Лингвистика не стала исключением. Можно вполне уверенно говорить о том, что поступил **социальный заказ** на новую, марксистскую лингвистику. И этот заказ был выполнен.

Следует отметить, что для лингвистики такая «примерка» нового подхода оказалась тем легче, что в мировой науке о языке наблюдался некоторый кризис.

Говоря о марксизме в языкознании, также следует выделять несколько аспектов понимания этого явления. Представляется, что можно вести речь о следующих аспектах: 1) принятие или непринятие отдельными лингвистами идей марксизма; 2) построение собственно марксистских концепций языкознания. Во втором случае, в свою очередь, можно говорить о построениях на основе марксистской идеологии и на основе научных концепций марксизма. Второй выделенный нами аспект марксизма в языкознании предполагает построение концепций на основании марксистской идеологии и/или на основании научных концепций марксизма. Первый подход воплощался в трудах академика Н. Я. Марра и его сторонников, а также группы «Языкфронт», к которой относились Т. П. Ломтев, П. С. Кузнецов, Г. К. Данилов, А. В. Лоя и ряд др. Второй подход связан со становлением социальной лингвистики и ассоциируется с такими учеными, как Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, В. Н. Волошинов, М. М. Бахтин. Следует отметить, что различные группировки в рамках марксистского метода находились в жесткой оппозиции по отношению друг к другу и к представителям других направлений; с этим связаны многие трагические страницы в истории отечественной лингвистики.

Хронологические рамки главенствующего направления в советской лингвистике, «нового учения о языке» Н. Я. Марра, могут быть определены с середины 20-х гг. (точнее, с ноября 1923 г., когда Марр впервые выступил с докладом, где отрицал основные постулаты науки о языке) до 1950 г., когда внезапно в газете «Правда» было объявлено: «В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты «Правда» свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области».

Открыл дискуссию лингвист-кавказовед А. С. Чикобава, бывший, по сообщению Алпатова, во многом последователем раннего Марра, но никогда не принимал «нового учения о языке». В своей статье он подверг резкой критике ненаучность многих идей Марра и выступил в защиту сравнительно-исторического языкознания. Венчала эту дискуссию статья И. В. Сталина.

Иванова Ирина Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Лозаннский университет (Швейцария)

А. Шахматов, К. Сведелиус и понятие коммуникации

Понятие коммуникации, введенное в русскую лингвистику А. А. Шахматовым (1864–1920), было заимствовано им у современного ему шведского лингвиста Карла Сведелиуса (1861–1951). Работа Сведелиуса осталась малоизвестной, а его коммуникативный подход к языку остался непризнанным, т. к. в лингвистике в то время царил сравнительно-исторический анализ. Однако у Сведелиуса был внимательный читатель — А. А. Шахматов, который высоко оценил новый для того времени подход к языку и применил

некоторые из идей Сведелиуса в своем «Синтаксисе русского языка». Целью настоящего сообщения является сопоставление понятия коммуникации у этих двух лингвистов и выявление механизма межкультурного трансфера.

Исанина Анна Никитична,
ассистент, Лозаннский университет (Швейцария)

Понятие намеренности/интенциональности в трудах Р. О. Шор

В рассуждениях Розалии Шор о языке в целом и о структуре знака в частности понятие намеренности (интенции/интенциональности) является одним из ключевых. Р. О. Шор заимствует его у Густава Шпета, коллеги по Московскому лингвистическому кружку, оказавшего на нее значительное влияние.

Понятие интенциональности (Intentionalität), введенное в современную философию Францем Brentano, разрабатывалось немецким философом Эдмундом Гуссерлем и логичным образом перекечевало в концептуальный аппарат гуссерлианца Шпета. Шор же, по свидетельству С. Ю. Мазура, «увидела в концепции Шпета возможность подведения философского фундамента под социальную теорию языка с логико-семиотической концепцией Гуссерля, которая таким образом освобождалась от психологизма». Для нее «словом, коммуницируемой речью комплекс артикулированных звуков <...> становится лишь тогда, когда говорящий воспроизводит его с намерением „высказаться о чем-то“». Иными словами, для русской исследовательницы намеренность являет собой характеристику языка как «вещи мира культурно-социального».

Параллельно, опираясь на фактор намеренности, Шор разрабатывает собственную классификацию языковых значений, которая строится на оппозициях «значение/Bedeutung — признак/Anzeichen», «обычный/usuell — случайный/okkasionell», «слово-название — слово-значение».

В предлагаемом докладе мы попытаемся на материале двух статей Р. О. Шор — «О переводах и переводчиках» (1926) и «О научной базе художественного перевода» (1933) — показать, применяет ли автор свою собственную концепцию знака, рассуждая о прикладных вопросах языка. Кроме того, в докладе мы также обратим внимание на связь между развиваемой Шор социокультурной концепцией языка и последующим «прагматическим поворотом» в переводоведении и шире — в гуманитарных науках, а также роли гуссерлианского понятия интенциональности в этом процессе.

Клейнер Юрий Александрович,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
«Точка зрения» историка науки

Я. Пинборг усматривал в грамматических учениях эпохи Абеяра (1079–1142) стремление логики поглотить грамматику [Pinborg, 1967. P. 23]. В этом высказывании проявилась типичная для историков науки сосредоточенность на своем предмете, к тому же не получившем надлежащего определения. Сходным образом в авторитетной и весьма серьезной «Истории лингвистических учений» Средневековье рассматривается с точки зрения

развития языковой теории, подразделяясь на несколько периодов, одним из которых является *период лингвистики*, завершившийся к середине XIV в. (курсив мой. — Ю. К.) [Грошева, 1985. С. 220].

В действительности в этот период грамматика в традиционном ее понимании не «уступила место логике», но не заменилась ею и, тем более, не исчезла полностью. Правильнее всего сказать, что грамматика продолжала занимать изначально отведенное ей место в ряду свободных искусств, т. е. оставалась в сфере филологии и преподавания, предшествовавшего собственно науке, каковой и была в этот период логика. Последняя, в свою очередь, описывалась, прежде всего, марксистско-ленинской наукой, как «поглощенная теологией», с чем можно было бы согласиться, признав, что средневековая теология была, в сущности, единственной областью познания, имевшей определенную цель и использовавшей в качестве своих инструментов любые доступные ей средства, будь то логика или живопись.

Грамматическая теория в этот период почти не развивалась, поскольку грамматика полностью отошла в сферу преподавания кодифицированного к тому времени латинского языка. Тем не менее, и здесь встречаются иногда интересные замечания, связанные либо с собственно языком (древнеанглийские междометия в грамматике Эльфрика) или метрикой в трактате Бэды Достопочтенного. Показательно, что для обоих авторов латынь не была родным языком даже в историческом смысле. Иначе говоря, они смотрели на нее как бы извне, подобно создателям «метаязыков» для анализа древних текстов (александрийские грамматики) или обучения поэтов (исландские, ирландские, окситанские грамматические трактаты). Предоставив в распоряжение современных лингвистов бесценные сведения, касающиеся их языков, сами они не были, тем не менее, лингвистами, поскольку в их время просто не существовало «науки о языке», характеризующейся, как наука вообще, единством (а) цели, (б) объекта, (в) материалом и (г) методикой исследования.

Все эти компоненты в той или иной степени присутствуют в сочинениях, так или иначе связанных с языком практически всех периодов: начиная, по крайней мере, с античности, язык был единственным объектом, доступным наблюдению и анализу; язык диктовал методике его описания и т. д. Это, собственно, и дает основания говорить (не всегда с должным основанием), например, о средневековой «лингвистике». Однако (само)целью исследования язык стал лишь после Ф. де Соссюра, с какового момента и появились основания говорить о языкознании *sui generis*.

Историк языкознания, прослеживающий развитии отдельных сегментов языковедческой традиции или традиции в целом, обязан принимать во внимание все составляющие языкознания как науки, делая поправку на время ее бытования и, соответственно, соблюдая терминологическую строгость, противную антинаучной метафоричности.

Литература:

1. Грошева А. В. Грамматические учения западноевропейского средневековья // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
2. Pinborg J. Die Entwicklung der Sprachtheorie im Mittelalter // Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie des Mittelalters. B. 42. Münster, 1967.

Клубкова Татьяна Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Всеобщая грамматика vs. грамматики конкретных языков (И. Фатер, Д. Сольбриг)

Известно, что XVII–XVIII вв. — время интереса к проблемам всеобщего языка и философской грамматики. В обоих случаях вставала задача применения либо философского языка, либо философской грамматики для практических целей. Авторы проектов философского языка были уверены, что именно их проект отличается особенной легкостью в овладении, а польза от применения будет огромной, трудности же с реализацией очередного проекта обычно не предвиделись. Иногда авторы все же дают советы и указания по поводу возможных сложностей: такие разделы есть в проекте Всеобщей письменности Д. Сольбрига и философской грамматике И. С. Фатера. Рассмотрим случай, когда автор все же предполагает, что могут возникнуть проблемы, — это Универсальная письменность Д. Сольбрига и Всеобщая грамматика И. С. Фатера.

«Всеобщая письменность» Д. Сольбрига, члена Берлинской академии с 1721 г., — это последний вариант (1726, предыдущие варианты 1723, 1725). В книге три части схожей структуры (*Scriptura oicumenica*, *Allgemeine Schrift*, *Ecriture oecumenique on universell*), каждая часть имеет отдельный титульный лист и состоит из предисловия, описания проекта и ключа. *Scriptura oicumenica* написана на латыни, *Allgemeine Schrift* — на немецком, а *Ecriture oecumenique* — на латыни, в сокращенном виде дублируется предисловие латинского раздела, в немецком разделе есть дополнение, относящееся к проблемам и трудностям чтения Всеобщей письменности по-немецки. В каждом разделе есть: а) предисловие, б) правила чтения и комментарий к знакам, в) ключ, т. е. список слов, достаточно произвольно отобранных, прикрепленных к цифрам от 1 до 126 000. Под одним номером может оказаться несколько слов-синонимов. Автор абсолютно уверен в совпадении значений на всех языках, предлагает не обращать внимания на мелочи. Сольбриг перечисляет семь проблем чтения по-немецки и предлагает способы решения. Он отмечает наличие или отсутствие артикля, наличие или отсутствие падежных окончаний. При описании синтаксических различий использует немецкий как метаязык. Провозглашая легкость и простоту своей всеобщей письменности, автор не учитывает человеческий фактор: использование большого количества надстрочных значков ведет к опечаткам (а они есть уже и в этом издании), которые делают текст непонятным. Единственный плюс: ключ является открытым списком и мог бы при необходимости дополняться.

И. С. Фатер посвящает отдельный раздел применению всеобщей грамматики трудностям, подстерегающим грамматиста, который занимается сравнением языков (*vergleichendes Sprachstudium*). Фатер доказывает применимость философской грамматики для описания отдельных языков, обращает внимание читателей на языковой обычай, привычку (*Sprachgewohnheit*). По его мнению, необходимо тщательное наблюдение за фактами языка, выявление различий, выраженных внешне. Он считает,

что ошибки, переходящие из одной грамматики в другую, появляются, когда различия не учитываются, что особо важно при разграничении частей речи, например прилагательных и существительных в семитских языках, в венгерском, алгонкинском. Он указывает два вида ошибок, окольных путей, на которые может забрести грамматист. С одной стороны, не надо приписывать конкретному языку не существующие в нем части речи, не имеющие звукового выражения, надо соблюдать главное правило («wenn die Sprachgewohnheit die Laute festgesetzt hat»). С другой стороны, надо оставаться на философской позиции, не смешивать описание реальности с критикой языка, не выдумывать, ведь грамматист не ответственен за то, что «народ, изобретающий язык, не заметил более точного понятия», не смешивать описание и критику.

Фатер особо останавливается на невозможности применения всеобщей грамматики для пазиграфии, считая это бессмысленным занятием (т. к. идеальный язык — это абстракция, он существует — или не существует, как не существует дерево вообще, существуют лишь конкретные деревья) и противопоставляя Всеобщую грамматику химерической идее Всеобщего языка.

Кряжева (Кузьмина) Надежда Иннокентьевна

д. ф. н., доцент, Университет им. Блеза Паскаля (Клермон-Ферран, Франция)

Карл Филипп Рейф как лингвист и переводчик

Доклад посвящен лингвистическому наследию Карла Филиппа (или Филиппа Ивановича) Рейфа (1792–1872), франкоязычного швейцарца, прожившего в России более двадцати лет. Корпус его работ состоит из ряда грамматик русского языка, дву- и многоязычных словарей, а также переводов на французский язык трудов российских ученых-языковедов, в частности Н. И. Греча, А. С. Шишкова, А. Х. Востокова.

Заслуги Рейфа перед российским языкознанием связываются до сих пор главным образом с его двухтомным корнесловом русского языка вышедшим под названием «Этимологический лексикон русского языка или русско-французский словарь» (СПб., 1835–1836), а также учебными «Параллельными словарями языков русского, французского, немецкого и английского», составлением и изданием которых Рейф занимался в течение нескольких десятилетий, с сороковых по 60-е гг. XIX в., находясь уже за пределами России. Именно за словарную работу современники удостоили Рейфа несколькими премиями и назвали «одним из самых добросовестных делателей в лингвистической литературе европейской» (И. И. Срезневский) Данная оценка закрепилась за Рейфом и с нею он вошел в историю языкознания. Прочие же его работы, в частности, грамматики, перевод «Пространной грамматики» Греча (1828–1829) и др. не привлекли внимания историков.

Во французской русистике имя Рейфа сохранилось благодаря Луи Леже, ее основателю, который переиздал одну из Рейфовых грамматик в 1878 г., частично переработав ее и дополнив. Влияние же грамматических работ Рейфа на становление изучения русского языка, как, впрочем, и его лексикографические труды, представляют еще ненаписанную страницу в ее истории.

Обращение к текстам произведений Рейфа в полном объеме, их комплексное рассмотрение в связи с историко-культурным контекстом эпохи позволяет обнаружить тесную связь между всеми работами, раскрыть логику развития лингвистических и дидактических идей этого автора и в целом дать новую оценку его творчества как интересного и самостоятельного ученого языковеда.

Источники:

1. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка, составленный Филиппом Рейфом. СПб., Т. 1. 1835. Т. 2. 1836.
2. *Reiff Ch. Ph. Grammaire russe à l'usage des étrangers qui désirent connaître à fond les principes de cette langue.* SPb., 1821; Paris, 1851.
3. *Reiff Ch. Ph. Grammaire française-russe, ou Principes de la Langue russe à l'usage des Français.* Troisième édition. Paris et Carlsruhe, 1860.
4. *Reiff Ch. Ph. Grammaire russe.* Revue, corrigée et augmentée par L. Léger. Quatrième édition, P., 1878; Cinquième édition. Paris, 1886.
5. *Reiff Ch. Ph. (trad. du russe) Grammaire raisonnée de la langue russe, précédée d'une introduction sur l'histoire de cet idiome, de son alphabet et de sa grammaire,* par N. Gretsck. T. 1. SPb., 1828; T. 2, 1829.
6. *Reiff Ch. Ph. Dictionnaire russe-français dans lequel tous les mots sont classés par familles; ou Dictionnaire étymologique de la langue russe.*
7. *Reiff C. Ph. English-Russian grammar — or principles of the Pussian language for the use of the English.* Third edition. Paris, 1860.
8. *Reiff Ch. Ph. (trad. du russe) Recherches sur les racines des idiomes slavons comparées avec celles des langues étrangères pour servir à l'étude comparative des langues par l'amiral Chichekof.* SPb., 1832.
9. *Reiff Ch. Ph. Nouveaux dictionnaires parallèles des langues russe, française, allemande et anglaise en quatre parties. Deuxième partie — Dictionnaire français.* Quatrième édition, Carlsruhe, 1869.
10. *Reiff K. Ph. Deutsch-Russische Sprachlehre oder Gründzätze des Russischen Sprache zum Gebrauch für Deutsche.* Karlsruhe, 1853.

Кузнецов Сергей Николаевич,

д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Неизвестный Соссюр.

Скрытая история соссюрианской лингвистики

История соссюрианской лингвистики изобилует белыми пятнами. Ныне, почти через сто лет после публикации «Курса общей лингвистики» (1916) Фердинанда де Соссюра, выражения типа «соссюрианская (или соссюровская) лингвистика», «соссюрианские термины», «соссюровские принципы» и пр. однозначно воспринимаются как указывающие именно на Фердинанда де Соссюра и на те его идеи, которые были высказаны в посмертно изданном «Курсе». Однако в последние годы жизни Ф. де Соссюра (с 1910 по 1913 г.), и еще немало лет после его смерти, данные выражения, хотя и употреблялись, значили совсем иное: они относились к идеям и теориям, автором которых был «другой Соссюр», не Фердинанд, а его младший брат Рене. Это вносит существенные коррективы в привычные представления

о путях формирования соссюрианской лингвистики и об авторской атрибуции идей, традиционно (но иногда ошибочно) возводимых к концепциям Фердинанда де Соссюра.

Автор доклада, основываясь на своих многолетних изысканиях, ставит перед собой задачу очертить жизненные пути обоих братьев и установить причины и обстоятельства, побудившие младшего из братьев (Рене), математика по образованию, заняться языковыми вопросами, т. е. войти в научную сферу, общую с его старшим братом. Соссюрианская лингвистика в период ее формирования и первоначального развития предстает как результат взаимодействия обоих братьев, причем в некоторых случаях надежно устанавливается факт идейного влияния младшего брата на старшего. Следы этого можно обнаружить в тексте упомянутого «Курса», в лекциях по общему языкознанию, читавшихся старшим братом, и в его же рукописных заметках.

В докладе поднимается также вопрос, можно ли рассматривать соссюрианскую лингвистику как единое целое или нужно считать братьев Соссюров авторами двух соприкасающихся, но различных теорий. Автор доклада глубоко убежден в том, что соссюрианская лингвистика едина в обеих своих авторских частях, поскольку обе эти части, хотя и исходят от двух разных лиц и оперируют существенно различным языковым материалом, оказываются между собой в отношениях дополнительной дистрибуции и совместно формируют цельный и нераздельный образ мира человеческих языков.

Мажуга Владимир Иванович,

к. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт истории РАН (Санкт-Петербург)

«Качество» неопределенное или определенное как грамматическая категория у римских грамматиков I–VI вв. н. э.

Начиная со времени Плиния Старшего (23/24–79 г.) и вплоть до критического пересмотра традиционной доктрины Присцианом в начале VI в. в ряду морфологических признаков таких важнейших частей речи, как имя, глагол и местоимение, у римских грамматиков на первом месте стояла категория «качества» (*qualitas*). Ничего подобного мы не находим у греческих грамматиков. Разделение под знаком этой категории форм с общим или неопределенным содержанием и форм, указывающих на конкретные действующие лица, конкретные предметы, действия и состояния, несомненно, идет от основополагающих для античной риторики представлений, с одной стороны, об общем характере разбираемого в судебном состязании дела, а с другой — о конкретных качествах обвиняемого и особых обстоятельствах, в которых он действовал, совершая поступок, ставший предметом разбирательства.

Для греческого грамматического учения такое разделение было невозможно уже по той причине, что понятие «качества» (*ποιότης*), согласно древнейшей традиции, на которую стоики оказали определяющее влияние, было неприменимо к местоимению. В римской грамматической доктрине мы наблюдаем произвольное смешение понятийного аппарата греческой грамматики и греческой риторики, что могло произойти, по всей видимости, лишь в творчестве Плиния Старшего, от которого идут важнейшие

парадигмы римской грамматики. Особо следует рассмотреть вопрос о влиянии на Плиния и его современников того определения имени, которое предложил греческий грамматик Трифон уже в период Ранней Империи.

Серио Патрик,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Загадка третьего лица. Глава из философии
советского языкознания 1920–1930-х гг.

Есть такие слова, которые решают проблему самим фактом их произнесения. Это известное явление презумпции истинности и существования денотата имени. Именно поэтому данный доклад посвящен исследованию термина «интеллектуальная революция». Несмотря на заявления революционеров о том, что они «пишут новую страницу в книге мировой истории» и начинают совершенно новую эру (М. Робеспьер, Л. Троцкий, Мао-Цзэдун), необходимо заметить, что революции не происходят в вакууме, и воспитание «новых людей» происходило в «старое время».

В 20-е гг. XX в. как в Советской России, так и в эмигрантской среде, новые интеллектуальные течения, какими бы новаторскими они не были, опирались на идеи, теории, дискуссии, споры, разногласия, противоречия, недоразумения, которые незаметно подготавливали интеллектуальный взрыв первого послеоктябрьского десятилетия. Даже такие ученые, на первый взгляд кажущиеся противниками, как Н. Марр и Р. Якобсон, на самом деле имели много общего. Их объединял сильный анти-позитивизм, отказ от генетического объяснения сходств между явлениями, недоверие к «старой» науке.

Н. Марр и его единомышленники не являлись печальным или маргинальным феноменом истории, которую хотелось бы поскорее предать забвению, а наоборот, эпизодом, необходимым для понимания интеллектуального брожения целого поколения русских исследователей. Без тщательного изучения марризма история семиотики в СССР имела бы слишком много недостающих звеньев. Вместе с тем без идей Дж.-Б. Вико, О. Конта и итальянских нео-лингвистов понимание самого марризма нам представляется невозможным.

КИНО|ТЕКСТ

Абрютин Филипп Михайлович,

аспирант, Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С. А. Герасимова (Москва)

Пограничные зоны кинематографа.

Взаимодействие драматургических конструкций кино
с конструкциями человеческой психики

«Трудно не согласиться с тем, что, став с самого начала отраслью крупной промышленности, кино не может быть свободным от производственных и финансовых условностей творчеством, поскольку решающее

значение имеют частные деловые интересы и машинная техника» [Огурчиков, 2008. С. 17].

В силу этого, развитие кинематографа всегда было связано с постоянным поиском и созданием новых моделей драматургических конструкций, а совершенствование киноязыка и формирование общих моделей, всегда происходит под воздействием различных факторов, в том числе и современных объективных обстоятельств.

Однако, фактор погони за максимальной коммерциализацией проектов, «ставка» на массовость и уменьшение доли «авторских» фильмов могут стать благоприятной основой для развития кинематографа и причина этому кроется в самой природе кино. Ключевым отличием кино перед театром или литературой является не только его общедоступность, но и набор элементов, которые оказывают сильнейшее воздействие на сознание зрителя.

Белла Баллаш, размышляя о кинематографе, еще в 1920-е гг. говорил: «Фильм занял такое же место в фантазии и жизни городского населения, какую прежде играли мифы, легенды и народные сказки. Ибо фильм есть народное искусство нашего столетия. Не в том смысле, к сожалению, что он рождается из народной стихии, но в том, что народное сознание черпает в нем себя» [Балаш, 1925. С. 15–16].

Работы К. Юнга, Дж. Кэмпбелла, Э. Кассирера, К. Леви-Стросса, Д. Фрэйзера, Е. Мелетинского и др. подтверждают это и позволяют утверждать, что процессы, происходящие в человеческой психике, этапы, через которые «проходит» сознание каждого человека на протяжении жизни, представляют собой конкретную драматургическую модель и воплощаются в различных культурных феноменах. Так, трехчастная последовательность формирования человеческого «Я», а именно «сепарация, инициация, возвращение», обнаруживается в построении ритуалов, обрядов, мифов и сказок.

Изучение множества кинематографических произведений, выявляет, что особенности их образного и драматургического строения часто выстраиваются авторами (осознано или инстинктивно) в соответствии с законами построения мифов, и, таким образом, оказываются проекциями структур психики, в том числе элементов бессознательного.

Однако, более детальное рассмотрение исследований, посвященных разработке схем и шаблонов мифогенетического архетипического построения сценариев, мифов и сказок, выявляет как достоинства, так и некоторые недостатки их построения.

Очевидно, это особенно актуально для российского кинематографа, для которого характерна недостаточная изученность и практическое полноценное использование возможностей архетипов, мифологем и их драматургических конструкций, которые давно применяются за рубежом.

Конечно, можно согласиться с мыслью, что «...индивидуальный путь художника предполагает возможность амбивалентного отношения к коллективной мифологии. Мифотворчество могло приобретать глубоко личное, даже интимное измерение, образующее причудливые сочетания с глобальными мифологемами эпохи», но все же в художественной практике кино является медиумом больших идеологических систем — производит и репрезентирует все ключевые мифы эпохи, являясь зеркалом «коллективного бессознательного» [Деметрадзе, 2005. С. 111].

Литература:

1. Балаш Б. Видимый человек. Очерки драматургии фильма / ред. В. М. Блюменфельд. М.: Всероссийский пролеткульт, 1925. 88 с.
2. Деметрадзе И. Л. Авторская мифология Андрея Тарковского // Вестник СамГУ. Самара: Самарский университет, 2005. № 4 (38).
3. Огурчиков П. К. Экранная культура как новая мифология (на примере кино): Дис. д-ра культурологических наук. М.: МГУКИ, 2008.

Андрианова Мария Дмитриевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Возможности перевода

повествования «от автора» на киноязык

(на примере фильма «Плохой хороший человек»)

Кино — особый вид искусства, который в состоянии не только воплотить, сделать зримыми наши самые смелые фантазии, но и заставить нас поверить в их существование. С помощью современных технических средств кино может показать нам все, что угодно. Но далеко не все, что есть в художественном произведении, в тексте, можно перевести на киноязык. Особенности стилистики повествователя невозможно адекватно передать с помощью вербальных средств, таких как голос за кадром или передача слов повествователя кому-либо из персонажей.

На примере сравнительного анализа фильмов «Плохой хороший человек» (1973) и повести А. П. Чехова «Дуэль» проанализируем возможности передачи средствами киноязыка стилистических особенностей авторской речи.

Отметим, что Чехов очень редко позволяет себе открытые высказывания «от автора», того, что В. Шмид называет аукториальным типом повествования. В отличие от Л. Н. Толстого он предпочитает «персональный» тип повествования, т. е. смотрит на мир через призму взгляда того или иного персонажа. В фильме следовать этой манере не получается, потому что, замещая персонажа, камера показывает то, что он видит, но не показывает при этом его самого. Приходится чередовать кадры, показывающие персонажей и кадры, показывающие то, что они видят. Но зритель может увидеть мир совсем иначе, чем персонаж, поэтому необходимо направить его, подтолкнуть к нужному восприятию. Для этого применяется музыкальное, звуковое сопровождение и особые операторские приемы.

Вторая сложность заключается в том, что довольно трудно показать разницу между тем, как видит себя персонаж (мысленным взором), и как видят его окружающие. Наиболее ярким примером здесь может служить образ Надежды Федоровны, которая видит саму себя элегантно, молодой и красивой, а потом выясняется, что окружающие считают ее костюмы ужасными и подмечают несвежее нижнее белье. Или она резвится на пикнике и чувствует себя легкой как перышко, но слова Лаевского заставляют ее посмотреть на себя в другом виде и почувствовать себя тяжелой, толстой, грубой и пьяной — так, как видят ее недоброжелательные глаза других,

например, фон Корена. В фильме передать оба эти взгляда на героиню одновременно невозможно, поэтому режиссеру приходится выбирать: либо показать нечто среднее между самовосприятием героини и ее восприятием окружающими, либо выбрать один из вариантов. В целом режиссер скорее выбирает второй вариант, и героиня в фильме показана такой, какой ей самой хотелось бы себя видеть, она вызывает гораздо больше сочувствия, чем героиня чеховской повести.

По сравнению с повестью в фильме очень усилены комические эпизоды, поскольку общий комизм жизни в кино не передается с помощью авторской интонации. Особенно в сцене дуэли, где секундант постоянно наступает в коровье дерьмо и вынужден непрерывно прогонять посторонних с места дуэли: коров, татар, духанщика с самоваром.

Герои приобретают большую однозначность: «плохой» Лаевский в конце «исправляется» под воздействием пережитого; легкомысленная, но в целом хорошая Надежда Федоровна изменяет Лаевскому не в силу собственной развращенности, а по его же вине; фон Корен в исполнении Высоцкого безукоризненно элегантен и красив без излишнего самолюбования, тогда как в повести в речи повествователя несколько раз делается акцент на его слишком пестрой рубашке, похожей по расцветке на ковер, что свидетельствует о несколько дурном вкусе, а также показывается его склонность к самолюбованию. Доктор Самойленко в фильме лишен того тщеславия, которым он наделен в повести; дьякон также полностью лишен в фильме отрицательных черт, тогда как в повести он показан несколько ограниченным человеком (разговор с духанщиком).

В повести Чехова можно проследить динамику характеров персонажей и их постепенное раскрытие перед читателем. Каждый из них оказывается глубже ярче и значительнее, чем кажется вначале. А в фильме, благодаря блестящей игре актеров, сложность характеров фон Корена и Лаевского видна сразу, и отпадает необходимость в авторских ремарках.

Бугаева Любовь Дмитриевна,

д. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Киноапофатика и нейрообраз

С. Эйзенштейн видел в кино синтез разных искусств, «искусство будущего» в вагнеровском смысле. Однако фильм — это не только медиум для Gesamtkunstwerk, он обладает своей эстетикой и своим языком. Наррация фильма предполагает ограничения и табу, заданные и киноязыком, и способом наррации, и ее предметом. Расшатывание системы кинотекста ставит под вопрос существование отдельного фильма, а отказ от экспериментирования — существование самого кино. Как кинонарратив балансирует на грани своего бытия? Какие фильмы становятся площадкой для экспериментов над кинематографической природой фильма? По мнению Патриции Пистерс, современная культура перешла от понимания образа как «иллюзии реальности» к пониманию образа как «реальности иллюзии», зритель больше не смотрит на мир глазами героя, он видит его мысли-образы, «the

brain is the screen» (Gilles Deleuze). Меняет ли реальность мыслей-образов природу человеческого опыта? В центре внимания доклада — нейрообраз, его представление на экране и функциональная роль.

Вьюгин Валерий Юрьевич,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник,

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Пределы зла в советском искусстве для детей:

литература и кино

Предлагаемый доклад посвящен специфике советского искусства для детей, прежде всего литературы и кинематографа, выражающейся в особых формах репрезентации зла и жестокости и, как результат, в свойственных именно ему способах апроприации эмоции страха. В центре моего внимания окажется ряд хорошо известных литературных и кино-нарративов, советского и зарубежного производства, которые я попытаюсь сопоставить между собой. Среди них — «Пиннокио» Карло Коллоди и «Золотой ключик» Алексея Толстого наряду с их киноверсиями, снятый по сюжету Оскара Уайлда «Звездный мальчик» Анатолия Дудорова и Евгения Зильберштейна (1957), «Сказка о потерянном времени» Александра Птушко по тексту Евгения Шварца (1964), книги Роальда Даля и их киноверсии, а также «аналоги» соответствующих им повествований в советском искусстве и т. д. В цепи сравнительно самостоятельных фрагментов, посвященных прежде всего конкретным литературным и кинематографическим нарративам, любое звено принципиально может быть заменено или дополнено какими-то другими примерами, покуда они отражают ту же тенденцию. Вне зависимости от того, посвящен ли фрагмент одному или целому ряду нарративов, задача, поставленная в докладе, сводится к тому, чтобы идентифицировать воплощаемую или легализуемую ими «моду» писать о зле, жестокости и страхе так, а не иначе. Проблема состоит в том, что границы «мод» и контраст между ними в данном случае легко ускользают от внимания в силу специфики привлекаемого для сравнения крайне разнородного материала; требуется определенного рода фокусировка на строго определенных деталях и соотношениях между ними, чтобы он стал более заметен. Я попытаюсь, насколько это возможно, формализовать и структурировать эти детали в необходимом ключе.

Голышко Дмитрий Юрьевич,

к. иск., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Материя исчезновения: эстетика акселерации

и новая предметность в современном кинематографе

В докладе будет намечена взаимосвязь между трактовками скорости и ускорения в эстетических теориях XX в. (от советского революционно-го авангарда и итальянского футуризма до «дромологии» Поля Вирильо)

и стремительно развивающейся в начале XXI в. эстетикой акселерации, чьи базовые принципы предложены в работах Ника Лэнда, Стивена Шавиро, Реза Негарестани и Бенямина Нойза. На примере фильмов «Люси» Люка Бессона, «Бегущий в лабиринте» Уэса Болла, «Дивергент» Нила Бергера, сериалов «За гранью», «Спираль» и «Штамм», будут подробно прослежены важнейшие для современного кинематографа темы трансгуманизма, параллельных миров, нейропротезирования, экологического и биотерроризма. Также будут изучены связанные с ними мотивы ускорения и усовершенствования психосоматических, нейрофизиологических, когнитивных особенностей человека в результате биотехнологических экспериментов или техногенных катастроф. Под воздействием глобальных процессов ускорения (например, в политэкономической сфере и в области генной и клеточной инженерии, в репродуктивном клонировании и технологиях трехмерной печати физических объектов) в кинематографе появляется и визуализируется принципиально новый антропологический тип.

Ключевой персонаж современных фильмов (в основном, относящихся к жанру постапокалиптической антиутопии с элементами социальной критики, вроде «Голодных игр» Гэри Росса или «Сквозь снег» Пона Чжун Хо) предстает усовершенствованным «трансчеловеком». С помощью суперсовременных психотропных веществ постоянно ускоряя или обновляя свои базовые навыки и способности, он намеренно (или вынужденно) пребывает на грани между искусственным и естественным, органическим и кибернетическим, биологическим и синтезированным, физическим присутствием и апофатическим мерцанием. Что отличает кинематографического персонажа эпохи акселерационизма от героев киберпанка или научно-фантастических триллеров предшествующих эпох, это его сознательный отказ оставаться человеком, ограниченным изначально данными и предписанными ему природой индивидуальными задатками и способностями, телесно-физическими или интеллектуальными.

Современные концепции акселерации предполагает, что беззаветно следующий им человек выбирает для себя траекторию стремительных, необратимых и фатальных мутаций (вплоть до полного растворения в информационно-компьютерной среде, что происходит с героиней фильма Люка Бессона «Люси»). Кроме того, факторы повсеместного ускорения, осмысляемые сегодня кинематографом в футурологическом ключе, приводят к появлению и утверждению «новой предметности».

Объектом изображения в ряде значимых и харизматических фильмов становятся безостановочные и неуправляемые превращения дотоле устойчивой физической материи, даже ее распыление или исчезновение в результате постоянного нарастания скорости ее трансформаций. Зыбкая и текучая материя в современном кинематографе нередко вырисовывается в образе зловещей, непостижимой, таинственной и мерцающей Вещи, специфику которой сегодня обсуждают теоретики «спекулятивного реализма», Квентин Мейясу, Грэм Харман, Реза Негарестани.

В заключение доклада будет доказано, что именно широко распространенные в сегодняшнем гуманитарном знании термины (такие как спеку-

лятивный реализм и акселерационизм) позволяют четко и всесторонне проанализировать те изменения и новации, которые сегодня происходят и с элементами киноязыка, и с приемами кинематографического изображения человека и окружающей его материальной реальности.

Григорьева Надежда Яковлевна,

д. филос. н., преподаватель, Университет Тюбингена
(Тюбинген, Баден-Вюртемберг, Германия)

**Кино на грани литургии: «Иван Грозный» Эйзенштейна
и торжественная сценическая мистерия
(*Bühnenweihfestspiel*) Вагнера**

Искусство кинематографа нередко стремилось передать священное содержание, казалось бы, теряемое в эстетической (профанной) передаче. Один из наиболее ярких примеров — фильм Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», где *Gesamtkunstwerk* срастается с «храмовым действием», принимающим разные формы на протяжении киноповествования. В своем тексте «Сакральный фрагмент» Теодор Адорно утверждает на примере оперы, что священное произведение искусства, по сути, невозможно: чем более отчетлива претензия художника создать автономное сакральное целое, тем больше вероятность, что это целое не будет завершено. Любопытно, что фильм Эйзенштейна (кстати, использующий элементы оперы) остался незаконченным, словно предвосхищая концепцию Адорно, — третья серия не была снята и сохранилась только в виде режиссерского сценария.

В докладе планируется выяснить, какие средства использует режиссер для работы с сакральной темой в «Иване Грозном». Будет показано, что Эйзенштейн следовал в реализации своего замысла за исканиями позднего Вагнера, создавшего «торжественную сценическую мистерию» (*Bühnenweihfestspiel*) «Парсифаль».

Данилова Виктория Дмитриевна,

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург)

**Выход за пределы киноповествования в процессе узнавания
образов окружающей действительности**

В современном российском кинематографе все четче проявляется тенденция к живописанию окружающей действительности, на фоне которой происходит основное действие киноленты. Природа, городские пейзажи оказываются вписанными в канву повествования, становясь неотъемлемой частью развития сюжета, элементом художественной образности.

Окружающий мир в пространстве кинореальности, обрастая сложными значениями, становится символическим, кодифицируется. Находясь в зрительном зале, аудитория постигает символическое пространство киноленты, погружаясь в него. Этот эффект погружения достигается при помощи ис-

пользования различных техник съемки, монтажа и раскадровки. И именно использование этих техник чешский исследователь кино Ян Мукаржовский называет способом построения иллюзорного кинематографического пространства.

Одним из важнейших элементов киноязыка является применение техники долгого кадра, которая находит свое теоретическое обоснование в концепции глубинной мизансцены А. Базена, а также в работах З. Крагауэра.

В данной статье мы рассмотрим, как реализуется техника долгого кадра для визуализации авторских интенций на примере киноленты Константина Селиверстова «Процесс» — первой российской экранизации одноименного романа Франца Кафки.

Режиссер удивительно тонко передает атмосферу романа на киноэкране. По сюжету, главный герой Йозеф К. оказывается втянут в ужасающе абсурдный судебный процесс. В течение киноповествования создатель фильма не дает зрителю возможности опознать местность и время развертывания сюжета. Персонажи, облаченные в современные костюмы, оказываются погруженными в реальность «вне пространства и времени». В мрачных кабинетах чиновников и служащих нет современной техники, на улице героя окружают мрачные сооружения и груды бытового мусора. Йозеф мечется в своем мире, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации и понять, в чем заключается его преступление.

Развязка сюжета — казнь главного героя. В этой сцене действие происходит под сводами здания, в котором зритель с удивлением узнает философский корпус СПбГУ. Палачи хватают Йозефа и ведут под конвоем на берег реки. Следующий кадр показывает, как экзекуторы с окровавленным ножом в руках удаляются с места казни. Камера безотрывно следит, как они неспешно бредут, направляясь в самое сердце города Санкт-Петербурга. Финальный долгий кадр представляет собой перспективу Невского проспекта, непосредственные участники киноповествования затерялись в толпе случайных прохожих, которым посчастливилось проходить мимо в момент съемок фильма. Используя этот прием, автор безжалостно вырывает зрителя из его уютного состояния отчужденности наблюдателя, переносит действие фильма в реальность, делая самого зрителя героем произведения.

На протяжении большей части экранного времени режиссер нагнетал атмосферу безысходности, создавал пугающий фантазийный мир абсурда: долгие кадры тяжелого серого неба, пустырей, заваленных грудями мусора и обломками зданий, нескончаемых блужданий главного героя по коридорам различных инстанций в поисках выхода. При помощи техники долгого кадра автор создавал художественную реальность персонажей и помогал зрителю погрузиться в нее. Однако до финальной сцены зритель имел возможность отмежевать происходящее на экране от реальной действительности, поэтому долгий «кадр узнавания образа» города стал своеобразной «шоковой терапией». Автор совершает акт выхода за пределы киноповествования, нарушая границы кинополотна, играет со зрителем, «выплескивая» кинореальность с экрана в мир, «втягивает» свою аудиторию в этот абсурдный «Процесс».

Джумайло Ольга Анатольевна,

к. ф. н., доцент, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

«Пережить свою жизнь» (2010) Яна Шванкмайера:
исповедальный кинотекст о своих границах

Фильм Я. Шванкмайера «Пережить свою жизнь» (2010) обращен к вопросам онтологии и эпистемологии кинотекста в его отношении к исповедальному субъекту. Особый интерес вызывает демонстративное саморефлексивное начало, проявляющееся в двух планах: во-первых, в основе сюжета — интерпретация «Я»: введение фигур двойников «Я»; фокус на сюжете психоаналитического расследования сновидений и фантазмов; визуальное обыгрывание архетипической образности (яйцо, курица, змея, плоды, руки и пр.); визуализация ряда аналитических паттернов (З. Фрейд, К. Г. Юнг, Ж. Лакан, О. Ранк). Это позволяет говорить о фильме как о психоаналитической комедии; во-вторых, фильм предлагает интерпретацию самого языка кино и киноисповеди: введение сюрреалистического эстетического контекста (с отсылками к герметизму, преобразованному фрейдизму, эпатажности, «автоматическому письму», записям сновидений и пр.); фрагментарное представление классических сюрреалистических арт-объектов (Дж. Де Кирико, М. Эрнст, Х. Арп, Р. Магрит, С. Дали, Г. Байер и др.) как объектов желания и путей к самоидентификации (С. Жижек); использование принципа сюрреалистического фантазма как поэтического / творческого / любовного / самосозидающего начала; игра с визуальными фрагментами собственных ранних работ как форма «сборки Я» (А. Хорнунг).

Рефлексии о языке искусства создают отдельный метауровень, как проблематизирующий, так и поэтизирующий поиски творческого и личностного самоопределения художника. В этом отношении важен также автобиографический контекст и ряд маркеров его присутствия (введение фигуры «автора» в кинотекст, поэтика заглавия и пр.).

Доманский Юрий Викторович,

д. ф. н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Синтетические (не)возможности документального рок-кино:
«Еще» и «Здорово и вечно»

На прошлогоднем заседании секции «Кинотекст» мы попытались представить и описать парадигму игрового рок-кино отечественного производства — от фильмов Александра Стефановича первой половины 1980-х гг. до последней картины Алексея Балабанова. В новом докладе материал уже не столь обширен — это всего два, но зато новейших документальных фильма: «Ещё» Дмитрия Лавриненко и «Здорово и вечно» Натальи Чумаковой и Анны Цирлиной. Оба фильма вышли в свет осенью 2014 г. И объекты, к которым обратились кинематографисты, в обоих случаях, что называется, культовые: первый фильм посвящен группе «Аукцион», второй Егору Летову.

Наблюдения показывают, что в игровом кинематографе далеко не всегда удаётся найти золотую середину между двумя видами синтетического искусства, между кино и песней, т. е. не всегда удается добиться, если можно так выразиться, синтеза синтезов. Получается либо песни на переднем плане, и тогда киноряд лишь сопровождает песни, либо песни всего лишь фон для фильма (как вообще чаще всего музыка в кино). Пожалуй, лишь Балабанов смог в рок-кино — в дилогии «Брат» и в фильме «Я тоже хочу» найти компромисс, дав шанс песне стать полноправным участником полноценного художественного кинополотна. Что же получается в документальном кино? Если, конечно, это кино о музыке, вернее — о музыкантах.

Теоретически тут проще всего пойти по пути преподнесения зрителю именно творчества, т. е. не стремиться к синтезу возможностей кино и возможностей песни, а посредством кино просто передать песню, сопроводить ее каким-нибудь — синхронным или нет — но нарочито периферийным относительно звучащей составляющей видеорядом. В таком случае документальные фильмы о музыке, о музыкантах должны большей частью строиться на аудиальной составляющей, на передаче звучащего творчества героев фильма.

И действительно, некоторые создатели фильмов идут по пути показа концертных выступлений, включения их в нехитрую, часто почти художественную, игровую «раму» (можно привести в качестве примеров фильмы из разных времён «АББА» (ABBA, 1977), «Волшебство Queen в Будапеште» (Varázslat — Queen Budapest, 1987), «Металлика: Сквозь невозможное» (Metallica Through the Never, 2013)). Да, возможности кино позволяют показать концертное исполнение песни, снятое с разных ракурсов, с непременным чередованием планов, с показом зрителей... Можно сделать и клип на песню, но такой клип, в котором песня была бы первым и главным плане.

При всех плюсах такого подхода к песне у него есть один несомненный минус — столь желаемого в кинематографе синтеза аудиального и визуального, того самого синтеза синтезов не получается: с одной стороны, может иметь место, как уже было сказано, редукция песней видеоряда; с другой стороны, сама песня как аудиальный объект визуальным рядом может редуцироваться, превращаться (в большей или меньшей степени) в фон для кино. И то, и другое может происходить даже тогда, когда перед нами, скажем, «синхрон» с концерта. Следовательно, возможности киноискусства в передаче звучащего искусства, искусства песни отнюдь не безграничны. А раз так, то документальные кинематографисты, снимающие фильмы об актуальной музыке, ищут иные пути работы с материалом, ищут такие пути, которые позволили бы добиться оптимального синтеза аудиального и визуального, песенного ряда и киноряда.

Создатели фильмов «Ещё» и «Здорово и вечно» как раз и попытались такие пути найти. И пути эти, если говорить о них в самом общем виде, сводятся к следующему: фильмы предлагают не просто песни, даже не интерпретацию песен, а предлагают кинематографическую интерпретацию художественных миров музыкантов. Эти миры, включающие в себя не

только собственно песни, но и самые разнообразные метатексты, перекодируются на язык документального кино.

В докладе предполагается рассмотреть те приёмы, при помощи которых в фильмах «Ещё» и «Здорово и вечно», осуществляется синтез синтетических художественных миров музыкантов, миров преимущественно аудиальных, и синтетического мира кино.

Жукова Мария Владимировна,

научный сотрудник, Констанцкий университет (Баден-Вюртемберг, Германия)

Казнить нельзя помиловать: телерефлексии советского кино

1. Если в дотелевизионную эпоху изображение прототелевизионных аппаратов в кинематографе было связано с их сакрализацией, то в период массового распространения телевидения кино рассматривает телевидение как конкурирующую инстанцию.
2. Попытка утвердить свое право на бессмертие перед лицом нового медиа осуществляется в отечественном кино за счет различных форм его отрицания (физическое разрушение, сепарирование звука и изображения, рефункционализация аппарата и т. д.). Крайней формой такого отрицания становится сближение телевизионного дискурса с инфернальным, отождествление телеаппарата с продуцентом и инициатором смерти.
3. В эпохи, характеризующиеся расцветом телевидения, конкурентная борьба кинематографа заметно ослабевает: он либо демонстрирует усвоение эстетики «голубого экрана», либо полностью выключается из противостояния.

Ионов Алексей Юрьевич,

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Мокьюментари в жанре ужасов:

расширение границ реального в игровом кино

Тема слабо отрефлексирована. В России затрагивалась О. Э. Артемьевой [Артемьева, 2010], за рубежом ею занимались Г. Родс [Rhodes, 2002] и А. Хеллер-Николас [Heller-Nicholas, 2014]. Мокьюментари (англ. *mock* — подражание, фальсификация, и *documentary* — документальный фильм) — это синтаксико-семантическая стилизация «под документ», цель которой усилить аутентичность игрового фильма. Первым хоррор-мокьюментари считается *found footage* (англ. «найденная пленка») «Ведьма из Блэр: Курсовая с того света» (1999) Д. Мирика и Э. Санчеса. *Found footage* — это якобы найденная пленка, ручная съемка от первого лица и черновой монтаж которой доводят эффект присутствия до максимума. Действие привязано к конкретному месту. Все герои гибнут при сверхъестественных обстоятельствах. Музыка обычно отсутствует. В начале нередко титр о таинственно найденной пленке и комментарий специалиста о ее подлинности и пропаже снимавших

людей. Может использоваться бэкстейдж другой камеры. Но все уровни нарратива фальсифицированы и не содержат в себе неигровых кадров. «Отказ» от монтажа подразумевает почти непрерывную съемку и лишние для фабулы сцены: кадры пола, потолка и т. п.

Found footage — это репортажные и любительские съемки от первого лица, из-за чего тряска камеры. Но камера иногда бешено трясется в простых условиях и ведет стабильную съемку в сложных. Неправдоподобны продолжение съемки с угрозой для жизни и выключение камеры в конце фильма. Последнее оправдано: событийный ряд окончен — окончена «реальность». Но оператор в фильме должен бы заботиться о жизни себя и товарищей. «Дневники мертвецов» Д. Ромеро. Ответственность общества за рост экранного насилия: «мы останавливаемся не помочь, а взглянуть». В интернет-обществе главное правило: «Не запечатлено — значит, не существует».

Мысль, что достоверность может исчезнуть при «фотоувеличении», больше не приходит в головы. Телевидение, Интернет — «всего лишь шум», но шум наших собственных голосов. В «Ведьме из Блэр» ужас перифериен, но ощущается зрителем. Знаем, что все погибли, но не видим этого. Не видим ведьму — не можем судить о ее существовании. «То, что за дверью никогда не пугает так, как сама дверь» [King, 1981]. Прием непреднамеренного возвращения — «ощущение беспомощности и злощестности» [Фрейд, 1999]. Страх потеряться в лесу и легенда о ведьме — отсылка к детству в первом случае человека, во втором — человечества (воздействие на двух уровнях восприятия). Максимальное включение зрителя в создаваемую реальность.

Поджанр мимикрирует под хронику и использует сформированное конвенциями телевидения и домашнего видео представление о том, как выглядит реальность. Отсюда выбор оборудования и художественных приемов, подбор неизвестных актеров. Участие камеры: персонажи обращаются в нее, антагонисты — бросаются. Стекло объектива разбивалось («Охотники на троллей»), было запятнано кровью («Свидетельство»). Камера символически служила орудием убийства («Карантин»).

Бум found footage возник с распространением цифровых кинокамер и упрощением процесса монтажа. Дистанция между автором и зрителем истончилась до предела. В мире youtub'ов каждый «сам себе режиссер», и камера мобильного предлагает съемку в full HD. Даже без Маклюэна можно констатировать: Интернет создал глобальный фольклор, общемировую мифологию. Стирая границы и преодолевая языковые барьеры, он выводит «городские легенды» в мировое пространство, сохраняя их анонимность. Это повлияло на кино и изменило представление о форме изображения «ужасного»: бессюжетный ролик youtub'a пугает сильнее «ужастиков», если за ним определенная мифология.

Литература:

1. *Артемьева О.* Эволюция эстетической модели жанра «хоррор» в американском кино: дис. ... канд. иск. наук: 17.00.03. М, 2010.
2. *Фрейд З.* Жуткое // Фрейд З. Влечения и их судьба. М., 1999. С. 177–228.
3. *Heller-Nicholas A.* Found Footage Horror Films and the Appearance of Reality. Jefferson, 2014.

4. King S. Danse Macabre. New York, 1981.
5. Rhodes G. Mockumentaries and the Production of Realist Horror. // Post Script: Essays in Film and the Humanities. 2002. Vol. 21. Pp. 46–60.

Калинин Илья Александрович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Механизм интерпелляции в советском кино: зов vs. взгляд

Согласно марксистской критике Луи Альтюссера, в капиталистическом обществе буржуазная идеологическая интерпелляция производится через внешний «оклик/зов» со стороны власти (собственно, так и переводят его теоретический неологизм «интерпелляция») со стороны власти, которая таким образом производит своих субъектов/подчиненных (собственно говоря, это те, кто обернулся на этот внешний зов, опознав его как обращенный именно к ним). Про социалистическую интерпелляцию марксист Альтюссер, конечно, не пишет, предполагая, что социалистическое общество опирается на объективность практики, а не на «ложное сознание», кристаллизовавшееся в идеологии.

Однако социалистическую версию подчинения идеологической рамке можно реконструировать на материале советского кинематографа. Если в случае, описанном Альтюссером, идеологическая субъективация производится через зов, за которым стоит некая внешняя инстанция власти, в советском кино можно обнаружить другой способ, реализующийся не через внешний зов, а через взгляд, который субъект ощущает на себе или сам же и его и производит как обращенный на себя. Этот тип интерпелляции можно выразить с помощью следующей схемы: «Для того, чтобы почувствовать на себе мобилизующий взгляд Ленина, не обязательно находиться под его портретом». Таким образом, индивид сам и производит этот мобилизующий взгляд, проецируя его на себя и совершая над собой усилия по собиранию себя в качестве политически активного и идеологически сознательного субъекта. Предполагается сравнить высокое сталинское кино (прежде всего «Великий гражданин» Эрмлера) и позднесоветский кинематограф (прежде всего «Свой среди чужих, чужой среди своих» Михалкова).

Кащенко Елена Сергеевна,

к. иск., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Пределы кинофантастики (на примере экранизации рассказа Р. Э. Хайнлайна «Патруль времени», 2014)

Фильм «Патруль времени» был снят в 2014 г. режиссерами М. и П. Спиригами, главные роли исполнили Сара Снук и Итан Хоук. Основой экранизации послужил рассказ знаменитого американского писателя-фантаста Роберта Э. Хайнлайна. В качестве рекламного слогана была выбрана фраза:

«Чтобы сохранить будущее, он должен изменить прошлое». Не пересказывая подробности сюжета (что в данном случае непросто сделать в принципе), хотелось бы остановиться на некоторых характерных особенностях картины.

Достаточно часто режиссеры, вслед за писателями обращающиеся к жанру фантастики, фокусируют внимание на проблеме морального выбора героя, ставя его (или ее) перед глобальной проблемой. Хайнлайн не стал исключением, но усложнил ситуацию, поскольку одним из первых литераторов обратился к теме трансгендера, причем не просто обозначив, но заострив на ней внимание.

В процессе съемок «Патруля времени» у актеров возникла достаточно серьезная проблема. За последние годы зрители, приходя в кинотеатры на фантастический фильм, как правило, наблюдали за действиями героя-одиночки, призванного спасти мир, изменить существующий порядок вещей и т. п. «Патруль времени» начинается похожим образом, но затем «что-то идет не так». Динамика повествования замедляется, и зритель неожиданно для себя становится свидетелем психологической драмы одинокой женщины (Сара Снук). После фрагмента «женской истории» появляется машина времени и зритель понимает, что его заставляют не просто пассивно созерцать очередное повествование о грядущем конце света, но будто бы помещают в кадр и обязывают самому разобраться в психологической (фантастической) головоломке.

Именно в этом состояла проблема актеров. Снук и Хоук выполняли очень сложную задачу, поскольку им следовало по сути играть роль одного и того же человека. Даже упомянув о главном секрете фильма, автор может не ощущать себя «спойлером», поскольку в одном из интервью, приуроченных к выходу «Патруля времени» в прокат, Итан Хоук сказал следующее: «Не говорите, будто вы до конца поняли, о чем идет речь в этом фильме, потому что это невозможно».

На наш взгляд, особенно сильное впечатление от просмотра должно было остаться у тех зрителей, которые не читали рассказ Хайнлайна (и тем самым лишили себя обязанности непрестанно сравнивать экранное изображение с первоисточником), но привыкли к интеллектуальной работе, в частности, во время похода в кинематограф. Именно для этой категории зрителей фильм стал настоящим открытием.

Главные вопросы, которые ставят авторы «Патруля времени»: нужно ли «объяснять» зрителю нюансы происходящего, если он не в состоянии заметить их самостоятельно? Должен ли зритель обязательно прочесть литературное произведение, особенно такое непростое, как рассказ Хайнлайна, перед посещением кинотеатра? Должны ли актеры до конца разбираться в хитросплетениях и тонкостях сюжетной основы, или им достаточно довериться режиссерам?

Совершенно очевидно одно: в отечественный прокат давно не выходила такая особенная картина как «Патруль времени», создатели которой намеренно соорудили для зрителя сюжетную и визуальную ловушки, незаметно превратив сидящих в зале людей из наблюдателей в практически прямых соучастников происходящего.

Кириллова Ольга Алексеевна,

к. филос. н., доцент, Киевский национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова (Украина)

Киноапофатика, киноэсхатология и эсхатопедагогика

Киноэсхатология как понятие имеет отношение и к определенному направлению в кинематографе, и в отдельному полю кинотеоретических исследований. Здесь объектом наименее является линейная фантастическая киноапокалиптиката: эсхатология кино в первую очередь дана как работа со временем и с кинореальностью, трансформируемой средствами кинематографа в Реальное (в лакановском понимании). Кинематограф визуализирует невозможность говорить о единой эсхатологии, синхронизирующей все уровни «конца света»; кинематографическая эсхатология всегда поливариантна и неокончательна, идет ли речь об антропогенной катастрофе, в первую очередь связанной с последствиями ядерной войны, о природных изменениях в экосистеме и космосе, несовместимых с сохранением человечества или же о «конце истории» как этапе перехода человечества в новое качество, или же о цифровой эсхатологии — обнулении баз данных, приводящей к сбою всех стабилизирующих механизмов, как у Вима Вендерса; или же об иррациональном торжестве внезапного Ничто — все эти «концы света» несинхронны, и кинематограф эту рассинхронизацию фиксирует. Так у Вима Вендерса появляется фильм о продолжении жизни после конца света («Когда наступит конец света», 1991), а у Стенли Кранмера возникает два эсхатологических финала одного фильма («На последнем берегу», 1959): в первом из них мир поглощает водный хаос, его же породивший (эсхато-космогонический элемент всех планетарных мифологических комплексов: Нун, Абзу, Океан); во втором же варианте финала предметный антропогенный мир оставлен нерушимым, только опустевшим: из него исчезли люди и, соответственно, исчезло время. Так Кранмер визуализирует субъективность любых эсхатологических представлений, не существующих вне индивидуального восприятия.

Кинематографическая эсхатология Константина Лопушанского, которая начиналась с более традиционных для этого жанра экранизаций жанровой, фантастической литературы («Письма мертвого человека» 1986 г. по сценарию Б. Стругацкого и А. Германа, «Гадкие лебеди», 2006, по братьям Стругацким), транспонировала реконструкцию пост-эсхатологического ментального пространства на феномен «рубежа веков» как «рубца» страны-в-субъекте («Конец века», 2000, «Роль», 2013); вся она единообразно танатографически кодирована. На смену «педагогике восприятия» (по образцу Делеза — Пазолини) приходит «педагогика умирания», в теории Николая Евреинова предписанная театральным актерам, а Константином Лопушанским спроецированная на всю его «парадигму кино».

Этой еврейновской теме (с прямыми сценарными отсылками) посвящена «Роль» — последний фильм Константина Лопушанского, где еврейновский актер-декадент вживается в платоновский советский мир как мир посмертный; герой фильма отменяет «репетицию», снимая границу между жизнью и смертью, вживаясь в смерть как в роль). Обучение пост-эсхато-

логическому *modus vivendi*, вживание в роль мертвеца служит основной темой фильмов Лопушанского — в «Письмах мертвого человека» этому обучает опыт ядерной войны, в «Гадких лебедях» — педагогическая ориентация детей на фигуры мокрецов (символических мертвецов), в «Конце века» искусственные попытки психоаналитической реанимации женщины с пост-травматическим синдромом оказываются тщетными.

Эсхатологичность в фильме А. Ю. Германа определяется отсутствием диахронного членения, готовящего зрителя к восприятию чужой смерти с помощью традиционных визуальных и звуковых спецэффектов, саспенса и т. п., отсутствием перехода, включенностью неотчуждаемого элемента «будничной и тихой смерти», насильственной преимущественно в каждый элемент ритмического членения кинокартины.

Принципом эсхатологического хронотопирования фильма Германа служит та модальность мироощущения, которую мы определим как «экзистенциал пц», предусматривающий слипание прошлого и будущего в моменте «ещё-не» или «уже-наступившей» катастрофы, хронотопирующей перцептивно-личностный ритм в условиях крушения экзистенциальных основ миропорядка. Далее проводится анализ апофатики киноязыка в киноэсхатологии упомянутых режиссеров.

Конева Анна Владимировна,

д. культ., зав. отделом, Российский институт культурного
и природного наследия (Москва)

**Сильная женщина: нарративы гендерного стереотипа в детском
и подростковом кино**

Современный кинематограф демонстрирует существенное смещение гендерных стереотипов. Особенно явно это становится видно на примере детского и подросткового кинематографа, где место культурного героя все чаще достается девочкам. Мы можем констатировать смену гендерного нарратива в его дидактическом аспекте и задаться вопросом о том, за счет чего происходит и к чему ведет этот процесс.

Возможно предположить, что существенным образом трансформируются идентификационные практики, понятие индивидуальности и способы построения имиджа как визуальной самопрезентации. В современном обществе остро стоит проблема конструирования социальной идентичности. Теоретики постиндустриализма подчеркивают, что парадигмообразующими процессами современности оказываются процессы демассификации культуры и персонализации личности. В концептуальном поле формируется новая парадигма, которую можно определить как парадигму *difference*, это парадигма различения, теоретическое обоснование которой мы находим в трудах современных философов, от М. Хайдеггера до М. Фуко, Ю. Кристевой и Ж. Делеза. Бесспорно, речь идет о процессах, затрагивающих, в том числе, и самосознание индивидуальности, и конструирование идентичности, и способы ее презентации, стратегии формирования которой должны в современности строиться по принципиально иным, нежели прежде, основаниям.

На примере детского кино мы рассмотрим проблему конструирования социальной идентичности как метаморфозу нарративных стратегий гендерной идентификации в контексте социальных мифологий. В фокусе внимания окажутся границы женского образа и стратегии его трансформаций. Концептуально мы обратим внимание на способы построения имиджа женского героя в детском кино. Способы формирования имиджа будут рассмотрены с позиции исследования визуального нарратива — как способ презентации опыта и средство включения в поле социального обмена. Мы поставим вопрос о том, какие типы женского образа формируют сегодня поле ценностной доминанты и какие способы самопрезентации предлагает кинематограф детской аудитории. В этом смысле мы будем исследовать один из «некинематографических» языков — язык экзистенциальной и социальной презентации, который выводит кинотекст за собственные пределы, обращаясь в бытийным и событийным контекстам самоопределения индивидуальности.

Коршунов Всеволод Вячеславович,

преподаватель, Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С. А. Герасимова (Москва)

Plot vs. subplot

В традиционном киноповествовании сложилась четкая иерархия сюжетных уровней — главная, стержневая сюжетная линия (сюжет А) и система подсюжетов (сюжет В, сюжет С и т. д.). В кинематографе последних лет ситуация изменилась: один за другим стали появляться фильмы, в которых мы наблюдаем своеобразный бунт подсюжета против основного сюжета, именно подсюжет выходит на первый план. Можно говорить о трех модификациях этой трансформации:

- 1) герои оказываются «на обочине» традиционного сюжета, который является лишь фоном («Монстры», 2010, реж. Г. Эдвардс);
- 2) основной сюжет является формальной рамкой, в которой разворачивается подсюжет («Новый человек-паук: Высокое напряжение», 2014, реж. М. Уэбб);
- 3) подсюжет внедряется в главный сюжет, «разъедает» его, пытается подчинить себе («Годзилла», 2014, реж. Г. Эдвардс, «007: координаты “Скай-фолл”», 2012, реж. С. Мендес).

Самое интересное, что эти трансформации происходят в жанровом кино, что, по мнению ряда кинокритиков, свидетельствует о тенденции «взросления» блокбастеров.

Кропова Дарья Сергеевна,

аспирант, Всероссийский государственный университет кинематографии
им. С. А. Герасимова (Москва)

Связь закадровой речи в кино с хором древнегреческой трагедии

1. Под закадровой речью подразумевается речь героя или рассказчика, не участвующего в данной сцене (а иногда и за всё действие драмы не появляющегося на экране). Автором рассматривается Голос, оторванный

- от визуальной составляющей образа, т. е. некое особое явление в драме, представленное только голосом.
2. Разбор современных фильмов, в которых используется «закадровый герой», наводит на размышления о природе такого явления в драме вообще.
 3. Прием закадровой речи долгое время считался «литературным» и применимым к драме крайне «дозировано». Здесь и кроется ошибка, т. к. это прием (использующий Голос) — сценический.
 4. Драматургическая роль закадровой речи может быть разной в современной драме, но важным представляется сверить ее с драмой древней. Какую роль нечто подобное играло в древнегреческой трагедии? Вероятно, тогда мы сможем объяснить значение закадрового слова, его в каком-то смысле сакральную роль.
 5. Г. Эмихен упоминает исключительные случаи, когда хор пел за сценой. Но и сам хор (находящийся в оркестре) занимал особое положение по отношению к сцене и мог служить в некотором роде прообразом закадровой речи в современной кинодраме.
 6. Особое положение хора (жертвенный алтарь в оркестре, статуя Диониса) и способ исполнения (моноподное пение, сопровождаемое флейтой) свидетельствуют о древних сакральных корнях хора. Это была одна из самых важных составляющих Трагедии.
 7. Если исполнение хора носит столь выраженный сакральный характер, то и роль в трагедии у него совершенно особая. Драматургическая роль хора — роль посредника: между зрителями и героями (обусловлена уже положением оркестры в театре), посредника между драматургом и зрителями, между богами (как таковыми) и героями (участниками драмы). Хор стоит «над» действием, хор «ведает» и «предчувствует» более всех. Хор — это Голос рока, вещающий о трагической вине человечества (кем бы хор ни являлся в конкретной драме).
 8. М. Сабина проводит сравнительный анализ двух театров (оперного и драматического) в XX в., выявляя общие драматические структуры.
 9. Наследником древнего хора является хор в опере и кино-опере. Аналогичное явление обнаруживается в кино — это закадровая речь (анalogии проводятся по общедраматургическому значению и воплощению в драме).
 10. Сравнение музыки, речи и пения представляет отдельный интерес. Может ли музыка за кадром быть сопоставима с закадровой речью? Думается, да. Следовательно, мы должны расширить границы того, что подразумевается под закадровой речью и «наследием» хора древнегреческой трагедии.
 11. Исследование взаимоотношения текста, голоса и музыки в кино, театре и опере должно быть рассмотрено в сравнении с тремя (предположительными) видами голосового исполнения древнегреческой трагедии.
 12. Эксперименты с голосом в XX в. (в частности, когда у Штокхаузена нам слышится человеческий крик, а потом мы понимаем, что «кричит» машина) повлияли на эстетику голоса/пения и, следовательно, тоже должны быть учтены в исследовании закадрового голоса.

13. Отдельного внимания заслуживает фигура комментатора (в кино) и, в числе прочего, комментирующая роль хора.
14. Меняются роли хора и закадрового голоса. Не меняются базовые структуры драмы, что-то заставляет драму (целенаправленно или нет) воспроизводить структуры, обнаруженные еще древними греками.
15. Структуры сложных произведений различных искусств в некотором роде повторяются по форме.

Вероятно, музыкальные и литературные произведения не заимствуют форму друг у друга, а их форма имеет один источник. И именно в драме эта универсальная форма проявляется всеми своими сторонами, возможно, это была форма изначального ритуала (мистерии), глубоко связанная с нашими психологическими и духовными движениями (потребностями).

Мариевская Наталья Евгеньевна,

к. иск., доцент, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва)

Современный кинематограф: границы визуального

Визуальный образ является важнейшим выразительным средством кино. Но он же является и его ахиллесовой пятой. Вещи неизбежно и назойливо присутствуют на экране. Современный кинематограф тяготеет к представлению на экране неполноты, отсутствия, ущерба мира. Важным приемом создания ущербного мира является контраст. Мир утраченного рая составляет контраст к миру, возникшему после грехопадения. Эта ситуация интересна для исследования тем, что в структуре фильма возникают два мира принципиально различными темпоральными свойствами. Этот прием работает как в кинематографе, так и в классической литературе, например, образ рая в «Нимфоманке» фон Триера и в «Старосветских помещиках» Н. В. Гоголя.

Если фильм еще можно представить без изображения (или часть фильма), во всяком случае значимое отсутствие изображения является мощным художественным приемом, то «освободиться» от времени кинематограф не может. Атемпоральность является характеристикой многих процессов. Например, Ю. Кристева говорит об атемпоральности прощения. Какими средствами может быть представлено на экране отсутствие времени? Если время соотносится с причинностью, то можно ли говорить о том, что безвремя соотносится с бессмыслицей?

Остановка времени всегда наделяется создателями фильма особым значением. У Аллена Рене в фильме «Хиросима, любовь моя!» остановка времени означает смерть, выпадение из жизни. Так же обстоит дело у Инмара Бергмана в «Земляничной поляне» (знаменитые часы без стрелок). Остановка времени может быть мучительной тем, что должно быть преодолено. Сюжет фильма может строиться на том, что герой должен сделать правильный выбор, чтобы запустить ход времени. На этом строится сюжет фильма «День сурка». Преодоление остановки времени может быть реализовано через игру, искусственно актуализирующую будущее. Отсутствие времени может быть признаком подлинного бытия. Напротив,

ускорение времени может означать стремительное движение к старению и распаду. Так обстоит дело у фон Триера в «Нимфоманке».

Концепт безвременья в структуре кинематографического произведения является недостаточно изученным. Перипетия от мира, где есть движение времени, к миру, в котором время отсутствует, всегда обладает важным сюжетным значением.

Мартынова Светлана Александровна,

аспирант, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Кино-нарратив и его фреймы: непризнаваемые свидетельства

Включение свидетельства в кино обусловлено исключительной значимостью и заманчивостью опыта свидетеля — уникальностью встречи свидетеля с тем, что произошло и последующей его интерпретацией. Включенное в кино-нарратив свидетельство определяет смысловую и сюжетную линию кино-текста, выявляет контекст формирующихся значений. На структурообразующем уровне свидетельство связывает кино-текст с иными текстами — текстами повседневности, сакрального пространства (свидетельство пострадавших, свидетели божественного и т. д.). В пределе кино рефлексировать, на каких свидетельствах оно выстраивается и каким образом они включаются в кино-нарратив.

Опора на свидетельство в раннем кинематографе (хроники) оказывается очевидной и значимой. Более того, свидетельство и выразительные средства кино усиливают друг друга (красный флаг в фильме «Броненосец Потёмкин»). Вместе с тем кино показывает те ситуации, в которых сам принцип свидетельства подвергнут сомнению, осуждению, насмешке. Одним из примеров такого отношения к свидетельству является фильм 1912 г. «Мечь кинематографического оператора», в котором развитие сюжета, выстраиваемого на основе свидетельства, включает сцену наказания свидетеля-оператора (он попадает в тюрьму).

Вторым примером непризнаваемого свидетельства является фильм 1920 г. «Кабинет доктора Калигари», в котором под сомнение ставится рассказ свидетеля событий. Непризнание свидетельства не только выступает одной из сюжетных сцен, но и реализовано на структурообразующем уровне. Под сомнение поставлен контекст кино — свидетельство или безумие (герой признается в конце фильма сумасшедшим)?

Характерно, что как в фильме 1910 г., так и в фильме 1920 г. свидетель помещен в месте лишения свободы (психиатрическая лечебница). В этом жесте, на наш взгляд, реализовано характерное для раннего кинематографа отношение к тем свидетельствам, которые невозможно признать (по причине их противоречия интересам того, кто признает или их само-дискредитацией) — они изолируются, берутся в плен внутри кино-нарратива.

В конце XX в. мы сталкиваемся с рядом фильмов, где значимы непризнаваемые свидетельства, которые нарочито включены в кино-нарратив и, более того, которые не признаны в силу того, что они не отличают

кино от повседневности. Общий контекст фильмов «Укол зонтиком» (1980) и «Андеграунд» (1995) связан с размещением героев (Грегуар Леконт и Чёрный) в их собственном мире (подземелье и воображаемый мир съёмки), по причине чего герои не могут выступать свидетелями явлений, происшествий. В кульминационный момент, когда герои выносят суждение о том, что происходит вокруг них, они исключительно ошибаются.

В фильме «Андеграунд» Чёрный вместо снимаемого кино видит реальные фигуры, напротив, в фильме «Укол зонтиком» Леконт просит переснять сцену, не распознает в ней реальное убийство. Внутри киноповествования обозначена проблема — отрицание героем кино-нарратива или, напротив, его фиксация там, где его нет. В связи с этим фиксирована утрата в субъективном восприятии фрейма кино-нарратива, т. е. той смысловой и выразительной целостности, на фоне которой прояснены ее части (фрагментация без целого становится ложно истолкованной или остается только сохраняемый в ожидании контекст). Характерно, что в итоге сюжетные развертки фильмов и не «стирают», и не одобряют такие свидетельства. Последние выступают как событие через обращение киноповествования к своему иному началу.

Обозначение «сумеречной зоны» кино-текста в рассмотренных двух последних случаях связано с нарочитым включением в кино-нарратив опыта ошибочного свидетельства, не отличающего кино от иного ему. Обращение кино к непризнаваемым, но, тем не менее компрометирующим его свидетельствам обнажает ситуации нераспознавания кино-нарратива и утраты фрейма последнего. И сохранен вопрос начала кинематографа — на какие свидетельства может опираться кино?

Мартьянова Ирина Анатольевна,

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Текстообразующая роль киносценария в ретрансляции русской культуры

Обязательное участие сценария в кинопроцессе определяет его текстообразующую роль в ретрансляции русской культуры. Оно привело к созданию корпуса текстов нового рода литературы, одной из основных разновидностей которого является сценарий-интерпретация.

Имея общие типологические свойства с оригинальным сценарием, он отличается своей двойной зависимостью — не только от фильма, но и от первоисточника. Структура его текста несет следы стратегий кинодраматизации и дедраматизации, осложнена памятью о первоисточнике и необходимостью его изображения в соответствующем сценарном жанре.

Сценарная интерпретация является художественной, обязательной, авторизованной, предполагающей неизбежную трансформацию первоисточника. В идеале она является результатом не адаптации, а дискурсивной рефлексии, не отражения, а изображения литературного произведения в тексте киносценария.

Композиционно-синтаксический ракурс анализа позволяет осмыслить комплекс изменений первоисточника, включающий в себя как свертывание, так и развертывание его текста, контаминацию этих процессов, возможные перестановки и элиминацию композитивов.

В отличие от театральной драматизации, сценарная интерпретация создает диалогические отношения как между репликами персонажей, так и между наблюдаемым/слышимым.

Произведения лиро-эпического и эпического родов литературы подвергаются, как правило, кинодраматизации, а произведения драматургии — дедраматизации. Действие стратегии кинодраматизации выражается в следующем:

- в создании событийной насыщенности текста, чреватой драматическим конфликтом;
- в эмансипации персонажей от образа автора;
- в актуализации позиции читателя-зрителя, вследствие замены рассказа показом.

В собственно текстовом отношении она находит свое проявление:

- в динамизации текста в результате редукции речи персонажей, элиминации релятивных текстовых компонентов, свертывания объектов наблюдения;
- в обострении драматического конфликта средствами полисобытийного монтажа;
- в свертывании форм эксплицитного авторского присутствия;
- в переводе тематической, внутренней речи в «озвученную» речь;
- в ее диалогизации;
- в создании «диалога» между наблюдаемым и слышимым в форме вертикального монтажа;
- в изменении дейктической и темпоральной организации первоисточника, соотношения в нем категорий определенности/неопределенности.

В процессе сценарной интерпретации изображаются жанровые параметры первоисточника. Как правило, рассказ (или несколько рассказов) и повесть трансформируются в киноповесть, а роман преобразуется в кинороман или роман-трагедию.

Тот факт, что в основе киносценарной интерпретации драматических произведений лежит стратегия дедраматизации, обусловлен тем, что именно драматургический, а не лиро-эпический или эпический род литературы оказывается кардинально противопоставленным киносценарию. Диахронический подход к проблеме, тем не менее, обнаруживает сложный характер взаимодействия драмы и сценария, архетипичность театральной драматизации эпических произведений.

Дедраматизация пьес, неизбежность которой с особенной очевидностью демонстрируют сценарии М. Булгакова и А. Эфроса, выражается в свертывании форм авторского присутствия, в расширении сферы наблюдаемого за счет слышимого, в изменении течения художественного времени, что приводит к редукции речи персонажей, к трансформации объемно-прагматического и контекстно-вариативного членения экранизируемых произведений.

Минева Инна Николаевна,

к. ф. н., доцент, Петрозаводский государственный университет

Космос и идеология в советской кинофантастике 1960-х гг.
(«Планета бурь», реж. П. Клушанцев)

Научно-фантастический фильм известного популяризатора науки, знатока космологии и астрономии П. Клушанцева «Планета бурь» (1961), созданного по мотивам одноименной повести А. Казанцева, — яркая иллюстрация преодоления стереотипного в официальном советском искусстве представления о Вселенной как пространстве идеологической пропаганды нелепых лозунгов и представлений о всеилии советского государства, идентификации советского человека как «строителя коммунизма», завоевателя и властителя «диких миров», способного на «планетарные» подвиги и оправдывающего «доверие советского народа».

Вопреки официальной научной фантастике, П. Клушанцев популяризирует знания о космосе как пространстве вне Земли, его границах, законах рождения, жизни, развития и умирания. Кроме того, в фильме П. Клушанцев на первый план выводит проблемы философского и психологического характера — контакта двух цивилизаций, их существования, столкновения идеологических, антропологических, гендерных ценностей, возможностей, желаний, а также природы тела и разума.

Подобные знания о космосе, земной и внеземной жизни, сути человека формируются за счет взаимодействия идеологического, научного, фантастического нарративов, переосмысления текста-источника (одноименная повесть А. Казанцева), реконструкции земного (советского, идеологического) и внеземного хронотопов, создания космической и «венерианской» мифологии (образы советских и американского космонавтов и «венерианской Аэлиты», ландшафт, стихийный и анималистический мир, язык человеческой и внеземной цивилизаций), введения языка жестов, аллюзий на политические, исторические события (советско-американские отношения), научные гипотезы (К. Э. Циолковский), художественные произведения (повесть А. Н. Толстого «Аэлита»), создания спецэффектов, комбинированных съемок и др.

Митрофанова Алла Дориановна,

специалист, Санкт-Петербургский государственный университет

Серийные реальности в фильме «Святые моторы» Каракса
и в повести «Клуб убийц букв» Сигизмунда Кржижановского

Современные способы построения нарратива имеют особенности: нарратив строится одновременно в нескольких модальностях необходимости и вероятности, что приводит к несовпадению героя и его истории. Таким образом и герой и зритель вынуждено принимают позицию наблюдения за наблюдателем. Зритель в этой ситуации узнает не образ себя, а приходит к интимному узнаванию своей ситуации как драмы «наблюдателя без места и без лица». Прежний способ восприятия кино, когда зритель

узнавал «свою реальность» т. е. отождествлялся с персонажем в этом случае невозможен. Это требует от зрителя принять ограничения своего опыта и занять игровую/аналитическую позицию. Это несомненно вызывает драматизм современного положения субъекта, демонстрирует ограничения его самосознания.

Методологически я буду ориентироваться на теорию производственного искусства советского авангарда и теорию радикального конструктивизма 1980–1990-х Глазерсфельда, Никласа Лумана как теорию систем и теорию медиареальности. Центральный вопрос философских разногласий с начала XX в. состоял в осмыслении того, что реальность в новых версиях не имеет внешнего референта в виде природы или культуры. Это было названо кризисом метафизики или кризисом оснований, распадом реальности на два мира и далее на множество миров. Каждая реальность локальна, определяется как достаточная, а не универсальная. То, что вытеснялось классической метафизикой как профанное (случайное, частное, патологическое, интимное) стало новой материальностью и инструментами современного производства реальности.

Взамен внешних референтов наша ситуация получает другие аналитические инструменты и другие различия. Каждая из форм имеет множество междисциплинарных соответствий (подобий, по Беньямину): технологических, концептуальных, политических и культурных. Современные технологические обстоятельства задают не только распространение фильмов и трансформируют художественную форму применением спецэффектов или интерактивности. Они внедряются в индивида и его тело новыми процедурами микроанализа, технологического и информационного управления, косвенно задают переописание художественной формы, героя, сюжета. Эти новые сюжеты связаны с мультиперсональностью героя вплоть до телесных мутаций, симбиозов и переселения из тела в тело («Аватар», «Сталкер», «Солярис»). Они моделируют «возможные миры», и пытаются проблематизировать то, что остается от героя, когда он последовательно сыграл и снял с себя все варианты персональности, когда его никто не кликает и не предлагает ему принять набор социальных идентичностей. Особенности подобной наррации рассматривались Делезом через понятие серийности, Батлер через понятие перформативности, Кржижановским через понятия нагромождения и утраты смысла.

Рассмотрим примеры такой наррации на примере фильма Каракса «Святые моторы», где герой проходит через серии эмпирических реальностей (возможных миров). При таком подходе драма, выбор, желания и страдания получают новые смысловые решения. Герой противопоставлен себе как серии своих персонажей и их историй. Субъект нигде не наделяется тождеством себя и своей роли, в остатке у него остается экзистенциальный избыток. Этот «экзистенциальный отросток», имеет несколько экранных секунд на отдых и переодевание. В остальное время он играет сам себя, отделяет от модели себя как свои жизненные роли и психические состояния. В некотором роде он является наблюдателем за собой, но без места и без лица.

«Кто говорит?» — это больной вопрос XX в. Что остается и где теперь искать субъекта после того как он оторвался от классической дихотомии субъекта-объекта? Здесь возникает парадокс теорий, с одной стороны, «смерти автора» (Ролан Барт) и, с другой стороны, «возрастание роли личности» (Игорь Кон), которые представляются сторонами одного процесса поиска субъекта — оператора в новых условиях культурного производства необходимых и возможных реальностей.

Перельштейн Роман Максович,

к. иск., докторант, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва)

Сверхрациональное через призму эстетики невыразимого в фильме братьев Дарденн «Молчание Лорны»

В картине «Молчание Лорны» (2008) братья Дарденн обнаруживают всю силу сверхрационального порыва, который воспринимается окружающими как нечто иррациональное, абсолютно необъяснимое с точки зрения здравого смысла.

Авторы «Молчания Лорны» не склонны ассоциировать образ сумеречного леса со сферой подсознания, как это стало принято в экзистенциальном кинематографе, отдающем щедрую дань психоанализу.

Дарденны избегают обращения к психической реальности, т. к. специфическая образность, которая оказывается ей подстать, замутняет метафизические ключи, из которых они черпают сюжеты для своих историй.

Дарденны уходят от поверхностного прочтения символической природы искусства, отсюда и их пристрастие к «физиологическому очерку», но они не забывают, что символ является мостом между видимым и невидимым миром. Главная заслуга братьев Дарденн состоит в том, что они, беспрестанно обращаясь к «маленькому человеку», не делают из него жертву обстоятельств и не снимают с него ответственности. Напротив, они заставляют «маленького человека» вырастать над сами собой.

Пинежанинова Наталья Павловна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Время как тематический синкретизм медиа и поэтического текста

Видеопоззия — это искусство визуальное, режиссерское, в котором медийная репрезентация поэтического текста имеет собственный эстетический потенциал в интерпретации поэтического высказывания. Видеокадры, сопровождающие стихи, могут быть документальными, игровыми, анимационными или дигитальными. Использование приемов документального кино в поэтическом видеоклипе создает представление о времени в биографическом или хроникальном модусе. Документальные кадры играют особую роль создания эффекта сиюминутности и реальности времени.

В соположении с поэтическим текстом историческое время может стать как фоном, так и одним из концептуальных моментов связи с поэтическим смыслом.

Одним из ярких примеров документальной видеопоззии является клип Кирилла Серебренникова на стихотворение Иосифа Бродского «Конец прекрасной эпохи». В этом клипе Кирилл Серебренников снимает свой родной город Ростов-на-Дону (2008 г.), соотнося впечатления от современности с концом эпохи 60-х гг., оценку которой дает стихотворение И. Бродского. Такая проекция одного времени на другое показывает, с одной стороны, неизменность оценок времени и актуализирует мнение поэта в нашем времени; а с другой стороны, подчеркивает свойство всякой настоящей поэзии к философским обобщениям. Вместе с тем такой способ документальной репрезентации демонстрирует сам акт чтения и интимизации текста создателем клипа, что тоже характерно для восприятия поэзии, т. е. режиссер показывает, что это мог быть его собственный текст, если бы он был поэтом.

В поэтическом тексте И. Бродского есть сложные метафоры времени, для восприятия которых требуется время, и в клипе чтение текста перемежается паузами. Но это звучащие паузы — в них прорываются реплики невидимых людей с их незначительными бытовыми разговорами. Высокая поэзия сменяется шансоном из караоке-бара. Документальные съемки вписывают поэзию в рутинный быт, в результате чего создается ироническая полифония. Видеокалип не только визуализирует и озвучивает время, но и показывает его как интерпретационный вариант метафоры И. Бродского: «Зоркость этих времен — это зоркость к вещам тупика».

Полищук Вера Борисовна,

к. ф. н.

Театр на экране: проект «Театральный киносезон» («Theatre HD») в России

1. Проект «Theatre HD», проходящий в России с 2012 г., включает показы на большом экране кинозаписей драматических, оперных и балетных спектаклей. До недавнего времени были известны жанры как телеспектакля (специальной постановки для ТВ или записи спектакля для ТВ), фильмы-оперы, фильмы-балеты. Кинозаписи из проекта «Театральный киносезон» отличает новаторство. Мы рассматриваем три киноспектакля: «Франкенштейна» Д. Бойла, «Двенадцатую ночь» Т. Кэрролла и «Национальный театр: 50 лет на сцене» Н. Хайтнера.
2. В кинозаписях спектакля «Франкенштейн» и «Двенадцатая ночь» использованы операторские приемы из арсенала кино. Выбор ракурса подчеркивает смысловые акценты спектакля. В ряде случаев операторские приемы взяты из арсенала фильмов-комиксов.
3. Кинозапись спектакля «Национальный театр: 50 лет на сцене» представляет собой новаторский жанровый гибрид: документальный фильм, интервью и собственно спектакль-монтаж из фрагментов различных постановок.

Рейфман Борис Викторович,

к. филос. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Кино и «фотографическое»

Согласно Розалинд Краусс, фотография не может быть объектом семиотического анализа, подобным всем тем произведениям искусства, которые имеют ту или иную языковую природу, т. е. создание которых невозможно без посредничества культурных кодов. Это связано с тем, что сходство фотографии с запечатленной на ней реальностью «физически принудительное» и, следовательно, используя понятия Ч. С. Пирса, можно сказать, что она является не знаком-иконом, а знаком-индексом. Соглашаясь с Р. Бартом в том, что «именно в остановке интерпретации и заключена достоверность фотографии» и что «это было — вот самое большее, что о ней можно сказать», Краусс вводит понятие «фотографическое», широкий смысл которого подразумевает объекты искусства, в принципе исключаящие какие-либо интерпретации и являющиеся всецело объектами теоретическими, т. е. допускающими лишь определенные культурологические рассуждения «по поводу».

Влиянию концепции «фотографического» и других стратегий «визуального поворота» (в частности, идей Л. Мановича) на современное искусство и прежде всего на кинематограф и будет посвящен предполагаемый доклад.

Семенова Наталья Валерьевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Визуальные метафоры в фильмах конца 1930-х гг.

Фильмы 1934–1941 гг. отражают процесс, который социолог Н. С. Тимашев называл «Великим отступлением» [Timasheff, 1946]. Этот термин означает возвращение к традиционным социальным и культурным нормам и институтам дореволюционной России (укрепление семьи, ослабление антирелигиозных кампаний, восстановление прежней системы образования), а также утверждение исконных ценностей, например, патриотизма и пр. Причем речь не шла о простом восстановлении «дореволюционного status quo»: эксперимент большевиков синтезировался с наследием дореволюционной культуры в новую советскую культуру [Lenoe, 2004]. В результате, в данный временной отрезок, ознаменовавшийся Второй пятилеткой, возник ряд специфических образов, таких как «знатные люди», «сталинские соколы», «семья народов» и т. д. Эти и другие подобные формулы воспринимаются сегодня как штампы, однако генетически они являются метафорами.

Первая треть XX в. была отмечена процессом «технизации» чувств и мышления, поэтому наиболее эффективным каналом трансляции указанных выше метафор представляются визуальные динамичные искусства, в особенности кинематограф. Там активно используются визуальные метафоры, которые соседствуют с прецедентными текстами. И если воспроизведение последних зафиксировать легче, то чтобы эксплицировать

первые, требуется проделать значительно большую работу. Так, начало монолога Александры Соколовой («Член правительства», 1939) «Вот стою я перед Вами простая русская баба...» и через 70 лет входит в активный словарь крылатых выражений и встречается в современной литературе («Внеклассное чтение» Б. Акунина). В то же время достаточно сложно ответить на вопросы, была ли та или иная визуальная метафора, во-первых, корректно декодирована (например, метафора из чуть более раннего фильма С. М. Эйзенштейна «Старое и новое» сепаратора как чаши Грааля), а во-вторых, насколько она находила отражение в повседневной практике, влияла на поведенческие модели и аксиологическую систему человека XX в.

В связи с этим в презентации ставится проблема перекодирования информации — каким образом в сценариях и эпитектах (рецензии критиков, выступления авторов), фигура речи трансформировалась в визуальный образ.

Литература:

1. *Lenoe M. E.* In Defense of Timasheff's Great Retreat // *Kritika*. 2004. Vol. 5. P. 721–730.
2. *Timasheff N. S.* The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. New York: E. P. Dutton, 1946.

Славина Ольга Юрьевна,

к. ф. н., доцент, Гамбургский университет (Германия)

Сеанс: между медиумизмом и кинематографом

В эпоху докинематографического периода — последнюю треть XIX в. — активизировались паракультурные эксперименты в виде медиумических сеансов. Традиционная цель сеанса — получение аудио- или письменной информации заменялась на желание получения визуальной. На сеанс стали приходить как на просмотр — увидеть увиденное медиумом.

Одним из поводов проявления интереса к визуализации образов сначала прошлого, потом будущего, послужило известие о якобы возможной фиксации невидимого: в 1861 г. американским гравером Уильямом Мамлером (1832–1884) были изготовлены первые фотографии духов. За ним последовали многочисленные подражатели. Фотография воспринималась как способ доказательства возможности совмещения прошлого с настоящим. «Что вчера было еще галлюцинацией, завтра могло сделаться фотографией, с которой надо было считаться», — полагал коллекционер фотографий медиумических сеансов Александр Аксаков (1832–1903). Интерес к документации необъяснимого, т. е. к фотофиксации медиумических явлений, был вызван и в научной среде (медиумические сеансы организовывали такие видные ученые, как, например, Александр Бутлеров (1828–1886), Николай Вагнер (1829–1907), Уильям Крукс (1832–1919), Иоганн Карл Фридрих Цельнер (1834–1882). Постоянной фотосъемке на сеансе, который получил статус лаборатории, придавалось первостепенное значение. По этим изобразительным документам, а также по обширному корпусу свидетельских текстов, можно реконструировать пространство медиумического сеанса. Ма-

териалом реконструкции служит корпус текстов круга журнала «Psychische Studien» (1874–1925).

Медиумический сеанс имел признаки театра. Занавес был обязателен. За занавесом находилось пространство для представления или визуализации — сцена. Перед занавесом находились участники медиумического сеанса — зрители. С учетом естественного освещения заранее готовилось искусственное. Являющиеся образы составляли актерскую труппу, все были в определенных костюмах. Могла существовать и пьеса, предварительно полученная с помощью автоматического письма. Внеаттракциональным элементом был на сеансе медиум. Его роль на сеансе была основной и при этом этом пассивной. Медиум держал дистанцию: между собой и автором пьесы, между собой и действующими лицами — духами, между собой и занавесом. Дистанцию обеспечивал медиумический сон. Медиум был вынесен из трансцендентального спектакля и служил оптическим прибором: из темпорального измерения вытягивал некие психические феномены и сублимировал их в узнаваемые силуэты пространства зрительного зала. Медиум обеспечивал главное событие сеанса — переводил *das Werden von Formen* из медиумическо-лабораторного сеанса в прообраз кинематографа. Похожие задачи впоследствии будет решать кинооператор.

Степанов Михаил Александрович,

к. филос. н., Российский институт культурного и природного наследия (Москва)

Апофатика телесности

Доклад посвящен специфике репрезентации тела в художественном тексте (кино). Кинематографическая трансформация языка в визуальные образы, превращение дискурсивного в телесное, а телесного в визуальное, оставляет телесность недостижимой, негативной. Исходя из философского осмысления телесности на протяжении XX в., следует заключить, что она не тождественна ни собственно телу, ни мышлению, как противостоящему телу и возвышающемуся над ним с картезианского поворота. Между телесностью обоим причастна — это промежуток, среда, дающая возможность репрезентировать и тело, и мышление, говорить о них. Несмотря на понятийное разнообразие, телесность единственна, она есть то, что проявляется в дискурсах под различными именами, т. к. нет ей единого названия, а только условно можно назвать эту нереальную реальность телесностью. Но речи о ней имеют точку схождения в ее безмерности и анонимности, что и даёт новое понимание тела как телесности. Безмерность ее в том, она не имеет ни верха ни низа, ни лево ни право, не имеет ни вида, ни образа, ни формы. Анонимность означает, что телесность как высший синтез и единство опыта имеет своё пространство, понимаемое без рационального опосредования, т. е. без подчинения понятиям. Когда мы пытаемся ухватить телесность посредством чувств, как нечто осязаемое или вещественное, т. е. телесное, она ускользает от нас. Эта одна из черт телесности — вечное ускользание. Ускользнув, затаившись, телесность не исчезает вовсе, а всегда напоминает о себе, показываясь в эффектах теле-

сного, сопротивлении материала; показывается, тотчас исчезая, а исчезает, показываясь, оставляя после себя осадок, материальность культуры. Она всегда где-то рядом, непременно мелькая, подмигивая нам, желающим схватить ее в понятие, и нам, желающим полноты переживания.

Кино удается указующее подхватывание апофатической телесности во всей ее интенсивности и избыточности. Телесность оказывается изначально по отношению к культурным предметам и нарративам, благодаря которой они существуют и выражением которой являются. При этом сама телесность не телесна, т. е. видима или осязаема, но она есть возможность телесного; однако она и никакая не «умная материя», субстанция и т. д. Отсюда необходимость или единственная возможность определять телесность не как таковую, а через то, что она принимает и тем позволяет быть — медиальность. И все дело здесь в слове *принимать* — в значении принимать позу, но не принимать в смысле брать и иметь. Никакого антропоморфизма и экономики. Телесность НЕ имеет тело (режимы медиа) так же, как кто-то имеет тело, т. е. дышит, пьет, ест и что-то в этом роде. От такого понимания следует воздержаться.

Причина необходимости подобной «апофатической» мысли в том, что когда мы говорим о телесности, к ней неприложимы никакие предикаты: мы лишь с большими ограничениями можем сказать: «телесность — это...», допустим процессуальность, или: «телесность есть...», допустим, множественность. Для относительной ясности нам бы пришлось употребить большое количество не менее смутных слов, окончательно затемнив содержание понятия и лишив надежды хоть на какое-нибудь понимание телесности. Более того, таким образом, мы положили бы границу, предел, уничтожив саму идею телесности и сведя ее к дискургу о теле.

Поэтому говорить о телесности в отрицательной форме удобнее, «телесность не есть тело» или по тому же типу «что-то не есть что-то», но это «что-то проявляется через что-то другое». Явно, что такое отрицание уже не является чистым отрицанием, но в то же время не является чистым утверждением, хотя говорит, безусловно, о чем-то положительном. Можно сказать, что отрицание и положительное здесь то сливаются, то чередуются, то переходят одно в другое, позволяя появиться третьему — нейтральной, но позитивно определяемой медиальности. Вот на такой сейсмоопасной территории мы и будем строить наше исследование.

Тулчинский Григорий Львович,

д. филос. н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Кинонарратив как понимание: метафора сна

Сознание (включая самосознание), как некое связанное представление о мире и своем месте в нем, формируется и поддерживается преимущественно за счет памяти, в которой происходящее выстраивается в некоторую системную последовательность. Отсюда особая роль практик нарративности, расширяющих сознание и опыт, среди которых выдающуюся роль

играет кино. Во всех практиках нарратива, фактически, речь идет о двух рядах такой последовательности: во-первых, «что за чем следует», выстраивание временной последовательности, хронологии событий, и, во-вторых, «что причина чего», понимание сути происходящего.

Понимание — процесс и результат осмысления: смыслообразования, как воссоздания или конструирования смысла. В свою очередь смысл — порождение конечной системы (каковым, в сущности, является человек), пытающейся постичь мир в его бесконечном разнообразии. Поэтому такое постижение всегда осуществляется с какой-то позиции, точки зрения, «в каком-то смысле». Личность выступает «распаковщиком» этих смыслов — в меру своих жизненных проблем, целей, способностей. Однако, по-видимому, следует различать понимание жизни (мира, действительности) и понимание текста.

Жизнь, мир, действительность — бесконечны. В них нет причинно-следственных отношений именно в силу этой бесконечности связей: все связано со всем. В этом плане они подобны сну, так же наделенному избыточностью содержания, образов, которые как-то, причем, во сне — несомненно, взаимосвязаны. Пересказ сна, так же как и жизни, истории, как, впрочем, и любое объяснение — их организует, оформляет, порождая некий нарратив, текст.

Тогда понимание текста сродни растолкованию рассказанного сна. Этим оно отличается от «понимания» жизненной стихии, погружения в нее как сновидение. В котором возможны только уподобления, отождествления, «ага-узнавания», которые свойственны сознанию мифа, интуиции. Рассказ же истории, сна — дискурсия, предполагающая варианты объяснения. Причем такие объяснения могут быть двух основных видов: (1) как выявление причинно-следственных связей, каузальности, и (2) как выявление некоего замысла, целей, намерений, мотивации, порождающей или использующей каузальность. Первый вид, как известно, свойствен естествознанию и точным наукам, второй — гуманитарным. Примером второго варианта объяснений может служить детектив, главным моментом которого является выстраивание поздней рационализации, в которой хронология и каузальность стыкуется и объясняется мотивацией с выявляющей ответственность за происшедшее.

Поэтому всякое понимание текста одновременно является домысливанием, конструированием Другого, его сознания, мотивации и — попыткой вступить с ним в диалог. В этом плане кинотекст выступает системой, как минимум, трех уровней нарративности как технологии понимания:

- 1) демонстрация, череда образов и сцен, формирующая узнавание, идентификацию — типичная нарративность видового, домашнего, иногда — документального кино;
- 2) монтаж, агрегация этих сцен — то, что и порождает смысл, сюжет как пазл, в котором могут обнаруживаться смысловые, каузальные нестыковки целого;
- 3) толкование этого целого, рефлексия над ним, в духе финального рассказа Э. Пуаро, мисс Марпл в финале, достраивающего осмысление до выявления мотиваций. Иногда такую роль играет закадровый голос

главного героя или автора. И в этом своем качестве кинотекст подобен сновидению. Недаром Голливуд в свое время назвали «фабрикой грез». Однако не всегда у этого «сна» есть заданный (приданный, встроенный) толкователь. Примером может служить так называемое «бессюжетное кино» 1960-х. В этом случае задачу третьего уровня нарративности выполняет сам зритель.

В этой связи различные жанры кино можно рассматривать как разные техники толкования в кинонарративе, делающие акцент на каких-то уровнях построения этого нарратива.

Фомина Виктория Андреевна,

к. иск., доцент, Московский городской психолого-педагогический университет

О применении частотных методов в исследовании языка кино

Сценарий «Чарли-Кубист», как и замечательные выводы о фотогении (и мультигеничности) были бы интересны и сами по себе, но поводом к анализу послужило удивительное совпадение. Изложенные позиции удивительным образом подтверждаются результатами исследования критериев фестивального успеха российских анимационных фильмов. Для выявления критериев использовался метод самообучающихся систем. Гипотетический список критериев фестивального успеха выдвигался во время мозгового штурма в профессионально ориентированной фокус-группе на основе интуитивного представления и содержал более тридцати пунктов.

Исследование проводилось в профессионально ориентированных фокус-группах с участием студентов режиссуры мультимедиа ВГИК и МГППУ.

Критериями фестивального успеха фильмов оказались следующие: преобладание серо-коричневых оттенков в фонах (черно-белое изображение или усеченная палитра), отсутствие артикуляции, культурные ассоциации (отсылка к литературной, изобразительной, музыкальной классике), герой-аутсайдер (сирота, инвалид, алкоголик, неудачник). Приведенная совокупность трудно сопоставима с коммерческой и детской анимацией. Интересно проанализировать природу выявленных критериев фестивального успеха и их смысл.

Рассматривая кино между терапией и пропагандой, можно принять следующую формулировку: идея, как цель создания кинопроизведения, может быть направлена как во вне, так и внутрь себя. В зависимости от этого направления картину можно условно назвать либо проповедью, либо исповедью.

Пространство анимационного фильма подобно сказочному, т. е. свободно от законов физики и подчинено законам драматургии. Покадровый способ съемки или монтажа продуцирует не существующие в реальности движение, время и пространство.

Не стесненные геометрией и физикой материального мира эти элементы становятся средствами выражения авторской идеи. Многозначность драматургических компонентов позволяет рассмотреть анимационный фильм как эстетическое сообщение. Такая трактовка находит основание

в теории коммуникаций У. Эко, где отмечает два базовых свойства эстетического сообщения: многослойность и многовариантность. Многослойность можно рассматривать не только как способ сжатия информации, но и как самоподобность — проявление стиля — единого способа формообразования на разных уровнях. Таким образом стиль осознается как «содержательный элемент» и приобретает существенное значение для визуализации идеи. В пространственной модели Ю. Лотмана сюжет рассматривается как переход границы между мирами. Если в системе вложенных драматургических компонентов Л. Нехорошева идея рассматривается как динамическая полярность тезиса и антитезиса, то в модели Ю. Лотмана это — две части пространства, два мира с различными свойствами. В способе формообразования запечатляется влияние идеи на образную систему, в частности на геометрические и физические свойства пространства: форму, палитру, текстуру, характер пластических изменений (анимационную технику), ритм, свет, символический ряд и т. д.

Драму кукольного персонажа представляется в контексте эстетики А. Бергсона: речь идет о конфликте между идеей (жизненным порывом, влекущим вверх) и тяжелой материей (механически падающей вниз). Поэтому обострение драмы обрекают его на разрыв, причем эталоном героя-мученика М. Ямпольский (вслед за А. Базеном) признает Чарли, анимационный двойник которого распадается на куски в сценарии Ф. Леже. Конфликт героя-подвижника и пугающего мира в современной анимации разрешается, как правило, не через обреченную попытку, а посредством благоустройства окружающего пространства. Рассматривая критерии фестивального отбора через призму нелинейных драматургических моделей, можно сформулировать их смысл как поиск совершенства в единстве стиля. Единство достигается по принципу наименьшего действия, за счет минимизации количества выразительных средств и необходимости их драматургического осмысления. Интересно также, что фильмом-эталонем, удовлетворяющим всем четырем критерия

Чукуров Андрей Юрьевич,

к. культ., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

**Движение за нейроразнообразие и кинотекст
конца XX — начала XXI в.**

1. Примечательно, что лица с синдромом Аспергера называют всех прочих, не относящихся к их сообществу и представляющих психофизиологическую норму (условную, разумеется) — «нейротипичные». В самом термине определенная ироническая коннотация уже звучит довольно ясно, особенно для носителей русского языка, в котором термин «типичное» чаще используется для обозначения чего-либо «усредненного» и потому «менее достойного». Но вдвойне забавно, что это английское слово — *neurotypical* — в то же самое время используют как неприкрыто насмешливое для обозначения лиц со средним уровнем IQ.

2. Художественная жизнь, очевидно опережая научную рефлексию, выводит на авансцену героев не только с синдромом Аспергера, но и со множеством иных проявлений аутизма. Это случайное совпадение или некий временный мейнстрим в кино и литературе? Нет, это весьма значимая тенденция, являющаяся частью всеохватного процесса культурной трансгрессии. Культурологическая наука еще не обратилась к молодому и стремительно набирающему обороты социокультурному движению, которое выступает за нейроразнообразие. Между тем если мы сегодня утверждаем гендерную толерантность со свободой поло-ролевой самоидентификации, то обязаны идти до конца и согласиться с базовым тезисом движения за нейроразнообразие — в устройстве и функционировании головного мозга не существует единого стандарта и образца. Не зря сегодня представители сообщества аутистов не желают, чтобы их лечили. По мнению ряда исследователей, гены, ответственные в частности за синдром Аспергера, появились относительно недавно и являются продуктом эволюции вида *Homo sapiens*.
3. Анализируя нейроразнообразие как часть куда большего явления — разнообразия культурного, являющегося фундаментом современного толерантного общества, мы выходим на проблему более глобального свойства. Речь идет о соотношении двух понятий — «культура» и «девиация».
4. Количество исследований, связанных с выявлением аутизма, изучением поведения и мыслительного процесса аутистов растет в геометрической прогрессии, точно так же как растет количество самих аутистов.
5. Современная художественная культура дает нам великое множество примеров, когда в центре полотна, текста, сюжета оказывается представитель сообщества аутистов, но особенно авторам полюбился именно синдром Аспергера. Даже неискушенный в художественной жизни человек сразу вспомнит прекрасный фильм Барри Левинсона «Человек дождя». Здесь массовый зритель пожалуй впервые понял, что это состояние, пограничное с гениальностью. Кинематограф и телевидение также все более и более активно используют тему различных форм аутизма и пока еще миноритарной субкультуры аутистов. Интересно, что даже в фильме «Форрест Гамп», — символе американского патриотизма, — главный герой представляет именно эту субкультуру. А вот фильм «Меня зовут Кхан» соединил сразу два магистральных культурных тренда эпохи — выход на авансцену художественной жизни синдрома Аспергера и тему террористических актов 11 сентября 2001 г.
6. Совершенно иную репрезентацию мира аутиста и, самое главное, саму технологию репрезентации мы видим в фильме Ника Бальтазара по собственному роману «Ничего — это все, что он говорил». Эта бельгийско-нидерландская работа вышла в 2007 г. под названием «Бен Икс» (Ben X).
7. Сериалы — безусловно, продукт массовой культуры, но тем они и показательнее, потому как быстро берут на вооружение те образы и темы, которые оказывается на гребне популярности.

8. Таким образом, мы наблюдаем масштабность и всеохватность идеи нейроразнообразия и трансформации отношения к проблеме аутизма в обществе.

Шарапова Марина Александровна,

к. иск., Всероссийский государственный университет кинематографии

им. С. А. Герасимова (Москва)

Миметический и архетипический пласты киноповествования, апеллирующего к метафизической реальности

(на примере фильмов «Бесконечность» (1991) М. Хуциева

и «Дикое поле» (2008) М. Калатоцишвили)

В драматургии фильмов «Бесконечность» (1991) М. Хуциева и «Дикое поле» (2008) М. Калатоцишвили присутствуют противоположные предельные по сути сочетания миметического и архетипического пластов реальности. В картине М. Хуциева отчетливо проявляется миметическая природа кино как искусства, в фильме М. Калатоцишвили главным является мифологичность истории, архетипичность главного героя, героя-праведника.

Картина «Бесконечность», предлагает вариант разрешения проблемы человеческого бытия, сохранения гуманистического начала в условиях распада прежней картины мира. М. Хуциев находит возможность разрешения бытийных вопросов в обращении к реальности человеческого сознания, которая способна превзойти время, оказаться сильнее событий, происходящих как в жизни отдельного индивидуума, так и в истории.

Главный герой «Бесконечности», Владимир Иванович мучается экзистенциальными вопросами, связанными с определением смысла жизни, взаимовлияния человека и общества, человека и культурной традиции, памяти поколений. Владимир Иванович предпринимает ирреальное путешествие в прошлое для того, чтобы отыскать духовные корни, обрести личностную опору в воспоминаниях и в размышлениях о судьбе России в последние сто лет.

Миметическая природа искусства здесь нивелирует архетипические основы образа главного действующего лица. Героя этого фильма трудно отнести к тому или иному героическому типу. Внешний образ героя-богатыря на поверку оказывается образом, вбирающим в себя различные архетипические качества, — от жажды познания героя-бунтаря до детской наивности Иванушки-дурачка. Подобно тому, как белый цвет содержит в себе возможность спектрального разложения на цвета радуги, этот герой, оказывающийся в непрерывном пространстве прошлого-настоящего-будущего, способен стать отражением и трансформацией разных героических типов. Константой здесь остается только одно — высшие ценности, существующие в любых культурах во все времена.

Картина «Дикое поле» М. Калатоцишвили — П. Луцика и А. Саморядова обращается к исследованию мифологического пространства российского социума. Доктор Дмитрий Васильевич попадает на окраину страны. Здесь он лечит население близлежащих сел и деревень от запоев и пулевых ран.

Русь предстает в фильме как мифологическое языческое «дикое поле»: люди воюют меж собой, ждут чуда от Бога, внимания от устранившихся властей и боятся невольного своего безвластия и беззакония.

Авторы фильма подчеркивают особенности отечественного миропонимания, основанного на двоеверии, совместном сосуществовании языческой веры в природу и христианства. Степная языческая стихия влияет на миропонимание персонажей, определяет их героические способы выживания.

Доктор, дитя цивилизации, всматривается в окружающую «дикость», но не дает ей себя поглотить. Именно потому, что Дмитрий Васильевич не становится таким же «диким», как аборигены, он помогает поддерживать в этом хаосе хоть какой-то порядок.

Доктор знает, что живет правильно. Он строит жизнь в соответствии с собственным пониманием нравственных идеалов в соприкосновении с познанием и использованием законов природы, высших законов, которые проповедаются разными религиями, но трудны в применении на практике.

Не принимая законов языческого социума, принимая за ангела его противоположность, доктор поплатится жизнью. Смерть Дмитрия Васильевича вызывает ассоциацию со смертью Христа. Попытка органичной ассимиляции в «диком поле» представителя гуманистической цивилизации, героя-праведника, заканчивается плачевно. Картина «Дикое поле» — притча о стране, «застрявшей» между язычеством и христианством. По фильму, язычество явно сильнее и глубже укоренено в национальном характере, и именно оно помогает выживанию.

Щепачева Инна Владимировна,

аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Образ афроамериканца и его трансформация на примере фильмографии Сиднея Пуатье и романа П. Эверетта «Я не Сидней Пуатье»

Начиная с 60–70-х гг. XX в. и по сегодняшний день образ Сиднея Пуатье, известного афроамериканского актера, является культовым для представителей афроамериканской культуры. Сидней Пуатье также известен как активный политический деятель и борец за равные права черного населения США. В фильмографии актера можно выделить ряд кинематографических произведений, посвященных темам расовых нетерпимости и предрассудкам.

Образ афроамериканского актера становится главным образом в романе современного американского писателя афроамериканского происхождения Персиваля Эверетта. Главный герой романа не только внешне похож на знаменитого актера, но и события, которые с ним происходят, а также его поступки перекликаются с образом Сидней Пуатье. Практически в каждой главе романа можно увидеть схожие или идентичные мотивы из фильмов, в которых снимался афроамериканский актер. Используя фрагменты из кинематографических произведений, в романе писатель обращается к схожим темам и проблемам, а именно к теме расовой дискриминации, проблеме самоидентичности «черного» населения США. Наблюдается идентичность проблем и идей как в кино, так и в тексте.

Якименко Оксана Аркадьевна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Венгерская дневниковая (кино)проза:

феномен документально-игрового кино

Венгерские дневники широко представлены в национальном кинематографе в виде экранизаций: от перенесенных на экран произведений дневниковой прозы вроде «Дневника сумасшедшей» Гезы Чата (соединения дневников врача-психиатра и его пациентки) до «Дневников» Марты Меса-рош (существующих только в кинематографическом варианте). Трансформация языка дневниковой прозы в киноязык почти всегда подразумевает сочетание документального и игрового видеоматериала, что приводит к созданию новой исторической реальности для зрителя, помогает визуализировать исторический опыт и, одновременно, позволяет подкорректировать, а иногда и исказить его. Насколько меняется степень достоверности дневника при перенесении его на экран? Можно ли вообще говорить об фильме — экранизации дневниковой прозы как об историческом документе? Эти и другие вопросы рассматриваются в докладе на материале венгерских кинодневников.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Алмазова Нина Александровна,

к. иск., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Беотийский ном

Создание Беотийского кифародического нома приписывался легендарному Терпандру — следовательно, все сведения о номах Терпандра (семичастная структура, дактилический размер, обращенность к богам) применимы и к нему. Аристофан (Ach.14) засвидетельствовал его исполнение на агонах кифаредов в V в. до н. э., а Посидипп из Пеллы (fr. 58 Austin — Bastianini) — на собраниях девушек (очевидно, культового характера) в III в. до н. э. Все это подтверждает изначально ритуальный характер нома. Из того, что он звучал на состязаниях, скорее всего, следует, что «Беотийский ном» — видовое название произведений с определенными параметрами, а не название одной пьесы, приписываемой Терпандру. О том, какие это были параметры, отчасти позволяет судить фрагмент из неизвестной драмы Софокла (fr. 966): за спокойным, безмятежным началом следовало все большее напряжение (что, скорее всего, достигалось постепенным усилением звука и одновременным нарастанием скорости — *crescendo* и *accelerando*).

Название «Беотийский» нуждается в объяснении. Толкование его на основании пассажа Аристофана как «песни про бычка» неприемлемо. Представление о национальном беотийском колорите музыки несколько противоречит представлению об авторстве лесбосца Терпандра. Зенобий (2, 65)

предполагает, что сюжет нома был связан с событиями беотийской мифической истории — в частности, с мифом об Эдипе. Возможно, название было присвоено всей категории по одному, наиболее прославленному ному, который считали Терпандровым и который обладал (возможно, наряду с беотийским музыкальным колоритом) примечательным свойством постепенного нарастания напряжения — именно эта особенность вызвала подражание, желание превзойти оригинал и таким образом легла в основу новой разновидности. В таком случае ном-«образец» мог быть написан на сюжет фиванского цикла (или любой другой мифологической сюжет, где действие развивается в Беотии), но подражатели, возможно, не сохранили эту особенность.

Братухин Александр Юрьевич,

к. ф. н., доцент, Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Раннехристианские сочинения глазами их авторов:

от σύνταξις κ συγγραμματα

Ранние Отцы Церкви искали и находили такие способы выразить свои мысли, которые отвечали бы требованиям, предъявляемым современниками к литературным сочинениям. Однако защитники новой религии в той или иной степени вольно или невольно противопоставляли свои произведения сочинениям языческих писателей и поэтов. Во всяком случае, большинство из них не считали создаваемые ими тексты полноценными литературными произведениями. Иустин называет свою первую апологию προσφώνησις «обращение» (1Apol. 1, 1 и 68, 3), ἔντευξις «просьба» (1Apol. 1, 1) и ἐξήγησις «разъяснение» (1Apol. 68, 3), а в конце второй признается: «Если же вы подпишите это, мы сделаем доступным для всех, дабы они, если сие возможно, изменили свое мнение: только ради этого мы составили сии слова (τοῦσδε τοὺς λόγους συντάξαμεν)» (Iust. II Apol. 15, 2). Апологет ставит перед собой конкретную задачу, а для обозначения своей деятельности пользуется глаголом συντάσσειν. Причастие от этого же глагола употребляет Плутарх, говоря о составлении Брутом эпитомы из Полибия (Plut. Brut. 4, 8). Сам Полибий пишет про Арата, что тот составил (συντάχεναι) в высшей степени достоверные и понятные записи о своих деяниях (Polyb. Hist. II, 40, 4). Вероятно, Иустин рассматривал себя как некоего компилятора учения апостолов, а не как самостоятельного писателя.

Татиан, следуя Иустину, пишет о своей речи: «Я не пытаюсь, как есть обыкновенно у многих, подкреплять чужими мнениями свое, но желаю составить перечень (τὴν ἀναγραφὴν συντάσσειν) всего, что я сам постиг» (Orat. 35, 1). Ниже (Orat. 42, 1) он признает: «Это я, философствующий поварварски, для вас, о, мужи эллины, составил (συνέταξα)».

Афинагор, называя свое «Прошение» «словом», «речью», пишет: «разрешите здесь, когда слово, с великим воплем, стало доступным слуху, откровенно возгласить, как защищающему дело перед царями-философами» (Leg. 11, 3). В завершение «Прошения» он называет себя «предпринявшим

опровержение обвинений» (37, 1). Такая оценка Афинагором своего труда говорит в пользу того, что он создавал его как защитительную речь, которая, хотя и не могла быть произнесенной перед адресатами, однако формально должна была быть отнесенной к произведениям ораторского искусства. Феофил называет свой труд *σύγγραμμα* (Ad Aut. II, 1). Так же (*τὰ συγγράμματα*) он обозначает сочинения философов, поэтов и вообще все небиблейские тексты (Ad Aut. II, 3; III, 23).

Климент Александрийский, подобно Афинагору и Феофилу, не пользуется глаголом *συντάσσειν* «составлять» при описании своей работы. Словом *σύνταξις* обозначается сочинение Исидора «Толкование на пророка Пархора» (Strom. VI, 6, 53, 4). В «Пророческих эклогах» Климент употребляет рассматриваемое слово в значении конспекта живой речи. В самом начале «Стромат» он заявляет: «Смешно, пожалуй, отвергнув писание (*γραφὴν*) серьезных людей, принимать не таковых составителей (*συντάκτοντας*)» (Strom. I, 1, 1, 1); при этом сам этот труд Климент называет «сочинением» (*τὰ συγγράμματα*) (Strom. I, 1, 1, 1; II, 1, 2, 2). Именно это слово характеризует сочинения Демокрита, Платона, Гераклита, Александра Полигистора, Артепана, еретика Епифана, апостолов, Аристотеля, Тимея Локрского. В Strom. V, 14, 101, 4 упомянуты *ποιήματα* «поэтические произведения» и *συγγράμματα* (прозаические произведения), в которых воспевается Зевс. Таким образом, сочинения исторические, как правило, характеризуются словом «изложения», сочинения же философские — словом *συγγράμματα*. Любопытно, что у Галена, которого Климент, скорее всего, читал, *συγγράμματα* противопоставлены *ὑπομνήματα* («воспоминания, наброски»). Климент же, намекнув вначале, что его труд относится к *συγγράμματα*, ниже заявляет, что пишет «наброски» (Strom. I, 1, 11, 1).

Церковные авторы 2-й половины II в. перестают формально противопоставлять свои труды сочинениям языческих писателей. Это свидетельствует об их желании говорить со своими оппонентами как с равными и, вероятно, является одним из миссионерских приемов.

Желтова Елена Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Почему «река» одушевленное «рака»:
о нестандартных проявлениях
категории одушевленности в латыни

В категории одушевленности, которая давно является объектом живого интереса лингвистов разных направлений, можно выделить ядро и периферию. К ядерной зоне относят случаи, вписывающиеся в модель «живой, значит одушевленный, неживой, значит неодушевленный», а к периферийной — демонстрирующие отсутствие строгой корреляции между фактической одушевленностью объектов окружающего мира и грамматической одушевленностью имен, обозначающих эти объекты. Мы полагаем, что в периферию можно включить также случаи непоследовательной корреляции между одушевленностью и родом (например, «дитя», которое в рус-

ском, немецком и греческом языках относится к именам среднего рода). Несмотря на кажущуюся нелогичность этих явлений, трудно представить, чтобы они имели случайный характер. Их обнаружению и объяснению посвящен наш доклад.

Изучение периферии одушевленности в русском языке стало возможным благодаря Национальному корпусу русского языка [Русакова, 2013], для выполнения той же задачи на латинском материале мы привлекли электронную базу РНІ 5, поэтому наше исследование можно классифицировать как корпусное. Наличие данных, полученных в результате двух таких исследований, дало возможность сравнить периферию одушевленности в латыни и в русском.

Поскольку в известных нам грамматиках латинского языка отсутствуют методики проверки существительных на одушевленность/неодушевленность, мы разработали собственный метод, с помощью которого протестировали несколько десятков слов, относящихся к пяти разным тематическим группам, на наличие у них данного признака.

Оказалось, что латинский язык гораздо «одушевленнее» русского, поскольку в эту категорию он включает более разнообразные лексические блоки (большинство «коллективных», абстрактных имен, обозначения стихий и природных явлений и др.). Кроме того, одушевленные существительные среднего рода встречаются почти во всех этих лексических блоках, и их количество существенно больше, чем в русском языке.

Рассмотренные примеры показывают, что одушевленность является категорией динамической (одно и то же слово может вести себя и как одушевленное, и как неодушевленное) и градуальной (различные лексемы демонстрируют неодинаковую «степень одушевленности»). Последний признак может быть обусловлен разными факторами: статусом денотата имени в сознании носителей языка, его близостью к миру людей, способностью к движению, эмпатией говорящего и т. д.

Особенностью латыни является и то, что одушевленность вступает в более свободные, чем в других языках, отношения со средним родом и множественным. числом, используя заложенную в их грамматиках способность к категоризации и обобщению.

В целом разные примеры нестандартных проявлений категории одушевленности мы объясняем конкуренцией различных параметров, формирующих язык, а именно — конкуренцией грамматики, семантики и логики: в каждом конкретном случае анализируемые нами «отклонения» могут объясняться необходимостью выражения неких характеристик, которые для языка как знаковой системы являются более значимыми, чем строгая корреляция по фактической и грамматической одушевленности или по одушевленности и роду у референта и его имени. Такой подход позволяет объяснить, почему в латыни «солнце» одушевленнее «луны», а «река» одушевленнее «рака».

Литература:

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Кейер Денис Валерьевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О значении слова *arcus* в оде Горация к Венере (III, 26, 7)

Объявляя о завершении служения богине любви, поэт посвящает в ее храм восковые факелы, ломы и третью категорию предметов, названную *arcus* (асс. *plug.*); все эти предметы характеризуются как «грозные для запертых дверей» (ст. 8). Литературные свидетельства не оставляют сомнений в том, что восковые факелы не просто освещали путь влюбленному юноше, но, как и ломы, непосредственно использовались для взлома запертых дверей. Обычное значение *arcus* («лук со стрелами») едва ли вписывается в этот контекст. Лук не мог использоваться как орудие угрозы в случае потасовки, а его символическая связь с Купидоном не является достаточным основанием, чтобы ставить его в один ряд с действительными инструментами повесы, штурмующего запертую дверь. Многие издатели считают слово *arcus* испорченным, ставя его в кресты или принимая исправления. В докладе защищается предложение Дж. П. Биддера [Bidder, 1920] понимать под *arcus* лучковую (смычковую) дрель. Дополнительным основанием в пользу этого служит то обстоятельство, что такое значение засвидетельствовано в греческо-латинских глоссах.

Литература:

Bidder G. P. Arcus // Journal of Philology. 1920. Vol. 35. Pp. 113–127

Котова Анастасия Викторовна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Дуров В. С., д. ф. н., профессор

Сравнения с Геркулесом в «Аргонавтике» Валерия Флакка

В поэмах Гомера, Аполлония Родосского и Вергилия сравнения с Гераклом / Геркулесом не встречаются, в то время как в «Аргонавтике» Валерия Флакка их несколько: IV, 699–702; V, 483–489; VII, 622–624; VIII, 122–126; 223–231. Во всех пяти пассажах, которые приходятся на вторую половину поэмы, Валерий Флакк сравнивает с Геркулесом Ясона. При этом Геркулес нигде не назван по имени — во всех пяти случаях использованы эпитеты *Alcides* или *Tirynthius*. В сравнениях Геркулес упоминается в связи с каким-то из 12 подвигов (удушение Немейского льва; убийство Лернейской гидры) или в связи с какими-то другими деяниями (освобождение Тесея из Аида); Валерий Флакк, сравнивая Ясона с Геркулесом, проецирует на него его героизм, мужественность и т. д. Вероятно, поэт уделил Геркулесу особое внимание, т. к. рассчитывал на осведомленность в мифологии своих слушателей/читателей. Решающим доводом является особая популярность Геркулеса в I в. н. э. Тот факт, что сравнения с ним впервые появляются у Валерия Флакка, можно объяснить влиянием стоиков, которые почитали Геркулеса: благодаря своей выносливости, смелости и готовности служить

людям он был для них идеалом. Таким образом, популярный в I в. н. э. герой Геркулес часто встречается в «Аргонавтике»: сначала в качестве действующего персонажа, а во второй части поэмы как образ сравнения.

Крицкая Светлана Юрьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Проблемы этимологии латинского слова *persona*

Латинское слово *persona* не имеет устойчивой этимологии: существует несколько вариантов, предложенных еще в античности. В то же время у этого слова обширная история — с изменением первоначального значения слова, появлением новых значений. Доклад представляет собой попытку реконструкции развития значения слова *persona* как на основе сохранившихся текстов античных и средневековых авторов, так и на данных современного сравнительно-исторического языкознания. В докладе сделан историко-филологический анализ трех возможных подходов к этимологии слова *persona* (греческий, латинский, этрусский).

Новикова Екатерина Павловна,

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О происхождении италийского названия для трохея

Единственным текстом, сохранившим италийские названия для стихотворных стоп, является сочинение грамматика Диомеда, датируемое второй половиной IV в. н. э. и явно заимствующее учение о происхождении стоп из какого-то более раннего источника или, вернее, нескольких источников. Приняв во внимание уточнения предыдущих исследователей, мы условно можем записать эти названия как *pes Pontificius* (соответствует спондею); *pes Inuus* (или *Inuius*? соответствует пиррихию); *pes Daunius*, или *Gradalis* (ямб); *pes Rutilus* (? трохей).

Одно из наиболее трудных мест в сочинении Диомеда посвящено как раз италийскому названию трохея: «*aiunt hunc trochaeum Auruncos Rutilum nuncupauisse*». Аналогия с другими названиями стоп подсказывает, что *Rutilum* — форма *Ass. sg.* от слова мужского рода, видимо, *Rutilus*.

Отсылка к аврункам требует отдельного комментария. Нигде, кроме как в этом контексте из грамматики Диомеда, упоминаний «аврунского языка» нет. Поэтому «*Auruncos... nuncupauisse*» может быть истолковано не только и не столько как «в языке аврунков», отличном от латинского, но и собственно как «аврунки называли», подразумевающее, что они говорили по-латински.

Определенную трудность представляет установление источника италийских названий стоп в грамматике Диомеда. В частности, рассуждение о стопе *Rutilus* сбивает с толку именно потому, что содержит, с одной стороны, отсылку к аврункам, которую часто принимают за глоссу, а с другой, пространное рассуждение об этимологии слова *Rutilus*, которое связывается с лат. *rota* 'колесо' и, благодаря этому, представляется калькой с греческого названия.

Появление этимологии, возводящей название стопы к имени нарицательному, выглядит неожиданно: рассуждения о словах *Daunius*, *Inuus* и *Pontificius* совершенно не касаются этимологий. На основании ряда сопоставлений можно говорить о том, что в первоначальной версии текст, к которому восходит рассуждение об италийском названии для трохея, также указывал на эпоним, отсылая к происхождению одного из италийских племен, соседствовавших с аврунками.

Вероятно, наиболее древний, «эпонимический» пласт теории италийских названий для стихотворных стоп мог принадлежать Варрону или его предшественникам, например, Элию Стилону. Основным источником цитат для более поздних грамматиков был при этом именно текст Варрона.

Факт полемики Реммия Палемона с Варроном (Suet. gramm. 23, 4, 2) и ряд других косвенных свидетельств могут говорить в пользу того, что Палемон не просто был знаком с теорией происхождения италийских названий для стихотворных стоп, сохранившейся позднее лишь у Диомеда, но и сам теоретизировал на эту тему, дополняя Варрона или не соглашаясь с ним.

В этом случае источником рассуждения о греческой кальке в названии *Rutilus* можно считать именно текст Реммия Палемона, который, возможно, даже Диомеду был известен уже только в виде сокращения или пересказа.

Сергеев Михаил Львович,

сотрудник Научной библиотеки им. М. Горького,
Санкт-Петербургский государственный университет

«*Thesaurus Graecae linguae*» (1572) Анри Этьенна
и традиция греческо-латинских словарей конца XV–XVI вв.:
постановка проблемы

Первое упоминание — анонс — будущего «*Thesaurus Graecae linguae*», напечатанного в 1572 г., состоялось не позднее 1557 г., в предисловии к «*Ciceronianum lexicon Graecolatinum*». «*Thesaurus*» тогда еще рассматривался как проект отца А. Этьенна — Робера Этьенна, автора «*Latinae linguae thesaurus*» (1531 и исправленные переиздания 1536 и 1543 гг.) и королевского типографа. Новшество латинской лексикографии Р. Этьенна состояло в том, что он отказался от переработки имевшихся словарей (прежде всего А. Калепино), обнаружив слишком много ошибок в их словниках и толкованиях, и стал составлять собственный, основанный на чтении латинских авторов и комментаторов (в том числе гуманистов). Их имена перечислены в конце предисловия, а в статьях словаря при цитате называется не только ее автор, но также место в сочинении, в комедиях — с точностью до сцены и стиха.

Примечательно, что некоторые из цитируемых Р. Этьенном латинских текстов (сочинения Теренция, Плавта, Вергилия и др.) выходили в его типографии в те же годы, что и словарь. Анри Этьенн в процессе составления «*Thesaurus Graecae linguae*» издал немало греческих авторов: Диодора Сицилийского, Пиндара, Ксенофонта, Фукидида, Геродота и др. Это позволило ему надежно выверить все необходимые цитаты, уточнить контекстуальные значения слов, не полагаясь на глоссы и новые словари. При этом последние были ему несомненно знакомы гораздо лучше, чем менее взыскательным

современникам: разбору типичных ошибок в греческо-латинских лексиконах посвящены 24 страницы в «письме» Этьенна «de suaе typographiae statu, nominatimque de suo thesavro lingvae graecae» (1569). За этим следует описание задач и структуры «Тезауруса», который к моменту публикации «письма» был практически готов. Этьенн упрекает лексикографов в невнимательности к устойчивым словосочетаниям, включении в словарь лексем, не засвидетельствованных в текстах, использовании ненадежных рукописных чтений, бездумном следовании чужим интерпретациям и т. п. Следует заметить, что, приводя огромное количество цитат, Этьенн не дает точных ссылок на использованные им словари, называя только имя основателя традиции — Дж. Крастоне.

В докладе будут рассмотрены филологические основания критики Этьенна; будет высказано предположение о том, что несмотря на резкую оценку, данную Этьенном, некоторые из важнейших принципов его «Тезауруса» — библиографическая акрибия и толкование слов в подлинных контекстах — независимо от него складывались в лексикографической традиции к середине XVI в., чему способствовало как исчерпание старых источников пополнения словарей, так и распространение греческого языка среди гуманистов и появление важных филологических инструментов — печатных изданий античных текстов и указателей к ним.

Шувалов Пётр Валерьевич,

к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Балтийские инды (Mela III, 5, 45; Plin. nat. II, 170)

Корнелий Непот (в передаче Помпония Мелы и Плиния Старшего) описал случай, как царь то ли свебов, то ли бойев, то ли готов в 62 г. до н. э. подарил проконсулу Цизальпинской Галлии индов (Indos), которые, плывя из своих земель по торговым делам (commerciicausa), были отброшены бурями в Германию (Mela III, 45; Plin. nat. II, 170). Для этой истории единственным разумным объяснением является предположение, что эти «(в)инды» были галльскими венетами/венедами, для которых обратное возвращение из Балтийского (?) моря оказалось невозможным, почему они и были переданы с Поморья по дипломатическим каналам римлянам для возвращения через них к себе домой. При этом они были (из-за омонимичности лат. Indi и германского обозначения венетов: др.-англ. Winedas и др.-верхненем. Winidā при герм. *weneþōs) по ошибке приняты за индийцев, чем, видимо, кто-то знавший про существование Индии с царем свебов/бойев и воспользовавшийся, скрыв кельтское происхождение «индов». Препятствием их прямому возвращению в Галлию могли быть события, связанные с проникновением в Галлию свебов во главе с Ариовистом. Но кто породил версию про то, что эти потерпевшие кораблекрушение мореплаватели — индийцы? Очевидно, что это были не сами «инды» и не варвары, захватившие их при кораблекрушении: вряд ли они имели хоть какое-то реальное представление о странах за пределами Европы и Средиземноморья. Соответственно, маловероятно, что авторами индийской версии были и германцы из окружения царя. Итак, в начале пути к царю «инды» еще не были индийцами, а были галлами-венетами. В начале же

пути от царя к римлянам они уже стали индами и перестали быть галлами. Соответственно, чудесное перевоплощение произошло либо на пути к царю, либо уже при его дворе. Видимо, кто-то из числа знавших эллинистическую географию на уровне младшей школы либо умышленно, либо искренне (тогда он точно не знал германского) отождествил имя венетов в германском произношении (уинды) с индийцами (инды). Дальше из корыстных или политических соображений он убедил царя переслать их римлянам в качестве дара. Самим «индам», видимо, оставалось только смириться с такой переменной. Ясно, что указанный римский знаток географии совершил подлог с «индийцами», либо чтобы выслужиться перед царём, либо же чтобы вернуться, используя «индов», на родину по дипломатическому каналу.

Различные стороны реконструируемого сюжета, содержавшегося в тексте Непота, находят аналогии не только в сообщении о кораблекрушении узипов у Тацита (Тас. Агр. 28), но и в позднеантичной греческой литературе в рассказе о Лже-Хильбудии Прокопия Кесарийского (Proc. Caes. bell. VII, 13, 26; 14, 7–21, 31–32, 34–36). В период, предшествовавший вторжению Цезаря на северо-запад Галлии, т. е. до 56 г. до н. э., на море от Луары до Британнии и Рейна господствовали кельтские венеты (Caes. Gall. III, 8–9; 13–14). Венеты к 56 г. имели флот из 220 океанских судов. Они, видимо, монопольно держали в своих руках всю средиземноморскую торговлю от устьев Гаронны и Луары с Британнией: после их поражения в войне с Цезарем у него не оказалось под рукой никого, кто бы мог ему посоветовать где и как разумнее всего осуществить высадку в Британнию (*ibid.* IV, 20 sqq.). Дело в том, что разбив венетов, Цезарь казнил весь их сенат, а всех остальных продал в рабство с аукциона (*ibid.* III, 16): знатоки морского дела таким образом исчезли, а оставшиеся купцы других галльских общин, знали не много, занимаясь лишь пограничной торговлей (*ibid.* IV, 20). Принимая во внимание эти факты, можно предположить, что торговое влияние венетов не заканчивалось устьем Рейна, но прямо или опосредовано могло достигать и более восточных территорий. С этим надо сопоставить балтийских венедов, выступающих под тем же именем, что и галльские венеты, а также индов Непота. О населении юго-востока Балтики мы можем судить и по данным археологии, показывающим волны римского и средневропейского влияния в этом регионе.

ПОЛЕВАЯ ЛИНГВИСТИКА

Бадмаева Оюна Мункуевна,

аспирант, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

Хезитационные элементы в неподготовленном чтении художественного текста (на материале монгольского языка)

Целью данного исследования является изучение пауз хезитации, возникающих в процессе неподготовленного чтения текста в исполнении носителей современного монгольского языка. Материалом исследования являются тексты известного монгольского писателя Сонномбалжирын Буяннэмэха. Для эксперимента были выбраны два типа текстов: сюжетный и несюжет-

ный, объемом 3 000 печатных знаков каждый. Тексты были записаны на цифровой диктофон в исполнении 6 дикторов: 3 мужчин, 3 женщин. Затем тексты были расшифрованы при помощи программы ELAN. В докладе приводятся результаты анализа пауз хезитации, возникающих в процессе неподготовленного чтения носителями современного монгольского языка сюжетного и несюжетного текстов. В докладе приводятся теоретические и практические выводы об особенностях хезитационного механизма при чтении монгольского текста.

Баева Екатерина Михайловна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Блинова Ольга Владимировна,

к. ф. н., научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ермолова Ольга Борисовна,

к. ф. н., Санкт-Петербургский государственный университет

Рыко Анастасия Игоревна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Шерстинова Татьяна Юрьевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

О социологическом расширении звукового корпуса

«Один речевой день»

При составлении устного корпуса живой речи необходимо учитывать социолингвистические характеристики носителей языка, принимающих участие в записи в качестве информантов, — это показали еще самые первые устные корпуса, например, Британский национальный корпус. При подборе информантов для корпуса «Один речевой день» (ОРД) его авторы, опираясь на данные Федеральной службы городской статистики по Санкт-Петербургу и общие тенденции лингвистического описания современного города, сформировали анкету для информантов, учитывающую ряд социальных факторов (пол, возраст, место рождения и наиболее длительного проживания информантов, их прошлые и нынешние профессии, характер и уровень образования, родной язык, другие языки, которыми владеют информанты, место рождения и социальное происхождение их родителей).

Анализируя данные анкеты, всех информантов ОРД исследователи подразделяют на *социолингвистически значимые группы*, что дает определенные преимущества в использовании корпуса, который, таким образом, служит материалом для описания функционирования языка в различных социальных группах. Автор исследования подробно останавливается на наиболее крупных и значимых социальных группах, выделяемых в составе корпуса.

С учетом *гендерного признака*, в корпусе ОРД сохраняется примерно равное соотношение информантов-мужчин и женщин. По *возрастному принципу* в ОРД выделяется пять групп участников записи, разделение на

которые отражает социальные этапы жизни горожанина, а некоторая несбалансированность состава участников (меньшее количество представителей старшей группы) объясняется объективными факторами.

Один из важнейших социолингвистических признаков — это *уровень образования* (среднее, средне-специальное, неполное высшее, высшее, кандидат или доктор наук). Минимальный отмечаемый среди информантов ОРД уровень образования — средний. По данному принципу материал корпуса нельзя назвать полностью сбалансированным, т. к. доля лиц с высшим образованием среди информантов составляет около 70 %. Отмечается, что в урбанистическом пространстве в целом происходит рост населения с высшим образованием, поэтому поиск информантов для пополнения корпуса ставит перед исследователями задачу предварительного отсева потенциальных информантов и привлечения к участию людей с более низким уровнем образования, который, в свою очередь, отражается на уровне речевой компетенции.

Другой ключевой принцип подразделения корпуса — *профессиональная принадлежность* информантов. Еще Б. А. Ларин отмечал, что каждый человек потенциально является носителем городского многоязычия, особых социальных диалектов, которые определяют принадлежность этого человека к той или иной социальной среде. Профессиональная речь находится в ситуации диглоссии с кодифицированным литературным языком и с разговорной речью, и устный корпус повседневного языка общения, в частности, ОРД, может служить представительным материалом для ее изучения.

В материале ОРД представлены социолекты *следующих социальных групп*: работники, занятые на производстве, строительстве, транспорте, а также представители профессий, связанных с физическим трудом; служащие силовых структур; работники сферы услуг; специалисты по экономической деятельности; специалисты по информационным технологиям; специалисты по связям с общественностью и рекламе; специалисты, занятые в спорте; представители творческих профессий; представители гуманитарных наук; представители естественных наук; работники образования; учащиеся; неработающие пенсионеры. Всех информантов можно дополнительно разделить на категории по *должности/служебному положению*, которые дадут возможности для описания социолектов руководящих работников и подчиненных. Пополняемые с помощью коммуникантов, профессиональные группы информантов важно поддерживать сбалансированными, для выполнения задач составления и использования устного корпуса.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Балчюниене Ингрида,

д. ф. н., преподаватель, Университет Витаутаса Великого (Каунас, Литва)

Создание корпуса устной речи: проблемы транскрипции и грамматической аннотации

В докладе обсуждается методология и этапы создания Корпуса литовской устной речи. Создание Корпуса (2006–2014) включало пять основных этапов: разработку методологии, получение речевого материала, транскри-

бирование звукозаписей, грамматическое аннотирование транскрипций и создание интернет-платформы для онлайн анализа корпусных материалов. Каждый из этапов связан со специфическими проблемами и трудностями. Их особенности и возможные пути решения будут представлены в докладе.

Поскольку создание корпуса устной речи относительно новое направление в корпусной лингвистике, опыт литовских лингвистов может представлять интерес и для тех, кто занимается аналогичными исследованиями русской устной речи.

Блинова Ольга Владимировна,

к. ф. н., научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Директив на шкалах «вежливости/грубости»

и «категоричности/некатегоричности»:

состав директивных реплик

В докладе на материале корпуса «Один речевой день» рассматриваются реплики, воплощающие иллокутивный акт, называемый директивом. Директивы обозначают попытку каузатора (говорящего) побудить каузируемого (обычно являющегося адресатом) совершить/не совершать какое-либо действие. К классу директивов относят приказы, просьбы, требования, запреты, советы и другие побудительные речевые акты. Центральным средством оформления директивов являются формы повелительного наклонения (императива). В рамках доклада с использованием противопоставления по «вежливости/грубости» и «категоричности/некатегоричности» и в соответствии с классификацией семантических подтипов императива рассматриваются директивы, содержащие собственно императивные глагольные формы (формы императива 2-го лица), формы и конструкции гортатива и юссива. Используется перечень семантических подтипов императива, предложенный В. Ю. Гусевым (прохибитив, превентив, инструктив, пропозитивный императив и др.). В рассмотрение вводятся значимые элементы, способные сдвигать директив на шкалах «вежливости/грубости» и «категоричности/некатегоричности», в том числе:

- 1) неопущенное подлежащее (его наличие и позиция относительно императива);
- 2) формы обращений;
- 3) указание говорящего на совершающийся/совершившийся речевой акт ('я сказал', 'говорю' и пр.);
- 4) диминутивы (употребляемые в составе обращений, в качестве глагольных модификаторов и др.);
- 5) повторы (форм императива, императивных частиц; в том числе рассматривается употребление «двойного императива»);
- 6) формулы вежливости, эксплицитные показатели просьбы.

Приводятся наблюдения над употребительностью определенных семантических подтипов императива в корпусе «Один речевой день», наблюдения над составом директивных реплик (учитываются элементы, способные делать директив «более/менее вежливым», «более/менее категоричным»).

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Новый материал — новые термины

Несмотря на значительные успехи в различных областях лингвистики, связанных с функционированием языка в процессе коммуникации, коллоквиалистика по сей день не может похвастаться разработанным терминологическим аппаратом, отвечающим всему разнообразию исследовательских задач. Чем больше массивы того речевого материала, который вводится в лингвистический оборот, чем более естественная речь носителей языка попадает в поле зрения наблюдателей, тем больше ощущается нехватка терминов, пригодных для полноценного описания этого материала.

Традиционная лингвистическая терминология складывалась в основном для того, чтобы описывать «идеальные» или (в лучшем случае) зафиксированные в письменной речи явления. Одной из задач современной коллоквиалистики является разработка понятийной и терминологической базы, предназначенной для того, чтобы осуществить категоризацию «событий», случающихся не в сознании лингвиста или наблюдаемых в письменной форме речи, а имеющих место в реальном звуковом потоке, происходящих в голове говорящего или слушающего (воспринимающего) человека, являющихся составляющей естественной речевой коммуникации. По выражению А. Е. Кибрика, сегодня «нужна принципиально другая „дефинициология“, чем та, которая досталась нам от аристотелевой и математической логики».

Так, анализ повседневной речи из Звукового корпуса русского языка (блок «Один речевой день») потребовал введения в оборот и, соответственно, определения целого ряда новых терминов или уточнения, а порой и нового толкования, старых. Центральной единицей этого терминологического поля следует признать *дискурсивную единицу* (ДЕ), которая, с одной стороны, близка к дискурсивным словам, поскольку повторяется в речи разных говорящих и помогает структурировать дискурс, а с другой, формально зачастую больше чем слово, и не имеет полного набора системных признаков слова, почему и должна быть названа более осторожно — единицей. ДЕ относятся к числу *условно-речевых функциональных единиц* и занимают промежуточное положение между *неречевыми* (хезитативы э-э, м-м и проч. элементы речевой цепи, заполняющие *паузы хезитации*) и *речевыми* (полноценные лексемы).

Дискурсивные единицы разнообразны по своему составу и тем функциям, которые они выполняют в дискурсе. В соответствии с этими функциями можно говорить о нескольких классах ДЕ:

- *дискурсивы* (маркеры начала или конца текста/реплики, а также навигаторы по тексту);
- *метакоммуникативы* («текст о тексте», или «коммуникация по поводу коммуникации»);

- *вербальные хезитативы* (вербально заполненные паузы хезитации);
- среди которых отдельно можно выделить *маркеры поиска, самокоррекции или дейктические конструкции*.

Общим свойством ДЕ является их полифункциональность, диффузность границ между классами, а также ослабление (вплоть до утраты) их лексического значения и приобретение прагматического. Последнее обстоятельство дает основания выделить более широкий класс *прагматем*, состав которых также весьма разнообразен и включает, помимо упомянутых ДЕ, еще *междометные* и *ритмообразующие прагматы, рефлексивы, ксенопоказатели и аппроксиматоры* разного типа.

Думается, что и в теоретических, и в различных практических целях коллоквиалистика нуждается не только в разработке собственного терминологического аппарата, но и в создании, например, *Словаря прагматем русской устной речи*, в котором каждая единица получит полноценное лексикографическое описание. Звуковой корпус может стать прекрасной базой для такого описания.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Денисов Виктор Николаевич,

к. ф. н., доцент, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск)

Денисова Ольга Александровна,

к. и. н., доцент, Московский государственный институт культуры

О метаданных к фонографическим записям русских военнопленных Первой мировой войны в звуковых архивах Вены и Берлина

Во время Первой Мировой войны сотрудники старейших в Европе звуковых хранилищ — Венского и Берлинского фонограммархивов, обратились в свои военные ведомства с просьбой разрешить проведение записей военнопленных, в большом количестве оказавшихся в лагерях на территориях этих стран. По получении такого разрешения были созданы специальные Фонографические комиссии, которые уже в 1915 г. приступили к реализации этого необычного проекта. В комиссию вошли представители различных областей наук: психологи-акустики, антропологи, этнографы, музыковеды, лингвисты.

В общей сложности за четыре года — с 1915 по 1918 гг. — из разных регионов мира было записано большое количество военнопленных, например, в Германии их количество составило более 2000. Среди них также оказались военнопленные — представители многочисленных народов из Российской империи. К примеру, только записей русских по национальности насчитывается больше 100 единиц.

Записи проводились на фонографах Т. Эдисона, в которых носителями звука выступали восковые валики, а также на граммофонах Э. Берлинера с шеллаковыми пластинками. Длительность звучания восковых валиков составляла примерно 2 минуты, а шеллаковых пластинок — около 3 минут.

В ходе проведения записей в обязательном порядке велось заполнение метаданных, в которых подробно указывалась информация, имеющая непосредственное отношение к самим военнопленным. Эти записи являются уникальными не только в силу исторических обстоятельств, в которых проходил данный процесс, но и по причине ценности записанных материалов от военнопленных, на длительный период оказавшихся оторванными от привычных условий жизни и на чужой территории. Кроме того, для большинства этносов эти материалы являются первой фиксацией звучащей речи и фольклора на исторических носителях звука — восковых валиках и шеллаковых пластинках. В силу этого они представляют огромный интерес для исследователей с позиции жизненной истории самих военнопленных, оказавшихся вовлеченными в водоворот трагических событий Первой Мировой войны, так и с позиции интереса к языку и фольклору народов Российской империи, зафиксированных в столь необычных условиях военного времени.

Ермолова Ольга Борисовна,

к. ф. н., Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности разговора с нестандартными собеседниками

Базой для настоящего исследования стал Звуковой корпус русского языка, создаваемый на филологическом факультете СПбГУ (блок «Один речевой день» — ОРД).

В течение дня люди общаются с самыми разными собеседниками: родственниками и друзьями, с коллегами, начальниками и подчинёнными. Коммуниканты состоят между собой в разных отношениях и по социальному статусу, и по возрасту. Всё это накладывает определенный отпечаток на стиль их общения. В материале ОРД заметное место занимают разговоры с нестандартными собеседниками, т. е. не с людьми, а с предметами вещного мира, с животными, с растениями. Специфике такого рода общения и посвящено настоящее исследование.

На первый взгляд общение с животными может показаться односторонним: здесь нет обмена репликами, что характерно для диалога в первоначальном значении этого слова. Назвать такое общение монологом также было бы не совсем точным. Вероятно, правильнее будет, вслед за М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, определить разговоры с животными и окружающими предметами как *квазидialogи*.

Особенности разговора с животными проявляются на разных уровнях речи. Так, на уровне лексики встречается гораздо больше ласковых эпитетов (*ты мой сладкий-то, ты моя ж ласточка!*), диминутивов (*котик, животик, игрушечка*), чем в традиционно более сдержанном общении между людьми. С другой стороны, в речи, обращённой к животному, в тот момент, когда его ругают, используются стилистически сниженные слова, которые говорящий обычно не употребляет (*пожрать, жрёт, покланчить; паразит, засранец*).

Общение с животными часто является стимулом для словотворчества. Разнообразие вариантов имен, даваемых владельцами своим котам и собакам, очень велико. Например, в нашем материале наблюдается такое варьирование кошачьих имен: *Дыма, Дымочка, Дымка, Дымуля, Дымулька,*

*Дымулечка, Дымуленька (И35); Пушок, Пушковский, Пуся, Пушкин, Пуся, Пушков (И22). Прозвища, которыми награждают животных, эмоционально передают отношение хозяев к ним: упряmsик (И28); ой ты мой бедокур / зайчик мой / какой мохнатка-то / ой **бодайчик** / вот ты **мордаха** такая (И35); Пуся **дорогуша** (И22). Чувства, которые испытывают люди к своим питомцам, иногда побуждают их к поэтическому творчеству: Пуся белая лапуся; Пуся / ты Пушок / белый снежный лапушок.*

Обычно животные в семье наделяются определенными ролями. Например, хозяева обращаются к своим питомцам, как к детям, отводя себе роль родителей и называя друг друга папа и мама: *папа скоро придёт, с тобой выйдем, а мне уже прямо некогда, честное слово (И24); ах ты / какой мохнатка-то / **папу** встречает! (И35).*

Разговор с домашними питомцами отличается от разговора с «равноправными» собеседниками не только отсутствием ответов, но и своеобразным синтаксисом. Например, часто употребляются риторические вопросы: *Дымочка / кто все цветы покусал? кто все цветы разрыл? (И35); Кто у нас лю... любимая кошка? (И04).*

На уровне морфологии наблюдается игнорирование категории рода (*ты **моя** сладкая / любимая / солнышко / ну пусть играет / он искал свою игрушечку*), активное употребление императивов (*не ругайся, сиди, живи тут, не толкай меня*), замена третьеличных форм глаголов и местоимений на перволичные (***мы** вот / вот как **можем**; о / как **мы** умеем!*).

К фонетическим особенностям относится мена звуков и изменение их качества: *хо[l]оший, хо[l]ошенький; [t']ы, с[l']адкий, му[ž']ики.*

В разговорах с животными люди раскрепощаются, освобождаются от многих социальных стереотипов. Обращение к животным более эмоционально, а способы выражения эмоциональности чрезвычайно разнообразны.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Куканова Виктория Васильевна,

к. ф. н., зав. отделом, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста)

Национальный корпус калмыцкого языка:
морфемная разметка

В отечественной лингвистике стали интенсивно создаваться и развиваться корпуса языков малочисленных народов Российской Федерации, чему способствовали несомненные успехи в разработке Национального корпуса русского языка, опыт создания которого стал непосредственно перениматься лингвистами, занимающимися исследованием других языков. К началу 2015 г. в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН закончен первый этап в разработке корпуса калмыцкого языка: собрана репрезентативная база данных текстов на калмыцком языке, создано программное обеспечение, запущен электронный ресурс в Интернет в испытательном режиме (kalmcorpota.ru). На данном этапе перед нами стоят следующие задачи: системное пополнение, разработка новых типов

разметок и новых типов подкорпусов, разрешение лексической и грамматической неоднозначности.

В 2015 г. в рамках выполнения темы научно-исследовательской работы мы приступили к разработке морфемного подкорпуса, который по сути является новым типом аннотирования языковых единиц, в нашем случае лексических. Под морфемным подкорпусом можно понимать, во-первых, часть корпуса того или иного языка, сопровождаемая морфемным аннотированием, во-вторых, собственно система морфемного аннотирования. В нашем случае мы планируем создать и корпус, и систему.

В центре нашего внимания находится разработка условных обозначений для морфемного аннотирования. Оговорим, что нас интересуют лишь морфемы, а не словообразовательные процессы и типы словообразования. В этих целях нами разрабатывается база данных морфем: корневыми и аффиксальными, — каждая из которых получают свою собственную характеристику, в частности значение аффиксов. Для удобства работы была дополнена уже имеющаяся система помет грамматических и семантических характеристик лексических единиц данными по морфемной разметке.

Для этих целей была разработана система помет, релевантная для агглютинативного языка, коим является калмыцкий язык. Корневые морфемы:

1) корень — *R*;

Аффиксальные морфемы:

2) словообразовательные аффиксы — *DAff*: указание на ту часть речи, которая с помощью данного аффикса образуется:

N — имя существительное; *Adj* — имя прилагательное; *V* — глагол; *Num* — числительное; *Adv* — наречие;

3) словоизменяющие аффиксы — *InflAff*;

4) интерфиксы — *Intf*.

Вспомогательные символы, необходимые для морфемного аннотирования:

+ — знак, обозначающий присоединение элемента;

{ } и () — знаки фигурных и круглых скобок, обозначает конкретизацию информации.

Например, $V + DAff + InflAff$ можно конкретизировать следующим образом: $V + DAff + InflAff \{на(Pres) + в(1_S)\}$. Круглые скобки содержат расшифровку: словообразовательного и грамматического характера. Из такой условной записи можно извлечь морфемную структуру слов, причем не только словообразовательные и словоизменяющие модели, но и порядок морфем, или линейную последовательность морфов, характерную для калмыцкого языка. Как видно из приведенного выше примера, перед нами слово двухморфной последовательности, а цепочка словоизменяющих аффиксов состоит из двух элементов, которые могут сочетаться только в этой последовательности.

В качестве исходных материалов нам служат, с одной стороны, словарь Калмыцко-русского словаря (1977) и, с другой, морфемный словарь (Сусева, 1995) и Грамматика калмыцкого языка (1983). Планируется создать базу данных словообразовательных морфем калмыцкого языка и затем уже разрабатывать парсер, который сможет провести морфемный анализ.

В результате можно получить список возможных моделей слова в калмыцком языке, можно будет вычленить те морфемы, которые наиболее частотны в калмыцком языке, а также вычленить те морфемы, которые не повторяются в сочетаниях с другими морфемами или в свободном виде.

Литература:

1. Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
2. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
3. Сусеева Д. А. Школьный словарь морфем калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995.

Осьмак Наталья Андреевна,

к. ф. н., Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург)

Забить и не париться: особенности функционирования двух глаголов в современной устной повседневной речи

Исследования последних лет показывают, что с лексической точки зрения язык бытовой коммуникации (повседневная разговорная речь) существенно отличается от академически описанного письменного языка. Возникают новые, «нетрадиционные», значения (оттенки значений) слов, появляются неологизмы и окказионализмы, новые словообразовательные модели и новые возможности сочетания лексических единиц, знакомые всем говорящим и признаваемые более или менее нормативными, но не находящие еще пока никакого отражения в адекватной лексикографической фиксации. Современные словари, в том числе толковые, не соответствуют в полной мере существующей языковой (речевой) ситуации. Возникает необходимость создания специального словаря, отражающего реальную речевую ситуацию, что, в свою очередь, требует обращения непосредственно к устной спонтанной речи.

Основной базой для исследования такого рода стал Звуковой корпус русского языка (проект «Один речевой день» — ОРД), создаваемый на филологическом факультете СПбГУ.

В ходе сопоставительного анализа единиц в контекстах ОРД с их значениями в словарях русского языка интересным показалось употребление глаголов *забить* и *париться*.

Для определения значений и коннотаций данных лексем в разговорной речи были проведены: 1) анализ контекстов употребления в Национальном корпусе русского языка; 2) анализ контекстов употребления в Звуковом корпусе русского языка; 3) анализ лексикографических источников; 4) обращение к ментальному лексикону носителей языка (анализ случаев употребления единиц в интернет-ресурсах, электронный опрос носителей языка).

Глагол *париться* употребляется в повседневной речи преимущественно в значении 'переживать, много думать о чем-н., беспокоиться', не зафиксированном в словарях, однако представленном как в контекстах ОРД и НКРЯ, так и в результатах обращения к ментальному лексикону, ср:

- *так я ж тебе с... я ж тебе сразу сказала // *П ну мам / что ты на эту тему парисься / господи боже мой ? *П очень интересно [ОРД];*

- Мне как-то в голову не приходило на эту тему переживать :) Я как-то особо не **парилась** по этому поводу, само незаметно выправилось [НКРЯ];
- **Париться** — я обычно говорю «не парься», что означает «не переживай, не беспокойся» [данные опроса].

Употребление глагола *забить* в разговорной речи представлено как традиционными словарными дефинициями, так и значением ‘расслабиться, перестать что-то делать, намеренно забыть о каком-то деле’ (= *не париться!*) (часто в конструкции с предлогом на + В. п.), произошедшим в ходе усечения фразеологизма *забить болт на* до глагола с предлогом, а в некоторых случаях только до глагола, что подтверждается как контекстами ОРД и НКРЯ, так и данными электронного опроса, ср.:

- где-то с третьего с четвёртого курса там можно **забить** полностью на все лекции и // семинары там /ну / там / иногда появляться [ОРД];
- Не расстраивайся, **забей** на него, пешехода в любом случае надо пропускать! [НКРЯ];
- Тем более с чистой совестью **забей** на них. Ну просто есть же вопрос про раннего гоголя — чтоб знать про что говорить. Вот. А ты конспектируешь? [НКРЯ];
- **Забить** — коси и забивай — это же студенческий девиз. Короче, это значит **не париться** и перестать что-то делать, забыть как бы [данные опроса].

На наш взгляд, не остается сомнений, что в Словаре русской повседневной разговорной речи, устроенном по дифференциальному принципу, должны быть представлены статьи, отражающие особенности употребления данных глаголов в естественной русской коммуникации.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Пальшина Дарья Андреевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Влияние коммуникативного сценария на появление аллегрных форм русской речи

Повседневной речевой коммуникации свойственно наличие большого числа аллегрных (редуцированных, компрессированных) форм (АФ). По результатам анализа частотных словарей и материалов Звукового корпуса русского языка было выявлено около 100 сверхчастотных единиц, устойчиво подвергающихся редукции в спонтанной повседневной речи. Спектр возможных аллегрных реализаций для некоторых единиц довольно широк: /pan'ima'š/, /pan'a'iš/, /pan'a'š/, /pn'a'š/, /peš/ или /paža'lusta/, /paža'lsta/, /paža'lst/, /paža'sta/, /pša'lsta/, /paža'ls/, /paža'l/, /paža's/, /pšast/.

Наряду с такими основными условиями появления аллегрных форм, как частотность единицы в языке/речи, ее морфемно-фонетическая структура, фразовая позиция в синтагме, а также темп речи, существуют и экстралингвистические факторы, которые, как представляется, могут усиливать или, наоборот, препятствовать осуществлению редукции. Одним из таких

факторов является коммуникативная ситуация (речевой сценарий), которая определяется местом коммуникации, ее условиями и участниками (например, «завтрак в кругу семьи», «рабочее совещание», «встреча в кафе», «телефонные переговоры с партнерами» и др.). Возможность проследить зависимость появления АФ от коммуникативного сценария предоставляет Звуковой корпус русского языка (блок «Один речевой день»), материал которого разбит на аннотированные коммуникативные макро- и микро-эпизоды. Каждый из 110 записанных к настоящему времени информантов в течение своего речевого дня принимает участие в среднем в 20–50 коммуникативных эпизодах, которые дифференцируются по типу коммуникации («бытовой разговор», «профессиональная беседа»), условиям коммуникации («кухонные» разговоры, застолье, телефонные разговоры), социальной роли говорящих («коллега», «начальник», «мать», «друг»), а также месту коммуникации (дом, офис, магазин, кафе).

Для проверки гипотезы о влиянии коммуникативного сценария на появление аллегрных форм в рамках настоящего исследования был проведен анализ одного речевого дня информанта И45 (мужчина 65 лет, с высшим образованием, высоким уровнем речевой компетенции, по профессии — режиссер, преподаватель театрального института). И45 принимает участие в разнообразных коммуникативных эпизодах, различающихся по типу речевого сценария (профессиональный разговор, бытовая беседа, практическое занятие/обучение), по месту коммуникации (дом, школа, «в гостях», театр), а также по социальной роли информанта (преподаватель, муж, коллега, друг). Для анализа были выбраны пять эпизодов: занятие театрального кружка — школа — преподаватель; бытовая беседа за ужином — дом — муж; бытовой разговор — в гостях — коллега (друг); профессиональный разговор — в гостях — коллега; деловой разговор — театр — коллега.

Для каждого отдельного эпизода была выявлена частота употребления информантом аллегрных форм, а также выделены особенности функционирования АФ с учетом вышеперечисленных условий коммуникации.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Раднаева Любовь Дашинимаевна,
д. ф. н., преподаватель, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

**Дистрибуция языковых единиц
в условиях естественной звучащей речи
(на материале современного бурятского языка)**

Свойства элементов языка в условиях естественной звучащей речи дают новые представления о закономерностях в организации фонетической системы языка на уровне слога, слова, текста и расширяют общие представления о звуковой организации конкретных языков.

В процессе речепроизводства и восприятия человек бессознательно, вольно или невольно опирается на основные или частотные последова-

тельности звуковых единиц, помогающие ему при распознавании речи. Используя в речи звуковые единицы языка человек, как правило, не задумывается над тем, что одни из них имеют большую функциональную нагрузку, а другие — меньшую.

В докладе идет речь о частотном распределении звуковых единиц — фонем, аллофонов, слогов, словоформ в условиях естественной звучащей речи на бурятском языке. Результаты исследования сопоставляются с ранее полученными автором данными по распределению единиц на материале письменных текстов.

Материалом исследования являются готовые записи речи двадцати человек, полученные во время радио и телеинтервью на различные темы: социальные, научные, учебные, культурологические. Информантами являются носители литературной нормы языка, с высшим гуманитарным образованием в возрасте от 30 до 56 лет (10 женщин и 10 мужчин). Первичным методом обработки материала является многоуровневая расшифровка и разметка звучащих текстов при помощи программы ELAN. На следующем этапе расшифрованный массив звучащего текста был затранскрибирован при помощи автоматического транскриптора, разработанного на основе правил фонематического и фонетического (аллофонного) транскрибирования. Правила транскрибирования максимально отражают свойства звуковых единиц языка, реализованных в речи. На третьем этапе исследования словоформы делились на открытые слоги, по которым производился автоматический подсчет.

В результате были получены данные по дистрибуции фонем, классов фонем, аллофонов, слогов, а также статистика словоформ. Полученные данные автоматически вносились в базу данных, по которой производился дальнейший статистический анализ.

Дальнейшие шаги по изучению дистрибуции языковых единиц в условиях естественной звучащей речи связаны с расширением звукового материала, условий записи, учета различных социальных групп информантов и длительности звучащего текста.

Родионова Александра Павловна,

к. ф. н., научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Современное состояние людиковского наречия карельского языка

Еще в 1975 г. А. Баранцев писал о том, что точных сведений о численности карелов-людиков финно-угроведение не имеет. В 1905 г. их насчитывалось не более 10 000 человек, примерно это же количество людиков Аймо Турунен определяет и для довоенных 1930-х гг. В 1963–1965 гг. по приближенным подсчетам численность людиков составляла 6–7 тысяч человек, причины сокращения численности — миграция в города, языковая и этническая ассимиляция. В настоящее время, согласно оценочным данным, людиков осталось не более 4–5 тысяч человек, но только 300 из них являются

носителями своего языка. Большая часть владеющих языком — представители старшего поколения. Молодежь практически не говорит на языке.

Как считает исследователь людиковского наречия Мийкул Пахомов, карел-людик по происхождению, проживающий в настоящее время в Финляндии, «причиной такого положения является многолетнее отсутствие преподавания людиковского языка, официальной поддержки по его сохранению и развитию». В школах на территории расселения людиков преподают собственно-карельское и ливвиковское наречия, лишь в школе села Михайловское Олонецкого района юные людики могут осваивать язык предков — только в кружке, во внеучебное время. Язык и культура карелов-людиков исследованы чрезвычайно фрагментарно, большая часть научной литературы была издана в Финляндии. На данный момент нет и целостных исследований в области грамматики. Тем не менее, в последние годы интерес к людиковскому наречию возрос, в том числе поднимается вопрос о преподавании людиковского наречия в школах республики.

Таким образом, людиковское наречие находится на грани полного исчезновения. Ярким примером тому служит ситуация, которая сложилась в с. Виданы Пряжинского района, также являющимся населенным пунктом традиционного проживания карелов-людиков. Имеющаяся статистика по жителям Видан отчетливо показывает последовательное сокращение карельского населения: в 1926 г. в деревне проживали 682 карела, в 1933 — 325. Согласно данным последней переписи населения 2010 г., все население Видан составляет 287 человек. Естественно, что и количество карелов значительно сократилось. Что касается владения карельским языком жителями деревни, то ситуацию печально демонстрируют следующие цифры. В 2001 г. сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН была совершена экспедиция в Виданы, во время которой были зафиксированы и записаны двенадцать информантов, хорошо владеющих карельским языком. В 2012 г. список информантов включал уже девять человек. В 2014 г. удалось записать только четырех женщин-карелок достаточно пожилого возраста.

«Опасность исчезновения людиковскому угрожает гораздо в большей степени, чем всем другим прибалтийско-финским языкам, бытующим в Карелии. Главными причинами быстрого угасания людиковского языка является отсутствие его преподавания в учебных заведениях, а также официальной поддержки деятельности по сохранению и развитию. Этим объясняется и отсутствие специалистов со знанием людиковского языка в образовании, науке, культуре, СМИ и других официальных сферах Республики Карелия». Тем не менее для развития и сохранения языка силами активистов-людиков сделано немало. Так, в 2006 г. А. П. Баранцев основал в г. Петрозаводске Людиковский гуманитарный фонд. В с. Кончезеро в 2009 г. создана общественная организация по защите прав и интересов людиков. Михайловская карелка-людик Р. Е. Копанева является председателем некоммерческой Карельской Региональной Организации «Lüüdin vezaažed» («Людиковские ростки»), которая была зарегистрирована 15 ноября 2012 г. в с. Михайловское. Главной целью организации является «сохранение, развитие и популяризация культурного наследия людиковского

народа как уникального этноса мирового сообщества на территории южных районов Республики Карелия».

Безусловно, без должного признания и уважения язык обречен на исчезновение, поэтому только при должной активизации сообществ, проживающих на людиковских территориях, язык можно будет сохранить.

Хубракова Индра Владимировна,

аспирант, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)

Анализ и интерпретация пауз хезитаций в ситуации неподготовленного чтения фонетически представительного текста

Паузы хезитации (ПХ) представляют собой «характернейшую особенность спонтанной устной речи (как непринужденной, разговорной, так и более официальной), отражающую ее сиюминутность, творческий характер». Хезитация свойственна любой форме устной речи, однако особый интерес представляют ПХ наблюдаемые в процессе чтения. Исследование проводится на материале современного бурятского языка. Функции и характер ПХ в чтении и говорении различны. Задача состоит в рассмотрении и классификации пауз хезитации в процессе чтения. Авторы «Фонетики спонтанной речи» считают, что в чтении и других видах подготовленной речи ПХ либо полностью отсутствуют, либо достаточно четко противопоставлены как по своим фонетическим характеристикам, так и по позиции в высказывании паузам межфразовым и межсинтагменным».

В настоящем исследовании материалом для анализа ПХ в процессе чтения послужил сбалансированный фонетически представительный текст из 50 предложений. В тексте отражены все особенности фонетической системы анализируемого языка. Чтение текста записано в исполнении 8 дикторов (3 филолога и 5 нефилологов). Информанты — носители бурятского языка, проживающие на территории Бурятии. Чтение текста производилась без предварительной подготовки.

При анализе материала было установлено, что говорить об отсутствии в чтении ПХ неправомерно. Слуховой анализ записей текста показал, что в процессе чтения у каждого из дикторов зарегистрированы ПХ, как заполненные и незаполненные. Общее количество заполненных и незаполненных пауз в текстах приблизительно равно. Первые результаты слухового анализа показывают тенденцию к превалированию незаполненных ПХ в речи филологов. В чтении нефилологов наблюдается незначительное преобладание заполненных пауз.

Главной причиной пауз хезитации является сложность, возникающая при декодировании текста с письменного языка на устный, поиск верного озвучивания написанного. Результаты анализа ПХ подтверждают гипотезу Ф. Голдмен-Эйслера о влиянии лексической составляющей текста. Выяснилось, что ПХ появляются в контактных пре- и постпозициях. Слова, входящие в состав частотной лексики бурятского языка и хорошо знакомые информантам не вызывают трудностей с декодированием, а многослож-

ные слова или необычные формы часто служат причиной появления пауз хезитаций.

Причиной возникновения ПХ являются также сложные синтаксические конструкции не характерные для разговорной речи, например, деепричастный оборот. При чтении вслух сложная синтаксическая структура провоцирует читателей на более длительные паузы. Наши наблюдения подтверждают сказанное.

Результаты исследования показывают, что основные функции пауз хезитации связаны с контролем качества прочтения фрагмента (в случае неверного прочтения происходит самокоррекция); с обдумыванием следующего слова для правильного его произнесения, с передышкой, с «поправлением» голоса. Таким образом, паузы хезитации проявляются не только в процессе спонтанной устной речи, но и при чтении.

Шерстинова Татьяна Юрьевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Организация данных в звуковом корпусе,
предназначенном для многоуровневого
социолингвистического анализа речи

Необходимость проведения социолингвистического анализа данных диктует свои требования к организации материала речевого корпуса, на базе которого происходит исследование. Прежде всего, обязательным становится введение дополнительных параметров описания аудиоматериала: подробных социолингвистических характеристик говорящих (возраст, пол, место рождения, уровень образования и др.), а также информации, отражающей социальную роль говорящего в каждой конкретной речевой ситуации и социальный статус коммуникантов (например, общение друзей, коммуникация внутри семьи, профессиональные разговоры на работе и др.).

Особенностью проекта, разрабатываемого в настоящее время на филологическом факультете СПбГУ, является попытка анализа речевого материала разных социальных групп на нескольких лингвистических уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. Тем самым выдвигается задача не только аннотирования данных на соответствующих уровнях, но и организации полученной в результате такого аннотирования лингвистической информации в единую информационную систему.

В докладе описаны принципы организации данных в звуковом корпусе русского языка повседневного общения, разработанные для проведения многоуровневого социолингвистического анализа современной русской речи. Речевой материал формируется на базе звукозаписей корпуса, известного под названием «Один речевой день», который для проведения социолингвистического анализа речи был существенно расширен. В докладе представлены основные модули корпуса, структура и состав информационной базы данных, используемые средства экспорта-импорта между разными модулями системы.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Авдеева Наталья Алексеевна,

старший лаборант, Санкт-Петербургский экономико-математический институт

Боярский Кирилл Кириллович,

к. ф.-м. н., доцент, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

О синтаксической связи в числовых конструкциях

Сложность разбора числовых конструкций связана, в первую очередь, с нехарактерным способом связи числительных с другими частями речи — «асимметрией прямых и косвенных падежей». Она проявляется в том, что в прямых падежах (именительном или винительном) определено-количественное числительное формально управляет существительным, а в остальных согласуется с ним. Например:

Он взял две (вин. п.) книги (род. п., ед. ч.).

Он взял семь (вин. п.) книг (род. п., мн. ч.).

В гостиной стоял стеллаж с девятью (тв. п.) книгами (тв. п., мн. ч.).

Часть лингвистов считает, что вершиной данной конструкции всегда является существительное [3], другие же вершиной определяют числительное [Исакадзе, 1998; Corbett]. Исключением является числительное один, которое всегда согласуется с существительным.

Кроме того, числительные в прямом падеже иногда изменяют морфологические характеристики связанных с ними единиц таким образом, что нарушается связь этих единиц с другими. Например, в конструкции с числительными существительные могут сочетаться с несогласованными прилагательными:

Они заказали три (вин. п.) круглых (род. п., мн. ч.) стола (род. п., ед. ч.).

Еще одним пример — ситуация, когда числительное выступает в качестве подлежащего. В этом случае сказуемое может употребляться в единственном или множественном числе (*вошло семь студентов, вошли семь студентов*). Причем в подобных случаях подлежащим иногда выступает предложная группа. Это также характерно только для предложений с числительными:

С 1898 г. выполнено около 550 экспериментальных работ.

С другой стороны, числительные могут быть записаны в виде цифры, что усложняет процесс их обработки, особенно, если с ними связано существительное в сокращенной форме:

Работа оператора будет стоить 2–5 долл.

Их морфологические характеристики и синтаксические связи могут быть установлены только по анализу контекста («не менее 75 млн»).

Анализ предложений с числовыми конструкциями проводился с помощью парсера SemSin, который построен на основе грамматики зависимостей [Боярский, Каневский, 2012].

При разработке правил обработки числительных нами было выбрано альтернативное решение, основанное на «асимметрии падежей»: в прямых падежах числительное управляет существительным, а в косвенных — зависит от него.

Первая группа правил применяется в самом начале анализа предложения для анализа числительных в прямых падежах. В результате существительное связывается с числительным по родительному падежу. Вторая группа, обрабатывающая числительные в косвенных падежах, используется в середине разбора. Такой порядок обусловлен тем, что конструкции с числительным в прямом падеже необходимо находить в первую очередь. Иначе могут возникнуть определенные несоответствия форм. Например, при связывании прилагательного и существительного им может быть приписан неверный падеж: *спелые груши* (им./вин. п.), но *две спелые груши* (род. п., ед. ч.), *две спелых груши* (род. п., ед. ч.).

Таким образом, в результате разбора отображаются два разных типа связи: «Род», для числительных в прямых падежах: ТРИ > (Род) > СТУЛА;

«Сколько», для числительных в косвенных падежах: СТУЛЬЯМИ > (Сколько) > ДВУМЯ.

Литература:

1. Боярский К. К., Каневский Е. А. Семантико-синтаксический анализатор SemSin // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2012». — М.: Изд-во РГГУ, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2012/materials/pdf/Kanevsky.pdf>
2. Исакадзе Н. В. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе. М.: МГУ, 1998.
3. Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1985.
4. Corbett G. G. The head of Russian numeral expressions / G.G. Corbett // Heads in Grammatical Theory.

Азарова Ирина Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Алексеева Елена Леонидовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Миранова Дина Марковна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Кластеризация рукописей на базе совпадения разночтений как основа публикации славянской традиции

Как только перед текстологами встал вопрос об анализе одновременно десятков и сотен рукописей, понадобился математический метод, позволяющий формализовать процедуру установления отношений между боль-

шим числом объектов. Было разработано несколько процедур, но все они в состоянии обработать не более 250 рукописей.

Целям проекта исследования славянского Евангелия соответствовала задача более или менее исчерпывающего охвата источников до середины XVI в., когда книгопечатание положило предел естественному развитию текста. До начала проекта самый полный список источников славянского Евангелия включал около 500 единиц XI–XV вв., уже после окончания коллаций опубликован список из 2500 единиц. В ходе коллаций было замечено, что рукописи XV–XVI вв. в значительном большинстве входят в одну группу, на базе которой в XVI в. появились печатные издания. Это наблюдение позволило считать, что примерно 1150 рукописей, подвергшихся коллациям, обеспечивает достаточно полное представление материала, при том что в это число вошло подавляющее большинство рукописей XI–XIV вв. и значительное число рукописей XV в.

В связи с большим количеством источников для их первичной обработки мы использовали метод, впервые предложенный двумя американскими текстологами — Эрнестом Колвеллом и Эрнестом Тьюном в 1963 г. для греческой новозаветной традиции. До них при изучении рукописной традиции все рукописи поочередно сравнивались с неким эталоном и далее на основании общности отличий от эталона объединялись в группы. Колвелл и Тьюн предложили отказаться от эталона, сравнивать все рукописи попарно между собой и оценивать их близость по общему тексту, а не по различиям. Однако в своей работе Колвелл и Тьюн столкнулись с трудностью определения порогового значения степени сходства, ниже которого рукописи бы к кластеру не присоединялись. А. А. Алексееву же удалось избежать этой проблемы, поскольку итог группировки рукописей представлен в виде таблицы, где близкие рукописи находятся рядом.

На первом этапе обработки данных для каждой пары рукописей определяется процент сходства по формуле: число совпадающих чтений / число сравниваемых узлов разночтений. Здесь мы учитываем только те узлы разночтений, в которых обе сравниваемые рукописи имеют ненулевые варианты. В результате мы получаем квадратную матрицу (650×650 для Евангелия от Иоанна, 532×532 для Евангелия от Матфея), показывающую степень сходства каждой рукописи со всеми остальными.

На втором этапе программа формирует кластеры рукописей, начиная с пары с самым высоким процентом сходства и двигаясь дальше строго в порядке убывания процента сходства. Процесс кластеризация заканчивается, когда все рукописи объединятся в один кластер. В результате мы получаем перестроенную матрицу, в которой рукописи идут в том порядке, в каком они объединялись в кластеры. Двигаясь вниз по главной диагонали матрицы, мы обнаруживаем границы элементарных кластеров: внутри кластера процент сходства вдоль главной диагонали убывает, увеличение процента сходства сигнализирует о начале нового кластера. Элементарные кластеры следуют в матрице в том порядке, в каком они объединялись в более крупные кластеры в процессе кластеризации. Кластерный анализ для текста Евангелия от Иоанна позволил выделить 7 групп рукописей, для Евангелия от Матфея — 8.

Азарова Ирина Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Дёгтева Анна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Использование нейронной сети

для автоматического определения тональности отзывов

Процедуры автоматического определения тональности (sentiment mining) стали довольно распространенными в последнее время. Появились серьезные исследования, в которых описаны основные проблемы выявления тональности в текстах [Bing Liu, 2010; Pang, Lee 2008]. В частности, говорится о том, что для решения проблемы необходимо ее сформулировать и формализовать. Очевидно, что тональные элементы неоднородны, они включают выражение мнений, чувств и эмоций, при этом тональность неразрывно связана с субъективностью, что в то же время не исключает определенного анализа объективных качеств, свойств и проч. Анализ тональности может производиться на уровне отдельных предложений и текстов, в последнем случае тексты подвергаются тональной классификации: делятся на две противопоставленные группы отрицательных и положительных. Довольно часто к двум группам добавляют еще третью — нейтральные. Однако фактически в текстах (в нашем случае, отзывы) выражаются и положительные, и отрицательные оценки (мнения, эмоции), при этом тот или другой компонент может превалировать, но иногда они представлены в равновесном виде как амбивалентная оценка. Назвать их нейтральными нельзя, поскольку они имеют смешанную (или непроявленную) тональность.

В данной статье мы рассмотрим проблему тональной классификации отзывов о ресторанах, поскольку они представлены многообразно в Интернете, что позволяет создать корпус таких текстов. Достаточно часто отзывы сопровождаются оценками по пятибалльной шкале, причем зачастую оценка градуируется по ряду параметров, которые могут получать собственную оценку. Опираясь на имеющиеся отзывы и оценки, мы сформулировали собственные принципы оценивания, которые положили в основу так называемого пространства тональности. Проанализировав лексический материал корпуса мы выделили лексические тональные маркеры, как в [Wiebe 2000], и создали «золотой стандарт» размеченных и оцененных несколькими экспертами отзывов, которые были использованы для обучения нейронной сети аналогично [Wiebe, Bruce, O'Hara, 1999].

Литература:

1. *Bing Liu*. Sentiment Analysis and Subjectivity // Handbook of Natural Language Processing, 2nd Edition. Editors: Nitin Indurkha, Fred J. Damerau. Chapman and Hall/CRC, 2010.
2. *Pang B., Lee L.* Opinion mining and sentiment analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval 2(1-2). 2008 Pp. 1–135.
3. *Wiebe J.* Learning subjective adjectives from corpora // Proceedings of AAAI, 2000.
4. *Wiebe J., Bruce R. F., O'Hara T. P.* Development and use of a goldstandard data set for subjectivity classifications // Proceedings of the Association for Computational Linguistics (ACL). 1999. Pp. 246–253.

Алексеева Елена Леонидовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Тайнопись в рукописи Шестоднева XV в.

Шестодневы — произведения, комментирующие библейский рассказ о сотворении мира за шесть дней. Первый из Шестодневов создан епископом Кессарии Каппадокийской Василием Великим (329–379 гг.), все остальные так или иначе от него зависят. Самым распространенным в южнославянских странах и на Руси был Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского, к этому типу и относится рассматриваемая рукопись № 443 из Волоколамского собрания РГБ. Исследование особенностей рукописи позволило расшифровать находящуюся в ее конце криптограмму.

Андреев Артем Викторович,

младший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)

Падежи как модальные операторы

Традиционно принято считать, что (глубинным) падежам (тета-ролям) в логическом представлении соответствует просто порядок аргументов предиката (первый аргумент — агенс/субъект, второй аргумент — пациенс/объект и т. п.). Однако здесь есть возникает ряд проблем, наиболее очевидной из которых является существование факультативных валентностей, что плохо согласуется с жестким порядком аргументов. Но и описание основных валентностей также наталкивается на некоторые трудности, связанные с залоговыми преобразованиями и конверсивами. Рассмотрим два предложения: «Иван продал Петру книгу за 5 рублей» и «Петр купил у Ивана книгу за 5 рублей». Очевидно, что содержательно они описывают одну и ту же ситуацию. Обозначим ее через $\text{Sale}(\text{ivan}, \text{peter}, \text{book}, \text{five_rubles})$. Возникает вопрос, одинаковы при этом ли глубинные падежи именных групп в этих двух предложениях. В зависимости от того, что именно понимается под глубинными падежами (тета-ролями), на этот вопрос можно ответить как положительно, так и отрицательно, однако, на наш взгляд, оба ответа неудовлетворительны. В самом деле, допустим, что глубинные падежи одинаковы; в таком случае, логическая форма этих двух предложений одинакова и становится непонятным, как может быть описано их отличие. Если же глубинные падежи различны, то мы имеем дело с двумя логическими формами: $\text{Sell}(\text{ivan}, \text{peter}, \text{book}, \text{five_rubles})$ и $\text{Buy}(\text{peter}, \text{ivan}, \text{book}, \text{five_rubles})$, связанных постулатом значения $\forall x, y, z, t: \text{Sell}(x, y, z, t) \equiv \text{Buy}(y, x, z, t)$. Однако на уровне логической формы допустима любая перестановка аргументов, без ограничений, в то время как в языке залоговые и конверсивные преобразования подчиняются сложным ограничениям.

Другой возможностью является описание глубинных падежей как отношений между участниками и ситуацией в целом, т. е. логической формой для «Иван продал Петру книгу за 5 рублей» будет $\exists S: \text{Agent}(\text{ivan}, S) \wedge \text{Benef}(\text{peter}, S) \wedge \text{Pat}(\text{book}, S) \wedge \text{Price}(5, S)$. Однако в этом случае мы должны

сформулировать некоторую аксиматику, которой подчиняются соответствующие предикаты, иными словами, должно быть формализовано, что значить «быть агенсом» и т. п. Но по всей видимости никаких имманентных свойств, характеризующих участников ситуации, задать невозможно, в самом деле, в предложении «Иван ударил Петра палкой», Иван — это агенс, а палка — инструмент, но в предложении «Палка ударила Петра» то, что было инструментом, становится агенсом. Третья возможность состоит в том, чтобы отказаться от понятия глубинных падежей вообще и считать поверхностные падежи такой же чисто синтаксической категорией, как, допустим, согласовательный класс. Но во-первых, само понятие глубинных падежей было введено для того, чтобы описывать некоторые реально существующие явления языка, а во-вторых, существуют независимые употребления (поверхностных) падежей, в которых они, как правило, имеют некоторую достаточно конкретную семантику (например, локативную).

Мы предлагаем рассматривать глубинные падежи как модальные операторы (так же, как через модальные операторы может быть описано глагольное время). Может быть введена квазигеометрическая модальность «точки зрения», в которой залоговым и конверсивным преобразованиям будут соответствовать те или иными преобразования «системы координат», при этом для каждого языка может быть задана аксиоматика, описывающая преобразования, допустимые в данном языке. При таком подходе глубинные падежи оказываются менее «глубинными»: так, они не сохраняются при залоговых преобразованиях, однако они будут сохраняться при чисто синтаксических трансформациях, таких, как номинализация. Могут быть приведены дополнительные аргументы в пользу такого решения: 1) темпорально-локативные значения поверхностных падежей наиболее естественно описываются как соотв. модальности; 2) поверхностные падежи тесно связаны со средствами выражения информационной структуры предложения, а она также может быть легко представлена как модальность («существенно, что Р»).

Андреева Екатерина Георгиевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Обращения в английском и русском языках.

Опыт контрастивного анализа

Способы «именования» собеседника, которые используются в диалогической речи на русском и английском языках, способны специфично отражать национально-культурные особенности языков, они неоднородны по своему составу и имеют сложное содержательное строение. Целью настоящего сообщения является сопоставительный анализ обращений в английском и русском языках с тем, чтобы выявить возможные отражающие национальную специфику различия. Практическим материалом послужили диалоги между любящими друг друга персонажами, почерпнутые из художественной литературы и художественных фильмов различных жанров на этих языках. В основном анализу подвергались диалоги

между героями со сходными чертами характера, реализующиеся в более или менее одинаковых ситуациях и отражающие сопоставимые модели поведения персонажей. В целом было рассмотрено 449 реплик на русском языке (из 40 источников) и 492 — на английском языке (из 35 источников), что представляется как количественно сопоставимым по рассматриваемым языкам, так и вполне достаточным для получения достоверных выводов корпусом примеров.

Как показал проведенный анализ, в обоих языках самыми активно употребляемыми обращениями в диалогах любящих людей являются обращения по личному имени в разных его формах. Полные имена в русском языке используются значительно реже, чем в английском, и нередко полное имя — обращение — оказывается в некотором смысле отрицательно коннотированным, в то время как в английском же языке они стали одной из самых частотных форм, не приносящей специфических коннотаций в высказывание. Напротив, сокращенные (неполные) формы имен собственных в русском языке используются значительно чаще, тогда как для английского языка они являются скорее редкой формой обращения. Самая распространенная форма имени в русском языке — уменьшительно-ласкательная, в то время как в английском языке это наименее распространенный вариант.

Принципиальное количественное расхождение между двумя рассматриваемыми языками наблюдается в отношении обращений, в которых использованы субстантивированные прилагательные. Если говорящие на русском языке прибегают к такой форме в каждом пятом случае, то в английском языковом сообществе подобное обращение к любимому человеку оказывается самым распространенным и используется в каждом 2–3 случае. Однако в их употреблении есть и явное сходство. В обоих языках список таких прилагательных узок (3–4 единицы) и в обоих языках персонажи обоих полов в равной степени использовали эту форму номинации.

В том, что касается использования прозвищ и имен нарицательных при обращении к любимому, то в количественном отношении языки очень близки. Однако многообразии вариантов обращения в английском языке значительно превосходит русский. Можно также отметить, что в английском языке такие обращения больше ассоциативно связаны с вкусовыми ощущениями (сладостью), тогда как в русском языке обращения в форме имен нарицательных имеют более общий характер, соотносясь, скорее, с характером или внешностью адресата.

В отношении гендерных предпочтений оба языка проявляют больше сходств, чем различий. Мужчины отдают предпочтение более эмоционально насыщенным вариантам обращения — уменьшительно-ласкательным формам имен собственных, именам нарицательным, а также конструкции с притяжательным местоимением (прилагательным — в английской терминологии). Эта тенденция, по-видимому, отражает закрепившиеся в обеих культурах социальные роли мужчин и женщин (доминирующую в случае первых и подчиненную в случае вторых). Иерархичность социальных ролей проявляется и в том, что большинство персонажей-женщин называет своего любимого полным или наиболее нейтральным именем, что, видимо, отражает уважительное отношение к собеседнику. Наконец,

обращения-прозвища, хотя и одинаково мало используются в обоих языках, продемонстрировали для каждого из них свою гендерную специфику — в наших примерах в русском языке прозвищами пользуются только персонажи-мужчины, в английском, напротив, только персонажи-женщины.

Богданова Светлана Юрьевна,

д. ф. н., профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ (Иркутск)

Моделирование этикетных ситуаций на основе Учебного мультимодального корпуса текстов (УМКО)

Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют расширить исследовательский инструментарий за счет включения в него новых, недоступных ранее методов сбора информации, проведения расчетов, анализа данных и представления результатов. Возможность автоматизации обработки больших объемов данных позволяет высвободить значительную часть временных ресурсов исследователя. Кроме того, за счет компьютерного моделирования тех или иных явлений становится возможным наблюдение поведения такой модели в разных условиях и при разных переменных. Ярким примером применения компьютерных технологий в лингвистических исследованиях является корпусная лингвистика, перспективным направлением в которой является разработка мультимодальных лингвистических корпусов, позволяющих проводить анализ не только языкового материала, но и экстралингвистической информации. Помимо текста такие корпуса содержат аудио, видеозаписи актов коммуникации, а также метаданные о ситуации и участниках коммуникации. Информацию, содержащуюся в мультимодальном корпусе, можно разделить на три аспекта, в зависимости от модальности:

- 1) лингвистическая информация, включающая лексический состав, грамматические конструкции, сочетаемость слов, используемые в диалогической речи;
- 2) фонетическая информация, включающая варианты произнесения одних и тех же единиц, наличие пауз, просодические характеристики, а также фонетические ошибки;
- 3) визуальная информация, включающая информацию о невербальных средствах коммуникации: мимике, жестикуляции, позе, визуальном контакте во время коммуникации.

Разметка таких корпусов позволяет производить поиск и подсчет данных, в частности, о невербальных средствах коммуникации.

Анализ невербальных единиц предполагает изучение всего арсенала знаковых средств, используемых в человеческом общении, описание разнообразных соотношений между невербальными и вербальными знаковыми единицами и их совместного функционирования в коммуникативном акте. При этом встает проблема отбора материала для анализа. Если вербальные средства проще всего зафиксировать в письменном виде на бумажном носителе, то невербальные средства фиксируются на аудиозаписи (если речь идет о просодических характеристиках, интонации) или на видеозаписи

(если речь идет обо всем спектре средств невербальной коммуникации). Разработка в Евразийском лингвистическом институте МГЛУ (г. Иркутск) Учебного мультимодального корпуса текстов УМКО продолжается с 2011 г., недавно он пополнился 20 фрагментами молодежных сериалов на китайском языке, в которых представлены типичные этикетные ситуации (приветствие, прощание, извинение, благодарность и др.). С помощью корпус-менеджера ELAN фрагменты были размечены с точки зрения вербальных и невербальных коммуникативных средств. Данные, полученные на материале китайских сериалов, совпадают с данными, полученными на материале постановочной коммуникации китайских студентов.

Наличие в корпусе информации о невербальных средствах коммуникации, а также возможность ее параллельного просмотра за счет выравнивания записей относительно ситуаций общения позволяют применять мультимодальные корпуса и, в частности, УМКО, для выявления культурных различий между носителями разных языков и их учета при обучении иностранным языкам. Когда «словарь» этикетных жестов, характерных для данного языка, выучен, он становится важным средством общения, дополняя фразы на всех известных данному человеку языках, вне зависимости от присущей ему «родной» системы жестикуляции.

Боярский Кирилл Кириллович,

к. ф.-м. н., доцент, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

Каневский Евгений Александрович,

к. т. н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН

К вопросу о поиске хозяина предложной группы «по вопросам»

Проблема обработки текстов на естественном языке была и остается чрезвычайно актуальной. Одной из важных проблем при семантико-синтаксическом анализе является проблема установления правильных связей между существительными, в частности нахождения «хозяина» для существительных с предлогами [Кобзарева, 2010].

Примером подобной связи является связь, образуемая словосочетаниями *по вопросам* и *по вопросу* [Рогожникова, 2003]. Для анализа этих связей было подобрано около 1800 отдельных предложений, которые распределились приблизительно таким образом:

- с предложным оборотом *по вопросам* — 1050,
- с предложным оборотом *по вопросу* — 320,
- с предлогом *по* и существительным *вопросам* — 135,
- с предлогом *по* и существительным *вопросу* — 290.

В качестве инструмента для анализа был использован парсер SemSin, осуществляющий глубокий синтаксический анализ русскоязычных текстов [Каневский, Боярский, 2012]. Анализ осуществляется под управлением продукционных правил. Результатом работы парсера является построение

синтаксического дерева зависимостей с возможно полным снятием грамматической и частеречной омонимии.

Как показал анализ, около 45 % предложений обладают локальной связью, например:

... — прокомментировал РБК daily **председатель подкомитета по вопросам** обращения лекарственных средств.

Однако значительное количество связей осуществляется нелокально, иногда даже через несколько слов:

... — говорит **заместитель мэра по вопросам** социального развития Леонид Печатников. • В свое время был **референдум** в Квебеке, в Канаде **по вопросу** о самостоятельности, независимости этой провинции. • «Возможно, в своем будущем постановлении ВАС поставит точку в долгой **борьбе** бизнеса с налоговыми органами **по вопросу** дробления бизнеса», — надеется он. • В задачи SMC входило **консультирование** крупных концернов и клиентов **по вопросам** о том, как наиболее эффективно экономить на налогах (в этом предложении имеется предлог *по* и существительное *вопрос*).

Для анализа были выделены несколько групп существительных:

- 1) «Руководители» (гендиректор, губернатор, мэр, президент) — к ним рассматриваемая нами связь не подключается.
- 2) «Помощники» (заместитель, заммэра, советник) — к ним такая связь часто подключается.
- 3) «Комитеты» (группа, департамент, комитет, совет (но не совет директоров)) — к ним такая связь часто подключается.
- 4) «Информационные действия» (доклад, обращение, переговоры) — возможно подключение такой связи.
- 5) Особую группу составляют слова министр и министерство, которые требуют дополнительной обработки, поскольку встречается как сочетание *министр по вопросам*, так и *помощник министра по вопросам*.

Основной алгоритм осуществляет поиск влево от предложного оборота, пропуская слова первой группы и запоминая слова четвертой группы. При встрече слов второй или третьей группы связь подключается (*заммэра Москвы по вопросам градостроительной политики*; *член комитета Госдумы по вопросам семьи*). Если встречается предикат, то производится проверка на наличие в памяти слов четвертой группы: если такое слово есть, то подключение осуществляется к нему (*мы провели переговоры с коллегами из Великобритании, Германии и других стран по вопросам организации предварительной сортировки*), в противном случае эта связь подключается к предикату (*консультирует правительство Норвегии по вопросам стратегии инвестирования*).

В приведенных выше примерах слова, к которым подключается предложный оборот выделены жирным шрифтом.

Литература:

1. Кобзарева Т. Ю. Поиск хозяина предложной группы в русском предложении // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 186–191.

2. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.
3. Каневский Е. А., Боярский К. К. Семантико-синтаксический анализатор SemSin // URL:<http://www.dialog-21.ru/digest/2012/?type=doc>

Боярский Кирилл Кириллович,

к. ф.-м. н., доцент, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

Каневский Евгений Александрович,

к. т. н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский Экономико-математический институт РАН

Нелокальные синтаксические связи в русском тексте

Среди задач анализа текстов важное место занимают вопросы автоматического выделения словосочетаний определенных типов, причем зачастую носящих семантический характер. Типичным способом решения часто является определение шаблонов поиска типа «согласованные прилагательное + существительное», «существительное + существительное в род. падеже» и более сложные [Большакова, 2007]. Однако в большинстве случаев анализируются контактно стоящие в строке n-граммы. В то же время даже устойчивый термин может быть разорван посторонними словами и, следовательно, не будет обнаружен. И тем более это справедливо при выявлении свойств концептов онтологий и построении сценариев, использующих предикатные элементы.

Нами был предпринят эксперимент по оценке встречаемости нелокальных связей (в данной работе не менее пяти слов между связываемыми словами). Для этого с помощью парсера SemSin [Каневский, Боярский, 2012] строились деревья подчинения, после чего производился подсчет распределения по длинам связей разных типов. Анализ производился на двух наборах текстов общеполитического характера из интернета, объемом 34 и 12,5 тыс. слов, а также на текстах узкой предметной области: главы объемом 2,5 и 6 тыс. слов, посвященные устройству парусного вооружения судов из книг [Курти, 1977; Ромм, 1793].

Анализ показал, что для нелокальные связи, особенно характерны для предикатов. А именно такие связи важны для построения сценариев. Это прежде всего нелокальные связи с субъектом, в зависимости от типа текста их от 10 до 20 %. Например:

*Нижняя **сторона**, обычно несколько изогнутая кверху, с помощью шкотов и галсов **прикрепляется** к нижележащему рею.*

Нелокальное расположение различных типов обстоятельств и дополнений встречается с частотой 10–20 %:

*Если в России **говорят** о том, что нас объединяет (культура, отношение к личности, к Богу), то в **Евросоюзе** — совсем о другом.*

В общественно-политических текстах с частотой около 20 % встречается удаленное расположение фамилии человека и его должности или специаль-

ности, а такие связи чрезвычайно важны для установления кореферентных отношений:

старший следователь по особо важным делам Следственного комитета при прокуратуре РФ Владимир Соловьев.

Особый интерес представляют анафорические связи между местоимениями и их antecedентами. Среди таких связей нелокальных оказывается 40–50 %, причем их длина может быть очень большой:

Запад вынужден будет вступить в диалог, потому что его бьют на том поле, которое он всегда считал своим.

Каждый парус заимствует имя свое от мачты или рея, которым он принадлежит.

Парсер SemSin позволяет выявлять анафорические связи не только в пределах предложения, но и в пределах целого абзаца. Естественно, в этом случае возрастает степень нелокальности:

Тогда я понял: европейские ценности для Европы не абсолютны, а относительны и даже конъюнктурны. Парадокс, но мы не можем от них отказываться, именно потому, что сама Европа от них отказалась (28 слов между antecedентом и местоимением).

Таким образом, анализ ближнего контекста терминов недостаточен для адекватного выделения из текста информации, носящей онтологический или сценарный характер.

Литература:

1. *Большакова Е. И.* и др. Лексико-синтаксические шаблоны в задачах автоматической обработки текста. // Труды международной конференции «Диалог 2007». М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 70–75.
2. *Каневский Е. А., Боярский К. К.* Семантико-синтаксический анализатор SemSin // URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2012/?type=doc>. [Электронный ресурс].
3. *Курти О.* Постройка моделей судов. Энциклопедия судомоделизма / сокр. пер. с итал. А. А. Чебана. Л.: Судостроение, 1977. 544 с.
4. *Ромм Ш.* Морское искусство или Главные начала и правила, научающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей / пер. с франц. А. А. Шишков. Типография Морского шляхетского кадетского корпуса. Ч. 1, 1793. 542 с.

Гринбаум Олег Натанович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Теоретические аспекты сравнительного анализа поэтических форм ямба и хоря в русском стихе

Введенное автором в стиховедческую науку новое понятие «гармонический потенциал строфы» включает ряд параметров, таких как индекс гармонии строфического ритма, индекс грации и плавность гармонического ритма. Эти параметры указывают на максимально достижимый уровень гармонии не только для финальной позиции строфы (холистический потенциал строфы или индекс гармонии), но и учитывают построчную ди-

намику перехода от одного уровня гармонии к другому (индекс грации). Гармонический потенциал строфы характеризуется всей взаимосвязанной совокупностью введенных нами гармонических параметров, каждый из которых отражает эстетически важное, но не единственное свойство поэтической формы. В рамках общей проблемы оценки качества той или иной строфической формы в докладе обсуждаются особенности динамики изменения индекса грации для разных моделей ямбических и хорейческих строф русского стиха. Выбор поэтом той или иной формы стиха для реализации своего конкретного поэтического замысла основывается на целом ряде факторов и авторских предпочтений (включая историко-литературную традицию и индивидуальный поэтический опыт). Тем не менее, проблема выбора поэтом формы стиха может рассматриваться исследователями и в ином аспекте — в кругу вопросов гармонической по своей природе стиховой формы — строфы. И если Пушкин, как писал Б. В. Томашевский, «угадал в русском стихе его естественные нормы», то наша задача — попытаться приоткрыть завесу над тайной того, в чем заключаются эти «естественные нормы» стиха и можно ли их представить на языке математики.

Захаров Виктор Павлович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Метод морфологического анализа незнакомых слов текста на основе словообразовательных моделей

Автоматический морфологический анализ в системах АОТ — комплекс процедур, состоящий в том, чтобы для каждого текстового элемента, выделенного в результате графематического анализа как *словоформа* языка, определить набор граммем и лемму. Основные методы морфологического анализа можно поделить на словарные (со словарем основ или со словарем словоформ) и бессловарные.

В основе словарных методов лежит нахождение в словаре единицы, соответствующей анализируемой словоформе. Далее из данного словаря и из словаря флексий выбирается нужная грамматическая информация.

Однако можно сказать, что и словарном методе всегда присутствует бессловарный. Он применяется для слов, «незнакомых» словарю. Это могут быть новые слова языка, редкие слова, окказионализмы, искаженные слова, аббревиатур и т. д.

Типичный прием морфоанализа неопознанных слов — метод предсказания — создание гипотетических догадок о морфологическом «поведении» данных словоформ *по аналогии* с известными. Этот метод дает больше «шума», т. е. вариантов анализа, и меньшую точность и требует усовершенствования.

Однако существующие программы, как правило, не учитывают предсказание на основе словообразовательных моделей. Действительно, русский язык очень легко позволяет порождать слова, которых нет и не должно быть в словарях. В данной работе мы исследуем префиксальные словообразовательные модели. Для их эффективной реализации необходимо расширить

имеющиеся словари приставок так называемыми префиксоидами и компонентами сложных слов. Во-вторых, необходимо знать морфемную продуктивность, а именно сколько разных регулярных слов встречается с той или иной морфемой и как часто эти слова встречаются в языке, т. е. в корпусе текстов. Для русского языка такой информации не существует.

На первом этапе был составлен список префиксоидов дополняющий список из 87 префиксов, учтенных в Русской грамматике и в грамматике И. Г. Милославского. Словарь этих новых квазиморфем насчитывает 126 единиц. Естественно, он не полон. Очевидно, что продуктивность и частотность той или иной квазиморфемы будет сильно колебаться в зависимости от предметной области. Например, в языке химии имеются такие префиксоиды, как *гексо-*, *карбо-*, *сульфито-* и др., которые очень продуктивны в химических текстах и совсем не используются в других. Поэтому в число вышеназванных 126 квазиморфем входят только те, которые встречаются в словах из орфографического словаря русского языка, напр.: *авто-*, *теле-*, *фото-*, *кило-*, *меж-*, *пан-*, *мега-*, *нано-*, *вибро-*, *крио-* и др. По двум корпусам русского языка (НКРЯ объемом 230 млн слов и Araneum Majus объемом 1,2 млрд слов) была посчитана их относительная частота. При этом было необходимо отсеять те слова, где исследуемая квазиморфема таковой не является (например, *авто-* в слове «автор» или *моно-* в слове «монокль»). Для этого был составлен частотный словарь корпуса Araneum Majus и по нему выявлены наиболее частотные слова, где наш префиксоид является частью основы. Эти слова в запросе к корпусу включались со знаком операции отрицания. И наоборот те слова, где исследуемый элемент можно рассматривать как префикс, давали нам показатель продуктивности соответствующей морфемы.

При этом интересно отметить, что ранги частотности обработанных префиксоидов в двух корпусах разнятся, например, *техно-* имеет ранг 7 в Araneum Majus и ранг 14 в НКРЯ, *видео-*, соответственно, 26 и 50, *гео-* 24 и 13. Эти цифры находят свое объяснение, если учесть, что НКРЯ — это сбалансированный корпус с большим подкорпусом художественной литературы, в то время как Araneum — это корпус, составленный на базе Интернета.

В дальнейшем, по завершении исследования, полученные таким образом словари префиксоидов с их частотной характеристикой и характеристикой продуктивности (включая списки правых компонентов) будут подключены к системе автоматического морфоанализа.

Мартыненко Григорий Яковлевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Симметрия и асимметрия в словесности

1. Триада понятий *симметрия*, *гармония* и *ритм* в эстетике образуют ее теоретическое основание. *Гармония* — более общее понятие, чем понятия ритма и симметрии. Последние в отличие от гармонии более формальны, математичны, эксплицитны. Более того, ритм может рассматриваться как разновидность симметрии.

2. Понятие симметрии активно используется в скульптуре, архитектуре и живописи и других пространственных искусствах, но за ним буквально нужно охотиться в искусствах мусических. То же самое можно сказать и о ритме, который является активным структурным и стилистическим приемом в поэзии и музыке, но в пространственных искусствах используется реже — как чередование в пространстве определенных формообразующих элементов. Наиболее откровенно это проявляется в орнаменте.
3. В лингвистике противопоставление понятие симметрия рассматривается в паре с антонимичным понятием асимметрия как универсальная антиномия, которая проявляется на разных уровнях языка в парадигматике и синтагматике. При этом асимметрия выступает как маркированный член оппозиции. Важнейшими среди асимметричных отношений считаются противоречия между означаемым и означающим (например, между полисемией и синонимией), ядром и периферией в грамматико-семантических полях различного типа. Такое понимание симметрии свойственно теоретической лингвистике. Оно существенно отличается от математического. Однако в стилистике, поэтике, риторике симметрия чаще толкуется квантитативно, особенно в стиховедении и стилеметрии, в теории гармонии текста, квантитативной типологии языков.
4. В докладе на нескольких примерах обсуждается динамическая симметрия, методологической основой которой является теория временных рядов, статистическое моделирование и теория математической гармонии текста, основанная на инструментарии гармонических пропорций и возвратных последовательностей.

Митрофанова Ольга Александровна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Адаптация компьютерного инструмента GenSim для семантического анализа русскоязычных корпусов текстов

Среди математических моделей, используемых для решения задач, связанных с извлечением информации из текстов и со смысловой компрессией, особое место занимают тематические модели, позволяющие производить нечеткую кластеризацию лексики в корпусах текстов, автоматически выделять ключевые слова и словосочетания, классы слов с близкими дистрибутивными свойствами и т. п. Существует два основных класса тематических моделей — алгебраические (стандартная векторная модель VSM, латентно-семантический анализ LSA) и вероятностные (вероятностный латентно-семантический анализ pLSA, латентное размещение Дирихле LDA).

В докладе рассматривается решение задачи исследования тематики специальных текстов на русском языке с помощью открытого компьютерного инструмента GenSim (<http://radimrehurek.com/gensim/>, разработчик Р. Ржегуржек), который реализован на языке Питон и позволяет строить векторные и статистические модели текстовых корпусов. В составе GenSim есть модуль векторизации: внедрен алгоритм word2vec, производятся операции

построения матриц совместной встречаемости, вычисления коэффициента $tf-idf$, меры близости контекстных векторов и т. п. GenSim оснащен статистическим модулем, позволяющим строить вероятностные тематические модели корпусов текстов, наиболее продуктивной из которых является модель LDA. Большим преимуществом GenSim является легкость его настройки для обработки русскоязычных текстов. Эти особенности рассматриваемого компьютерного инструмента делают его более привлекательным по сравнению с другими аналогичными ресурсами.

В настоящее время проводятся эксперименты по моделированию тематики русскоязычных корпусов специальных текстов, разрабатываемых на кафедре математической лингвистики. Среди них корпуса текстов по гомеопатии, радиоэлектронике и другим предметным областям, корпус научно-популярных статей, публицистики, а также разнообразные художественные тексты. Особое внимание в исследовании уделяется лингвистической обработке текстов (лемматизация, разрешение морфологической неоднозначности, построение списка стоп-слов), выбору алгоритма анализа (LSA, LDA и некоторые другие), параметрам тематического моделирования и содержательной интерпретации результатов (характеристика состава тем, выявление парадигматических и синтагматических связей слов внутри тем, описание структуры тем с помощью ситуативных фреймов).

Попов Андрей Михайлович,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Критерий структурной близости

В настоящее время в прикладной лингвистике все активнее применяются различные подходы к решению прикладных задач, опирающиеся на связи между словами. Наиболее простой и эффективный с точки зрения трудозатрат подход к тексту, как к «мешку слов» (англ. Bag of words), все чаще дополняется различными методами структурированного представления текста в виде графа. Наиболее устоявшийся способ представления текста в виде графа — это синтаксическое или семантическое дерево, в узлах которого расположены слова, а дуги помечены специальными отношениями. Такое дерево обычно получается в ходе синтаксического анализа. На данный момент существуют два вполне устоявшихся способа получить синтаксическое дерево предложения — при помощи анализатора, работающего на правилах или на вероятностной модели. Как показывает практика, разработка грамматики для анализатора на правилах или синтаксически размеченного корпуса для статистического анализатора — очень трудоемкий процесс. В связи с этим, в последнее время, получило развитие такое направление, как «индукция грамматик» без учителя. В рамках такого подхода правила, используемые для синтаксического анализа, извлекаются из тренировочного корпуса морфологически размеченных текстов. Однако качество получаемых таким способом грамматик на данный момент не позволяет производить синтаксический анализ, с точностью, сопоставимой с точностью современных статистических анализаторов.

Нами была сформулирована следующая гипотеза: статистическое распределение сочетаний слов, между которыми возможна синтаксическая связь отличается от статистического распределения тех сочетаний слов, между которыми синтаксическая связь невозможна. Таким образом, главной задачей данного исследования является экспериментальное подтверждение этой гипотезы и, в случае ее подтверждения, определения критерия разделения двух видов сочетаний слов — в которых синтаксическая связь возможна (назовём их продуктивными) и не возможна (назовем их непродуктивными). Данный критерий получил условное название критерий структурной близости.

В качестве материала для статистического исследования был использован синтаксически размеченный корпус русского языка СинТагРус, объемом более полумиллиона словоформ, входящий в состав Национального корпуса русского языка. Было построено распределение продуктивных и непродуктивных сочетаний морфологических тегов, которое подтверждает нашу гипотезу. Продуктивные сочетания отклоняются от нормы в сторону более высокой частотности в смежной позиции, в то время как непродуктивные сочетания, наоборот, в смежной позиции показывают снижение частотности. Исходя из полученных данных был сформулирован критерий структурной близости. Для проверки практической применимости критерия для разделения сочетаний на продуктивные и непродуктивные были построены графики зависимости качества (полнота и точность) от порогового значения коэффициента. Среднее качество определения продуктивных связей составило около 70 %.

В рамках исследования удалось подтвердить гипотезу о корреляции распределения продуктивных и непродуктивных сочетаний в зависимости от расстояния между словами. Предложенный критерий структурной близости слов позволяет на специально не подготовленном для этой задачи корпусе получить поверхностную оценку эффективности критерия в 70 %. Предполагается, что будет наблюдаться положительная корреляция эффективности критерия от объема тренировочного корпуса. Это позволит увеличить точность разграничения продуктивных и непродуктивных сочетаний до уровня, достаточного для прикладного применения в задачах синтаксического анализа.

Хохлова Мария Владимировна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Оценка параметров статистических мер для выделения несвободных словосочетаний

Огромное место в лингвистике, в терминоведении, занимают специализированные подъязыки. Большая часть терминов — лексических единиц терминосистемы и тезауруса предметной области — представляет собой словосочетания. Поэтому встает задача выработки автоматических (полуавтоматических) методов выявления таких сочетаний по корпусам текстов. Наше исследование выполнено с помощью специализированной комплексной корпусной системы Sketch Engine (<http://www.sketchengine.co.uk>).

В данном исследовании мы используем механизм вычисления и выдачи коллокаций — сочетаний заданного слова с другими с количественным указанием силы связи, которая рассчитывается на основе мер ассоциации.

В качестве статистического аппарата нами были протестированы следующие меры: t-score (t-test), MI, MI3, MI-log-prod (MI.log_f), minimum sensitivity, log-likelihood ratio, Dice (logDice), MI.log_f.

MI3 и MI-log-prod являются модификациями популярной меры MI, придающие дополнительный вес частоте совместной встречаемости элементов коллокации.

Мера minimum sensitivity (минимальная чувствительность) представляет собой минимум из двух отношений (отношение совместной частоты к частотам ключевого слова и коллоката).

Все меры в своих формулах учитывают частоту составных элементов коллокации и частоту совместной встречаемости (по-разному). При этом меры minimum sensitivity, log-likelihood ratio, Dice не учитывают объем корпуса. В ходе экспериментов нами было проанализировано более 500 сочетаний в интервалах [-2; 0] и [0; +2] от заданного ключевого слова (в качестве ключевых слов были рассмотрены 20 наиболее частотных терминов) с использованием всех вышеуказанных мер ассоциации.

Найденные словосочетания были сгруппированы по разным грамматическим моделям, была произведена оценка статистических мер.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СТИХА

Лалетина Ольга Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме эволюции жанрово-стиховых моделей
в русской поэзии XVIII в.

Необходимость разработки принципов комплексного анализа, в основу которого положено не поуровневое описание стихотворного текста, а исследование моделей, формируемых сочетанием разных параметров, характеризующих стихотворное целое (стихотворного размера, строфической формы, клаузулы, рифмы, литературного рода, жанра и т. д.), была продемонстрирована в целом ряде работ по истории русского стиха (см., например, статьи К. Д. Вишневского, В. С. Баевского, авторов сборников «Русское стихосложение XIX в.» (М., 1979), «Петербургская стихотворная культура» (СПб., 2008; 2013) и мн. др.). Использование такого комплексного подхода для исследования поэзии XVIII в. дает возможность решить целый ряд спорных вопросов истории и типологии русского стиха. Среди них и вопрос о специфике развития стихотворной системы в последней трети XVIII — начале XIX в. Описание жанрово-стиховых структур в творчестве авторов этого периода позволяет сделать вывод о том, что во время кризиса классицизма логика поэтических экспериментов в значительной

степени определялась установкой на смену жанровых приоритетов, а также последовательное размывание жанровых границ, установленных и закрепленных в поэтической практике Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова и поэтов его школы.

Хворостьянова Елена Викторовна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема исчисления лексико-грамматического контраста русской рифмы

В современном стиховедении сложилось устойчивое представление о том, что определяющую роль в формировании рифменной структуры текста играет языковой потенциал (в первую очередь — фонетические, ритмические и синтаксические формы). Между тем динамика исторических «норм» рифмовки в русском стихе отчетливо демонстрирует, что выбор рифмопары в каждом отдельном случае диктуется требованиями жанра (но не литературного рода и стиля).

В 1970-е гг. были предложены два способа исчисления грамматического и грамматико-синтаксического контраста русской рифмы, выработанные на материале пушкинского стиха — Д. Вортом и Т. Шоу. Первый предполагал формирование иерархии грамматических признаков (в зависимости от частеречной принадлежности слова, находящегося в позиции рифмы), второй был предельно формализован и учитывал в пределах однородных рифм лишь количество совпадений по грамматическим признакам (роду, виду, падежу, числу и т. д.). Иными словами, шкала оценки для исчисления контраста была выработана заранее и затем применена в процессе интерпретации данных. Характерно, что на в одном случае не учитывались:

- 1) леммы (в том числе совпадение разных частей речи по отдельным грамматическим формам, например, рифмовка существительного и прилагательного или существительного и глагола одного рода);
- 2) грамматический потенциал разных частей речи, диктующий одновременно и « типовые » клаузулы рифмованного стиха.

Анализ рифмы М. В. Ломоносова и сопоставление этих данных со словарями рифм А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова и Е. А. Баратынского позволяют сделать вывод о том, что устойчивое представление о процессе постепенного расширения рифменного состава и деграмматизации рифмы с XVIII к началу XIX в. не находит своего подтверждения. Рифма Ломоносова гораздо более разнообразна, нежели рифма поэтов начала XIX в. Так, для основных частей речи (чаще всего находящихся в позиции рифмы) — существительных, глаголов, прилагательных, причастий, деепричастий и даже наречий — доля однородных рифм у Ломоносова существенно ниже. Иными словами, один из реформаторов русского стиха, поэт, с именем которого связано становление классицизма, вопреки сложившимся в науке стереотипам оказывается гораздо более свободен в своей рифменной практике, нежели романтики, которые вырабатывают и в значительной степени закрепляют «рифменные стереотипы».

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

Андрюхина Светлана Владимировна,

ассистент, Таврическая академия, Крымский Федеральный университет
им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Концепт «Филология» в романном творчестве А. Переса-Реверте

1. Формирование концепта ФИЛОЛОГИЯ. Осмысление понятий, закрепленных в историческом опыте народа, которые соотносятся или противостоят другим понятиям, близко с ними связанных, объединяющих в себе умственную, духовную и материальную сферы существования человека. История человечества отмечена последовательной сменой множества культурных эпох, и данные изменения находят свое отражение в литературе.
2. Принцип множественности интерпретаций. В своих романах А. Перес-Реверте пересматривает взгляд на историю и ставит под сомнение позитивные истины, размывая границы между различными областями знаний, и провозглашает принцип множественности интерпретаций. Данный принцип постмодернизма обуславливает двуадресность произведений А. Переса-Реверте, в которых он обращается к интеллектуальной элите, знакомой с кодами культурно-исторических эпох, и к массовому читателю, которому доступен на поверхности лишь один культурный код, но и он способен дать почву для интерпретации, одной из множества.
3. Слияние стилей и жанров, мотивов и образов, заимствованных из разных эпох, регионов и культур. В своих романах А. Перес-Реверте использует жанры беллетристики (детектив, приключенческий роман), комбинируя ситуации, характерные для данных видов жанра с категориями классической литературы (психологизм, историзм), что делает его творчество своеобразным и неповторимым.
4. Мир книг в романе «Клуб Дюма, или тень Ришелье» А. Переса-Реверте. Мир книг — это особый мир, и герои романа — букинисты, которые почти правят миром, библиофилы и просто страстные любители литературы — ведут свою игру, в которую они вовлекают читателя. Читатель размышляет, находит смысл, выбирает свою точку зрения, формируя свое представление о действительности.
5. «Литературные негры». Гениальный Дюма понял, какой эффект производил традиционный роман с продолжением на обывателей, жадных до неожиданностей и развлечений и нетребовательных в том, что касается художественного качества или хорошего вкуса, и с хитроумием алхимика создал некий лабораторный продукт, который формировал своего рода зависимость. Будучи очень влиятельным и обеспеченным человеком своего времени, Дюма сам придумал себе прозвище «отец» и действительно был «отцом» для целой армии «литературных негров», которые издавались под именем «Дюма-отец». Того, кто работал с ним над «Тремя мушкетерами» звали Огюст Маке, и их сотрудничество продолжалось и позже.

Балаева Светлана Владимировна,
к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия

Джакомо Леопарди и австрийская лирика модерна

К лирике Леопарди в XX в. обращаются многие поэты-модернисты, вступая с ним в своеобразный диалог. В России это символисты К. Бальмонт и А. Ахматова, в США — У. Стивенс и М. Стрэнд, в Австрии в разное время Ст. Цвейг, Р. М. Рильке, Т. Дойблер, А. Лернет-Холениа, Э. Шлаг.

О влияниях в поэзии говорить сложно, поскольку не только творчество предшественников, но даже система родного языка (в том числе разные системы стихосложения) оказывают влияние на поэта. Говорить о влиянии поэтов, пишущих на других языках, еще сложнее, потому что важную роль здесь зачастую играет перевод.

Джакомо Леопарди писал на итальянском языке, нередко используя белый стих, без рифмы, проводя эксперименты с установившимися жанрами поэзии. Кроме этого, его лирика насыщена глубоким философским смыслом и имеет смысловое сходство с мировидением немецких (Гёльдерлин) и английских романтиков (Шелли).

В центре доклада три лирических стихотворения, написанных в разные годы первой половины XX в.: «Oft bange ich, vom Tal der Heiterkeit» Ст. Цвейга (1906), «An Leopardi» Т. Дойблера (1924) и «An Giacomo Leopardi» А. Лернета-Холениа (1946). Все три автора прекрасно владели итальянским языком, так что можно говорить о прямом влиянии оригинальной поэзии Леопарди на них.

Стихотворение Ст. Цвейга написано им в начале творческого пути и его часто называют эпигонским, созданным под влиянием Р. М. Рильке. О влиянии Леопарди на Цвейга, в свою очередь, можно судить и по тому, как австрийский автор именует Леопарди «чистым поэтом» (*der reine Dichter*) в своем самом позднем произведении «Вчерашний мир».

Стихотворение открывает эпиграф, взятый Цвейгом из стихотворения Леопарди «К Луне» (*Alla Luna*), в котором развивается романтическая тема связи между вечерним пейзажем и душевной болью поэта.

Цвейг берет эпиграфом для своего стихотворения отрывок из итальянского оригинала «К Луне», из середины, прямо указывая, в каком месте лирического текста Леопарди он хочет вступить с ним в диалог. Лирический герой стихотворения Цвейга оказывается в пессимистическом мире Леопарди, но при этом сохраняет дистанцию по отношению к этому миру, одновременно на метатекстовом уровне иронически рассуждая о своем стихотворении.

Дойблер в своем цикле «Аттические сонеты» ряд сонетов посвящает иностранным поэтам. Один из них, «К Леопарди» не имеет эпиграфа, но само название свидетельствует о диалоге с итальянским поэтом, и не с одним конкретным произведением, а со всем творчеством Леопарди, и не только лирическим. В своем сонете Дойблер представляет Леопарди как мифологического героя, сравнимого с богами античности.

Во многом, австрийский поэт создает тот образ, который сложился в немецкоязычном пространстве по отношению к Леопарди.

Стихотворение А. Лернета-Холениа «К Джакомо Леопарди» открывает эпиграф — цитата на итальянском языке из стихотворения Леопарди «Воспоминания» (Le Ricordanze). Леопарди словно вводит вопрос, на который австрийский автор отвечает. Лернет-Холениа в наибольшей степени вступает в личную полемику с итальянским автором, он не соглашается с пессимистическими воззрениями Леопарди на место человека в мире. Лернет-Холениа в своем стихотворении парафрастически цитирует прозаические произведения Леопарди («Разговор Фредерика Рейша и его мумий» и др.), которые звучат дискуссионно в новом контексте.

Рассматриваемые стихотворения в определенной степени демонстрируют степень влияния Леопарди на австрийскую и немецкую поэзию. Прочтение Леопарди в ней переходит на более глубокий ментальный уровень и соответственно наполняется новым содержанием. Так, вопрос о возможности счастья в жизни каждого человека связывается с умением слышать себя и в этом противостоять очевидному пессимизму конечности бытия человека на фоне бесконечности мира.

Балакирева Маргарита Евгеньевна,
аспирант, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Коллективное/индивидуальное:
роль группового творчества
во французском сюрреализме 1920–1930-х гг.

Традиционно сюрреалистическое движение в академическом мире рассматривают с двух позиций, чаще всего спорных: с позиции литературы и с позиции культуры. В первом случае заостряется внимание на литературной технике или методе, особенности поэтического слова или разрыве в трактовке жанров (исследования о метафоре, сюрреалистическом романе или театре в сюрреализме). Во втором случае речь идет об оценке теории, ее морально-этической стороне, когда сюрреализм, по сути своей, является полем экспериментальной мысли исследователя, нацеленной на изучение глобальных историко-культурных процессов (работы по ангажированности авангарда или мифотворчестве в модернизме).

Между тем, каждый труд исходит из предпосылок индивидуального творчества, выходящего за рамки группы, в которой четко распределяются роли — от авторов-новаторов, составляющих ядро движения (например, триада Арагон-Бретон-Супо, важная для «интуитивной» фазы сюрреализма, по М. Мюра), к эпигонам, занимающим периферию (в парижском объединении или на международном уровне). Поэтому продукция сюрреалистического движения рассматривается как слепок из разрозненных творений отдельных индивидуумов и групповых «развлечений» (игр, сеансов гипноза, «инициирующих» прогулок по ночному городу), что наводит на мысль о чисто формальной необходимости для исследователя говорить о груп-

пе. Однако в нашем докладе мы постараемся показать, как важен фактор коллективного творчества для сюрреализма, его развития и закрепления статуса «легитимного авангардного искусства» во французском «интеллектуальном пространстве» 1920–1930-х гг. (Р. Дебри).

Наше желание выявить роль «коллективного» в сюрреализме направлено не только на переосмысление функционирования группы и распределения сил внутри нее. Мы постараемся также показать, насколько феномен коллективного творчества важен для истории авангарда и как он изменяет/преобразует общепринятые понятия о творчестве и индивидуальном гении в контексте «массовизации» культуры в эпоху между двух войн.

Бочкарева Нина Станиславна,

д. ф. н., профессор, Пермский государственный университет

Проблема репрезентации в романе Курта Воннегута «Синяя борода»

Роман популярного американского писателя Курта Воннегута (1922–2007) «Синяя борода» (1987) не получил широкой известности ни у читательской аудитории, ни в среде критиков. Между тем автор ставит здесь одну из самых актуальных и неразрешенных проблем XX в.: проблему репрезентации. В истории искусства конфликтно сосуществуют идея искусства как подражания (мимесис) и стремление к «воплощению невоплощаемого», «выражению невыразимого». В XX столетии этот конфликт получил отражение в противопоставлении искусства репрезентативного («реалистического») и нерепрезентативного (абстрактного). Между тем это противопоставление касается лишь внешней (формальной) стороны репрезентации, не разрешая внутреннюю проблему объекта и сущности искусства.

В романе Воннегута сталкиваются репрезентативное и нерепрезентативное искусство в творческой судьбе вымышленного художника — Рабо Карабекяна. От природы одаренный рисовальщик, он в поисках «души» обращается к абстрактному искусству, видя в каждой цветной линии «душу живую». Трагикомическая судьба его картин — несоответствие грунтовки холста составу красок, в результате чего все его картины осыпались, — иронически символизирует конфликт репрезентации. Потеряв друзей и близких, Рабо на восьми холстах, оставшихся от абстрактных картин, пишет панораму последнего дня Второй Мировой войны, запечатлев на ней и историю своих родителей, чудом спасшихся во время геноцида армянского народа со стороны турок, и историю абстрактных экспрессионистов, погубивших свои собственные жизни. Эта «экспозиция в музее естественной истории», «всемирная выставка», «туристский аттракцион», «мрачный диснейленд» соответствует постмодернистской эстетике и противопоставляется абстрактному модернизму. Символическое название полотна «Настала очередь женщин» возвращает к названию романа, но финал переосмысляет историю Синей бороды, т. к. Цирцея Берман, как ранее Эдит и Мерили, помогают герою пережить прошлое.

Браун Вера Борисовна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Бурова И. И., к. ф. н., профессор

Творчество Дж. Р. Р. Толкина в контексте модернизма:
тема Мировой войны

Мысль, что в идеологическом плане Дж. Р. Р. Толкин и английские писатели-модернисты могут быть не только противниками, но и соседями, кажется странной и непривычной. Тем не менее, современные исследователи творчества Толкина обнаруживают в его произведениях всё больше точек схождения с литературой модерна. Одной из таких точек схождения являлся опыт Первой мировой войны, сквозь горнило которой Толкин прошел в юности. Первая Мировая война был апогеем социо-культурного кризиса, назревшего на переломе веков. Современниками Первая мировая воспринималась как глобальная катастрофа, крушение старого мира, его идеалов и ценностей. Это ощущение разорванного мира и фрагментированного сознания, являющееся одной из основных характеристик модернизма, проявилось и в наиболее популярном из произведений Толкина, «Властелине колец».

Тема войны сама по себе является одной из старейших тем творчества, но есть основания утверждать, что трактовка этой темы во «Властелине колец» — остро современная, характерная для литературы начала XX в. Описанная Толкином Война Кольца — глобальный конфликт, в котором решается судьба не отдельного царства, но целого мира, или даже шире — всего мироздания; это мировая война, мысль о возможности которой, а так же о реальной угрозе существованию всего человечества, так потрясла умы авторов на рубеже веков. Характерен и облик сражающихся сторон — силы зла ассоциируются с авторитарной властью и механизацией, а силы добра с идиллическим миром старых ценностей, — бинарная оппозиция, находящаяся у многих английских писателей начала XX в. При этом одна и та же война описывается в духе двух различных повествовательных традиций: как война эпическая, возвышенная, «литературная» и как война реалистичная, абсурдная, страшная. Абсурд и ужас, характерный для восприятия Первой мировой, ярко проявляется в главах, посвященных путешествию Фродо и Сэма вглубь Мордора. Фродо и Сэм являются (в буквальном и переносном смысле) «маленькими людьми», простыми смертными в духе «эврименов» модернизма, оказавшимися вдруг среди реалий войны.

Наконец, особую важность трактовке темы войны в творчестве Толкина придает авторское понимание роли личности в глобальном конфликте. Одной из установок модернизма является мысль об индивидуальной воле, способной изменить мир. Эту установку находим и у Толкина, в оригинальном виде: Толкин оказывается одним из немногих авторов, утверждающих, что глобальный конфликт, имеющий апокалипсические масштабы, может быть предотвращен сознательными действиями простых смертных. Там, где герои мифов оказываются заложниками рока и предопределенности, Толкин выводит на первый план героев нового типа, способных творить собственную судьбу.

Таким образом оказывается, что «Властелин колец», считающийся иногда примером эскапистской литературы, на самом деле обращается к одному из главных страхов человечества в XX в. — страху конца света в результате глобального конфликта. В то же время, трактовка этой темы у Толкина оказывается неожиданно оптимистической: Мировая война не является концов времен, потому как человечество может быть спасено совместными усилиями обычных людей.

Голубцова Анастасия Викторовна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

Безумие как знак современности в итальянской литературе рубежа XIX–XX вв.

В истории Италии завершение объединения страны (Рисорджименто) в 60-х гг. XIX в. становится тем рубежом, за которым начинается эпоха современности — «modernità».

Ключевую роль в итальянской культуре новой эпохи приобретает понятие безумия, которое функционирует как примета времени, одно из главных свойств современной жизни. Не последнюю роль в укоренении этого представления играет знаменитый труд Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство» (1864 г.), в котором исследователь в позитивистском духе анализирует феномен гениальности и трактует его как разновидность сумасшествия. Несмотря на многообразие анализируемого материала и широту исторической перспективы, безумие в работе Ч. Ломброзо (возможно, бессознательно) предстает как характерная черта именно современной эпохи. В пространном перечислении современных безумцев и безумств сама действительность словно бы приобретает патологический, искаженный характер.

Именно через понятие безумия (pazzia) первое крупное художественное течение объединенной Италии, «скапильятура», противопоставляет себя «испорченной» современности — лицемерному буржуазному обществу и устаревшей литературной традиции. Так, в программном романе «Скапильятура и 6 февраля» (1862 г.) один из ключевых представителей данного направления, Клетто Арриги, характеризует себя и своих единомышленников как «истинный пандемониум нашего века, воплощение безумия вне стен сумасшедшего дома». Безумие творческой личности становится средством борьбы с подлинной патологией — фальшивой благопристойностью «нормального» социума. Веризм, в отличие от «скапильятуры», связывает современность с триумфом позитивистской науки и техническим прогрессом, однако и у веристских авторов трактовка современной действительности оказывается далеко не однозначной. Безумие в веризме функционирует как знак противоестественности устройства современной жизни и приобретает форму медицинской патологии или странного, неразумного поведения — реакции на трагическое столкновение с действительностью.

В творчестве Габриэле Д'Аннунцио, самого яркого представителя итальянского декаданта, позитивистское изображение безумия «извне» сме-

няется тонким психологическим анализом. Болезненная чувствительность и нервные расстройства выступают как неотъемлемая черта современной творческой личности, в бодлеровском духе противостоящей мелочному филистерскому обществу. В новеллах, романах и пьесах Луиджи Пиранделло безумие становится зримым выражением трагического мироощущения современного человека как такового. Душевное расстройство — неизменный спутник героев Л. Пиранделло — предстает как знак кризиса и распада человеческой личности, естественное следствие утраты собственного «я» при столкновении с тиранией социума. Футуризм отчасти возрождает предложенную «скапильятурой» трактовку безумия как формы борьбы против буржуазного общества и сложившегося порядка, однако переосмысляет это противостояние в оптимистическом ключе: если протест «скапильяти» неизбежно приводит к поражению и саморазрушению, то у футуристов безумие становится необходимым условием желанного обновления, мощной волной, сметающей старый мир.

Таким образом, безумие во всем многообразии своих проявлений буквально пронизывает культуру второй половины XIX — начала XX вв., а человек современной эпохи с неизбежностью оказывается носителем какой-либо из форм этого «недуга» — позитивистской психической патологии, декадентской болезненной чувствительности, пиранделлианской утраты собственного «я» или же футуристского бунта против «нормального» общества.

Жук Максим Иванович,

к. ф. н., доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Миф и время в романе Уильяма Фолкнера «Шум и ярость»

Миф и время — ключевые категории как художественного мира романа У. Фолкнера «Шум и ярость», так и всего творчества писателя. Евангельские аллюзии пронизывают всю структуру романа: основное действие книги разворачивается в течение Пасхи 1928 г., его четырехчастная композиция соотносится с Четвероевангелием. Как отмечает В. Руднев, три первые части — это «синоптические евангелия», повествующие об одном и том же герое — Кедди Компсон, и четвертая, резюмирующая, часть является аналогом Евангелия от Иоанна.

Центральный герой романа, слабоумный Бенджи Компсон, недвусмысленно соотносится автором с образом Иисуса Христа: он наделен его возрастом (33 года), на первых же страницах негритенок Ластер использует по отношению к герою глагол *to nail*, который можно перевести как «цепляться за что-либо» и как «прибивать что-либо гвоздями». Кроме возраста и используемой лексики, на хриstopодобность героя указывают многие другие детали. Согласно сюжету евангельского мифа, Христос был распят между убийцей и вором. В романе Фолкнера Бенджи Компсон связан кровными узами с Квентином, самоубийцей, и Джейсоном, воруящим деньги у племянницы.

Однако в художественном мире романа У. Фолкнера миф подвергается трансформации. Христианский бог должен не только умереть, но и воскреснуть, тем самым символически утвердив идеи вечного обновления бессмертной жизни, искупления греха и любви Бога к человеку. Однако фолкнеровский Бенджи-Христос и не умирает и не воскресает. Более того он — кастрированное божество, не способное возродиться в другом и возродить мир. Поэтому через весь роман проходит лейтмотивный плач Бенджи, символизирующий муки бога, лишённого возможности умереть и переродиться, обречённого вечно страдать на кресте. Трансформация мифологической модели позволяет интерпретировать мир романа «Шум и ярость» как купированный апокалипсис: человечество в лице семьи Компсонов обречено на постоянное повторение кошмара без возможности перерождения. Неслучайно, что в романе повторяются семейные имена: Мори (дядя) — Мори (Бенджи), Квентин — Квентина, Джейсон (отец) — Джейсон (сын).

С христианским мифом очень тесно связано художественное время романа. В христианской картине мира понятие времени появляется после грехопадения и изгнания человека в несовершенный мир. Время сотворено, оно имеет начало и конец, между которыми проходит история человечества. После Апокалипсиса «времени уже не будет» [Откровение, 10:6], и человечество перейдет во вневременное целостное пространство Вечности. Однако мир Компсонов не может преодолеть кошмар богооставленности, он лишен возможности выйти из дурной цикличности. В романе «Шум и ярость» братья Компсоны заперты в своих хронологических отрезках: Бенджи живет в вечном настоящем, Квентин пытается вернуть прошлое, отвергая травмирующее его настоящее, Джейсон живёт мечтами о будущем. Таким образом, они отчуждены от Вечности, с которой связана главная героиня романа — Кедди Компсон. Она является метафорой вечнообновляющейся, непостижимой жизни. Неслучайно, что она соотносится со всеми первоэлементами Природы: водой, землёй, воздухом и огнем. Дерево, с которого Кедди наблюдает за похоронами бабушки, в этом контексте можно интерпретировать как Древо Жизни. Уход Кедди из мира Компсонов обозначает символический отрыв человечества от трансцендентных корней.

В романе У. Фолкнера «Шум и ярость» тесное идейное переплетение христианского мифа и христианской концепции времени расширяет семантические границы романа и углубляет его содержание.

Ишимбаева Галина Григорьевна,

д. ф. н., профессор, Башкирский государственный университет (Уфа)

**Жанровая специфика романа К. Крахта
«Я буду здесь, на солнце и в тени»**

Роман К. Крахта «Я буду здесь, на солнце и в тени» представляет собой сложное жанровое образование, синтезирующее содержательные и формальные черты различных романских типов. Альтернативно-крипто-исторический роман имеет признаки травелога, квеста, экзистенциального романа, антиутопии, пародии на утопию, философско-лингвистического

романа и иллюстрирует тенденцию, обнаружившуюся в мировой художественной литературе на рубеже XX–XXI столетий и связанную с актуализацией жанрового синкретизма, предполагающего полижанровость как отличительную черту одного отдельного произведения. При этом Крахт не стремится к полижанровости как к тренду, не следует литературной моде начала нового тысячелетия. Он полижанрово мыслит и создает философско-художественную картину мира, используя в совокупности и нерасчленимом единстве краски разнообразных романских жанров.

Котелевская Вера Владимировна,
к. ф. н., доцент, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Философия чтения и письма в автобиографических текстах Томаса Бернхарда

Один из типологических признаков литературы модернизма — саморефлексивность. Потребность в наблюдении над природой письма, моделирование нарративных масок пишущего, экзистенциальная мотивация к бытию в слове — все эти качества присущи и поэтике австрийского писателя Томаса Бернхарда (1931–1989). Размышлять над тем, как воображение «пакет и распаковывает предложения» [Bernhard, 2011. S. 394], расценивать язык как средство выражения *заблуждения истины* (ведь «истина всегда есть заблуждение абсурд — единственно возможный путь» [Bernhard, 2011a. S. 399]) — таков неизменный метод Бернхарда рассказывать истории, попутно деконструируя их метафикцией, сплавливая воедино поэтику и поэтологию.

Бернхард, избегавший патетических слов и коннотаций, развенчивавший их излюбленным эпитетом «sogenannte» (так называемый), предпочитал описывать процесс творчества стилистически нейтральными глаголами «писать» (schreiben), «наблюдать» (beobachten), «исследовать» (erforschen, studieren), «размышлять», «обдумывать» (meditieren, nachdenken, überlegen), «думать» (denken). Субъект творчества, «пишущий» (der Schreibende [Bernhard, 2011a. S. 413]), наделяется характеристиками скорее интеллектуально-философского толка, чем эмоционально-поэтического: это человек рассудка, ума, духа (Gehirn-, Kopf-, Geistesmensch). Исключение в этом аскетичном лексиконе составляет понятие «гений», которое Бернхард исследует с романтическим пафосом (ср.: «Хождение», «Корректур», «Известковый карьер», «Пропаший»). Однако жанрово, сюжетно, стилистически художественная философия чтения и письма реализуется у Бернхарда в разных формах: 1) *повествованиях о Другом* («гении»); 2) *повествованиях о себе* — документальных и автофикциональных текстах. К первой группе можно отнести большинство его повестей и романов с героем-«гением», ко второй, которую обобщенно можно назвать «автобиографические тексты», — интервью и тексты-«исповеди» (например, откровенные интервью, которые Бернхард дал Кристе Фляйшман, Андре Мюллеру; текст документального фильма «Три дня»), переписку, а также пенталогию [Bernhard, 2011b].

Вторая группа текстов представляет особый поэтологический интерес: поставивший задачу исследовать собственные экзистенциальные истоки,

Бернхард именно здесь демонстрирует рождение в себе читателя и писателя, дает темпорально развернутый «портрет художника в юности». Аутентичность, к которой пытается пробиться ретроспективный рассказчик автофикциональной пенталогии [Bernhard, 2011a, одновременно и невозможна, и неотвратима в актах бесстыдного саморазоблачения: «если бы я сохранил хоть толику стыда, я вообще не смог бы писать, лишь бесстыдный пишет <...> лишь бесстыдный подлинен» («Hätte icheine noch so geringe Scham, ich könnte ja überhaupt nicht schreiben, nurder Schamlose schreibt nur der Schamlose ist authentisch») [Bernhard, 2011a. S. 394].

Сюжетно автофикциональная пенталогия отличается от текстов о Другом тем, что показывает предысторию героя, возвращает его зрелую философию к «причинам», воссоздает социальную и психологически среду произрастания «я» писателя. Так, исповедь «Трех дней» проливает свет на лейтмотивы фикциональных текстов: изоляция героя-гения, одиночество, пространство-интерьер как «книга» со стенами-страницами [Bernhard, 1989]. Повести «Причина», «Подвал», «Дыхание», «Холод» позволяют реконструировать экзистенциальные основания поэтологических воззрений Бернхарда, розданных его нарративным двойникам в романах о Другом и — из-за плотного умолчания о «причинах» — воспринимаемых там как гипертрофированные формы модернистской самоизоляции художника.

Литература:

1. *Bernhard Th. Der Keller // Bernhard Th. DieAutobiographie. Die Ursache. Der Keller. Der Atem. Die Kälte. Ein Kind. St.Pölten — Salzburg: Residenz Verlag, 2011.*
2. *Bernhard Th. Die Autobiographie. Die Ursache. DerKeller. Der Atem. Die Kälte. Ein Kind. St. Pölten — Salzburg: Residenz Verlag, 2011.*
3. *Bernhard Th. Drei Tage // Bernhard Th. DerItaliener. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1989. S. 78–90.*

Лагутина Ирина Николаевна,

д. ф. н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Идеологизация литературной классики в кругу Стефана Георге: «Лиловые мечты» Жан Поля и формирование «арийского мифа»

На примере рецепции творчества Жан Поля в кругу Стефана Георге рассматривается один из культурных механизмов сохранения литературной классики — ее идеологическая инструментализация. Жан Поль, воплощающий в литературе рубежа XIX–XX вв. «поэтическую силу немцев» (Георге), в эпоху формирования консервативной идеологии 1920–1930-х гг. становится символом специфически немецкого «духа», который формируется между «переживанием» и «художественным продуктом», а благодаря «юмористическому» ощущению самого себя (*das humoristische Ichgefuehl*), конструирует и структурирует «форму» немецкого национального «развоплощенного» сознания — *Gestalt* (Коммерель).

Мороз Нина Анатольевна,

к. ф. н., преподаватель, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Мифологемы цивилизации и идея Бога в романе К. Маккарти «Дорога»

Роман «Дорога» (2006), традиционно для К. Маккарти изобилующий мелвилловскими, фолкнеровскими и твеновскими аллюзиями, написанный предельно простым хемингуэевским языком, разрабатывает проблему цивилизации, одну из важнейших для Америки. Герои романа, безымянные отец и сын, в поисках призрачного спасения движутся на юг по разоренной стране, пережившей глобальную катастрофу. Это возвращение к фронтиру: герои должны постоянно отвоевывать право на существование у природы и враждебных дикарей-каннибалов, потерявших человеческий облик. Подобно фронтиру, это сугубо мужской мир, где женщинам нет места. В то же время мифологема Запада, знакомая по более ранним произведениям Маккарти, трансформируется. «Дорога» продолжает традиции робинзонады. Это мир после катастрофы, но и принципиально новый мир, в котором нужно учиться жить. Отец несколько раз обращает внимание на то, что сыну знакомы не реалии прошлого, но их осколки, из которых он складывает собственную мозаику. Кроме того, простая задача выжить обретает цивилизаторский смысл. Возникает «прометеевская» метафора цивилизации: отец объясняет мальчику, что они должны «нести огонь». У этого образа есть и моральный, если не мистический смысл. Черновое название романа — «Грааль»; путешествие героев — своеобразный крестовый поход или «путь паломника» в мире, оставленном Богом. К проблеме богооставленности герои возвращаются неоднократно. В докладе также будут рассмотрены христологические аллюзии и библейские параллели, в частности — с Книгой Иова.

Муравьева Лариса Евгеньевна,

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(филиал в Нижнем Новгороде)

Рефлексивный нарратив во французской прозе XX в.

XX век ознаменовал начало новой эры в повествовательной традиции и подарил миру множество новых нарративных форм. В частности, эпоха была ознаменована беспрецедентным плюрализмом многоуровневых повествовательных техник в литературном дискурсе: от Пруста до Роб-Грийе, от Фолкнера до Фаулза и Женета. Такое многообразие поставило проблему статуса метапрозы не только в литературе, но и в других, в частности, изобразительных, видах искусства.

Одной из ярких особенностей французской литературы модернизма стало повышенное внимание к статусу письма как такового. Стремление выйти за пределы привычного диегетического универсума и ввести в повествование элементы, принадлежащие иерархически другим пове-

ствовательным уровням (например, инстанцию автора, пишущего роман) привело к рекуррентному использованию таких риторических конструкций, которые традиционно принято обозначать термином *mise en abyme* или *métalepse*. И хотя примеры использования этих приемов известны еще со времен античности, именно в литературе модернизма подобная техника обретает форму нарративной стратегии и подчиняет себе все уровни текстовой структуры.

Современные исследователи обращаются к проблеме метапрозы с целью объяснить глобальное смещение фокуса «художественного сознания» с окружающего мира на формы его отражения; на литературную саморефлексию, изображающую процесс создания произведения в самом этом произведении (V. Wolf, L. Hutcheon). Эти трансформации вскрывают присущую литературе модернизма оппозицию «референтность vs. рефлексия», которая определяет основные принципы метапрозы. «Если архаический миф не знал противопоставления реальности тексту, то XX в. всячески обыгрывает эту неопределенность» (В. Руднев). Рефлексивный нарратив становится в этом смысле особым типом литературного повествовательного дискурса, все категории которого встраиваются в единую — метанарративную — стратегию. (L. Hutcheon, E. Fulop, B. McNale и др.). Семантические основания эволюции рефлексивного нарратива хорошо прослеживаются на материале французской прозы XX в.

Начиная с романа «Фальшивомонетки» А. Жида, метанарративные стратегии неоднократно привлекают внимание французских романистов. Их способность придавать персонажу активность самого нарратора привлекает авторов возможностью создавать «дистантное» письмо (ориентирование на Флобера) и отвечает требованиям неклассических жанров. В середине XX в. получает широкое распространение понятие «нулевая степень письма», провозглашается концепция смерти автора (Р. Барт). В нарративном смысле, нарратор стремится к максимально дистантному повествованию, к отсутствию автора в тексте. Из романа исчезает время *Le Passé Simple*, писатели проповедуют уход от всякой метафоричности. Стремление эстетики к созданию новых фикциональных форм с минимальным присутствием автора в тексте, очевидно, обуславливает широкое распространение рефлексивного нарратива. Во французской литературе 1950–1960-х гг. его использование, скорее всего, объясняется не провозглашением текста как метафикциональной иллюзии, а поиском некоторой самопорождающей формы. Создание рефлексий в тексте на разных диегетических уровнях становится одной из самых продуктивных текстовых моделей. Наиболее очевидным образом эта модель отвечает эстетике направления французского Нового Романа (Н. Саррот, А. Роб-Грийе, М. Бютор, К. Симон и др.). В постмодернистской прозе рефлексивные конструкции становятся аллегорическим, пародийным элементом в романе (Р. Кено), а на рубеже XXI в. они используются для создания игровых парадоксальных эффектов (Д. ван Ковеларт).

Таким образом, разнообразные формы многоуровневых повествовательных техник в литературе французского модернизма и постмодернизма

сводятся к единой интерпретационной модели, которую можно условно обозначить термином «рефлексивный нарратив», однако специфику его категорий, равно как и семантические и структурные отношения, возникающие в интертекстуальном пространстве, исследователям еще только предстоит выяснить.

Новикова Светлана Юрьевна,

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Белобратов А. В., к. ф. н., доцент

Концепция индивидуальности в автофикциональных повестях Т. Бернхарда

Автобиография Бернхарда во многом противостоит предшествующей автобиографической традиции в том, что касается исповедальности, исповедального пафоса, находится вне парадигмы, заложенной классической автобиографией (Августин — Руссо — Гете). Писатель ориентируется на иной образец автобиографического письма: а именно — тот, что представлен в «Опытах» М. Монтеня. Е. Маркард, в частности, замечает, что связь с творчеством Монтеня отграничивает автобиографию Бернхарда от того, что принято называть «исповедальной литературой 70-х» [Marquardt, 1990, 139], литературой новой субъективности. Объемные цитаты из Монтеня вмонтированы в повести в метатекст автобиографии, т. е. в те пассажи, которые посвящены работе автобиографической памяти, причем часто таким образом, что порой невозможно понять, где заканчивается цитата и начинается собственно повествование Бернхарда.

Традиционная, классическая автобиография до XX в. являет читателю когерентную картину личности, стремится объяснить человека. Так, например, Руссо объявляет своим намерением в автобиографии, показать «человека во всей правде его природы», имея в виду себя. Монтень же не готов сказать, в чем заключается правда и природа «Я». Д. Кемпер отмечает, что классическая автобиографическая проза дает лишь один пример откровенного признания диссоциированной личности и внутренней противоречивости личностного проекта — «Опыты» Монтеня. Я изменчиво и предстает в автобиографии как конструкт, который в каждое конкретное время может выглядеть по-разному. Именно на этот тип автобиографии ориентируется Т. Бернхард.

Кроме того, определяющее влияние на концепцию индивидуальности у Бернхарда оказывает философия рубежа веков с ее рассуждениями о кризисе субъекта (Ницше, Витгенштейн, Достоевский). Так, к работе Ницше «Об истине и лжи во вненравственном смысле» (*Über Wahrheit und im außermoralischen Sinn*, 1873) отсылает оппозиция «Правда — Ложь», которая прослеживается во всем тексте пяти автобиографических повестей. Идея о том, что объективной Правды не существует, всякая Правда оборачивается Ложью, варьируется в тексте метакомментариев к автобиографии Бернхарда в характерной для романов писателя риторической манере. Одна и та же

мысль повторяется, проговаривается на нескольких страницах в бесчисленных вариациях и за счет многократных повторов, музыкального «кружения» текста вокруг нескольких центральных понятий (Правда, Искажения, Воля к правде, Ложь и т. д.), получая решающее для всего текста значение.

Панов Сергей Владимирович,

к. филос. н., доцент, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (Москва)

Нигилизм глобализации и литературное письмо постмодерна

Поэтика постмодерна раскрывает не только автоматизмы естественного восприятия мира, но и способы их редукции в поддержании критической силы художественно-интеллектуального самосознания и в самоиронии. Но достаточно ли для обретения единства ответственного бытия отождествлять себя с интеллектуальной реакцией на импульсивную низость мира? Как нам представляется, интеллектуальный механизм феноменологического романа как критики прозы мира строится на том же безрефлексивном восприятии рефлексивного стимула сознания, который уже был явлен в поэтике Просвещения, где схема сознания должна была повторить операцию сомнения в истинности наблюдаемого исхода из простого события экспериментального подозрения и его эффектов внутри этого сознания. Если логика глобализации — это создание слепого консенсуса всех со всеми с целью унифицировать восприятия, мыслительные процессы, реакции и действия для все той же рыночной рентабельности и обеспечения роста прибыли, то можно ли преодолеть этот потребительский консенсус о всеобщем благе критикой иронического самосознания? И здесь важна другая сторона постмодерна — аналитика антивозвышенного как того, что больше не может выступать в качестве предмета подражания или потребления. У постмодерна есть режим антивозвышенного представления о цели житнетворения как финале всех сублимационных проекций человеческого бытия: в сценографии отвратительного, тошнотворного как обесценивающей все «прозы мира», как набора бесконечно любых стимулов и реакций, распускаются любые смысловые артикуляции в пустой самоцельной игре случайных фраз и тем самым раскрывается беззаконность самого литературного письма («Лошадиный суп» Вл. Сорокина).

В ставшем классическим рассказе постсоцреализма «Заседание завкома» В. Сорокина (1998) обнажается структура литературного эксперимента над самой феноменологической формой художественно-этической и социальной типологии, которая и явилась концептуальным результатом русской литературной культуры, выразившемся в проекте воплощения социальной гармонии, — в абсолютном согласии социальных типов и безусловном соответствии их перцептивных механизмов, душевных состояний и оценочных рефлексов идеалу.

Сюжетный план проработки алкоголика и недисциплинированного фрезеровщика Пискунова на собрании заводского комитета служит средством вскрытия и анализа самой ритуалемы социалистической культуры — риту-

алемы человеческого жертвоприношения, совершаемого через коллективную разрядку индивидуальных скрываемых и канализируемых импульсов. В этой ритуалеме — принесения в жертву уборщицы с пробиванием в ее теле пяти отверстий и наполнением их червями совершается мимесис суверенного социалистического государства, которое обладает правом на абсолютное насилие в определении appetites и желаний субъекта. В этом ритуале, в ситуации становления героя коллективной волей и исторической судьбой коллективной жизни, снимается наконец противоречие между заменимостью всех и любого в социалистической поэтико-идеологической системе как производстве социальных типов и незаменимостью индивида, уникального в своей аффективно-рефлексивной природе: индивид высвобождает свой импульс агрессии и в его реализации становится «сверхчеловеком» — суверенностью абсолютного насилия во имя совершенно ненасильственной социальной гармонии.

В создании агента убеждения в романе «мировой воли», в авторской редукции нерелексируемых перцептивных, мыслительных и поведенческих привычек в феноменологическом романе и романе постмодерна XX в., в эффектах постсоциалистической аффективности как вариациях «проекта бытия» мы видим, как литература имитирует примитивные механизмы восприятия, мысли и действия, позволяя, однако, поставить вопрос о их антропологической ценности.

В литературной культуре постмодерна отображена сама цель глобализации — построение из живого человека строгой непогрешимой скоординированной системы желаний и действий, совершенно отвечающей системе познавательных восприятий и стимулов.

Порунцов Владимир Александрович,

старший преподаватель, Государственная полярная академия, Санкт-Петербург

**Небанальность зла. Субъект и объект насилия
в идейно-эстетической системе Б. Брехта
(на материале рассказа «Изверг»)**

В творчестве Брехта часто затрагивались вопросы генезиса зла. И в ранних его пьесах «Трехгрошовая опера», «Человек есть человек», и в период зрелого творчества писателя («Мамаша Кураж и ее дети», «Допрос Лукулла», «Жизнь Галлилея»), и в поздних произведениях («Дни коммуны») встроены такие текстовые семантические элементы, развитие которых в плане поведенческой стратегии актеров обнаруживает узловые точки критики современного человека, в которых сходятся вопросы индивидуальной (этической) и социально-политической активности субъекта. Среди этих текстов с этой точки зрения особое место занимает рассказ Брехта «Die Bestie» (в русском переводе Э. Львовой «Изверг»). Бертольд Брехт написал этот рассказ в 1928 г., напечатали его в «Berliner illustrierte Zeitung». В этом же году рассказ получил первую премию в конкурсе, объявленном этой газетой.

События, описываемые в рассказе, разворачиваются в СССР, на киностудии «Межрабпом-Русь». На ней происходят съемки фильма «Белый орел»,

сюжет которого основывается на рассказе Леонида Андреева «Губернатор». Главной фигурой фильма является губернатор Муратов, по вине которого в 1905 г. была жестоко подавлена забастовка рабочих. Таким образом, Муратов представляет собой образ злодея, ненавистного революционному духу. Задача режиссеров и операторов заключается в максимально точной фиксации и передаче характера и поведенческих особенностей кровавого тирана. В студию является человек, который «поразительно похож» на исторического Муратова, и предлагает свои услуги. Режиссеры долгое время отвергают манеру его игры, но потом он предлагает включить в сцену поедания яблок особый жест, который съемочная группа одобряет. Но эту идею реализует актер Кохалов, в то время как забытый группой незнакомец удаляется. Как потом выясняется, он на самом деле являлся подлинным Муратовым. Рассказ является вариацией на излюбленную в немецкой литературе тему «Schein und Sein».

В данном рассказе принципиально важно, что в нем смоделирована театральная ситуация, ситуация актерской игры, и смысл противопоставления «Schein und Sein» рождается только благодаря реконструкции логики введения двуплановости. С одной стороны, есть событийный строй рассказа, с другой стороны, есть восприятие событий. Наличие двух планов объясняется тем, что В. Тюпа назвал принципом «неклассической художественности» — «открытие и освоение коммуникативной природы искусства».

В рассказе Брехта мы видим двойную рамку — читатель воспринимает критическую зрительскую перцепцию, встроенную в рассказ, в результате чего тоже занимает критическую позицию. То есть читатель как будто бы является зрителем или со-зрителем. Это позволяет сопоставить художественный прием, применяемый в рассказе, с драматургической и режиссерской практикой Брехта.

Муратов должен быть не просто абсолютным субъектом насилия. Как следует из речи режиссера, «с извергами дело обстоит отнюдь не так просто». Режиссер требует, чтобы изверг был современным, чтобы произошел переход от традиционного образа тирана к принципиально новому, отвечающему духу времени. Понять характер его современности является задачей критической работы мысли зрителя.

Центральным для понимания рассказа является понятие жеста, которое Брехт развивал в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Жест помогает переосмыслить современное зло и по-новому репрезентировать субъект насилия. Под давлением обстоятельств Муратов должен отказаться от облика устаревшего зла, он сам предлагает новый образ — завуалированного, продуманного насилия, которое не сразу можно идентифицировать. Сама продуманность зла побуждает зрителя к анализу, к критическому рассмотрению. В этом можно усмотреть зарождающийся принцип эпического театра — реципиент не должен, подобно евреям, чувственно воспринимать акт насилия, не будучи способным одновременно с этим объяснить ужас, вызываемый поведением изверга. Это, согласно Брехту, метафизика. Только рационально продуманное насилие, нарративно выстраивающееся, может быть аналитически раскрыто.

Потёмкина Марина Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

Саморефлексия и автокоммуникация как формы художественного мышления в немецкой литературе после 1989 г.

В литературе Германии после 1989 г. восточными и западными писателями часто критикуется язык, используемый как в тоталитарной системе ГДР, так и в объединенной Германии. Такие авторы, как Курт Драверт, Райнхардт Йиргль и Вольфганг Хильбиг, по-разному трактуют объем разрушения языка и создают подчас апокалипсические сценарии.

В книге «Зеркальная страна. Немецкий монолог» Курт Драверт описывает постепенный радикальный отказ ребенком от использования языка своих предков. Очную ставку читателя со своими внутренними непреодолимыми противоречиями автор устраивает через зачастую меланхолично-монотонное письмо. Его история перегружена эллиптическими конструкциями и обломками слов и мыслей.

Еще более радикальный вариант столкновения героя с новыми историческими обстоятельствами посредством языка можно увидеть в романах Райнхарда Йиргля. Писатель выстраивает целые баррикады из знаков препинания и букв между собой и читателем. Он радикально отказывается в своих произведениях от общепринятой орфографии и привычной грамматики. Отбросы общества, неприглядные стороны семейных отношений, отсутствие веры в идеалы и социальные проблемы становятся центральными мотивами романов Р. Йиргля. Для их изображения писатель подбирает и вырабатывает новые стилистические средства. Р. Йиргль намеренно усложняет свою манеру письма как бы противопоставляя ее директивной традиции бывшей ГДР. В то время как реальность становится все менее осязаемой и осязаемой, именно язык становится символом стабильности, в буквах сохраняется субъективность.

Письмо во многих романах (например, в «Танце у канала» Керстин Хензель и «Сразу рядом с Африкой» Хельги Кёнигсдорф) представляется как медиум убеждения самого себя в реальности происходящего. Одновременно фиксирование действительности означает освобождение, возможность противопоставить собственный опыт и аутентичное переживание событий медийно сконструированным картинкам, заполнить появившиеся пустоты в искаженном отпечатке действительности, созданном СМИ.

Писатель также является одним из мультипликаторов, реконструкторов исторических событий. Однако не всегда он готов говорить или писать о том, что видит. Зачастую действительность настолько обескураживает и потрясает его, что он оказывается не в состоянии воспользоваться ни одним из средств коммуникации. Так, например, в романе Т. Хеттхе «Nox» писатель, главный герой романа, может фиксировать события истории только тогда, когда оказывается с перерезанным горлом.

Если у героя западного автора Т. Хеттхе невозможность говорить связана с убивающими в нем писателя событиями, произошедшими в ночь объединения, то авторы из Восточной Европы пытаются переработать лите-

ратурными средствами травму, полученную намного раньше, за годы жизни в ГДР. Так, в автобиографичном рассказе «Что осталось?» К. Вольф в мире главной героини больше не осталось ни одного языкового средства для искреннего общения с людьми. Существует лишь сбивающая с толку игра слов, полунамеки и метафоры. Любое спонтанное проявление признаков жизни падает жертвой самоцензуры.

В рассказе Ф. К. Делиуса «Груши Риббека» также рассказывается о процессе поиска нового языка, желании научиться говорить после долгих лет молчания и угнетения. Весь рассказ состоит из одного единственного предложения. Всё что во время цензуры представляло собой вытесненный внутренний монолог, с неожиданной мощью вырывается наружу.

Отклоняющиеся от нормы повествовательные перспективы часто встречаются у современных авторов. Так далек от «социалистического реализма» стиль Вольфганга Хильбига. Он и его протагонисты используют язык, который основан на игре слов, языковых комбинациях и вариациях и напоминает, скорее, эффект снежного кома, автоматизм и продуктивный хаос сюрреалистов. Размышления направлены не столько на внешние события, сколько черпают свои элементы из самих себя.

Старикова Надежда Николаевна,

д. ф. н., зав. отделом, Институт славяноведения РАН (Москва)

Штрихи к портрету словенской постмодернистской поэзии:

Милан Есих

Доклад посвящен анализу творчества выдающегося словенского поэта и переводчика Милана Есиха (род. 1951), в произведениях которого нашли отражение ведущие тенденции развития словенской литературы последней четверти XX в. В студенческие годы он входил в авангардную литературную экспериментальную группу «442–443», члены которой составили ядро пользовавшейся большим успехом в период югославской «оттепели» люблянской театральной студии «Пупилия Феркеверк» (1969). Первый поэтический сборник Есиха «Уран в моче, господин!» (1972), соединивший барочную избыточность строфы с намерением переписать периодическую таблицу Менделеева стихами, свидетельствовал о приверженности молодого автора поэтике словенского неоавангарда.

Модернистская свобода выражения сменилась постмодернистской иронией и бахтинской карнаваллизацией в сборниках «Кобальт» (1976) и «Вольфрам» (1980), написанных такими длинными строчками, что столбцы пришлось располагать не по горизонтали, как обычно, а вертикально, вдоль страницы. В них автор задается целью активизировать все доступные пласты лексики и синтаксиса, все метафорическое богатство родного языка, соединяя в одной строфе высокие и низкие его регистры. Затем в поле его зрения попадает сонет. В сборнике «Сонеты» (1989) поэт модернизирует ритм пятистопного ямба и эвфонические правила рифмовки, приспособив их к современному произношению и открывая тем самым новые возможности для стихотворного ритма и рифмы. Восемьдесят восемь со-

нетов этой книги, с одной стороны, пронизаны ностальгией по прошлому до-постмодернистскому состоянию литературы, когда поэты еще искали ответы на «вечные» вопросы, с другой — самоиронией в отношении этой ностальгии. Следуя за одним из главных реформаторов словенского сонета послевоенного периода Б. Водушеком, в традиционные мотивы сонетной лирики — одиночества, смерти, любви, неудовлетворенности собой и миром — Есих привносит саркастические ноты, двусмысленность, эксцентрику.

Ирония по отношению ко всему индивидуальному и абсолютному и авторская самоирония становятся едва ли не главными компонентами его поэтики. Это можно считать настоящим прорывом: не секрет, что словенские авторы всегда отличались некоторым «генетическим» консерватизмом национального художественного сознания, следствием чего стало значительное снижение потенциала иронического и пародийного в литературе в целом.

«Сонеты» в силу своей постмодернистской двуадресности: обращенности как к высокоинтеллектуальной публике, так и к массовому читателю — пережили невиданный читательский и издательский успех. Эффект был достигнут главным образом благодаря разноуровневой, гибридной организации текста, в котором рядом с «высоким» литературным языком на совершенно паритетных началах сосуществуют «низкие» разговорные вкрапления, жаргон и просторечие. Реабилитируя в глазах современников саму классическую стихотворную форму, поэт одновременно играет со всем арсеналом художественных средств и ритмических структур, со всем богатством национальной и мировой поэтической традиции. Именно благодаря Есиху сонетная форма попала в поле зрения поэтов-постмодернистов, обратившихся к ней, чтобы восстановить связь с национальным литературным наследием («Хромые сонеты» М. Деклевы).

Стулов Юрий Викторович,

д. ф. н., профессор, Минский государственный лингвистический университет
(Белоруссия)

Маргинальный герой современного афроамериканского романа

На афроамериканской литературе не могли не отразиться тенденции, характерные для современного этапа развития литературы. Постмодернистская чувствительность вызвала к жизни фигуру фрагментарной личности маргинального плана. Ее судьба определяется напряжением и невротами современного американского общества с его принципом беспредельной множественности. Проблема «цветной линии» всегда была в США болезненным вопросом в отношениях между черными и белыми. Социальные фобии и поддерживающиеся столетиями предрассудки превратили ее в тугой узел противоречий, напряженности, разочарований и табу.

Особенно сильно влияние расизма ощущается в личной жизни человека, и поэтому в конце 1990-х гг. наблюдается значительный рост романов камерного плана, затрагивающих при этом значительные общественные

проблемы и позволяющие судить о моральном состоянии общества. Весьма четко это проявилось в росте нигилистических настроений среди маргинальных групп. По справедливому утверждению К. Уэста, «пугающий результат этого — потрясающее отчуждение от других и саморазрушительное отношение к миру. Жизнь без смысла, надежды и любви порождает жестокое, низменное мировоззрение, которое разрушает как саму личность, так и других».

Атомизация общества, распад традиционных институтов типа семьи, безразличие к судьбам друг друга, уродливые фобии, отказывающие человеку в праве быть самим собой, их разрушительное воздействие на личность, подвергаемую остракизму, создали тревожную ситуацию, которая нашла отражение в произведениях таких писателей, как М. Диксон, Р. Кенан, Л. Дуплешан, Д. Скотт и др.

В центре их романов — маргинальный герой, который стремится отстоять свою идентичность в условиях, которые нередко приводят к самоубийству, смерти или дезинтеграции личности и потере связей с окружающими, отказывающимися принять этих героев такими, какие они есть, и стремящимися привести их к «норме», как они ее понимают. Проблематизируя идентичность и показывая взаимосвязь между личностным началом и культурной традицией, они пытаются понять особенности мироощущения маргинала как выразителя «чувствительности» эпохи постмодернизма с ее принципиальным отказом от иерархий и границ.

Стигматизация людей по гендерному, классовому и прочим принципам, их маргинализация по отношению к носителям «нормы», т. е. власти, отчуждение от общества и попытка общества подчинить их своим ориентирам по-прежнему остаются среди центральных в творчестве афроамериканских писателей молодого поколения. Герои их произведений заключают в себе концептуально значимые понятия «инаковости», «другости» и, следовательно, открывают возможности для понимания механизма того, каким образом и какой ценой происходит реализация «инаковости» в репрессивном обществе. Эти понятия по-разному трактуются черными писателями-мужчинами и женщинами, поскольку история их отношений в системе властных отношений значительно отличается друг от друга.

Урсул Наталья Валерьевна,

к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Механизмы построения абсурдных стихотворных и прозаических текстов

Любое литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, реализуя тем самым частный вариант его концептуализации. Выражаемые в литературно-художественной форме знания писателя о мире являются системой представлений, направленных адресату. В этой системе, наряду с универсальными общечеловеческими знаниями, существуют уникальные, порой парадок-

сальные представления автора, выражаемые нестандартными языковыми средствами.

Использование различного рода языковых экспериментов особенно часто наблюдаются в литературных произведениях конца XIX — начала XX вв., т. е. в эпоху значительной демократизации языковой нормы, вызванной стремлением к так называемому «языковому новаторству» (термин Г. О. Винокура).

Невозможность и/или нежелание адресата интерпретировать неконвенциональные разноуровневые языковые единицы приводят к тому, что они ошибочно расцениваются как бессмысленные.

Абсурдные тексты, в широком смысле, можно подразделить на абсурдные поэзию и прозу. В английской литературе расцвет абсурдной поэзии приходится на Викторианскую эпоху. Основателями традиции нонсенса считаются Эдвард Лир (1812–1888) и Льюис Кэрролл (1832–1898).

Механизмы построения абсурдных стихотворных и прозаических текстов многочисленны. Основными из них являются: графическая образность, импоссибилия, пастиш, подражание психоделическому и шизофреническому дискурсу.

Так, графическая образность находит свое отражение в фигурных (графических) стихах, обращенных не столько к слуху, сколько к зрению. Графическая образность имеет давнюю историю. Тем не менее, как замечает Ю. М. Лотман (1996), «графическая структура стиха еще почти не изучена». Спецификой фигурных стихов является особое расположение строк: весь текст имеет очертание какой-нибудь фигуры. Внешний вид каждого стихотворения в какой-то мере соответствует его теме и содержанию. Графическая образность в поэзии может производить двоякий эффект на реципиента. С одной стороны, фигурные стихи приводят к двусмысленности и неопределенности, а с другой — они рассчитаны на стимуляцию воображения и ассоциативного мышления.

Отличительная черта психоделических стихов — максимизация степени воздействия текста на читателя; прочтение текста ощутимо изменяет систему мировосприятия у читателя, интерактивно взаимодействует с самостабилизирующейся структурой его сознания.

Импоссибилия используется поэтами и писателями-прозаиками (чаще в сказках). Нарочито неправдоподобные описания и утверждения типичны для лимериков. Лимерик — форма короткого юмористического стихотворения, появившегося в Великобритании, основанного на обыгрывании бессмыслицы.

В широком смысле пастиш представляет собой пародию на существующий авторский текст. Основной авторский прием пастиша — апелляция к сравнению исходного текста. Если реципиент не знаком с исходным текстом, то он не способен воспринять вторичный текст как пародию. В связи с этим у него может сложиться впечатление о бессмысленности (неинформативности) вторичного текста.

Подражание шизофреническому дискурсу в литературе — явление новое и малоизученное. Под ним подразумевается один из способов деавтоматизации мышления, характеризующегося прежде всего распадом причинно-следственных связей, порождающих внешний алогизм высказываний.

Основные черты шизофренического дискурса по В. П. Рудневу (1999): хаотичность, бесцельность речи, производные от нарушения нормального действия ассоциаций. Использование и компиляция неконвенциональных языковых единиц следует расценивать как результат авторской языковой игры.

Исходя из вышесказанного, абсурдные стихотворные и прозаические тексты интенциональны, направлены на определенного читателя/слушателя, не являются семантически бессмысленными и поддаются интерпретации.

Усачева Анастасия Викторовна,

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Абсурд как литературная категория в драматургии Э. Ионеско

Прочитав третий акт своей пьесы «Носорог» в 1958 г., Э. Ионеско сказал присутствующим: «Пьеса написана для того, чтобы быть поставленной на сцене, а не для чтения. Будь моя воля, я бы не пришел». Автор воспринимал печатный вариант своих произведений как способ общения с режиссером, публика же должна была видеть только происходящее на сцене.

Тот же подход выбирали практически все исследователи творчества Ионеско, рассматривая либо философскую (и — в советское время — идеологическую) составляющую его драматургии, либо потенциальное и реальное сценическое воплощение. При этом практически не предпринималось попыток анализировать пьесы как литературные тексты, хотя это направление дает дополнительное поле для интерпретаций, поскольку можно включать в контекст то, что ускользает от зрителя: авторские ремарки и именование персонажей. Кроме этого, исследователи сосредотачиваются на рассмотрении либо сугубо философского аспекта абсурда, либо чисто языкового, разделяя их.

Однако особенность пьес театра абсурда состоит в том, что они представляют собой сплав этих двух аспектов, философия находит выражение в языке, а язык наполняется новым смыслом, часто уже после написания/постановки произведения на сцене. Таким образом, в современном российском литературоведении практически нет работ, исследующих именно литературный абсурд, да и в западном литературоведении подобных исследований сравнительно мало.

Предметом данного доклада является анализ способа построения абсурдного мира произведений Ионеско. Выбор данного угла зрения на проблему определяет методологическую базу анализа драматургии. Помимо классических трудов по театру абсурда и Ионеско (М. Эсслина, А. Хинчлифа, Ж. Ф. Жаккара, Т. Якимович, Т. Б. Проскурниковой, М. Ямпольского, Д. Токарева, Ж.-Э. Доннара, Н. Балотэ и др.), это современные (вышедшие в XXI в.) работы, посвященные абсурду в прозе, работы постструктуралистов (Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Р. Барта, Ю. Кристевой), привлекаются также труды по семиологии, лингвистике (морфологии и синтаксису), литературоведению (например, труды о проблемах интерпретации литературных текстов Э. Д. Хирша), которые не попали в поле зрения других исследователей творчества Ионеско.

Федяева Татьяна Анатольевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

О некоторых явлениях детской литературы эпохи постмодерна

В докладе пойдет речь о влиянии на детскую литературу, которая всегда являлась неотъемлемой частью общего литературного процесса, основных тенденций литературы эпохи постмодерна.

Трансформация детской литературы прослеживается:

- 1) в усложнении дидактической функции ДЛ (отказ от создания гармоничной, позитивной картины мира, от одномерных этических схем, от конструктивных моделей взаимодействия ребенка и мира);
- 2) в отмене традиционных коммуникативных сценариев (возросшая роль адресата, перенесение акцента на субъективное мировосприятие);
- 3) в усложнении повествовательных стратегий (усиление двойной кодировки текста — cross-writing).

Яшина Анастасия Сергеевна,

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Я, мой двойник и Другой: границы и коды «своего» и «чужого» в «Телени, или Обратная сторона медали»

1. Специфику взаимоотношений, равно как и распределение ролей внутри триады «Я — двойник — Другой» в романе «Телени» определяет антиномия двух дискурсов — гомо- и гетеросексуальной культуры.
2. По сравнению с их традиционной интерпретацией тут они меняются местами: обычно воспринимаемый как маргинальный гомосексуальный дискурс предстает в романе как избыточно маскулинный, а значит доминантный; гетеросексуальный же дискурс, определяемый связью мужчины с женщиной (классическим Другим в европейской культуре), напротив, маргинализируется.
3. Соответственно, границы гомосексуальной среды, в которую с подачи де Грие вовлекается протагонист Телени, очерчивают для последнего поле «своего», которому противопоставляется поле «чужого» — гетеросексуального.
4. Отношения Телени и де Грие основываются на их необычной и даже сверхъестественной схожести и определяются мгновенно возникающей между ними эмпатией, — не только психологической, но и телесной.
5. Этой гармоничной связи между равными (помимо прочего, любовники принадлежат к одному социальному слою) противопоставляются отношения Телени с женщинами, строящиеся преимущественно в негативных терминах физиологии и служащие инструментом для достижения одной цели — викторианской гетеросексуальной инициации в ее маскулинной модели.
6. Таким образом, протагонист расставляет маркеры «своего» и «чужого», основываясь на принадлежности объекта к тому или иному биологическому полу. Однако в действительности тут имеется в виду лишь

определенный набор характеристик, которые Телени оценивает либо как типично «женские», либо как типично «мужские», соответственно наделяя их отрицательной или положительной коннотацией.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Артельева Лариса Алексеевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Корышев Михаил Витальевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К построению модульной системы обучения
немецкому языку как второму иностранному:
от бакалавриата к аспирантуре

В последнее время рост интереса к английскому языку, обусловленный объективными факторами, стал причиной неизбежного вытеснения немецкого языка вместе с другими «малыми языками» из учебных планов учреждений высшего профессионального образования.

Вместе с тем интенсивность научных и культурных связей с Германией, Австрией и Швейцарией подводит обучающихся к необходимости изучения немецкого языка на достаточно высоком уровне, т. к. его знание является значительным преимуществом при участии в программах учебного и научного обмена между образовательными и исследовательскими учреждениями наших стран. Важно отметить важную в социальном плане тенденцию: обучающиеся не рассматривают возможности эмиграции за рубеж, более того, приоритетным для них является получение образования именно в стенах Санкт-Петербургского государственного университета, зарубежные научно-исследовательские центры интересны для них в качестве базы для проведения части экспериментальной работы, а также форума для обмена мнений с иностранными коллегами.

В настоящее время учебные планы СПбГУ предусматривают возможность изучения немецкого языка после курса английского с 5 по 7 семестр обучения в бакалавриате, при этом на этот курс отводится 180 часов аудиторной работы. В дальнейшем учебные планы магистратуры предусматривают возможность одногодичного или двухгодичного курса немецкого языка объемом в 120 и 210–240 часов аудиторной работы соответственно. Место курса немецкого языка в новых образовательных реалиях, заданных новым законом «Об образовании», представляется на настоящий момент не вполне ясным, т. к. лица, приступившие к освоению программ высшего образования, реализуемых в соответствии с этим законом, в настоящее время завершают лишь освоение программ бакалавриата.

В сложившихся условиях представляется возможным определить, что всю систему обучения языку можно рассматривать как трехмодульную, состоящую из первого модуля, осваиваемого студентами бакалавриата, второго модуля, к изучению которого приступают студенты магистратуры, и третьего модуля для аспирантов.

В организационном плане важным представляется создание модулей одинаковой продолжительности в бакалавриате и магистратуре. Эта задача может быть решена, если на освоение первого модуля отвести дополнительно 8 семестр бакалавриата с минимальным количеством часов (не более 30), а на освоение второго модуля — 3 и 4 семестр магистратуры с нагрузкой в 60 и 30 часов аудиторной работы в семестр соответственно. Такого рода модульная система позволит, среди прочего, лицам, не изучавшим немецкий язык в ходе освоения программ бакалавриата, учиться ему при получении образования в магистратуре без необходимости организации дополнительных групп.

Касательно практической цели обучения немецкому языку, достигаемой в ходе каждого из модулей, представляется возможным определить уровень А2 по Общеввропейской шкале уровней владения иностранным языком для первого модуля, уровень В2 — для второго модуля и уровень С1 — для третьего.

Говоря о проблемах содержания обучения, важно отметить, что немецкий язык для наших обучающихся — не цель, а одно из средств получения образования, профессиональной подготовки и приобщения к избранной специальности, при этом перед преподавателями с неизбежностью встают вопросы тактического и стратегического плана, с которыми они не сталкивались прежде, когда университетский курс немецкого языка преследовал иные цели при ином уровне начальной подготовки обучающихся. Полагаю, что поиск решений здесь мог бы опираться на опыт наших коллег — специалистов в области преподавания русского языка как иностранного, которыми были получены ответы на вопросы о времени начала специализации, пользе ранней специализации, возможности обучения языку только на материале специальности и принципиальной возможности такого подхода и т. д. При этом необходимо, однако, учитывать, что мы, в отличие от наших коллег-русистов, работаем вне естественной языковой среды.

Артемяева Лариса Алексеевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Корышев Михаил Витальевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Формирование общеучебных умений в процессе обучения иностранному языку: опыт работы с информационными источниками

1. Словарь в его классическом понимании стремительно уходит из процесса изучения современных иностранных языков.
2. Серьезную конкуренцию традиционным словарям составляют словари электронные.

3. Насколько переводные словари интернет-ресурса отвечают важнейшим лексикографическим принципам? Всегда ли они могут обеспечить пользователей качественной и добросовестной информацией в достаточном объеме?
4. Что важнее с точки зрения ответственного перевода: быть понятным или не показаться при этом смешным?
5. Современных студентов, даже изучающих иностранный язык факультативно, обязательно нужно учить культуре работы со словарем.

Белова Евгения Николаевна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича

К вопросу об обучении английскому языку в техническом вузе для развития коммуникативной компетенции и самостоятельности студентов

В техническом вузе необходимо обучение, интегрирующее изучение языка и предмета на занятиях (CLIL). В процессе такого обучения целесообразно реализовать коммуникативный и индуктивный методы. Этот выбор объясняется тем, что существуют два подхода к обучению: имплицитный (лексический) и эксплицитный (грамматический). В рамках имплицитного подхода выделяются коммуникативный и структурный методы. Рекомендуется использовать коммуникативный метод, который способствует применению языковых явлений в речи и учитывает разнообразие речевых контекстов, в отличие от структурного метода, направленного на механическое заучивание и ограниченный контекст. Студентам технических специальностей предоставляется возможность познакомиться с новейшими технологиями, используя сайт bbc.com/technology. Однако в коммуникативном методе отсутствует принцип сознательности, который, на наш взгляд, является главенствующим при обучении английскому языку студентов технических вузов для прочного усвоения языковых явлений и адекватного их использования в речи.

Поэтому мы обращаемся к эксплицитному подходу к обучению. В рамках этого подхода рассматриваются индуктивный (от частного к общему) и дедуктивный (от общего к частному) методы. В нашей вузовской практике наблюдается дедуктивный метод: на занятиях по грамматике сначала дается теоретическая часть освоения грамматики, а потом отрабатываются полученные знания на упражнениях на перевод. При этом формируются только грамматические знания и умения использовать их на определенных контекстах. Вследствие этого у студентов наблюдается низкая мотивация, и они быстро теряют интерес. Поэтому мы считаем, что в техническом вузе приоритет должен быть отдан индуктивному методу, согласно которому студенты самостоятельно анализируют грамматические явления в разнообразных контекстах, выводят правила и проверяют свои гипотезы на практике, используя интересующий их материал. Известно, что студенты технических вузов обладают хорошо развитым аналитическим мышлением.

В содержание обучения, интегрирующего изучение языка и предмета, входят следующие компоненты:

- 1) язык обучения, язык для обучения и язык через обучение;
- 2) теоретические знания, умения и навыки в области изучаемых дисциплин;
- 3) когнитивность (мыслительные процессы студентов при анализе, синтезе или сравнении языковых единиц);
- 4) лингвострановедческие знания.

Все вышеперечисленные компоненты тесно взаимосвязаны и относятся к конкретной цели занятий.

Рекомендуется использовать:

- 1) образовательную платформу Moodle для развития коммуникативной компетенции и самостоятельности в техническом вузе;
- 2) обучающие программы, электронные учебные пособия и цифровые лингафонные кабинеты, например, программу НОРД;
- 3) этапы занятия с использованием лингафонного кабинета по принципу «снежного кома».

Таким образом, все перечисленное выше уменьшает возможности механического выполнения упражнений, обеспечивает осознанное и самостоятельное обучение английскому языку в комфортных для современного обучения условиях и основывается на лично-ориентированном подходе.

Для успешной реализации такого обучения преподавателям английского языка рекомендуется:

- 1) подготовка к профессиональной коммуникации;
- 2) повышение профессионально-педагогической компетенции (в области использования CLLL, Moodle и цифрового лингафонного кабинета на занятиях);
- 3) активное применение методического материала, направленного на развитие коммуникативной компетенции и самостоятельности студентов с учетом их профессионально-личностных особенностей.

Беляева Елена Геннадьевна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Основные направления модернизации языковой подготовки магистров в свете стоящих перед российской системой подготовки научных кадров целей и задач

Актуальность модернизации подготовки научных кадров в российской высшей школе на этапе магистратуры обусловлена тем, что магистратуре отводится важное место в унифицированной в соответствии с требованиями Болонской декларации системе подготовки научных кадров и в системе сопоставимых степеней. Согласно федеральным государственным образовательным стандартам РФ третьего поколения, вступившим в силу в 2011 г., магистратура образует верхний уровень высшего профессионального образования, находясь между бакалавриатом и аспирантурой.

Выпускник-магистр, согласно этим стандартам, должен быть подготовлен к научно-исследовательской деятельности в международном образовательном пространстве и в мировом научном сообществе. Российская высшая школа в самое ближайшее время, вероятно, должна будет выполнить поставленные правительством РФ задачи по ускоренной интеграции в мировое научное сообщество, формированию нового академического сообщества, повышению престижа ведущих российских вузов в международных системах оценки качества образования, а также повышению индекса цитируемости российских ученых и исследователей во всех областях научных знаний.

Языковая подготовка магистров-выпускников может сыграть решающую роль в успешной реализации поставленных задач и именно поэтому требует соответствующей модернизации в самое ближайшее время. Повышение качества языковой подготовки магистров ускорит процесс интеграции российской системы подготовки научных кадров в мировое образовательное пространство, а также усилит конкурентоспособность российского образования на мировом рынке образовательных услуг.

В данной работе предлагается краткий анализ существующих программ по иностранным языкам, а также резюме доминирующего в настоящее время подхода к обучению магистров иностранному языку на основе широко и открыто публикуемых ведущими вузами нашей страны учебными программами. Далее предлагаются направления модернизации с обоснованием преимуществ предлагаемых преобразований.

Основной целью данной работы является предложить ряд основных направлений модернизации языковой подготовки магистров с обоснованием причин актуальности предлагаемых преобразований и инноваций. Рассматриваемые направления оптимизации языковой подготовки магистров предполагают достаточно широкий спектр конкретных изменений как в содержании обучения иностранному языку, так и в методах обучения и в самом методологическом подходе к языковому образованию на уровне магистратуры.

В работе обозначены также некоторые проблемы, стоящие на пути обновления содержания магистерских программ по иностранным языкам. Например, вопрос постановки самих целей и задач языковой подготовки магистров, формата итоговой аттестации магистров по иностранному языку, кадрового обеспечения языковой подготовки в магистратуре, контроля качества и индикаторов успешности такой языковой подготовки. Предлагается ряд решений обозначенных проблем с целью инициировать дальнейшую полемику по ключевым и принципиальным вопросам. Примеры конкретных практических решений, также результаты частичной апробации предлагаемых способов оптимизации языковой подготовки магистров представлены в данной работе на материале предложений по обновлению программы по английскому языку для студентов физического факультета СПбГУ одной учебной группы первого года обучения в магистратуре нынешнего учебного 2014/2015 учебного года.

Знание иностранного языка является неизменным компонентом фундаментальной составляющей традиционного высшего образования в нашей

стране и неотъемлемой частью подготовки российских научных кадров. В эпоху глобализации, интеграции российской системы образования в мировое образовательное пространство и ускорения интеграции российских ученых в мировое научное сообщество роль языковой подготовки магистров заметно возрастает и становится национальным капиталом российского научного сообщества.

Боголепова Светлана Викторовна,

к. ф. н., старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Современные подходы к обучению иностранным языкам и тенденции в иноязычном образовании

Как пишет О. В. Наумова, «в современной методике... актуальной и нерешенной до сих пор остается проблема поиска и выбора наиболее эффективных и рациональных методов преподавания иностранных языков, соответствующих современным условиям обучения и отвечающих требованиям стандартов современного образования» [Наумова, 2014. С. 154–155]. Поэтому по сей день активно предлагаются новые подходы к обучению иностранным языкам, которые пытаются устранить недостатки ранее существовавших методов и соответствовать требованиям современного общества. Современные подходы к преподаванию иностранного языка, которые мы рассмотрим, родились в рамках коммуникативного подхода и сохраняют многие из его черт. Коммуникативный подход видит задачу обучения иностранному языку не в овладении неким набором разрозненных структур, а в том, чтобы научить эффективно пользоваться языком в процессе коммуникации, т. е. способствовать овладению всеми составляющими коммуникативной компетенции: лингвистической, социолингвистической и прагматической [Common European Framework of Reference for Languages, Электронный ресурс]. Язык служит средством решения коммуникативных задач, поэтому содержание образования определяется не набором несвязанных грамматических структур, а теми языковыми явлениями, которые используются для решения этих задач.

Опишем некоторые из рассматриваемых подходов.

Bolitho и др. [2003, p. 251] определяют Language Awareness как педагогический подход, суть которого состоит в мотивированном привлечении внимания к использованию языка, способствующего развитию сознательного понимания того, как функционирует язык. Другими словами, учащиеся открывают для себя язык самостоятельно. Однако отметим, что сознательный анализ языковых явлений вовсе не подразумевает изучение системы языка. ИмPLICITное введение грамматического материала предпочтительно эксплицитному, т. к. заставляет учащегося думать, анализировать язык, строить предположения о правилах, проверять свои гипотезы, и только потом получать правильный ответ (если он существует) и тренироваться в распознавании и употреблении формы.

Суть подхода Task-Based Learning можно кратко охарактеризовать как обучение, в центре которого находится задание/задача. Несомненным достоинством подхода является наличие четкой структуры урока, в течение которого учащийся постоянно вовлечен в деятельность и должен решать различные коммуникативные и когнитивные задачи. К тому же, он предполагает работу с грамматическими формами после того, как они были введены в контексте, позволяет учащимся самостоятельно раскрыть особенности их употребления, а затем осознанно, с пониманием смысла, практиковать их. Анализ выявил, что современные методические подходы подчеркивают необходимость:

- исследовательской работы с языком и сознательного анализа языковых явлений;
- восприятия языка как целостного явления и холистического подхода к его изучению;
- отработки языковых форм и лексических единиц, возникающих в определенном контексте;
- развития не только речевых, но и общеучебных умений;
- вовлечения учащихся в деятельность, задействование как когнитивных, так и эмоциональных механизмов.

Литература:

1. *Наумова О. В.* Развитие методики преподавания иностранных языков: обзор основных направлений // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. [Электронный ресурс]. Институт языкознания РАН. Выпуск 6. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2014_06/sbornik_kiya.pdf. (Дата обращения: 07.01. 2015)
2. *Bolitho R.* Ten questions about language awareness / R. Bolitho, R. Carter, R. Hughes, R. Ivanic, H. Masuhara, B. Tomlinson // *ELT Journal*. 2003. Vol. 57/3. Pp. 251–258.
3. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR)*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf (дата обращения 29.12.2014)

Божик Святослава Любомировна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу обучения лексико-грамматическому аспекту диалогической речи на английском языке (на начальном этапе)

Одной из трудностей обучения устной речи при изучении английского языка является проблема обучения говорению и в частности построения диалогической речи на иностранном языке. При этом вопрос обучения диалогической речи достаточно хорошо изучен и освещен в методической литературе как отечественной, так и зарубежной. В тоже время, практика показывает, что неувоенный лексический и грамматический материал вызывает затруднения в говорении и построении диалога. На начальном этапе это приводит к выбору некорректных грамматических конструкций и их неточного лексического наполнения, что в дальнейшем мешает выстраивать грамотное общение на иностранном языке и является затруднением

в формировании коммуникативной компетенции т. к. диалогическая форма общения — это наиболее характерная форма для проявления коммуникативной функции языка. Обучение говорению как процессу продуктивному требует от учащегося построения высказывания, обусловленного ситуацией общения, представляет собой сложную методическую задачу, поскольку овладение им связано с наибольшими трудностями для учащихся и требует больших временных затрат и усилий как со стороны преподавателя, так и обучаемых. Тем не менее эти затраты времени и усилия окупаются, если учащиеся овладевают этой деятельностью на начальном этапе на строго отработанном грамматическом и лексическом материале, который обеспечивает мотивационный уровень и надежную базу для формирования других видов речевой деятельности.

Таким образом, с одной стороны, диалогическая речь является хорошей платформой для обучения лексико-грамматическому аспекту, с другой, навыки и умения, полученные в процессе обучения помогают выстраивать грамотный диалог в ситуации реальной коммуникации.

Воронина Людмила Александровна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Дидактические возможности технологий Веб 2.0

в реализации курса лекций «Лингвистические основы обучения иностранным языкам» для студентов-иностранцев

Современное состояние методики как науки характеризуется развитием нескольких направлений, одним из которых является внедрение интернет-технологий и становление дистанционного обучения иностранным языкам. Особое место среди известных в этой области технологий занимают так называемые 'технологии Веб 2.0', которые дают нам новые дидактические возможности, помогая создавать условия для самостоятельного развития и самосовершенствования студента при сохранении функции контроля. Причем форм такого взаимодействия придумано и описано достаточно много: тест, форум, чат, опрос, глоссарий, Wiki, лекция и др.

Для реализации курса лекций «Лингвистические основы обучения иностранным языкам» на иностранном бакалавриате представляется целесообразным использовать ресурс «Лекция», выстраивающийся по принципу чередования страниц с теоретическим материалом и страниц с обучающими тестовыми заданиями и вопросами. Это особенно актуально для студентов-иностранцев в силу их ограниченного владения иностранными, английским и русским, языками, на которых читаются лекции, т. к. становится возможным переходить к последующему блоку информации при условии полного или достаточного усвоения предыдущего материала.

Последовательность переходов со страницы на страницу заранее определяется преподавателем, автором курса, и зависит от того, как студент отвечает на вопрос, причем на неправильные ответы преподаватель может дать соответствующий комментарий. Визуально лекция выглядит как веб-страница с вопросами. В начале страницы дается объяснение фрагмента

учебного материала, а в конце страницы предлагаются вопросы для контроля усвоения этого фрагмента. Если на вопросы дается правильный ответ, загружается следующая страница лекции, в противном случае студенту предлагается еще раз прочитать плохо усвоенный фрагмент учебного материала, что в принципе и является главной целью лекционного курса.

Здесь надо подчеркнуть, что студенты с удовольствием воспринимают дидактические материалы, представленные посредством интернет-технологий, и, следовательно, любую связанную с ними деятельность, т. к. для них интернет является «параллельной средой обитания».

Гаранович Марина Владимировна,

к. ф. н., старший преподаватель,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ларук Омар,

Ph. D, профессор, Лионский университет (Франция)

Цифровые средства в преподавании и доступ к многоязычной информации в сфере филологии и цифровых гуманитарных наук

В круг проблем филологии входят локализация и издание текстов, а также проблема датирования лингвистического материала. Эта проблема может быть решена благодаря использованию цифровых средств и поисковых программ. При этом очень важно учитывать синтаксис и грамматику поискового запроса в базе данных, правильность формулирования ключевых слов, т. е. в целом филологическую основу проблемы. О важности филологического анализа языкового материала, как известно, еще говорил Фердинанд де Соссюр: грамматика дает лишь правила, чтобы отличать правильные языковые формы от неправильных, а филология интерпретирует и комментирует тексты (Соссюр, 1916).

Таким образом, лингвистический анализ и интерпретация текстов отныне становятся основными методами работы в базах данных web и в случае индексации цифровых текстовых документов.

Цель многоязычных порталов интернета — связь между текстовой информацией (корпус) и наличием умения, которое должно в конечном итоге привести пользователя к релевантному отбору текстов корпуса в профессиональных целях. Филологическая база данных позволяет получить доступ к документам посредством поисковых программ и всех возможностей лингвистического анализа полного текста при помощи исследования «текстовых выражений» (в кавычках), семантической близости слов и т. д. Поиск может быть ограничен временными сроками или может быть многоязычным. Все критерии могут быть соединены в операции фильтрации информации. Например, классическая библиографическая база данных (DCB) была создана американской Ассоциацией филологии в 1989 г. <http://www.apnee-philologique.com>; обеспечивает исследования в библиографической сфере и предоставляет следующие метаданные: автор (современный или

реальный), название, дата, полный текст, древние авторы, темы, классификация, издатель, количество серий, судовой журнал и т. д.

Результативность поиска многоязычной информации требует знания мультимедийных цифровых средств с одной стороны, а также документальной методологии, чтобы уметь находить существенную информацию, с другой стороны. В 1990-е гг. некоторые специалисты по поиску текстовой информации в интернете и библиотекари выдвинули интересную идею о природе информации, через понятие «мастерство в управлении информацией». В английском языке используется термин «information literacy» («информационная грамотность»). Но специалисты, выдвинувшие эту идею, не приняли во внимание существенный элемент в информационном процессе, — мультилингвизм, порожденный Интернетом, а именно научным Web.

Благодаря опыту и образованию в области филологии, в гуманитарных цифровых науках (социальные науки и интернет) и навыкам по документному поиску в базе данных приоритет отдается уровню информационной компетенции (интернет-службы, базы данных, и т. д.), но также и многоязычному образованию (технический перевод) с целью достижения грамотной идентификации, локализации, анализа и использования филологических текстов, включенных в базы данных, и документов, взятых из Web.

Итак, сегодня становится очевидным, что в рамках многоязычных библиографических исследовательских методов, надо принять в расчет существенную роль филологической терминологии и компетенции, которые должны быть включены в соответствующие образовательные модули.

Дудушкина Светлана Викторовна,

старший преподаватель, Московский педагогический государственный университет

Проблема отбора материалов студентами при автономном аудировании

Автономия студента, по праву считающаяся отличительной чертой современного иноязычного образования, имеет решающее значение в овладении им умениями и навыками аудирования. Одной из проблем автономного аудирования является отбор обучающимся материалов для самостоятельного прослушивания, понимания и интерпретации полученной информации в учебных, личных, профессиональных целях.

В методике существуют общепризнанные принципы и критерии отбора текстов для аудирования и чтения. К ним относятся принципы аутентичности, профессиональной направленности, коммуникативной ценности (ситуативности, функциональности), информативности, тематической направленности, доступности (эффективности), жанрово-стилевого разнообразия, количественной достаточности.

Анализ данных принципов, их содержательного наполнения показывает, что все они действенны в условиях, когда функцию отбора текстового материала осуществляет преподаватель или автор учебника / учебного пособия.

При автономном аудировании ответственность возлагается на студента, он оказывается активным деятелем — автором собственной сайтотеки (где

могут находиться источники отбора текстов для автономного аудирования) и текстотеки. Следует в этой связи заметить, что значимость принципов и их функциональная нагрузка в этих условиях не уменьшаются; меняется характер их действия. Студент должен осознавать, что отбирая текст для аудирования, ему необходимо руководствоваться соответствующими регламентациями.

На практике же студент редко осознает необходимость следования определенным канонам отбора аудиотекстов. Тем самым, основанием для самоопределения может послужить тематический детерминизм, т. е. необходимая и неизбежная соотнесенность отбираемых текстов с изучаемой тематикой, которая регламентирована рядом параметров образовательной программы.

Иосилевская Наталья Дмитриевна,

старший преподаватель, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Кучерова Татьяна Николаевна,

к. ф. н., доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

О приемах элиминирования терминологической лакунарной лексики при работе со спецтекстами

Язык представляет собой важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но и аккумулирует знания культуры. Будучи одним из признаков нации, он выступает как главная форма выражения национальной культуры и ее существования.

Изучение иностранного языка и речи обязательно предполагает знакомство с культурой народа — носителя данного языка. При анализе национального своеобразия языков нужно изучать и учитывать, какую роль играют особенности менталитета нации и национально-культурные ценности. В то же время факты языка дают ключ к познанию культуры.

При принципиальной общности основ человеческой жизнедеятельности многие явления, процессы и предметы, которые на первый взгляд кажутся универсальными, обладают национальной спецификой. Действительность отражается в различных языках неодинаково в силу нетождественных условий материальной и общественной жизни людей, и это выражается в различной лексической номинации явлений и процессов.

При изучении функционального языка научной литературы следует уделять внимание работе с терминами, поскольку они являются специфическим уровнем языка науки и выступают неотъемлемым элементом процесса обучения иностранному языку в профессиональной сфере. В этой связи имеют значение исследования реального функционирования терминов в специальных текстах, которые рассматриваются нами как реализация акта межкультурной коммуникации в сфере науки. При этом огромное внимание уделяется сопоставлению терминов в разных языках и их переводу.

Важным условием достижения эквивалентности является сохранение в переводе содержательной точности единиц исходного языка, соблюде-

ние абсолютной идентичности понятий, выражаемых терминами исходного языка (ИЯ) и переводного языка (ПЯ). Обеспечение тождественности означаемых терминами понятий представляет собой важнейшую задачу перевода специального текста. Выявление расхождений в системе понятий, выражаемых терминами ИЯ и ПЯ — важный шаг на пути межъязыковой гармонизации терминосистем, обеспечивающей решение проблемы перевода терминов. Причиной наибольших трудностей при переводе являются случаи терминологической лакунарности. Поэтому возникает необходимость сопоставительного исследования терминосистем и разработка приемов перевода частично эквивалентных и безэквивалентных терминов. В докладе приводятся некоторые приемы перевода подобных терминов на примере работы со спецтекстами по социологии.

Казимова Галина Александровна,

старший преподаватель, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Библеизмы как элемент англоязычного политического дискурса

1. Библейские цитаты и аллюзии являются довольно частотным элементом англоязычного политического дискурса. Они встречаются в инаугурационных речах президентов США, в речах конгрессменов, политиков, баллотирующихся на тот или иной пост, в текстах политических изданий.
2. Частотность употребления библеизмов, текстуальная правильность их употребления и, что самое важное, смысловая оправданность их употребления могут зависеть от партийной принадлежности политика или издания.
3. Умение идентифицировать библейские цитаты и ссылки на них можно развивать на занятиях по английскому языку со студентами-политологами. В процессе слушания и чтения речей и текстов англоязычных политиков студентам-политологам на занятии предлагается ряд заданий, выполнение которых помогает определить тот или иной фрагмент речи или текста как библеизм или аллюзию на него.
4. Знакомство с первоисточником и с историей использования данного библеизма в политическом дискурсе помогает студентам получить более полное представление о смысловом и функциональном аспектах современного употребления библеизмов и аллюзий на них в англоязычном политическом дискурсе.

Кечерукова Марина Аламовна,

к. ф. н., доцент, Тюменский государственный нефтегазовый университет

Междисциплинарный подход в обучении иностранным языкам. Работа в педагогических тандемах

Нет смысла говорить о глобализации и возросшей роли иностранного (и непосредственно английского) языка в XXI в., о процессах интеграции России с мировым сообществом, в том числе и в сфере высшего образова-

ния. Очевидны и перспективы, открывающиеся для вуза в случае успешного преодоления так называемой «языковой проблемы»: это и участие в различных проектах, конкурсах, грантах, поддерживаемых международными фондами, стажировки, приглашение зарубежных коллег для чтения лекции и участия в совместных научных работах, участие в международных конференциях, повышение публикационной активности. Список может быть продолжен — однако все это служит одной глобальной цели — вхождение университета в международное образовательное и научное пространство.

Решением стратегической задачи университета стремящегося занять место в рейтинге ведущих мировых школ, расширение международных контактов, интернализации научных исследований и образовательных программ может стать смещение акцентов с лишь преподавания дисциплины «иностранный язык» на процесс формирования в университете мультязыковой среды.

Для формирования мультязыковой среды в Тюменском государственном нефтегазовом университете предпринимаются следующие шаги:

- перевод УМК на английский язык (программы, курсы лекций, учебные пособия);
- организация курсов иностранного языка (далее ИЯ) для профессорско-преподавательского состава;
- чтение лекций по профильным предметам на ИЯ.

На проблемах и перспективах последних остановимся подробнее.

Для успешной реализации поставленной задачи (чтение лекции на английском языке) необходимо ответить на три вопроса:

- Для кого?
- Как?
- Кто?

Немаловажен здесь второй вопрос — как обучать профильным дисциплинам на ИЯ.

В зарубежной методике существует термин CLIL или метод CLIL — Content and language integrated learning — интегрирование преподавания ИЯ и других учебных дисциплин. Впервые термин был предложен финским ученым Дэвидом Маршем в 1994 г.

CLIL преследует двойную цель — изучение предмета и одновременно изучение иностранного языка. Наиболее распространенным является следующее определение — дидактическая методика, позволяющая сформировать у учащихся лингвистические и коммуникативные компетенции на неродном языке в том же учебном контексте, в котором у них происходит формирование и развитие общих учебных знаний и умений.

Читать лекции на родном языке и на иностранном (даже при условии отличного знания последнего) две разные вещи. ИЯ как учебная дисциплина отличается от других тем, что язык здесь является главной целью, в то время как при обучении другим предметам, язык — лишь инструмент, средство.

Перечисляя многие особенности обучения предметам на ИЯ (требования к отбору материала, исходная языковая подготовка) все зарубежные исследователи отмечают две главные особенности.

1. Занятия на ИЯ (в том числе и лекционные) должны носить коммуникативный характер. И по форме подачи материала и при организации учебного процесса преподаватель должен строить интерактивные занятия, где студенты вовлечены в коммуникативные ситуации общения (в парах, группах, с преподавателем).
2. Языковая поддержка. Ознакомление с новыми словами, словосочетаниями, терминами в начале занятия. Снятие других языковых трудностей фонетических (географические названия, имена собственные, трудные для прочтения слова) и грамматических (разбор сложных грамматических конструкций). Визуальная поддержка — графики, таблицы. Преподаватель должен вести постоянный контроль понимания, усвоения новой информации.

Кольцова Ольга Вячеславовна,

к. ф. н., доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Кучерова Татьяна Николаевна,

к. ф. н., доцент, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Межпредметная интеграция в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку

В современном образовании особую актуальность приобретает профессионально-ориентированный подход при обучении иностранным языкам на неязыковых факультетах вузов. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования требует учета профессиональной специфики при изучении иностранного языка, его нацеленности на реализацию задач будущей профессиональной деятельности выпускников. При этом важную роль играет интеграция со специальными дисциплинами с целью получения студентами дополнительных профессиональных знаний. Иностраный язык выступает в данном случае средством повышения профессиональной компетентности студентов.

Разработанная нами программа изучения немецкого языка на географическом факультете представляет попытку решения данной актуальной проблемы высшего образования: интеграции освоения курса иностранного языка и формирования профессиональной компетентности будущих специалистов-географов. Для решения поставленной задачи в содержание курса немецкого языка мы включили сведения по географии. Совместно с преподавателями географического факультета было разработано пособие по одной из тем учебного плана по дисциплине «География», а именно по разделу «Физическая география материков и океанов». Эти тексты используются для обучения студентов изучающему чтению. Часть материалов учебного пособия представляет собой аутентичные тексты из немецких источников.

В созданном нами пособии работа над языком переплетается с формами работы над содержательной стороной изучаемой темы по географии. Кроме текстов для изучающего чтения была сделана подборка коротких

научно-популярных текстов, которые могут служить для расширения кругозора студентов.

Практика показывает, что языковые трудности возникают у студентов прежде всего при выработке таких умений и навыков, как описание, объяснение, выводы, оценка, сравнение. Поэтому мы подбираем задания, способствующие развитию этих умений и навыков: описание диаграмм, работа с картой, описание различных явлений природы и т. п. Обращение к проблеме изучения языка и географии одновременно позволяет удачно сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучаемых с новыми для них данными или повторения и закрепления тех знаний, которые они получили уже при изучении специальных предметов. Такой подход во многом обеспечивает не только более эффективное решение проблемы профессионально-ориентированного обучения, но и содержит огромные возможности для вызова и дальнейшего поддержания мотивации при изучении иностранного языка.

Коростелева Наталья Васильевна,
доцент, Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

Язык профессии. Что на десерт?

Преподавание языка профессии на международно-правовом факультете МГИМО. Структура курса. Формируемые компетенции. Дидактические материалы. Деловая игра как один из методов обучения юридическому испанскому. Анализ одной из проведенных игр.

Мазуренко Инна Владимировна,
к. филос. н., старший преподаватель, Северо-Западный государственный
медицинский университет им. И. И. Мечникова

Соматические фразеологические единицы: семантические особенности и роль в обучении иностранному языку для специальных целей

Антропологически ориентированный подход при изучении языка является сегодня очень актуальным, т. к. человек активно ассоциирует мир с собой, рассматривает явления мира сквозь призму своего тела. Используя названия частей тела в переносном значении — как сравнения, метафоры, в идиомах, пословицах — люди стараются полнее передать свои мысли или произвести большее впечатление от сказанного. Это обуславливает широкое употребление соматизмов (от греч. *soma* — тело). Что особенно актуально для студентов медицинских ВУЗов, изучающих иностранный язык для специальных целей (Languages for Special Purposes) и активно владеющих соматической лексикой. Изучение соматизмов в составе фразеологических единиц очень продуктивно, поскольку соматические фразеологические еди-

ницы (СФЕ) помогают не только познакомиться с образностью английского языка, но также глубже понять историю и культуру страны сквозь призму национального языка, развивая, таким образом, социокультурную компетентность студентов. Фразеологизмы несут в себе культурную информацию о мире и социуме. Практическое владение СФЕ во многом способствует углублению коммуникативных навыков, делает речь более красочной, выразительной и эмоциональной. Благодаря своей коммуникативной значимости СФЕ развивают коммуникативную компетентность студентов.

С целью преодоления трудности перевода сделаем семантический анализ СФЕ, характеризующих следующие сферы жизнедеятельности человека:

1. Внешние характеристики.

СФЕ, описывающие внешность человека, зачастую содержат соматические компоненты «bone» и «skin». Кости формируют скелет человеческого тела, подобие «каркаса», обтянутого наружным покровом кожи, защищающим наше тело от внешнего воздействия. Но без мышечной массы человек выглядит болезненно и некрасиво. Именно такой образ заложен в семантике СФЕ *to be skin and bone* (кожа да кости). В идиоме *to be limp-wristed* (женоподобный) соматизм «wrist» проецирует соотнесенность с образом женщины, нежели мужчины. Так СФЕ несет отрицательную оценку образа мужчины, в поведении которого превалирует женское начало. Употребление данной СФЕ показывает, что она весьма частотна при описании мужчин нетрадиционной ориентации.

2. Интеллектуальная способность.

Как замечает Н. Д. Арутюнова, «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект». Рассмотрим несколько СФЕ, характеризующих интеллект человека. Данные СФЕ можно подразделить на две подгруппы:

- СФЕ с отрицательной коннотацией, т. е. отсутствие интеллекта: *to be dead from the neck* (быть глупым человеком), *to have nothing between the ears* (тупой как пень), *to be soft in the head* (слабоумный человек), *to be out of one's head* (не в своем уме), *to go off one's head* (рехнуться).
- СФЕ с положительной коннотацией: *to be a brain box* (очень умный человек), *to have a good head on one's shoulders* (иметь голову на плечах), *to get one's head around smth* (быть в «теме»), *to have a good head for smth* — иметь ясную голову.

В СФЕ, описывающих интеллект человека, превалирует соматический компонент «head», обозначающий прежде всего рассудительность и ум или их отсутствие. В связи с этим вытекает основное коннотативное значение соматизма.

3. Физическая сила.

СФЕ, характеризующие физические способности человека, часто содержат в своем составе компонент-соматизм «hand», поскольку именно рука помогает человеку воспринимать пространство и ориентироваться в нем. Соматизм «hand» формирует процессуальные СФЕ, номинирующие различного рода действия, например, *to overplay one's hand* (переоценить свои физические возможности). СФЕ с компонентом «feet» — органом передвижения человека отражают значение устойчи-

ности/неустойчивости, физиологические способности человека (усталость). Например, *to be dead on one's feet* (валиться от усталости).

Резюмируя вышесказанное, отметим легкость аллегорического осмысления соматизмов, высокую степень коммуникативности СФЕ, огромную семантическую роль СФЕ в английском языке.

Мастыкина Людмила Юрьевна,

к. п. н., доцент, Смоленский государственный университет

Реализация современных подходов к обучению взрослых иностранному языку

За последние годы достигнуты значительные положительные результаты в области обучения иностранным языкам разного контингента учащихся, в том числе и взрослых слушателей, что отражено в работах как зарубежных, так и отечественных авторов (Т. Н. Игнатова, Т. А. Васильева, А. Н. Драгункин, Д. Б. Никуличева, Д. Ю. Петров, L. Soars, J. Soars, K. Rogers, S. Cunningham, P. Moog и др). Однако отмечается еще недостаточная разработанность концепций и научно-обоснованных методик обучения иностранным языкам взрослых. Потребность во всестороннем изучении условий обучения, мотивации, соответствующих целям обучения методов и приемов указывают на необходимость проведение дальнейших исследований в этой области.

В данной работе рассматриваются современные подходы к обучению иностранному языку взрослых, и описывается опыт работы курсов английского языка по профилю «Образовательный менеджмент» в Смоленском государственном университете в рамках проекта ТЕМПУС IV «Сетевое взаимодействие университетов-партнеров в реализации многоуровневой системы подготовки и повышения квалификации специалистов в области образовательного менеджмента».

Основной задачей языковых курсов была подготовка профессорско-преподавательского состава слушателей к международному профессиональному общению по проблемам образования. Большое внимание уделялось развитию навыков иноязычной устной и письменной профессиональной коммуникации в рамках педагогического и научного дискурса (проведение фрагментов лекционных и практических занятий; разработка модулей учебных курсов, доклад на конференции, участие в научных дискуссиях, статья, презентация, заявка на грант, отчет об эксперименте и т. д.).

Курсы разрабатывались с учетом новейших достижений в области лингвистики, методики обучения иностранным языкам и андрагогики. Они сочетали традиционные и инновационные методические подходы, закладывающие прочные основы иностранного языка. Реализовывался принцип комплексного подхода к обучению иностранному языку: слушатели не только овладевали лингвистической компетенцией, но и социокультурной — знакомились с традициями Англии и США стран в области образования, учились представлять культуру образовательного пространства своей страны на английском языке.

Интенсификация обучения слушателей осуществлялась посредством поэтапного увеличения объема и скорости усвоения материала, варьирования приемов обучения, использования индивидуального подхода, активизации психологических резервов обучаемой личности. Интенсификации обучения также способствовало использование генторологического подхода и учет наличия у обучаемых профессиональной компетенции (знаний в области дидактики, психологии, методики и других наук, значимых для деятельности педагога, владение профессиональными умениями).

При формировании основных видов речевой деятельности основной упор делался на моделирование и обсуждение ситуаций профессиональной коммуникации в рамках темы «Образовательный менеджмент». Большое внимание уделялось формированию навыков самостоятельной работы, что было особенно актуально в связи с частыми научными командировками слушателей.

В течение двухлетнего обучения слушатели составляли аннотации статей на английском языке, знакомились с оригинальными научными текстами по специальности, разрабатывали модули по читаемым ими лекционным курсам, выступали с докладами по проблемам образования. По итогам первого года обучения в группе проводилась ролевая игра-конференция на тему «Education: problems and perspectives», на которой слушатели выступили со своими докладами о проблемах образования в США, Великобритании и России. Одним из главных итогов второго года стало создание и обсуждение слушателями мультимедиа-презентаций о модернизации современного образования и усиления роли образовательного менеджмента в формировании вузовского образовательного пространства.

Матыцина Ирина Витальевна,

к. ф. н., доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Язык официально-делового общения и национальная специфика

Шведский язык официально-делового общения в России пока еще изучен мало и представляет лингвистам и переводоведам обширный материал для анализа в силу значительных различий в традиции ведения официально-деловой документации и языковой структуре таких текстов в России и Швеции. Для эффективного преподавания языка делового общения необходимо использовать пособия, рассчитанные на русскоязычного студента. Во-первых, потому, что шведские учебники оставляют без комментариев понятнейшую сторону текстов и диалогов, которая воспринимается как данность любым жителем Швеции, но может быть не знакома россиянину. Во-вторых, подавляющее большинство шведских пособий по деловому шведскому имеет сугубо прикладную направленность, т. е. нацеливает учащихся на освоение специальной лексики и терминологии и не рассматривает особенности делового стиля.

Различные задачи, которые ставят перед собой шведские и российские авторы, определяют выбор тем и лексики, рекомендуемой к запоминанию.

Шведские учебные пособия и справочники можно разделить на две группы: одни — специальные — ориентированы на шведских чиновников и предпринимателей и ставят своей целью совершенствование и демократизацию языка делового общения или развитие навыков делового общения у людей, для которых шведский язык является родным, другие — общие — адресованы, прежде всего, иностранцам, изучающим язык для вступления на шведский рынок труда. Они имеют прикладной характер и рассматривают базовые ситуации, с которыми человек может столкнуться в повседневной жизни.

Однако изучение языка делового общения для русскоязычного студента не сводится к изучению терминологии. Курс делового шведского для носителя русского языка должен быть совмещен с курсом по переводу (устному и письменному), поскольку обучение деловому шведскому, в первую очередь, является обучением определенным грамматическим структурам и конструкциям, которые не свойственны русскому языку делового общения и требуют специальной отработки.

Перевод официально-деловых текстов требует от специалиста наличия особых знаний и навыков, которые студенты шведской специализации обязательно должны приобретать в период обучения в университете. Сложность заключается в том, что официально-деловой стиль в Швеции, в отличие от России, характеризуется преобладанием вербальных (т. е. глагольных) конструкций и динамическим характером представления содержания. В то же время в России получил распространение стиль, для которого характерно наличие огромного количества субстантивных сочетаний, «цепочек существительных», отвечающих за статический характер сообщаемой информации. Язык деловой коммуникации строго регламентирован и клиширован, любые отступления от нормы являются маркированными и могут привести к недопониманию и срыву коммуникации. Эти отступления, конечно, могут быть вызваны незнанием соответствующих лексем, но значительно большую опасность представляют грамматически неверные обороты, которые, в конечном счете, приводят к искажению смысла и намерения автора/говорящего.

Межецкая Галина Николаевна,

к. ф. н., зав. отделом, Череповецкий государственный университет

Чистякова Вера Васильевна,

к. п. н., доцент, Череповецкий государственный университет

**Система организации обучения иностранным языкам
(неязыковые направления подготовки)**

Концепция модернизации российского образования определяет иностранный язык как одну из важнейших составляющих стандарта образования XXI в., поэтому повышение иноязычной компетенции студентов неязыковых направлений подготовки является актуальной задачей каждого российского вуза.

Основное внимание при обучении иностранным языкам в вузе уделяется качеству содержания образовательных программ и применению эффективных методов и технологий. Перед преподавателем иностранных языков стоит трудная задача — подобрать или разработать систему, которая позволила бы наиболее эффективно организовать обучение ИЯ и получить максимально высокие результаты обучения.

На кафедре иностранных языков ЧГУ был разработан проект «Повышение качества подготовки студентов неязыковых направлений подготовки по дисциплине „Иностранный язык“», цель которого — повышение уровня владения студентами иностранным языком на одну ступень в соответствии с Общеευропейскими компетенциями владения иностранным языком. Актуальность проекта обусловлена необходимостью разработать и реализовать эффективные мероприятия, направленные на решение проблем освоения студентами 1–2 курсов дисциплины «Иностранный язык», на повышение их языковой компетенции, а также на осознание студентами необходимости изучения иностранных языков: в настоящее время специалист, владеющий иностранными языками, имеет больше шансов интегрироваться в общество с рыночной экономикой и быть конкурентоспособным на рынке труда.

Как показывают результаты входного тестирования первокурсников на знание иностранных языков, проводимого ежегодно кафедрой иностранных языков ЧГУ, большинство выпускников школ (около 43 %) имеют уровень А1 в соответствии с «Общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком» (CEFR); 15–17 % студентов обладают нулевыми знаниями или являются так называемыми «ложными бегиннерами»; около 26 % выпускников череповецких школ владеют иностранными языками на уровне А2, 10–13 % — уровнем В1 и 5 % — уровнем В2. Здесь можно выделить «группу риска» — это прежде всего студенты с уровнем владения иностранным языком 0 — А1, которые «создают» образ студента российского вуза, говорящего на иностранном языке, и по которым, к сожалению, зачастую оценивается качество работы преподавателя.

Такие данные ставят преподавателя перед необходимостью решения ряда проблем: какие учебно-методические материалы выбрать, как работать с «разноуровневыми» студентами в одной группе, как действовать эффективно при небольшом количестве часов, отведенных на дисциплину.

Первый год работы над проектом позволил сделать некоторые выводы, которые хотелось бы представить на конференции и обсудить с коллегами.

Никонова Нина Кирилловна,

к. п. н., доцент, Псковский государственный университет

Невербальные формы общения как компенсационные стратегии при обучении иностранному языку

В системе учебных стратегий компенсационные стратегии восполняют разрыв в языковых средствах и обеспечивают процесс общения. Речь идет о том, что в целях компенсации недостающих языковых средств изучающий иностранный язык может использовать различные стратегии, основными

из которых являются стратегии компенсации имеющимися языковыми средствами, поиск различных опор и стратегий социального взаимодействия (communicative strategies), т. е. стратегии самостоятельной вербальной речевой практики.

Невербальный компонент общения играет существенную роль в процессе взаимодействия учителя с обучаемыми, поскольку, как показывают исследования, различные средства невербального общения (жест, мимика, поза, взгляд, дистанция) оказываются в некоторых случаях более выразительными и действенными, чем вербальный компонент. В докладе речь пойдет о компенсационных стратегиях, включающих систему приемов и навыков взаимодействия преподавателя и студента, содержанием которых является правильное невербальное общение, используемое преподавателем иностранного языка на занятиях.

Пак Татьяна Анатольевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Опыт использования программы Audacity в рамках вводно-фонетического курса по китайскому языку

Программа Audacity является свободным аудиоредактором звуковых файлов, ориентированная на работу с несколькими дорожками. Работает под управлением практически всех операционных систем: Microsoft Windows, Linux, Mac OS. Редактор Audacity обеспечивает выполнение таких функций, как (приводим некоторые):

- запись с микрофона, линейного входа и других источников;
- запись с одновременным прослушиванием имеющихся дорожек;
- индикаторы уровня записи и воспроизведения;
- изменение темпа с сохранением высоты тона;
- воспроизведение нескольких дорожек одновременно;
- результаты могут сохраняться во множество форматов.

Данная программа не создавалась специально для учебных целей, однако благодаря широкому спектру функций идеально подходит к использованию на уроках ВФК по китайскому языку на разных этапах работы с фонетическим материалом.

Китайский язык обладает рядом характеристик (слоговой характер языка, наличие системы тонов, классификационные признаки гласных и согласных звуков), которые существенно отличаются от русского языка. С самого начала изучения языка студенты сталкиваются с огромным количеством фонетических трудностей, которые можно классифицировать по учебному материалу на: трудности усвоения финалей, трудности усвоения инициалей и трудности усвоения тонов.

К трудностям усвоения инициалей можно отнести: овладение придыхательными и непридыхательными согласными звуками, тонкости различия согласных сходных с русским языком, сложности овладения широкий спектр аффрикатов (z, c, zh, ch, j, q).

К трудностям усвоения финалей относятся: тонкости различия гласных звуков сходных с русским языком, овладение переднеязычным и заднеязычным носовыми согласными, овладение составными финалями.

К третьей группе относятся: трудности различение тонов на уровне рецепции и продукции, сочетание тонов в словах и др.

Выделенные трудности, с которыми сталкиваются студенты в рамках ВФК, могут частично преодолеваются при работе с программой Audacity как на аудиторных занятиях, так и при самостоятельной работе. Для использования этой программы на аудиторных занятиях необходимо специальное оборудование (компьютер и проектор). На этапе презентации нового материала, очень удобна функция «спектральный анализ», т. к. дает возможность одновременного представления аудио материала и демонстрацию спектра сигнала. Студенты имеют возможность наглядно увидеть различия тех или иных тонов, придыхательных и непридыхательных согласных и т. д.

При самостоятельной работе эта программа обладает еще большей эффективностью, т. к. позволяет услышать себя со стороны, зафиксировать и проанализировать ошибки, как самим студентом, так и преподавателем.

Панова Татьяна Михайловна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Значение аналитической и репродуктивной работы с текстом при изучении иностранного языка

Обучение различным видам речевой деятельности осуществляется на основе учебного текста, который и является единицей коммуникативного обучения языку. Широко известна классификация видов коммуникативного чтения С. К. Фоломкиной — поисковое, просмотровое, ознакомительное, изучающее, а также другие подобные классификации. Рассматривать их здесь нет необходимости. Однако хотелось бы отметить ослабление внимания к интенсивному и изучающему чтению при использовании современных стандартных британских УМК. Эти УМК являются прекрасными пособиями по обучению языку, но задания к текстам не предусматривают глубокий анализ текста, а из-за этого снижается эффективность обучения.

Изучающее чтение или чтение с полным пониманием текста неразрывно связано с изучением лексической и грамматической системы иностранного языка, а также с обучением работе со словарем. Текст является основой не только для введения новой лексики и получения информации, но и для развития умений учащихся выражать свои мысли в устной и письменной форме.

Текст рассматривается как источник информации, выраженной определенными структурами и другими элементами текста, понятия связываются непосредственно с формой их выражения на иностранном языке. Это дает возможность перейти к монологическим высказываниям с использованием фрагментов текста. Среди послетекстовых упражнений выделяются

коммуникативные упражнения, предполагающие выход в устную и письменную речь.

Среди принципов обучения чтению, выдвинутых С. К. Фоломкиной, обращает на себя внимание следующий: обучение чтению должно включать наряду с рецептивной деятельностью и (ре)продуктивную деятельность учащихся. Об этом же говорит С. Ф. Шатилов, указывая, что чтение в учебном процессе по иностранному языку используется одновременно как средство обучения письму и особенно часто устной речи на иностранном языке. Устная речь является в этом случае важным фактором развития самого умения монологической устной речи.

На первом этапе совершенствования монологической речи она может быть полностью репродуктивной, монологическим высказыванием в связи с прочитанным текстом по плану, схеме, таблице. В дальнейшем она может быть полностью продуктивной, творческой, когда учащиеся более свободно высказываются по поводу прочитанного, излагают свое мнение по проблемным вопросам, затронутым в тексте. Еще Л. В. Щерба отмечал, что «главным источником для собственных писаний должно оставаться чтение и бессознательное, а иногда и сознательное подражание прочитанному. Критически относясь к написанному, можно в конце концов выработать очень приличный стиль».

Обучение монологической речи полезно начинать с упражнений в пересказе и заучивании небольших кусочков текста наизусть. По справедливому утверждению Н. В. Барышникова, пересказ при несовершенном владении языком — это эффективное упражнение, т. к. с его помощью достигается высокая степень безошибочности высказывания в результате использования учащимися хорошо отработанного в рецептивном плане языкового и речевого материала. Это особенно важно на невысоких уровнях владения языком. Во то же самое время следует показать студентам, как можно применять выученный текст в своих собственных высказываниях. Пересказ способствует развитию вышеуказанных качеств монологической речи: логичности, стройности, связности и цельности высказывания.

Подгорная Людмила Ивановна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о преподавании немецкого языка на 1 курсе магистратуры

Преподавание немецкого языка на 1 курсе магистратуры ставит преподавателя перед целым рядом проблем. Во-первых, в магистратуру поступают бывшие бакалавры, выпускники различных вузов страны, с различным уровнем знаний как устной, так и письменной речи на иностранном, в данном случае немецком, языке. Таким образом, первоочередной задачей преподавателя становится достижение относительно равного уровня знаний, без чего невозможна дальнейшая результативная работа. Вторая сложность — количество часов, отведенное на первом курсе на иностранный язык — 1 час 30 минут в неделю. И этот час должен вмещать в себя занятия

грамматикой, лексикой, развитием навыков связного письма, составление резюме и так далее.

Прошедшие годы убедили в том, что практически у всех обучающихся достаточно высокий уровень владения устной речью, они могут неплохо переводить тексты низкого и среднего уровня сложности. Но в том, что касается письменной речи практически в любом ее виде, разница в подготовке в нашем университете и в других вузах ощущается с первых же занятий. Учитывая большое разнообразие работ, которые предлагаются студентам, многие не укладываются в нужное для работы время, не умеют четко структурировать свои действия.

Чтобы сделать работу максимально результативной, а также психологически комфортной для магистрантов с различным уровнем подготовленности, необходимо максимально разнообразить виды и формы работы. Помимо привычной передачи содержания текста, т. е. знакомого всем пересказа, можно предлагать, например, один и тот же текст передать в виде газетной или журнальной статьи, предложив самостоятельно выбрать направление: газета (или журнал) молодежная, католическая, бульварная, женская, радикальная и так далее.

Именно по такой схеме наши студенты работали со стихотворением романтика Адельберта Шамиссо «Die Sonnebringtesanden Tag», где речь идет о преступлении, совершенном много лет назад. Затем это же стихотворение можно переделать в краткий рассказ либо от первого лица, либо от лица других действующих лиц. И третий этап — обсудив заранее жанры кинокартин, их особенности (комедия, трагедия, мелодрама, боевик) и правила написания киносценария, каждый выбирает для себя один вариант и пишет свой сценарий. На финальном занятии обсуждаются все результаты проделанной работы, с которыми магистранты могли ознакомиться на нашем сайте.

Много времени уделяется и работе с современными цифровыми ресурсами и иными ЭОР. На занятиях, в частности, можно посмотреть фильмы-зарисовки без текста и тут же писать титры к этим зарисовкам. Удачной оказалась, например, попытка озвучивать мультфильмы, где есть музыкальное сопровождение, но нет текста. Озвучивание может быть как индивидуальным, так и групповым. Такой формат работы развивает, помимо предметных, еще и коммуникативные навыки. Из опыта работы выяснилось также, что крайне необходимо уделять время надпредметным элементам занятий, уделяя время знакомству студентов с историей и культурой Германии — смотреть фильмы, читать и обсуждать книги, совершать интернет-прогулки по музеям и картинным галереям Германии.

Еще один вид работы — семестровое задание, грамматическое или лексическое. На основании таких работ в нашем издательстве уже выпущено три учебно-методических пособия по разговорной практике (Aphorismen, Deutschgeundrussische Winterfeste, Deutsche Bundeund Vereineseitdem 15. Jahrhundert) и одно по грамматике (Rektion der Verben, Verben mit trennbaren und untrennbaren Präfixen). За прошедшие годы у каждого преподавателя наверняка накопился свой опыт, которым он может поделиться с коллегами.

Ребиков Валерий Борисович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Материалы по домашнему чтению при изучении немецкого языка на базе электронной учебной платформы Moodle

Все больше аспектов изучения иностранных языков начинают поддерживаться электронными ресурсами. Это находит отражение в размещении соответствующих материалов в интернете и также различные мультимедийные материалы. Особое место здесь занимают так называемые электронные учебные платформы. Самыми распространенными являются Blackboard и Moodle.

Moodle (модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда) — это свободная система управления обучением, предназначенная прежде всего для организации взаимодействия между преподавателем и обучающимися. Эта система используется также для организации традиционных дистанционных курсов и очного обучения.

Однако размещение материалов в интернете не всегда представляется удобным: эти материалы могут быть, например, удалены авторами и тогда они станут недоступными для пользователей. При использовании материалов, размещенных в интернете, невозможен непосредственный контроль и отслеживание преподавателем их использования студентами. Эти недостатки компенсируются в электронных учебных платформах. Кроме того, из-за того, что они с самого начала были созданы с образовательными целями, они имеют еще целый ряд других важных функций, например, возможность создавать тесты, задания, назначать и контролировать сроки выполнения данных заданий.

Все большее количество учебных заведений создает и поддерживает электронные учебные платформы. Однако большинство из них не допускает гостя, поэтому трудно судить об их структуре, организации, особенностях и отличиях от других подобных систем. Вряд ли возможно создать что-то универсальное, подходящее для всех учебных заведений.

Что касается преподавания иностранных языков, то представляется, что проще всего это было бы сделать издательствам, выпускающим учебную литературу. Такие примеры уже есть, однако они еще не очень многочисленны. Так издательство Хубер (Hueber) выпускает интерактивные материалы для некоторых своих учебников (Schritte plus). Их можно просто импортировать прямо в установленную на компьютере систему Moodle (<http://www.hueber.de/moodle>). Из представленных материалов можно назвать аудиофайлы и ссылки на видео-ресурсы с заданиями на понимание, тексты для чтения с заданиями, темы и варианты проектов для форума, а также онлайн-упражнения. Однако это именно материалы для учебника данного издательства и они могут не подойти, если используются другие учебники.

Это объясняет, что в большинстве учебных заведений курсы и соответствующие материалы делают сами специально для своих потребностей.

На кафедре немецкой филологии Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета создавались или находятся

в разработке несколько курсов или материалов для различных аспектов изучения немецкого языка как основного, а также как второго языка.

Эта работа посвящена одному из важных аспектов изучения иностранного языка домашнему чтению. Изучение этого аспекта начинается в самом начале 1 курса и продолжается до 4 курса. Важность данного аспекта состоит в том, что здесь активно происходит пополнение лексического запаса, а также знакомство с реалиями страны изучаемого языка.

По опыту представляется целесообразным делать отдельные материалы для каждой читаемой книги. Иначе материалы становятся слишком объемными и необозримыми. Работа над каждой книгой занимает как минимум два цикла, сначала курс создается начерно, тестируется на занятиях, выбираются наиболее удачные задания, а во время второго чтения уже с другой группой, концепция проверяется и дополняется.

Преимущество электронной формы для домашнего чтения состоит в том, что ничего из хороших материалов не может затеряться. Нет никаких пачек бумаг, все размещено по порядку и в то же время все может быть изменено, отредактировано, удалено или просто перемещено в другое место.

Репина Татьяна Юрьевна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Направления и способы оптимизации профессионально ориентированной иноязычной подготовки студентов гуманитарных специальностей

Современный подход к обучению иностранному языку в вузе должен быть основан на реальных потребностях студентов как будущих специалистов и/или ученых в своей области знаний. Новые тенденции мирового развития предполагают расширение профессионального общения и деловых контактов на международном уровне, использование новых средств телекоммуникации. Трудно представить плодотворную профессиональную деятельность в сфере гуманитарных наук — исследовательскую, творческую, организационную — без хорошего знания иностранного языка, в первую очередь английского. Поэтому обучение иностранному языку становится не только частью общекультурного развития специалистов, но и обязательным компонентом их профессиональной компетенции. Следовательно, больше внимания должно уделяться развитию у учащихся целого комплекса компетенций, включающих помимо иноязычной коммуникативной компетенции еще и социокультурную, информационную, межкультурную. Однако то, что декларируется, на деле оказывается не всегда выполнимым. Начнем с двух актуальных проблем.

1. Сокращение аудиторных часов ведет к пропорциональному увеличению объема самостоятельной работы и необходимости модификации методов её организации и оценивания.
2. Серьезной проблемой является ориентированность на успешное прохождение стандартизированных тестов в средней и высшей школе. В итоге студенты не владеют необходимым комплексом учебно-познавательных компетенций и навыками критического мышления.

Концепция преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах СПбГУ в последние годы изменилась. Преподавание собственно языка ограничивается обязательным курсом общего английского языка (General English), цель которого в сжатые сроки поднять уровень владения до B2. В итоге, к прогнозируемым и оцениваемым результатам обучения относится в основном развитие языковых навыков, а приоритетом в преподавании остается работа с текстом, изучение грамматики и лексики. Далее студенту рекомендуется посещение лекций на английском языке, где он оказывается пассивным участником процесса получения профессиональных знаний, осложненного тем, что обучение происходит на иностранном языке. О плюсах и минусах поговорим подробнее.

По сложившейся традиции преподавание языка ведется по общей стандартной программе с очень ограниченной вариативной частью на основе базового УМК. Безусловно, такая система гарантирует преемственность, адаптирована для одного профиля подготовки, экономит время на подготовку учебно-методических материалов, хорошо знакома студентам со школы, но она ориентирована на развитие основных языковых навыков и изучение общих тем и мало соответствует потребностям конкретной специальности. Рассмотрим варианты выхода из этой ситуации, обратившись к методам либерального образования, с его интерактивностью, критическим анализом текстов, междисциплинарным подходом и широтой охвата материала. Проанализируем опыт использования модульных программ по английскому языку для подготовки студентов-бакалавров по направлению «Искусства и гуманитарные науки», о несомненных преимуществах выделения модулей в рамках «общего английского языка» и замещения их модулями академического и профессионально ориентированного языка. Кроме того, исследуем опыт Dogme ELT, который допускает отклонения от планового следования рабочей программе, отказ от жесткой привязанности к конкретному учебно-методическому пособию и передачу инициативы в выборе тем и учебного материала студентам (Thornbury, Meddings, Unplugged Teaching).

Добиться высоких результатов невозможно, если освоение предмета не вызывает у студентов положительных эмоций и ощущения удовлетворенности своими достижениями. Расширение портфолио в личностно-ориентированном обучении за счет skills checklists, learning and vocabulary journals, competency and progress self-tests, включения источников исследовательской и проектной работы повышает понимание целей и визуализирует контроль успехов обучения, повышает мотивацию и ответственность.

Седёлкина Юлия Георгиевна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Интеллект-карты: вчера, сегодня, завтра

1. Интеллект-карты — инструмент, позволяющий удобно и эффективно структурировать и обработать информацию. Впервые этот способ записи информации встречается в трудах философа III в. н. э. Порфирия,

изобразившего концепцию категорий философии Аристотеля в виде наглядных схем. Автором современной методики запоминания, творчества и организации мышления в виде интеллект-карт является британский психолог Тони Бъзен.

2. Примеры использования интеллект карт в популярных учебных пособиях и при подаче материала на курсах иностранного языка демонстрирует успешное применение этой методики в лингводидактике.
3. Опыт использования интеллект-карт студентами при конспектировании прочитанного материала на занятиях по домашнему чтению доказывает эффективность данной методики.
4. Наиболее популярные программы для составления интеллект-карт — MindManager, Mindjet, XMind, Coogole, Freemind, MindNode. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки. При выборе программы следует учитывать не только наличие бесплатной версии, но и возможность использования этой программы в различных операционных системах, возможность ее интеграции с сетевыми сервисами и программами, которые Вы часто используете, а также возможность сохранения созданных карт в распространенных форматах, например PDF, для включения их в презентации и текстовые файлы.

Смирнова Наталья Викторовна,

старший преподаватель, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Академический дискурс как основа формирования академической грамотности: основные типологические характеристики и модель

Определение целей и содержания обучения профессионально-ориентированному (ПО) иностранному языку в неязыковых вузах являются наиболее актуальными задачами в области современной методики обучения иностранному языку. На наш взгляд, определение целей и содержания ПО иностранному языку должно основываться на формировании как комплекса компетенций, которые носят междисциплинарный характер и могут быть перенесены в новые контексты, так и узко дисциплинарных компетенций. Данный подход позволит максимально учесть специфику профессионального обучения и потребности студентов во владении ПО иноязычной речью.

Целью данной работы является анализ существующих теорий дискурса и обоснование необходимости выделения академического дискурса. Описание его типологического статуса и основных характеристик лягут в основу разработки модели обучения иноязычной письменной ПО речи.

Академическая грамотность представляет собой совокупность универсальных и узкодисциплинарных компетенций, обладающую синергическим эффектом и определяющую общий уровень грамотности. То есть в академической грамотности проявляется не простое сложение сформированных компетенций, а некий усиленный результат, обусловленный взаимосвязями,

взаимовлиянием между ними. Они могут формироваться в рамках разных дисциплин и быть относительно независимыми друг от друга.

На наш взгляд, обоснование необходимости внедрения концепта академической грамотности, определение его экстралингвистических и лингвистических компонентов, определение состава компетенций формируемой иноязычной профессиональной коммуникативной компетенцией (ИПКК), требуют введения понятия академического дискурса. Студенты научно-исследовательского вуза сталкиваются с необходимостью успешно функционировать в вузе, в основе которой лежат умения учиться, осваивать выбранную профессию, осуществлять научно-исследовательскую деятельность, и осуществлять академическую и профессиональную коммуникацию в целом, как на родном, так и на английском языках. В результате студенты должны овладеть особым дискурсом, который принадлежит к учебной, профессиональной и исследовательской сферам.

Академический дискурс, на наш взгляд, представляет собой синтез (пересечение) научного, профессионального и педагогического дискурсов. Так, Е. Б. Яковлева отмечает что существуют особые сферы и ситуации общения, социокоммуникативные роли участников коммуникации, коммуникативные задачи и актуальные виды дискурса (с их функционально-стилистическими подсистемами), которые отличаются использованием вербальных средств того или иного дискурса. Мы полагаем, что наличие академического типа дискурса определяет в итоге лингвистические и экстралингвистические особенности профессиональной коммуникации в академической среде, на этапе обучения в вузе. В свете анализируемой нами теории дискурса, мы выделяем основные компоненты модели обучения трансляции академического дискурса в рамках занятий по иностранному языку со студентами социологических специальностей.

Тимофеева Алена Борисовна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

EMI (English as a Medium of Instruction) –

новая реальность или всего лишь новая аббревиатура?

«EMI (English as a Medium of Instruction) — использование английского языка для преподавания общеобразовательных и специальных дисциплин в странах, где английский язык не является первым языком для большинства населения». Такое рабочее определение было предложено Центром изучения и развития EMI Оксфордского университета, который был учрежден в марте 2014 г.

EMI отличается от EAP (English for Academic Purposes) и ESP (English for Specific Purposes). EMI — язык преподавания, в то время как EAP и ESP — языки изучения дисциплин. Языком EMI пользуются специалисты-«предметники»: математики, физики, биологи, преподающие свои предметы на английском языке в школах и вузах, в то время как EAP и ESP сами являются предметами изучения при подготовке будущих математиков, физиков, биологов и пре-

подаются главным образом филологами-англистами. Программы и учебные пособия отличаются соответственно.

ЕМІ — новая реальность глобального мира. ЕМІ — новый параметр конкурентоспособности, сначала в области образования, а впоследствии во всех областях экономики. Российская Федерация, в отличие от Казахстана, Узбекистана и Украины, к сожалению, не попала в число стран, представители которых приняли участие в обследовании состояния ЕМІ в национальных системах образования. В нашей стране ЕМІ используется, но не преподается, точнее более не преподается. В 1970–1980-е гг. Педагогический институт имени А. И. Герцена готовил учителей химии, физики, математики, которые должны были преподавать свои предметы на иностранных языках. По всей вероятности, ЕМІ необходимо рассматривать как проблему, которая требует специального к себе отношения.

Тимофеева Елена Константиновна,

к. п. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Использование фоносемантических средств во фразеологических единицах английского языка при обучении рецептивным и продуктивным видам речевой деятельности

В предлагаемой работе представлен анализ использования фоносемантических средств во фразеологических единицах английского языка в обучении рецептивным и продуктивным видам речевой деятельности.

Фразеологические единицы выбраны для исследования фоносемантических аспектов речевой деятельности, потому что они являются ступенькой между словом и более крупными единицами дискурса — высказыванием или текстом. Поэтому в таких минимальных текстах наглядно проявляются явления звукового символизма, звукоизобразительности сегмента речи и звукоизобразительности текста.

Фразеологические единицы несут в себе образность и символичность. Во фразеологии, самой специфической части языка находит отражение как культурно-исторический опыт носителей определенного языка, так и особенности исторических законов его развития. Изученные данные свидетельствуют, о том, что в самых различных языках существуют довольно четко выраженные «правила» ассоциирования определенных артикуляций с определенными понятиями. Звукосимволизм носит универсальный (межнациональный) характер, и поиски универсального звукосимволизма должны вестись не на уровне фонемы, а на уровне единиц меньше фонемы (акустических и артикуляционных признаков), т. е. синестемы.

Фоносемантический анализ состоит в том, чтобы пронаблюдать проявление звукоизобразительности и фоносемантического компонента во фразеологических единицах английского языка. Для формирования лексических навыков восприятия устной и письменной речи, а также на порождение речевых сообщений необходимо обращать внимание учащихся

на фразеологические единицы, входящие в состав фоносемантических лексических комплексов, регулярно и систематически выполнять соответствующие упражнения по их тренировке и автоматизации. Активная помощь преподавателя, указание на фоносемантические опоры обучает их использованию в последующей работе.

Формирование навыка самостоятельной сегментации речевого потока при рецептивных видах речевой деятельности на примере фоносемантических лексических комплексов не только повышает адекватность восприятия информации, но и способствует формированию навыков продуктивных видов речевой деятельности, поскольку восприятие речи сопровождается внутренним проговариванием, без которого невозможно и развернутое внешнее проговаривание и говорение. Расширение границ обучения за пределы учебной аудитории является мощным резервом для обогащения словарного запаса учащихся.

Успенская Анна Александровна,

к. п. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Творческие письменные задания

как способ обучения лексике на уровне Advanced

При изучении английского языка на уровне Upper-Intermediate — Advanced студенты обладают достаточно широким словарным запасом, чтобы успешно общаться в разнообразных ситуациях. Однако от выпускника вуза, особенно если речь идет о гуманитарной специальности, требуется владение языком как эффективным средством создания устных и письменных текстов различных жанров: публичного выступления, лекции, газетной и научной статьи, научного доклада и др. Данная задача требует владения лексикой на уровне, позволяющем не только сообщить информацию, но и передавать разнообразные смысловые оттенки. Соответственно, важно найти виды работы со словом, которые стимулировали бы интерес к сложной лексике и побуждали бы осваивать иноязычный вокабуляр во всем его разнообразии.

В данном докладе предпринята попытка показать, как одним из таких видов работы могут стать творческие письменные задания — компонент творческого письма, называемого в англоязычной литературе *creative writing*. Автор сосредотачивается именно на письменных заданиях по двум причинам: во-первых, потому что овладение навыками и умениями письменной речи само по себе является компонентом цели изучения иностранного языка в вузе, а во-вторых, потому что письмо дает необходимую платформу для аналитической работы с лексикой, благодаря чему облегчается дальнейшее ее изучение в устно-речевом аспекте.

Creative writing (креативное письмо, творческое письмо) с точки зрения обучения иностранному языку представляет собой вид письменных заданий, целью которых является создание художественного текста (рассказа, стихотворения, мемуаров и пр.) Методическая ценность творческого письма состоит в том, что задания такого типа стимулируют студентов к активному

поиску языковых средств, наилучшим образом отвечающих задаче, и к наиболее адекватному их использованию. При обучении лексике творческое письмо позволяет активизировать и пополнять словарный запас, научиться анализировать синонимические ряды и осуществлять выбор в соответствии с контекстом, лексически передавать смысловые оттенки и стилистическую принадлежность высказывания.

Обучая иностранному языку студентов неязыкового факультета, рационально использовать отдельные элементы творческого письма: описание человека, местности, движения, изменений, отношений, атмосферы, чувств, событийного контекста и пр.; элементы повествования, диалог, убедительное выражение точки зрения, призыв к действию — всё это можно впоследствии объединять в более масштабные тексты при выполнении таких творческих заданий, как написание статьи, короткого рассказа, петиции, текста выступления и пр. Полезно также знакомить студентов со стилистическими приемами в том объеме, в каком они позволяют сосредоточиться на изучаемой лексике.

При обучении английскому языку студентов 1 и 2 курсов факультета международных отношений СПбГУ творческие письменные задания используются как дополнение к общеразговорному курсу Language Leader в рамках таких тем, как «Туризм», «Журналистика», «Мода», «Технологии», «Искусство» и др.

Холодинская Ирина Ивановна,
доцент, Международный университет «МИТСО» (Витебск, Белоруссия)

К проблеме преподавания юридического английского языка с использованием медиатекстов

Целью каждого студента при овладении иностранным языком должна служить его профессиональная потребность, т. к. он готовится стать высококвалифицированным специалистом со знанием иностранного языка. Особенно это важно на данном этапе, когда все больше ощущается потребность в специалистах, свободно владеющих иностранными языками и общающихся на профессиональные темы. Поэтому одной из главных особенностей учебного процесса в вузе является его профессионально-ориентированный характер, отраженный в учебной цели и содержании обучения. Для студентов юридического профиля уже не достаточно просто прочитать и перевести текст. Давно появилась необходимость вести коммуникацию в ситуациях профессионального общения с учетом особенностей национальных традиций и культур и знаний о современных мировых тенденциях в профессиональной сфере.

В практике преподавания иностранных языков как специальности часто используются тексты различных жанров газетно-публицистического стиля. Особенность информации в текстах данного стиля определяется ее предназначенностью для широкой аудитории, поэтому для нее характерны быстрота и оперативность. Информация, содержащаяся в газетных статьях, воздействует как на интеллектуальную, так и на эмоциональную сферу

читателей. Газетно-публицистический стиль несет в себе коммуникативные, экспрессивные, кумулятивные и эстетические особенности, которые присущи языку в целом. Следует отметить, что в лингвистическом плане именно данный стиль оперативно регистрирует возникновение новых слов и выражений, заимствования и специфические сокращения.

К лингвистическим особенностям относятся и сочетание стилистически нейтральной и эмоциональной лексики, наличие стереотипов и неологизмов, упрощенный синтаксис разговорной речи, рассчитанный на восприятие широкими слоями населения, и усложненный, приближающийся к научному стилю. Социокультурные особенности выражаются в актуальности, распространенности, массовости, интерактивности публицистических материалов, отражении социокультурной жизни общества. В большей мере эти явления можно увидеть и в юридическом английском языке, на который повлияли все политико-экономические изменения в обществе, произошедшие за последние десятилетия. Эти особенности дают возможность по-разному организовать восприятие смысловой информации медиатекста, использовать различные приемы ее извлечения, разработать соответствующие упражнения, позволяющие обучать различным видам чтения, формировать соответствующие группы умений коммуникативного чтения: выделения фактической информации из текста; организации информации в определенной последовательности; ее интерпретации и оценки.

Одним из источников аутентичных текстов можно назвать средства массовой информации. На сегодняшний день СМИ играют важную роль в жизни общества. Поэтому современному человеку важно уметь ориентироваться в информационном пространстве: уметь находить и передавать нужные данные, анализировать их, отделять истинное от ложного. И умение работать с медиатекстом приобретает все большее значение. Использование на занятиях текстов газетных и журнальных статей, информации, содержащиеся в Интернете, показывает значимость такого подхода. Особая ценность подобных текстов состоит в их аутентичности, проблемности и актуальности поднимаемых вопросов.

Для преподавателей и студентов, изучающих юридический английский язык, будет полезным обратиться на сайты таких британских газет как www.independent.co.uk, www.guardian.co.uk, www.telegraph.co.uk, www.ft.com, <http://news.bbc.co.uk>. Здесь можно найти большое количество информации не только о текущих событиях в мире, но и публикации на экономическую и юридическую тематику, соответствующие программе. Для того чтобы текст газетной статьи стал реальной и продуктивной основой обучения всем видам речевой деятельности, важно научить студентов различным операциям с материалами медиатекста. Знание таких приемов позволяет студентам овладеть навыками и умениями самостоятельной работы с текстами языка специальности. И особенно радует, что студенты очень часто используют информацию и полученный на занятиях по иностранным языкам опыт на предметах юридического цикла и в своей профессиональной деятельности.

Черницкая Людмила Александровна,
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия

Факторы активизации усвоения англоязычного материала в формах контроля знаний в неязыковых вузах

Функции, виды и способы контроля знаний при обучении английскому языку могут быть самыми разнообразными, что обуславливается определенными методическими задачами. При этом надо учитывать опыт в анализе и разработке форм контроля знаний в истории отечественной методики обучения иностранным языкам, где отмечался целый ряд функций, свойственных тем или иным формам контроля знаний, а именно, такие функции, как обучающая, оценочная, стимулирующая, развивающая, диагностическая, корректирующая и др. Среди всех этих функций, которые в учебном процессе тесно взаимосвязаны, функция обучения посредством контроля знаний является наиболее важной, а все остальные выступают как вспомогательные, способствующие активизации этого обучения.

Если рассмотреть обучающую функцию контроля знаний с психологической точки зрения, то контрольные задания любого рода являются наиболее эффективным средством обучения, т. к. при их выполнении в психологии студентов включается механизм активного самостоятельного мышления, которое до этого пребывало в пассивном состоянии. При введении нового материала пассивное усвоение как первоначальный этап неизбежно, но в ходе его дальнейшего освоения необходимо выработать методические приемы, направленные на активное владение им.

Всевозможные формы контроля знаний являются главнейшими из них, т. к. в той или иной степени они присутствуют в любом методическом приеме. Среди них мы выделяем такие формы контроля, как имплицитные и эксплицитные, т. е. скрытые и явные.

Имплицитные формы как бы «встроены» в сам учебный процесс, пронизывая его от начальной до конечной стадии при освоении данного материала. Эксплицитные же формы контроля выступают как отдельный аспект учебного процесса в виде выполнения контрольных работ, зачетных и экзаменационных заданий.

С точки зрения фактора выделения или невыделения проверки знаний в виде отдельных заданий, их контроль может выступать в активной и пассивной формах, что является разновидностью эксплицитной и имплицитной форм. При пассивном контроле само реагирование студентов относительно изучаемого материала позволяет преподавателю делать выводы о его усвоении без того, чтобы для этого были даны специальные задания.

Таково, например, ведение беседы на английском языке с использованием изучаемого лексико-грамматического и тематического материала. Ответы студентов на задаваемые им преподавателем вопросы дают возможность проконтролировать их знания. Это имплицитная форма вопросно-ответных упражнений без выделения их как заданий для выполнения. При многоаспектном обучении английскому языку подобная форма беседы

дает возможность проконтролировать знания лексики, грамматики, навыков аудирования и говорения. Если акцент делается на контроле навыков аудирования, то беседа на английском языке может быть проведена на основе прослушанного студентами незнакомого текста, по содержанию которого преподаватель задает им вопросы. Степень правильности ответов на них покажет уровень усвоения текста. Ту же функцию имеет его пересказ вначале на русском, а затем на английском языке. Пересказ на русском, помимо этого, развивает переводческие навыки, а на английском — навыки монологической речи.

Чернова Любовь Георгиевна,

старший преподаватель, Морской государственный университет
им. адмирала Г. И. Невельского (Владивосток)

Использование метода case-study в обучении иностранному языку

Современное обучение ориентировано на развитие познавательного потенциала личности, повышение способности к обучению, овладению новыми системами знания, развитие креативных способностей личности и расширение ее творческих возможностей.

Одним из инновационных и малоизученных способов организации обучения является кейс-технология (Case Study). Суть данного метода заключается в осмыслении, критическом анализе и решении конкретных проблем или случаев (cases).

Целью метода case study является анализ предложенной преподавателем конкретной ситуации и дополнительных информационных материалов (с использованием потенциала группы студентов), выработка оптимального решения и представление его аудитории.

Использование данного метода наиболее эффективно при обучении студентов неязыковых вузов языку делового общения и языку специальности.

Работа над поставленной проблемной ситуацией происходит в группах студентов, и ее можно условно разделить на следующие этапы:

- анализ представленного материала, формулировка проблемы;
- обсуждение различных вариантов решения проблемы;
- выбор лучшего варианта решения на основе сравнения всех предложенных вариантов;
- презентация и защита решения.

Этап первый — **анализ представленного материала** — может производиться с учетом конкретного вопроса или охватывать все аспекты ситуации, что зависит от формулировки задания.

Этап второй — **обсуждение различных вариантов решения проблемы** — происходит в группах (3–5 человек). Если уровень языковой подготовки учащихся достаточно высок, то обсуждение происходит на иностранном языке. Это наилучший вариант для того, чтобы студенты как можно активнее использовали лексический запас, грамматические и стилистические навыки построения предложений на иностранном языке. Преподаватель

контролирует этот процесс. Учащиеся в ходе работы над определённым кейсом находятся в виде интерактивного процесса принятия решений.

Презентация и защита решения может быть представлена как в устной, так и в письменной форме. На этом этапе происходит анализ и обсуждение совместной деятельности, основной задачей которого является проявление образовательных и учебных результатов работы с кейсом. Ключевым моментом является то, что проблемная ситуация должна быть актуальной, взятой из реальной жизни.

Использование метода конкретных ситуаций позволяет:

- учитывать учебные, личные интересы и потребности студентов, их индивидуально-психологические особенности; осуществлять контроль знаний по иностранному языку;
- применять все формы аудиторной работы с обучающимися:
- индивидуальную, парную, групповую, фронтальную;
- развивать все виды речевой деятельности: чтение (обзорное, селективное, детальное), говорение (монологическая, диалогическая речь), письмо (составление плана, написание эссе и т. д.), аудирование и перевод;
- осуществлять межпредметные связи; стимулировать творческую активность учащихся.

Применение метода case-study предъявляет высокие требования к уровню подготовки студентов. Сложной задачей для преподавателя, требующей эрудиции, педагогического мастерства и времени, является разработка кейса, т. е. подбора соответствующего реального материала, в котором моделируется проблемная ситуация и отражается комплекс знаний, умений и навыков, которыми учащимся нужно овладеть.

Особенность работы преподавателя, практикующего кейс-метод, заключается в том, что он не только реализует максимально свои способности, но и развивает их. Основное содержание деятельности преподавателя включает в себя выполнение нескольких функций — обучающей, воспитывающей, организующей и исследовательской. Итак, кейс-технология способствует развитию умения анализировать ситуации, оценивать альтернативы, выбирать оптимальный вариант и составлять план его осуществления.

Метод case-study способствует развитию навыков самоанализа, а также аналитических, практических, творческих, коммуникативных, социальных навыков учащихся.

Чибисова Ольга Борисовна,

доцент, Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

**Обучение профессионально ориентированному переводу:
грамматика испанского юридического текста**

При обучении юридическому переводу определяющее значение справедливо придается знанию и адекватному употреблению юридических терминов и в целом профессиональной лексики. Однако этого не всегда достаточно для правильного понимания и перевода испанских юридиче-

ских текстов. Испанский юридический текст характеризуется наличием в нем значительного количества грамматических сложностей, требующих особого внимания на занятиях по переводу. Это, например, специфическое употребление времен и наклонений глагола, особый порядок слов, различные виды инверсии, наличие множества вводных элементов, обилие синтаксических конструкций с неличными формами глагола и др.

При переводе юридических текстов с испанского языка на русский знание этих грамматических особенностей определяет смысловую правильность перевода, а при переводе с русского языка на испанский от умения использовать специфические для испанского юридического текста грамматические элементы часто зависит и соответствие текста перевода необходимым стилистическим характеристикам.

Данным грамматическим элементам не уделяется достаточно внимания в общем курсе грамматики испанского языка, поэтому их необходимо специально изучать и отрабатывать при обучении юридическому переводу. Представляется целесообразным создание системы соответствующих грамматических и переводческих упражнений как для выполнения на занятиях, так и для самостоятельной работы студентов.

Шитова Алина Валентиновна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Тактичность и стратегия взаимоотношений в обучении студентов из КНР английской письменной речи

1. Опыт работы со студентами из КНР позволил выявить некоторые трудности в обучении английской письменной речи, связанные с недостаточным пониманием учащимися категории тактичности и ее стратегической важности в процессе продуктивного общения (в т. ч. и письменного).
2. При создании письменных речевых произведений на английском языке (в частности, социальной корреспонденции) студенты из КНР руководствуются социокультурными нормами общения своей страны, в силу нехватки иного опыта общения. Отдельные руководства и рекомендации преподавателя, касающиеся западных социокультурных норм общения, являются крайне недостаточными, поскольку воспринимаются учащимися как чужеродные, не понимаются, не принимаются и не используются.
3. Прямота и констатация очевидного являются одними из общепринятых стратегий общения в китайской культуре, в то время как в западной культуре такие прямые заявления могут быть расценены как грубые, жестокие или бестактные, что в итоге может привести к полной потере взаимопонимания с обеих сторон или к разрыву отношений.
4. При обучении студентов из КНР написанию социальной корреспонденции на английском языке (в отличие от русских студентов, для которых тактичность является само собой разумеющейся нормой) необходимо уделять дополнительное время и особое внимание «вежливому» и «не-

- вежливому» речевому поведению с точки зрения различных культур, что можно осуществлять на основе контрастивного анализа текстов.
5. В докладе будут приведены примеры нетактичного письменного речевого общения студентов из КНР, а также приемы подачи материала.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Баранов Дмитрий Кириллович,

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу об организации дистанции между текстом и реципиентом: современная социальная реклама

Многие современные исследования затрагивают проблему дистанции между текстом и реципиентом. С этой проблемой связан комплекс вопросов: насколько текст демонстрирует собственную условность, «сделанность», как выстраивает отношения с внешней реальностью и другими текстами, с художественной традицией. Именно наличие определенной, правильной для того или иного случая дистанции, по мысли К. Метца, определяет саму возможность продуктивного взаимодействия с художественным текстом. Если дистанция слишком мала и кинозритель воспринимает происходящее на экране как реальность, полностью забывая о том, что перед ним лишь организованный особым образом набор пятен света, падающих на белую поверхность, перед нами психическое отклонение. Если же дистанция слишком велика, и зритель не может отвлечься от реальности, он никогда не сможет сопереживать этим «пятнам света», не будет испытывать страх, плакать, смеяться при соприкосновении с кинотекстом. Любой художественный жанр по-своему выстраивает подходящую именно для него дистанцию со зрителем или читателем. И любой текст может в этом плане отличаться от всех прочих.

Материалом доклада послужила современная социальная реклама (в первую очередь — видеоролики, транслируемые по телевидению и интернету) и, отчасти, городские плакаты. Т. о., речь в докладе идет о нехудожественных текстах, использующих некоторые стратегии текстов художественных, и о том, какими способами формируется в них имплицитный читатель. В аспекте прагматики социальная реклама, максимально, на первый взгляд, ориентированная на внешний мир, имеет ряд сюжетных, композиционных, повествовательных особенностей. Они и стали предметом анализа, например: идейная сосредоточенность на постулировании некоторой нормы (социальной, законодательной) и связанный с ней ряд структурных шаблонов.

В социальной рекламе существует два наиболее распространенных типа сюжета: норма не нарушается — художественный мир прекрасен; норма нарушается — художественный мир ужасен. Внутри мира текста наличествует субъект, наблюдающий за происходящим. Именно с ним может быть соотнесен реципиент. Для социальной рекламы характерно специфическое

выстраивание звукового и цветового рядов, направленных на концентрацию зрительского внимания на тех или иных деталях. Одновременно социальная реклама ориентирована на традиции коммерческой рекламы; а также ей свойственно использование приемов, характерных для определенных жанров художественного кино. Рассмотрение всего перечисленного позволяет сделать ряд выводов о степени условности анализируемых текстов, а также о традиционном для них движении: о сокращении дистанции между текстом и реципиентом в финале видеоролика. С этой интенцией текста связано частое увеличение в финале количества элементов текста, максимально стимулирующих воображение зрителя (наиболее показательным оказывается шаблонное исчезновение красочной картинки и возникновение текста на контрастном фоне). Подобное движение, реализуемое менее очевидным образом, встречается и в текстах художественной литературы, и в кино. Именно анализ примитивных, но по-своему показательных текстов помогает сделать ряд наблюдений, полезных для исследования процесса коммуникации между реципиентом и художественным текстом во всей его сложности.

Беляк Гавриил Николаевич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Маркович В. М., д. ф. н., профессор

Проблема правдоподобия в литературе и научное представление о реальности

Мимесис — одно из ключевых свойств художественной словесности. Для того чтобы быть правдоподобным, текст должен описывать мир при помощи тех же категорий, в которых мыслит его предполагаемый читатель. Многовековая история трансформаций космологических представлений об устройстве вселенной и месте человека в ней традиционно считается предметом истории науки. Однако вместе с тем, что считается научным представлением о мире, меняется также и представление о том, какое художественное описание этого мира можно считать правдоподобным. Соотнесение этих двух историй, редко сопоставляемых между собой в русской филологии, должно оказаться весьма продуктивным. Ведь само понятие реальности, эволюция которого, как думается, полнее всего отражает историю развития человеческого сознания вообще, несомненно лежит на пересечении его научного и художественного осмысления.

Точка пересечения двух противоположенных тенденций: стремления научной парадигмы описать все многообразие форм бытия с помощью ограниченного числа законов и их соотношений (тенденция замыкающая) и стремления высокой литературы с помощью доступных ей средств в законченной форме уместить бесчисленное число возможных смыслов и их интерпретаций (тенденция размыкающая) оказывается тем ядром, в котором происходит синтез и эволюция неуловимого, трассирующего понятия «реальность».

Интерес представляет сопоставление точек фундаментальной смены научных парадигм и переломных моментов эволюции литературных на-

правлений. Гипотеза заключается в том, что в обоих случаях кардинальному переосмыслению подвергается именно понятие реальности, а развитие как науки, так и литературы на протяжении следующего за сменой цикла, вектор их движения к следующей точке бифуркации определены именно суммой тех изменений, которые категория реальности претерпевает в общем пространстве ее научного и художественного осмысления.

Васильева Ирина Эдуардовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о слагающих нарративной логики

Для теории повествования целостность и эстетическая значимость нарратива являются ключевыми и взаимосвязанными категориями. С одной стороны, целостность понимается как принцип организации и соотношения всех нарративных уровней. Именно на выявление специфичного для конкретного текста способа реализации данного принципа направлен имманентный структурный анализ нарратива. С другой стороны, целостность — это аксиоматическая характеристика повествовательной инстанции. С этой точки зрения все то, что находится в ведении данной повествовательной инстанции (что рассказано и как рассказано), представляет собой определенную смысловую позицию, вариант мироотношения. Поскольку любой текст — это система, включающая в себя несколько повествовательных инстанций, то текст понимается как комплекс взаимосоотнесенных смысловых позиций. Интерпретация этих позиций, в свою очередь, тоже стремится к структурированному и завершенному (в этом смысле — целостному) построению. Таким образом, повествовательная инстанция является ключевым уровнем нарративной организации, определяющим коммуникативную природу данного текста. Она регулирует и изображенную коммуникацию, и задает вектор коммуникативных отношений текста и контекста, текста и реципиента.

Иерархическая выделенность повествовательной инстанции среди других нарративных уровней обуславливает построение и развертывание текста. Такая последовательно развертываемая текстом система смысловых позиций, ориентированная на принцип целостности, и может быть определена как нарративная логика.

Целостность как аксиоматическая характеристика подразумевает возможность присутствия в тексте в качестве «минус-приема». На материале различных культурных эпох хорошо известны многочисленные «видимые» нарушения принципа целостности. Однако такие нарушения свидетельствуют лишь о наличии повествовательной инстанции более высокого уровня, на котором обнаруженное нарушение становится элементом единства высшего порядка. В русской литературе Нового времени ярким примером системы такого типа служит повествование Н. В. Гоголя.

Литература и критический дискурс эпохи постмодернизма, стремящиеся вырваться из-под диктата целостности, на структурном уровне демонстрируют следование все той же нарративной логике. Меняется наполнение смысловых позиций: постулируются алогизм и «ненадежность» как следст-

вие власти языка, но подчиненность текста выявлению самой смысловой позиции остается.

Как продемонстрировали гуманитарные исследования последних десятилетий, выход за пределы понятой сквозь призму повествовательной инстанции нарративной логики возможен при смене объекта. Интерес к тому, что есть нелитературного в литературе, позволяет преодолеть иерархическое положение повествовательной инстанции, сместить центр внимания с субъекта на объект или обстоятельства/ситуацию (в самом широком смысле) высказывания. Однако можно предположить, что существует выход из-под диктата повествовательной инстанции и внутри литературности как объекта изучения. Этому и посвящен предлагаемый доклад.

Жаравина Лариса Владимировна,
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

Апофатика в современном литературоведении: методологические размышления

Активное и (не будем лукавить — вынужденное) обращение к богословской терминологии, несмотря на большие достижения российского литературоведения, бросает вызов классическому научному знанию. Доминирующая со времен античности исследовательская стратегия — свести неизвестное к известному — оказывается подчас малоэффективной в ситуациях, принципиально непознаваемых традиционными средствами, на что в эмоционально-художественной форме неоднократно сетовали авторы, сталкиваясь с феноменом «неизъяснимого».

Сосредоточение внимания на тех фактах, которые пересматривают традицию, способствуя самообновлению гуманитарного знания, позволяет поднять феномен вербальной неразрешимости, к которому апеллирует (как логически негативная форма) апофатика, на более высокий, а главное — позитивный гносеологический уровень. В прошлом столетии универсальной «палочкой-выручалочкой» являлась ссылка на абсолютизированную Гегелем противоречивость явления. Но вряд ли стоит злоупотреблять фиксацией *pro et contra* сегодня, когда, во-первых, формы гуманитарного знания и опыта дифференцированы, а во-вторых, все чаще заявляет о себе антирационалистическая методология.

Данный тезис непосредственно касается творчества Лермонтова, апофатического по природе. Его поэтический мир, несмотря на визуальную конкретику мотивно-образной системы, лишь отчасти может быть сведен к знакомому и изъяснимому. При этом литературоведческий анализ целесообразно основывать на принципе мотивно-образной и семантической эквивалентности, что требует обращения не только к «далековатым идеям», но и привлечение часто несовместимых идеологических и художественных параметров.

В русле апофатической методологии лежит ключ и к трактовке образа Печорина, суть характера которого выше декларируемой автором внешней и внутренней противоречивости. Ни парадигма негативно нравственных

параметров (бессердечие, нравственная глухота, духовный «вампиризм» и т. п.), ни апелляция к подсознанию в духе неотрейдизма, ни ссылки на феномен измененного состояния сознания (ИСС) в «пороговых» ситуациях мало эффективны в силу их рационализма и позитивизма.

Что касается Гоголя и, отчасти, Гончарова, то здесь объем смысловой эквивалентности значительно расширяется, поскольку предполагает апелляцию к кросс-коммуникативным культурным аналогиям. В частности, некоторые специфические аспекты художественной антропологии авторов могут быть прямо или косвенно соотнесены с древневосточными учениями о человеке: конфуцианским образом благородного мужа (цзюнь-цзы), архетипом *человек-вода* и апологией жизненной середины. Следование естественным параметрам бытия, не нарушающее его алгоритма, есть одно из важнейших проявлений дао, как, впрочем, и позиции Ильи Ильича Обломова. Но эта теория недеяния не имеет ничего общего с духовным бездействием и может трактоваться по-пушкински: как форма «самостоянья человека», связанного с осознанием невозможности мешать «вещам» идти «своим путем». Так, впрочем, было и у Пушкина: наряду с признанием прав личности на свободное волеизъявление для его героев не менее важным являлось чувство этической границы. И это тоже вполне закономерная параллель, если подходить к феномену пушкинского гения, его протеизму интерпретации Достоевского.

В итоге, благодаря отдельным схождениям, устанавливается связь с метафизикой всеединства как одним из наиболее весомых течений русской мысли. Самое же описание национального классического наследия в параметрах постнеклассической науки актуализирует его смыслопорождающий потенциал и расширяет возможности гуманитарной компаративистики.

Калинин Илья Александрович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Война языков: Шкловский vs. Якобсон

Расподобление законов поэтического и прозаического языка на основании принципиально разных типов символической экономики — одно из центральных мест раннего формализма. И в этом его главное отличие от будущего структурализма, записавшего формализм в свои предшественники. Для структурализма есть язык и его универсальные механизмы, работа которых в зависимости от ситуации может подчеркивать тот или иной элемент коммуникации, реализуя ту или иную языковую функцию [1]. В то же время формализм исходил из столкновения не просто разных функций языка, но из столкновения различным образом организованных языков. На чем и шестьдесят лет спустя продолжал настаивать Шкловский, уже знавший о структуралистском продолжении формалистских начинаний: «Структуралисты стараются понять литературу из законов слова, но мы-то начали с того, что слово различно; поэтическое слово — оно другое, чем слово прозаическое» [Шкловский, 1983]. Независимо от того, за кем останется последнее слово в разговоре о соотношении естественного языка

и языка литературы, установка на конфликт двух языков, — который, с точки зрения Шкловского, разворачивается не только в пространстве между ними, но и внутри каждого из них, — позволило раннему формализму выделить литературу в качестве специфического объекта (не совпадающего ни с общественной мыслью, ни с психологией писателя) и наметить такую модель истории литературы, которая основывалась на механизмах столкновения и борьбы, а не преемственности и наследования.

В докладе предполагается рассмотреть одну из главных (и при этом незамеченных) теоретических контрверз между русским формализмом и последующим структурализмом. Работы Шкловского и Jakobson будут использованы как основной материал для экспликации данной теоретической дистанции.

Литература:

Шкловский В. Слова освобождают душу от тесноты. Рассказ об ОПОЯЗе (1982). // Шкловский В. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 90.

Примечание:

- [1] Так, например, одновременно наиболее фундаментальная и развернутая модель языковых функций, предложенная Р. О. Якобсоном в его уже структуралистский период, включала в себя шесть языковых функций. См.: *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Ласточкина Анна Сергеевна,

к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ненадежная наррация в современной нарратологии

Ненадежная наррация — одно из традиционных понятий, входящих в инструментарий современной нарратологии. На сегодняшний день существуют различные критерии для ее классификации и описания. Недочетами современных описаний ненадежной наррации можно назвать недостаточную разработанность темы ее функций, а также явную разнородность явлений, объединяемых данным понятием. В докладе рассматривается гипотеза, согласно которой ненадежность наррации — дистанция между имплицитным автором и нарратором, так или иначе ощущаемая читателем благодаря присутствующим в тексте индициальным знакам. Следует обратить внимание, что воспринимаемая читателем ненадежность нарратора определяется не объективным качеством его повествования, а интенсивностью, с которой в тексте проявляются скрытые от нарратора смыслы. Ненадежность наррации — способ общения имплицитного автора и имплицитного читателя «за спиной» нарратора.

Отдельного внимания заслуживает введенная Дж. Феланом классификация ненадежной наррации с точки зрения ее функций: связывающая (*bonding*) и разделяющая (*estranging*). В данном докладе предпринимается попытка описания этих видов ненадежности с учетом значительного, на наш взгляд, фактора: в ситуации интрадиггетической наррации необходимо разделять отношение имплицитного читателя к нарратору как к носителю

речи и как к персонажу. В данном контексте плодотворной может оказаться использование разработанного Б. Успенским понятийного аппарата для описания видов точки зрения.

Ляпушкина Екатерина Ильинична,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«...о том следует молчать»

(«Ultima Thule» В. Набокова и философия молчания)

В докладе рассматривается вопрос о возможности прочесть рассказ Набокова «Ultima Thule» в свете концепций молчания Хайдеггера и раннего Витгенштейна. Совершенно очевидно, что в рассказе постоянно затрагиваются всевозможные герменевтические темы, он буквально пронизан мотивами, близкими и Хайдеггеру, и Витгенштейну. Финал «Ultima Thule» оказывается созвучен, с одной стороны, хайдеггеровскому пониманию молчания как важнейшего онтологического опыта, а с другой стороны, основной идее «Логико-философского трактата», выраженной в его конечном афоризме: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Очевидно, что свести дело к вопросу о генезисе, прямом влиянии или цитации в данном случае невозможно: названные авторы подходили к проблеме слова и молчания с совершенно разных позиций, не учитывая опыта друг друга. Однако само наличие тематических перекличек между ними дает основание для постановки вопроса. Выявляемые в ходе анализа смыслы рассматриваются как находящиеся в отношениях культурной событийности друг с другом, перекликающиеся, но не заимствующие друг у друга аргументацию и не цитирующие друг друга.

Анализ логической структуры языка, предпринятый Витгенштейном в «Логико-философском трактате», имеет своей целью обозначение границы возможностей языка — границы, по достижении которой человеку предписывается долг молчания. Витгенштейн обосновывает идею тождества языка структуре мира, в основании которой лежит только логическая необходимость. Предел языка кладет предел познанию и одновременно открывает территорию этики, или, что для Витгенштейна то же самое, территорию молчания. Таким образом, у Витгенштейна анализ структуры языка, обозначение границы его возможностей и — тем самым — невозможности становится необходимым этапом для достижения такого взгляда на мир, который открывал бы его смысл, или, по слову Витгенштейна, его мистическое — то, что вне языка, но что может быть достигнуто только через выявление границы языка.

Подход к проблеме молчания у Хайдеггера противоположен подходу Витгенштейна. Рассматривая язык герменевтически (т. е., следовательно для Хайдеггера, онтологически) немецкий философ относится к молчанию как к иной форме — наряду с речью — бытия языка. Соотношение молчания и языка для Хайдеггера аналогично центральному для его герменевтического построения в целом соотношению бытия и сущего. Когда речь идет об онтологической истине, бытие и сущее предстают в нерасторжимом единстве: условием явления сущего становится открытость, которая, по Хайдеггеру,

и есть бытие и которая, в свою очередь, может заявить о себе лишь через явление сущего. Бытие коренится в языке; язык, по слову Хайдеггера, «есть дом бытия» и в этом своем качестве выполняет по отношению к бытию двойную работу: он открывает и сокрывает бытие одновременно. Диалектике открывания и сокрывания и подчиняется в своей деятельности язык: прорекая, он одновременно умалчивает, причем предмет речи и молчания один — говоря, язык тем самым молчит о том же самом, о чем он говорит.

Анализ рассказа Набокова направлен на выявление причин, по которым тайное знание Фальтера не может открыться главному герою — Синеусову. Раскрывается природа этого знания и его противоположность этическому опыту героя. В последнем прореченном решении героя проявляется обнаруживается потребность завершить свои отношения со словом и отдаться молчанию, о котором, собственно, и говорили и Витгенштейн и Хайдеггер. За последним словом героя следует знак, этим последним словом поименованный (многоточие), и этим знаком читатель удерживается в поле героя — на границе его последнего слова и далее его же молчания. Художественное слово Набокова в «Ultima Thule» сохраняет молчание и тем самым — поэтически — отвечает (т. е. соответствует) философским темам Хайдеггера и Витгенштейна.

Минеева Инна Николаевна,

к. ф. н., доцент, Петрозаводский государственный университет

Культурный трансфер: от истории идеи к методологии

На рубеже XX–XXI вв. мировая гуманитарная наука стремится расширить национальные рамки истории культуры, границы национального контекста, поле исследований, выйти на новые теоретические рубежи, обратиться к более сложным конфигурациям и сопоставительным методологиям. Стремление переступить границы обусловило введение в научный оборот нового понятия — культурный трансфер.

Понятие культурный трансфер (фр. — *transfert culturel*; англ. — *cultural transfer*; нем. — *Kulturtransfer*; рус. — культурное перемещение) впервые ввели в *EuropeanStudies* французский специалист по истории гуманитарных наук, руководитель Лаборатории «Культурный трансфер» (*Transferts culturels*) Национального центра научных исследований Франции М. Эспань (М. Espagne) и руководитель Национального центра научных исследований Франции и Высшей школы социальных наук М. Вернер (М. Werner) в середине 1980-х гг.

Согласно разысканиям исследователей, понятие культурный трансфер уже использовалось в гуманитарной сфере, но исключительно в процессе открытия и изучения колониальных культур в политическом аспекте. Между тем культурный трансфер является неопровержимым фактом объективной истории самой Европы и лежит в основе ее национальной мифологии. В контексте изучения культурных взаимосвязей и обменов, происходивших главным образом на территории Франции и Германии в XVIII–XIX вв. зарождалась и выкристаллизовывалась его методология.

Под культурным трансфером М. Эспань и М. Вернер подразумевают особое методологическое направление в *French & German Studies*, целью которого яв-

ляется установление специфики «взаимосвязей и взаимопроникновений национальных культурных пространств» и «механизмов, при помощи которых сходные формы культуры способны воспринимать внешнее воздействие».

Как наглядно показывают многие разработки М. Эспаня и сторонников его концепции, применение методологии культурного трансфера открывает новые возможности для реконструкции транснациональной «горизонтальной генеалогии» культурных феноменов, явлений, фактов, общеевропейское содержание которых возникло в результате многочисленных трансплантаций.

Хронологию и географию изучения культурного трансфера значительно расширил в 1990-е гг. известный немецкий историк Вольфганг Шмаль (W. Schmale).

В новом тысячелетии термин культурный трансфер приобрел статус устоявшегося и стал частью научной системы. Диапазон применения его методологии впечатляет — филология, история, философия, антропология, искусствоведение, педагогика, психология, межкультурная коммуникация, политология, экономика, социология, медиа, архитектура, урбанистика, кинематограф. Так, основные принципы данного подхода апробируются в ходе изучения Новой и Новейшей истории Восточной Европы, конструировании европейской идентичности, истории Центральной Азии в постсоветском среднеазиатском пространстве и соседствующих с ним территорий Сибири, Синьцзяна, Афганистана, Ирана и Азербайджана. Методика культурного трансфера получила свое развитие в работах по истории литературы — при выявлении особенностей русско-немецко-английско-итало-французских литературных взаимодействий XVIII–XX вв.; своеобразия национальных европейских литератур; по эмигрантологии — при анализе «множественной идентичности» писателя-эмигранта, значения родного русского и приобретенного языка в творческом процессе, исторической реконструкции языков, «миграции» материальной культуры из страны в страну, ее распространения по всему миру и т. д.

В последние годы понятие *культурный трансфер* все чаще стал употребляться в широком смысле как глобальное перемещение слов, концептов, образов, людей, животных, товаров, денег, оружия, медикаментов, предметов. Подобная полисемантичность вызывает закономерные полемики и дискуссии. В научном сообществе назрела острая необходимость в критическом осмыслении и концептуализации данного феномена в новых социокультурных условиях и обобщении накопленного опыта его междисциплинарного исследования с целью дальнейшего применения и развития.

Мовнина Наталья Савельевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Концепция тургеневского романа Л. В. Пумпянского
и теории романа 1910–1930-х гг.

Статьи Л. В. Пумпянского о романах Тургенева были написаны в мае-сентябре 1929 г., после его перехода на позиции марксизма, однако проблемы исторической поэтики по-прежнему оставались в центре внимания ученого. Прояснить идеи Пумпянского, касающиеся типологии тургенев-

ского романа, позволяет, с одной стороны, их соотнесение с другими его работами, в которых затрагиваются вопросы специфики русского романа и разрабатывается оригинальная концепция истории русской литературы, а, с другой — их сопоставление с современным им теоретизированием о романе, в первую очередь, с имевшей на них непосредственное влияние «Теорией романа» Г. Лукача (1916) и работами М. М. Бахтина, посвященными концептуализации романного жанра.

Оверина Ксения Сергеевна,
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

А. П. Чехов и «малая пресса»:
повествование, коммуникация, читатель

Вопрос об особенностях повествования в ранних текстах А. П. Чехова охватывает достаточно широкий спектр теоретических и историко-литературных проблем. Сложность ситуации заключается в необычном положении писателя, чьи произведения сыграли серьезную роль в развитии как классической, так и массовой русской литературы.

Важно и другое: статус и облик массовой литературы рубежа веков представляются не слишком ясными. Только в последние десятилетия XIX в. в России формируется то, что можно назвать популярной литературой, — и связано это, безусловно, с ростом числа читателей.

Ситуация, сложившаяся вокруг массовой литературы рубежа веков, обусловила максимальное сближение конкретного автора и конкретного читателя, что повлияло на характер соотношения других повествовательных инстанций. Реципиент оказался не просто «получателем информации», в воображении которого складывается образ автора и его художественного метода на основе прочитанной литературы. То, что публика желала получить от текста, являлось не столько «горизонтом ожидания», сколько своеобразным «заказом». Граница между творцом и аудиторией была проницаемой: читатель мог формировать для себя личный «канон», выбирая подходящее издание, любимые жанры, сюжетные линии и авторов. Кроме того, в русской массовой литературе этого периода зачастую не было четкого различия между фикциональным текстом и документалистикой.

Будучи сотрудником «малой прессы», Чехов не мог не учитывать правила построения популярных текстов и вкусы аудитории. Ощущение общезвестного, необходимое для привлечения читателя, возникало у Чехова и в рамках художественного мира, и на уровне повествования. Сюжет строился на основе знакомых читателю исторического и культурного контекстов, а повествователь, чье присутствие в тексте ощущалось читателем в качестве «авторского», воспринимался как фигура близкая. Такая структура допускала свободное перемещение между двумя этими уровнями, что, безусловно, сказывалось и на стиле, рождая всевозможные типы пересечения слова героя и слова повествователя.

Однако, несмотря ни на что, ранняя проза Чехова при всем своем разнообразии обладает очевидным единством. Так, «мелочишка» и по-

вествовательный текст могут иметь больше общего, чем это может показаться на первый взгляд. Несмотря на то, что «мелочишка» лишена фабулы в классическом ее понимании, в ней ярко себя проявляет характерный для ранней прозы Чехова субъективный повествователь. А в повествовательных текстах может быть ослаблена фабульная составляющая и эпизоды могут соединяться почти без перехода, простым соположением, либо переход от одного эпизода к другому может быть мотивирован лишь формально.

Тем не менее независимо от того, какие жанр и форма выбирались автором, его внимание всегда было сосредоточено на фигуре адресата. В связи с этим сюжет появляется даже у произведений, в которых не рассказывается никакой истории (в так называемых «мелочишках»: списках, каламбурах, подписях к рисункам). Можно сформулировать его как сюжет прочтения, понимания, развернутого диалога текста и читателя. Организует такой сюжет событие, перенесенное из изображаемого мира на границу фикционального и реального.

Подобная коммуникативность оказывается актуальной именно для популярной литературы благодаря сочетанию в ней таких особенностей, как злободневность и консервативность. Свежесть задействованного в тексте материала, как ни странно, не приводит к бесконечному разрастанию интерпретаций — они регулируются устойчивыми формальными элементами и тяготением массовых текстов к «фотографичности», «статике».

Тимофеев Валерий Германович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Генеративная Нарратология:

опыт гипотетической реконструкции процесса

порождения нарратива «Ultima Thule» В. Набокова

Генеративная нарратология основывается на ряде теоретических положений, изложенных автором в публикациях последних 25 лет. Основными категориями ГН являются «рефлексия», «интроспекция» и «конвенция».

Рассказ В. Набокова «Ultima Thule» можно описать как серию матрешек, способных к инверсии, т. е. выворачиванию наизнанку, когда центральная часть оказывается охватывающей все остальные. При этом сама структура не застывает и продолжает превращения, как на картинах Эшера.

«Ultima Thule» — запись воображаемого разговора с усопшей. Будучи записанным, этот коммуникативный акт превращается в литературное произведение эпистолярного жанра. В самом кратком виде такая структура сформулирована в рассказе «Сон во сне, когда снится, что проснулся». Неустойчивость, а главное — обратимость природы переживаемого и описываемого состояния и статуса участников мне представляется одной из важнейших характеристик этого произведения. Моя память о тебе превращается в твою память о мире и мне, чем объясняется существование и меня и мира. Мир иной (в христианской традиции) постепенно, за несколько инверсивных циклов, превращается в составную часть Высшего эстетического мира. Этому вечному миру высочайших художественных достижений

принадлежат как многочисленные тексты и авторы, прямо или косвенно упоминаемые в тексте, так и сам рассказ, вместе с его автором. Ироничная полемика с аллегорией Платона о идеях и их тенях, доступных лишь философам (Фальтер), в то время как поэты исключены из идеального государства потому, что им доступны лишь фантазии, выворачивается несколько раз наизнанку. Синеусов оказывается в центре то как автор фантазий, то как творец мира (художественного), то как один из элементов мира, сотворенного кем-то другим. Также и жена-муза несколько раз меняет свою роль в этих мирах. Воображаемый адресат, казалось бы, тщетных взываний «Ты помнишь?» начинает играть роль проявляющего Чеширского кота, соединяется с пушкинским котом ученым, который, как известно, сказку говорит, совершает путь от «условного» слушателя истории до ее нарратора (сказку говорит). То же происходит и с самим Синеусовым, который начинает как иллюстратор неизвестной ему скандинавской истории, сначала превращается в ее героя — третьего короля Синеуса, а затем в Solus Rex в ее автора. Неустойчивость и инверсивность статуса/отношений оказываются определяющей характеристикой. При этом аллюзивный ряд (пушкинское «Брожу ли я»), неизменный по определению, используется как катализатор возникающих и исчезающих смыслов.

Особую роль играет мотив русалки. Инверсивность этого мотива обеспечивается несовпадением природы русалок из славянской мифологии и их германских кузин. У последних — это морские твари, в то время как у славян — умершие до времени девы («не погасив долга»), преследующие мужчин в расчете реализовать утраченное предназначение. Особенно забавна здесь связь славянских русалок с греческими сиренами, полу-девами-полу-птицами (Люсетт из «Ады»), которая обыгрывается Набоковым в собственном русском псевдониме. Главное внимание при анализе рассказа сосредотачивается на зонах информационной многозначности, возникших как результат всплеска гипертрофированной рефлексии, которая ярче всего проявляется в эпизодах, маркированных авторскими неологизмами (*кстатическая мысль, ради крашенного слова, душекружение, ... трупсики*). ГН позволяет проследить объекты внимания рефлексии и «реконструировать» картину наррации в процессе ее порождения.

Филонов Евгений Анатольевич,

к. ф. н., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

История литературы и нарратология: возможности преодоления методологического конфликта

Современная нарратология унаследовала главное свойство формализма и структурализма — их принципиальную неисторичность. Предлагая универсальный категориальный аппарат для анализа различных нарративных феноменов в системе культуры, теория повествования, по сути, оказывается не в состоянии описать художественный нарратив как специфический феномен. В рамках исторической поэтики художественная литература понимается как динамичная система, а история литературы — как диалектический

процесс, для описания которого структурно-типологический подход является недостаточным [Медведев, 1993; Михайлов, 2008]. Т. о., использование широких аналитических возможностей нарратологии в литературоведческом (т. е. историко-литературном) исследовании представляется проблемой.

«Диахронизация» повествовательной теории (широко обсуждаемая нарратологами в последнее десятилетие) понимается большинством исследователей как задача очередной модификации некоей универсальной классифицирующей системы [de Jong; Fludernik, 2003]. Подобные разработки едва ли могут стать решением выше обозначенной проблемы, требующей не усовершенствования типологии, а совмещения структурно-типологического и герменевтического подходов. Между тем в ходе теоретического развития нарратологии, кажется, уже был намечен путь, предоставляющий возможность такого совмещения, — он связан с исследовательским потенциалом категории события.

В настоящее время событийность осознана теоретиками как герменевтическая категория: будучи значимым нарушением нормы, событие в конкретном нарративе зависит от субъекта и контекста его интерпретации [Шмид, 2010]. Рассматривая художественное повествование как феномен литературы, под общим контекстом событийности следовало бы понимать литературную эпоху (как часть целого литературного процесса) представление о литературной эпохе как динамичном и диалектичном феномене сформулировано в рамках исторической поэтики П. М. Медведевым (М. М. Бахтиным) и А. В. Михайловым — см.: [Медведев, 1993; Михайлов, 2008]. При этом очевидно, текст является не только фактом литературной эпохи, но и актом коммуникации. Соответственно субъект событийности (в самом широком смысле) может быть соотнесен с фигурой имплицитного читателя — именно в перспективе читателя то или иное нарушение нормы получает релевантность в смысловой организации текста.

В аспекте исторической поэтики концептуализировать контекстную и субъектную обусловленность события в художественном нарративе можно посредством понятия литературной конвенции. Конвенция — это некое характерное для определенной эпохи представление о природе и основаниях литературного творчества, разделяемое одинаково писателями и читателями и предшествующее эстетической коммуникации. Подобный подход требует рассматривать повествовательную структуру текста, принадлежащего той или иной литературной системе, как реализацию конвенционально заданной (а не универсальной) модели, — что позволяет преодолеть «ахронность» [de Jong] структуральной нарратологии.

Литература:

1. *Медведев П. Н.* Бахтин под маской. Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993.
2. *Михайлов А. В.* Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
3. *Шмид В.* Событийность, субъект и контекст // Событие и событийность. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2010. С. 13–23.
4. *de Jong I. J. F.* Diachronic Narratology. (The Example of Ancient Greek Narrative) // The livinghandbook of narratology / Ed. by P. Hühn et al. Hamburg: Hamburg Uni-

versity. [Электронный ресурс]. URL = <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/diachronic-narratology-example-ancient-greek-narrative> (дата обращения: 25.01.2015).

5. *Fludernik M.* The Diachronization of Narratology // Narrative. Oct., 2003. Vol. 11, № 3. P. 331–348.

ТЕСТОЛОГИЯ

Айтон Эндрю Джон,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Плюсы и минусы электронных флэшкарточек

в качестве неформального тестирования по какому-либо языку

Traditionally in formal testing during many language courses, students are required to take a vocabulary or grammar exam. Such exams, be they progress or proficiency ones, are usually conducted in paper format at the end of the given study period, or at set stages during the course. Although such a procedure was and is widely accepted for the purposes of the course, the advent of electronic flashcards has presented language course stake-holders (students, teachers, or administrators) with various opportunities concerning in formal vocab or grammar testing, and even course content. Such informal testing can be used to supplement and, in some cases, even replace formal testing.

The first opportunity is the chance for participants to test themselves on a daily basis with immediate feedback. This is, effectively, learning via testing, but with more readily available information as to performance and difficulty, with more and more extension features coming online.

The second advantage of this informal testing is the ability of students to choose the temp at which they tests themselves on different items. If they choose to do so, they can learn items via self-testing before even covering them formally in the course.

The last feature is the chance to increase the range of testing content within the duration of the course, based on the progress that students are making.

Although scorer reliability may certainly be of concern, particularly for higher-stakes situations, this can be mitigated by the use of more traditional formal testing, where flashcards would serve more as a learning and general feedback tool.

Беликова Любовь Григорьевна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Ерофеева Инна Николаевна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Стандартизация и адаптация субтестов,

входящих в состав «Интеграционного экзамена для лиц,

желающих получить вид на жительство, разрешение

на временное проживание, патент или работу в России»

Согласно новому миграционному законодательству, с 1 января 2015 г. люди, желающие получить вид на жительство, разрешение на временное проживание, патент или работу в России, должны сдать комплексный экза-

мен, который представляет собой тестирование по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ. Тест по русскому языку для трудящихся мигрантов был разработан на основе теста по РКИ базового уровня и по структуре был аналогичен ему: в него включены 5 субтестов. Однако количество заданий в каждом субтесте было значительно сокращено в связи с тем, что тест для мигрантов проходит всего 60 минут.

Особую трудность для тестологов-русистов представляют два новых теста в составе комплексного экзамена: по основам законодательства РФ и по истории России. Очень важным этапом работы является процесс выявления в задании самого предмета проверки и правильного формулирования задания соответственно выявленной тематической доминанте в исторической (законодательной) ситуации: кто — где — когда — что делал — почему.

Трудным для нового контингента тестируемых является само языковое оформление содержания заданий. Так, например, многие задания содержат сложные лексико-грамматические конструкции: «при прекращении/наличии/отсутствии (чего) производится (что)», «в случае (чего) надлежит (что)» и др. Подобные конструкции, согласно «Тестам по русскому языку как иностранному. Общее владение» могут быть включены в задания только II уровня. Поэтому были выделены все конструкции, использованные специалистами по основам законодательства и по истории, и преобразованы в синонимичные им придаточные предложения цели, причины, времени и т. д.

Следующим этапом работы стала лексическая примитивизация заданий при помощи описательного способа, замены на синонимичную единицу и др., например, предложение: «При выдворении из страны иностранец имеет право...» может быть заменено на синонимичное «Если иностранного гражданина по закону заставляют уехать из страны, то он...».

Итак, необходимо сделать данные тесты стандартизованными с точки зрения лексико-грамматического оформления, произвести адаптацию.

Бесядовская Надежда Александровна,
учитель, педагог дополнительного образования,
Академическая гимназия № 56 (Санкт-Петербург)

Оценка продуктивных аспектов речи на региональном и заключительном этапах Всероссийской олимпиады школьников

Оценка продуктивных аспектов речи всегда была одной из ведущих проблем тестирования. На Всероссийской олимпиаде школьников по английскому языку два конкурса из пяти являются продуктивными: Письмо и Говорение. Анализ изменения критериев оценки продуктивных аспектов убедительно демонстрирует стремление к их формализации. С одной стороны, это способствует объективности выставленных баллов, с другой, ограничивает возможность учитывать индивидуальные особенности работы школьников.

Задания по аспекту «Письмо» делятся на две основные категории: написание короткого рассказа и написание письменной работы «формального жанра». Под «формальным жанром» мы понимаем эссе, доклад, официальное письмо и т. д. Критерии и подходы как к написанию, так и к оценке этих категорий значительно различаются.

За последние семь лет изменялись не только критерии оценки, но и виды заданий аспекта «Говорение». Ориентация на международные языковые экзамены, такие как IELTS, FCE, сменилась на применение языка в сфере профессиональной коммуникации. Привычные задания типа монолог на заданную тему с использованием опорных пунктов, короткий диалог на основе сказанного, сначала сменился на анализ графиков и диаграмм (по типу аспекта «Письмо» на экзамене IELTS), а затем на такие виды устных высказываний как экскурсия, репортаж новостей, комментарий текущих событий. Как в связи с этим изменились критерии оценки, мы анализируем в нашем докладе.

Изменение формата, критериев и непредсказуемость типов заданий по продуктивным аспектам является самой трудной проблемой для преподавателя, который готовит участников к региональному и заключительному этапам Всероссийской олимпиады школьников. Представляя и обобщая опыт, полученный вследствие практической работы, мы понимаем ограниченность практико-ориентированного подхода. Однако на данном этапе подведение теоретической базы, позволяющей с уверенностью прогнозировать изменение критериев и типов заданий, кажется нам невозможной. Более того, это противоречит философии олимпиады как состязания для одаренных, т. к. умение справляться с неожиданными и непредсказуемыми типами заданий является неотъемлемой частью этого испытания.

Биркин Алексей Александрович,

к. м. н., доцент, старший научный сотрудник, Московский институт открытого образования

Гущин Юрий Геннадьевич,

к. ф. н., ведущий научный сотрудник, Московский институт открытого образования

Итоги обследования учебных текстов начальной школы по программам диагностики нагрузок кода речи

Доказано, что психофизиологические параметры учебных текстов закономерно влияют на понимание и запоминание младшими школьниками их содержания. Эти параметры характеризуют нагрузки нервной системы, которые она испытывает на начальном этапе восприятия речевого сигнала, и вычисляются с помощью цифровых технологий — программ диагностики нагрузок кода речи, моделирующих процессы нервной системы в процессе восприятия текста виртуальной среде.

Нагрузки 1-го (буквообразования) и 2-го (словообразования) этапов декодирования, выраженные в интегральном показателе — физиологическом

индексе восприятия текста (ФИ), обуславливают достоверное снижение качества работы школьника с учебным текстом по принятым оценочным критериям и значительно увеличивают количество времени, необходимого для понимания и запоминания содержания текста. Впервые был разработан подход, позволяющий в числовых сравниваемых величинах измерить логико-смысловую составляющую текста или иначе нагрузки третьего этапа декодирования. Это производится методом учета частоты встречаемости устойчивых синтагм в предложении (высказывании) и выражается в числовой сравниваемой величине — коэффициенте частоты встречаемости устойчивых синтагм (КФУС). Данная величина, вычисляемая с помощью цифровых программных моделей, существенно влияет на качество понимания и запоминания содержания учебного текста.

Для мониторинга текстов школьных учебников была использована случайная выборка, состоящая из 8 учебников «Окружающий Мир» А. А. Плешакова и М. Ю. Новицкой (в надзаголовке ФГОС, Российская академия наук, Российская академия образования, издательство «Просвещение», 2011 г.). В итоге, была обработана выборка, состоящая из 258 статей (текстов) учебников, 11 406 предложений (высказываний), 111 082 слов, 743 274 букв. В качестве инструмента для исследования использована программа диагностики нагрузок кода речи версии 11.2 — 2014 г.

В результате мониторинга статей школьных учебников было установлено, что по средним критериям превышение предельных показателей физиологического индекса для первого класса обнаруживают 35,9 % текстов, для второго — 91,5 % текстов, для третьего — 73,1 % текстов, для четвертого класса — 68,3 % текстов.

Превышение предельных показателей коэффициента встречаемости устойчивых синтагм для первого класса по средним критериям обнаруживают 74,4 % текстов, для второго класса — 42,4 % текстов, для третьего класса — 20,3 % текстов, для четвертого класса — 17,7 % текстов.

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать следующие выводы.

1. Оценка и отбор текстов с помощью предложенной программы и с учетом возрастных нормативов позволит значительно улучшить понимание и запоминание текстовой информации школьниками, что открывает значительные перспективы для развития педагогической психологии в строго научном и практико-ориентированном направлениях.
2. Тренировка школьника на умеренно нагрузочных текстах предполагает ускоренное развитие отдела декодирования его нервной системы, что приведет к увеличению потенциала ресурсов сознания (основой является механизм вербального градиента сознания), т. е. понимания и запоминания учебных и художественных текстов. Это также указывает на важные и новые пути движения педагогической психологии в естественнонаучном ракурсе.
3. Исключение из практики и методологии педагогической психологии высоко нагрузочных текстов следует рассматривать в качестве здоровьесберегающего метода в образовании.

4. Сегодня назрела насущная и острая необходимость проведения масштабных плановых исследований силами государственных специализированных научных учреждений для развития предложенного методологического подхода.

Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках выполнения проекта № 13-16-77025, 2013–2014 гг.

Васильева Анна Сергеевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Сертификат профессиональной компетенции
преподавателя итальянского языка как иностранного (Ditals)

Как известно, в педагогической деятельности нельзя решить ни одной практической задачи обучения без опоры на теоретические знания. Такой опорой для любого преподавателя является дидактика, задачи которой состоят в том, чтобы с научной точки зрения описать процесс обучения и условия его организации, а также разработать новые обучающие системы. В этой связи одним из важных критериев профессионализма преподавателя, в частности по иностранному языку, является его умение совмещать в преподавании теоретические и практические навыки. Подобное требование явилось толчком к разработке специальных сертификатов, определяющих уровень теоретической и практической подготовки преподавателя по иностранному языку.

Для итальянского языка было разработано несколько экзаменов по методической компетенции преподавателя: CEDILS (ун-т Венеции), DILS (ун-т Перуджи), DITALS (ун-т Сиены). На сегодняшний день самым авторитетным из них признан DITALS (*Didattica dell'italiano come lingua straniera*).

DITALS был разработан Университетом для иностранцев г. Сиена в 1994 г. и адресован преимущественно итальянским преподавателям с многолетним опытом преподавания итальянского языка за рубежом, не имеющим при этом специализированного диплома именно в данной сфере деятельности. Тем самым, сертификат DITALS предоставил таким преподавателям не только возможность официально подтвердить свою компетенцию, но и повысить квалификацию в области методики преподавания, прослушав курс подготовки к сдаче экзамена DITALS. Десять лет спустя, в 2004 г., структура DITALS была полностью пересмотрена, и уже в 2006 г. сертификат подразделяется на два уровня в зависимости от изначальной подготовки преподавателя.

Ditals первого уровня (или pre-ditals) подтверждает, что его обладатель имеет базовые знания дидактики в области преподавания итальянского как иностранного. При этом первый уровень разделен на семь условных профилей, каждый из которых отражает интересы и потребности кандидата в следующих профессиональных сферах: обучение детей, подростков, взрослых, иммигрантов, студентов, людей итальянского происхождения, людей, принадлежащих одной языковой группе (кандидат может выбрать то, что нужно ему). Основным требованием к кандидату является хорошее

знание итальянского (не ниже уровня C1), законченное среднее образование, а также минимум 60 часов преподавательского опыта.

Ditals второго уровня (Ditals II) предназначен для выпускников гуманитарных вузов (для иностранцев обязательно в области итальянистики), прекрасно владеющих итальянским (не ниже C2) и имеющих опыт преподавания итальянского языка как иностранного не менее 150 часов. Сертификат подтверждает неограниченную компетенцию в преподавании итальянского по различным профилям обучения. Сертификат DITALS, подтверждающий теоретическую и практическую подготовку преподавателя, является точным и объективным показателем в оценке квалификации преподавателей итальянского языка как иностранного.

Литература:

Quaderni Ditals a cura di Stefania Semplici. Sessione 23 febbraio 2009. Livello I. Guerra Edizioni. Perugia, 2011 Quaderni Ditals a cura di Stefania Semplici. Sessione 19 luglio 2010. Sessione 13 dicembre 2010. 2009. Livello II. GuerraEdizioni. Perugia, 2011.

Всемирнов Михаил Иванович,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

**Особенности подготовки к субтесту «Говорение» ТРКИ:
принципы подбора лексико-грамматического материала
в соответствии с применяемыми стратегиями
речевого взаимодействия**

Говоря о способах развития у учащихся коммуникативных навыков, многие специалисты в области разработки и применения современных методик преподавания иностранных языков указывают на необходимость особой организации дидактического материала. Речь, в частности, идет о такой методике, которая содержит гибкую реализацию базовых коммуникативных сценариев. Если мы, например, используем ролевые игры, необходимо учитывать множественность вариантов ответов на некоторую усвоенную реплику.

Каждая из применяемых стратегий речевого взаимодействия (кооперации / сотрудничества, персуазивности / доминирования, резистенции / противодействия словесному воздействию) требуют использования своего, характерного только для этой стратегии лексико-грамматического материала. Знакомство с наиболее эффективными приемами ведения дискуссии призвано позволить ее участникам при необходимости суметь своевременно пресечь эскалацию эмоционального возбуждения.

При возникновении конфликтной ситуации умелое использование соответствующих приемов позволяет вернуть дискуссию в деловое русло. При обучении стратегии сотрудничества (кооперации) основное внимание следует уделить главным компонентам диалога — вопросам и ответам — и научить различать вопросы открытого и закрытого типа. При реализации оппонентом персуазивной стратегии (стратегии доминирования) с использованием негативных высказываний в адрес обучаемого, последний должен запретить себе задавать встречные вопросы. В противном случае он рискует «вызвать огонь на себя» искушенного в инструментарии риторики оппонента.

При обучении учащихся стратегии резистенции (противостояния или противодействия словесному воздействию), на наш взгляд, следует начинать со знакомства с конструктивными приемами ведения дискуссии. Представляется, что было бы полезно заучить шаблоны конструктивных ответов («образцы находчивости»). Отработка таких образцов позволит обучаемым незамедлительно и адекватно реагировать на конкретную речевую ситуацию и перевести ее в содержательное русло. Поэтому, в качестве одного из приемов ведения дискуссии учащимся было бы крайне полезно освоить игру слов, цель которой — сообразно ситуации и, ориентируясь на личность конкретного собеседника, придумать самим (или подобрать из репертуара готовых вариаций) такие остроумные высказывания, благодаря которым можно предотвратить конфронтацию и/или повернуть разговор в нужное русло. Вместе с этим, подчеркивая силу воздействия на собеседника уместного и удачного каламбура, необходимо довести до сведения учащихся то, что игра слов призвана не «выключать» собеседника, а воздействовать на предметный уровень спора (часто — не без удовольствия для одной из сторон).

При прохождении субтеста «Говорение» последнего уровня (ТРКИ-4) к вышеуказанным стратегиям речевого взаимодействия добавляется четвертая, которая используется участниками диалога при необходимости переубедить собеседника. Представляется важным подчеркнуть своеобразие этой четвертой речевой стратегии, поскольку при ее использовании в итоге учащийся получает вместо оппонента если не союзника в полном смысле этого слова, то, по крайней мере, заинтересованного и поддерживающего коммуникацию собеседника.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод о том, что каждая из применяемых стратегий речевого взаимодействия требует использования своего, специфического для этой стратегии, лексико-грамматического материала. Это обстоятельство необходимо учитывать, в частности, в адаптационном тестировании при подготовке учащихся еще на фазе предтеста к выполнению задания «Ролевая игра», т. к. подбор наиболее подходящего лексико-грамматического материала при наполнении сценарных схем — залог успешного речевого взаимодействия тестируемых во время прохождения собственно субтеста «Говорение».

Диброва Константин Юрьевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) с точки зрения языковой относительности

Языковая относительность представляет собой зависимость между результатами деятельности и языком субъекта этой деятельности. С этой точки зрения представляет интерес опыт сдачи теста на уровень владения языком лицом, для которого данный язык является родным. С лингвотестологической точки зрения особое значение имеет анализ характера отбора материала заданий, их релевантности и языковых средств, исполь-

зованных при формулировании заданий. Сопоставление теста по русскому языку как иностранному по этим параметрам с тестами на владение другими языками, например, английским (TOEFL, IELTS и пр.) позволяет дать ряд рекомендаций по усовершенствованию этого теста.

Ерофеева Инна Николаевна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Тест по русскому языку как иностранному: взгляд «изнутри»

Тестирование иностранных граждан проводится в СПбГУ уже более 15 лет. За многие годы собрана база для анализа как самого процесса тестирования, так и его результатов. На этой основе исследовались: зависимость результата от возрастных, статусных характеристик личности, особенности коммуникативной компетенции учащихся как представителей разных стран и др.

Мы хотели бы предложить новый метод оценки теста и процесса тестирования — «взгляд изнутри» — т. е. прохождение российским гражданином теста по русскому языку. Естественно, к кандидату на роль тестируемого должны предъявляться определенные требования. Прежде всего — соответствие уровню компетенции, на которую может претендовать сдающий. Второе требование — знания о системах тестирования, владение умениями тестора и репитера при проведении тестирования по иностранному языку. В то же время кандидат не должен быть ни тестором, ни составителем теста по русскому языку.

Таким образом, идеальной кандидатурой на роль сдающего тест по русскому языку является преподаватель-тестор по другому иностранному языку, например, английскому. Уровень, которому он будет соответствовать по степени сформированности коммуникативной компетенции — четвертый. Сертификат IV уровня свидетельствует о высоком уровне владения русским языком, близким к уровню носителя языка. Наличие данного сертификата необходимо для получения диплома специалиста и магистра филолога-русиста, кандидата филологических наук, а также кандидата педагогических наук (по специальности «Методика преподавания русского языка как иностранного»), что дает право на все виды преподавательской и научно-исследовательской деятельности в сфере русского языка. Кандидат-исследователь прошел тестирование по всем аспектам.

В результате тестирования были названы наиболее сложные с психологической точки зрения (для тестируемого) аспекты: аудирование, говорение. Аудирование требует крайней сосредоточенности, максимальной концентрации внимания. Замечания вызвали тексты по аудированию 2 и 3 из-за их большой продолжительности, нечеткой дикции интервьюируемых в текстах. Говорение является одним из самых интересных и показательных при измерении уровня коммуникативной компетенции аспектом речевой деятельности. Но, для сравнения, тест по говорению II уровня в системе ТРКИ проходит 45 минут, в системе тестирования Cambridge English — 14 минут.

Необходимо задуматься о сокращении времени, отводимого на проведение теста по говорению, и, следовательно, о пересмотре структуры теста

по русскому языку. Также стоит пересмотреть формат тестовых заданий первого блока — «условно-речевых», где в первую очередь проверяется лингвистическая компетенция кандидатов, а очень строгая заданность параметров ситуации вызывает трудности психологического характера при выполнении заданий. Тесты по чтению, письму, грамматике также вызвали ряд интересных вопросов, требующих обсуждения. Таким образом, прохождение тестирования по РКИ преподавателем другого иностранного языка делает вопрос о пересмотре содержания теста еще более актуальным.

Есина Екатерина Викторовна,
преподаватель, Сообщество франкофонов Санкт-Петербурга

Критерии оценивания работ на экзаменах по французскому языку DELF-DALF

Наряду с тестированием по английскому языку у изучающих иностранные языки всё большую популярность приобретают подготовка и сдача тестов для получения сертификатов международного образца по французскому языку. Для успешной сдачи экзаменов кандидатам необходимо владеть не только лингвистическими знаниями, но и ознакомиться также с критериями оценки работ, которые лишь отчасти совпадают с экзаменационными требованиями, предъявляемыми при сдаче международных экзаменов по другим европейским языкам.

Экзамены для кандидатов всех уровней делятся на коллективную часть — аудирование и индивидуальные части: понимание письменного текста, письменная работа, устная часть. Аудирование и понимание письменного текста предполагают задания, построенные по принципу множественного выбора.

У экзаменатора уже есть готовые ответы, которые он использует при оценивании этих работ. Обычно такие работы проверяются только одним преподавателем. Письменную часть — письмо, заявление, эссе проверяют уже два преподавателя, это является обязательным условием, которое позволяет наиболее тщательно и объективно оценить результаты письменных работ. Это также связано с тем, что оцениваются не только лингвистические знания, но и то, что иногда вызывает затруднение при оценивании: умение связно излагать мысли, приводить логические аргументы, подбирать релевантные языковые средства.

На устном испытании также присутствуют два экзаменатора. При этом обычно один из преподавателей является собеседником кандидата, другой записывает ошибки (при их наличии). Оценка кандидату ставится, исходя не только из знаний французского языка, но и способности и готовности участвовать в диалоге с экзаменатором, реагировать на его замечания и реплики, а также умения поддержать мнение собеседника или опровергнуть его.

Таким образом, при подготовке к экзаменам DELF-DALF кандидатам следует обратить внимание не только на языковую подготовку, уделяя внимание грамматике и лексике, но и учиться логической аргументации, связному изложению мыслей, правильному оформлению устного ответа и письменных работ.

Картамышев Виталий Александрович,
координатор по академическим связям,
Educational Testing Service (ETS) (Москва)

Анализ интегрированного письменного задания экзамена TOEFL iBT как пример оценки уровня владения иностранным языком для академических целей

The presentation will focus on assessment of integrated writing task for TOEFL iBT. A short introduction will present them methodology and test development background followed by practical example of fulfilling an assignment similar to real test experience. The participants will gain an understanding of scoring techniques, score bands and characteristics for particular score ranges. They will practice responding to an integrated writing task as well as analyse sample responses, benchmark responses for each of the scoring band. The participants will study the scoring rubrics developed and used by ETS specialists and get a chance to score real test-taker responses. The session will be interactive and hands-on, participants are encouraged to engage in discussions and ask questions. If time allows, there will be an opportunity to demonstrate a video produced by ETS "The Life of an Item" describing the complex process of developing tasks for the TOEFL exam.

Презентация будет фокусироваться на оценке интегрированной письменной задачи для TOEFL iBT. Краткое введение представит методологию и разработку тестов, а затем практический пример выполнения задания, похожий на реальный опыт тестирования. Участники получают понимание методов оценки и характеристик типичных ответов. Они получают практические знания и примеры, отвечая на интегрированные задачи, а также анализировать ответы образцов, эталонных ответов для каждой оценки. Участники изучат разделы рубрик, разработанных и используемых специалистами ETS, и получат шанс попрактиковаться в ответах, как в настоящем тесте. Сессия будет интерактивной и практической, участникам предлагается участвовать в дискуссиях и задавать вопросы. Если позволит время, то будет возможность продемонстрировать видео компании ETS, описывающее сложный процесс разработки заданий для экзамена TOEFL.

Онушкина Елизавета Викторовна,
к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Мультилингвальное тестирование по лексике с использованием современных информационных технологий в дистанционном обучении академическому и профессионально ориентированному иностранному языку

В докладе рассматриваются:

- 1) актуальные вопросы мультилингвального обучения и тестирования лексических навыков с использованием современных информационных технологий и гаджетов;

- 2) виды заданий для работы с лексикой в формате мультимедийных презентаций Power Point;
- 3) использование данного подхода в обучении академическому и профессионально ориентированному иностранному языку или языкам как в обычном «классическом», так и в дистанционном режиме;
- 4) актуальность, новизна и практическая значимость данного подхода в обучении — внедрение в практику современных информационных технологий и положительный результат; — мультилингвальное обучение и тестирование в контексте современных тенденций в образовании.

Павловская Ирина Юрьевна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Перспектива или ретроспектива?

Метафоры языкового тестирования

Системы языкового тестирования могут быть рассмотрены как в горизонтальном ряду (тестирование в разных целях), так и в вертикальном ряду (тестирование по уровням). Первое вызывает плодящиеся виды компетенций, второе — все более и более подробные шкалы, похожие на градусники, где температура, однако не может быть равна нулю. В горизонтальном ряду также можно рассмотреть языковые навыки и виды речевой деятельности с соответствующей системой заданий и технологий проверки. В вертикальном ряду — идти либо сверху вниз (чего тестируемый не знает?), либо снизу вверх (а что же он все-таки знает?), либо разбивать шкалу на дискретные уровни, прилагая к ним соответствующие описания (дескрипторы) и программы обучения.

Тестирование в специальных целях в большей степени учитывает потребности учащегося, вертикальное тестирование помогает скорее администраторам и менеджерам в образовании руководить учебным процессом и вести корабль обучения правильным курсом. Но тестирование — лишь парус на корабле, который виден издали, корпус корабля бывает скрыт, но без него корабль не пойдет, и этот корпус — обучение.

В последнее время тестологи все чаще говорят о рубежном и текущем тестировании (summative and formative assessment), склоняясь в пользу второго. Оно обладает более мягким, женским подходом, в то время как рубежное тестирование — по-мужски жестко отсеивает не перепрыгнувших установленную планку и дает диагноз, который иногда может стать приговором. Отсюда еще одна англоязычная метафора — high-stakes tests and low-stakes tests (тесты, по которым принимаются решения с большой степенью риска (большой ставкой) или с малой).

Тест не должен быть проблемой для учащегося, он должен открывать новые возможности — карьерные, профессиональные, творческие, навыки. Поэтому мы все чаще говорим о тестировании, ориентированном на обучение (LOLA — Learning Oriented Language Assessment). Оно направлено в будущее, готовит к новым достижениям, в то время как рубежное тести-

рование фиксирует результат, полученный в прошлом. Обратный эффект тестирования — феномен достаточно хорошо изученный.

Учебные программы и публикуемые материалы подстраиваются под объекты и методы того теста, к которому стремятся учащиеся — это пресловутое натаскивание, которое в широких масштабах (например, в практике подготовки к ЕГЭ), может привести к печальным результатам. Интегрированные задания в тестах (чтение + аудирование + говорение, или аудирование + письмо, и т. п.), безусловно, лучше отвечают естественной психолингвистической модели речевого поведения.

Язык есть средство общения, и роли слушателя/говорящего пишущего/читающего в нем постоянно меняются. Но технологически создать и обработать такие тестовые задания достаточно сложно. На помощь приходят IT-технологии, запись и расшифровка записи живой речи, машинное оценивание письменной речи. Нельзя не упомянуть и тот факт, что тестирование, как и обучение, все больше стремится отразить мультилингвальную ситуацию в глобализованном мире, развить межкультурную коммуникативную компетенцию, что требует особых приемов и разработок.

Попова Татьяна Игоревна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Критерии оценивания устной речи иностранных учащихся на русском языке при модульной организации обучения

При модульной системе обучения, когда один уровень владения языком разделен на несколько подуровней (модулей), например, рабочая программа достижения уровня С 1 содержит три модуля — С1-1, С1-2, С1-3, встает вопрос об уровне сложности заданий при оценке коммуникативной компетентности в говорении и критериях оценки этих уровней компетентности. Каковы требования, закладываемые к уровню сложности типов текстов, которым обучаются учащиеся на модулях уровней В2 и С1, и критериям оценивания порождаемых учащимися текстов? Чем они обусловлены?

В типовом тесте на уровне В2 проверяется умение продуцировать монологическое высказывание, содержащее:

- а) описание конкретных и абстрактных объектов;
- б) повествование об актуальных для говорящего во всех видо-временных планах;
- в) рассуждение на актуальные для говорящего темы, содержащее выражение мнения, аргументацию с элементами оценки, выводы (см.: Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Аверьянова Г.Н. и др. М.; СПб.: Златоуст, 1999).

Как мы видим, проверяется умение продуцировать такие типы текста, как описание, повествование, рассуждение. Очевидно, что каждый из этих типов текстов может иметь разную степень сложности, представлять собой как первичный, так и вторичный речевой жанр.

Модульная система обучения РКИ предполагает поэтапное овладение этими типами текстов. Так, на В2-1 формируются умения:

- рассказать о событиях своей жизни, о событиях прошедшего дня, историю жизни известного человека, сообщить о планах, своих увлечениях, характере человека и его привычках, увлечениях, своих предпочтениях в одежде и др.;
- описать правила игры/правила поведения;
- высказать мнение о характере, личности человека;
- оценить качество телевизионной программы;
- опровергнуть распространенное мнение (например, о связи между возрастом и увлечением человека);
- пояснить свою точку зрения по актуальному вопросу, указывая на плюсы и минусы различных вариантов;
- прокомментировать событие, выразить личную заинтересованность;
- описать чувства и настроение человека.

Тип продуцируемого текста:

- монолог-описание/характеристика явления (современное ТВ, студенческие традиции);
- монолог-совет (как себя вести во время экзаменов, как одеваться);
- монолог описательно-повествовательного характера с элементами оценки и рассуждения (см.: Рабочая программа учебной дисциплины «Русский язык как иностранный». В2-1 / Попова Т. И., Глазунова О. И. СПб., 2014).

На В2-2 формируются умения рассказать:

- о своих детских мечтах;
- роли родителей, близких людей в жизни;
- отношениях в семье;
- истории знакомства;
- изменениях в современных формах семейной жизни;
- человеку, способном на добрые поступки;
- человеку и его жизненной позиции;
- общественной организации;
- благотворительной акции;
- волонтерском движении;
- описать класс предметов (явлений, процессов);
- приоритеты человека в выборе профессии;
- идеального партнера;
- охарактеризовать роль мужчины и женщины в семейных отношениях;
- дать прогноз развитию событий;
- сравнить плюсы и минусы выбора;
- высказать мнение/опровергнуть мнение о взаимосвязях явлений;
- высказать свою позицию по актуальному вопросу, указывая пути решения проблемы;
- поделиться впечатлениями о путешествии;
- выразить восхищение увиденным/разочарование от увиденного.

Тип продуцируемого текста:

- монолог-характеристика явления (современная семья, идеальный партнер);

- монолог-совет (как организовать путешествие);
- монолог описательно-повествовательного характера с элементами оценки и рассуждения;
- монолог-характеристика явления;
- монолог-доказательство (см.: Рабочая программа учебной дисциплины «Русский язык как иностранный». В2-2 / Попова Т. И., Глазунова О. И. СПб., 2014).

В зависимости от модуля обучения итоговое тестирование по говорению включает в себя проверку уровня коммуникативной компетентности иностранного учащегося в монологической и диалогической речи. В докладе будут рассмотрены конкретные примеры оценивания результатов итогового тестирования по говорению при модульной системе обучения.

УРАЛИСТИКА

Агранат Татьяна Борисовна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва)

История водского полипредикативного синтаксиса

Как известно, исконный уральский полипредикативный синтаксис представлял собой конструкции, в которых в главной предикации был представлен финитный глагол, а в зависимой предикации — отглагольные имена. Миноритарные прибалтийско-финские языки, находящиеся на территории РФ, под влиянием русского языка почти полностью утратили исконные полипредикативные конструкции, заменив их союзными предложениями индоевропейского типа. Исконные конструкции со значениями причины, следствия и предшествования исчезли раньше других, конструкции, обозначающие одновременность и способ действия, исчезли позже. Исконные конструкции со значением цели сохраняются до сих пор. В ходе полевой работы мне удалось записать от информантов старшего возраста полипредикативные конструкции, выражающие синтаксическую категорию эвиденциальности. К сожалению, в речи последнего поколения носителей водского языка этот тип конструкций не сохраняется.

Братчикова Надежда Станиславовна,

д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Языковые и литературные тенденции в финляндском обществе конца XVIII — начала XIX в.

Рассматриваемый период можно назвать периодом синтеза просветительства и утилитаризма. Потребность в развитии гражданского общества порождала необходимость развития национального самосознания, национального языка и культуры. Одной из заметных фигур того времени стоит

назвать просветителя Чудениуса. В его работах ярко выражен социально-критический пафос просветительства.

Другим видным просветителем был Портан, «отец финской историографии». Он полагал, что язык имеет длительную историю развития от простого к сложному и отражает историю развития народа. Взгляды Портана на историю, язык, народную поэзию означали решительный отход от теологии. Выдающийся финский просветитель стремился выработать правила финского стихосложения. Язык поэзии, по его мнению, должен следовать определенным национально-языковым нормам. Литературный язык должен опираться на фольклор и народную речь, но при этом исследователь с осторожностью относился к фольклорным диалектизмам. В фольклористических изысканиях Портан проявил интерес к русской народной поэзии и литературе.

В целом, в этот период наблюдается усиление внимания к культурной жизни России. Кстати, именно у Портана возникла идея сравнительного изучения карело-финской народной поэзии по отношению к в том числе и русскому фольклору. Портан — автор идеи создания сравнительного словаря финно-угорских народов.

В Финляндии издается первая газета (на шведском языке) «Известия, издаваемые обществом в Турку» (1771). Издание ставило перед собой задачу расширение читательского кругозора и ознакомление с историей страны. Наиболее выдающимся финско-шведским поэтом конца XVIII — начала XIX в. был Франсен, «романтик внутри просветительства».

Вслед за появление шведоязычной газеты в Финляндии стала издаваться первая газета на финском языке «Известия на финском языке» (1776). Издателем явился историк-краевед Лицелиус, желавший показать широкие возможности финского языка, в том числе в официальном статусе. Газета была «химически чистой» (М. Рапола) от религиозного содержания, имела светский характер. Удивляет охват тем от политики до практических хозяйственных вопросов, что позволяет судить о довольно развитой лексической базе финского языка.

В рассматриваемый период развивалась поэзия на финском языке, что позволяло совершенствовать синтаксические конструкции, поэтические размеры, постепенно отходя от привычного калевальского размера. В этой связи заслуживает внимания творчество поэтической семьи Акрениусов. Язык поэзии насыщается юмором, яркими метафорами, приобретает иронические мотивы. В литературе происходит плавный переход от описания конкретных сцен к выражению абстрактных идей и понятий. В это время появляются первые переводы на финский язык русской поэзии.

Перевод Ганандера «Русской свадебной песни» представляет собой свободную импровизацию на тему русской свадебной песни с использованием калевальской метрики. Ганандер направил свои усилия на изучение народной культуры. Он издал первый сборник финских загадок (1783), сборник басен на международные сюжеты, первое исследование финской мифологии (1789). Ганандер трудился над составлением финско-шведского словаря.

Начало XIX в. принято называть периодом «первого национального пробуждения». Литература и язык перестают быть делом только фенно-

филов, а стали рассматриваться как естественная составляющая развития национального самосознания. Ярко начинает звучать национально-финляндский контекст. В языке разворачивается «борьба диалектов». Единые нормы литературного языка вырабатывались в процессе постепенного расширения сферы практического его применения. Зреет идея финско-русского культурного сотрудничества. В Петербурге издана (на немецком языке) брошюра Шегрена «О финском языке и литературе» (1821). Члены Вольного общества любителей российской словесности ознакомились с особенностями северной поэзии, ее происхождением и характером. В финляндских газетах «Мнемозина» и «Або-Моргонблад» появляются материалы о России и русской культуре.

Гайдамашко Роман Валентинович,

к. ф. н., младший научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Шкураток Юлия Анатольевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Названия грибов в коми-пермяцком языке: русские заимствования

Территория Прикамья является местом межэтнических контактов, которые не могли не найти отражения в распространенных здесь языках и диалектах. Целью доклада является исследование русских заимствований в коми-пермяцком языке в области миконимов (названий грибов).

По всей видимости, до прихода русских различные виды грибов не использовались в рационе питания коми-пермяков.

Среди названий грибов в коми-пермяцком языке (далее — к.-п.) встречаются как прямые заимствования из русского, так и калькированные названия. В докладе на обширном диалектном материале и в лингвогеографическом аспекте рассмотрены или впервые предложены этимологии для более чем 100 коми-пермяцких миконимов (включая данные коми-язьвинского наречия). К сопоставлению в структурно-семантическом плане привлекаются материалы русских говоров Прикамья, в том числе и коми-пермяцкие заимствования: среди названий грибов таковых на данный момент выявлено всего 6.

В числе миконимов коми-пермяцкого языка подавляющее большинство представлено прямыми заимствованиями из говоров севернорусского наречия: к.-п. *белянка* ‘волнушка белая, белянка (*Lactarius pubescens* Fr.)’ при рус. *белянка* ‘гриб белого цвета, похожий на волнушку’ (Киш., Черн., Уин. Перм.), ‘гриб белого цвета (в том числе о белых грибах)’ (Чайк., Черн. Перм.); к.-п. южн. (нердв., оньк.) *боровёйрыжик* ‘боровик (*Lactarius deliciosus* Fr.)’ [Меркушева, 2003. С. 220] при рус. литер. *боровая* и *рыжик*; к.-п. южн. (оньк.) *боровёйс’ин’авка* ‘сыроежка остроядная (*Russula sardonia* Fr.)’ [Меркушева, 2003. С. 220] *боровая синявка* ‘гриб из вида сыроежек’ (Сол. Перм.); к.-п.

южн. (куд.-иньв.) *маст'эл'н'ик* 'маслёнок жёлтый (*Suillus luteus*)' [Меркушева 2003: 221] при рус. *ма́сленик* 'гриб маслёнок' (Киш. Перм.) и *ма́стельник* 'лес на возвышенности, где обычно много маслят' (Бер. Перм.); к.-п. южн. *мухомор* 'мухомор красный (*Amanita muscaria* (Fr.) Hook.)' [Меркушева, 2003. С. 221] при рус. литер. *мухомор*; к.-п. южн. (нердв.) *обабок* 'подберезовик (*Boletus scaber* Fr.)' [Меркушева, 2003. С. 221] при рус. диал. *обабок* 'гриб', 'подберезовик', 'подосиновик', 'масленок' и мн. др.

Большой интерес при исследовании межъязыковых контактов представляют также семантические кальки: к.-п. *бабапéль* 'одуванчик', 'рыжик (гриб)' (где *пель* – 'ухо'), коми *аньпель* 'рыжик' (где *ань* – 'женщина') при рус. *ба́бка* 'гриб рыжик' (Добр. Перм.), *ба́бье ухо* 'гриб типа рыжиков' (Добр., Больш., Бер. Перм.), *ба́бье ухо* 'гриб рыжик' (Черд., Юрл. Перм.); к.-п. сев. (мысов., иванчин.) *гöрд йура гриб* 'гриб подосиновик' [Федосеева, 2002. С. 245] (где *гöрд* – 'красный', а *йура* – 'голова'; также см. к.-п. *гöрдгриб* 'подосиновик (*Boletus versipellis* Fr.)') при сев.-рус. *красноголовик* 'подосиновик', 'боровик', 'рыжик'; к.-п. *мöсгриб*, *мöсгриб*, сев. *мöсгöб* 'коровяк, белый гриб' (где *мöс* – 'корова'; также см. к.-п. *коровя́к* 'коровяк, белый гриб') при рус. *коро́венник* 'белый гриб' (Сол. Перм.), *коровя́к* 'то же' (Сол., Караг. Перм.), на более широком русском фоне *коровий гриб* 'белый гриб' (Онеж.), 'несъедобный гриб красного цвета' (Онеж., Калинин.) и др.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-34-01279(а2).

Литература:

1. Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.
2. Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2002. 280 с.

Денисов Виктор Николаевич,

к. ф. н., доцент, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск)

Фонографические записи носителей пермских языков
1915–1918 гг. как уникальный источник
для современных лингвистических исследований

Фонографические записи военнопленных Первой Мировой войны, собранные австро-венгерскими учеными в 1915–1918 гг. в лагерях на территории Австро-Венгрии и хранящиеся в настоящее время в Фонограммархиве Австрийской академии наук в Вене, включают в себя уникальные образцы языка и фольклора пермских языков. Наибольший вклад в описание и расшифровку этих бесценных материалов внес выдающийся венгерский ученый, академик Бернат Мункачи. Его расшифровки песен и устных текстов с применением традиционной финно-угорской транскрипции позволяют использовать эти материалы не только для лексического и грамматического анализа, но и фонетического, поскольку в них учтены особенности диалектного произношения того периода. Но особую пикантность этому придает то обстоятельство, что данные записи можно получить из Фо-

нограммархива, послушать и получить представление о том, как реально говорили носители различных диалектов пермских языков почти сто лет назад и сравнить их с современным языком.

Доловаи Доротья,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Глагольные префиксы в мансийском и венгерском языках

В некоторых языках уральской языковой семьи встречаются глагольные префиксы, но они не имеют общего происхождения. В карельском, вепском и ливском языках они являются русскими заимствованиями, а в финском переводами с шведского. В угорских языках глагольные префиксы адвербиального происхождения. В своем докладе я рассматриваю сходства и различия венгерских и мансийских глагольных префиксов, их функции, значения и синтаксическое поведение. Развитие и история венгерских глагольных префиксов более раскрыты, чем мансийского, т. к. венгерский язык имеет намного больше памятников языка, и сравнение венгерских и мансийских данных может быть полезным для того, чтобы узнать, на каком этапе развития находятся глагольные префиксы мансийского языка.

В исследовании рассматриваются новые источники мансийского языка тоже, я хочу сравнить новые мансийские тексты (последние номера газеты Луима Сэрипос) и старые тексты, собранные Мункачи и Каннисто в XIX в. с точки зрения использования глагольных префиксов, их функций.

Зайцева Нина Григорьевна,

д. ф. н., зав. отделом, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Корпусная лингвистика в прибалтийско-финском исследовательском пространстве (на материале Корпуса вепского языка)

В настоящее время активно развивается направление лингвистической науки, которое основано на использовании языковых электронных корпусов и корпусных технологий и носит название «корпусной лингвистики». Существуют огромные электронные ресурсы, которые воплощены в Национальный корпус русского языка, Британский национальный корпус, Чешский национальный корпус и т. д.

В 2012–2014 гг. Президиум РАН активно поддерживал проекты, которые были нацелены на создание и развитие корпусных ресурсов как по современному русскому языку и его истории, так и по языкам народов России. Последнее направление объединяло проекты, связанные с созданием корпусов на языках народов России.

Данное направление науки известно и в прибалтийско-финском исследовательском пространстве. Известен Венгерский национальный корпус, Языковой банк Финляндии, Справочный корпус эстонского языка и Фонетический корпус спонтанной эстонской речи и т. д.

В настоящее время создается Корпус вепсского языка, который уже включает в себя электронный словарь и пять текстовых корпусов: диалектные тексты; фольклорные тексты с двумя подкорпусами (причитания и сказки); два младописьменных корпуса (переводы Нового Завета; тексты на младописьменном вепсском языке). Корпусы оборудованы собственными системами поиска по различного рода характеристикам: по отдельным словам, диалектам, жанрам фольклора и жанрам младописьменных текстов и т. д.

В настоящее время Корпус вепсского языка и его электронный словарь включают в себя более одной тысячи текстов, более 800 библиографических источников, более 10 тысяч лемм и словоформ. Научная значимость проекта «Корпус вепсского языка» состоит в разработке модели документации малых языков, которые уже в ближайшие десятилетия могут исчезнуть с лингвистической карты России. Корпус вепсского языка может стать своеобразным музеем вепсского языка с широким и доступным кругом экспонатов, на который можно было бы ориентироваться при описании других языков малочисленных народов.

Подобные языковые ресурсы повышают жизнеспособность и способствуют модернизации, а также фиксируют уходящие или находящиеся под угрозой исчезновения языки малочисленных народов. Создаваемые электронные ресурсы не только закладывают фундамент для лингвистических исследований будущего, но и содействуют — по мере возможности — сохранению уходящего культурного многообразия, на которое во многом способна именно корпусная лингвистика.

Захарова Екатерина Владимировна,

младший научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Топонимные модели Восточного Обонежья как источник изучения этнической истории региона

Каждое название географического объекта — своего рода исторический документ или памятник, поскольку каждая историческая эпоха характеризуется своим «топонимическим словарем», т. К. для каждого исторического этапа развития общества характерны свои особенности материальной и духовной культуры [Агеева, 1985. С. 65]. Но этот топонимический словарь или набор типичных, свойственных данному народу в определенный исторический период топооснов не столь велик — в каждом языке в каждую эпоху существует ограниченное количество основ, от которых возможно образование топонимов, в связи с чем в любую эпоху на определенной территории было много названий-тезок [Суперанская, 1969. С. 41].

Названия географических объектов, нанесенные на карту, соотношенные с теми объектами, которые они называют, с их физико-географическими особенностями, и рассмотренные в системе (поскольку названия никогда не существуют в одиночку, но всегда соотношены друг с другом [Никонов, 1965. С. 34], т. е. возникают в определенном ряду подобных названий по определенным моделям, популярным у населения в данный момент времени),

получают пространственную локализацию. Полученные ареалы позволяют определить место зарождения модели, выявить пути ее распространения, поскольку переселенцы приносят с собой на новые места привычные им названия и используют их при назывании географических объектов.

Анализ топонимных ареалов показывает, что ряд топонимных моделей имеет вепские истоки и приходит на территорию Восточного Обонежья из Южного Обонежья (с территории вепского расселения), часть моделей соотносится с карельскими данными и распространяется на исследуемую территорию из Северо-Западного Приладожья, огибая Онежское озеро с севера, ряд моделей имеет более восточный ареал бытования и связывает Восточное Обонежье с обширной территорией Русского Севера. Это, в свою очередь, указывает на периферийное положение Восточного Обонежья и по отношению к более южным вепским, и западным карельским, и севернорусским восточным территориям, что выражается в слабой презентативности здесь ряда продуктивных на своих исконных территориях моделей именования географических объектов. Это окраинное, пограничное положение объясняется географическими особенностями территории — привязкой к транзитному водному пути, каковым являлась в свое время река Водла.

Литература:

1. Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985. 144 с.
2. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 180 с.
3. Суперанская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: Наука, 1969. 208 с.

Ковалева Светлана Викторовна,

к. ф. н., научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Словарь языка карелов-людиков

На данный момент в Научном архиве КарНЦ РАН хранится достаточно большое количество единиц записи, собранных в ходе экспедиций начиная с 1950-х гг. Часть из них расшифрована, большая часть оцифрована и хранится в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. Особую ценность для людиковского наречия представляет хранящийся в архиве русско-карельский словарь, материал для которого собран в 1940-х гг. Николаем Ивановичем Богдановым во время экспедиции в Михайловском сельском совете Олонецкого района Карело-Финской ССР. Рукопись представлена на 177 листах, одна из единиц хранения написана автором вручную, вторая представляет машинописный текст. Рукопись сложно назвать словарем в традиционном понимании, она больше напоминает регистр слов с переводом. Во время этой экспедиции Н. И. Богданов записал образцы людиковской речи, которые также сдал в архив КарНЦ РАН.

Словарь представляет особую ценность, т. к. письменных источников на людиковском наречии карельского языка достаточно мало. Помимо общекультурного, словарь может иметь и практическое значение, поскольку в последние годы людиковское наречие постепенно внедряется в сферу преподавания.

Колпакова Наталия Николаевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

К юбилею кафедры финно-угорской филологии СПбГУ

Первой в нашей стране университетской кафедре финно-угорской филологии в этом году исполняется 90 лет. Учреждение кафедры, которая начала свою работу под руководством Д. В. Бубриха с осени 1925 г., стало событием в истории финно-угорского языкознания в нашей стране: с этого времени финно-угорское языкознание начинает складываться как самостоятельная дисциплина. Одновременно как комплексная наука развивается финно-угроведение. Ряд статей, рассказывающих о достижениях кафедры и посвященных знаменательным датам, написала З. М. Дубровина, почти 34 года возглавлявшая кафедру (1957–1991) [Дубровина, 1977]. Сегодня представляется уместным вновь обратиться к событиям прошлого, уточнить и пояснить некоторые детали. Ведь многое, о чем писали раньше и что было очевидным, сейчас уже требует комментариев, поскольку становится непонятным для новых поколений преподавателей и студентов. Очередной юбилей располагает и к тому, чтобы рассказать о работе за последние двадцать лет, т. е. о периоде, который еще не нашел отражения в литературе. Однако сделать это в рамках небольшого доклада практически невозможно. Этой теме планируется посвятить отдельную статью, а здесь мы сосредоточим внимание на истории.

Разрозненные, а порой, и противоречивые сведения имеются в различных источниках о предыстории появления кафедры. Г. М. Керт в очерке о жизни и деятельности Д. В. Бубриха упоминает о «Записке», составленной по инициативе А. А. Шахматова и направленной в 1911 г. в Академию наук. В «Записке» говорится о необходимости основания финно-угорской кафедры в российских университетах [Керт, 1975]. В 1917 г. А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртэнэ, Л. В. Щерба и С. К. Булич ведут переписку с Советом университета и ректором об «учреждении кафедр балтийской и угро-финской филологии» [Материалы по истории Санкт-Петербургского университета, 1999]. Однако только осенью 1925 г. на Факультете языкознания и материальной культуры появляется отделение финно-угроведения (отделения были основными структурными подразделениями ЯМФАКа). Д. В. Бубрих руководил кафедрой до конца своей жизни (1925–1949). В его работе было два перерыва: после ареста в 1938 г., о чем ранее было не принято упоминать, и во время эвакуации — и. о. заведующего кафедрой с 20 ноября 1941 г. был И. И. Майшев, скончавшийся 29 января 1942 г. Различные архивные документы рассказали и о других событиях из истории кафедры...

До войны задачей кафедры была подготовка научно-педагогических кадров в основном, но не только, из числа представителей финно-угорских народов для работы на местах. В послевоенный период возникает необходимость в подготовке специалистов со знанием финского и венгерского языков в качестве основной специальности. С 1945 г. начинают преподавать финский, с 1946 г. венгерский язык, что при отсутствии учебных пособий и опыта преподавания было непросто. В 1950–1957 гг. кафедрой

руководили А. И. Попов, Э. А. Якубинская-Лемберг, А. А. Мокань. С 1957 по 1991 г. возглавляла кафедру и до 2010 г. работала в должности профессора З. М. Дубровина; под ее руководством разрабатывались и совершенствовались в течение десятилетий учебные планы, программы учебных дисциплин, методики преподавания финского и венгерского языков как иностранных, формировался коллектив уникальных специалистов.

Литература:

1. Дубровина З. М. Пятьдесят лет финно-угорской филологии в Ленинградском университете (1925–1975) // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 3 / Отв. ред. проф. З. М. Дубровина. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 3–16; К семидесятилетию кафедры. // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 6 / Отв. ред. проф. З. М. Дубровина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 3–10.
2. Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. Очерк жизни и деятельности. Л., 1975. С. 16.
3. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. 1917–1965. Обзор архивных документов / Под ред. Г. А. Тишкина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 71.

Костина Галина Владимировна,

к. ф. н., зав. отделом, Петрозаводский государственный университет
(Кольский филиал)

Мифы и легенды Кольского Края как отражение сознания саамов

Фольклор занимает важное место в процессе становления представлений о культуре малочисленных аборигенных народов в русской культурной традиции, в частности, он является одним из ведущих факторов, повлиявших на формирование образа саамов в русской культуре.

До XVII в. быт и культура саамского народа были слабо исследованы, хотя многие авторы обращались к теме их изучения или, вернее сказать, описанию.

Первая значительная работа о саамах принадлежит перу уппсальского профессора Иоганна Шефферуса (1621–1679). Работа Шефферуса, определяемая как классика мировой литературы, имеет выдающееся значение для более поздних работ о Лапландии. Несмотря на то, что автор стремился к критической объективности, «Лапония» как в оригинале, так и в последующих переводах скорее обосновывала мифы, окружающие коренных жителей Севера, нежели опровергала их [Lundström].

Многообразно и самобытно устное народное творчество саамов. Свообразна и форма саамского эпоса — легенды, рассказывающие о происхождении жизни на Земле, озер, рек, гор, о священных сейдах, животных. С помощью мифа саамы объясняли полноту таинственности окружающий их мир, загадочные явления природы, антиномии человеческого бытия. Следует подчеркнуть, что мифология — важнейший элемент саамской культуры. Мифы стали основой миропонимания, степенью образованности народа и его восприятия окружающего мира.

Таким образом, в саамском мифе смыкаются реальность и фантастика как равнозначные величины. Мифы, как отражение сознания, характеризу-

ют духовный мир саамов, которые пронесли, как драгоценность, сквозь все времена своё естество, наивно-реалистический взгляд на мир, единство со всем сущим на земле, природную мудрость и миролюбие.

Литература:

Lundström L. Schefferus Johannes (1621–1679) «The History of Lapland». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kb.se/F1700/Lapland/Lapland.htm>.

Люблинская Марина Дмитриевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник,

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Вид и способ действия глагола в ненецком языке

В современных учебных описаниях грамматики и в учебных словарях ненецкого языка не определены понятия вида и способа действия глагола. И не соотнесены с современной грамматической терминологией. Только что вышедший учебник М. Я. Бармич — углубленный курс ненецкого языка для 10–11 классов [Бармич, 2014] — предлагает классификацию, в которой все глаголы ненецкого языка сперва разделяются соответственно категории вида на совершенные и несовершенные, не указано, по каким критериям, а уже каждую группу составляют глагольные формы с суффиксами разных способов действия. Такая классификация представляется не совсем адекватной. Уже в грамматическом очерке Н. М. Терещенко [Терещенко, 1965. С. 902] не проводится специального деления глаголов по значению совершенного/несовершенного вида, а суффиксы способа действия объединены как словообразовательные «формы видовой направленности». Также построено описание глагольного аспекта в одном из последних описаний грамматики ненецкого языка [Буркова и др. 2010. С. 301–302], где эти формы описаны как «внутрикатегориальное словообразование». Перфективность глагольной словоформы в ненецком языке может зависеть не только от значения основы, но и от того типа спряжения, по которому изменяется основа в предложении, спряжение по III (субъектно-безобъектному) типу придает глаголу значение совершенности: *пирця хардахана иле-дм'* «в высоком доме я живу» (I тип спряжения), но *цаво" пиркӑ"на иле-юв"* «через некоторое время я ожил» (III тип). В этом случае перфективность является словоизменительной категорией. Этот момент грамматики не описан как изменение перфективности ни в научных, ни в школьных грамматиках. Поскольку «Аспект принадлежит к числу тех грамматических категорий, которые наиболее тесным образом связаны с семантикой исходной (глагольной) лексемы» [Плунгян, 2003. С. 293], описание этого раздела грамматики в школьных учебниках и словарях требует чрезвычайной аккуратности.

Литература:

1. Бармич М. Я. Ненецкий язык. Углубленный курс для 10–11 классов. СПб.: Просвещение, 2014.
2. Буркова С. И. и др. Диалектологический словарь ненецкого языка / под ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург: Баско, 2010.

3. Плулунган В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1965.

Мызников Сергей Алексеевич,

д. ф. н., зав. отделом, Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)

О нетривиальных финно-угризмах в русском языке

Ла'вак 'лошадь' Костром., 1820 (ЯОС). Ср. также явные арготизмы: **лова** Кашин. Твер.; **ловак** Влад офен., Галич, Нерехт. Костром., Углич, Кашин., Калязин, Торопец. Твер., Самарск. Нижегород., Ряз. Портн., Калуж. портн., Ряз. Нищ., Калуж. Нищ.; **ловака** Брянск. Нищ.; **лован**, **ловань** Углич., **ловачиха** 'кобыла' Калуж. Портн., Калуж. Нищ.; **ловик** 'лошадь' Бежецк. Твер.; **ловяк** Влад. Офен., Кашин. Твер., Симб.; **ловячиха** 'кобыла' — Торопец, Симб. **Ла'вак** 'лошадь' Костром., 1820 (ЯОС), при единицах, фиксируемых в торговых арготизмах - **ловак**, **ло'вяк** с тождественным значением. Ср. венг. *ló* 'лошадь', *lovász*, *lovas*, при манс. *low*, *luw*, хант. *law* 'лошадь', общеобско-угор. **luβz*, *luuz* (EWU, 902).

Сырт 'надел земли вдали от села' Краснослобод. (Тенишево). Традиционно возводится к тюркским данным, ср. чуваш. *сăрт* 'холм, возвышенность; постепенное возвышение', при. алт., турец., крым.-татар., киргиз., казах. *сырт* 'задняя часть; спина; наружная часть; сторона; возвышенность, бугор, холм'; якут. *сыыр*, *сыырт* возвышенность. Ср. также казах. совр. *сырта* 'вне дома' (Бектаев, КРС, 429).

Мурзаев отмечает, что «в русскую географическую терминологию проникло тюркское слово *сырт* — вытянутая возвышенность,... или высокие волнистые поверхности в верхнем поясе Тянь-Шаня и Памира (не только в Азии, но и в Европе, например, волго-донской *сырт*). Из русской литературы слово проникло в западноевропейские языки: англ. и франц. *syrts*, нем. *Surten*». Венг. *sirt* рассматривается как заимствование из др.-чуваш. **syrt*. Ср также мар. диал. *сұрт* 'гора, бугор, возвышенность'. См. также: Егоров, ЭСЧА, 184; Федотов, ЭСЧА, 2, 32; Сывороткин, 2004, 225.

Хале'ть 'умирать' Нерехт. Костром. **Хале'ть** 'болеть' Борович. **Охале'ть** 'внезапно умереть' Шуйск. Влад. **Захале'ть** 'закахнуть, погибнуть от болезни' Черепов. Новг. 'Заболеть' Борович. Новг. **Перехале'ть** 'переболеть' Борович. Новг. **Ухале'ть** 'стать беспомощным от старости' Белозер. **Ухалить** 'умереть': — *Да позагорбил басве слемзить: астана басвинска ухалила дряботницей* (Да позабыл тебе сказать: жена твоя померла весною) (Даль). Фасмер не дает этимологической версии, О. Н. Трубачев в своих примечаниях приводит версии Якобсона о связи **халеть** с **ха'лпить** 'убивать', а также с офен. **ха'лить**, **уха'лить** 'умереть' (Фасмер). Делались попытки разграничить значения 'болеть' и 'умирать', первое относится к кар. *hallata* 'стать беспомощным, дряхлым; повреждаться, портиться', второе через офен. связано с венг. *hálni* 'умереть'. Еще Даль отмечал, ряд слов вошло в обиход от «венгерских ходебщиков (словаков)» (Даль). Вероятно, более

перспективна версия связи с тюркскими данными, ср. татар. *həlak* ‘гибель, смерть, пагуба’. **Хала, халка** ‘рыба’ Калуж. Портн. Ср. венг. *hal* ‘рыба’, при манс. *kōl*, хант. *kul*, морд. *kal*, мар. *kol*, фин. *kala*, саам. норв. *guolle*. Трудно сказать, в какой связи находится лексема **колик** ‘рыба’ Костром. Шерстб., фонетически он соотносится с марийскими данными.

Новак Ирина Петровна,

к. ф. н., младший научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Фонетическая адаптация поздних русских заимствований в тверских диалектах карельского языка

К тверским диалектам собственно-карельского наречия карельского языка относятся толмачевский, весьегонский и держанский диалекты, сформировавшиеся в результате переселения коренного населения Карельского перешейка на тверские земли, вызванного военным противостоянием России и Швеции XIV–XVIII вв. В начале XX в. численность тверских карелов достигла 150 тысяч человек. По данным всероссийской переписи населения 2010 г., в Тверской области проживает 7394 карела, из которых треть владеет карельским языком. Толмачевский диалект карельского языка преобладает на довольно обширной территории в центральной части Тверской области, по числу носителей он является самым распространенным (95 %). На его основе развивается письменность тверских карелов. Представители весьегонского диалекта (5 %) проживают на северо-востоке области. Носителей дёржанского диалекта карельского языка вплоть до начала XXI в. можно было встретить на юго-западе Тверской области, на данный момент диалект считается мертвым.

Условия многовекового тесного соседства карельского населения региона с русским, а в дальнейшем и двуязычия, не могли не сказаться на языке тверских карелов. В результате языковых контактов во все диалекты пришло большое число заимствований из русского языка: бытовых, научных, технических и политических терминов, наименований растений и животных, заимствований из областей искусства, культуры, религии, сельского хозяйства, экономики, промышленности, медицины и пр.

Одним из аспектов освоения заимствованного слова является его фонетическая адаптация, т. е. приспособление к фонетической системе принимающего языка.

К основным изменениям, происходящим в процессе заимствования тверскими карельскими диалектами русских слов, относятся:

- 1) перенос ударения на первый слог, например, тлм.: *ògurč̣a* ‘огурец’, *mòlotka* ‘молоток’, *kòl’essu* ‘колесо’;
- 2) замена ударного гласного дифтонгом или долгим гласным, например, тлм.: *partr’ietta* ‘портрет’, *sovietta* ‘совет’, *suad’iba* ‘свадьба’, *škuappa* ‘шкәп’, *viisen’ja* ‘вишня’, *piät’inčä* ‘пятница’;
- 3) синкопа гласного звука, например, тлм.: *ogorda* ‘огород’, *bagra* ‘багор’, *barbana* ‘барабанка’;

- 4) эпентеза гласного звука, например, тлм.: *vunukka* ‘внук’, *talakoiija* ‘толковать’;
- 5) эпитеза гласного звука, например, тлм.: *stola* ‘стол’, *d’iedo* ‘дед’, *kravat’ti* ‘кровать’, *sadu* ‘сад’;
- 6) субституция согласных звуков, например, тлм.: *bol’n’ičča* ‘больница’, *mel’l’iččä* ‘мельница’, *čuari* ‘царь’;
- 7) опрощение консонантных групп (диереза), например, тлм.: *rista* ‘крестный’, *srojie* ‘строить’, *sr’iäppie* ‘стряпать’;
- 8) замена одиночного согласного геминатой, например, тлм.: *pr’imietta* ‘примета’, *juablokka* ‘яблоко’, *čieppi* ‘цепь’, *kassa* ‘коса’;
- 9) замена согласного звука, в т. ч. метатеза, например, тлм.: *kal’idora* ‘коридор’, *merluwga* ‘берлога’, *namas’t’er’i* ‘монастырь’, *skusnoi* ‘вкусный’.

Произведенный анализ указывает на то, что в большинстве своем поздние русские заимствования максимально приближены к фонетической системе принимающего карельского языка. Однако прослеживается следующая тенденция: с развитием двуязычия заимствования все меньше подвергаются фонетической адаптации.

В докладе будут рассмотрены также другие случаи фонетической адаптации русских заимствований, приведены примеры из держанского и весьегонского тверских карельских диалектов, объяснены причины звуковых изменений.

Литература:

1. Беляков А. А. Фонетика села Толмачи. Рукопись, Петрозаводск, 1947.
2. Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Тверь, 2001.
3. Кочуркина С. И. Древние карелы. Петрозаводск, 1987.
4. Макаров Г. Н. Образцы карельской речи: Калининские говоры. М., Л.: 1963.
5. Маньжин К. В. Очерк весьегонского говора собственно-карельского диалекта карельского языка. Рукопись, 1964.
6. Пунжина А. В. Слушаю карельский говор: Образцы речи держанских и валдайских карел. Петрозаводск, 2001. Словарь карельского языка: Тверские говоры. Петрозаводск, 1994.
7. *Palmeos P.* Über den Vokalismus der Zubcover Mundart des Karelischen // СФУ 1. 1966. S. 1–5.

Новикова Ярослава Владимировна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Постмодернистские опыты в литературе Финляндии 1980-х гг.

В Финляндии понятие постмодернизма стало известно более широко только в начале 80-х гг. XX в., именно тогда постмодернистские опыты составили авангард национальной литературы. По мнению литературоведа Юрьё Хосиайслуома, для постмодернизма характерны подчеркнутое самосознание (метафиктивность), интертекстуальность, поверхностность и отсутствие индивидуальности, в особенности использование имитаций и стилевых подражаний (пастишей), фрагментарность и коллажи, смешение низкого и высокого и игра на границах литературных жанров.

Первыми технику коллажа в 60-х гг. XX в. применили лирики Пентти Саарикоски, Вьянё Кирстиня и Кари Аронпуро и прозаик Маркку Лахтела. Роман Матти Пуллкинена «Смерть романного героя» (1985) произвел революцию в литературе Финляндии 80-х гг. XX в. Пуллкинен задается вопросом, кто автор и кто читатель, и предлагает читательской аудитории разгадать загадку фикации.

Еще одним открытием 80-х гг. стала Роса Ликсом, чье мировоззрение является постмодернистским, несмотря на реалистические и натуралистические тексты. Кроме того, Ликсом начала говорить о семье в гротескной манере, что было созвучно возникшей в 80-е гг. XX в. «школе зла» в женской литературе Финляндии.

Для финской литературы данного десятилетия характерны циничные установки авторов, ирония и пародия. В 1987 г. выходит памфлет Маркку Эскелинена и Юрки Лехтола «Послесловие. Руководство по свиноводству», в котором свинья является метафорой института литературы в Финляндии, бездарных писателей и глупых литературоведов. Авторы используют материал популярной культуры, но вместе с тем презируют массы и посредственность.

Бунтарство, дерзость и отсутствие иллюзий характерны и для творчества представителя поколения *city* писателя и музыканта Кауко Рёухкя (р. 1959). Рёухкя дебютировал с романом «Ватерлоо на обочине дороги» в 1980 г. Главный герой произведения, житель города Оулу Мара, — безразличный, бездельничающий посторонний. Он закончил школу, остался без работы и живет вместе со своей матерью. В жизни безденежного Мары не происходит ничего. Он только ждет и плывет по течению. Городская библиотека г. Оулу определяет роман как своеобразное соединение абсурдной драмы Беккета, произведения Камю «Посторонний» и юношеской эмансипации Сэлинджера.

«Ватерлоо на обочине дороги» — это роман одного дня, обрамляющее повествование которого формируется бессюжетным не-событием посреди ничто. Герои Мара и Арто сторожат на обочине дороги попавший в аварию автомобиль и убивают время пьянствуя, рассказывая анекдоты и листая комиксы. Кульминацией истории является ничем не закончившийся поход вслед за женщинами в ближайший бар. Тем временем уличные гонщики окончательно разбивают машину, и парням приходится придумывать объяснение сложившейся ситуации.

Центральное место действия в романе представлено болотистой и заросшей обочиной канавы, усеянной фантиками от конфет, оберточной бумагой от мороженого, пивными бутылками, пластиковыми пакетами и газетами. Единственное, на чем может остановиться взгляд, — это разбитая машина и рекламный щит. В город герои возвращаются на грузовике, перевозящем ядерные отходы и символизирующем судный день.

Уже в первом романе Рёухкя можно увидеть конфликт между гротескной действительностью и ощущаемой параллельно с ней другой реальностью. Воображение открывает путь для побега из угнетающей действительности. В романе «Призрак, который написал картину» (1982) дух умершего

в 30-е гг. XX в. живописца просит молодого художника Рене закончить его недописанный шедевр.

Картина становится сенсацией, которая испытывает границы подлинности и авторства, а также способность института искусства воспринимать новое. Противоположностью Рене является начинающий писатель и эстет, «апостол нежности» наподобие поэта Томми Таберманна Ханс Саломе. В его образе пародируются не только мода на писательство, но и вдохновившиеся контркультурой студенты. Ханс восхищается в Рене всем тем, чего не хватает ему самому — телесности и непосредственности.

Пилипенко Глеб Петрович,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

Контактные особенности в языке венгров города Нови Сад

Венгры являются самым многочисленным национальным меньшинством в автономном крае Воеводина (Сербия). В административном центре Воеводины, в городе Нови Сад, венгры составляют около 6 % населения. В Новом Саде была проведена экспедиция с целью изучения социолингвистической и этнокультурной ситуации венгерского населения города. Были проведены интервью с представителями местных церковных общин (католики и реформаторы), работниками системы образования, деятелями культурных сообществ, средств массовой информации и т. д. Особое внимание было уделено венграм, проживающим в районе Телеп, в котором венгерское население исторически преобладало. Обследованы были также район Лимана и центр города. Венгерское население Нового Сада неоднородно по своему составу и происхождению. Помимо венгров, проживающих в городе во втором и третьем поколении, наблюдается большой процент тех, кто переселился в столицу Воеводины из других населенных пунктов края: как из Бачки, так и из Баната. Венгры, которые родились в Новом Саде, двуязычны, они владеют как сербским, так и венгерским языком. Однако переселенцам из зон гомогенного проживания воеводинских венгров (в основном — это студенты из северной Бачки), владеющим сербским языком на низком уровне, сложно адаптироваться к языковой среде Нового Сада, в котором преобладает сербский язык.

При анализе речи венгров в венгерском языке выявляются контактные особенности. На фонетическом уровне речь идет, прежде всего, о замене мягких *gy, ty* мягкими аффрикатами, присутствующими в сербском языке. В области синтаксиса фиксируется распространение аналогов сербской конструкции *da*+настоящее время. На лексическом уровне отмечается обилие калькированных конструкций и прямых заимствований из сербского языка. Был изучен опыт редакторов венгерского радио, вещающего из Нового Сада, по выявлению и исправлению подобных заимствований в речи журналистов и дикторов. Общая тенденция, которая была нами отмечена: сокращение числа носителей венгерского языка в Новом Саде. С другой стороны, появляются многочисленные курсы венгерского языка для желающих получить венгерское гражданство.

Попова Элеонора Николаевна,

научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра УрО РАН (Сыктывкар)

К вопросу выделения союзов *кытчöдз*, *пока* (*эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)*) «пока не» в коми языке

В коми языке в сложноподчиненных предложениях между главной и придаточной частями временные отношения могут передаваться союзом исконного происхождения *кытчöдз* ‘пока’ и его русским аналогом *пока* ‘пока’. В предложениях с союзами *кытчöдз* ‘пока’ и *пока* ‘пока’ временное значение осложнено ограничительным моментом: событие, действие, о котором говорится в главной части, совершается в период, ограниченный временными рамками, обозначенными придаточной частью. Ограничительная функция придаточного предложения обусловлена здесь спецификой самих союзов, в которых присутствует значение временной протяженности. Действие главной части совпадает с действием придаточной на всем его протяжении. При этом во втором предложении союзы *кытчöдз* ‘пока’ и *пока* ‘пока’ ясно указывают на конечный момент этого совпадения. Сказуемые в главной и придаточной частях имеют чаще всего одинаковые формы времени, например: — ...**Кытчöдз** *дзотыс лоö мяян, повны нинöмысь* (Льюров) ‘...Пока дзот будет у нас, бояться нечего’; **Пока** *зарядка вöчан да мыссян-пасьтасян, кадыс и кольö* (Куратова) ‘Пока зарядку делаешь и моешься-одеваешься, время и проходит’.

Т. Н. Кренделева в современном коми языке выделяет союзы *кытчöдз эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)* и *пока эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)* ‘пока не’ аналогично русскому союзу пока не. Одни исследователи-русисты вообще не выделяют построения с союзом пока не в особый тип, другие выделяют, считая, что союз пока не выражает специфическое временное отношение ограничительного предшествования действия главной части действию придаточной. Согласно Т. Н. Кренделевой, союзы *кытчöдз*, *пока* ‘пока’ и *кытчöдз эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)*, *пока эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)* ‘пока не’ являются самостоятельными союзами с разными значениями. Если союзы *кытчöдз*, *пока* ‘пока’ передают значение одновременности действий, событий, явлений в главной и придаточной частях, то союзы *кытчöдз эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)*, *пока эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)* ‘пока не’ выражают временные отношения ограничительного предшествования действия главной части действию придаточной, т. е. значение разновременности: *Сулалысьяс дыр кывзисисны сьылöмас, кытчöдз песня эз лöнь* (Изьюрров) ‘Те, кто стояли, долго вслушивались в пение, пока песня не утихла’. При этом, как считает исследователь, в придаточной части отрицательный глагол *эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)* ‘я (мы) / ты (вы) / он/а (они) не’ сказуемого теряет отрицательную функцию, в результате придаточная часть получает утвердительный смысл, поэтому “*эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)* ‘я (мы) / ты (вы) / он/а (они) не’, уже не играющий отрицательной роли, входит в состав союза».

На наш взгляд, выделение союзов *кытчöдз эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)* ‘пока не’ и *пока эг(ö) / эн(ö) / эз(ö)* ‘пока не’ в коми языке является неправомерным. Аргументом может быть тот факт, что отрицательный глагол не только выполняет функцию отрицания. Он берет на себя все грамматические категории глагола:

лица, числа, времени и наклонения, а не основной глагол, сопровождаемый им и обозначающий действие, вместе с основным глаголом в предложении выступая в качестве сказуемого. Отрицательный глагол формирует отрицательное спряжение в коми языке, что является специфической чертой глагола большинства финно-угорских языков. Из изложенного следует: отрицательный глагол не может являться структурным элементом союза. Дифференция признака одновременность/разновременность осуществляется здесь на основе соотношения временных значений глаголов-сказуемых и контекста.

Пунегова Галина Васильевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН (Сыктывкар)

Русская речь коми учащихся

Относительное сходство и различие системы согласных коми и русского языков, особая сочетаемость и дистрибуция фонем в языках проявились в фонетических нарушениях при воспроизведении согласных в неродной русской речи коми учащихся. При формировании коми-русского двуязычия дифференциальные признаки согласных отражают черты, которые являются общими для систем исследуемых языков. При коми-русском двуязычии промежуточная система отражает черты, общие для обеих контактирующих систем, однако при русско-коми двуязычии большее сходство сохраняется с системой русского языка. Отклонения орфоэпического и орфофонического характера в русской речи коми учащихся выражается в:

- 1) нарушении противопоставления согласных по звонкости-глухости (зафиксированы озвонченные и оглушенные варианты согласных, а также звонкие на месте глухих);
- 2) нарушении противопоставления согласных по твердости-мягкости (зафиксированы недостаточно мягкие, палатальные на месте палатализованных, палатальные, артикуляционно продвинутые вперед, твердые на месте мягких согласных);
- 3) нарушении противопоставления по поведению голосовых связок, заключающемуся в реализации сонорного согласного вариантами звонкого шумного согласного);
- 4) произношении кратких заднеязычных согласных;
- 5) упрощении стечений согласных, путем опущения одного из них;
- 6) замене звуков по способу образования согласных.

Родионова Александра Павловна,

к. ф. н., научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

О некоторых фонетических

и грамматических явлениях в речи карелов-людиков

(на материале «Диалектологического атласа карельского языка»)

Говоры людиковского наречия в ареальном отношении классифицируются по-разному. Так, например, исследователь фонетической системы людиковского наречия А. П. Баранцев разделял говоры следующим образом:

- 1) непосредственно людиковская группа говоров, ареал которой является наиболее устойчивым и компактным, поскольку в ней сохранилась наибольшая концентрация людиков, в которую входят среднелюдиковские говоры (говоры населенных пунктов Святозеро, Пряжа, Виданы), севернелюдиковские (говоры населенных пунктов Спасская Губа. Пялозеро, Усссуна, Тивдия, Ерши, Сопоха);
- 2) лояницкая группа говоров охватывает говоры деревень Михайловского сельсовета Олонецкого района (в настоящее время — с. Михайловское), в которых наиболее заметны параллели с вепским языком [Баранцев, 1975];
- 3) сааван-пряжинская группа говоров (говоры деревни Ниинисельга и части Пряжи), в которых выявляется близкие связи с ливвиковскими наречием;
- 4) логмозерский говор, который существовал в д. Логмозеро, ныне исчезнувший, см.: [Баранцев, 1975. С. 8–10].

В настоящее время исследователи традиционно классифицируют людиковские говоры следующим образом: северно-людиковский (кондопожский), средне-людиковский (мунозерский), южно-людиковский (святозерский) и михайловский диалекты людиковского наречия, имеющие каждый свои языковые особенности [Зайков, 2000. С. 27]. По мнению Баранцева, людиковские говоры представляют собой пример смешанных, переходных, с разнородными языковыми признаками, которые не одинаково представлены в говорах. Внутренние языковые различия между группами во многом обусловлены непосредственным языковым окружением [Баранцев, 1975. С. 11].

Большую ценность при исследовании людиковского наречия представляет «Диалектологический атлас карельского языка» [Атлас, 1997], программу сбора материала для которой составлял в свое время Д. В. Бубрих. Материал атласа дает возможность проследить многие фонетические и грамматические явления в речи карелов-людиков относительно их положения между наречиями карельского языка и диалектами вепского языка. В Атласе людиковское наречие представлено 21 населенным пунктом; с глубоким сожалением, следует отметить, что сейчас большую часть этих говоров невозможно зафиксировать в полевых условиях, тем самым, Атлас представляет исключительную ценность для исследователей.

Литература:

1. Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Л.: Наука, 1975. 280 с.
2. Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000, 293 с.
3. Диалектологический атлас карельского языка / под ред. Бубриха Д. В., Белякова А. А., Пунжиной А. В. Хельсинки, 1997.

Шипёц Каталин,

Ph. D., доцент, Университет Сегеда (Венгрия)

Эвиденциальность в мансийском языке

Эвиденциальность — это грамматическая категория, с помощью которой говорящий в процессе рассказа указывает на источник сообщаемой информации. По грамматической реализации эвиденциальное содержание может

быть выражено многими способами. В менее грамматикализированной форме такую функцию могут нести наречие, модальные слова, словосочетание, более грамматикализированным способом являются в данном языке частицы, модальные глаголы, специальные формы глаголов (аффиксальный элемент, модальный (вспомогательный) глагол или наклонение глагола).

Достоверность может иметь несколько различных способов: прежде всего следует различать достоверность, приобретенную косвенным или прямым путем. В случае прямой эвиденции, на источник информации указывают органы чувств говорящего, т. е. говорящий видел, слышал, либо другими чувствами воспринял ту новость, о которой он рассказывает. При косвенной эвиденции рассказ основывается либо на слухах, либо на выводах. Перечисленные типы в некотором роде может выразить любой язык, но не каждый язык располагает грамматикализированными средствами.

Во многих уральских языках используется грамматикализированная эвиденциальность (эстонский, ливский, марийский, коми, удмуртский, обско-угорские и самодийские языки), однако название эвиденциальность присоединилось к этим явлениям лишь в последнее десятилетие, до этих пор при описании языка в основном появлялась под названием категории очевидности/неочевидности. В описаниях и грамматиках мансийского языка также долго не появлялась категория эвиденциальности. Для уральских языков, обладающих данной категорией, характерно, что формально данную функцию несет причастная форма глагола.

В мансийском языке используется только одна категория эвиденциальности, т. е. нет отдельных глагольных форм для различения разнообразного характера сбора информации.

В мансийском языке формы глаголов, служащие для выражения эвиденциальности, омонимичны причастиям, к ним относятся указывающие на лицо окончания, которые в случае объектного спряжения содержат и указывающую на объект морфему. Окончания в случае с эвиденциальностью настоящего времени формально одинаковы с притяжательными личными окончаниями (Px), однако в случае эвиденциальности прошедшего времени и пассивной эвиденциальности они совпадают с глагольными окончаниями субъектного и объектного спряжений (Vx).

Учитывая использование эвиденциальности, научная литература подчеркивает, что выраженное ею действие с характером неочевидности, неожиданное или поразительное.

Учитывая их распространение, можно сказать, что данные формы характерны для северного диалекта.

Частота эвиденциального использования, жанровая и зарегистрированная его привязанность требуют дальнейшего исследования. Дальнейший — в первую очередь происходящий с языковыми информантами — объект исследования: насколько может быть обязательно использование эвиденциальных форм, т. е. встречаются ли такие ситуации, которые могут быть выражены только путем эвиденциальности, т. е. конструкция с изъяснительным наклонением может считаться неграмматической.

В моем докладе хотела бы рассмотреть использование эвиденциального наклонения глагола на основе одной ивдельско-мансийской сказки.

Якименко Оксана Аркадьевна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Венгерский, русский, Достоевский:

творчество Ф. М. Достоевского в венгерской культуре

Восприятие Достоевского в Венгрии менялось от десятилетия к десятилетию: каждое новое поколение по-новому толковало его тексты, в зависимости от политических и идеологических изменений. Начиная с первых переводов (история которых заслуживает отдельного разговора) и культа писателя в 1920–1930-е гг. до почти полного забвения в послевоенный период и триумфального возвращения в 1960-е гг. — великий русский писатель всегда привлекал к себе внимание читающей публики, писателей, поэтов, композиторов и режиссеров. Художественный метод Достоевского вызывал интерес у крупнейших венгерских прозаиков конца XIX — начала XX вв. (К. Миксат, Ж. Мориц, Ж. Кемень).

Впоследствии целые поколения венгерских писателей тщательно изучали творчество Ф. М. Достоевского, проецировали его на венгерскую действительность, пытались, с его помощью, лучше понять собственную национальную традицию. Такие авторы, как Д. Шпиро и Л. Краснохоркаи, не просто признаются в искренней любви к русскому писателю, но и открывают в своих художественных и литературоведческих текстах новые грани его творчества.

Присутствие Достоевского в венгерской культуре порой обретает самые неожиданные формы: от философской лирики (Я. Пилински) до текстов песен в жанре интеллектуального кабаре (Т. Чех) или сложных музыкальных построений (Д. Куртаг). Значительную роль сыграл Достоевский и в истории венгерского театра.

Цель доклада — выделить основные причины интереса к Достоевскому на разных этапах и показать, какие отклики его творчество вызвало в венгерской культуре.

ФЕДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Альбукова Ольга Владимировна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Маркеры адресованности газетного текста в условиях перевода

В докладе рассматривается категория адресованности в текстах газетных статей, а также производится анализ зависимости адресованной направленности текста оригинала и выбора лексико-синтаксических средств при переводе статьи с английского языка на русский. В данной работе произведен анализ текстов статей на материале наиболее известных и авторитетных британских и американских газетных изданий. Выделены основные маркеры адресованности статей, характерные для анализируемых газет, их сходные черты и различия. Определена общая направленность

газетных изданий (т. е. определен тип адресата, для которого предназначается газета). Произведен анализ переводов газетных статей с учетом фактора адресованности, а также выявлены некоторые сложности и неточности, возникающие при переводе текстов, если не учитывается адресная направленность газетной статьи.

Анфиногенова Анна Ивановна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Вариативность английских синтаксем,
соответствующих русским конструкциям,
репрезентирующим концепт ТОСКА/СКУКА

В докладе рассматриваются основные английские синтаксические переводческие соответствия (ПС) русских конструкций, актуализирующих концепт ТОСКА/СКУКА. Анализ осуществлен на основе нескольких английских переводов пьес А. П. Чехова. В группу рассматриваемых русских эмотивных лексем (ЭЛ) этого типа входят лексемы различной частеречной принадлежности ТОСКА, ТОСКОВАТЬ, СКУЧНО, СКУКА, СКУЧНЫЙ, СКУЧАТЬ, ПЕЧАЛЬНЫЙ, ПЕЧАЛЬНО, ПЕЧАЛЬ, МЕЛАНХОЛИЯ, МЕРЛЕХЛЮНДИЯ, ГРУСТНО, ГРУСТЬ, ХАНДРА, ХАНДРИТЬ, УНЫНИЕ и некоторые другие лексемы (сплин, угнетенность, психопатия, киснуть). Однокоренные русские ЭЛ группы СКУКА (скука, скучный, скучно, скучать) занимают ведущее место в списке русских ЭЛ, существенно опережая все остальные группы ЭЛ, включающие однокоренные дериваты. Важность концепта ТОСКА для русской языковой картины мира подчеркивалась в работах А. Вежбицкой и А. Д. Шмелева.

Так, например, А. Вежбицкая писала, что **тоска** (наряду с понятиями **судьба** и **душа**) является одним из ключевых слов русской культуры. При этом она приводит данные Кучеры и Френсиса, в корпусе которых, включающем миллион слов последовательного текста, представлены следующие наиболее близкие эквиваленты слова **тоска**: yearning — 14 словоупотреблений, longing — 12, boredom — 11 и melancholy — 9 (там же). Как отмечает сама А. Вежбицкая, поскольку все эти слова (за исключением boredom) не являются общеупотребительными в современном разговорном английском языке, скорее уместно сопоставить по смыслу русскую **тоску** с английскими словами sadness и sad.

В рассмотренных пяти пьесах отмечены 24 случая употребления лексемы ТОСКА, которой соответствуют 37 английских ПС, зафиксированных в переводных текстах 120 раз. ПС с сохраненным частеречным статусом составляют 15 лексем и одно словосочетание, которые употреблены 77 раз и включают следующие основные, равноценные и периферийные варианты: основное ПС — depression (24 случая употребления), boredom (17), РПС — anguish (7), longing (6), sadness (5), misery (4), ППС — melancholy (2), despair (2), fit (2), mental pain (2), anxiety (1), grief (1), sorrow (1), unhappiness (1), wretchedness (1), craving (for) (1). ПС с сохраненным частеречным статусом обычно употребляются в аналогичных синтаксических конструк-

циях, тогда как ПС с измененным частеречным статусом всегда приводят к несовпадению синтаксических структур оригинала и перевода.

Группа ПС русской лексики ТОСКА с измененным частеречным статусом включает 14 вариантов, которые употреблены 24 раза, и содержит четыре подгруппы слов: а) отрицательные формы: depressed (6 словоупотреблений), anguished (voice) (2); б) глагольные формы: — to bore (2), urge (1), get down (1), cheer up (1), miss (1); в) прилагательные: miserable (1), sad (2), wretched (1); г) наречия: miserably (3), wretchedly (1), plaintively (1), despairingly (1), например: [Посмотрите, на что он похож: меланхолия, сплин, **тошка**, хандра, грусть...] — Look at him: melancholy, bitterness, **boredom**, gloom, depression (РС, р. 8); Just look at him, the picture of melancholy, bitterness, **anguish**, depression, gloom (AD, р. 30); Just look at him — sour, depressed, **gloomy**, miserable; Look at the man — all that gloom, bad temper, **wretchedness**, moodiness, general misery; Look what a sight he is now: dull, cross, **bored**, peevish.

В докладе особое внимание уделено случаям, когда семантика исходных русских эмотивных имен, репрезентирующих рассматриваемый концепт, передается английскими глагольными формами, таким образом, требующими других синтаксических конструкций.

Ачкасов Андрей Валентинович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвистические аспекты локализации веб-сайтов

Локализация в широком смысле понимается как лингвистическая и культурная адаптация продукта к условиям новой (целевой) локали. Локализация веб-сайтов (ЛВС), в соответствии с этим определением интерпретируется как сочетание перевода (замещение исходных цепочек символов целевыми) и культурной адаптации (языкового и графического контента, дизайна в целом и частично кода). Такая упрощенная модель ЛВС транслируется индустрией в маркетинговых целях.

В технологическом плане ЛВС традиционно описывается как многоступенчатый процесс, сопряженный с необходимостью использования специализированных средств автоматизации перевода (отделение текста от кода, работа с сегментами), работой с текстами в изображениях, кодом, тестированием и т. д. Перевод и культурная адаптация лингвистического контента, в соответствии с такой моделью локализации, «встроены» в разные технологические цепочки, но представляют собой разные фазы локализации. Попытки дать общее описание лингвистических стратегий локализации предпринимаются, главным образом, в области переводоведения. Это обусловлено наличием в процессе ЛВС этапа перевода и элемента языковой адаптации, который так же укладывается в общую картину межъязыковой коммуникации.

В существующих исследованиях предметом анализа являются уже локализованные сайты (по состоянию на момент анализа), а отношения между текстами разноязычных сайтов описываются в традиционных пе-

реведоведческих терминах, таких как оригинальный (исходный) и переводной (целевой) тексты, направление перевода, эквивалентность, объем понятия, прагматические и стилистические аспекты текстов. Хотя такой язык описания может быть использован, хотя и с некоторой натяжкой, для описания текстового контента разноязычных сайтов, он не отражает базовые реалии ЛВС.

Функциональная эквивалентность разноязычных сайтов не может быть описана в терминах переводческой эквивалентности. Это связано с тем, что процесс и глубина локализации определяются экономическими факторами, в том числе бюджетом проектов по ЛВС, экономическими реалиями целевой локали, типом продукта, представленного на сайте, наличием этапа интернационализации и т. д.

При равном объеме культурной адаптации языкового контента в разных проектах по ЛВС, функциональные аспекты локализованных сайтов могут существенно различаться. Текстовый контент целевого веб-сайта (в зависимости от типа и глубины локализации) может обновляться и меняться независимо от контента исходного сайта. Это, в частности, касается поисковой оптимизации сайта, которая ориентирована на поисковое поведение пользователей в новой локали. В этом контексте теряют смысл такие понятия, как направление перевода (локализации) и эквивалентность.

Лингвистические аспекты ЛВС могут быть целостно описаны в рамках межъязыкового контрастивного анализа (поисковое поведение, функционально прикрепленные средства) с учетом разных наборов экстралингвистических факторов, включая экономические реалии разных локалей, особенности технологии локализации, характеристики поисковых систем, используемых в разных локалях. Выявляемые языковые контрасты могут быть успешно интерпретированы только с учетом многообразия технологического и маркетингового контекстов, которые их определяют. Культурные аспекты адаптации, которые чаще всего привлекают внимание лингвистов, являются лишь одним из аспектов ЛВС.

Батиц Вера Алексеевна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Вариативность заимствований наименований киножанров (на материале русского и английского языков)

В докладе рассматриваются особенности заимствованных названий жанров кино из английского языка в русский в диахроническом аспекте, анализируется вариативность их написания и употребления в разговорной речи. Иноязычная лексика составляет особый пласт языка, который безусловно является объектом для анализа. На протяжении многих лет вопросы заимствования привлекают многих лингвистов. Некоторые из них видят причины заимствования новой лексики в распространении моды на иностранные слова, некоторые — в необходимости номинации новых предметов, процессов и понятий, другие говорят о необходимости заимствовать иноязычную лексику в целях экономии языковых средств.

В конце XX — начале XXI в. наблюдается активный приток заимствований в русский язык, а именно в развивающиеся сферы жизнедеятельности человека, такие как политика, экономика, сферы образования, культуры и искусства. Став мировым языком, английский заложил фундамент для дальнейшей экспансии американской культуры. Наиболее отчетливо эти тенденции прослеживаются в сфере развлечений. Поэтому киноиндустрия была нами выбрана не случайно.

В ходе анализа наименований заимствованных киножанров отчетливо выделяются два их активных периода заимствования в русский язык: с начала 60-х гг. XX в. и с конца 90-х гг. прошлого столетия. Также у обеих групп заимствований наблюдается одна общая тенденция — фонетическая и морфологическая вариативность. Встречаются примеры семантического переосмысления при заимствовании англоязычных наименований жанров кино. Заимствование является одним из самых простых способов обогащения лексики языка-реципиента. Различная степень ассимиляции, вариативность заимствованной лексики позволяет говорить о том, что иноязычные слова будут претерпевать ряд изменений под воздействием чужого языка. Следовательно, анализ заимствованных наименований жанров кино может стать предметом для самостоятельного лингвистического исследования.

Боголюбова Лариса Ивановна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О некоторых закономерностях французско-русских формальных речевых несоответствий

Предлагаемое исследование относится к области сопоставительной прагматики, изучающей конкретные речевые реализации на двух языках. Это научное направление только начинает развиваться. Материалом для предлагаемого исследования послужили реплики из фильмов — русских, дублированных на французский язык, и французских, дублированных на русский язык. Фильмы использовались не в сценарном варианте, а в реальном звучащем виде. При этом сопоставлялись речевые ситуации на двух языках. Конечно, технические факторы, в частности, необходимость соблюдать время звучания реплик, накладывают некоторые ограничения. Однако этот фактор не является решающим. Известно, что даже при письменном переводе русских художественных произведений на французский язык французский текст оказывается намного короче русского.

Методически полезной является в данном случае классификация речевых ситуаций на сильноструктурированные и слабоструктурированные. Иногда выделяют также промежуточный вариант. На эту тему под моим руководством была написана и защищена в нашем университете кандидатская диссертация О. В. Богемовой. Сильноструктурированные ситуации предполагают жесткие правила речевого и неречевого поведения. Такие ситуации имеют место преимущественно в официальном общении. В них много стереотипных формул, которые обусловлены самой ситуацией. Но

наибольший интерес представляют слабоструктурированные ситуации, к которым относятся различные формы неофициального общения. Именно эти ситуации были нами изучены. Казалось бы, какие закономерности могут быть выделены, если таких ситуаций бесконечное множество. Однако исследование показало, что они могут быть обнаружены. Причем, формальные совпадения обуславливаются как различием лексико-грамматической структуры, так и различием узуса. Ярким примером могут послужить директивные высказывания на двух языках (приказания, просьбы, советы, приглашения и т. п.).

В данных речевых актах на русском языке вполне допустим и часто используется императив, смягченный в случае необходимости формулой вежливости. Для тех же речевых актов на французском языке императив значительно менее типичен. Даже в пословицах и поговорках, эквиваленты которых есть в обоих языках (типа «Не ставь телегу впереди лошади» или «Семь раз отмерь, один отрежь»), во французском варианте значительно реже встречается повелительное наклонение. Оно чаще всего заменяется безличным «Il faut», за которым следует глагол в сослагательном наклонении. Это лишь один из примеров, которые предполагается привести в докладе.

Бояркина Альбина Витальевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Субтитры к операм Р. Вагнера:

перевод либретто или сочинение нового текста?

Примерно с 1990-х гг. современный оперный театр активно использует в постановках субтитры на разных языках — это облегчает понимание действия и компенсирует не всегда четкое произношение текста на сцене. Но для переводчиков создание субтитров требует особых навыков: необходимо кратко и ясно изложить смысл происходящего на сцене и следить за объемом текста на каждой странице субтитров. Не все оперные либретто поддаются прямому переложению на субтитры, часто требуется вдумчивая обработка текста. Особенно сложны для перевода и создания субтитров тексты вагнеровских опер, которые сами по себе являются литературными произведениями.

Переводы опер Рихарда Вагнера на русский язык предпринимались несколько раз — в конце XIX и в начале XX в. Но несмотря на имеющиеся образцовые переводы либретто (В. Коломийцов), в современном театре необходимы более понятные зрителю новые переводные тексты опер, которые могут быть приспособлены еще и к субтитрам.

К 250-летию юбилею Рихарда Вагнера в СПбГУ в Центре музыкальной лексикографии и перевода был проведен переводческий конкурс — студенты соревновались в эквиритмическом переводе арий, переводили критические статьи Вагнера и создавали субтитры к сценам из опер. По результатам конкурса лучшие работы были переданы в Мариинский театр. Анализу конкурсных переводов посвящен настоящий доклад.

Власов Сергей Васильевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

От «Корчаги» до «Золушки» (история переводов названия сказки Ш. Перро «Cendrillon»)

История переводов и переложений сказок Ш. Перро на русский язык — это история их постепенного обрусения и вхождения в русскую массовую культуру с преобладанием переложений и обработок для детей над собственно переводами. Причем в обработках для детей тексты Перро не только сокращаются и публикуются без стихотворных нравоучений, но и подчас комбинируются с текстами сказок братьев Grimm (например, концовка «Красной Шапочки»), а также произвольно изменяются в соответствии с литературными вкусами и представлениями авторов переложений о том, каким образом следует приспособить сказки Перро к уровню их восприятия детьми дошкольного и младшего школьного возраста. В результате сказки Перро предстают перед русским читателем в таком искаженном виде, что приписывание их авторства Перро граничит с литературным подлогом. Кроме того, приписывание целого ряда переводов И. С. Тургеневу (кроме перевода сказок «Синяя борода» и «Волшебница») также является литературной мистификацией, в которой был повинен сам знаменитый русский писатель, поставивший свое имя под литературными поделками своих ассистентов — Н. В. Щербаня и Н. Н. Рашет. Более того, и сами переводы под именем Тургенева нередко переиздаются и тиражируются на сайтах в Интернете с дальнейшими изменениями, но тем не менее по-прежнему пользуются спросом у введенных в заблуждение современных читателей, несмотря на тройной подлог (это уже и не сказки Перро, и не переводы Тургенева, и не переводы ассистентов Тургенева). Таким образом, мистификация, начатая еще самим Ш. Перро, издавшим свои сказки под именем своего сына д'Арманкура, продолжается до сих пор.

История русских названий сказки Перро «Cendrillon» прошла четыре главных стадии: от стадии неудачных описательных и неточных названий («Корчага, в которой золу содержат» или просто «Корчага») в первом переводе Льва Воинова (1768 г.), через стадию заимствования французского прозвища «Сандрильон» (анонимный перевод 1795–1805 гг.) или «Сандрильона» — в русском переводе А. В. Лукницкого (1816 г.) французского либретто оперы по сказке Перро истацию сосуществования заимствованного из французского языка прозвища (Сандрильона) и его различных русских переводов, начиная с перевода В. В. Баранова 1825 г. («Сандрильона, или «Замарашка», «Сандрильона» («Золушка») — переводы XIX в.) к этапу окончательного обрусения французского сказочного персонажа и превращения его из Сандрильоны сначала в «Чумичку» (перевод 1845 г.), потом в «Замарашку» (перевод 1861 г.) и, наконец, в «Золушку» (начиная с 70–80-х гг. XIX в.).

Рефлексы старого заимствованного из французского языка прозвища героини Перро — Сандрильона — встречаются в русской поэзии вплоть до 10-х гг. XX в. — в творчестве А. А. Ахматовой и В. Ф. Ходасевича. Эти четырем стадиям перевода соответствуют и различная типология переводов — от собственно переводов сказок Перро и их бытования на фоне

переводов французских опер и балетов по сказкам Перро к различным адаптациям сказок Перро, вплоть до их окончательного вхождения в русскую массовую культуру уже не столько в виде переводов, сколько в виде переложений и обработок для детей. Следует также подчеркнуть большую роль не только массовых изданий переложений сказок Перро, но также театральных, и кинематографических постановок по сказкам Перро в процессе усвоения знаменитых французских сказок русской культурой.

Войку Ольга Константиновна,

к. п. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Подготовка переводчиков в социальной сфере в Испании

Подготовка переводчиков в социальной сфере охватывает обширный спектр задач, для решения которых требуются определенные навыки и умения не только в сфере профессиональной деятельности, но также и в различных аспектах, например, для того, чтобы избежать возможных конфликтов, вызванных принадлежностью к разным культурам, религиям. События, происходящие в настоящее время в мире, подтверждают актуальность и своевременность обращения к данной теме.

Несмотря на тот факт, что русский язык является пилотным языком, т. е. наравне с английским, испанским и французским — европейскими языками, а также — арабским и китайским языками входит в 6 рабочих языков ООН, до сих пор уделяется недостаточное внимание подготовке переводчиков к работе в социальной сфере.

Представляется необходимым учитывать опыт других стран, например, Испании, которая вслед за Германией занимает второе место в ЕС по подготовке социальных переводчиков. Более чем в сорока университетах Испании готовят профессиональных переводчиков, но и там не до конца решен вопрос о роли и степени подготовки переводчика, который является профессионалом, и переводчика-посредника (*el mediador*) в сфере социального перевода. Для специальной подготовки необходимы пособия, комплексы различных упражнений. В Испании накоплен определенный опыт, который представляется интересным использовать и для подготовки специалистов в данной области в нашей стране, учитывая тот факт, что в последнее время проблеме мигрантов стали уделять особое внимание.

Гаврилова Ольга Юрьевна,

к. ф. н., доцент, Военный Университет Министерства Обороны
Российской Федерации (Москва)

«Именной» компонент английских эпонимов в аспекте перевода

Как неоднократно подчеркивал А. В. Федоров, для достижения полноценности перевода на более высоких уровнях языковой архитектуры необходимо особое внимание уделять отдельным элементам более низкого уровня, создающим индивидуальное своеобразие произведения — как

с идейно-смысловой, так и с формальной точки зрения. Вопрос переводческого выбора и факторов, его определяющих, на уровне отдельных элементов текста особо интересен в отношении таких культурно-специфических лексических единиц, как эпонимы, интерес к языковым, а также социальным, историческим, этическим и проч. свойствам которых значительно вырос за последнее десятилетие.

На первый взгляд, эпонимы, и в особенности термины-эпонимы, не представляют особых трудностей при переводе, т. к. в большинстве западноевропейских и славянских языков образуют ряды регулярных межязыковых соответствий: *Alzheimer's disease* (англ.) — *Alzheimer Krankheit* (нем.) — *malattia di Alzheimer* (ит.) — *болезнь Альцгеймера* (русск.) — *хвароба Альцгеймера* (бел.) и т. д. Однако часто полноценный перевод данного типа наименований с сохранением всех обязательных и необходимых семантических, функциональных и проч. признаков оказывается сложной задачей, поскольку эпонимы — это, прежде всего, культурно-и национально-специфические языковые единицы, имена собственные в структуре которых способны репрезентировать разные типы знания об объектах и явлениях окружающего мира. Наиболее ярко эта способность выражена у эпонимов, основанных на именах библейских, мифологических, исторических и литературных личностей и персонажей, ассоциируемых у носителей языка с целым рядом характеристик (например, особенности жизни/жизнедеятельности — *Diogenes crab* 'рак-отшельник', *Jesus bug* 'водомерка', цвет/окраска — *Samson fox* 'лисица-самсон' и проч.).

Как известно, внутренняя форма межязыковых соответствий редко совпадает (что видно из приведенных примеров), поскольку в задачи переводчика, как правило, не входит сохранение мотивировочного признака и способа его лексической объективации. В результате при переводе эпонимов часто теряется целый пласт культурно- и национально-специфической информации, репрезентированной именными компонентами, что заставляет поставить вопрос о целесообразности дополнительной экспликации подобных знаний для целевой аудитории текста перевода либо о возможности их опущения как нерелевантных. В данном сообщении на материале английских эпонимов предлагается рассмотрение вопроса о целесообразности дополнительных описаний именных ассоциаций в зависимости от степени известности имен носителям культур и языков оригинала и перевода, а также от релевантности информации, репрезентруемой именованным компонентом эпонима, для лексического значения, о чем может свидетельствовать ее корреляция с ядерными интенциональными (как в (1) *Florence Nightingale syndrome* 'синдром Флоренс Найтингейл': *a romantic attraction or bond that develops between patient and caregiver and is the direct result of the caregiving experience*) либо периферическими импликационными семантическими компонентами ((2) *St. Mark's fly* 'мошка черная': *a large black angular European bibionid fly Bibio marci that usually emerges about the end of April*).

В результате дефиниционного анализа, направленного на выявление места в структуре значения, а, соответственно, роли в семантике анали-

зируемого наименования экстралингвистической информации, связанной с именем собственным, становится очевидной степень мотивированности эпонима, раскрытие которой для целевой аудитории текста перевода при помощи дополнительного описания, например, в сноске, может оказаться весьма значимым (как в примере (1) — информация о подвижничестве Флоренс Найтингейл в области медсестринского дела) либо нерелевантным (2 — время празднования дня св. Марка, совпадающее с темпоральной характеристикой насекомого).

Решение вопроса о дополнении переводческого соответствия английского эпонима описательным переводом в зависимости от семантической релевантности «именной» информации может оказаться полезным, как в практике перевода, так и в практике и теории разработки систем машинного перевода как один из способов формализации механизма принятия переводческих решений.

Гамзатов Магомед Гаджиевич,

преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Курс «Юридическая латынь: перевод и толкование терминов и понятий»

Латинская юридическая терминология в форме понятий римского права на фоне текстов права и дипломатии выступает с особой рельефностью. Во многих случаях латинская юридическая терминология в подобных текстах дается без перевода, т. е. предполагается, что участники дискурса в сфере юриспруденции, дипломатии и межкультурной коммуникации понимают о чем идет речь. А для обычного слушателя или наблюдателя юридическая латынь является неким сакральным, магическим явлением, представляющим собой некое таинство. Но самое главное заключается в том, что латинская юридическая терминология является очень распространенным явлением в текстах прецедентной системы права, которая значительно отличается по своей юридической природе от континентально-правовой системы. Кроме того, надо учитывать и тот факт, что английский является не только материнским языком прецедентной системы права, но и официальным языком ООН, более того, он стал ведущим языком науки и межкультурной коммуникации в мировом масштабе. Эти факты делают очевидной значимость юридической латыни в подготовке переводчиков в сфере юриспруденции и дипломатии. Данный курс имеет не только теоретическую направленность, но и профессиональную практичность, поскольку лекционный материал сопровождается многочисленными примерами и комментариями из оригинальных текстов по международному праву и дипломатии.

В программу включены следующие темы лекций.

1. Роль юридической латыни и понятий римского права в общеобразовательном профессиональном процессе и межкультурном коммуникативном дискурсе.

2. Общая характеристика и соотношение понятий-синонимов «Ius» и «Lex».
3. Институты Magna C(h)arta и Habeas Corpus Act как гарантии прав свободы и личной неприкосновенности в системе прецедентного права.
4. Латинские юридические термины в англоязычных правовых текстах: перевод и интерпретация.
5. Латинская юридическая терминология в английском варианте произношения и его значимость в процессе устного перевода.
6. Термины-синонимы «соглашение», «договор», «сделка» (pactum, placito, pactio, conventio, conventium, conventus, contractus, transactio, fabula), «власть» (dominus, manus, mancipium, potestas, imperium, potentia, auctoritas): перевод и трактовка.
7. Оговорка «Ordre public» как защитный механизм национального правопорядка: условия и порядок применения.
8. Коллизионные привязки: юридическая значимость, перевод и толкование.
9. Понятие «Jus gentium»: история возникновения и его роль в становлении международного права.
10. «Pacta sunt servanda» как основополагающий принцип соблюдения договорных обязательств. Оговорка (Clausula) «Rebus sic stantibus».
11. Принцип «Res judicata» в судебной практике.
12. Концепция «Lex mercatoria» в правовых нормах и судебной практике.
13. «Forum non conveniens»: условия и порядок применения в судебной практике.
14. Юридическая природа и императивный характер нормы «Jus cogens».
15. Интерпретация и реализация принципа «Non bis in idem». «Ratio decidendi» и его место в судебном прецеденте.
16. Перевод и интерпретация терминов «conditio sine qua non», «corpus delicti», «non liquet», «ratione temporis», «ratione loci».

Курс включен в магистерскую программу «Юридический перевод», профиль «Инновационные технологии перевода: английский язык», 2 курс, Филологического факультета СПбГУ. Данный курс отражает основные положения монографии с одноименным названием в объеме не менее 15–17 а. л., которая готовится к публикации. Отдельные темы монографии обсуждались на конференциях и публиковались.

Григорьева Любовь Николаевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Критерии оценки устного перевода

В данном докладе рассмотрению подлежат следующие основные моменты.

1. Существующие классификации переводческих ошибок. Основное внимание при этом уделяется типологии, разработанной известным российским переводчиком Р. К. Миньяром-Белоручевым, который являлся не только известным российским переводчиком, но и преподавателем

с большим опытом практической работы и автором многочисленных трудов, пособий и статей.

2. Рассмотрение и анализ типологии ошибок Р. К. Миньяра-Белоручева. Предложенная данным автором типология включает в себя пять основных пунктов, а именно — учет несоответствий между текстом оригинала и перевода; выделение среди несоответствий не переданной и добавленной информации; не переданная и добавленная информация иерархически делятся далее с точки зрения их иерархической значимости на пять типов: ключевую, добавочную, уточняющую, повторную и нулевую. Каждое из несоответствий представляет собой определенный квант информации, которые в целом можно поделить на восемь видов. Суммирование выделенных типов ошибок происходит за счет подсчета слоговой величины текста оригинала и перевода. На основании данных критериев Р. К. Миньяр-Белоручев выделяет в итоге ошибки четырех уровне по степени их значимости (так называемой «грубости»), т. е. ошибки первой, второй, третьей и четвертой степени. Так, к ошибкам первой степени относится добавленная релевантная (ключевая) информация. К ошибкам второй степени относится не переданная релевантная информация. К ошибкам третьей степени относится добавленная или не переданная добавочная, уточняющая информация. К ошибкам четвертой степени относится добавленная или не переданная повторная или нулевая информация.
3. Далее в докладе анализируются примеры Р. К. Миньяра-Белоручева, иллюстрирующие основные положения автора.
4. Далее приводится аутентичный пример — перевод студентки 4 курса бакалавриата новогоднего поздравления канцлера Германии Ангелы Меркель Ольги Н. Данный перевод анализируется по методике, предложенной Р. К. Миньяром-Белоручевым. При этом делается вывод о том, что данная методика подсчета ошибок в устном последовательном переводе некоторыми другими критериями.
5. Дополнительные критерии оценки устного перевода. В качестве таких дополнительных критериев в процессе оценки сделанного устного перевода предлагается учитывать так называемые речевые ошибки, а именно — самокорретуры (когда переводящий сам исправляет свои по его мнению ошибки, такие ошибки часто сочетаются с обрывами, незаконченными фразами), паузы, повторы, обрывы (незаконченные высказывания), слова-паразиты.
6. Помимо выделенных ошибок представляется также необходимым обязательно учитывать те ошибки, которые всегда учитываются в письменном переводе, т. е. грамматические, лексические и стилистические. Потому что устный текстовое произведение переводчика должно соответствовать всем стандартам литературной нормы речи, в том числе на родном для него языке.
7. На основании проделанного анализа в итоге предлагается шкала оценивания учебных переводов студентов. Так, на конкретном приведенном в докладе примере (в виде видеозаписи и транскрипта) происходит выставлении оценки конкретной студентки Ольги Н.

Диброва Константин Юрьевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Лингвистическая синхрония и переводческая диахрония

В докладе рассматривается вопрос о степени допустимости и необходимости осовременивания архаичного и/или устаревшего языка оригинала в переводах, ориентированных на разные целевые аудитории. Анализируются разные варианты переводов на современные русский и английский языки латинских текстов VI в. («История франков» Григория Турского), переводов на английский язык текстов, написанных на древнерусском языке («Повесть временных лет»), переводов на русский язык текстов, написанных на английском языке XVIII в. («История упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона) и разновременные переводы на современный русский язык «Приключений Тома Сойера» М. Твена.

Жутовская Нина Мстиславаовна,

к. ф. н., доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

(Санкт-Петербург, Пушкин)

Кого оплакивала нимфа? (О переводе одного стихотворения Эндрю Марвелла Иосифом Бродским)

Английские поэты-метафизики оказали определенное влияние на становление художественной манеры Иосифа Бродского. В их числе был и Эндрю Марвелл. С поэзией английских романтиков Бродского связывает прежде всего ощущение распада мироздания, использование приема «кончетти» (англ. *conceit*), пристрастие к анжамбеманам, особенности строфики, увлечение сложными синтаксическими конструкциями, разорванными скобками или тире. Переводческой деятельностью Бродский занимался на протяжении всей своей творческой жизни, что было обусловлено как жизненными обстоятельствами, так и пристрастиями самого поэта.

Стихи Марвелла Бродский переводил после возвращения из ссылки в 1965 г., когда он еще не так хорошо владел английским языком, как впоследствии, живя в Америке. Разбираемое нами стихотворение относится к натурфилософской лирике Марвелла.

Сюжет этого произведения, насчитывающего 122 строки, сводится к следующему. Неверный возлюбленный Сильвио подарил нимфе молодого оленя, а сам бросил ее. Нимфа привязалась к олененку, который стал для нее олицетворением чистоты и нежности, однако бедное животное было смертельно ранено праздными наездниками и теперь умирает у ее ног. Нимфа оплакивает его смерть, предаваясь воспоминаниям и обещая поставить на могиле оленя памятник, который изображал бы ее саму, проливающую слезы над своим любимцем.

История эта служит поводом к различным интерпретациям. Ее трактуют как противопоставление природы и современного мира, миролюбивой невинности и жестокой войны. Образ же молодого оленя отсылает к Песни песней или к «Энеиде» Вергилия, но в то же время олень может напоминать и об убиенном короле Карле Первом.

В переводе этого стихотворения Марвелла И. Бродский неизменно сохраняет все формальные особенности подлинника — четырехстопный ямб, количество стихов, исключительно мужские рифмы, парную рифму, обилие анжамбеманов. Бродский активно использует архаичную и возвышенно-поэтическую лексику, но, следуя собственной манере, нередко употребляет слова и выражения современного ему разговорного русского языка в опасной близости к архаизмам. Эта особенность, присущая в дальнейшем и оригинальному творчеству поэта, будет восприниматься в нем как элемент неподражаемой авторской интонации, однако в переводе может вызвать сомнение. Переводчик сохраняет и игру слов оригинала (*deer — dear*), построив его на другом слове ПЯ «ласка»: «И фавна приручить я смог / На ласку расставлять силок».

Здесь следует наконец сказать об ошибке, которая кардинальным образом повлияла на весь перевод стихотворения. Дело в том, что слова «fawn» (оленок, молодой олень до одного года) и «faun» (фавн) выглядят похоже, и, по-видимому, Бродский не стал лишним раз заглядывать в словарь, а, быть может, достаточно полного словаря просто не оказалось под рукой. К тому же, само слово «нимфа» естественным образом влечет за собой появление «фавна». И вместо оленя нимфа Бродского стала оплакивать фавна. По-видимому, переводчик почувствовал несоответствие между привычным образом фавна и описанным Марвеллом нежным и ласковым животным и поэтому для большего правдоподобия ввел отсутствующие у автора понятия, чтобы приблизить героя стихотворения к мифологическому персонажу.

Человеку свойственно ошибаться. Это касается, в том числе, и больших поэтов, а уж тем более поэтов-переводчиков, вынужденных мимикрировать под иноязычного собрата. Но для тех, кто любит оригинальное творчество Бродского, чрезвычайно интересно исследовать также и его переводческую работу, поскольку те удачи, которые ему сопутствовали на этом пути, ив первую очередь эквилибрность перевода, внимание к деталям, интонационная адекватность, передача анжамбеманов, игры слов, строфики, свидетельствуют об очень внимательном отношении русского поэта к переводу стихотворного текста. А это как раз то, что слишком часто приносится в жертву современными переводчиками поэзии.

Калашников Александр Владимирович,
к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

Либретто опер Р. Вагнера в диалоге русской и немецкой культур

Рассмотрение переводов оперных либретто является хорошим и своевременным поводом для дискуссии о необходимости исполнения опер в переводе или на языке оригинала с русскими титрами на экране над сценой, как это больше принято в театрах сейчас. В то же время величайшая певица XX в. Г. П. Вишневская неоднократно утверждала, что опере нужно исполнять партию на языке, понятном публике. В 1970 г. в Великобритании были выпущены пластинки с операми «Кольца нибелунгов» на английском

языке. Несколько лет назад эти же оперы выпущены на компакт-дисках и до сих пор пользуются спросом.

Проект с переводом опер успешно продолжается. Вышли, в частности, записи опер «Дон Карлос» Верди, «Юлий Цезарь» Генделя с текстом на английском языке. Инициатор проекта Питер Мурс говорит: «Дело не в том, что опера на вашем родном языке становится лучше, а в том, что вы ее можете понять».

Либретто и музыка опер «Лоэнгрин», «Парсифаль», «Летучий голландец», «Тристан и Изольда» наполнены мотивами вечных ценностей, таких как благородство, добро, дружба, любовь, сострадание — т. е. всего того, на чем строится межкультурная коммуникация. Распространению и пониманию этих незыблемых ценностей в операх Р. Вагнера способствовали и либретто, создававшиеся лично композитором на немецком языке. Отношение к воззрениям и музыкальному наследию немецкого композитора, начиная с первых постановок его опер, остается неоднозначным, но равнодушными ценители музыки к его произведениям оставаться не могут.

В связи с таким противоположным отношением понимание замысла оперы как произведения в целом зависит от умения переводчиков создать текст либретто, не исказив трактовки сюжета, поэтому вклад переводчиков-либреттистов в сближение и диалог культур бесценен.

Первой оперой Вагнера, поставленной на русской сцене, стал «Лоэнгрин». Премьера состоялась в 1868 г. в Мариинском театре спустя пять лет после успешных гастролей Вагнера в Петербурге и Москве. Перевод либретто был сделан выпускником Петербургского университета К. И. Званцовым. На основе этого перевода в 1874 г. в Мариинском театре была поставлена опера «Тангейзер». С этим переводом, опера исполнялась до 1900 г. При постановке оперы в Москве в 1919 г. использовался перевод В. П. Коломийцева. В 1895 г. был выполнен перевод текста оперы «Тристан и Изольда» В. Е. Чехихин, но сведения о постановках с этим либретто отсутствуют. Им также было подготовлено русское либретто последней оперы Вагнера «Парсифаль».

Опера «Парсифаль» долгое время по распоряжению самого композитора нигде кроме Байрёйта в виде спектакля не исполнялась. Разрешались только концертные исполнения. Все главные театры мира ожидали истечения срока авторских прав, которые были установлены на 30 лет со дня кончины композитора. Первым театром, поставившим оперу по истечении этого срока, был Гран Театро дель Лисео в Барселоне. Интерес к опере был столь значительным, что с 1 января по 1 августа 1914 г. опера была поставлена в 50 оперных театрах Европы.

В 1913 г. оперу поставили в Петербурге в Театре Народного дома, а затем в 1914 г. в театре Музыкальной драмы с переводом В. П. Коломийцова — одного из основателей театра. В 1909 г. в Мариинском театре при постановке «Тристана и Изольды» также использовался перевод В. Б. Коломийцова.

В 1910 г. В. П. Коломийцев написал статью о переводе его опер «О музыкальном переводе драм Вагнера», в которой впервые четко были сформулированы основные проблемы, цели и задачи музыкального перевода

вагнеровских либретто в России. В. П. Коломийцев утверждал, что поэтический текст должен быть полностью равноценным оригиналу в метроритмическом отношении.

Камовникова Наталья Евгеньевна,

к. ф. н., доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Пушкин)

Поэзия Редьярда Киплинга и ее русскоязычные переводы в СССР

Влияние литературного наследия Редьярда Киплинга на литературу СССР нельзя недооценить. Однако поэзия Киплинга и ее переводы, оказавшие столь значительное влияние на русскую поэзию XX в. от Гумилева до Галича, долгое время — с 1936 по 1976 г. — находились под запретом. Долгая пауза в публикациях поэзии Киплинга в СССР и активная критика со стороны отечественных литературоведов объяснялась не только общим империалистическим, колониальным настроением его произведений, но и нескрываемой неприязнью Киплинга к Российской империи, а позднее — в особенности — к Советскому Союзу. Особенно неприемлемые с точки зрения господствующей идеологии произведения Киплинга увидели свет лишь после 1985 г. Так, перевод стихотворения «Россия — пацифистам» был впервые опубликован на русском языке в лишь 1986 г. в Париже В. Бетакки [Киплинг, 1986], и одновременно в 1986 г. переведен, а впоследствии и опубликован М. Л. Гаспаровым. Продолжительное время не публиковалось стихотворение «Мировая с медведем», представляющее собой развернутую метафору о взаимоотношениях с Россией.

После обличительной статьи в «Литературной энциклопедии» в 1931 г. [Литературная энциклопедия, 1931] и статьи Р. Миллер-Будницкой в 1936 г. [Миллер-Будницкая, 1936] Киплинг в Советском Союзе надолго перешел в разряд детских писателей. Его «Книга Джунглей» и сказки стали известны русскоязычному читателю благодаря работе блистательных переводчиков — К. Чуковского, С. Маршака, Н. Дарузес и др. Однако и «детская» литература Киплинга претерпела значительные трансформации в переводах, что, прежде всего, сказалось на поэтическом аспекте «Книги Джунглей», фактически нивелированном в опубликованных переводах.

Ситуация с переводами Киплинга и долгим запретом на перевод его поэзии во многом во многом иллюстрирует справедливое замечание А. Лефевра о потенциальной опасности перевода для принимающей культуры. Эта опасность обусловлена тем, что взгляды на жизнь и общество прецедентной и принимающей культуры могут вступить в конфронтацию [Lefevre, 1992. P. 14]. При этом природа социокультурных модификаций, имевших место в переводах поэзии Киплинга, не может быть охарактеризована как исключительно идеологическая, поскольку никакой перевод не преследует своей абсолютной целью воспроизведение идеологии [Van Dijk, 2006. P. 129]. Детальное изучение переводов и сопоставление их с историей развития советского переводоведения и литературоведения позволит приблизиться к ясному пониманию данной проблемы.

Литература:

1. *Киплинг Р.* Редьярд Киплинг в переводах Бена и Бетаки. Париж: Ритм, 1986.
2. Литературная энциклопедия. М.: Издательство коммунистической академии, 1931. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le5/le5-7082.htm>
3. *Миллер-Будницкая Р. З.* Поэзия Редьярда Киплинга // Киплинг Р. Избранные стихи / под ред. Вал. Стенича. Л.: Художественная литература, 1936. С. 3–28.
4. *Lefevere A.* Translation / History / Culture. London and New York: Routledge, 1992.
5. *Van Dijk T. A.* Ideology and discourse analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. № 11(2). Pp. 115–140.

Каразия Анастасия Андреевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Стратегия реализации трансформации добавления в синхронном переводе

Трансформация добавления в ряду переводческих трансформаций занимает особое место, поскольку она используется как один из механизмов достижения эквивалентной передачи смысла ИЯ в ПЯ. Среди разных видов перевода именно синхронный перевод предоставляет материал, позволяющий выявить наиболее общие речевые стратегии, приводящие к использованию появлению дополнительных номинативных элементов в ПЯ. Анализ проведен на материале транскриптов, созданных на основе записи пленарного заседания Петербургского Экономического Форума 2014 г. и его синхронного перевода. В результате анализа были выделены три основные группы проявления стратегии добавления:

- 1) добавления-экспликации, связанные с появлением уточненных номинаций;
- 2) добавления интенционально-экспрессивного характера, определяющие тональность высказываний;
- 3) коррекционные добавления.

Козел Наталья Петровна,

старший преподаватель, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Нетерминологические трудности перевода спортивной хроники

При переводе статей смешанного типа важно помнить о необходимости сохранить все средства выразительности, поскольку они влияют на эмоциональную оценку текста читателем или слушателем. Из спортивных жанров мы посчитали хронику самым интересным, поскольку перед автором такой статьи стоит задача не только сообщить о происходящем событии, но и передать это так, чтобы у каждого читателя создалось «ощущение присутствия» (Hernández Alonso). Анализировались специальные тексты из испанских газет «As», «Marca», «Sport», «Mundo Deportivo», «El País»,

«El Mundo», «ABC» и электронные издания нескольких стран Латинской Америки.

Типичными лексико-грамматическими особенностями испаноязычной спортивной хроники являются:

- а) частое использование прилагательных вместо существительных: *azul-grana* — команда клуба «Барселона», *madridista* — игрок команды «Реал Мадрид»;
- б) словосложение: *Alonsomanía* — Алонсомания, *Ronaldo-dependencia* — Роналду-зависимость;
- в) использование усиливающих суффиксов: *partidazo* — всем играм игра, *golazo* — выдающийся гол;
- г) неформальное обращение к спортсменам по именам или прозвищам: *Рафа* (Надаль), *CR7* (Криштиану Роналду), «*Красный Барон*» (Михаэль Шумахер);
- д) использование лексики из других языков пиренейского полуострова: *Més que un club* (кат.) — *Больше чем клуб*;
- е) иностранные заимствования: *goal average*, *crack*, *hat-trick*, *off-side* и т. д. Некоторые из них транскрибируются (транслитерируются), другие переводятся. Английское *hawk-eye* в испанской прессе употребляется в двух вариантах: в оригинальном и в переводе — *ojo de halcón*. В русском языке закрепился эквивалент — система фиксации голов «Орлиный глаз», состоящий из дословного перевода с английского с дополнениями;
- ж) использование военной лексики: *противник*, *дальность*, *битва*, *сражение*, *поражение*, *противостояние*, *жажда победы* и т. д.

Синтаксическое своеобразие спортивной хроники проявляется в использовании коротких односоставных предложений или двусоставных со сказуемым в настоящем времени изъявительного наклонения для передачи динамики происходящего. Кроме того, выделим:

- а) повторы: «¡Qué golazo! Gol! Gol! Vamos Barça!». Переводим буквально, заменяя синтаксические конструкции исходного текста аналогичными в русском языке: «*Какой гол! Гол! Гол! Вперед, Барселона!*»;
- б) намеренное игнорирование правописания: *Adiós Brasil Adiós* — «Прощай, Бразилия! Прощай!» (*El Tiempo*, 24-06-2014);
- в) использование неличных форм глагола: *Creer, creer у creer у volver a creer* (*El Tiempo*, 29-06-2014). Дословно: «Верить, верить, верить и снова верить!» Помимо повторов и перифрастической конструкции, главное в этой фразе — отсылка к высказыванию Луиса Арагонеса: «*Ganar, ganar у ganar у volver a ganar у ganar у ganar у ganar!*» В закрепившемся переводе этой фразы на русский язык появилось дополнение (выделено курсивом): «*Выигрывать, и выигрывать, и выигрывать, и вновь выигрывать, и выигрывать, и выигрывать — вот что такое футбол, господа!*»;
- г) параллельные конструкции: *ORO PARA MESSI, GLORIA PARA EL BARÇA* (*Sport*, 11.01.2011) — «*ЗОЛОТО ДЛЯ МЕССИ, СЛАВА ДЛЯ «БАРСЫ!»*» и т. д. Из риторических средств помимо метафор, игры слов, иронии, антитез, анафор, речевых клише, выделим речитативы национальных девизов: «*Чи-чи-чи! Ле-ле-ле! Вива, Чиле!*» (команда Чили на Мундиале — 2014 г.).

Затрудняет работу переводчика частое использование прецедентных явлений и текстов:

- а) апелляция к другим спортсменам: *No soy ni Maradona, ni Messi, soy Luciana*. (*El Economista*, 20.10.2011) — «Я — не Марадона, не Месси, я — Луциана». Так говорит знаменитая аргентинская хоккеистка на траве Луциана Аймар, чтобы показать, что в Аргентине есть и другие люди, которыми можно гордиться;
- б) пословицы и поговорки: *Cesc vino, vio, pero no venció a 'su' Barça*. (*La Vanguardia*, 09.03.11) — «Сеск пришел, увидел, но не победил “свою” Барсу» и т. д. Очевидно, что для обеспечения качественного перевода спортивного текста, необходимы фоновые знания из области культуры, истории, географии, реалий и т. п., относящиеся к каждой конкретной стране.

Кокошкина Светлана Александровна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

О лексической интерференции в русских переводах романа Джузеппе Томази ди Лампедуза «Леопард»

В докладе рассматриваются случаи лексической интерференции при переводе на русский язык (Г. С. Брейтбурд (1961), Е. Дмитриева (2006)) знаменитого романа классика итальянской литературы XX в. Джузеппе Томази ди Лампедуза «Леопард» (Giuseppe Tomasi di Lampedusa «Il Gattopardo»). Одним из самых ярких примеров семантического смешения является результат влияния французской лексемы *chevalier* и итальянской *cavaliere* на восприятие переводчиками антропонима *Chevalley*.

В первом переводе посланник из Пьемонта, прибывший в Доннафугату (Сицилия) для переговоров с героем романа доном Фабрицио, получает не совсем точное имя Шевалье, во втором этот антропоним превращается в имя нарицательное *шевалье*. Трудности перевода связаны также с наличием у пьемонтца итальянского титула *cavaliere*, этимологически совпадающего с частью его фамилии, что еще в большей степени осложнило задачу достижения эквивалентности перевода.

Missus dominicus из Пьемонта носит изысканное и замысловатое имя, отражающее культурное и языковое своеобразие этой области Италии. При первом упоминании автор представляет его читателю как *il cavaliere Aimone Chevalley di Monterzuolo* (титул итальянского происхождения + имя от германского личного имени + фамилия французского происхождения + итальянский топоним с предлогом).

На протяжении всей четвертой части романа титул, имя и фамилия этого персонажа встречаются в разных контекстах и в разных функциях. Анализ основных предложенных переводчиками решений дает следующую картину: *il cavaliere Aimone Chevalley di Monterzuolo*

Перевод 1961 г.

I. Cavaliere

1) Il cavaliere — дворянин

2) Caro cavaliere! / Cavaliere! — Дорогой кавалер! / Кавалер!

II. Chevalley

- 1) Chevalley — *Шевалье*
- 2) Chevalley! — *Шевалье!*
- 3) il cavaliere Aimone Chevalley di Monterzuolo — *дворянин Аймоне Шевалье ди Монтерцуоло*

Перевод 2006 г.

I. Cavaliere

- 1) Il cavaliere — *шевалье*
- 2) Caro cavaliere! / Cavaliere! — *Дорогой шевалье! / Шевалье!*

II. Chevalley

- 1) Chevalley — *опущено*
- 2) Chevalley! — *шевалье!* (замена имени собственного титулом)
- 3) il cavaliere Aimone Chevalley di Monterzuolo — *шевалье Аймоне (!) ди Монтерцуоло*

В докладе объясняются предполагаемые причины полученных переводчиками результатов, делается попытка найти оптимальные решения. Анализируются также некоторые другие случаи проявления лексической интерференции, не связанные с ономастическими единицами.

Куликова Марина Николаевна,

к. ф. н., преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Фонографическая стилизация особенностей диалектной речи в аспекте перевода

Вопросам изображения в художественном произведении диалектной речи и, в частности, использования с этой целью фонографических компонентов, посвящена обширная литература. В этих работах обсуждаются вопросы достоверности репрезентации диалектной речи, принципов отбора диалектных элементов (лексических, грамматических, фонетических), а также вопросы прагматики и стилистики, связанные с восприятием стилизованной диалектной речи. Неоднократно в этих исследованиях рассматривались вопросы фонографической репрезентации диалектной речи в англоязычной литературе.

Вопрос о способах перевода стилизованной диалектной речи ставился разными отечественными и зарубежными исследователями только в общем виде, и, в конечном итоге, он сводится к попыткам разрешить дилемму: можно ли при переводе диалектной речи использовать диалекты принимающей культуры или следует переводить их литературным языком, вводя в текст перевода отдельные маркеры народной речи, главным образом, широко употребимые просторечия. Разные исследователи сходятся во мнении, что при переводе не целесообразно использовать диалекты принимающей культуры, т. к. это приведет к изменению культурного колорита произведения.

Для переводов с английского языка вопрос о передаче диалектной речи стоит особенно остро, т. к. в англоязычной литературной традиции фонографические средства при стилизации диалектной речи, как и при

стилизации просторечия, представлены более широко, чем в русскоязычной литературе, существуют разные стратегии стилизации диалектной речи, а сама диалектная речь выполняет в произведениях важные художественные функции. Тем не менее вопрос о передаче фонографических элементов изображения диалектной речи вообще не ставился.

Фонографические средства составляют важный, а иногда основной компонент стилизации региональных диалектов, и они, так или иначе, учитываются в практике перевода. Вообще в переводе диалектной речи часто не используется ни одно фонографическое средство. Для компенсации стилистических потерь переводчики используют лексические и синтаксические средства, преимущественно просторечную и разговорную лексику.

В современной переводной литературе вновь появились попытки передавать регионально маркированную речь аналогично маркированной речи на русском языке. Если использование фонографических средств изображения просторечия в современной литературе хотя и является спорным с точки зрения сложившихся литературных канонов, то функционально такие средства соответствуют оригинальным фонографическим компонентам. Этого нельзя сказать об использовании регионально маркированной речи в современной переводной литературе.

Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе диалектной речи фонографические средства учитываются наряду с другими средствами стилизации. В целом эффект народности речи в переводах достигается за счет регулярного использования лексических и грамматических средств компенсации. При этом бывает невозможно установить прямую взаимосвязь между отдельными компонентами стилизации в оригинале и переводе. О передаче собственно фонографических средств можно говорить только в отношении фрагментов текста, в которых фонографические средства являются основным компонентом стилизации диалектной речи.

Лекомцева Ирина Алексеевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Смысловая точность речи при переводе

Процесс перевода как процесс решения задач, достижение конечной цели которых обеспечивается не с помощью строго заданной и в принципе формализуемой процедуры — алгоритма, а с помощью логически непредсказуемых переходов от исходной ситуации-проблемы к решению, предполагает многоступенчатость данного процесса, приближение к оптимальному варианту путем перебора нескольких возможных вариантов перевода и отклонения тех, которые не соответствуют определенным функциональным критериям.

Стремление к смысловой точности при переводе приводит к поиску и выбору нужного слова, сопоставлению возможных вариантов выражения мысли. Эвристический характер поиска решений обуславливает в некоторой степени появление смысловых потерь или наоборот смысловых приращений, или же смысловых искажений, что может привести к стилистическим

несоответствиям, буквализму, неоправданному следованию синтаксической структуре оригинала, нарушению правил лексической сочетаемости. Иными словами, в результате передачи информации при переводе в тексте перевода появляются дисфункциональные эффекты, т. е. неправильный выбор слова или синтаксической структуры приводит к речевым ошибкам.

В зависимости от ограничений, регулирующих соединение слов, различают три типа сочетаемости: семантическая, грамматическая (точнее, синтаксическая) и лексическая. Иными словами, нарушение лексической, грамматической и семантической сочетаемости рассматривается в данной статье как речевая ошибка с целью наметить границы языковой вариативности и варьирования при сохранении или нарушении смысловой точности в переводе. Материалом для исследования послужила современная английская литература и ее переводы на русский язык.

Литус Владимир Петрович,

старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

К вопросу о переводе терминов юриспруденции в сфере предпринимательства

Изучение юридического дискурса с каждым годом становится все более актуальным. Причем в этот процесс вовлечены не только юристы, но и лингвисты-переводчики. Помимо собственно интерпретации того или иного законодательного акта, необходимо регулярно расширять и обновлять терминологические базы, связанные с этой сферой человеческой деятельности. Стоит отметить, что в течение последних 15 лет отмечается ежегодный стабильный прирост объемов данных баз. Если в начале двухтысячных годов словари-справочники включали около 20 тысяч статей, то к настоящему времени большинство подобных справочных изданий уже оперирует 70 тысячами словарных статей. Между тем, зарубежные толковые словари и юридические энциклопедии насчитывают не менее 100 тысяч терминологических единиц, а двуязычные словари — не менее 110 тысяч.

Из приведенной выше статистики вытекает вывод о том, что некоторые единицы, явления и процессы не зарегистрированы или не описаны должным образом до сих пор в отечественных толковниках и, как следствие, не имеют надлежащего аналога в русском языке. Подобные нестыковки нередко влекут за собой искажение смысла, расхождение в толковании текста и в итоге способны привести к возникновению конфликтной ситуации с юридическими последствиями.

Перевод документов юридических и физических лиц в процессе глобализации экономики становится весьма востребованным, поскольку позволяет вести и развивать бизнес, не ограничиваясь государственными границами. И тогда, помимо текста перевода, как результата исследовательской деятельности, на повестку дня выходит сравнительный анализ языков именно в правовой сфере, методологии и техники обработки текстов юридического дискурса.

Немаловажное место в данном ряду занимают лингвистические, точнее юридино-лингвистические экспертизы, требующие от исполнителя знаний не только в области филологии, но в специализированных профессиональных компетенций в смежных или далеких от главных сфер деятельности, в данном случае, в сфере юриспруденции. В таком случае переводчик уже обязан выступать не только как специалист в иностранном языке, но и как профессиональный консультант, обладающий широким кругозором и вооруженный полным набором специальных знаний, позволяющих ему обнаруживать в тексте, устанавливать и корректно интерпретировать юридически значимые коллизии, т. е. позволяют создавать конечный продукт — перевод — на пересечении различных бытований языка. Переводу подвергаются разнообразные документы физических и юридических лиц, такие как паспорта, различные сертификаты, свидетельства, учредительные документы фирм, договоры поставки, оказания услуг, купли-продажи, аренды и пр. контракты и т. п.

Примером, может послужить расхождение в бытовании различных терминологических единиц в русском и испанском языке в сфере кодификации предпринимательской деятельности, где даже определение и функционирование понятий индивидуальный предприниматель имеют глубокие несоответствия. Как результат, зоны и масштабы ответственности имеют различные рамки. Следовательно, стороны изначально могут оказаться неравнозначными. Требования и функционирование описанных выше документов в различных правовых системах естественно не совпадают и имеют существенные расхождения и юридические толкования, поэтому необходимо постоянное обновление специализированных глоссариев и толковников. Поэтому требуются постоянные контакты с профессионалами-юристами, способными дать описание, разработать алгоритм использования и ввести в употребление аналог той или иной терминологической единицы, не имеющей языкового эквивалента в российском правовом поле.

Любовская Ольга Леонидовна,

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Классификация и перевод двуступенчатого эпитета в рамках парадигматики

В данной статье с позиции парадигматики представлена классификация и перевод двуступенчатого эпитета (далее ДЭ). Морфолого-синтаксическая структура (*Adv. + Adj.*) и двойственная природа ДЭ делают данный эпитет семантически сложнее по сравнению с простым эпитетом. Поэтому типы семантической связи между компонентами ДЭ не укладываются в рамки традиционных классификаций. На основе классификации стилистических ресурсов Ю. М. Скрёбнева семантические отношения между компонентами ДЭ рассмотрены с позиции синтагматики и парадигматики. При парадигматическом подходе семантические связи в структуре ДЭ могут быть определены как метафорический и метонимический тип.

Семантические отношения в структуре метафорического эпитета — отношения между атрибутивным компонентом, метафорическое значение

которого выделено по ассоциативному признаку на основе сходства его предметно-логического и контекстуального значений, и определяемым им объектом (*diabolically silent laugh (LD)*). Метонимические отношения ДЭ основаны на ассоциативной связи объекта и его свойства по смежности по принципу часть — целое (*arrogantly tilted nose (RR)*).

Принимая во внимание структурно-семантические особенности ДЭ, необходимо учесть, что отношения между его составляющими элементами необязательно должны укладываться в рамки установленной классификации, и граница между метафорическим и метонимическим ДЭ является условной. При переводе ДЭ, в силу его семантической сложности не всегда удается добиться структурно-семантического тождества и должного стилистического результата. Поскольку передача стилистической функции ДЭ важнее передачи его формальных параметров, можно лишь выявить отдельные закономерности его перевода. В большинстве случаев, лексико-семантический и стилистический фонд русского языка позволяет передать метафорический ДЭ метафорой, которая, как и в ДЭ оригинала, в силу своей узуальной закреплённости, является стертой (*face so divinely beautiful (LC)* — *лицо, столь божественно прекрасное (КЛ)*).

Возможность передать метафорический ДЭ аналогичным устойчивым выражением русского языка приводит к тому, что семантические отношения между компонентами ДЭ сохраняются гораздо чаще, чем у эпитетов с другими типами семантической связи. Но поскольку в переводе, как правило, наречие не сохранено, экспрессивный результат и образность метафоры снижены или не переданы вовсе (*brightly beaming eye (GC)* — *сияющим взором (ТК)*).

При переводе метонимического ДЭ в большинстве случаев семантические связи между его компонентами не сохраняются, поскольку довольно часто экспликация метонимической нагрузки вызвана тем, что объект переводится именно тем словом, которое и является источником метонимического переноса (*your severely practical mind (HB)* — *сузубо практическому человеку (СБ)*, *perceptibly pale surprise (PL)* — *заметно побледневшее от изумления лицо (ПП)*).

В некоторых случаях метонимический ДЭ является компонентом более сложного лексико-семантического и стилистического комплекса. Как правило, при этом осуществляется грамматическая декомпрессия и семантическое перераспределение, в результате которого метонимическая связь между компонентами не сохраняется (*picture, dark and gloomy, earnestly speechless on the on the wall (LD)* — *Почерневший портрет в угрюмом безмолвии висел на стене (КД)*).

Семантические преобразования могут происходить при изменении грамматического типа предложения, например, смене личного на безличное односоставное предложение, которое по своим морфолого-синтаксическим свойствам не имеет объект, который является целью метонимического переноса (*dreadfully dull house (PL)* — *у них должно быть ужасно тоскливо (ЖП)*). Одной из распространенных причин может являться исходный узуальный характер структур в составе ДЭ, в основе которых лежат единицы *look, eyes, smile, voice*. Данные элементы внешнего облика часто оказываются в составе метонимического ДЭ, что приводит к снижению его экспрессивности и выразительности.

Мельник Владислав Игоревич,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Использование усилительных наречий в оригинальном и параллельном корпусах английского языка (контрастивно-переводческий аспект)

Усилительные наречия привлекают внимание ученых-лингвистов и исследуются в различных грамматиках английского языка). Усилительные наречия или как их ещё называют наречия степени (*degree adverbs*) синонимичны такому языковому явлению, как интенсификация — усиление признака (например, *completely, really, fully, absolutely, entirely, utterly* и др.). Отмечается, что интенсификация обеспечивает основную потребность человека в акцентировании внимания на какой-либо вещи.

Исходя из экстралингвистических и психологических особенностей, человеку свойственно характеризовать окружающий мир. Интенсификация — это процесс, выделяемый на разных уровнях языка, но в данном случае данный процесс учитывается на лексическом уровне, а также частично на уровне словосочетаний.

В отечественной и зарубежной лингвистических традициях выделяются различные классификации наречий степени; в большинстве же работ помимо различных подклассов и субкатегорий четко выделяются два класса подобных единиц: интенсификаторы и деинтенсификаторы (даунтонеры). Данные классы противопоставляются друг другу, т. к. их действие на предикат в пропозиции в первом случае приводит к усилительному эффекту, во втором — к снижению категоричности высказывания. Важным показателем интенсификации являются ее границы. Для подобной дифференциации было введено понятие *шкала интенсивности*, на которой размещены уровни, в соответствии с которыми размещены единицы, выражающие ту или иную степень интенсивности.

В эпоху компьютеризации общества множество лингвистических исследований производится с помощью определённых массивов данных — корпусов текстов, которые помогают упорядочить выборку искомым единиц. В современной корпусной лингвистике используется понятие параллельного корпуса — корпуса, в котором представлен набор оригинальных текстов и их переводов.

В данном выступлении под параллельным корпусом понимается однонаправленный двуязычный корпус с русско-английской ориентацией перевода. Под оригинальным корпусом понимается моноязычный корпус английского языка. Таким образом, используемые параллельный и оригинальный корпуса являются сопоставимыми корпусами по отношению к друг другу.

Парадигма *параллельный/оригинальный корпус* является важным аспектов контрастивного анализа. Параллельный корпус помогает вычлнить переводные соответствия между единицами, но только оригинальный корпус выступает единственным средством естественного функционирования данных единиц. Иными словами, эквиваленты, полученные при переводе в параллельном корпусе, могут иметь различную частотность употребления

с аналогичными единицами в оригинальном корпусе. Если при подобном анализе выделяется много единиц, чья частотность в корпусах не совпадает, можно говорить о неестественности в употреблении данных единиц в параллельном корпусе. Подобная методика используется и для исследования вышеуказанного класса усилительных наречий.

Для исследования были отобраны наречия-интенсификаторы: *really*, *terribly*, *badly*, *completely*, *utterly*. В случае с *terribly*, *badly*, *completely* был выявлен минимум контрастов: 2, 5, 61 случаев в параллельном корпусе к, соответственно, 0, 6, 51 случаям в оригинальном корпусе. Единица *utterly* в параллельном корпусе используется 7 раз, в то время как в оригинальном вовсе не употребляется.

Интересным является использование единицы *really*, которая используется в русско-английском корпусе 124 раза, а в оригинальном корпусе — 1178 раз, что говорит о явном контрасте в использовании данной единицы. Таким образом, корпусный подход к исследованию усилительных наречий дает неоспоримое преимущество: во-первых, это мгновенная выборка нужных единиц, во-вторых, упорядоченное и многоаспектное их исследование.

Морозкина Евгения Александровна,

д. ф. н., профессор, Башкирский государственный университет (Уфа)

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна,

д. ф. н., профессор, Башкирский государственный университет (Уфа)

Модифицированная герменевтическая модель перевода (на материале художественных текстов)

Существующие в современном переводоведении герменевтические модели перевода Дж. Стайнера, А. Н. Крюкова не учитывают многие аспекты процесса перевода. В этой связи представляется необходимым разработать модифицированную герменевтическую модель перевода с опорой на введенные понятия герменевтического «круга» и «сферы» в рамках категории модальности. При этом учтены достижения предшественников, работавших в сфере герменевтики (Ф. Шлейермахера, Х.-Г. Гадамера), которые ввели термины интерпретации, понимания и предпонимания художественного текста, а также понятие смысловой антиципации, которая формируется в ходе предварительного знакомства переводчика с текстом оригинала. Основным компонентом герменевтической модифицированной модели перевода становится понятие герменевтического «круга» модальности, который формируется с опорой на доминирующие модальные значения в тексте оригинала и перевода.

Анализ средств выражений категории модальности в оригинале и переводе в рамках настоящего исследования позволяет сопоставить полученные герменевтические «круги» модальности исходного текста и его перевода. Некое множество герменевтических «кругов» модальности, соединенных смысловыми связями, образуют герменевтическую «сферу» модальности и могут быть использованы переводчиком для «пространственного» воспри-

ятия художественного текста и раскрытия глубинных смыслов, заложенных в текст автором.

Предложены этапы перевода художественного текста с учетом модифицированной герменевтической модели перевода, а именно: формирование герменевтического «круга» и далее герменевтической «сферы» модальности, синтезирование модальных значений в эпизодах оригинального художественного текста и отбор доминирующих типов модальности с целью их введения в текст перевода.

Доказывается, что выделение доминирующего типа модальности в ходе перевода художественного текста позволяет скорректировать неудачные переводческие решения и предложить адекватные варианты перевода. Модифицированная модель перевода была апробирована в ходе анализа отдельных эпизодов художественных переводов произведений Т. Драйзера, в частности, эпизодов суда над главным героем романа «Американская трагедия» Клайдом Гриффитсом, в которых модальность действительности, неуверенности, возможности, вероятности выражена наиболее ярко. Также был проведен переводческий эксперимент с использованием герменевтической модели перевода в ходе формирования русскоязычной версии рассказа Т. Драйзера «A Doer of the Word», результаты которого доказывают преимущество разработанной переводческой модели.

Недялков Игорь Владимирович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Еще раз о связях типологии языков и переводческих трансформаций (перевод на английский язык русских бесподлежащих конструкций)

В докладе рассматриваются типологические характеристики английского и русского языков, влияющие на выбор переводческих трансформаций (ПТ), имеющих место при русско-английском переводе. Основной ПТ, используемой для рассматриваемого материала является ПТ замены (например, русских безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций на английские пассивные конструкции). Так, например, русские неопределенно-личные конструкции (типа *Мне дали // подарили*) соответствуют английским пассивным конструкциям.

Основное внимание в докладе уделено рассмотрению вариантов перевода разнотипных русских бесподлежащих конструкций. Возможность отсутствия подлежащего в русских конструкциях обусловила существование таких специфических русских конструкций как безличные (БК), в том числе безлично-пассивные, неопределенно-личные и обобщенно-личные конструкции, а также разнотипные инфинитивные конструкции с модальной семантикой. В эту же группу входит и неканоническое (неноминативное) маркирование носителя предикативного признака в русском языке, например: *Меня знобит // тошнит; Мне больно //не спится*. В АЯ важнейшую роль в создании целостной синтаксической структуры играет строевой элемент *it*, выступающий в функции опорного подлежащего.

Многие специфические синтаксические конструкции двух языков входят, так сказать, в компенсаторных отношениях. Так, например, русские неопределенно-личные конструкции (типа *Меня проинформировали; Мне дали //подарили*) в переводческом отношении соответствуют английским лично-пассивным конструкциям *I was informed // I was given // I was presented*). Ср. также русскую обобщенно-личную конструкцию *Цыплят по осени считают* — *Chickens are counted in autumn*.

Центральный и периферийные типы русских БК выявляются в соответствии с признаками, установленными А. В. Бондарко:

- 1) максимальная концентрация базисных семантических признаков центра функционально-семантического поля (ФСП) — разреженность таких признаков на периферии;
- 2) наибольшая специализированность данного языкового средства для выражения определенных семантических функций (центр ФСП) — меньшая степень специализации средств (периферия);
- 3) регулярность функционирования данного языкового средства (центр ФСП) — нерегулярность, меньшая степень регулярности или употребительности средств (периферия ФСП):
 - а) погодные / природные БК (*Вечереет/Потеплело*) (центр семантической категории и ФСП безличности);
 - б) физиологические БК (*Меня укачивает/тошнит/мутит/трясет/вырвало; У меня в висках стучит; Мне нездоровится / ухо надуло / не спится*) (ближняя периферия семантической категории и ФСП безличности; все последующие типы составляют переход от ближней к дальней периферии семантической категории и ФСП безличности в соответствии с признаками, выделенными А. В. Бондарко);
 - в) БК чувственного восприятия (*Чем здесь пахнет / воняет?; Ничего не слышно / не видно*);
 - г) психоэмотивные БК (*Мне взгрустнулось / мечталось / почудилось / показалось / тоскливо / страшно; Меня тянет в лес; Ему хотелось уйти / его подмывало уйти*);
 - д) оценочные БК (*Ей повезло / Ему (не)удалось решить задачу / Ей легко/трудно учиться / Нам стоит туда пойти*);
 - е) БК, обозначающие положение вещей в определенном месте (*В доме уютно/шумно*), в том числе, перфектные (*Снегом занесло дорогу / Кирпичом разбило окно / Камнем пробило голову / Ветром унесло сети*) и результативные ситуации, которые могут выражаться безлично-пассивными конструкциями, например: *В избе натоплено/накурено/убрано*;
 - ж) БК, обозначающие отсутствие или недостаток чего-либо где-либо (*На небе ни облачка / В кармане ни гроша / Подобных случаев/бурь/наводнений у нас еще не было; У них со временем плохо / У нас на книги денег не хватает*); з) ментальные БК (*Меня вдруг осенило*);
 - и) модальные-деонтические БК (*Мне пришлось/следует/надлежало/необходимо/нужно уйти / Вам незачем уходить*);
 - к) модальные-потенциальные БК (*Вам меня не догнать / Мне его не отыскать*).

Некрасова Тамара Петровна,
к. ф. н., юридическая фирма Goltsblat BLP

Концептуальные метафоры в английском правовом лексиконе и проблемы перевода образных юридических терминов

1. Языковое оформление правового пространства. Традиционный взгляд на язык права и взгляд более пристальный.
2. Образность как характеристика правового лексикона и как грань пересечения юридического и художественного перевода.
3. Юридический русский и юридический английский: краткое сопоставление с точки зрения «художественности» и средств стилистической выразительности.
4. Концептуальные метафоры в корпусе английских юридических терминов. Метафора как способ выражения правовых конструкций.
5. Источники метафорической терминологической номинации в юридическом английском и проблема передачи образности в юридическом переводе.
6. Примеры перевода образных юридических терминов и выражений (с сохранением образа, с его частичной или полной заменой и с потерей образности).

Питталуга Роберта,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Марусенко М. А., д. ф. н., профессор

Аспектуальность: выбор вида инфинитива в модальных конструкциях и его передача в переводческом аспекте

Функционально-семантическое поле аспектуальности существует во всех языках: иными словами, в каждом языке обнаруживаются языковые средства, обозначающие и передающие характер протекания времени и распределения действия во времени. Однако грамматическая категория вида фигурирует только в некоторых языках, в том числе и русском.

В русском языке выражение поля аспектуальности реализуется с помощью оппозиции несовершенного и совершенного вида (НСВ vs. СВ), выражающей контраст между направленными или ненаправленными на достижение предела действиями, а также контраст предельного действия, где предел еще достигается. Напротив, в итальянском языке разница между понятиями несовершенного и совершенного вида кодифицируется посредством выбора между временными категориями (перфекта/неперфекта, имперфекта/аориста и прогрессива/непрогрессива).

В видовой оппозиции НСВ/СВ один из указанных двух членов считается более «нормальным» и частотным по сравнению с другим, т. е. он является немаркированным. Разумеется, противопоставление подобного рода не всегда является дихотомическим выбором «все или ничего» (маркирован-

ный элемент против немаркированного), т. к. существуют противопоставления, в которых разница в маркированности между членами чрезвычайно ощутима, и, напротив, противопоставления, где разница не столь существенна, и поэтому могут быть разные уровни маркированности. В связи с этим, виды глагола вступают в конфликт: бывают случаи, в которых оба из них допустимы, но в бинарной оппозиции только один воспринимается как частотный вариант, следовательно второй глагол — антагонист и маркированный. Имеется в виду, что часто при выборе маркированного варианта говорящий осуществляет сознательный выбор сказать «что-то другое», и таким образом сообщает некую дополнительную информацию.

В настоящем докладе рассматривается конкуренция видов в выражении модальности, т. е. критерии выбора инфинитива после модальных конструкций. Кроме того, методом сопоставительно-сравнительного анализа исследуются основные способы передачи данных структур в нескольких итальянских переводах произведения А. П. Чехова «Дуэль».

Например, следующий отрывок представляет собой наибольший интерес: «— Для Лаевского я не могу дать. Я знаю, ты любишь, давать взаймы. Ты дал бы и разбойнику Кериму, если бы он попросил у тебя, но, извини, *помогать* тебе в этом направлении я **не могу**». С теоретической точки зрения здесь было бы возможно использовать и глагол совершенного вида «помочь», но выбор несовершенного вида, думается, обусловлен тем, что он выражает недопустимость выполнения действия по субъективным, моральным причинам.

Аналогично, в другом отрывке: «— Вы свою богословскую часть хорошо знаете? — спросил зоолог. — Плоховато. — Гм... Я вам **не могу сделать** никаких указаний на этот счет, потому что я сам мало знаком с богословием», в оппозиции между несовершенным и совершенным видом (делать/сделать) выбирается именно совершенный вид, чтобы поставить на первое место объективную причину, из-за которой невозможно выполнить действие.

Разумеется, размышления подобного типа не могут не быть учтены в процессе перевода, в котором переводчик должен отдавать себе отчет в том, что аспектуальность и модальность тесно связаны и что когда в языке использование одного или иного вида равновозможно, виды не всегда являются синонимичными вариантами для передачи одного и того же значения.

Разумовская Вероника Адольфовна,
к. ф. н., профессор, Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Фоносемантическая доминанта и доминантный смысл в переводе

К регулярным переводческим константам относится инвариантность оригинала и перевода. В данном аспекте наибольший интерес представляют исследования, посвященные дескрипции отношений между художественным оригиналом и его переводами с позиций концепции доминантного смысла и его разновидностей.

Если доминантный смысл, выделяемый и реконструируемый переводчиком на основе наиболее значимых компонентов текста, является экви-

валентным в отношении исходного и переводного текстов, то он должен подтвердиться изоморфизмом различных уровней текстов процесса перевода. Наиболее очевидно изоморфизм художественного текста представлен на пересечении фонетического и семантического уровней, где формируется особый фоносемантический уровень, являющийся универсалией поэтического языка. Возможность декодирования и описания формально-содержательного комплекса художественного текста в терминах фоносемантики, а также применение фоносемантического подхода к проблемам перевода неоднократно отмечались в работах основателя отечественной фоносемантики С. В. Воронина.

Звукоизобразительные единицы служат важным целям гиперсемантизации звуковой и содержательной сторон художественного текста. Предпринятые попытки рассмотрения переводческих задач (как в плане моделирования переводческих процессов, так и переводческой критики) с позиций фоносемантики позволили выявить ряд интересных подходов к решению данных проблем. Так, понимание перевода как синергетического речемыслительного процесса позволяет «актуализировать физическую форму текста, его ритмическую структуру и звуковую организацию материи, что может наиболее эффективно способствовать выявлению места и функций уровня фонетики в процессе перевода».

Переводчик, выступая в роли реципиента поэтического текста, начинает собственный процесс речепорождения на основе конкретной информации (смысла), эмоционального содержания и звуковой материи, организованной изоморфно смыслу оригинального текста. Гипотеза о существовании межъязыкового фоносемантического пространства, представляющего собой совокупность фоносемантических универсалий, предполагает специфическую реализацию в каждой языковой системе данных универсалий при соблюдении универсальных законов значимости звуков (прежде всего, значимости эмоционально-оценочной).

Организация фоносемантического плана высказывания является одним из эффективных способов оптимизации речевого воздействия, что крайне важно для переводческого процесса. Выделение фоносемантической доминанты как способа репрезентации эмоционально-оценочных смыслов позволяет проследить наличие данной доминанты в оригинале и переводе и установить отношения изоморфизма между данными текстами. Возможность выделения фоносемантической доминанты в поэтическом тексте и сохранении данной доминанты при переводе ставит вопрос о том, что будет в данном случае являться операционной единицей перевода.

Переводоведение еще не создало универсальной модели, позволяющей описать передачу при переводе смыслов (прежде всего, доминантных), имеющих формальные выражения в оригинале. Создание многоуровневой изоморфной модели переводческого изоморфизма может стать одним из возможных путей решения ключевых проблем, стоящих перед исследователями теории и практики переводческих процессов.

Возможность решения ряда проблем художественного перевода с позиций фоносемантики позволяет по-новому взглянуть на ключевые переводческие проблемы (единица перевода, изоморфизм художественного

оригинала, межъязыковой изоморфизм текстов оригинала и перевода, взаимодействие категорий значения и выражения в процессе перевода, асимметрия языкового знака в переводе) и рассмотреть их в новой исследовательской парадигме. Материалом данной работы послужил текст «Евгения Онегина» и его переводы на ряд европейских языков.

Рубцова Светлана Юрьевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Прецедентные единицы – хрононимы в английском языке в переводческом аспекте

Успешному переводчику необходимо знание основных прецедентных феноменов, связанных, в частности, с историческими реалиями — так называемых хрононимов, к которым относятся цитаты политических деятелей и исторических личностей, ссылки на исторические события, идиомы, связанные с ними, и т. п. Хрононимы широко используются в публицистике и художественной литературе, в выступлениях политических и государственных деятелей, а также в разговорной речи. При этом часть исторических аллюзий может закрепляться в языке повторно — через СМИ, кинематограф и телевидение, а также получать второе рождение в названиях художественных произведений и в текстах песен.

Прецедентные тексты, связанные с историей, являются частью общекультурных фоновых знаний и речевой компетенции современной языковой личности. По определению У. Чейфа, прецедентными являются «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности».

Основным свойством всех прецедентных текстов является то, что они «выступают как целостная единица обозначения», т. е. как целостный знак, отсылающий к тексту-источнику или событию-источнику и представляющий его по принципу «часть вместо целого». Прецедентные тексты активно используются всеми носителями данного языка и данной культуры, но далеко не все из них достаточно точно и адекватно представляют себе место и роль цитируемого фрагмента в тексте-источнике. Зачастую непосредственное цитирование происходит не из текста-донора, а из «культурного тезауруса» языковой личности.

Одним из источников прецедентных единиц является такая сфера культурного знания, как история, — исторические события, относящиеся с точки зрения носителя языка к Всемирной и к национальной истории; высказывания политических деятелей; имена исторических личностей, ставшие нарицательными; политические лозунги и реклама. Материалом исследования хрононимов в современном английском языке послужили тексты различного формата и тематической направленности. Большая часть исторических слов и выражений настолько ассимилиро-

валась в английском языке, что не всегда и не у всех они ассоциируются с определенными историческими событиями или именами собственными исторических персонажей. Особенно это относится к так называемым эпонимам (sandwich, macintosh). Часто главная трудность состоит в том, чтобы «узнать» хроним, поскольку нередко хронимы употребляются в намеренно измененном виде для достижения определенного стилистического эффекта.

Хронимы часто употребляются в языке СМИ, в заголовках, поскольку не только сигнализируют о некоем образовательном уровне пишущего, но и являются достаточно экспрессивным средством. В художественной литературе нередко встречаются случаи перефразирования известных прецедентных высказываний, особенно когда автору удается некая игра слов — например, для достижения юмористического эффекта: «‘Look, Selwyn,’ Anna snapped, ‘do you want to eatwith me, or are you content to fiddle with toast while the eggs burn?’» (L. Cody).

В данном примере автор обыгрывает устойчивое выражение «fiddle while Rome burns» в переносном значении ‘заниматься пустяками перед лицом серьезной опасности, не принимать никаких мер’, относящее нас к историческому эпизоду 64 г. до н. э., когда император Нерон играл на кифаре, наблюдая за тем, как горит Рим.

Перефразирование прецедентных единиц — хронимов характерно также для заголовков прессы с целью привлечения внимания читателя: «Et tu, Julius?» (The Sunday Times, 9 March 2003) — вместо «Et tu, Brute?» ‘И ты, Брут, с ними?’. Знание прецедентных единиц-хронимов необходимо для правильного перевода и успешного осуществления адекватной межкультурной коммуникации.

Силинская Наталия Павловна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Грамматическая интерференция в переводе

Интерференция определяется как результат взаимодействия языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием первого. Особый интерес представляет изучение явления интерференции при переводе, частном случае языкового контакта, т. к. в данном случае исследователь может наблюдать подобные отклонения при специфическом «профессиональном» билингвизме переводчика. В отдельных случаях интерференция оказывает положительное влияние, но в аспекте перевода в центре внимания оказывается, как правило, отрицательная интерференция, которая рассматривается как источник ошибок и главная причина переводческого буквализма или неестественности, «иностранности» текста перевода.

В соответствии с уровнями языка выделяются следующие типы интерференции: фонетическая, графическая и орфографическая, лексическая

(семантическая), грамматическая (морфологическая и синтаксическая), стилистическая, лингвострановедческая, культурная. При переводе грамматическая интерференция проявляется в нарушении грамматических норм и правил языка перевода под влиянием переноса грамматических норм и правил исходного языка, что может привести к искажению смысла высказывания.

Грамматическая интерференция между английским и русским языками обусловлена существенными различиями в их грамматических системах. Русский язык относится к флективным синтетическим языкам, в которых большинство грамматических форм создается посредством изменения структуры слова при помощи развитой системы префиксов, суффиксов и окончаний. Английский язык относится к языкам аналитическим, в которых грамматические значения в большой степени передаются посредством синтаксиса.

Различия между языками, которые становятся причиной грамматической интерференции, могут проявляться в наличии определенных грамматических категорий и соответствующих форм в одном языке и отсутствии их в другом языке, например, абсолютные конструкции в английском языке, которые отсутствуют в русском и, соответственно, требуют особого внимания при переводе. Кроме того, грамматическая интерференция может быть вызвана различиями в нормах согласования и управления, моделях словосочетания и предложения, характерных для данных языков. И наконец, одна и та же структура может иметь разную частоту использования в английском и русском языке или обладать стилистической маркированностью.

В грамматической интерференции выделяются морфологический и синтаксический подтипы. Как правило, отмечается, что труднее всего преодолевается интерференция в синтаксисе, особенно в тех случаях, когда она сказывается не в грубых ошибках, а в неорганичности, искусственности фразы на языке перевода.

Смирнова Мария Алексеевна,

к. ф. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Перевод в условиях цензуры,
или Русский Лоренс в 1920–1930-е гг.

Доклад посвящен одному из аспектов истории перевода в России и Западном зарубежье в 1920–1930-е гг., а именно вопросам цензуры при публикации переводной литературы. Мы обратимся к истории перевода произведений выдающегося английского писателя-модерниста Дэвида Герберта Лоренса (1885–1930) и рассмотрим период с 1925 по 1937 г., который стал временем появления первых переводов и публикации целого ряда произведений Лоренса отдельными изданиями и в периодике.

С учреждением в 1922 г. Главлита его роль возрастала год от года. Таким образом, невозможно рассматривать редакционную политику издательств тех лет в отрыве от деятельности Главлита, чье влияние на них усилива-

лось. В центре нашего внимания роль Главлита в определении издательской политики советских государственных и частных издательств, а также циркуляры и директивы Главлита, регулировавшие поступление книг на русском языке из-за рубежа.

Таким образом, мы рассмотрим, как Главлит регулировал деятельность круга издательств, переводивших и печатавших произведения Лоренса: московского издательства «Недра», ленинградских издательств «Прибой», «Мысль» и ленинградского отделения ГИХЛ, и запрещал к ввозу в СССР книги рижского издательства «Граматы драугс» и берлинского издательства «Петрополис», в которых выходили романы «Семья Брэнгуэнов» (1925), «Урсула Брэнгуэн» (1925), «Флейта Аарона» (1925), «Сыновья и любовники» (1927), «Джек в дебрях Австралии» (1927), «Любовник леди Чаттерлей» (1932), а также избранные стихотворения Д. Г. Лоренса (1937). Выход в свет стихотворений в 1937 г. знаменовал собой окончание этого периода в истории перевода и публикации произведений Д. Г. Лоренса на русском языке, т. к. следующие по времени публикации относятся к 1970-м гг.

Полной испытаний была судьба издательств «Недра» (1924–1932), «Мысль» (1922–1929) и «Прибой» (1922–1928), прекративших свое существование к концу 1920-х — началу 1930-х гг. под давлением Главлита, издательства «Петрополис» (1918–1940), оказавшегося в эмиграции в Берлине и вынужденного в конце концов покинуть и Берлин в середине 1930-х и перебраться в Брюссель. Книги издательств «Граматы драугс» и «Петрополис», наряду со многими другими издательствами, были запрещены к ввозу в СССР цензурой. Более того, печальная судьба кооперативных издательств предопределила дальнейшее усиление репрессий по отношению к переводчикам, редакторам, издателям в 1930–1940-е гг. Трагичны судьбы многих переводчиков и издателей, в том числе и тех, о ком наш доклад, многие из них были незаконно репрессированы в 1930–1940-е гг.

Цель нашего доклада состоит в том, чтобы на примере истории публикаций произведений Д. Г. Лоренса в 1920–1930-е гг. рассмотреть процесс расширения влияния и роли цензуры, в том числе и в области художественного перевода.

Соломина Анастасия Григорьевна,
аспирант, Институт языкознания РАН (Москва)

Особенности перевода безэквивалентной лексики в русской поэзии XX в. на бразильский вариант португальского языка

Активное изучение русского языка в Бразилии началось сравнительно недавно. Лишь во 2-й половине XX в. начали появляться прямые переводы классических произведений русской литературы на португальский язык. Ранее эти тексты были доступны бразильскому читателю только как переводы с французского языка.

В советский период «определенный канон восприятия России в Бразилии» [Жезус Коста, 2007] создали писатели-коммунисты Жоржи Амаду

и Грасилиано Рамос. Роман Рамоса «Viagem» («Путешествие») посвящен его поездке в Москву, встречам с русскими писателями, его впечатлениям о России и русской культуре. Эта книга стала для бразильцев источником знания и представления о реальной российской действительности.

С 1960 г. в университете Сан-Пауло появился первый университетский курс русского языка. Одним из основателей курса был профессор Борис Шнайдерман — выдающийся переводчик, автор переводов произведений классиков русской литературы.

В настоящий момент высокий интерес к русской культуре в Бразилии способствует появлению переводов современной литературы. Так, антологии «Современная русская поэзия» («Poesia russa moderna» [Schnaiderman, de Campos, 2001]) и «Русские стихи» («Poemas russos» [Pithon, Campos, 2011]) включают переводы текстов как Блока, Маяковского, Есенина, Мандельштама, Хлебникова, Ахматовой, Цветаевой, так и более поздних авторов — Евтушенко, Вознесенского, Айги.

В поэтических текстах, как и в прозе, непременно присутствует безэквивалентная лексика. Безэквивалентная лексика — это лексические единицы языка, «которые имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди единиц другого языка» [Бархуратов, 1975].

Выделяется три разряда безэквивалентных лексических единиц:

- 1) имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и т. д.;
- 2) реалии, т. е. слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке;
- 3) случайные лакуны — единицы, которым по каким-то причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка.

Особенности этих лексических единиц и выбор подходящей стратегии их передачи на другой язык должны быть учтены при переводе. В случае перевода поэтического текста одной из главных задач переводчика является сохранение в текстах как структурного, так и семантического соответствия. В зависимости от степени соответствия могут быть использованы стратегии транслитерации/транскрипции, калькирования, описательно-го, приближённого или трансформационного перевода. Особый интерес представляют переводы авторских неологизмов. Так, разные стратегии используются для переводов текстов Маяковского (см. ‘златолобо’ — *topete de ouro*, пер. А. de Campos) и Хлебникова (см. ‘смехачи’ — *ridentes/derridentes*, пер. Н. de Campos).

Литература:

1. Бархуратов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
2. Жезус де Коста П. С. Русистика в Бразилии // Вестник Новгородск. ун-та. 2007. № 43. С. 7–9.
3. Pithon M., Campos N. Poemas russos. Belo Horizonte: FALE/UFMG, 2011.
4. Schnaiderman B., de Campos H., de Campos A. Poesia russa moderna. São Paulo: Perspectiva, 2001.

Тимченко Надежда Михайловна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Атрибутивные группы в английских общественно-политических текстах в аспекте перевода (учебные материалы)

В докладе рассматриваются основные типы английских атрибутивных групп (АГ) с оценочной семантикой, функционирующих в общественно-политических (газетных) текстах (ОПТ). Анализ осуществлен на основе современной англоязычной публицистики, выходящей в последние годы как в Великобритании, так и в США, и направлен на выработку у студентов младших курсов факультета международных отношений навыков адекватного с семантической и прагматической точек зрения перевода конструкций с АГ.

В число рассматриваемых АГ входят группы с прилагательными и причастиями, реже — существительными и другими классами слов. В абсолютном большинстве случаев в ОПТ в функции определения выступают прилагательные и причастия, несколько реже — существительные, еще реже другие грамматические классы слов, например, местоимения. Для исследования семантики прилагательных необходимо, прежде всего, выявить их смысловые особенности как признаковых имен.

Отличительной характеристикой прилагательных, выражающих своими значениями свойства объектов (персоналий, предметов и т. п.), оценки их качеств людьми, является, по мнению А. А. Уфимцевой, непомерно широкий смысловой объем имен прилагательных, сочетающихся с предметными именами разной степени абстракции, и едва заметные границы их лексико-семантического и семантико-стилистического варьирования.

Еще одной особенностью семантики прилагательных является то, что их вещественное содержание не исчерпывается только денотативными и сигнификативными семантическими признаками, как это имеет место у имен существительных и глаголов соответственно. Многие прилагательные включают также и оценочный признак, который по-разному называется в специальной литературе: оценочный, эмотивный, прагматический, субъективный и даже эмпирический.

Наличие в семантике прилагательных субъективно-оценочных значений (и, в частности, коннотаций) обуславливает тот факт, что они обладают существенной прагматической нагрузкой в высказывании, передавая оценки, переживания, эмоциональные состояния автора ОПЕ.

Можно выделить три основные группы АГ:

- 1) прямая или косвенная характеристика // оценка персоналий и их групп, деятельности политических лидеров, а также понятий, связанных с человеческой деятельностью (мыслительной, речевой и т. п.);
- 2) характеристика реалий, в том числе стран и артефактов;
- 3) характеристика абстрактных понятий, а также обстоятельств, связанных с политикой и общественной жизнью.

Примеры: ADVERSE (comments); ARROGANT (and dangerous delusions); APPALLING (human-rights abuses); AUTOCRATIC (desires); BELLICOSE (stance);

BLAND (assurances); BLATANT (disregard for the aims of removing all nuclear weapons); COLONIAL (administration); COLONIALIST (worldview); CONTEMPTUOUS (attitude); CORRUPT (dealings in oil and other industries); DANGEROUS (self-deception); DEFIANT (stance); FANATICAL (eagerness); FRANTIC (pounding on the drums of war; frantic appeals); HAWKISH (politician); IMMORAL (behaviour); OBSESSIVE (plans); RUTHLESS (dictator); THREATENING (rule); VICIOUS (le ader); WORTHLESS (words).

В докладе рассматриваются прагмасемантические характеристики именных групп с прилагательными вышеприведенного типа в аспекте адекватного перевода.

Хасен Шахразед,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Анри Мешонник – теоретик языка

Анри Мешонник (1932–2009) — французский лингвист, теоретик языка, поэт, эссеист, переводчик Библии. С 1963 по 1968 г. он преподавал в университете Лилля, в 1969 г. участвовал в создании университетского экспериментального Венсенского центра, до 1997 г. преподавал лингвистику и литературу в университете «Париж VIII». На протяжении всей своей жизни Мешонник занимался лингвистикой и переводом и внес большой вклад в эти области, создав теорию, которая определила новый оригинальный взгляд на перевод. Теория Мешонника последовательно излагалась, начиная с 1973 г., в его книгах «За поэзию», «Эпистемология письменности», «Поэтика перевода», «Этика и политика перевода».

В книге «Этика и политика перевода» Мешонник на примере перевода Библии показывает разницу между «переводом творчества» и «переводом изобретения» и дает общую характеристику перевода, который является для него «правильным» (Гл. VI).

Критикуя известных теоретиков структурализма (Гл. VII), Мешонник доказывает, что перевод — это нахождение соответствия не просто между языковыми знаками, но соответствие ритму, политике и поэтике, которые окружают текст. Через знак Мешонник критикует идею эссенциализации языка (*l'essentialisation du langage*) Хайдеггера (понимать значит переводить и переводить значит понимать), а также П. Рикера, считавшего, что перевод существует потому, что люди говорят на нескольких языках, и что можно выразить то же самое разными способами. Для Мешонника такой подход представляет собой смешение языка и метаязыка и игнорирование аспекта речи.

Мешонник отходит от старой полемики между сторонниками идеи исходного и переводного текста в качестве отправной точки (соотв. цели) процесса перевода, равно как и от идеи индивидуальности перевода, что в сущности, означает отказ от теории (Гл. VIII). В Главе IX Мешонник представляет программу из восьми пунктов, разработанную на основе сопоставления Корана и Библии, призванную определить различие между такими понятиями, как «религиозное», «божественное» и «священное».

Развивая идею Гумбольдта о специфичности лингвистических наук, Мешонник показывает, что каждый акт перевода предполагает собственную лингвистическую теорию, основанную на понимании языка как динамического процесса и ритма как организующего начала высказывания.

Чекалина Елена Михайловна,

д. ф. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Типологические аспекты перевода:
расхождения грамматического строя
(на материале шведского и русского языков)

Проблемы, связанные с расхождением грамматического строя языков, занимают важное место в общей и частной теории перевода [Федоров, 1953; 1983]. Анализ и осмысление «сложных фактов, выявляемых при сопоставлении языков и исследовании грамматических соотношений, которые возникают между ними при переводе» [Федоров, 1983. С. 173], актуальны для типологии и могут служить материалом для лингвистических обобщений [Швейцер, 1973. С. 14]. Различие в подходах к проблеме состоит в том, что для теории и практики перевода речь идет о выборе эквивалентов и видах трансформации, а для сопоставительной типологии — о системных соответствиях/несоответствиях между языками.

В обоих случаях интерес представляют как общие линии схождения/расхождений, так и их конкретные реализации в различных типах вербального и стилистического контекста. Для разноструктурных языков одной из базовых трансформаций является изменение частеречной принадлежности слова как важный параметр лексико-грамматического характера [Englund Dimitrova, 2005].

С учетом вербоцентричности шведского языка значительное место занимает анализ с опорой на глагол, который выявляет различные типы соответствий.

- I. Резко контрастирующие — финитная форма глагола/существительное. При переводе нефинитных форм имеют место системные расхождения: причастие 1 — активное причастие настоящего времени НСВ; инфинитив — существительное; деепричастие в русском переводе.
- II. Части речи с общим семантическим признаком — глагол/прилагательное.
- III. Семантически и функционально близкие классы слов — наречие/прилагательное. Другой базовой трансформацией является изменение грамматической формы той же части речи; «точность в передаче грамматических категорий нетипична» [Федоров, 1953. С. 165].

Для финитных форм глагола расхождения реализуются в рамках коммуникативно-законченного высказывания. Видо-временные формы: перфект — настоящее НСВ; презенс — прошедшее СВ. Пассивная — активная диатеза: в шведском языке важная роль принадлежит залоговым конструкциям с причастием 2 и форме пассива на -s, в русском переводе — главным образом, причастиям [Зеленецкий 2004, 161–169]. Имеются также

прагматические различия, обусловленные расхождениями в выражении установки субъекта речи.

У именных частей речи расхождения наблюдаются прежде всего в рамках словосочетания. Существительное: категория детерминации — формы с определенным артиклем / словосочетания с притяжательным, указательным, количественно-обобщающим местоимением *all*; лексико-грамматическая категория числа — неисчисляемые с показателями считаемости/исчисляемые во множественном числе. Местоимения — расхождения обусловлены функциональной и прагматической семантикой: неопределенное/отрицательное; 2 лицо при обращении (*du ты, din твой / Вы, Вау*).

Анализ рассказов шведских писателей и их русских переводов [Вдоль и поперек, 2011] показал, что в целом ведущая роль принадлежит комплексу лексико-синтаксических средств, которые используются и при морфологической трансформации. Вместе с тем для сопоставления текстов интересны схождения/расхождения не только единиц различных уровней, но и особенностей их вербального окружения. Таким образом, исследование разноструктурных языков оригинала и перевода в плане сопоставительной типологии имеет многоуровневый (языковые системы) и «многоступенчатый» характер (лингвистика текстов).

Литература:

1. Вдоль и поперек. СПб., 2011.
2. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004.
3. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1953.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983.
5. Швейцер А. Д. Переводилингвистика. М., 1973.
6. Englund Dimitrova B. Expertise and Explication in the Translation Process. Amsterdam; Philadelphia. 2005.

Чистов Владимир Алексеевич,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Переводческие соответствия русских таксисных конструкций (на материале английских переводов «Анны Карениной»)

В докладе рассматриваются основные английские переводческие соответствия русских конструкций зависимого и независимого таксиса. В соответствии с концепцией В. С. Храковского рассматриваются три основных типа русских и английских таксисных конструкций: невалентностный таксис, фоновый таксис и валентностный таксис. На основе этой трактовки таксисных отношений рассматриваются варианты перевода разнотипных русских конструкций с придаточными дополнительными, определительными, условными, причинными предложениями и деепричастными оборотами. Главным образом, рассматриваются переводческие соответствия (ПС), связанные с выражением в английском языке категориальных ситуаций персональности, содержащихся в придаточных предложениях. Порядок

рассмотрения обусловлен количеством соответствующих сложноподчиненных предложений. Наиболее часто в переводных конструкциях такого рода применяются переводческие трансформации (ПТ) добавления, затем следуют ПТ сохранения и замены. Крайне редко отмечены ПТ опущения личного местоимения (ЛМ) в английских переводных конструкциях.

Наиболее часто встречающимися глаголами, вводящими придаточные дополнительные предложения, являются ментальные глаголы, например: *Отпустив штабс-капитаншу, Степан Аркадьич взял шляпу и остановился, припоминая, не забыл ли [Ø = он] чего* — *Having dismissed her, he took his hat and paused to consider whether he had forgotten anything* (Ed-21; Gar-11; LAM-9); *Having got rid of the major's widow, Oblonsky took his hat and stopped for a moment, trying to think whether he had forgotten anything* (Mag-14; Car-9; PV-9); *When he had seen her out, Oblonsky took his hat and paused, wondering if there was anything he had forgotten* (Wet-29).

В случае придаточных определительных предложений абсолютное большинство английских ПС характеризуются сохранением ЛМ, выступающих как в функции подлежащего, так и в функции дополнения, например: *...сказала она, видимо, одну из фраз, которые она за эти три дня не раз говорила себе* — *...she said, obviously repeating one of the phrases she had said to herself more than once during the past three days* (Car-12; Ed-24; Gar-14; LAM-11; Mag-17); *...she said; evidently this was one of the sentences she had kept repeating to herself in the course of these three days* (Wet-32; PV-12).

В случае таксисных придаточных предложений доминирующей ПТ является сохранение ЛМ, хотя, как показывают переводы следующего примера, ПТ опущения также возможны, например: *Добродушно сияющее лицо его из-за шитого воротника мундира просияло еще более, когда он узнал вбегавшего* (AK-18) — *...as he watched the man coming up* (Car-17); *...when he recognized who it was running up* (Ed-29); *...when he recognized the man who was coming up* (LAM-16; Mag-23; PV-16); *...when he recognized the man coming up* (Car-20); *...when he recognized the runner* (Wet-39).

В основных придаточных предложениях при наличии ЛМ имеет место ПТ сохранения, т. е. перевода русского ЛМ семантическим аналогом. В случае же отсутствия ЛМ в придаточном предложении ОВ в переводных конструкциях имеет место ПТ добавления ЛМ: *Может быть, он сумел бы лучше скрыть свои грехи от жены, если б [Ø = он] ожидал, что это известие так на нее подействует* (AK-5) — *He might have been able to hide his misconduct from his wife better if he had expected the news to have such an effect on her* (Car-3; Gar-3; PV-3); *Perhaps he would have been more successful in hiding his wrongdoing from his wife had he suspected the effect that the discovery would have upon her* (Ed-15; LAM-3; Mag-7/8); *Perhaps he would have been more careful had he known she would take it so hard* (Wet-22).

В придаточных предложениях причины происходит то же переводческое преобразование, что и в условных придаточных: при наличии ЛМ имеет место перевод русского ЛМ семантическим аналогом. В случае же отсутствия ЛМ в придаточном предложении в переводных конструкциях имеет место ПТ добавления ЛМ.

Шадрин Виктор Иванович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Скрытые идеологии телевизионного перевода

Требования экономической рентабельности и популярности телевидения являются двумя основными идеологиями, определяющими деятельность переводчика телевизионных передач наших дней. Эти две невидимые силы образуют основу айсберга и обуславливают значительные перемены в традиционной деятельности переводчика.

Цензурные ограничения имеют место на всех уровнях подводной части этого айсберга. Видимые уровни айсберга показывают способы регулирования переводческих стратегий и их реализации с точки зрения норм двух вышеназванных идеологий. Эти способы значительно отличаются от обычных прескриптивных норм устного перевода, основанных на традиционной идентичности переводчика и его статусе.

В докладе обсуждаются конкретные примеры регламентации переводческого процесса со стороны руководства телевидения до, в течение и после перевода информации о том или ином событии. В итоге обсуждения делается попытка описания возникающего в наше время образа медийного переводчика как высокопрофессионального и яркого исполнителя, способного успешно следовать нормам двух основных идеологий и, тем самым, оправдывать ожидания как руководства телеканалов, так и зрителей.

Как отмечалось выше, идеологии экономической рентабельности и гарантированной популярности телевидения являются скрытыми от глаз телезрителя. Тем не менее, эти идеологии представляют собой силу, контролирующую все видимые действия переводчика и реакцию ведущего программу перед телевизионной камерой. Итак, вершиной айсберга является то, что мы видим на экране. Время от времени мы можем наблюдать еще какие-то части айсберга, появляющиеся над водой.

В частности, предлагаемая модель айсберга предполагает три уровня погружения «в мировой океан» телевидения: уровень идеологии (экономическая рентабельность и обязательная популярность программ), уровень организации и редактирования переведенных текстов, уровень реализации переведенного медийного события в терминах поведения в определенном окружении.

Приведем иллюстрацию второго уровня (организация и редактирование текстов) на примере лексических и стилистических ограничений при создании переводного текста. Учитывая тот факт, что телевидение предполагает беседу с воображаемым собеседником, редакторы стараются сделать текст наиболее популярным и приемлемым. Отсутствие физических реципиентов приводит к созданию стереотипов телевизионной аудитории с учетом общих ценностей и коллективной морали потенциальных зрителей. По этой причине телевещательные компании придают особое значение языку в двух отношениях.

Во-первых, язык упрощается путем придания ему большей «разговорности». Это касается не только демонстрации научно-популярных фильмов,

где научные аргументы объясняются бытовой лексикой, но также и ток-шоу, посвященных вопросам медицины, здоровья, фитнеса и т. п. В этом случае нормой является лозунг «Говори коротко и ясно».

Во-вторых, телевещательные компании являются также цензорами морали. Большинство внутренних инструкций для переводчиков касаются соблюдения языковых приличий в сфере лексики и стилистики переведенных текстов. Корпусные исследования показывают частое использование переводчиками лексических фильтров, снижение излишней экспрессивности высказываний, применение стратегий «такта и дипломатии», а также общего «улучшения» стиля.

В соответствии с «теорией айсберга» все указанные лексико-стилистические ограничения можно отнести к частично эксплицитным. С другой стороны, в особых случаях переводчика могут попросить о сохранении стилистики оригинала (например, сохранить жесткий стиль речи французского крайне правого лидера Ле Пена). В контекстах, сложных с политической точки зрения, руководители телепрограмм всегда принимают во внимание возможные реакции приглашенного гостя. Например, накануне интервью помощника Фиделя Кастро американскому телевидению переводчик с испанского был проинструктирован по возможности избегать «капиталистической лексики». Иногда эти инструкции принимают форму реальной цензуры.

ФОЛЬКЛОР НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ, ПОСТФОЛЬКЛОР И ВОПРОСЫ ТРАДИЦИИ

Адоньева Светлана Борисовна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Обращение в устной речи: проблема узуса и нормы

Предметом рассмотрения в докладе служит функция обращения в устной коммуникации. В качестве основного материала для анализа использован корпус интервью, проведенных студентами в рамках полевой фольклорной практики в Лешуконском районе Архангельской области, а также полевые записи автора по материалам фольклорных вологодских экспедиций. Как следует из словарного определения, обращение (вокатив) — «наименование лица или, в случае олицетворения, неодушевленного предмета или явления, к которому обращено высказывание; ср.: *Петя, что ты завтра делаешь? Петя, возвращайся скорей! Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч* (А. Пушкин). Первичное назначение обращения состоит в том, чтобы привлечь внимание слушающего и дать понять, что высказывание обращено именно к нему. Поэтому присутствие обращения особенно характерно для вопросительных и побудительных предложений, требующих непосредственной реакции конкретного адресата — ответа или действия» (ЛЭС). Таким образом, можно заключить, что обращение ведет себя подоб-

но имени собственному, которое, также следуя словарному определению, служит для выделения объекта из ряда подобных, идентифицируя данный объект, и поэтому не имеет референта, но непосредственно связано с денотатом (ЛЭС).

Анализ употребления обращения в устной речи показывает, что имя собственное (так же как и иные аппелятивы) используемые в функции обращения, тем не менее, имеет область референции. Референтом обращения служит конвенция отношений, которую предполагает говорящий, организуя коммуникативное взаимодействие. Репертуар обращений, возможных между одними и теми же людьми, а также обращений, возможных между ними в норме, но никогда не применяемых, обнаруживает область приемлемого, согласованного и подтверждаемого типа отношений. Экспериментальное использование нормативных обращений (*Иван Иванович* вместо «*Иваныч*», *Петя* вместо «*Петь*», *Ольга* вместо «*Олик*») немедленно выводит коммуникацию на границу конфликта (см. эксперименты в области коммуникации и отношений, проводившиеся Гарольдом Гарфинкелем). Различие между узусом и нормой становится особенно заметным, когда одни и те же слова, используемые в номинативной и апеллативной функции, очевидным образом меняют свои значения. Так термины родства — *мать, отец, брат, сестра* и их производные — обычно не применяются в качестве обращений по отношению к матери, отцу, брату или сестре в спонтанной устной речи. Термины родства служат для установления сложных партитетных или патронажных отношений, которые предлагаются в качестве основы для взаимодействия между лицами, отнюдь не находящимися в определяемых этими терминами родственных отношениях.

Бутовская Станислава Александровна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Имена собственные в былинах Мезени

В исследованиях, посвященных былинам, имя собственное рассматривается преимущественно с точки зрения семантики [Пропп, 1958] и исторического изучения эпоса [2]. Предпринимались попытки привязать к именам собственным конкретные характеристики персонажа, исходя из анализа былинных сюжетов.

Именной указатель продолжающегося издания «Свод русского фольклора. Былины» (2006) демонстрирует ряд особенностей: во-первых, перечень имен былинных персонажей отличается крайней устойчивостью; во-вторых, имена одних и тех же персонажей взаимозаменяемы. Однако замены возможны только в пределах традиции, любые другие имена недопустимы. Такая ограниченность является редкостью для большинства фольклорных жанров, где допускается подстановка любого имени собственного в зависимости от контекста исполнения и адресата. В данном случае былинное имя может служить маркером жанра. Былинная речь не была направлена на установление прямой коммуникации со слушателем путем, например, включения его имени в былинку, что возможно в сказке. В былинах нет

имен, которые выступали бы точками соприкосновения с реальным миром сказителя, как в случае с индивидуальным поэтическим творчеством. Между тем именно былинное имя собственное обладает определенным авторитетом и обуславливает легитимность высказывания — произносимого текста былины — и тем самым не только обеспечивает веру в безусловность происходящего, но и способствует глубоко личному переживанию каждой истории. Как по-разному эти истории проживаются, очевидно из анализа форм имени собственного в былинах.

За счет разницы в употреблении имени исполнителями проявляются, например, поведенческие стереотипы, предписания и трансгрессии, а также особенности речевого этикета мужчин и женщин. Трансформации имени собственного отражают социальные стратегии представителей разных полов, выявляя сложную систему родственных и иных связей в традиционном обществе. Специфика употребления имен в мужском и женском исполнении по-разному выстраивает отношения между персонажами. Противоречия между общими закономерностями и индивидуальными особенностями использования различных форм имен собственных сказителями, с одной стороны, артикулируют социальную норму (поведения и др.), с другой — отражают индивидуальные переживания участников речевого акта.

Литература:

1. *Пронн В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958.
2. Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. Т. 5. Былины Мезени. М., 2006. С. 320–254.

Примечание:

- [1] В. Миллер и другие представители исторической школы ставили акцент на поиске первоисточников имен — реальных прототипов былинных персонажей.

Веселова Инна Сергеевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Управление реальностью: имена в ритуальной речи
(севернорусское «Виноградье»)

«Виноградья» — ритуальные песни с припевом «Виноградье, красно-зеленое», исполняемые на Русском Севере коллективно во время обходных святочных обрядов, на свадьбе иokkaзионально. Виноградья поют в качестве благопожеланий хозяевам во время святочных колядований: виноградья описывают процветающий «двор» хозяина с плодящимся скотом и полными закромами. С другой стороны, виноградьями припевают парня — девке и наоборот в качестве «коллективного одобрения» их отношений. Кроме того, виноградье может быть спето бездетной семейной паре для решения их проблемы. То есть случаи, при которых можно спеть «Виноградье», разнообразны, но общим остается припев и название персонажей песни личными именами тех, кому она обращена.

В ходе исполнения фольклорного произведения определенного жанра исполнитель и аудитория осуществляют специфически организованную

коммуникацию, заданную семантическими и прагматическими параметрами жанра. Жанр фольклорного произведения, по Б. Н. Путилову, представляет собой «исторически сложившуюся и реализуемую в конкретных произведениях систему содержательных, собственно поэтических, функциональных и исполнительских принципов, норм, стереотипов, за которыми стоят выработанные коллективным опытом представления, отношения, связи с теми или иными сферами действительности, социальными институтами, бытом». Таким образом, коммуникативные компетенции исполнителя(-ей) и аудитории позволяют им осуществить речевой акт и достигнуть коммуникативных целей при помощи исполняемого фольклорного произведения. В понятие коммуникативных параметров жанра включены статусные характеристики участников (это существенное дополнение обусловлено тем, что право на исполнение и слушание фольклорного текста задано традицией), специфические время и место и т. д. Фольклорный перформанс предопределен общим знанием коммуникативных конвенций жанра исполнителя и слушателей.

Как отмечала в своих работах Н. М. Герасимова, при исполнении фольклорного произведения исполнитель и аудитория сосуществуют в нескольких реальностях: физической реальности исполнения и виртуальной реальности фольклорного произведения. Создаваемая при помощи фольклорной топики реальность представляет собой особый мир со своим устройством и законами (временем, местом, персонажами и их отношениями). Часть фольклорных жанров, имеющих ритуальное или магическое значение, предполагает умение исполнителя соединять реальные и виртуальные миры в целях изменения первых. Одним из приемов подобного соединения и взаимодействия является использование личных имен участников коммуникации и различных форм их номинации.

Таким образом, исполнение «Виноградья» становится коллективным действием по «улучшению» реальности, а жанровые конвенции своего рода коллективным договором, который и будет описан в докладе.

Голубева Любовь Викторовна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Устные рассказы деревенских женщин о платках,
платках и шалях

Автор доклада в очередной раз обращается к известной в фольклористике и этнографии теме платка. Повышенный интерес к данному атрибуту среди фольклористов и этнографов разных поколений не является случайным. Полотно (и любое производное от него — тканый отрез, полотенце, платки и пр.) в жизни деревенской женщины, начиная с девичества (с момента овладения ею навыками ткачества), имеет не только утилитарное, но и символическое значение. Женщины в повседневной жизни и в обрядах, постоянно одаривают друг друга платками (полотенцами, отрезами и пр.) обмениваются, оставляют в наследство своим родственницам (и не только им), используют их в магических и каких-то еще особых целях.

Платок всегда выполнял и выполняет до сих пор различные знаковые функции (такие как оберег, связь, развитие отношений, долг, жертва и пр.), это постоянный и часто необходимый атрибут почти во всех обрядах жизненного цикла и обрядах инициации (например, в рекрутском обряде). Платок является не просто подарком, а особенным, обязывающим даром. Как этнографы, так и фольклористы неоднократно уделяли свое внимание традиции ношения платка, которая имеет сложную систему и определяет-ся социальным, возрастным статусом, и даже половой принадлежностью.

В докладе свой исследовательский интерес автор направляет не столько на рассмотрение обрядов, в которых фигурирует обозначенный атрибут, или на выявление его символических функций при семантическом анализе ситуаций и контекстов и т. п., сколько на человека, на его личный опыт и личную связь с таким предметом как платок. Исходя из положения, что устная речь любого человека о себе, о своей повседневной жизни и своем личном опыте, на самом деле представляет собой концентрат общего знания традиции, исследователя будут интересовать именно биографические рассказы, в которых деревенские женщины делятся своим личным опытом или своими наблюдениями над другими людьми об использовании платков в повседневной и ритуальной жизни. Анализ таких нарративов позволит увидеть, с помощью каких действий и повседневных практик описываются и актуализируются в устной речи уже выявленные в предыдущих работах символические значения и функции платка (охранительная, связывающая и пр.).

В качестве материала в докладе послужат устные рассказы, записанные от деревенских женщины в ходе интервью в рамках фольклорных экспедиций СПбГУ в период 1970-х гг.

Куприянова Софья Олеговна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Обращения в жанре колыбельных песен

Использование имени адресата в текстах колыбельных является характерным признаком жанра, что отмечали многие исследователи (Головин 2000; Мартынова 1974; Еремина 1992). Ряд примеров из Фольклорного Архива СПбГУ подтверждает этот тезис.

Приходил к нам бабай...

Говорил... там... ребенка отдай

Мы сказали — не дадим,

Например, Юра — Юра нужен нам самим. (ФА СПбГУ, Мез 10–193).

Так, из вышеприведенного фрагмента убаюкивания видно, для того чтобы высказывание состоялось, исполнителю необходимо ввести в текст имя реального адресата. Близость колыбельной и заговора, помимо использования в текстах сходных формул, заключается также в необходимости использования реального имени адресата в момент произнесения текста. «В заговорах встречается формула призыва Сна и Дремы — такая же как

в колыбельной песне: «Если дитя не спит, то три зари носят его в курятник и держа его в курах говорят следующее до трех раз: “Курица, возьми бессонницу у младенца такого-то, называя его по имени, дай свой сон, сон да дрема младенцу в голова”». (Мартынова 1974: 108).

Две наиболее авторитетных классификации колыбельных песен — классификация В. В. Головина (Головин 2000) и классификация А. Н. Мартыновой (Мартынова 1974). Классификация А. Н. Мартыновой (Мартынова 1974: 103) представляют собой разделение колыбельных на четыре группы текстов.

Императивные песни включают пожелания ребенку: а) сна, здоровья, роста; б) послушания; в) смерти. В ту же группу попадают тексты с обращением к различным существам с просьбой (требованием): а) дать ребенку сон, здоровье, учать его; б) не пугать ребенка, не мешать его сну. Песни повествовательной группы подразделяются по персонажам, о которых идет речь (о ребенке, о людях, о животных, птицах и предметах). В две отдельные группы выделяются песни — заимствования из других жанров и песни литературного происхождения.

В докладе предполагается рассмотрение обращений в четырех представленных выше группах колыбельных песен. При рассмотрении императивных песен возможны две группы обращений к адресату колыбельной. Первая группа императивных песен (пожелания ребенку) включает обращение к адресату через имя собственное и через имя нарицательное.

Вторая группа императивных песен представляет собой обращение к различным существам. Группа императивных песен предполагает обязательное присутствие в тексте говорящего и слушающего, т. е. связь с коммуникативной ситуацией. Именованье адресанта и обращение к адресату могут быть не выражены не только в форме имени, но осуществляться через дейктические показатели [Якобсон, 1972. С. 101]. Будут приведены примеры обращений в текстах заимствованиях из других жанров и песен литературного происхождения.

Подробному рассмотрению песен последней группы посвящены отдельные главы из диссертации В. В. Головина [Головин, 2000]. Обсуждается возможность использования для анализа схемы коммуникативных уровней, предложенной И. С. Веселовой. Особое внимание уделяется рассмотрению глагольных форм и наклонений, используемых для обращения к адресату. Рассмотрение обращений в жанре колыбельных поможет пролить свет на способы включения адресата в реальность текста.

Литература:

1. Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Аво. 2000.
2. Головин В. В. Колыбельная песня и заговор // Б. Н. Путилов. Фольклор и народная культура. In memoriam. С. 266–275.
3. Еремина В. И. Заговорные колыбельные песни // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 29–32.
4. Мартынова А. Н. Опыт классификации русских колыбельных песен // Советская этнография. № 4. 1974. С. 103.
5. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического описания языков различного строя. М., 1972.

Манджиева Байрта Барбаевна,

к. ф. н., зав. отделом, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста)

К вопросу изучения калмыцких богатырских сказок

Калмыцкий народ обладает огромным богатством — многожанровым и во многом уникальным устным народным творчеством. В его сокровищнице имеется героический эпос «Джангар», мифы, легенды, предания, множество прекрасных песен, большое количество глубоких по смыслу пословиц, поговорок, произведений своеобразных жанров — *йөрөл* (благопожелание), *магтал* (восхваление), *яс кемэлһн* (состязания в красноречии). Одним из ярких, любимых произведений народа являются калмыцкие народные сказки, которые подразделяются на волшебные, богатырские, сказки о животных, кумулятивные и бытовые.

В сказочной традиции калмыков выделяются сказки, посвященные богатырям, богатырским действиям героя. Богатырские сказки отличаются от волшебных внутренней структурой, мотивами, традиционными формулами, они отличаются и по своему характеру, но имеют некоторые общие мотивы с произведениями эпического жанра. В калмыцком сказочном жанре есть сюжеты, генетически связанные с эпосом и представляющие собой трансформированные формы былых героических сказаний. А. Ш. Кичиков сюжеты подобных типов относит к «тууль-улигерному эпосу», которые проливают свет на раскрытие «темных мест» эпоса.

Среди калмыцких богатырских сказок есть сюжеты, повествующие о приключениях героев в подземном мире. Главный герой — богатырь попадает в нижний мир по разным причинам, или в погоне за врагом, или в результате предательства. Таковы сказки «Аюһин көвүн Алвт Хар» («Алвта Хара, сын медведя»), «Һал хаана Отхн Шар көвүн» («Отхон Шара — сын Гал хана»), «Эрк Билдр» («Эрке Бильдер») и др.

Сюжет сказки «Аюһин көвүн Алвт Хар» («Алвта Хара, сын медведя») является распространенным, что подтверждается присутствием сходного сюжета в СУС (Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка) 650А + 301А. Медведь похищает девушку, у них рождается мальчик, он убивает медведя и с матерью возвращается к людям. Отправляется путешествовать, встречает трех силачей, в погоне за ведьмой попадает в нижний мир.

По сюжетной структуре сказка «Алвта Хара, сын медведя» является богатырской сказкой, здесь присутствуют такие эпические мотивы и элементы как: чудесное рождение, богатырский рост героя, наречение именем, испытание силы, побратимство с тремя исполинами, которые признают старшинство героя. Эти сюжетные элементы биографии сказочного героя совпадают с ранней биографией героев монголо-ойратских героических сказаний. Во второй части сказки герой преследуя *шулмуску* (ведьму) попадает в нижний мир, где расправляется с ведьмой, уничтожив ее душу.

Сказка «Һал хаана Отхн Шар көвүнә туск тууль» («Отхон Шара — сын Гал хана») также имеет аналогию в СУС 301А, В. Братья сбрасывают героя в нижний мир; он возвращается наверх на гигантской птице. Богатырь,

спускающийся в подземный мир, предстает и в другой сказке «Онч Ханц баатрин туск тууль» («Сказка об Онче Ганца баторе»), во второй части сказка совпадает с сюжетом СУС 465А «Красавица-жена». Обычно герой, попадая в подземный мир, встречался с враждебными ему существами, вступал с ними в неравную схватку, из которого всегда выходил победителем. Но в данном сюжете обитатели нижнего мира относятся к богатырю доброжелательно и даже роднятся с ним. Возможно, что волки-оборотни, с которыми встречается герой, олицетворяют собой добрых духов и являются покровителями героя и его рода.

Большая группа калмыцких сказок повествует о земных делах богатырей. Вместе с тем сюжеты данных сказок имеют много общего с эпическими и сказочными произведениями тюрко-монгольских народов. Сюжетообразующими мотивами сказок «Хамгин эзн болсн хан Бурн Төгс көвүн» («Ставший правителем всех Бурун Тогос»), «Чим Хар баатр» («Чим Хара батор»), «Догшн Хар баатрин хойр көвүнэ тууль» («Сказка о двух сыновьях Догшон Хара батора») и многих других служат мотивы чудесного рождения, наречения именем, героического сватовства, поединка с соперником. Героическое сватовство, поездка в чужие края раскрывают богатырские качества героя, его мужество, находчивость и силу.

Мариничева Юлия Юрьевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Кум, кума, брат, сестра: функции терминов родства и свойства в русских сказках о животных

Жанровую природу русских сказок о животных определяет их диалогичность. Диалоги персонажей составляют большую часть каждого сказочного текста. Реплики в сказочных диалогах часто в своей инициальной части содержат развернутые обращения к персонажам. Персонажи сказок о животных особенно искусны в выборе обращений, когда принимают на себя роль трикстера. Суть этой роли состоит в убеждении потенциальной жертвы в том, что перед ней вовсе не враг. Для этого персонаж-трикстер может менять голос, обещать вознаграждение и выбирать необходимую для его целей форму обращения. В качестве обращений могут выступать имена нарицательные (*лиса, волк* и т. д.) и производные от них уменьшительно-ласкательные формы (*лисичка, петушок* и др.), нарицательные имена с постоянными эпитетами (*серый волк* и т. д.) и имена собственные (*Лиса Патрикеевна*), а так же термины родства и свойства (*кума, брат* и т. д.).

В докладе речь пойдет о последней группе обращений. Следуя за идеей Л. С. Выготского, я предполагаю, что персонажи в русских сказках о животных метафорически воплощают определенные стратегии поведения. Русские сказки о животных описывают существующие в национальной традиции стратегии манипулятивного поведения. Представляется, что отношения кумовства и побратимства, которые запускаются посредством соответствующих обращений, являются специальными трикстерскими приемами и типами манипулятивного поведения.

Носов Дмитрий Алексеевич,
к. ф. н., младший научный сотрудник,
Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

Семантика синтеза плача и смеха в сказках монгольских народов

В докладе рассмотрен часто встречающийся в волшебных и богатырских сказках монгольских народов мотив. Он состоит в одновременном плаче и смехе персонажа, которому предстоит погибнуть. Этот мотив весьма устойчив и присутствует как в текстах, записанных в XIX в., так и в недавно собранных материалах. Отмечено два типа выражения мотива: краткий, состоящий из инициального и финального действий и развернутый, где между ними возникает медиаль.

Развернутый тип выражения различается смысловым наполнением медиального элемента. Он может быть одним действием (пением, размышлением) или же набором действий. Автор утверждает, что вне зависимости от типа выражения мотива его семантика всегда одинакова. Он означает надежду готовящегося к гибели персонажа или группы персонажей на возрождение. В большинстве рассмотренных случаев таким персонажам удается избежать гибели. Это роднит его с подобным мотивом в письменных культурах соседних народов, прежде всего китайцев.

Устойчивость мотива в текстах, зафиксированных на протяжении всей истории сбора фольклора монголов, бурят и калмыков, а также однозначность семантики позволяют сделать предположение о его генезисе. Он возник под влиянием традиционных представлений о синтезе плача и смеха как метафоре смерти и возрождения.

Онипко Кира Андреевна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Некролог: структура, поэтика, функции, бытование

Ритуальные речевые жанры, по мнению исследователей, осознаются как жанры, обращенные через свою цель к миру ритуализированных отношений, формирующие фактом своего существования разнообразные события этого сложного мира и обслуживающие типичные ситуации, связанные с ритуализированными социальными отношениями между людьми.

В своем докладе мы бы хотели рассмотреть структуру, поэтику, функции и бытование такого ритуального речевого жанра, как некролог. Представляется, что некролог — это не просто построенный по определенным жанровым канонам текст, это ещё и особая практика его создания, формирующая в итоге особый дискурс. Некролог крайне разнообразен по своим коммуникативным целям.

С одной стороны, некролог, традиционно помещаемый в разряд этикетных речевых жанров, сообщает о смерти какого-либо лица, и тогда кажется, что некролог реализуется как информативный речевой жанр. Но

задача некролога — не просто сообщить о факте смерти, но и поместить адресата в состояние переживания чужой смерти, скорби или хотя бы сожаления о случившемся. И тогда некролог переходит в разряд императивных речевых жанров, как бы предписывая своему адресату определенное состояние и поведение.

Утверждая некролог не только формой некоего речевого высказывания, но и особой практикой письма, в своем докладе мы не сможем обойти вниманием образ автора этого речевого жанра. По нашему мнению, во многом данный параметр определяется через степень включенности события чьей-либо смерти в личную сферу автора. Насколько автор некролога должен быть отчужден от факта смерти персоны, о которой он пишет? А насколько приближен к ней? Ведь некролог пишется сразу после чьей-либо смерти, и может ли автор некролога в таком случае быть в состоянии породить подобное высказывание, если близко и хорошо знал покойного? Не является ли в данном случае отчужденность неким залогом искренности и адекватности выражаемых эмоций, ведь некролог всегда подразумевает выражение соболезнования и скорби? И насколько искренность автора вообще релевантна в процессе создания некролога, если всякие раз, когда мы публично говорим об усопших, мы руководствуемся правилом *de mortuis aut bene, aut nihil*? На эти и подобные вопросы мы попытаемся ответить в рамках нашего доклада.

Некролог инициирует реализацию других ритуальных траурных жанров, например, жанра соболезнования. Кроме того, некролог может инициировать и просто беседу об усопшем или выяснение обстоятельств смерти, подробностей, связанных с похоронами, участие в похоронах или поминках. Недаром после некоторых некрологов в газете дается телефон для справок, по которому адресат траурного объявления может получить всю необходимую ему информацию. Чем статуснее и известнее был умерший человек при жизни, тем больше людей включатся в различные похоронно-поминальные практики, связанные с его смертью.

Некролог всегда сообщает об уже случившемся событии, что определяет его как речевой жанр с перфективной перспективой диктумного содержания. Однако информация о смерти или похоронах может даваться с трех позиций: может сообщаться просто о факте смерти без каких-либо подробностей, может сообщаться об обстоятельствах смерти, а также может сообщаться о факте и месте проведения похорон и поминок.

В некрологе обязательно дается информация о том, каким был усопший (разумеется, в пределах уже упомянутого негласного правила *de mortuis aut bene, aut nihil*), сообщается о заслугах и достижениях покойного, рассказываются некоторые факты его биографии.

Прижизненный социальный статус умершего влияет не только на факт написания некролога как такового, но и на объем его словесного выражения. Он же, возможно, влияет и на степень клишированности/индивидуальности языкового воплощения данного жанра. В своем докладе мы рассмотрим некоторые примеры некрологов, разных по структуре, объему и спектру реализованных в них языковых и стилистических возможностей.

Семенова Антонина Сергеевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Номинации и обращения как параметры прагматического анализа (на материале необрядовых песен Мезени)

Мой интерес к данной теме спровоцирован работой над научно-исследовательским проектом «Коммуникативные параметры жанров русского фольклора: номинации и обращения», осуществляемой группой фольклористов на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Нашей исходной предпосылкой является положение о том, что фольклор представляет собой речевую деятельность [Адоньева, 2004], а «фольклорные жанры служат паттернами принятых в русской культуре коммуникативных практик» [Мариничева, 2013]. Наша задача — аналитическое описание текстов разных фольклорных жанров, целью которого является выявление этих «коммуникативных паттернов».

Обращения и другие номинации, в частности, самоопределение, служат показателем типа отношений, который разыгрывается в акте коммуникации.

Моя гипотеза состоит в том, что локальный песенный репертуар предоставляет поющему определенный набор речевых стратегий. Номинации и обращения, наряду с другими прагматическими параметрами, в числе которых — риторико-стилистическая форма песен, помогают выявить и назвать эти стратегии.

Рассмотрев с этой точки зрения корпус из 200 текстов необрядовых песен из Фольклорного архива СПбГУ, подготовленный в рамках работы над проектом, я пришла к выводу, что число речевых стратегий, которые могут быть реализованы в форме необрядовых песен, невелико.

В этом ключе будут рассмотрены три показательных примера из полевых записей СПбГУ последних лет. Критерием для отбора песен послужило наличие в них номинаций и обращений, а также ситуационного контекста записи, который делает возможным прагматический анализ их исполнения.

Литература:

1. Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004. С. 3–23.
2. Мариничева Ю. Ю. Имя и обращение в устной речи (аннотация к лекции, прочитанной 23.12.2013 на филологическом факультете СПбГУ, прочитанной в рамках коллективного лекционного курса «Коммуникативные конвенции устной речи» (Фольклор и фольклористика в СПбГУ: сайт. URL: <http://folk.spbu.ru/Project/lectures/marinicheva.php> (дата обращения — 23.01.2015).

Толстая Светлана Михайловна,

д. ф. н., зав. отделом, Институт славяноведения РАН (Москва)

Речевые жанры в фольклоре

Фольклорные тексты представляют собой высказывания (в смысле Бахтина) самых разных жанров. По признаку коммуникативной (прагматической) маркированности они образуют своего рода шкалу, на одном полюсе которой — тексты, относительно независимые от ситуации произнесения (сказки,

анекдоты, загадки, былины, исторические рассказы, песни и т. п.), на другом — тексты, максимально включенные в ситуацию, как многие «малые формы фольклора», например, благопожелания, проклятия, приговоры, частушки и т. п., которые, будучи произнесенными в той или иной ситуации, реализуют свою коммуникативную функцию, получают окончательное семантическое наполнение и становятся «речевыми актами» и «вербальными ритуалами».

Граница между речевыми актами (жанрами) и вербальными ритуалами нечетка: одни и те же высказывания, например, приветствия или бранные формулы могут рассматриваться и как речевые, и как фольклорные жанры. В фольклоре представлены далеко не все жанры, используемые в речевой коммуникации (отсутствуют, например, доносы, убеждения, предположения, советы); с другой стороны — некоторые речевые акты весьма популярны и широко представлены либо как самостоятельные жанры (например, проклятия, приглашения, запреты), либо как часть более крупных форм (например, угрозы или просьбы и приказы в составе заговоров, благопожелания в составе колядок); наконец, в фольклорном узусе есть речевые акты, не типичные для языковой коммуникации (например, заклинания).

Особый интерес с коммуникативной точки зрения представляют пословицы как языковые единицы (языковые клише), как речевой и фольклорный жанр. Имея по большей части языковую форму констатаций или директив, пословицы при их актуализации в конкретных ситуациях получают вторичные функции «косвенных» речевых актов: похвалы, угрозы, осуждения, совета, предсказания, благопожелания, возражения и т. д.

Филатова Мария Михайловна,

аспирант, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Мифологические представления природы у вепсов (лексико-семантический аспект)

Мифология является неотъемлемой частью духовной культуры. На протяжении веков она выполняла функцию объяснения устройства мира, взаимосвязи его компонентов и причинно-следственных связей между ними.

Можно утверждать об отсутствии подтвержденных данных о существовании у вепсов развернутой систематизированной мифологии, подобной той, которой сохранила нам античность или древнегерманский эпос. Но как свидетельствуют исследования истории и культуры вепсского народа, жизнь его во многом была пронизана мифологией. Религиозно-мифологические традиции вепсского народа представляют ценнейший материал для научного осмысления. Они редко становились отдельным предметом научного исследования.

Вепсы относились к природе, как к существу, наделенному душой. Многим деревьям и кустарникам приписывались сверхъестественные свойства. Особое значение придавалось природным стихиям — воде, огню. Вепсы верили в духов природы (лешего, водяного), также в домашних духов (домового, банника, овинника).

Анализ лексики, связанной с мифологическими верованиями, позволит заглянуть во внутренний мир вепсского народа.

ФОНЕТИКА

Беседина Елена Ивановна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»

Звукоизобразительная лексика и авторский стиль
(на материале романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер
и философский камень»)

Несмотря на то, что необходимость изучения реализаций звукоизобразительной лексики (ЗИ) лексики на материале прозаических произведений подчеркивалась С. В. Ворониным еще в конце прошлого века, большинство работ исследованию звукового строя художественного текста ограничивается текстами поэтических произведений и детской литературы.

Анализ звукового оформления текста, по мнению А. Б. Михалева, позволяет не глубже проникнуть в смысл прозаического произведения не в меньшей степени, чем поэтического.

Основной функцией языка художественной литературы является эстетическая функция, что в значительной мере и обуславливает выбор авторских языковых средств конкретного произведения. ЗИ лексика, обладая по своей природе высокой степенью экспрессивности, безусловно, представляет собой уникальное средство для реализации эстетической функции и может являться, как было у Н. Н. Ноланд на материале романа «Гигант» Эдны Фербер, отличительной чертой идиостиля.

Материалом настоящего исследования послужила выборка ЗИ слов, насчитывающая 306 единиц (616 употреблений, 572 предложения), полученных методом сплошной выборки первых 58 страниц (51 397 слов) электронного варианта романа известной английской писательницы Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» (90 страниц — 78 484 слова).

ЗИ происхождение слов верифицировалось по списку ЗИ слов И. В. Кузьмич (2455 единиц), включающий слова ЗИ происхождение которых подтверждается пометами в этимологических словарях или доказано исследователями в специальных работах.

Для создания у читателя определенных эмоциональных впечатлений Дж. К. Роулинг использует ЗИ слова в функциях различных частей речи: buzz, bark, chatter, cackle, whisper — существительные; chuckle, mutter, stammer, pipe, hiss, howl, clatter, rattle — глаголы; booming — прилагательное howling, grasping, zooming, wheezing, rattling, spluttering — причастие; scrabbling — герундий; ooooooh, shhh, tut, tut — междометия. Достаточно часто использование ЗИ-лексики сочетается автором с использованием приема аллитерации, что усиливает эффект воздействия: ...wind whistled in his ears... / ... they heard a frantic *scrabbling* from inside and several *booming barks*. / These tables were laid with *glittering* golden plates and goblets.

Анализ материала показал, что только на 58 исследованных страниц данного романа автор использует 12,5 % от общего числа слов упомянутого выше списка. Если условно принять каждое предложение с ЗИ лексикой за отдельную строку, то 16,5 % строк будут включать ЗИ лексику. ЗИ слова

составляют примерно 1,2 % от общего количества слов текста с учетом служебных. Для сравнения 2455 единиц списка ЗИ слов, составляют примерно 0,25 % от всего словарного состава английского языка, насчитывающего 985 тысяч слов (данные 2006 г.).

Большое количество ЗИ слов представлено в романе глаголами говорения, главным образом, глаголами, вводящими реплики героев, что позволяет автору описать манеру говорить и особенности речи героев: “Oooooooh!” he said, with an evil *cackle*.” / “Shhh!” *hissed* Professor McGonagall.” / “Sorry,” he *grunted*... / “P-P-Potter,” *stammered* Professor Quirrell, *grasping* Harry’s hand. ЗИ слова часто встречаются в глаголах движения: *Slipping and stumbling*, they followed Hagrid... / They *scrambled* into the common room and collapsed, *trembling*, into armchairs./ ... a doorknob *rattled* and something came *shooting out* of a classroom. / They heard him *zooming* away, *rattling* coats of armor as he passed.

Есть основания полагать, что наличие значительного количества ЗИ лексем, используемых писательницей с целью эмоционально-образного воздействия на читателя для придания повествованию особой основы полагать, является отличительной чертой ее авторского стиля. Однако для подтверждения данной гипотезы необходимо проведение анализа на более широком материале.

Бойкова Анна Сергеевна,

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Авторский звукоизобразительный фонд

и средства его передачи языком перевода

1. Общие категории фоносемантики. Звукоизобразительность в слове.
2. Концепт звукоизобразительности на текстовом уровне. Индивидуальные авторские образования, реализация индивидуального авторского концепта.
3. Сравнительная характеристика английских оригинальных и русских переведенных отрывков из произведений Дж. Джойса. Способы реализации фоносемантической картины произведения при переводе.

Вершинина Мария Геннадьевна,

к. ф. н., старший преподаватель,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Семантические изменения диалектных ониматопов

(на материале пермских говоров)

Диалектный материал является весьма богатой материей для изучения звукоизобразительных свойств языка, звуковой языковой картины мира, фоносферы, а также семантических изменений и процесса денатурализации (утраты примарной мотивированности) ониматопеи.

Согласно концепции С. В. Воронина, процесс денатурализации языкового знака происходит постепенно. Примарная мотивированность, заме-

чаясь секундарной, ослабевает, хотя и не исчезает полностью [Воронин, 1982. С. 187]. Диалектная оноματοпея позволяют частично отследить процесс утраты примарной мотивированности в ходе изменения семантики оноματοпозитических единиц: от «конкретного» значения (примарно мотивированного) к абстрактному (мотивированность ослаблена или утрачена). Кроме того, характер семантических изменений оноματοпа отчасти обуславливается, помимо собственно языковых факторов, параметрами мотивирующего звучания.

Так, оноματοп ГАРАБ «звук скобления, царапания» построен по модели PLOSзв.+VOC+R+VOC+PLOS, где сочетание звонкого взрывного и вибранта (звукообразительная доминанта) имитирует звук скобления, царапания.

Сложная структура оноματοпа, включающая и дассонанс, и удар, обуславливает развитие значений «сопротивляться трудностям», «присваивать», «болеть».

ГАРАБ > ГАРАБАТЬ «царапать» > ГАРАБАТЬСЯ «скрестись, цепляться» (Он долго лежал, потом стал гарабаться, выгарабался из-под моху-ту, где медведь-от его завалил, и пополз); ГАРАБКАТЬСЯ «сопротивляться трудностям» (Трудно, а чё, гарабкаться не будем — жить не будем).

Звук скобления, царапания, который имитирует оноματοп ГАРАБ, сопровождается характерными движениями (Вон котко о стол ногу гарабат; не гарабайся, счас рыбку дам), ср. ЦАРАП как звуковой жест [Фасмер, 1987. IV. С. 289]. Так, метонимический перенос обуславливает семантику оноματοпов ЗАГАРАБАТЬ, ПРИГАРАБИТЬ «присвоить» (Опять уж всё себе пригарабил, хоть бы брату оставил маленько).

Параметр интенсивности мотивирующего звучания находит отражение в оноματοпах ГАРАБНУТЬСЯ «упасть» (С крылечка гарабнулась, дак только кости сбацили; встать не могла), ЗАГАРАБАТЬ «о приступе болезни, боли» (Свекровку да золовушка загарабало, и так оне заболели, так заболели тифом, но не умерли же, жили потом долго еще).

Таким образом, можно говорить о том, что звук царапания, скобления воспринимается диалектоносителями как диссонанс и обуславливает развитие отрицательной коннотации оноματοпов.

Данная семантическая модель находит подтверждения в характере мотивированности других оноματοпов царапания, скобления, имеющих сходную структуру.

ЦАРАП (AFFR+VOC+R+VOC+PLOSгл.) > чесать, повреждать кожу, наносить вред > животное, причиняющее вред > убить (У меня телку на днях волки исцарапали); окучивать (Вчерась картошку царапать ходила) > старательно работать (Сколь царапался, а зерно всё равно не идёт); взять, присвоить (Деньги она у меня в боковом кармане выцарапала). Отрицательная коннотация закрепляется в устойчивом выражении ЦАРАПАТЬ СТЕНЫ «мучиться бессонницей». В структуре оноματοпа отсутствует звонкий взрывной — семантика интенсивного действия не реализуется.

САРАП (FRISгл.+VOC+R+VOC+PLOS) > чесать, повреждать кожу, наносить вред > болезнь > беспокойство > досада, растерянность; работать, грести > работать нетяжело (Татьяна-то словарь составляет — это тебе не пуп сарапать) > болтать, пустословить.

Таким образом, значение, которое развивается у ономотопа по мере его денатурализации, отчасти обуславливается характером мотивирующего звучания.

Литература:

1. *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
2. *Словарь пермских говоров: в 2-х тт.* / Г. В. Бажутина и др.; отв. ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Прогресс, 1987.

Вольская Нина Борисовна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Кочаров Даниил Александрович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Скрелин Павел Анатольевич,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

И это всё о ней. Деклинация в русском языке

Обращение к теме обусловлено многими вопросами, которые до сих пор остаются дискуссионными. Один из них, во многом определяющий ответы на остальные заключается в том, обусловлена ли деклинация физиологическими процессами или же находится под контролем говорящего. В докладе будут представлены результаты автоматической обработки большого количества интонационных единиц разных функциональных типов (более 10 тысяч синтагм в произнесении 8 дикторов разного пола). Исследование показало, что характеристики деклинации в русском языке (по крайней мере в чтении) 1) связаны с функциональной нагрузкой интонационного типа, 2) демонстрируют как универсальные тенденции, так и индивидуальные дикторские стратегии реализации этих универсальных свойств, 3) свидетельствует о том, что характеристики линии деклинации задаются во время планирования интонационного оформления высказывания и определяются последним.

Гомулькин Данила Владимирович,

преподаватель, курсы английского языка Teachers' Lab

Интервальные отношений между формантами гласного как инвариантный признак гласного (и вокалической системы)

Терренс Нири (Nearey, 1976), основываясь на данных Петерсона и Барни (Peterson and Barney, 1952), обратил внимание на совпадение размеров и формы построенных в логарифмической шкале трапециодов гласных мужчин, женщин и детей. Однако исследователя более заинтересовало смещение трапециодов в плоскости F1/F2 как функция длины вокалического тракта, чем само равенство размеров трапециодов.

Между тем неизменность расстояний между формантами гласных в логарифмической шкале, которая соответствует перцептивной шкале восприятия человеком высотных интервалов, указывает на важности интервальных отношений в спектре гласного, обеспечивающим его узнавание независимо от высоты основного тона и физиологических особенностей говорящего (длины речевого тракта).

Данные позднейших исследований формант американского варианта английского языка (Hillerbrand et al., 1995; Hagiwara, 1997) и русского языка (Соркин, Цыплихин, 2004, Сорокин, Леонов, Макаров, 2009) подтверждают важность интервального устройства вокалических систем и позволяют проследить некоторые закономерности.

Методика

Высота формант (F1-3) и основного тона (F0, при наличии данных) для серий гласных откладывалась в полутоновой (логарифмической) шкале и транспонировались до максимального совпадения между сериями гласных. Для пересчета из Герц в полутоны использовалась формула: $y = 12 * \log_2((x)/440) + 69$, где x — значение высоты в Герцах, а y — номер клавиши MIDI-клавиатуры.

В отличие от существующих методов нормализации гласных (Thomas, 2012), метод транспонирования в полутоновой шкале не искажает интервальные отношения между формантами гласных и позволяет сравнивать вокалические системы в отношении их интервальной организации.

Результаты

Результаты исследования сводятся к следующим положениям.

1. Интервальные отношения между формантами гласных (F1, F2, F3) дикторов одного регионального диалекта обыкновенно совпадают при транспонировании независимо от различия в высоте основного тона и физиологических особенностей говорящего (длины речевого тракта). (Peterson and Barney, 1952, Hillenbrand et al., 1995).
2. При транспонировании в одну тональность, высота основного тона (F0) мужчин отстоит от остальных формант на 3 тона ниже, чем у женщин и детей — что можно объяснить различием в положении и размере гортани. Указанное различие может служить надежным акустическим признаком половозрелого самца, не зависящим от высоты основного тона диктора (Peterson and Barney, 1952, Hillenbrand et al., 1995).
3. Форманты гласных могут последовательно совпадать с гармониками основного тона (Peterson and Barney, 1952, мужчины, передние гласные).
4. Интервальные отношения между формантами гласных индивидуальны для территориальных диалектов, различие носит ступенчатый характер, позволяя говорить об использовании различных ступеней интервальной шкалы или использовании различных интервальных шкал (Peterson and Barney, 1952; Hillenbrand et al., 1995; Hagiwara, 1997).
5. Интервальные отношения гласных мужчин могут различаться, при этом различие носит ступенчатый характер и выражается в пропусках отдельных ступеней интервальной шкалы (Hagiwara, 1997).

Давыдова Варвара Алексеевна,
соискатель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Вымышленные языки: опыт фоносемантического анализа

Предметом данной статьи является лексикон вымышленного языка кроликов из фэнтезийного романа английского писателя Ричарда Адамса. Целью статьи является доказательство неслучайного характера фонетического состава рассматриваемого лексикона, его мотивированности семантикой лексем. Связь звука со значением в слове, звукоизобразительность, изучается в разделе языкознания, выделенном как таковой под названием «Фоносемантика» профессором Санкт-Петербургского университета С. В. Ворониным в конце XX в. [Воронин]. Как показал автор, мир звукоизобразительности в языке состоит из двух частей — звукоподражания и звуко-символизма. Звукоподражание представляет собой изображение звуками слова звуков окружающего мира. Звуко-символизм же — это изображение звуками слова незвуковых явлений — формы предметов, их размера, вызываемых ими эмоций или ощущений, и т. п. Природа этого феномена психолингвистическая, следовательно, неочевидная — по крайней мере для классического лингвиста, — и на сегодняшний день трудно доказуемая. Поэтому звуко-символизм как явление до сих пор остается предметом дискуссий.

В качестве материала для рассмотрения данной проблемы удобно привлечь вымышленные языки, сконструированные авторами художественных произведений для характеристики отличных от людей персонажей. Т. к. конвенционального значения вымышленные лексические единицы не имеют, следовательно, автор интуитивно исходит из предположения, что для читателя их звучание даст ключ к пониманию.

Одним из примеров вымышленного языка в литературе является лэпин — язык, на котором изъясняются кролики в английской сказке «Watership Down» английского автора Ричарда Адамса. Словарь кроликов включает чуть более 50 слов, передающих бытовые понятия, верования и имена кроликов-персонажей романа. Общее звучание лэпина Адамс определил как «wuffy, fluffy sound» — тип звуков, которые, по его мнению, преобладали бы у кроликов, если бы те умели говорить. Тем самым на первый план по значимости для автора выходит звучание сконструированных слов.

В ходе исследования был произведен инвентарный анализ идиостиля Р. Адамса на фонетическом уровне и инвентарный анализ звуков лэпинского языка. Сравнение двух инвентарей показало существенные различия, особенно в консонантном составе. С одной стороны, консонантизм лэпина демонстрирует заметное преобладание глухих фрикативных (/f/, /θ/, /s/, /h/) и уменьшение количества звонких, что нетипично для английского языка. Это соответствует эффекту, желательному для автора: «wuffy-fluffy». С другой стороны, заметно выделяется группа плавных (/r/, /l/).

По наличию данных звуков в словах лэпинского языка можно выделить два семантических поля. Первое поле включает имена кроликов и объекты из их повседневного обихода. Второе — положительных героических и легендарных персонажей. Таким образом, выбор звуковых средств для

обозначения объектов из двух данных групп, как оказалось, подчиняется определенным закономерностям. Анализ отдельных лексических единиц, произведенный по методу С. В. Воронина, позволил выделить в лэпинском словаре звукоподражательные и звукосимволические слова, причем данные об их семантике, полученные в ходе анализа, согласуются с данными других исследований в области звукоизобразительности.

Произведя подробный фоносемантический анализ лексики лэпинского языка, можно заключить, что она создавалась автором по принципу звукоизобразительности, выбор звуковых средств носит неслучайный характер, а звукоизобразительные средства, используемые Р. Адамсом, не находятся в противоречии с накопленными в области звукосимволизма фактами. Следовательно, вопрос о существовании фонетического значения и явления звукоизобразительности можно рассматривать в положительном ключе.

Литература:

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006; Он же. Английские онома-топы. СПб.: Геликон Плюс, 2004.

Евграфова Карина Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Восприятие проявления эмоциональных состояний в речи (обзор современных методик и анализ результатов исследований)

Эмоции являются одним из факторов организации адаптивного поведения и функционального состояния организма Речь, являясь подсистемой общей поведенческой организации человека как биологического существа, представляет объединение подсистем разных уровней — одной из которых является акустико-фонетический уровень, участвующий в процессах рече-восприятия и речеобразования. Эмоции — это своеобразный ответ как на внешние, так и на внутренние процессы и явления, являющиеся значимыми для организма. В соответствии с учениями Ч. Дарвина, эмоции — сигналы, важные для жизни и выживания организма, и проявляющиеся, как ответная реакция на происходящие явления. Таким образом, они должны пониматься с функциональной точки зрения и, следовательно, должны быть в большей или меньшей степени одинаковыми у всех людей, не зависимо от национальности, культуры и т. п.

Пол Экман выделяет и использует 6 универсальных общих эмоций, которые могут быть выражены мимикой: счастье, грусть, страх, отвращение, злость, удивление (и иногда еще включают седьмое эмоциональное состояние — презрение). Этот-то минимальный набор эмоций и называется «большой шестеркой».

Роберт Плутчик предлагает выделять 8 базовых эмоций и 8 второстепенных, сложных (образуются в результате комбинации двух простых), которые находятся в непосредственной связи друг с другом или в отношении оппозиции. Таким образом, в этой классификации автор выделяет 4 пары противопоставленных друг другу эмоций: радость — грусть, доверие — отвращение, страх — злость, удивление — ожидание.

Эмоциональные реакции взрослых людей сильно обусловлены социальной составляющей: культура, воспитание, национальный менталитет и т. д. На данный момент для определения эмоциональных состояний в речевом материале, как правило, используется аудиторский анализ. Данные аудиторского анализа субъективны и в большинстве случаев неоднозначны. Их часто приходится исключать из анализа, в тех случаях, когда у аудиторов нет полного согласия относительно характера эмоционального проявления в речевом материале.

Получение данных об отражении эмоционального состояния в характеристиках голоса взрослых, у которых в силу физиологических особенностей (например, уровня возбудимости, мотивации, утомления и т. д.), влияния социокультурного фактора также представляет ряд трудностей.

Детское эмоциональное поведение менее подвержено влиянию социального фактора, чем поведение взрослых, но с возрастом ребенка в процессе его социализации истинность проявления состояний уменьшается. Поэтому изучение эмоциональной детской речи позволяет найти прямые взаимосвязи акустических характеристик речи с эмоциональными реакциями.

В докладе представлен обзор основных методик и анализ результатов исследований восприятия эмоций в речи взрослых, в детской речи, рассмотрение универсальных и национально специфических аспектов восприятия эмоционально окрашенной речи.

Евграфова Карина Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Евдокимова Вера Вячеславовна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Метод электроглоттографии в исследованиях работы голосового источника

Электроглоттография — внегортанный метод регистрации колебаний истинных голосовых связок в процессе фонации. Ее применяют для исследования голосообразующей функции гортани при различных физиологических и патологических состояниях голосового аппарата; она дает возможность получать информацию о структуре колебательного цикла истинных голосовых связок в различные моменты голосообразования.

Впервые метод Э. описал Фабр (Rh. Fabre) в 1957 г. Электроглоттограф — электронное устройство, состоящее из генератора электрического тока ультравысокой частоты, детектора, усилителя и блока питания. Датчики аппарата смачивают токопроводящим раствором и фиксируют на шее исследуемого в зоне проекции истинных голосовых связок. Колебания интенсивности электрического тока, возникающие при фонации в связи с колебаниями истинных голосовых связок, регистрируются в виде осциллограммы (электроглоттограммы), которая отображает степень расхождения и сближения связок в каждый момент голосообразования. Электроглоттограмма отражает фазу открытия голосовой щели, фазу максимального ее открытия, фазу закрытия и фазу полного смыкания истинных голосовых связок.

У лиц с нормальной функцией гортани и неизменной ее слизистой оболочкой электроглоттограмма отражает устойчивый равноамплитудный характер колебаний истинных голосовых связок. При воспалительных заболеваниях гортани метод позволяет определить стадию болезни — воспалительный гиперкинез мышц голосового аппарата, гипокинез и стадию выздоровления.

Электроглоттография нашла применение при стробоскопическом анализе работы голосовых связок для синхронизации сигнала, для отслеживания движения частоты основного тона сигнала голосового источника, отслеживания смыкания голосовых связок. Также этот метод применяют в исследованиях певческого голоса.

Электроглоттографические вейвграммы (electroglottographic wavegrams) представляют собой новую технологию для представления и анализа сигналов электроглоттографа. После предварительного осмотра с помощью риноларингофиброскопа горла и носовых пазух микрофон QueAudio был размещен в области голосовых связок диктора. Параметры микрофона: диаметр 2,3 мм, водозащита. Сигнал с него и речевой сигнал с микрофона AKG HSC200 поступали на многоканальную систему записи звука MOTU Traveler. Также на внешней стороне гортани испытуемых был размещен электроглоттограф. Была проведена синхронная запись по трем каналам русских гласных /i/, /e/, /a/, /o/, /u/, /ɨ/, произнесенных изолированно с нисходящей интонацией. В эксперименте участвовало двое испытуемых разного пола. В докладе представлены результаты обработки речевого материала в сравнении с сигналом электроглоттографа.

Климова Светлана Владимировна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
технологии и дизайна

Этимологический анализ английских пейоративов

Английские пейоративы представляют собой весьма интересную группу как с точки зрения многообразия фонетических форм, так и с точки зрения мотивационного анализа.

Рассмотрим ряд слов, входящих в лексико-семантическую группу FOOL.

Doodle “fool, simpleton”. Лабиализация часто используется для обозначения презрительного отношения, ср.: *flapdoodle* “the stuff they feed fools on” from *flap* “blow” and *doodle*.

Английское существительное *fool* предположительно восходит к индоевропейскому корню со значением «дуть», звукоизобразительность которого признается многими авторами. Данная версия представляется вполне убедительной. Ср. рус. *надутый дурак*.

Существительное *foop* “foolish person” родственно нем. «насмехаться», предположительно звукоизобразительно.

Gawp “fool, simpleton», вероятно, родственно глаголу со значением «широко разевать рот», который является признанным звукоизображением *Whacky* “fool” восходит к звукоизобразительному *whack* “to strike sharply”.

Следующие пять существительных восходят к названиям различных птиц: *Dodo* “fool, simpleton” родственно португальскому существительному *doudo* с тем же значением. У обоих слов прямым значением является «дронт». *Cuckoo* “stupidperson” является звукоизображением. Как и в предыдущем случае данное значение является переносным *Gowk* “cuckoo; fool” имеет параллели в других германских языках.

Coot “silly person, fool» изначально обозначало водяных птиц. *Cockade* “idiot, fool” родственно звукоизобразительному *cock* «петух».

При анализе данной группы использовался электронный этимологический словарь Д. Харпера.

Обратим внимание на тот факт, что в основе номинации может лежать как неозначенный, так и означенный мотивирующий признак. В первом случае можно предположить, какие фонетические способы выражения пейоративности будут задействованы. В нашем случае — это лабиализация.

Во втором случае ввиду многообразия мотивов (названия птиц; надуться; насмехаться; ударить) фонетический облик звукоизобразительного слова может существенно различаться.

Литература:

www.etymonline.com

Коробейникова Татьяна Николаевна,

младший научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Неполное объединение фонем: речепроизводство и восприятие

В настоящее время растет число исследований, посвященных неполному объединению фонем (Labov, 1994; Уц, 2007) и отражению этого явления на уровне речепроизводства и на уровне перцепции (Harrington 2014). Цель данной работы — исследовать переход от системы, где фонологический контраст утрачен не полностью, к системе, где различие между двумя фонемами окончательно утратилось. Объект исследования — говор с. Кай и д. Южаки Верхнекамского района Кировской области, где протекает объединение фонем /o/ и /o̞/.

Дистрибутивный анализ аудиозаписей речи 10 носителей говора, представляющих три возрастные группы, показал, что всех информантов можно разделить на 4 типа в зависимости от этапа слияния двух фонем, который они отражают.

В тип 1 вошли идиолекты двух пожилых информанток, в речи которых зафиксированы морфемы, где отмечен только [o]: [кот], [стол], в других морфемах [o̞] и [o] варьируются: [вóс’ем] и [вóс’ем], [мои] и [мои], в третьих — отмечен только [o]: [мнóго], [сóрок].

В речи шести информантов пожилого и среднего возраста [o̞] не отмечается последовательно ни в одной из морфем: [вóс’ем] и [вóс’ем], [мои], [мнóго], [сóрок] (тип 2).

В тип 3 вошли две самые молодые информантки, в речи которых ударный [ʊ] не отмечен ни разу: [кот], [стол], [вóс'ем].

Перцептивный эксперимент типа “same-different” показал, что только представительница 1 типа воспринимает на слух разницу между минимальными парами, различающимися ударными [ʊ] и [o] (83 % ответов «разные»), тогда как остальные информанты не слышат это различие (20 % ответов «разные»). Представленные данные свидетельствуют о том, что в речи представительниц типа 1 [ʊ] и [o] могут варьироваться в одной морфеме как аллофоны одной фонемы, но воспринимаются эти звуки как представители разных фонем. Такой тип неполного объединения противоречит результатам исследований (Ohalla 1993; Harrington 2014), согласно которым фонологический контраст сначала перестаёт восприниматься, а затем воспроизводиться. Однако эксперимент также показал, что представители типов 2 и 3 не воспринимают контраст между [ʊ] и [o] в контексте губных, латеральных и заднеязычных согласных. Эти данные свидетельствуют о том, что в ходе объединения фонем носители языковой системы утрачивают перцептивную способность компенсировать воздействие окружающих согласных на качество гласного, что соответствует результатам упомянутых выше исследований.

Литература:

1. *Harrington Jh.* The Relationship between the Perception and Production of Coarticulation during a Sound Change in Progress *Language and Speech* 55(3). 2014. Pp. 383–405.
2. *Labov W.* Principles of Linguistic Change. Volume 1: Internal Factors. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
3. *Ohala J.* The phonetics of sound change. In C. Jones (Ed.) *Historical Linguistics: Problems and Perspectives*. London: Longman, 1993. Pp. 237–278.
4. *Yu A.* Understanding near mergers: the case of morphological tone in Cantonese *Phonology* 24 2007. Pp. 187–214.

Кочаров Даниил Александрович,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Точное автоматическое сопоставление фонетических транскрипций

Цель работы, описанной в этом докладе, состоит в эффективном сопоставлении двух последовательностей фонетических символов (фонетических транскрипций), которые описывают один и тот же речевой сигнал. Есть два основных направления научных исследований, где требуется идеальное сопоставление фонетических транскрипций. Во-первых, это исследования того, как разные люди читают или произносят один и тот же текст, например, диалектические [Heeringa, 2004] и социолингвистические [Valls, Wieling, Nerbonne, 2013] исследования. Во-вторых, это сравнение транскрипций, порожденных различными транскрипторами, например, в системах автоматического распознавания речи [Alvarez, Arzelus, Ruiz,

2014] или при создании речевых корпусов [Skrelin, Volskaya, Kocharov etc., 2010]. Стандартно применяемое на данный момент решение на основе алгоритма Левенштейна работает неидеально. Оценка его эффективности на основе корпуса русской речи CORPRES [Skrelin, Volskaya, Kocharov etc., 2010] показала, что оно делает 1,1 % ошибок [Kocharov, 2014], что приводит к более чем 10 000 ошибок на речевом материале объемом 25 часов.

Например, рассмотрим реализацию слова «бросает», которое должно произноситься как /b r a s A j i t/, а было произнесено как /b y r sA i t/. Сопоставление этих двух транскрипций слова на основе алгоритма Левенштейна дает такой результат: «b:b r:y a:r s:s A:A j:- i:i t:t», где знак «-» показывает пропуск символа «j» в первой транскрипции. Такое ошибочное сопоставление может привести нас к ложным выводам о том, что в слитной русской речи /r/ реализуется, как /y/, а /a/ реализуется, как /r/. Если же мы учтем простейшее фонетическое правило о том, что гласные скорее меняются в речи на гласные, а согласные на согласные, то получим правильный результат: «b:b -:y r:r a:- s:s A:A j:- i:i t:t».

Анализ этого сопоставления приводит нас к очевидным выводам о том, что в слитной речи могут выпадать безударные гласные и том, что между смычным и сонантом могут быть гласные вставки. Для повышения качества процедуры сопоставления транскрипций были использованы результаты исследований о частотности в слитной русской речи таких фонетических явлений, как замена одного звука другим, выпадение звука или наоборот его вставка. Модификация алгоритма Левенштейна заключается в дифференциации стоимостей замен, удалений и вставок фонем в зависимости от частотности этих явлений в слитной речи. Введение одного простого правила, что замена гласного на гласный и согласного на согласный стоит меньше, чем замена гласного на согласный, уменьшает количество ошибок почти на треть, до 0,78 %.

Введение различных фонетических классов звуков, внутри которых вероятны замены звуков друг на друга, что уменьшает стоимость их замен, а также уменьшение стоимости выпадения безударных гласных и /j/ и стоимости вставки безударных гласных [Kocharov, 2014], позволяет дополнительно уменьшить количество ошибок ещё почти вдвое, до 0,27 %.

Литература:

1. *Alvarez A., Arzelus H., Ruiz P.* Long Audio Alignment for Automatic Subtitling Using Different Phone-Relatedness Measures // 2014 IEEE International Conference on Acoustic, Speech and Signal Processing (ICASSP). Florence, 2014. Pp. 6321–6325
2. *Heeringa W. J.* Measuring Dialect Pronunciation Differences Using Levenshtein Distance. PhD Thesis, Groningen: Rijksuniv., 2004.
3. *Kocharov D.* Automatic Alignment of Phonetic Transcriptions for Russian // Proc. of 16th International Conference SPECOM 2014, LNCS, vol. 6231, Berlin: Springer International Publishing, 2014. Pp. 123–128.
4. *Skrelin P., Volskaya N., Kocharov D., Evgrafova K., Glotova O., Evdokimova V.* CORPRES — Corpus of Russian Professionally Read Speech // Sojka P., Horak A., Kopecek I., Pala K. (eds.) 13th International Conference Text, Speech and Dialogue, TSD 2010. LNCS, vol. 8773. Berlin: Springer International Publishing, 2010. Pp. 392–399.

5. Valls E., Wieling M., Nerbonne J. Linguistic Advergence and Divergence in Northwestern Catalan: A Dialectometric Investigation of Dialect Leveling and Border Effects // LLC: Journal of Digital Scholarship in the Humanities. 2013. 28(1). Pp. 119–146.

Лыпкань Татьяна Витальевна,

к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Фонетическое оформление устной речи русскоязычных билингвов Германии

1. В настоящее время мир изменился. Европа пытается жить без границ. В 2012 г. 26 государств Шенгенской зоны отменили паспортный контроль. В 2003 г. Россия вступила в Болонский процесс, который объединяет 40 европейских стран и предполагает создание единого образовательного пространства между Россией и Европой, а также свободное передвижение рабочей силы и взаимное признание дипломов. Все больше людей получают работу или учатся за границей. Есть семьи мигрантов, которые переезжают из страны в страну. Таким образом, мир изменился, он все настоятельнее требует многоязычия. Перечень различных вариантов многоязычия большой и зависит от конкретной языковой ситуации в семье.
2. В современном мире человек обречен на контакт хотя бы с двумя языками, т. к. неизбежный предмет школьной программы — иностранный язык. Установилось мнение, что о многоязычии стоит говорить, если происходит повседневное активное использование нескольких языков, т. е. если есть способность объясняться в быту и умение читать и писать, тогда у человека возрастают шансы сохранить многоязычие.
3. Таким образом, билингвизм (двуязычие > лат. bi- ‘два’ + lingua ‘язык’) — это практика попеременного пользования двумя языками, а также владение двумя языками и умение с их помощью осуществлять успешную коммуникацию (даже при минимальном знании языков). Кроме того, это одинаково совершенное владение двумя языками, умение в равной степени использовать их в необходимых условиях общения.
4. Людей, владеющих двумя языками, называют билингвами, более двухполилингвами. Т. к. язык является функцией социальных группировок, то быть билингвом — значит принадлежать одновременно к двум различным социальным группам.
5. Русскоязычные билингвы Германии — самая многочисленная диаспора мира, уступает по численности только турецкой.
6. Состав русскоязычных билингвов неоднороден. Их отношение к русскому языку и его изучению различно.
7. В русской речи билингвы допускают определенные модификации, обусловленные влиянием действия межъязыковой фонетической интерференции, так и внутриязыковой.
8. Выявлению фонетических, фонологических, акцентуационных и интонационных модификаций в устной речи русскоязычных билингвов в Германии был посвящен эксперимент, проведенный в Бохуме в Рурском университете в ноябре 2014 г.

Мякотникова Светлана Юрьевна,

преподаватель, Пермский научный исследовательский политехнический университет

Механизмы восприятия короткого «американского» слова американскими и британскими аудиторами

Различия между британским и американским вариантами английского языка проявляются не только в лингвистическом, но и в перцептивном аспекте. Это видно из экспериментов по восприятию отдельно стоящего британского слова британскими и американскими аудиторами. В ходе исследований, проведенных Т. Н. Чугаевой и группой ее учеников, было выявлено, что обе группы аудиторов опираются на похожие, но не идентичные лингвистические признаки [Чугаева, 2007].

Исследования Л. Р. Зиндера и А. С. Штерн доказывают, что описание перцептивной системы любого языка предполагает выявление лингвистических признаков и определение среди них существенных для восприятия [Зиндер, Штерн, 1972]. Именно эти признаки имеют наибольшее влияние на адекватность восприятия речи, однако степень их влияния может варьироваться [Зиндер, Штерн, 1972; Штерн, 1990].

Для выявления фонетических типов американского слова был проведен лингво-статистический анализ Американского национального корпуса (АНК). Частотное американское слово было описано по признакам: «длина в слогах», «ударная гласная», «ритмическая структура», «длина в морфемах», «консонантный коэффициент», «начальный звук», «часть речи» [Мякотникова, 2012].

Результаты анализа были учтены при отборе слов для составления экспериментальных таблиц для проведения экспериментов по восприятию изолированного американского слова. В качестве экспериментального материала использовалось «короткое» (1–2-сложное) слово, как наиболее уязвимая единица восприятия. Программы слов были сбалансированы таким образом, что в каждую таблицу было включено приблизительно равное количество слов, обладающих определенными лингвистическими признаками. Таблицы слов были начитаны носителем американского варианта, владеющим языковой нормой General American, и замаскированы белым шумом при заданном соотношении сигнал/шум, равным примерно 0 дБ. Затем таблицы слов были предъявлены двум группам аудиторов: носителям американского и британского вариантов английского языка.

При анализе результатов проведенных экспериментов основным параметром оценки успешности восприятия слов был процент правильного опознавания (р %). Средний процент правильного опознавания односложного американского слова американскими аудиторами составил 68 %, британскими — 60 %; для двусложного слова этот показатель был 84 % и 81 % соответственно. Основным методом обработки экспериментальных данных являлся дисперсионный анализ силы влияния. Он выявил роль отдельных признаков при восприятии. Результаты экспериментов показали, что для обеих групп аудиторов существенными для восприятия признаками являются «частотность», «ударная гласная» и «начальный звук», но степень опоры на эти признаки разная для обеих групп.

Литература:

1. *Зиндер Л. Р., Штерн А. С.* Факторы, влияющие на опознание слова // Материалы IV Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 30 мая — 2 июня 1972 г. / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1972. С. 100–108.
2. *Мякотникова С. Ю.* Перцептивные типы слов английского языка (на материале Американского национального корпуса) // Вестник ВятГГУ 2012 г.
3. *Штерн А. С.* Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. С. 236.
4. *Чугаева Т. Н.* Перцептивный аспект звукового строя английского языка. Пермь: УрО РАН, 2007. С. 246.
5. *Штерн А. С.* Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1990. С. 28.

Нигматулина Юлия Олеговна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Типы количественной редукции на стыках словоформ в русской спонтанной речи

Вариативность акустической реализации спонтанной речи, включая редукции и качественные модификации, наблюдается во многих языках [Фонетика спонтанной речи, 1988; Ernestus, 2000; Johnson, 2004]. Редукция происходит не только в пределах слова, но часто возникает на стыках между словоформами или затрагивает сразу несколько коротких слов: *сказать_одну_очень* [(s)kezaɔnɐtɕ], *почему_они_не_осваивают* [pɨʃʊman'æsɐvɐj]. При этом происходящие изменения, как правило, не подчиняются регулярным закономерностям, а механизмы, лежащие в их основе, не очевидны.

Последовательное описание и анализ редукций, происходящих на месте стыка двух словоформ, на материале спонтанной речи может позволить выявить тенденции звуковой реализации. На материале двух записей, снабженных орфографической и акустическо-фонетической расшифровкой [1], общей продолжительностью звучания 65 минут (8786 словоформ) были рассмотрены все последовательности двух слов (слово1_слово2/ W1_W2), не разделенных паузой, если на стыке между словами происходили количественные или количественные и качественные редукции. Всего сочетаний с редукцией оказалось 875: количественные изменения на стыке слов происходят в 13 % от общего числа стыков; изменения, затрагивающие два слова одновременно, были зафиксированы в 6 %.

В зависимости от типа количественной редукции на стыке были выделены следующие группы:

- 1) выпадение последнего звука первой словоформы;
- 2) выпадение начального звука второй словоформы;
- 3) выпадение последней части первой словоформы (более одного звука);
- 4) выпадение последнего звука первого слова и начального звука второго слова;
- 5) стяжение (гласных или согласных);
- 6) слияние словоформ (взаимное наложение, утрата более одного звука).

В ходе редуций (5) и (6) типа у двух смежных словоформ одновременно происходит утрата одного или более звука, что часто приводит к появлению общей сегментной составляющей.

Наиболее существенная потеря фонетической информации происходит при количественной редуции (6) типа, когда в результате взаимопроникновения и наложения соседних слов, выпадает целая группа звуков, что приводит к сильному искажению границы между словами. Примеры данного типа редуций были разделены на шесть классов:

- 1) стяжение слогов (22 % всех редуций данного типа) (коллега_говорил [kəlɛgɪvɑrɪɪl]);
- 2) стяжение гласных в результате выпадения согласного в интервокальной позиции (42 %) (давали_возможность [dʌvəlʌɜzmɔznəsɪtʲ]);
- 3) стяжение гласных (15 %) (к сожалению_учителя [k sɔʒənɪyʲtʲɪrɪɛ]);
- 4) выпадение звукового фрагмента (8 %) (из уст_взрослых [iz uzroslix]);
- 5) стяжение группы гласных и сонорных согласных (7 %) (но_если_эта [nɛsɪɛtɑ]);
- 6) стяжение согласных в результате выпадения гласного в позиции между двумя согласными (6 %) (надо_для [nədɫɪ]).

В докладе будут описаны модификации, происходящие при стяжении двух словоформ, а также представлены данные о других типах редуций на стыке слов, полученных в результате исследования.

Литература:

1. Фонетика спонтанной речи / под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 248 с.
2. *Ernestus M.* Voice assimilation and segment reduction in casual Dutch: A Corpus-Based Study of the Phonology-Phonetics Interface. Utrecht, LOT. 2000.
3. *Johnson K.* Massive reduction in conversational American English. In: Spontaneous speech: data and analysis. Proceedings of the 1st session of the 10th international symposium. The National International Institute for Japanese Language, Tokyo, Japan, 2004. Pp. 29–54.

Примечание:

- [1] Фонетическая расшифровка осуществлена сотрудниками Филологического факультета СПбГУ в рамках проекта «Разработка принципов и методов описания акустических реализаций редуцированных словоформ при моделировании восприятия спонтанной речи» (проект осуществлялся при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00244а).

Флакман Мария Алексеевна,

преподаватель, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Звукоизображения в словаре лексики комиксов К. Тейлора

Звукоизобразительная лексика (далее ЗИ), или лексика с иконической связью между фонетическим обликом и денотатом, является неотъемлемой частью любого языка мира [Voeltz, Kilian-Hatz, 2001] и продолжает созда-

ваться и по сей день. Однако не вся новейшая ЗИ лексика фиксируется лексикографическими источниками на первых порах ее существования в языке. Словарь лексики комиксов К. Тейлора «KA-BOOM!» [Taylor, 2007] является уникальным изданием, в котором собраны не только редко отмечаемые английские ЗИ междометия, но также и окказиональные ЗИ слова-авторские неологизмы. Словарь не имеет аналогов, поскольку данный пласт лексики редко является предметом специальных лингвистических исследований [Oswalt, 1994], и в большей степени интересует аниматоров и поклонников жанра, чем языковедов.

Словарь содержит 1335 лексем, собранных автором за период с 70-х по 90-е гг. XX в. Часть лексем, зафиксированных К. Тейлором, являются общеупотребительными словами, фиксируемыми в словарях (например, *puff* «звук пыхтения», ср. рус. *уф!* [Written Sound; The Oxford English Dictionary]), однако большинство нигде более не отмечаются (например, SKRONK! «крик птицы»). Примером авторского неологизма-обозначения вымышленного звука может послужить SHLICKT! «звук выдвигающихся железных когтей супергероя-мутанта».

Изучение междометной ЗИ лексики, представленной в словаре, показывает, что ее создание происходит в рамках универсальных типологических категорий, выделенных С. В. Ворониным [Воронин, 2006] на материале полнозначных ЗИ слов литературной нормы английского языка, что говорит об универсальном характере звукоизобразительности. Так, среди лексем словаря Тейлора можно обнаружить:

- 1) звукоимитационные междометия (акустико-артикуляторная имитация, подражания физиологическим процессам) — PHEW! «вдох облегчения», SKLORP «звук отрыжки»;
- 2) звукоподражания: инстанты (содержат смычные, иконически передающие значение удара) — TAK! «стук монеты, упавшей на стол», POK! «звук тяжелого тела при падении на землю»; континуанты (содержат или гласные, передающие продолжительные звучания-тоны, или щелевые, передающие шипение, шелест или шуршание) — DEET! «высокочастотный звук», FSSH! «свист рассекаемого воздуха»; фреквентативы (передают резкие диссонансные звучания посредством /r/) — RRRR! «звук рычания»; инстанты-континуанты (передают смешанные звучания при помощи сочетания смычных и щелевых) — SHLOMP! «звук падения тяжелого тела с большой высоты»; фреквентативы смешанных типов (передают сложные звучания посредством /r/ в комбинации со смычными и щелевыми) — KRUUNK! «звук камня, скатывающегося по склону горы».

Большинство слов, зафиксированных в словаре Тейлора, структурно сильно отличаются от ЗИ, представленных в иных лексикографических источниках. Значительная часть из них нарушают законы фонотактики английского языка: многие состоят исключительно из согласных (RRGL! «гортанный звук») или имеют фонотактически недопустимые сочетания (PTAK! «звук от ружья, упавшего на землю», содержащее нехарактерное для английского языка начальное сочетание *pt-*). Мы объясняем наличие большого количества фонотактических девиаций среди иконической лекси-

ки тем, что говорящий, по-видимому, неосознанно воспринимает фонемы звукоизобразительного слова как отдельные значащие единицы, а целое ЗИ междометие как своего рода «фразу».

Литература:

1. *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
2. *Oswalt R. L.* Inanimate Imitative in English / Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. Pp. 293–308.
3. *Taylor K. J.* KA-BOOM! A Dictionary of Comic Book Words, Symbols and Onomatopoeia. Surrey BC: Mora Publications, 2007.
4. The Oxford English Dictionary, 3^d ed. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.oed.com>.
5. *Voeltz E. F. K., Kilian-Hatz C.* (eds.), Ideophones. Typological Studies in Language 44. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2001.
6. Written Sound [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.writtensound.com/index.php>.

Шамина Елена Анатольевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Звукоизобразительность в авторских неологизмах – глаголах движения

Авторские неологизмы представляют собой частный случай первичной номинации, при которой следует предполагать действие звукоизобразительных факторов. Фоносемантический анализ авторских неологизмов – глаголов движения в сказке Р. Дала «The BFG» подтверждает это предположение.

Звуковая форма многих авторских глаголов движения отражает звучание, сопровождающее данное движение (например, свист ветра, звук удара), что указывает на использование автором универсальных звукоподражательных приемов.

Универсальные звукоимовические основания первичной номинации проявляются в последовательном употреблении в экспонентах рассматриваемых глаголов гласных разного подъема при обозначении малого/большого размера (амплитуды движения), а частноязыковые (специфически английские) – в использовании RL-формантов для обозначения итеративности.

Шипило Александр Владимирович,

старший лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Автоматическая идентификация ударных и безударных гласных в речевом сигнале

В последнее двадцатилетие в связи с появлением речевых корпусов фонетисты получили возможность проводить исследования на больших по объему данных, проверять верность традиционных сведений о языке.

Как известно, основным коррелятом словесного ударения в русском является длительность. Однако, как свидетельствуют исследования, проведенные на материале больших речевых корпусов, на основании признака

длительности далеко не всегда однозначно возможно классифицировать гласные в потоке речи на ударные или безударные.

Материалом для исследования послужили речевой корпус CORPRES, содержащий аудиозаписи речи и соответствующие им файлы-дескрипторы.

В качестве входных данных для работы программы автоматической идентификации ударных гласных послужили: аудиофайлы; информация о границах пауз; информация о границах звуков речи. Также использовалась информация о том, является ли конкретный отрезок гласным или согласным. При этом данные об интерпретации звука речи не учитывались.

На выходе программа порождает вероятностный прогноз относительно того, какие звуки являются ударными или безударными гласными. Прогноз делается не по отдельным звукам, а по их последовательности от паузы до паузы.

Программа реализована на двух языках программирования: Модуль вычисления акустических признаков сигнала написан на скриптовом языке программы Praat. Модуль классификации реализован на Python.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЧТЕНИЯ

Абансур Жерар (Abensour Gérard),

д. ф. н., профессор, Национальный институт языков и восточных цивилизаций (Париж, Франция)

Новый взгляд на «Федру» Александра Таирова
вызвал хвалебные отзывы Жана Кокто

En 1923 le «Kamerny teatr» présente au public parisien la version controversée de «Phèdre» qu'il vient de créer à Moscou. Cette interprétation suscite la réprobation sinon l'indignation de laplupart des critiques. Modifier radicalement la vision que l'on a de ce chef d'oeuvre de l'artclassique français, relève du blasphème. Dans sa mise en scène, Taïrov effectue une rupture parrapport à la tradition entretenue par la Comédie française. Bien que traduit en vers par un poète, Valéri Brioussov, le texte n'occupe qu'une place secondaire. Au sein d'un espace architectural constructiviste conçu par Alexandre Vesnine, se meuvent des personnages hiératiques, issus d'unpassé préhomérique. Le rythme musical de la langue de Racine est sacrifié au profit d'une visionsaturée de couleurs. Poète et dramaturge, Jean Cocteau est un des rares à prendre la défensed'un spectacle qui bouscule les traditions. Pour les artistes de la jeune génération Taïrov s'avèreun allié précieux dans le combat qu'ils mènent en faveur d'une esthétique nouvelle.

Ариас-Вихиль Марина Альбиновна,

к. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

«Дело Виктора Сержа» в документах Архива А. М. Горького

Кампания в защиту французского писателя и революционного деятеля Виктора Сержа ярко продемонстрировала возможности западного общественного мнения в решении политических проблем, связанных с защитой

прав личности в СССР. Случай уникальный, т. к. злключения в стране Советов многих других западных интеллектуалов не имели столь широкого резонанса. «Дело Виктора Сержа», в начале 1930-х гг. оказавшееся в центре внимания французских интеллектуалов, было прекращено в основном благодаря усилиям Р. Роллана и А. М. Горького, документальное свидетельство которых предоставляют материалы Архива А. М. Горького. Вопрос об освобождении и возвращении из ссылки В. Сержа стал предметом беседы Р. Роллана со Сталиным во время его приезда в Москву в июне 1935 г. Имеется переписка Роллана с А. М. Горьким на разных этапах прохождения «дела», а также переписка А. М. Горького с Г. Г. Ягодой по отдельным вопросам «дела», в частности, по вопросу возвращения рукописей писателя. Особый интерес представляет никогда не публиковавшееся ранее письмо французских писателей с просьбой об освобождении Виктора Сержа и предоставлении возможности покинуть СССР.

Анализ этих документов позволит не только проследить все этапы борьбы за прекращение «дела Виктора Сержа» и оценить роль участников, но и разобраться в аргументации двух сторон, определить значение выступлений в защиту В. Сержа в последовавшем вскоре отказе советских властей от диалога с западной интеллигенцией.

Гальцова Елена Дмитриевна,

д. ф. н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

История создания «Тиары века»: адаптации клоделевской трилогии И. Аксеновым и учебным театром Мейерхольда

Доклад посвящен исследованию проблемы восприятия французской религиозной культуры в рамках советской идеологии начала 1920-х гг. В докладе рассматривается история создания трагедии «Тиара века» — вольной композиции А. Аксенова по драмам П. Клоделя «Заложник» и «Тяжелый хлеб», составлявших, вместе с пьесой «Униженный Отец», трилогию, посвященную Папе Римскому (L'Otage, Le Pain Dur, Le Père Humilié, L'Otage, Le Pain dur). Пьеса И. Аксенова предназначалась для театра Вс. Мейерхольда и была поставлена в его учебных мастерских в 1922 г. (постановка В. Федорова, костюмы Л. Поповой). Предлагается сравнительный анализ текстов Клоделя и Аксенова с привлечением архивных материалов, а также восстановление истории постановки и реконструкция фрагментов спектакля.

Об интересе Мейерхольда к Клоделю свидетельствует упоминание в 1920 г. в репертуаре Театра РСФСР № 1 о пьесе «Златоглав» как готовящейся к постановке. Однако этому проекту не суждено было осуществиться. В то же время ректор ГИТИСа И. Аксенов, переводивший также и другие иностранные пьесы, берется за Трилогию. Выбор был не случаен. С одной стороны, он был прямо или косвенно инспирирован Луначарским, который поддерживал постановки Клоделя как один из образов «революционной мистерии» в Московском Камерном театре и который еще в 1914 г. писал о том, что пьеса «Заложник» воплощала идеалы героизма и самоотречения и тем самым превосходила профессиональные рамки. В театре Мейерхоль-

да из трилогии Клоделя собирались сделать не мистерию, а образцовую «трагедию», в которой происходят исторические события XIX в., связанные с последствиями Французской революции. Сравнительный анализ французского оригинала и перевода на русский язык свидетельствует не только об очевидных расхождениях с Клоделем, но и о парадоксальном стремлении Аксенова к максимальной верности источнику, который он должен был перерабатывать. Вопрос о переводе позволяет также прояснить соотношение между восприятием клоделевской эстетики и программой конструктивизма — стиля, в котором в интересующий нас период работали мастерские Мейерхольда. Анализ перевода и реконструкция фрагментов спектакля дают возможность проследить основные принципы культурного трансфера (Франция-СССР) на стыке религии и идеологии в ранний период развития советской культуры.

Данилова Ольга Сергеевна,

к. и. н., Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Николай Бердяев и Пьер Паскаль: встречи и воспоминания (1918–1935)

«Русский дневник» француза Пьера Паскаля — это подлинное зеркало ментальной истории России, специфическим образом отразившее время с 1916 по 1933 г. Мемуары аккумулируют не только анализ исторических событий, философских идей, но и психологические зарисовки; неординарные свидетельства этого «христианского большевика», француза, оказывающегося в своих размышлениях скорее русским интеллигентом, чем европейским интеллектуалом, были вроде пророчества [Pascal]. К сожалению, этот источник до сих пор не введен в отечественный научный оборот, за исключением нескольких переведенных глав и первого тома дневника, охватывающего 1916–1918 гг. [Паскаль, 2014], в то время как на французском языке из печати вышел пятый том дневника, редакторами которого стали Жак Катто — славист, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского, друг П. Паскаля и Софи Кёре — историк-архивист, автор первой биографии П. Паскаля [Pascal, 2014].

Воспоминания из дневника о Николае Бердяеве, опубликованные на французском языке работы Пьера Паскаля о нем или его упоминающие, документы его личных фондов и переписка из французских архивов (архив Института славяноведения в Париже, Библиотека современной документации (Нантер) составляют основу данного доклада. Все эти материалы, впервые полностью переведенные на русский язык, существенно дополняют сведения фонда Н. А. Бердяева в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). В анналах истории порой остаются фразы, за внешней простотой и лаконизмом которых таится поразительная глубина, мало того — целая философия. Именно к этому классу следует отнести высказывание Николая Бердяева в адрес Пьера Паскаля на очередном «дружеском и весьма вольном» собрании в 1918 г. вечерами по вторникам. После беседы с гостем Бердяев точно подметил, сказав, что Паскаль «более русский», чем он [Pascal, 1916–1918]. Уже само качественное, определитель-

ное наречие «более чем», с помощью которого во фразе характеризуется персонаж, образует превосходную степень сравнения: Бердяев, истинный народник, сочетающий в себе все русские качества от интеллигента-богоискателя до русского раскольника и нигилиста и французский русофил Паскаль. В докладе анализируется, в чем же француз «более русский» и почему он оказался к России ближе, нежели родной Франции?

Литература:

1. Паскаль П. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 592 с.
2. Pascal P. Journal de Russie (1928–1929). Editions Noir sur Blanc, 2014, 767 p.
3. Pascal P. Mon journal de Russie, à la mission militaire française. 1916–1918. Lausanne: L'Age d'Homme, 1975. 358 p.; Mon journal de Russie. En communisme 1918–1921. Lausanne: L'Age d'Homme, 1977. 226 p.; Mon journal de Russie. Mon état d'âme (1922–1926). Lausanne: L'Age d'Homme, 1982. 241 p.; Mon journal de Russie. Russie 1927. Lausanne: L'Age d'Homme, 1986. 294 p.
4. Pascal P. Mon journal de Russie, à la mission militaire française. 1916–1918. P. 270.

Данилова Ольга Сергеевна,

к. и. н., Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Кёре Софи (Coeuré Sophie),

Др. Сс., профессор, Университет им. Д. Дидро, Париж VII (Франция)

«Злой взгляд Сталина»:

Пьер Паскаль в Москве в 1928–1929 гг.

Le «Journal de Russie 1928–1929» est la transcription des cinq carnets noirs inédits qui constituent le dernier témoignage de Pierre Pascal. Beau-frère de Victor Serge, ami de Boris Souvarine, l'auteur appartient à la génération de révolutionnaires trahie par le stalinisme. Au fil des pages, il révèle les rouages de l'Internationale communiste, la persécution de l'Eglise orthodoxe, des paysans, des opposants au régime, la vie quotidienne à Moscou, à Leningrad ou dans les campagnes de «l'Outre-Volga». Sa plume est précise, vivante, souvent ironique. Réquisitoire intransigeant contre les dérives totalitaires staliniennes au moment même où elles apparaissent, cette «chronique d'une Révolution dénaturée» est aussi l'expression d'un amour profond, incinditionnel, pour le peuple russe, dont Pascal s'est appliqué sa vie durant à transmettre l'histoire, la culture et l'esprit.

Жукова Инга Валерьевна,

к. и. н., доцент, Уральский институт управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы) (Екатеринбург)

Интеллектуальная сеть взаимодействия:

левая критика тоталитарной системы в 1930–1940-е гг.

Как часто трудно бывает сказать, откуда появилась та или иная идея. Как часто трудно назвать некую общность людей, которые общаясь между собой эту идею сформулировали и запустили в мир. Это ни движение, ни

партия, ни кружок. Зачастую интеллектуалам тесны любые рамки формальных организаций. Но, тем не менее, ощущение некоторой общности есть. В этом случае предлагается рассмотреть такое понятие как «интеллектуальная сеть взаимодействия». Это неформальная структура, объединяющая людей по самым разным причинам. Историю создания интеллектуальной сети взаимодействия рассмотрим на конкретном историческом примере периода первой половины XX в.

Советская Россия после 1917 г. стала особым местом притяжения. Сюда на революцию со всего света стремились люди, мечтающие участвовать в построении идеального государства.

В данном случае предлагается рассмотреть франкофонных левых интеллектуалов, оказавшихся свидетелями, а точнее участниками русской революции. Это — Виктор Серж, Пьер Паскаль, Николай Лазаревич, Борис Суварин, Антон Чилига, Макс Истмен, Панаит Истрати и другие иностранные деятели левого движения, о которых пойдет речь, оказались своего рода связующим звеном между Россией и Западом. В первые годы советской власти они первыми представили западной публике русскую революцию, в эти годы они на стороне нового государства, но способность критически относиться к политике этого государства они никогда не теряли. За время, проведенное в России, они интегрировались в новое общество, но западная социализация не позволяет им раствориться в нем. Именно в этот период и именно в России они знакомятся и объединяются в условную группу, определяемую через личные контакты, общий жизненный опыт, близкие ценности. Они первыми описали превращение СССР в тоталитарное государство и сообщили об этом Западу.

Сохранение этого взаимодействия во многом связано с тесной сетью личных связей, общим опытом жизни в России. Одним из основных критериев «сети взаимодействия» берется регулярность контактов между всеми членами сети. Также в данном случае прослеживаются все основные принципы сетевой структуры, такие как, децентрализованная иерархия или ее полное отсутствие: в среде этих левых интеллектуалов нет формальной иерархии, но иногда может возникать некая иерархия, строящаяся всякий раз на разных основаниях: Суварин — самый крупный деятель в Коминтерне, лидер организационный; Серж — самый последовательный теоретик, интеллектуальный лидер; Лазаревич — самый душевный, друг для всех, эмоциональный лидер и т. д.; во-вторых, это множественная ролевая специализация: каждый член этой сети в тот или иной момент выполняет ту или иную роль в рамках данной сети, некоторые виды ролей закрепляются за определенным членом, Лазаревич — чаще всего он выполнял психологическую функцию, у Суварина — роль связующего звена с внешним миром, роль теоретика, преимущественно исторического плана; у Сержа — роль теоретика глобального плана, именно он в большей степени теоретически обобщил опыт левого антигиталитаризма, он также писатель, обладатель яркого художественного таланта и связующее звено с литературными кругами, у Паскаля — роль образованного мужа, вовлеченного в академическую науку, у Чилиги — роль теоретика по конкретным вопросам и теории госкапитализма, Истрати — в разные моменты выполнял

и психологическую, и организационную, и творческую функции; в-третьих, преимущественное внимание неформальным взаимодействиям, имеющим регулярный характер. Их контакты сформировались и крепились как раз тогда, когда они осознавали, что не одна из существующих формальных структур не может удовлетворить их потребности. Отметим еще одну характеристику сети взаимодействия — осознанную самоидентификацию некой общности.

Краева Татьяна Васильевна,

к. и. н., доцент, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Творчество французских писателей на страницах советского журнала «Интернациональная литература» в 1930-е гг.

В 1930-е гг. на волне антифашизма пробуждается интерес зарубежных деятелей культуры к СССР. Со своей стороны, советское руководство было заинтересовано в том, чтобы сделать их агентами своей культурной политики на Западе. В качестве канала циркуляции идей, политических и литературных, зачастую использовались печатные органы. Примером тому служит советский журнал «Интернациональная литература».

В СССР журнал выходил с 1933 по 1943 г. Основной его задачей была публикация произведений современных иностранных авторов. Первоначально журнал позиционировал себя как орган Международного объединения революционных писателей (МОРП), а с 1936 г., после роспуска МОРПа, являлся печатным органом Союза Советских писателей.

За период 1933–1936 гг. доступные номера «Интернациональной литературы» продемонстрировали следующую картину издания французских авторов: было осуществлено 32 публикации произведений художественной литературы и 19 критических статей о творчестве французских писателей. По количеству публикаций художественных произведений на страницах журнала выходит на первое место Андре Жид, на втором — Анри де Монтерлан, затем идут Ж.-Р. Блок, А. Мальро, Р. Роллан, Ж. Жионо и Ш. Вильдрак. Что касается литературной критики, советской и французской, для нее в 1933–1936 гг. наиболее популярным героем становится Анри Барбюс — 3 публикации, а также А. Жид и А. де Монтерлан — 2 публикации.

Редакция «Интернациональной литературы» знакомила читателей с биографиями французских авторов. Так, в 1935–1936 гг. были опубликованы биографии Р. Роллана, А. Жид, Ж. Жионо, Л. Дюртена, В. Маргерита, Эжена Даби, А. Барбюса.

Теоретические вопросы литературы, разрабатываемые на страницах журнала в контексте франко-советского диалога, представляют собой следующие направления: проблема соотношения французской литературы и советской, проблемы современной литературы во Франции, особенности советской литературы глазами французских интеллектуалов, размышления о понимании роли революционного писателя.

Политико-идеологический аспект отражался в виде заметок, хроник о деятельности секций МОРП, и в частности, созданной в 1932 г. фран-

цузской секции — АЕАР. Постоянным элементом был антифашизм АЕАР, повествование о методах и конкретных действиях ее членов по борьбе с фашизмом, а также многочисленные высказывания французских интеллектуалов о надвигающейся на мир фашистской и нацистской угрозах.

Одной из важнейших задач, стоящих перед редакцией журнала «Интернациональная литература», была не только публикация произведений французских авторов на страницах журнала, но и поддержание диалога с писателями. Исследование переписки показало, что редакция решала широкий круг вопросов, в том числе не только литературных, но и политико-идеологических, а методы и способы взаимодействия с каждым писателем были различны.

Основной темой переписки редакции с писателями являлись литературные вопросы. В частности, творческие планы авторов, их новые литературные замыслы, а также вопросы, связанные с публикациями этих новинок на страницах журнала «Интернациональная литература».

Редакция журнала выполняла также функции, направленные на обмен новинками французской и советской литературы, осуществляла переправку книг из СССР и получение интересующих изданий из Франции.

Идеологическая составляющая выражалась в следующих основных аспектах: подготовка авторитетными французскими писателями заказных статей, посвященных той или иной юбилейной дате в СССР, успехам социалистического строительства, а также предоставление сведений о политической благонадежности и лояльности по отношению к Советскому Союзу их коллег.

Т. о., в 1930-е гг. «Интернациональная литература» помимо выполнения таких функций, как знакомство советских читателей с французской литературой, показ торжества советской культуры за счет «прогрессивных» авторов Запада, выполняла важную роль в выстраивании советской культурной политики и втягивания французских интеллектуалов в орбиту своего влияния.

Легенькова Елизавета Александровна,

к. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Тайманова Татьяна Соломоновна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Советские писатели и власть:

ретроспективный взгляд Б. Суварина

Борис Суварин (1895–1984), историк, политолог, журналист, до сих пор считается во Франции одним из самых крупных знатоков и суровых критиков сталинского режима. Также он был и большим знатоком советской литературы, за развитием которой наблюдал на протяжении всей своей жизни. Со многими писателями (Горький, Замятин, Бабель, Пильняк, Фурманов, Эренбург...) он познакомился лично в начале 1920-х гг. во время своего пребывания в Советской России и с отдельными из них поддерживал отно-

шения вплоть до самого их исчезновения в годы сталинских репрессий. Как журналист, а впоследствии и издатель ряда общественно-публицистических журналов, Б. Суварин боролся своим пером за сохранение памяти об этих людях, стараясь донести до западного читателя информацию о тяжелом или даже трагическом положении современных ему советских писателей, о литературной политике в СССР и идеологическом давлении на тех, кто шел против течения. В его статьях разных лет, написанных большей частью после Второй Мировой войны, и, в частности, в годы хрущевской оттепели, к которой он отнесся с большим недоверием (статья о Б. Пастернаке и его «Докторе Живаго»), отражаются как личные воспоминания о встречах и беседах с некоторыми авторами, так и размышления о трагических судьбах писателей сквозь призму их отношений с советской властью. Отдельный интерес представляет статья, написанная в связи с выходом в начале 1960-х гг. в СССР воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

Статьи Б. Суварина, посвященные советской литературе, и опубликованные автором в разные годы в «Figaro», «Preuves», «Contrat social», «Est & Ouest», были переизданы во Франции в 2014 г. отдельным сборником с заголовком «Трагедия российской литературы» («La tragédie des lettres russes»). Предисловие к сборнику и комментарии написаны известным советологом Ж.-Л. Панне, бывшим секретарем Б. Суварина и автором единственной монографии о нем «Борис Суварин, первый, кто разочаровался в коммунизме» (Boris Souvarine, le premier désenchanté du communisme).

Майга Абубакар Абдулвахиду,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Алташина В. Д., д. ф. н., профессор

Северная Африка в рассказах о путешествиях
и творчество А. Жида

L'Afrique du Nord d'André Gide est une histoire d'amour, de passion, et surtout de découvertes inouïes ayant bouleversé l'existence même de ce grand écrivain-voyageur français dont les oeuvres suscitent toujours des débats dans les études littéraires. Mais André Gide a surtout brillé par ses nombreux voyages qui l'a emmené d'Italie en Russie après des séjours enrichissants en Suisse, Angleterre, Turquie, au Congo et au Tchad pour ne citer que ceux-ci. Cependant, c'est dans les pays d'Afrique du Nord que Gide se rend le plus souvent. Sous l'influence d'un orientalisme longtemps chanté dans la littérature française, les exploits de la colonisation aidant, Gide visite six fois l'Afrique du Nord en allant de la Tunisie à l'Égypte en passant par le Maroc. Mais il sera particulièrement fasciné par l'Algérie dont il avait «le coeur déchiré» à chaque fois qu'il devait le quitter. Il y retourne à plusieurs occasions, parfois en compagnie de sa femme, Madeleine, (sa cousine auprès de laquelle il trouve consolation et réconfort après la disparition de sa mère), parfois aussi en exil forcé comme durant la seconde guerre mondiale.

En Afrique du Nord, Gide ne découvre pas seulement le plaisir de l'exotisme et les avantages de l'altérité dont il fera l'éloge pendant encore longtemps, il y fait également des rencontres intéressantes comme celle avec Oscar Wilde à Al-

ger; mais sa plus grande rencontre, il la fera avec lui-même lorsqu'il se découvre spontanément homosexuel à Biskra lors de son tout premier voyage en 1893. Entre ses allées et retours, André Gide a eu à publier ses «notes de voyage» dans différentes revues littéraires comme «Mercure de France», mais c'est dans «Si le grainne meurt» (1924) et (un peu dans les «Les nouvelles nourritures» (1935)) qu'il fait le résumé de ses séjours maghrébins. Quant à l'Égypte, il la découvre en janvier 1939 lorsqu'il décide de répondre à la «proposition du directeur des fouilles de Louxor» en se rendant au Caire. De ce voyage, il publie «Carnets d'Égypte», un récit concis qui met en exergue un Gide exténué et constamment plongé dans les souvenirs du passé. Néanmoins, les «Carnets d'Égypte» nous édifient sur les rencontres du voyageur et les lieux historiques qu'il a pu visiter en Égypte.

Il est évident que le style gidien et son audace à dire les choses avec une sincérité démesurée ont dû choquer nombre de ses contemporains. Il rentrait rarement d'un déplacement sans apporter quelque chose de scandaleux ou de provocateur dans ses récits. Cela dit, Gide, très tôt convaincu dès ses vingt-cinq ans (1894) que «la vie n'est pas séparable des oeuvres» [Martin, 1980], s'est aussi illustré par une approche littéraire qui consiste à puiser dans ses impressions de voyage pour rédiger ses romans. C'est ainsi que les oeuvres comme «Les nourritures terrestres» (1895) et «L'immoraliste» (1920) ont été élaborées à partir des épreuves vécues lors de ses tournées en Algérie et en Tunisie. Ce faisant, Gide apparaît à nos yeux aujourd'hui comme un pionnier de «l'autofiction». C'est à ce Gide, irrémédiablement épris du monde méditerranéen, que nous tenterons d'emboîter les pas en Afrique du Nord dans notre communication.

Литература:

Martin C. La maturité d'André Gide, de Paludes à l'Immoraliste (1895–1902) // Université de Paris IV. Thèse soutenue le 23 novembre 1973. Service de reproduction de thèses de l'Université de Lille III, 1980, p. 13.

Осипова Ольга Константиновна,

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

Революционная пьеса Поля Эрвье «Теруань де Мерикур»

Кросскультурная коммуникация между Россией и Францией 1920–1930-х гг. затрагивает также и театр. После революции 1917 г. советский театр неоднократно обращался к теме Французской революции: режиссеры искали определенного «созвучия» между этими двумя историческими событиями. В начале 1920-х в Москве и Петрограде появляются спектакли «Смерть Дантона» и «Дантон». К таким же попыткам поиска соответствий относится и постановка драмы Поля Эрвье «Теруань де Мерикур» в театре Дворца Октябрьской революции, премьера которого состоялась в 1919 г.

На советской сцене спектакль шел под названием «Карманьола». В то время французские революционные песни были хорошо известны отечественному зрителю, некоторые даже инсценировались (например, в театре-студии ХПСРО). Можно предположить, что для нового советского зрителя тема французской революции стала хорошо известна, однако имя Теруань де Мерикур было не так популярно, как имена Дантона и Робеспьера, по-

этому название спектакля было изменено. Теруань де Мерикур — реальный исторический персонаж, хорошо известный во Франции. Считается, что именно ее изобразил Делакруа на своей известной картине «Свобода, ведущая народ». Также есть распространенное мнение, что именно она вела толпу 5 октября 1789 г. в Версаль с требованием хлеба.

Если для простого советского зрителя эта революционерка была малоизвестна, то для образованной публики того времени образ Теруань де Мерикур был знаком. Мы можем найти замечание Александра Блока, которое относится к 1920-м гг.: «Когда думали о пьесах с главной женской ролью, то вспоминали: Антигону, Марию Стюарт, Сафо (Грильпарцера), трагедии Расина, Корнеля, Герцогиню Падуанскую (Уайльда), Марион де Лорм (Гюго), Воители в Гельголанде, или Северные богатыри (Иордис), Орлеанскую деву, Теруань де Мернкур (Эрвьё), Лизистрату (Аристофана)» [Блок, 1962].

Пьесы французского драматурга Поля Эрвьё (1857–1915) неоднократно появлялись на русской сцене до революции 1917 г., однако писатель утратил свою былую популярность. В своих произведениях Эрвьё, в основном, описывал современное ему французское общество; «Теруань де Мерикур» — его единственная пьеса на историческую тему. Пьеса была написана специально для великой Сары Бернар, но, к сожалению, она не имела большого успеха. Та же судьба постигла драму и на советской сцене. Французского зрителя должна была привлекать судьба несчастной Теруань, поддерживавшей жирондистов, которая потеряла рассудок, когда 13 мая 1793 г. толпа якобински настроенных женщин жестоко ее избила. Последний акт, когда Теруань находится в доме для умалишенных, — лучший для раскрытия таланта актрисы. Зрителям Дворца Октябрьской революции такой образ революционерки, с тонкой душевной организацией, которая пострадала от рук других революционеров, был чужд.

В итоге дальнейших постановок драмы не было, пресса о спектакле промолчала. На примере театра 1920-х гг. мы видим, что на советской сцене появляется ряд спектаклей, в основу которых положены события Французской революции, при этом не все инсценировки были удачными. Так, мы можем говорить о явном влиянии французской культуры на советскую культуру рассматриваемого периода.

Литература:

Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т / под общ. ред. В. Н. Орлова и др.; вступ. ст., подг. текста и примеч. В. Орлова. Т. 6. М.; Л.: Гослитиздат. Ленингр. отд.-ние, 1962. С. 477.

Рябов Анатолий Аркадьевич,

к. филос. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Влияние идей и личности русских философов-эмигрантов во Франции в 1-й половине XX в. на развитие французской философии: случай — парадокс — казус А. Койре и А. Кожева

В конце XIX — начале XX вв. русская философия получает новый и весьма сильный импульс развития, во многом обусловленный ее тесным взаимодействием с новейшими течениями, идеями и проблемами европейской

мысли. Этому развитию в немалой степени способствовало ставшее с петровских времен уже традиционным обучение русских людей в европейских университетах, когда целая группа молодых русских философов продолжает свое философское образование в Европе, и в частности, в Германии и во Франции под руководством и при участии ведущих европейских мыслителей того времени.

В составе этого движения оказались А. В. Койранский (1892–1964) и А. В. Кожевников (1902–1968), которые впоследствии стали полноправными гражданами Франции под именами А. Койре и А. Кожев. Парадокс — феномен этих русских философов-эмигрантов заключается, прежде всего, в их философском «интернационализме», ибо они, являясь русскими мыслителями по своему происхождению и ментальности, утверждали и развивали во Франции не столько идеи и проблемы русской философии, сколько именно европейской, главным образом, немецкой философии. Более того, вопреки сложившемуся в тот период доминированию в западной философии таких направлений, как неокантианство, интуитивизм и философия жизни, они, опираясь на труды Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Г. Фреге и др., радикально развернули французскую философию к совершенно неизвестному ей (за исключением работы Ж. Валя, 1929) гегельянству. Но и здесь было принципиально новое прочтение гегелевской философии, прежде всего, «Феноменологии духа», которое включало в себя и будущие феноменализм, экзистенциализм, персонализм и даже структурализм и другие направления, ставшие главными во французской и европейской философии XX в. Оба мыслителя с начала 1930-х гг. работали в Высшей школе практических исследований, где читали курс по гегелевской философии религии. И если А. Койре исследует и комментирует ранние работы Гегеля, то А. Кожев уже в 1933–1939 гг. организует свой знаменитый семинар, посвященный новой интерпретации и пониманию религии в «Феноменологии духа», которая неожиданным образом через феноменологию «желания желания», диалектику «господина и раба», идеи смерти и принципиальной конечности человека превращается в философско-религиозную антропологию столь актуального ныне «конца истории». Парадоксальность и оригинальность самой трактовки содержания текстов Гегеля дополнялась парадоксальной формой проведения семинаров, когда русский философ А. Койре сначала на блестящем немецком языке зачитывал аудитории различные фрагменты данной работы, затем тут же переводил их на французский, после чего подвергал их неожиданной интерпретации, буквально завораживая и приводя в восторг сотворчества многочисленных и весьма искушенных слушателей. Среди этих слушателей были такие, ставшие впоследствии знаменитыми, мыслители, как Р. Арон, Ж. Батай, А. Бретон, Э. Вейль, Ж. Ипполит, Р. Кайуа, П. Колоссовски, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти и, в том числе, А. Койре.

Таким образом, можно утверждать, что творческие контакты французских и русских мыслителей этого периода представляют несомненный интерес как для исследователей, работающих в области истории философии, так и для истории франко-русских культурных связей.

Рябова Людмила Константиновна,
к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Культурная жизнь Франции на страницах советских литературных журналов 1920-х гг.

В Советской России 1920-х гг. культурная жизнь Франции продолжала оставаться предметом пристального внимания определенного круга читателей. Вопреки сложившемуся представлению о крайней степени политизации периодики этого времени, исключительно классовом подходе к отбору материала, жесткой цензуре и блокировании информации о жизни европейских стран на страницах советских журналов различной направленности, прежде всего, литературных и художественных, размещалась емкая информация о событиях культурной жизни Запада, в том числе Франции. Хроника культурной жизни содержала сведения о литературных новинках, выставках, книжных магазинах, издательствах и других явлениях культуры, а также о писателях, художниках и деятелях культуры иных сфер.

Из множества журналов, издававшихся как Госиздатом, так и частными издательствами, наибольший интерес представляют «Красная новь», «Печать и революция», «Книга и революция». Любопытны и такие издания, как «Россия», «Новый мир» «Творчество», «Русский современник», «Звезда», «Новая Россия», «Знамя», «Вестник иностранной литературы» и другие. Весьма разнообразные журнальные разделы и рубрики — рецензии, хроника, литературные обзоры, разделы: «На Западе», специальный раздел «Франция», «Сношения с Россией», «Русская литература и искусство за границей» и другие давали читателям достаточно полное представление о культурных событиях Франции. Почти в каждом номере на страницах этих журналов помещались статьи о творчестве французских писателей и художников, очерки, рецензии на переведенные на русский язык и выходящие в России произведения французских авторов, а также вышедшие во Франции на французском языке. Круг авторов, чье творчество было представлено в журналах, был достаточно широк и включал имена как уже знаменитые, так и менее известные: А. Барбюс, А. Франс, Ж. Дюамель, А. де Ренье, К. Фаррер, А. Гильбо и др. Анализировалось творчество художников — П. Сезанна, Э. Дега и др. — и различные направления в искусстве.

Регулярно публиковались сведения и опроизведениях русских классиков и эмигрантских авторов, в том числе, мемуарах, вышедших во Франции. Наиболее интересными представляются публикации, в которых сообщалось о франко-русских (эмигрантских) культурных связях в Париже, например, о деятельности «Общества спасения русской книги», обсуждение опубликованного в Париже романа А. Толстого «Хождение по мукам» и другие. Знакомство с публикациями в литературных журналах 1920-х гг., посвященными французской литературе и искусству, позволяет заключить, что большинство из них были свободны от идеологии или политики и продолжали традицию дореволюционной практики культурных связей.

Семенова Наталья Валерьевна,

к. ф. н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Советские писатели в Париже 1930-х гг.:

взгляд путешественника и командированного

В конце 1920 — начале 1930-х гг. в СССР обостряется разница в статусах путешественника и командированного. Примером служит скандал вокруг предполагавшейся поездки Осипа и Лили Брик в Париж. На страницах прессы им были предъявлены обвинения в том, что они использовали казенные средства в своих личных целях. Через несколько дней вышло опровержение этой информации, а после хлопот Маяковского паре выдали визы.

За точку отсчета при рассмотрении проблемы путешественника vs. командированного принимаются высказывания С. Франк «путешествие — это практика культурного освоения пространства» и Е. Пономарева о том, что «советский травелог создает идеологически правильную картину Запада». Возникает вопрос, где граница между готовностью воспринять новые впечатления и уже сформировавшимся комплексом ожиданий. Зависит ли перцепция страны от статуса поездки (деловая или личная)? Наконец, можно ли наблюдать противоречие в текстах для массового читателя и единичного (письма, дневниковые записи)?

В 1930-е гг. в качестве путешественников за границей оказались И. Ильф и Петров, а также Б. Лавренев и др. Последний в одном из своих зарубежных писем сообщал о том, что в Париже собралась колония советских писателей. Заметки Лавренева интересны тем, что в них сочетается отмеченный выше взгляд путешественника, осваивающего новое пространство, и мировосприятие советского человека, по-своему подготовленного ко встрече с Западом. Наблюдения Лавренева коррелируют с наблюдениями К. Федина, посетившего Францию в одно время с первым.

В середине 1930-х гг. за границей оказались М. Кольцов (в качестве специального корреспондента газеты «Правда»), И. Эренбург, М. Горький, А. Толстой, В. Кирион, Б. Пастернак, Ф. Панферов, Н. Тихонов, Вс. Иванов. Все они принимали участие как в Международном конгрессе писателей в защиту культуры (1935), так и в состоявшемся на год раньше Первом съезде советских писателей. Сопоставительному анализу их выступлений будет посвящена часть доклада. Основной вопрос при этом — насколько отличались высказывания о культуре и литературе, сделанные на крупных форумах внутри и вне СССР.

Сиржоль Мари-Кристин (Sirejols Marie, Christine),

д. иск., профессор, Новая Сорбонна, Париж III (Франция)

Леон Муссиак, «проводник» советской культуры во Франции

Quoiqu'il n'ait jamais eu la notoriété de Barbusse ou de Gide, Léon Mousiniac est une personnalité importante dans les échanges culturels franco-soviétiques de l'entre-deux guerres. Connu avant tout comme critique de cinéma — il a publié dès 1928 un livre consacré au *Cinéma soviétique* plusieurs

fois réédité et fait connaître en France les films d'Eisenstein — il est également меттеур en scène militant, атеур de romans et d'essais sur la mise en scène et les décors de théâtre et un ardent défenseur du théâtre soviétique d'avant garde. Mais surtout, il est le rédacteur en chef ou le collaborateur infatigable de plusieurs revues de gauche proches de l'URSS. Lui même membre du parti communiste français, il voyage à plusieurs reprises en Russie, publie au retour des livres de témoignage et intervient constamment dans les débats politiques et artistiques des années trente. Fondateur de la revue de photoreportage *Regards* en 1932, rédacteur en chef des premiers numéros de la *Littérature internationale* publiée à partir de 1933 à Moscou, Moussinac écrit régulièrement dans la revue *Commune*, organe officiel de l'Association des Ecrivains et Artistes Révolutionnaires créée en 1933 et dirige à partir de 1935 les Editions Sociales Internationales où il s'efforce entre autres de faire connaître au public français la jeune littérature soviétique. En étroites relations avec la Commission étrangère de l'Union des écrivains d'URSS, Moussinac devient peu à peu un fidèle exécutant de la politique culturelle de l'Union soviétique.

Слуцкая Людмила Владимировна,

к. и. н., доцент, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Советский Союз 1920–1930-х гг. в произведениях французского левого интеллектуала Анри Гильбо: эволюция взглядов

Французский левый интеллектуал Анри Гильбо является ярким примером российско-французских связей, в том числе литературных. Имя создателя первой биографии В. И. Ленина не пользуется широкой известностью как в России, так и на Западе. В лучшем случае в европейских исследованиях его деятельность рассматривается в политическом контексте или же относительно основанного им во Франции ежемесячного литературного журнала «*Demain*». Тем не менее его литературная и публицистическая деятельность была не менее значимой, чем политическая. Творческое наследие Гильбо в нашей стране до сих пор основательно не изучено, несмотря на то, что большинство его работ посвящены СССР 1920–1930-х гг.

На русском языке в свет вышли только те труды французского интеллектуала, которые были написаны им либо до прибытия в Советскую Россию (1919 г.), либо во время пребывания в советской стране (1919–1922). Для работ этого периода характерно восторженное отношение к строительству нового Советского государства. Однако после смерти Ленина и отъезда Гильбо в Европу вектор его рассуждений об СССР меняет свою направленность. Произведения, написанные им в конце 1920-х — 1930-е гг., отражают кардинальную эволюцию взглядов французского интеллектуала. В этих работах он выступил с критических позиций по отношению к советскому режиму и его лидерам.

В контексте данной проблематики особый интерес представляют те произведения Анри Гильбо, в которых не только прослеживается эволюция его взглядов, но раскрываются возможности кросскультурной коммуника-

ции Франции и России в данный период. Среди этих произведений можно выделить воспоминания «Из Кремля в Шерш-миди» [Guilbeaux, 1933], две скандальные книги «Конец Советов» [Guilbeaux, 1937a], «Ленин не был коммунистом» [Guilbeaux, 1937b] и другие работы французского интеллектуала.

Литература:

1. *Guilbeaux H.* Du Kremlin au Cherche-midi. Paris, 1933.
2. *Guilbeaux H.* Le fin de Soviets. Paris, 1937.
3. *Guilbeaux H.* Lénine n'était pascommuniste. Paris, 1937.

Тайманова Татьяна Соломоновна,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Чепига Валентина Петровна,

к. ф. н., преподаватель, Национальный институт языков и восточных цивилизаций (Париж, Франция)

Лексико-исторический анализ развития тоталитарной терминологии в статьях Бориса Суварина

«В Сталине я видел секретаря ЦК. А роль секретаря, даже генерально-го, я понимал как роль человека, отдающего распоряжения машинисткам, следящего за тем, чтобы гасили свет в помещениях», — вспоминал в 1980 г. в интервью Михаилу Геллеру Борис Суварин, — «равнодушный к теории <...> Сталин постепенно достиг высот, на которых от „успехов“ началось у него головокружение, превратившееся в конце в паранойю». Этой цитатой можно определить историю видения фигуры Сталина Б. Сувариным. На протяжении всей своей карьеры, как политической, так и журналистической, Б. Суварин занимался наблюдениями, анализом и комментированием ситуации, которую можно определить как *рождение-становление-существование «сталинизма»*.

Кроме собственно исторической составляющей, Б. Суварина интересовали терминологические приемы, связанные с данным историческим явлением. Так, если в 1923–1924 гг. Б. Суварин определяет рождение «сталинизма» как ‘manœuvres’ (действия, приёмы), ‘pseudo-communisme’ (псевдокоммунизм), используя такие негативно окрашенные лексические единицы как ‘nuisible’ (причиняющий вред), ‘inadmissible’ (неприемлемый), то в 1927 г. он уже называет явление, используя выражение ‘politique stalinienne’ (сталинская политика), а в 1935 г. использует термин ‘stalinisme’ (сталинизм). На конференции, проходившей в октябре 1964 г. в Стенфордском университете Б. Суварин также делает доклад на тему «сталинизма».

Б. Суварин является автором нескольких статей, которые в той или иной мере отражают его отношение к изучаемому явлению. Из статей более позднего периода работы Б. Суварина для нашего исследования наибольший интерес представляют следующие: «Un Caligula à Moscou» (1953), «Khrouchtchev confirme le BEIPI et persiste dans le stalinisme» (1956), «Staline: pourquoi comment» (1977). В указанных работах представляется

возможным провести диахронический анализ становления, развития, изменения и употребления лексем, относящихся к выработке терминологии тоталитаризма, а также сравнить их с более ранней позицией Б. Суварина по данному вопросу. Предварительно можно сделать следующие выводы: Б. Суварин постепенно переходит от активной позиции участника в политической жизни СССР к позиции наблюдателя. Это находит свое отражение и в лексике, которую использует Б. Суварин применительно к понятиям «сталинизма» (в более широком смысле, и «тоталитаризма») — от негативно открашенной лексики и точечных зарождающихся терминов к нейтральной лексике и устойчивой терминологии.

Фокин Сергей Леонидович,

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Кто вы, Пьер Паскаль? (О «Русском дневнике 1928–1929 гг.»)

В настоящее время французская славистика переживает не лучшие времена, ввиду радикальной трансформации самого образа России в последнее десятилетие, обусловленное возрождением имперских притязаний страны, в недавнем прошлом решительно отброшенную в среду «униженных и оскорбленных», стран-изгоев.

Свидетельством перемены самого взгляда французских исследователей России являются как появление ряда работ ревизионистского толка, в которых само внимание к России списывается на действие своего рода «русского иллюзии», или «русского мифа», под власть которых будто бы подпали несколько поколений французских славистов и интеллектуалов XX в., приписывавших России собственные «французские страсти»: одним из самых характерных документов этого нового порядка французской славистики является книга выдающегося французского знатока России А. Безансона «Святая Русь» (2012), в которой тема «утраченных иллюзий» является не только доминирующей, но и нивелирующей реальные ценности того, что составляет пантеон французской славистики.

В этом отношении представляется совсем не случайным, что одним из «козлов отпущения» для А. Безансона становится Пьер Паскаль, своего рода «серый кардинал» французской славистики, под чьим прямым или косвенным руководством формировались несколько поколений французских славистов. Действительно, Пьер Паскаль (1890–1983) — одна из самых загадочных фигур русско-французских интеллектуальных взаимосвязей XX в. Ревностный католик и блистательный выпускник Эколь Нормаль, он, оказавшись в России в 1918 г., превращается в страстного большевика, избрав Русскую революцию стихией своего существования; по возвращении в 1933 г. во Францию он вскоре становится профессором Сорбонны, безоговорочным мэтром французской славистики, переводчиком Достоевского, пронеся через всю жизнь тайну, которую бессильны были разгадать многие коллеги и ученики, не простившие ему неучастия в разоблачении «русского мифа».

Публикация в 2014 г. «Русского дневника 1928–1929 гг.» П. Паскаля, равно как фундаментальной биографии основоположника современной

французской славистики, принадлежащей перу Софии Кёре, профессора Университета Париж VII, проливают новый свет на мотивы и движущие силы тех французских ученых, в которых неизбывная привязанность к «миллой Франции» сочеталась с неустанным поиском того «иногоде» (ailleurs), которым виделась им извечная Россия, безотносительно к тому, кто в ней были у власти: царь, Политбюро, генеральный секретарь или президент всея Руси.

Харитонова Наталия Юрьевна,

Ph. D., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы РАН (Москва)

История Панаита Истрати, рассказанная на страницах советской печати

Франко-румынский писатель Панаит Истрати, которого называли балканским Максимом Горьким, дважды побывал в СССР, где он смог не только посмотреть страну, но и познакомиться со многими советскими и иностранными литературными деятелями, сотрудничавшими в международных писательских организациях. Истрати становится членом редакции журнала «Вестник иностранной литературы», в 1928 г. печатает на его страницах свои произведения, переведенные с французского языка — роман «Михаил» и «Репейники Барагана». Его сочинения анализируют известные советские критики, к примеру, Иван Анисимов.

Однако после того, как Истрати занимает критическую позицию по отношению к СССР, его образ претерпевает значительные изменения на страницах советской печати. Из друга Советского Союза он превращается в «ренегата», «врага», «троцкиста» и «фашиста». Отметим, что в это время Истрати был не единственным литератором, представление о котором резко меняется в связи с изменением его позиции, достаточно вспомнить Виктора Сержа, который в середине 1930-х годов и позже становится своеобразным символом ренегатства и троцкизма.

Очевидно, что в случае Истрати внутри- и внешнеполитическое положение Советского Союза играет решающую роль: критика советского режима в то время воспринималась, как крайне опасный демарш, страна настойчиво искала союзников за рубежом и с крайним нетерпением относилась к ренегатам. Однако весь драматизм ситуации Истрати заключался в том, что кампания против него развернулась не только в СССР, но и во Франции. Опасная дружба с Советским Союзом закончилась для него жизненным поражением. Материалы советской печати, «Вестника иностранной литературы», «Литературы мировой революции», «Правды», «Известий», «Литературной газеты» позволяют проследить ту траекторию представления о писателе, которое средства массовой информации формировали у советского читателя.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ	3
Динамика русского литературного процесса XIX в.	—
Литературная культура России XVIII в.	18
Литературный процесс в России первой половины XX в.	25
Русская литература XX–XXI вв.	34
Сравнительное изучение литератур	46
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	89
Грамматика и лексикон	—
Психолингвистика	117
Социолингвистика	135
РОМАНО-ГЕРМАНИСТИКА	154
Грамматика (Романо-германистика)	—
История языка (Романо-германистика)	188
Лексикология и фразеология (Романо-германистика)	209
РУССКИЙ ЯЗЫК	274
Грамматика (Русско-славянский цикл)	—
История русского языка	281
Лексикология. Лексикография (Русско-славянский цикл)	298
Русская диалектология	318
Русский язык и ментальность	332
Русский язык как иностранный и методика его преподавания	340
Стилистика	369
СЛАВИСТИКА	382
Андреевские чтения (Славянские литературы и литературные взаимосвязи)	—
Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики	394
Славяно-германская компаративистика	411
Славянское языкознание	420
Устойчивые сравнения в системе фразеологии	430

ДРУГИЕ СЕКЦИИ	464
Балканистика, неоэллинистика и византистика	—
Библия и христианская письменность	488
История языкознания	500
Кино текст	509
Классическая филология	545
Полевая лингвистика	553
Прикладная и математическая лингвистика	569
Проблемы изучения русского стиха	586
Проблемы модерна и постмодерна	588
Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков	611
Теоретические аспекты гуманитарных исследований	648
Тестология	661
Уралистика	674
Федоровские чтения	693
Фольклор Новейшего времени, постфольклор и вопросы традиции	735
Фонетика	747
Французские чтения	765